

Утверждение Русскаго владычества на Кавказѣ. Томъ III-й. Часть 1-я. Подъ руководствомъ начальника штаба Кавказскаго военнаго округа ген.-лейт. Н. Н. Бѣлявскаго. Составленъ въ военно-историческомъ отдѣлѣ подъ редакціей генералъ-маіора Потто.

Тифлисъ, 4-ка, 4 нел., IV, 2 нел. XI, 527 и XVIII стр., съ 4 превосходно исполненными портретами, рисункомъ похода въ Дагестанъ и 7 картами, раздѣлена на 20 главъ, изъ которыхъ 14 посвящены дѣятельности А. П. Ермолова. Въ сочиненіи участвовали, кромѣ генералъ-маіора В. А. Потто, подполковники Н. С. Яновъ и В. И. Томкеевъ.

Нельзя относиться иначе какъ съ полнымъ сочувствіемъ къ трудамъ дѣятелей завоевывающихъ, „погибельный“ нѣкогда „Кавказъ“ силою знанія. По части исторіи и народовѣдѣнія Кавказъ сдѣлался достояніемъ науки болѣе другихъ окраинъ Россіи. Не даромъ такъ обильно поливался онъ въ теченіе многихъ лѣтъ кровью, которая по выраженію покойнаго Каткова—цементъ человѣческихъ содѣяній. Да и самъ по себѣ чудный край этотъ, кромѣ разнообразія природы, а населенія въ каждомъ углу своемъ, манитъ къ себѣ изслѣдователя: десятки вѣковъ оставили на Кавказѣ до сихъ поръ удѣлѣвшіе слѣды свои.

Первыя слабыя попытки изученія Кавказа начались еще при князѣ Воронцовѣ (біографія Котляревскаго), но особенно посчастливилось ему въ этомъ отношеніи со времени управле-

нія Великаго Князя Михаила Николаевича, любовь котораго къ исторіи и древностямъ и благосклонное вниманіе къ труженникамъ здраваго просвѣщенія засвидѣтельствованы въ Дневникѣ И. М. Сивгирева, помѣщаемомъ въ „Русскомъ Архивѣ“.

Читатели найдутъ въ настоящей книгѣ крайне любопытную исторію Кавказа до 1826 года. Тутъ и военный, но несвоекорыстный Хлестаковъ Медоксъ (стр. 131—136) Итальянецъ Дельпоццо, одинъ изъ главныхъ дѣятелей, въ плѣну у горцевъ (стр. 139—142) и братья Вельяминовы, и князь Мадатовъ, и надъ всѣми ими монументальный образъ Ермолова, подвигамъ котораго посвящена большая часть книги. Авторы даровито воспользовались разбросанными въ разныхъ изданіяхъ свѣдѣніями о немъ и прибавили къ тому многое извлеченное изъ Тифлисскихъ архивовъ. Это конечно лучше, чѣмъ до сихъ поръ написано объ этомъ удивительномъ человѣкѣ, успѣхи котораго въ управленіи объясняются и тѣмъ довѣріемъ, которымъ онъ пользовался у императора Александра Павловича. Петербургъ не мѣшалъ ему. Подобно своему пріятелю князю Воронцову, Ермоловъ обезпечилъ себѣ свободу дѣятельности, а съ новымъ царствованіемъ начались такіе порядки, что даже Н. Н. Муравьевъ очутился подъ тайнымъ надзоромъ. Приведенные въ книгѣ приказы Ермолова кратки и выразительны. Видно, что Ермоловъ читалъ Римскихъ историковъ, и на это указываетъ у него самое словосочиненіе. Государственныя способности Алексѣя Петровича проявились во всемъ блескѣ. У него были оба условія дер-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ.

1904.

3.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

(Рукопись) „странствуетъ темными путями или
гдѣ нибудь долго лежитъ въ пыли, доколѣ найдеть ее
жадный глазъ и достанеть долгая рука археолога“.

Московскій митрополитъ Филаретъ.

1904.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

1904.

Приложение къ „Русскому Архиву“ 1904 г.

ЗЕЛЬМИРА
Принцесса Вюртембергская.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ.

Библиотека "Руниверс"

ПРИНЦЕССА ЗЕЛЬМИРА.

(Prinzessin Auguste v. Württemberg. Von Harald Baron Toll. Reval 1901. Малая 8-ка, 86 стр.).

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 года (кн. I-я) уже была рѣчь объ этой злополучной принцессѣ, по поводу писемъ Екатерины къ егермейстеру Польману ¹⁾. Извлекаемъ подробности о ней и объ ужасной кончинѣ ея изъ прекраснаго труда многоуважаемаго барона Толя. Небольшая, но многосодержательная книжка этого Ревельскаго историческаго писателя служить убѣдительнѣйшимъ опроверженіемъ клеветы на Екатерину, распространенной въ Германіи въ разныхъ книгахъ, романахъ и пр. Екатерина почему-то звала принцессу Августу Зельмирою, вѣроятно по имени какой либо героини во Французскихъ трагедіяхъ²⁾. Удерживаемъ за нею это имя.

Принцесса Августа родилась 3 Декабря 1764 года. Она была дочь Брауншвейгъ - Вольфенбютельскаго герцога Карла и принцессы Августы (дочери принца Валійскаго, позднѣе Англійскаго короля Георга). Отецъ ея отличился въ Семилѣтнюю войну и съ 1773 года, будучи еще только наслѣднымъ принцемъ, состоялъ на Прусской службѣ генераломъ - отъ-инфантеріи. Стало быть, дѣтство принцессы протекло въ обстановкѣ военнаго быта. Но съ 1775 года она живетъ уже въ Брауншвейгскомъ дворцѣ, такъ какъ ея дѣдъ, герцогъ Карлъ I, сдѣлалъ отца ея своимъ соправителемъ и отдалъ въ его вѣдѣніе Брауншвейгское герцогство, состоявшее всего изъ 60 квадратныхъ миль и 150,000 жителей и приносящее доходу не свыше полутора милліона талеровъ. Правленіе въ Брауншвейгѣ при Карлѣ I-мъ было такое же, какъ почти во всѣхъ мелкихъ Нѣмецкихъ земляхъ въ эпоху Фридриха Великаго: правитель старался внѣшнимъ блескомъ уподобляться болѣе сильнымъ князьямъ и въ дѣлахъ внутреннихъ быть самовластцемъ, ставя ни во что своихъ подданныхъ. Карлъ I-й предавался безумной роскоши; у него была Итальянская опера, Французскій балетъ, наложницы, своя монета и забавы въ муштрованіи солдатъ. Надѣлавъ долгу милліоновъ

¹⁾ Превосходныя и полныя живаго содержанія письма эти сбережены Леопольдиною Польманъ, урожд. Бременъ, и нынѣ хранятся въ Ревелѣ, въ архивѣ Эстляндскаго губернскаго управленія. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 года напечатаны они по спискамъ, которые были любезно сообщены намъ барономъ Толемъ. П. Б.

²⁾ Въ большомъ Словарѣ Ларусса значится Zelmire, tragédie en cinq actes et en vers, par de Belloy (1762).

12 талеровъ и не умѣя самъ выпутаться, онъ передалъ управленіе герцогствомъ своему наслѣднику, какъ соправителю.

Англія находилась тогда въ очень затруднительномъ положеніи: для борьбы съ своими Сѣвероамериканскими колоніями у нея было всего 15,000 человѣкъ войска. Ей надо было удвоить или даже утроить это число наймомъ войскъ иностранныхъ, и она рассчитывала сторговать у Россіи до 20,000 человѣкъ, но ошиблась въ расчетѣ: императрица Екатерина не согласилась на такую сдѣлку. Поставщиками солдатъ для укрощенія Американцевъ явились князья Германіи. Брауншвейгскій соправитель конечно не былъ такъ опытенъ въ этой торговлѣ, какъ ландграфъ Гессенкасельскій Фридрихъ II-й: этотъ ландграфъ велъ дѣло такъ успѣшно, что къ концу Семилѣтней войны Кассель сдѣлался городомъ дворцовъ и искусственныхъ насажденій, обзавелся художественными произведеніями и картинными галереями. Однако, черезъ нѣсколько лѣтъ оказалось, что и для Брауншвейга прибыленъ былъ заключенный въ 1776 г. съ Англіею договоръ, по которому герцогъ получалъ (кромѣ 30 кронъ или 51½ Прусскихъ талера за каждого солдата и столько же въ уплату за каждого убитаго) по 64,500 кронъ ежегодно, пока шла война; а по окончаніи ея еще два года по 12900 кронъ. Въ Америку Брауншвейгъ выставилъ не менѣе 4300 солдатъ пѣшихъ и конныхъ. Англичане не скупились, полагая, что черезъ годъ или два возстаніе колонистовъ будетъ подавлено. Наслѣдный Брауншвейгскій принцъ (про котораго Мирабѣ будто бы сказалъ, что онъ человѣкъ рѣдкаго закала, но слишкомъ мудрець, чтобы люди мудрые могли его опасаться) былъ отличный генералъ. Онъ расчелъ вѣрнѣе Англичанъ: наемныя войска, которыхъ разные Нѣмецкіе князья предоставили Англіи въ количествѣ до 30 тысячъ человѣкъ, могли возвратиться домой только осенью 1783 и весною 1784 года. Слѣдовательно Брауншвейгъ заработалъ свыше 6¼ милліоновъ кронъ, и его владѣтелямъ опять было изъ чего тратиться, и юность принцессы Зельмиры протекла во всей роскоши; но когда деньги, добытыя кровью подданныхъ, были растрочены, пришлось вновь скупиться и выгадывать на мелочахъ.

Воспитаніе принцессы Зельмиры и ея младшей сестры Каролины (позднѣе несчастной супруги Англійскаго короля Георга IV-го, который велъ съ нею знаменитую тяжбу, срамную для обоихъ), протекло въ пышной обстановкѣ двора и конечно было весьма легкое. Умственной работы никакой. Разсѣянность, мелочность, полуобразованность. Отецъ ея по кончинѣ Карла I (26 Марта 1780 года) сдѣлался владѣтельнымъ герцогомъ, а 27 Октября того же года, Зельмира, 15 лѣтъ отъ роду, обвиняемая съ Виртембергскимъ принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ-Карломъ. Года за два предъ тѣмъ Екатерина II полагала, что Зельмиру выдадутъ за Петра Ольденбургскаго (сына принца Жоржа), но тотъ женился на сестрѣ нашей Маріи Фёдоровны Фредерикѣ. Отецъ Зельмиры въ то время, когда она жила подъ Ревелемъ въ замкѣ Лѣде, въ 1787 г., командовалъ Прусскимъ войскомъ въ Голландіи, а за тѣмъ въ

1793 и 1794 былъ главнокомандующимъ въ несчастной войнѣ Пруссіи съ Франціею. Въ 1806 году, уже старикомъ, онъ также находился во главѣ Прусскихъ войскъ. Въ битвѣ при Ауерштетѣ онъ лишился обоихъ глазъ. Французы заняли его герцогство, и онъ умеръ въ Альтонаѣ 10 Ноября 1806 г. У него было четыре сына, братья нашей Зельмиры; но они не приняли участія въ судьбѣ сестры, которая и не могла получить приданаго, которое бы дало ей возможность жить сообразно привычкамъ ея. Четвертый, младшій, отличился въ битвѣ при Катрбрѣ въ Нидерландахъ, въ 1815 году, другой сынъ былъ слѣпецъ, а два полоумные. Счастья въ этой семьѣ не было.

Оба эти царственные дома, Брауншвейгскій и Виртембергскій, останки старой феодальной Германіи, не умѣвшіе, подобно Бурбонамъ, ничего забыть и чему-либо научиться, имѣли для Россіи въ XVIII-мъ и въ особенности въ первую четверть XIX вѣка, существенное значеніе: ради ихъ, прямо и косвенно, пролито немало Русской крови. Нынѣ составляется краснорѣчивая карта Германіи съ обозначеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, сражаясь, погибали наши соотечественники. Начиная съ царевича Алексѣя Петровича и кончая королевою Ольгою Николаевною Брауншвейгскій и Виртембергскій княжескіе дома находились въ близкихъ родственныхъ сношеніяхъ съ нашимъ царскимъ семействомъ.

Мужъ Зельмиры, Фридрихъ-Вильгельмъ-Карлъ, родившійся 6 Ноября 1754 года, слѣдовательно однолѣтокъ съ нашимъ Павломъ Петровичемъ, былъ по матери своей внукомъ четвертой сестры Фридриха Великаго, который умѣлъ покровительствовать своимъ родственникамъ и пользоваться ими для своихъ ближайшихъ и далекихъ цѣлей. Это старшій братъ нашей Маріи Теодоровны. У нея было всего восемь братьевъ и три сестры. Всѣ они Лютеране, а отецъ ихъ Фридрихъ - Евгенийъ Католикъ и въ молодости даже готовился поступить въ духовное званіе. Въ 1759 году онъ состоялъ на Прусской службѣ и раненъ подъ Кунерсдорфомъ. Онъ былъ тогда комендантомъ въ Штетинѣ (гдѣ и родилась наша Марія Теодоровна), а въ 1769 году поселился въ Эльзасѣ, на границѣ Швейцаріи и Франціи, въ Момпельгардѣ (по Французскому произношенію Монбельярѣ). Средствъ существованія соответственно званію для такой многолюдной семьи не доставало, и всѣ сыновья принца Фридриха-Евгенія поступили на чужую службу. Людвигъ женился на княжнѣ Чарторижской ¹⁾ и добивался, по кончинѣ Августа III-го, чтобы его выбрали на Польскій престолъ; Евгенийъ и Генрихъ служили въ Пруссіи, Вильгельмъ въ Даніи, Фердинандъ въ Неаполѣ и въ Австріи, Александръ въ Россіи (раненый подъ Киліею, онъ впоследствии вѣдалъ у насъ путями сообщенія ²⁾). Самый младшій изъ братьевъ Карлъ умеръ тоже на

¹⁾ Это первая его супруга. По свидѣтельству Екатерины онъ ее бивалъ и заставлялъ снимать съ себя сапоги. Они развелись, и принцесса Генріета Нассауская (вѣроятно въ надеждѣ богатыхъ милостей изъ Петербурга) рѣшилась быть его второю женою.

²⁾ У него была шивка на лбу (по французски l'ure), и племянникъ его, великій

нашей службѣ въ Августѣ 1791 года (Потемкинъ нечаянно сѣлъ на его похоронныя дроги, и въ этомъ увидалъ предзнаменованіе собственной кончины). Старшему брату Фридриху-Вильгельму, получившему хорошее образованіе въ Лозаннѣ, ловкому и хитрому, особенно повезло. Фридрихъ Великій произвелъ его въ генераль-маіоры. Съ Сентября 1779 по Февраль 1780 г. съ своимъ наставникомъ Голандомъ онъ прожилъ въ Петербургѣ, въ гостяхъ у сестры своей и пользовался благорасположеніемъ Екатерины, цѣнившей его умъ и образованность. Онъ былъ тогда вѣроятно еще строенъ и не походилъ грузною толщиною на своего родителя (бюстъ сего послѣдняго въ Гатчинскомъ дворцѣ).

Первые годы свой брачной жизни провелъ онъ въ Прусской Силезіи, въ Любенѣ, и тамъ 27 Сентября 1781 г. Зельмира родила ему сына Вильгельма (впослѣдствіи втораго короля Виртембергскаго, женатаго на нашей Екатеринѣ Павловнѣ). По свидѣтельству графа Гёрца (позднѣе Прусскаго посланника въ Петербургѣ) уже тогда между супругами начались нелады. Вскорѣ пришлось Фридриху-Вильгельму покинуть Прусскую службу. Въ это время въ Вѣнѣ гостили наши графъ и графиня Сѣверные, и неожиданно для нихъ пріѣхали туда родители Маріи Феодоровны съ своею второю дочерью, отроковицею Елисаветою. Бездѣтный императоръ Іосифъ, не задолго передъ тѣмъ видѣвшійся съ Екатериною въ Могилевѣ (гдѣ тогда и былъ заложенъ прекрасный храмъ во имя Іосифа-Обручника) согласился женить на ней своего племянника (будущаго императора Франца II-го). Кажется, что хлопотать объ этомъ упростила свою державную свекровь старшая сестра принцессы Елисаветы. Про Австрію сложилась поговорка: *tu, Austria, nibe* (ты, Австрія, брачуй); но въ искусствѣ брачеванія и Фридрихъ былъ не промахъ. Его страшила мысль о томъ, что въ Австріи и Россіи императрицами будутъ со временемъ родныя сестры. Ему хотѣлось женить на принцессѣ Елисаветѣ своего наслѣдника; но поперечить Екатеринѣ (которая уже звала его тогда старымъ Иродомъ) онъ не могъ. Послѣ этого принцу Фридриху-Вильгельму неловко было оставаться въ Прусской службѣ. Онъ уволился, уѣхалъ въ Венецію и сопровождалъ сестру и зятя въ ихъ путешествіи по Италіи.

20 Ноября 1782 года цесаревичъ и его супруга возвратились въ Петербургъ (въ Берлинъ они не заѣзжали). Конечно, по просьбѣ своей невѣстки, Екатерина позволила старшему ея брату, которому нечего было дѣлать въ Момбельярѣ, снова пріѣхать въ Петербургъ уже съ женою и ребенкомъ. Они прибыли въ Октябрѣ 1782 г. Мужу тотчасъ же дана должность Выборгскаго генераль-губернатора и пожалованъ чинъ генер.-лейтенанта. Кромѣ того онъ получилъ аренду и выстроилъ себѣ за Выборгомъ Монрепо, въ воспоминаніе о Лозаннѣ, гдѣ онъ жилъ на дачѣ съ этимъ именемъ. На его супругу надѣтъ Екатерининскій орденъ, а въ началѣ 1785 года подаренъ ей большой домъ на Мохо-

нязъ Михаилъ Павловичъ, звалъ его „дядюшка Лупандинъ“. Союзъ этой острогѣ придавала тогда Параша-Сибирячка Лупандина, сдѣлавшаяся извѣстною во всей Россіи. (Она добралась изъ глубины Сибири въ Петербургъ по какому-то дѣлу).

вой, на углу Пантелеймоновской улицы ¹⁾. Въ Россіи, въ четыре года, у нихъ родились двѣ дочери Доротея (умершая младенцемъ), Екатерина, впоследствии королева Вестфальская, и сынъ Павелъ, отецъ нашей Елены Павловны, но вопреки этому плотородію, согласія между супругами не было. Екатерина пишетъ Потемкину: „Виртембергская принцесса была въ Эрмитажѣ съ опухшими отъ слезъ глазами, такъ что смотрѣть на нее было жалко; съ мужемъ своимъ она, говорятъ, живетъ какъ кошка съ собакой“. Онъ отлучался въ Выборгъ, близъ котораго строилъ себѣ Монрепо, а въ 1783 году нѣсколько мѣсяцевъ провелъ въ Новороссійскомъ краю, временно былъ Херсонскимъ губернаторомъ и, по порученію князя Потемкина, дѣйствовавшего его распорядительность, завѣдывалъ мѣрами противъ чумы. Она съ дѣтьми жила у себя на Моховой; онъ, развѣвшись на Русскихъ хлѣбахъ, вѣроятно уже тогда обзавелся такимъ непомѣрнымъ животомъ, что впоследствии, на пирахъ Вѣнскаго конгресса, могъ кушать не иначе, какъ за столомъ съ особымъ выемомъ; она была прекрасна, какъ видно по ея приложенному здѣсь портрету ²⁾. Частые роды вѣроятно дѣйствовали на ея здоровье. Она сдѣлалась задумчива и молчалива. Нелады между супругами перешли во взаимную ненависть. Кто виноватъ? Г-нъ баронъ Гаральдъ Толь говоритъ, что нельзя винить только супруга, что конечно виновата и Зельмира и ея вину объясняетъ „распушенностью нрава при большомъ дворѣ на Невѣ“. Но вѣдь такую же распушенностью отличались почти всѣ тогдашніе Европейскіе дворы. Лучше ли было въ Германіи, въ Швеціи, въ Даніи, въ Берлинѣ у короля съ его вкусами? Напротивъ, дворъ Екатерины отличался сравнительнымъ благоприличіемъ, и преданія о распушенности перенесены на него отъ временъ Елисаветы Петровны, которой съ самаго дѣтства негдѣ было навъкнуть порядку и приличію. Намъ случалось бесѣдовать о томъ съ покойнымъ графомъ А. И. Рибопьеромъ (†1865). Онъ замѣтилъ намъ, что Екатеринѣ Великой все прощалось ради ея неутомимаго усердія ко благу Россіи.

Принцесса Зельмира чувствовала себя одинокою въ Петербургѣ, и съ нею холодно обращалась сестра ея супруга, великая княгиня Марія Феодоровна (всего на три года ея старше и также красавица собою). Сочувствіе встрѣчала она въ Императрицѣ, которая однако отказывалась высказать о ней свое мнѣніе, такъ какъ она „постоянно въ задумчивости и не раскрываетъ рта“. 24 лѣтняя принцесса должна была прибѣгать къ защитѣ Государыни. Въ Апрельѣ 1785 года мужъ приколотилъ ее, вырвалъ у нея клокъ волосъ и заперъ въ особую комнату. Зельмира написала письмо къ царицѣ и выбросила его въ форточку, полицейскій поднялъ письмо, и оно дошло въ Зимній дворецъ. Вслѣдъ за тѣмъ принцу велѣно ѣхать одному къ мѣсту его служенія

¹⁾ Домъ принцессы Августы проданъ былъ, когда она уже находилась въ замкѣ Лодѣ, Рибопьеру; затѣмъ въ наши дни онъ принадлежалъ С. И. Мальцову, потомъ принцу Ольденбургскому. Это цѣлая усадьба; она свидѣтельствуетъ о щедротѣ Екатерины Великой.

²⁾ За сообщеніе этого портрета приносимъ благодарность нашу г-ну барону Гаральду Толю, для котораго онъ снятъ въ Виртембергѣ.

въ Выборгѣ, гдѣ онъ, по свидѣтельству Шпренгпортена, заводилъ какія-то связи съ Шведскимъ правительствомъ. Екатерина писала въ Брауншвейгъ о несчастномъ положеніи Зельмиры. Тутъ повидимому наступило временное примиреніе, такъ какъ принцесса съ дѣтьми въ Сентябрѣ того же года ѣздила въ Монрепд. Но въ 1786 году отношенія снова обострились и сдѣлались невозможными.

Государыня давно собиралась лично полюбоваться обезпеченіемъ южныхъ предѣловъ своей державы, которымъ уже не грозили тогда опустошительные набѣги Татаръ (въ дни ея воцаренія Фридрихъ II-й подущалъ ихъ вторгнуться въ Россію, а въ 1768 году они успѣли съечь слободу города Воронежа Придачу). Знаменитое Таврическое путешествіе, которое намѣчено вслѣдъ за присоединеніемъ Крыма и нѣсколько лѣтъ сряду отерочивалось, издержки котораго платились даже уѣздными городами, должно было начаться выѣздомъ изъ Царскаго Села, въ первые дни новаго 1787 года. За двѣ до того недѣли, 17 Декабря 1786 года въ Эрмитажѣ было послѣднее прощальное собраніе. Когда оно оканчивалось, несчастная принцесса кинулась къ ногамъ Екатерины, распространилась въ обвиненіяхъ мужа и умоляла дать ей убѣжище въ Зимнемъ дворцѣ, такъ какъ съ отъѣздомъ Государыни изъ Петербурга останется она беззащитна. Объ этомъ рассказываетъ Сегюръ въ своихъ Запискахъ; случай былъ такъ рѣзокъ, что Сегюръ донесъ о томъ и Людовику XVI-му. Конечно, Екатерина вспомнила, какъ нѣкогда и съ нею обращался супругъ ея. Къ тому же принцесса находилась въ родствѣ съ новымъ союзникомъ Россіи, Иосифомъ II-мъ, благодаря отчасти молчаливому невмѣшательству котораго, оплаченному остудою нашею къ Пруссіи, и состоялось присоединеніе Крыма.

Просьба принцессы была исполнена, и ей отведены покои въ Зимнемъ дворцѣ; супругу дано знать, чтобъ онъ ѣхалъ въ Германію въ годичный отпускъ, и что принцесса поѣдетъ къ родителямъ. Ходатайство сестры не могло быть уважено: именно въ это время Екатерина, и прежде негодовавшая на свою невѣстку за то, что она не хочетъ учиться Русскому языку, а предается роскоши, раздражена была противъ нее по поводу ея письма къ Потемкину о томъ, чтобы девятилѣтняго старшаго ея сына не увозили изъ Петербурга въ дальній путь. Между тѣмъ путь этотъ, по мысли Екатерины, долженъ былъ имѣть важное образовательное значеніе для будущаго Русскаго государя, и несомнѣнно, что, познакомся тогда же даровитый Александръ съ Россіею, вся его дальнѣйшая дѣятельность получила бы иное направленіе. Онъ остался въ Чухонскомъ, полурусскомъ краю, на рукахъ космополита Лагарпа, который олицетворялъ въ себѣ то, что А. С. Хомяковъ мѣтко называлъ „пустоцвѣтомъ Швейцаріи“. Дядюшкѣ его приказано не являться къ Императрицѣ для прощанія, и онъ съ дѣтьми убрался за границу, гдѣ Фридриха Великаго уже не было въ живыхъ († 6 Авг. 1786). Черезъ годъ, когда началась Турецкая война, онъ просился принять въ ней участіе, но Государыня не согласилась. Тогда онъ долженъ былъ подать въ отставку, и Екатерина, не смотря на просьбу сестры его, отказалась своеручно подписать указъ объ его увольне-

ни из Русской службы. Въ особенности неугоденъ былъ онъ Екатеринѣ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣлъ на цесаревича Павла по части обращенія людей въ машины, по тѣмъ Прусскимъ военнымъ порядкамъ, которые заводились въ его Кирасирскомъ полку, которые по его воцареніи такъ развились у насъ и отъ которыхъ, въ теченіе слишкомъ полувѣка, такъ натерпѣлся Русскій народъ. Въ кратковременное царствованіе своего супруга Екатерина довольно на-смотрѣлась, каковы эти Прусскіе порядки. Обучавшійся въ Лозаннѣ принцъ Виртембергскій былъ человѣкъ хитрый, умѣвшій тонкими способами устраивать дѣла свои. Доказательствомъ тому служить, что онъ вскорѣ женился вторично на дочери Англійскаго короля Георга III-го, а къ Наполеону такъ умѣлъ подбитися, измѣняя выгодамъ Германіи, что тотъ возвелъ его въ королевское достоинство. Онъ и первая его супруга имѣли для Екатерины нѣкоторое политическое значеніе: его приняла она въ нашу службу, угождая тѣмъ и своей невѣсткѣ, и ея дѣду-дядѣ Фридриху Великому; а принцессу ласкала и защищала въ угоду ея родственника Иосифа II-го.

Оставить принцессу Зельмиру въ Петербургѣ было невозможно: случай въ Эрмитажѣ былъ слишкомъ гласенъ. Посланъ нарѣчный въ Брауншвейгъ передать о происшедшемъ ея родителямъ. Но герцогъ Брауншвейгскій былъ тогда на службѣ въ Голандіи, а герцогиня безъ него затруднялась рѣшеніемъ дочерней судьбы. Кажется, что оба они, и отецъ и мать, оставались въ сущности довольны тѣмъ, что дочь ихъ получила отъ Екатерины такое убѣжище въ Россіи, какого они не могли ей предоставить у себя. Они только обѣщались прислать отъ себя уполномоченнаго для переговоровъ. Уполномоченный долго не ѣхалъ, и вотъ почему принцессѣ пришлось провести въ Лѣде около двадцати мѣсяцевъ въ незнаніи о томъ, чтѣ съ нею будетъ дальше. Екатерина же, въ виду своего отъѣзда на Югъ, должна была поспѣшить рѣшеніемъ. Случай въ Эрмитажѣ произошелъ 17 Декабря, а 22-го къ Екатеринѣ уже явился изъ своего Эстляндскаго помѣстья, Кодиля, сосѣдняго съ замкомъ Лѣде, не задолго передъ тѣмъ овдовѣвшій, отставной егермейстеръ Рейнгольдъ (или, какъ звали его у насъ, Вилимъ Романовичъ) Польманъ, въ опытныхъ руки котораго, казавшіяся Екатеринѣ вполне надежными, вручена была судьба молодой и прекрасной принцессы.

Екатерина знала Польмана (род. 9 Апрѣля 1727) еще въ царствованіе Елисаветы Петровны, когда она управляла по желанію своего супруга дѣлами его Голштинскаго герцогства; Польманъ же причислялся къ Голштинской службѣ и считался Голштинскимъ егермейстеромъ. Повидимому былъ онъ изъ числа тѣхъ болѣе или менѣе темныхъ людей, которыми канцлеръ графъ Бестужевъ умышленно окружалъ наследника престола черезъ С. В. Салтыкова. Вѣроятно еще въ царствованіе Петра III-го онъ сумѣлъ сойтись съ Орловыми и, можетъ быть, чѣмъ либо содѣйствовалъ и успѣху воцаренія Екатерины. Въ 1765 году дали ему за что-то 20 т. рублей и поручили главное управленіе Царскимъ Селомъ. Нынѣшній дворецъ въ Гатчинѣ строился для князя Г. Г. Орлова подъ наблюденіемъ Польмана, по планамъ архитектора Ринальди. Онъ же, по приказанію Екатерины, покупалъ

ея любимцу собраніе оружія у Брюля. Когда Орлову въ 1771 г. пожалованъ былъ замокъ Лёде, сосѣдъ Польшманъ могъ еще чаще съ нимъ видаться. Близость его къ Орлову видна уже изъ того, что онъ расписывался въ полученіи Орловымъ денегъ, которыя дарила ему Екатерина. Понемногу Польшманъ изъ бѣдныхъ помѣщиковъ сдѣлался весьма зажиточнымъ человѣкомъ, получилъ званіе Русскаго егермейстера, скупалъ себѣ мызы, приобрѣлъ большой домъ въ Ревелѣ на лучшей тамошней Морской улицѣ, въ Петербургѣ ходатайствовалъ по дѣламъ Эстляндскихъ дворянъ. Въ 1778 году, когда значеніе князя Орлова уже миновало, вышелъ онъ въ отставку съ чиномъ генераль-лейтенанта и поселился въ своемъ имѣніи близъ замка Лёде. Екатерина, въ память Орлова, сохраняла къ нему свое благорасположеніе.

При тогдашнихъ долгихъ путяхъ сообщенія, отвѣтъ изъ Брауншвейга не могъ придти скоро, и его приходилось отсылать къ Государынѣ въ Кіевъ. Послѣ разгласившагося происшествія въ Эрмитажѣ, оставлять принцессу въ Зимнемъ дворцѣ одну, при враждебномъ къ ней настроеніи Маріи Федоровны и самого Павла Петровича, который лишался возможности поучаться у шурина выправкѣ своего Кирасирскаго полка, тоже было невозможно. Петергофъ зимою необитаемъ. Царское Село слишкомъ близко отъ столицы. Между тѣмъ необходимо, чтобы сплетни и молва поулеглись, пока принцесса уѣдетъ въ Германію. Оставался Ревель съ приспособленнымъ къ зимнему житію Екатерининталемъ (гдѣ въ 1773 году живалъ князь Орловъ, а позднѣе поселился на долгіе годы Бобринскій); но и тамъ было бы не безъ огласки. Екатерина, столь одаренная умною находчивостью, выбрала отдаленный отъ Ревеля на нѣсколько верстъ замокъ Лёде, гдѣ принцесса могла спокойно выждать рѣшенія родителей своихъ.

Замокъ Лёде отданъ былъ въ полное распоряженіе Польшману: велѣно было изъять его и мызы принадлежавшія къ нему изъ вѣдомства Эстляндскаго губернскаго управленія; мѣстныя власти не могли провѣрять дѣйствій Польшмана, въ отвѣтъ былъ онъ во всемъ прямо передъ Государыней. На приспособленіе замка къ пребыванію принцессы Зельмиры Екатерина приказала тратить всѣ доходы съ этого имѣнія и все чтò поступило съ него въ казну за истекавшій 1786 годъ (годовой доходъ былъ около 7 т. рублей, деньги по тому времени значительныя).

Достопочтенный баронъ Толь посвящаетъ нѣсколько страницъ своего изслѣдованія замку Лёде, состоянію Эстляндіи въ XVIII вѣкѣ и бѣдственному положенію тамошнихъ помѣщиковъ послѣ Сѣверной войны; но ни словомъ не обмолвился онъ о томъ, что прекрасный край этотъ процвѣлъ только съ поступленіемъ въ Русское подданство. При Датчанахъ и при Шведсахъ натерпѣлся онъ всяческихъ бѣдъ, а всего болѣе изнурила его внутренняя борьба между богатыми землевладѣльцами, захватившими по принятіи лютеранства и церковныя имущества, съ трудолюбивымъ торговымъ и промышленнымъ населеніемъ. Ревельскіе рыцари и такъ называемые бюргеры

непрестанно обижали другъ друга. Покойный графъ Кейзерлингъ, на прогулкѣ съ нами, спускаясь съ Вышгорода на Морскую улицу, остановился на одной тѣсной площадкѣ и сказалъ, что въ былыя времена не проходило нѣсколькихъ дней, чтобы она не обливалась кровью. Низшія сословія грабили великолѣпныя усадьбы рыцарей, которые въ свою очередь мстили имъ жестоко. На Ревельскомъ Вышгородѣ, неподалеку отъ воздвигнутаго недавно нашего собора, есть вѣковѣчная башня подъ названіемъ Кикинибекъ, что на старинномъ Нѣмецкомъ языкѣ значитъ „Гляди въ кухню“ (Guck-in die Küche); отсюда рыцари наблюдали, въ какой изъ бюргерскихъ домовъ привозились товары и разное имущество, чтобы тотчасъ пограбить. Но когда принцессу Зельмиру повезли въ Эстляндію, прекрасный край уже пользовался гражданскимъ спокойствіемъ.

Старинный замокъ Лøde (старше Ревеля), нынѣ собственность графа Льва Николаевича Буксгевдена, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ средневѣковыхъ сооружений. Столпостѣны его воздвигнулись еще въ XIII столѣтіи, въ оборону отъ Эстонцовъ, которые издавна населяли тотъ край и, покоренные Меченосцами, не забывали о своей свободѣ. Замокъ находится недалеко отъ того Золотаго Ключа (Goldenbeck), гдѣ произошло кровавое избиеніе туземцевъ освирѣпѣлыми носителями меча и креста. Золотымъ ключомъ раздроблено цѣлое племя, оставшееся на многіе вѣка въ страшномъ рабствѣ, которое начинало ослабѣвать только въ XVIII столѣтіи подѣ владычествомъ Русскимъ. Екатерина купила замокъ Лøde въ казну за 450 т. рублей для князя Орлова у генерала Лøvена, того самаго, который командовалъ собранными въ Ораніенбаумѣ при Петрѣ III-мъ Голштинскими солдатами. Князь Орловъ нѣсколько времени жилъ тамъ, и конечно при немъ покои замка были украшены и приспособлены къ роскошной жизни. Тутъ, должно быть, и хозяйничалъ услужливый сосѣдъ Польманъ. По смерти князя Екатерина купила этотъ замокъ у его братьевъ графовъ Орловыхъ за 150 т. рублей. Покупки совершалъ сосѣдъ Польманъ, хорошо знавшій это превосходное помѣстье съ плодородною землею и прекрасными лѣсами. Князь Орловъ владѣлъ имъ въ теченіи 12 лѣтъ, и конечно не было пощажено денегъ на его благоустройство. Замокъ огроменъ, о двухъ ярусахъ, съ башнями, и стоитъ какъ бы на острову, окруженный рвами съ водою. Пишущему эти строки довелось, лѣтомъ 1887 года, провести на пути изъ Галсаля въ Лаулáсмю (близъ Фалля) двое сутокъ въ Лøde и пользоваться гостепримствомъ любезныхъ его обитателей, графа Льва Николаевича Буксгевдена, матери его графини Елисаветы Львовны (ур. Крыловой), его бабки Аделаиды Александровны (урожденной Струковой), графини Стакельбергъ и его тетки, графини Натальи Александровны Буксгевденъ же (изъ этихъ трехъ вдовъ три, какъ и владѣлецъ, были православны). Память о наслѣдственной кончинѣ принцессы Зельмиры еще живо сохранялась въ замкѣ. Помнили по преданію, какъ оживленъ былъ при ней замокъ: танцовали до бѣла-утра, и положено было не прекращать пляски, пока не истрепятся атласныя башмачки. Говорили и о коврѣ въ угловой комнатѣ съ пятнами крови. Тоже подтверждалъ намъ и почтенный пасторъ Павелъ Эбергардъ въ при-

ходской церкви въ Гольденбекѣ, гдѣ нынѣ похоронена принцесса, проведенная въ Лѣде двадцать послѣднихъ мѣсяцевъ своей кратковременной жизни.

Мы уже видѣли, что императрица Екатерина умно и заботливо отнеслась къ участи обиженной мужемъ молодой Зельмиры. Оскорбленная мужемъ, полузабытая родителями и братьями, разлученная съ тремя дѣтьми, принцесса выѣхала изъ Петербурга 30 Декабря 1786 года, въ сопровожденіи Польшмана, своей фрейлины Зандеръ, пріѣхавшей съ нею въ Россію изъ Германіи, вдовы-майорши Вильде, Француза Ромена (Romain), вѣроятно повара, его жены и двухъ офицеровъ прислужниковъ. Изъ Гапсала къ ней отряженъ былъ уѣздный врачъ Рубенъ. Если судить по письмамъ Екатерины къ Польшману, принцесса могла на свободѣ, вполне отдохнуть отъ пережитыхъ ею въ Петербургѣ тревогъ, и въ Лѣде жилось ей хорошо. Хотя переговоры съ Брауншвейгомъ все еще тянулись, но принцесса знала, что тамъ ей будетъ хуже и мирилась съ положеніемъ своимъ. Старшую дочь ея взялась воспитывать Монбельярская свекровь ея, а гдѣ росли оба сына-младенца, не знаемъ. Сначала ея удаленіе изъ Петербурга покрывалось тайною, но потомъ Екатерина не только соглашалась, чтобы по зимамъ она жила въ Ревелѣ и пользовалась обществомъ Эстляндскаго дворянства, но даже заботилась о покупкѣ или наймѣ *) для нея дома въ Ревелѣ. Зная, что принцесса любитъ читать, Екатерина посылала ей Французскія книги. Принцесса вполне довѣрилась своему гофмаршалу и, не спросивъ у него, не ѣздила даже кататься. Покойный Егоръ Ивановичъ Бревернъ, занимавшійся разслѣдованіемъ о ней, по порученію великой княгини Елены Павловны, читалъ письмо принцессино къ Екатеринѣ съ похвалами Польшману и съ выраженіемъ полного удовольствія.

Но не даромъ Екатерина сказала Храповицкому: „Если бы Польшману не было 60 лѣтъ, то можно бы подумать, что онъ любовникъ принцессы“. Такъ оно и вышло. Лица, прибывшія съ принцессой изъ Петербурга, были подъ разными предлогами удаляемы; даже пріѣзжавшій изъ Брауншвейга отъ родителей ея Шрёдеръ не былъ къ ней допущенъ. Послѣдствія связи обнаружились. Можно себѣ вообразить чтѣ должно было происходить между старикомъ недавно овдовѣвшимъ и самовластно хозяйничавшимъ въ замкѣ и 24 лѣтнею женщиною-красавицею.

21-го Сентября 1788 года пришла отъ Польшмана въ Зимній дворецъ эстафета, извѣщавшая, что 16 числа принцесса скончалась „отъ застоя крови, чтѣ съ нею и прежде бывало“.

Въ тотъ же день, по приказанію Екатерины, графъ Безбородко написалъ Польшману; но о чемъ именно, неизвѣстно (письмо это не сохранилось). Польшманъ медлилъ отвѣтомъ. 10-го Октября отъ него еще не было ничего

*) Имѣлся въ виду большой домъ на Вышгородѣ, нынѣ принадлежащій барону Унгерну-Стернбергу, съ великолѣпнымъ видомъ на море и на весь чудный Ревель (Въ этомъ домѣ прекрасный портретъ Петра Великаго).

получено, и въ ожиданіи отъ него отвѣта, послано краткое увѣдомленіе въ Брауншвейгъ, а 19 Ноября снова отправленъ курьеръ въ Лёде съ приказаніемъ, чтобы по желанію родителей доставлено было точное увѣдомленіе о болѣзни и рановременной кончинѣ принцессы. Спрашивали и маіоршу Вейде, которая тогда была въ отпуску въ Петербургъ, но та ничего не посмѣла сказать (вѣроятно потомъ послали ее въ Лёде за вещами, бриліантами и бумагами покойницы). Лишь 14 Октября, т. е. почти черезъ мѣсяцъ по кончинѣ, гробъ съ тѣломъ Зельмиры поставленъ въ покойницкую часовню при Гольденбекской церкви на тотъ случай, если родители пожелаютъ перевезти его къ себѣ, на ея родину; но такого желанія они не изъявили.

Старый любодѣй Польшманъ не только не оправдалъ довѣрія Государыни, но жестоко ее обманулъ. Сколько намъ извѣстно, онъ не былъ наказанъ и прожилъ до 1796 года. Совершенное въ замкѣ Лёде злодѣяніе открылось глубокою тайной, и въ этомъ можно винить Екатерину, а конечно не въ томъ, что она будто ревновала Мамонова къ Зельмиръ, какъ злорадно утверждали въ Германіи. Баронъ Толь справедливо замѣчаетъ, что въ 1788 году Екатерина было не до замка Лёде (такъ были круты тогда обстоятельства Россіи) и что въ Польшманѣ Екатерина пощадила память князи Орлова (котораго онъ вѣроятно также обманывалъ). На престолѣ не подобаетъ сознаваться въ сдѣланной ошибкѣ, какъ говаривалъ графъ Д. Н. Блудовъ.

Такъ какъ изъ Брауншвейга не получалось заявленій, то приказано перенести изъ покойническаго зданія гробъ съ тѣломъ принцессы въ лѣвый уголъ Гольденбекской кирки, что и было исполнено втихомолку. Тамъ этотъ гробъ и простоялъ многіе годы. Старшій сынъ Зельмиры, второй король Виртембергскій, по кончинѣ супруги и двоюродной сестры своей Екатерины Павловны, пріѣзжалъ въ 1819 году въ Варшаву на свиданіе съ императоромъ Александромъ, и по его желанію состоялось высочайшее повелѣніе негласно разслѣдовать Польшманово дѣло и предать землѣ жертву его любострастія. Для этого Эстляндскій губернаторъ баронъ Будбергъ отобралъ показанія отъ дочери пастора Дала, который служилъ при Гольденбекской киркѣ съ 1748 года по самую смерть (1796). Показанія этой Дали на Французскомъ языкѣ были поданы 25 Октября 1819 года и началась секретная переписка съ Ригой и Петербургомъ. Изъ этихъ показаній приведемъ дополненіе къ вышеизложенному.

Зельмира, поселившись въ Лёде, считалась сначала родственницею Польшмана, и онъ никого не допускалъ до нея изъ ревности. „По рассказамъ, которые сама я слышала“, пишетъ Даль, „и по сохранившемуся въ окрестностяхъ замка преданію, однажды работавшимъ въ полѣ мужикамъ послышался изъ замка раздирающій крикъ. Пospѣшившій туда врачъ не былъ допущенъ, и ему сказали, что принцесса и генералъ Польшманъ заперлись. Врачъ тоже слышалъ крики, которые мало по малу замолкли, и вообще думаютъ, что этотъ злодѣй Польшманъ, чтобы сохранить въ тайнѣ свое дурное дѣло, не позволялъ

никого помочь несчастной, очутившейся въ отчаянномъ положеніи принцессы; она испустила духъ какъ закланная жертва, произведя на свѣтъ ребенка, который тутъ же положенъ былъ въ гробъ своей матери. Другіе утверждаютъ, что разрѣшиться она не успѣла. Одинъ господинъ Польшманъ зналъ тайну этого гроба, и она сокрылась въ его гробу; тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что тутъ дѣйствовала незаконная любовь. Когда все кончилось, расперлись двери этой темницы и объявлено, что она умерла отъ послѣдствій геморроя, а черезъ два дня гробъ, обитый розовымъ бархатомъ съ золотыми кистями, но завинченный, перенесенъ въ Гольденбекскую часовню. Тутъ былъ и генералъ Польшманъ. Онъ поставилъ у дверей часовни двухъ стражей, которымъ показалось, что они слышатъ за дверями глухое стenanіe, и они въ ту же ночь побѣжали оттуда за три версты въ замокъ, чтобы донести о томъ. Тѣмъ не менѣе лишь на слѣдующій день, въ 8 часовъ утра, дворецкій генерала, по его приказанію, посланъ былъ осмотрѣть часовню. Пастора Даля мучило сомнѣніе, что у него въ часовнѣ поставленъ гробъ лица, смерть котораго не удостовѣрена, и потому онъ просилъ дворецкаго открыть гробъ; но дворецкій, по имени Рацлеръ, не согласился, такъ какъ гробъ на подставкѣ находился въ такомъ же положеніи, какъ онъ внесенъ былъ въ капеллу наканунѣ и слѣдовательно сторожа просто отъ чего-то перетрусили. Вскорѣ потомъ генералъ Польшманъ предъявилъ полученное имъ свыше приказаніе поставить гробъ въ церкви, влѣво отъ алтаря, но бумагу о томъ взялъ къ себѣ. Обитый бархатомъ гробъ помѣщенъ въ другой, изъ простого дуба и опущенъ внизъ безъ всякой церковной службы.

Черезъ тридцать одинъ годъ гробъ съ тѣломъ принцессы Зельмиры перенесенъ былъ на середину церкви, а 7 Декабря 1819 года совершено торжественное съ проповѣдью погребеніе и преданіе землѣ. Надпись на гранитной гробовой плитѣ, сочиненная по нѣмецки, подносилась на утвержденіе императору Александру Павловичу, который приказалъ, чтобы она была высѣчена въ Латинскомъ переводѣ, безъ сопровождавшихъ ее стиховъ. Въ наши дни, при починкѣ каменнаго пола Гольденбекской церкви, снова раскрывали этотъ гробъ и съ костями матери увидѣли кости ребенка. Объ этомъ передавали намъ въ 1887 году пасторъ Эбергардъ и тогдашній тамошній кистеръ г. Гиршъ; онъ самъ видѣлъ эти кости... П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ К. Я. БУЛГАНОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1814-й годъ ¹⁾).

Paris, le 18 (30) Mars 1814.

Il faudrait avoir cents mains pour décrire ce que j'ai vu, mon bien bon ami, cents yeux pour voir tout ce qu'il y avait à voir. Nous sommes entré aujourd'hui à Paris, après avoir battu hier les troupes qui défendaient cette ville. Une députation était venu de grand matin auprès de l'Empereur recommander cette ville à sa générosité. Tout a été accordé par cet Ange, et nous sommes entrés dans la capitale de la France pas comme une armée ennemie, mais comme des sauveurs. Représentez vous l'Empereur avec son brillant cortège, entouré du peuple de Paris, qui le bénissait au milieu des acclamations, qui partaient du coeur. C'était un enthousiasme qu'il est impossible de décrire. C'était le plus beau moment qu'un souverain a pu avoir depuis que le monde existe. Jugez donc comme nous étions heureux de voir entrer cet Ange, de voir défiler nos gardes au milieu des bénédictions du peuple. On attendait de tout côté des vive l'Empereur, vive notre Sauveur, vive Louis XVIII, et partout des cocardes blanches. Quel spectacle, qu'un peuple qui commence à respirer librement. Je suis trop pressé pour entrer dans des détails; je joindrai des proclamations et publications qui vous mettront au fait de ce qui s'est passé. J'attends le Moniteur et si ma lettre ne part pas avant, je vous l'enverrai. La foule était si grande que je n'ai rien vu des belles rues que nous avons passés, de crainte d'écraser quelqu'un. Il fallait voir comme tout le monde nous prenait les mains, nous bénissait; mon cheval a eu plus de baisers ce jour que beaucoup d'hommes dans toute leur vie. J'ai vu le jeune comte ²⁾, il se porte très bien. Barclay est maréchal. J'ai vu Woronzoff, Sczerbatoff, tous deux avec le 2-d St. George. Enfin j'ai vu tout le monde. Imaginez vous que mon équipage n'est pas ici et que je n'ai presque rien

¹⁾ См. II-ю книгу „Русскаго Архива“ сего года, стр. 561.

²⁾ Старший сынъ графа О. В. Раstopчина, Сергій.

à mettre: il est avec Schröder, et Dieu sait où. Hier encore nous avons pris un tas de canons. Nos succès sont inouïs. Le plus grand ordre règne dans la ville, il n'y a que des cris de joie. Comme vous la parlagerez, mes chers amis! Ура!

*

Paris, 21 Mars (2 Avril) 1814.

L'Empereur a été hier à l'opéra, on a donné la Vestale. Quelle foule, quel délicieux spectacle, quels ballets! Et surtout quelle réception on a fait à l'Empereur! Des cris continuels, on ne voyait que des cocardes blanches, on n'entendait que des imprécations contre Napoléon. Le public a forcé de couvrir l'aigle qui était sur la loge de Napoléon et qui était la seule vide, et la pièce finie, à peine l'Empereur a quitté sa loge, que l'aigle de Napoléon a été mis en pièces. Après le 2-d acte le public a demandé la chanson d'Henri IV et a demandé Lays pour chanter les couplets. Celui-ci sort d'un air respectueux et chante à peu près:

Vive Alexandre,
Vive ce Roi des Rois,
Sans rien prétendre
Sans nous faire les loix,
Ce Prince Auguste etc.

C'est à peu près ceci. Je croyais que la salle tomberait à force d'applaudissements et de cris. Enfin c'était un enthousiasme qui n'a pas de nom et de voir au milieu de ce peuple notre souverain, qui comme un ange et avec un sourire, que lui seul a, saluait le public et gagnait par sa modestie même les plus enragés Bonapartistes. A la sortie un vieillard m'a dit, les larmes aux yeux: comme vous êtes heureux de l'avoir pour souverain! Et tout ce qui était autour de nous s'est mis à crier: vive notre sauveur! Enfin, mon cher, vous ne trouverez pas beaucoup de sens dans ma lettre, mais c'est que je suis vraiment étourdi de tout ce que je vois. Qu'il est heureux d'être Russe! Combien nous sommes heureux chez nous! On apprend à apprécier son bonheur lorsqu'on a passé un seul moment à Paris.

Couplets impromptus, chantés par Lays.

Sur l'air: vive Henri IV.

Vive Alexandre,
Vive ce Roi des Rois,
Sans rien prétendre,
Sans nous donner des loix!
Ce Prince Auguste
A le triple renom:
De Héros, de Juste,
De nous rendre un Bourbon.

Chantons Guillaume
 Et ses guerriers vaillants.
 De ce royaume
 Ils sauvent les enfants.
 Par sa victoire
 Il donne la paix
 Il met sa gloire
 Dans ses nombreux bienfaits.

D é c l a r a t i o n .

Les armées des puissances alliées ont occupé la capitale de la France. Les souverains alliés accueillent les vœux de la nation française. Ils déclarent: que si les conditions de la paix devaient renfermer de plus fortes garanties lorsqu'il s'agissait d'anchaîner l'ambition de Bonaparte, elles doivent être plus favorables lorsque, par un retour vers un gouvernement sage, la France elle-même offrira l'assurance de ce repos.

Les souverains alliés proclament en conséquence qu'ils ne traiteront plus avec Napoléon ni avec aucun de sa famille; qu'ils respectent l'intégrité de l'ancienne France telle qu'elle a été sous les rois légitimes. Ils peuvent même faire plus, parce qu'ils professent toujours le principe que pour le bonheur de l'Europe il faut que la France soit grande et forte et qu'ils reconnaîtront et garantiront la constitution que a nation française se donnera. Ils invitent par conséquent le Sénat à désigner un gouvernement provisoire, qui puisse pourvoir aux besoins de l'administration et préparer la constitution, qui conviendra au peuple français.

Les intentions que je viens d'exprimer me sont communes avec les autres puissances.

Signé: Alexandre. Par S. M. l'Empereur: Nesselrode.

Paris, le 19 (31) Mars 1814. A trois heures après midi.

*

Указъ Правительствующему Сенату. Вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ статскаго совѣтника Булгакова, въ вознагражденіе трудовъ и отличнаго усердія по службѣ, всемілостивѣйше жалуетъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Александръ.

Парижъ.

Марта 29 дня *) 1814.

*) Это былъ день нашей Пасхи. П. Б.

Paris, le 24 Mars (5 Avril) 1814.

J'ai beaucoup à faire; car, outre ma besogne ordinaire, je suis chargé de l'examen des suppliques adressées à l'Empereur, et s'il n'y a que 70 par jour, c'est peu dire. Mais j'aime mieux me priver de mon sommeil, j'aime mieux ne pas voir tout ce qu'il y a à voir ici que de ne pas causer avec vous, mon cher et bon ami. En lisant les papiers publics, vous saurez tout ce qui se passe à Paris dans le plus grand détail et mieux que je ne saurais vous le décrire, car je vous assure que je suis encore tout étourdi de tout ce que je vois. Ce n'est pas un songe, mon cher ami, c'est une réalité. La vertu triomphe du vice et du crime. Tout se passe ici avec le plus grand calme. Le règne de l'oppressé est fini. Vous ouvrez de grands yeux, mais c'est vrai: Napoléon ne règne plus. Des événements immenses se suivent avec une rapidité étonnante. Marmont a passé avec tout son corps du côté des bons Français, tout abandonne le tigre dans le malheur. Mais peut-on appeler malheur l'acte le plus juste du Ciel? Il faut voir comme les Russes sont traités ici, comme ils le méritent c'est tout dire.

Nos amis, Wlodeck et Zakrewsky, ont reçu le grand cordon de S-te Anne. Je vous envoie aujourd'hui avec les papiers publics une brochure très intéressante de Chateaubriand. Une plume, comprimée longtemps, a osé enfin écrire.

Je serais bien fâché si notre bon Wolkoff quittait Moscou. J'espère qu'il ne le fera pas. Il ferait très mal et pour lui, et pour nous. J'ai été bien chagriné de la mort du respectable Kamensky. Des gens comme lui devraient vivre à une époque aussi heureuse et aussi brillante pour notre patrie.

Paris est une bien belle ville. Pour s'amuser, il faut beaucoup d'argent, et heureusement je n'ai ni le temps, ni les moyens d'en dépenser. Je tâche de voir à la hâte ce qu'il y a à voir. J'ai été pour un moment à plusieurs spectacles; ils sont magnifiques; quel ballet, quelle tragédie! Talma est unique; ce qui surtout m'a frappé, c'est l'ensemble: rien n'est négligé.

*

Paris, le 4 (16) Avril 1814.

Je suis bien aise d'avoir vu *ce monde* et surtout dans un moment aussi intéressant sous tous les rapports. Paris est vraiment un monde, mais pour en jouir, il faut avoir beaucoup de temps à soi et surtout beaucoup d'argent, car tout est d'une cherté excessive, même les objets de première nécessité. Ce qui est admirable ce sont les spectacles. Je n'en ai jamais vu de semblables. J'ai vu ici notre excellent Woronoff. Nous nous sommes embrassés de bien bon coeur. Il a eu, ainsi

que le p-ce Sczerbatoff, l'ordre de S-t George de la seconde classe. Vous avez vu par les journaux qu'il est nommé commissaire général auprès du gouvernement provisoire.

Le fils d'Александръ Михайловичъ Корсаковъ a été tué dans une de ces dernières affaires. Je vous le dis, pour qu'on ne le confonde pas avec le frère de m-me Wolkoff en cas si cette nouvelle vous parvient.

*

Paris, le 8 (20) Avril 1814.

Kromine doit amener avec lui le fils du comte; j'en suis bien aise pour ce respectable père: il aura la joie de savoir que son fils s'est si bien conduit dans toutes les affaires et de le voir bien décoré. A présent que c'est passé, on peut parler de ce qu'il a risqué, étant avec Barclay, qui était toujours extrêmement exposé. Ce n'est pas une plaisanterie que d'être son aide-de-camp: on en a échangé quelqu'uns.

J'ai vu ici Митюша Нарышкинъ. Je ne l'aurais jamais reconnu: tellement il est devenu grand garçon. Il a la croix de Wladimir et de Suède. Il a fait nne campagne plus avantageuse que Jeannot.

*

Paris, le 24 Avril (6 Mai) 1814.

Dans les gazettes, que je vous envoie aujourd'hui, vous verrez la cérémonie de l'entrée du roi. C'était véritablement une fête, et je l'ai bien vue. J'ai été me promener dans les rues avec Anstett et Schröder. Elles étaient toutes ornées, les maisons, les fenêtres garnies de monde. Après notre tournée nous avons loué deux fenêtres et nous avons pu tout examiner à notre aise. Je ne regrette pas le louis que cela m'a coûté pour ma part.

Hier on a annoncé les Deux Journées; je n'ai pas pu m'empêcher d'y aller. Cet opéra réveille en moi continuellement des souvenirs bien agréables. C'est singulier: je me rappelle de toutes les présentations aux quelles j'ai assisté, entr'autres en 1810 à P. Bourg au théâtre allemand avec le bon Micheli. C'est joué ici en perfection, surtout votre finale favorite a été très bien chantée.

J'ai reçu une énorme lettre de Longuinoff. J'ai vu hier Woronzoff il part pour l'Angleterre. Sabaneyeff est encore ici. J'espère que nous le verrons à Moscou. Savez vous que quelques amis m'ont promis de venir à mes noces? Mon Klim ne m'a pas encore rejoint, il doit cependant être en route. Je ne serais pas fâché de le revoir, car il a tous mes effets avec lui.

*

Paris, le 2 (14) Mai 1814.

Vous m'avez fait un véritable plaisir en m'annonçant que vous allez demeurer à la campagne avec les Varlams. Je craignais de les y savoir seuls en butte à l'ennui, car sans société le vieux papa est perdu, et il ne peut pas en avoir de plus agréable que la vôtre. Je suis content que Metaxa sera avec; il paraît qu'on l'aime beaucoup dans la maison. Marie parle de lui avec reconnaissance, je vous prie de lui en témoigner toute la mienne. J'ai remis à Zakrevsky votre lettre, il m'assure vous avoir écrit par Rostopchine (je suppose), qui est finalement parti, porteur de lettres, paquets etc. Si Kromine voyage avec lui, vous aurez de quoi lire, car il vous porte un tas de brochures, gazettes etc.

*

Paris, le 6 (18) Mai 1814.

Savez vous qui est ici, qui est venu me voir et que je n'ai pas encore vu? Rally, qui a fait les beaux jours de Moscou, lorsque j'y suis arrivé de temps du papa, qui depuis m'a fait autant à Vienne, qui est venu ici (à ce qu'on dit) pour réclamer auprès de l'Empereur un capital de 30 m., dont la perte a été occasionnée par son renvoi de Moscou. Si la nouvelle de notre entrée à Paris était prématurée lorsque vous m'écriviez votre lettre, vous aurez vu depuis que ce n'était pas si mal deviné. J'ai dîné hier chez Woronzoff avec Sabaneyeff, Benkendorf, Stuart, que vous avez connu, je crois, à Vienne et *diversi amici*. Sabaneyeff m'a positivement promis qu'il gardera Golembowsky auprès de lui et en fera son aide-de-camp. Annoncez cette bonne nouvelle au philosophe marié: cela lui fera plaisir. Tatistcheff devait y dîner, mais il n'est pas venu. Je vois beaucoup Polétika et je l'aime tous les jours d'avantage. Il est rempli d'esprit, et sa droiture est rare dans siècle où nous vivons. J'ai remis à Oudom la lettre de m-me Korsakoff; son fils se porte bien, c'est un bien joli garçon. Il a les yeux de son aimable soeur.

Je connais Tonci très certainement. Il fait tout dériver de l'imagination, or l'imagination au moins existe? Pas du tout, rien au monde n'existe. Cela prouverait que ce qu'il prouve ou veut prouver n'existe pas non plus. L'épithète du comte est très jolie et lorsqu'elle sera applicable, Tonci au moins ne doutera pas que la mort existe.

Стихи Государю также хороши. Qui en est l'auteur? L'idée de Faste de faire faire des portraits à sa femme des personnes qu'elle n'a jamais vues, est tout à fait plaisante. Il est original dans tout ce qu'il fait, et je suis sûr qu'il fera quelque farce à la naissance de son enfant; car, ou je devine mal son style apocaliptique, ou sa femme porte le fruit de sa tendresse.

Je dois aller voir Canning, qui a été ministre anglais à Constantinople pendant que j'y étais. J'ai même demeuré chez lui. Il m'a donné rendez-vous à 1 heure, et il est déjà 1 $\frac{1}{4}$. Cela fait que je vous quitte.

*

Paris, le 13 (25) Mai 1814.

Tatistcheff sort de chez moi, il m'a chargé de vous dire mille choses de sa part. Il repart dans deux jours pour Londres, d'où il ira à son poste en Espagne. Il a un peu vieilli. Quelle ville que Paris pour les achats, si on avait de l'argent; malheureusement c'est mon côté faible. Ce qui me fâche surtout c'est de ne pas avoir la mesure de Natalie et de Marie; quels beaux souliers je leur aurais apporté! Mais que faire. N'ayant pas d'équipage, je suis obligé d'envoyer même mes effets directement en Russie, et ils me parviendront Dieu sait quand. Mon *бричка* a été tellement abîmé que j'ai été obligé de le vendre pour 100 roubles. J'ai donné mes chevaux à Klim et aux gens, ils en ont retiré 400 roubles. Moi même j'ai dépensé de l'argent ici, et je vous jure je ne sais pas trop comment, pour m'habiller un peu à la chrétienne, me coûte plus de 2000 fr. Il est vrai que je me suis fait un uniforme brodé, dont il m'est impossible de me passer. Tout cela est beau, mais cela coûte bien plus que chez nous. J'ai emprunté 1000 r. chez Polétika, tellement nous sommes tous à sec; mais c'est égal: j'ai vu Paris dans un moment où beaucoup de monde auraient payé bien cher de le voir. Les Anglais commencent à paraître ici en grand nombre. Le costume des femmes anglaises et surtout leurs chapeaux contrastent beaucoup avec ceux d'ici, c'est qu'à la lettre les chapeaux français sont dix fois plus hauts.

*

Paris, le 17 (29) Mai 1814.

Мы съ добрымъ Полетикою читали съ восхищеніемъ твои письма, которыя наполнены радостью вашею, причиною нашимъ вступленіемъ въ Парижъ и смѣялись стихамъ Пушкина; видно, что онъ былъ въ Парижъ. Ces vers pourraient servir d'itinéraire de Paris. Vous me dites que le c-te Rastopchine est fâché contre son fils; à présent qu'il est dans ses bras, je suis persuadé que sa colère a été étouffée. Pour ce qui regarde mon portrait, je doute très fort d'avoir le temps de le faire.

Полетика у меня сидитъ и ругается, но все это относится ко мнѣ одному, а въ разсужденіи тебя отзывается съ обыкновенными чувствами истинной пріязни и говорить, что хотя мы оба изъ одной утробы, но другъ на друга отнюдь не похожи.

Вѣрно: Петръ Полетика. Спасибо вамъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ за то, что содержите въ строгой дисциплинѣ избалованнаго вашего брата. Если бы не вы, то онъ сдѣлался бы совершенный повѣса.

Paris, le 18 (30) Mai 1814.

L'Empereur, comme vous savez, va commencer sa tournée par Londres, pour où il part dans deux ou trois jours. Je suis au nombre des peu de personnes, qui l'accompagnent. Le séjour de Londres ne sera que de quelques jours, de là à Vienne, de là à Berlin, et puis je tâcherai de venir directement à Moscou. Tout cela n'est que pour vous, mon cher ami, et à fin que vous puissiez faire entendre raison à Marie, si elle s'en chagrinerait. Je lui parle de Londres. Je lui écrirai de là. D'un autre côté j'espère qu'elle sera assez raisonnable pour ne pas se fâcher d'une chose que tout le monde m'envie. Jugez combien il sera agréable pour moi d'accompagner l'Empereur dans ce voyage de triomphe.

*

Paris, le 21 Mai (2 Juin) 1814.

Wassilschikoff, aide-de-camp-général va vous porter la nouvelle de la paix; jugez, si je puis laisser échappé cette occasion sans en profiter; mais ne vous attendez pas une longue épître, car je vous assure que j'ai tant à faire que je ne sais ou donner de la tête. L'Empereur est parti cette nuit pour Londres; nous le suivrons dès que nous aurons terminé quelques affaires, expédié quelques courriers. J'ai reçu hier la croix de commandeur de l'ordre de Léopold d'Autriche, une jolie décoration de plus. Voilà que j'en ai neuf. Excuser du peu!

*

Londres, the 29 Mai (11 Juny) 1814.

Me voilà à Londres depuis hier, et tout y est si extraordinaire, si singulier, que je n'en reviens pas et que j'en suis tout étourdi. Je serais très embarrassé d'en faire la description, car il faut avant fixer mes idées, et elles sont toutes confuses. Quelle énorme ville, comme tout y est différent que chez les autres nations. Notre voyage de Paris a été heureux, mais la traversée m'a fait souffrir, le vent étant très fort et contraire, de manière que nous avons passé 20 heures à vomir. On m'annonce le départ d'un courrier, je n'ai que le temps de griffonner deux mots to my good brother. Savez vous que je parle ici anglais avec une impertinence incroyable, et on me comprend. L'enthousiasme avec le quel on reçoit l'Empereur et nous tous est énorme.

Притиска П. И. Полетики: Съ крайнимъ сожалѣніемъ увѣдомляю васъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, что братецъ вашъ ведетъ себя въ Лондонѣ столь же худо какъ и въ Парижѣ.

*

Мятава, 12 (24) Юля 1814.

Ну вотъ, мой милый, любезный другъ, и я въ Россіи. Я тебѣ описать не въ состояннн что я чувствую. Право, кажется, что все это сонъ. Между тѣмъ мы летимъ, а не ѣдемъ. Изъ Лондона выѣхавши, только два раза останавливались, а то скакалъ день и ночь. *Cette manière de voyager, toute fatigante qu'elle soit, est très analogue à ma situation.* Je ne resterai à P. - Bourg que quelques jours, donc il faut tout arranger pour mes noces. J'en ai écrit à Marie, mais je ne lui ai pas encore dit que très probablement je serai dans le cas de faire encore une absence après un mois de séjour à Moscou; gardez cela pour vous seul. Je voudrais pendant ce temps me marier. Je vous écrirai de Pétersbourg. En cas que le vieux papa veuille y aller, dites lui qu'il ne m'y trouverait plus. Écrivez aussi au Faste d'arriver: il me l'a promis.

*

P.-Bourg, le 21 Juillet 1814.

Me voilà enfin à P.-Bourg. Je ne saurais vous décrire avec quelle joie j'ai embrassé notre respectable Alexéyeff et sa bonne femme. Ils ne s'attendaient pas à me voir. C'était ma première sortie, et je vous assure que nous étions réciproquement heureux de nous revoir. Voilà des amis véritables! J'ai été aussi chez les Pouschkine; la maman a beaucoup vieilli, elle ne peut pas parler de son fils sans verser des larmes; je le conçois bien, pauvre mère! On m'a reçu dans la famille comme un fils de la maison. J'ai trouvé tout le monde bien changé. Vous sentez bien que j'ai embrassé notre excellent Tourguénéff avec un sentiment fraternel. Il est toujours le même. Tous nos amis, Grégoire Gagarine, Ouvaroff, m'ont reçu avec des démonstrations d'une amitié sincère, en général tout le monde me comble d'amitié, de félicitation. Je n'ai pas encore pu voir beaucoup de personnes, je n'en ai pas le temps, car je me presse de terminer mes paperasses pour pouvoir partir. J'espère le faire vers la fin de cette semaine ou vers le commencement de l'autre. Mazarovitz m'a expliqué où demeurent les Varlams, c'est sur mon chemin, et comme je ne sais pas où vous demeurez, c'est là que je débarquerai. J'ai écrit à Marie que je serai dans le cas probablement de faire bientôt après mon mariage une absence. Ceci exige que tous les préparatifs pour la noce soient faits avant mon arrivée. Hâtez tout cela, mon ami.

Марья Любимовна était étonnée et enchantée de me voir. Son mari est toujours le même. Grand'maman est à Cronstadt chez son fils. Je suis peiné de ne l'avoir pas embrassé. Bogolubow vient me voir souvent. Ce pauvre diable est estropié et marche sur des béquilles. Julinatz ne sort pas de chez moi, c'est un bien brave homme. Les Gourief me comblent de bontés grâce à Nesselrode, qui m'aime tous les jours d'avantage. Je

lui dois beaucoup, c'est un ami et un protecteur. J'ai dîné aujourd'hui chez la mère de Tourguéneff avec son fils et Bogoluboff. Je vais demain à Peterhoff pour la fête et pour être présenté à l'Impératrice-mère. J'irai avec Tourguéneff et je logerai chez Nesselrode, qui a une chambre. J'ai reçu du roi d'Angleterre une belle boîte à chiffre.

J'ai passé la soirée d'hier chez Ouvaroff entre Tourguéneff et Bogoluboff, qui n'a pas perdu de sa gaieté. Nous avons beaucoup ris. Je suis si heureux, si content que je crois même que je suis un peu aimable.

*

23-го Июля 1814. С.-Петербургъ

Certes, mon bon ami, j'aurais du plaisir de revoir Vienne; mais qu'est ce qui peut être comparé à celui de vous embrasser, de revoir Natalie et de conclure enfin, après tant de retards, mon mariage. Si ma raison résiste à cette épreuve et je n'en perds pas l'esprit, c'est une preuve que la joie ne produit pas cet effet. Retenez au nom de Dieu Faste. Vous n'aurez pas de la peine, j'espère.

Mon Klim m'est arrivé le matin. Cela me soulage, car j'aurais été obligé de partir sans domestique ou d'en prendre ici un au hasard. La fête de Peterhoff a été brillante et belle, surtout par la joie que produisait dans le coeur de tout le monde la présence de l'Empereur. Avec cela la présence d'un régiment des gardes qui deux mois auparavant montait la garde à Paris; c'était vraiment une fête nationale.

On dit que le comte Rostopchine arrive ici. Vous devez en savoir quelque chose. J'espère que ce voyage ne sera pas sans fruit pour vous et qu'il vous rapportera de la capitale quelque récompense. On m'a beaucoup conseillé ici de demander la place dont je vous ai souvent parlé. Si le comte en ferait la demande, je crois qu'on ne me refuserait pas de la donner après Vienne. Voyez ce qu'il y à faire.

*

С.-Петербургъ, 27 Июля 1814.

Государь мнѣ позволилъ ѣхать жениться и оттуда, не приѣзжая уже въ Петербургъ, ѣхать прямо въ Вѣну. Онъ Нессельроду весьма милостиво на мой счетъ отзывался. Слава Богу, я свое время не потерялъ. Государю извѣстенъ съ хорошей стороны. C'est tout ce que j'ambitionnais. Au bal de Peterhoff Sa Majesté a daigné me parler avec infiniment de bonté, c'est une véritable distinction, et j'étais bien heureux d'entendre la voix de cet Ange. J'espère pouvoir me mettre en route après demain dans la nuit, pas avant, car j'ai encore quelques affaires à terminer et des devoirs à remplir.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ А. П. КЕТОВА.

Александръ Платоновичъ Кетовъ былъ сыномъ извѣстнаго въ исторіи Русскаго просвѣщенія Платона Петровича Бекетова, перваго предсѣдателя Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ. Онъ далъ своему сыну прекрасное, многостороннее образованіе. Разорившись по смерти отца своего, Кетовъ долгіе годы былъ учителемъ въ нѣсколькихъ домахъ, гдѣ пользовался любовью своихъ учениковъ и уваженіемъ родителей. Къ старости лишился онъ зрѣнія и провелъ послѣдніе годы жизни въ пріютѣ Братолюбиваго Общества, въ Москвѣ, въ Подновинскомъ. Скучность обстановки была тяжка для человѣка, прожившаго долго въ изобиліи. Два брата Б., происшедшіе отъ одной съ нимъ крови, узнавъ случайно отъ пишущаго эти строки про нищету Кетова, назначили ему пожизненную пенсію, что и дало старому слѣпцу-холостяку возможность нанимать чтецовъ и тѣмъ питать неоскудѣвавшую любознательность. Петръ Ивановичъ Шукинъ приобрѣлъ для своего Музея тетради продиктованныхъ имъ воспоминаній и помѣстилъ ихъ въ послѣднемъ томѣ своего „Сборника“, откуда, съ его позволенія, приводятся изъ нихъ слѣдующія выдержки. П. Б.

...Перехожу къ тому, кто были сосѣди отца моего. Ближайшимъ былъ С. А. Селивановскій. Затѣмъ помню отставнаго полковника, старика, довольно высокаго и плотнаго, Петра Симоновича Нормана. Смутно еще помню семейство какихъ-то дворянъ Ѳедяшевыхъ.

Затѣмъ сосѣдомъ съ другой стороны улицы, упиравшейся въ ворота дачи отца, былъ какой-то Чикунъ, кажется отставной солдатъ, занимавшійся корчемствомъ. Остальные немногочисленные обитатели слободы были штатные служители Симонова монастыря. О священникѣ и причтѣ церкви, что на старомъ Симоновѣ, упомяну впослѣдствіи; но о мѣстной полиціи своевременно будетъ сказано нѣсколько словъ теперь же. Составъ ея былъ замѣчательнъ. Частный приставъ, помнится, Митрофановъ, былъ тучный человѣкъ съ красноватымъ полнымъ лицомъ, перекосившимся отъ удара. Квартальный, по прозвищу «дубовый», былъ высокій и плотный человѣкъ съ лицомъ крайне тупымъ и грубымъ; онъ не могъ связно сказать трехъ словъ. Будочникъ, по прозвищу «ворона», былъ толстогубый идиотъ, очень смиренный. Унтеръ-офицеръ, какъ тогда называли «хожалый», былъ иного свойства: лицо его было серьезно и, еслибы не взглядѣться въ выраженіе глазъ его, показалось бы неглу-

пымъ, но глаза выражали помѣшательство. Прозвище этому господину было громкое—«царь». Его называли такъ потому, что онъ считалъ себя и называлъ (что слышалъ я самъ) мужемъ императрицы Екатерины II-й. «Это все было мое», говорилъ онъ, указывая на деревни Котлы, Кожухово и т. д., но не на Москву. Онъ грубилъ квартальному и билъ будочника безнаказанно, пока однажды не перешелъ границъ: тутъ ужъ онъ побилъ квартальнаго (ужаснаго труса) и разрубилъ алебардою голову несчастному будочнику, но неглубоко. Прислано было нѣсколько казаковъ взять неистоваго; онъ хотѣлъ защищаться топоромъ, но пока онъ наклонялся за нимъ подъ лавку, казаки схватили его; онъ успѣлъ однакожь ударить ногою одного изъ казаковъ въ лицо такъ сильно, что выбилъ нѣсколько зубовъ. Имъ овладѣли и увезли; дальнѣйшая участь его мнѣ неизвѣстна.

Едва не пропустилъ совсѣмъ еще одного изъ числа жившихъ въ домѣ отца моего, въ качествѣ чего не припомню, кажется въ качествѣ старшаго ветерана на покой. Это былъ дѣйствительно старый ветеранъ, Исай Семеновичъ, сухой и бодрый старикъ, средняго роста, съ котлетообразными бакенбардами, безъ усовъ. Кажется, онъ служилъ въ Фанагорійскомъ полку; знаковъ отличій было у него съ дюжину: и Очковская медаль, и Георгіевскій крестъ, и не помню что еще, но много, много медалей. И. С. дѣлалъ съ Суворовымъ если не всѣ, то большую часть походовъ, участвовалъ въ походѣ 1799 г. въ Италію и въ Швейцарію. Исай Семеновичъ любилъ дары Вакха, и знаки отличія рѣдко украшали грудь стараго ветерана, находясь большею частію у какого-нибудь шинкаря, въ обезпеченіе долга. Бѣдный будочникъ «ворона» нерѣдко подвергался побоямъ отъ стараго забіяки; но лишь однажды, когда тотъ прибилъ его уже очень исправно, рѣшился явиться съ жалобой къ отцу моему. Куда дѣвался Исай, рѣшительно не помню.

Изъ числа лицъ, посѣщавшихъ отца, память прежде всего рисуетъ мнѣ колоссальный образъ главнаго доктора Павловской больницы, Ильи Богдановича Охернала. Это былъ плотный господинъ, вершковъ 12, если не болѣе, ростомъ, средняго возраста. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ постояннымъ медикомъ моего отца и, какъ я слышалъ, спасъ меня отъ смерти, когда мнѣ было около шести недѣль. Спасеніе мое приписывалось назначенной имъ ваннѣ изъ теплой воды съ примѣсью извѣстнаго количества мадеры. Убѣжденіе, что я обязанъ спасеніемъ вину, повело къ тому, что съ ранняго дѣтства, какъ я запомню, мнѣ за обѣдомъ давалась рюмка легкаго вина. Говорили, что лѣтъ до двухъ я очень боялся Охернала, потому что онъ совершилъ надо мною операцію оспопрививанія. Впослѣдствіи я къ нему привыкъ и полюбилъ его.

Отец мой иногда подшучивалъ надъ опасливостью и излишнею осторожностью почтеннаго Ильи Богдановича, храбрость котораго, по-видимому, не была пропорціональна его тѣлосложенію. Онъ, напр., съ опасеніемъ переѣзжалъ на лодкѣ черезъ рѣку, которая обыкновенно въ этомъ мѣстѣ была такъ мелка, что не могла бы никакъ поглотить такого гиганта: вода не достала бы ему и до пояса. Отъ перевоза онъ никогда не приходилъ къ намъ одинъ, но въ сопровожденіи мальчика лѣтъ 12—13, котораго бралъ съ собой «на всякій случай». Оговариваюсь, что вышесказанное не есть мое мнѣніе объ Охерналѣ, а лишь отголосокъ слышаннаго.

Послѣ Охерналя первый изъ числа посѣщавшихъ отца моего И. И. Дмитріевъ. Я уже помню его, бывъ еще пятилѣтнимъ ребенкомъ. Какъ теперь смотрю на его высокую, величавую фигуру, на его спокойное, умное лицо, внушавшее уваженіе. Онъ былъ всегда ровень, нельзя сказать сдержанъ; нѣтъ, но сдержанность и самообладаніе настолько выработали его характеръ, настолько сдѣлались его второю природою, что въ преклонныхъ лѣтахъ онъ, кажется, не имѣлъ уже надобности себя сдерживать. Черепъ Дмитріева, хорошо развитый, былъ почти совершенно обнаженъ. Онъ носилъ густой парикъ, сѣдой, но не бѣлый съ короткими, зачесанными кверху, волосами надо лбомъ и приглаженными впереди на вискахъ. Цвѣтъ лица его былъ немного красноватъ, глаза сѣро-голубые, умные, холодные. Дмитріевъ имѣлъ привычку прищуривать одинъ глазъ, чтобы по возможности скрыть косоглазіе, довольно сильное, что видно на портретъ, рисованномъ Тончи. Живописный портретъ Дмитріева, работы Кинеля, въ свое время навѣрно былъ очень похожъ. Носъ у И. И. былъ великъ, но недурной формы; губы тонки и нѣсколько сжаты. Держался онъ прямо и сановито, но безъ всякой натяжки. Одѣвался онъ тщательно, просто; чаще всего можно было видѣть его во фракѣ сѣраго цвѣта, точнѣе — грифельнаго. Звѣзды носилъ онъ, какъ и всѣ тогда, постоянно. Въ свое время онъ пользовался значительною литературною извѣстностью, съ полнымъ на то правомъ, которое весьма несправедливо теперь оспариваютъ. Всякій безпристрастный цѣнитель, стоя на исторической почвѣ, согласится со мною, зная, въ какое время началъ свое литературное поприще Дмитріевъ, и какъ писали его современники, по крайней мѣрѣ большинство. «Чужой толкъ», «Модная жена» и т. д. и теперь еще не покажутся безпристрастному читателю слишкомъ устарѣвшими. Оды его—другое дѣло.

Описывая наружность Дмитріева, я забылъ упомянуть о томъ, что гдѣ-то, въ журналѣ, лѣтъ за 15 или больше, было сказано, что онъ былъ рябъ. Племянникъ его, Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ воз-

рыжалъ на это, возстановляя истину. Иванъ Ивановичъ не былъ рѣбъ, что самъ М. А. Дмитріевъ былъ нѣсколько рѣбовать.

Иванъ Ивановичъ служилъ въ военной службѣ до капитанскаго чина, потомъ родъ службы его измѣнился. При Александрѣ I-мъ онъ занималъ нѣкоторое время должность министра юстиціи, а потомъ былъ сдѣланъ сенаторомъ.

Отецъ мой представлялъ меня не всѣмъ своимъ роднымъ: я не былъ представленъ даже Ивану Петровичу Бекетову, родному брату моего отца. Я тогда былъ еще малъ, и вѣроятно отецъ надѣялся представить меня впоследствии; но Иванъ Петровичъ былъ домосѣдъ, и потому ли, по другой ли причинѣ, во второй разъ уже не былъ у отца, хотя жили они съ небольшимъ въ двухъ верстахъ. Иванъ Петровичъ лицомъ былъ похожъ нѣсколько на моего отца, но лицо его было красивѣе. Вотъ все, что я помню о его наружности.

Теперь слѣдовало бы описать братьевъ моего отца, насколько могу; но прежде чѣмъ приступлю къ этому, скажу нѣсколько словъ о моемъ дѣдушкѣ съ отцовской стороны и вообще о томъ и о тѣхъ, о комъ нахожу нелишнимъ.

Отецъ мой никогда не распространялся о своей родословной и только, такъ сказать, случайно упомянулъ однажды, что однимъ изъ стрѣльчихъ сотниковъ, посланныхъ довершать покореніе Сибири по смерти Ермака, былъ родоначальникъ Бекетовыхъ «Баймъ» (а онъ Петръ), какъ сказано было гдѣ-то. Баймомъ называли его Сибирскіе Татары и другіе инородцы. Отсюда Бекетовы. Отецъ моего отца, Петръ Аѳанасьевичъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника, за ранами: въ Семилѣтнюю войну ему пулею раздробило руку, если не ошибаюсь, правую. Онъ женился на дворянкѣ Репьевой, которая, подаривъ ему сына, моего отца, скончалась. Петръ Аѳанасьевичъ вступилъ во второй бракъ съ Ириною Ивановною Мясниковою, дочерью колоссально-богатаго заводчика, имѣвшаго до 80 т. душъ крестьянъ и заводы. Отсюда громадное состояніе Бекетовыхъ, которое даже и дробясь обогатило многихъ. Отцу моему богатство это, до него не коснувшееся, было источникомъ многихъ неудобствъ. Сестры Ирины Ивановны вышли замужъ, и одна изъ нихъ, Екатерина Ивановна, за г. Козицкаго.

У П. А. былъ братъ, Никита Аѳанасьевичъ, очень красивый молодой человекъ. Онъ обратилъ было на себя благосклонное вниманіе императрицы Елисаветы*). Впоследствии онъ былъ сдѣланъ Астраханскимъ

*) И. И. Дмитріевъ сдѣлалъ прекрасную надпись къ его портрету. П. Б.

губернаторомъ. Увидѣвъ портретъ его, Пугачевъ подошелъ къ нему, посмотрѣлъ и сказалъ: «человѣкъ-то онъ недурной, да другъ Орловыхъ!», вынулъ саблю и прокололъ портретъ.

Къ Иринѣ Ивановнѣ Бекетовой отецъ мой ѣздилъ часто, если не ежедневно; тамъ видался онъ съ братьями и иногда, вѣроятно, и съ другими родственниками. Выѣзжалъ онъ постоянно. Не помню, была ли больна Ирина Ивановна, или кончала жизнь просто физиологическимъ актомъ угасанія, какъ угасаетъ лампада, изъ которой выгорѣло все масло, но отецъ привезъ однажды извѣстіе о ея кончинѣ. Между братьями моего отца долженъ былъ произойти раздѣлъ, и посредникомъ (медиаторомъ, по тогдашнему выраженію) былъ избранъ мой отецъ, какъ человѣкъ честный и безпристрастный. Раздѣлъ не обошелся безъ нѣкоторыхъ неприятностей. Наслѣдство было значительно: около 15 т. душъ крестьянъ и два завода, мѣдиплавильный и желѣзодѣлательный, дававшіе дохода, по тогдашнему счету на ассигнаціи, приблизительно по полумилліону; къ нимъ приписано было нѣсколько тысячъ заводскихъ рабочихъ; кромѣ того, дома, значительное количество мѣди, много серебра, цѣнныхъ вещей и около милліона наличныхъ денегъ.

Раздѣлъ шель довольно мирно и безъ всякихъ столкновеній, исключая того момента, когда дѣло дошло до конверта съ билетами и деньгами, содержаніе котораго превышало сумму 900 тысячъ рублей. Тутъ произошелъ довольно странный скандалъ, свидѣтелями которому, привлеченные криками, сдѣлались мой отецъ и еще нѣсколько человѣкъ, кто именно, не припомню (за исключеніемъ Круглова, бывшаго у Ирины Ивановны однимъ изъ довѣренныхъ лицъ, чѣмъ-то въ родѣ адвоката). При входѣ отца моего, братья, тянувшіе пакетъ изъ рукъ одинъ у другаго, устыдясь выпустили его, и онъ упалъ на столъ. Раздѣлъ наконецъ пришелъ къ окончанію, и отецъ мой за свое посредничество получилъ подарокъ отъ братьевъ: двѣ тысячи серебряныхъ рублей.

Положеніе дѣлъ моего отца въ это время было печальное. Состояніе его отъ матери и отца, простиравшееся до 900 душъ, теперь заключалось въ одномъ имѣніи, не припомню Пензенской губерніи или Симбирской, обремененномъ долгами. Садъ въ Симбирскѣ, дававшій прежде 800 р. дохода, давалъ теперь лишь 25. Затѣмъ дача, бібліотека, около 6 т. томовъ, не очень большое собраніе хорошихъ эстамповъ, да на нѣсколько тысячъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, вотъ все, чѣмъ обладалъ въ это время мой отецъ. Кромѣ долговъ, лежавшихъ на имѣніи, отецъ былъ долженъ еще по заемнымъ письмамъ. Почти все упомянутое имущество отца моего было мертвымъ капиталомъ, оставаясь въ

рукахъ его; а продать дачу, на примѣръ, онъ не желалъ, какъ свое, такъ сказать, созданіе и съ тѣмъ вмѣстѣ тихое убѣжище, которое естественно дорого старику, утомленному жизнью и желающему остатокъ дней провести въ своемъ старомъ привычномъ гнѣздѣ. Извѣстная Екатерина Владимировна Новосильцова предлагала черезъ кого-то отцу уступить ей дачу за 25 т. р. асс., что съ лажемъ составляло въ то время болѣе 30 т. Отецъ отклонилъ предложеніе, сказавъ, что желалъ бы здѣсь кончить дни. Съ библіотекою отецъ не разстался бы безъ самой вопіющей крайности, да и нелегко продавать библіотеку: купить ее всю почти невозможно найти охотника; по частямъ—но тогда выберутъ лучшее, а остальное придется продавать едва ли не на вѣсь. Оставались эстампы. Правда, тогда любителей было болѣе, нежели теперь (я не говорю, знатоковъ), но и тутъ было бы тоже, что съ книгами. Золотыхъ и серебряныхъ вещей у отца было немного, и продажу ихъ нельзя было ни поправить дѣлъ, ни существовать: этого не достало бы и на годъ. Итакъ, положеніе дѣлъ моего отца было плохо, очень плохо. Не знаю, перешло ли послѣднее имѣніе отца моего въ частныя руки за долгъ, было ли продано съ аукціона; но отецъ его лишился. Чтобы жить чѣмъ-нибудь, онъ рѣшился прибѣгнуть къ займу, разумѣется съ обезпеченіемъ, и занялъ у Г. Г. В. нѣсколько тысячъ рублей, сколько именно—не припомню, обезпечивъ долгъ своимъ собраніемъ эстамповъ. Теперь, я увѣренъ, сдѣлать это было бы труднѣе. Такъ, на нѣсколько времени, конечно ненадолго, отецъ получилъ средства къ жизни....

Вскорѣ послѣ прочтенія моего четверостишія о Зюльмѣ Дмитріевымъ, я получилъ въ подарокъ отъ Михаила Александровича Русскую грамматику, новѣйшую и въ то время лучшую, съ слѣдующею надписью, сдѣланною рукою его:

„Учишь, познай языкъ обширна державы.
 Въ немъ Русскому открыть источникъ новой славы.
 Какъ знать, куда вѣдетъ тебя сей первый шагъ?
 Быть можеть, нѣкогда, слоговъ и буквъ читатель,
 Къ несчастью ль, къ счастью ли, ты будешь и писатель.
 Прими же опытный совѣтъ мой въ сихъ строкахъ.
 Не бойся критиковъ; быть критикомъ—страшися:
 Два слова истины опаснѣе сто кратъ,
 Чѣмъ злоба зависти, или ненависти ядъ.
 Для дружбы, для себя, въ молчаніи трудися,
 И знай, что потонуть забвенію въ рѣкѣ
 Спокойнѣе, чѣмъ быть у всякъ на языкъ.“

И. И. Дмитріевъ подарилъ мнѣ томъ своихъ стиховъ, прекрасно изданныхъ, въ хорошемъ переплетѣ, съ надписью: «милому Сашенькѣ». «Литературный успѣхъ» придалъ мнѣ новое усердіе къ занятіямъ стихо-

творствомъ, и въ свободное время я неутомимо кропалъ стихи. Время отъ времени отецъ спрашивалъ меня самъ о новыхъ моихъ произведеніяхъ, иногда я приносилъ ему мои вирши самъ и читалъ усердно, стараясь придать выраженіе моему маранью. Отецъ, снисходительно и терпѣливо выслушавъ мое чтеніе, говорилъ обыкновенно: «ну, продолжай, продолжай, совершенствуйся», или просто: «продолжай, продолжай». Иногда впрочемъ прибавлялъ: «ну, хорошо, хорошо, продолжай».

Я не упомянулъ еще о томъ, что отецъ мой по смерти мачихи, вдругъ, послѣ раздѣла, пересталъ выѣзжать и сдѣлался совершеннымъ домоѣдомъ. Причиною было отчасти то, что теперь онъ не могъ видаться, какъ прежде, съ братьями и родными въ одномъ мѣстѣ. Но вѣроятно еще болѣе вліяло на это прекращеніе выѣздовъ дурное положеніе дѣлъ. Сколько помню, отецъ не говорилъ этого; но вполнѣдствіи я сталъ догадываться, что онъ ожидалъ при раздѣлѣ, что братья, получая состояніе такое значительное и зная безвыходное положеніе его, догадуются удѣлить малую часть своихъ богатствъ на поддержаніе роднаго, хотя и не единоутробнаго, брата. Они и удѣлили 2 т. рублей, но для управленія дѣлъ отцу этого было недостаточно.

Время отъ времени къ отцу моему пріѣзжалъ съ кипкою книгъ Петръ Игоревичъ Котельниковъ, ремесломъ букинистъ, но, какъ говорили, занимавшійся кой-чемъ и другимъ: онъ состоялъ будто-бы агентомъ тайной полиціи. Такъ ли это дѣйствительно или нѣтъ, не знаю; но вполнѣдствіи, припоминая личность Котельникова, я не могъ не согласиться, что это по крайней мѣрѣ правдоподобно. Не могу не описать его наружности. Это былъ сухой, очень сухой человекъ, средняго роста, лѣтъ съ вида 45-ти, брюнетъ съ просѣдью. Лицо его было желтовато-смуглое, морщинисто, густыя, темныя брови почти сходились, пронырливыя глазки смотрѣли бойко и нахально изъ-подъ нависшихъ бровей; орлиный, сухой, заостренный носъ спускался на впавшую верхнюю губу, а нижняя, сильно, выдававшаяся, дѣлала его физиономію настоящею *casse-noisette*; отъ носа и угловъ рта шли крупныя морщины. Когда-то этотъ господинъ былъ вѣроятно полонъ, потому что подъ заостреннымъ его подбородкомъ виднѣлись двѣ крупныя складки, намекавшія на бывшее существованіе двойнаго подбородка. Одѣтъ онъ былъ постоянно въ спіній фракъ съ блестящими бронзовыми пуговицами. Бѣлье его постоянно было засыпано табакомъ и пспещрено каплями коричневаго цвѣта, нерѣдко украшавшими острый кончикъ его носа.

Духовныя качества его отчасти выражались уже на его физиономіи; онъ былъ хитеръ, лукавъ, дерзокъ, нахаленъ, хвастливъ, лживъ, не

имѣлъ повидимому никакихъ убѣжденій, а еще менѣе вѣры. Когда-то онъ примыкалъ къ Московскимъ масонамъ, но въ качествѣ чего? Этого я не могъ добиться ни отъ отца, ни отъ самого Котельникова. Всего вѣроятнѣе въ качествѣ шпіона. Отецъ иногда спрашивалъ его о комъ нибудь изъ масоновъ, и почти всегда о Походяшинѣ, къ которому относился съ уваженіемъ, тогда какъ Котельниковъ едва удерживался отъ презрительныхъ насмѣшекъ надъ тѣмъ же лицомъ, вслѣдствіе того, что отецъ ему весьма серьезно сказалъ однажды, что въ его присутствіи просить воздержаться отъ такихъ выходокъ. Извѣстно, что Походяшинъ, благоговѣя передъ извѣстнымъ масономъ Новиковымъ, отдалъ въ его распоряженіе почти все свое миллионное состояніе на дѣла благотворительныя и умеръ почти въ бѣдности, благоговѣйно созерцая портретъ Новикова, висѣвшій возлѣ его кровати.

Около этого же времени постояннымъ врачомъ отца моего сдѣлался случайно Ѳедоръ Даниловичъ Шнейдеръ. Помнится, что онъ былъ частнымъ лѣкаремъ Таганской части, но можетъ быть память меня и обманываетъ. Охерналъ давно не посѣщалъ насъ, вслѣдствіе чего не помню. Шнейдеръ былъ молодой человекъ пріятной наружности, хотя съ неправильными чертами, умный, дѣятельный, много читавшій. Онъ очень понравился моему отцу и часто бывалъ у насъ. Настала война съ Турками. Однажды Шнейдеръ пріѣзжаетъ къ отцу, разстроенный, и со слезами на глазахъ говоритъ отцу: «Прощайте, Платонъ Петровичъ! Я ѣду въ Турцію!»—«Какъ? Почему?» спросилъ отецъ, огорченный и изумленный этимъ неожиданнымъ отъѣздомъ. — «Вѣдь я казеннокоштный студентъ, вотъ и посылаютъ, и надобно ѣхать, продавать все: лошадей, мебель». Отецъ изъяснилъ искреннее сожалѣніе, но дѣлать было нечего. Мы разстались съ Шнейдеромъ, искренно огорченные. Даже прислуга сожалѣла его, потому что онъ былъ внимателенъ и гуманенъ, и я помню, какъ онъ однажды пускалъ кровь кому-то изъ больныхъ (что дѣлали тогда очень многіе врачи); вообще былъ врачомъ, ничѣмъ не брезговавшимъ и не пренебрегавшимъ никого.

Какой нибудь гуманистъ-теоретикъ, прочтя предшествующія строки, можетъ сказать: «Да это прямая обязанность врача, и нѣтъ тутъ никакой заслуги; поступать иначе—преступленіе». Совершенно вѣрно, да на дѣлѣ-то мы видимъ и теперь очень рѣдко, что врачи отворачиваются отъ такихъ больныхъ, отъ которыхъ нельзя ожидать приличнаго вознагражденія. Это теперь, когда безвозмездная помощь сдѣлалась дѣломъ обыкновеннымъ, а въ то время, т. е. за 45 лѣтъ назадъ, гуманный врачъ, увѣряю смѣло, встрѣчался очень, очень рѣдко.

По отъѣздѣ Шнейдера врачомъ нашего дома сдѣлался Иванъ Алексѣевичъ Воскресенскій, красивый, высокій, еще молодой человекъ, знавшій свое дѣло и имѣвшій большую практику.

Я невольно опять забѣжалъ впередъ и долженъ воротиться. Живо помню, какъ интересовало меня Греческое возстаніе, но не изъ газетъ, а по брошюрамъ о немъ, тогда выходившимъ; какъ сейчасъ гляжу на портреты героевъ борьбы за независимость, Канариса, Бодариса, Колокотрони, Мавромихали и другихъ. Помню, какъ волновалъ меня рассказъ о героической защитѣ и славной гибели жителей Миссолонги. Помню битву Наваринскую, даже нѣкоторыя подробности.

Турецкая кампанія также мнѣ памятна, но такъ какъ объ ней я могъ узнавать лишь изъ газетъ, то помню главные событія и одну только подробность: то, какъ великій князь Михайлъ Павловичъ, при осадѣ Шумлы, желая поближе осмотрѣть крѣпость, взялъ ружье у часового и сталъ на его мѣсто. Нѣсколько минутъ великій князь внимательно смотрѣлъ на укрѣпленія, потомъ отдалъ ружье солдату и пошелъ было прочь, какъ вдругъ часовой упалъ мертвымъ, пораженный ружейною пулею.

Ясно помню портреты Паскевича, Дибича: перваго съ глазами, поднятыми вверхъ, другаго съ умнымъ, но некрасивымъ лицомъ. Изъ событій войны ничто особенно рѣзко не выдѣляется; по рассказъ объ убійствѣ Каподистріи помню очень хорошо, можетъ быть потому, что слышалъ его и слушалъ со вниманіемъ, какъ И. И. Дмитріевъ, лично знавшій Каподистрію, рассказывалъ моему отцу объ его смерти.

Въ памяти моей сохранилось многое, чего я не могу никакъ отнести къ извѣстному времени; такъ напримѣръ, когда въ первый разъ видѣлъ я Балашова, и въ этотъ ли или только во второй—отецъ меня представилъ ему, но помню живо слова отца. «Мои fils», сказалъ онъ, подводя меня къ Александру Дмитріевичу, и прибавилъ: «единственный товарищъ мой въ уединеніи». Балашовъ погладилъ меня по головѣ, сказавъ протяжно: «хорошо, хорошо!» Помню какъ нельзя яснѣе его лицо, умное, энергическое; помню, что онъ былъ въ генеральскомъ мундирѣ, въ эполетахъ, красной лентѣ, звѣздахъ и орденахъ. Ростомъ онъ былъ невеликъ, плотенъ.

Помню, но не такъ ясно, Сергѣя Сергѣевича Кушникова. Его я видѣлъ лишь за нѣсколько шаговъ, при входѣ въ залъ: онъ былъ высокъ, много выше отца, совсѣмъ сѣдъ, безъ усовъ, какъ и Балашовъ, тоже въ мундирѣ, генеральскихъ эполетахъ, синей лентѣ, звѣздахъ и орденахъ. Отецъ ему меня не представлялъ, не знаю почему.

Къ какому времени относится то и другое, рѣшительно не припомню; не могу вспомнить также и того, когда прїѣзжалъ къ отцу Бантышъ-Каменскій, но совершенно ясно помню то, что при входѣ въ залъ, встрѣченный моимъ отцомъ, онъ, будучи ростомъ ниже отца, былъ закрытъ имъ отъ меня, и потому о его наружности я могу сказать лишь то, что онъ былъ нѣсколько ниже средняго роста, помнится, довольно плотенъ, лѣтъ среднихъ—вотъ и все. Но помню, что онъ рассказывалъ отцу о разрытіи, по его приказанію, могилы Меньшикова, или по крайней мѣрѣ могилы, считавшейся за ту, гдѣ погребенъ А. Д. Меньшиковъ. Помню ясно даже цвѣтъ матеріи, кусокъ которой Бантышъ-Каменскій отрѣзалъ отъ платья того, кого признавалъ за Меньшикова. Матерія была буролиловаго цвѣта, тонкая, помнится, похожая на камлотъ. Послѣ я слышалъ, что Б.-К. получилъ строгій выговоръ за разрытіе могилы. По словамъ Б.-К. тѣло того, кого онъ признавалъ за Меньшикова, хорошо сохранилось, что и неудивительно при тамошнихъ морозахъ и постоянно мерзлой отъ нихъ почвѣ, на извѣстной глубинѣ, т. е. на той, гдѣ находился гробъ съ тѣломъ.

Точно также не могу припомнить, когда былъ у отца его сослуживецъ по гвардіи, князь Горчаковъ, человекъ очень старый, меньшаго роста, въ коричневомъ фракѣ. Они разговорились о старинѣ, и Горчаковъ (къ сожалѣнію, имени его не припомню) между прочимъ припомнилъ отцу рассказъ о видѣніи императрицы Анны Іоанновны, гдѣ-то имъ читанный, и съ которымъ онъ въ чемъ-то былъ несогласенъ; въ чемъ именно, я не припомню, но ясно помню его собственный рассказъ. Отецъ Горчакова былъ въ это время во дворцѣ въ караулѣ; онъ былъ тогда еще сержантомъ. Въ полночь, или немного раньше, часовой, стоявшій у тронной залы, увидѣлъ императрицу, вошедшую въ залу; она начала ходить по ней. Удивленный часовой не зналъ что подумать о такомъ несвоевременномъ появленіи государыни. Было извѣстно, что она не совсѣмъ здорова и уже легла въ постель. Вскорѣ появился дежурный офицеръ, обходя часовыхъ и услышавъ о появленіи императрицы, посмотрѣлъ въ залу и, увидѣвъ ее, поспѣшилъ доложить о томъ Бирону, который въ свою очередь поспѣшно пришелъ, посмотрѣлъ и отправился къ императрицѣ. Наскоро одѣвшись и приказавъ взводу солдатъ зарядить ружья и слѣдовать за нею, императрица, въ сопровожденіи Бирона, офицера, командовавшаго взводомъ солдатъ, и еще кого-то, вошла въ тронную залу и обратилась къ своему двойнику съ вопросомъ: «кто ты?» Двойникъ сидѣлъ уже въ это время на тронѣ. Не получивъ отвѣта на вопросъ, повторивъ его еще два раза, императрица обратилась къ солдатамъ и приказала стрѣлять въ свой двойникъ; но

едва тѣ успѣли приложиться, какъ призракъ, поднявъ руки и положивъ ихъ себѣ на голову, исчезъ. Осмотрѣли тронъ, но не нашли ничего, что могло бы объяснить исчезновеніе человѣка, который игралъ бы роль призрака. Говорили, прибавилъ Горчаковъ, что императрица удаляясь сказала: «это смерть моя». Она дѣйствительно скончалась нѣсколько дней спустя, и можетъ быть видѣніе и произведенное имъ впечатлѣніе еще ускорили ея кончину. Кн. Горчаковъ, отецъ рассказывавшаго, былъ, сколько помню, при взводѣ, сопровождавшемъ государыню. Я очень давно ничего не читалъ объ этомъ видѣніи, но читалъ когда-то не разъ, и, сколько помню, рассказъ князя Горчакова мало разнится съ другими рассказами о томъ же.

Съ тѣхъ поръ какъ отецъ мой сдѣлался домохозяиномъ, я, конечно въ свободное отъ уроковъ и ихъ приготовленія время, бѣжалъ къ нему, и если онъ не былъ ничѣмъ занятъ, мы бесѣдовали съ нимъ, о чемъ могли, старикъ за шестьдесятъ пять лѣтъ съ восьми или десятилѣтнимъ ребенкомъ, но бесѣдовали и иногда долго.

Къ глубокому сожалѣнію моему, память сохранила немного рассказовъ моего отца въ такомъ видѣ, чтобы я могъ помѣстить ихъ въ мою автобіографію; большею частію это лишь отрывки, крайне запутанные, которые рѣшительно невозможно возстановить и освѣжить, какъ старую, совсѣмъ почти стертую картину.

Припоминаю, что отецъ, по поводу ли прочтенныхъ газетъ или книги, начиналъ иногда рассказывать что-нибудь. Вотъ два рассказа, которые были вызваны такимъ же образомъ и сохранились въ памяти моей удовлетворительно. По поводу газетнаго извѣстія о поимкѣ какихъ-то разбойниковъ, отецъ мой началъ мнѣ рассказывать о разбояхъ въ началѣ царствованія Екатерины II-й. Разбойничество развито было въ то время сильно, а преслѣдованіе его очень затруднительно, по недостатку путей сообщенія, малочисленности и разбросанности войскъ, громадности разстояній и обширности лѣсовъ. Разъ отецъ мой, еще мальчикъ лѣтъ 11-ти, поѣхалъ съ своимъ отцомъ и мачихою въ гости къ помѣщикамъ Путиловымъ, двумъ братьямъ-холостякамъ, еще не старымъ. На обратномъ пути въ Симбирскъ, гдѣ дѣдъ мой былъ уже тогда (кажется) комендантомъ, они при вѣздѣ въ лѣсъ встрѣтились съ 7 или 8-ю вибитками, наполненными людьми, вооруженными рогатинами, ружьями, саблями и т. п. Это были разбойники. П. А. Бекетова, чело-вѣка въ то время уже очень богатаго, окружала многочисленная, хорошо вооруженная свита; она состояла изъ 12 гусаръ, набранныхъ изъ плѣнныхъ Польскихъ конфедератовъ (ихъ раздавали сановникамъ, такъ

же какъ Калмыковъ), и 12 казаковъ изъ дворовыхъ людей. Тѣ и другіе были вооружены, какъ слѣдовало этому роду кавалеріи. Кромѣ того было еще немало дворовыхъ, поваровъ и пр., тоже не безъ оружія. Разбойники, встрѣтись такъ неожиданно съ многочисленною толпою вооруженныхъ людей, посторонились и дали проѣхать уже всѣмъ экипажамъ, за исключеніемъ повозки съ кухонными принадлежностями, слѣдовавшей сзади. Разбойничьи кибитки пронеслись, и одна изъ нихъ зацѣпила колесомъ за колесо повозки съ кухнею. Конвойный казакъ, увидѣвъ это, ударилъ нагайкою разбойника, правившаго кибиткою. «Проваливай, проваливай! спокойно сказали разбойники, свита-то не по насъ!» Разѣхались, а на другой день узнали слѣдующее.

Разбойники ѣхали именно къ тѣмъ Путиловымъ, у которымъ были въ гостяхъ Бекетовы, приглашенные туда приемышемъ одного изъ братьевъ. Приемышь этотъ, мальчикъ лѣтъ 14 или 15-ти, оказался возрастая шалуномъ, повѣсой, а потомъ уже рѣшительно негодяемъ. Испытавъ мѣры кротости, Путиловъ, видя ихъ совершенную безуспѣшность, вышелъ наконецъ изъ терпѣнія и высѣкъ мальчика. Этотъ скрылся и черезъ нѣсколько времени привелъ разбойниковъ. Дѣло было къ вечеру; уже смеркалось. Разбойники, не встрѣчая сопротивленія, окружили домъ. Одинъ изъ Путиловыхъ былъ въ саду, или успѣлъ туда спастись; другой, ружейный охотникъ, ушелъ наверхъ, въ комнату, гдѣ помѣщался его арсеналъ. Съ нимъ же ушелъ было туда каменщикъ или печникъ, у него работавшій, заявляя желаніе съ нимъ вмѣстѣ защищаться; но Путиловъ не принялъ отъ него великодушнѣйшей жертвы и уговорилъ спастись, пока есть еще время. Можетъ быть, онъ подозрѣвалъ измѣну. Тотъ спустился, кажется, изъ окна на веревкѣ и спасся. Путиловъ, имѣвшій много оружія и снарядовъ, сталъ надъ лѣстницею съ двухствольнымъ ружьемъ и пистолетами, рѣшившись встрѣтить нападающихъ и дорого продать жизнь. На узкой лѣстницѣ, ведшей въ оружейную комнату, появился приемышь его, сопровождаемый двумя разбойниками. Путиловъ встрѣтилъ ихъ мѣткими выстрѣлами и положилъ всѣхъ троихъ. Другіе разбойники, видя его рѣшимость и мѣткость выстрѣловъ, не рѣшились возобновить нападенія. Онъ баррикадировалъ лѣстницу и подошелъ къ окну. Разбойники стрѣляли въ него, но не попадали, а Путиловъ, отличный стрѣлокъ, ранилъ и убилъ еще четверыхъ или пятерыхъ. Разбойники, разграбивъ домъ, начали уговаривать Путилова сойти, увѣряя, что не сдѣлаютъ ему зла. Онъ отвѣчалъ выстрѣлами. Тогда разбойники зажгли домъ, и Путиловъ погибъ въ пламени, или застрѣлился—навѣрно неизвѣстно; потому что, когда огонь достигъ оружейной, раздалось нѣсколько выстрѣловъ изъ нагрѣвавшаго-

ся оружія. Вѣроятно же, что онъ задохнулся отъ дыма, потому что еслибы онъ въ самомъ дѣлѣ застрѣлился, то послышался бы прежде одинокій выстрѣлъ.

Другой братъ могъ бы спастись, но, не слыша болѣе ни стрѣльбы, ни шума, заключилъ, что разбойники уже уѣхали, покинулъ свое убѣжище и былъ схваченъ разбойниками. Они долго жарили его на медленномъ огнѣ, допытываясь, не спрятаны ли гдѣ-нибудь деньги или дорогія вещи, въ саду или подпольяхъ. Несчастный Путиловъ погибъ въ ужасныхъ мученіяхъ.

Этотъ разсказъ относится, кажется, къ эпохѣ Пугачевской. Другой разсказъ отца моего о разбойникахъ относится къ позднѣйшему времени. Отецъ былъ тогда уже человѣкомъ взрослымъ. Вѣроятно онъ пріѣзжалъ къ роднымъ въ отпускъ изъ Петербурга. Разсказъ этотъ, помню живо, былъ вызванъ разговоромъ о неосторожномъ обращеніи съ порохомъ. Неподалеку отъ Симбирска или отъ имѣнія П. А. Бекетова (послѣднее вѣрнѣе) жила старушка-помѣщица, Марья Ивановна Стрѣлкова; женщина небогатая, но очень бережливая, она скопила около 20 т. рублей и изъ предосторожности держала деньги въ видѣ мѣдной монеты, которую не такъ легко увезти. Нужно прибавить, что тогдашняя мѣдная монета чеканилась такъ, что металломъ стояла дороже нарицательной цѣны своей. М. И. по недовѣрчивости не пускала денегъ въ оборотъ и не клала въ сохранныю казну.

Однажды, въ началѣ ночи, въ отсутствіе Стрѣлковой, явилась къ ней въ имѣніе шайка разбойниковъ, числомъ около пятнадцати. Лица у всѣхъ были исправно вымазаны сажею. Какъ обыкновенно, ни крестьяне, ни дворовые не оказали ни малѣйшаго сопротивленія, но староста оказался исключеніемъ: преданный помѣщицѣ, смѣлый, атлетическаго сложенія, онъ попытался сопротивляться и отстоять барское добро отъ расхищенія. Безъ оружія, призывая на помощь, бросился онъ на одного изъ разбойниковъ, схватилъ и началъ душиить. Разбойникъ не успѣлъ употребить въ дѣло оружія: такъ быстро и неожиданно было нападеніе. Сдавленный могучими руками старосты, онъ захрипѣлъ и готовъ былъ упасть безъ чувствъ, а можетъ быть и безъ жизни; но одинъ изъ его товарищей успѣлъ во время приставить къ боку старосты ружье и выстрѣлить. Староста упалъ мертвымъ.

Разбойники не успѣли поживиться многимъ: они увезли три или четыре воза мѣдной монеты, не больше. Предосторожность Стрѣлковой оказалась бесполезною. Разбойники впрочемъ очень спѣшили и не безъ основанія. Я уже сказалъ, что имѣніе Стрѣлковой находилось не-

подалеку отъ Бекетовскаго; тамъ узнали почему-то о нападеніи, сдѣланномъ разбойниками на усадьбу М. И., и распорядились немедленно послать туда отрядъ вооруженныхъ людей для отпора разбойникамъ и, если можно, ихъ поимки. Сборы начались поспѣшно: сѣдлали лошадей, заряжали оружіе. Отецъ мой пошелъ посмотрѣть туда, гдѣ заряжалось оружіе, и нашель, что нѣсколько человѣкъ, стоя около большого стола, заряжали ружья и пистолеты. На столѣ была насыпана порядочная кучка пороха, въ нѣсколько фунтовъ, и горѣло двѣ или три свѣчи. Порохъ брали щепотьями, на глазъ, и сыпали въ дула... Отецъ былъ изумленъ тою крайней неосторожностью и безпечностью, съ какою обходились съ порохомъ, велѣлъ принести фонарей и распорядился дѣломъ съ болшимъ порядкомъ. Но когда посланные прибыли въ имѣніе Стрѣлковой, то уже не застали тамъ разбойниковъ, а нашли только слѣды грабежа и трупъ несчастнаго старосты, погибшаго жертвою вѣрности. Одинъ въ полѣ не воинъ! Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что разбойники были дворовые люди господъ Бобоѣдовыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ въ это время уѣзднымъ судьбою. Они сами предводительствовали шайкою. Это былъ не одиночный, хотя, къ счастью, и не часто повторявшійся на Руси случай «дворянскихъ» разбоевъ. Нетрудно припомнить рассказы г-жи Толычевой и др.

Отецъ мой любилъ собакъ и держалъ много разныхъ породъ, начиная отъ Датскихъ и Меделянскихъ (медіоланскихъ?) и кончая мопсами и шпицами. Говоря о собакахъ, ихъ привязанности къ человѣку и услугахъ, которыя они ему оказываютъ, нерѣдко даже спасаютъ ему жизнь, отецъ рассказалъ мнѣ случай, бывший съ извѣстнымъ Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, и до того Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ при Екатеринѣ II-й, Архаровымъ.

Однажды, въ лѣтнюю ночь, Архаровъ, имѣвшій огромную Датскую собаку, которая была при немъ почти безотлучно и ночевала въ его спальнѣ, проснувшись, видитъ, при слабомъ свѣтѣ начинающейся зари, что возлѣ его постели стоитъ человѣкъ, вооруженный длиннымъ ножомъ. Другой поспѣшно выбираетъ изъ комода или шифоньерки дорогія вещи и передаетъ въ отворенное окно третьему, стоявшему подъ окномъ. Собака спитъ подъ столомъ. Архаровъ съ свойственнымъ ему присутствіемъ духа закрылъ глаза и притворился спящимъ. «Вотъ, думалъ онъ, хорошъ вѣрный сторожъ, онъ спитъ себѣ преспокойно, въ то время какъ разбойники забираются въ спальню хозяина, грабятъ тамъ и въ заключеніе, можетъ быть, и зарѣжутъ меня!»

Прошло нѣсколько минутъ. Выбравъ чтò можно, разбойникъ вылѣзъ въ окно; тотъ, который стоялъ возлѣ Архарова, подошелъ также

къ окну и занесъ уже ногу, какъ вдругъ собака выскочила изъ-подъ стола, какъ тигръ бросилась на разбойника, схватила его за горло, ударивъ объ полъ, оставила замертво и бросилась въ окно. Послышались два крика; Архаровъ позвалъ прислугу; она сбѣжалась и нашла всѣхъ троихъ разбойниковъ замертво. Былъ ли кто изъ нихъ задушенъ, была ли ранена собака, не припомню. Впослѣдствіи Архаровъ былъ вынужденъ отправить собаку эту въ ссылку за то, что она потрепала и едва не задушила любимую собачку императрицы Екатерины II.

Чтобы не возвращаться болѣе къ разбойникамъ и разбойничеству, прибавлю, что оно внушало такой страхъ, что въ губернскомъ городѣ Симбирскѣ нерѣдко подкидывались письма съ требованіемъ внести въ назначенное мѣсто и время извѣстную сумму денегъ, съ угрозою, въ случаѣ неисполненія требованія, сжечь домъ того, къ кому оно относилось. Нерѣдко требуемая сумма доставлялась по назначенію; нерѣдко также домъ тѣхъ, кто рѣшался не исполнить разбойничьяго требованія, загорались, очевидно вслѣдствіе поджога. Это было при Екатеринѣ II-й. А флотилія на Волгѣ, специально назначенная для преслѣдованія разбойниковъ на Волгѣ, уничтожена по распоряженію правительства лишь въ позднѣйшее время.

Въ страшную эпоху Пугачевщины отецъ мой былъ еще очень молодъ, ему было около 11 лѣтъ, но во всякомъ случаѣ и самъ онъ, конечно, кое-что помнилъ и, разумѣется, слышалъ много; но къ сожалѣнію, изъ разсказовъ его я не помню ничего настолько ясно, чтобы могъ привести что-нибудь. Между тѣмъ, совершенно незначительный разсказъ бабушки моей, относящійся къ этому времени, уцѣлѣлъ какъ-то въ моей памяти. Она разсказала мнѣ однажды, что въ деревню, ея родину, явилась шайка Пугачевскихъ разбойниковъ, что всѣ крестьяне были въ страхъ за жизнь и имущество, частію разбѣжались и скрылись въ ближайшихъ лѣсахъ, частію спрятались, гдѣ кто успѣлъ. Одна крестьянская дѣвушка спряталась подъ опрокинутую кадку; но конецъ ленты, которая была вилетена въ ея косу, выставился изъ-подъ кадки, и бабушка моя, дѣвочка лѣтъ семи, увидѣвъ кончикъ ленты, принялась тянуть ее. Дѣвушка шепотомъ просила бабушку отойти и спрятаться, грозя, что, если она этого не сдѣлаетъ, ихъ обѣихъ зарѣжутъ. Ленту она вытянула къ себѣ безъ труда изъ слабыхъ рукъ бабушки, которая послушалась и спряталась сама куда-то. Помнится, что сподвижники Пугачева не надѣлали въ этой деревнѣ особенныхъ бѣдъ.

Я уже сказалъ прежде, что одна изъ Мясниковыхъ вышла за Дурасова. Вслѣдствіе этого брака Дурасовы состояли въ свойствѣ съ Бе-

кетовыми. Я не помню, прїѣзжалъ ли когда-нибудь къ отцу моему Андрей Зиновьевичъ Дурасовъ: вообще объ немъ я мало слышалъ. Но о братъ его, Михаилъ Зиновьевичъ, знаю слѣдующее.

Какъ большая часть дворянъ Екатерининскаго времени, онъ служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ несчастномъ походѣ Русскихъ войскъ въ Швейцарію, подъ начальствомъ Римскаго-Корсакова. Оставленные, по обыкновенію, союзными Австрійскими войсками въ жертву Французамъ, предводимымъ Массеною, Русскіе потерпѣли, какъ извѣстно, пораженіе во второмъ сраженіи при Цюрихѣ. Дурасову было поручено охранять одинъ изъ важныхъ, по мнѣнію главнокомандующаго, пунктовъ позиціи, на который Массена производилъ ложную атаку. Дурасовъ исполнялъ возложенное на него порученіе, какъ могъ, и отражалъ нападеніе; но Массена, отвлекая такимъ образомъ вниманіе Русскихъ отъ мѣста, куда намѣревался произвести дѣйствительное нападеніе, успѣлъ въ этомъ и разбилъ Русское войско. Дурасовъ сохранилъ пушки и отвелъ свой отрядъ, не потерпѣвшій большихъ потерь, къ удовлетворительномъ порядкѣ. Императоръ Павелъ, раздраженный неудачами нашихъ войскъ и поступками Австрійцевъ, отнесся строго къ нѣкоторымъ лицамъ, участвовавшимъ въ кампаніи, и между прочими къ Дурасову. Онъ былъ исключенъ изъ службы.

Такимъ образомъ карьера Дурасова была разбита, честолюбіе уязвлено глубоко, и, что всего важнѣе, онъ самъ повидимому убѣдился въ томъ, что былъ причиною разбитія арміи и гибели многихъ соотечественниковъ. Все это сильно на него подѣйствовалъ и при его впечатлительномъ пылкомъ характерѣ довело его до мрачнаго настроенія, перешедшаго въ меланхолію. М. З. началъ по временамъ заговариваться: иногда онъ произносилъ: «отойдите, отойдите!» хотя не къ кому было отнестись съ этими словами. Иногда, также безпричинно, онъ примѣшивалъ къ разговору что-то въ родѣ вопроса: «тотъ что-ль? тотъ?» и т. п. Наконецъ, взявъ съ собою двухъ слугъ, онъ уѣхалъ куда-то и исчезъ. Прошло довольно много времени, прежде нежели узнали, что Дурасовъ въ Соловецкомъ монастырѣ на послушаніи. Онъ изумлялъ Соловецкихъ монаховъ строгостью жизни. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Не припомню, вслѣдствіе чего онъ покинулъ Соловецкій монастырь и, испросивъ согласіе жены (женатъ онъ былъ на графиню Толстой, родной сестрѣ графини Закревской), поступилъ въ Симоновъ монастырь, гдѣ и постригся. Въ Симоновомъ монастырѣ Дурасовъ принялъ схиму и съ этого времени сдѣлался невидимъ. Его слуга, приносявшій ему кушанье, ставилъ его въ первой кельѣ и уходилъ. Тогда схимникъ бралъ пищу, уносилъ во вторую келью и запиралъ дверь. Въ церковь ходилъ онъ по корри-

дору, проведенному изъ его кельи, и стоялъ въ церкви въ крытомъ помѣщеніи, за густою рѣшеткою, не позволяющею его видѣть. Такъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ. Однажды служитель, приносившій кушанье, увидѣлъ на другой день, что оно цѣло. Заключая изъ этого, что схимникъ боленъ, онъ отправился къ архимандриту Мельхиседеку и сообщилъ ему свои опасенія. Архимандритъ пошелъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ въ келью, постучался въ дверь, позвалъ схимника по имени—нѣтъ отвѣта. Отперли дверь и нашли Дурасова уже охладѣвшимъ.

Бывшій попечителемъ Московскаго университета А. А. Писаревъ былъ женатъ на дочери Дурасова и потому находился въ свойствѣ съ моимъ отцомъ, хотя уже отдаленномъ. Онъ бывалъ у отца очень рѣдко: я помню лишь одинъ разъ, какъ онъ пріѣхалъ къ отцу верхомъ, и очень смутно помню даже его наружность.

Изъ профессоровъ Московскаго университета, посѣщавшихъ изрѣдка отца, я помню М. П. Погодина, А. Ѳ. Мерзлякова, И. А. Двигубскаго, И. М. Снѣгирева. Послѣдній, не знаю почему, бывалъ у отца чаще другихъ, хотя, сколько помню, отецъ мой не очень ему симпатизировалъ. О немъ я впослѣдствіи скажу еще нѣсколько словъ.

Что касается до Михаила Петровича, то какъ современникъ онъ не нуждается въ описаніи.

Мерзляковъ, сколько помню, былъ человекъ небольшого роста, плотный, съ красноватымъ лицомъ, брюнетъ; говорилъ съ жаромъ, когда дѣло касалось чего-нибудь интересовавшаго его лично, или по отношенію къ поэзіи. И. А. Двигубскій былъ, помнится, средняго роста, полонъ, лимфатичень, съ добродушнымъ и умнымъ выраженіемъ лица.

Помню Ловецкаго, Максимовича, Сахарова, Тромонина, Артѣмова. Объ нихъ скажу впослѣдствіи нѣсколько словъ.

Между тѣмъ Ѳ. Д. Шнейдеръ возвратился изъ Турціи, съ медалью на Георгіевской лентѣ, съ лицомъ загорѣлымъ и пріобрѣтшимъ выраженіе болѣе рѣшительное и мужественное. Всѣ мы очень ему обрадовались.

Учебныя занятія шли уже далеко не такъ хорошо, какъ прежде: я хуже приготовлялъ уроки, былъ менѣе внимателенъ въ классѣ, вообще учился слабѣе. Причиною тому было раннее занятіе «изящной словесностью» и рисованіемъ: я слишкомъ много употреблялъ на нихъ времени, и его уже не доставало мнѣ для моихъ учебныхъ занятій; многія казались мнѣ уже нѣсколько скучны. Вскорѣ въ моихъ учебныхъ занятіяхъ произошелъ перерывъ, немало имъ повредившій.

Настала осень 1830 года. Уже раньше слышалось, что приближается холера, болѣзнь неизвѣстная до того времени въ Россіи. Но слухи эти были нѣсколько смутны; отецъ старался, повидимому, если не скрывать того, что слышалось, то по крайней мѣрѣ выказывать дѣло въ видѣ не очень страшномъ, чтобы не произвести паники. Итакъ, настала осень. Былъ пасмурный, но не холодный день. Я пошелъ стрѣлять изъ лука въ цѣль, что дѣлалъ обыкновенно шагахъ во ста отъ дома, на газонѣ довольно обширномъ. Цѣль я прикрѣплялъ на холостомъ строеніи.

Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, я собирался уже возвратиться, какъ вдругъ изъ темной липовой аллеи, въ это время уже полуобнаженной, показался вооруженный человѣкъ. Я остановился. Человѣкъ, вышедшій изъ аллеи, направился ко мнѣ. Это былъ кавалеристъ; на правомъ боку висѣлъ у него карабинъ, на лѣвомъ кавалерійская сабля; въ рукѣ у него было пустое ведро. Я спросилъ его, что ему нужно, и онъ объяснилъ мнѣ, что они солдаты Ермоланскаго полка (Ингерманландскаго), поставлены пикетомъ возлѣ нашей дачи, что ихъ трое при унтеръ-офицерѣ, и что онъ пришелъ просить чего-нибудь съѣстнаго. Я повелъ его къ дому и, сказавъ, чтобы онъ подождалъ, пошелъ къ отцу и рассказалъ ему объ этой встрѣчѣ. Отецъ, нѣсколько удивленный, велѣлъ позвать солдата, и тотъ объяснилъ ему тоже, что и мнѣ; прибавивъ, что къ сумеркамъ придетъ пѣхота и станетъ цѣпью около вала. Когда солдату дали всего, что нужно: щей, квасу и, помнится, водки, и послали съ нимъ слугу, чтобы помочь ему донести обѣдъ, я отправился съ ними посмотрѣть «пикетъ».

На концѣ нашей дачи, за заборомъ, между нимъ и валомъ, стояли дѣйствительно кавалеристы. Они были очень благодарны за обѣдъ, и унтеръ-офицеръ подтвердилъ мнѣ все сказанное солдатомъ. Къ нимъ вскорѣ явился казакъ. Какъ сейчасъ вижу эту фигуру атлета, небольшого роста, въ сѣромъ, съ саблею на боку и нагайкой въ рукѣ. Лицо казака, человѣка лѣтъ 45, выражало лукавство, увѣренность и грубость; цвѣтъ лица его былъ изжелта-смуглый; усы коротко подстрижены. Онъ заспорилъ съ унтеръ-офицеромъ о пропускѣ барокъ съ казеннымъ грузомъ. Унтеръ-офицеръ упорно и настойчиво говорилъ, что пропустить нельзя, а казакъ утверждалъ, что невозможно не пропустить барокъ съ казеннымъ грузомъ. «Покажи мнѣ предписаніе, и я пропущу», говорилъ унтеръ-офицеръ. «Я самъ живое предписаніе», возражалъ казакъ. Барокъ однакожь не пропустили.

Къ вечеру, когда уже стемнѣло, подошла пѣхота и стала цѣпью за валомъ. Въ темнотѣ слышались ея оклики. Въ какомъ разстояніи

расположены были солдаты, не припомню, хотя ясно помню цифру 50, но аршинъ или сажень? Первое вѣроятнѣе.

Я помню, что было предписано или, правильнѣе сказать, предлагалось публикѣ курить въ комнатахъ уксусомъ съ мятою, можжевельникомъ, хлоровою водою, которую тогда называли большею частью «хлориновою» водою. Совѣтовали пить дегтярную воду, которую приготавливали вливая, помнится, стаканъ кипятку на столовую ложку чистаго дегтя, помѣшивали нѣкоторое время, давали отстояться и остынуть и пили, оставляя осадокъ. Питье было очень непріятное, но я и другіе пили эту воду довольно долго. Носили на шеѣ луковку чесноку; люди со средствами употребляли вмѣсто этого уксусъ четырехъ разбойниковъ, небольшая скляночка котораго стоила довольно дорого. Помню, что запахъ этого уксуса былъ нѣсколько сходенъ съ запахомъ туалетнаго уксуса. Другихъ средствъ, которыя употреблялись какъ предохранительныя противъ холеры, не припомню.

Начали печататься въ газетахъ извѣстія о ходѣ болѣзни; они были ужасны: заболѣвало огромное число людей; процентъ умирающихъ былъ неутѣшительнъ, около половины. Тяжелое было время: паника, усиливаемая карантинными мѣрами, была подавляющая, и хотя страшна была болѣзнь, но впечатлѣніе, ею производимое, было удвоено паникою. Преувеличенные разказы о губительности холеры, о томъ, что въ газетныхъ извѣстіяхъ сообщается едва ли о половинѣ заболѣвающихъ и еще менѣе о дѣйствительномъ числѣ умирающихъ, что холера если не такъ же, то почти такъ же смертельна, какъ чума, наполняли ужасомъ и уныніемъ даже веробкія души. О себѣ впрочемъ я могу сказать, что не чувствовалъ особеннаго страха, даже очень мало боялся лично за себя; но какое-то смутное, тяжелое, псдавляющее чувство, смѣшанное съ недоумѣніемъ, при видѣ всего совершавшагося, тяготѣло надо мною.... Боязнь же если и закрадывалась въ душу мою, то не за себя, а за близкихъ сердцу.....

Сообщенія, за исключеніемъ необходимѣйшихъ, прекратились: всѣ сидѣли дома, какъ въ карантинѣ.

Нѣсколько недѣль прошло для меня безъ моихъ обычныхъ занятій ученьемъ: учителя мои не ходили ко мнѣ; но потомъ, когда паника нѣсколько поутихла и сообщенія начали возстановляться, они, предварительно снесясь съ моимъ отцомъ, начали къ нимъ пріѣзжать, и ученье пошло попрежнему.

Когда была снята цѣпь—не помню.

Петръ Петровичъ Бекетовъ былъ въ это время подъ опекою, что крайне неприятно было моему отцу, не терпѣвшему ничего скандальнаго и принимавшаго къ сердцу все, что касалось до родныхъ, тѣмъ болѣе братьевъ или другихъ близкихъ. Онъ былъ далеко равнодушенъ и къ тому, что касалось до людей, для него совершенно постороннихъ.

Въ пользу пострадавшихъ отъ холеры семействъ на больницы и предохранительныя средства было сдѣлано много пожертвованій, въ числѣ которыхъ были весьма значительныя. Память моя сохранила имена лишь немногихъ изъ жертвовавшихъ, независимо отъ значительности или скромности ихъ пожертвованій.

Отецъ мой, хлопотавшій объ освобожденіи изъ подъ опеки Петра Петровича, подалъ ему совѣтъ: сдѣлать доброе дѣло—пожертвовать въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ холеры, и съ тѣмъ вмѣстѣ крупнымъ пожертвованіемъ достигнуть желаннаго результата, освобожденія изъ подъ опеки.

Извѣстный писатель того времени, впоследствии цензоръ, Сергій Николаевичъ Глинка, взялся подать просьбу на высочайшее имя и съ подписаннымъ П. П. прошеніемъ отправился въ Петербургъ. П. П. просилъ Государя дозволить ему пожертвовать изъ принадлежащихъ ему средствъ въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ холеры, въ Петербургъ сто тысячъ и въ Москвѣ для той же цѣли двѣсти тысячъ руб. асс. Вмѣстѣ съ тѣмъ П. П. просилъ по собственному побужденію сто тысячъ руб. асс. на ссуду заимообразно брату Платону Петровичу.

Высочайшее соизволеніе на принятіе пожертвованія послѣдовало, и результатомъ было снятіе съ П. П. опеки. Изъ 100 т. р., испрошенныхъ имъ въ ссуду отецъ мой получилъ 40 т. р.; остальные 60 т. р. П. П. нашелъ нужнымъ удержать на собственные расходы. Это фактъ, о которомъ я слышалъ, какъ говорили оба Дмитріевы, Глинка и, не помню, кто-то еще, съ негодованіемъ.

На пожертвованные П. П. для семействъ пострадавшихъ отъ холеры въ Москвѣ 200 т. р. былъ купленъ домъ графа Апраксина, на Знаменкѣ, и въ немъ устроено «холерное заведеніе», какъ называли тогда, теперешняя военная гимназія.

Холера, похитившая столько жертвъ, не скоро уступила морозамъ и, сколько помню, начала ослабѣвать только въ концѣ Января. Наша Симоновская слобода была пощажена холерою.

О возмущеніи Новгородскихъ военныхъ поселеній я ничего не помню, хотя навѣрно отцу моему сообщали о немъ и Дмитріевы, и Ба-

дашовъ, и вѣроятно кто-нибудь еще. Не понимаю, какъ могло случиться, что я не слышалъ объ этомъ событіи.

Первое извѣстіе объ Іюльской революціи сообщилъ отцу моему книгопродавецъ Салаевъ, состоявшій съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ: онъ доставлялъ ему книги и пріобрѣлъ отъ отца моего принадлежавшее ему право на изданіе сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. Живо помню, что Салаевъ привезъ чье-то письмо, гдѣ описана была ожесточенная рѣзня въ Парижѣ, результатомъ которой было низверженіе Карла X-го. Чтеніе этого письма произвело на меня сильное впечатлѣніе. Какъ отголосокъ Іюльской революціи, вспыхнула Польская: одно бѣдствіе за другимъ поражало Россію.

Отецъ мой постоянно читалъ газеты, но меня онѣ мало занимали, и только съ появленіемъ въ нихъ извѣстій о ходѣ военныхъ дѣйствій въ Польшѣ я началъ интересоваться ими, и не смотря на мой возрастъ, съ живымъ участіемъ и волненіемъ слѣдилъ за чтеніемъ реляцій. Нерѣдко, когда время, свободное отъ учебныхъ занятій, позволяло мнѣ, я читалъ отцу вѣдомости, и, помню, съ какимъ волненіемъ прочитывалъ я извѣстія о сраженіяхъ при Сѣдлецѣ, Остроленкѣ и др. упорныхъ и кровопролитныхъ битвахъ. Наконецъ, по смерти Дибича, начальство надъ дѣйствовавшею въ царствѣ Польскомъ арміею принялъ Паскевичъ, и послѣ упорной обороны Варшава сдалась. Помню даже пѣснь, съ которою колонны шли на штурмъ:

„Ахъ, зачѣмъ было городъ городить.
Для чего было напустку садить!“

Послѣдній актъ кровавой драмы настаетъ: остатки Польскихъ войскъ слагаютъ оружіе, начинается кара.

Дача отца моего находилась возлѣ Камеръ-Коллежскаго вала, за которымъ пролегла дорога, выходящая на Владимирскую. Живо помню, какъ по этой дорогѣ одна за другой потянулись партіи ссыльныхъ Поляковъ. Съ балкона нашего дома я смотрѣлъ нерѣдко на проходившія значительныя партіи; нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, были не менѣе 600—700 человекъ, подъ конвоемъ, повидимому, цѣлой роты пѣхотныхъ солдатъ и 30—40 казаковъ.

Болѣзненно сжималось мое юное сердце при видѣ этихъ несчастныхъ, хотя и виновныхъ, которые, бряцаая цѣпями, тащились въ дальній путь, въ страну суровую, на тяжкія работы. Партій этихъ прошло много; сколько помню, я насчиталъ до сорока, а я конечно не всѣ ихъ видѣлъ. При каждой почти партіи было по нѣскольку повозокъ, на которыхъ ѣхали женщины и больные, или почему либо не могшіе идти пѣшкомъ.

Грустнымъ взглядомъ слѣдилъ я за удалявшимися, и не во мнѣ одномъ возбуждали они состраданіе: многіе объ нихъ жалѣли.

Верстахъ въ двухъ отъ дачи моего отца находились Крутицкія казармы, въ то время занимаемыя жандармами. Трое или четверо изъ числа тогдашнихъ жандармскихъ офицеровъ были любителями если не охоты, то прогулки съ ружьемъ и стрѣльбы. Они нерѣдко ходили мимо дачи отца моего по берегу Москвы-рѣки, пострѣливая по голубямъ, чайкамъ, иногда по куличкамъ; потомъ заходили въ Тюфелеву рошу, гдѣ специально стрѣляли дятловъ, которыхъ было тамъ много, и изрѣдка стрѣляли по коршунамъ, съ пронзительнымъ крикомъ носившимся надъ вершинами сосенъ. Имена этихъ офицеровъ, за исключеніемъ двухъ, не сохранились въ моей памяти. Помню Абрамова, высокаго блондина, человѣка очень симпатичнаго; я встрѣчалъ его потомъ нѣсколько разъ въ театрѣ и благороднаго собраніи. Онъ былъ нѣсколько похожъ на извѣстнаго генерала Кухаренко. Помню еще Тихменева, плотнаго, небольшого средняго роста, съ темными волосами. Этотъ, кажется, умеръ въ концѣ тридцатыхъ годовъ.

Я сначала, присоединяясь къ этимъ офицерамъ, сопровождалъ ихъ за полверсты отъ дачи, потомъ подальше, а наконецъ, когда самъ обзавелся ружьемъ, началъ ходить съ ними въ Тюфелеву рошу, принадлежавшую тогда Балашову, и тоже истреблялъ дятловъ; но большее число выстрѣловъ моихъ было направлено противъ коршуновъ, безъ особенно непріятныхъ для нихъ послѣдствій.

Учитель мой, Н. В. Богдановъ, былъ довольно спесивителемъ, но, какъ добросовѣстный человѣкъ, не желая брать деньги за уроки, приносившіе такъ мало пользы учащемуся, началъ относиться ко мнѣ строже. Однажды, когда я приготовилъ плохо заданный мнѣ урокъ, да и въ классѣ былъ разбѣянь и невнимателенъ, онъ написалъ въ отбѣткѣ: «безуспѣшно». На бѣду мою, въ этотъ самый день послѣ классовъ я хотѣлъ отпроситься у отца въ Тюфелеву рошу, гдѣ по соглашенію съ жандармскими офицерами мы должны были сойтись. Эти дятлы, голуби, чайки и кулики занимали меня болѣе учебныхъ предметовъ.

Видя аттестатъ, написанный Богдановымъ, я не сомнѣвался, что отецъ не позволитъ мнѣ отлучиться, и что вмѣсто всѣхъ предполагаемыхъ удовольствій, мнѣ придется сидѣть дома и заниматься приготовленіемъ новыхъ и повтореніемъ прежнихъ уроковъ, плохо приготовленныхъ мною. Какъ выйти изъ такой дилеммы? Во мнѣ происходила борьба недолгая, но упорная. Я, говоря вообще, былъ мальчикъ честный, но слабая была спесь, и я не устоялъ; я рѣшился на мерзкую и глупую

хитрость: обмакнувъ перо, я положилъ на несчастное «без» крупную каплю чернилъ, и когда отецъ спросилъ у меня тетрадь съ отмѣтками, подаль ее съ смущеніемъ, чувствуя, что сдѣлалъ дурно. «Что это?» спросилъ отецъ, указывая на чернильное пятно. Я запнулся.—«Что это?» повторилъ отецъ, указывая на слово «успѣшно». — «Успѣшно», прочелъ я тихо, съ смущеніемъ. Обыкновенно кроткій и снисходительный отецъ мой разсердился: фальши и низости онъ не терпѣлъ. Онъ толкнулъ меня, почти ударилъ рукою, державшею тетрадь, и грозно произнесъ: «пошелъ вонъ!» Я испугался, заплакалъ, упалъ на колѣни, прося прощенія... Прибѣжала мать.—«Возьми его, сказалъ отецъ, и чтобы онъ не смѣлъ мнѣ показываться!» Въ тонѣ голоса отца и выраженіи лица его, обыкновенно кроткихъ, было столько гнѣвнаго и непреклоннаго, что мать моя, ничего не возражая и не спрашивая, молча увела меня поскорѣе... Помнится, это было въ Суботу. Воскресенье я провелъ актъ тже, какъ и вечеръ Суботы, не показываясь отцу, подавленный какъ его гнѣвомъ, такъ и пробудившимся сознаниемъ тяжести моей вины. До совершения ея, увлекаемый желаніемъ удовлетворить своей страсти къ охотѣ, легкомысленно и разсѣяно относясь къ тому, что готовился сдѣлать, я всетаки чувствовалъ и сознавалъ, что дѣлаю дурное дѣло, и положилъ роковую каплю чернилъ послѣ колебанія и нерѣшимости, съ отвращеніемъ. Но, повторяю, страстишка превозмогла, и скверное дѣло было сдѣлано. Теперь, оставаясь большею частью одинъ, безъ книгъ (отецъ запретилъ давать ихъ мнѣ), я предавался на досугъ моимъ грустнымъ и, могу сказать, мрачнымъ размышленіямъ о томъ, что сдѣлалъ.

Утромъ въ Понедѣльникъ не было никого изъ учителей, не помню почему; но часу въ 4-мъ пріѣхалъ Некрасовъ, учитель рисованія. Отецъ принялъ его въ своей спальнѣ; я сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ и могъ отъ слова до слова слышать ихъ разговоръ. Отецъ сказалъ Некрасову, что прекращаетъ ученіе мое, котораго я недостоинъ. Я горько заплакалъ, услышавъ эти слова отца. Некрасовъ выразилъ, какъ умѣлъ, сожалѣніе о случившемся. Отецъ, по обыкновенію, пригласилъ его обѣдать. Я не присутствовалъ при ихъ обѣдѣ. На четвертый день или въ Понедѣльникъ вечеромъ отецъ позвалъ мать и меня: «Такъ какъ ты не стоишь того, чтобы сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ, да и самъ того не хочешь, то отправляйся въ людскую». Мать взяла со стула сѣрый, крестьянскаго сукна, армякъ и сказала, чтобы я надѣлъ его. Я зарыдалъ, бросился на колѣни, началъ просить прощенія, мать присоединила свои просьбы къ моимъ, и наконецъ справедливый гнѣвъ отца моего смягчился; онъ простилъ меня, но сказалъ съ твердостью: «На этотъ разъ я тебя прощаю, но смотри, чтобы ничего подобнаго впредь не было,

я могу прощать шалости, даже лѣнь, но низости не прощу. Мой сынъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ, иначе онъ не сынъ мой».

Это происшествіе оставило благопріятный слѣдъ: впечатлѣніе, имъ на меня сдѣланное, было сильно и глубоко. Если я на немъ остановился и рассказалъ возможно подробно, то потому, что случай этотъ характеризуетъ моего отца. То, что онъ отнесся къ поступку моему строго, было съ его стороны не фразою, а вытекало изъ искренняго убѣжденія.

Послѣ этого на нѣкоторое время учебныя занятія мои пошли лучше, но ненадолго; явилась новая помѣха моимъ занятіямъ: химія или, лучше сказать, алхимія заняла меня.

Если скромныя воспоминанія мои попадутъ комунибудь въ руки, и терпѣливый читатель дойдетъ до предшествующей страницы, ему покажется крайне смѣшно, что мальчикъ моихъ лѣтъ началъ заниматься алхиміей. Мнѣ и самому это казалось впоследствии очень, очень смѣшнымъ, но въ то время я принялся за «дѣло» съ усердіемъ и увлеченіемъ. На бѣду мою, въ библіотекѣ моего отца была книга: «Открытыя тайны древнихъ магиковъ». Это былъ сборникъ въ нѣсколько томовъ, въ которомъ рядомъ съ кое-какими свѣдѣніями по части химіи и физики находились фокусы, не лишеныя занимательности для дѣтей, и, кромѣ того, бредни алхимиковъ о философскомъ камнѣ и т. п. Вотъ это-то и понравилось мнѣ, это-то и подѣйствовало на мое воображеніе. Превращеніе «неблагородныхъ» металловъ въ золото и другіе «благородные» металлы показалось мнѣ пріятнымъ и полезнымъ. Склонность, стремленіе къ необыкновенному, чудесному—удѣлъ не однихъ только дѣтей. Теофрастъ, Парацельсъ, Нострадамусъ и столько другихъ, несомнѣнно даровитыхъ людей, въ то время, когда естественныя науки стояли еще на очень низкой степени, и даже несравненно позднѣе, доказываютъ, что не одно только пылкое дѣтское воображеніе можетъ увлекаться химерами. Въ наше время появляются же люди, упорно отыскивающіе «вѣчное движеніе». Неудивительно, что 13-лѣтній мальчикъ, начитавшійся «Открытыхъ тайнъ древнихъ магиковъ», проникся желаніемъ открыть философскій камень и принялся за работу Данаидъ и Сизифа. Не могу однако не замѣтить, что страсти, неудержимаго жара и увлеченія въ работахъ моихъ не было, отчасти потому, что мой ребяческій разумъ возставалъ противъ нелѣпости этого дѣла. Я разсуждалъ объ этомъ такъ: если тутъ есть доля правды, если нѣкоторые приемы были правильны, цѣлесообразны, то почему же не было до сихъ поръ вполнѣ удовлетворительнаго результата, почему остановились на полдорогѣ? Потому-ли, что убѣдились въ невозможности исполненія того, за что принимались? Потому-ли, что не сумѣли докончить начатаго по недостатку научныхъ свѣдѣній

скудныхъ въ тѣ времена? Всѣ эти вопросы бродили въ моей ребяческой головѣ, отчасти охлаждая, отчасти подстрекая меня. Какъ бы то ни было, но я принялся за опыты, по возможности секретно и осторожно, чтобы не выдать себя острымъ запахомъ какой нибудь кислоты или спирта. Это сильно мѣшало мнѣ въ моихъ занятіяхъ; но я сознавалъ, что если буду дѣлать мои опыты слишкомъ явно, отецъ запретитъ мнѣ, опасаясь моей неосторожности, пожара, или вреда для здоровья. Мнѣ было очень непріятно скрывать отъ отца мои занятія, но и здѣсь желаніе превозмогло. Я въ этомъ случаѣ утѣшалъ и оправдывалъ себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что если мнѣ удастся, то въ результатѣ будутъ слава и несмѣтное богатство.

Какъ ни былъ я молодъ, но понималъ, что въ химіи я совершенный невѣжда, какъ съ теорической, такъ и съ практической стороны, почему и рѣшился начать съ чего нибудь легкаго, чтобы испытать свои способности въ новомъ для меня дѣлѣ. Не припомню, въ чемъ состояли мои первоначальные опыты, но помню, что они были удовлетворительны и нѣкоторые даже увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Порохъ, наприм., котораго я сдѣлалъ нѣсколько золотниковъ, въ видѣ порошка, былъ вполне хорошъ, то есть силенъ; зернилъ я его плохо. Порохъ и выдалъ меня, какъ расскажу вскорѣ.

Снабжалъ меня химическими матеріалами Козьма Іоновичъ, о которомъ мнѣ придется упомянуть еще разъ. Досталъ онъ все для меня нужное у какого-то, по его словамъ, химика Василя Ивановича, лица вѣроятно мнѣющаго. Чтобы не распространяться бесполезно о моихъ бесполезныхъ занятіяхъ, скажу только, что никакого «открытія» я не сдѣлалъ, разумѣется, а потерялъ напрасно немало времени и отчасти здоровья, вдыхая вредныя испаренія. Не хочу однакожъ, изъ опасенія быть заподозрѣннымъ во лжи, умолчать объ одномъ полуоткрытіи, сдѣланномъ мною совершенно случайно и потерянномъ, не смотря на всѣ старанія достигнуть того же результата. Я дѣлалъ нерѣдко опыты со ртутью и однажды получилъ часть ея въ видѣ твердомъ, средней твердости между свинцомъ и оловомъ. Я обрадовался; началъ повторять опыты—напрасно! Была ли ошибка въ количествѣ, во времени или послѣдовательности, въ какой я подмѣшивалъ одно къ другому, не знаю. Всѣхъ ингредиентовъ, сколько помню, было около шести. Впослѣдствіи я потерялъ и кусочекъ твердой ртути. Замѣчу при этомъ, что кромѣ ртути другихъ металловъ рудныхъ и даже никакихъ тутъ не было.

Разъ вечеромъ, сидя въ одной комнатѣ съ отцомъ, я открылъ шкапку, въ которой лежалъ у меня кусокъ пороховой мякоти, величиною въ грецкій орѣхъ. Свѣтильня стоявшей на столѣ свѣчи нѣсколько на-

горѣла, слышался слабый трескъ, искра попала прямо на кусокъ пороховой мякоти, которая вспыхнула съ шумомъ, и огненный фонтанъ въ нѣсколько вершковъ вышиною вылетѣлъ изъ шкатулки. Я поспѣшно захлопнулъ крышку, но измѣнница-мякоть все продолжала шипѣть, и пороховой дымъ распространился по комнатѣ. Отецъ, увидѣвъ вспышку мякоти, спросилъ, что случилось. Я отвѣчалъ искренно; отецъ «произвелъ слѣдствіе» и отобралъ у меня всѣ мои химическіе матеріалы. Тѣмъ и кончились, къ счастью, мои занятія алхиміею, и я не успѣлъ надѣлать бѣдъ, что случилось бы, по всей вѣроятности, при болѣе продолжительныхъ занятіяхъ. Запрещая мнѣ мои нелѣпыя опыты, отецъ въ утѣшеніе сказалъ мнѣ, что въ свое время я, если захочу, буду заниматься химіею, но научно, подъ руководствомъ человѣка, знающаго эту науку теорически и практически. Это впрочемъ не осуществилось.

Я вынужденъ возвратиться на два года назадъ, чтобы упомянуть о томъ, что дѣлалъ я еще до начала моей стрѣльбы и, сколько помню, въ лѣто передъ холерою. Въ 5 или 6-стахъ шагахъ за дачею моего отца, нагорный берегъ Москвы рѣки изъ песчанаго дѣлался глинистымъ и представлялъ крутые, совершенно отвѣсные обрывы въ нѣсколько сажень вышины. Такъ какъ дача отца моего и окружающая ее мѣстность составляли плоскую возвышенность около 12 саж. вышины, то я, рожденный здѣсь, вообразилъ себя горцемъ и въ качествѣ горца счелъ необходимымъ карабкаться по самымъ крутымъ обрывамъ берега. Я исполнялъ это съ успѣхомъ, иногда спрыгивалъ съ 3-хъ, 4-хъ аршинныхъ обрывовъ благополучно, потому что подъ ними былъ обыкновенно слой песку довольно толстый, что и спасало меня отъ ушибовъ и другихъ дурныхъ послѣдствій. Но этого показалось мнѣ мало. Горцы, воображалъ я, должны умѣть преодолевать всѣ препятствія, сходить, спускаться съ горъ и взбираться на нихъ, гдѣ бы то ни было: препятствій для нихъ не должно существовать. Задавшись такимъ предположеніемъ или, вѣрнѣе сказать, убѣжденіемъ, я рѣшилъ, что необходимо умѣть взбираться на тѣ глинистыя, отвѣсныя обрывы, о которыхъ я упоминалъ. Но какъ это сдѣлать? Обрывы или положительно отвѣсны, или если и были уклоны, то не болѣе одного аршина на десять. Вотъ на эти-то обрывы и рѣшился я вскарабкаться во что бы ни стало. Во многихъ случаяхъ и былъ настойчивъ до упорства. Нужно сказать, что присмотръ за мной былъ очень слабъ, и нерѣдко я бѣгалъ одинъ не только по саду, но и за предѣлами его. Вотъ я и началъ дѣлать опыты влѣзть на крутой обрывъ; но сначала это мнѣ рѣшительно не удавалось, потому что я не употреблялъ никакихъ вспомогательныхъ средствъ. Видя неуспѣхъ, я къ нимъ прибѣгнулъ: сначала я попробовалъ продѣлывать углубленіе,

куда можно было бы поставить ногу, при помощи какой-нибудь палочки, остраго камня; но дѣло шло плохо. Я придумалъ средство болѣе вѣрное: взявъ съ собою обоюдоострый Кавказскій кинжалъ и при помощи этого орудія продѣлалъ углубленія вполнѣ удовлетворительныя, вставляя въ которыя ноги, началъ взбираться, послѣдовательно продѣлывая углубленія и взбираясь все выше и выше. Такъ, на первый разъ я взобрался на высоту 3-хъ или 4-хъ аршинъ; выше показалось мнѣ на первый разъ «жутко». Я спустился по тѣмъ же ступенькамъ, придерживаясь за кинжалъ, который вонзалъ глубоко въ глину. Во вторую и слѣдующія попытки я взбирался выше и наконецъ однажды, хотя и съ замираніемъ сердца, достигъ вершины «горы». Я вздохнулъ свободно, когда вступилъ на плоскую вершину и съ радостью и гордостью посмотрѣлъ кругомъ, съ ощущеніемъ важности совершеннаго подвига, преодоленной трудности и геройства, которое нужно было для этого. Потомъ я еще не разъ повторилъ мое восхожденіе съ успѣхомъ, не сознавая ясно, что могъ поплатиться жизнью, если бы оборвался съ такой высоты, да еще съ кинжаломъ въ рукѣ.

Я разсказалъ одинъ изъ тѣхъ фактовъ, рядъ которыхъ, проходя черезъ всю мою жизнь, въ формахъ очень разнообразныхъ, привелъ меня къ твердому и глубокому убѣжденію, что еслибы люди внимательнѣе относились къ тому, сколькимъ опасностямъ подвергается человѣкъ и не погибаетъ, то выраженіе «Богъ спасъ» не казалось бы для нихъ страннымъ. Кто читалъ внимательно историческія монографіи и біографіи людей замѣчательныхъ, тотъ не можетъ не знать, что нерѣдко люди, подвергавшіе жизнь свою опасностямъ, въ качествѣ военныхъ, моряковъ, охотниковъ за крупнымъ звѣремъ и т. п., умирали въ глубокой старости, чудеснымъ образомъ сохраняясь отъ смерти, угрожавшей имъ десятки разъ. Съ другой стороны, люди, кидавшіеся десятки разъ почти на вѣрную смерть, ни разу не раненые, какъ Милорадовичъ, Мюратъ и др., гибли неожиданно такъ и тамъ, гдѣ менѣе всего ожидали.

Я упомянулъ уже, что началъ заниматься гравированіемъ. Наставникомъ моимъ въ этомъ искусствѣ былъ довольно хорошій граверъ Осиповъ, работавшій много по заказамъ отца моего для его «Собранія портретовъ Россіянъ знаменитыхъ». Портретъ отца моего, работы Осипова съ оригинала, писаннаго масляными красками извѣстнымъ портретистомъ начала царствованія Александра I-го Кинелемъ, хранится у меня, такъ же какъ оригинальный, карандашемъ нарисованный, портретъ отца, работы Кинеля же, и съ него гравированный на мѣди. Эта доска у меня; другая, работы Вендрамини, къ сожалѣнію, утратилась, но отпечатокъ уцѣлѣлъ.

Я награвировалъ подъ руководствомъ Осипова 18 гравюръ, изъ которыхъ 16 было «крѣпкой водой», а 2 «карандашнымъ манеромъ» какъ называлъ мой наставникъ. Двѣ или три послѣднія были довольно удачны: видъ замка на небольшомъ возвышеніи, поросшемъ деревьями, и лежащая фигура молодого человѣка мнѣ памятнѣе другихъ. Прочія были слабы; карандашныя совсѣмъ не удались. Гравировалъ я впрочемъ мало, потому что Осиповъ бывалъ рѣдко. Я упомянулъ о томъ, что учился гравировать, не для того только, чтобы изъ пустаго тщеславія перечислять мопъ разнообразныя занятія, но потому что объ этомъ мнѣ придется еще коснуться въ свое время.

1832-й годъ ознаменованъ былъ для меня слѣдующими «событіями» Отецъ мой пригласилъ однажды нотаріуса или маклера, не припомню, и по нѣкоторомъ совѣщаніи съ нимъ, при которомъ я не присутствовалъ, отпустилъ его, давъ ему какое-то порученіе. Черезъ нѣсколько дней нотаріусъ опять пріѣхалъ съ большою книгою. Отецъ мой, проведя съ нимъ нѣсколько минутъ, позвалъ меня и сказалъ, чтобы я писалъ, причемъ продиктовалъ мнѣ мою фамилію «Кетовъ». «Кетовъ? Какъ Кетовъ?» спросилъ я изумленный, оборотясь къ отцу. «Да, да, скороговоркою проговорилъ отецъ, пиши, пиши». Я подписалъ. До этой минуты я считалъ себя Бекетовымъ.

Изъ этого одного видно, въ какой степени я не зналъ и не понималъ вещей самыхъ простыхъ, а въ тоже время, будучи до такой степени непрактичнымъ, ребенкомъ, я, марая бумагу, воображалъ, что занимаюсь литературою.

Оказалось, что маклеръ привозилъ заемное письмо, написанное отцомъ на мое имя, въ шесть тысячъ рублей асс. Когда я спросилъ потомъ отца, для чего это, онъ сказалъ, что по смерти его я получу эти деньги. Я очень огорчился и хотѣлъ разорвать заемное письмо; но отецъ остановилъ меня, сказавъ, что отъ этого заемнаго письма смерть его не ускорится, а что если я изорву документъ, то придется писать его вторично, вызывать маклера и т. д., словомъ, что это будетъ только причиною напрасныхъ двойныхъ расходовъ. Впрочемъ, отецъ похвалилъ мой порывъ, погладилъ меня по головѣ, поцѣловалъ и сказалъ, что документъ всетаки нужно поберечь.

Здѣсь считаю нужнымъ и умѣстнымъ упомянуть, что отецъ хотѣлъ меня усыновить, что легко было сдѣлать при Александрѣ I-мъ, когда препятствій къ этому почти не представлялось. Но намѣреніе отца осталось неисполненнымъ, что совершенно измѣнило мою будущность къ

лучшему или нѣтъ — знаетъ одинъ Богъ, но вѣроятно къ лучшему, потому что, при моей страстности, получивъ большія средства, я вѣроятно погибъ бы жертвою страстей, имѣя возможность ихъ удовлетворять. Почему въ то время, когда дѣло усыновленія было легко, отецъ этого не сдѣлалъ, не знаю. Можетъ быть потому, что я былъ слишкомъ малъ и т. ск. не опредѣлился, или почему либо другому. При Александрѣ I-мъ Балашовъ, зять моего отца, былъ въ большой силѣ; но захотѣлъ ли бы онъ содѣйствовать въ этомъ отцу? На это можно, кажется, отвѣчать отрицательно. Что наслѣдство Ивана Петровича Бекетова должно было перейти къ Балашовымъ и Кушниковымъ, въ этомъ не было сомнѣній. Наслѣдство Петра Петровича, также не имѣвшаго законныхъ наслѣдниковъ, должно было равно перейти къ нимъ же; слѣд. я, усыновленный, сдѣлался бы препятствіемъ. Отецъ съ нѣкоторою вѣроятностью могъ рассчитывать въ этомъ дѣлѣ лишь на помощь Дмитріева, ничѣмъ здѣсь не заинтересованнаго и находившагося съ отцомъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Не припомню, за сколько времени до этого года, на мѣсто бывшаго въ Москвѣ оберъ-полицеймейстеромъ Муханова, человѣка благонамѣреннаго, благороднаго и благовоспитаннаго, принявшаго должность не съ цѣлью «покориться», а напротивъ, съ желаніемъ облагородить эту должность, былъ назначенъ свитскій генераль-майоръ Цынскій. Вскорѣ по вступленіи его въ должность, къ отцу моему пріѣхалъ И. И. Дмитріевъ. За обѣдомъ разговоръ коснулся новаго оберъ-полицеймейстера. «Кто этотъ Цынскій?» спросилъ отецъ: я въ первый разъ слышу эту фамилію». Помнится, но не утверждаю навѣрно, что Дмитріевъ сказалъ о Цынскомъ, что онъ побочный сынъ актрисы Вѣтрацынской. Повторяю,— навѣрно не помню; но вотъ что я помню ясно. Дмитріевъ рассказалъ отцу моему, что при сдачѣ должности Мухановъ былъ вынужденъ заплатить за неисправность пожарныхъ инструментовъ, лошадей и т. п. около 80 т. рубл. Въ данную минуту Мухановъ не имѣлъ налицо этой суммы и вынужденъ былъ обратиться къ дядѣ своему, сенатору Муханову, съ просьбою ссудить ему нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, недостающихъ для уплаты 80 т. руб. Сенаторъ Мухановъ, человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, не затруднился исполнить просьбу племянника; но высказалъ ему при этомъ слѣдующее: что не жалѣеть о деньгахъ, которыя племянникъ вынужденъ заплатить своему преемнику, что это должное ему наказаніе за то, что принялъ такую должность, что Муханову неприлично было идти въ «будочники», и что это мѣсто, которое могутъ занимать подобные какому-нибудь «Свинскому», а не Муханову. Таково было воззрѣніе старыхъ баръ того времени, ту-

зовъ, на полицейскія должности, не исключая оберъ-полицеймейстерской. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, измѣнилось и отношеніе общества къ этой должности, и она послѣ Цынскаго была занимаема людьми такими какъ Лужинъ, графъ Крейцъ, князь Крапоткинъ и др.

Цынскій былъ извѣстенъ впослѣдствіи какъ человекъ болѣе чѣмъ сомнительной честности, нахальный, грубый, злой и жестокій. Говорили, и не безъ основанія, что онъ нарочно пріѣзжалъ присутствовать при тѣлесныхъ наказаніяхъ, если они того заслуживали, т. е. если съ человека, какъ говорилось, спускали шкуру, и что видѣть подобныя экзекуціи составляло для него наслажденіе. Любилъ онъ, какъ рассказывали, и собственноручныя расправы, которыя, впрочемъ не всегда оканчивались для Цынскаго успѣшно. Какой-то кавалерійскій офицеръ находился подъ судомъ и сидѣлъ въ тюремномъ замкѣ. Преступленіе его было таково, что осужденіе его не подлежало сомнѣнію. Цынскій, осматривая ли арестантовъ, или не помню почему, зашелъ и въ его камеру, началъ ругать его площадными словами и за рѣзкій отвѣтъ замахнулся; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ ударить, арестантъ далъ ему двѣ-три жестокія пощечины и сорвалъ эполетъ, вскичавъ: «Ахъ, ты, ракалія! Я, пока еще не разжалованъ, такой же дворянинъ и офицеръ, какъ и ты, мерзавецъ!» Въ другой разъ, какой-то сорви-голова, мѣщанинъ, тоже въ тюремномъ замкѣ, подъ предлогомъ сообщенія оберъ-полицеймейстеру важной тайны, оставшись съ нимъ наединѣ, едва не задушилъ его, и Цынскаго не безъ труда вырвали изъ сильныхъ рукъ ожесточеннаго преступника. Кто читалъ оберъ-полицеймейстерскіе отчеты того времени, тотъ могъ безъ труда взвѣсить ту степень, до какой доходило казнокрадство Цынскаго. Чего стоила, напр., набивка льдомъ погребовъ въ казенныхъ домахъ, очищеніе отхожихъ мѣсть и т. п.? О поборахъ его съ откупщиковъ рассказывали за вѣрное слѣдующее. Когда довѣренныя ихъ лица явились къ новому оберъ-п. съ обычнымъ приношеніемъ, Цынскій, принявъ поднесенные ему 30 т. руб., спросилъ, какую сумму жертвуютъ они на остальныхъ полицейскихъ чиновниковъ. «Ваше превосходительство, отвѣчали ему, эта сумма равна той, которую мы имѣли честь представить вашему превосходительству». — «Хорошо, сказалъ Цынскій; но такъ какъ мнѣ лучше извѣстно, кто изъ подвѣдомственныхъ мнѣ полицейскихъ чиновниковъ заслуживаетъ награды и въ какой мѣрѣ, то вы доставьте эту сумму мнѣ, а я распредѣлю награды сообразно заслугамъ и достоинствамъ полицейскихъ чиновниковъ между моими подчиненными». Повѣренныя не посмѣли возражать, предоставляя рѣшеніе дѣла самимъ откупщикамъ, тѣ нашли неудобнымъ отказать Цынскому, и онъ вмѣсто 30 назначилъ получать ежегодно по 60 т. рублей.

Мнѣ никогда не пришлось сказать двухъ словъ съ почтеннымъ оберъ-полиціймейстеромъ, хотя въ театрѣ, гдѣ большею частью я бралъ кресло въ первомъ ряду, мнѣ нерѣдко приходилось сидѣть отъ него черезъ два и одно кресло, нерѣдко пустое. Физіономія его была очень непріятная: изношенный, блѣдный, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, въ черномъ парикѣ, съ крашеными усами, морщинистый, съ злымъ и бездушнымъ выраженіемъ, онъ внушалъ всякому порядочному человѣку антипатію, доходившую до отвращенія. Въ своемъ мѣстѣ я еще скажу о Цынскомъ нѣсколько словъ, и даже вскорѣ мнѣ придется сказать объ одномъ его поступкѣ.

Страшная засуха, стоявшая въ 1834 г. съ половины или конца Мая, способствовала пожарамъ и поджогамъ. Пожары начались. Они были многочисленны и нѣкоторые значительны по числу сгорѣвшихъ строеній въ Лефортовѣ, гдѣ-то около Крестовской заставы и другіе, но самый ужасный былъ истребившій Рогожскую улицу. Изъ нашего дома или сада, съ возвышенія, видна была, какъ я сказалъ уже, вся Москва, и мы могли видѣть какъ днемъ, такъ и вечеромъ каждый или почти каждый пожаръ. Не припомню котораго числа, и даже не увѣренъ въ Юнѣ ли, горѣла Рогожская; но живо помню, какъ теперь гляжу, что часовъ въ 9 утра пожаръ свирѣпствовалъ уже сильно. Рогожская, относительно мѣстности, гдѣ находилась дача моего отца, видна была въ профиль, почти безъ всякаго ракурса; огонь, охватившій уже нѣсколько десятковъ домовъ, разливался рѣкою, и темный, густой дымъ клубился или разстилался надъ ними, гонимый по временамъ порывами восточнаго вѣтра. Картина была ужасная, но величавая. Казалось, что пожаръ съ неудержимою силою ворвется въ самый центръ Москвы и испепелитъ ее, какъ пожаръ 12-го года. При знойномъ днѣ жаръ отъ горѣвшихъ строеній былъ такъ нестерпимъ и распространялся такъ далеко, что препятствовалъ дѣйствию пожарныхъ командъ, и онѣ, по увѣренію очевидцевъ, ограничивались тѣмъ, что, стоя параллельно огненной рѣкѣ, отстаивали дома съ боковъ пожара и поливали тѣ, которые были на пути его, подъ вѣтромъ, гдѣ еще было возможно. Сгорѣло, помнится, около двухсотъ домовъ; не обошлось и безъ сгорѣвшихъ людей. Помню пожаръ Всесвятскаго, которое выгорѣло почти совершенно. Пожары были ежедневны: горѣло иногда въ разныхъ концахъ города, разомъ въ 4—5 мѣстахъ, что затрудняло чрезвычайно дѣйствіе пожарныхъ командъ. День, въ который сгорало два-три дома, считался уже почти благополучнымъ. Сначала пожары приписывали только неосторожности и засухѣ, но когда начали горѣть холостыя строенія, и съ нихъ начинались пожары, заговорили о поджогахъ. Скоро слухи приняли характеръ утвер-

дательный, настойчивый. Подозрѣнія въ зажигательствѣ зародились наконецъ въ умахъ, несклонныхъ къ паникѣ и пессимизму. Цынскій свирѣпствовалъ, выходилъ изъ себя, какъ потому, что пожары не давали ему покоя, такъ и потому, что зажигатели, о которыхъ говорили всѣ, не попадались и продолжали свое дѣло, издѣваясь надъ усиліями полиціи. Однажды, не припомню на какой улицѣ, майоръ Сомовъ шелъ съ своей невѣстою, возвращаясь въ домъ будущаго тестя. Они были уже недалеко, когда загорѣлся еще недостроенный нежилой домъ; Сомовъ остановился посмотреть, и это было для него гибелью. Народъ, страшно раздраженный противъ зажигателей, которыхъ полиція не могла открыть, началъ уже самоуправствовать. Такъ случилось и теперь. Съ крикомъ: «вотъ зажигатель!» нѣсколько человѣкъ бросились на несчастнаго Сомова и начали его бить. Не припомню, упала ли невѣста его въ обморокъ, или начала звать на помощь. Толпа быстро возрастала, и вскорѣ показался скачущій на пожаръ Цынскій, бывшій гдѣ-то неподалеку. Услышавъ, что схватили зажигателя, онъ, вмѣсто того чтобы остановить самоуправство и разобрать въ чемъ дѣло, съ бѣшенствомъ закричалъ и безъ того разсвирѣпѣвшей толпѣ: «бейте его, бейте!» Въ это время въ толпу втѣснился отецъ невѣсты Сомова и, увидѣвъ, что беспощадно бьютъ, бьютъ на-смерть жениха его дочери, обратился къ полиціи, къ оберъ-полиціймейстеру, и при помощи ихъ, къ сожалѣнію позднею, успѣлъ вырвать изъ рукъ ожесточенной толпы избитаго, едва живаго Сомова. Его перенесли въ домъ отца невѣсты, который слышалъ яростные возгласы Цынскаго. Раздраженный и взволнованный, онъ написалъ на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ излагалъ дѣло. Цынскій, зная, что этотъ господинъ человѣкъ со связями, и узнавъ о намѣреніи его подать прошеніе на имя Государя, увидѣлъ, что дѣло можетъ принять оборотъ, для него невыгодный, бросился въ домъ, гдѣ томился несчастный Сомовъ. Встрѣченный сурово отцомъ его невѣсты, Цынскій смирилъ свою обыкновенную гордость, началъ объясняться и оправдываться, но тотъ въ отвѣтъ показалъ ему прошеніе на высочайшее имя. Увидѣвъ, какой оборотъ принимаетъ дѣло, оберъ-полиціймейстеръ униженно началъ просить прощенія, говорить, ползалъ на колѣняхъ, умоляя о прощеніи, и наконецъ умирающій простилъ его и упростилъ отца невѣсты не давать дальнѣйшаго хода дѣлу. Тѣмъ это и кончилось. Не ручаюсь за несомнѣнность приведеннаго разсказа; но говорили объ этомъ единогласно многіе, въ числѣ которыхъ были люди достойные вѣроятія.

Паника тяготѣла надъ жителями Москвы; многіе держали большую часть своего имущества уложенную какъ въ дорогу, въ чемоданахъ, сундукахъ, узлахъ, чтобы имѣть возможность выносить его при началѣ

пожара. По ночамъ составлялись изъ жителей караулы, независимо отъ ночныхъ сторожей и полицейскихъ. Зорко слѣдили за подозрительными людьми, и не одинъ, подобно Сомову, поплатился жизнью, заподозрѣнный въ зажигательствѣ. Раздраженіе достигло такой степени, что самаго незначительнаго повода было достаточно, чтобы пасть жертвою народной ярости. Иногда поводы къ подозрѣнію были крайне нелѣпы. Какой-то несчастный лакей несъ пару подсвѣчниковъ, незавернутыхъ въ бумагу. Его схватили и избили, какъ зажигателя. Многіе поплатились за то, что имѣли при себѣ спички, трутъ, огниво...

Настала осень, пошли дожди, а пожары не прекращались. Стали говорить о пріѣздѣ въ Москву императора Николая, и жители ободрились. Надѣялись, что присутствіе Государя разомъ прекратитъ пожары, заставивъ полицію усилить бдительность и дѣятельность; но вначалѣ надежды не оправдались. Въ день пріѣзда Государя было 4 пожара въ разныхъ концахъ города, но это были уже если не послѣдніе пожары, то изъ послѣднихъ: они начали становиться рѣже и вскорѣ прекратились. Пріѣздъ Государя не остался безъ благопріятныхъ послѣдствій: начали поговаривать о поимкѣ зажигателей въ значительномъ числѣ. Не знаю, обманываетъ ли меня память или нѣтъ, но кажется, что въ газетахъ было объявленіе о поимкѣ шестидесяти зажигателей, о судѣ надъ ними и наказаніи. Причиною поджоговъ было то, что пожары, производя смятеніе, способствовали воровству и грабежу. Повторяю, что не увѣренъ, было ли о томъ сообщено въ газетахъ, или это былъ лишь слухъ, но имѣвшій основаніе прочное. Съ прекращеніемъ пожаровъ всѣ вздохнули свободнѣе; жизнь вошла въ обычную колею.

Симоновская слобода, наша резиденція, была пощажена пожарами. Сколько могу помнить, все пространство отъ пороховыхъ складовъ до Крутицкихъ казармъ также уцѣлѣло. Вѣроятно, надзоръ жандармовъ былъ здѣсь не безъ вліянія на дѣло.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

1859-й годъ *).

Августъ. 1. Заутреню и позднюю обѣдню слушалъ я съ дочерью и внучатами въ Молодянской церкви Словущаго Воскресенія, гдѣ два придѣла: Апостол. Петра и Павла и Св. Стефана Сурожскаго. Послѣ обѣдни былъ крестный ходъ на іордань, кою многіе любовались, говоря, что такой здѣсь еще не бывало. Послѣ обѣда я былъ съ Анетой у приходскаго попа въ гостяхъ; занимался лубочными картинками.

2. Съ Анетой я гулялъ по ихъ прекрасному саду, плохо поддерживаемому; мѣстоположеніе великолѣпное. Послѣ обѣда я отправился въ Москву; на второй станціи встрѣтился съ гг. Мясоѣдовымъ, Козаковымъ, Сорокинымъ и пр. Въ Бирюлевѣ пили Шампанское; въ Москву пріѣхалъ въ 11 часу ночи. Меня встрѣтили неудовольствія въ домѣ. А. А. ругалась неприлично и меня растревожила потомъ истерикой, кликушей, и все это продолжалось до утра, такъ что я и почти всю ночь не могъ уснуть. Испушеніе и наказаніе мнѣ.

3. Утромъ я прочелъ корф. 3 полл. лубочныхъ картинокъ, потомъ ходилъ навѣстить больного К. М. Романовскаго, моего стараго друга, но онъ спалъ; ему послалъ отъ Анеты арбузъ, а митроп. Филарету блюдо персиковъ и сливъ; Н. В. Сушкову отвезъ отъ нея же баночку варенья и персиковъ. Въ канцеляріи оберъ-пол. справлялся и просилъ о взысканіи поруч. Любимовымъ съ обыграннаго имъ Андрея 200 р. с., былъ въ адресъ-конторѣ на счетъ пракина билета; узналъ, что надобно заплатить штрафъ за просрочку по 30 коп. за день; навѣстилъ зятя, взялъ пенсію въ Казенной Палатѣ, смотрѣлъ стройку Романовскаго дома.

4. Я поутру занимался лубочными картинками, платилъ долги портному Миллеру, башмачницѣ, мучнику; потомъ ходилъ къ Н. Ф. Павлову, съ нимъ поговорилъ о разныхъ предметахъ; оттуда къ Романовскимъ палатамъ, которыхъ осмотрѣлъ стройку.

5. Поутру я ходилъ къ В. М. Ундольскому за справками, отъ него прѣѣхалъ на похороны племянника А. И. Лобкова, умершаго отъ удара

*) См. II-ю книгу „Русскаго Архива“ еего года, стр. 555.

на 21 году, въ ц. Св. Козьмы и Даміана Старого, гдѣ видѣлся съ А. И. Лобковымъ; на перепутьѣ зашелъ къ М. М. Майковой, отъ нея въ Оружейную Палату въ засѣданіе комиссіи о возстановленіи палатъ Романовыхъ. Все засѣданіе прошло въ спорахъ князя М. А. Оболенскаго съ Рихтеромъ.

6. Къ поздней обѣдѣ я ходилъ въ Новоспасскій м., гдѣ служилъ викарій Леонидъ. Въ церкви тамъ познакомился со мною профессоръ Виѣанской семинаріи Веніаминъ, какая-то дальняя мнѣ родня. По приглашенію архимандрита, я обѣдалъ у него. Тамъ я видѣлся съ П. В. Хавскимъ, который сдѣланъ вице-президентомъ Человѣколюбиваго Общества. Оттуда я доѣхалъ съ архим. Евстафіемъ до Златоустовскаго м., гдѣ слушалъ вечерню и у него посидѣлъ.

7. Поутру я записалъ замѣчанія о мнимой солонкѣ патріарха Филерета, кой представилъ въ засѣданіе комиссіи, навѣстилъ К. М. Романовскаго, осмотрѣлъ купленный зятемъ домъ у Спаса на Пескахъ, снесъ корректуру лубочныхъ картинъ въ Университетскую типографію, гдѣ засталъ водосвятіе, заплатилъ Баунову приказчику 4 р. с., былъ у кн. М. А. Оболенскаго, который довезъ меня въ Оружейную Палату въ засѣданіе.

9. Память друга моего Я. Е. Арсеньева. Я служилъ по немъ панихиду.

10. Поутру я ходилъ къ И. Д. Бѣляеву прочесть ему свою статью о палатахъ Романовскихъ; зашелъ къ зятю и встрѣтилъ нечаянно пріѣхавшую дочь свою Анету изъ Молодей.

11. Засѣданіе комиссіи. Отбирали вещи для Романовскаго дома. Я читалъ свою статью.

13. Послѣ обѣда жена съ Валеріей отправилась въ Молоди погостить у дочери. Поутру я занимался своими дѣлами, ходилъ къ Н. Ф. Павлову, въ Консисторію за справками, смотрѣлъ стройку Романова дома. Былъ у меня изъ Спб. художникъ Лосевъ съ рисунками. Послѣ обѣда ходилъ къ митроп. Филарету.

14. Поутру я прочелъ съ митроп. Филаретомъ статью свою о возобновленныхъ палатахъ Романовскихъ, которую онъ очень одобрилъ и благословилъ, находя ее весьма полезною и дѣльною. Читаны мною корректуры 5 л. Московскихъ урочищъ и 4 л. лубочныхъ картинъ. На почту самъ отдалъ пакетъ Андрею въ Молоди. Съ Н. Ф. Павловымъ я ѣздилъ къ вечернѣ въ Успенскій соборъ. Оттуда я прошелъ къ Е. Ѳ. Коршу, которому отдалъ статью свою о Романовскихъ палатахъ для помѣщенія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; отъ него ко всеобщей въ Успенскій соборъ. Всенощную служилъ викарій Леонидъ. Народу было множество.

15. Ѳзидилъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ; видѣлся тамъ съ преосвященнымъ Евгениемъ; по приглашенію, обѣдалъ въ Синодальной конторѣ. Графъ Строгановъ поговорилъ со мною ласково. За обѣдомъ я сидѣлъ, какъ и прошлаго года, съ Ѳ. П. Корниловымъ, кн. Крапоткинымъ и В. Драшусовымъ. Всенощная на Троицкомъ подворьѣ.

16. Я ходилъ къ В. М. Ундольскому и Н. Ф. Павлову, потомъ въ Романовскій дворецъ, куда пріѣзжалъ для обозрѣнія митроп. Филаретъ, котораго я водилъ по комнатамъ съ архитекторомъ Рихтеромъ. Послѣ него пріѣхалъ князь Н. И. Трубецкой, съ которымъ я осматривалъ домъ и мебели и жаловался ему на Палащенко, написавшаго мнѣ оскорбительное письмо на счетъ образа, пожертвованнаго имъ въ домъ Романовыхъ. Онъ думаетъ, что я его обманываю. Обѣдалъ я у А. И. Лобкова, отъ него зашелъ къ брату А. А. Озерецковскому. Аполлинарія Горская принесла изъ Троицкой лавры мнѣ просфору.

17. Рано утромъ пріѣхалъ Государь въ Москву. Отдавъ корректуры Бахметеву и въ Университетскую типографію, я зашелъ къ Мартынову, отъ него къ Е. Ѳ. Коршу, потомъ въ Успенскій соборъ, куда имѣлъ шествіе Государь въ 2 ч. попол. Встрѣчалъ и привѣтствовалъ его митроп. Филаретъ. Съ Н. А. Кашинымъ я зашелъ къ графу Адлербергу, который принялъ меня ласково и выразилъ желаніе прочесть мою статью о Романовыхъ палатахъ, назначенную мною въ Вѣдомости. Я, взявъ ее изъ Университетской типографіи, проѣхалъ къ Г. М. Крашенинниковой и у нея обѣдалъ, отъ нея къ кн. М. А. Оболенскому, съ которымъ Ѳзидилъ къ г. Кѣне и, не заставъ его, въ Романов. палаты.

18. Поутру я былъ у графа Адлерберга и прочелъ ему свою статью о палатахъ Романовскихъ, которую онъ одобрилъ и похвалилъ, просилъ только перемѣнить два-три слова. Я зашелъ къ Великому Князю Михаилу Николаевичу, который принялъ меня ласково, сказалъ, что я молодѣю; спрашивалъ, чѣмъ я занимаюсь. Тамъ я видѣлся и говорилъ съ графомъ Строгановымъ. Оттуда я прошелъ на Романовскій дворъ, куда пріѣхали кн. М. А. Оболенскій и Рихтеръ. Туда неожиданно явился Государь Императоръ въ половинѣ 3 часа пополудни, осмотрѣлъ кругомъ Романовскія палаты, сказалъ: «Хорошо, я доволенъ». Хотѣлъ было обозрѣть внутренность, но архитекторъ отклонилъ его. Послѣ него въ 4 часа пріѣхалъ министръ графъ Адлербергъ, со вниманіемъ и участіемъ обозрѣвъ все строеніе, сдѣлалъ необходимыя распоряженія. Князь Трубецкій представилъ ему мои замѣчанія на поддѣланную солонку, которую приписали патриарху Филарету. Графъ согласился со мною. Обозрѣніе кончилось въ 6 часу. Мартыновъ угостилъ меня и Кѣне обѣдомъ, потомъ зазвалъ къ себѣ въ Покровское, откуда меня довезъ къ моему

дому. Часу въ 10-мъ прѣхаль ко мнѣ потолковать князь М. А. Оболенскій о представленіи членовъ комиссіи къ наградамъ и о распоряженіяхъ при освященіи.

19. Принесли изъ типографіи статью, которую я казалъ графу Адлербергу. Онъ ее одобрилъ и подписалъ. Я ее отослалъ въ Университетскую типографію изъ Оружейной Палаты; потомъ проѣхаль въ Донской м. на праздникъ, гдѣ служили митроп. Филаретъ и архіеп. Евгений. Какъ вчера, такъ и нынѣ было въ тѣни 25 гр. тепла. Народу множество. У преосв. Евгенія я встрѣтилъ графа Блудова. Послѣ обѣда я зашелъ къ О. Я. Ковалевскому, отъ него на строеніе Романовскихъ палатъ, оттуда домой, въ 9 часу легъ было спать, но меня разбудила корр. «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ напечатана моя статья. Изъ Молодеи прѣехала жена.

20. Поутру я ходилъ къ Н. Я. Богуславскому, заходилъ на съезжій дворъ къ квартальному по своимъ дѣламъ. За мною прислали князя Трубецкой чиновника Агеева, а Оболенскій камердинера. Искалъ требуемаго министромъ моего аттестата. Насилу нашла жена моя и прислала къ кн. М. А. Оболенскому. Отъ него поѣхаль къ кн. Трубецкому и представилъ ему мой аттестатъ. Онъ просилъ меня отдать его писмоводителю Агееву, который готовитъ представленіе министру двора. Оттуда я проѣхаль съ кн. М. А. Оболенскимъ на Романовскій дворъ. Въ 3 часу туда неожиданно прѣхаль Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ адъютантомъ. Я его встрѣтилъ при входѣ. Великій Князь сказалъ: «Извините, что я не успѣлъ вамъ дать знать, какъ общалъ»; пожалъ мнѣ руку при всѣхъ и просилъ надѣть шляпу. «Теперь объясните мнѣ, чей это былъ домъ?» спросилъ онъ. Я ему отвѣчалъ: «Отца царя Михаила Феодоровича Романова». Потомъ показывалъ ему покой въ верхнемъ ярусѣ и въ теремѣ. Великій Князь все хвалилъ и сказалъ: «Я желалъ бы здѣсь жить». Съ лѣстницы онъ сошелъ на площадку двора. Великій Князь, замѣтивъ, что я сопровождаю его безъ шляпы, примолвилъ: «Вы не слушаетесь меня, такъ я самъ надѣну на васъ». Я принужденъ былъ надѣть шляпу; показывалъ ему въ подклѣтѣ старинную мебель, поварню и погребъ. Великій Князь поблагодарилъ меня, сказавъ: «Достопамятно и хорошо». Я промолвилъ: «Этотъ памятникъ будетъ музеемъ XVII в.» и проводилъ Его Высочество до коляски при многочисленномъ стеченіи народа. Съ Кѣне я заѣзжалъ къ В. А. Софлякину, которому предложилъ устроить придѣлъ Св. Михаила Малеина въ Знаменскомъ м. Онъ съ этой мыслью, запавшею ему въ сердце, прѣзжалъ ко мнѣ. Я ему подтвердилъ это. При мнѣ въ Романовскихъ палатахъ былъ первоприсутствующій въ Сенатѣ Афанасій Емельяновичъ Толмачевъ. Вечеромъ ко мнѣ прѣзжалъ священникъ пзъ с. Софорина

на Троицкой дорогѣ съ напрестольнымъ Евангеліемъ для разобранія надписи по листамъ 1677 г. изъ большого дворца. Я замѣтилъ священнику, что Софорино неправильно производятъ отъ Софіи Алексѣвны, когда оно существовало гораздо ранѣе.

21. Я проснулся до заутрень, всталъ до раннихъ обѣдней. Замѣчательно, что 20, 19 и 18 ч. тепла было въ тѣни до 35 гр., и появилась въ воздухѣ мошка. Я зашелъ къ г. Ундольскому, отъ него на строеніе палаты Романовыхъ, гдѣ занимались размѣщеніемъ посуды и мебели. Осматривали графъ Барановъ (съ котораго вмѣстѣ со мною сняли портреты дагерротипные), д. т. с. Сабуровъ, графъ Адлербергъ, князь Н. И. Трубецкій, графъ Строгановъ (которому я показывалъ вещи въ подклѣтѣ и подвальный этажъ съ его выходами), протоіерей Петръ Евдокимовичъ. Съ В. А. Сопѣлкинымъ я обѣдалъ; предложилъ ему о сооруженіи въ Знаменскомъ м. придѣла въ честь Михаила Малейна, тезоименитаго царю Михаилу Ѳеодоровичу, полагая, что это должно быть пріятно Государю: онъ возобновляетъ палаты своего предка-родоначальника, а купечество Московское, сочувствуя своему царю, воздвигаетъ жертвенникъ ангелу его предка державнаго. Зашелъ я къ куму своему, священнику ц. Св. Варвары, потомъ на Романовскій дворъ. Домой я возвратился въ 8 часу вечера усталый. Жена уѣхала къ дочери въ Молоди.

22. Поутру я самъ отнесъ билетъ для входа на мѣста Романовыхъ палаты г. Богославскому, отослалъ два билета къ Н. В. Сушкову; поѣхалъ на Романовскій дворъ въ мундирѣ. Народу было множество на улицѣ и на кровляхъ домовъ, на балконахъ, окнахъ, воротахъ и на трубахъ печныхъ. Мѣста вокругъ площадки, гдѣ приготовлены были утвари для водоосвященія, были всѣ заняты зрителями. Во 2 часу пополудни прибылъ Государь, и началось водоосвященіе, которое совершалъ митроп. Филаретъ съ 4 архимандритами, протопресвитеромъ Успенскаго собора и сакелларіемъ. По окончаніи водосвятія возлашено было Государю Императору и царствующему дому многолѣтіе, родоначальнику его царю Михаилу Ѳеодоровичу, патріарху Филарету и великой государынѣ инокинѣ Марѣѣ Ивановнѣ вѣчная память, всему христіанскому воинству многолѣтіе. Рѣчь митрополита, за тѣмъ митрополитъ благословилъ Государя древнею иконою Св. Михаила Малейна и слѣдовалъ съ крестомъ въ рукѣ въ сопутствіи Государя во внутренность возобновленныхъ палатъ, кои окропилъ св. водою. Въ Крестовой палатѣ министръ двора поднесъ его величеству хлѣбъ-соль на золотомъ блюдѣ съ серебрянной солонкою патріарха Филарета и поздравилъ его съ окончаніемъ возобновленія прародительскихъ палатъ. Многіе и меня поздравляли съ этимъ. Съ членами и предсѣдателемъ комиссіи и я, какъ сочленъ, стоялъ въ Крестовой. Государь, подошедши къ намъ, сказалъ:

«Благодаю васъ, господа, я очень доволенъ». Его встрѣтило и провожало громкое ура. Тамъ я видѣлся со многими знакомыми, съ сенаторами Мясоѣдовымъ, который звалъ меня въ Измайлово на завтрашній день, съ Чертовымъ, Давыдовымъ, Толмачевымъ и пр. Съ А. А. Озерецковскимъ я пѣшкомъ прошелъ къ нему обѣдать. Андрей прѣѣхалъ изъ Молодей. Съ братомъ я постоялъ всенощную въ ц. Св. Іоанна Предтечи у Покровскихъ воротъ.

23. Отслушавъ раннюю обѣдню въ ц. Св. Филиппа Митрополита, я поѣхалъ въ Измайлово, куда ожидали Государя въ военную богадѣльню. На дорогѣ въ Покровскомъ я встрѣтился съ А. А. Озерецковскимъ и его женой, которые ѣхали туда же. Государь прибылъ туда въ началѣ 3 часа пополудни съ военнымъ министромъ Сухозанетомъ и военнымъ генералъ-губернаторомъ Строгановымъ. Директоръ военной богадѣльни Мясоѣдовъ встрѣтилъ его съ рапортомъ у моста, у воротъ. Государь, принявъ его благосклонно, прошелъ мимо рядовъ богадѣльниковъ, ветерановъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ спрашивалъ, въ какомъ полку служили; потомъ пошелъ въ соборъ, гдѣ совершено краткое молебствіе и приглашено ему многолѣтіе. Государь, обозрѣвъ соборъ, замѣтилъ попу, что на столпахъ вновь написаны образа; оттуда пошелъ въ лазаретъ, въ офицерскія комнаты, потомъ въ столовую, наконецъ въ отдѣленіе семейныхъ и въ бараки, гдѣ спрашивалъ почти всякаго инвалида о службѣ и лѣтахъ его. Въ заключеніе сказалъ: «Я нашелъ здѣсь все отлично хорошо». Былъ въ придворной церкви и въ Николаевской при ней комнатѣ. Оттуда я на лошади Воробьева заѣхалъ къ Сопѣлкину.

24. Поутру я заходилъ въ Успенскій соборъ поклониться Святителю Петру, оттуда къ А. И. Лобкову, у котораго позавтракалъ. Прѣѣхала къ нему Плигина съ Чижовой. Посмотрѣлъ картины у Подклюшниковъ. Сшили воздухи для Подчернской церкви.

25. Дома я нашелъ Андрея пьянаго въ сообществѣ съ музыкантомъ Леб. и Берклюдомъ. Они поставили фортепіано у самага окошка, открытаго на улицу. Сынъ при Берклюдѣ наговорилъ мнѣ грубостей и дерзостей за то, что я его усовѣщивалъ и обличалъ. Наказаніе Божіе! Я нѣсколько минутъ постоялъ всенощную у Св. Адриана и Наталіи, но не могъ молиться отъ душевнаго смущенія, возвратился домой; не могъ уснуть ночью. У Алешки принесенныя мнѣ деньги Андрей вырвалъ изъ рукъ и прокутилъ.

26. Исполняется слово Евангелія: «Возстануть чада на родители» и пр. Раннюю обѣдню я слушалъ въ своемъ приходѣ; потомъ ходилъ къ А. И. Лобкову о своемъ дѣлѣ, отъ него въ Успенскій соборъ, гдѣ видѣлъ многихъ своихъ знакомыхъ. Обѣдню служилъ митроп. Филаретъ, молебенъ онъ съ архіепископомъ Евгеніемъ, съ епископами Леонидомъ

и Никаноромъ. Послѣ обѣдни я зашелъ на закуску къ митроп. Филарету. Вечеромъ я былъ на именинахъ у В. П. Флерова и отдалъ ему для напечатанія въ Моск. газету отъ меня публикаціи о томъ, что я не принимаю на себя долговъ, взятыхъ на мое имя безъ моего согласія.

28. Послѣ ранняго обѣда я выѣхалъ изъ Москвы; въ Молодяхъ ночевалъ у дочери.

29. Послѣ заутрени въ Молодяхъ и завтрака я отправился въ дальній путь.

30. Поутру часу во 2 пріѣхали въ Тулу, а вечеромъ въ 10 ч. въ Мценскъ, гдѣ ночевали.

31. Отслушавъ заутреню и молебень въ Мценскомъ соборѣ Свят. Николаю, пріѣхали въ Подчерное къ обѣду. Умеръ ткачъ Иванъ.

Сентябрь. 1. Я занимался хозяйственными дѣлами. Послѣ обѣда приходилъ ко мнѣ приходскій священникъ съ дьякономъ, которымъ я отдалъ сшитые мною воздухи для церкви. Доколь? О, привычка!

2. Пріѣзжалъ Архипъ Григорьевъ мѣняться землею. Вечеромъ былъ громъ и дождь.

3. Съ утра дождь, полезный для ранней и поздней озими. Я ходилъ осматривать избу Емельяна, у коей нѣтъ дверей и печь почти развалилась; велѣлъ исправить. Послѣ обѣда я обоарѣвалъ свои лѣса медвѣжьей и переѣзжій верхомъ съ Осипомъ. Началъ статью объ управителяхъ.

4. Я послалъ въ Мценскъ на почту письмо къ женѣ и А. А. Мартынову. У меня былъ Петръ Ив. Кашеваровъ, который купилъ скотины на 57 р. 50 к. с. и выгналъ снять садъ на три года. Послѣ обѣда я парился въ банѣ своей.

5. Поутру ходилъ было я въ церковь приходскую, но, за отсутствіемъ священника, не было обѣдни. Въ паркѣ велѣлъ срубить два дерева для починки избъ крестьянскихъ, занимался обработкою Московскихъ урочищъ.

7. Поутру часу въ 6 былъ громъ. Я видѣлъ во снѣ блестящій крестъ на небѣ. Я отказалъ Уварову въ наймѣ луга и сада, объ истребованіи моей отъ него росписки послалъ старосту къ становому; съ Архипомъ Григорьевымъ ѣздилъ осматривать свое и его поле, конми онъ хочетъ мѣняться. Послѣ обѣда я мѣрилъ овесъ.

8. Я ходилъ къ заутренѣ и обѣднѣ въ ц. Св. Іоанна Богослова, гдѣ служили въ моихъ ризахъ и съ моими воздухами.

9. Поутру я ѣздилъ съ старостою въ Обтушку, гдѣ осматривалъ хозяйство, навѣстилъ стариковъ, прежнихъ моихъ крестьянъ, заѣзжалъ къ Архипу Григорьеву. Послѣ обѣда былъ у меня насчетъ сада Петръ

Ивановичъ, а насчетъ лѣса купецъ Арефій Никифоровъ Бочковъ. Они пили у меня чай.

10. Поутру я занимался хозяйствомъ; запродалъ П. И. Кашеварову 11 штукъ скота, принадлежащаго дочери моей изъ Обтушки за 65 р. с. при старостѣ. Изъ Орла пріѣзжала погорѣвшая вдова, которой я велѣлъ дать мѣрку хлѣба и ф. масла коровьяго.

11. Поутру я смотрѣлъ за молотьбою хлѣба и занимался объясненіемъ Московскихъ урочищъ. Послѣ обѣда ко мнѣ пріѣхали изъ Мценска Арефій Никифоровъ, бывший управляющимъ у пок. Н. Н. Муравьева, и Н. Опенкинъ; одинъ торговать лѣсъ переѣзжій, а другой хлѣбъ. Они обѣдали у меня и ночевали; сказывали о взятіи въ плѣнъ Шамиля съ семействомъ, коему отведенъ домъ въ Орлѣ, гдѣ открылась ярмарка.

12. Погода разгулялась. Пріѣзжалъ ко мнѣ дворникъ Иванъ Сергѣевъ, который купилъ у меня овса 25 ч. по 6 р. асс. Послѣ обѣда я ходилъ въ баню.

13. Я послалъ письмо къ женѣ. Два Воскресенія, недѣльное и словущее. Слушалъ заутреню и раннюю обѣдню въ ц. Св. Іоанна Богослова. Вечеромъ пріѣхалъ Архипъ Григорьевъ съ писцомъ Петровскимъ насчетъ акта о мѣнѣ землю. Приходилъ священникъ Аѳанасій звать меня крестить къ себѣ. Паки заняты.

14. Я ходилъ къ заутренѣ и обѣднѣ въ свою приходскую церковь. Изъ Обтушки приходили бабы просить меня, чтобы имъ простить поставки. Я положилъ по 15 к. с. съ бабы. Государь Императоръ проѣхалъ черезъ Мценскъ въ Орелъ въ 3 ч. пополудни. Изъ Москвы получены мною письма отъ жены, дочери и А. А. Мартынова.

15. Я написалъ письмо объ Уваровѣ къ исправнику Павлу Николаевичу Цурикову въ Мценскъ и къ женѣ послалъ при письмѣ 25 р. сер. Пришелъ ко мнѣ священникъ звать меня на крестины дочери его Софіи. Отецъ самъ крестилъ; другой священникъ пріѣхалъ было изъ Троицкаго. Послѣ обѣдни я былъ на обѣдѣ родильномъ. Кума Зыбинская приказчица Аграѳена Иван. Послѣ обѣда разглагольствіе о разныхъ предметахъ до вечера.

16. День ясный. Я посылаю Осипа и Дмитрія Ерохина мѣрить переѣзжій лѣсъ; по ихъ мѣрѣ, кругомъ 1042 саж., по срединѣ 160 саж. Ко мнѣ пріѣзжалъ торговать лѣсъ Руфъ Алексѣевичъ Ушаковъ, сосѣдъ, староста Обтушки съ оброкомъ. Пріѣзжали ко мнѣ кун. Полуниинъ занимать лугъ и П. Опенкинъ, который и ночевалъ у меня.

17. Сбирали коноплю. Я объѣзжалъ верхомъ медвѣжій лѣсъ и осматрѣлъ межи мои съ Зыбинскими. Африканъ и староста повѣрили пхъ по плану и нашли, что Зыбинскіе занимаютъ нашу землю.

18. Послѣ обѣда я катался верхомъ по полямъ. У разносчика купилъ лентъ, серегъ и ситцу на рубашку старостѣ, кушакъ Осипу.

19. У меня былъ управитель Зыбинскихъ Ѳедулъ Степановъ; поговорили о хозяйствѣ, осматривали межи. Онъ мнѣ вызывался надзирать надъ моимъ имѣніемъ. Африканъ Петровъ съ оцѣнщикомъ Николаемъ Алексан. осматривали лѣсъ и цѣнили десятину въ 130 и 120 р. с., обѣщаясь найти покупателя. Я далъ слово Африкану отпустить его сестру Вассу съ дочерью на волю. Пріѣзжалъ съ цѣловальникомъ повѣренный Александръ Ив. Третьяковъ торговать овесъ и сѣно. Добирали коноплю и смолотили овесъ, насадивъ коноплю.

20. Поутру я ѣздилъ верхомъ къ заутренѣ и обѣднѣ, оттуда зашелъ къ Ѳедулу Степанову и къ кумѣ, и у нихъ завтракалъ. Онъ довезъ меня до моего дома.

21. Я всталъ утромъ въ 5 часу и занимался своими дѣлами, ходилъ въ ригу, гдѣ молотили коноплю. Ко мнѣ пріѣзжалъ Ѳ. С. и потолковалъ со мною объ управленіи деревнею моею, вызывался на это, полагая по 1 р. с. въ годъ съ души, замѣтилъ число скирдовъ, скота и хлѣба на мѣсячину дворовымъ, насчиталъ только 13 четвертей. Я далъ письменное дозволеніе вступать въ замужество, за кого и гдѣ хотять.

22. У меня былъ П. И. Кашеваровъ, заключившій со мною условіе о садѣ на три года. Пріѣзжалъ Обтушинскій староста; по его показанію, можетъ поступить у А. И. въ продажу 120 четв. овса и болѣе 100 четвертей ржи, по моему расчету до 800 р. с.

23. Отслуживъ молебень съ водосвятиемъ Божіей Матери, Іоанну Богослову и Свят. Николаю, я простился съ домашними и крестьянами и отправился въ Мценскъ. Помолясь Свят. Николаю Мцен. и сдѣлавъ счетъ съ Опенкинымъ, я отправился въ Тулу. Въ Тулу пріѣхалъ утромъ и остановился у г. Ждановскихъ; у нихъ обѣдалъ и ночевалъ. Принять былъ радушно и ласково.

25. Заутреню и раннюю обѣдню я слушалъ въ церкви Св. Георгія; ходилъ по городу, былъ въ книжныхъ лавкахъ и рестораціяхъ. Я провелъ весьма пріятно время съ дочерьми г. Ждановскаго, поговорилъ съ старымъ священникомъ Петромъ изъ Раева, который отчитываетъ подверженныхъ страсти пьянства и одержимыхъ нечистыми духами. Княгиня А. Николаева такъ благоразумна, что не княгинится. Богъ призираетъ на смиренныхъ и противится гордымъ.

26. Ранняя обѣдня въ ц. Св. Великомуч. Георгія. Позднюю я слушалъ съ А. С. Ждановскимъ въ заводской церкви. Послѣ обѣда я отправился въ Москву, куда пріѣхалъ въ день рожденія жены своей. По дорогѣ заѣхалъ я 27-числа къ о. Иринею въ Высоцкій м. Онъ былъ очень радъ мнѣ. Обѣдню я стоялъ въ Распятской ц.

28. Поутру въ обѣдни я пріѣхалъ въ Москву, зашелъ въ Чудовъ м., отдалъ о. Геннадію пріяники отъ А. С. Ждановскаго, отслужилъ молебенъ благодарный Свят. Николаю и Алексѣю, помолился въ Успенскомъ соборѣ. Вечеромъ были Анета моя и дѣвица Барвара Михайловна Фокина, которая сватаеть за сына моего Андрея дѣвицу Анну Ник. Постникову. Я нашелъ у себя рескриптъ отъ Государя на орденъ Станислава 1 степени.

29. Поутру я ѣздилъ въ придворную контору, гдѣ получилъ отъ кн. Горчакова орденъ Станислава 1 ст., зашелъ съ нимъ въ Успенскій соборъ поблагодарить Бога и въ Благовѣщенскій соборъ.

Октябрь. 1. Въ первый разъ надѣлъ на себя звѣзду, ходилъ въ крестный ходъ къ Покровскому собору. Званъ былъ обѣдать архим. Паисіемъ въ Покровскій м. Навѣститъ А. А. Мединцева, который приглашалъ меня на свадьбу къ своему зятю Полякову; обѣдалъ у А. И. Лобкова и съ нимъ ѣздилъ на панихиду къ Е. Θ. Гучкову, градскому главѣ.

3. Суббота. Съ А. И. Лобковымъ и Н. В. Сушковымъ я ѣздилъ на отпѣваніе и похороны Е. Θ. Гучкова, въ Преображенскомъ. Отпѣвалъ его соборнѣ игуменъ Пароеній.

4. Я ходилъ и ѣздилъ къ К. А. Зубову на Бережки, но, не оставъ его дома, зашелъ къ священнику ц. Воздвиженія Честнаго Креста Антусову и взялъ у него списокъ писемъ митроп. Платона. Въ мундирѣ и лентѣ со звѣздою, я ѣздилъ въ Анегиной каретѣ на вѣчаніе сына В. А. Полякова съ Зѣвакиной въ церкви Свят. Николая Красныхъ волоколовъ; былъ на свадебномъ обѣдѣ роскошномъ, гдѣ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ.

5. Поутру былъ у меня сосѣдъ К. А. Зубовъ, съ которымъ я, поговорилъ о своихъ дѣлахъ по имѣнію, дошелъ до города, зашелъ въ Чудовъ м., гдѣ о. Геннадій отъ себя служилъ благодарственный молебенъ Свят. Николаю за пожалованіе меня орденомъ св. Станислава 1 степени. Пріѣхалъ Кіевскій митроп. Исидоръ и нынѣ утромъ рано отправился въ Троицкую лавру къ митроп. Филарету. Обѣдню я слушалъ (конецъ) въ Успенскомъ соборѣ. Оттуда я поѣхалъ къ К. В. Прохорову на Три горы и у него обѣдалъ. Онъ мнѣ подарилъ нѣсколько коробочекъ Казанскаго мыла. Вечеромъ были у насъ г. Саксъ и А. А. Мартыновъ.

6. Я прошелъ къ Н. В. Сушкову, у котораго и обѣдалъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ Н. Ф. Павловъ, который былъ у меня съ сыномъ благодарить меня за рекомендацію его князю М. А. Оболенскому, который обѣщаль опредѣлить сына его къ себѣ въ Архивъ. Явился и Колошинъ. Толковали о слѣдствіяхъ эмансипаціи и о пр.

7. Поутру я ходилъ въ дождь къ А. И. Лобкову, къ коему прѣѣхалъ Д. П. Алексѣевъ, обанкротившійся на 5,000,000,800 т. р. с., осматривалъ въ Ивановскомъ м. вырытые надгробные камни при нивелированіи земли; потомъ въ Романовскій дворецъ, гдѣ также не нашелъ гоффуриера Михаила Лавр. Обѣдалъ у А. А. Медынцева.

9. Я заѣхалъ въ контору Ратькова для написанія заемнаго письма Спиридонову въ 700 р. с., заходилъ помолиться въ Успенскій соборъ и Чудовъ м., оттуда къ Н. А. Кашинцеву, у котораго засталъ Кіевскаго митроп. Исидора. Я принялъ у него благословеніе и простился. Онъ меня обнялъ и поѣхалъ въ сопровожденіи протопопа и Кашинцева на желѣзную дорогу въ Спб. Я зашелъ къ Крашенинниковымъ и съ ними на именины къ сестрѣ ихъ Ложиной. Къ частному приставу Н. Н. Пашенкѣ послалъ въ подарокъ 17 и 18 тетр. Русской Старины. Вечеромъ маклеръ привезъ заемное письмо и былъ Н. В. Сушковъ.

10. Поутру я былъ у кн. Н. И. Трубецкого, благодарилъ его за содѣйствіе къ награжденію меня орденомъ. Онъ просилъ составить описаніе освященія и ему показать въ Субботу слѣд. Отъ него я прошелъ къ обѣднѣ въ ц. Св. Антипія. Отъ Спиридонова я получилъ 658 р. с. за вычетомъ 42 р. с. процентовъ.

11. Крестный ходъ 47-й въ память изгнанія неприятелей изъ Москвы въ 1812 г. Ходилъ митроп. Филаретъ съ викаріемъ Леонидомъ, но не окончилъ, уѣхавъ на половинѣ отъ ц. Св. Николая Стрѣлецкаго.

12. Я написалъ въ отвѣтъ министру двора Адлербергу благодарственное письмо и отношеніе въ капитуль орденовъ съ приложеніемъ 90 р. с. за орденъ Станислава 1 степени. На Покровской улицѣ у Покровскихъ воротъ я встрѣтилъ молебствіе предъ чудотворными иконами; воду святилъ епископъ Никаноръ. Я остановился тамъ помолиться, видѣлся съ А. А. Озерецковскимъ. Оттуда прошелъ въ Опекунскій Совѣтъ, гдѣ меня поздравляли съ орденомъ и привѣтствовали кн. Н. И. Трубецкой, кн. А. И. Лобановъ-Ростовскій, графъ Гудовичъ и пр.

13. Вечеромъ ходилъ къ Н. П. Розанову, съ которымъ перечиталъ церкви и урочища Пречист. и Никит. сороковъ.

14. Я всталъ до заутрени, занимался своими дѣлами, потомъ ходилъ къ празднику къ обѣднѣ къ Пятницѣ въ Охотный рядъ, оттуда въ Университетскую бібліотеку, къ Ѳ. Ѳ. Рихтеру, которому читалъ свое описаніе освященія Романовскаго дома и у него обѣдалъ. Шедши отъ него, я имѣлъ странную встрѣчу и приглашеніе, мною непринятое.

15. Все утро занимался описаніемъ освященія Романовскихъ палатъ, изъ коихъ я получилъ отъ гофъ-фуриера 10 бил. Изъ нихъ одинъ я подарилъ Василию Николаевичу Куроѣдову, другой Аполлинарію Горской. До обѣда я ходилъ къ митроп. Филарету, которому прочелъ свое

описание освященія Романовскихъ палатъ. Онъ его одобрилъ, замѣтивъ два-три слова; поздравлялъ меня со звѣздою.

16. Подписалъ я вольную Наташкѣ съ матерью.

17. Былъ у кн. М. А. Оболенскаго, которому прочелъ свою статью о возобновленіи дома Романовыхъ, обѣдалъ у К. С. Мясоѣдовой. Отъ нея я прошелъ къ кн. Н. И. Трубецкому, которому при дочери его читалъ ту же статью. Онъ ее очень одобрилъ и хвалилъ, говорилъ мнѣ о вопросахъ Государя Синоду касательно духовенства. Статью мою онъ взялся послать къ министру двора на разсмотрѣніе, съ предложеніемъ напечатать ее въ числѣ 1000 экз. для знатныхъ посѣтителей Романовскаго дворца.

19. Изъ дворцовой конторы чиновнику Бенеславскому, присланному отъ кн. Н. И. Трубецкаго, я отдалъ переписать свою статью объ освященіи Романовскихъ палатъ.

20. Къ А. А. Мартынову, у котораго въ этотъ день утромъ въ 2 часа умерла жена. Онъ былъ очень огорченъ. Зашелъ къ Н. В. Сушкову, который меня убѣждалъ съ женою быть въ засѣданіи Общества Л. Р. С. по случаю нападеній на Бодянскаго.

21. Поутру въ дождь я отвезъ къ кн. Н. И. Трубецкому свое описание освященія Романовскаго дома, которое онъ хотѣлъ отослать къ министру двора на разсужденіе. Я просилъ его объ исходатайствованіи мнѣ пособія. Онъ сказалъ: «При теперешнемъ состояніи финансовъ не исходатайствовать; надобно погодить». Онъ ѣдетъ въ чужіе края, со мною распростился дружелюбно. Отъ него я зашелъ къ кн. М. А. Оболенскому, потомъ къ дочери и съ нею и зятемъ ѣздили къ княгинѣ О. И. Лобановой, недавно возвратившейся въ Москву. Обѣдалъ я у А. И. Мясоѣдова съ богачемъ Тулиновымъ и Квазимодо Об. Оттуда пѣшкомъ въ Общество Любителей Р. С., гдѣ споръ былъ о правѣ его печатать безъ цензуры. Хотѣли было исключить изъ членовъ Бодянскаго, но отложили. Я приходилъ въ засѣданіе только по убѣжденію Н. В. Сушкова, который привезъ меня къ себѣ къ успокоенію своей жены и подарилъ свой портретъ.

22. Заходилъ къ Н. Я. Богословскому, который поручилъ мнѣ напечатаніе описанія Введенской пустыни Влад. г., что я ввѣрилъ С. Н. Орлову. Былъ въ крестномъ ходу и въ Казанскомъ соборѣ у обѣдни, которую служилъ митроп. Филаретъ.

23. Поутру я ходилъ въ Университетскую типографію, оттуда на отпѣваніе жены А. А. Мартынова въ Егорьевскомъ м., былъ у С. Н. Орлова, отъ него къ Н. В. Сушкову, у котораго и обѣдалъ съ Лизандеромъ.

24. Я обѣдалъ у сенатора Чертова. Онъ съ женою отдалъ мнѣ завѣщанную М. П. Чеодаевымъ серебряную вызолоченную стопу съ вставленными въ нее монетами.

25. Заутреню и раннюю обѣдню я слушалъ въ ц. Свят. Николая въ Драчахъ. Священникъ возвратилъ мнѣ данный ему на прочтеніе 3-й листъ лубочныхъ картинъ съ замѣчаніями. Пробрался въ дождь на малое освященіе ц. Св. Григорія Неокесарійскаго на Полянѣ, которое совершалъ митроп. Филаретъ. Тамъ я видѣлся съ г. Хавскимъ и Подклюшниковымъ. На обѣдѣ былъ у церковнаго старосты Матвѣя Осиповича Новикова. Послѣ обѣда зазвалъ къ себѣ прихожанинъ Николай Гавр. Протопоповъ, у котораго попъ отъ Николы въ Новой слободѣ Петръ Алексѣев. ополчался противъ крѣпостного права. Оттуда домой, гдѣ пашель гостей, которые сидѣли у насъ до 4 ч.

27. Память преподобнаго Нестора. Я написалъ отвѣтныя письма о. Авелю въ Троицкую лавру и къ священнику Василию Петровичу Нечаеву въ Толмачи съ билетомъ въ засѣданіе О. Л. Р. С. Я ходилъ пѣшкомъ въ правленіе М. У. за билетами въ О. Л. Р. С. и тамъ ушибъ себѣ руку, завернулъ въ типографію Орлова, къ Крашенинниковой, къ кумѣ М. В. Бобарыкиной, у которой встрѣтился съ П. С. Синѣгиревымъ, зашелъ поздравить корпуснаго генерала Рамзая съ чиномъ, но не засталъ; обѣдалъ у Н. В. Сушкова—день рожденія его племянницы К. Тютчевой; занялъ у него 50 р. с.

28. Я послагъ билетъ для входа въ Романовскія палаты къ А. А. Медыщеву; обѣдалъ на Трехъ Горахъ у К. В. Прохорова съ его зятемъ, зашелъ къ И. Д. Бѣляеву. Были у меня староста церковный отъ Григорія Неокесарійскаго съ Подклюшниковымъ.

29. Прочелъ любопытныя записки Державина въ Русской Бесѣдѣ.

30. Былъ у меня В. А. Сопѣлкинъ съ приглашеніемъ на свадьбу сына своего.

Ноябрь. 1. Ходилъ на Смоленскій рынокъ къ Василию Петрову, который лѣчитъ отъ наклонности къ пьянству.

2. Къ В. М. Оюкиной, которая выпросила у меня 35 р. с., увѣряла что она всѣ силы употребила, чтобы исполнить свое обѣщаніе касательно свадьбы А. съ А. П. и что ждетъ съ часу на часъ старика; совѣтовала приготовиться Андрею. Повѣримъ сладкія слова дѣлами!

4. Поутру я навѣстилъ Ю. Н. Бартенева, которому прочелъ свою статью о юридическихъ лубочныхъ картинкахъ.

5. Ко мнѣ приходилъ митрополичій экономъ съ просьбою о подпискѣ свидѣтельства лакею. Къ И. Д. Бѣляеву, съ которымъ прочелъ

ст. о лубочныхъ картинкахъ юридическаго содержанія. У него были магистрантъ Лукьяновъ и Шпилевскій.

6. Поутру я ходилъ въ придворную контору, гдѣ подписалъ одобренное министромъ двора мое описаніе освященія Романовскихъ палатъ, которое велѣно напечатать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

7. Поутру я навѣстилъ Ундольскаго, пріѣхавшаго изъ С.-Пб.; проѣхалъ на Преображенское кладбище на 40 д. поминовеніе градскаго главы Е. Ѳ. Гучкова, гдѣ встрѣтилъ сенаторовъ Мясоѣдова и Чертова, съ которыми и обѣдалъ у брата Гучкова. Послѣ обѣда, по приглашенію В. А. Сопѣлкина, я съ генералами Мясоѣдова и жены его, Александра Борисовича Казакова и Петра Анан. Струкова заѣхалъ къ Сопѣлкину, поздравляли его съ новобрачными, пили Шампанское, смотрѣли спальню новобрачныхъ. Я предлагалъ А. И. Мясоѣдову хозяина въ старосты церк. Измайловской Николаевской богадѣльни. Оттуда я съ А. И. Мясоѣдовымъ и его женою, и съ Струковымъ заѣхали къ А. И. Лобкову. У него пиروвали. Черезъ двѣ недѣли онъ далъ слово ссудить меня деньгами, отпустилъ въ своемъ экипажѣ.

11. Въ этотъ день было мое бракосочетаніе въ 1828 г., тому 31 годъ. Я слушалъ заутреню и раннюю обѣдню въ своемъ приходѣ, гдѣ вѣнчался; помянулъ митроп. Платона, скончавшагося въ этотъ день, и напомнилъ о томъ священнику и дьякону, они было забыли.

13. Поутру былъ у меня М. П. Захаровъ, читалъ мнѣ программу своего журнала, Оберточный Листокъ, просилъ у меня статей. Онъ довезъ меня до Златоустовскаго м., гдѣ было малое освященіе митропол. Филаретомъ и обѣдня, потомъ закуска и обѣдъ, за коимъ были архимандриты и протопопы, одинъ только я свѣтскій.

15. Анета въ 11 часу довезла меня до Н. В. Сушкова, у котораго на раутѣ было до 113 человекъ. Тамъ я въ первый разъ встрѣтилъ в. г. г. Тучкова, видѣлся съ кн. Ю. А. Долгоруковымъ, Шевыревымъ, Арсеньевымъ, Н. В. Псаковымъ и пр. Послѣ ужина, во 2 часу попол. я отправился пѣшіи домой.

16. Поутру былъ у меня Влад. дворянинъ Стромилловъ, знакомый г. Ундольскому, любитель Русской исторіи.

17. Поутру я ходилъ въ Комитетъ Ч. О. просить о помѣщеніи старика Смирнова въ богадѣльню. Вар. Розенкамповъ сказалъ, что мѣста нѣтъ.

18. Слышалъ, что цензура отдѣляется отъ Университета и Министерства Народнаго Просвѣщенія и будетъ подъ вѣдомствомъ барона Корфа.

21. Обѣдня поздняя въ Никитскомъ м., которую служилъ митроп. Филаретъ. У игуменья я тамъ обѣдалъ, отъ нея къ П. П. Никифорову,

у котораго засталъ И. И. Давыдова. Убѣдили съѣсть за столъ, пили за мое здоровье и поздравляли съ лентою.

24. Утромъ я занимался описаніемъ Мытнаго двора, потомъ толковалъ съ квартальнымъ Н. М., затѣмъ ѣзидъ къ именинницамъ: дочери Шевырева, женѣ Полунина, тещѣ и племянницѣ Сушкова, у котораго и обѣдалъ. У Полунина я слышалъ о смерти С. И. Любимова, постигшей его въ н. у свояка его Рихтера. Утромъ у себя въ комнатѣ я чувствовалъ вокругъ себя необыкновенное благоуханіе.

27. Я прошелъ въ Знаменскій м., гдѣ засталъ конецъ обѣдни, которую служилъ митроп. Филаретъ. По приглашенію архим. Игнатія, зашелъ къ нему на закуску и обѣдалъ у него; познакомился съ даровитымъ священникомъ магистромъ Алексинскимъ, который хотѣлъ мнѣ доставить разсужденіе о философіи пословиць.

28. Всенощная на Троицкомъ подворьѣ; тамъ видѣлъ Н. В. Исакова.

Денабрь. 3. Купивъ осетра, я послалъ его въ подарокъ къ доброму будущему имениннику Н. Я. Богословскому.

4. Получена мною задравная просфора изъ Іерусалима. Я ѣзидъ на Остоженку и въ ц. Новаго Воскресенія, слушалъ проповѣдь назидательную о любви священника Григорія.

9. День ангела моей жены. Поутру были съ поздравленіемъ А. П. Извольскій, священникъ Тульскій Петръ Сергѣевъ, И. Ковалевскій, П. П. Корниловъ, Н. И. Никифорова. Обѣдали у насъ: князь М. А. Оболенскій, Н. В. Сушковъ, С. П. Шевыревъ, баронъ Моргенштернъ, зять съ дочерью, А. П. Извольскій, г. Саксъ, Зина, М. А. Петрова. Послѣ обѣда они побесѣдовали до 8 ч. На вечеръ пріѣхала Кат. Алекс. фонъ-Рихтеръ, вдова молодая съ двумя племянницами, дочерьми генерала Ильина. Они пѣли, играли и танцовали за полночь.

12. Ѣзидъ, по приглашенію, къ А. И. Лобкову, который сообщилъ мнѣ свой проектъ, прежде мною за нѣсколько лѣтъ предложенный, объ основаніи въ Москвѣ публичной библіотеки и звалъ въ слѣдующій Вторникъ на обѣдъ съ С. П. Шевыревымъ, которому я передалъ это.

14. Поутру въ заутрени меня растревожилъ и обругалъ пьяный Андрей, пришедшій съ попойки предъ заутреней. Испушеніе мнѣ!

15. У А. И. Лобкова, обѣдалъ съ А. И. Мясоѣдовымъ и женою его, съ попечителемъ Московскаго Университета Исаковымъ и С. П. Шевыревымъ. Толковали объ учрежденіи публичной библіотеки въ Москвѣ. Я представилъ планъ ея. Рѣшились отнестись къ в. г. г. Тучкову и градскому главѣ.

21. Изъ Спб. былъ у меня Александръ Александровичъ Оболенскій съ просьбой участвовать въ его журналъ «Народное Чтеніе».

23. Обѣдалъ съ П. В. Шереметевскимъ у А. А. Медынцева, который купилъ мнѣ купель для деревни Подчерное и далъ плащаницу, которую поручилъ отчистить купцу.

25. Въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, гдѣ видѣлся и поговорилъ съ преосвященнымъ Евгеніемъ и пр. Послѣ обѣдни и молебна я зашелъ по приглашенію къ митрополиту на закуску въ Чудовъ м. съ Ѳ. П. Корниловымъ и Н. А. Кашинцевымъ. Въ Кремлѣ ждали фельдмаршала кн. Барятинскаго. Оттуда я завернулъ къ А. И. Лобкову, который просилъ меня обѣдать съ его зятемъ, Егоровымъ, Поныркою и А. Д. Бороздинымъ.

26. Навѣстилъ Крашенинникову, у которой видѣлъ сумасшедшаго ея сына Семена, заболѣвшаго у Николы на Угрѣшѣ. Монастырь погубилъ его.

29. Ъздилъ къ маклеру написать Спиридонову заемное письмо въ 300 р. с., кои у него и получилъ съ вычетомъ 30 р. с. процентовъ; у него оставилъ т. Древней Россійской Вивл. Вечеромъ мой Андрей сынъ съ Богомъ отправился въ путь къ брату своему, поѣхалъ на Можайскъ. Поѣздка его стоитъ мнѣ болѣе 200 р. с.

Письма княгини Натальи Борисовны Долгоруковой и графа Петра Борисовича Шереметева въ Киевскому митрополиту Арсенію Могилянскому.

1767 г. *).

Въ 1767 году схимонахиня Нектарія (княгиня Наталья Борисовна Долгорукова) и старшій братъ ея графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ обратились одновременно къ Киевскому митрополиту Арсенію Могилянскому съ просьбой относительно болѣзненнаго ихъ сына и племянника, князя Дмитрія Ивановича Долгорукова, родившагося въ Березовѣ, во время отповской ссылки.

Совмѣстная эта просьба и участіе, принимаемое братомъ въ дѣлѣ столь близкомъ его сестрѣ и притомъ выраженное такимъ образомъ, не сходятся съ упреками недобраго внука Натальи Борисовны, князя Ивана Михайловича Долгорукова, автора „Капища моего сердца“.

Графъ Сергій Шереметевъ.

Михайловское
3 Іюля 1904.

Подано Сентября 4 д. 1767 года (Помѣта митрополита Арсенія).

Преосвященнѣйшій владыко.

Покорно вше преосвященство прошу племяннику моему князь Дмитрею Ивановичу Долгорукову, по ево желанію, дозволить жить епархіи вашего преосвященства въ Никольскомъ монастырѣ и опредѣлить ево подъ смотрѣніе іеромонаха Саввы и діакона Анатолія, чрезъ что сдѣлаете мнѣ одолженіе и ево желаніе будетъ исполнено; означенные жъ іеромонахъ и діаконъ за ихъ трудъ въ смотрѣніи не будутъ оставлены. И тако въ надеждѣ вашего преосвященства снисхожденія съ отгнѣннымъ почтеніемъ моимъ пребываю наивсегда вашего преосвященства покорный слуга (собственноручно) Г. П. Шереметевъ.

*

*) Оба письма хранятся въ библиотекѣ Киево-Печерской Лавры. Копія сняты при любезномъ содѣйствіи В. Т. Георгіевскаго. Графъ С. Шереметевъ.

Подано Іюня 24 д. 1767 года (Помѣта митрополита Арсенія).

Высокопреосвященнѣйшій владыко премилосердній пастиру мой.

Небезъизвѣстно вашему высокопреосвященству о бѣдномъ синѣ моемъ, которой за грѣхи моя допущеніемъ Бога лютѣ страждетъ въ злоби болѣзни немалое время, которой за своею болѣзнію не имѣетъ гдѣ главы поклонити. Живучи и въ лаврѣ Печерской черезъ три года, весьма въ худомъ состояніи былъ чтò уже я не знала чтò съ нимъ и дѣлать. Но когда благословеніемъ и милостію вашего высокопреосвященства синъ мой князь Димитрій былъ намалое время въ катедрѣ, то милостію Божіею всемогущаго Бога и ходатайствомъ угодниковъ Божіихъ Николая и Макарія и многомогущими вашего высокопреосвященства молитвами и по сіе время пребываетъ онъ въ добромъ состояніи.

А понеже онъ сынъ мой, имѣя надежду на всемогущаго Бога и по Божѣ надѣется на многомогущія святыя молитви святителя Христова Николая, проситъ пожить во обители святой пустыньки Николаевской, какое время, донелѣже объ немъ будетъ конечное разсмотрѣніе и опредѣленіе отъ высочайшей воли: того ради, падши къ стопамъ святительскимъ, поливая оныя горькими своими и неутѣшными слезами, прошу помиловать меня прегорествую старицу, не дать мнѣ въ такой печали безгодно окончить жизнь свою. Помилуй, добрій пастиру, овцу почти погибшую своего стада, благословите ваше высокопреосвященство принять моего сына старца въ вышепрописанній Святоиколаевскій монастырь и для досмотру оного сына моего опредѣлить указомъ къ нему іеромонаха Савву до времени чтò Богъ милостивъ сотворитъ съ сыномъ моимъ, понеже сынъ мой къ нему пріобыкъ, за что я вашему высокопреосвященству по жизнь мою всенижайшая слуга и благодарница пребуду. Понеже того дожила, владыко святій, что нѣсть мллюющаго мене на земли, столько прогнѣвила Создателя моего, отъ чего пришла въ крайнюю слабость здравія своего и отчаянія жизни. Умилосердись, преосвященнѣйшій владыко, не презри моего старческаго*) бѣднаго прошенія. Высокопреосвященства вашего премилосерднаго пастира моего всенижайшая послушница (собственноручно) С. Нектарія.

1767-го году Іюня 24 дня.

*

Большой, во весь ростъ портретъ князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго, въ нашескомъ одѣяніи, случалось намъ видѣть у внучатной его племянницы Варвары Ивановны Новиковой, урожденной княжны Долгорукой. П. Б.

*) Просительница было 53 года.

ЯПОНІЯ И КОРЕЯ ПО СОЧИНЕНІЯМЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

(Замѣтка).

Европейцы получили болѣе или менѣе свободный доступъ въ Японію и Корею лишь со второй половины XIX столѣтія. Поэтому неудивительно, что въ сочиненіяхъ XVIII столѣтія объ Японіи и Корей встрѣчаются смутныя, невѣрныя и баснословныя извѣстія ¹⁾.

Въ учебникахъ географіи XVIII столѣтія объ Японіи, между прочимъ, сообщается:

„На островѣ Нисонѣ примѣчать должно гору Фудзи, которую почитать можно за наибольшую на всемъ земномъ шарѣ; ибо отъ подошвы идучи по отлогости ея до вершины, которая кончится шпиемъ, считается около 30 верстъ ²⁾“.

По природѣ и естественнымъ произведеніямъ Японія представляется какъ бы сказочнымъ царствомъ съ медовыми рѣками и киселевыми берегами. „Воздухъ (т. е. климатъ) здоровой и умѣренной ³⁾“. Земля тамошняя содержитъ въ себѣ множество золота и серебра, желѣза, жемчугу, верблюдовъ (?) и другихъ звѣрей, также находятся тамъ еще многія рѣки, озера и изрядныя га-

¹⁾ На первомъ глобусѣ, сдѣланномъ въ 1492 году уроженцемъ Нюрнберга, путешественникомъ Мартыномъ Бегамомъ, у острововъ „Чипанго“ (т. е. Японія) написано: „Здѣсь есть сирены и чудесныя рыбы; кто же хочетъ знать о нихъ подробнѣе, пусть смотреть творенія Плинія Старшаго, Страбона и другихъ“; но въ этихъ твореніяхъ объ Японіи ничего не говорится.

²⁾ „Новѣйшая всеобщая географія, содержащая въ себѣ пространное свѣдѣніе о четырехъ частяхъ свѣта, съ присовокупленіемъ обзорнія Россійской Имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи, съ приложеніемъ къ оному генеральной карты Россійской Имперіи, изображеній гербовъ наѣстныхъ городовъ и мундировъ. Изданіе Новое. Цѣна безъ перелета 2 р. 20 к. Во градѣ Святаго Петра. 1793 г.“. Стр. 180. Въ дѣйствительности высота Фудзи около 13.000 футовъ (см. Григорія Де-Воллана „Въ Странѣ Восходящаго Солнца“, Сиб. 1903, стр. 265), т. е. около 3¹/₂—4 версты.

³⁾ „Дорожная географія, содержащая описаніе о всѣхъ въ свѣтѣ государствахъ, о ихъ качествахъ, климатѣ, нравахъ или обычаяхъ, ихъ жителяхъ, столичныхъ городахъ, разстояніи ихъ отъ Париза, и о ведущихъ къ сему городу дорогахъ какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ. Переведена съ Французскаго языка. Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ на коштъ книгодержателя Вевера, 1763“.

вани ¹⁾“. „Въ ней находятся рудокопные заводы золотые, серебряные и мѣдныя весьма хорошіе. Прочее богатство сихъ острововъ состоитъ въ слоновыхъ зубахъ (?), верблюжихъ кожахъ и красномъ жемчугѣ (?), который не меньше почитается какъ и бѣлой ²⁾“. Ель и кипарисъ суть обыкновенныя деревья сей земли; сверхъ того примѣчается лаковое дерево, котораго смола весьма здѣсь употребительна на лакировку деревянныхъ вещей. Сія работа доведена здѣсь до такого совершенства, что и самъ Императоръ никакихъ блюдовъ и тарелокъ кромѣ деревянныхъ лакированныхъ не употребляетъ. Дворовая скотина здѣсь такая жъ, какъ и въ Европѣ, а изъ насѣкомыхъ особливаго примѣчанія достойнъ бѣлый муравей, который за одну ночь опустошаетъ самыя великія и полныя житницы, такъ что обжорству его кромѣ камня и металла все подвержено ³⁾“. (Вѣроятно, здѣсь рѣчь идетъ о термитахъ).

По однимъ учебникамъ „земля тамошняя плодоносна ⁴⁾“; по другимъ „земля хотя гористая, однако произноситъ изобильно сарачинскаго пшена (т. е. риса) и чаю ⁵⁾“; по инымъ „земля хотя и весьма не плодородна, однако особенное трудолюбіе жителей изобильно сей недостатокъ награждаетъ ⁶⁾“.

Населеніе весьма плотное. „Японское государство столь людно и такъ разными селеніями, замками и городами наполнено, что почти пустого мѣста нигдѣ не оставлено, а по тому и не видно на сихъ островахъ никакихъ дикихъ и кровожадныхъ звѣрей ⁷⁾“. „Новые авторы раздѣляютъ все государство на 7 частей, въ которыхъ 13000 городовъ и 909185 деревень считается ⁸⁾“. „Число жителей Іэдо полагается до 2 миліоновъ ⁹⁾“.

Въ Японіи два императора: свѣтскій или куба, и духовный или дайри. „Духовному императору ежегодно свѣтской со всемъ своимъ дворомъ дѣлаетъ одинъ разъ посѣщеніе съ наружнымъ видомъ нѣкоторой зависимости... Дво-

¹⁾ „Введеніе въ географію, служащее къ изясненію всѣхъ ландкартъ земнаго шара съ государственнымъ гербами, и описаніе сѣеры съ толкованіемъ оной, ея круговъ, движенія звѣздъ, древнихъ и новыхъ системъ свѣта и употребленія глобусовъ и мѣръ географическихъ съ фигурами. Изданіе второе. М. 1790“. Стр. 256.

²⁾ „Дорожная географія“... Стр. 149.

³⁾ „Новѣйшая всеобщая географія“... Стр. 179—180. „Въ Японіи насѣкомыхъ очень много и въ особенности неприяты Москиты“ (Гр. Де-Волланъ, стр. 4.).

⁴⁾ „Введеніе въ географію“... Стр. 256.

⁵⁾ „Дорожная географія“... Стр. 149.

⁶⁾ „Новѣйшая всеобщая географія“... Стр. 179.

⁷⁾ Тамъ же. Въ настоящее время „изъ хищныхъ животныхъ Японіи знаетъ... медвѣдя, волка, лисицу, дикаго кабана, обезьяну и т. д.“ (Григ. Де-Воллана, стр. 4; ср. Азбелева, И. П., „Японія и Корей“, М. 1895, стр. 9—10).

⁸⁾ „Введеніе въ географію“... Стр. 256.

⁹⁾ „Новѣйшая всеобщая географія“... Стр. 178. Въ послѣднее время въ Токио (или Іэдо) считается населенія 1.440.121 человекъ (См. „Вѣсти. иностр. литературы“ за 1904 г., Апрель, стр. 300).

ряństwo весьма честолюбиво, а въ одеждѣ и обычаяхъ съ Китайцами немало сходствуетъ. Народъ отмѣнно трудолюбивъ, и можно сказать, что во всей Имперіи царствуютъ тишина и порядокъ. Японцы никогда (?) не ведутъ войны, ибо о завоеваніяхъ не помышляютъ; а подводные камни, которыми окружены ихъ острова, и безпрестанно около нихъ волнующееся море охраняютъ ихъ отъ нападѣнія иностранцевъ; однакожъ сіе не приводитъ ихъ въ лѣность и войско кубы всегда состоитъ въ великомъ числѣ и въ хорошемъ устройствѣ ¹⁾“.

Что касается наружности и національнаго характера Японцевъ, то „Японцы посредственнаго роста, черноваты, платье носятъ богатое, разумны, вѣрны и проворны. Любятъ художества и науки. Говорятъ объ нихъ, что они спѣсивы, нечестивы и любящіе притворъ ²⁾“.

„Японской языкъ собственной сему государству; однако многіе изъ Японцовъ говорятъ Индѣйскими (?) языками, а особливо Малаіосскими и Китайскими ³⁾“.

Въ описаніи нравовъ и обычаевъ Японцевъ встрѣчаются пикантныя подробности. „Ихъ (т. е. Японцевъ) обычай и обряды совсѣмъ противны нашимъ. Черной цвѣтъ значить у нихъ радость, а бѣлой печаль. Когда они женятся, то употребляютъ публичныхъ офицеровъ для лишенія дѣвства своихъ невѣстъ, и почитаютъ сей трудъ за недостойный для благороднаго человѣка. Они однако почти такъ ревнивы какъ и Италіянцы ⁴⁾“.

Заслуживаетъ вниманія характеристика Японцевъ, изложенная въ 1-ой части сочиненія: „Описаніе о Японіи, содержащее въ себѣ три части, то-есть: извѣстіе о Японіи и о винѣ гоненія на христіанъ въ Японіи и послѣдованіе странствованія Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено. Сиб. 1734 ⁵⁾“.

Эта характеристика представляется весьма правдоподобною, даже лѣткою.

Японцы характеризуются здѣсь какъ народъ мстительный и жестокій. „Оныхъ народъ, говоритъ авторъ „Описанія“, такъ свирѣпъ и мстителейъ, что за малую досаду, ежели они не могутъ того часа отмстити“, рѣшаются на самоубійство „распоротіемъ чревь своихъ“. Въ подтвержденіе этого авторъ приводитъ слѣдующій сообщенный ему случай изъ Японской жизни.

Два царедворца поссорились между собою во дворцѣ. „Задорчивый“ изъ нихъ схватился за ножъ, чтобы начать поединокъ. Но другой, указавши,

¹⁾ „Новѣйшая всеобщая географія“... Стр. 180.

²⁾ „Дорожная географія“... Стр. 149—150. Въ противоположность этому извѣстію о любви Японцевъ къ наукамъ, „Новѣйшая всеобщая географія“ сообщаетъ, что въ Японіи „науки не весьма употребительны“ (Стр. 180).

³⁾ „Дорожная географія“... Стр. 150.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Всѣ три части переведены Иваномъ Горлицкимъ и Степаномъ Коровинимъ Сибирениномъ (Сибирякомъ) изъ книги Тавернье: „Les six voyages de I. B. Tavernier en Turquie, en Perse et aux Indes, nouv. edit-6 vol, 1724“.

что здѣсь неудобно драться, просилъ подождать нѣсколько въ опредѣленномъ мѣстѣ, пока онъ сходитъ и приготовится къ поединку („да препояшуся“). Первый согласился, но послѣ нѣкотораго ожиданія „нестерпимость объять его“: ему стало казаться, что противникъ, обманувъ, насмѣялся надъ нимъ и, при мысли объ этомъ, онъ отъ взбѣшенія распоролъ свое чрево ножемъ“. Вокругъ самоубійцы собралась толпа, и на вопросъ, что побудило его къ самоубійству, онъ сказалъ только: — Одинъ трусъ прогнѣвалъ меня. Между тѣмъ вернулся другой царедворецъ и, „протиснувшись“ сквозь толпу, при видѣ „сего дѣйства“, воскликнулъ: — О несчастный! Ты не долженъ былъ сомнѣваться относительно моего обѣщанія. Сей ножъ можетъ тебя въ этомъ увѣрить. И, поразивши себя ножемъ, онъ палъ рядомъ съ противникомъ. „Ни единого народа не имѣется въ свѣтѣ, продолжаетъ авторъ, который бы тако мало боялся смерти“ и былъ такъ склоненъ находить удовольствіе въ жестокости, какъ Японцы. Устраивая, напримѣръ, пиръ для своихъ друзей, князя и другіе знатные люди, въ концѣ обѣда, призываютъ лучшихъ изъ своихъ слугъ и спрашиваютъ, „есть-ли кто между ими, который бы любилъ самъ себя предать смерти въ присутствіи гостей?“ Тогда между слугами бываетъ „прѣніе, кому первому сія честь“, и слуга, въ пользу котораго рѣшить этотъ споръ самъ господинъ, „скоро распарываетъ себѣ чрево крюкомъ, еже есть ножъ, котораго конецъ наполненъ ядомъ“. Тоже самое практикуется тогда, когда господинъ умретъ, и по окончаніи постройки: зданіе отъ этого, какъ вѣрять Японцы, становится крѣпче, а обитателямъ его живется счастливѣе. По словамъ автора „Описанія“, Японцы крайне безпокойный народъ: „зѣло они любятъ новизны, чего ради (?) между ими были многіе бунты и междуособныя брани“...

О Корей въ учебникахъ географіи XVIII столѣтія говорится: „По холодности климата мало здѣсь прибыточныхъ произрастеній; напротивъ того изобильно растетъ корень жинь-шинъ и табакъ, къ которому столь страстны всѣ жители вообще, что дѣти по четвертому году курить оной начинаютъ“. Сообщается о сильномъ флотѣ Корейскаго императора. „Какъ сей полуостровъ съ твердою землею никакого за неприступными горами сообщенія не имѣеть, то Корейской владѣтель сухопутнаго войска содержитъ мало, а напротивъ того довольно военныхъ судовъ; ибо каждый городъ обязанъ строить и содержать для службы короля военное судно со всѣмъ снарядомъ“. Обращаетъ на себя вниманіе слѣдующая замѣтка:

„Жители Кореи имѣютъ врожденной и совѣмъ непобѣдимой ужасъ отъ военной опасности и какъ скоро увидятъ слѣды крови, то совѣмъ предаются бѣгу. Трусость ихъ и страхъ смерти простираются до такой степени, что какъ скоро окажется больной, то, прерывая всякое съ нимъ сообщеніе, выносятъ за городъ въ нарочно сдѣланныя для того палатки и тамъ излѣченіе его оставляютъ наудачу. Въ нравахъ тихи и потому болѣе спокойную жизнь любятъ; въ прочемъ же во всѣхъ полезныхъ знаніяхъ невѣжды *)“.

Михаилъ И. Успенскій.

*) „Новѣйшая всеобщая географія“... Стр. 177.

ЗАПИСКА О СОСТОЯНИИ РУССКАГО ВОЙСКА ВЪ 1825 ГОДУ.

(Изъ бумагъ графа А. Х. Бенкендорфа).

Въ концѣ этой статьи имѣется запись на Французскомъ языкѣ: «Настоящая записка была составлена въ Октябрѣ 1825 г. для поднесения Его Величеству Императору Александру; кончина этого Монарха помѣшала поднести записку своевременно, но новѣйшія наблюденія убѣждаютъ, что состояніе арміи съ тѣхъ поръ не измѣнилось». Можно предположить, что авторомъ ея былъ самъ графъ А. Х. Бенкендорфъ. Приводимъ въ кратцѣ сущность этой записки въ переводѣ на Русскій языкъ.

Въ началѣ ея авторъ дѣлаетъ общее замѣчаніе о томъ, что Русская армія, во внѣшнемъ отношеніи, является безспорно лучшею въ мірѣ и ежедневно дѣлаетъ очевидные успѣхи. При расположеніи войскъ на штабъ-квартирахъ, усердіе и дѣятельность начальниковъ двигаютъ впередъ одиночное обученіе, а также «обученіе батальоновъ». Съ другой стороны, частое соединеніе войска для маневровъ способствуетъ сохраненію въ нихъ боевыхъ традицій, «коимъ могъ бы служить помѣхою продолжительный миръ».

Совершенно иное заключеніе авторъ дѣлаетъ относительно внутренняго состоянія войска, которое на его взглядъ представляется далеко неблестящимъ. По его мнѣнію, повсюду замѣчается упадокъ дисциплины; не рѣдки такіе начальники дивизій, которые, при неисправности офицеровъ, вмѣсто наложенія на нихъ дисциплинарныхъ взысканій, ограничиваются замѣчаніемъ: «смотрите, чтобы васъ не увидѣлъ корпусный командиръ». Полки служатъ очагомъ весьма дѣятельныхъ интригъ; старшій въ полку офицеръ почти всегда находится въ противодѣйствіи съ полковымъ командиромъ. Но всѣ столь нежелательныя явленія еще могутъ быть, по мнѣнію автора, легко устранимы, такъ какъ «зараза» не коснулась нижнихъ чиновъ, попрежнему терпѣливыхъ и привыкшихъ къ повиновенію, а по отношенію къ офицерамъ возможны нѣкоторыя реформы.

Причинами неудовлетворительности внутренняго состоянія войска авторъ считаетъ отсутствіе должной энергіи у генералитета, неудовлетворительный составъ корпуса офицеровъ, пренебреженіе началами подчиненности и незнаніе служащими своихъ правъ и обязанностей.

Въ послѣдовательномъ разборѣ этихъ причинъ авторъ прежде всего останавливается на первой изъ нихъ. Мысль начальствующихъ лицъ о томъ, «какъ бы не сдѣлать несчастными подчиненныхъ», составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ «бичей» Россіи. Отсюда проистекаетъ вопіющая безнаказанность виновныхъ, для уничтоженія коей нужна строго говоря, лишь нѣкоторая энергичность. Послѣдней однако трудно ожидать отъ высшаго начальства, достигающаго чина генерала, при существующемъ порядкѣ производства, за выслугу лѣтъ, а не за отличіе, лишь въ преклонныхъ годахъ, съ утраченными физическими и душевными силами. Непростительнымъ бездѣйствіемъ власти генеральскіе чины не только унижаютъ сами себя, но и роняютъ достоинство своего положенія, обставляя въ тоже время большими трудностями дѣятельность того небольшого числа генераловъ, которые, по своему «благородству», не могутъ слѣдовать несомвѣстной съ ихъ званіемъ системѣ малодушія. Объ этомъ меньшинствѣ въ средѣ генераловъ, къ ихъ невыгодѣ, составляется мнѣніе, какъ о какихъ-то тиранахъ. «Страсти разгораются: этимъ энергичнымъ генераламъ повинуются только нехотя; наказанія учащаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается ненависть къ начальнику, не имѣющему однако другой вины, кромѣ желанія заставить уважать свое положеніе». Подобныя нежелательныя явленія заставляютъ автора склониться къ мысли о непригодности системы чинопроизводства исключительно за выслугу лѣтъ; по его мнѣнію, нужно, помимо старшинства по линіи, руководствоваться еще и отличіями отдѣльныхъ лицъ. Совершенное уничтоженіе производства по линіи способно обезнадежить старыхъ офицеровъ, почувствовавшихъ себя лишенными возможности двинуться по службѣ впередъ; съ другой стороны, для пресѣченія чрезмерно быстраго повышенія, необходимо установить число лѣтъ, лишь по обязательномъ прослуженіи коихъ офицеръ имѣетъ право на дальнѣйшее производство. Вводя такимъ образомъ идею о цензѣ, авторъ точно означаетъ минимальное число лѣтъ службы въ каждомъ чинѣ: для оберъ-офицеровъ, кромѣ капитановъ, по два года въ каждомъ чинѣ; для капитановъ, маіоровъ и подполковниковъ—по три года, для полковниковъ—по четыре года, для генераль-маіоровъ—пять лѣтъ и для полныхъ генераловъ—шесть лѣтъ. Такимъ образомъ, со времени полученія подпоручичьяго чина, офицеръ могъ достигнуть штабъ-офицерскаго чина не ранѣе девяти лѣтъ, чина генераль-маіора — не ранѣе девятнадцати

лѣтъ, чина генералъ-лейтенанта — не ранѣе двадцати четырехъ лѣтъ и чина полнаго генерала — не ранѣе тридцати лѣтъ службы. При недостаткѣ офицеровъ, выслужившихъ цензъ, должны быть допускаемы переводы изъ другихъ частей. Въ гвардіи авторъ предлагаетъ ввести еще третій способъ: на первую ваканцію могъ быть произведенъ офицеръ по старшинству, на вторую — по избранію, а на третью ваканцію желателенъ переводъ офицера изъ армейскихъ частей, того же чина, удостоеннаго къ такому переводу въ видѣ высшей награды. Последняя мѣра автору казалась особенно полезною, какъ способная примирить армію съ гвардіею и дать надежду каждому армейскому офицеру заслужить переводъ въ гвардію. Въ цензовой системѣ автора отсутствуетъ указаніе на число лѣтъ, необходимыхъ для выслуги въ фельдмаршала. Указанное отсутствіе объясняется авторомъ тѣмъ, что званіемъ фельдмаршала можетъ быть удостоенъ полный генералъ лишь по непосредственной высочайшей волѣ; поэтому здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо цензѣ. Положеніе же въ то время вопроса о производствѣ въ прапорщики унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ признается авторомъ неудовлетворительнымъ: онъ говоритъ, что есть однѣ части, гдѣ они производятся чрезъ четыре мѣсяца, а есть и такія, гдѣ они производятся чрезъ четыре года; въ первомъ случаѣ они являются не вполне усвоившими воинскую дисциплину, а во второмъ — чрезчуръ огрубѣвшими. Поэтому авторъ предлагаетъ производить въ прапорщики унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ чрезъ два года.

Предлагая производство по избранію, авторъ оговаривается, что оно, не представляя новшества, тѣмъ не менѣе составляетъ для его времени лишь исключеніе изъ обычнаго правила и порождаетъ, не будучи установлено закономъ, множество обиженныхъ, считающихъ себя неправильно обойденными и подающихъ прошенія объ отставкѣ. Авторъ заканчиваетъ изложеніе своей системы производства запрещеніемъ производства по избранію старшаго въ чинъ; иначе грозилъ бы поворотъ къ прежней системѣ.

Илагаемая авторомъ система производства не исключаетъ возможности производства внѣ этихъ правилъ въ военное время, за военныя отличія, и послужить, по его мнѣнію, «лучшимъ средствомъ дать намъ дѣятельныхъ генераловъ, способныхъ возстановить приличное ихъ чину уваженіе».

Обращаясь ко второй причинѣ упадка воинской дисциплины, къ вопросу о неудовлетворительномъ составѣ корпуса офицеровъ, авторъ замѣчаетъ, что полковые командиры не имѣютъ должнаго вліянія на под-

чиненныхъ офицеровъ и, не будучи полными хозяевами въ дѣлѣ пополненія офицерскаго состава, не могутъ въ необходимой мѣрѣ нести за нихъ отвѣтственности. Слѣдовало бы, по взгляду автора, предоставить полковымъ командирамъ полную свободу въ принятіи на службу или увольненіи отъ нея офицеровъ, по ихъ личному выбору. Правда, и ранѣе существовало право полкового начальства на подобное увольненіе офицеровъ въ отставку. Однако для этого слѣдовало командиру представить рапортъ съ изложеніемъ поводовъ къ своему ходатайству; дагѣ рапортъ долженъ былъ представляться къ высшему начальству, дѣлающему распоряженіе о производствѣ слѣдствія и, какъ бы ни была ничтожна вина провинившагося офицера, послѣдній, при строгости военно-уголовныхъ законовъ, терялъ, какъ говорится, все. Поэтому полковой командиръ, изъ опасенія совершенно погубить человѣка, предпочиталъ обыкновенно оставлять въ полку офицера, подлежаваго, при другомъ порядкѣ, увольненію со службы; а между тѣмъ пребываніе подобнаго офицера въ полку нежелательно для благосостоянія войсковой части. Въ виду этого авторъ и полагаетъ, что въ интересахъ улучшенія дѣла было бы цѣлесообразнѣе предоставить полковымъ командирамъ право входить съ ходатайствомъ объ увольненіи офицеровъ, безъ изложенія поводовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ подобнымъ офицерамъ нужно разрѣшить числиться по арміи и въ теченіе годичнаго срока вновь вступать на службу, въ случаѣ согласія на это какого-либо командира принять ихъ въ свой полкъ. Если же въ теченіе года уволенный изъ какого-либо полка офицеръ не будетъ принятъ въ другую часть, то это обстоятельство, по мнѣнію автора, послужитъ яркимъ доказательствомъ его несоотвѣтствія съ офицерскимъ достоинствомъ, и онъ долженъ быть тогда и только тогда уволенъ въ отставку.

Распространенность третьей причины упадка дисциплины, заключающейся въ пренебреженіи началами подчиненности, заставляетъ автора записки горячо защищать необходимость передачи приказаній въ порядкѣ подчиненности. Начальникъ дивизіи, замѣтившій какую-либо неисправность въ полку, обязанъ сдѣлать замѣчаніе не непосредственно полковому командиру, а чрезъ бригаднаго командира. Несоблюденіе подобныхъ правилъ сильно вредитъ дѣлу дисциплины, дискредитируя начальниковъ въ глазахъ подчиненныхъ.

Незнаніе военно-служащими своихъ правъ и обязанностей составляютъ четвертую причину разстройства арміи. Законодательство Петра Великаго, служащее основаніемъ всѣхъ Русскихъ военныхъ учреждений, вышло, какъ замѣчаетъ авторъ, изъ употребленія и измѣнено новыми инструкціями полковымъ командирамъ, законодательствомъ Павла I,

Положеніемъ о большой дѣйствующей арміи и тысячами частныхъ распоряженій и дневныхъ приказовъ. Послѣдствіемъ подобнаго положенія вещей является полная невозможность офицеру ознакомиться съ военнымъ законодательствомъ. Есть много основанія предполагать, что изъ десяти нашихъ генераловъ девять никогда не читали Военскаго Устава Петра Великаго и въ своей служебной дѣятельности руководствуются лишь преданіями, часто ложными, а иногда и противорѣчивыми. Случается, что начальникъ, не знающій предѣла своей власти, иногда переступаетъ его; съ другой стороны, его вполне законное требованіе иногда считается произволомъ. Приводится любопытный примѣръ. Всѣмъ генераламъ одной арміи былъ предложенъ на разрѣшеніе вопросъ о томъ, имѣетъ ли право генералъ арестовать офицера, несостоящаго у него въ подчиненіи и замѣченнаго въ какой-нибудь неисправности; отвѣтъ послѣдовалъ, что, «основываясь на здоровомъ смыслѣ», генералъ имѣетъ такое право; однако ни одинъ генералъ не могъ привести соотвѣтствующей ссылки на законъ. Но руководство однимъ здравымъ смысломъ, по мнѣнію автора записки, недостаточно для начальствующихъ лицъ. Посему онъ и признаетъ необходимымъ изданіе новаго полнаго собранія военныхъ законовъ, иначе говоря, считаетъ необходимымъ произвести неотложно кодификацію военнаго законодательства, освѣжая затѣмъ военный кодексъ новыми изданіями законовъ чрезъ каждыя пять лѣтъ.

Записка эта даетъ право признать въ авторѣ наблюдательнаго челоука, способнаго критически относиться къ военному быту и сохраняющаго притомъ полнаго равноуісіе въ своихъ разсужденіяхъ. Онъ не закрываетъ глазъ на нѣкоторыя неустройства въ арміи и, вооруженный служебнымъ опытомъ и желаніемъ пользы, рѣшается повергнуть свою записку на высочайшее благовоуарѣніе.

Михаилъ Соколовскій,

членъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института.

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ В. И. БАРЯТИНСКАГО *).

I.

Альминское сраженіе.

1854.

Вскорѣ послѣ высадки союзныхъ войскъ въ Евпаторіи, въ первыхъ числахъ Сентября 1854 года, состоя флагъ-офицеромъ при вице-адмиралѣ Корниловѣ, я былъ посланъ имъ изъ Севастополя къ главнокомандующему князю Меншикову, который уже при первомъ появленіи непріятельскихъ флотовъ расположился со всеми собранными имъ войсками на лѣвомъ берегу рѣки Альмы, недалеко отъ впаденія ея въ море, надъ деревнею Бурлюкъ. Я везъ князю письменныя донесенія и нѣкоторыя изустныя порученія.

Ставка князя была на высотахъ южной стороны Альмы и въ центрѣ линіи расположенія войскъ. Съ этой возвышенности простирался обширный видъ. Прямо на Сѣверъ, въ разстояніи около 20 верстъ, были видны городъ Евпаторія и цѣлый лѣсъ судовъ военныхъ всѣхъ ранговъ, купеческихъ и транспортовъ. Въ большую подзорную трубу можно было разсмотрѣть лагери союзныхъ войскъ, занимавшихъ огромное пространство. Съ лѣвой стороны было видно море, по которому по разнымъ направленіямъ сновали суда парусныя и паровыя; изъ послѣднихъ многія видимо дѣлали рекогносцировку и обозрѣвали берегъ между Евпаторіей и Севастополемъ.

Неминуемо надобно было ожидать наступленія союзныхъ войскъ и большого сраженія, но именно въ какой день, никому не могло еще быть извѣстно.

Передавъ депеши главнокомандующему и получивъ отъ него обратныя порученія, я рѣшился попросить его позволить мнѣ остаться и вмѣсто меня отправить въ Севастополь къ адмиралу Корнилову

*) Некрологъ князя Виктора Ивановича Барятинскаго помѣщенъ въ 6-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ сего года. П. Б.

другого офицера: такъ сильно было у меня желаніе присутствовать при ожидаемомъ сраженіи. Онъ согласился, послалъ флотскаго офицера изъ находившихся при его штабѣ, кажется князя Эспера Ухтомскаго, а меня онъ назначилъ при себѣ адъютантомъ. Я былъ этому весьма радъ и устроился здѣсь же въ одной изъ палатокъ его штаба, въ составѣ котораго были сынъ его князь Владимиръ Александровичъ, полковникъ Вунчъ, исправляющій должность начальника штаба, капитанъ-лейтенантъ Веригинъ, Сколковъ, ротмистръ Грейгъ, штабъ-офицеръ Желобовъ, который былъ убитъ въ самомъ началѣ Альминскаго сраженія, и статскіе чиновники Косповскій и Гротъ.

До 7-го числа Сентября не было замѣтно въ союзномъ лагерѣ никакихъ большихъ движеній, и все это время съ нашей стороны было посвящено на приведеніе въ исполненіе диспозиціи войскъ. Строились земляные валы для полевыхъ орудій, укрѣплялись разные пункты; но, сколько я могъ узнать, лѣвый нашъ флангъ, примыкающій къ морю около мыса Лукулла и расположенный на высотахъ, командующихъ рѣкою Альмой, считался неприступнымъ, доказательствомъ чему служило то, что не было возведено съ этой стороны никакихъ укрѣпленій. Конечно, можно было на это возразить, что все это пространство было слишкомъ открыто и подвергалось гибельному огню со стороны моря. Это дѣйствительно было такъ; но мнѣ кажется, что хорошо выстроенныя и болѣе или менѣ замаскированныя земляныя укрѣпленія могли бы принести большую пользу: мы видѣли въ послѣдствіи при осадѣ Севастополя, что такія батареи, хотя подвергавшіяся страшному огню съ непріятельскихъ батарей, вооруженныхъ самыми сильными судовыми орудіями, держались не дни, недѣли, а цѣлые мѣсяцы. Нѣсколько такихъ батарей, расположенныхъ на разныхъ возвышенныхъ пунктахъ, могли бы обдавать войска, идущія на штурмъ нашего лѣваго фланга, градомъ ядеръ, гранатъ и картечи. Но ничего, какъ извѣстно, этого не было. Если бы съ самаго начала занятія позиціи на Альмѣ приняты были энергическія мѣры и если, какъ мы всѣ говорили, Владимиру Алексѣевичу Корнилову была бы предложена временно обязанность начальника штаба: то въ самое короткое время могли бы быть доставлены орудія изъ Севастополя, и сотни моряковъ, отличныхъ артиллеристовъ, могли бы весьма скоро обратить Альминскія высоты въ неприступныя твердыни.

Наши войска были одѣты въ шинели и носили фуражки; касокъ я не видалъ. Всѣ офицеры ходили, вслѣдствіе приказа по арміи, въ солдатскихъ шинеляхъ.

На лицахъ было видно ожиданіе важныхъ событій; большой веселости не было, но скорѣе была замѣтна нѣкоторая беззаботность и,

быть можетъ, большое довѣріе къ способностямъ главнокомандующаго. Это чувство, я помню, я самъ испыталъ и многіе другіе, видя, какъ казалось, большое хладнокровіе и спокойствіе князя Меншикова, заслуженнаго ветерана Отечественной войны и игравшаго уже большую роль въ войнѣ 1828—1829 годовъ противъ Турокъ.

Въ дни, предшествовавшіе сраженію, онъ объѣзжалъ иногда, но рѣдко, позиціи, и я долженъ сказать, что ни разу не случилось слышать, чтобы онъ обращался къ войскамъ съ рѣчью или нѣсколькими словами, могущими воодушевить ихъ и вселять въ нихъ увѣренность въ своего начальника и въ самихъ себя. Тѣмъ не менѣе всѣ ожидали скорѣе счастливыхъ для насъ результатовъ отъ боевой опытности нашего главнокомандующаго. Погода была въ это время необыкновенно хороша, дни ясные и воздухъ восхитительный. По цѣлымъ часамъ около ставки князя мы, составлявшіе его свиту, рассматривали въ поставленный передъ палаткой большой телескопъ позицію и движенія въ непріятельскихъ лагерѣ и флотахъ.

Наконецъ, 7-го числа огромная масса союзныхъ войскъ, стоявшая лагеремъ при Евпаторіи, пришла въ движеніе и направилась къ Альмѣ. Между тѣмъ множество судовъ, снявшись съ Евпаторійскаго рейда, пошли вдоль берега по тому же направленію. Въ непріятельскихъ войскахъ ясно были видны красные мундиры Англичанъ и красные панталоны Французовъ и, по мѣрѣ приближенія ихъ, яснѣе и яснѣе обозначались разные роды войскъ, пѣхота, артиллерія и кавалерія (послѣдней было очень мало).

Передъ вечеромъ всѣ эти войска дошли до разстоянія приблизительно отъ 3-хъ до 4-хъ верстъ отъ нашей позиціи и расположились на бивакахъ по ту сторону рѣки Альмы и деревни Бурлюкъ. Суда тоже остановились и заняли назначенныя имъ мѣста. Разстояніе отъ непріятеля настолько сократилось, что слышно было ржаніе лошадей и разные звуки, можетъ быть отъ передвиженій орудій, и даже голоса людей, но все сливалось въ одинъ общій гулъ. Передъ закатомъ солнца князь Меншиковъ послалъ сдѣлать рекогносцировку къ непріятельской позиціи, состоявшую изъ одного или двухъ эскадроновъ гусаръ принца Лейхтенбергскаго полка и нѣсколькихъ орудій, которыя переправились черезъ рѣчку Альму. Вскорѣ послѣдовали выстрѣлы, и нашъ маленькій отрядъ по исполненіи порученнаго ему движенія возвратился на позицію.

Съ высоты и ставки главнокомандующаго все было ясно видно, и конечно всѣ взоры были устремлены внизъ. Вдругъ показалось нѣсколько всадниковъ, которые поднимались на гору, прямо по направленію

къ ставкѣ князя. По приближеніи ихъ мы видимъ офицера въ красныхъ панталонахъ безъ шапки, сидящаго на конѣ и конвоируемаго нѣсколькими гусарами, изъ которыхъ двое держали его лошадь за узду. Князь Меншиковъ стоялъ со всѣмъ своимъ штабомъ, и всадники подъѣхали къ нему. Князь спросилъ фамилію плѣннаго офицера, но первыя слова его были: «Monsieur le commandant en chef, jè dois me plaindre de vos soldats, qui m'ont traité d'une maniere très rude et m'ont arraché les pans de mon uniforme». Дѣйствительно полы его мундира были оторваны гусарами, силившимися его удержать. Конечно, на его жалобу не было обращено никакого вниманія. Оказалось, что офицеръ былъ полковникъ Французской арміи comte de Lagondie, состоявшій при главнокомандующемъ Англійскою арміей лордъ Рагланъ (точно такъ же какъ при Французскомъ главнокомандующемъ состоялъ Англійскій офицеръ). Онъ разсказалъ, что во время нашей рекогносцировки онъ поскакалъ по направленію огня и очутился среди всадниковъ, которыхъ по причинѣ своей близорукости онъ не могъ разсмотрѣть и принялъ за своихъ. Наши гусары его схватили. Онъ былъ въ отчаяніи и не могъ себѣ простить, что до ожидаемаго сраженія попалъ въ плѣнъ. Князь Меншиковъ велѣлъ его сейчасъ же отправить въ Севастополь, но находился въ затрудненіи, въ какой именно домъ или въ какое вѣдомство *). Услышавъ это, такъ какъ я занималъ въ Севастополѣ цѣлый домъ, въ которомъ были прислуга и поварь, я предложилъ на первыхъ порахъ помѣстить его у себя. Князь очень былъ доволенъ и отправилъ его съ мичманомъ княземъ Ухтомскимъ въ телѣгѣ.

Вечеромъ зажгли огни въ огромномъ лагерѣ непріятельскомъ, который казался совершенно близко.

8-го Сентября рано утромъ было замѣтно у союзниковъ движеніе, группы всадниковъ ѣхали по разнымъ направленіямъ и встрѣчались, то были вѣроятно начальники разныхъ частей, сѣзжавшіеся для совѣщаній; замѣтно было сообщеніе между сухопутными войсками и военными судами; потомъ видно было движеніе войскъ, которыя пошли по направленію къ нашему лѣвому флангу; вскорѣ и доложили главнокомандующему, что они поднимаются на наши высоты.

*) Это служитъ доказательствомъ, какъ мало были приготовлены у насъ къ высадкѣ союзныхъ войскъ, которой въ Петербургѣ не хотѣли вѣрить, не смотря на безчисленныя газетныя статьи и всякаго рода свѣдѣнія, о томъ возвѣщавшія. Точно также не было помѣщенія для армейскихъ раненыхъ или плѣнныхъ; настоящаго начальника штаба не было, и войскъ было, какъ извѣстно, не болѣе 30000 чел. Въ появившейся недавно въ печати біографіи графа Тотлебена много весьма интересныхъ данныхъ и документовъ, вполне доказывающихъ, что съ 13-го Августа 1854 г. князь Меншиковъ положительно не ожидалъ болѣе высадки въ томъ году.

Князь Меншиковъ сейчасъ же поскакалъ къ угрожаемому пункту. Къ тому времени уже начали показываться на нашей сторонѣ вскарабкавшіеся зуавы сначала въ маломъ числѣ, но ряды ихъ быстро умножались; они строились, но еще не стрѣляли.

Стоявшій у самой оконечности нашего лѣваго фланга батальонъ Минскаго пѣхотнаго полка, находившійся уже съ самаго утра подъ жестокимъ огнемъ съ непріятельскихъ судовъ, регировался на встрѣчу къ намъ. Адъютанты князя были уже большею частью разосланы въ разныя стороны, и князь, увидя батальонъ, приказалъ мнѣ поскакать къ его командиру приказать ему поворотить на лѣво кругомъ и *взять ружья на переться* ¹⁾. Я подскакалъ къ нему и при страшномъ трескѣ и гулѣ орудій долженъ былъ громко кричать, чтобы передать приказаніе начальника, услышавъ которое, онъ приложилъ руку къ фуражкѣ и отвѣчая: «слушаюсь», поворотилъ на лѣво кругомъ съ своимъ батальономъ. Я слѣдилъ за дѣйствіями батальона, видѣлъ, какъ, подошедши на довольно близкое разстояніе отъ зуавовъ, онъ остановился и началъ стрѣлять по Французамъ. Къ моему удивленію мнѣ показалось, что наши солдаты держали ружья вверхъ и стрѣляли не прицѣливаясь.

Князь стоялъ на бугоркѣ и разсматривалъ мѣстность. Въ это время зуавы и поднявшіеся на гору Французскія орудія начали стрѣлять, и огонь сдѣлался вскорѣ очень сильнымъ. Мѣсто, гдѣ князь стоялъ, было такъ открыто и подвергалось такому огню, что онъ велѣлъ намъ всѣмъ разсыпаться въ разныя стороны, потому что наша группа слишкомъ обращала на себя вниманіе непріятеля. Вдругъ я вижу лежащаго на землѣ челоуѣка въ солдатской шинели растегнутой, подъ которой была красная фуфайка, на погонахъ вензель Государя. Я узналъ Сколкова ²⁾, бывшаго адъютанта князя Меншикова; правая рука у него была оторвана и подъ нимъ цѣлая лужа крови. Увидѣвъ меня, онъ сталъ кричать и просить меня, чтобы я его доставилъ на перевязочный пунктъ. Я поскакалъ, увидя повозку, и въ то время какъ я ѣхалъ, я посмотрѣлъ назадъ и вижу, Сколковъ всталъ на ноги и бѣжитъ за мной, но минуты черезъ двѣ онъ опять упалъ. Снаряды летали со всѣхъ сторонъ, гранаты лопались. Я повернулъ повозку, положили въ нее Сколкова, и я велѣлъ везти его на перевязочный пунктъ.

Но въ это время сраженіе уже кипѣло по всей линіи, раздавалась неумолкаемая стрѣльба изъ орудій, ружей и при этомъ крики десятковъ

¹⁾ Чтò означаетъ, какъ мнѣ потомъ сказали, идти въ штыки.

²⁾ Онъ былъ посланъ въ Петербургъ съ допесеніемъ о Синопской битвѣ и пожалованъ тогда во флигель-адъютанты.

тысячъ людей, неопредѣленные и все возрастающіе. Наша артиллерія, подоспѣвшая на лѣвый флангъ, начала дѣйствовать успѣшно, такъ что въ началѣ огонь непріятельскій замѣтно ослабѣлъ. Но это продолжалось недолго: подвозимыя на высоты Французскія орудія открыли убійственный огонь.

Князь Меншиковъ, узнавъ, что непріятель атакуетъ центръ нашей позиціи, поскакалъ туда, но заѣхалъ на перевязочный пунктъ, гдѣ на землѣ лежалъ Сколковъ и тутъ же, при насъ, ему рѣзалъ руку докторъ Таубе (безъ турникета). Простившись со своимъ бывшимъ адъютантомъ, князь повернулъ къ центру нашей позиціи и къ самому тому мѣсту, гдѣ была его ставка. Мы вѣхали въ нашу батарею, которая еще дѣйствовала, но въ которой большая часть прислуги и лошадей были убиты и ранены; оставшіеся артиллеристы заряжали орудія и стрѣляли среди дыма и грохота канонады.

Въ самомъ центрѣ огромная масса Англійскихъ войскъ въ красныхъ мундирахъ, перешедши уже рѣчку Альму, поднималась на высоты съ ужасными криками и музыкой Шотландскихъ «bagpipes»; впереди и по сторонамъ шли черные riflemen, и всѣ стрѣляли по нашимъ войскамъ; по обѣ стороны рѣчки и кругомъ моста видны были груды красныхъ мундировъ: это были убитые и раненые Англичане.

Я ясно видѣлъ, какъ одинъ изъ нашихъ полковъ (Владимирскій, какъ я впоследствии узналъ) шелъ въ атаку на Англичанъ. Впереди полка на лошади сидѣлъ въ сѣрой шинели генералъ и велъ полкъ самъ лично (то былъ князь Горчаковъ Сибирскій, какъ его звали). Схватка Владимирскаго полка съ наступавшими Англичанами была довольно продолжительна и очень жаркая. Знамена переходили по нѣскольку разъ изъ рукъ въ руки, и наконецъ наши должны были уступить передъ превосходствомъ непріятельскихъ силъ. Всѣмъ извѣстно (и это видно изъ Англійскихъ источниковъ), что потеря у Англичанъ была такъ сильна при переходѣ черезъ р. Альму, что отданъ былъ приказъ отступленія лордомъ Рагланомъ, какъ вдругъ показались надъ верхнею дорогою войска г. Bosquet, и тогда только Англичане рѣшились продолжать наступленіе.

Но вскорѣ показались на высотахъ, влѣво отъ батареи, черезъ большую дорогу, войска Французскія, тѣ самыя, которыя подъ командой генерала Bosquet атаквали и окончательно обошли нашъ лѣвый флангъ.

Меншиковъ отдалъ приказаніе общаго отступленія и отѣхалъ отъ

батареи *). Въ этотъ моментъ лошадь моя осѣла подо мною; спрыгнувъ съ нея, я увидѣлъ, что она была ранена пулею въ ляжку на вылетъ и кровь текла по ногѣ; однакожь, поведивъ ее немного за уздечку, я убѣдился, что она могла идти и даже мало хромала. Я опять на нее сѣлъ и поѣхалъ по направленію, куда спустился Меншиковъ, котораго я уже потерялъ изъ виду. Пули Англійскихъ войскъ летали кругомъ, и я въ этотъ день понялъ выраженіе: *градъ пуль*; онѣ дѣйствительно со всѣхъ сторонъ свистали и поднимали пыль вокругъ насъ.

Увидавъ прикрывавшій отступленіе гусарскій герцога Лейхтенбергскаго полкъ, я къ нему подѣхалъ. Командиръ генералъ Халецкій, съ которымъ я былъ знакомъ, видя мою лошадь окровавленную, предложилъ мнѣ дать полковую; но я его благодарилъ и продолжалъ ѣхать на своей, которая довезла меня до самаго Севастополя.

Передъ тѣмъ когда я еще сѣзжалъ съ горы, я встрѣтилъ молодого пѣхотнаго офицера верхомъ; у него лицо было блѣдное. Онъ ко мнѣ подѣхалъ и говорилъ: «Я раненъ, я раненъ, гдѣ перевязочный пунктъ?». Я ему на это отвѣтилъ, что перевязочнаго пункта никакого въ эту минуту не было и что всѣ наши войска были въ полномъ отступленіи. Въ это самое время я увидалъ между прочимъ лошадь, у которой была оторвана ядромъ одна нога, скачущую неправильными прыжками на остальныхъ трехъ, совершенно растерянную со всклокоченными гривой и хвостомъ; на ней было сѣдло, и она, какъ можно было предполагать, только-что лишилась сѣдока. Ея выраженіе испуга и отчаянія остались мнѣ памятны до сихъ поръ.

Вскорѣ я догналъ князя Меншикова, который ѣхалъ верхомъ окруженный свитой и среди отступавшихъ войскъ. Батальоны шли въ порядкѣ, впереди несли раненыхъ и даже убитыхъ, сколько могли убрать съ поля битвы. Недалеко отъ Альмы мы встрѣтили адмирала Корнилова, ѣхавшаго верхомъ изъ Севастополя, но опоздавшаго къ сраженію. Я убѣжденъ, что сраженіе имѣло бы другой исходъ, еслибъ Корниловъ пріѣхалъ на первый или второй день послѣ высадки.

Онъ присоединился къ князю Меншикову, и оба начальника ѣхали молча. Больно было смотрѣть на лицо Меншикова, и трудно себѣ представить что происходило въ его душѣ при тяжелой отвѣтственности на немъ лежавшей въ эти критическія минуты.

*) Къ отъѣзжавшему князю подѣхалъ капитанъ-лейтенантъ Ильинскій, командовавшій батальономъ составленнымъ изъ моряковъ, и спросилъ: „Прикажете-ли идти въ штuki?“ Князь, кажется, и не отвѣчалъ.

Здѣсь, при отступленіи мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ того, что случается въ самыхъ даже лучшихъ арміяхъ, именно, внезапной паники. Передъ захожденіемъ солнца на возвышенностяхъ, за отступающими войсками, показалась кавалерія, и мгновенно распространился слухъ, что это кавалерія непріятельская и, какъ бываетъ при отступленіяхъ, войска прибавили шагу и произошло даже нѣкоторое смятеніе. Но вскорѣ оказалось, что это была фальшивая тревога и показавшаяся конница были наши же казаки.

Уже стемнѣло, когда мы дошли до долины Качи. Узкая дорога была загромождена артиллеріей, обозами и пѣхотой, трудно было пробираться.

Князь Меншиковъ тутъ расположился на ночлегъ, Корниловъ же разстался съ нимъ и продолжалъ ѣхать въ Севастополь верхомъ; я его сопровождалъ. Было такъ темно, что трудно было разсмотрѣть предметы. Въ этой долинѣ находятся виноградники и множество садовъ фруктовыхъ. Вдругъ, въ самомъ близкомъ отъ насъ разстояніи произошелъ выстрѣлъ, мы бросились по направленію его и увидѣли человѣка съ ружьемъ; онъ оказался Татаринкомъ, обыкновеннымъ сторожемъ при виноградникѣ, который онъ охранялъ какъ въ простое мирное время.

Подѣхавъ къ Севастопольской бухтѣ, мы сѣли на ожидавшій адмирала катеръ и переправились на Южную сторону. Это было около двѣнадцатаго часа ночи. Я поѣхалъ прямо къ себѣ, на свою квартиру, долженъ сказать, страшно утомленный послѣ всего мною испытаннаго и перечувствованнаго въ этотъ день, и сильно нуждался въ отдыхѣ. Слѣзая у воротъ моего дома и съ удивленіемъ вижу часового, стоящаго съ ружьемъ и не пускающаго меня.

Тогда только я вспомнилъ, что плѣнный Французскій офицеръ содержался у меня. Я объясняю часовому, что я хозяинъ дома и что возвращаюсь къ себѣ; но онъ слышать не хотѣлъ и твердилъ только одно, что такъ ему велѣно. Тогда я рѣшился пойти къ главному командиру Севастопольскаго порта адмиралу Станюковичу, который жилъ недалеко. Онъ приказалъ немедленно впустить меня въ мой собственный домъ. Я спросилъ съ любопытствомъ своего камердинера, чѣмъ дѣлалъ плѣнный Французъ съ тѣхъ поръ какъ былъ привезенъ; онъ сказалъ, что всю предшествовавшую ночь онъ ходилъ по комнатамъ въ сильномъ волненіи и не хотѣлъ принимать даже пищи, хотя мой камердинеръ, вслѣдствіе моего приказанія, угощалъ его обѣдомъ.

Я провелъ ночь дома и на слѣдующее утро, рано, явился къ адмиралу Корнилову, который въ этотъ же день перебрался на Сѣвер-

ную сторону, куда слѣдовало ожидать нападенія непріятельскихъ армій. Подполковникъ Тотлебенъ переѣхалъ туда же и принялся самымъ дѣятельнымъ образомъ, подъ начальствомъ Корнилова, за постройку ряда укрѣпленій, обращенныхъ противъ Сѣвера.

Приложеніе I.

Послѣ возвращенія моего въ Севастополь, на другой же день была отведена въ городѣ квартира Французскому полковнику Lagondie. Я его навѣщалъ нѣсколько разъ; онъ не могъ утѣшиться о случившемся съ нимъ несчастіи и даже довольно тяжело заболѣлъ. Онъ догадывался, что произошло большое сраженіе, даже слышалъ канонаду 8 (20) числа, но не зналъ никакихъ подробностей, и конечно намъ было непріятно сообщить всю истину. Однакожь онъ недолго оставался въ Севастополѣ, и въ послѣднихъ числахъ Сентября было сдѣлано распоряженіе объ отправкѣ его въ гор. Калугу, назначенный, неизвѣстно почему, мѣстомъ жительства для военнопѣнныхъ. Ему приходилось ѣхать на перекладныхъ; время года было уже довольно холодное, особенно подвигаясь на Сѣверъ, а платья ему никакого не давали. Имѣя енотовую шубу, мнѣ тогда ненужную, я отдалъ ее ему и также старый тарантасъ, за что онъ былъ мнѣ очень благодаренъ. Потомъ, въ теченіе зимы, я узналъ отъ брата моего Анатолія, что полковникъ Lagondie пріѣзжалъ въ Петербургъ и отыскалъ его съ тѣмъ, чтобы возвратитъ ему мою шубу. Братъ отказалъ ему на отрѣзъ, говоря, что отъ меня никакого порученія не получалъ, и такимъ образомъ шуба осталась у полковника Lagondie, которому принесла большую пользу во время пребыванія его въ Петербургѣ. Въ теченіе войны я болѣе о немъ не слышалъ; но говорили, кажется, что ему дозволено возвратиться во Францію, подъ условіемъ не участвовать въ тогдашней войнѣ съ Россіей.

Въ 1856 году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, находясь въ Николаевѣ съ своею женой, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ женитьбы, я получилъ по почтѣ пакетъ и при немъ письмо. Письмо было изъ Парижа отъ полковника Lagondie, который писалъ, что не можетъ забыть услугу, оказанную мною ему во время осады Севастополя и, узнавъ, что я недавно женился, онъ проситъ позволенія поднести молодой моей женѣ браслетъ, заказанный имъ въ Парижѣ. Къ крайнему моему удивленію на браслетѣ было изображеніе герба моей фамиліи, и я никакъ не объяснялъ себѣ, какимъ образомъ онъ могъ его добыть. Впослѣдствіи я узналъ отъ графини Зеебахъ, жены Саксонскаго посланника въ Парижѣ, что графъ Lagondie послѣ тщетныхъ розысковъ, узнавъ, что графиня Зеебахъ была дочь Россійскаго канцлера графа Нессельроде, рѣшился обратиться

къ ней. Оказалось, что гербъ былъ ей знакомъ. Lagondie заказалъ браслетъ весьма модному въ то время въ Парижѣ ювелиру Rudolphi. Лѣтъ 15 или болѣе послѣ Крымской кампаніи я узналъ, что графъ Lagondie вышелъ въ отставку, жилъ уединенно въ Версали и предавался наукѣ. Весьма сожалѣю, что не пришлось съ нимъ видѣться.

Въ 1874 году, находясь въ Неаполѣ, я обѣдалъ въ гостиницѣ за table-d'hôte и замѣтилъ одного господина съ дамой, которые на меня смотрѣли съ особеннымъ вниманіемъ.

Послѣ обѣда мы все пошли въ гостиную, вдругъ этотъ господинъ подходитъ прямо ко мнѣ и говоритъ: «Pardon, monsieur, j'ai lu votre nom dans la liste de l'hôtel; seriez-vous le prince Victor Bariatinsky et avez-vous été au siège de Sébastopol?»—«Oui, monsieur».—«Ah! Ah! Je suis le frère du comte de Lagondie; permettez-moi de vous présenter à ma femme. Je suis heureux de faire votre connaissance: mon frère nous a souvent parlé de vous. Il vit encore et habite toujours Versailles, je vais lui faire part de la rencontre inattendue que j'ai faite».

Приложеніе II.

Мое намѣреніе не было дѣлать описаніе Альминскаго сраженія, я хотѣлъ только передать разныя впечатлѣнія полученныя мною въ день сраженія.

Я вынесъ изъ всего видѣннаго мною убѣжденіе, что неудачи наши въ этомъ бою и въ послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ произошли единственно отъ подавляющаго превосходства союзныхъ армій въ огнестрѣльномъ оружіи. У Французовъ было нѣсколько стрѣлковыхъ батальоновъ (кажется, болѣе десяти), chasseurs de Vincennes и можетъ быть другихъ, вооруженныхъ карабинами *Minié*. У Англичанъ вся пѣхота (какъ говорили) была уже тогда вооружена нарѣзными ружьями. У насъ же были всего одинъ батальонъ стрѣлковый и еще въ родѣ одного батальона наскоро сформированнаго и безъ всякой подготовки, изъ моряковъ; ружья же были у нихъ весьма сомнительнаго достоинства. Въ пѣхотныхъ полкахъ было по 96 штуцерныхъ у остальныхъ солдатъ были, если не ошибаюсь, кремневые ружья. Вдобавокъ, тактика у насъ была во многихъ отношеніяхъ отсталая. Наши войска стояли сплошными массами на склонѣ горы надъ рѣкою Альмой и представляли удобную мишень для непріятельскихъ стрѣлковъ. Потеря въ нашихъ рядахъ была уже огромная отъ штуцерныхъ пуль подвигающагося непріятели, попадавшихъ на разстояніи 600 или 800 шаговъ, между тѣмъ какъ наши могли дѣйствовать лишь на 200 шаговъ. Солдаты наши хо-

рошо это понимали, и удивительная ихъ стойкость и пониманіе долга были единственною причиною, что порядокъ и дисциплина не были нарушены. Въ сраженіи при Черной непріятель, стоявшій на высотахъ, былъ атакованъ нашими войсками, но большая часть пѣхоты у Французовъ была въ разсыпномъ строю.

II.

**Флотскія казармы и Альминскіе раненые.
1854. Сентябрь.**

Спустя нѣсколько дней послѣ отступленія нашихъ войскъ въ Севастополь отъ поля сраженія подѣ Альмой, положеніе города и арміи было критическое.

На другой же день послѣ битвы, въ ожиданіи наступленія союзныхъ армій, начаты были подѣ руководствомъ вице-адмирала Корнилова и подполковника Тотлебена сооруженія новыхъ сильныхъ батарей на Сѣверной сторонѣ Севастопольской бухты. Главная опасность для Севастополя заключалась въ возможности для непріятельскихъ флотовъ прорваться въ бухту и дѣйствовать соединенно съ союзными арміями, которыя угрожали обложить городъ съ береговой стороны.

На 3-й или 4-ый день послѣ отступленія состоялся, по предписанію главнокомандующаго князя Меншикова, военный совѣтъ изъ всѣхъ адмираловъ и командировъ судовъ.

Адмиралы Корниловъ, Нахимовъ и большинство адмираловъ и командировъ судовъ предложили выйти въ море и атаковать непріятельскій флотъ, не смотря на несоразмѣрность силъ *). Они объявили, что слѣдуетъ спасти честь флота, причинивъ какъ можно болѣе вреда непріятелю, хотя и безъ всякой надежды сохранить нашъ флотъ. Всѣ были готовы, сдѣлавшись съ непріятельскими кораблями, вмѣстѣ съ ними взорваться на воздухъ.

Капитанъ 1-го ранга Заринъ, въ личной храбрости и патриотизмѣ котораго никто не сомнѣвался, заявилъ свое мнѣніе, состоявшее въ томъ, что можно бы спасти и флотъ и, быть можетъ, и городъ, отнимая у непріятеля всякую возможность прорваться въ бухту. Для дости-

*) У насъ было всего 13 линейныхъ кораблей, нѣсколько парусныхъ фрегатовъ и небольшихъ пароходовъ. У союзниковъ же до 30 линейныхъ кораблей, изъ коихъ два винтовыхъ, множество батарейныхъ паровыхъ фрегатовъ и разныхъ паровыхъ судовъ.

женія этой цѣли онъ предлагалъ жертвовать тремя линейными кораблями изъ самыхъ старыхъ и затопить ихъ у входа на Севастопольскій рейдъ. Результатъ военнаго совѣта былъ сообщенъ князю Меншикову, который приказалъ немедленно привести въ исполненіе проектъ капитана Зарина. Были назначены три линейныхъ корабля: «Силстрія», извѣстный всѣмъ Черноморскимъ морякамъ какъ бывший нѣкогда образцовымъ кораблемъ подъ командой Павла Степановича Нахимова, «Три Святителя» и «Селлафаилъ». Тѣ, которые знали, какой духъ существовалъ въ Черноморскомъ флотѣ, какъ были привязаны къ судамъ и флагу всѣ служащіе на нихъ, отъ командировъ до послѣдняго матроса, могутъ понять, какое чувство овладѣло нами при объявленіи такого приказа.

Въ день потопленія этихъ судовъ, на Севастопольскомъ рейдѣ стояла эскадра подъ командою вице-адмирала Корнилова, который имѣлъ свой флагъ на сто-двадцати-пушечномъ кораблѣ «Великій Князь Константинъ». Я состоялъ тогда при немъ старшимъ флагъ-офицеромъ. Онъ послалъ за мною около 9-ти часовъ утра и рассказалъ, что онъ только что узналъ, что нѣсколько тысячъ нашихъ солдатъ, раненыхъ въ Альминскомъ сраженіи, лежатъ во флотскихъ казармахъ на южной сторонѣ уже нѣсколько дней, почти безъ всякой помощи и въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Онъ мнѣ приказалъ сейчасъ-же требовать по сигналу со всѣхъ судовъ эскадры медиковъ, фельдшеровъ со всѣми принадлежностями и аппаратами для раненыхъ, и поручилъ мнѣ дѣло поданія имъ помощи. Сигналъ былъ поднятъ немедленно, и черезъ нѣсколько минутъ со всѣхъ судовъ отвалили гребныя суда и пристали къ борту адмиральскаго корабля. Доктора и ихъ помощники вышли и явились на шванцы, ожидая приказаній. Адмиралъ Корниловъ тутъ еще повторилъ мнѣ, что онъ надѣется на мои распоряженія для облегченія участи несчастныхъ раненыхъ и приказалъ не жалѣть никакихъ средствъ. Я спустился въ гичку и, сопровождаемый всѣми медиками флота, вѣхалъ въ Южную бухту. Мы всѣ вышли на берегъ и поднялись по крутой горѣ, на вершинѣ которой стоятъ казармы. Я зналъ, что въ это время корабли, обреченные на гибель, должны были уже медленно погружаться въ воду; мнѣ не доставало духа смотрѣть назадъ на приведеніе въ исполненіе этого ужаснаго приговора.

Вошедши въ казармы, я былъ встрѣченъ армейскимъ медикомъ, который былъ въ совершенномъ изнуреніи: ихъ было всего два человека на нѣсколько тысячъ раненыхъ, и онъ объявилъ мнѣ, что уже нѣсколько дней какъ всѣ средства истощились. Входя въ палаты, я былъ пораженъ ужаснымъ воздухомъ и зловоніемъ, и картину мнѣ представившуюся невозможно описать. Во всѣхъ палатахъ лежали на голомъ

полу по нѣскольку сотъ солдатъ съ оторванными членами, съ самыми страшными ранами, которыхъ не успѣли перевязать; у нѣкоторыхъ изъ нихъ были видны огромные черви, двигавшіеся въ ранахъ. Между людьми были умирающіе и уже нѣсколько покойниковъ. Не смотря на эти ужасныя страданія, было слышно мало криковъ, только стоны. Лица у многихъ просіяли при видѣ помощи имъ посланной. Я обошелъ всѣ палаты въ сопровожденіи докторовъ со всевозможною поспѣшностью, распредѣлилъ ихъ по нѣскольку человекъ съ ихъ помощниками на каждую палату, и они, немедленно приступивъ къ дѣлу, начали промывать и перевязывать раны. Раненые крестились и благодарили.

Но весьма важнаго и нужнаго для нихъ не было налицо въ казармахъ, а именно тюфяковъ и постелей.

Принявъ всѣ эти мѣры, я поспѣшилъ возвратиться на корабль, дабы донести адмиралу о состояніи, въ которомъ я засталъ раненыхъ. Армейскій медикъ объявилъ мнѣ, при выходѣ моемъ изъ палатъ, что въ числѣ раненыхъ уже много покойниковъ, но что они не были похоронены; на мой вопросъ, почему это не было сдѣлано, онъ отвѣчалъ, что по правиламъ военнымъ не имѣютъ права хоронить людей, не зная каждаго изъ нихъ поименно. Подвернувшійся тутъ полковой священникъ подтвердилъ слова доктора, и я спросилъ ихъ, гдѣ находятся покойники? Они отвѣчали: въ кухнѣ. Мы пошли туда; въ ней была навалена сотня или двѣ труповъ, испускавшихъ такой страшный смрадъ, что было невозможно устоять. Я велѣлъ священнику немедленно ихъ хоронить, взявъ это дѣло на свою отвѣтственность. Сейчасъ же было приступлено къ погребенію покойниковъ на близъ лежащемъ кладбищѣ.

Спустившись съ горы, я сѣлъ на гичку и поѣхалъ на адмиральскій корабль. Какъ разъ въ это время въ каютѣ адмирала Корнилова былъ П. С. Нахимовъ. Я разсказалъ обоимъ адмираламъ все видѣнное мною въ казармахъ, и они съ трудомъ могли повѣрить тому ужасному положенію, въ которомъ находились наши солдаты. Адмиралъ Нахимовъ, извѣстный своею доброю душой и любовью къ своимъ подчиненнымъ и питавшій всегда безпредѣльное уваженіе къ высокимъ качествамъ и христіанскому терпѣнію нашихъ нижнихъ чиновъ ¹⁾, пришелъ въ большое волненіе и вдругъ, какъ будто вспомнивъ о чемъ-то, съ радостью бросился на меня и сказалъ: «Поѣжайте сейчасъ въ казармы 41-го экипажа ²⁾); скажите, что я приказалъ выдать сейчасъ же всѣ тю-

¹⁾ Онъ часто говаривалъ про нихъ: „Это святыя-съ!“

²⁾ Которымъ онъ долго командовалъ.

юбки, имѣющіеся тамъ налицо и которые я велѣлъ когда-то шить для своихъ матросовъ; ихъ должно быть 800 или болѣе. Тащите ихъ всѣ въ казармы къ армейскимъ раненымъ». Тутъ онъ отдалъ приказаніе снарядить нѣсколько сотъ матросовъ для доставленія тюфяковъ. Вмѣстѣ съ ними я отправился за тюфяками, которые понесли и притащили въ палаты. При видѣ тюфяковъ на лицахъ страдальцевъ явилась неописанная радость; они крестились и плакали. Матросы помогали подкладывать тюфяки подъ ихъ изнеможенные члены, радовались съ ними и даже вмѣстѣ шутили.

III.

Передъ осадю и первое бомбардированіе 5-го Октября 1854.

Когда союзныя арміи совершили свое обходное движеніе и обратили всѣ усилія противъ Севастополя съ Южной стороны, то въ городѣ начали съ большою дѣятельностью строить батареи, и въ нѣсколько дней была выведена противъ непріятеля линія укрѣпленій, начиная отъ бухты около Килень-балки, Малахова кургана, поперекъ конца Южной бухты между 3-мъ и 4-мъ бастіонами и далѣе до батареи № 10-й. Свезенныя съ кораблей команды день и ночь тащили по улицамъ Севастополя на разныя батареи и бастіоны тяжелыя судовыя орудія. Ежедневно росли валы укрѣпленій и немедленно же вооружались пушками со всѣми принадлежностями. Всюду кипѣла работа. Адмиралы Нахимовъ и Корниловъ воодушевляли всѣхъ моряковъ и сухопутныя войска своимъ примѣромъ. Этотъ примѣръ дѣйствовалъ на всѣхъ и вызывалъ геройское настроеніе. Контръ-адмиралъ Вукотичъ, между прочимъ у котораго разсудокъ уже нѣсколько времени передъ войной лишился равновѣсія, но который ознаменовалъ себя въ предшествующую Турецкую кампанію, 28-го и 29-го годовъ, своею неустрашимостью и лихостью, жившій въ Севастополѣ безъ особыхъ по службѣ обязанностей, являлся каждый день на бастіоны въ полной парадной формѣ верхомъ и, воспламененный воинственнымъ восторгомъ, обращался къ командамъ морскимъ и сухопутнымъ съ рѣчами, стараясь передавать имъ свои чувства; и это имѣло дѣйствительно на нихъ благотворное вліяніе. Корниловъ не противился этимъ выходкамъ и, встрѣчаясь съ нимъ на бастіонахъ, благосклонно къ нему обращался и съ нимъ разговаривалъ, не безъ нѣкоторой улыбки скорѣе сочувственной.

Было время (вскорѣ послѣ оставленія княземъ Меншиковымъ Севастополя для открытія сообщенія съ Россією черезъ Бахчисарай и Симферополь), когда гарнизонъ состоялъ всего изъ 12-ти или 13-ти ты-

сѣчь защитниковъ моряковъ и остатковъ нѣсколькихъ сухопутныхъ войскъ, понесшихъ большія потери въ Альминскомъ сраженіи.

Духъ во всѣхъ былъ изумительный: не только военные жители Севастополя самоотверженно исполняли свой долгъ, но купцы, самые мелкіе торговцы, женщины, всѣ просили позволенія содѣйствовать оборонѣ. Корниловъ принялъ ихъ предложеніе: изъ купцовъ и лавочниковъ были сформированы патрули, которымъ довѣряли даже пароль; другіе, и тоже женщины, работали и день и ночь и готовили патроны и заряды. При объѣздахъ Корниловымъ бастионовъ я самъ слышалъ, какъ онъ говорилъ: «Ребята, отступленія намъ нѣтъ! Если я велю протрубить отступление, колите меня!» На это обыкновенно отвѣчали криками ура и словами: «Всѣ готовы умереть съ вами!» Арестанты и каторжники, которые до того времени содержались на понтонахъ и которые большею частью были приговорены за самыя тяжкія преступленія, рѣшились единодушно обратиться къ адмиралу Корнилову съ просьбою взять ихъ на службу, распределить по бастионамъ, объявляя, что они всѣ готовы жертвовать жизнью для защиты отечества. Корниловъ повѣрилъ ихъ обѣщанію, велѣлъ ихъ выпустить; они сейчасъ же поступили на бастионы, примѣрно исполняли свои обязанности, и большая часть ихъ легла во время осады.

Наши работы быстро подвигались, но и непріятель воздвигалъ противъ всей линіи нашихъ укрѣпленій рядъ бастионовъ и батарей, которые соединялись траншеями, не смотря на постоянный и сильный огонь съ нашихъ батарей; можно было все это время ожидать нападенія или штурма союзныхъ войскъ, для которыхъ, при ихъ многочисленности, было бы весьма легко завладѣть городомъ. У насъ были безпрестанныя тревоги. День и ночь были въ готовности встрѣтить штурмъ*). Но непріятель упустилъ самое благоприятное для этого время, и наши бастионы дѣлались съ каждымъ днемъ грознѣе и грознѣе. Впрочемъ мы не успѣли еще вывести траверсовъ въ срединѣ бастионовъ. Я никогда не забуду, какъ, послѣ долгаго и томительнаго ожиданія, наконецъ, съ вершины башни на Малаховомъ курганѣ, увидали мы на высотахъ

*) Въ одинъ изъ этихъ тревожныхъ дней я разъ скакалъ верхомъ съ важнымъ порученіемъ отъ адм. Корнилова на 4-й бастионъ, какъ вдругъ слышу съ правой стороны Екатерининской улицы, около дома главнаго командира Севастопольскаго порта, женскіе голоса. То были жены адмираловъ Новосильскаго и Паншлова (родныя сестры). Онѣ меня остановили и начали спрашивать меня, что я имъ совѣтую дѣлать, если будетъ штурмъ, спрятаться ли въ подвалы дома или остаться въ верхней части дома. Совѣты имъ давать въ тотъ моментъ было довольно трудно, и я поѣхалъ далѣе.

надъ Бельбекомъ подвигавшіяся по направленію къ Севастополю войска съ тысячами штыковъ блиставшихъ на солнцѣ. Въ нихъ мы узнали армію князя Меншикова! Этимъ сообщеніе съ внутренними губерніями Россіи было возстановлено. Хотя и до тѣхъ поръ унынія въ Севастополь не существовало, но при видѣ войскъ духъ еще поднялся и съ нимъ надежды на благопріятный исходъ войны. До того времени, надо сказать, проявлялось у насъ нѣкоторое нерасположеніе къ кн. Меншикову, оставившему Севастополь почти безъ защиты; но потомъ, при сложившихся послѣдствіяхъ, мы должны были сознаться, что произведенное имъ, при необыкновенно трудныхъ условіяхъ, фланговое движеніе было рѣшеніемъ почти геніальнымъ, тѣмъ болѣе, что оно удалось.

Я состоялъ въ то время при адмиралѣ Корниловѣ. Насъ было при немъ нѣсколько человекъ капитанъ-лейтенантовъ и лейтенантовъ, и каждый изъ насъ имѣлъ помощника изъ мичмановъ. Корниловъ былъ неутомимъ: день и ночь на конѣ; мы между собою устроили очередь и смѣняли другъ друга въ извѣстные часы при слѣдованіи за нимъ.

Непріятель во время своихъ работъ не отвѣчалъ на наши выстрѣлы.

5-го Октября рано утромъ, со всѣхъ непріятельскихъ батарей, а позже со всѣхъ судовъ союзнаго флота, который тянулся и былъ поставленъ противъ нашихъ приморскихъ батарей, былъ открытъ сильнѣйшій огонь. Грохотъ орудій, свистъ ядеръ и всякихъ снарядовъ слились въ одинъ гулъ. Наши лошади были немедленно осѣдлавы, и мы поскакали ¹⁾ къ дому адмирала, который тотчасъ же направился съ полковникомъ Тотлебенемъ на бастіонъ № 4, на который былъ концентрированъ особенно сильно огонь непріятеля. При входѣ на бастіонъ мы всѣ слѣзали съ лошадей и пошли вслѣдъ за адмираломъ, держа ихъ за узду. Я шелъ рядомъ съ мичманомъ княземъ Эсперомъ Ухтомскимъ ²⁾. Бомба съ шумомъ упала между нами, ее разорвало, и ни онъ, ни я не были тронуты ея осколками. Лошадь моя, испугавшись, вырвалась изъ моихъ рукъ, оставляя въ нихъ уздечку, которую я держалъ все время обходя бастіоны, и убѣжала ³⁾.

Картина на бастіонѣ была ужасная. Адмиралъ, въ сопровожденіи начальника дистанціи контръ-адмирала Новосильскаго, обходилъ орудія

¹⁾ Я жилъ тогда въ домѣ Англичанина Уптоа. (Это сынъ строителя Севастопольскихъ доковъ).

²⁾ Онъ состоялъ при мнѣ помощникомъ.

³⁾ Ее потомъ поймали и привели ко мнѣ.

и поощрилъ прислугу при нихъ. Но разрушеніе было страшное: цѣлые ряды артиллеристовъ ложились подъ ядрами; раненыхъ и убитыхъ уносили на носилкахъ. Сформированные изъ моряковъ батальоны стояли густыми массами посреди бастиона въ ожиданіи штурма и, такъ какъ траверзовъ у насъ еще не успѣли сдѣлать, они были совершенно подвержены выстрѣламъ и съ самаго начала понесли огромныя потери, но твердо стояли на мѣстѣ. Батальономъ на 4-мъ бастионѣ командовалъ, сколько помню, Александръ Петровичъ Спицынъ.

Съ 4-го бастиона мы всѣ пошли на смежный съ нимъ 5-й. Тамъ мы застали адмирала Нахимова. Бастионъ этотъ былъ не менѣе 4-го подверженъ сильнѣйшему огню, а можетъ быть и болѣе, такъ какъ на него были направлены перекрестные выстрѣлы съ Англійскихъ и Французскихъ батарей.

Оба адмирала слѣдили за дѣйствіемъ нашихъ орудій, стрѣлявшихъ противъ Французскихъ батарей, и преспокойно разговаривали. У адмирала Нахимова была легкая рана на лицѣ, которой онъ и не замѣтилъ, кровь у него текла, и бѣлый Георгіевскій крестъ на шеѣ ¹⁾ сдѣлался совершенно краснымъ. Кругомъ было много убитыхъ: оторванные члены летѣли кругомъ, ядра ложились съ ужасною силой и трескомъ посреди насъ. Одно ядро, летѣвшее рикошетомъ, было ясно видно и направлялось прямо на нашу группу; я дернулъ сильно въ сторону за платье обоихъ адмираловъ; ядро миновало насъ всѣхъ и глубоко врѣзалось въ землю. Въ это время капитанъ-лейтенантъ Лихачевъ, котораго можно было узнать по его темно-сѣрой шинели, подошелъ ко мнѣ и я услышалъ его голосъ, но лица человѣческаго на немъ не было: черты лица совершенно исчезли, и вмѣсто нихъ была масса окровавленная; но изъ этой массы выходилъ голосъ, который мнѣ говорилъ: «Скажите, что со мной. Мнѣ тепло лицу, я не понимаю что такое». Я сначала также не могъ понять, что это было, и вдругъ все для меня объяснилось. Я взялъ полу его шинели и началъ обтирать ему лицо; показались глаза, потомъ носъ и всѣ части лица, совершенно невредимыя; тогда я понялъ, что внутренность дѣйствовавшего при орудіи ²⁾ артиллериста была брошена прямо ему въ лицо. Первое чувство Лихачева было сильное отвращеніе, и онъ сейчасъ же попросилъ меня дать

¹⁾ 2-й степени, пожалованный за Синопское сраженіе.

²⁾ Лихачевъ, проведеній зиму 1893—1894 г. въ Ментонѣ одновременно со мною, т.-е. по прошествіи около 40 лѣтъ послѣ осады, утверждалъ, что онъ помнитъ, что это были осколки черепа и мозгъ стоявшего близко и заряжавшаго орудіе матроса.

ему папирску, которую тутъ и закурилъ у дымящагося при орудіи фитиля.

Потомъ мы пошли съ адмираломъ Корниловымъ, въ сопровожденіи Тотлебена, на вѣкоторыя другія батареи Западной стороны Севастополя. Присутствіе Корнилова наполняло всѣхъ энтузіазмомъ; при появленіи его кричали ура! У него было лицо восторженное, и глаза сверкали. Каждое слово имъ произнесенное врѣзалось въ сердца всѣхъ и производило сильнѣйшее впечатлѣніе.

Въ первомъ часу пополудни Корниловъ поѣхалъ въ домъ Волохова закусить, а же съ другими офицерами отправился къ себѣ тоже завтракать. При входѣ во дворъ моего дома, первое лицо, которое я увидалъ, былъ мой камердинеръ Флауманъ, очень веселый; онъ повелъ меня къ подъезду и показалъ цѣлую пирамиду, которую онъ успѣлъ составить изъ упавшихъ во дворъ и въ домъ ядеръ. Видя, какому страшному огню былъ подверженъ мой домъ, я ему сказалъ, что онъ и другіе мои люди нисколько не обязаны подставлять свою жизнь опасности и что они могутъ оставить домъ и уйти внѣ выстрѣловъ. На то онъ мнѣ отвѣчалъ, что пока не будутъ спасены всѣ мои вещи, онъ не покинетъ дома ¹⁾. Я его спросилъ «гдѣ Федоръ (мой поварь)?» и былъ отвѣтъ: «Онъ въ кухнѣ, готовить». Я побѣжалъ въ кухню. Федоръ, опрятно одѣтый въ бѣлой курткѣ, фартукѣ и колпакѣ, преспокойно готовилъ котлеты пожарскія. Одна сторона стѣны кухни была пробита ядрами и остатки ея лежали на полу, но онъ оставался несокрушимымъ и слушать не хотѣлъ моихъ увѣщаній уйти и спасти жизнь ²⁾. Я пошелъ съ офицерами въ верхній этажъ, гдѣ была столовая. Верхнія комнаты уже были пронизаны въ разныхъ мѣстахъ ядрами и разными снарядами: между прочимъ въ моемъ кабинетѣ казенное ядро, пробившее крышу и потолокъ, попало въ полъ, который сейчасъ же загорѣлся. Флауманъ залилъ его водой и тѣмъ спасъ домъ отъ пожара. Онъ тутъ доложилъ, что завтракъ готовъ; я съ товарищами сѣлъ за столъ, и мы ѣли съ большимъ аппетитомъ. Въ это время былъ слышенъ гулъ снарядовъ, летавшихъ по всѣмъ направленіямъ, изъ коихъ многіе ударили въ крышу и стѣны дома. Позавтракавъ, мы поскакали въ домъ Волохова, зани-

¹⁾ Дѣйствительно, въ теченіе 11-ти дней онъ оставался въ домѣ подъ страшнымъ огнемъ усиленной бомбардировки, выносилъ, съ помощью наймаемыхъ имъ съ большимъ трудомъ людей, всѣ мои вещи и переправлялъ ихъ на Сѣверную сторону, гдѣ изъ парусовъ моей яхты устроилъ большую палатку.

²⁾ Федоръ Кузьмичъ Крикуновъ, бывший поварь князя Барятинскаго (1904 г.) до селѣ здравствуетъ и живетъ на покой въ г. Сумахъ, Харьковской губерніи. Гр. X. Б.

маемый адмираломъ Корниловымъ, гдѣ надѣялись застать его за завтракомъ; но его уже не было: намъ сказали, что онъ поѣхалъ на Маляховъ курганъ. Я собирался ѣхать туда же, когда дошло до насъ потрясающее извѣстіе, что Корниловъ смертельно раненъ и что его должны сейчасъ же принести въ домъ адмирала Нахимова. Во все это время бомбардированіе продолжалось самое ожесточенное. Весь союзный флотъ, вытянувшись противъ нашихъ приморскихъ батарей, открылъ жестокой неумолкаемый огонь. Громъ орудій съ судовъ непріятеля сливался въ одно цѣлое съ трескомъ и шумомъ пушекъ Англо-Французскихъ и нашихъ батарей. Звукъ этотъ нельзя сравнить ни съ чѣмъ, какъ развѣ съ неумолкаемымъ исполинскимъ барабаннымъ боемъ. Въ разные промежутки воздухъ разрывался страшнымъ трескомъ, это были взрывы пороховыхъ погребовъ, то на непріятельскихъ, то на нашихъ батареяхъ и бастіонахъ. Противъ 5-го нашего бастіона цѣлая Французская батарея взлетѣла на воздухъ. Нашъ 3-й бастіонъ отъ взрыва порохового погреба былъ весь уничтоженъ. На немъ было убито нѣсколько сотъ человѣкъ, изъ коихъ много моихъ сослуживцевъ и пріятелей, между прочимъ, капитанъ-лейтенантъ графъ Рачинскій и Лесли.

Адмирала Корнилова вскорѣ принесли уже скончавшагося и тутъ же стали отпѣвать, покрывши Андреевскимъ флагомъ. На лицѣ его была тихая улыбка. Присутствовавшіе при его смерти рассказывали много про послѣднія его минуты. Узнавъ, что наши батареи заставили замолчать Англійскую батарею, причинившую намъ много вреда, онъ закричалъ ура! Онъ сказалъ К. Л. Попову: «скажите моимъ сыновьямъ, что сладко умереть за отечество». Похоронили Корнилова на горѣ рядомъ съ адмираломъ Лазаревымъ, на мѣстѣ, гдѣ предполагалось строить храмъ св. Владимира (Впослѣдствіи, во время осады къ нимъ присоединили Влад. Ив. Истомина и Павла Степановича Нахимова, павшихъ героями). Процессія была самая величественная и трогательная; общее чувство было, что душа защиты была у насъ отнята.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ ФЕДОРОВЪ*).

IV. Мыслитель.

„Вся философія несостоятельна, если она есть мысль безъ дѣла“.

„Отвлеченное ложной философіи истинная философія обращаетъ въ видимое, осязательное; такое превращеніе мыслимаго въ дѣйствительное есть дѣло всѣхъ людей, а не одного ученаго сословія; это дѣло реальное, нравственное и релігіозное“.

I.

„Мы стали философствовать отъ излишняго самомиѣнія; теперь же мы должны философствовать ради нашего спасенія“. Этими суровыми словами глубокомысленнаго выразителя философіи чувства и вѣры, Ф. Г. Якоби, опредѣляется въ общихъ чертахъ отношеніе Николая Федоровича къ философіи. Названія философа и мыслителя примѣнимы къ нему совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какой обычно имъ приписывается. Онъ въ правѣ былъ бы считать себя жестокообиженнымъ, если бы, называя его философомъ, мы разумѣли только *любителя* истины, человѣка, который ищетъ ее только изъ жажды знанія, ради одной любознательности. Столь же рѣшительно отрекся бы онъ и отъ обманчиво-почтеннаго названія мыслителя, если бы этимъ выраженіемъ мы хотѣли обозначить того, кто стремится и надѣется овладѣть истиною путемъ одного отвлеченнаго, „чистаго“ мышленія. Мыслить и только мыслить, отвѣтилъ бы онъ намъ, вовсе не достоинство и не заслуга. Всякая любовь мертва безъ дѣла; *любовь* даже къ истинѣ, ограничивающаяся однимъ исканіемъ и созерцаніемъ ея, не переходящая своевременно въ дѣло, есть бездѣлье или же бездѣлица, не смотря на кажущееся благородство и величіе. Любовь же къ *мудрости*, не проявляющаяся въ дѣлѣ, не воплощенная въ жизни, уже въ конецъ несостоятельна: ибо мудрость есть сочетаніе истины съ благомъ, истина, переходящая въ благо, измѣненіе существующаго въ долженствующее быть; слѣдовательно, активно усвоеніе истины, обладаніе ею, а для этого мало стремленія даже къ возвышенному, мало одного отвлеченнаго познанія даже благороднѣйшаго, мало наконецъ даже обладанія единичнаго или разрозненнаго, идущаго въ разбродъ или въ разрѣзъ съ другими. Знать истину и хранить ее лишь про себя, быть мудрымъ, но только для себя—развѣ это не было бы преступно, даже если бы знаніе въ разбродъ и было достижимо, даже если бы благо порознь или въ разладъ и было возможно?..

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года III, выпускъ 6-й.

Но истина и мудрость нѣчто цѣльное и единое; оттого и познаны онѣ могутъ быть только цѣлостно, въ ихъ непосредственной, жизненной, всесторонней полнотѣ, а не въ томъ искаженномъ и блѣдномъ подобіи, которое создается отдѣльнымъ умомъ въ призрачномъ мірѣ субъективныхъ отвлеченныхъ представлений. Философія ученой прихоти, философія надменнаго самомнѣнія вольна мечтать о единичномъ познаніи истины, о монополюсномъ обладаніи мудростью: ея удѣлъ—заблужденіе или, въ лучшемъ случаѣ, жалкіе обрывки знанія, безплодные порывы ко всевѣднію, безсильныя потуги къ всемогуществу; ея исходъ—разладъ мысли съ дѣломъ, знанія съ жизнью.

Наоборотъ, философія, вызванная необходимостью, нуждою жизни, существуетъ лишь ради торжества мудрости къ благу, ради *всеобщаго спасенія*. Это не отрицательная философія чистаго мышленія, довольствующаяся ученымъ созерцаніемъ истины; это и не пассивная философія чувства, тонущая въ области неустойчивыхъ порывовъ и неопредѣленныхъ стремленій. Это строго *реальная, проективная и активная философія дѣла всеобщаго спасенія* черезъ всеобщее знаніе, разумно и нравственно и притомъ добровольно къ общей спасительной цѣли направляемое. Определить эту цѣль, обосновать ее разумно и нравственно, привлечь къ ея осуществленію всѣ силы мысли, чувства, воображенія и воли, могущество знанія, творческое вдохновеніе искусства, ресурсы техники, святыню нравственности; разобраться въ сокровищницѣ познанныго и сдѣланнаго, указать ея пробѣлы, пополнять ихъ развитіемъ не всѣхъ силъ и способностей, какъ внушаетъ языческій гуманизмъ, а всѣхъ благотворныхъ силъ и полезныхъ способностей, не для того, чтобы по фаустовски переходить отъ желанія къ наслажденію и отъ обладанія къ новому пожеланію, а для всесторонняго движенія къ опредѣленной всеобъемлющей цѣли; создать проектъ осуществленія послѣдней и стать во главѣ его сознательнаго, добровольнаго и единодушнаго выполненія сынами человѣческими: вотъ задача философіи или, вѣрнѣе, мудрости, достойной своего названія и призванія.

Такъ понималъ ея задачи удивительный человѣкъ, отдавшій ей въ этомъ лишь смыслѣ всю душу свою, всѣ силы и дарованія, волю и трудъ долгой жизни, цѣлостно и нераздѣльно, отъ ранней юности до послѣдняго издоха на смертномъ одрѣ, когда, въ борьбѣ съ тяжелымъ недугомъ, едва дыша отъ страданій, онъ словно воскресалъ въ бесѣдахъ о дорогихъ ему истинахъ, а мы, стоявшіе вокругъ, дивились энергіи духа, вѣрнаго до конца своему великому призванію. Въ вѣкъ колебаній, увлеченій и сомнѣній, противорѣчій и внутренняго разлада не было человѣка болѣе искренно и глубоко искавшаго „единое на потребу“, къ которому приложится все остальное. И онъ былъ убѣжденъ, что обрѣлъ это единое, обрѣлъ не въ мысли и словѣ только, но и въ силѣ, не въ одномъ философскомъ званіи, но и въ жизни. Онъ былъ убѣжденъ, что торжество Царства Божія придетъ не на небѣ только, но и на землѣ, если сыны человѣческіе возлюбятъ его всѣмъ разумомъ, всѣмъ сердцемъ, всею волею и всѣмъ дѣломъ своимъ. Этой вѣрѣ, этой надеждѣ и

этому дѣлу онъ отдалъ свою любовь и жизнь, ставшую безраздѣльнымъ воплощеніемъ любви. Внутренняя жизнь и внѣшнее поведеніе были подчинены одному верховному убѣжденію, мыслитель сталъ неотдѣлимымъ отъ человѣка, ученіе отъ жизни. И эту, въ немъ самомъ воплощенную реальность и цѣльность мудрости онъ возводилъ въ основной признакъ мудрости вообще, то-есть философіи такой, какою она должна быть.

Знавшіе Н. О. Федорова хорошо найдутъ въ сейчасть сказанномъ не преувеличеніе, а выраженіе главнаго его достоинства, то, чѣмъ онъ возвышался надъ большинствомъ людей, словно величаяя горная вершина надъ низменностью. Но величію была соразмѣрна скромность. Превосходя столькихъ столь многимъ, онъ ничего такъ не боялся, какъ превознесенія самого себя, выдѣленія; умственный и нравственный аристократизмъ были ему противны; преклоненіе предъ избранными, великими и славными казалось ему уже пренебреженіемъ къ остальнымъ, а въ гордой модной „сверхчеловѣчности“ онъ видѣлъ жестокое издѣвательство надъ человѣчествомъ, гекатомбу немощныхъ, обиженныхъ природою либо людьми, или же недоразвившихся, несовершеннолѣтнихъ, въ честь немногихъ сильныхъ, даровитыхъ, властолюбивыхъ и безжалостныхъ къ одѣленнымъ братьямъ. Избѣгая въ чемъ бы то ни было самовозвышенія, какъ начала обособленія и разлада, онъ даже предпочиталъ прятаться отъ извѣстности, скрывалъ свои достоинства, высказывалъ свои мысли всегда анонимно и охотно уступалъ другимъ право на нихъ.

Строгое и послѣдовательное отношеніе Николая Федоровича къ задачамъ философіи естественно вызываетъ вопросъ: въ какой степени оно было результатомъ самовоспитанія и насколько оно являлось слѣдствіемъ посторонняго вліянія? Изъ нашихъ разспросовъ по этому поводу выясняется, что второму фактору слѣдуетъ приписывать только второстепенное, дополнительное значеніе, на первомъ же мѣстѣ надо поставить вліяніе непосредственныхъ впечатлѣній, жизненнаго опыта, самостоятельной думы и упорной, многолѣтней работы надъ самимъ собою. Ученіе предназначавшееся не для однихъ ученыхъ, а для всѣхъ, мудрость имѣвшая цѣлью всеобщее спасеніе, вышла не изъ малодоступнаго источника спеціальнаго знанія, а изъ широкаго потока требованій народной жизни, изъ наблюденій надъ нуждами большинства людей, изъ состраданія къ общимъ бѣдствіямъ. Призыву къ дѣлу всеобщаго спасенія надлежало прозвучать не изъ уединенія философской думы, а изъ среды общаго горя, общихъ страданій, изъ ощущенія всѣмъ грозящей гибели.

Какъ жаль, что біографія великаго человѣколюбца еще не написана! Она раскрыла бы намъ въ этой самоотверженной душѣ постепенный ростъ того убѣжденія, которое стало для нея путеводною звѣздою среди тумановъ ученыхъ сомнѣній и блуждающихъ огней свѣтской суеты. Но и того, что мы знаемъ о его жизни, достаточно для увѣренности въ томъ, что уже въ раннихъ впечатлѣніяхъ ребенка надо искать перваго порыва къ задачѣ, ставшей

святынею для ювоши, для зрѣлаго мужа и старца. На листкѣ, затерянномъ среди его рукописей и озаглавленномъ „Необходимое дополнение“, мы встрѣчаемъ слова, которыя, хотя и не имѣютъ прямого указанія на то, что они относятся къ нему, однако совпадаютъ какъ разъ (мѣстами даже буквально) съ тѣмъ, что намъ и не намъ однимъ довелось еще раньше не разъ слышать отъ него въ устной бесѣдѣ. Вотъ эти знаменательныя слова. „Отъ дѣтскихъ лѣтъ сохранились у меня три воспоминанія: видѣлъ я черный, пречерный хлѣбъ, которымъ (говорили при мнѣ) питались крестьяне въ какой-то, вѣроятно, голодный годъ. Слышалъ я съ дѣтства объясненіе войны (на мой вопросъ о ней), которое меня привело въ страшное недоумѣніе: „на войнѣ люди стрѣляютъ *другъ съ друа!*“ Наконецъ узналъ я не о томъ, что есть и неродные, чужіе, а о томъ, что сами родные—не родные, а чужіе“.

Вотъ впечатлѣнія наиболѣе отразившіяся на нѣжной душѣ ребенка, родившагося отъ незаконной связи богача-аристократа, князя Г—а, съ бѣдною, далеко неравною ему женщиною, ребенка, проводившаго первые свои дни въ довольствѣ, но окруженнаго безправіемъ и нуждою обездоленныхъ, тѣхъ, что ѣли этотъ черный и скудный хлѣбъ не въ одинъ голодный годъ, но всю жизнь свою. Это безправіе ребенку пришлось извѣдать и самому, когда, вмѣстѣ съ братомъ и сестрами, въ отсутствіи матери и отца, властною рукою стараго барина, опасавшагося за неравный бракъ своего сына, дѣти были удалены изъ роднаго дома и имъ пришлось узнать, что „сами родные—не родные, а чужіе“. Когда же тяжелый опытъ неродственныхъ отношеній расширился еще разсказами о самомъ грубомъ и шпирокомъ проявленіи ихъ, о войнѣ: тогда въ чуткой къ общему горю душѣ ребенка вспыхнуло желаніе пособить этому горю еще задолго до тѣхъ лѣтъ, когда, опять подъ влияніемъ надвигавшагося народнаго бѣдствія, наканунѣ Крымской войны (въ 1852 г.) юноша задумался надъ причинами всемірной вражды и надъ способами замѣны ея миромъ всего міра, задумался для того, чтобы уже до конца дней своихъ не разставаться съ этою думою и служить всѣми силами своими ея осуществленію.

Отвѣтомъ на три трагичныя впечатлѣнія дѣтства былъ призывъ къ обезпеченію всѣмъ прожитія, здоровья и знанія, къ прекращенію не только вражды международной, войны, но и всякой вражды, явной и скрытой, намѣренной и невольной, и, наконецъ, призывъ къ людямъ, ставшимъ чужими, вернуться къ родству, ко всеобщему братству черезъ всеобщее сыновство, черезъ „возвращеніе отцамъ сердецъ сыновъ“ для спасенія тѣхъ и другихъ, для всеобщаго спасенія.

Высшее образованіе (въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицѣѣ), разнообразное чтеніе (отмѣтимъ между прочимъ влияніе Герцена) и самостоятельныя научныя занятія только помогли мыслителю уяснить основныя свои положенія и пополнить ихъ развитіе, притомъ чаще путемъ противопоставленія, путемъ отрицательнымъ скорѣе, нежели положительнымъ. Н. О. много занимался философійю, основательно былъ знакомъ съ главными трудами по ней, но

никогда не дѣлалъ ее конечнымъ предметомъ своихъ изысканій. Отдаваться ей всецѣло мѣшало ему, конечно, не опасеніе, что „умъ вскружится“, а убѣжденіе въ малой пользѣ, чтобы не сказать совершенной бесплодности тѣхъ путей, которыми до сихъ поръ шла философія.

Оба направленія западной философіи, отвлеченное, раціоналистическое, и реальное, эмпирическое, оказывались несостоятельными вслѣдствіе тѣхъ ограниченій, на которыя они сами себя обрекали: „умозрительное, раціоналистическое ограничивалось слишкомъ тѣснымъ кругомъ общихъ логическихъ понятій, не включая въ себя задачъ проективныхъ; а опытное, эмпирическое, ограничивалось разрозненными частными данными феноменальной дѣйствительности, вмѣсто постоянного и повсемѣстнаго наблюденія и всеобщаго опыта надъ этою дѣйствительностью для воздѣйствія на нее какъ на цѣлое“ (Статья о философіи В. С. Соловьева). И не только ограниченны были оба направленія, они остались и бесплодными. Многовѣтвистое дерево философіи сплелось въ почти непроницаемую сѣть ученыхъ разсужденій; но развѣтъ его оказался пустоцвѣтомъ, плодовъ познанія добра и зла оно не возростило, не стало деревомъ жизни, потому что не сама жизнь стала ея цѣлью, ея святынею, а только знаніе и притомъ знаніе, не идущее дальше пассивнаго уразумѣнія данной дѣйствительности, не переходящее въ воздѣйствіе на нее для пересозданія существующаго въ долженствующее быть.

Философія ограничилась ролью истолковательницы дѣйствительности. Если же она, подчасъ, и приписывала себѣ способность творческаго преображенія ея, то это было только грѣзою самообольщенія: то было преображеніе существующаго въ кажущееся, превращеніе дѣйствія, вещи или существа въ субъективное отвлеченное понятіе мыслителя или въ эстетическую мечту поэта-художника, преображеніе въ мысли, въ словъ, въ образъ,—*не въ дѣль* и потому *не на самомъ дѣль*. „Міръ какъ представленіе“ могъ тѣшить своихъ творцовъ воображаемымъ, идеальнымъ, совершенствомъ, но міръ реальной дѣйствительности оставался неприкосновеннымъ вокругъ нихъ во всей своей неприглядной наготѣ и во всеоружіи своей грубой силы. Увлекалась ли философія орлинымъ полетомъ въ холодныя, заоблачныя высоты идеализма, или предпочитала дремать на пригрѣвѣ въ жирной болотной тинѣ материализма,—она, все равно, оставалась рабынею природы, а не пересоздательницею существующаго, даннаго, не возсоздательницею существовавшаго, утраченнаго. Всегда поклоняясь разуму, а иногда разсуждая и о волѣ, какъ о дѣйствительной силѣ, она оставалась въ неволѣ у неразумной стихійной силы, освобождаясь отъ нея только въ призрачномъ мірѣ отвлеченнаго мышленія, въ субъективномъ идеалистическомъ отрицаніи объективной реальности того, что она силилась познать, но противъ чего была безсилна реагировать. Отказавшись отъ проективнаго и активнаго начала, обрекли себя на одно созерцательное знаніе, она лишилась и наиболее убѣдительнаго изъ доказательствъ,—фактическаго, доказательства самимъ дѣломъ, живымъ ося-

зательнымъ впечатлѣніемъ того, что не только устанавливается въ познаніи (констатированіи), но и постановляется въ проектъ. Не находя соединенія отвлеченнаго мышленія съ реальною дѣйствительностью, не видя примиренія теоретическаго разума съ практическимъ, философія должна была прійти и пришла къ сомнѣнію въ абсолютности и самой истины; безсильная установить должствующее быть благо, она не смогла истолковать и сущаго, не достигла и до истины, закончила кругъ своего развитія вопросомъ вмѣсто отвѣта, отчаяніемъ вмѣсто упованія, самоубійствомъ. Вся древняя философія была блужданіемъ и пришла къ полному отрицанію истины, когда Пилать, задавши (передъ Живымъ ея Воплощеніемъ) вопросъ о ней, не сталъ и дожидаться отвѣта, такъ какъ былъ твердо убѣжденъ, что никакой (опредѣленной, неоспоримой) истины нѣтъ. „Новая Европейская философія повторила блужданія древней и пришла къ тому же отрицанію и по той-же причинѣ: потому, что предметъ знанія теоретическаго разума, предметъ знанія ученаго сословія не сталъ предметомъ дѣла *всѣхъ* (Статья „что значитъ“ статья тѣмъ, кто ты есть?“).

„Несостоятельность западной философіи не доказываетъ ли несостоятельности философіи вообще, не указываетъ ли на то, что всякая философія есть принадлежность возраста несовершеннолѣтія?“ („О философіи Соловьева“). Безспорно такъ, если философія есть мысль безъ дѣла (Статья: „Въ чемъ свобода?“). Не думая утверждать, чтобы такое противоестественное отдѣленіе мыслительной энергіи отъ волевой было неизбежно, мы должны однако признать, что отпаденіе мысли отъ дѣла было первороднымъ грѣхомъ философіи, ожидающимъ и до нашихъ дней искупленія. Конечно, большинство самихъ философовъ этого грѣха за собою не признаютъ и далеки отъ покаянія; но вѣдь гордость ума и самонадѣянность были искони свойственны философіи въ отличіе отъ долговременной скромности точныхъ наукъ и отъ всегдшняго смиренномудрія истинной вѣры. Какими—какими только правами и преимуществами, какими только вольностями не надѣляли себя аристократы мысли, вожделиво называвшіе себя только любителями мудрости, но претендовавшіе быть ея полномочными диктаторами! Но именно поэтому-то они, сверхъ ожиданія, и остались только любителями, диллетантами, такъ какъ познаваніе, замкнутое въ тѣсномъ кругу ученаго сословія, познаваніе *не всеми и для всѣхъ* поэтому самому неизбежно сводится на познаваніе лишь *кое-кѣмъ*, а таковое, по неполнотѣ своихъ силъ и средствъ, можетъ и дать лишь *кое-что*, клочки, обрывки, проблески знанія, а не полноту вѣдѣнія, доступнаго совокупному познающему человечеству. Расширяя воскрилія на многодумныхъ челахъ своихъ и величаво драпируясь въ тогу мудрецовъ, законодатели мысли остались все-таки „слѣпыми вождями слѣпыхъ“; они обѣщали познаніе абсолютнаго, а пришли къ знанію субъективному, даже къ меньшему, къ знанію непостоянному и у отдѣльной личности, къ знанію феноменальному, къ знанію едва уловимыхъ, скользящихъ мимо, измѣнчивыхъ призраковъ, измѣнчиваго воспріятія непрестанно мѣняющейся личности!! Тѣ же,

кого это не удовлетворяло, находили абсолютное и неизблемое въ какомъ-то идеальномъ мірѣ, котораго они не могли органически соединить съ реальнымъ.

Философы далѣе обѣщали утвердить всѣ нравственныя и религіозныя начала на непоколебимой твердынь разума, и сами же взорвали эту твердыню, не оставивши, по выраженію Якоби, даже и моста, по которому отъ пропасти сомнѣній чистаго разума можно было бы перебраться въ міръ разума практическаго, гдѣ положительныя нравственныя начала будто бы воскресаютъ, но уже не въ прежнихъ раціоналистическихъ формахъ, а принимаются на вѣру, по предписаніямъ категорическаго императива, этого метафизическаго Короля Божіею милостію, не допускающаго апелляціи къ верховному трибуналу чистаго разума.

Философы обѣщали, наконецъ, человѣчеству свободу, высшую и полную; но и здѣсь еще разъ—какое разочарованіе, какой самообманъ! Какъ разъ съ этой стороны особенно ярко проявилась несостоятельность философіи, превратившейся въ привилегію ученаго сословія, разобщеннаго съ народнымъ множествомъ. Никто больше такъ называемыхъ философовъ XVIII вѣка не трубилъ объ освободительномъ призваніи и освобождающей силѣ философіи, и никто не представилъ столь нагляднаго самообличенія безсилія, какъ эти „воспитатели человѣческаго рода“, гонявшіеся за второстепенными и третьестепенными причинами общественнаго зла въ полномъ забвеніи причинъ главныхъ, коренныхъ. Предтечи революціонной формулы свободы не поняли, что свобода безъ дальнѣйшаго поясненія есть способность направляться къ заблужденію и ко злу настолько же, какъ къ истинѣ и благу. Но если они опредѣляли свободу въ смыслѣ извѣстной совокупности гражданскихъ правъ, они оставались дѣтски-наивными: они не понимали, что „свобода безъ власти надъ природою—тоже, что освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ безъ земли“... Ихъ философія—типичная мысль горожанъ, которые вѣрятъ въ свой призракъ свободы, спорятъ и ссорятся изъ-за мелочей гражданскихъ и политическихъ правъ, совсѣмъ не замѣчая колоссальнаго гнета, тяготѣющаго и надъ отдѣльною личностію и надъ всѣмъ общежитіемъ—гнета природы, въ производѣ которой, не смотря на всю предполагаемую зрѣлость цивилизаціи и воображаемую высоту культуры, все еще остается судьба основныхъ условій человѣческаго существованія и сосуществованія: пропитаніе, здоровье, способности тѣла и духа, наконецъ сама жизнь. Крестьяне, болѣе разумные, чѣмъ горожане, не понимаютъ свободы безъ земли, да и обладая землею, еще не считаютъ себя свободными, признавая свои насущные интересы зависящими отъ власти земли, отъ той „былинки зелененькой“, съ которою, подъ зноемъ или дождемъ, колеблется по вѣтру жизнь мильоновъ людей. Горожане же не понимаютъ, что безъ власти надъ слѣпою силою природы, отъ которой судьба наша зависитъ, нельзя назвать себя просвѣщенными и уже совершенно недѣло называть себя свободными. Рабъ неразумной силы величаетъ себя

свободнымъ. Наивно! Проповѣдовать такимъ рабамъ свободу отъ разумныхъ существъ, обрекать людей на терпимость розни между ними, а следовательно на закрѣпленіе ихъ общаго безсилія и безволія,—вотъ въ чемъ, согласно завѣтамъ „тупого XVIII вѣка“, заключается совершеннѣйшее для нашего времени и цѣль жизни!) („Въ чемъ свобода?“). И въ этомъ гибельномъ заблужденіи въ значительной степени грѣховна и отвѣтственна философія въ своемъ въ самомъ корнѣ ошибочномъ взглядѣ на смыслъ жизни и на цѣль и назначеніе мудрости.

Если бы философія прониклась убѣжденіемъ, что знаніе, какъ бы цѣнно оно ни было, само по себѣ не можетъ быть для человѣчества конечною цѣлью; что оно только средство для достиженія величайшей цѣли; что этою цѣлью можетъ быть только дѣло всеобщее, все себѣ подчиняющее, и что такимъ дѣломъ, въ которомъ всѣ ученые и неученые, богатые и бѣдные, сильные и слабые, должны и могутъ стать солидарными сотрудниками, является только дѣло всеобщаго спасенія: тогда философія, вмѣсто произвольно и непродуманно поставленныхъ ею себѣ вопросовъ, задалась бы вопросомъ естественнымъ, существеннымъ, единственнымъ, всеобъемлющимъ *вопросомъ о родственныхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу.*

Между тѣмъ именно этимъ вопросомъ философія или вовсе не занималась, или же рѣшала его то поверхностно, то совсѣмъ превратно. Извиненіемъ ей можетъ до известной степени однако служить воздѣйствіе на нее въ данномъ случаѣ настроенія общества въ отношеніяхъ его къ этому вопросу. „Философія, какъ сознаніе, какъ разумъ общества подзаконнаго, юридическаго, карательною силою закона держащагося, признаетъ лишь отчасти и притомъ только въ силу собственной непослѣдовательности въ разсужденіи, существованіе родства на будто бы низшей, первобытной стадіи развитія общества; на ступеняхъ же якобы болѣе совершенныхъ общественное современное сознаніе простымъ, естественнымъ родственнымъ отношеніямъ предпочитаетъ болѣе сложныя, искусственно создаваемыя, экономическія, юридическія, гражданскія, государственныя, политическія, международныя. Союзъ естественный она, какъ и само общество, замѣняетъ искусственной регламентаціей, которая, хотя и необходима по нуждѣ и до времени, однако остается несовершенною, а потому не можетъ считаться и окончательною.

Поверхностное отношеніе философіи къ существенному вопросу происходитъ оттого, что она, какъ и общество, въ известныхъ свойствахъ и слѣдствіяхъ этихъ второстепенныхъ условій жизни видитъ первопричину міровой вражды. Опрометчиво полагаетъ она, будто гражданская рознь, экономическая борьба и торгашеское бездупіе составляютъ не временное состояніе, „не горькій, при данныхъ условіяхъ жизни неизбѣжный удѣлъ несчастнаго человѣчества, а нормальный порядокъ, въ усовершенствованіи коего и состоитъ будто бы прекрасная будущность такъ называемой культуры... Еще удивительнѣе то, что философія считаетъ принудительную регламентацію необ-

ходимую для существъ чувствующихъ и разумныхъ, тогда какъ для слѣпой силы природы она не видитъ нужды въ разумной регуляціи, то есть даже не признаётъ факта неродственного отношенія къ намъ природы, не считаетъ за аномалію господство силы слѣпой и безчувственной надъ чувствующею и разумною, не замѣчая, что именно въ этой-то власти *безсознательно надъ сознательнымъ, невольнаго надъ одареннымъ волею, не знающаго нравственности надъ нравственнымъ и заключается дѣйствительная и глубочайшая причина и основной источникъ всей міровой скорби и всей человѣческой розни.* Это и есть тотъ естественный (хотя и не нормальный, не подобающій чело-вѣку и міру) пауперизмъ, то природное безправіе, которые идутъ далеко впереди экономической бѣдности и гражданскаго и политическаго неравноправія. Всеобщая, всемірная необезпеченность хлѣба насущнаго, здоровья, тѣлесныхъ и духовныхъ силъ и дарованій, наконецъ, самой жизни, вотъ что въ своихъ полетахъ „на небеса горѣ“ и въ своихъ кропотливыхъ поискахъ „на землѣ низу“ просматриваетъ философія, богиня избранныхъ умовъ, не познавшая своего истиннаго призванія стать труженицею въ дѣлѣ всеобщаго спасенія.

„Несмотря на свое отрицательное, не вполне и неотчетливо сознаваемое отношеніе къ родству и неродственности, *философія есть* однако не что иное, какъ *наука о родствѣ и неродственности*, изложенная въ недоступной большинству, то есть неродственной формѣ, отвлеченной, умозрительной, лишенной чувства, въ формѣ „чистаго“ мышленія, а не въ проектѣ практическаго дѣйствія. Философія есть наука всеобщая, она хочетъ обнять все вѣдѣніе; но, и обнимая все, она не содержитъ въ себѣ однако ничего такого, что могло бы выйти изъ предѣловъ понятія о родствѣ и его противоположности. Родство и неродственность—самыя полныя, самыя конкретныя понятія; отъ нихъ можно лишь отвлекать, обезличивать, можно такъ сказать, обращать ихъ въ призраки, въ тѣни, въ идеи; пополнять же ихъ невозможно. Въ родствѣ—полнота жизни, чувства, разума, дѣйствія, примиреніе религіи съ наукою, искусствомъ, нравственностью; въ неродственности—безжизненность, разединеніе, раздоръ и всё его необозримыя слѣдствія; однимъ словомъ: родственное тождественно съ бессмертнымъ, а неродственное со смертнымъ. Богъ, какъ Трїединный, есть совершенный образецъ родства. Природа—это слѣпая естественная сила, которая въ чело-вѣкѣ начинаетъ превращаться въ сознательную, чувствующую, то есть родственную силу. Человѣчество есть еще несовершенное родство: родственнымъ сознаётъ оно себя въ религіи; но это сознание, эта дума о родствѣ не становится даже проектомъ и планомъ для осуществленія, потому что призванныя для этого философія и наука совсѣмъ не думаютъ о родствѣ и не только не составляютъ плана для выполнения всеобщаго дѣла, но даже *противодѣйствуютъ* въ этомъ отношеніи религіи“. „Религію, даже и христіанскую, философія низводитъ на мифологию, не понимая впрочемъ смысла и въ мифологіи: признавая въ мифахъ олицетвореніе (понятій и дѣйствій), философія въ своихъ собственныхъ философахъ признаётъ обезличеніе, отвлеченіе, измѣняя такимъ образомъ живоё

въ мертвенное и притомъ малопонятное, а потому и малодоступное“. Очистительная работа, идеализація приводитъ къ стерилизаціи, обезнароживаніе, къ омертвенію черезъ отчужденіе отъ большинства, черезъ разобщеніе съ жизнью: то что въ религіи было близкимъ и роднымъ для всѣхъ становится въ философіи привилегіей немногихъ и чужимъ для большинства. „Очужденіе—вотъ коренной порокъ философіи, сознаніе котораго могло бы вывести ее на истинный путь“. Но гдѣ это сознаніе? „Философія, подъ страхомъ измѣны самой себѣ, упорно считаетъ религію празднымъ значеніемъ, называя ее мифо-логіей, видя въ ней только слова, рѣчи о мифахъ; но религія есть не мифо-логія, а мифическое *дѣйствіе*, сообразованное въ формахъ своего проявленія и со степеню развитія тѣхъ, кто ихъ воспринималъ. То, что въ мифологии ограничивается дѣйствіемъ въ воображеніи, въ образѣ, а въ *искусствѣ*, въ вещественномъ или словесномъ подобіи; то, что первобытная *теурія* силится осуществить въ формѣ суевѣрной, магической; то, что въ *теологии*, богословіи, ищетъ своего выраженія въ глубокой думѣ вдохновляющей къ дѣлу, это самое въ неразрывной съ точною наукою и съ религіей *философіи*, въ любви къ мудрости должно выразиться въ реальномъ нравственномъ и религіозномъ дѣйствіи, *въ дѣлѣ: реальномъ*—потому, что оно опирается на данныя и силы точнаго знанія, *нравственнымъ*—потому, что оно вдохновляется началомъ волевымъ, активнымъ, любовью; наконецъ, *религіозномъ*—потому что всеобщее дѣло есть всеобщее спасеніе, то есть исполненіе воли Бога, „смерти не создавшего“, „Бога отцовъ, Бога не мертвыхъ, а живыхъ“, Бога, Который есть любовь, хотящая всѣхъ въ разумъ истинный привести, „да вси едины, да вси спасены будемъ.“

На призывъ этого высшаго изъ доступныхъ сынамъ человѣческимъ стремленій философская мудрость молчитъ или отвѣчаетъ хулою. Если она говоритъ о Богѣ, то христіанское понятіе о Немъ, какъ о совершеннѣйшемъ выраженіи родства, какъ о Тріединомъ, она причисляетъ къ самымъ нефилософскимъ понятіямъ. Природу она называетъ чуждымъ намъ инобытіемъ, но чувствуетъ ужасъ отъ этой чуждости; довольствуясь удѣломъ подчиненнаго ей, страдательнаго знанія, она не приходитъ къ мысли о превращеніи этой слѣпо и стихійно дѣйствующей силы въ разумно и нравственно направляемую нами, въ силу родственную намъ, въ нашу, въ средство не только устройства нашего общаго блага, но и проявленія нашего чувства къ тѣмъ, которые были поглощены природою по ея слѣпотѣ, то есть по нашему невѣдѣнію. Наконецъ, относительно человѣка, не довольствуясь отчужденіемъ его отъ Бога и міра, она отчуждаетъ его и отъ ему подобныхъ; сводя всѣ знанія на субъективное и феноменальное познаніе, она возвеличиваетъ связь истины съ личностью и убиваетъ солидарность ея согласія по отношенію къ истинѣ (статья „Философія какъ выраженіе неродственности и родства“). Мало того. Въ ученіи о различіи двухъ разумовъ и о ихъ противоположностяхъ, въ отрицаніи теоретическимъ разумомъ того, что повелѣвается практическимъ, узаконяется разладъ духовныхъ способностей, разладъ человѣка съ самимъ собою; то, что Богъ соче-

такъ для жизненной полноты цѣлостнаго, внутренне-объединеннаго и неразрывнаго существованія и дѣйствія, здѣсь дерзновенно разлучается, впадаетъ въ расколъ, въ механическое сопоставленіе, въ существованіе рядомъ, обокъ, а не другъ во другъ.

Quousque tandem? Безнаказанно произвольничать и насильничать нельзя даже и разуму, „творящему себя Богомъ“! Такая теорія познаванія—это уже агонія филозофіи, это уже вѣяніе смерти на все абсолютное и реальное. Передъ занесеннымъ надъ ними безпощаднымъ молотомъ „всесокрушающаго Канта“ умирающее чувство восклицаетъ: „Du hast sie zerstört die schöne Welt Sie sinkt, sie zerfällt!“ (Фаустъ *). „Въ до-критической филозофіи, въ предложеніи „я думаю, слѣдовательно существую“ душа, личность создала думу; въ критической филозофіи уже сама дума, само мышленіе производитъ „я“, всегда тождественное съ самимъ собою и потому лишь мыслительное, а не дѣйствительное. Это же не *дума*, совпадающая съ реальною дѣйствительностью, а *выдумка*, хотя хитроумная, но все же праздная, пригодная лишь для ученыхъ, обреченныхъ на вѣчное мышленіе и равнодушныхъ къ бытію; это не слова жизни для людей „благаго воленія“, не проектъ дѣла всеобщаго спасенія, всеобщаго безсмертія. (Статья „объ афоризмахъ Ницше“). Иначе и быть не можетъ. Филозофія, какъ произведеніе теоретическаго разума, не можетъ не быть отвлеченною, отчужденною отъ жизни; чтобы сдѣлаться конкретною, живою она должна стать знаніемъ не того только, что есть, но и того, что должно быть, что можно и надо сдѣлать. „Тогда объединятся два разума, теоретическій и практическій, тогда не будетъ двухъ сословій, ученаго и неученаго, а всѣ живущіе будутъ познающими и все знаніе станетъ живымъ, когда общою цѣлью и общимъ дѣломъ знанія будетъ обезпеченіе жизни всѣмъ живущимъ и возвращеніе ея всѣмъ умершимъ“. („О филозофіи Соловьева“).

При такомъ новомъ и самостоятельномъ взглядѣ на задачу филозофіи Н. О. въ зрѣлой порѣ своего духовнаго развитія не могъ поддаваться сильному вліянію какихъ бы то ни было филозофскихъ системъ; онъ служилъ ему главнымъ образомъ для провѣрки его собственнаго ученія, положенія и выводы котораго онъ уяснял и углублялъ черезъ сопоставленіе и сравненіе съ убѣжденіями наиболее извѣстныхъ и вліятельныхъ мыслителей. Въ этомъ смыслѣ онъ особенно цѣнилъ радикаловъ филозофской мысли, достаточно способныхъ, чтобы продумывать до конца слѣдствія принятыхъ ими основныхъ началъ, и достаточно смѣлыхъ для открытаго ихъ выраженія, не стѣняясь противорѣчіемъ общепринятому, авторитетамъ преданія и давленію общественнаго мнѣнія. Не жалуя дерзостей мысли, онъ уважалъ ея отвагу въ послѣдовательности и откровенности, особенно если къ этому присоединялось умѣнье воплотить существенную мысль въ совершенной вѣншей формѣ. Таки мыслители и писатели, говорилъ онъ, оказываютъ неоцѣнимую услугу

*) „Ты разрушилъ его, этотъ чудный міръ! Онъ падаетъ, онъ распадется на части!“

читателямъ, избавляя ихъ (не всѣхъ, конечно, ибо историкъ, напримѣръ, обязанъ слѣдить не за однимъ совершеннымъ) отъ скучной и неблагодарной повинности тратить время на просмотръ огромнаго балласта ученой посредственности, недоконченности и философскаго двоедушія или малодушія. Въ своемъ всегдашнемъ стремленіи къ главному, существенному, къ „единому на потребу“, онъ былъ, думается намъ, неправъ въ оцѣнкѣ второстепенныхъ тружениковъ знанія и критико-историческихъ работъ, имъ посвященныхъ. Принципіально онъ, конечно, признавалъ необходимость первыхъ какъ подготовителей, спутниковъ и продолжателей титановъ и героевъ мысли; признавалъ необходимость и изученія этихъ *divi tempores* для уясненія зарожденія и роста философскихъ направленій и для опредѣленія общекультурнаго вліянія ихъ на общество. Но, откровенно говоря, душа его не лежала къ подробностямъ такихъ изслѣдованій, и каждое замедленіе среди нихъ онъ уже зачислялъ недоимкою въ свой главный счетъ. Въ силу той же торопливости стремленія къ главному онъ былъ пожемительно несправедливъ къ работамъ, не простиравшимъ своей задачи дальше какихъ либо частичныхъ изслѣдованій и не рѣшавшихся или не желавшихъ вдаваться въ обсужденіе главныхъ вопросовъ или же не сопровождавшихъ критику отрицательную положительными тезисами. Этого неутомимаго радикала и нетерпѣливаго обобщителя никакъ нельзя было удержать на полудорогѣ къ цѣли, убѣдить хотя бы и въ печальной неизбѣжности полумѣръ, хотя бы и въ досадной необходимости постепенности. Многие изъ того, что другимъ болѣе терпѣливымъ труженикамъ на нивѣ знанія кажется полезною подготовительною или пояснительною работою, представлялось его пылкому уму слишкомъ маловажнымъ, чтобы не сказать совсѣмъ празднымъ ученымъ упражненіемъ. Онъ даже не замѣчалъ, въ какой непослѣдовательности онъ, какъ мыслитель, стоялъ въ данномъ случаѣ къ своему собственному поведенію въ качествѣ музейскаго и библиотечнаго дѣятеля, гдѣ, какъ мы видѣли, онъ столь ретиво оберегалъ даже то, что обыкновенно принято считать отбросами и отмѣтами книжнаго дѣла. Своего заблужденія онъ не сознавалъ, но если бы замѣтить его, онъ въ правѣ былъ бы воскликнуть съ Тертуліаномъ: „Error! Sed pietatis tamen error est!“ Если человекъ пораженный знатковъ многостороннею эрудиціей не довольствовался только ею, то причиною тому было слишкомъ пылкое, чрезмѣрно торопливое желаніе перевести знаніе въ дѣйствіе, мысль въ дѣло.

Неспособный такимъ образомъ къ кропотливымъ детальнымъ философскимъ изысканіямъ, онъ былъ незамѣнимъ въ опредѣленіи существеннаго въ философскихъ ученіяхъ, въ раскрытіи центра ихъ тяжести, въ обнаруженіи важнѣйшихъ конечныхъ слѣдствій основныхъ положеній и въ оцѣнкѣ цѣлаго со своей, болѣе широкой точки зрѣнія. Даже не соглашающіеся съ этою послѣднею, полагаемъ, не откажутъ его критическимъ замѣчаніямъ о разныхъ системахъ въ глубокомысліи и остроуміи, не говоря уже объ оригинальности. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ этихъ отзывовъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ антитезою критики чужихъ поло-

женій обыкновенно являются въ большей или меньшей степени его собственныя убѣжденія.

2.

Въ исторіи развитія древней и восточной философіи вниманіе Николая ѳедоровича останавливается прежде всего на существенной противоположности между міровоззрѣніемъ Индіи съ одной стороны и Ирана (Зендокизмъ) съ другой. Здѣсь впервые уже ярко намѣчаются два основныхъ воззрѣнія на природу и на Бога, пассивное и активное, отъ которыхъ зависить и взглядъ на человѣка, его назначеніе и судьбу. „Философія и религіи старой Индіи, какъ и философія новой Германіи—пантеизмъ“, то есть такое ученіе, въ которомъ строй природы является не только сложившимся помимо воли человѣка, но и имѣющимъ навсегда остаться таковымъ, то есть не подлежащимъ измѣненію сообразно съ его волею и съ его умственной и нравственною силою. А если такъ, то это есть ученіе, въ которомъ зло (съ человѣческой точки зрѣнія, составляетъ необходимое условіе бытія, а смерть является необходимымъ спутникомъ жизни. Вслѣдствіе этого единственнымъ средствомъ уничтоженія зла будетъ уничтоженіе самой жизни, личности, способной чувствовать и сознавать зло или (что—тоже) несовершенство природы въ ея отношеніяхъ къ существу волевому и разумному. Упраздненіе личности, поглощеніе части цѣлымъ, атрофія сознанія, желанія и воли при сліянніи съ великимъ Вседнинымъ, живущимъ безсознательно, фатальною необходимостью,—вотъ относительно личности завершеніе оборота пантеистическаго „колеса жизни“,—Нирвана буддизма и философскій пантеистическій пессимизмъ (называющій себя, впрочемъ, иногда и оптимизмомъ, что для него безразлично) совпадаютъ въ признаніи человѣка неключимымъ рабомъ слѣпой силы, для того только и одареннымъ призраннымъ разумомъ и кажущеюся волею, чтобы или страдать въ толпѣ невѣждъ, мнящихъ себя самостоятельными, или же, вмѣстѣ съ мудрецами, съ прозрѣвшими, познать, что въ личномъ сознаніи міръ—только представленіе, что личная воля—только неволя и что объ силы, сознаніе и желаніе, насколько они есть въ личности, надо употребить на то, чтобы положить конецъ страданію личнаго бытія, обособленнаго отъ цѣлаго, познать верховный покой и смѣло пасть въ объятія небытію.

Второе, Иранское, Зендское и Славянское міровоззрѣніе изъ зла не дѣлаетъ неизбежнаго условія жизни и бытія; напротивъ, борьбу со зломъ ставитъ цѣлью историческаго существованія человѣчества; а потому исходнымъ пунктомъ здѣсь является не пантеизмъ, и теизмъ, конечнымъ—не пессимизмъ, а оптимизмъ.

Оптимистично въ своемъ заключеніи и третье міровоззрѣніе, Семитическое, если считать совершеннѣйшимъ выраженіемъ его древне-Еврейское; здѣсь также побѣда остается за разумомъ, волею и добромъ. Но въ этой побѣдѣ разумъ и воля людей *активнаго* участія не принимаютъ: ихъ удѣлъ—только *подневольное* выполненіе предначертаннаго, указаннаго и приказаннаго, не трудомъ создающагося, а милостію дарованнаго вѣдѣмыхъ повелителемъ,

„Богомъ грознымъ и ревнивымъ“, въ охранѣ своего всевластія и произвола, избиравшаго одинъ народъ и требующаго уничтоженія цѣлыхъ другихъ.

Между семитическимъ и Индочерманскимъ міровоззрѣніями Зендо-славянское является примирительнымъ звеномъ. Торжество разума, воли и добра, оставаясь исполненіемъ воли Отца свѣта и всякаго блага, осуществляется, согласно этому міровоззрѣнію, знаніемъ, любовью и добровольнымъ трудомъ разумныхъ и свободныхъ существъ, становящихся сотрудниками въ дѣлѣ Божіемъ, въ томъ „фраше-керетри“ (благомъ дѣлѣ), къ которому призываетъ уже Зендъ-Авеста, священная книга земледѣльческаго Ирана, поставленнаго, какъ и его продолженіе, сельское Славянство, между городскимъ Западомъ и кочевымъ Востокомъ для примиренія того и другого. По этому міровоззрѣнію зло заключается въ слѣпотѣ и безсознательности, слѣдствіемъ чего оказывается смерть, а благо—въ обращеніи безсознательнаго въ разумное, въ побѣдѣ свѣта надъ тьмою, жизни надъ смертію черезъ обращеніе рожденія въ воскресеніе. „Только при отсутствіи сознанія раздѣленіе уничтожаетъ единство и дѣлаетъ особи вѣчными существами (модусами), и лишь при слѣпотѣ единство поглощаетъ, уничтожаетъ различіе особей (самобытность и своеобразіе личностей). Всеобщее воскресеніе, эта блестящая сквозь туманы звѣзда Зороастризма и незакатное солнце Христіанства, „есть возстановленіе и различія, и единства, уничтоженіе ига и произвола, сочетаніе полнѣйшей самостоятельности съ величайшею солидарностью. Собраніе же разьединенныхъ, враждующихъ, противодѣйствующихъ для ихъ умиротворенія въ единодѣйствіи, въ стремленіи къ общей цѣли и есть то содѣйствіе „благому дѣлу“ установленія мира въ мірѣ, въ которомъ человѣкъ становится исполнителемъ воли Божіей, „не хотящей погибели *ни единому*“.

Активному направленію мудрости Эллинская мысль предпочла пассивно-созерцательное. Правда, въ первомъ періодѣ Греческой философіи, Іонійско-пталійской отъ Талеса до Парменида и Анаксагора, еще преобладало стремленіе къ универсальному знанію природы, къ этому необходимому предшествію возможности разумнаго воздѣйствія на нее. Подобно мудрецамъ земледѣльческаго Китая и магамъ пастушескаго и сельскаго Ирана, звѣздочетамъ, считавшимъ астрономію за основную и нужнѣйшую изъ наукъ, ранніе Греческіе философы мечтали, хотя бы и въ наивной формѣ, о раскрытіи мудрости космической; философія и мудрость представлялись невысказанными безъ ключей къ тайнамъ вселенной. Но кумиръ новыхъ мудрецовъ Сократъ, типичный горожанинъ, житель тщеславныхъ Аѣннъ, превозносившихся надъ другими городами, Аѣннъ, знавшихъ только себя, истощавшихся въ борьбѣ съ другими и съ самими собою, Сократъ „вернулъ философскую мысль съ неба на землю“, оборвалъ ей крылья и приурочилъ ее къ познанію человѣкомъ самого себя. Но за невозможностью понять себя безъ связи съ другими и съ міромъ, вмѣненное Сократу въ такую заслугу: „познай самого себя!“ превратилось въ совѣтъ уже непохвальное „знай только себя!“

Медленно раскрывалась эта неизбежная эволюція положенія, ставшаго на долгіе вѣка основнымъ догматомъ философскаго символа вѣры, положенія, столь согласнаго съ Эллинскимъ стремленіемъ къ развитію личности и ея превосходства надъ окружающими. Въ такой же гармоніи было это убѣжденіе и съ античнымъ узаконеніемъ даннаго въ природѣ для беззаботнаго пользованія блаженствомъ своего бытія съ аристократической привилегіей на власть и на счастье немногихъ свободныхъ надъ тысячами обездоленныхъ рабовъ.

Для Рима съ его первоначальными добровольными жертвами личнаго блага на пользу общую, съ его послѣдующими опытами умиротворенія и объединенія народовъ, „познай самого себя!“, доводимое до „знай только себя!“, было противорѣчіемъ. Но нельзя отрицать печальнаго факта, что Греческая культура внесла его въ старые устои Римской жизни и притомъ въ значительной степени черезъ посредство философіи. Не только эпикуреизмъ, поверхностно и пошло понимаемый, манилъ къ уклоненію отъ заботъ и опасностей общественной жизни, но и драпировавшійся въ суровую тогу благородства стоицизмъ велъ къ тому же. Ученіе стоиковъ о презрѣннн ко всему вѣшнему, о независимости мудреца отъ міра и людей, о двоякой истинѣ для мудрыхъ и заурядныхъ умовъ, наконецъ, о внутренней свободѣ съ самоубійствомъ какъ *ultimum refugium*: это все высокопарные варианты вырождающагося „познай самого себя!“.

Даже само любвеобильное Христіанство не вполне убереглось отъ чаръ эгоистической формулы мудрости Сократова демона. Отодвигая на второй планъ призывъ *всѣхъ* научить, *всѣхъ* крестить, *всѣхъ* въ разумъ истинный привести къ общему Отцу, не желающему гибели *ни единой* овцы заблудшей, христіане вѣковъ разцвѣта аскетизма, рѣшивши, что природа, какъ царство плоти и грѣха, безповоротно обречена на гибель, что міръ навсегда во злѣ лежитъ, отвернулись отъ изученія природы, пошли наперекоръ ей не путемъ разумной регуляціи ея слѣпыхъ силъ, а путемъ суроваго самоограниченія, и бѣжали отъ міра, предоставляя большинство собратьевъ своихъ гибели, а сами замкнулись въ заботу о своемъ единичномъ, личномъ спасеніи. Величіе и чистота первоначальнаго идеала сообщили, правда, и этому его видоизмѣненію нравственныхъ доблести, возведшія подвижниковъ Палестины и Фиваиды въ животворные свѣточн не для одной любезной имъ пустыни, но и для того міра, отъ котораго они бѣжали, но который самъ шелъ къ нимъ очищаться отъ суеты и скверны грѣховной, чтобы возвратиться на путь спасенія. Такъ, въ новыхъ формахъ, возстановлялось общеніе праведниковъ съ сынами вѣка и возрасталъ градъ Божій въ противовѣсъ граду земному. Но все это не избавляло немногихъ избранниковъ столь трудно завоеваннаго рая быть осужденными на блаженство, соединенное съ необходимостью созерцать мученія и гибель множества отцовъ и братій своихъ. Рай безъ вѣры въ бездну милосердія всепрощающей любви Божіей, безъ надежды на конечное спасеніе всѣхъ невѣдомыми намъ путями благодати, примиряющей состраданіе со сираведли-

востью, если *такой* рай могъ составлять конечную цѣль христіанской праведности, онъ былъ далекимъ отраженіемъ языческаго „познай самого себя!“ въ области христіанской этики аскетическаго типа.

Средневѣковье возвеличило значеніе града Божія, Церкви, надъ градомъ земнымъ, государствомъ, и въ соотвѣтственной степени укрѣпило стремленіе къ солидарности, къ обобщенію, ко включенію человѣческихъ единицъ въ новое великое цѣлое. И въ то же время сотрудица богословія, схоластика вернула и философскую мысль къ болѣе широкимъ задачамъ, отъ замкнутости человѣческой личности въ поискахъ самого себя къ поискамъ отчасти міра и въ особенности Бога, но, къ несчастью, въ формахъ болѣе, чѣмъ когда либо отвлеченныхъ и безжизненныхъ. Языческое Возрожденіе, наоборотъ, создало нѣсколько неуклюжихъ опытовъ реалистическаго міропознанія въ лицѣ Кардана, Телезія и другихъ забытыхъ натурфилософовъ, и пантеистическаго у Джордано Бруно и Кампанеллы. Но обновленный пантеизмъ не измѣнилъ традиціоннаго въ философіи взгляда на подчиненное положеніе человѣка относительно природы: страстные гимны Бруно и Кампанеллы въ честь внутренней свободы героевъ духа не сопровождались призывомъ къ челоѣчеству сбросить съ себя не въ мысли только, но и въ осязательной дѣйствительности оковы произвола слѣпыхъ физическихъ силъ. Фатальную мощь и неизмѣнность ихъ эти идеалисты признавали въ меньшей степени, чѣмъ и реалистическіе натурфилософы. И если въ эту пору страстныхъ поисковъ въ области таинственнаго нѣкоторые смѣлые умы, какъ Пико Мирандола, Карданъ, Делла-Порта, Агриппа Неттесгеймскій, аббатъ Тритеміи и Парацельсъ, вѣрили въ возможность добиться чудодѣйственнаго всемогущества надъ природою: то достигнуть этого они надѣялись не посредствомъ полнаго познанія ея и постепенно возрастающаго управленія ею, а черезъ единовременное раскрытіе универсальнаго ключа къ ея тайнамъ, магическимъ, астрологическимъ, каабалистическимъ или теургическимъ способомъ, не тѣмъ медленнымъ, но надежнымъ путемъ, на который изъ ихъ сумрачныхъ Фаустовскихъ лабораторій призывали вступитъ ясные умы Коперника и Галилея.

Но пока эти предшественники точнаго знанія бродили въ потемкахъ у входа въ его область, широкая волна культуры Возрожденія влекла мысли, чувства и желанія большинства къ беззаботному наслажденію блаженствомъ мига настоящаго безъ сожалѣнія о прошломъ, безъ страха за будущее. Воскресшіе боги классической древности, вновь найденныя сокровища античной словесности, пышный разцвѣтъ новаго искусства, культъ красоты, здоровья и юности, преклоненіе передъ силою и властью, обожаніе счастья и славы,—все звало, все манило, великихъ и малыхъ, гениальныхъ и злодѣевъ, отъ Ліонарда-да-Винчи до Макіавелли и Борджій, къ превознесенію личности, къ ея всестороннему развитію и могуществу, къ апоѳеозу „познай самого себя!“ и къ вакханалии „знай только себя!“ Никогда побѣдный кличъ „Memento vivere!“ не звучалъ болѣе страстно, хотя даже и въ эту пору упоенія чувственностью

не могъ заглушить неотвязнаго „Memento mori!“ На смѣну трудно доступнаго небеснаго рая аскетовъ широко распахнулъ свои врата рай земной, чувственный, себялюбивый, безжалостный и безнадежный.

Но и это все не было еще рѣшительнымъ отвѣтомъ на призывъ Дельфійскаго демона или Сократова генія. Это новое слово, ставшее исходомъ въ землю обѣтованную западной философіи, молвилъ Декартъ. Первоначальное „познай самого себя!“ не исключало еще возможности *многу* знанія; оно только отклоняло отъ него, какъ несущественнаго, сосредоточивая вниманіе и любовь чловѣка на главномъ, на немъ самомъ. Картезіанское же „я познаю, слѣдовательно существую“ пошло неизмѣримо дальше. Во 1) въ предшествующемъ этому утвержденію универсальномъ сомнѣніи было смѣло выброшено за бортъ все постороннее для мыслящей личности знаніе, все то, что познано не непосредственно самою ею; знаніе другихъ, не мое знаніе, слѣдовательно чужое мнѣ знаніе объявлено не имѣющимъ основъ для меня убѣдительныхъ и обязательныхъ; и вотъ съ этимъ-то настроеніемъ, вмѣсто солидарности, чуждость, исключительность, обособленіе мыслящей личности становится краеугольнымъ камнемъ храма философской мудрости. Во 2) именно это неродственное, отъ собратьевъ чловѣка обособившееся знаніе становится единственнымъ утвержденіемъ самого бытія, даже перваго доступнаго личному пониманію бытія, своего собственнаго: „Я познаю, слѣдовательно я существую“; реальное утверждается на интеллектуальномъ; сама жизнь, это неозримое многообразіе, это чудесное многоединство, безпредѣльность, въ которой не только моя мысль, но и весь я тонуть, какъ камень въ глубинѣ океана, все это вмѣщается въ границахъ краткаго мыслительнаго процесса, одного логическаго умозаключенія. Какое чудо! Какое величіе! восклицаетъ ученый философъ, весь ушедшій въ дебри отвлеченнаго разсужденія. Какая ложь или какой наивный самообманъ! восклицаетъ неученый здравый смыслъ, ссылаясь на внутреннюю, непреодолимую убѣжденность личнаго ощущенія и на жизненный опытъ другихъ, многихъ, огромнаго большинства. Но что это за возраженіе для жрецовъ чистаго разума? Что такое колеблющійся по вѣтру огонекъ чувства сравнительно съ холоднымъ неизблемымъ свѣтомъ чистаго мышленія? Какъ устоитъ недоказуемая убѣжденность вѣры передъ стальной цѣпью безукоризненныхъ умозаключеній? А эти „другіе, многіе, даже большинство“, всѣ эти идолы *arses, fori, theatri*, низвергнутые уже Бѣкономъ... все это *чужое* для Картезіанскаго мыслителя знаніе, развѣ это не облака, не туманы, не прахъ предразсудковъ, заволакивающіе солнце никому и ничему не подвластнаго знанія? Освободившейся, знающей только себя мысли отнынѣ открытъ прямой путь въ храмъ высшаго, „чистаго“ знанія.

Не разъ еще будетъ она оступаться на немъ, сбиваться съ него, болзливо жмурить очи передъ яркими лучами чистаго разума; но путь указанъ, и онъ единственный для тѣхъ, кто, признавши его первооснову, будетъ всегда честенъ и до конца смѣлъ. „Познаю, слѣдовательно, существую“, единствен-

ный источник философского знания; все остальное: ссылки самого Декарта на правдивость Бога, не желающего нас обманывать через посредство разума; видѣніе въ Богѣ благочестивато монаха Мальбранша „Теодицея“ и „предустановленная гармонія“ услужливаго „и нашимъ, и вашимъ“ придворнаго и дипломата Лейбница, не говоря уже о „достаточныхъ основаніяхъ“ бюргера-педанта, профессора Вольфа, все это послѣднія, расчетливыя или трусливыя, наивныя или жеманныя оглидки и извиненія торжествующаго чистаго разума, побѣдоносно шествующаго къ самодержавію. Въ сторонѣ отъ торной дороги просвѣщенія XVIII вѣка, этой суетливой Мареры, размѣнивающейся на мелочныя хлопоты въ желаніи угодить Учителю, два силача-радикала съ разныхъ сторонъ берегутъ прямой путь, аристократы мысли, не понятые мѣщанами и чиновниками философіи. Справа, непоколебимый догматикъ, безстрастный въ своемъ угрюмомъ одиночествѣ, цѣльный какъ монолитъ Спиноза, законченное воплощеніе окаменѣвшей мысли, порвавшей принципиально связь науки съ жизнью; слѣва, величайшій изъ скептиковъ, столь же холодный, но болѣе гибкій и неуловимый въ своей разлѣвающей абсолютную истину діалектикъ Юмъ...

На этихъ двухъ столпахъ безупречнаго отвлеченнаго мышленія и создается идеальный храмъ новой философіи, на сіяющемъ фронтонѣ котораго единственною подобающею надписью остается унаслѣдованное изъ храма Эллинской мудрости: „познай самого себя!“ Не отцу критической философіи, не Канту дано было начертать ее въ окончательной формѣ. Кантъ это великій, неутомимый чернорабочій новой философіи скорѣе, чѣмъ ея зодчій: тяжелыми ударами своей всеразрушающей критики онъ расчищалъ мѣсто для храма чистаго знанія, но планъ и фасадъ его онъ искалѣчилъ негармоничною пристройкою къ нему часовни практическаго разума, перейти куда жрецамъ чистаго разума можно, по выраженію Якоби, только какъ Данту изъ ада, „посредствомъ отчаяннаго salto mortale, головою внизъ“. Фихте понялъ ошибку и на сократическое „познай самого себя!“, на картезіанское „познаю, слѣдовательно существую!“ провозгласилъ единственный вполнѣ послѣдовательный, единственный искренній отвѣтъ чистаго разума: „я познающее и есть существующее, все же прочее есть лишь познаваемое, то есть лишь мыслимое, слѣдовательно несуществующее (статья „Супраморализмъ или всеобщій синтезъ“). Это Синайское откровеніе преобразившагося разума, ставшее для философовъ первою заповѣдью („Азъ Разумъ есмь Господь Богъ твой, и да не будутъ тебѣ инии бози развѣ мене!“) Фихте, Мойсей Чистаго Разума, начерталъ какъ единственную заповѣдь на скрижаляхъ закона ученой философіи, совершенно упразднивши „вторую, подобную ей“, христіанскую: „возлюби ближняго твоего, какъ самого себя!“ не смотря на то, что внѣ своего профессорскаго кабинета, на аренѣ жизни, въ годину общественнаго бѣдствія, онъ призывалъ родину и къ этой второй заповѣди.

Чтобы примирить такое противорѣчіе ему, великому, и множеству мелкихъ, полѣзавшихъ изъ щелей академическихъ аудиторій, исходъ былъ одинъ:

признать полную, неограниченную свободу философіи, ея абсолютную независимость отъ всякихъ условій, налагаемыхъ жизнью. Такъ и было. Не жизнь, не ея требованія и мольбы создавали философскія системы; стряхнувши съ себя ветхое рубище житейской суеты, философія поспѣшила осуществить обращенное къ ней пророчество ясновидца Гаманна: „Смотри! разрушивши старое небо и старую землю, я создаю все новое!“ Но это все, это твореніе Чистаго Разума не выходило изъ предѣловъ его самого; это новое твореніе изъ ничего и не создало ничего реального и само идеальное было только безконечной эволюціей видоизмѣненной того же Я, того же всеобъемлющаго мыслящаго духа; творческое дѣйствіе, какъ и чистое знаніе, не шли и не могли идти для философствующаго субъекта дальше самого себя.

Могло ли перешагнуть за эту зачарованную грань послѣднее, что еще оставалось непринесеннымъ въ жертву Молоху чистаго разума,—чувство, любовь? Вѣдь любовь есть высшее; безъ нея „всѣ тайны, все познаніе, вся вѣра—ничто“!.. Любить! Но кого же? Вѣдь любовь невозможна безъ вѣры въ цѣнность того, что любишь, того или тѣхъ, кого любишь. А что говорить заповѣдь чистаго разума? Достоверно только лично познаваемое; не вѣрь, слѣдовательно, преданію, то есть отцамъ, не вѣрь свидѣтельству другихъ, то есть братьевъ; знаніе другого—не мое знаніе; оно мнѣ чужое; а лишь на мышленіи, то есть на вѣрѣ въ знаніе, утверждается и вѣра въ бытіе, въ дѣйствительность. Гдѣ же взять не личную, не эгоистическую основу для любви?..

Пока XIX вѣкъ истощался въ разнородныхъ опытахъ практическаго рѣшенія этого кореннаго противорѣчія своей философской основы, а философы безнадежно силились вырваться изъ волшебнаго круга, очерченнаго вокругъ нихъ Кантомъ; два дерзца отважились дать прямолинейный отвѣтъ на послѣдній роковой вопросъ новой философіи: „кого и что любить?“ „Возлюби себя, себя всего душою твоею, себя всего мыслию твоею, себя всѣмъ сердцемъ твоимъ! Найди въ себѣ себя и ничего, кромѣ себя, не признавай; будь *единственнымъ*!“ заключаетъ Максъ Штирнеръ, такъ и озаглавившій свое произведеніе (*Max Stirner. Der Einzige und sein Eigenthum*) и Ницше со своимъ „сверхчеловѣкомъ“, со своею этикою по ту сторону добра и зла“. Подъ надвигавшеюся грозой революціи 1848 г. символъ вѣры Штирнера также, какъ подъ грохотъ пушекъ Франко-прусской войны мысли Ницше должны были показаться несвоевременными (такъ и назвалъ Ницше одно изъ своихъ сочиненій): но примота и радикальность того и другаго вознесли ихъ, послѣ временнаго непониманія, на высоту заслуженной ими извѣстности, и то, что вѣкъ, похвалявшійся любовью къ солидарности и коллективизму, окончился подъ громкій хоръ похвалъ самому рѣшительному проповѣднику индивидуализма, Фридриху Ницше,—этотъ фактъ самъ по себѣ есть уже блестящее указаніе на то, къ чему не только въ сферѣ чистаго мышленія, но и въ области нравственнаго должна прійти Западная философія, остающаяся вѣрною своей точкѣ отправления.

ПОБѢДА ПРИ БАШКАДИКЛЯРЪ.

(19 Ноября 1653).

Частное письмо Э. В. Бриммера ¹⁾.

Chez Theodor! Не удивляйся, любезный другъ, что такъ давно не получалъ ни одной строки отъ меня. Время военное, ты знаешь обстоятельства края, знаешь лежащія на мнѣ обязанности, знакомъ тебѣ хорошо и характеръ мой; озабоченный дѣломъ серіознымъ, я живу въ немъ и неспокоенъ, пока не сдѣлаю дѣла. Впрочемъ не пишу, значить занять дѣломъ.

Въ Юнѣ мѣсяцѣ у насъ стали поговаривать о возможности разрыва съ Турціею. Но, *comme de raison*, никто отъ мала до велика не хотѣлъ вѣрить тому. Я въ это время, вернувшись изъ кругового объѣзда по всей странѣ для весенняго инспектированія батарей, былъ на водахъ, пожелавъ отдохнуть съ мѣсяцъ отъ трудной трехмѣсячной поѣздки и попить щелочныхъ водъ. Но когда слухи стали увеличиваться, я, послѣ двухъ недѣль отдыха на водахъ, вернулся въ Тифлисъ. До Августа невѣрующихъ въ войну не уменьшалось; но главнокомандующій дѣлалъ уже съ Юня мѣсяца разныя распоряженія, чтобъ по возможности обставить границу войсками, снабдить крѣпости запасами и пр. По немногу стягивались баталіоны въ разные пункты, и батареи полевой артиллеріи двигались по разнымъ дорогамъ.

Князю Бебутову было поручено отъ его свѣтлости ²⁾ по возможности

¹⁾ Эдуардъ Владимировичъ Бриммеръ (1797+1874) принадлежитъ въ числу достопамятныхъ Русскихъ людей. Имя его хорошо знакомо Кавказу, гдѣ онъ начальствовалъ артиллеріею. Его записки изданы въ XV-мъ томѣ „Кавказскаго Сборника“ и отрывки изъ нихъ помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1896 (III, 536) и 1898 (I, 169) годовъ въ статьяхъ Е. И. Козубскаго. За сообщеніе этого письма (къ генералу-маіору Беваду) „Русскій Архивъ“ обязавъ генералу-отъ-инвантеріи Василю Николаевичу Максимовичу. П. Б.

²⁾ Т. е. князю М. С. Воронцову, П. Б.

усилить границу. Запасы провіантскіе и артилерійскіе заготовлялись; всѣ крѣпости поставлены въ оборонительное положеніе.

И такъ съ начала Сентября мѣсяца мы работали и ожидали, что скажутъ дипломаты.

Ты можешь вообразить, что Турки по всей границѣ были сильнѣ насъ, гдѣ въ десятеро, гдѣ въ четверо. Только и слышно было о ихъ сборахъ, о ихъ регулярныхъ, прекрасно выученныхъ войскахъ, о сотнѣ орудій прекрасно запряженныхъ, хорошо обмундированныхъ и хорошо содержимыхъ войскахъ, и о множествѣ Европейцевъ, которыхъ пароходами везуть въ Батумъ и Трапезондъ! Однимъ словомъ, базарные слухи ходили совершенно какъ передъ Персидской кампаніей, когда сосѣди наши вторглись къ намъ такъ нечаянно.

Уже въ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ Эриванской губерніи Куртинцы начали мало по малу разбойничать. Пункты пограничныя, занятые сильно Турками, были: Батумъ, откуда они выдвинули лагерь къ нашей Гурійской границѣ; Ардаганъ, откуда угрожали Ахалциху, и сильный корпусъ войскъ стоялъ между Карсомъ и нашей границей.

20 Сентября высадилась къ намъ 13-я пѣхотная дивизія въ Сухумъ-Кале и двѣ легкія батареи, а двѣ батарейныя батареи идутъ еще сухимъ путемъ. Казалось бы 16-тъ баталіоновъ масса войскъ, ни они были поглощены Озургетомъ и Ахалцихомъ.

Къ довершенію смутнаго состоянія земли, въ началѣ Сентября Шамиль съ огромными силами перешелъ черезъ снѣговой хребетъ и спустился къ крѣпости Новымъ Закаталамъ. Но тутъ князь Григорій Орбеліанъ далъ ему доброй отпоръ въ ущелѣхъ и не допустилъ до долины. Шамиль поднялся на горы и, узнавъ, что князь Аргутинскій идетъ ему въ тылъ, перешелъ отроги хребта и обложилъ Месельдегерское не совсѣмъ оконченное укрѣпленіе и отдѣльную водяную башню. Пять дней молодцы наши сидѣли безъ воды, отбивались отъ горцевъ и когда отрядъ князя Аргутинскаго соединился съ Лезгинскимъ отрядомъ, Шамиль, отбитый гарнизономъ послѣ жестокаго наступленія, бѣжалъ въ Горныя Магалы и въ снѣгахъ Кавказа потерялъ много людей.

Защита Месельдегера и походъ войскъ нашихъ чрезъ снѣжныя вершины-дѣла геройскія, безъ преувеличенія.

Между тѣмъ Турки открыли 16-го Октября военныя дѣйствія взятіемъ карантиннаго поста Николаевскаго на Черномъ морѣ вовсе не укрѣпленнаго, въ коемъ было двѣ роты и два подвижныя гарнизонныя

орудія. Больно было, cher ami, когда я услышалъ вѣсть, что непріятель осмѣлился ступить на нашу землю; сердце защемило отъ негодованія. Я выпилъ два стакана холодной воды и пошелъ шагать по длинной галлерей своего дома, но чрезъ полчаса досада прошла, и я сказалъ себѣ: c'est un mauvais quart d'heure à passer; дотянуть бы намъ до Михайлова дни, свернемся въ кулачки, такъ нагрѣемъ имъ шею. Регулярство! Развѣ короткополой кафтанъ, красной воротникъ и кантани даютъ бодрой духъ войску? Развѣ, надѣвъ мундиръ, Турокъ пойметъ тотчасъ святія обязанности война? Развѣ подчиненность и увѣренность въ начальниковъ вкоренятся въ душу его, когда онъ надѣнетъ куцую куртку и глупую феску свою? Нѣтъ! Его выучать строю, выучать стрѣльбѣ, но воинскаго духа не дастъ ему мундиръ, и не вложить въ душу его наемные учителя гордой беззаботной самоувѣренности Русскаго солдата, залюга побѣд!

Въ концѣ Октября Турки, въ числѣ тысячъ десяти, съ регулярными войсками обложили Ахалцихъ. Тамъ было четыре баталіона 13-й дивизіи и линейной баталіонъ. Командовалъ генераль-маіоръ Ковалевскій. Въ Ацхуръ было двѣ роты, въ Боржомское ущелье поставили баталіонъ (все 13-й дивизіи), и тамъ же былъ генераль-маіоръ Бруннеръ, командиръ полка.

Видя, что мы не въ силахъ, Турки съ двумя орудіями направили отрядъ въ Боржомское ущелье. Изъ Ацхура вышелъ полковникъ Тулубевъ съ ротою и, занявъ хорошую позицію, послалъ сказать Бруннеру, что Турки идутъ. Бруннеръ прибѣжалъ съ двумя ротами, безъ большихъ маневровъ бросился прямо въ штыки, взялъ орудіе, кололъ и гналъ басурмановъ (1-й кулакъ) 7-го Ноября.

Главнокомандующій послалъ въ Ахалцихъ Тифлисскаго военного губернатора генераль-лейтенанта князя Андронникова и усилилъ войска, такъ что тамъ было 7½ баталіоновъ, одна легкая батарея, два горныхъ орудія, два подвижныхъ гарнизонныхъ и нѣсколько кавалеріи и милиціи. Въ Турецкое орудіе и одно наше запрягли почтовыхъ лошадей, и, не думавъ долго, пошли на Турку, пострѣляли, а потомъ въ штыки, рѣзались, кололи, взяли 12-ть орудій, лагерь, знамена, запасы, плѣнныхъ и прогнали басурмановъ съ нашей земли (2-й кулакъ). Это было 14-го Ноября.

27-го Октября я пріѣхалъ въ Александрополь къ собиравшемуся тамъ отряду. Всего было еще 7 баталіоновъ да въ Эривани два баталіона и одинъ казачій полкъ. Артилеріи довольно, но граница открытая отъ Ахалкалакъ до Арарата. Пришли 10-ть эскадроновъ нашихъ

славныхъ драгунъ, ждали двухъ баталіоновъ князя Варшавскаго полка, Донской казачій полкъ и 9-ть сотенъ линейскихъ казаковъ. 12-го Ноября должны были всё собраться... а между тѣмъ сильная Турецкая кавалеріи рыскала по нашей земѣ, грабила Армянскія селенія, грабила Духоборцевъ, поселенныхъ отъ Ахалкалакъ до Александрополя, и все это должно было терпѣть! Терпѣть, что непріятель въ 12 верстахъ стоялъ лагеремъ на нашей землѣ, въ Баяндурѣ! У всѣхъ насъ кровь кипѣла отъ досады.

1-го Ноября пріѣхалъ князь Бебутовъ, назначенный командиромъ корпуса дѣйствующаго противъ Турокъ и 2-го (въ Понедѣльникъ) послалъ генераль-маіора князя Орбеліана выгнать Турокъ изъ Баяндура. Но оказалось, что они были крѣпко-сильны и выставили противъ нашихъ 24-хъ до 40 орудій. Дѣло было артилерійское, пострѣляли часомъ пять, досталось имъ, досталось намъ. Къ вечеру князь Бебутовъ, взявъ остальные два баталіона и батарею, хотѣлъ ударить имъ во флангъ, но по приближеніи нашемъ они смекнули въ чемъ дѣло и перешли Арпачай. Мы пошли назадъ, ибо дѣйствительно не были въ силахъ. Турки опять заняли Баяндурскую позицію, и до 12 числа мы опять должны были грызть досаду нашу. Но въ этотъ день пришелъ казачій полкъ, послѣднее войско ожидаемое въ нашемъ отрядѣ, и вотъ его численность: 12-ть баталіоновъ пѣхоты, 10-ть эскадроновъ драгунъ, 9-ть сотенъ линейныхъ казаковъ и одинъ полкъ Донской; артилеріи: двѣ батарейныя батареи, двѣ легкія и одна конная Донская. И князь сказалъ: теперь болѣе ждать нечего, идемъ! 14-го утромъ положено было выступить.

Въ ночь на 14-е Турки ушли и форсированнымъ маршемъ тянулись отъ насъ къ Карсу, мы за ними. Ночевали въ деревнѣ Первели, Турки въ 15 верстахъ отъ насъ. Ударил заревая вечерняя пушка, Турки снялись и ночью пошли къ Карсу. Въ ночь выпалъ снѣгъ, туманъ сильный, растворилась грязь. Ты можешь вообразить нашу досаду. Мы шли съ обозомъ, впереди горы и грязь. Чтò дѣлать? Вернулись въ Башъ-Шурагель, пождать чтò будетъ, и не переходили Арпачай: дай поживемъ на счетъ сосѣдей! А они глупые видятъ, что мы вернулись, тоже оправились и вернулись и стали лагеремъ въ Кадиклярѣ, отъ насъ верстѣ 20. Когда князь удостовѣрился, что дѣйствительно весь корпусъ ихъ сталъ лагеремъ и что изъ Карса пришли къ нимъ еще войска и артилерія, 18-го вечеромъ онъ сказалъ: Завтра выступимъ на легкахъ. Ночью были отправлены два баталіона и батарейная батарея со всѣмъ обозомъ, и мы съ оставшимся у насъ пятидневнымъ сухарнымъ провіантомъ, въ семь часовъ утра, совершенно на легкѣ, пошли отыскивать басурмановъ въ регулярныхъ кафтанахъ. Съ нами было два баталіона

Грузинскаго гренадерскаго полка, три баталіона Эриванскаго карабинернаго (Государя наслѣдника и его высочества Константина), два баталіона князя Варшавскаго, одинъ баталіонъ князя Воронцова, Кавказскій стрѣлковый (челов. 400) и двѣ роты саперъ, 10 эскадроновъ драгунъ, 8-мъ сотень линейныхъ казаковъ и одинъ Донской полкъ, вѣжеться 600 челов. Артилеріи: одна батарейная батарея, 2 легкія батареи и Донская конная № 7-го, всѣ въ 8-ми-орудійномъ составѣ. Обозъ состоялъ изъ 20 пустыхъ повозокъ для случая, повозки князя, моего контрабанднаго заряднаго ящика и нѣсколькихъ вьюковъ старшихъ начальниковъ.

Князь Василій Осиповичъ говорилъ намъ: Если не будутъ насъ ждать, пойдѣмъ за ними и догонимъ. А начальникъ штаба генералъ-майоръ Индреніусъ въ тихомолку сказалъ мнѣ: Пятидневными сухарями можно 8 и 10-ть дней жить! И сердце взыградо, слышавъ слова эти.

Перешедъ Карсчай въ сел. Первели, мы поднялись на высокую гору и, прошедъ по горной высотѣ верстѣ шесть, увидѣли все усилившіяся массы кавалеріи справа и слѣва. Князь приказалъ остановиться. Видимо, что Турки ждутъ насъ. Покуда князь разсматриваетъ мѣстность и говоритъ съ начальникомъ штаба, пойдѣмъ къ сторонѣ и взглянемъ на картину разстилающуюся передъ нами.

Отъ ногъ нашихъ на всемъ протяженіи довольно отлогой скатъ идетъ въ долину, тихо склоняющуюся къ лежащему прямо передъ нами въ полторѣ верстѣ сел. Огузлю. Въ немъ огромная старинная церковь въ видѣ башни; въ лѣво этой долины оврагъ, въ немъ рѣчка, за оврагомъ тотчасъ горная возвышенность, на которой закрытая отъ насъ 22-хъ пушечная неприятельская батарея; оврагъ этотъ огибаетъ сзади сел. Огузлю и, дойдя до оконечности долины, загибаетъ влѣво. Н правой сторонѣ долины за селеніемъ, какъ я сказалъ, оврагъ съ топкою рѣчкою, за нею подъемъ на возвышенность, отлого подымающуюся къ д. Кадикляръ и Субатъ, за коими, au fond du tableau, горы; первая деревня не видна намъ въ лѣвомъ заднемъ углу картины; передъ нею на высотѣ главный лагерь Турецкой, а внизу по рѣчкѣ малый, намъ не видны. Вправо долины стояли 8-мъ орудій тоже намъ закрытыя.

Теперь мы достаточно ознакомились съ мѣстностію. Но подыми глаза, взгляни круто налѣво: это Алагезъ, у котораго широкое основаніе какъ могучая грудь Русскаго человѣка. Это нашъ, онъ давно освоился съ нами и полюбилъ Русскихъ; не кажется ли тебѣ, что снѣжныя вершины его, съ солнечныхъ перекатахъ яснаго дня, одобрительно улыбаются намъ? Но смотри далѣе. Въ углу за Турецкимъ лагеремъ

выситя свѣжная громада, видишь, облачко подернуло вершину—это Арарать! Колыбель древнихъ преданій, онъ давно живетъ съ Мусульманами, хотя видитъ, что Русскіе подвинулись къ подошвѣ его, но остановились. Онъ не увѣренъ въ ихъ могущество: Кавказъ заслоняетъ ему нашу силу. И Арарать задумчиво, въ сомнѣніи, смотритъ на битву; отъ того облачко подернуло бѣлую высь его.

Но полно глазѣтъ, пора къ дѣлу, видишь войска строятся, отойди въ сторону, ты оставилъ Кавказъ, ты не будешь биться въ рядахъ нашихъ! Видишь, баталіоны ихъ выходятъ по оврагу, отойди.

По увѣренію жителей, что съ правой стороны можно хорошо пройти по подгорію и стать на Карскую дорогу въ тылъ непріятелю, князь хотѣлъ было исполнить этотъ смѣлый маневръ; но, дѣлая 6-ти верстный обходъ въ виду въ трое или четверо сильнѣйшаго непріятеля, мы могли быть принуждены драться гдѣ попало, и князь Василій Осиповичъ приказалъ развернуться.

Въ 1-й линіи два баталіона князя Варшавскаго и одинъ баталіонъ князя Воронцова полка, между баталіонами съ лѣва батарейная № 2. батарея, съ права легкая (батарейная № 5 батарея съ 8-ю легкими орудіями), тутъ же и стрѣлковый баталіонъ; во 2-й линіи два баталіона карабинернаго наслѣдника и баталіонъ его высочества Константина и саперы; въ резервѣ при повозкахъ, гдѣ былъ перевязочный пунктъ, баталіонъ карабинернаго и баталіонъ Грузинскаго полковъ, легкая № 1-го батарея и полкъ Донской. Справа три дивизіона драгунъ, 400 линейныхъ казаковъ и 4 конныя орудія, слѣва два дивизіона драгунъ 400 линейныхъ казаковъ и также дивизіонъ конной артилеріи.

Плѣнные рассказывали послѣ, что когда ихъ корпусный командиръ увидѣлъ наши силы, такъ засмѣялся и сказалъ: мы ихъ перевежемъ и въ Карсъ приведемъ.

Хочешь ты, чтобъ я тебя познакомилъ съ начальниками? Солдаты Кавказскихъ ты знаешь, о молодцахъ говорить нечего.

Вождь нашъ тебѣ знакомъ издавна, слѣдственно я объ немъ ни слова, но прошу во время дѣла смотрѣть въ оба: увидишь, что не всѣ достоинства его тебѣ знакомы.

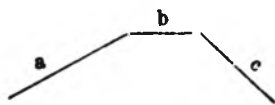
Смотри на начальника штаба, какъ онъ разсудительно будетъ слѣдить за ходомъ сраженія, какъ бережно возьметъ все что можно взять изъ резерва, какъ въ пору вышлетъ орудія изъ резерва къ линіи дѣйствія; видишь, какъ заботливо убираютъ раненыхъ, и какъ скоро возвращаются въ строй люди. У него глазъ за всѣхъ—и какъ спокоенъ, какъ привѣтливъ!

Видишь впереди, но зачѣмъ? Всякой изъ господъ самъ себя отркомендуешь. ты только постарайся ловить все, что каждый будетъ дѣлать.

Призвавъ къ себѣ генераль-маіора Кишинскаго, князь приказалъ вести ему первую линію на деревню, если она занята, выбить непріятеля; если нѣтъ, остановиться такъ, чтобъ не пускать въ нее непріятеля. Въ разстояніи версты отъ деревни или сажень до 400, видно было, что деревня пуста, а что изъ оврага съ лѣвой стороны вышли стройные баталіоны, и тутъ же на этомъ разстояніи первая линія была встрѣчена сильнымъ перекрестнымъ бѣглымъ огнемъ изъ двухъ батарей. Четыре ящичныхъ лошади и два артилериста были убиты. Батарейная № 2 батарея заѣхала правымъ плечемъ впередъ, подвинулась на дистанцію 400 с. къ батарее и открыла огонь, при чемъ капитанъ Иващенко бросилъ пять гранатъ въ колонны низамовъ вправо, и такъ хорошо что четыре лопнули въ колоннахъ. Они спустились въ оврагъ, выдвинувъ 4 легкія орудія съ правой стороны батарейной батареи и гораздо впередъ оной, чтобъ наблюдать за пѣхотою.

Крѣпкій должны были выдерживать огонь.

Вотъ какъ была линія: тельской батареи, *b* противъ *c* противъ массъ кавалеріи сильной пѣхоты, которая обходила нашъ правый флангъ.

a противъ непріятельскаго селенія Огузлю, и потомъ противъ

Пробывъ съ полчаса у дѣтей своихъ, я поѣхалъ къ князю, который оставался на возвышеніи. Жарко длилась канонада, 8 орудій съ права перекрещивались съ 22 оруд. большой батареи; казалось бы смерть за каждымъ выстрѣломъ, но мы стояли на пахатной землѣ, и снаряды. не рикошетируя, врывались глубоко въ землю. Когда я проѣзжалъ съ адъютантами мимо ящика, батарейное ядро ударило въ голову коренной, въ брюхо подручной и перебило ногу вожатому. Старый знакомый бомбардиръ Мопасенко, хороший печникъ.

А ты остался на возвышеніи? Хорошо! Смотри на право на эту массу кавалеріи: это Курды, ихъ тысячи три, можетъ четыре. Видишь, подвигаются, и драгуны подаются впередъ, имъ приказалъ князь охранять пространство отъ праваго фланга линіи до резерва. Курды несутся..... Bravo Долотиня! 4 орудія попались на встрѣчу. Налѣво кругомъ, съ передковъ; картечью—гляди, гляди драгуны маршъ-маршъ, видишь впереди на золотомъ Карабахскомъ жеребцѣ, сабля надъ головою, это князь Чавчевадзе, командиръ полка, ухъ какіе удары, то голова долой,

то корпусъ на двое, въ спину погнали... Но оставимъ ихъ, мы вернемся къ молодцамъ.

Смотри на лѣво, и тамъ тоже массы кавалеріи хотять прорваться къ нашему резерву. Тамъ Баговуть, кто его не знаетъ, это тотъ гвардейскій красавчикъ, которому Полякъ раскрылъ голову. Тебѣ не видно черной повязки на молодецкой и все еще красивой головкѣ; вонъ онъ впереди, начальникъ нашей кавалеріи, большая красная бархатная кабура болтается на лѣвомъ бедрѣ,—еще, еще картечью—погналъ—рубать,—сильны удары, ваши могучіе богатыри, отчего тысячи неустоятъ противу вашего натиска. А между тѣмъ по оврагу все тянутся стройные баталіоны, подвигаются къ правому флангу нашему, рассыпали стрѣлковъ, и полки регулярной кавалеріи заплѣнили Курюинъ, красные значки ихъ игриво вѣютъ на солнцѣ.

Князь довольный стойкостію нашихъ рядовъ подзываетъ начальника штаба и отдаетъ ему приказанія, адъютантъ скачетъ, и вотъ колонны гренадеръ второй линіи потянулись на лѣво. Видишь, впереди идетъ черненькій средняго роста ловкій офицеръ, на головѣ теплая красивая шапочка на манеръ фуражки, всегдашняя улыбка на лицѣ. Это князь Багратіонъ-Мухранскій, командиръ гренадерской бригады; его корпусный командиръ посылаетъ взять 22-хъ пушечную батарею, и онъ также беззаботно, съ тѣмъ же смѣющимся лицомъ, поведетъ гренадеръ своихъ на картечь и пули.

Взрывъ! Широкой четверугольный столбъ густого дыма! Вся линія кричитъ ура! Хорошо, артиллеристы!..... Батарейная батарея взорвала ящикъ на непріятельской батарее. А, урѣдили огонь—видно досталось. Москалевъ, мѣтъ хорошенько, у нихъ разстройство.

Вотъ проходятъ карабинеры наслѣдника мимо князя, батарея стрѣляетъ въ проходящихъ, одно ядро—другое вырвало рядъ изъ колонны; усачи не прибавили шагу, ружья на правомъ плечѣ, идутъ беззаботно какъ будто съ ученья. О гренадеры, старшія дѣти славной семьи, честь и краса смѣлаго Кавказскаго войска!

Но кто этотъ молодецъ впереди гренадеръ великаго князя Константина? Исполинскаго роста широкоплечій, молодой съ румяными щечками и Георгій на груди? Это князь Илья Орбеліанъ, командиръ полка. 17-го числа, когда мы вернулись отъ преслѣдованія Турокъ, полагая, что ничего не будетъ, онъ хотѣлъ ѣхать къ молодой женѣ, порадоваться новорожденнымъ двумъ птенцамъ своимъ. Услышавъ о выступленіи, онъ нагналъ насъ за 5 верстъ отъ мѣста сраженія, и съ радостнымъ лицомъ сталъ въ головѣ своихъ гренадеръ. Зачѣмъ не снялъ ты генеральскихъ

эполетъ, бойкій молодець? Развѣ не знаешь, что стрѣлки мѣтятъ въ офицера? Накличешь всѣ штуцера на грудь свою, а цѣль вѣрна: ты будешь впереди, и смертельны остроконечныя пули!

Баталіоны низамовъ все увеличиваются передъ нашею линіею ужь стрѣлки ихъ близко огибаютъ нашъ правый флангъ, къ которому примкнули саперы изъ второй линіи; полки регулярной кавалеріи обходятъ съ права, но Чавчевадзе на сторожѣ. Вотъ къ правому флангу подѣхалъ начальникъ линіи, это генераль-маіоръ Кишинскій; его спокойное доброе лицо, кажется тебѣ мало общается, но всмотрись, какъ горять глаза его, онъ знакомъ Ширванцамъ, не разъ бивали они съ нимъ горцевъ, теперь хотятъ помѣряться съ регулярными Турками. (Обходите, низамы, обходите, Ширванцы ни пяди не отступятъ, а картечь скоро охладитъ жаръ вашъ.

Гу! Какъ несутся драгуны на правомъ крылѣ, смяли полкъ, смяли другой; но пѣхота приняла ихъ за себя. «Стой драгуны—пѣхота сильна!» Врубилась въ баталіонъ—бѣжитъ! Бѣжитъ другой, взяли два орудія, еще одно; нѣтъ, Турки отстояли—баталіонный огонь другихъ баталіоновъ остановилъ богатырей. Везутъ трофеи чрезъ поваленныя трупы. Умаялся золотой конь твой, командиръ молодецовъ! Красны лезвеи сабель вашихъ; кони пѣнутся, дайте вздохнуть имъ.

Вездѣ кипитъ бой. Турки, видя, что мы ослабили себя на правомъ флангѣ, выслали 12 стройныхъ баталіоновъ по оврагу къ нашей линіи и стали напирать крѣпко на правый флангъ; впереди, разсыпавъ цѣлый стрѣлковый баталіонъ, ужь они обошли его, тѣснили нашу кучу саперовъ, ужь передніе очерта голову бросились на баталіонъ и смѣшались съ Ширванцами, какъ капитанъ Давыдовъ, обернувъ два орудія, ударилъ въ нихъ картечью—остановилъ заднихъ, а передніе, кто уцѣлѣлъ отъ штыка, убѣжали.

Два часа пополудни. Бой въ самомъ разгарѣ, на лѣво изъ дивизиона конной артилеріи поставили два орудія вдоль линіи непріятельской батареи и бьютъ ее во флангъ. Баговутъ, отбивъ у кавалеріи охоту беспокоить его, стоялъ и ждалъ натиска гренадеръ.

Начальникъ штаба приказалъ 6-ти орудіямъ и одной ротѣ идти изъ резерва къ линіи. Мухранскій вышелъ на вершину. Нашъ правый флангъ отбивался отъ пѣхоты и натисковъ конницы, но стоялъ и не подавался назадъ. Изъ резерва тянулись 6 орудій и одна рота къ линіи. Небо ясно, на Араратъ ни облачка.

Князь прислушивался, когда гренадеры закричатъ ура; но вотъ вмѣстѣ съ этимъ ура! прямо передъ нашимъ фронтомъ, пять или шесть непріятельскихъ баталіоновъ, стройно какъ на ученьѣ, въ развернутомъ фронтѣ, съ права и съ лѣва деревни, подвинувшись немного какъ бы

для равненія, открыли бѣглый непрерывный баталіонный огонь. Прекрасная картина! Нравится тебѣ? Смотри дальше.

Видишь, князь подзываетъ къ себѣ бѣдѣзъ стоящаго генерала и отдаѣ ему приказаніе, тотъ поцесся къ линіи. Чтѣ везешь, ты скажи! Только нагайка хлещетъ по бокамъ лошади, и гдаза вперилсь въ приближающіеся баталіоны. Съ густою цѣпью стрѣлковъ, съ барабаннымъ боемъ и рожками медленно подвигались развернутые баталіоны, имѣя сзади баталіоны въ колоннахъ. Какая масса войскъ на нашу горсть! А прѣхалъ? Впередъ на передки, знамена впередъ. Ура! и громко весело, крикнувъ ура близъ стоявшій баталіонъ князя Воронцова, и вся линія съ этимъ радостнымъ Русскимъ возгласомъ двинулась впередъ навстрѣчу напріятелю. 16 орудій рысью выѣхали впередъ и, снявшисъ съ передковъ въ 100 с. отъ напріятеля, ударили картечью дружно, сильно; слышно было, что офицеры кричали: подыми клинья! И зашатался строй... крѣпче, еще, еще... и разстроились, подались назадъ... бей еще! Ура! и повелъ генералъ-маіоръ Кишинскій пѣхоту. Весело вѣютъ Георгіевскія знамена, любятъ Русскій солдатъ идти въ штыки. А, ужъ за оврагомъ; Бей черезъ головы гранатами, чтобъ не было ни линіи, ни строя! Побѣжали. Слышно: коли, коли, насъ мало, не возитесь съ ними! Батарейная батарея стала у деревни надъ оврагомъ на позицію, а легкія батареи одна за другой потянулись за оврагъ съ баталіонами.

Напріятель рассыпался, бросалъ оружіе, бѣжалъ. Да крѣпокъ часто былъ ружейный огонь, но картечь взяла свое, разстроила, осунула баталіоны и гдѣ строй стоялъ, ряды лежатъ!

Но что смотришь ты съ такимъ напряженіемъ на лѣво? И тамъ бой кипитъ во всемъ разгарѣ. Что наверху слеза у тебя, развѣ время и мѣсто плакать? Посмотри несутъ красавца, пуля въ груди, пуля въ рукѣ. Доля храбрыхъ! Кто впереди, тотъ ближе къ врагу. Накликалъ штуцера на себя! Но дастъ Богъ, поправится: человекъ молодой!

Но гдѣ князь, гдѣ вождь нашъ?

Отнесли полкового командира, отнесли баталіонныхъ и нѣскольکو офицеровъ. Грузинскій баталіонъ остался безъ начальниковъ; въ это время онъ лѣзъ на крутую возвышенность, гдѣ стоялъ полкъ наслѣдника, вдругъ два баталіона низамовъ ударили на него съ боку, баталіонъ сталъ, ни пяди назадъ, но не двигался впередъ.... некому было вести его. Некому?

Князь видитъ это, подскакалъ къ гренадерамъ въ среду пуль. Ребята! Когда же мы останавливались? Впередъ за мной! И какъ очнувшись ударили гренадеры Константина въ штыки, и въ этотъ же моментъ изъ шедшихъ изъ резерва 6-ть орудій начальникъ штаба взялъ два. Ловко, скоро снялся молодой Семчевскій съ передковъ, и удачно

поставленные ударили картечью во флангъ низамамъ. Не любятъ картечи низамы. Корпусный командиръ тутъ же на мѣстѣ поблагодарилъ молодого артилериста.

Что, нашелъ ты новое достоинство въ знакомомъ тебѣ князѣ Василіѣ Осиповичѣ? Это самоотверженіе вождя! Богъ сохранилъ тебя, князь. Благодареніе Ему!

И въ этоже время, когда вся линія наша шла, громила Турокъ картечью и колола ихъ растроенные баталіоны, гренадерская бригада князя Мухранскаго шла въ штыки на батарею.

Въ штыки на батарею! Цѣль и награда боевой жизни солдата! Кавалеристу врубиться въ каре, артилеристу отбить штыковыми пѣхотныя колонны картечью! А твоя слава, пѣхотный солдатъ, пройти картечь и съ штыковымъ возгласомъ ура! взять эту грозную батарею.

Взгляни на доблестныхъ карабинеровъ наслѣдника, на мужественныхъ гренадеръ великаго князя Константина — одни впереди, другіе рвутся догнать ихъ! И на беззаботное лицо веселаго вождя ихъ. Все говоритъ тебѣ: батарея наша!... Они идутъ!... И недоумѣніе обуяло лучшее войско врага, не знаетъ артилеристъ, стрѣлять ли ему или спасти животь свой?.. Стрѣлай, артилеристъ! Урѣдишь строй храбрыхъ по штыкъ, остальныхъ положить тебя на орудіе...

Не досмотрѣли мы съ тобою, какъ Донецъ сотникъ Кульгачевъ подвинулся къ оконечности непріятельской батареи на картечный выстрѣлъ и когда пѣхота бросилась въ штыки, Кульгачевъ съ прислугою, вмѣстѣ съ драгунами, бросился на орудія и взялъ два ближайшія.

Баговуть съ кавалерією рубилъ артилеристовъ. Набросали вытѣль близъ орудій, окропили всѣ орудія кровію, славные Кавказскіе драгуны. Ваша битва какъ пиръ—тоже веселье.

И вмѣстѣ съ бѣгствомъ пѣхотной линіи, 22-я орудейная батарея была въ рукахъ нашихъ.

Все шло впередъ на Турецкой лагерь, но непріятель разсѣялся. Почти все шло или бѣжало по Карской дорогѣ, только масса кавалеріи была видна на высотахъ близъ дороги какъ бы въ защиту бѣгущихъ. Но это была пародія тактики: оружіе и зарядные ящики бросали по дорогѣ, и есть ли бы князь не видѣлъ невозможность послать въ погоню совершенно утомленную нашу горсть конницы, не любоваться бы намъ и этой пародіей.

Все досталось побѣдителямъ: лагери, запасы, артилерійскіе, провіантеіе и мундирные. Трофеями побѣды были: 24 артилерійскія орудія 15-ть четырехколесныхъ ящиковъ почти всѣ запряженные въ 6 лошадей, 72 артилерійскія лошади.

Предъ концемъ сраженіе непріятель увезъ до 15 орудій.

Вотъ битва 19-го Ноября на высотахъ Башкадиклярскихъ, гдѣ 9 т. Русскихъ дрались и побили до 40 т. Турокъ, изъ коихъ до 25 т. регулярныхъ при 40 орудіяхъ (третій сильной кулакъ). На тя Господи уповахомъ, да не постыдимся во вѣки!

Съ нашей стороны убито: штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 8, рядовыхъ 308; ранено: генераль 1, штабъ-офицеровъ 9, оберъ-офицеровъ 24, рядовыхъ 762; контужено штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицерову 12, рядовыхъ 168.

Непріятельскихъ тѣлъ осталось на полѣ сраженія болѣе 1500. мы 720 похоронили 21-го числа, но это не была и половина: 22-го при выступленіи столько же оставалось на полѣ битвы.

Панической страхъ, наведенный этою побѣдою, такъ великъ, что очистилъ совершенно и успокоилъ границы наши; жители Турецкихъ деревень пограничныхъ санджаковъ ищутъ суда и расправы у внязя Бебутова и по приказанію его свезли къ намъ въ Александрополь зерноваго хлѣба изъ Турецкихъ магазиновъ уже болѣе 2000 четвертей. Раненой полковой командиръ низамовъ, взятый въ плѣнъ, родомъ изъ Гуріи Магометанинъ, разсуждая съ нашими офицерами о проигранномъ ими сраженіи, говорилъ: не понимаю, какъ мы это проиграли дѣло, васъ была кучка противъ насъ, а вы все лѣзете и лѣзете впередъ; смотря на васъ, мы говорили себѣ, что вы или сумасшедшіе или пьяны! Видно, родному-то въ первой разъ видѣть, какъ Русской разсердится. Теперь пришло въ Карсъ 9-ть пѣхотныхъ полковъ изъ Египта, 6 осталось въ Эрзерумѣ.

Между орудіями взята одна 3-хъ фунтовая пушка отлитая въ большиимъ тцаніемъ въ нынѣшнемъ году, лафетъ коей выкрашенъ красною краскою съ надписью на орудіи: Анатолійскому войску отъ султана Абдулъ-Мешида, и еще разныя надписи. Такое же орудіе подарено главнокомандующему въ Европѣ Омеръ-пашѣ.

Турецкое регулярное войско обучено отлично хорошо строить каре, колонны, развертываетъ фронтъ, принимаетъ въ интервалы кавалерію; все по правиламъ и равненію. Два стрѣлковые баталіона имѣли штуцера фабрики А. Етіеппе, бьютъ на 1000 метровъ, какъ означено на прицѣлкѣ. Ружья плохія.

Ты видишь, любезный другъ, изъ слабо и неполно описаннаго дѣла, что отъ старшаго до рядового всѣ дѣлали свое дѣло по совѣсти и долгу, многіе дѣлали болѣе чѣмъ долгъ службы отъ нихъ требовалъ, но оттого, что понимали обстоятельства и были проникнуты мыслию о необходимости сильной побѣды. Между нами сказать, мы были немного раз-

сержены, что непріятель смѣлъ ступить на нашу землю и хозяйничать около границъ.

Мы видѣли съ тобой только дѣла нѣкоторыхъ, бросавшіяся въ глаза, но частныя подвиги въ подробностяхъ ускользнули отъ насъ. Знай, что только совокупность этихъ мелкихъ подвиговъ могла дать намъ побѣду, которая откликнулась какъ отголосокъ Асландуза, Ленкорани, Карса и Ахалциха (1828).

Когда мы возвратились въ сел. Огузлю, лагерное расположеніе наше покрылось остроконечными палатками, Турецкій лагерь прикрылъ Русскихъ воиновъ, а какъ въ моемъ контрабандомъ ящикѣ нашлась бутылка Шампанскаго, я поздравилъ князя Василія Осиповича и генералъ-маіора Индреніуса съ главною побѣдою, какъ истыхъ виновниковъ оной: одного за рѣшимость, другого за порядокъ дѣла, и что стройно слѣдить за ходомъ онаго.

Солдаты грѣлись около костровъ и, грызя сухари, были веселы, разсказывали о томъ, что кому привелось видѣть; многіе имѣли поверхъ своихъ шинелей свѣтлосѣрыя шинели низамовъ, ваятыхъ въ лагерь изъ складовъ; и когда я вечеромъ ходилъ по кострамъ, артиллеристы съ дѣтскою простотою показывали мнѣ эти шинели: смотрите, ваше превосходительство какъ узко сшиты, не то что наши и длинны и просторны. А другой: ваше превосходительство, вѣдь задали мы имъ чосу сегодня! И въ такихъ бесѣдахъ съ героями-дѣтьми я выкурилъ двѣ сигарки.

А наши офицеры? Что за славная молодежь, что за беззаботный умный народъ! Весело идти въ дѣло съ такими подчиненными.

Государя видно порадовала наша битва. Князю Бебутову прислалъ св. Георгія 2-го класса, въ роту и батарею по 10 крестовъ, солдатамъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ по 2 рубля серебромъ на человѣка.

ИНСТРУКЦІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА КНЯЗЮ КОЗЛОВСКОМУ.

Отъ 22 Февраля 1854 года.

При теперешнемъ общемъ положеніи дѣль, Кавказской линіи угрожать могутъ двѣ опасности:

1, Усиленное нападеніе Шамиля на Военно-Грузинскую дорогу, въ соединеніи съ Кабардинцами и другими близъ оной обитающими племенами, съ цѣлью пресѣчь наши сообщенія съ Закавказіемъ.

2, Нападеніе союзныхъ силъ десантомъ въ сѣверной части Черноморской береговой линіи, съ тѣмъ чтобы овладѣть Геленджикомъ, Новороссійскомъ и Анапой, соединеніе съ Натухайцами, Шапсугами и Абадзахами, для нападенія на землю Черноморскихъ казаковъ и проникнуть далѣе на правый флангъ Кавказской линіи, въ тоже время какъ другія племена возстануть, угрожая Лабинской ланіи или даже Пятигорску.

Отвратить первую опасность лежитъ на прямой обязанности г. л. Козловскаго съ тѣми войсками, кои ему непосредственно подчинены въ центрѣ линіи и которыхъ нельзя не признать недостаточными, съ той поры, какъ тамъ расположена вся резервная Дивизія Кавказскаго корпуса, т. е. резервъ изъ 14 бат. при 2 батареяхъ, кромѣ линейныхъ баталіоновъ и 6-ти бат. Тенгинскаго и Навагинскаго полковъ и 3 бат. Егерскаго к. Воронцова полка, Донскихъ и линейныхъ казаковъ, при одной или двухъ кон. казачьихъ батареяхъ.

Нѣтъ при томъ вѣроятія чтобы Шамиль въ одно и тоже время угрожать могъ и Военно-Грузинской дорогѣ и Лезгинской линіи, и Кумыкской плоскости, и Прикаспійскому краю, которые впрочемъ охраняются особыми отрядами войскъ здѣсь не упоминаемыми.

Съ послѣдне-данныхъ приказаній войсковому атаману Донскаго Войска, и съ приостановленія близъ Ставрополя 1-й бригады 17-й дивизіи съ ея 2 батареями, нахожу, что опасность линіи и Черноморіи во многомъ уже не такъ велика; ибо, не говоря объ гарнизонахъ трехъ прибрежныхъ укрѣпленій, легко нынѣ собраны быть могутъ 11 бат.,

кромѣ 2-й бригады 19-й дивизіи, 6-ть казачьихъ полковъ и двухъ пѣшихъ и 4½ конныхъ батареи.

Я полагаю, что мѣсто сбора сему отряду назначить должно близъ Варениковой пристани, съ тѣмъ, чтобы при высадкѣ непріятеля и въ особенности при Геленджикѣ или Новороссійскѣ, немедля слѣдовать ему навстрѣчу и принять отступающіе гарнизоны Геленджика и Новороссійска, если они вынуждены были бросить сіи мѣста и наконецъ ежели высадка послѣдовала у Анапы, отбросить непріятеля въ море и спасти Анапу.

При такомъ дѣйствіи непріятеля, весьма вѣроятно, что онъ будетъ въ соглашеніи съ Горцами, чтобы они отвлекли вниманіе и силы наши въ другую сторону, угрожая или Лабинской линіи или самой Кубанской линіи. Чтобы воспрепятствовать сему, предстоятъ, кажется, два способа: или чтобъ тогда г. Евдакимову, собравъ что можно изъ войскъ ему подчиненныхъ, слѣдовать на Бѣлую и въ глубь края, по направленію къ Абинску, или собрать у Ольгинскаго тетъ-де-пона отрядъ изъ тѣхъ же войскъ, не менѣе 6 бат. съ артиллерією и однимъ или двумя казачьими полками, чтобъ отрядомъ симъ охранягь Кубанскую линію и отбить всякое тутъ покушеніе, на Лабинской же линіи оставаться въ оборонительномъ положеніи.

Адмиралу Серебрякову обратить главное вниманіе на сохраненіе *Анапы* и буде можно *Новороссійска*. Ежели Геленджикъ и Кабардинскъ отстоять нельзя, гарнизоны сіи отводить къ Новороссійску, чѣмъ зацата сего мѣста значительно усилится; а когда и этотъ важный пунктъ нельзя будетъ сбережъ, все въ немъ сжечь и уничтожить, равно какъ въ Геленджикѣ и Кабардинскомъ и отступать всѣми силами чрезъ Раевскій фортъ къ Анапѣ, наводя непріятеля флангомъ на главный отрядъ идущій отъ Варениковой.

Вотъ въ главныхъ чертахъ все что я покуда предназначать могу, какъ г. л. Козловскому, такъ г. отъ кав. Хомутову и Б. А. Серебрякову.

В. А. Серебрякову, въ случаѣ крайности, военные всѣ суда въ сѣверной части линіи отвести къ Павловской батареѣ, подъ прикрытіе огня ея и для защиты пролива, а въ случаѣ невозможности и тамъ устоять, отослать къ Ейсу, ежели глубина моря сіе дозволяетъ.

БУРИ ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ.

(Историческая справка).

Разразившаяся 16-го Юня сего года надъ Москвою буря, по произведенному ею опустошенію, представляетъ собою, конечно, явленіе необыкновенное для Европейской Россіи и болѣе свойственное странамъ тропическимъ, гдѣ явленія природы, сравнительно съ странами умѣренныхъ поясовъ, величественнѣе, и грознѣе. Сохранились однако извѣстія, что и въ Европейской Россіи не разъ бывали опустошительныя бури, подобныя бывшей въ Москвѣ 16 Юня.

Такъ въ 1125 году въ Новгородѣ была сильная буря съ громомъ и градомъ, „и хоромы раздѣра, и съ божиць вълны ¹⁾ раздѣра, стада скотины истопи въ Волховѣ, а другія одва переимаша живы“ ²⁾.

Въ 1300 году „съ весны“ „бывша вѣтри велици, и бури мнози и грозни, и вихри сильни, и громы страшны, и мѣгніа и дожди велицы, ако всѣмъ челоувкомъ вѣстрепетати и ужаснутися; и толики быша тучи силни, яко единымъ часомъ точію рвы и заразы ³⁾ яко бездны учинишася, вѣтри же съ вихромъ многи церкви и домаы житейскіа изо основаніа исторгоша, а еже верхи срываше и въ полы храмы великіа снимаше, сихъ не мочно и изчести“. „Въ Торжку туча на одномъ часу ровъ учинила, и хоромовъ нѣскольکو снесло изъ основанья“. „Въ Новоторъжской же волости бысть тогда туча толь велика, яко многы храмы изъ основаніа вынесе и во единъ часъ ровове велики учини“ ⁴⁾.

¹⁾ Слово „волна“, означающее овечью шерсть, здѣсь употреблено, конечно, въ смыслѣ крыши.

²⁾ Новгородская лѣтопись по синодальн. харатейн. списку. Спб. 1888, стр. 123; ср. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. т. IX, стр. 154.

³⁾ „Заразы“—обрывъ бѣрега рѣки.

⁴⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. I. стр. 208; т. VII, стр. 182; Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Спб. 1897, стр. 461.—Въ другихъ лѣтописяхъ (Полное собр. Р. Л., т. X. стр. 173) это извѣстіе о буряхъ помѣщено не подъ 1300, а подъ 1301-мъ годомъ.

6-го Іюня 1301 года была сильная буря въ Ростовѣ: „четыре церкви изъ основанія выврѣже, а со иныхъ врѣхы срывало“ ¹⁾.

Въ 1302 году 5-го Іюля „бысть буря велика зѣло, и многи пагости бысть въ людехъ: хоромы рвало, и лѣсы ломило, и люди и скоты било“ ²⁾.

Въ 1350 г. была сильная буря на Духовъ день и „подра церкви и хоромы“; въ Новгородѣ отъ нея упала церковь во имя святыхъ Флора и Лавра ³⁾.

Въ 1419 году, по сообщенію Новгородскихъ лѣтописей, „мѣсяца Апрѣля въ 9, въ недѣлю, по вечерни, бысть буря велиа вѣтренная, и туча. и дождь умножень: источницѣ потекоша воды аки рѣки сильны, и молвіи блистанія. и громъ страшенъ бысть“, „и (отъ) того страха потрясая земля, а людие ницѣ падоша“. „Въ церкви святѣй Богородици у городнихъ вратъ уби сторожа Андрѣя, а чепь поникадильную, что во лѣвѣ ⁴⁾, всю порвало, и двери райскыи ополѣгъ, и святый Іоанъ Предтеча и на святомъ Николѣ (и на Василии изнадбу сътвори ⁵⁾, а церковь Божию благодатью сохранена бысть, а подѣ церковію въ воротехъ два человекъ убило до смерти, и иніи падоша, аки мертвы быша, и овы онѣмѣша, а пніи безъ ногъ быша, и глушеи быша; оле, милосердіемъ Божиимъ, овыхъ водою отольяша, а другѣхъ по домамъ разносиша, но и тѣ Божию благодатью, полежавъ на одрѣ кольцо, которыи вѣсташа“. Опалило тогда иконы и въ другой Новгородской церкви, во имя св. царя Константина „на Росткинѣ улицы“ ⁶⁾.

Въ 1472 году 2 Сентября жители Новгородской области, послѣ пораженія, нанесеннаго Новгороду войскомъ Ивана III на Шелони, и по заключеніи между воюющими сторонами мира, возвращаясь, съ семьями и пожитками, изъ Новгорода, куда они собрались для защиты отъ непріятели, плыли по озеру Ильмену: „и се внезапно дохну буря съ вихромъ и раздра вѣтрила ихъ, и въ томъ часѣ бысть громъ страшенъ и дождь силень со градомъ вели-

¹⁾ Полн. Собр. Р. Л., т. VII, стр. 183; т. XVI, стр. 57; Лѣт. по Лавр. сп., стр. 501.

²⁾ Лѣт. по Лавр. сп., стр. 462; Полн. Собр. Р. Л., т. IX, стр. 174.

³⁾ Полн. С. Р. Л., т. IX, стр. 222; XVI, стр. 82; Новгородскія лѣтописи, Спб. 1874 стр. 230.

⁴⁾ Т. е. въ куполѣ.

⁵⁾ Это, конечно, значить, что повредило иконы святыхъ Іоанна Предтечи, Николая Чудотворца и Василия.

⁶⁾ Новг. лѣт. по синод. харат. сп., стр. 408—409; Новгородскія лѣтописи, стр. 46, П. С. Р. Л. III, 138; IV, 218—219; XVI, 171.

кимъ, и волны яко горы высоки и страшны востающе разбиваху чучаны ¹⁾ и всѣ суда великія разбиваху посредѣ езера²⁾. Тогда, по слухамъ, здѣсь погнбло 7000 душъ, „судовъ же великихъ 100 и 80, а по 50 человекъ въ суднѣ и поболъ“ ³⁾.

Какъ сообщаютъ Новгородскія лѣтописи, въ 1552 году, 20 Іюля, „на первомъ часу ночномъ, бысть буря силна велима, дождь великъ и сторѣла церковь Живоначальная Троица отъ грому на Поозерьи, и громъ великъ и мг(л)а, и бурю драдо сады многи и хоромы, да бурю же весь лѣсъ и славна (?) выдрало, прибило къ великому мосту въ Новогородѣ, а въ Онтоновѣ монастырѣ у игумена бурю у Варлама сѣни выдрало“ ⁴⁾.

Въ 1697 году 10 Августа буря свирѣпствовала въ Смоленскѣ и, какъ пишетъ Смоленскій воевода Салтыковъ въ донесеніи Петру I-ому, „немалое бѣдствіе жителямъ Смоленска учинивъ, посорвала въ соборной церкви, что на каменныхъ вратахъ архіерейскаго дома, также на Аврааміевомъ Троицкомъ и Вознесенскомъ монастыряхъ съ церковей, олтарей и колоколенъ главы, да въ приходскихъ шести церквахъ изъ (и съ?) пяти колоколенъ главы съ крестами и колоколами и кровли (?) отъ городской стѣны чуть не со всей кровли и съ башенъ стропилы со всемъ основаніемъ разнесло и во многихъ мѣстахъ каменные зубцы въ стѣнѣ повывломадо, въ домахъ приказныхъ, воеводскихъ и митрополичьихъ и у всѣхъ жителей совсѣмъ хоромное строеніе разломадо и разбросало“ ⁵⁾.

Въ „Историческомъ обзорѣнн Рязанской губерніи“, изданномъ Т. Воздвиженскимъ въ 1822 году (М.), такъ описывается буря 17-го Мая 1821 года.

„Началась она въ 4 часа по полудни. Вдругъ нашла ужасная черная туча съ страшными громовыми ударами при безпрестанномъ блистаніи молніи. Сперва поднялся вихрь съ сильными порывами, срывалъ кровли съ домовъ, а индѣ цѣлые дома опрокидывалъ, деревья въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ корнемъ вырывалъ и опрокидывалъ, въ иныхъ мѣстахъ рѣки выгонялъ изъ береговъ, отъ чего много потопло людей, скота и имущества. Потомъ пошелъ проливной дождь съ крупнымъ градомъ, который нѣсколько сотъ десятинъ выбилъ хлѣба уже въ колосу, людей и скотъ на полѣ оставшихся до смерти убивалъ, и стекла всѣ выбилъ. Словомъ, гдѣ онъ ни проходилъ полосами, то вездѣ оставлялъ за собою слѣды разоренія и опустошенія... Сія буря съ вихремъ и градомъ въ разныхъ мѣстахъ разными полосами проходила и притомъ съ разною силою въ одинъ и тотъ же день“.

¹⁾ „Чучанъ“, „чючанъ“, или „учанъ“—родъ судна.

²⁾ П. С. Р. Л. VIII, 168. Въ другихъ лѣтописяхъ (Новгородскія лѣтописи, стр. 303—304) это событіе значится подъ 1471 годомъ.

³⁾ Новгородскія лѣтописи, стр. 85.

⁴⁾ Памятникъ событій въ церкви и отечествѣ... сочиненный... Яковымъ Орловымъ, изд. 2-ое, ч. IV, М. 1818, стр. 265—267.

Эта буря свирѣпствовала и въ Ярославской губерніи. Въ той же книгѣ помѣщено обстоятельное письмо „о случившемся приключеніи Ярославской губерніи Мышкинскаго уѣзда села Шепелева отъ бури и грозы 1821 года Маія 17 числа“... „у помѣщика Николая Сергѣевича Соковнина, который послѣ того черезъ 8 дней умеръ“. Въ этомъ письмѣ въ 22 пунктахъ излагаются произведенныя бурей опустошенія, напримѣръ:

„18) Въ четырехъ рощахъ, окружавшихъ селенія, почти все истреблено до конца. Деревья самыя толстыя многія изъ корней, а прочія сломаны на нѣсколько частей, такъ какъ бы стрѣлено было по нимъ ядрами; истреблено оныхъ на щепу и нынѣ лежащихъ до 8 тысячъ деревь.

19) Колокольня при церкви разрушена до основанія, и два колокола разбиты въ куски, и съ церкви крышки сорваны.

20) Дома священника и церковнослужителей разбросаны.

21) Въ 5 деревняхъ при ономъ селѣ Шепелевѣ крестьянскіе дома разрушены, количествомъ 47...

22) Хлѣбъ ржаной выбило весь градомъ уже въ колосу... Во всемъ буря оставила слѣды опустошенія и изъ прекраснаго селенія сдѣлала развалины. Убытокъ неизчислимъ“¹⁾.

6-го Ноября 1841 г, была сильная буря въ Воронежѣ, „причинившая много вреда какъ казеннымъ, такъ и частнымъ зданіямъ“; между прочимъ, съ дома дворянства сорвало крышу, не оставивъ ни одного листа²⁾.

Этотъ перечень, разумѣется, не заключаетъ въ себѣ всѣхъ случаевъ опустошительныхъ бурь въ Европейской Россіи, даже начиная только съ 1125 года, подъ которымъ въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается подобный случай. Но изъ этого перечня видно, что бурю, разразившуюся въ Москвѣ 16 Іюня сего года, нельзя признать явленіемъ небывалымъ до того времени въ Европейской Россіи.

М. И. Успенскій.

¹⁾ Стр. 396 и слѣд.

²⁾ Воронежск. Губерн. Вѣдом. 1841 г. № 46, ср. Историческій очеркъ г. Воронежа, составленный Г. М. Веселовскимъ, Воронежъ, 1886, стр. 279.

ГРАМОТА КАПИТАНУ СИМОНОВУ.

Нашему лейбгвардіи капитану Симонову.

За оказанную вами ревность и усердіе во время возстановленія тишины въ волнованіе пришедшаго народа въ Москвѣ сего 1771 года Сентября 16 дня, не можемъ мы преминуть, чтобъ не приписать вамъ достождной похвалы, и не изъявить вамъ чрезъ сіе высочайшаго нашего благоволенія и совершеннаго удовольствія о семъ толь усердномъ вашемъ поступкѣ. При семъ посылаемъ вамъ въ награжденіе тысячу червонныхъ. Екатерина.

Санктпетербургъ,
1771 года, Ноябри 6 дня.

Андрей Дмитріевичъ Симоновъ, женатъ былъ на Марьѣ Хрисанеовнѣ, сестрѣ получившаго въ царствованіе Павла извѣстность Петра Хрисанеовича Обольянинова.

Съ подлинника сообщилъ Н. Д. Романовъ.

СТИХОТВОРНАЯ ШУТКА С. А. СОБОЛЕВСКАГО

Князю В. А. Черкасскому.

(Когда выбрали его городскимъ головою).
Глава Москвы первопрестольной,
Тебѣ къ безсмертью легокъ путь:
Для этого тебѣ довольно
Одинъ приказъ лишь подмахнуть.

*

Безсмертьемъ наградитъ заранѣ
Того, кто здѣсь устроитъ то.
Что благодарно Парижане
Именовали Рамбютѣ.

*

На каждой улицѣ, Черкасскій,
Устрой такой же намъ пріютъ:
Изъ благодарности Черкасскимъ
Его въ народѣ прозовуть.

жавства: и волчий ротъ, и лисій хвостъ. Еще юношей, онъ многому насмотрѣлся у своего отца, который, будучи правителемъ дѣла, генераль-прокурора графа Самойлова, близко зналъ то искусство управления, которымъ одарена была Екатерина Вторая. П. Б.

Плотниковъ, А. Ѳ. Нарымскій край (5-й станъ Томскаго уѣзда, Томской губерніи). СПб. 1901. Ц, 366 и 17 стр. Къ книгѣ приложена географическая карта.

Этимъ статистическимъ очеркомъ занятъ первый выпускъ X тома „Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ по отдѣлу статистики, что одно уже указываетъ на новизну собранныхъ въ книгѣ показаній. Последнее обстоятельство объясняется тѣми благоприятными условіями, въ которыхъ приходилось работать А. Ѳ. Плотникову, такъ какъ по роду своей службы (онъ занимаетъ должность пристава 5-го стана Томскаго уѣзда) ему были доступны свѣдѣнія, заключающіяся въ разныхъ дѣлахъ, обычная судьба которыхъ, послѣ нѣкотораго странствія по присутственнымъ мѣстамъ, попадать въ архивъ, откуда ихъ извлекаютъ иногда спустя долгое время и при этомъ извлекаютъ въ большинствѣ случаевъ въ видѣ *находки*.

Вотъ за эту попытку своевременной обработки накопленныхъ показаній, за стараніе извлечь наиболѣе любопытное изъ проходившихъ черезъ его руки казенныхъ бумагъ нельзя не сказать спасибо. Само собою раз-

умѣется, что при обработкѣ своего „очерка“ авторъ не преминулъ воспользоваться и тѣми, что нашель въ печати.

Что касается собственно историческихъ свѣдѣній, то они разбросаны по всей книгѣ и, кромѣ того, имъ посвящены главы II-я и III-я въ которыхъ излагается исторія подчиненія инородцевъ Русскимъ порядкамъ и распространенія между ними православія, а также глава X-я съ обзоромъ-исторіи Нарымскаго края по 1816 годъ.

Въ общемъ книга А. Ѳ. Плотникова съ очевидностью доказываетъ, какъ много любопытнаго можетъ представить описаніе даже сравнительно небольшой и искусственно ограниченной области, если этимъ займется наблюдательный человѣкъ. И. Б.

*

А. Берло. Арсеній Берло, епископъ Переяславскій и Борпо-польскій († 1744). Биографическій очеркъ. Кіевъ, 1904. Мал. 8-ка, 51 стр. съ гравированными виньеткою и портретомъ.

Эту любопытную книжку составила г-жа А. Берло, можетъ быть правнучанная племянница епископа Арсенія, который въ міру принадлежалъ къ Малороссійской знати, былъ младшимъ другомъ Феодана Прокоповича, много терпѣлъ отъ Польскаго духовенства, а во вторую половину своей жизни, въ Переяславлѣ трудился въ пользу просвѣщенія. Книжка составлена весьма толково, но не совсѣмъ безпристрастно по отношенію къ Москвѣ. П. Б.

ПОДПИСКА НА РУССКІЙ АРХИВЪ

1904 года.

(Годъ 42-й).

Годовая цена „Русскому Архиву“ въ 1904 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой девять рублей; для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Временя“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которые подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ приемъ подлинныхъ документовъ в автобиографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются расписки, по которымъ владельцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаютъ по слѣдующимъ ценамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ф. И. Тютчева и князя В. Ф. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890—1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по

7 р.; годы 1898—1903 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Церектна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—90 копѣекъ; иногороднаго на Московскій—40 копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ). Просимъ прислать номеръ перектвеннаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльные книжки «Русскаго Архива» можно получать по 75 копѣекъ.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ Петръ Вартеневъ.

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1905-мъ году.

(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1904

10.

Стр.

145. Къ исторіи восточной Сибири въ концѣ XVIII-го вѣка. Воспоминаніи **Т. П. Балашикова** съ предисловіемъ и примѣчаніями **В. Л. Модзалевскаго**.
184. Изъ писемъ **Е. Я. Булгакова** къ его брату. 1814 годъ (Сентябрь—Декабрь).
204. Дневникъ **И. М. Сивтерова**. 1860-й годъ.
225. Николай Федоровичъ Федоровъ. IV. Мыслитель. Статья **В. А. Кеженикова**.
262. Помощь раненымъ воинамъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Статья **М. Ю. Лахтина**.
270. Изъ воспоминаній князя **В. И. Барятинскаго**. Бой „Владимира“ съ „Первазь-Бохри“. 1853.
276. Воспоминаніи **Н. П. Поливанова** о Курюндарскомъ сраженіи. 1854.
289. Записка о вдовѣ Фельтена съ ея прошеніемъ о зятѣ ея Шумахеръ.
290. Императоръ Александръ Второй въ Кіевѣ (1857): изъ воспоминаній студента **А. Р.**

Внутри обертки: О пятомъ томѣ Сочиненій Екатерины Великой.

Восьмая тетрадь «РУССКАГО АРХИВА» готова къ выпуску.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1904.

Сочиненія Императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями академика А. Н. Пыпина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ пятый. Глава изъ «Велизарія». Были и небылицы. Тайна противо-нелѣпаго Общества. Léoniana. Relation authentique. Новые автографы, и пр. 1903. Цѣна 1 р. 50 к. 8-ка, 2 нен. 396 п 6 неп. стр.

Книга открывается переводомъ девятой главы Мармонтелева Велисарія, сочиненія, которое было въ Парижѣ не только запрещено, но и уничтожено. Велисарій даетъ совѣты молодому государю, какъ царствовать: страницы, до сихъ поръ не утратившія своего общаго значенія и дорогія Русскимъ людямъ въ устахъ Екатерины. Она была вѣрна этимъ совѣтамъ и «Велисарія» издала по-русски въ отместку тогдашнему Французскому правительству, которое повлекло насъ въ первую Турецкую войну, а изданіемъ въ свѣтъ Путешествія Шаппа позорило Россію въ обще-Европейскомъ мнѣніи. Въ тоже время девятая глава, переведенная Императрицею, была своего рода манифестомъ Русскому народу. Въ нынѣшнемъ академическомъ изданіи слѣдовало бы указать содержаніе главъ, которое, можетъ быть, соответствовало положенію и свойствамъ десяти остальныхъ Русскихъ переводчиковъ. Не мѣшало бы также указать, насколько вѣренъ переводъ Французскому подлиннику. Книга вышла сначала въ Москвѣ, и вѣроятно изданіемъ завѣдывалъ одинъ изъ переводчиковъ, Козицкій, человекъ образованія классическаго. Посвященіемъ ся Гаврилу выражена благодарность Государыни нашему духовенству, которое больше другихъ содѣйствовало

ся воцаренію; ибо, хотя всѣ сословія мнѣли своихъ представителей въ гвардіи, но въ шесть мѣсяцевъ предыдущаго царствованія духовенство въ особенності дѣйствовало (хотя и негласно) въ пользу Екатерины: вѣдь иконы изъ домовыхъ церквей были уже вынесены, въ Зимнемъ дворцѣ устроена кирка*), безобразные пріемы въ отобраніи церковныхъ земель повели къ кровавымъ бунтамъ противъ посельскихъ старцевъ, а въ Штетинѣ устроенъ съѣздъ пасторовъ для обсужденія мѣръ къ объявленію Лютеранства господствующимъ вѣроисповѣданіемъ въ Россіи. Изданіемъ Велисарія накануне первой своей войны Екатерина закрѣпила за собою сочувственную преданность Русскаго грамотнаго люда.

Черезъ пять лѣтъ, въ дни мира, Екатерина издала въ свѣтъ свои «Были и Небылицы», полные намековъ на тогдашнее общество. «Дѣдушка ей (кумъ своей) мѣры не ставитъ за то, что мужа любила, хотя исподлобья на другихъ изрѣдка глазѣла, не весьма таясь. Инымъ удается, поступая такъ, оберегать столицу добродѣтели. Я на сихъ дняхъ спрошу у него, что онъ подъ тою рѣчью разумѣлъ, неужели какое нинаестъ Масонское слово, не замыкающее въ себѣ никакого смысла, а выдуманно только для закрытія». Тогдашніе нравы изображены живыми чертами, живымъ языкомъ, и подъ покровомъ болтливости высказано немало горькихъ истинъ.

*) Покойный графъ А. В. Адлербергъ передавалъ намъ, что кирка помѣщалась тамъ, гдѣ теперь дворцовая аптека, и существовала до самаго пожара 1837 года, для жившихъ во дворцѣ лицъ и прислуги Лютеранскаго исповѣданія.

КЪ ИСТОРИИ СИБИРИ ВЪ КОНЦЪ XVIII ВѢКА.

Воспоминанія Т. П. Калашникова.

Авторъ этихъ воспоминаній, Тимофей Петровичъ Калашниковъ, былъ сынъ бѣднаго приказнаго, „довольно“, однако, „знавшаго письмоводство и даръ превосходный въ чтеніи скоромъ, громкомъ и ясномъ противъ прочихъ имѣвшаго“, и умершаго въ молодыхъ еще лѣтахъ въ 1768 году. Родился Калашниковъ въ Нерчинскѣ 13-го Февр. 1762 г.; по 7-му году лишившись отца, онъ успѣлъ обучиться грамотѣ благодаря стараніямъ и заботамъ матери и 10-ти-лѣтнимъ мальчикомъ отданъ былъ на службу въ Нерчинскую Воеводскую Канцелярію копійстомъ (16-го Іюня 1772 г.), получалъ первое время жалованья 93 копѣйки въ треть, переведенъ оттуда въ Верхнеудинскую Провинціальную Канцелярію, въ 1777 г. находился „при дѣлахъ начальника Нерчинскихъ заводовъ“, награжденъ чиномъ канцеляриста. Послѣ 11-ти-лѣтней тяжелой службы, онъ получилъ первый чинъ губернскаго регистратора съ переводомъ въ Иркутскъ—бухгалтеромъ въ Экспедицію Иркутской Казенной Палаты по части винной и соляной, подъ начальство Ив. Вас. Тевяшева. Въ Декабрѣ 1792 г. Тимофей Петровичъ получилъ чинъ городского секретаря, 10-го Іюня 1797 г. былъ назначенъ секретаремъ „камерной части“, и 16-го Мая 1800 г. сдѣлался секретаремъ Иркутской Казенной Палаты. Далѣе въ 1801 г. онъ исправлялъ должность Иркутскаго губернскаго казначея, въ 1803—1804 и 1804—1805 г. временно былъ ассессоромъ по ревенной части въ той же Палатѣ, временно неся на себѣ обязанности совѣтника Хозяйственной Экспедиціи (въ 1805 и 1807 г.) и 31-го Декабря 1807 г. получилъ чинъ коллежскаго ассессора. Выйдя затѣмъ въ отставку (26-го Марта 1814 г.), Калашниковъ съ Февраля 1816 г. по осень 1817 г. управлялъ Ильгинскимъ казеннымъ винокурненнымъ заводомъ, въ Августѣ 1818 г. назначенъ былъ ассессоромъ Иркутской Гражданской Палаты, въ 1824 г. состоялъ Иркутскимъ губернскимъ уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ, 20-го Января 1825 г. произведенъ былъ въ надворные совѣтники и, наконецъ, 18-го Іюня 1825-го же года, „по старости лѣтъ и болѣзненнымъ припадкамъ“, послѣ 53-хъ-лѣтней службы, уволенъ въ отставку съ пенсіей по 425 рублей въ годъ.

Таковъ формуляръ этого „чиновника“, не блещущій особыми отличіями, но характерный для своего времени и рисующій намъ служебное поприще чловѣка, несомнѣнно, способнаго, наблюдательнаго и смѣтливаго, волею судьбы вынужденнаго весь свой долгій вѣкъ почти „отъ колыбели до могилы“, провести въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Сибири.

Выйдя въ отставку и имѣя пенсію, дававшую ему возможность провести конецъ жизни безбѣдно и даже въ нѣкоторомъ достаткѣ, Калашниковъ прожилъ уже недолго: одиночество (его единственный сынъ, Иванъ Тимоеевичъ, въ послѣдствіи небезызвѣстный писатель, въ 1823 году уѣхалъ служить въ Петербургъ) и болѣзни, нажитыя отъ долговременной службы, скоро свели его въ могилу: онъ умеръ въ Иркутскѣ 17-го Февраля 1828 г., 66 лѣтъ отъ роду.

Уже занимая приличное положеніе въ Иркутскѣ Т. П. Калашниковъ въ 1794 г. возымѣлъ желаніе изложить на бумагѣ разсказъ о своей жизни. Для этой цѣли онъ составилъ сначала хронологическую, довольно подробную канву (до 1782 г.), по которой и началъ писать свои воспоминанія. Онъ не дописалъ до намѣченнаго въ заглавіи предѣла, а остановился на 1781 годѣ, то-есть, не довелъ разсказа и до переселенія своего на службу въ Иркутскъ *). Такимъ образомъ, воспоминанія его касаются лишь временъ его дѣтства и службы въ родномъ ему Нерчинскѣ и въ Верхнеудинскѣ. Это объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что онъ не успѣлъ справиться съ своей задачей; и она оказалась шире, чѣмъ онъ первоначально предполагалъ: судя по „канвѣ“, воспоминанія должны были выйти, вообще, короче; но, при писаніи ихъ, всплывали ему на память новыя, забытыя подробности.

Въ воспоминаніяхъ Т. П. Калашникова читатель найдетъ немало любопытныхъ и примѣчанія достойныхъ мелочей и подробностей, рисующихъ бытъ и обстановку Сибирскаго населенія и мелкаго чиновничества конца XVIII вѣка; какъ человѣкъ „маленькій“, безъ достаточнаго образованія, но съ несомнѣннымъ стремленіемъ къ нему, Калашниковъ не касается общихъ вопросовъ Сибирской жизни, которые не были доступны его кругозору, но тѣ мелочи быта, которыя онъ рисуетъ, и сами по себѣ цѣнны, давая возможность заключать о жизненныхъ условіяхъ того времени. Писанныя лишь для семьи, онъ несетъ на себѣ характеръ полной откровенности и искренности, мѣстами проникнуты присущимъ ихъ автору юморомъ и, несмотря на вообще тяжелый свой слогъ, обличаютъ въ немъ нѣкоторыя литературныя наклонности; у Калашникова была какая-то писательская жилка, которая билась въ немъ постоянно и неослабно: кромѣ воспоминаній, въ нашихъ рукахъ имѣются отрывки поденныхъ записокъ его, за разные годы, въ которыя онъ заносилъ, съ величайшими подробностями, всѣ событія своей жизни и жизни семьи, записи о погодѣ, расходахъ по хозяйству, случаяхъ въ городѣ и т. п.

Писаны воспоминанія на грубой бумагѣ, голубой и желтоватой, и занимаютъ 34 стр. мелкаго и мѣстами крайне неразборчиваго почерка, чѣмъ и объясняется нѣсколько пропусковъ въ текстѣ. Получены они нами отъ внука Тимоея Петровича—Ю. И. и Н. И. Калашниковыхъ.

Б. Модзалевскій.

17 Мая 1904. Павловскъ.

*) Позднѣе онъ хотѣлъ продолжать свои воспоминанія, о чемъ свидѣтельствуетъ другой экземпляръ „канвы“, доведенной уже до 1813 г.

**Жизнь незначительнаго Тимоѣя Петровича Калашникова
простымъ слогомъ описанная съ 1762 по 1794 годъ.**

Читайте,

Хоть въ огонь бросайте.

Подписаль при отъѣздѣ въ

Олекминскъ Января 25-го 1822 г.

Описываль жизнь свою Тимоѣей Петровъ Калашниковъ, находясь въ Иркутскѣ.

21-го Декабря 1794 г. ввечеру.

Ни слова бы ни слова не сказалъ я о моемъ происхожденіи, если бы самъ не желалъ прежде сколько нибудь знать не только предковъ моихъ, но, по крайности, отца моего подробность жизни. Одними, однакожь, весьма мало удовлетворяющими мое любопытство довольствовался разсказами. И самъ я знаю, что предки мои незнатнаго были происхожденія, такъ какъ и отецъ мой; слѣдовательно лишнее желалъ я, чтобы оставили мнѣ памятники свои на бумагахъ; но если такъ мнѣ хотѣлось, то да простятъ мнѣ въ сей слабости мои потомки, если только Богъ благословитъ меня ими, а притомъ добромыслящими и болѣе простоту и чистоту нрава любящими, нежели хитрость, нынѣшняго вѣка людямъ большей частью свойственную.

Теперь и по сей день я уже имѣю 32 года; день рожденія моего— 13-е Февраля (въ Среду на Сырной недѣлѣ) 1762 года, есть тѣмъ достопамятнѣе, что и безграмотная мать моя его, вѣрно, отъ прочихъ различала, ибо въ сей самый день городъ Нерчинскъ, отечественный мой, при рѣкахъ Нерчѣ и Шилгѣ, стекающихъ въ Восточный океанъ, стоящій, удостоился получить, чрезъ нарочнаго курьера, радостную, а вмѣстѣ и печальную вѣсть: радостную потому, что на престолъ возшелъ Императоръ Петръ III, а печальную потому, что любезная всѣмъ подданнымъ благодѣтельница Императрица Елисавета Петровна въ концѣ 1761 года, на Рождество Христово, преставилась. Въ необыкновенное, послѣ полдень, время возвѣщена вѣсть колокольнымъ звономъ. Итакъ, произошелъ я въ сей день, и во время еще звона, на свѣтъ, Боже мой, для того, чтобы быть и умереть, но съ надеждою (сею бальзамическою, питательницею въ жизни) воскресенія.

Родившіе меня: отецъ Петръ Прокопьевичъ происходилъ изъ роду служивыхъ; неизвѣстно мнѣ, какъ поступилъ въ приказное званіе ¹⁾; судя по тогдашнему, хотя не значилъ болѣе, какъ только былъ копистомъ, однакожь о чинахъ тогда мало мыслили и вовсе ихъ не искали, да и во всей Воеводской Канцеляріи не одинъ ли только канцеляристъ находился. Мать—Орина Яковлевна изъ роду *Муромовыхъ* ²⁾. Они уже были въ лѣтахъ, ибо тотъ и другая совокупились будучи вдовы.

Отецъ мой имѣлъ отъ первой жены, Пелагеи Ѳедоровны, дочери священника Ѳедора *Стукова*, двухъ дочерей: Авдотью и Парасковью, а мать съ первымъ мужемъ тоже двухъ дочерей: Парасковью и Матрену, но сіи послѣднія остались у своихъ, въ родѣ *Дорониныхъ*.

Отъ супружества сего, первѣе меня, произошелъ братъ мой Григорій Петровъ; онъ меня старѣе былъ тремя годами, но не знаю, когда точно родился. Отецъ мой, тогда какъ я рожденъ, уже мало цекся о домѣ и о насъ, если то правда; но, по несчастію, подверженъ былъ страсти упиватися (какъ утаишь то, чтò всѣмъ извѣстно?). Онъ не скоро появился въ домѣ по моему рожденію: едва ли не въ девятый день 21-е Февраля день моего тезоименитства. Воспріемнымъ отцомъ былъ довольно значущій тогда геодезіи прапорщикъ Иванъ Ивановичъ *Бритовъ* и Парасковія Матвѣевна, жена «съ приписью» Петра Даниловича *Суровцова*.

Полгода болѣе не прошло, какъ отецъ мой принужденъ былъ съ нами разстаться: его, такъ какъ я слыхалъ, довольно знающаго писемоводство и даръ превосходный въ чтеніи скоромъ, громкомъ и ясномъ противъ прочихъ имѣющаго, отправили съ книгами и счетами за многіе годы, для очистки, въ Иркутскъ. Путь сей, правда, что не болѣе 1000 верстъ, но тогда далѣе нежели нынѣ Москва или Петербургъ.

¹⁾ Прадѣдъ мой Михаилъ Диматріевичъ, написанъ по ревизіи 1720 года въ числѣ служивыхъ, 54-хъ лѣтъ; слѣдовательно, родился въ 1666 году. Дѣти у него—дѣдъ мой Прокопій, и Андрей; дѣдъ мой на службѣ въ Анадырѣ кончилъ жизнь свою, оставя дѣтей отца моего и двоихъ еще—Егора и Аевнася; первой поступилъ въ разночинцы, потомъ въ крестьяне, а другой—въ казаки; скончались: Аевнасій, будучи уже слѣпъ, оставя дѣтей, первый—одного Леонтыя, а другой—Ивана и ; послѣдніе на границѣ довольно живутъ достаточно.

²⁾ Съ матерней стороны прапрадѣдъ Илья *Муромовъ* написанъ по ревизіи 1720 года также въ числѣ служивыхъ; отъ него произошли дѣдъ мой Яковъ и Романъ; дѣдъ имѣлъ сыновей: Дмитрія, Льва, Петра, Ѳедора; Дмитрій прослужилъ лѣтъ съ 40 въ Анадырѣ и Камчаткѣ, Левъ—въ казакахъ, Петръ—въ мѣщанахъ, Ѳедоръ—въ солдатахъ. Дочерей имѣлъ: мать мою Орину, старѣе одну Авдотью, Меланью, Марѳу. Авдотья была за Иваномъ *Сьнатрусовымъ*, Меланья—за Спиридономъ *Дорофьевымъ* или *Шушанинымъ*, а Марѳа—за Семеномъ Ѳедоровичемъ *Резановымъ*. Отъ дѣда Романа остался родъ Михаила Романовича въ дѣтяхъ его Михаилъ, Ѳедоръ и прочихъ.

казался; да какъ и не казаться таковымъ, когда дороги вовсе были не-устроены, грязи, болота, дремучіе лѣса, плотоядные звѣри, злые разбойники... Слѣдовательно, тѣхъ, кои ѣхали въ Иркутскъ, равно, какъ и его, оплакивали, власно какъ впрямъ уже не видаться. Да и въ самомъ дѣлѣ онъ уже не возвратился въ Нерчинскъ, а проживъ здѣсь, питаясь малымъ жалованьемъ и опираясь перомъ, единое только ремесло его составляющимъ, померъ въ 1768 году, Іюня 29-го числа, въ самый Петровъ день ¹⁾. Тѣло его предано землѣ при церкви Пресвятыя Богородицы Владимирскія, которая была тогда деревянная. Мѣсто, гдѣ онъ положенъ, надобно-бъ помнить Авдотѣ Михайловнѣ *Солдатихъ* ²⁾ и Домнѣ Ивановнѣ изъ роду *Марковыхъ*, но мало знаютъ: видно, что и мало думали объ немъ, ибо бѣдныхъ обыкновенно мало любятъ и мало пекутся, а болѣе презираютъ, хотя бы то и отъ совершеннаго несчастія пришло. Боже, да упокоишь его душу въ надежномъ безсмертіи!

Могъ-бы я много помѣстить объ его лѣтахъ, обстоятельствахъ жизни и, особенно, съ стороны доброй, не утаивая и пороковъ, ибо тѣ къ подкрѣпленію добродѣтели, аки къ предосторожности нашей служить; но не отъ кого было ничего вѣрнаго наслышаться. Довольно, если скажу, что онъ съ молодыхъ лѣтъ строгой былъ жизни, имѣлъ достаточное имѣніе, женился, имѣлъ отъ первой жены, сверхъ двухъ дочерей, двухъ сыновъ—Николая и Михайла; но сіи скоро преставились. Любили его тогдашніе воеводы, и онъ часто многими управлялъ дѣлами. Но несчастія, тѣмъ скорѣе случиться могущія, чѣмъ суровѣе тогдашнія были времена (тогда не знали словъ «безъ суда да не накажется»), можетъ были причиною, что онъ нѣсколько ослабѣлъ, а послѣ уже и весьма. Случилось и то, что въ молодости своей онъ оплошность сдѣлалъ: читавъ публикѣ какой-то указъ, который по прочтеніи надлежало прилѣпить въ гостинномъ ряду, къ обыкновенному мѣсту, его, будто-бы, шутъ дворянинъ *Епифанцевъ* научилъ поставить его верхомъ, или началомъ внизъ. Но можно-ли бы сего не уразумѣть, если то правда? Однакоже, если то такъ случилось, не прошло сіе ему даромъ.—Когда отецъ мой въ службу вошелъ, и что препятствовало къ его возвыше-

¹⁾ Покойная мать моя оказывала, всегда съ ужасомъ и удивленіемъ: возможно ли, чтобъ чрезъ 1000 верстъ (но у Бога вся возможно), въ то, можетъ быть, самое время, когда отецъ мой съ душою въ Иркутскъ разлучался, преноситься тѣломъ, или еще и съ душою, въ Нерчинскъ? Мать моя, между тѣмъ, отобѣдавъ, легла было въ анбарушкѣ своемъ заснуть и лишь только вздремала, видитъ отвѣрастую кровлю и наднесеннаго надъ нею чловѣка, который ее поцѣловалъ, весьма будучи холоденъ. Проснувшись, все исчезло. Вотъ она и заключила, что, вѣрно, померъ супругъ ея; но когда же настоящая вѣсть дошла? не прежде, какъ чрезъ полгода! Вотъ какъ скоро почты тогда ходили!

²⁾ Солдатовы были родственники Калашниковыхъ. Б. М.

нію, жаль, что я не знаю; можно-бы взять сіе изъ Нерчинской архивы, но я, отгуду выѣхавъ, немного о семъ занимался; да и такъ хорошо, что ни одного изъ тѣхъ писемъ, кои онъ изъ Иркутска къ намъ нерѣдко писалъ, я не сохранилъ: они всѣ и другія его бумаги остались, по выѣздѣ моемъ изъ Нерчинска, у матери моей, съ братомъ Григоріемъ остававшейся; онъ былъ хотя старѣе меня, но не разумѣлъ еще ни-аза: итакъ всѣ тѣ бумаги разсѣялись и ни одной мнѣ не досталось. Сожалѣлъ я весьма, да негдѣ уже взять... Правда, хотъ то не грамоты на дворянство, но я не меньше бы ихъ сохранялъ, какъ хранятъ люди свои грамоты.

Между тѣмъ, мать съ тѣхъ почти поръ, какъ онъ выѣхалъ въ Иркутскъ, вдовствовала или сиротала, ибо отъ него на содержаніе и наше воспитаніе ничего не получала, окромѣ небольшихъ, въ холстѣ и мылѣ, рѣдко присылаемыхъ гостинцовъ. Домишко мы имѣли между *Волоховымъ* и дѣда Романа *Муромова* домами; задняя стѣна огорода состояла изъ городского палисада, а за онымъ, чрезъ проулокъ, домъ Тайшина; предъ нами же, чрезъ улицу, домъ *Шутинцева*; нынѣ нѣтъ уже на томъ мѣстѣ строенія. Мать мою съ нами весьма бы должно считать стѣсненною въ нуждахъ, еслибъ она была менѣе трудолюбива и попечительна: умѣла она домъ свой вести и насъ воспитывать безбѣдно и при томъ честнымъ трудолюбіемъ. Имѣла довольно пространный огородъ, который весь усаживанъ былъ овощами: лукъ, хмель, огурцы приносили воздаяніе за труды, не говоря о прочихъ, коими сами мы питались, а остатки—продавали. Печеніе хлѣбовъ и пироговъ на продажу не было ея забыто: натурально, что избытками и мы содержались. Не имѣла она при домѣ лошадей, но въ дровахъ, кои не такъ далеки и кои добрые родственники не забывали иногда привозить, нужды ей не было. Но, вмѣсто того, имѣла всегда коровъ, слѣдовательно ни въ молокѣ, ни въ маслѣ нужды не имѣла. Сѣно, признаться, стоило ей трудовъ: много она истощила силъ на носку его (когда скосится наемщиномъ, однакожъ самою сгребется) на плечахъ своихъ въ городъ; не упустила и того, чтобъ имѣть свой участокъ покоса. Всякое при томъ лѣто жатвенное время не пропускала, чтобъ сжать не одну, но нѣсколько десятинъ хлѣба, хотя то и самую малую цѣну ¹⁾, лишъ бы только не быть праздною и насъ воспитать.

Покамѣстъ большая сестра Авдотья не выдана была замужъ ²⁾

¹⁾ Тогда за сжатые десятины брали и давали не больше 1 р. 80 к.

²⁾ Добрая сія сестра выдана была въ большую семью, за Михаила *Шелковникова*, по прозванью *Курочкина*; много она отъ семьи за добродѣтель свою претерпѣла; за то въ старости, во вдовствѣ, Богъ благословилъ нескананно: имѣть въ деревнѣ прекрасный домикъ, любезнѣйшаго, почтительнаго сына Дмитрія, внучатъ, словомъ, благословенное семейство.

она то собираемъ лѣтомъ ягодъ, то жатвою хлѣба весьма ей пособствовала, а особливо въ трудахъ огородныхъ, между тѣмъ какъ братья мой употреблялся разнощикомъ овощей и хлѣбовъ, а иногда и я. Но, выросши до 7 лѣтъ, слѣдовательно около 1770 года, я отведенъ былъ, въ великій, помню, постъ, въ приватную (ибо тогда общенародныхъ не было, и правительство, хотя такъ же благодѣтельное какъ нынѣ, о воспитаніи и наученіи еще не успѣло распространить своихъ преднамѣреній), къ старику Ивану Ивановичу *Почекунину*, школу. Семь только дней потребно было на обученіе меня азбукъ; это стоило матери моей полуста копѣекъ; а потомъ не упустила, чтобы не обучить меня Часослову. Но бѣдненькая, не знаю, гдѣ она примыслила выпросить столь обветшалый Часословъ, что онъ ни начала, ни конца не имѣлъ, ни досокъ, а оболочекъ—въ шляпныхъ обрѣзкахъ; но довольно было для обученія. Учителю не худобъ было, еслибъ и Псалтырь я началъ, но излишне даже для матери моей показалось, сколько для того, что нечѣмъ платить, столько же и для того, что довольно уже я, по тогдашнему судя, обучился читать всѣ буквы и складывать ихъ, какъ должно. Мальчикъ я, хотъ не слишкомъ рѣзвый, но и не вовсе же смиренъ былъ, однакожъ довольно боязливъ передъ всякимъ и стыдливъ; сего дара отнять было отъ меня нельзя. Меня учитель не больше, какъ только два раза лозами посѣкъ, но то не за ученіе, а за поздній приходъ, отъ домовничества моего случавшійся и отъ того, что я былъ почтеннымъ постухомъ своего теленка. О, этотъ мнѣ теленокъ! Робята придуть, возмутъ молодца одни за ноги, другіе за голову и несутъ, а тамъ, хотъ недушевердно, но отхватываютъ по своейски..

Надобно уже было учить меня писать. Старичекъ, вѣчная ему память, учитель мой *Почекунинъ*, не замѣшкалъ научить меня писать, такими точно литерами, какими за сто лѣтъ или немного поменьше настоящихъ писывали. Сыскались добрые люди присовѣтовать, чтобы отдали меня въ Воеводскую Канцелярію. Тутъ первой учитель мой—покойникъ Платонъ Ильичъ *Мамцовъ*; бумага казенная, чернила тоже, а перья ничего тогда не стоили. Всѣ меня полюбили, и я не весьма долго заставилъ ихъ трудиться въ переученіи меня, какъ писать, хотъ тоже просто, но не вовсе худо.

1772 года Іюня 16-е есть тотъ знаменитый въ жизни моей день, въ который вступилъ я въ той же Канцеляріи въ службу, въ числѣ четырехъ *), на одну копійскую вакансію, послѣ умершаго Никифора *Мамцова* оставшюся.

Нельзя не быть мнѣ слабой комплекціи: во первыхъ, что по сихъ

*) Со мною поступили: Семень *Гусевъ*, Петръ *Суриковъ* и Яковъ *Богдановъ*.

поръ, то есть до вступленія въ службу, нивакихъ не зналъ я потовыхъ трудовъ, не ѣздокъ былъ даже и на коняхъ, ибо у насъ ихъ не было; во вторыхъ, что пища, хоть и въ сиротскомъ состояніи, но больше слабая, нежели крѣпительная: пшеничные пироги, молоко и масло—было главное; и третіе то, что съ десяти лѣтъ употребленъ былъ къ сей изсушающей соки перомъ работѣ.

Тогда, какъ я вошелъ въ службу, воеводою былъ инженеръ-капитанъ Михайла Корниловичъ *Овсянниковъ*. Первой разъ за первую треть получилъ я жалованья 93 копѣйки—великая для меня сумма! Мать моя начала уже помышлять, чтобъ кафтанчикъ мнѣ сдѣлать и въ самомъ дѣлѣ облекла меня въ китайшную вишневаго цвѣта пару; не нужно говорить о всемъ къ тому приборѣ: онъ былъ не слишкомъ пышенъ. Тогда у насъ не только пудрить волосы, но пуклей завивать не знали. Прочіе приказные тоже въ китайчатомъ платьѣ рѣдкой въ суконномъ и то развѣ корковомъ (?) ходилъ; о щегольствѣ и опрятности вовсе или весьма мало помышляли: больше любили простоту обхожденія и дѣла дѣлали едвали не лучше нынѣшнихъ, насъ щеголей.

Секретаря настоящаго тогда не было, а перемѣнялись и часто: то Никита Размахинъ, то Семень Суриковъ, то Василій Яринской. Между тѣмъ, братъ мой оставленъ былъ почти безъ ученья, и если начали его учить, то уже нѣсколько поздно, ибо онъ поизбаловался и такъ весьма тупо и у разныхъ (учителей) учился, да и не всегда, ибо нужда домашняя заставляла имѣть его для посылокъ, возки сѣна и дровъ. Родственники наши частію не оставляли насъ кой чѣмъ изъ своихъ избытковъ: жившіе въ *Латшиковой* деревнѣ дядя наши Семень и Прокопій *Латшиковы* (ибо бабушка наша родная мать нашего отца, Агулина Филимоновна, была изъ сего рода); а тутъ же жившій братъ отца моего родной, Егоръ, отягощенный семействомъ, не могъ намъ ничѣмъ служить; иногда только отъ другого его и отца нашего брата Аванасья, служившаго въ Тинданской (?) крѣпости казакомъ, мы пользовались китайкою и чаемъ, поколику онъ достаточно былъ исправенъ и если бы меньше попивалъ хмельного, могъ считаться богатымъ человѣкомъ. Въ третьихъ не оставляли насъ *Мирсановы*; сей родъ тоже намъ съ отцовой стороны былъ въ родствѣ; старушка любезная *Мирсаниха*, Евдокія Филимоновна, сестра родная бабушки нашей Агулины изъ роду *Латшиковыхъ*, весьма насъ любила, и дядя, ея сынъ, Левъ, который то говядиной, то саломъ и прочимъ насъ снабдѣвалъ, и какъ мать наша, такъ и мы нарочно въ сію деревню ѣзжали. Помню, какъ мы съ братомъ, въ самое жестокохолодное время, ѣхавши на старой, усталой лошади, данной намъ на зимнее время отъ *Латшиковыхъ*, цѣлый день, къ вечеру едва не замерзли, ибо одежда наша не весьма теплая: довольно было овчинной

шубы (о песцовыхъ, которыя тоже не слишкомъ нынѣ грѣютъ, нельзя было помышлять)...

Сестра наша, милая Авдотья Петровна, около сего времени выдана замужъ за городскаго жителя Михайла *Шелковникова* (онъ-же и *Курочкинъ*); теперь она съ нимъ, имѣя дѣтей, живетъ по своему состоянію всѣмъ довольна, и все то, что она отъ свекрови своей претерпѣвала, жестокости и самыя суровѣйшія истязанія (такъ какъ вездѣ проклятая злоба силится угнетать людей) по смерти той гонительницы ея миновалось и обратилось на главу тоя, ибо память сей женщины всегда въ умахъ нашихъ должна бы быть омерзительною, если бы мы не памятовали смерти и любить враговъ намъ повелѣвающаго божественнаго гласа. Но, о злые! не будьте злы: злоба во гробъ—худой намъ товарищъ!

Другая сестра, Прасковья, была столь мало счастлива, что коль скоро поднялась выше дѣтскихъ лѣтъ, принуждена была то у дяди своего (покойной ея матери брата), священника Василя *Стукова*, то у насъ попеременно служить, и нельзя не сказать, что либо она была обыкновеннаго болѣе упряма, либо ее тамъ тетка, а у насъ мачиха мало или весьма не любили: итакъ она, не выдавъ такихъ дней, кои добрыми мы называемъ, въ робячествѣ, не сдѣлалась счастливѣе, когда вошла въ совершеннолѣтіе. Постигло ее горестное замужество: Богъ судить тѣхъ, кто ее присудилъ выдать за Амвросія! Онъ хотя человекъ лѣтъ молодыхъ, но весьма безпеченъ; однакоже, при всей нуждѣ, явились у нихъ дѣти; бѣдность едва ли ихъ когда оставитъ.

Что касается до меня съ братомъ, то мы, бывъ малолѣтны, извѣстно, что не могли располагать участію сестеръ нашихъ тогда, когда и себя мало понимали. Въ 1773 году оба мы, весною, тогда какъ и всѣ почти въ цѣломъ городѣ, отъ жестокаго повѣтрія страдали и умирали (сколь ни малъ городъ, но до того доходило, что человекъ по 12-ти въ день!). Мы тоже лежали въ какой то боли, называемой корью; но Богу угодно было обоихъ насъ сохранить; а въ оспѣ лежалъ я когда, не помню, да и мать моя того почти не примѣчала, и не осталось на мнѣ ни однаго ея знака, обыкновенно остающагося отъ оспенныхъ язвенокъ.

Между тѣмъ старей нашъ домищечко, бывъ ветхъ, отъ времени, становился опаснѣе къ житію въ немъ. Мать наша восхотѣла уже лучше имѣть домъ, ибо она неустрашимаго и мужественнаго, хотя нѣсколько и дерзкаго, была духа; отнюдь не страшилась, сколь ни казались тогда великими воеводы, а не уступила, хотя *Овсянниковъ* съ женою однажды старался отнять у нея, ово просьбою, ово силою, курицу съ цыплятами: чистехонько сбрила денежки! Любила попивать, но свое пивцо, а временемъ и вино, но съ молодыхъ лѣтъ нельзя было сказать, чтобъ имѣла она къ тому страстную охоту, какъ то въ старости

страсть сія жестоко ее постигла. Любила угощать своихъ родственниковъ, кои не только городскіе, но и изъ деревень многіе, а особливо *Ланшиковы*, *Мирсановы* и изъ *Доронина* деревни,—многіе, говорю, у насъ, прїѣзжая, гостили. Итакъ, видя, можетъ быть, надежду во мнѣ, потому что жалованье уже, хотъ и не большое, получалъ, *лучшій* въ городѣ домъ, весною 1774 года, купила; онъ былъ *Каталзина*, противъ средняго крѣпостнаго строенія на полуденную сторону башни. Удалось намъ въ немъ пожить, но не очень много времени.

Между тѣмъ, въ городѣ нашемъ царствовавшая въ нравахъ жителей простота нѣсколько начала во многихъ портиться: научились уже болѣе роскошествовать, ибо по счастью явилась въ немъ обратившаяся изъ заводовъ бывшая о серебрѣ комиссія: генераль Петръ Семеновичъ *Ивашевъ* *) съ свитою своею, во многихъ чиновникахъ состоящею, пробылъ тутъ болѣе, нежели годъ времени, и это (какъ онъ выѣхалъ) едва ли не въ 1773 году было. Онъ, кажется (кстати и объ немъ сказать), бывъ послѣ въ Межевой Экспедиціи членомъ, отрѣшенъ, и не велѣно болѣе опредѣлить къ дѣламъ.

А въ 1775 году прїѣхалъ къ намъ воеводской товарищъ Федоръ Ивановичъ *Нерловъ*; онъ уже намѣсто воеводы занималъ управленіе. Я, какъ употреблялся и прежде при начальникахъ (воеводѣ *Овсянниковѣ*, товарищѣ Иванѣ Петровичѣ *Шморинѣ*, бывшемъ изъ гвардейцевъ) въ перепискахъ ихъ партикулярныхъ, сверхъ обыкновенныхъ въ канцеляріи, такъ и при г-нѣ *Нерловѣ* имъ былъ принятъ и любимъ. Надобно вспомнить, что въ одинъ день я переписывалъ отношеніе его къ г-ну заводскому начальнику бригадиру Василию Васильевичу *Нарышкину* и въ коемъ часто упоминался поручикъ *Шаминъ*,—вмѣсто *ш* писалъ *ш*; это *ш* стоила мнѣ добраго «аксіоса»: и послѣ всегда она у меня лишъ только случится писать *ш*—на умѣ! Правда, не больше онъ со мною сдѣлалъ, какъ только пощипалъ мои волосы; но я, бывъ и боязливъ и стыдливъ, весьма былъ уже остороженъ, вмѣсто того что нынѣ уже далеко не таковъ.

Г. *Нерловъ* предпріалъ объѣхать уѣздъ и кочевья зажиточныхъ Тунгусовъ и Братскихъ, по рѣчкѣ Агѣ живущихъ, взявъ сержанта *Мезенцева*, геодезиста Савву *Лагунова* и меня. Не упомянулъ-бы я о семъ вояжѣ, но онъ случился по службѣ первый. Долженъ я былъ сѣсть верхомъ на лошадь, но вотъ какой я исправный ѣздець: одинъ только до Стянкиной деревни станецъ едва могъ вытерпѣть, на другой хотя

*) П. С. Ивашевъ, съ 16-го Іюня 1732 г. воспитывавшійся въ Шляхетскомъ Кадетскомъ корпусѣ, 23-го Февраля 1741 выпущенъ былъ подпоручикомъ въ армію, съ 10-го Іюля 1775 г. былъ въ чинѣ генераль-поручика; въ спискѣ Военскаго Департамента на 1776 г. уже не значится.

также сълъ было на лошады, но помню, сколь это тягостно мнѣ было; онъ сжалился надо мною, посадилъ меня съ собою въ коляску, и такъ я безъ нужды путешествовалъ.

Хорошо было прежнимъ воеводамъ: онъ попойтъ Тунгуса или Братскаго виномъ, подарить его лоскутомъ сукна, банкой табаку или кирпичомъ чаю, а тотъ ему тотчасъ дарить коня—двухъ, или корову, или что нибудь; стоило только для сбора сего надареннаго по юртамъ оставить вѣрнаго человѣка. Сей господинъ по выѣздѣ подарилъ мнѣ черную мерлушку, довольно великая щедрость! Но впрочемъ, онъ много мнѣ благодѣтельствовалъ. И при немъ какъ-то же съ утра къ вечеру поставилъ ему копію съ трактата съ Турками въ 1774 году заключеннаго; правда, что не вставая съ мѣста и вороньимъ писалъ перомъ. А ему понадобилось угодить тѣмъ какому-то провѣзшему купцу; вотъ каково!

1775 года, 8-го Сентября, въ день Рождества Богородицы, оставилъ я городъ Нерчинскъ, ибо вмѣсто Воеводскаго Правленія осталось тамъ Коммиссарское, а приказныхъ лучшихъ велѣно перевести въ Удинскъ, гдѣ назначено быть Провинціальной Канцеляріи. Итакъ, въ числѣ прочихъ и я, хотя мать моя и старалась, общая г-ну *Нерлову* барана, чтобы оставили тамъ, отправился въ Удинскъ. Какія провожанія, какія слезы, рыданія! Плакивали насъ наши родные и знакомые...

Весьма намъ далеко казалось сіе путешествіе. Я съ Петромъ Андреевичемъ *Суриковымъ*, такъ какъ оба копіистское носящіе званіе, устроили для себя пышную коляску, верхъ ея (или накладушка) оболоченъ былъ скотскою сырою кожею; и я былъ довольно богатъ: денегъ у меня было 63 копѣйки; но главное, что сдѣлана была добренькая. . . . , покрытая китайкою синею шуба, но или весьма узка, или какъ нибудь да не такъ, какъ надобно, сошита, ибо при всякомъ шагѣ разметывались полы, когда лишь только вздумаю пободрея пойти... Но оставимъ сію шубу: она уже изношена.

Въ путешествіе сіе не забылъ г. *Нерловъ* захватить въ селеніе князей *Гантимуровыхъ*. Тогда Павелъ Алексѣевичъ былъ еще живъ; сей тѣмъ былъ знаменитъ, что главный въ ихъ родѣ, что самъ былъ въ Москвѣ въ депутатскомъ по комиссіи о сочиненіи Уложения званіи, и золотою медалью, знаменитостію княжескаго званія, дворянствомъ, въ Московскомъ спискѣ помѣщеннымъ, весьма о себѣ много заключалъ, да и нельзя было отнять чести по его качествамъ, какъ тогда многіе увѣряли. Едва едва онъ не пощипалъ нашего вождя. Этого было заломался, а тотъ за свои луки и ружья принялся, однакожь безъ дальняго кончилось, будучи, впрочемъ, оба, якоже и приближенные ихъ, въ сильномъ со стороны Бахуса упоеніи. Впрочемъ, наше путешествіе весьма

покойно и женоугодно намъ казалось: люди все домовые, и хоть домовъ не было съ нами, но все, что въ домахъ водится, почти было: у *Розмахиныхъ*, *Тарасова* и *Мальцова*—жены и дѣти; лишь только на станецъ, такъ и пошли то Нарымской чай распивать, то что нибудь такое, старички—вино (а мы объ немъ почти не разумѣли); и какъ до Читы провожалъ сію свиту г. повѣренный Алексѣй Мартыновичъ *Карнеевъ*, то нельзя забыть, какъ я съ нимъ въ ночи по худой между дремучимъ лѣсомъ дорогѣ и въ темную осеннюю ночь долженъ былъ проѣхать изъ Кручины (?) до Читы: натерпѣлся же я страху!

Въ 23-е Сентября прибыли мы въ новый городъ Удинскъ; а за нѣсколько дней до сего также прибыли изъ Селенгинска секретарь Григорій Никифоровичъ *Удачинъ*, тоже съ канцелярскими служителями и дѣлами. Итакъ, подъ предводительствомъ г-на *Нерлова* составила ся съ 25-го числа сего мѣсяца Удинская Провинціальная Канцелярія. Всѣ тѣ уѣздные города и мѣста, кои были въ вѣдѣніи Селенгинскаго и Нерчинскаго Воеводскихъ правленій, вошли въ подчиненность сей провинціи: Баргузинъ и, словомъ, всѣ заморскіе обитатели, окромѣ приписныхъ къ Нерчинскимъ заводамъ.

Вскорѣ прибылъ воевода, артиллеріи маіоръ Иванъ Васильевичъ *Тевяшовъ* *), товарищъ—Иванъ Васильевичъ *Ланской* и прокуроръ—Иванъ Ивановичъ *Мелуновъ*. Здѣсь примѣчать (надо) трехъ Ивановъ и большихъ Ивановъ; они-то начали управлять сію обширную часть, хоть впрочемъ всѣ не перомъ прежде, а съ ружьемъ служили. Нельзя чести отнять отъ перваго только: послѣдніе весьма мало заслужили уваженія, больше были добры, нежели знающіи. Много въ то время значилъ секретарь *Удачинъ*, покамѣстъ Иванъ Васильевичъ, г-нъ воевода, успѣлъ, войти въ дѣла; однакожъ и между тѣмъ онъ не вовсе на того полагался и хоть не упражнялся съ бумагами прежде, но, бывъ строгой жизни, одаренъ здравомысліемъ и постояннымъ разсужденіемъ, не меньше, какъ и трудолюбивостью, скорыми шагами во всѣ части управленія вникнулъ. Можно сказать, что не дремалъ онъ и не изъ числа былъ трусовъ. Поступокъ его съ г-мъ *Нарышкинымъ*, начальникомъ заводовъ, совершенно то подтверждаетъ.

Иванъ Васильевичъ съ перваго раза, такъ какъ ему нуженъ былъ человекъ для переписокъ и такого сорта, какъ я, принялъ и полюбилъ меня столько, что почти я съ тѣхъ поръ его вѣрнымъ секретаремъ сдѣлался. Онъ опредѣлилъ меня чтецомъ журналовъ, протоколовъ, а съ начала его вступленія даже и всѣхъ входящихъ бумагъ всякой день,

*) Въ Русской Родословной книгѣ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, въ росписи Тевяшевыхъ Иванъ Васильевичъ не значится; онъ былъ женатъ на Татьянѣ Васильевнѣ.

такъ что я въ судейской каморѣ до выхода изъ присутствія занимался, а послѣ полдень отмѣчаю въ докладныхъ реестрахъ со словъ его (ибо онъ любилъ диктовать) резолюціи многія, и на указы и предложенія. И все онъ самъ писалъ, хотя ихъ и весьма много вступало отвсюды, ибо и изъ Сената прямо всегда указы присылались. То, что я всегда въ виду его и почти при немъ безотлучно, да и не безъ дѣла находился, можетъ быть пособствовало къ тому, что я въ предѣлахъ себя удержалъ и познакомился съ бумагами. Не безъ трудовъ мнѣ все это досталось!

Съ прїѣзда въ Удинскѣ, я нѣсколько прожилъ на квартирѣ, а вскорѣ нашелъ добродѣтельную матери моей сродную сестру, Анну, дочь Василья *Маркова* (она за Иваномъ Сидоровичемъ *Сертьевымъ*). Сія добрал чета весьма рады были, что я у нихъ жилъ; и въ самомъ дѣлѣ, я по Февраль 1776 года жилъ у нихъ въ такомъ удовольствіи, какового только требовать отъ добрыхъ людей можно; они хоть не слишкомъ, но довольно достаточны были, вели жизнь спокойную, имѣли дѣтей, хотя болѣе дѣвушекъ, а одного только сына; однакожь первыхъ роздали, а послѣдній уже женатъ (довольно къ похвалѣ его, что онъ прозывался *Благодатъ*); хлѣбомъ, говядиной и всѣмъ переторговывая, умѣли пріобрѣтать и привлекать поселянъ ласковостію. Никогда не долженъ я забывать ихъ одолженія!

Въ Февралѣ мать моя съ братомъ изъ Нерчинска прибыли; съ ними началъ я жить на квартирѣ у Сидорихи. Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ хоть весьма желалъ и уговаривалъ, чтобъ я у него въ домѣ жилъ, но я изъ опасенія, любя больше нѣсколько и волю (хотя уже ея и не много имѣлъ, но лишился бы и послѣдней, еслибъ у него водворился), итакъ доставало столько смѣлости отбиваться; онъ, будучи великодушнень, и не принуждалъ меня. И какъ уже я въ 21-е Апрѣля 1776 года сдѣланъ былъ подканцеляристомъ, а съ чиномъ и жалованія уже началъ получать 60 рублей въ годъ (братъ мой, между тѣмъ, учился писать); чаю тогда кирпичнаго довольно было у насъ, омыли—харчъ главный, говядина, хлѣбъ и все дешевое,—итакъ не терпѣли недостатка.

1776 годъ всегда памятенъ будетъ тѣмъ, кто знаетъ приключенія отъ замѣшательства ¹⁾ начальника заводовъ Василья Васильевича *Нарышкина* ²⁾ происшедшія; и какъ заводы или ихъ начальство оканчивается предѣлами провинціального завѣдыванія, то при первомъ его шагѣ требовалось столько бдѣнія Ивана Васильевича, начальника про-

¹⁾ Т. т. помѣшательства, сумасшествія. Б. М.

²⁾ Бригадиръ Федоръ Глѣбовичъ Нѣмцовъ, губернаторъ Иркутской губерніи. Б. М.

винці, что иной бы, на его бывъ мѣстѣ, тотчасъ ослабѣлъ въ своемъ планѣ, попустилъ бы дѣлать г-ну Нарышкину все, что ему хотѣлось, потому болѣе, что губернаторъ, г. *Нѣмцовъ* ¹⁾, хотя о всемъ предворяемъ былъ, молчалъ и попускалъ такъ, какъ бы не его дѣло.

Кто не знаетъ, что г. *Нарышкинъ*, пріѣхавъ въ заводы въ 1774 году, и до 1776 г., въ который прибылъ въ Иркутскъ г. *Нѣмцовъ*, такъ скромно себя въ заводахъ велъ, что рѣдко со двора выѣзжалъ и казалось, какъ спалъ, потому что и окна въ домѣ его не открывались. Весна 1776 года отродила въ немъ новое явленіе, и онъ формально публиковалъ «открытіе новой Благодати» ²⁾, началъ требовать, чтобъ всѣ признались во всѣхъ своихъ преступленіяхъ или грѣхахъ, началъ раздавать всѣмъ чины, далъ волю всѣмъ ссыльнымъ, забравъ всѣ изъ казны деньги; открывалъ ежедневно балы, бросалъ въ народъ деньги; ежедневно торжественные его столы болѣе были на улицахъ, ссыльные и чернь часто господствовали за ними, а самъ съ офицерами при столахъ прислуживали. Служеніе молебновъ, иллюминація и щиты, все это его занимало непрестанно. Пѣсня его главная (которую всѣ въ голосъ, лишь бы только онъ началъ) была «Батюшка богатъ» ³⁾; всѣ, что ни будь изъ чиновниковъ, всѣ ему подражали. Браки не были имъ забыты. Заводчику *Сибирякову* ⁴⁾, къ дому котораго онъ шуточный имѣлъ приступъ холостыми патронами, должно было откупаться такою суммою денегъ, какою ему хотѣлось. Уже выѣхавъ онъ изъ заводовъ (всѣ, добрые и худые, всѣ составляли его свиту), является въ Нерчинскѣ. Тутъ казна комиссарская и казна коронноповѣренныхъ служила ему опорой: было чего въ народъ разбрасывать, а для сего со всѣхъ селеній народъ сте-

¹⁾ Василий Васильевичъ Нарышкинъ (род. въ 1738), статскій совѣтникъ; въ Октябрѣ 1777 г. онъ былъ лишенъ чиновъ и посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Братъ его, Семенъ Васильевичъ, также скончался въ сумасшествіи (см. В. И. Саитовъ. Петербургскій Некрополь, М. 1883 г. стр. 90—91). Оба брата занимались стихотворствомъ. В. В. Нарышкинъ носилъ званіе: „Вѣдомства Бергъ-Коллегии Нерчинскаго горнаго начальства главный тамошнихъ заводовъ командиръ“ („мѣсяцесловъ“ 1775 г., стр. 111). Эпизодъ съ помѣшательствомъ Нарышкина извѣстенъ уже въ печати; укажемъ, напр., на соч. В. К. Андріевича „Исторія Сибири“, Спб. 1889, С. В. Максимова „Сибирь и каторга“, изд. 2-е (Спб. 1900), гдѣ на стр. 329—330 и 461—471 разсказано о дѣятельности Нарышкина на заводахъ съ подробностями, весьма близкими къ изложенію ихъ Колашниковымъ. Разсказомъ Т. П. Колашниковъ воспользовался и сыновъ его, Иванъ Тимофеевичъ, для своего романа „Дочь купца Жалобова“ (Спб. 1881 г., ч. IV, гл. XXIV и XXV, стр. 169—217), выставивъ Нарышкина подъ именемъ Пирушкина.

²⁾ Ср. И. Т. Колашниковъ, Дочь купца Жалобова, т. IV, стр. 174, и С. Максимовъ. Сибирь и каторга, стр. 330. Б. М.

³⁾ „Батюшка богатъ черевички купилъ“ („Дочь купца Жалобова“, ч. IV, стр. 181).

⁴⁾ См. о немъ у Максимова, назв. соч., стр. 466. Б. М.

кался всюду, гдѣ только онъ находился; пиршества публичныя безъ разбора всякаго къ нему привлекали; пилъ и всѣхъ поилъ до безобразія, ибо и виномъ распоряджалъ такъ, какъ своимъ; женщины всѣхъ родовъ его окружали. За столомъ (пили) за здоровье государское, здоровье архіерея Иркутскаго, губернатора и самого его; бѣда, если кто-бы не захотѣлъ выпить, хоть и по огромному бокалу, то тутъ же и долженъ платить 10 р. штрафу. Спалъ во все то время только сидя и весьма мало, слѣдовательно, и день, и ночь все торжествовало. Изъ лавокъ всѣ товары у купцовъ взяты, больше въ долгъ, нежели за деньги; если-бы денегъ было болѣе, то, правда, не бралъ бы онъ въ долгъ, ибо считалъ деньги соромъ и когда платилъ за что, то въ нѣсколько кратъ болѣе, нежели слѣдовало. Многіе при ономъ обогатились, многіе же и разорились. Выѣхавъ изъ города Нерчинска, останавливается у князя *Гантимурова*, отсюда съ чудесами своими переѣзжаетъ въ Читу, всюду сыплеть въ народъ деньги, отсюда слѣдуетъ уже по братской степи. Пушки и колокола везъ съ собою; всѣ съ товарами идущія по сей дорогѣ купеческія владіи остановилъ и взялъ такъ, какъ ему принадлежащія, обѣщая хозяевамъ исправно расплатиться, надѣясь на то, что получить деньги отъ провинціи; но многіе чрезъ то разорились. Здѣсь по побывѣ является къ нему Харинскихъ Братскихъ тайша Данба-дугаръ-*Ирмицевъ*, Иванъ Лукичъ *Новоселовъ* ¹⁾ съ лучшими зайсанами и большою изъ Братскихъ свитою. Онъ ослѣпилъ ихъ всѣхъ, такъ, какъ и князя *Гантимурова*, подарками и чинами, а всего болѣе обѣщаніями; всѣ ему (стали) послушны, и онъ въ замыслахъ своихъ, чтобъ крестить пновѣрцевъ и сдѣлать изъ нихъ гусарское войско, много было успѣвать началъ, ибо Братскимъ доставилъ такую роскошь, какой они никогда-бы не имѣли: вино бочками; пили, сколько хотѣли; чай—возами, сахаръ головами; стоило только въ котель бросить голову или двѣ, да чаю; что угодно, сукна, китайки, дабы ²⁾, холста и всего было довольно; думали, что и всегда такъ жить будутъ. Полкъ, который наперво онъ составлялъ, назывался *Красной Даурской гусарской*; ротмистрами тотчасъ сдѣлались его сержанты и Братскіе зайсаны; кромѣ Братскихъ, рядовыхъ почти не было; берггешвореновъ, безъ числа. Всего, что въ семъ сбродномъ происшествіи случилось, не легко описать такому, который не имѣетъ о томъ никакихъ на бумагѣхъ памятниковъ; они бы весьма завели далеко, и можно бы составить примѣчанія достойную въ здѣшнемъ краю исторію.

¹⁾ Бергъ-гешворенъ (Максимовъ, назв. соч., стр. 469). Б. М.

²⁾ Даба-китайская бумажная ткань, употребляемая въ Сибири простымъ народомъ вмѣсто холста. Б. М.

Не оставлено было отписать къ нему отъ воеводы, чтобъ онъ не выѣзжалъ въ предѣлы провинціи съ такою опасною сволочью; посыланы были къ примѣчанію его замѣшательствъ секретные развѣдыватели. Напоследокъ, нужно было отвлечь отъ него тайшу съ зайсанами и *Новоселова*. Писано было къ нимъ, но Лукичу нельзя было отъ него отстать, ибо онъ въ домѣ его, при Онъ-рѣчкѣ бывшемъ, находился. А тайша, тайно скрывшись, является въ провинціи ¹⁾, также и писать ихъ, поручикъ *Нифантовичъ*. Тайша все, что съ нимъ говорилъ *Нарышкинъ*, чѣмъ дарилъ его (и онъ напротивъ) и прочихъ, положилъ на Мунгальскомъ языкѣ на бумагу, а я, будучи отряженъ къ нимъ отъ воеводы, со словъ ихъ толмача переписывалъ на Русской.

Всякій день у насъ въ Провинціи являлись съ той стороны новости, и всякій день почти отправлялись въ Иркутскъ курьеры, но отъ губернатора ничего не отвѣтствовано. *Нарышкинъ* присылаетъ предложеніе, чтобъ отпустить ему 10.000 золотомъ и серебромъ, но ему въ томъ отказано, онъ присылаетъ другое, тѣмъ примѣчательное, что кругомъ, на поль-листвъ, писанное его рукою, чтобъ отпустить непременно 40.000, но и то не исполнено. Вдругъ пріѣзжаетъ отъ него Иванъ Ивановичъ *Биннеръ* ²⁾ и *Щербовъ*, чтобъ воеводу и товарища словить, а имъ принять правленіе; упоминая всегда, что онъ дѣлаетъ именемъ императорскимъ, называлъ ихъ бунтовщиками. Но, вмѣсто того, присланные, сами видя ясно, что дѣло опаснымъ становится, предались въ волю воеводы ³⁾, хотя имъ и не хотѣлось, а тотъ за честнымъ арестомъ и отправляетъ ихъ въ Иркутскъ. Между тѣмъ караулы удвоены, гарнизонъ всегда готовъ, статная команда тоже, а изъ Селенгинска секретно вытребована съ командою полевая артилерія, въ 9-ти верстахъ отъ города поставлена застава; всѣ, кто только появлялся изъ его свиты, браны были подъ стражу. *Нарышкинъ*, замѣчая, что свита его умалывается, окружавшіе его ослабѣваютъ, деньги разбросаны, а новыхъ нѣтъ, товары всѣ разбиты и разбросаны, не стало при немъ начальника братскихъ, оставилъ его Тунгузскій начальникъ (а съ ними и ихъ подчиненные) и заводы уже далеко, но послѣдній ударъ, что и Лукичъ *Новоселовъ* съ семьєю въ ночи отъ него скрылся, сразилъ его. Лишь только не стало сего, онъ тотчасъ садится въ коляску, гонится за нимъ, клянясь, что отдеретъ его кнутомъ, если догонитъ. *Новоселовъ* въ ночи на 16-е Іюля является у воеводы, не было времени долго ему объясняться, а тотъ-же часъ отправилъ его въ Иркутскъ и, ту бумагу переписавъ въ домѣ

¹⁾ Т.-е. въ Провинціальную Канцелярію. Б. М.

²⁾ Бергъ-гешворенъ.

³⁾ См. Максимовъ, назв. соч., стр. 469.

воеводскомъ, я принесть только на квартиру, какъ вдругъ услышали, что самъ г. *Нарышкинъ* ѣдетъ... Успѣлъ я прибѣжать въ канцелярію; тутъ немногіе были, а секретарь *Удачинъ* (на котораго, какъ слышно было, страшныя произносилъ онъ угрозы, мысля, однако, несправедливо, будто бы онъ дѣйствовалъ перомъ, а не самъ воевода) такъ вострусилъ, что, ухватя брата моего кожаную шапку, едва-ли не въ подворотню изъ провинціального двора вышелъ. Гарнизонные солдаты всѣ стали въ ружье; штатная тоже во дворѣ вооружилась. Вдругъ явился онъ передъ дворомъ Провинціи, выходитъ изъ коляски, во весь голосъ кричить и стучить въ ворота, чтобъ его пустили, называя воеводу и прочихъ ворами и бунтовщиками. Я съ прочими былъ тогда на перилахъ (sic), команда штатная едва было не измѣнила, начали смущаться, говоря, что не имѣютъ письменнаго приказа; и такъ, рѣшились было впустить, какъ вдругъ одинъ старый, уже беззубый солдатъ вскричалъ: «Не извольте, кто бѣ вы ни были, стучать; не велѣно и не можно никого въ ночные часы пускать!» И такъ онъ, не имѣя свиты болѣе 9 человекъ и опасаясь, можетъ статья, отошелъ къ гарнизонному фронту. Тотчасъ явился тутъ Иванъ Васильевичъ, товарищъ и прокуроръ, а комендантъ *Аппельгейнъ* *), хотя между тѣмъ и давно уже тутъ былъ, не смѣлъ показаться. Съ воеводою и начались у него разговоры, хотя и весьма спокойные, но убѣдительные; ибо воевода твердилъ ему, что онъ зналъ его въ Петербургѣ, и что онъ вовсе тогда не таковъ былъ, и что для него готова квартира. И такъ упросили его уйти туда; всѣ его проводили и оставили.

На завтра требуетъ денегъ, вина двѣ бочки и прочаго, но воевода сказалъ, что начальникъ здѣшній пьяницъ не любитъ, а денегъ дать не можетъ. Онъ между тѣмъ идетъ въ соборъ, отправляетъ съ восклицаніемъ многолѣтня молебень, занимается крещеніемъ иновѣрца, между тѣмъ вокругъ церкви обведена съ ружьемъ команда; народу запрещено было тотъ день выходить изъ домовъ, хотя и весьма великое было со всѣхъ селеній стеченіе, ибо всякій думалъ, что онъ и тутъ также бросать будетъ деньги и пиршествовать, однако ничего такого ни ему, ни народу не удалось. Свиты его офицерамъ не препятствованно было войти съ нимъ въ церковь, но изъ нея кто только лишь выйдетъ, тотчасъ отводился подъ стражу. Не увидя округъ себя многихъ, отправя служеніе (въ коемъ и самъ обыкновенно дѣйствовалъ чтеніемъ), напоследокъ выходитъ изъ церкви... Тутъ воевода, товарищъ и комендантъ встрѣчаютъ его съ привѣтствіемъ и поздравленіемъ. Онъ, увидя ихъ и команду въ ружьѣ, открылъ себѣ глаза, что съ нимъ не шутятъ, снимаетъ

*) Еще въ мѣсяцесловѣ на 1792 г. въ Верхнеудинскѣ комендантомъ значится секретарь и кав. Владимира 4-й ст. Иванъ Андреевичъ *Аппельгейнъ*. Б. М.

съ себя саблю, приказываетъ и прочимъ снять свои и, выговоря, что «видно я арестованъ», бросаетъ саблю, хочетъ уйти на квартиру; но воевода сказываетъ, что спокойнѣе будетъ, ежели онъ изволить отгушать на суднѣ, которое для путешествія его въ Иркутскъ приготовлено. Нечего было дѣлать, какъ соглашаться: идетъ съ немногими изъ своихъ, а воевода, такъ какъ дѣлая ему честь, поддерживааетъ его подъ лѣвую руку... День былъ 16-го Іюля весьма жаркій, надобно идти, да и не близко. Всякій видѣлъ, что онъ съ воеводою безъ всякой суровости обходился, а коменданта ¹⁾, остановясь, жестоко ругалъ, что онъ воръ и вмѣстѣ воровалъ съ *Брилемъ* ²⁾; тотъ ни слова ему не осмѣливался сказать: трусь сей и прежде, въ совѣтахъ съ воеводою, колебался, однакожь устоялъ и не послушался ордера его (Нарышкина), чтобъ сковать воеводу и товарища и принять Провинцію. Ставъ на суднѣ, шлетъ предложеніе въ Провинцію, которое со словъ его писалъ *Невидимовъ* (онъ же *Плотицынъ*), чтобъ прислать къ нему *Прижимова*. Всѣ дивились тогда хорошему слогу того и прежнихъ его предложеній и тому, какъ можно было выслушивать его слова, потому что онъ говорилъ до крайности бормотовато, будучи средняго росту, тучнаго тѣла и косъ.

Того-же дни ввечеру, за препровожденіемъ воеводскаго товарища *Ланского*, отправилось съ нимъ судно. Народъ въ городѣ ни малѣйшаго не оказалъ движенія, да и въ низовыхъ селеніяхъ, гдѣ приставало судно, никто не осмѣливался показываться. Итакъ благополучно кончилась у насъ трагедія.

Губернаторъ какъ донесъ обо всѣхъ его дѣяніяхъ Императрицѣ, то послѣдовалъ именной указъ о высылкѣ его въ Петербургъ подъ стражею. Извѣстно, что онъ посаженъ на пять лѣтъ въ Петропавловскую крѣпость, по лишеніи всѣхъ чиновъ; во не прошло сихъ лѣтъ, онъ скончался. Былъ онъ, какъ говорили умѣющіе здраво мыслить о людяхъ, великаго духу и, казалось, шутилъ жизнію, если смотреть на послѣднія его дѣянія. Нельзя въ семъ послѣднемъ видѣ и назвать его иначе, какъ названъ онъ въ именномъ указѣ: *шалуномъ*, а не сумасшедшимъ; онъ его (т. е. ума) имѣлъ довольно, но кажется пошалѣть (sic) только ему захотѣлось. Можетъ быть и для того только, чтобы было чтò о немъ говорить не современникамъ токмо, но и потомству, подобно какъ о человѣкѣ, который въ древнія времена для славы сжегъ въ Ефесѣ великолѣпнѣйшій храмъ. Нельзя отнять у него чести, чтобъ не былъ онъ ученый писатель. Я даже, хоть впрочемъ малозначущій, однако имѣлъ случай частію видѣть и списывать много его руки

¹⁾ Апфельгрейна. Б. М.

²⁾ Адамъ Ивановъ. Бриль съ 1769 по 1775 г. былъ Иркутскимъ губернаторомъ. Б. М.

стихотвореній, больше въ любовныхъ и охотничьихъ пѣсняхъ состоящихъ; жаль, что ничего я изъ нихъ у себя не оставилъ; но ужели тутъ все, что онъ писалъ въ жизни? Уповаю, трудовъ его много осталось ¹⁾).

Можно-ли бы не приписать Ивану Васильевичу, что онъ оставилъ всѣ его дѣйствія? Но губернаторъ едва-ли, въ донесеніяхъ своихъ, не все взялъ на себя, умолчавъ объ немъ. Да оно можетъ быть и къ лучшему, ибо не слишкомъ-бы великаго награжденія сіе стоило. Впрочемъ, Иванъ Васильевичъ человекъ извѣстный Императрицѣ, потому что онъ лѣтъ съ 11 служилъ при артилеріи въ Царскомъ Селѣ и имѣлъ отъ ея величества особенныя повелѣнія и одно даже такое, что нѣсколько строкъ собственною ея рукою писанное; тутъ-то я, въ первый разъ въ жизни, удостоился видѣть руку императорскую.

Въ началѣ Сентября 1776 года Иванъ Васильевичъ долженъ былъ отправиться къ Байкалу, для встрѣчи губернатора *Нѣмцова*, предпринявшаго путешествіе для приведенія въ устройство разстроенныхъ Нерчинскихъ заводовъ. И въ сію комиссію не оставилъ воевода взять меня съ собою, да Данила Ѳедоровича *Холщевникова*. Весь Сентябрь прожили мы въ Посольскѣ. Тогда впервые представилось взору моему Байкаль-море, и я коротко познакомился съ его берегомъ, прохаживаясь часто до Прорвы. Великолѣпнаго пріѣзда губернатора ²⁾ сождали мы около Покрова; жестокость осенней погоды дала ему почувствовать себя довольно, хотя ему на землѣ и ничего противустоять здѣсь не могло. Со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ свезли его крестьянскія лошади до Верхнеудинска; тутъ никакихъ, кажется, отгѣнностей не произошло; итакъ губернаторъ отправился въ заводы.

Въ концѣ Декабря получилъ Иванъ Васильевичъ отъ губернатора секретное повелѣніе, чтобъ онъ въ 24 часа выѣхалъ къ нему въ заводъ; между прочимъ, сказалъ ему, чтобъ взялъ съ собою одного вѣрнаго изъ приказныхъ; никого другого таковымъ ему не показалось, кромѣ меня, такъ какъ единожды имъ избраннаго съ его пріѣзда. И тутъ онъ взялъ меня съ собою; но какъ я сей отлучки еще не зналъ, а поутру, начавъ по обыкновенію читать дѣла въ присутственной каморѣ, услышавъ отъ него, чтобъ я тотчасъ готовъ былъ отправиться съ нимъ въ заводъ, тутъ живо помню, какъ я заплакалъ; но слезы сіи обыкновенно, что отъ малодушія или изъ сожалѣнія, что останутся у меня мать и братъ, да и точно сказалъ я: «на кого я оставлю матушку?» Смѣялись тогда

¹⁾ Въ „Историческомъ розысканіи“ А. Н. Неустроева съ именемъ Василія Нарышкина значится только одна элегія: „Узрѣвъ твой нѣжный взоръ“, напечатанная въ „Трудилюбивой Пчелѣ“ Сумарокова, за 1759 г. Б. М.

²⁾ Ѳ. Г. Нѣмцова. Б. М.

моимъ слезамъ. Помнится, въ 31-е число Декабря мы и отправились. Съ нами поѣхали Иванъ Крестьяновичъ *Шиллингъ*, бывшій тогда подлѣкаремъ (что нынѣ уже штабъ-лѣкаръ), и переводчикъ *Антитинъ*, содержавшійся подъ арестомъ въ Удинскѣ съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ отсюда губернаторъ, ибо приславъ его въ Провинцію, тутъ, доѣхавъ до мѣста, замѣтилъ его въ какихъ-то словахъ, которыя въ подпитіи, говоря съ кѣмъ-то, онъ произнесъ спроста: «пусть-де онъ на нашу полать (?) перевалится». Итакъ сіи слова губернаторъ сочтя, что *Антитинъ* сказалъ на лицо его, прислалъ его подъ крѣпкую стражу. И въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ самага важнаго, содержали и разспрашивали, вводя въ присутствіе, въ ночное только время; но слова сіи не заключали ничего больше, какъ только пустяки, спроста сказанные; помѣстилъ я это здѣсь для поученія себя, что отъ безвременныхъ рѣчей всемѣрно должно воздерживаться. Стояло только Ивану Васильевичу взять его съ собою и изясниться съ губернаторомъ; однакожъ онъ долженъ былъ множество надѣлать убѣдительныхъ извиненій и съ колѣнопреклоненіемъ, и тѣмъ кончилось.

Дорогою на первомъ же Ката....(?) въ томъ зимовьѣ на ночлеги остановились, а на-завтра, чѣмъ разсвѣло, отправились, и я, доѣхавъ до станцу, едва вшелъ въ избу, а при всемъ, что я слабъ былъ, и угарный, припадокъ не впервые тогда мнѣ случился, но прежде и послѣ онъ меня мучилъ всегда, лишь только-бы зимою случилось куда въ саняхъ ѣхать: тотчасъ, какъ въ жестокомъ угарѣ, голова моя вскружится, сдѣлается рвота и чрезъ нѣсколько минутъ возобновляется, и весьма похожъ бываю въ тѣ поры на пьянаго. Тогда увидѣвъ меня въ слабости, и съ того станца, вмѣсто того, что я сидѣлъ въ кибиткѣ открытой, съ подлѣкаремъ, (воевода) пересадилъ меня въ свой возокъ, и такъ благополучно слѣдовали. Въ острогъ Читинскомъ были мы въ день Богоявленія; на водоосвященіи здѣсь представился намъ чудной маіоръ *Карповъ*, *Селиверстова* тесть. Не знаю, почему-бы то, развѣ по стоической твердости или по-просто по упрямству, уговаривалъ его воевода ѣхать въ заводы съ собою, назначая его себѣ въ товарищи, если губернаторъ поручить начальство надъ заводами, однакожъ сей старой маіоръ не поѣхалъ.

Въ сей проѣздъ отечественной свой городъ Нерчинскъ опять я увидѣлъ и, не смотря, что я въ одномъ возкѣ съ начальникомъ, слѣдовательно, вышедъ изъ него, долженъ бы послѣдовать въ покой нашъ, только пріѣхали, опрометью побѣжалъ я показаться своимъ родственникамъ, и на-перво въ домъ къ дядѣ Петру Яковлевичу, брату матери моей (засталъ его въ похмельномъ положеніи, съ завязанною головою), и, такъ переходя изъ дома въ домъ, забылся до того, что и на другой

день не являлся къ начальнику, пока не прислалъ онъ за мною. Тутъ не оставилъ онъ мнѣ наилучшимъ образомъ вымыть голову, или попенить, или, просто сказать, побранить, чтобъ я впередъ помнилъ свою должность. Немного мы въ городѣ пробыли, а скоро и въ заводъ прибыли, едва ли не на 12-е число въ ночи. Стали на квартиру, тутъ же, гдѣ стоялъ капитанъ Иванъ Леонтьевичъ *Уримова*. Можетъ быть, такъ угодно было губернаторской политикѣ, что не на особую поставили, дабы онъ вѣрнѣе зналъ положеніе пріѣзда воеводскаго, которой секретно скрывается былъ отъ тамошнихъ. Дѣла свои-то губернаторъ приводилъ уже къ концу и главное то, что оканчивался подробнѣйшій, поскольکو можно кротчайшимъ и яснымъ слогомъ сочиненный о всѣхъ дѣяніяхъ г. *Нарышкина* экстрактъ, въ которомъ принимали многіе участие: Михайла Максимовичъ *Джучаевъ*, правитель губернаторской канцеляріи, Мартинъ *Клеветскій* *), *Бочкинъ* и самъ губернаторъ. Съ симъ экстрактомъ къ Императрицѣ отправилъ онъ около Февраля мѣсяца г. *Уримова*, а вскорѣ и самъ приготовлялся къ выѣзду.

Въ тотъ день, какъ ему выѣхать, по обыкновенію Иванъ Васильевичъ былъ у него; такъ какъ и все уже тамошнее благородное собраніе находилось въ залѣ, надобно было, чтобъ и я тамъ для принятія дѣлъ явился; вдругъ присылаютъ за мною, то минуты сіи заставили меня запышавшися бѣгать за кафтаномъ, положеннымъ въ домъ тетки моей Марыи Яковлевны, жившей тамъ за подираторщикомъ *Резановымъ* (я это не меньше версты); одѣвшись сколько можно получше, пришелъ я въ зало. Тутъ представилось мнѣ многочисленное собраніе и тѣмъ болѣе, что, какъ я выше говорилъ, *Нарышкинъ* не щадилъ разданіемъ чиновъ и таковымъ, кои, казалось родились быть солдатами: всѣ были берггешворены или, по крайности, шихтмейстеры. Но чрезъ сіе зало провели меня въ тотъ покой, гдѣ сами губернаторъ и воевода: первой, имѣя обвязанную голову, каталъ, или журилъ тамошняго священника, читавшаго въ то же время напутственную молитву. Губернаторъ, услышавъ отъ воеводы, кто я, сказалъ мнѣ съ благосклоннымъ видомъ: «Поди братъ, маленькой секретарь, возьми и храни дѣла». И въ самомъ дѣлѣ, всѣ ко мнѣ поступили, бывшія по домовоу г. *Нарышкина* канцеляріи, а для письменоводства, поколику я тогда, хоть и могъ уже частію сочинять, но не довольно того, взятъ былъ губернской регистраторъ *Прижимовъ*, имѣвшій отъ г. *Нарышкина* уже высшіе чины, но, послѣдую разсудку и приказанію, оставшійся въ семъ своемъ прежнемъ чинѣ.

*) Мартынъ Яковлевичъ Клеветскій, воспитанникъ С.-Петербургской Александровской семинаріи, съ 1766 г. учившійся въ Лейденѣ, а затѣмъ съ 1772 г. учитель С.-Петербургской Семинаріи, авторъ „Руководства къ географіи“. С.-Пб. 1773 г. Б. М.

Отъ губернатора остался на нѣсколько часовъ г. *Докучаевъ*, какъ казалось подпилъ добрымъ мастерствомъ. Уже склонилось къ вечеру; тутъ довольно они курили. Г. *Докучаевъ*, увидя меня, и такъ какъ я, въ бытность ихъ, цѣлой день, сидя за тѣмъ же, гдѣ онъ сидѣлъ, столомъ, списывалъ каталогъ съ руки Барбота ¹⁾ каменьямъ, слѣдовательно тогда и замѣтить меня могъ, будучи въ прогулкѣ, просилъ онъ и шути (?) влнаться Ивану Васильевичу, чтобъ онъ сдѣлалъ меня тогда же губернскимъ регистраторомъ; но ниже объясню, что и канцеляристской чинъ не прошелъ безъ препятствія со стороны губернаторской.

По выѣздѣ г. губернатора, Иванъ Васильевичъ остался правителемъ всѣхъ заводовъ, водворился въ командирскомъ, то есть, тамъ, гдѣ Нарышкинъ имѣлъ пребываніе, домъ; съ нимъ же, поколику домъ великъ, а у него свита невелика, помѣстился опредѣленный въ канцелярію членомъ маіоръ Иванъ Дмитріевичъ *Глазуновъ*, да и мнѣ отведена была особая комната, которая разумѣлась за домовую его канцелярію. При всей тамошней дороговизнѣ, Иванъ Васильевичъ велъ себя довольно щедро; не токмо въ праздничные дни, но даже и въ обыкновенные дни многіе изъ чиновниковъ приглашались къ столу. О себѣ же скажу, что впервые съ тѣхъ поръ началъ я видѣть большія собранія, да почти и брать въ нихъ участіе, да и вестъ жизнь совсѣмъ отмѣнную отъ прежней: всякое утро пить чай и всякой день обѣдать съ господами. Никогда не забывалъ онъ меня посадить обѣдать съ собою, хотя бы всѣ лучшіе тамъ чиновники тутъ были. Имѣлъ же я случай читать въ то время книги, оставшіяся отъ *Нарышкина*, заниматься игрою въ шашки и въ лѣтнюю пору всякой день прохаживаться, куда только мнѣ хотѣлось; часто съ Иваномъ Васильевичемъ далеко мы хаживали. Много мнѣ тамъ любопытнаго представлялось; узналъ я чтѣ то есть руда, изъ которой плавятъ свинецъ (она есть земля разныхъ цвѣтовъ: красноватая, желтая, а бликъ глянцовой называется, темно-синяя съ блесками,—самая богатѣйшая), узналъ и рудники—откуда ее и какъ достаютъ: шахта ведетъ сверху вглубь, а штальна—по почвѣ горы; днемъ и ночью несчастные ²⁾ работаютъ, попеременно, со свѣчами. Служба горькая весьма трудна; въ плавильнѣ печи непрерывно то руду, то уголь рѣшетами сжигаютъ; руда претворяется въ свинецъ, который, по пробитіи отверстія, стекаетъ на земь въ приготовленные круглыя формы. Сіи круглыя образцы свозятся въ галиды, гдѣ уже они растапливаются въ большой, круглой, безъ трубъ печи. Силою огня въ высочайшемъ градусѣ, боль-

¹⁾ Егоръ Егоровичъ Барботъ-де-Марни, дѣятель Нерчинскихъ горныхъ заводовъ, коихъ былъ командиромъ. Б. М.

²⁾ Обычное въ Сибири названіе смыльныхъ и каторжныхъ. Б. М.

шими мѣрами раздуваемаго, весь свинець сдѣлается, какъ вода; еслибъ вдругъ случилось тутъ взойти, не знаяши что то такое, и не видѣть людей дѣйствующихъ, легко сочестъ можно бы за огненную рѣгу. Пѣна, или глетъ ¹⁾ и гертъ ²⁾ выпускается также по песку изъ печи, а изъ сего уже послѣ выплавится чистый свинець въ плавильнѣ, сгустится въ формы, на квадратныя, а гертъ по тѣхъ поръ выпускается, пока въ печи останется серебро, и во все это время члены должны тутъ присутствовать; немногіе изъ стороннихъ впускаются, однакожъ я имѣлъ случай быть, но поколико было холодно, то не дождался, какъ серебро вынимается изъ печи или галиды.

Обо всемъ, что только со мною случилось, когда тамъ (былъ), не упускалъ я случаи писать къ матери моей и брату въ Удинскъ, но жаль, что сіи письма не сохранены. Они во время моей отлучки содержались моимъ жалованьемъ, а я въ заводахъ изъ канцеляріи небольшое число сверхъ того получалъ.

Привезъ я съ собою туда нѣсколько *куртичей* чаю, взятаго у *Себреникова*; можетъ быть, хотѣлъ имъ поторговать, но разсудилъ лучше употреблять его по привычкѣ самъ; и такъ, вруча его теткѣ Марѣ Яковлевнѣ, всякой почти день, лишь только поутру встану, тотчасъ бѣгу къ ней (хотя и очень не близко было) напиться его; недовольно, что чай съ сахаромъ всегда у Ивана Васильевича пилъ. Вотъ какая привычка!

Въ Святую недѣлю дядя мой Левъ Яковлевичъ, братъ родной моей матери, казакъ, на Китайской границѣ, при рѣкѣ Аргуни на Борзинскомъ караулѣ служащій, прислалъ по меня человекъ бойкаго, изъ Тунгусовъ, и верховую лошадь; тотчасъ и отпущенъ я былъ къ нему. Прогостивъ у него съ недѣлю, съ самимъ имъ, тоже на верховыхъ лошадяхъ, возвратился. На границѣ ничто мнѣ отмѣннаго не показалось, и Мунгальцовъ я не видалъ; а только удивительно то мѣсто тѣмъ, что на нашей сторонѣ Аргуни никакого лѣсу, кромѣ таловаго ³⁾ нѣтъ, итакъ домишки на караулѣ строены изъ такого осиннику и березнику; а напротивъ, на другой, то-есть, Китайской сторонѣ всякаго лѣсу изобильно. Дрова и на строеніе лѣсъ достаются съ той стороны къ намъ, хотя и тайно, но, можетъ быть, по согласію съ караульными. И каково-же безъ дровъ? Натурально, что погибнуть можно.

Ѣхавши съ дядей, превеликій застигъ насъ снѣгъ; въ тоже время

¹⁾ Сплавленная закъсь свинца. Б. М.

²⁾ Горновая набойка, проникнутая свинцовымъ окисломъ и отчасти содержащая въ себѣ серебро (Слов. Акад.). Б. М.

³⁾ Родъ кустарника. Б. М.

мы на одномъ пригорѣ въ ямѣ брошенной нашли большой кусокъ горючей сѣры. Онъ (дядя) меня не оставилъ подарить шляпою, хотя пожарковою, но лучше доброй пуховой. Съ тѣхъ поръ я его уже не видывалъ. Домъ его не огромной, но довольно всѣмъ достаточный, и, въ сравненіи съ прочими, онъ всѣхъ казаковъ исправнѣе, не отъ чего бы, кажется, кромѣ скотоводства; впрочемъ, умерли бы казаки съ голоду, получая весьма малое жалованье, а притомъ платя еще подушныя, еслибъ, нѣсколько не позволено, не шинничали ¹⁾ съ Монголами.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ (1777 г.) Иванъ Васильевичъ расположилъ себя осмотрѣть всѣ рудники и заводы. Итакъ, взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ, въ томъ числѣ Ивана Ивановича *Клембена*, *Фитингофа* и изъ несчастныхъ ²⁾ Никиту Евдокимовича *Жилина* и Николая Иринарховича *Озерова* ³⁾, за поступками коихъ онъ долженъ былъ строго, но политически наблюдать, и меня съ *Прижимовымъ* взять не оставилъ. Слѣдовали мы черезъ Зеренчунскій и Кадлинской (?) рудники, были въ Сибиряковской (недалеко отъ Михайловскаго, весьма богатымъ бывшаго рудника; отстоящей) заимкѣ, которую я, ѣздивши къ дядѣ, уже проѣзжалъ; каменный у него тутъ домъ и мельница. Видѣли мы тамъ въ прекрасномъ около пруда растущемъ лѣску соловья; они тамъ водятся, но не поютъ, или, какъ охотниковъ нѣтъ, и не садятъ въ клѣтки, то и неизвѣстно о ихъ пѣньѣ.

Едва ли не весь тотъ мѣсяцъ мы вояжировали; были въ Дугарскомъ и Кутамарскомъ заводахъ; въ послѣднемъ, недавно, въ бытность *Нарышкина*, по новой модели построенныя вододѣйствующія Екатерининскія плавильни стоили тогда особеннаго любопытства. Въ близости сего Кутамарскаго завода есть ключъ кисловатой воды, которую тамошніе обитатели такъ какъ усугубляющую здравіе употребляютъ. По утру въ одинъ день всѣ мы къ сему ключу отправились и всѣ пили, но не на всѣхъ равно она подѣйствовала; я первой болѣе всѣхъ почувствовалъ перемѣну, хотя не больше двухъ стакановъ выпилъ: едва могъ доѣхать на верховой лошади, все лицо у меня покраснѣло и голова вскружилась; легъ я на верхъ сѣней отдохнуть, а между тѣмъ

¹⁾ Т. е. торговали виномъ? Б. М.

²⁾ Т. е. ссыльныхъ. Б. М.

³⁾ Объ *Жилинѣ* и *Озеровѣ* и ихъ свиданіи въ Перчинскѣ въ 1780 году рассказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ А. Е. Лабзина (С.-Пб. 1903 г., стр. 83 и 84); изъ нихъ видно, что *Жилинѣ* былъ сосланъ около 1764 года, вмѣстѣ съ *Озеровымъ*, „по одному дѣлу“; по словамъ Лабзиной, *Озеровъ* былъ „воспитанъ очень хорошо: на разныхъ инструментахъ игралъ, пѣлъ, въ обхожденіи любезенъ“. Намъ неизвѣстно, за что были сосланы *Озеровъ* и *Жилинѣ*; не за приверженность ли къ Петру III? Б. М.

ищутъ меня къ столу, но я не могъ явиться тотъ день, ибо похожъ былъ на похмельнаго.

Слѣдовавши далѣе, на Газимуръ ¹⁾, въ рѣчкѣ ловили раковъ; тутъ видѣлъ я, какъ ихъ господа въ пищу употребляютъ. Случилось также тутъ смотрѣть въ микроскопъ на вьюна, нарочно посаженнаго на вѣточку или на травку: всѣ его части обнаружились, и онъ представился, какъ толстый змѣй, обвившійся около дерева.

Не безъ приключеній все сіе слѣдованіе прошло; одно изъ нихъ, нѣсколько смѣшное скажу. Въ деревню Кокуй пріѣхавши, должны были войти ночевать въ одну большую изъ сельскихъ избу. Первое помню то, что тутъ я, не умѣя порядочно снять со свѣчи нагаръ, погасилъ огонь, которой хотя тотчасъ добыли, но меня извѣстно что не похвалили. А другое, лишь только надобно было заснуть, баба, хозяйка того дому, скравши съ водкою штофъ, которой одинъ только и былъ, начала изъ него тянуть: буль-буль-буль. Иванъ Крестьяновичъ ²⁾ сперва слушаетъ, но, не могши разобрать, опять далъ ей время тоже буль-буль-буль, захлебываясь: если вдругъ вскочить и закричать, то испугать Ивана Васильевича, ибо онъ спалъ. Сперва было думалъ, не привидѣніе ли какое его пугаетъ, но, при слабомъ въ окно лунномъ свѣтѣ, разобралъ, что это баба, высунувшая голову изъ подполья; напослѣдокъ рѣшился онъ къ ней подбѣжать; она и безъ того бы свалилась, но тутъ, бросивъ штофъ, паденіемъ своимъ произвела стукъ и, разбудивши всѣхъ, сдѣлала смѣхъ и горе: смѣшно то, какъ она пужала и какъ пила, а горе по тому, что болѣе водки не осталось. Итакъ, совершенно узнали, что эта деревня Кокуй заставила коковать!

Изъ Шелопучинской деревни Иванъ Васильевичъ со свитою отправился въ Шилкинскій заводъ, а я, на верховыхъ станцовыхъ лошадяхъ, въ Нерчинскъ, для свиданія съ своими. Тогда заѣзжалъ я къ сестрамъ отъ перваго брака матери моей, Матренѣ и Прасковѣ, въ замужествѣ за тамошними жителями находящимся. Въ Нерчинскѣ скучно мнѣ показалось: людей пріѣзжихъ тамъ, въ лѣтнюю особливо пору, мало, а жители всѣ по работамъ; итакъ, только лишь у Ивана Ѳедоровича *Муринова*, двоюроднаго моего брата, болѣе другихъ погостилъ. Помню, какъ я цѣлый лѣтній день занялся только чтеніемъ книжки «Гедеонова похождения» ³⁾: она меня весьма своими соблазнительностями заохотила; хотя я былъ еще и цѣломудренъ, но мысли туда и сюда бродили, и пылкость крови воспаляла меня совсѣмъ къ неизвѣстному пожеланію

¹⁾ Левый притокъ Аргуни. Б. М.

²⁾ Шиллингъ, лѣкарь. Б. М.

³⁾ Незаданный и, вѣроятно, рукописный романъ. Б. М.

шьямъ; да, бывъ въ заводѣ, чуть было не искусилъ, сколько отъ чтенія подобныхъ книжекъ, сколько же и отъ незнанія о волокитствѣ *Глазунова* и *Крестьяновича* ¹⁾, поколику они въ ремеслѣ семъ довольно упражнялись. Личиночка одна красивенькая часто обращала мое вниманіе, но я никакъ себя не открывалъ, а самъ не зналъ, съ коего краю начать; такимъ-то образомъ и сохранился отъ искушенія. Между тѣмъ какъ Иванъ Васильевичъ былъ въ Шилкинскомъ заводѣ, я изъ Нерчинска въ Шеллапучину, тоже на верховыхъ ѣдучи лошадяхъ, имѣя изъ города до Читы спутниковъ покойнаго старика дѣда Романа Ивановича *Муринова*, возвратился; и такъ кончилъ путешествіе.

Въ Августѣ мѣсяцѣ Иванъ Васильевичъ дождался новоопредѣленнаго на заводы начальника, бригадира Іону Венедиктовича *Аршеневскаго* ²⁾. Благополучно сдавъ должность, возвратился къ прежнему воеводскому въ Удинскъ посту. О себѣ я уже не говорю, ибо я никогда почти съ нимъ не разлучался и никогда не лишался его милостей, за великую честь себѣ ставилъ, да почти и гордился тѣмъ, что всегда при начальникѣ нахожуся.

Прибывъ въ Удинскъ и по привычкѣ въ обхожденіи, я не слишкомъ уже уважалъ или боялся тогдашнихъ секретарей: *Удачина* и вновь, послѣ насъ прибывшаго, Прокопія Тимоѣевича *Пушниковъ*; да и они нельзя сказать, чтобъ меня не любили; говорилъ и обходился всегда съ ними довольно смѣло. Говоря о секретаряхъ, надобно сказать, что они и тогда много значили: стоило имъ только сказать, тотчасъ готовы палки или розги; пришедши поутру, и начнутъ, бывало, надъ приказными сію процессію, лишь бы только кто хоть мало виноватъ имъ показался...

Иванъ Васильевичъ, желая воздать мнѣ сколько-нибудь или поощряя къ любочестію чтобъ сдѣлался со временемъ я человекъ, примѣтя, можетъ быть, во мнѣ что-нибудь и достойное вниманія (ибо того не довольно еще, что я не зналъ употребленія хмельного и былъ прилеженъ), итакъ разсудилъ сдѣлать меня канцеляристомъ и дать мѣсто повѣтчика. Старикъ *Аркановъ* долженъ былъ просить отставки, на его мѣсто я и поступилъ; дѣла судныя ³⁾ и солянныя мнѣ достались. Провинція объ отставкѣ того старика съ награжденіемъ чина и о томъ, что я

¹⁾ Т. е. Ив. Кр. Шиллинга. Б. М.

²⁾ І. В. Аршеневскій (род. въ 1727, ум. 19-го Декабря 1779 г.) началъ службу въ 1742 г. лакеемъ Высочайшаго двора, съ 1773 г. былъ въ чинѣ бригадира, а 27-го Января 1777 г. назначенъ командиромъ Нерчинскихъ заводовъ. Послѣ его смерти его временно замѣщалъ А. М. Карамышевъ (см. „Воспоминанія А. Е. Лабзиной“, Спб. 1903 г., стр. 82). Б. М.

³⁾ Ссудныя? Б. М.

опредѣленъ съ чиномъ канцеляриста на его мѣсто представила губернатору *Ньмцову*. Это было въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1777 года. Можно ли было подумать, чтобъ вышло какое возраженіе? Но угодно было, можетъ быть, Провидѣнію! Вдругъ получаетъ Провинція предложеніе губернаторское съ строжайшимъ выговоромъ: какъ она могла сдѣлать меня канцеляристомъ, не спросясь его, яко начальника губерніи, и съ требованіемъ, для наложенія штрафа, отвѣта; а что всего хуже, то сказано, чтобъ, между тѣмъ, мнѣ тѣмъ чиномъ не именоваться... Видно изъ сего, какъ много тогда думали о семъ маломъ чинѣ, когда, напротивъ, нынѣ и о великихъ мало помышляютъ, потому, можетъ быть, что тѣхъ и другихъ весьма умножилось.

Смѣшно было слушать, какъ вступилъ тогда г. *Ланской*, товарищъ воеводской: хотя и шутя, однако говорилъ, что «видно, быть намъ на *Тарбагатаѣ* на поселеніи!» Но неробкой духъ *Ивана Васильевича* рѣшился не исполнять сего строгаго повелѣнія: хотя и послалъ отвѣтъ, но, предаваясь самъ волѣ губернаторской, настоялъ, чтобъ меня даннаго званія не лишать, и отнюдь не воспретилъ мнѣ такъ именоваться, говоря, что я того достойнымъ найденъ, и что хотя и есть меня одинъ изъ подканцеляристовъ (*Цытковъ*) старѣе, но, натурально, что уже похуже онъ его тутъ описалъ. Итакъ, на сіе уже получили утвердительное предложеніе. Вотъ какъ худо сбылось настояніе правителя губернаторской канцеляріи *Докучаева*; о томъ выше я говорилъ, что онъ, выѣзжая изъ заводовъ, просилъ, чтобъ представить меня въ губернскіе регистраторы; но то, можетъ быть, оттого, что *Иванъ Васильевичъ* былъ твердъ и не унижалъ себя просьбами чрезъ партикулярныя письма. а всего меньше я осмѣливался на то покушаться и даже не помышлялъ о томъ.

Итакъ, съ Сентябрьской 1777 года трети, началъ я получать жалованья изъ старублеваго оклада въ годъ; уже сдѣлался повытчикомъ. наряду почти со старичками. Нѣкоторые изъ нихъ, казалось, что съ неприятностію смотрѣли, что я съ ними равняюсь; одинъ изъ нихъ, *Размазнинъ*, сидѣвшій противъ меня за столомъ, впрочемъ доброй человекъ, землякъ и хлѣбосоль, но по глупой зависти, отъ простоты происходящей, почти чрезъ цѣлый день меня бранилъ; но мстительной злобы тогда ни отъ него, и ни отъ кого я не чувствовалъ, ибо люди больше были простоту любящіе и что на сердцѣ, то и на языкѣ, да и обходились все вольно, одинъ отъ другого ни въ чемъ скрываться не могли.

Въ слѣдующіе 1778 и 1779 годы порученъ мнѣ былъ крѣпостной сборъ подъ названіемъ крѣпостного надсмотрщика; должность сію отправилъ я хотя и исправно, въ чемъ и квитанціи ¹⁾ мнѣ отъ Провинціи

¹⁾ Т. е. аттестаты. Б. М.

даны, но и слышалъ при томъ, что съ деньгами молодому человѣку много путей открыться можетъ: если не другое чтò захочется, то, по крайней мѣрѣ, одѣваться получше другихъ уже будетъ входить въ голову...

Но надобно, по порядку, здѣсь сказать о случившемся со мною въ 1778 году. Первый и опасный есть случай тотъ, что на 17-е Марта того года, въ ночи, какъ только лишь всѣ канцелярскіе служители (въ томъ числѣ и я съ братомъ) разошлись изъ канцеляріи по квартирамъ (наша была тогда близко Спасской церкви, у *Гаюва*), вдругъ прибѣгаетъ за нами посланный изъ Провинціи; мы тотчасъ, хоть уже и спали, вставъ, одѣлись и пришли, не зная, какаѣ бы тому позыву причина. Видимъ, что всѣ разсажены по мѣстамъ, такъ какъ и намъ приказано сѣсть и писать: когда, съ кѣмъ мы изъ Провинціи пошли или встрѣтились и не знаемъ ли, кто *зажигалъ Провинцію*? Всякій свое писалъ, а братъ мой въ концѣ своей записки сказалъ, что мы, кто бы зажигалъ, не знаемъ и «отъ чего Боже насъ сохрани съ братцемъ», чему много послѣ шуточно надъ нимъ смѣялись, но онъ правду написалъ, которая яснѣя (какъ говорить пословица) солянца: ибо столь страшное предпріятіе никогда бы и на мысль намъ не пришло. Да и сколько ни старались тогда съ жестокостію слѣдовать, но никого такого преступника не открыли. Но я попалъ было, *какъ усь во щи*, а то вотъ какъ. Меня заставили писать на очныхъ ставбахъ показанія; я, записавъ первыя изъ нихъ, когда надобно было позвать въ присутственную камору изъ подъяческой копейста Михайла *Суровцова*, вышедъ ему нечаянно почти на встрѣчу въ сѣняхъ, говорю ему: «Эй ты, на тебя говорятъ, что ты шелъ со свѣчею», а того и не вижу, что воевода, вышедъ, тутъ же сіи мои слова подслушалъ. Вотъ сколь я былъ простъ и неостороженъ! Онъ, хотя и совершенно зналъ, что я ни въ чемъ тутъ не участвую, но за неосторожность разсудилъ поступить ему со мною строгонько: тотчасъ приказалъ взять меня подъ крѣпкую стражу. И такъ я въ ту ночь и на завтра до выхода изъ присутствія содержался въ особомъ покоѣ. По молодости моей, чтò я тогда себѣ воображалъ, теперь не вспомню, а думаю, что немного добраго...

Вдругъ являются воевода, товарищъ и прокуроръ; пожуря меня, изряднехонько, но подлинно, что отечески, выславъ всѣхъ вонъ и оставшись одни, самъ воевода, съ помощію товарища и прокурора, посѣкъ меня розгачами, приговаривая, что «впредь будь поосторожнѣе». Едва ли кто изъ своей братіи про сію процессію зналъ: такъ то секретно сдѣлано, и тотчасъ меня уволилъ; но глупый прокуроръ желалъ (какъ говорили послѣ), чтобъ я стоилъ наказанъ быть жестокае... Да еслибъ подобный ему начальникъ былъ, то чего добраго ожидать: онъ бы ввелъ

въ дѣло и счелъ бы неосторожность мою за умышленный поступокъ. Но Провидѣнію угодно было короче молодость мою поучить.

Въ томъ же году съ 21-го Мая слегъ я, послѣ того, какъ, бывъ за рѣкой Удой съ братомъ для прогулки по полю и почувствовавъ простуду, въ жестокую лихорадку, въ которой до отчаянности страдалъ Юля по 16-е. Между тѣмъ Иванъ Васильевичъ не оставлялъ почти всякій день, идучи въ Провинцію, меня посѣщать, иногда пивалъ у матери моей приготовленнаго съ молокомъ и пѣнками Карымскаго чаю по чашкѣ. Для излѣченія лихорадки употреблялъ я всякаго сброду по бабьимъ сказкамъ, даже декоктъ пилъ, кучу употреблялъ, въ жестокомъ лежавши на податяхъ жару; прятался иногда, переодѣвшись и уходя взадъ пятами, въ темный анбаръ, но ничего не помогало. Да и не совѣтую такимъ пустякамъ вѣрять. Конецъ лихорадки тогда послѣдовалъ, какъ перенесъ я жестокую рвоту отъ какого-то неизвѣстнаго мнѣ лѣкарства; да то нѣсколько удивительно, что я старика, который явился ко мнѣ съ тѣмъ рвотнымъ, до крайности съ перваго взгляду возненавидѣлъ, да и излѣчившись не знаю, кто бы онъ таковъ: вотъ какъ былъ любопытенъ! Во время сей болѣзни, отъ досужности, по безразсудной рѣзости, съ братомъ написалъ я какую-то подорожную и подписалъ подъ руку Ивана Васильевича, не въ иномъ смыслѣ, какъ только въ шутку; но съ сею шуткою нелегко бы раздѣлался еслибъ она попала Ивану Васильевичу: онъ только лишь подошелъ къ окошку и спросилъ: «что вы дѣлаете?» Закинулъ я ее подальше и съ тѣхъ поръ дѣлать такія шутки весьма я остерегался.

Уже около 17-ти тогда было мнѣ лѣтъ, слѣдовательно самое жаркое юности время; мысли мои туда и сюда разливались, и скажу, что дѣвушки ставили за честь искать моей ласковости. И какъ мы стояли на квартирѣ у *Баюва*, то Онисьюшка *Жижина*, посѣщавшая свою тетку, посредствомъ ея чуть было не ввела меня во искушеніе (вѣчная ей память!). Вдругъ три или два кольца появились у меня на рукѣ (не упомяну, гдѣ и откуда мнѣ достались). Иванъ Васильевичъ, сдѣлавъ шутку со мною, снявъ ихъ, отдаетъ сержанту *Цыбульскому*, не сказываячи, для чего бы; но я, стыдяся, какъ дѣвушка, едва-едва тѣ кольца выпросилъ. Онъ примѣтилъ, что у меня въ эти годы не добро на умѣ! Я не пропускалъ ни одной почти вечеринки, которыя тамъ часто случались, но по утру всегда къ должности являлся; натурально, что не всегда бы могъ явиться, еслибъ употреблялъ хмельное.

Въ 1779 году, весною, купилъ я старенькой домикъ, на той же улицѣ, на которой съ одной стороны соборная церковь, а съ другой, Спасская; денегъ хоть не больше, какъ только 40 рублей было потребно, однакожъ, сверхъ жалованья, едвали безъ займа обойтись могъ. За-

ведши домъ, надобно помышлять и о другомъ, а сей пунктъ есть тотъ немаловажный въ моей жизни, которой и всякому извѣстенъ, кто только женатъ былъ (ибо женишься, такъ и перемѣнишься), и о рѣшеніи коего должно бы помыслить болѣе, нежели могъ я по тогдашней незрѣлости; но, благодарю Вышняго, такъ какъ угодно было Провидѣнію, все совершилось. Уже женился я, и день брачный былъ 11-го Октября. Онъ погрузился въ вѣчность, а мы живемъ... Вѣкъ жить, не поле переѣхать, и супруга моя Анна Григорьевна начала раздѣлять его со мною, можно сказать, что всѣ печали и радости дѣлится пополамъ. Мѣсто отца моего занималъ тогда Иванъ Васильевичъ, онъ же и посредникомъ или сватомъ былъ; правда, что воспріемная моя мать *Суровичиха* болѣе на обѣ стороны совѣтами своими помогала, но я самъ рѣшился, и, желаніе мое на письмѣ изъяснивъ Ивану Васильевичу, просилъ его пособія, въ чемъ онъ мнѣ, хотъ сперва и говорилъ, чтобъ я подождалъ по службѣ счастья, не отказалъ. Отецъ мой благословилъ меня образомъ Вседержителя (которому въ Иркутскѣ уже сдѣлана серебряная и вызолоченая риза), а супругу родитель ея Григорій Никитичъ и мать, Марѳа Дмитріевна благословили образами Богоматери; Никита Никитичъ (дядя ея) образомъ Михаила Архангела; меня матушка, образомъ Николая Чудотворца, а воспріемная образомъ Богоматери Всѣмъ скорбящимъ упованія. Подъ симъ-то божескимъ благословеніемъ начали мы жить, иногда весело, иногда горестно; но радость не безъ печали, а скука не безъ радости.

Не худо-бы попрежде сказать здѣсь о томъ, что «жениться не хитро, да было бы чѣмъ». По счастью случился тогда пріѣхавшій съ товарами Петръ Яковлевичъ *Солдатовъ*, мой одногородецъ и особенно мнѣ въ концѣ 1778 года сдѣлавшійся знакомымъ чрезъ покупку у него понравившагося мнѣ чернаго вейверстоваго колпака: у него-то я на кафтанъ себѣ сукна, невѣстѣ и родственникамъ на подарки шолковыхъ товаровъ и прочаго забралъ слишкомъ на сто рублей. Онъ былъ въ числѣ моей брачной свиты изъ первыхъ. А говоря объ немъ, надобно сказать и о другихъ: тысяцкимъ былъ Григорій Никифоровичъ секретарь *Удачинъ*, большимъ бояриномъ повѣренной *Воскобойниковъ*, за нимъ, Петръ *Утовляевъ* (?), а, на послѣдъ, Екимъ Никитичъ *Размахнинъ*. Свадьба играна была довольно великолѣпно и стоила издержекъ столько, что я много послѣ потерпѣлъ, расплачиваясь съ долгами, кромѣ того, что *Солдатову* одолжался и казною; но все, съ помощію женою принесенныхъ ста рублей и умѣренностію въ содержаніи, успѣлъ выплатить. Лучше бы было, еслибъ я оглядывался, какъ говорятъ, назадъ или помышлялъ о томъ, было бы чѣмъ впредъ жить: «часъ повеселиться, а годъ позориться». Это со мною вѣрно сбылося. При всемъ томъ, частію на-

питковъ помогаль *Воскобойниковъ*, Иванъ Васильевичъ прислалъ голову сахару и, не упомяну, что-то еще, да отъ Братскихъ присланъ былъ на убой быкъ.

Между смотрѣніемъ моимъ и женидьбою Иванъ Васильевичъ, отправясь на знаменитую у Хоринскихъ тайшей свадьбу (ибо *Данба-Дунаръ* родственницу свою выдавалъ за родственника *Юмсыренова*) въ стойбище далѣ Мухозишибира, въ числѣ прочихъ и меня взялъ съ собою; да и самъ я желалъ съѣздить, надѣясь что-нибудь отъ тайшей получить на свою свадьбу. Тамъ нашли мы у *Юмсырена* не одни юрты, но выстроены покои, въ коихъ хозяйничалъ и угощалъ тогда на счетъ тайшей Мухоршибирской житель, Грекъ *Стерлетовъ* съ женою и дочерью. Ежели успѣлъ я когда видать множество Братскихъ, такъ это въ первый разъ тутъ случилось: ихъ было болѣе тысячи. Не упущено было сдѣлать, по ихъ обыкновению, встрѣчи воеводѣ и Володимеру Леонтьевичу *), его товарищу, кой, размежевывая тогда земли, встрѣлся (sic) съ нами, въ Мухоршибирѣ. Поставленъ былъ строй Братскихъ съ ихъ значками, и музыка ихъ въ тазы и бубны, также и пѣніе ламъ. Весь вечеръ и далѣ полуночи господа сіи съ своею свитою и Братскими, при звукѣ тазовъ и бубновъ, забавлялись пѣніемъ своихъ пѣвцовъ, занимаясь, между тѣмъ, картами и разными тайшамъ предложеніями; напоследокъ всѣ заплясали по разосланной въ комнатахъ соломѣ, однакожь, впрочемъ, такъ скромно и спокойно обходились, что ни малѣйшая, казалось, непріязненность тутъ не имѣла мѣста. Товарищъ такъ былъ женерозенъ, что воеводу подарилъ рысью, хотя онъ и не хотѣлъ принять; а меня, полюбя откровенно за веселость и смѣлое обхожденіе, камзолъ съ рукавами и штанами веейверетовыми, малиноваго цвѣта съ черными мушками, которыхъ ношеніемъ я весьма долго пользовался. Тамъ-то тайша и подарилъ мнѣ тогда быка, о коемъ я выше помянулъ; а болѣе ни чѣмъ: вотъ какъ они щедры!

Въ вечеру, тайкомъ, привезена Братскаго невѣста, и бракъ ихъ, впотѣмахъ совершившійся, назавтра праздновалъ былъ угощеніемъ на травѣ разсѣянныхъ Бурятговъ: множество быковъ, барановъ и, что хуже для насъ, то хорошее для нихъ, кобылъ для нихъ лишены жизни; въ корытцахъ и на лоткахъ подношенные части по-скотски, сидя на землѣ, прибирали, упиваяся виномъ. Вѣдь и они безъ вина пирушекъ не дѣлаютъ; но у нихъ оно изъ своего молочка, некупленное; такъ, видно, имъ весело и неубыточно. Сгустившійся тогда воздухъ такъ былъ для меня непріятенъ и вреденъ, что, чувствуя престокою головную боль,

*) Воейкову. Морской артилеріи 3-й роты капитанъ В. Л. Воейковъ былъ впоследствии надворнымъ совѣтн. и воеводою въ Удинскѣ. Б. М.

не вышелъ бы изъ покоя, еслибъ не желалъ зрѣть на ихъ обряды; однако, за болѣзнію, мало примѣтилъ, а и примѣченное изъ памяти скоро выпустилъ.

Есть у нихъ обыкновеніе, чтобъ новобрачная дарила мужнину родню; видѣлъ я, какъ шубами мерлуцатыми и азиями, надѣвая на иныхъ по двѣ заразы, дарили. Кто былъ недоволенъ, тотъ презиралъ и не принималъ подарка; изъ таковыхъ представилась мнѣ одна брюзгливая старуха: видно, что и въ ихъ родѣ старушки-то стоятъ за себя...

Такимъ образомъ, побывавъ на Братской свадьбѣ, и потомъ съигравъ свою, съ 11 Октября 1779 года началъ я новый родъ жизни женатаго. Не пожалуется, не погрѣша, на меня супруга, чтобъ я былъ для ней золъ; но несчастіе ея, несчастіе также матери моей: ибо мать моя, еслибъ не одного и не перваго меня сына имѣла женатаго, а привыкла бы имѣть уже прежде, то, здравѣе оѣсудя, обходилась бы поскромнѣе. Итакъ, бѣдная обратилась къ тому, чтобы ненавидѣть и гнать невѣстку, не давая ни слова въ защиту ея молвить не только мнѣ, но и брату моему. Жена, хотъ и отходила отъ нея сначала скромностію и смягчала поклонами, но не молчала о томъ предъ отцомъ и матерію: сверхъ же того, старуха не щадила и ихъ, иногда и выганивала, когда были они у насъ, итакъ больше наши дамы жили въ несогласіи; да то бѣда, что онѣ когда поссорятся, то и я у тестя и тещи не въ милости. Ношеніе чрезъ улицу съ водою ушатовъ и ведеръ неприятно было имъ, но, не могши ничѣмъ пособить, допустили жалобы свои до воеводы. А сей съ супругою своею Татьяною Васильевной, которая весьма жарко вступилась, призвавъ меня и сдѣлавъ выговоръ за такое неуваженіе жены, какъ не получили отъ нея учтиваго отзыва, то сіе самое поселило въ нихъ на меня холодность: уже и по службѣ не слишкомъ начали уважать, даже до конца 1781 года; ибо въ 1780 и 1781 годы посадили меня къ самымъ невыгоднымъ и труднымъ дѣламъ казначейскимъ. Но, можетъ быть, и то къ добру служило, ибо я научился тутъ, какъ вести деньгамъ счетъ, вписывать въ книги и составлять вѣдомости, кои старался всегда въ срокъ отправлять.

Проживъ зиму въ маломъ и тѣсномъ, одинъ теплый покой или избу имѣющемъ домѣ, первая была въ 1780 году забота выстроить чрезъ сѣни горенку; приготова лѣсъ и нанявъ плотника, не успѣлъ, однакоже, по желанію выстроить, ибо лѣсъ былъ болѣе сажени обрубаемъ; но что было дѣлать, когда такъ случилось? Но причиною тутъ былъ Иванъ Васильевичъ, а кондукторъ, тогда для наблюденія надъ строеніями къ намъ присланный *Лукинъ*; но еслибъ захотѣлъ онъ, то есть, нашъ начальникъ, все бы могъ оказать милость, да немножечко въ сіе время какъ-то холоднѣе уже онъ для меня казался. Итакъ, вы-

строилъ небольшую, да и ту, какъ говорятъ по пословицѣ, *поперекъ шире*. Благодарю покойника моего тестя: онъ помогъ мнѣ на сію постройку дачею 40 рублей мѣдныхъ (съ коими мѣшокъ я, сколь ни слабосиленъ былъ, да вѣдь это деньги принужденъ былъ изъ его до своего дому дотащить на своихъ плечахъ); въ противномъ случаѣ нечѣмъ бы было.

Сей 1780 годъ, на 30-е Іюля, уже сдѣлался я отчищечкомъ, ибо даровалъ мнѣ Богъ дочь Евдокію; радовались мы ей довольно! Воспріемникомъ былъ покойный тесть, а воспріемницею мать моя; крещена въ соборной церкви протопопомъ Максимомъ, но въ столь холодной водѣ, что пала въ обморокъ, и надобно было пройти нѣсколькимъ минутамъ, пока почувствовалася. Сіе научаетъ, что не грѣхъ нѣсколько воду подгрѣвать или ранѣ приносить, чтобы попростыла (sic).

Въ теченіе лѣта, не столько для прогулки, сколько для поправки изнуреннаго своего состоянія, путешествовалъ я до жилища Ивана Лукича *Новоселова*; у него при рѣчкѣ Онѣ прекрасной, со всѣми службами, тогда былъ домъ, но года черезъ два послѣ водопотопленіемъ въ ничтожество и съ песчанымъ подъ нимъ грунтомъ превращенъ. Иванъ Лукичъ и старикъ *Размахнинъ* одобрили меня Братскимъ зайсаномъ, но, за какимъ-то набожнымъ грѣхомъ, чтò по ихъ называется «щертай», тайма *Дамба* не рассудилъ принять меня въ свою ставку или, по ихъ, стойбище. Иванъ Лукичъ, угощая меня, не полѣнился сѣздить со мною на свои обширные покосы, посадя на вороного, лучшаго изъ своихъ, коня. Не должно забывать такихъ благотворителей: подарилъ мнѣ канфеной азамъ, и Братскіе тоже, не упомяну двѣ или три коровы, да по дорогѣ живущіе, за подарки чай, нѣсколько овчинъ, сексуроку и войлокъ; ибо у нихъ обычай, что хоть немножко чѣмъ, да необходимо должно ихъ подарить. Я съ собою возилъ въ погребчикѣ водку; распотчивалъ ее, взявъ для пробы съ собою ихъ молочнаго, двоякаго вина; но, бывъ везено около дву сутокъ, расплескалось и записнивалось; оно довольно крѣпко, но, видно, скоро портится.

Путешествіе сіе долго мнѣ памятно было тѣмъ, что, бывъ завезенъ къ какому-то Братскому, именемъ *Кутку*, плутъ сей, получа отъ меня чаю въ подарокъ, а мнѣ посуля бычка, котораго послѣ и доставилъ, но послѣ сдѣлался такъ попрошайнымъ, что, часто прѣзжая ко мнѣ къ домъ, то только и дѣло имѣлъ, что нибудь да выпросить. Многое ему сперва, чтò можно, и давано, и былъ угощаемъ; напоследокъ едва-едва могъ, съ помощію выговоровъ моей матери, отъ него отдѣлаться. Онъ такъ-было притѣснилъ меня, что вздумалъ за лычко (какъ говорится) выпрашивать ремешекъ. Итакъ не совѣтую о Братскихъ заключать,

что они простячки: иногда, да и часто случается, что лучшихъ умниковъ обманываютъ.

*

Здѣсь кончаются воспоминанія Т. П. Калашникова, и далѣе идетъ только хронологическій конспектъ событій его жизни, изъ котораго дѣлаемъ извлеченія.

1782 г., на 29-е Іюля родилась, ровно въ два года, вторая дочь Авдотья. Принимали: Владимиръ Леонтьевичъ *Воейковъ* ¹⁾ и Анисья Михайловна секретарша *Зеленкова*.

Въ Іюнѣ выѣхалъ въ Иркутскъ благодѣтель мой Иванъ Васильевичъ *Тевяшевъ* отъ воеводства. Новой воевода Владимиръ Леонтьевичъ *Воейковъ* пуще прежняго меня любилъ. Изъ Иркутска въ Іюлѣ получаетъ ордеръ отъ губернатора *Клички* ²⁾ и кажетъ мнѣ съ неудовольствіемъ: тутъ я узналъ, что онъ обо мнѣ и Якимѣ Никитичѣ *Розмахинѣ* представлялъ въ губернскіе регистраторы, и губернаторъ до открытія губерніи отказалъ. Я снова не сдѣланъ былъ, но такъ Ивану Васильевичу разсудилось досадить новому воеводѣ; пословица: большіе ссорятся, а малымъ бѣда.

1783 г. 24-го Августа отправился въ Иркутскъ; въ домѣ остались матушка съ братомъ, а я въ дорогѣ съ женою и двумя дочками Авдотьями. 26-го Августа, въ день Адриана и Наталіи на морѣ ³⁾; съ нами Ѳедоръ Михайловичъ *Влезовъ*. 1-го Сентября въ Иркутскъ прибылъ, и первая квартира у Ѳедора Михайловича, двѣ ночи ночевали, а потомъ на отведенную перешли у Ильи *Мясникова*; проживъ тутъ до Пасхи, я принужденъ помѣститься въ лачугѣ, почти въ оградѣ Владимирской церкви, у *Балуева*. Вступилъ въ Экспедицію ⁴⁾. Иванъ Васильевичъ *Тевяшевъ*, принялъ меня, какъ отецъ, и всякой день у него. Въ это время ежедневной пріѣздъ чиновниковъ и открытіе намѣстничества. 8-го Сентября прибылъ генераль-губернаторъ *Якоби* ⁵⁾. 27-го Декабря открытіе Намѣстническаго Правленія. 30-го Декабря открыта Казенная Палата.

1784 г. 6-го Генваря впервые видѣлъ съ роду фейерверкъ. Передъ Пасхой перетаскивался на новую квартиру (Вотъ досада: предъ празд-

¹⁾ Товарищъ воеводы. Б. М.

²⁾ Францъ Николаевичъ Кличка, генераль-маіоръ, Иркутскій губернаторъ съ 24-го Сентября 1778 до 1783 г., впоследствии генераль-поручикъ, Калужскій и Орловскій генераль-губернаторъ; умеръ 28-го Октября 1786 г. Б. М.

³⁾ Т. е. на о. Байкаль, чрезъ которое лежалъ путь въ Иркутскъ. Б. М.

⁴⁾ По винной и соляной части. Б. М.

⁵⁾ Иванъ Варсолом. Якоби, съ 1783 г., г.-губернаторъ Иркутскаго, съ 1784 г. Иркутскаго и Кавказскаго намѣстничествъ, генераль-поручикъ, ум. въ 1803 г. П. М.

никомъ!); привелось судьбою, что почти на гробѣ, но не иного кого, а родителя, ибо онъ погребенъ въ оградѣ Владимирской, былъ здѣсь 17 лѣтъ (назадъ). 8-го Февраля родился у меня сынъ Ѳедоръ Тимоѳеевичъ.

1785 г. Въ Февралѣ ѣзда въ Удинскъ на свадьбу, когда женился Иванъ Григорьевичъ *) на Еленѣ Ивановнѣ; такъ я худо одѣтъ, что и шубы не было, въ плащѣ, ибо шуба была покрадена съ прочими вещами 1784 г. въ Декабрѣ.

1786 г. Юня 13-го преставился сынъ Ѳединька отъ опухоли въ горлѣ (прорывъ 3 Юня, внутри). Въ Генварѣ посаженъ на мѣсто секретарское. Сентября 5-го родилась Елисавета Тимоѳеевна.

1787 г. на 29-е Августа заболѣлъ горячкою, 5-го Сентября былъ при смерти; лѣчилъ докторъ *Шелмеръ*. Построилъ на огородѣ баню съ горенкой. Въ Ноябрь былъ воспріемникомъ Михайла Васильевича *Турчанинова*.

1788 г., Мая на 17-е число несчастье брата, бывшаго въ Верхнеудинскѣ: любовь и вино довели, что застрѣлил казака; заключеніе; и если бы не Богъ и не добрые люди, а при томъ не мои старанія, то горько бы кончилось, но, бывъ наказанъ (плетьми), остался на покаяніи и въ своемъ званіи мѣщанина. 27-го Ноября родилась Александра Тимоѳеевна. послѣ заутрени; я перемерзъ, бѣгалъ далеко за бабушкой.

1789 г., Генваря въ 21-е, указомъ Сената отъ 29-го Ноября утвержденъ заурядъ-секретаремъ. Апрѣля 23-го, по полуночи въ 11 часовъ, чувствуемо было землетресеніе. Юля 29-го освящены предѣлы въ Благовѣщенской церкви. Августа 1-го кончился преосвященный *Михаилъ*, а по свѣтски *Миткевичъ*. Сентября 22 го открыто Народное Училище.

1790 г. 26-го Декабря родились двойни: Василій Тимоѳеевичъ и Анясинька, которая вскорѣ, 30-го Генваря, померла. 16-го Марта прибылъ въ Иркутскъ епископъ *Веніаминъ*, а по-свѣтски Василій *Гауринскій*. 14-го Юня принималъ отъ купели Илью Васильевича *Турчанинова*.

1791 г. 12-го Сентября разломалъ свою старую избу и съ большою помощію Степана Ѳедоровича *Дудоровскаго* перестроилъ горницею; плотникъ славной—Игнатій, хоть и кривъ глазомъ, но прямикъ душою. Апрѣля 7-го въ вѣночи видѣлъ впервые отъ роду затменіе луны. Юня 9-го матушка сошла было у меня изъ дому къ *Резанитъ*. Сентября 20-го преставилась тѣща моя Марѳа Дмитріевна.

1792 г. Ѳзидилъ въ Верхнеудинскъ. Марта 6-го померъ братъ мой Григорій Петровичъ, былъ старѣ меня 4-мя годами; погребенъ у креста. Марта 17-го простудился, идучи съ имянннъ отъ *Мясникова*, былъ въ

*) Братъ жены Т. П. Калышниковъ. Б. М.

жестокой горячкѣ. Степанъ Семеновичъ совѣтникъ *Марковскій* и докторъ *Реслейнъ* почти съ недѣлю и ночи многія при мнѣ пребывали; спасибо и Прокофью Степановичу *Братюкову*: онъ много помогъ.

1793 г. прибылъ въ 29-е Марта вице-губернаторъ Ѳедоръ Ивановичъ *Похвисневъ* ¹⁾, и начались съ членами ссоры.

1794 г. въ 9-е Августа получилъ первой чинъ городского секретаря со старшинствомъ. Уволенъ генераль-губернаторъ *Лиль*; Апрѣля 21-го даровалъ мнѣ Богъ сына Тимоѳея, но въ 6-е Мая преставился; положень подлѣ Ѳединьки.

1795 г. въ 4-е Ноября отдалъ Авдотью Тимоѳеевну за Степана Дмитріевича *Сизова*, а самъ съ 17-го Октября страдалъ ногою: обжогся спиртомъ у Солдатова.

1796 г. 8-го Февраля купилъ Ѳедьку. 6-го Ноября—смерть Императрицы; воцарился Павелъ Петровичъ.

1797 г. 22-го Октября поутру, въ день Божіей Матери Казанскія, даровалъ мнѣ Богъ сына *Ивана Тимоѳеевича* ²⁾: многая ему лѣта!

1798 г. 31-го Октября выдалъ другую Авдотью за Якова *Солдатова*; между тѣмъ опасно боленъ былъ, и даже постыдно: ибо отъ насморка долговременнаго раны были на носу; такъ и на свадьбѣ пировалъ. Перепродалъ домъ свой Михаилу Ѳедоровичу *Муриноу*, а онъ—моей супругѣ. Былъ въ опасности, ибо подвергался ужасному взысканію за приставовъ, но Богъ спасъ: спасибо губернатору Ларіону Тимоѳеевичу [*Налелю*], онъ удержалъ Палату, и сверхъ сенатскаго рѣшенія о взысканія только съ членовъ на секретаря не налагалъ.

1799 г. Генваря ч. получилъ чинъ губернскаго секретаря. Отдалъ въ Октябрѣ племянницу Орину Обросимовну за Ивана Алексѣевича *Чернытъ*.

1800 г. Реформа въ Палатѣ секретарей, однакожь я остался палатнымъ секретаремъ, выйдя изъ камерной части, въ коей служилъ съ самаго пріѣзда 1783 г. съ 1-го Сентября.

1801 г. въ 9-е Августа получилъ чинъ коллежскаго секретаря со старшинствомъ съ 31-го Декабря 1800 г. Февраля 3-го Васинька записанъ въ службу съ чиномъ подканцеляриста. Апрѣля 24-го родилась Машенька, а 26-го Юня преставилась.

¹⁾ Дѣйств. ст. совѣтникъ, былъ затѣмъ С.-Пб. вице-губернаторомъ, съ 1801 г. управлялъ казначействомъ для остаточныхъ суммъ. † 10-го Юня 1813 г., въ 59 году и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Б. М.

²⁾ Впослѣдствіи т. сов., писатель-беллетристъ (авторъ „Дочери купца Жолобова“, „Камчадалка“ и др.); † въ С.-Пб. 8-го Сентября 1863 г. Онъ былъ жевать на Елисаветѣ Петровнѣ Масальской (род. 24-го Юня 1805 г., † 1 Января 1877 г.), дочери пріятеля Сперанскаго П. Г. Масальскаго и сестры писателя Константина Петровича Масальскаго. Б. М.

1802 г. Августа 16-го было видимо солнечное затменіе послѣ полдень. 12-го Февраля женилъ Ѳедьку на Марeutкѣ, безъ толку, только себя на грѣхъ: она досаждала, а мы терпѣли; потерпѣлъ за нее также отъ *Лебедева*, и супруга стала отъ безпокойствъ прихварывать и, такъ сказать, таять. Февраля 3-го поступилъ въ должность губернскаго казначея и сидѣлъ, нехотя, по Октябрь. Юня 30-го пріѣхала малая Орина съ отцомъ; Ноября 22-го родился внукъ Андрюша; 9-го Августа *Ванюшка* поступилъ въ училище; Декабря 30-го Васинька произведенъ въ губернскіе регистраторы.

1803 г. на 6-е Генваря простудилась, а въ 14-е Генваря преставилась *Анна Григорьевна*, супруга моя любезная; вѣчная ей память! Въ 8-е число Ноября выдалъ Елисавету Тимоѣевну за Ѳедора Петровича [*Стариова*].

1804 г. въ Февралѣ прибылъ генераль-губернаторъ *Селифонтовъ* ¹⁾. 26-го Февраля сочетался я вторымъ бракомъ съ Акулиною Андреевн²⁾. Въ Сентябрѣ впервые посланъ въ Александровской заводъ судить, съ Васинькой, а въ Декабрѣ опять ѣздилъ въ Соляной.

1805 г. 15-го Октября поступилъ въ званіе ассессора, заплатя контрибуцію *Бакулину*. Декабря 6-го впервые и недолго поссорился со Дмитріемъ Аноенч^{емъ} *Сизыхъ*, и вся, почти 10-тилѣтняя дружба прервалась. Тотъ же день преставилась своячина Татьяна Андреевна.

1806 г. Марта 25-го, при графѣ *Головкинѣ*, высланъ я въ Александровскій заводъ, распутицу и много безпокойства перенесъ. Ужась, какъ не хотѣлось ѣхать, потому что и матушка въ 25-е Марта едва въ церкви не умерла, отъ поста ослабѣвъ: не могла и пріобщиться. Въ Рождество Христово преставилась родимая матушка Орина Яковлевна, и безъ меня похоронена.

1807 г. О горестной годъ, лишилъ меня, да кого же: Василья Тимоѣевича, вселюбезнаго моего сына, лишь только успѣлъ онъ въ 9-е Марта получить чинъ коллежскаго регистратора! 24-го Марта заболѣлъ, а въ 30-е Марта и пренесся въ горняя, поживъ 1790 г. съ 26-го Декабря по 30-е Марта 1807 г. Въ 15-е Августа Иванъ Борисовичъ (*Пестель*) писалъ о награжденіи меня чиномъ коллежскаго ассессора къ министру Алексію Ивановичу *Васильеву*; но онъ, между тѣмъ, 16-го Августа уже померъ. Итакъ письмо досталось въ руки Ѳедора Александровича *Голубцова*.

1808 г. въ 8-е Юня несчастно кончился зять мой Степанъ Дмит-

¹⁾ Иванъ Осиповичъ Селифонтовъ, генераль-поручикъ, Иркутскій генераль-губернаторъ; вышелъ въ отставку въ 1806 г. и умеръ въ 1822 г. Б. М.

²⁾ А. А. рожд. *Турчанинова*, была дочерью титул. совѣтника. Б. М.

рѣвичъ *Сизой*. Въ 22-е число Іюля получилъ чинъ коллежскаго асессора (первая вѣсть отъ Ильи Васильевича *Турчанинова*), со старшинствомъ съ 31-го Декабря 1807 г., а именной указъ, въ 26-е Мая 1808 г. Въ 31-е число Октября выдалъ Александру Тимоѣевну за Лавра Михайловича *Карсакова*, и съ тѣхъ поръ возобновилася дружба съ Александромъ Михайловичемъ (*Карсаковымъ*).

1809 г. *Ванюшка* записанъ въ службу подканцеляристомъ. Въ великомъ посту, впервые чрезъ 38 лѣтъ увидѣлись съ сестрицею Авдотьею Петровною: она изъ Нерчинска съ И. М. *Муриновымъ* пріѣхала и прожила до зимы 1802 г.; при ней зять ея Николай *Шининъ* посвященъ въ попы. Августа 6-го родился Александръ Лаврентьевичъ (*Карсаковъ*).

1810 г. Генваря 8-го *Ванюшка* мой другъ произведенъ въ канцеляриста. Въ Августѣ прибылъ новый вице-губернаторъ Карлъ Ивановичъ *Ленцъ* (?). На 27-е Ноября исторія горькая: надобно было року, чтобъ дочь моя малая Авдотья разошлась съ мужемъ и вышла изъ дому ко мнѣ, сверхъ моего чаянія.

1811 г. Въ Октябрѣ, когда я былъ съ 25-го Сентября въ отъѣздѣ за покупкой хлѣба, дочь моя больная Дунюшка вышла за прапорщика *Соколова* и такъ несчастно, что въ Декабрѣ должна была съ нимъ уѣхать въ Россію за Воронежъ, въ Задонскъ.

1812 г. Въ 28-е Генваря за Алексашу *Пушкинова* выдалъ племянницу Мавюшку; подарилъ имъ 50 р. Съ Іюня *Ванюшка* оставилъ Гимназію.

1813 г. Чудеса! *Иванъ Тимоѣевичъ* началъ 9-го Февраля писать Оду на изгнаніе врага изъ Россіи; послѣ его весьма публикѣ (полюбилъ). Сего въ его лѣта отлично умненькаго сочиненія, сперва узналъ Василій Владимировичъ, послѣ вице-губернаторъ, прокуроръ и проч., и проч.; вице-губернаторъ взялъ было его къ себѣ въ домъ, ходитъ учиться въ гимназію, а Василій Владимировичъ подарилъ его: въ 5 томахъ составляющія наилучшія стихотворенія. О даръ небесный, божественный умъ! Я въ восхищеніи. Но дай же Богъ ему, милому моему, благодравіе!

Списокъ губернаторовъ, генералъ-губернаторовъ и вице-губернаторовъ, составленный Т. П. Калашниковымъ.

Губернаторы.

1. Карлъ Львовичъ Фраундорфъ, съ 1764 г. Умеръ.
2. Адамъ Ивановичъ Бриль, съ 1769 по 1775. Уѣхалъ въ Россію.
3. Ѳедоръ Глѣбовичъ Нѣмцовъ, съ 1775 по 1779.
4. Францъ Николаевичъ Кличка, съ 1779 по 1782 г. Уѣхалъ въ Россію.
5. Иванъ Варфоломеевичъ Ламбъ, съ 1783 по 1787 г. Уѣхалъ въ Россію.
6. Михаилъ Михайловичъ Арсеньевъ, съ 1787 по 1791 г. Умеръ.

7. Ларіонъ Тимоѣевичъ Нагель съ 1791 по	} Уѣхали въ Россію.
8. Алексѣй Ивановичъ Толстой, съ 1798 по 1802 г.	
9. Иванъ Николаевичъ Рещевъ, съ 1802 по 1804 г.	
10. Николай Михайловичъ Картвелинъ, съ 1804 по 1805 г.	
11. Алексѣй Михайловичъ Корниловъ, съ 1805 по 1807 г.	
12. Николай Ивановичъ Трескинъ, съ 1806 по 1820 г.	
13. Иванъ Богдановичъ Цейдлеръ, съ 1820 по 1823 г.	

Генералъ-губернаторы.

1. Иванъ Варѣоломеевичъ Якобій.
2. Иванъ Арферьевичъ Пиль.
3. Иванъ Осиповичъ Селифонтовъ.

Востые-губернаторы.

1. Христофоръ Андреевичъ Трейденъ.
2. Борисъ Борисовичъ Леццано.

Вице-губернаторы.

1. Жолобовъ.
2. Сытинъ.
3. Бухгольцъ.
4. Лангъ.
5. Вульфъ.
6. Василій Васильевичъ Чулковъ.
7. Евтифей Евтиѣевичъ Бурдовъ.
8. Андрей Сидоровичъ Михайловъ.
9. Ѳедоръ Ивановичъ Похвисневъ.
10. (Василій Ивановичъ) Крамаренковъ.
11. Семенъ Кондратьевичъ Голощаповъ.
12. Григорій Яковлевичъ Резановъ.
13. Арсеній Антоновичъ Шишковъ.

Начальники, при которыхъ я служилъ:

1. Въ Нерчинской Воеводской Канцеляріи:
Воевода, инженеръ-капитанъ Михайло Корнильевичъ *Овсянниковъ*.
Воеводской товарищъ, капитанъ Иванъ Петровичъ *Шпиринъ*.
Временно на мѣсто воеводы бывшій батальонный командиръ, секундъ-маіоръ Дмитрій Андреевичъ *Круловъ*.
Напослѣдокъ, воеводской товарищъ, управляющій и за воеводу, титулярный совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ *Нерловъ*.
2. Въ Удинской Провинціальной Канцеляріи:
Воевода, артилерія-маіоръ Иванъ Васильевичъ *Тевяшевъ*.
Воеводскіе товарищи: 1) коллежскій ассессоръ Иванъ Васильевичъ *Ланской*, 2) морской артилеріи 3-го ранга капитанъ Владимиръ Леонтьевичъ *Восіковъ* (и сей былъ напослѣди воеводою и надворнымъ совѣтникомъ).
3. Въ Иркутской по части винной и соляной экспедиціи:
Совѣтникъ, упомянутой въ Удинскѣ, бывшій воевода Иванъ Васильевичъ *Тевяшевъ*.
На мѣсто его вступившій совѣтникъ надворный Агаѳонъ Лаврентьевичъ...

ИЗЪ ПИСЕМЪ К. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ *).

1814.

(Сентябрь—Декабрь).

Vienne, le 15 (27) Septembre 1814.

Il faut aller à la messe: c'est aujourd'hui un jour qui doit être bien cher à tout Russe, celui du couronnement de notre adorable Souverain. L'Impératrice arrive également aujourd'hui; il faudra remettre l'uniforme, mais c'est par un motif bien agréable. Le coeur se réjouit de voir ce beau couple. Je ne vous ferai pas de description du jour de l'arrivée de l'Empereur, tout cela se trouvera probablement dans les gazettes, et je mettrai mon exactitude habituelle à vous les faire parvenir. J'écrirai à Paris pour les brochures; en attendant j'en ai accroché ici quelques unes que je vous envoie.

Le jour de l'arrivée de l'Empereur nous l'avons tous attendu au palais. On lui a présenté toute la cour et les charges autrichiennes. Il a eu la bonté de s'approcher de moi, de me demander depuis quand j'étais arrivé, si j'étais déjà marié. Il m'a félicité et m'a souhaité tout le bonheur imaginable avec cette bonté angélique que lui seul possède.

Le comte Rostopchine n'est plus gouverneur-général de Moscou. Cela m'a fait bien de la peine à cause de vous, et j'attends avec impatience de vos nouvelles pour savoir quel parti vous prendrez. Je ne vois pas que cela change votre position, quant à la place; il me semble que vous pouvez la conserver, mais naturellement vous ne serez pas aussi agréablement que vous l'étiez avec le comte. Tormassoff est un très brave homme, généralement estimé; vous serez sûrement bien avec lui une fois qu'il vous connaîtra aussi. La seule chose qui me tracasse, c'est

*) См. выше, стр. 17. Эти письма съ Вѣнскаго конгресса, куда К. Я. Булгаковъ, служа при графѣ Нессельроде, уѣхалъ изъ Москвы, гдѣ онъ передъ тѣмъ женился на Марьѣ Константиновнѣ Варлаамъ. П. Б.

de ne pas avoir la certitude du parti que vous prendrez. Le comte ¹⁾ n'a pas parlé de ma place. Nesselrode m'a expliqué tout cela et m'a promis de travailler ici à me la faire obtenir. Nous verrons ce qui s'arrangera pour moi.

Il se prépare ici une grande quantité de fêtes bien brillantes. Elles m'ennuyent d'avance. Vous ne sauriez croire combien je suis changé, combien non seulement je suis indifférent à tout ce qui ne vient pas de Moscou, mais comme tout ce qui est amusement pour tout le monde, me fatigue. Toutes mes pensées, mes affections sont à Moscou, mon seul désir c'est de me retrouver au milieu de vous, mes chers amis, et de me réunir à ma bonne Marie.

Vienne a bien changé, ou peut être c'est ma façon de voir qui n'est plus la même. J'ai retrouvé beaucoup de mes anciennes connaissances et je vous assure qu'il y a des personnes que j'ai quitté sur le Graben et que j'ai retrouvées à la même place. Il n'y a que ce bon Mallia qui me manque essentiellement. Pauvre diable! Personne ne méritait plus que lui de vivre dans ces circonstances. Il serait mort de joie!

A propos de mort, je n'ai plus trouvé la reine Caroline: elle venait de mourir quelques jours avant notre arrivée. J'ai été dernièrement chez le duc Serracapiola, je lui ai remis votre lettre, qu'il a reçue avec infiniment de bonté. Raddi est venu me voir, nous avons beaucoup parlé de vous. Il vous conserve beaucoup d'attachement. S-t Clair est ici, je dois aller le voir. Le p-ce Léopold ²⁾, ayant appris qu'il y avait ici un Bulgakow, a cru que c'était vous; mais Raddi lui a expliqué que j'étais votre frère, et il m'a fait dire qu'il désire me voir. Nous irons avec Raddi dès que nous trouverons un moment, car à présent ce n'est pas si facile. Le vieux Pellegrini est ici, il sort de chez moi. Cet homme a bientôt 100 ans et se porte à merveille. Je lui ai remis la lettre et la boîte de Metaxa.

*

¹⁾ Т. е. Графъ Растопчинъ, вздвигшій передъ тѣмъ въ Петербургъ и, кажется, въ послѣдній разъ въ жизни видѣвшійся съ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Находясь самъ въ немилости, не могъ онъ испрашивать милостей своимъ приближеннымъ. Потому и К. Я. Булгаковъ получилъ мѣсто почтдиректора въ Москвѣ по представленію не графа Растопчина, а графа Нессельроде, много поздне. П. Б.

²⁾ Будущій король Бельгійскій (съ 1796 года находившійся въ Русской службѣ), братъ великой княгини Анны Федоровны? П. Б.

Vienne, le 16 (28) Septembre 1814.

Avec l'Impératrice est arrivé Александръ Львовичъ *), qui est toujours le même; il est drôle et aimable. Il m'a demandé de vos nouvelles. Aujourd'hui il n'y a rien à la cour, mais ce qu'on prépare de fêtes et d'amusemens est incroyable. Vienne est bien brillante et bien chère. J'ai vu la c-sse Kaunitz, aujourd'hui princesse. Elle n'a pas changé du tout. On dit que son mari est nommé ministre en Espagne. Son sort est d'être toujours collègue de Tatischeff.

Polétika m'a envoyé son portrait, il est d'une ressemblance impertinante et pas du tout flatteuse pour lui. Il est tout aussi atrabilaire dans son portrait que l'est l'original. Le vieux Pellegrini est venu me voir. C'est étonnant comme il se conserve. Il est aussi vieux que P. Bourg.

Ott est devenu diablement vieux. Le prêtre est toujours le même, il est venu me voir. Il paraît content de son sort.

*

Вѣна, 18 (30) Сентября 1814.

Прихожу въ канцелярію, фельдъегеръ даетъ мнѣ письмо отъ тебѣ и говорить, что послѣдній курьеръ еще отсюда не уѣхалъ. Не знаю что дѣлать, два раза уже читалъ твое письмо и какъ въ чадѣ, не знаю что читалъ, а хочется еще съ этимъ курьеромъ увѣдомить тебѣ о полученіи твоего письма, на которое подробно отвѣчать буду съ будущимъ. Ты еще не зналъ, что Тормасовъ на мѣсто графа; ты еще ни на что не могъ рѣшиться. Посуди, съ какимъ нетерпѣніемъ буду ожидать будущаго письма.

*

Vienne, le 19 Sept. (1 Octob.) 1814.

Le prince Léopold, apprenant que j'étais chez S-t Clair, m'a prié de passer chez lui, malgré ma toilette, qui n'était nullement de nature à me présenter à lui. Il m'a reçu avec infiniment de bonté et m'a longtemps parlé de vous, de l'amitié que lui et toute sa famille vous portait. Il m'a chargé de vous dire mille choses amicales de sa part. C'est un charmant prince.

Vienne est d'un brillant, d'une agitation, d'un bruit dont vous ne vous faites pas d'idée. Hier il y avait un grand cercle à la cour. De ma vie je n'ai vu une si brillante réunion. Les femmes et les hommes étaient couverts de diamants, et les toilettes n'ont pas été épargnées. L'Empereur nous a présenté lui-même à l'empereur et l'impératrice d'Autriche. L'empereur François s'est rappelé de moi.

*) Нарышкинъ, некогда обергофмаршалъ. П. Б.

C'est vraiment une chose unique de voir dans la même salle notre Empereur, l'Impératrice, celui d'Autriche, les rois de Prusse, Danemark, Bavière, Wurtemberg, le g-d duc de Bade, nos grandes-duchesses, une quantité de princes regnans et les personnes les plus marquantes de l'Europe. Quel beau rôle notre adorable Souverain joue dans tout cela! C'est grâce à lui qu'on est réuni ici, que tout le monde respire. Quelle gloire pour le nom russe, quel bonheur d'être sujet d'un tel maître! C'est un Ange. Il a fait la conquête de tout le monde ici. Il porte un uniforme blanc, il est superbe. Il n'y a qu'à le voir pour ne plus s'étonner que c'est lui que Dieu a choisi pour sauver le monde. Je vous assure que le coeur se réjouit lorsqu'on le rencontre. Le grand-duc n'est pas encore arrivé. On l'attend. L'excellent Laharpe a été fait conseiller privé actuel. C'est aussi un bien brave homme, bien attaché à l'Empereur. Il ne peut pas en parler sans enthousiasme. Combien il doit jouir de voir son élève à ce degré de gloire. Je dîne aujourd'hui chez François Palfy à un dîner qu'il donne aux Russes. Je dois vous quitter pour m'habiller.

*

Le 21 Septembre (8 Octob.) 1814.

J'ai été hier à la redoute de la cour. Il n'y a en que 10 m. personnes! On a arrangé pour cette fête la salle du manège, et je vous avoue que de ma vie je n'ai rien vu de plus beau. Il y avait foule, comme vous sentez bien, et surtout dans la salle où se trouvaient les souverains. Des enfants ont exécuté une danse, qui était très jolie, surtout un des petits cosaques était charmante. Je ne suis pas resté longtemps et je suis revenu chez moi avec Schröder fumer une pipe et bavarder.

Avant-hier il y avait un bal chez la p-sse Bagration. L'Empereur et le roi de Prusse l'ont honoré de leur présence, et ont dit qu'il était charmant. J'y suis resté une demi-heure, et mon fidèle compagnon Schröder est venu avec moi fumer. C'est comme cela que je finis presque toutes mes soirées, entre lui et Woronzoff ¹⁾, qui est un charmant garçon, avec lequel nous parlons souvent de vous. Il est à présent avec nous. Kamensky ²⁾ n'est pas encore arrivé de Paris, où il a été envoyé en courrier. Le c-te Nesselrode m'a parlé de lui et veut qu'il reste auprès de moi, et je ne demande pas mieux, car je conserve un attachement réel à son défunt père. Vous m'avez dit du bien du fils, c'est assez pour que je le prenne en amitié.

*

¹⁾ Графъ Иванъ Ларионовичъ Воронцовъ Дашковъ. П. Б.

²⁾ Это былъ братъ известнаго біографа Д. Н. Каменскаго, пользовавшійся особымъ расположеніемъ государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцова, который продолжалъ еще ввѣдать Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. П. Б.

Vienne, le 27 Sept. (9 Octob.) 1814.

Je ne puis pas concevoir comment le comte n'a rien fait pour vous. Je ne le lui pardonne pas, votre bon coeur a beau l'excuser. Lui, qui connaît si bien votre situation et qui aurait pu l'améliorer, car notre Empereur est un ange de bonté, il quitte sa place et vous oublie? Je ne l'aurais pas cru, je vous l'avoue.

Je n'ai pas encore fait de démarche pour aucune place. Nesselrode m'a promis d'y travailler lorsque nous aurons fini ici nos affaires, et j'ai tout lieu d'espérer que l'Empereur ne me refusera pas un morceau de pain. La place que je désire est certainement ce qui me conviendrait le mieux sous beaucoup de rapports et surtout parce que nous pourrions vivre ensemble. Si je ne réussis pas à l'obtenir, il faudra chercher autre chose; car se désespérer ne mène à rien. Je suis bien curieux de savoir ce que le c-te R. vous dira à son retour à Moscou et j'espère encore qu'il vous ménage quelque surprise, car vraiment cela ne lui ressemblerait pas de vous oublier après toute l'amitié qu'il vous a témoignée.

Il me semble que les oeuvres du p-ce de Ligne montent à plus de 15 volumes, je m'informerai et je vous les apporterai, malgré que c'est peu de choses. Ce qu'il y avait de mieux a été rassemblé par m-me Staël dans un volume. Il y a fort peu de brochures à Vienne, je vous enverrai ce qui paraîtra. J'ai écrit à Paris pour avoir la continuation de votre collection, mais j'ai demandé seulement ce qui n'est pas tout-à-fait mauvais, car le tout ferait un millier de volumes, et la plus grande partie ne vaudrait pas ce qu'elle coûterait.

Tourguéneff vous a-t-il écrit pour les 5000 roubles, que vous avez entre vos mains? Priez le d'arranger cette affaire et de payer l'année d'appointements que j'ai dû prendre chez Kankrine. J'ai écrit là-dessus à ce bon Tourguéneff, mais il est si occupé et étourdi que je crains qu'il ne l'oublie si on ne le lui rappelle pas. En attendant, si cet argent est chez vous, envoyez; s'il est chez Tourguéneff, dites lui de remettre à ma tante Martinoff 200 roubles: j'ai oublié de lui faire parvenir cette somme, qui sera pour 4 mois pour grand-maman Anna Lubimovna *).

Je dîne aujourd'hui chez le-p-ce Metternich à un grand dîner. Il faut y aller à 5 heures. J'aime assez de dîner tard. Je sors peu le soir, ordinairement Schröder, Woronzoff sont chez moi ainsi que Nicolas Dolgorouky, nous faisons une partie de wiste et nous sommes dans un nuage

*) К. Я. Булгаковъ хотѣлъ сказать: grande-tante. Мы не знаемъ, за кѣмъ была эта третья Эмберъ. П. Б.

de fumée; jugez ce que c'est que trois fumeurs déterminés, car Woronzoff fume comme un dragon, fumant dans la même chambre.

*

Vienne, le 3 (15) Octobre 1814.

Pozzo est arrivé depuis deux jours. Il restera quelque temps avec nous.

Nous possédons encore un autre illustre personnage depuis ce matin. Sans vous faire deviner, ce qui serait aussi difficile, je vous dirai que c'est le p-ce Kozloffsky, que je trouve changé un peu à son avantage quand à son moral; pour le phisque il a engraisé, ce qui le rend tout-à-fait rond. Son costume ne s'est pas formé sur les modes anglaises, malgré son séjour en Angleterre. Il est aussi mal torché qu'auparavant. Il restera aussi quelque temps avec nous.

Les fêtes continuent ici, aujourd'hui il y a bal chez la p-sse Esterhazy, je n'y suis pas allé, et demain il y a grand concert à la salle de manège où je compte aller. On exécutera le Samson de Händel, et on dit beaucoup de bien de la beauté de la musique. A propos, il faut que je vous confie quelque chose que je vous prie de garder pour vous, mon bon ami. Le fameux peintre Isabey est ici, et j'ai suivi le conseil de la c-sse Nesselrode de me faire peindre par lui pour Marie, mais c'est une surprise que je veux lui faire. Il n'a pas le temps de faire des miniatures, il ne peint qu'en aquarelle. J'ai vu plusieurs portraits charmants et j'espère que le mien sera ressemblant. Je lui ai déjà donné une séance avant-hier, demain je lui donne la seconde, il en faut cinq. Il me fait peindre simplement en face d'après son conseil. Il faudra en outre que je fasse un second portrait, mais en miniature pour maman *) qui veut absolument que ce soit en uniforme et avec toutes les croix; cela ne me plaît pas, mais que faire, il faut passer par là pour la satisfaire.

Lorsque le portrait d'Isabey sera prêt, je tâcherai de vous l'envoyer pour que vous puissiez en faire la surprise à Marie. Vous aurez tout le temps de préparer votre farce, et je suis sûr qu'elle sera bonne. C'est diablement cher, mais au moins c'est un tableau charmant. Il faudra déboursier 25 louis, c'est à dire 600 roubles; c'est ce qu'a coûté le portrait de Faste; il est vrai, qu'il est à l'huile, mais aussi quelle différence de peinture! Vous en serez contents, mes chers amis.

*

*) Т. е. для своей тѣщи. П. Б.

Le 6 (18) Octobre. 1814.

J'ai été ce matin à la fête militaire, donnée au Prater; ce soir au grand bal de Metternich. Je voudrais bien, mon bon ami, qu'une plume élégante se charge de la description de la première, qui dans son genre était ce que j'ai vu de plus parfait dans ma vie. On a choisi le Lusthaus pour point central: c'est là qu'était la tribune, où se sont tenus les souverains pendant que les troupes défilaient, c'est là que les souverains ont diné et c'est là qu'aboutissaient les différentes allées où étaient dressées les tables pour les soldats; trois ponts ornés d'armoiries et d'armes réunissaient cette rive à celle de l'autre où étaient également dressées des tables pour 15 m. hommes. Je ne saurais vous décrire en détails une fête qui rappelait le jour, où le monde a été sauvé et qui se donnait pour celui qui l'a sauvé. Le grand-duc commandait son régiment des cuirassiers de Hohenzollern, il était en uniforme autrichien.

*

Le 7 (19) 1814.

Aujourd'hui notre Empereur donne dans la maison de Razoumovsky un dîner de 300 personnes aux généraux et autres militaires distingués, qui ont été à la bataille de Leipzig.

*

Vienne, le 8 (20) Octobre 1814.

Je vous ai, je crois, parlé de la fête militaire, qui a eu lieu avant-hier; vous trouverez dans la gazette une description détaillée, à laquelle je n'ai rien à ajouter, si ce n'est que c'était une des plus belles fêtes que j'ai vu de ma vie. Le bal de Metternich, qui a eu lieu le même soir, était aussi magnifique; la salle ne laissait qu'un regret, celui de penser que dans quelques jours elle n'existera plus: car elle n'en a été construite que pour le bal et est en bois. L'architecte Moreau y a développé un talent bien distingué, mais ce qui a été un véritable chef-d'œuvre de goût et de tact, c'est la salle chez Razoumovsky, où l'Empereur a donné hier un dîner de 300 personnes pour tous les souverains et pour les généraux et officiers qui ont assistés l'année passée à la bataille de Leipzig. Nous avons été voir cette salle, car il n'y avait à dîner que des militaires, et je vous assure, que j'étais frappé de ce beau spectacle. Cela tenait de l'Arioste. On avait arrangé le manège, qui est très grand, en espèce de tente, tout autour étaient les drapeaux des Alliés, et sur les tables il y avait des trophées, au milieu desquels un bouclier, où était écrit le nom d'une des batailles gagnées, tant en Espagne que dans le reste de l'Europe. Vous jugerez combien il y avait des ces trophées, et tout cela avait un air si imposant qu'on ne pouvait pas

le voir sans émotion. J'espère qu'il paraîtra une belle description. Moreau m'a dit qu'il en ferait le dessin, alors vous pourrez juger combien la fête était belle. Elle était présidée par l'Empereur, et tout le monde était en extase de cet Ange. Ce soir il y avait bal chez le c-te Stackelberg; j'y ai été un moment. On dit qu'il a été très animé, mais après ce que nous avons vu ces jours passés, cette fête ne pouvait pas faire une grande sensation. Nous avons continuellement des fêtes, on parle de nouveau d'un carroussel, qui probablement sera magnifique, comme tout le reste. J'ai payé aujourd'hui en soupirant 600 florins pour ma voiture; c'est diablement cher, surtout pour l'usage que j'en fais, et cependant il serait indécent de ne pas en avoir une. La vie est extrêmement chère ici, et certainement je ne fais pas de dépenses inutiles.

*

Vienne le 12 (24) Octobre. 1814.

Je suis enchanté de votre détermination de rester avec Tormassow, mais je ne puis pas en revenir de mon étonnement que le c-te R. n'ait rien fait pour vous. Quand veut-il donc faire quelque chose après avoir laissé passer une si belle occasion? Cela ne lui ressemble pas, lui, qui, pendant qu'il était dans notre département ¹⁾, a fait tant de bien à tout le monde. J'espère que vous vous trouverez mieux de Tormassoff. Tout le monde s'accorde à dire que c'est un bien brave homme. J'espère qu'à présent vous vous connaissez et que vous vous êtes assuré de cette vérité. Certes il faut rester avec lui: il n'est pas indifférent pour vous, dans votre position, de perdre les avantages de cette place, tout petits qu'ils sont.

Voilà donc le commencement de la dote ²⁾, qui vous arrive. J'espère que la queue suivra bientôt. Je le désirerais pour pouvoir prendre quelque détermination sérieuse. Nesselrode a vendu sa terre; il a bien fait, car elle ne lui donnait que des embarras. Si vous entendez parler d'une terre de 2 à 300 m. r. à vendre, mais bonne et solide, informez m'en, mais avec des détails sûrs: vous lui rendriez service par là. Quant à ce qui regarde les ducats que vous avez reçus de Kiriko, c'est à nous, mon cher, à décider s'il est plus avantageux de les changer à présent où s'il faut attendre. Vous êtes sur les lieux et vous pouvez consulter quelqu'honnête négociant. Enfin je suis parfaitement tranquille

¹⁾ Т. е. въ царствованіе Павла, когда графъ Растопчинъ управлялъ Коллегією Иностранныхъ Дѣлъ, а юности-братья Булгаковы служили въ Московскомъ Архивѣ оной. П. Б.

²⁾ Т. е. приданого супруги К. Я. Булгакова. П. Б.

sur tout ce que vous ferrez; seulement il faut placer cette somme absolument au lombard et pas chez des particuliers, de manière cependant qu'on puisse la retirer quand ce sera nécessaire.

Il se prépare un grand bal masqué chez le c-te Metternich. Les dames Russes seront en paysannes; on m'a offert d'être de ce quadrille, mais vous sentez bien que je me suis refusé. Si on peut aller en domino, j'irai; si non, je m'en passerai, car je ne veux pas faire de folles dépenses. Vous ai-je dit que la p-see Souvoroff ¹⁾ est ici? Elle a extrêmement changé. Elle et sa mère et Александръ Львовичъ m'ont chargé de vous dire bien des choses. En fait de dames Russes il y a la c-see Reppine, les p-sses Sophie et Zéneide Volkonsky, la p-see Prozorovsky, m-me Protasow, m-me Soldan née Hitroff, la Pouchkine-Bruce, la veille p-se Volkonsky, et voilà, je crois, tout. Comme je ne vais chez personne, je rencontre ces dames aux grandes fêtes. L'Empereur est parti pour Bude ²⁾; ce voyage durera, à ce qu'on dit, quatre ou cinq jours. Le roi de Prusse et le Palatin y sont allés aussi.

*

Le 16 (28) Octobre 1814.

Il est vrai que même pendant la campagne on aurait pu acheter assez bon marché de nos billets de banque; mais *primo*, ce serait faire un peu le métier de Juif, qui sans miséricorde plumaient les officiers, qui avaient besoin de changer des papiers, et je n'aurais pas voulu charger ma conscience, et 2-e, il y avait un espèce de risque: car il y en avait de faux, et Branizky en a trouvé 600 sur, je crois, 3000. Adieu donc le profit! Il ne l'a pas fait par spéculation; aussi a-t-il été dedans.

Je serais bien aise si ce que Metaxa vous a dit se réalisait vite, si mon beau-père vendait la terre et si le restant était délivré. Ce n'est pas que je doute de sa bonne volonté, Dieu m'en garde; mais je voudrais seulement pouvoir faire quelque chose de stable de la dote.

Слава Богу, что мой сундукъ въ рукахъ уже графа Забрескаго. Когда пришьлетъ, то сбереги его до моего приѣзда; тамъ нѣтъ ничего такого, что могло бы испортиться. La reine de Sicile est morte, mais Raddi encore hier m'a dit que l'affaire de la croix était décidée et que vous porterez mon ordre.

¹⁾ Вдова князя Аркадія Александровича, урожд. Нарышкина, вышедшая поздно за князя Голицына. П. Б.

²⁾ Т. е. въ Венгрію, гдѣ Государь посѣтилъ могилу старшей сестры своей. П. Б.

Vous me demandez des brochures, mais les Allemands ne sont pas aussi scribomans que les Français; vous voyez même que dans les gazettes il ne savent pas rédiger d'une manière intéressante tout ce qui se fait ici en fait de fêtes. Je me suis adressé à Tourguéneff (qui a reçu la croix de chevalier de l'Aigle Rouge), et même lui n'a point de brochures, prouvé qu'il n'en existe pas. J'ai menacé de vendre ma boîte *), Marie a raison; mais ce n'est qu'à la dernière extrémité; jusqu'à présent je la possède et j'espère me tirer d'affaires sans la vendre. Je déteste les dettes, et ce n'est que crainte d'en faire qui me décidera à vendre cette boîte, qui du reste m'est assez inutile. J'espère que je ne serai pas réduit à cette extrémité. О Французскихъ брошюрахъ я писалъ Бутягину въ Парижъ, но еще не имѣю отвѣта. Я увѣренъ, что онъ пришлетъ, что есть новаго и интереснаго. Je demanderai celles que vous désirez avoir.

Φ. avec sa trop grande délicatesse, qui est plutôt une bêtise de sa part, fera toute sa vie du tort à ses affaires. J'étais sûr qu'il arrangerait les choses de manière que sa tante, en mourant, même malgré l'adoration qu'elle avait pour lui, n'aura pu rien faire en sa faveur. Je suis fâché contre lui pour cette sottise délicatesse; surtout à présent qu'il est marié, il devait penser à son héritier, mais là-dessus il a des idées à lui que je ne partage pas, malgré que sûrement sur ce qui est délicatesse, je suis scrupuleux comme un honnête homme doit l'être.

J'ai pensé à la place d'adjoint de Malinowski pour vous, mais Weidemeyer avait déjà proposé Jdanowsky, et il était trop tard de la demander: cela aurait l'air d'intrigue et ne vous ferait sûrement pas plaisir. Du reste, ce Jdanowsky est un pauvre diable, qui a aussi femme et enfants et dont la situation, d'après ce que dit Kamensky, est bien triste. Voilà pourquoi je n'ai plus voulu faire de démarches. Je ne vois pas même en quoi cette place aurait pu être avantageuse pour vous. Le quartier vous l'avez, et j'espère que vous le conserverez, car je ne doute pas que vous ne soyez bien avec Tormassoff.

Nous ne logeons pas encore avec Schröder, mais nous sommes presque toute la journée ensemble et plus liés que jamais. C'est un bien excellent garçon, et je le compte avec plaisir au nombre de mes amis.

*

*) Это драгоценный ящикъ, подаренный К. Я. Булгакову регентомъ Англии (Георгомъ IV-мъ). П. Б.

Le 20 Octobre (1 Novembre) 1814.

Hier nous avons eu un bal superbe chez le c-te Razoumovsky. Vous connaissez son local, qui depuis votre dernier passage par Vienne a considérablement embelli et augmenté. Les salles où on a soupé ont surtout été magnifiquement éclairées et ornées. Il n'a rien épargné aussi. C'est une des plus belles fêtes que nous avons eues. Quelqu'un, qui a quitté le bal à 4 heures, m'a dit qu'on y dansait encore. Je l'ai abandonné très animée.

*

Vienne, le 25 Octobre (6 Novembre) 1814.

Depuis quelque jours je passe la matinée à la chancellerie d'état avec un commissaire Anglais et Prussien, chargé de la vérification de pleins-pouvoirs. Toute la ville est en agitation pour le bal masqué de Metternich, qui doit avoir lieu après demain. Je suis calme, mais cependant j'ai du commander une vénitienne pour ne pas prendre quelque autre habit de masque, qui aurait de la prétention. Je n'ai que celle de me tirer le meilleur marché possible de cette brillante fête. On parle d'une redoute parée et d'un carrousel, qui auront lieu bientôt; il y a continuellement quelque chose, et il faut rendre justice à cette cour: toutes ses fêtes étaient magnifiques. C'est dommage qu'on ne sait pas ici faire une jolie description. Sous ce rapport les gazettes de Paris étaient bien plus intéressantes.

Тетушкина просьба у Государя; но не натурально, чтобы онъ могъ теперь, посреди столь важныхъ занятій, заниматься партикулярными дѣлами; если будетъ имѣть свободную минуту, то вѣрно прочтетъ экстрактъ, и я не сомнѣваюсь въ успѣхѣ: ибо что она просить и мало, и справедливо. Не сказывай ей однакоже этого, а не то она еще нетерпѣливѣе будетъ наша добрая старушка *). J'ai de nouveau écrit à Paris pour les brochures. J'espère que nous en aurons, mais vous avez oublié de m'envoyer les numéros des gazettes, qui vous manquent, et c'est essentiel pour compléter votre collection.

C'est une journée en l'air pour moi qu'aujourd'hui: je dîne chez Koudriavsky, je vais au ballet de Nina, bénéfice de m-lle Bigottini, et puis une redoute pour les pauvres. Je ne m'y éterniserai pas. Ma santé va toujours bien. Il est vrai, que je ne fais rien pour la déranger.

*

*) Мавра Ивановна Приклонская, потерявшая въ 1812 г. отъ Французскаго нашествія.

Vienne, le 29 Oct. (10 Nov.) 1814.

Grâce à Dieu, votre nouveau chef est arrivé, et vous vous êtes décidé à rester avec lui; c'est ce que j'ai désiré. Je suis persuadé que vous vous conviendrez mutuellement. Il ne serait pas ce qu'on dit de lui, si, en vous apprenant à connaître, il ne vous aimait pas, mais sous ce rapport je suis parfaitement tranquille. Ce qui doit vous faire plaisir c'est que tout le monde vous a recommandé à lui, sans que vous l'ayez demandé, et sans vous flatter, je puis dire que c'est aussi un service mutuel qu'on vous a rendu. Je ne sais pas quel Bibikoff est son aide-de-camp; si c'est le neveu du défunt maréchal, j'ai été très lié avec son frère, qui est mort à la suite de ses blessures à Vilna, jeune homme, qui a été avec nous en Valachie et qui s'était fait vraiment estimer de tout le monde. Il a été chez moi à Brest, c'est là que je l'ai vu pour la dernière fois; il m'avait confié son bas-officier favori, qui était malade et qui est resté chez moi plusieurs mois. Il était dans le régiment de husards d'Olviopol. J'étais bien lié avec ce brave jeune homme.

Je ne connais pas Broker, mais je n'ai pas entendu dire du bien de lui à Moscou, je ne m'étonne donc pas si vous le perdez; mais si Bibikoff ressemble à son frère, je désire qu'il le remplace.

Ce petit Миша Tormassoff, dont vous parlez, est un grand gaillard, plus grand que vous. Je l'ai vu à Reichenbach, il est dans notre département et est devenu un bien joli garçon.

Je ne sais pas si je vous ai parlé du spectacle qui je tâche de voir aussi souvent que possible: c'est le ballet de Nina, dansé par la Bigottini. C'est ce que j'ai vu du plus intéressant dans ce genre. La fameuse Bigottini joue le rôle de la folle par amour avec un sentiment qui arrache des larmes à tout le monde, et j'avoue sans honte que j'ai dû plusieurs fois essuyer les miennes. J'ai été encore hier voir ce ballet et je tâcherai de ne pas le manquer. Je suis toujours placé avec Worontzof et Schröder, et vraiment nous jouissons de ce spectacle. Ce soir il y a redoute parée, il y aura de nouveau quelques mille de personnes; je me propose d'y aller, mais bien décidé de n'y rester qu'un moment.

*

le 30 Oct. (11 Nov.) 1814.

Oui, mon bon ami, je suis heureux de la manière dont notre angélique Souverain me traite. Lorsqu'il me parle, c'est avec tant de bonté et lorsqu'il me salue, c'est avec un sourir si bienveillant que je vous assure je ne tarderai pas à me faire tuer mille fois pour lui, s'il le

fallait. C'est un Ange. Le pauvre duc *) ne va pas bien, il est malade depuis quelques semaines, et on dit tout bonnement qu'il a eu un petit coup d'apoplexie. Je ne l'ai pas vu depuis longtemps; dès que j'aurai un moment à moi, j'irai chez lui, car vraiment je l'estime bien sincèrement. Il a des principes si fermes et il est si dévoué à son roi.

*

Le 1 (13) Novembre 1814.

Mon genre de vie ici est tout-à-fait monotone, au milieu du tourbillon de fêtes qu'on nous donne. J'y vais pour pouvoir dire que je les ai vues, car, je vous assure, elles ne m'amuse pas du tout. On parle d'une nouvelle fête chez Razoumovsky, je suis sûr qu'elle sera belle, surtout si Koudriavsky, qui est un homme unique pour diriger les fêtes, se porte bien.

*

Le 5 (17) Novembre 1814.

J'ai donné hier la dernière séance à Isabey; demain il achevera tout-à-fait, et après je chercherai une occasion de vous l'envoyer tout de suite. Je me réjouis d'avance de la farce que vous ferez avec Marie et puis de sa joie. Tout le monde trouve le portrait charmant, je le trouve très ressemblant; ce n'est pas fait, mais c'est qu'il a le talent de saisir le ressemblance d'une manière et flatteuse et agréable. Tous ses portraits et principalement ceux des femmes sont charmants; on ne lui trouve qu'un seul défaut, c'est qu'il engraisse trop la figure, et moi je n'avais pas besoin de ce genre de flatterie. Il a fait même Nesselrode gras. Je vous en préviens pour que l'on ne s'imagine pas que j'ai encore engraisé, car c'est le contraire.

*

Vienne, le 8 (20) Novembre 1814.

Ce Tourguénéff est inconcevable. Je vous prie, mon bon ami, de lui écrire relativement à la restitution de mes appointements là où ils appartiennent; je ne voudrais pas cependant avoir d'histoire et qu'on puisse dire que j'ai pris deux fois les mêmes appointements. Le Collège m'a forcé de les prendre et n'a pas voulu se charger de payer à la trésorerie ce que m-r Kankrine m'avoit donné à la demande du c-te Nesselrode. Je n'avais pas d'argent alors et je n'avais pas reçu mes appointements depuis plus d'une année. Vous m'obligerez beaucoup si vous arrangez tout cela; si ce n'est pas par Tourguénéff, qu'il vous dise au moins ce qu'il y a à faire et qu'il vous envoie, ou remette à celui qui vous changerez à P.-Bourg, le papier que je lui ai écrit et les annexes,

*) Сепра-Капріоли? П. Б.

qui expliquent toute l'affaire. Je ne sais pas pourquoi Tourguéneff tarde à vous envoyer l'argent de Kojouchoff, il devoit le faire quelques jours après mon départ. Je suis bien aise, mon bon ami, que cela vient à propos. Je voudrais bien pouvoir y ajouter quelque chose, mais dans ce moment-ci je dois économiser voulant garder la boîte d'après votre conseil. Si tout s'arrangeoit pour moi comme je le désire, nous pourrions déjà faire quelque chose de plus solide. Dieu est grand! Avec la conviction que j'ai qu'Il nous protège, j'espère qu'Il ne m'abandonnera pas et me mettra en même d'être utile à mon excellent frère, qui a besoin de secours et pour qui je n'ai encore pu rien faire jusqu'à présent. Репнинъ ¹⁾ приѣхалъ изъ Дрездена. Не знаю, Тургенева братъ съ нимъ ли ²⁾? Я съ этимъ еще незнакомъ, а Николай точно Андрей покойный: даже и хромаетъ, какъ онъ.

*

Le 9 (21) Novembre 1814.

Mon portrait est chez moi. Tout le monde le trouve charmant, mais un peu trop gras. Plaisanterie à part, c'est le défaut de tous les portraits d'Isabey. J'espère que vous ferez quelque jolie farce à Marie en le lui donnant, то-то крикнетъ! La ressemblance est frappante, et c'est un genre charmant; dites lui seulement de ne pas l'exposer au soleil et à l'humidité. Avec cette précaution cela se conserve comme une miniature à l'huile. Le portrait de Woronzoff est aussi bien joli.

*

Vienne, le 11 (23) Novembre 1814.

Je suis bien aise que mes lettres vous parviennent si exactement, et tout cela grâce à l'excellent m-r Kalinine ³⁾. Vos farces sont charmantes. Je m'attends à la principale, lorsque vous lui donnerez mon portrait, qui est déjà tout-à-fait achevé et même emballé. Je crois que je finirai par le donner à m-r Lavosse ⁴⁾, négociant Russe qui se rend à Moscou, qui y a été longtemps établi et qui me semble assez sûr pour que je lui confie une chose, qui, si elle se perdrait, me mettrait au désespoir: primo parce qu'elle m'a coûté cher, et puis je n'aurais plus l'occasion de rencontrer Isabey. A présent il faut que je me fasse peindre en miniature pour ma belle-mère. Elle veut que ce soit en uniforme

¹⁾ Князь Николай Григорьевичъ, въ то время вице-король Саксонскій. П. Б.

²⁾ Сергій Ивановичъ, дипломатъ, скончавшійся въ Парижъ въ 1827 году. Говорили, что изъ четырехъ братьевъ Тургеновыхъ онъ самый умный. П. Б.

³⁾ Петербургскій почтдиректоръ, предшественникъ К. Я. Булгакова въ этой должности. П. Б.

⁴⁾ Можетъ быть, отецъ почтеннаго Делавоса, который въ наши дни былъ директоромъ Ремесленнаго Училища въ Москвѣ. П. Б.

avec tous les ordres; cela me contrarie un peu, mais il faut passer par là. J'étais sûr que toutes les petites bagatelles, que j'ai envoyées à Marie, l'amuseraient un moins une soireé. C'est tout ce que je désirais. Longuinoff a été replacé à notre département, a été fait conseiller de collège et conserve sa place de secrétaire auprès de l'Impératrice. J'en suis enchanté, car c'est vraiment un bon garçon et un grand ami à vous. Il a reçu en outre la croix de commandeur de Bade et de Bavière. Il est rayonnant de joie. Je viens de recevoir la croix de commandeur du Danneborg. Ce qui me fait beaucoup de plaisir c'est que Schröder l'a aussi, ainsi que le bon Woronzoff, qui n'avait pas de croix étrangères. Celui fera plaisir à sa mère*), aussi en est-il très content. Je ne vous ferai pas la description de la croix, Marie vous racontera tout cela. En voilà donc dix, dont huit au cou. Comment porter tout cela? Il faudra aller remercier le roi de Danemarc de cette faveur, à laquelle nous ne nous attendions nullement. Cette croix est ancienne et très estimée.

Ce soir est la caroussel, j'ai pris le parti de ne pas y aller, mais j'irai à la redoute pour voir le costume des chevaliers et des leurs dames, qui surtout est, dit-on, d'une magnificence sans exemple. Demain il y a encore un bal à l'Augarten, mais je n'y vais pas.

*

Vienne, le 18 (30) Novembre 1814.

J'ai remis à Serge Gagarine la lettre de son frère. Il est beaucoup avec nous, c'est un garçon qui promet. Il a été reçu à notre département comme translateur et placé auprès du Capodistrias. Il a très bien fait d'avoir pris ce parti, car Zurich est une ville où il aura peu de distraction et où il pourra se former sous la direction de son chef, qui est très capable de le diriger. Ils sont tous encore ici.

*

Le 19 Nov. (1 Décembre) 1814.

Je dîne aujourd'hui à la table-d'hôte c. à d. (d'Ott): il donne un dîner pour moi, qui très probablement sera mauvais. Woronzoff et Schröder y dînent aussi. Demain c'est Koudriavzoff, qui nous donne un dîner, après demain c'est Longuinoff. Les fêtes et surtout les bals ont fini, il y aura cependant aujourd'hui une seconde représentation du caroussel; je suis fort décidé à ne pas y aller à moins que ce ne soit pour un moment.

*

Vienne, le 27 Nov. (9 Dec.) 1814.

Nous avons eu ces jours passés chez Razoumovsky un bal, qui était la plus belle chose du monde et qui fait honneur au nom Russe.

*) Графиня Ирина Ивановна, ур. Измайлова. П. Б.

Je ne sais pas si vous connaissez sa maison telle qu'elle est à présent. Elle est si grande que tous les appartements n'ont pas même été ouverts, malgré qu'il y avait 600 personnes au bal et 600 à souper, tous aussi dans d'autres chambres. Il y avait dix orchestres, qui répétoient dans les autres appartements et dans le jardin d'hiver ce qui jouait le grand orchestre. Cela avait l'air d'une magie du palais d'Armide; en un mot, excepté les fêtes que l'empereur d'Autriche a données, c'est la plus belle que nous ayons vu ici. La bibliothèque était aussi ouverte. Ай да Разумовскій!

*

Vienne, le 28 Nov. (10 Déc.) 1814.

Le pauvre prince de Ligne s'en va, il était très mal hier et a demandé un confesseur. C'est dommage que des gens aimables comme lui finissent. Il ne voit que peu ses enfants pour ne pas augmenter leur peine, mais il plaisante encore. Il dit que son empereur veut encore nous donner le spectacle de l'enterrement d'un maréchal. On dit que c'est pour la première fois qu'il se confesse dans sa vie. Si c'est par conviction qu'il a demandé un confesseur, j'en suis bien aise pour lui.

Hier Potocki le gras nous a donné un dîner de garçons aux bains de Diane: c'est un nouvel établissement, auquel le défunt Mallia avait une part; c'est vraiment magnifique, et vous savez qu'on en avait besoin à Vienne, car les autres bains ne sont pas bien propres.

*

Vienne, le 1 (13) Décembre 1814.

Kozlovsky est en effet un peu plus propre depuis qu'il est ministre et il a beaucoup gagné. Когда совсѣмъ перебѣсатся, то будетъ порядочный человекъ, car certainement il ne manque pas des moyens, s'il y avait seulement un peu plus d'ordre dans sa tête.

Je vous remercie, mon bon ami, d'avoir agi avec moi comme vous devez toujours faire. Vous savez bien que ce qui est à moi est aussi à vous. Ce n'est pas à présent, j'espère, que nous commencerons à avoir des comptes ensemble. Je vous répète: vous avez très bien fait d'avoir pris 3000 r. Pourquoi ne puis-je pas vous donner 100 m.! Je vous prie seulement, mon cher ami, de faire un autre arrangement. Ces 5000 r. il faut absolument que je les rembourse (et je tant de fois prié Tourguéneff d'arranger tout cela): je ne voudrais pas qu'on puisse jamais me reprocher d'avoir pris deux fois mes appointements, et ceci est arrivé; parce que le collègue n'a pas voulu rembourser lui-même m-r Kankrine.

Entendez vous donc, je vous prie, ou avec Tourguénef, ou avec quelqu'un autre pour que cette affaire soit arrangée et que je sois tranquille. Pour compléter la somme de 5000 r., prenez du capital ou des mille ducats que Kiriko m'annonce vous avoir envoyés, les 3000 r., dont vous avez eu besoin (ce que vous avez envoyé à grand-maman). J'espère que cet arrangement ne souffrira aucune difficulté.—L'histoire de Gagarine avec sa femme nous est aussi parvenue de P.-Bourg, mais d'une version bien différente de celle que vous m'avez écrite. Toute la ville reconnaît sa femme innocente, et sans cela certainement m-me Gourieff ne l'aurait pas accueillie, elle, qui est d'une sévérité si généralement reconnue pour tout ce qui est moeurs. Il est parvenu ici une description bien touchante de l'état de cette femme, à qui on prétend qu'on ne peut rien reprocher si non d'aimer trop son mari. Je ne me mêle pas de juger, mais cependant l'accueil de m-me Gourieff et l'opinion publique sont en faveur de la femme.

Двѣ записки отъ вѣтреннаго Тургенева получилъ, но чтò онъ при этомъ пишетъ, не знаю. Вижу, что деньги заплачены за мой настоящій чинъ, но кѣмъ? И если Тургеновымъ, то изъ какихъ денегъ онъ заплатилъ: изъ своихъ ли? Онъ право совсѣмъ съума сойдетъ. Il n'a pas beaucoup de chemin à faire.

Le pauvre prince de Ligne vient du finir sa longue carrière ce matin. Il est mort plutôt de vieillesse que de maladie, car elle n'était pas de conséquence, mais il n'y avait plus de fond. Quelle terrible catastrophe pour toute la famille et surtout pour la pauvre p-sse Clary, qui l'aime comme nous aimions notre père. Pour la ville c'est une porte irréparable, c'était l'homme le plus aimable, on n'en fait plus de cette espèce. L'esprit et l'amabilité porteront longtemps son deuil, et sa place sera longtemps vacante dans le monde. Les étrangers perdent une maison extraordinaire et agréable. Il est généralement regretté, et ce qui est plus, il le mérite, car la flatterie ne va pas au de la tombe.

*

Vienne, le 9 (21) Décembre 1814.

Hier j'ai tenu un enfant au fond des baptêmes chez Kariboglou et demain je dîne chez Manoukbey à un dîner turc avec Narischkine et beaucoup de nos compatriotes. Schröder et Woronzoff vous embrassent amicalement, le dernier va paraître dans des tableaux qu'on représentera à la cour. Samedi on nous promet un dîner de 100 couverts chez Stackelberg pour la fête de notre angélique Empereur.

*

Vienne, le 14 (26) Décembre 1814.

Pour la fête de l'Empereur nous avons eu un grand dîner chez l'impératrice d'ici, où elle avait fait inviter tous nos compatriotes jusqu'à mon grade inclusivement. L'empereur d'Autriche était en uniforme Russe. Je ne sais pas si vous ignorez qu'il y a chez nous un régiment de grenadiers qui porte son nom; et notre Empereur était en uniforme autrichien, qui est tout-à-fait joli lorsqu'il le porte. Pendant le dîner il y avait une musique superbe et, comme de raison, on a bu la santé de notre angélique Souverain. La veille il y avait un grand concert dans la belle salle de la cour, dirigé par Saliéri. Il est impossible d'entendre un orchestre plus parfait, et le choix de la musique était charmant. Hier nous avons eu un dîner de 110 personnes chez le c-te Stackelberg. Il y avait trois tables dans trois chambres différentes; la première présidé par la comtesse, c'est à celle-ci que j'étais; la seconde par le c-te et la troisième par m-me Ott. Tous les Russes et tout ce qui tient à l'Empereur en fait de ministres, chambellans d'ici et militaires, ont été invités. C'était aussi dans son genre quelque chose de magnifique. Le soir il y avait un grand concert pour les pauvres à la salle de la redoute, j'y ai été un moment pour payer mon ducat. L'hiver vient de commencer, il a tombé de la neige le jour de la fête de l'Empereur; c'est une galanterie pour lui.

*

Vienne, le 17 (29) Décembre 1814.

Raddi a la goutte. Il attend une réponse de Palerme pour vous écrire; j'ai été le voir. Quant à l'affaire de Manzo, je ne puis que le plaindre et je ne conçois pas comment Tatischeff a le coeur de le laisser dans cet état étant la principale cause; mais dès qu'il s'agit d'argent, c'est fini. Je ne sais vraiment pas comment il finira; à Londres il avait tant de dettes que sans son frère et Polétika, qui ont amadoué le banquier Hamann, on l'aurait, je crois, mis en prison. En Espagne il dépense énormément, il est criblé de dettes. Où tout celà doit-il aboutir? Je voudrais bien être utile à Manzo, mais je vous avoue que j'ai une répugnance de me mêler des ces espèces d'affaires et je sais d'avance que Polétika aussi ne voudra pas s'en mêler. Mais qu'est-ce qui empêche Manzo de prier là où il appartient? Le Collège sera obligé de décompter des appointements de Tatischeff, c'est toujours quelque chose.

Полетика хочеть оставить Мадридъ и отъ дороговизны, и отъ жены Татищева, съ коєю никакъ не можеть ужиться. Il n'a rien contre Tatischeff, au contraire il se loue de son amitié; mais il souffre de le voir

descendre la montagne au galop. Grâce à Dieu, Freygang part demain pour le Hollande, il est auprès de Pfull. Il ne viendra plus m'ennuyer.

*

Vienne, le 20 Décembre 1814 (1 Janvier 1815).

Le pauvre Razoumovsky a mal fini son année: une grande partie de sa superbe maison a brûlée avec une tas d'effets et de meubles. Pour ne pas répéter des détails qui m'ont fait une véritable peine, je vous renvoie à une lettre à Marie où je lui en donne quelquesuns. Razoumovsky, quoique calme en apparences, est sensiblement affecté, et je crains qu'il ne fasse une maladie. Il est cruel, à son âge surtout, de voir détruit ce qui réunissait toutes ces affections. Cette maison était pour lui femme, enfants. Il a certainement les moyens de la rebâtir, mais il a 60 ans passés; combien de temps en jouirait-il encore à moins de faire une exception à l'ordre de la nature? J'ai été le voir et je vous assure, que la vue de ces ruines là, où quelques jours avant nous avions la plus belle fête du monde, m'a fait faire des réflexions sur le *vicende umane*. J'ai beaucoup de choses à faire aujourd'hui, vous savez ce que c'est que la nouvel an ici. La partie désagréable des occupations de ce jour c'est de déboursier, et tout le monde se réunit pour vous faire payer des voeux, qui ne sont que dans leurs bouches.

*

Vienne, le 21 Décembre 1814 (2 Janvier 1815).

J'ai vu hier Razoumovsky au bal de la cour. Il est calme, mais ce calme ne peut être qu'apparant. A son âge on doit être sensible à une perte à la quelle tenait son existence. Cette maison, qu'il a passé tant d'années en arranger à sa manière, faisait son bonheur. La flamme a tout détruit. Il m'a dit que c'est comme si il avait perdu un enfant qu'il avait élevé pendant 15 ans, et je le conçois. Il ne veut plus rebâtir ce qui a brûlé, et je crois qu'il a raison: celà l'entraînerait à des dépenses énormes et reveillerait chaque jour ses regrets.

*

22 Décembre 1814 (3 Janvier 1815).

Il neige que c'est un plaisir, j'ai rencontré déjà un traîneau. On prépare effectivement une promenade en traîneaux à la cour. Elle sera composée de 50 traîneaux, et les suites des souverains iront à cheval. S'il fait aussi froid qu'aujourd'hui (10 degrés), elles seront fraîchement. L'année passée à cette époque nous étions encore à Freybourg. Que d'événements depuis! On ne parle même plus de Napoléon, et qui a fait tout cela? C'est notre Empereur.

*

23 Décembre (4 Janvier).

Le nouvel an est diablement lourd ici, mais il allège diablement la bourse. Les florins s'en vont que c'est un plaisir, mais en revanche on a des vœux tant qu'on en désire. On serait bien heureux si une partie se réalisait, mais ceci n'est plus l'affaire des *gratulantants*. Voici ceux du porteur d'affiches. Je vous passe ses vœux qui m'ont coûté 5 florins. Raddi a été chez moi ce matin, il attend des réponses de Palerme pour vous écrire. Ce qu'il m'a raconté de Tatischeff ne lui fait pas beaucoup d'honneur, et Manzo a tort de ne pas présenter une supplique au Collège, sans quoi il ne sera jamais payé, surtout puisque les dettes s'accroissent, et Dieu sait comment il finira.

*

Vienne, le 26 Décembre (7 Janvier).

Je suis né hier, mais si j'étais né seul, si vous n'étiez pas au monde, de quel bonheur j'aurais été privé! J'aurais ignoré ce que c'est qu'un frère tel que vous et qui est un véritable ami. J'ai passé une journée comme à l'ordinaire. J'ai été à la messe, je vous ai recommandé tous à Dieu. J'ai dîné chez Nesselrode, j'ai été à un bal d'enfants chez Stackelberg et j'ai fini par écrire à ma femme. Pourvu que le temps passe et nous réunisse bientôt tous, je pense peu à la manière de l'employer agréablement; du reste il n'y en a qu'une: c'est de lire vos lettres, celles de Marie et de griffonner à mon tour des volumes.

Woronzoff est en effet un gaillard bien carré et bon garçon tout-à-fait. Nous sommes toujours ensemble. Il a beaucoup d'amitié pour moi et me témoigne de la confiance; il suit mes conseils, et vraiment ils peuvent lui être utiles, car j'ai plus d'expérience et de connaissance d'hommes que lui. J'ai eu plus d'une fois raison, et il ne faut que cela à un jeune homme de coeur, bien pensant, pour s'attacher. Je l'aime aussi bien sincèrement. Il vous est très attaché. Schröder a naturellement plus de solidité, mais aussi il y a une différence de 12 années, et puis il a passé par tant d'événements, il a tant couru le monde! Il est bon, serviable, attaché à ses devoirs et d'une exactitude sans bornes. C'est avec eux, Serge Gagarine, Nicolas Dolgorouky, Stanislav Potocky, Obreskoff que je passe ma vie. Le grand monde me pèse et ne m'amuse pas, les bals me rappellent des dispositions qui n'existent plus; je suis persuadé qu'il n'y a que la vie tranquille qui peut me rendre heureux, la vie domestique, la société de mon frère et de mes amis. Pozzo part pour Paris. Il est trop occupé de ses préparatifs dans ce moment-ci, mais il m'enverra sa réponse de Paris. En attendant il me charge de vous assurer de toute son amitié et de le mettre aux pieds de mon aimable belle-soeur. C'est comme cela qu'il l'appelle, et je crois qu'il n'a pas tort.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА *).

1860-й годъ.

(Январь — Июль).

Январь. 1. Я всталъ въ заутрени. Омывшись въ снѣгу на дворѣ, я пошелъ къ ранней обѣднѣ; дома служили молебенъ съ водосвятиемъ. Были съ визитами гг. Ундольскій, Кацари, Куроѣдовъ, Кашинцевъ и пр. Когда я шелъ къ ранней обѣднѣ въ свой приходъ, мнѣ встрѣтились на дорогѣ музыканты и Иверская Божія Матерь, къ коей я прикладывался. Послѣ молебна на дому я отправился въ Успенскій соборъ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ и гдѣ я видѣлся съ преосв. Евгеніемъ. Я зашелъ въ Чудовъ поздравить митрополита съ праздникомъ и торжествомъ. Тамъ были на закускѣ сенаторы Мясоѣдовъ и Казначеевъ, Рюминъ камергеръ, гражданскіе г. Корниловъ и Кашинцевъ. Оттуда я зашелъ поздравить Никитскую игуменью и И. И. Давыдова. П. В. Шереметевскій прислалъ мнѣ печатное поздравленіе съ Новымъ Годомъ; писалъ къ г. Философову и Мишѣ.

2. Я всталъ до заутрени, помолился, потомъ занимался лубочными картинами о сказкахъ. Я ходилъ къ г. Ундольскому, у котораго встрѣтился съ к. Бабининымъ. Потомъ я проѣхалъ съ визитомъ къ Е. В. Святогору, навѣстилъ тестя его, больного водяною, Грузинова, заѣхалъ къ графу Гейдену, къ сенатору Чертову, зашелъ помолиться къ Спасу на Остоженкѣ; къ И. И. Вельяминову завернулъ; въ отсутствіе Вельтмана, заставъ жену, шурьевъ и дѣтей за обѣдомъ, обѣдалъ съ ними; отъ нихъ прошелъ къ дочери, у которой нашелъ жену свою и Бахметьеву. Приѣхала кн. Лобанова-Ростовская, съ которой я побесѣдовалъ; потомъ Анета мнѣ дала свой экипажъ. Безъ меня были у меня генералы П. П. Корниловъ, Бревнеръ и Понырка.

4. Я всталъ до заутрени, занимался своими дѣлами, пѣшкомъ хо-

*) См. выше, стр. 60.

диль къ А. А. Майкову и П. И. Иванову, потомъ въ Казенную Палату за пенсією на Аннинскій крестъ, зашелъ къ С. Н. Орлову; обѣдалъ у П. П. Никифорова. Вечеромъ была Аполлинарія Горская. Андрей мой воротился съ дороги по нездоровью.

5. Дома меня беспокоила и ругала въ неистовствѣ своемъ А. А. Я ушелъ на Срѣтенку, гдѣ встрѣтился съ Троицколист. священникомъ, который осѣнилъ меня крестомъ и окропилъ св. водой; посидѣлъ у М. Л. П., поправилъ переводъ ея сыну и пошелъ на Троицкое подворье ко всенощной.

6. Былъ на іордани; въ крестномъ ходу былъ викарій Леонидъ. Съ А. А. Медынцевымъ и П. В. Шереметевскимъ я обѣдалъ у В. А. Полякова. Послѣдній возвратилъ статьи изъ Р. В. съ своими замѣтками.

7. Въ Опекунскій Совѣтъ за справками по недоимкѣ на имѣніи Миши, оттуда къ А. И. Лобкову, у котораго встрѣтился съ Н. И. Машиновскимъ и Дупельтомъ.

9. Отнесъ 5 т. Русской Бесѣды къ И. Д. Бѣляеву, съ которымъ перечиталъ статью о народныхъ притчахъ, сказкахъ и о мѣстѣ погребенія раскольниковъ Суслова и Лубкина въ Ивановскомъ м. Онъ очень ихъ хвалилъ. Морозъ около 20 гр.

10. Пошелъ пѣшкомъ посмотрѣть картины у Поддлюшникова и отъ него къ А. И. Лобкову, съ которымъ и отправился на званый обѣдъ къ И. Ѳ. Гучкову, гдѣ я видѣлся съ сенаторами Чертовымъ и Мясоѣдовымъ, съ кн. Крапоткинымъ и пр. Обѣдъ былъ роскошный и великолѣпный, гости были веселы. Оттуда я съ С. П. Шевыревымъ отправился домой въ 9 часу.

11. Холодъ, вьюга и метель, заслѣпляющая глаза. Я ѣздилъ и ходилъ къ С. Н. Орлову, къ Ю. Н. Бартеневу, у котораго встрѣтился съ г. Политковскимъ, завтракалъ, читалъ ему отрывки изъ лубочныхъ картинъ, кои, повидимому, ему понравились, и онъ очень хвалилъ ихъ. Я обѣдалъ у кн. Ю. А. Долгорукова съ С. П. Шевыревымъ. Вьюга снѣжная продолжалась. Навѣстилъ больныхъ у Г. М. Крашенинниковой, оттуда домой по сугробамъ снѣгу; усталъ и озябъ, но занимался исправленіемъ статьи о символичности въ картинахъ лубочныхъ.

12. Докончилъ статью свою о Мытномъ дворѣ. Вечеръ провела у насъ бабка Полька.

13. Я всталъ въ заутрени, помолился; потомъ ходилъ пѣшкомъ въ Университетскую типографію, къ А. А. Мартынову и къ Н. Ф.

Павлову, который подарилъ мнѣ билетъ на изд. «Наше Время». Я у него перехватилъ 15 р. с., купилъ дровъ осиновыхъ 1 саж. 3 четв.

14. Снѣгъ шелъ. Поутру я ѣздилъ къ Ѳ. В. Чижову, которому прочелъ статью свою о Мытномъ дворѣ. Онъ вызвался ее напечатать въ своемъ журналѣ *). Ему и Бабсту я прочелъ объясненіе лубочной картинки «Мыши кота погребаютъ», ими одобренное. Мартыновъ привезъ мнѣ мой портретъ Павла I.

15. Я всталъ въ заутрени, купался въ снѣгу; получилъ увѣдомленіе о смерти К. Ѳ. Селивановской. Утро занимался своими дѣлами и остатокъ его провелъ въ бесѣдѣ съ г. Ундольскимъ; обѣдалъ у Н. В. Сушкова съ Н. И. Тютчевымъ.

18. Въ заутрени пріѣзжала какаля-то барыня спрашивать священника, отчитывающаго отъ пьянства. Были Миллеръ портной, отъ Спиридонова Гиписъ, А. А. Майковъ. Я ходилъ пѣшкомъ къ священнику Ивану Николаевичу Аничкову, съ которымъ прочелъ свою статью о Сусловѣ и Лубкинѣ еретикахъ; обѣдалъ у бывшаго товарища своего И. И. Давыдова; завернулъ по дорогѣ къ О. М. Бодянскому, у котораго видѣлся съ г. Ордынскимъ.

19. Я всталъ въ заутрени, ходилъ къ В. М. Ундольскому, у котораго занялъ 4 р. с.; потомъ ѣздилъ навѣстить убишагося г. Пако и отдалъ ему объясненіе нѣсколькихъ Русскихъ словъ изъ Устряловой Исторіи Петра I; поздравилъ П. А. Чертова съ чиномъ д. т. совѣтника и, помолясь Всемилостивому Спасу на Остоженкѣ, проѣхалъ къ дочери, у которой и обѣдалъ. Она довезла меня до дому, а сама осталась у Святогора.

20. Купался въ снѣгу, потомъ занимался своими дѣлами. Я ѣздилъ къ В. И. Далю, съ которымъ поговорилъ о Русскихъ сказкахъ и лубочныхъ картинкахъ. Онъ мнѣ казалъ печатаемый имъ въ изданіи О. И. и Д. Р. Русскія пословицы и простонародный словарь. Жена у него умная, дочери милыя. Отъ него я пришелъ къ К. В. Прохорову и у него обѣдалъ. Вечеромъ пріѣзжалъ ко мнѣ сынъ Н. Ф. Павлова по своему дѣлу.

21. Съ сыномъ Павлова я ѣздилъ къ кн. М. А. Оболенскому просить о прощеніи за самовольное отсутствіе изъ Москвы. Князь обѣщаль простить съ тѣмъ, чтобы П. ходилъ аккуратноѣ.

22. Ходилъ къ В. П. Флерову и, взявъ у него 10 р., купилъ са-

*) „Вѣстникъ Промышленности“. П. Б.

жень дровъ осиновыхъ за 5 р. 75 к. Красноглазова собака изорвала на мнѣ шубу.

24. Обѣдалъ у П. П. Никифорова съ А. М. Писаревой, тамъ видѣлся съ сенаторомъ А. Е. Толмачевымъ. П. П. подписался на 2 экз. моихъ изданій.

26. Поутру я ѣздилъ къ іерею Василию Петровичу Нечаеву, который прочелъ со мною корр. л. о Московскихъ урочищахъ и подарилъ мнѣ билетъ на журналъ «Душеполезное Чтеніе». Я ему отдалъ статью свою о лжехристахъ, у него завтракалъ; съ И. Д. Бѣляевымъ я прочелъ корр. Московскихъ урочищъ.

28. Поутру я ѣздилъ къ преосвященному викарію Леониду просить о перемѣщеніи священника Благодравова, о томъ же въ одно со мною время просилъ о немъ рѣзчикъ. Обѣщано при первомъ открывшемся мѣстѣ исполнить. Тамъ я возобновилъ знакомство съ новымъ Кіевскимъ викаріемъ Серафимомъ. Оттуда я проѣхалъ къ дочери обѣдать, отъ нея зашелъ къ княгинѣ Лобановой, но она по болѣзни не принимала. Навѣстилъ Крашенинникову, которая проводила меня до перекрестка, гдѣ я встрѣтился съ П. Н. Титовымъ. Поутру я съ г. Ундольскимъ прочелъ 8 л. Московскихъ урочищъ.

29. Я ходилъ и ѣздилъ за справками въ Губ. Пр. о томъ, гдѣ помѣщено оно было послѣ 1812 г. по выходѣ враговъ изъ Москвы; завернулъ къ Дьяконову, у его конторы поскользнулся и упалъ, ушибъ ногу и руку. Уснувъ, я ходилъ за справками къ Н. Н. Розанову, потомъ на именинный балъ къ Игнатію Павловичу Сазикову, гдѣ видѣлся со многими знакомыми. Докторъ Гульковскій рассказывалъ постуки съ нимъ А. П. Л., по его выраженію предосудительные, хочетъ огласить ихъ. Жаль, что при такихъ огромныхъ средствахъ такъ дѣлаютъ.

Февраль. 1. Шелъ снѣгъ, коего и безъ того много. Я ходилъ пѣшкомъ на праздникъ къ св. великомученику Трифону, гдѣ служилъ и проповѣдывалъ благочинный Платонъ Капустинъ.

2. Я ѣздилъ въ засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, гдѣ читаны рѣчь Хомяковымъ и обвинительная статья противъ Петра I о царевичѣ М. П. Погодинымъ. Собраніе было многолюдное; рукоплесканія раздавались въ залѣ. Тамъ присутствовали в. г. г. Тучковъ, гр. губернаторъ П. П. Корниловъ, графъ Гейденъ и пр. Оттуда я сдѣлалъ визитъ К. С. Мясоѣдовой, обѣдалъ у Ю. Н. Бартенева.

4. Зятя своего нашелъ въ опасномъ положеніи и убѣждалъ дочь причастить его Св. Танинъ, съ чѣмъ согласенъ и его докторъ Полуниинъ,

находящій въ немъ развитіе туберкулезной чахотки и катаръ. Оттуда я прошелъ къ Вельтману, у коего былъ Горчаковъ, который довезъ меня до театра, гдѣ я посмотрѣлъ на диковинную Лебедеву. Тамъ я услышалъ отъ доктора Миллера о смерти друга нашего А. С. Ждановской и сына ея Василия въ Одессѣ.

5. Съ полицм. Сѣчинскимъ я переговорилъ о покушеніи дворни Бородиной, при случаѣ смерти господина, ограбить его, о чемъ предупредилъ меня Моложанскій управитель. Сходбище у Вород. холоповъ съ прежнимъ управителемъ Богдановымъ на Чижовскомъ подворьѣ. Сѣчинскій хотѣлъ наблюдать за этимъ. Изъ ц. я проѣхалъ къ доктору Сокольскому, котораго нашелъ больнымъ. Въ кухнѣ у насъ была свадьба вольноотпущенной дѣвки Наташки съ унтеромъ. Музыка играла всю ночь.

6. Я обѣдалъ на именинахъ у В. М. Ундольскаго съ П. В. Хавскимъ, С. П. Шевыревымъ, д. Гезеномъ. Вечеромъ былъ купецъ Черемушкинъ.

12. Я проѣхалъ на праздникъ въ часовню къ Иверской Божіей Матери, а къ обѣднѣ въ Чудовъ м., гдѣ служилъ митроп. Филаретъ. Послѣ обѣдни я зашелъ на закуску къ митрополиту, съ которымъ по обычаю простился и двукратно поцѣловался. Онъ сказалъ мнѣ: «Простите меня, въ чемъ я согрѣшилъ предъ вами». Тамъ я видѣлся съ нѣкоторыми знакомыми мнѣ духовными, ходилъ къ Капитону Невоструеву и къ архим. Веніамину. Дома я нашелъ доктора П. Θ. Башкевича, который сказалъ, что Назимовъ, задаренный откупщиками, запрещалъ было духовнымъ говорить проповѣди противъ пьянства.

13. Поутру я зашелъ къ В. М. Ундольскому, который потчевалъ меня блинами; оттуда въ ц. Св. Никиты въ Басманной на отпѣваніе моего духовника, протоіерея ея Павла Петр. Отпѣвалъ митроп. Филаретъ съ преосвященнымъ Никаноромъ, 5 архимандритами, протопресвитеромъ и многими протоіереями и священниками. Церковь была полна народомъ.

15. Прочитавъ корректуру, я приготовилъ оригиналъ на 6 л. лубочныхъ картинокъ. Такъ я началъ Чистый Понедѣльникъ Великаго поста.

16. Еѳимоны я слушалъ въ ц. Свят. Николая на Щепяхъ, гдѣ придѣлъ Св. Петра и Павла устроенъ вмѣсто престола Св. Феодосія, котораго образъ находится въ иконостасѣ; другой придѣлъ въ трапезѣ Св. Симеона Богопріимца. Щепами названо урочище это отъ щепнаго товара: здѣсь дѣлали деревянную посуду.

17. Въ Успенскомъ соборѣ я встрѣтилъ бывшаго ученика моего Троепольскаго іеромонахомъ.

18. Морозъ въ 27 гр. Утромъ я занимался своими дѣлами, потомъ ходилъ къ г. Ундольскому, у котораго взялъ сказку о Флорѣ Скобѣевѣ и 3 р. с. занялъ. Вечеромъ приходилъ къ намъ Ѳедоръ Ефремовъ, сватающій за сына моего дѣвицу Бубнову. Благослови, Господи, дѣло сіе во благо моему семейству!

20. Я ходилъ поутру къ В. М. Ундольскому, гдѣ познакомился съ И. П. Каратаевымъ, Петербургскимъ библиографомъ; у него ѣли блины.

21. Сосѣдъ довезъ меня до Успенскаго собора, гдѣ до обѣдни было дѣйство Православія, на коемъ присутствовали митроп. Филаретъ, архіеп. Евгеній, епископы Леонидъ и Никаноръ съ освященнымъ соборомъ. Народу было множество, только простого, аристократовъ не видалъ. Я привѣтствовалъ благословившаго меня преосв. Евгенія. Оттуда я зашелъ къ Медынцеву, но когда онъ сталъ при П. В. Шереметевскомъ нахвалять непріятныхъ мнѣ вольнодумцевъ, я тотчасъ ушелъ съ рѣшимостью никогда у него не бывать. Зная недруга, не по что въ пирь!

22. Я всталъ до заутрени и занимался Русскими сказками для лубочныхъ картинъ. Обѣдалъ у П. П. Никифорова съ предсѣдателемъ Казенной Палаты Вульфомъ, П. М. Скопинымъ, А. М. Писаревой.

23. Я былъ въ Шереметевской больницѣ на служеніи и раздачѣ приданаго невѣстамъ. Служилъ викарій Леонидъ. Тамъ я встрѣтилъ И. Ковалевскаго и съ нимъ обѣдалъ тамъ. Гг. Верещагинъ и Тарасенко просили меня доставить имъ матеріалы для исторіи Шереметевской больницы, коей въ Іюнѣ будетъ 50 л. У фактора Бахметьевской типографіи занялъ 5 р. с. *), купилъ чаю $\frac{1}{2}$, сахару 3 ф. $\frac{3}{8}$, семги, калачей.

24. Ходилъ на панихиду и выносъ К. М. Романовскаго, тамъ видѣлся съ г. Щуровскимъ и Іовскимъ. Занявъ у В. П. Флерова 10 р., купилъ дровъ два воза за 4 р. 50 к. с.

25. У Ю. Н. Бартенева видѣлся съ набожнымъ фабрикантомъ Василиемъ Ивановымъ и о. Арсеніемъ, бывшимъ моимъ ученикомъ. Слышалъ Ю. Н. объ открывшемся заговорѣ студентовъ, который предназначалъ рѣзню 15 Марта. Въ немъ участвовали и другіе университеты;

*) Вотъ до чего доведенъ семейными невзгодами Московскій археологъ! П. Б.

цѣлью его, говорятъ, было уничтоженіе царствующаго дома и учрежденіе федеративной республики въ Россіи. Вѣроятно, это заговоръ, если только справедливо, образовался подъ вліяніемъ старшихъ. Худо и жаль, что мальчишки вмѣсто ученья занимаются преобразованиемъ государства, не умѣя еще и управлять сами собою. Заѣхалъ на полчаса къ И. Д. Бѣляеву, у котораго нашелъ его двоюроднаго брата Илью Бѣяева. Дорогой разбили насъ лошади; отпустивъ ихъ, я отправился домой на извозчикѣ.

26. Морозъ 20 гр. Я ѣздилъ къ К. В. Прохорову на Три горы, у него обѣдалъ и съ нимъ проѣхалъ въ Московскій магазинъ къ К. В., гдѣ у него взялъ 25 р. На его лошадахъ, купивъ чаю $\frac{1}{2}$ и сахару 3 ф. и заплативъ за прежній, проѣхалъ домой.

27. Всенощную я слушалъ на Троицкомъ подворьѣ. Митроп. Филаретъ нездоровъ.

28. Я ѣздилъ въ ужасную вьюгу, продолжавшуюся цѣлый день, къ В. И. Далю, который издаетъ Русскія пословицы и простонародный словарь; казалъ ему 5 л. лубочныхъ картинокъ. Отъ него къ К. В. Прохорову, который со мною собирался было ѣхать ко всенощной въ Даниловъ м., но за снѣжною вьюгой и метелью не поѣхали. У нихъ обѣдалъ. Они довели меня до дома на своихъ лошадахъ. На базарѣ я справлялся о цѣнѣ дровъ; продавали сажень березовыхъ дровъ порядочныхъ по 14 р. с., осиновыя по 8 р. Жалуются на дороги, по коимъ весьма трудно ѣхать, и на дороговизну кормовъ.

Мартъ. 1. Я навѣстилъ больного А. А. Мартынова и отдалъ ему заглавіе къ моей книгѣ «Московскія урочища»; зашелъ помолиться въ Никитскій м., оттуда въ Казенную Палату, гдѣ взялъ пенсію. По приглашенію, я обѣдалъ у А. И. Лобкова съ преосв. Никаноромъ, еп. Ойваидскимъ, по словамъ его, уроженцемъ Болгарскимъ, и генераломъ Поныркою. Послѣ обѣда пріѣхалъ И. Θ. Гучковъ.

2. Я ходилъ къ г. Ундольскому прочесть съ нимъ корректуру 6 л. лубочныхъ картинокъ и сдѣлать предложеніе отъ г. Лобкова описать древнѣйшую рукопись харатейной Греческой Псалтыри IX в. Онъ согласился. Оттуда я проѣхалъ къ обѣднѣ въ ц. Свят. Николы Толмачи, зашелъ къ священнику, отъ котораго получилъ 2 кн. Душеполезнаго Чтенія, и обѣдалъ у него; прошелъ къ А. И. Мясоѣдову, у котораго заставъ графа Закревскаго, не пошелъ къ нему, а проѣхалъ къ дочери, у которой встрѣтилъ доктора Полунина. Отъ нея ходилъ я къ И. Д. Бѣляеву, съ которымъ прочелъ 6 л. лубочныхъ картинъ, потомъ про-

шелъ къ княгинѣ Лобановой, гдѣ дождалась меня Анета. Оттуда въ 11 ч. ночи по сугробамъ и ухабамъ домой едва добрался.

3. Поутру приходилъ ко мнѣ штабъ-ротмистръ Марцелій Чужановскій просить о мѣстѣ по вѣдомству Казенной Палаты.

4. Анета прислала 2½ саж. дровъ по 13 р. 50 к. Нынѣшній день дрова березовыя на базарѣ были по 18 и 17 р. сажень отъ дурной дороги и корыстолюбія горговцевъ, перекупающихъ другъ у друга. Отъ множества снѣга на желѣзной дорогѣ остановились у Клина вагоны, и пассажиры покупали черный хлѣбъ тамъ по 20 к. фунтъ.

6. Я ѣздилъ въ публичное засѣданіе О. Л. Р. С., гдѣ читана ст. графини Салиасъ объ аристокрагіи, противъ нашей знати, и о планѣ Русскаго простонароднаго словаря Даля.

7. Я ходилъ къ А. А. Мартынову, у котораго нашелъ родительскую свою палочку, къ великому удовольствію своему.

10. Вчера къ намъ переѣхалъ на верхъ къ Андрею ротмистръ Марцелій Чужановскій. Дрова березовыя вмѣсто 20 стали 12 р. с. Заходилъ къ г. Мясоѣдову, но встрѣтилъ его жену, ѣдущую на обѣдъ, который давалъ И. С. Храповицкій графу Закревскому. Я обрадованъ былъ пріѣздомъ изъ Малороссіи сына своего Михаила, ѣхавшаго по скверной дорогѣ, въ морозъ и метель, около 12 дней.

12. Написалъ рекомендательное письмо для г. Чужановскаго г-ну Вульфю. Отъ И. Ѡ. Гучкова присланы мнѣ два подручника, изъ коихъ одинъ я назначилъ въ церковь Св. Николая въ Грачахъ. Анета мнѣ прислала поддюжины сорочекъ.

14. Андрей возвратился изъ ... пьяный и на шумѣлъ въ домѣ, колбродилъ, забывая, что послѣ болѣзни и лѣкарства для него вино ядъ. Это я ему повторялъ тысячу разъ, но мои слова не льнутъ, какъ къ стѣнѣ горохъ; да и матушка ему поблажаетъ ко вреду его и своему.

16. Я ѣздилъ къ военному генераль-губернатору Павлу Алексу Тучкову, котораго просилъ объ опредѣленіи сына моего Андрея на Кавказъ. Онъ предложилъ мнѣ подать ему объ этомъ докладную записку, которую при письмѣ своемъ пошлетъ въ штабъ и будетъ ходатайствовать, обѣщаясь написать рекомендательное письмо къ кн. Барятинскому. Онъ напомнилъ мнѣ о моемъ отцѣ, у котораго въ 1816 г. учился богословію, просилъ меня быть знакомымъ ему. Я слушалъ вечерню въ церкви у главнокоманд., занялъ у В. Д. Шлыкова 12 р.; былъ въ ц. на Саввинскомъ подворьѣ.

18. Я ъздилъ отдать докладную записку в. г. г. Тучкову, который принялъ ее самъ. Оттуда я проѣхалъ къ В. М. Ундольскому и съ нимъ на званый обѣдъ къ А. И. Лобкову, который показывалъ Греческія рукописи. Художникъ Флоровичъ при насъ въ три минуты перевелъ съ бумаги образъ на доску весьма удачно, какъ будто написанный красками. Это изображеніе генер. Хрулева, убивающее живопись.

19. А. возвратился пьяный и наговорилъ дерзостей мнѣ, а мать его ругалась неприлично не только дамѣ, но и женщинѣ. Великое мнѣ искушеніе! Я отправился ко всеобщей на Троицкое подворье и тамъ только вспомнилъ среди своихъ безпокойствъ, что нынѣ празднигъ Похвалы Богородицы.

21. А. А. Мартынову отдалъ статью объ этнографическихъ урочищахъ Москвы, купилъ рыбы, отнесъ въ Университетскую типографію 10 р. на бумагу, кои отдалъ наборщику Смирнову.

22. Въ Университетскую типографію отдалъ оригиналь лубочныхъ картинокъ на 7 л. На дорогѣ я встрѣтился съ Пятницкимъ священникомъ, который мнѣ сказывалъ, что на планѣ въ Межевомъ Архивѣ виденъ означенный въ Охотномъ ряду на Неглинной садъ Годунова, что домъ Лондонской гостиницы, прежде принадлежалъ Юрьеву, перешедшій къ нему отъ Годунова.

25. Поздравилъ В. М. Ундольскаго съ причащеніемъ Св. Тайнъ; потомъ прошелъ въ Кремль, обѣдную слушалъ на Житномъ дворѣ у праздника, гдѣ священникъ поднесъ мнѣ св. просфору и благословенный хлѣбъ. Оттуда я зашелъ въ Чудовъ м. приложиться св. мощамъ и поздравить митроп. Филарета. Тамъ видѣлъ я профессора Александра Горскаго, посвященнаго въ діаконы, не смотря на его безбрачіе. Это первый примѣръ. Тамъ я встрѣтился съ Н. А. Кашияцевымъ, съ которымъ зашелъ къ архимандриту Веніамину на закуску. По дорогѣ я осмотрѣлъ старую ц. Свят. Николая на старомъ Ваганьковѣ за домомъ 4 гимназіи. У дѣтей моихъ было сборище до заутрени, играли въ карты къ неудовольствію и безпокойству моему.

27. Въ Успенскомъ соборѣ митроп. Филаретъ посвятилъ въ іереи Александра Горскаго. Обѣдалъ у А. А. Медынцева, отъ него прошелъ въ ц. Грузинскія Богородицы, осматривалъ съ священникомъ церковъ и Строгоновскіе и царскихъ иконописцевъ образъ, особаго устройства влиросы, слушалъ всеобщую въ ц. Николая Подкопая; зашелъ въ возобновляемый Ивановскій м., гдѣ архитекторъ Быковскій началъ ломать

соборную церковь и алтарный иконостасъ. Въ трапезѣ я осматривалъ застѣнокъ, гдѣ сидѣла Салтычиха; это келья длиною аршинъ 9, шириною аршина 4, съ двумя окнами на Югъ за желѣзными рѣшетками; въ ней помѣщалась ризница. Престолъ деревянный съ двумя холщевыми антиминсами шириною и длиною около 4 вершковъ; на одномъ написано, что ц. освящена 1613 г. Юня 20 Арсеніемъ архіепископомъ Архангельскимъ, Тверскимъ и Кашинскимъ, а на другомъ, что она освящена 1647 г. Копія съ антиминсовъ я получилъ у протоіерея Ивана Ѳедорова.

28. Страстная недѣля. У заутрени я былъ въ своемъ приходѣ. Зашелъ къ соприхожанину Николаю Ив. Князеву потолковать о мѣстѣ погребенія Ивана Суслова, ересе-начальника, который, по его убѣжденію, похороненъ на погостѣ ц. Св. Николая въ Драчахъ, а мать его Ирина Нестеровна у ц. Св. Адріана и Натали; но изъ указа видно, что онъ похороненъ былъ въ Ивановскомъ м. вмѣстѣ съ Пронькою Лубкинымъ, который жилъ близъ сего монастыря въ приходѣ Св. Николая Подкопаева.

30. Къ обѣднѣ ѣздили по скверной дорогѣ во Владыкино, гдѣ слушали преждеосвященую обѣдню, отслужилъ молебенъ Св. Архангеламъ и Свят. Николаю и исповѣдывался у о. Василя, у котораго напился душицы. На возвратномъ пути дорога еще хуже, нѣсколько разъ тонули въ снѣгу рыхломъ и мокромъ и насилу добрались до дому.

31. Изъ стола въ кабинетѣ пропало у меня изъ 100 р. пенсіи 9 р., изъ 40 р. пенсіи 10 р. Это меня смутило. Едва собрался съ духомъ, чтобы, съ помощью Божіей, приобщиться Св. Тайнъ въ своемъ приходѣ. Испушеніе мнѣ!

Апрѣль. 3. Радостно встрѣтилъ я торжественный звонъ къ свѣтлой заутренѣ, которую слушалъ въ своемъ приходѣ, а раннюю обѣдню на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ христосовался съ митрополитомъ Филаретомъ.

5. Въ день Свѣтлаго Воскресенія въ ц. Богоявленія въ Елоховѣ, при первомъ ударѣ колокола, умеръ въ церкви купецъ Волковъ, а на третій день Пасхи умеръ О. Р. Грузиновъ; предъ самой кончиною онъ воспѣлъ Христось воскресе.

Съ 9 по 16 я былъ въ С.-Петербургѣ, въ Москву возвратился утромъ 17 Апрѣля.

17. По прїѣздѣ въ Москву въ царскій день я отправился къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, гдѣ, за болѣзнію митрополита Филарета, служилъ викарій Леонидъ, а на молебнѣ первенствовалъ архіепископъ Евгений.

23. Прошелъ навѣстить въ клинику своего Андрея, просилъ Л. Погожева о немъ позаботиться, тѣмъ болѣе, что онъ подозрѣваетъ въ немъ начало чахотки. По приглашенію, я обѣдалъ у А. И. Лобкова съ г. Ундольскимъ и Караимскимъ раввиномъ Фирковичемъ Гавр. Алекс. Толковали о Св. Писаніи, рассматривали старопечатныя книги, коимъ я совѣтовалъ составить реестръ.

24. Кн. М. А. Оболенскій читалъ мнѣ проектъ свой о размѣнѣ земель крестьянскихъ съ помѣщичьими и казенными и о банкѣ. У него былъ баронъ Корфъ.

26. Поутру я ходилъ къ А. И. Лобкову, у котораго съ Ундольскимъ рассматривалъ рукописи Славянскія, церковныя и старопечатныя книги, видѣлъ Греческаго консула, обѣдалъ у Г. М. Крашенинковой, съ И. Д. Бѣляевымъ прочелъ статью объ этнографическихъ урочищахъ.

29. На Лубянкѣ я встрѣтилъ сына Михаила, который продолжалъ требовать у меня отчета. Я ему напомнилъ о Наполеонѣ I, который, потерявъ армію въ Египтѣ, прїѣхалъ въ Парижъ требовать отчета у Директоріи.

Май. 1. Погода теплая. А. А. ѣздила на Майское гулянье.

2. Я докончилъ двѣ статьи свои: 1) о Троицѣ на Капелькахъ и 2) у Креста. Въ Казенной Палатѣ я получилъ свою пенсію. Казначей передалъ мнѣ лишнихъ 13 р. сер., кои я ему возвратилъ при всѣхъ. Протоіерей Петръ Терновскій потерялъ тамъ свой бумажникъ съ 700 р. с. и съ документами.

6. Я ходилъ пѣшкомъ на Лазарево кладбище, гдѣ служилъ панихиду на могилѣ матушки своей. Съ Анетой я отправился въ Троицкую лавру, куда прїѣхали ночью благополучно, остановились въ гостиницѣ.

7. Поутру въ 3 часа я проснулся въ заутрени, которую и слушалъ въ Троицкомъ соборѣ, а раннюю обѣдню въ ц. Преп. Никона, гдѣ служилъ архимандритъ Антоній, приславшій мнѣ съ послушникомъ св. просфору и антидоръ. Отслуживъ молебенъ преп. Сергію, я съ Анетой зашелъ къ о. Антонію, который далъ благословеніе мнѣ образъ преподобныхъ Сергія и Никона, Анетѣ образъ Пресв. Троицы, Хотѣ-

ковскую просфору и четки. Я пилъ кофе у княжны Цициановой; осмотрѣлъ ризницу, гдѣ много памятниковъ митроп. Платона. Перекусивъ, отправились въ обратный путь и пріѣхали въ Москву уже ночью.

9. Ранняя обѣдня у Спаса во Спасской. Я напоминалъ благочинному Платону Капустину и приходскому священнику о надписи на могильномъ камнѣ отца митроп. Платона; былъ у А. А. Майкова, которому отдалъ для напечатанія въ Оберт. Листъ извѣстія о Геннадіи Кондратьевѣ, извѣстномъ въ Италіи пѣвцѣ, читалъ свою ст. о Русскихъ сказкахъ. Митрополитъ Филаретъ прислалъ мнѣ св. просфору съ іеродіакономъ и поздравилъ меня со днемъ моего ангела. Побывалъ у Анеты дочери и Бахметевой, гдѣ встрѣтилъ приходскаго священника съ крестомъ и св. водой, я свежъ Троицкую просфору къ Х. Д. Спиридонову на именины его; отъ него къ имяиннику Н. А. Кашиинцеву, у котораго засталъ завтракъ и гостей, въ томъ числѣ сенатора Ховена. Я обѣдалъ у П. П. Никифорова на прощаньи жены его, ѣдущей въ Іерусалимъ съ сестрою Ѡ. П. Корнилова, съ которымъ тамъ видѣлся; оттуда пѣшкомъ къ Анетѣ и домой.

10. Поутру я ходилъ къ В. М. Ундольскому, отъ него къ А. И. Лобкову; не заставъ его, зашелъ помолиться въ ц. Трехъ Радостей, потомъ въ Ивановскій м., гдѣ осматривалъ съ помощникомъ архитектора надгробные камни и колокола.

11. Я былъ на экзаменѣ въ Армянскомъ Институтѣ, Латинскій языкъ, оттуда прошелъ къ маляру Ратькову. Отобѣдавъ у Г. М. К., я навѣстилъ И. Д. Бѣляева и съ нимъ прочелъ корректуру 12 л. Московскихъ урочищъ и 7-й лубочныхъ картинокъ. На Троицкомъ подворьѣ узналъ о пріѣздѣ вчера митрополита Киевскаго Исидора. Въ Покровскомъ одна дѣвица пожилая, засыпанная снѣгомъ и лежавшая подъ нимъ 33 дня, осталась жива; на ней истлѣла одежда и загнила грудь.

14. Ко мнѣ пріѣзжалъ В. А. Сопѣлкинъ, а послѣ обѣда живописецъ Шпревичъ съ портретами митрополитовъ Филарета и Исидора.

16. Прочитавъ корректуру 2 изд. Русской Старины, подписалъ ее и отослалъ къ А. А. Мартынову. Ю. Н. Бартенева объяснялъ мнѣ силу внутренней молитвы: Господи Іисусе Христе, помилуй мя! Господи, устрой о мнѣ вещь! Царское искусство молитвы.

17. Ночью-кто то вошелъ въ покой и въ гостинной укралъ портреты Великихъ Князей Николая и Михаила, ими подаренные мнѣ, двѣ скатерти со столовъ и лампу.

18. Окончивъ двѣ статьи («Подъ березками» и «въ Острогахъ») для Московскихъ урочищъ отослалъ при письмѣ къ А. А. Мартынову.

20. Въ Чудовѣ м. слышалъ о сплетняхъ Строгонова и Муравьева; просилъ Хавскаго объ опредѣленіи сироты Кайсаровой въ Человѣколюбивое Общество. Обѣщалъ. Онъ не принималъ никого. Потерявъ изъ кармана чай, еще купилъ его; обѣдалъ у П. П. Никифорова. Немного я постоялъ всенощную у Рождества въ Путинкахъ. Зашелъ я къ Анетѣ, потомъ къ концу всенощной въ своемъ приходѣ. Былъ у Златоустинскаго архимандрита и поспорилъ съ нимъ насчетъ Воскресенскихъ воротъ по поводу софистическихъ возраженій митр. Филарета.

22. Вселенская суббота. Шелъ дождь. Я обѣдалъ на именинахъ у К. Д. Кацари съ докторомъ Г. И. Сущинскимъ. Оттуда я прошелъ къ Анетѣ, поговорилъ съ зятемъ насчетъ его обращенія съ нею; всенощную слушалъ въ своемъ приходѣ.

23. Обѣдалъ у праздника Св. Духа, у старосты П. А. Мединцева. На почту я отдалъ письмо къ теткѣ А. Ѳ. Кондратьевой со вложеніемъ статьи въ О. Л. о сынѣ ея Геннадіи, какъ пѣвцѣ, по отзывамъ Итальянскихъ гезетъ. Съ Н. Я. Богословскимъ я ѣздилъ на свадьбу къ крестнику моей матушки, сыну священника Николая Иларіоновича Коржавина. Вѣнчали въ ц. Св. Великомученицы Варвары. Балъ былъ въ домѣ Еремѣева, бывший Разумовскій, на Моросѣйкѣ. Веселились мирно. Мы пробыли до 2 часа утра.

24. Поутру я заходилъ къ г. Ундольскому, у котораго встрѣтился съ Воскресенскимъ архимандритомъ Амфилохіемъ, который подарилъ мнѣ 2 изд. дополненное и исправленное Аполлосова Жизнеописанія патріарха Никона и звалъ къ себѣ. Я обозрѣвалъ работы въ Ивановскомъ м., гдѣ ломаютъ древнюю соборную церковь, подъ нею и трапезой выходы подъ сводами; списалъ надписи съ надгробныхъ камней XVI и XVII в.

26. Я всталъ до заутренъ. Погода ясная. Написалъ письма въ Спб.: 1) къ М. И. Топильскому къ кн. Русское Духовенство, 2) къ В. И. Стасову съ портретомъ Петра I грав. и 3) къ Н. С. Самойлову. Письма сіи я отдалъ для доставленія по адресамъ дочери моей Анетѣ, отправляющейся въ Спб. Я ее проводилъ на желѣзную дорогу, гдѣ былъ и мужъ ея. Оттуда я пришелъ въ главный Архивъ М. И. Д., гдѣ отдалъ *The histor of Peter the Greas by Alexander Gordon, 2 v. Aberdeen. MDCCLV.*

27. Я встрѣтился съ капит. Сергѣемъ Яковл. Яковлевымъ, противникомъ креста, св. иконъ и мощей, впрочемъ начитаннымъ Св. Писаніемъ. Ересь старая! Я былъ на прощальномъ обѣдѣ у П. П. Никифорова, котораго жена ѣдетъ въ Іерусалимъ. Тамъ обѣдали ея спутницы и генералъ Александръ Александровичъ Яхонтовъ, который меня приглашалъ къ себѣ.

29. Я зашелъ къ г. Ундольскому, у котораго встрѣтилъ профессора Тихонравова и Подклюшникова съ хозяиномъ его Павловымъ, который казалъ собранія золотыхъ и серебряныхъ монетъ.

31. Къ г. Соболевскому я послалъ: 1) Пѣсенникъ, изд.⁴ Новикова, въ 2 ч. 1780 г. и 2) Дополненіе къ пословицамъ, мое изданіе.

Іюнь. 3. Въ ц. Шереметевской больницы, отпѣвали главнаго ея смотрителя Л. Н. Верещагина. Былъ у Н. П. Подклюшникова, который угостилъ меня завтракомъ и казалъ мнѣ антики: маленькое изваяніе Януса, найденное въ Черниговской губ., прекрасную группу Юпитера и Леды. Отъ него я прошелъ къ издателю «Развлеченія» Миллеру и отъ него получилъ за свою статью деньги.

4. Я ходилъ къ А. И. Лобкову, который обѣщалъ скоро исполнить мою просьбу, негодовалъ на медленность г. Ундольскаго. Я осматривалъ сломанныя церкви въ Ивановскомъ и гробъ схимницы Марѣы, вынутый изъ могилы и заключенный въ ящикъ, поставленный въ чуланѣ. Одни кирпичи 18 ф., другіе 5 ф. Я осматривалъ семь колоколовъ, повѣрилъ надписи на нихъ. Обозрѣвъ бывшее Рязан. подворье, гдѣ Консисторія, состоящее изъ трехъ корпусовъ 2 этажн. на улицу и на дворъ и 3 этаж. зданія. Я прошелъ къ Н. В. Сушкову, у котораго обѣдалъ съ Ѳ. И. Тютчевымъ.

6. Посутру я зашелъ къ г. Ундольскому, у котораго встрѣтилъ г. Швырева; показывалъ Ѳ. И. Тютчеву и Д. И. Сушковой Романовскія палаты, завернулъ въ В. Д. къ г-жѣ Полевой попросить ея о сиротѣ Марѣ Сокольской, но не засталъ ея.

8. Я обѣдалъ у Н. В. Сушкова съ Ѳ. И. Тютчевымъ, Вельтманомъ, Бодянскимъ, Горчаковымъ, Филимоновымъ, Н. Павловымъ. Разговоръ полит.

10. На бульварѣ я встрѣтился съ П. Н. Титовымъ, который сказывалъ мнѣ объ открытіи св. мощей Тихона Воронежскаго въ Задонскѣ, и о другихъ мощахъ въ Ливнахъ *).

*) Какого угодника Божія эти мощи, не знаемъ. Они не открыты. П. Б.

12. Послѣ ранней обѣдни я заходилъ къ В. М. Ундольскому, отъ него къ А. И. Лобкову. Не заставъ его, я пришелъ къ поздней обѣднѣ въ ц. Успекія на Покровкѣ, потомъ въ Златоустинскій м., побесѣдовалъ съ о. Филаретомъ, жаловавшимся мнѣ на притѣсненія отъ архимандрита, котораго я нашелъ больнымъ и ненадежнымъ къ жизни. Оттуда я пробрался въ Патріаршую ризницу для справки съ приписью на харат. Евангеліи 1357 г. писан. въ Галичѣ Рылѣевымъ. Въ помощникъ бібліотекаря о. Іосифъ я нашелъ любознательнаго и вѣжливаго молодого человѣка.

14. Отслушалъ обѣдню въ Никитскомъ м., гдѣ пригласила меня къ себѣ игуменья; потолковалъ съ И. Н. Аничковымъ.

14. Въ Успенскомъ соборѣ преосвященный Леонидъ посвятилъ въ діаконы крестника моей матушки Леонида Николаева. Въ Патріаршей ризницѣ я сличалъ миниатюры харатейнаго Евангелія, писаннаго 1357 году въ Галичѣ, съ образомъ Великомученика Георгія и нашелъ сходство въ нихъ по ихъ пошибу. Къ князю М. А. Оболенскому о болѣзни Виктора*). Послѣ обѣда А. А. Мартыновъ привезъ мнѣ чернилъ.

16. Въ своемъ приходѣ я слушалъ заутреню и раннюю обѣдню, гдѣ видѣлся и говорилъ съ Троицкимъ іеромонахомъ Димитріемъ, который посвященъ въ архимандрита въ Задонскѣ. Оттуда я прошелъ на Лазарево кладбище, гдѣ отслужилъ панихиду надъ могилою своего отца, скончавшагося въ этотъ день. По дорогѣ оттуда у Св. Трифона мнѣ попались три покойника.

17. Поутру я ходилъ въ Срѣтенскій м., съ гдѣ архимандритомъ Лужецкимъ Викторомъ, осматривалъ настоятельскіе покои, былъ въ ц. Владимирской Богородицы, потомъ у министра Ковалевскаго, которому я напоминалъ о мѣстѣ себѣ. Онъ общалъ, сказавъ: «Не надоѣла ли мнѣ цензура?»—Сколько смогу, столько и потяну. Я намекнулъ о помощникѣ предсѣдателя Цензурнаго Комитета и просилъ его о покровительствѣ себѣ.

19. Ранняя обѣдня въ ц. Св. Филиппа митрополита, гдѣ узналъ о кончинѣ 17 Іюня С.-Петербургскаго митрополита Григорія Постникова.

21. Отъ А. А. Мартынова я услышалъ, что въ 11 верстахъ отъ Калуги есть упраздненный монастырь Спасъ на Угрѣ, древній, а въ са-

*) Алексѣй Егоровичъ Викторовъ, служившій тогда въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, подъ начальствомъ князя М. А. Оболенскаго, временно страдалъ припадками падучей болѣзни. П. Б.

момъ городѣ древнѣйшій дворъ съ каменными палатами о двухъ жильяхъ мѣщанки Коробовой, въ урочищѣ Берендеяхъ, гдѣ жила Марина Мнишекъ. Въ Успенскомъ соборѣ я встрѣтилъ графиню Антонину Блудову.

24. Заходилъ къ священнику ц. Знаменія на Петровкѣ, который сказывалъ мнѣ, что ц. Климента на Яру стояла по сю сторону съѣзжей, гдѣ домикъ Иванова. Отъ священника ц. Св. Алексія митрополита я слышалъ, что это должна быть первая церковь во имя сего святителя, но въ Рогожской едва ли не древнѣе; отъ священника ц. Григорія Богослова, что отъ нея были переходы въ домъ патріарха Адріана, въ коемъ послѣ патріаршества былъ острогъ. По дорогѣ я заходилъ въ ц. Сергія въ Крапивкахъ. Отъ А. А. Мартынова получилъ за 2 отдѣл. Московскихъ урочищъ 50 р. с. Внеся квартирныя деньги въ квартирную экспедицію, я прошелъ поздравить съ именинами бывшаго по Московскому Университету товарища И. И. Давыдова, который звалъ было меня къ себѣ на обѣдъ. Я проѣхалъ и прошелъ на Три горы къ К. В. Прохорову, у котораго засталъ обѣдъ; отъ него къ И. И. Давыдову, у котораго обѣдалъ съ сенаторомъ Хотынцовымъ, г. Хрущевымъ, А. И. Полунинымъ, И. В. Чулковымъ, П. В. Хавскимъ и пр.

23. У священника Василя Петровича Нечаева въ Толмачахъ въ домѣ холера. Я ему совѣтовалъ написать въ журналѣ своемъ статью по поводу воззванія Англійской королевы Викторіи о недостойномъ проведеніи праздничныхъ дней. Согласился. Отъ него къ преосвященному Евгению въ Донской м. Онъ сказывалъ о вызовѣ митроп. Кіевскаго Исидора въ С.-Пб. ко дню крещенія В. К. Димитрія Константиновича и о вѣроятномъ назначеніи его на мѣсто митроп. Григорія. Онъ сравнивалъ Александра Николаевича съ Людовикомъ XVI, сообщилъ мнѣ слово митроп. Платона, сообщенное ему М. М. Евреиновымъ. По дорогѣ я зашелъ къ графу Блудову, потомъ къ Вельтману, у котораго и обѣдалъ.

27. На дорогѣ я, встрѣтись съ И. Д. Бѣляевымъ, потолковалъ съ нимъ о слободахъ Московскихъ. Обѣдалъ у Н. В. Сушкова, у котораго встрѣтился съ прежнимъ по Московскому Университету товарищемъ Валеріаномъ Тимофеевичемъ Кекомъ*), который, не выдавъ меня 40 лѣтъ, узналъ и былъ радъ свиданію со мною.

28. Я всталъ до заутренъ, занимался своимъ дѣломъ. Въ Бородинской коляскѣ ѣздилъ въ мундирѣ на полувѣковой юбилей Шереметев-

*) Это былъ одинъ изъ пріятелей А. С. Пушкина въ Кашеневѣ. П. Б.

свой больницы, гдѣ служилъ соборнѣ преосв. Леонидъ. Тамъ я видѣлся и говорилъ съ графомъ Блудовымъ, Н. В. Сушковымъ, генераломъ Яхонтовымъ, Хованскимъ, Оверомъ и пр. Послѣ обѣдни въ залѣ читали отчетъ, говорили привѣтствія отъ разныхъ мѣстъ члены, играла музыка. За обѣдомъ возглашали тосты Государю, Государынѣ, основателю больницы графу Шереметеву. Графъ Блудовъ говорилъ привѣтственное слово, на которое отвѣчали ура. Одной Императрицѣ вдовствующей при возглашеніи тоста не кричали ура. Я сказалъ при Хавскомъ графу Блудову, что надобно рѣшить на публичномъ диспутѣ споръ о пасхалии и Мартовскомъ, Сентябрьскомъ и Январскомъ годахъ. Графъ обѣщалъ прислать отъ Академіи депутатовъ. Къ намъ пріѣхала сестра моей жены Надежда Бронникова, съ которой ходилъ ко всенощной къ Троицѣ на Листы.

29. Навѣстилъ кн. М. А. Оболенскаго, съ которымъ потолковалъ о проектѣ освобожденія крестьянъ и о положеніи дворовыхъ людей, прочелъ съ нимъ статью о Воскресенскихъ воротахъ.

30. Поутру я ходилъ къ г. Ундольскому, къ XII Апостоламъ на праздникъ, ѣздилъ въ Коммерческое училище на актъ, гдѣ видѣлся и говорилъ съ графомъ Гудовичемъ, княземъ И. А. Лобановымъ-Ростовскимъ и генераломъ Ахлестышевымъ. Послѣ экзамена и акта былъ прекрасный обѣдъ. Познакомился съ княземъ Голицынымъ. Съ протопресвитеромъ Д. П. Новскимъ я зашелъ въ церковь Спаса на Остоженкѣ и, проводивъ его до Никитскаго бульвара, навѣстилъ своихъ внучатъ и одѣлилъ ихъ конфетами.

Июль. 1. Я, по приглашенію, былъ на празднествѣ въ Воспитательномъ Домѣ. Служилъ викаріемъ въ великолѣпной церкви Воспитател. Дома, гдѣ были чиновники и генералы-посѣтители, всѣ въ мундирахъ, одинъ я во фракѣ, но въ лентѣ. Тамъ я видѣлся со многими знакомыми, изъ генераловъ съ Ахлестышевымъ, Алмазовымъ, Чертовымъ, Толмачевымъ, кн. И. А. Лобановымъ и пр. директоръ Драшусовъ меня обласкалъ, какъ прежній мой ученикъ. Обѣдъ былъ прекрасный, съ музыкой.

5. Праздникъ на нашей улицѣ. Я былъ на водоосвященіи въ своемъ приходѣ, заходилъ послѣ ранней обѣдни у Троицы на Листахъ къ Ундольскому, у котораго сдѣлалъ выписки изъ Житія Преподобнаго Сергія и Миротворнаго Круга. Отъ него прошелъ на малое освященіе церкви на Троицкомъ подворьѣ, тамъ слушалъ обѣдню и завтракалъ у эконома.

6. У. Ю. Н. Бартенева встрѣтилъ доктора Иноземцева и обѣдалъ. Въ 4 ч. 39 м. смотрѣли затменіе солнца.

7. Дописалъ возраженіе на статью Сергѣя Яковлева о Троицкой лаврѣ, которую прочелъ Н. В. Сушкову, потомъ викарію Леониду, который ее весьма одобрилъ.

10. Я зашелъ къ В. П. Флерову, Ѳ. П. и П. П. Корниловымъ. Отъ перваго я слышалъ о самосожженіи 15 человѣкъ раскольниковъ въ Волоколам. у.; отъ послѣдняго о предстоящей войнѣ съ Турціей. Я просилъ Ѳ. П. о мѣстѣ сосѣду моему Н. А. Евреинову и далъ ему записку о немъ. Оттуда я прошелъ въ Успенскій соборъ на праздникъ Ризы Господней. Служилъ преосвященный Леонидъ, который пожелалъ мнѣ успѣха. Я зашелъ въ Вознесенскій м. къ монахинѣ Ѳеодосіи Грушецкой.

11. Заходилъ къ г. Ундольскому, потомъ къ А. И. Лобкову, у котораго прочелъ въ С. Пч. о распространившейся въ С.-Пб. Сибирской язвѣ или родѣ карбункула. Онъ рассказывалъ объ упадкѣ торговли и о недостаткѣ денегъ.

12. У поздней обѣдни я былъ въ Знаменскомъ м., гдѣ служилъ митр. Филаретъ съ архим. Евстаеіемъ и Иннокентіемъ панихиду, обѣдню и молебень. Съ кн. М. А. Оболенскимъ и Мартыновымъ осматривали Романовскія палаты. Завтракъ у архимандрита. Навѣстилъ я архим. Евстаея и больного сосѣда М. Д. Утенина.

13. День былъ жаркій, жара до 30 гр. Я читалъ и гулялъ въ своемъ саду, подѣ тѣнью родительскихъ деревьевъ; занимался Московскими урочищами въ отношеніи къ историко-юридическому быту Москвы; рассматривалъ сочиненіе Даниловича о происхожденіи Польскихъ городовъ.

14. Я всталъ до заутрени; послалъ къ В. И. Далю съ поздравленіемъ билетъ въ Романовскія палаты. По приглашенію, я зашелъ къ Вас. Петр. Полякову, гдѣ позавтракалъ, отъ него къ кн. М. А. Оболенскому, у котораго побесѣдовалъ о разныхъ предметахъ. У него все аллегоріи.

16. Зашелъ къ г. Ундольскому, къ которому пріѣхалъ А. И. Лобковъ, рассматривавшій рѣдкія рукописи и книги. На перепутьи я зашелъ въ ц. Владимирской Богородицы, купилъ себѣ сюртукъ, панталоны и жилетку.

17. Н. Я. Богословскій сообщилъ мнѣ планъ владѣній Новинскаго монастыря, сдѣланный 1683 г., гдѣ я нашелъ нѣкоторые неизвѣстныя мнѣ свѣдѣнія и указанія на мѣстности за Земл. городомъ. Проѣхалъ

обѣдать, по приглашенію, къ А. И. Лобкову, у котораго были В. М. Ундольскій и протоіерей Барашевскій, А. Алексѣевъ. Разсматривали древнія Славянскія рукописи. Ундольскій разсуждалъ съ учителемъ своимъ протоіереемъ о Греческихъ рукописяхъ Библии. Ученикъ побѣдилъ въ состязаніи своего учителя. Послѣ обѣда пріѣхала жена Алексѣева, милая женщина. Въ Рогожской въ Телѣжномъ ряду и другихъ улицахъ къ заставѣ былъ сильный пожаръ. Жена ѣздила съ Матильдой въ Эрмитажъ.

18. Я выкупался въ Москвѣ рѣкѣ; обѣдалъ у Крашенинниковой. Меня застигъ дождь. На дорогѣ встрѣтилъ меня привѣтствіемъ бывшій мой ученикъ, нынѣ оберъ-квартирмейстеръ Саблеръ.

19. Въ университетскую типографію отдалъ корр. 8 л. лубочныхъ картинокъ, помолился образу Св. Іліи Пророка, поставленному на мѣстѣ его церкви на Тверской.

20. Отдалъ свою статью о Троицкой лаврѣ г. Захарову, который предлагалъ мнѣ сообщать статьи для О. Л. съ обѣщаніемъ исправно платить. Оттуда я отправился къ празднику на Воронц. поле; но крестный ходъ мнѣ встрѣтился на Покровкѣ, который я проводилъ съ священникомъ Нечаевымъ до ц. Успенія. Тамъ я увидѣлся съ кн. М. А. Оболенскимъ, П. В. Хавскимъ и кн. Оболенскимъ, сыномъ кн. М. А. О. Первый сказаалъ мнѣ: «Купите новую себѣ шляпу, и будетъ дѣло въ шляпѣ». Загадка! Священникъ Нечаевъ довезъ меня до своего дома, гдѣ я съ нимъ пообѣдалъ въ саду. Отъ него зашелъ я къ П. А. Медынцеву, у котораго засталъ обѣдъ; отъ него къ И. И. Давыдову, у котораго также нашелъ обѣдъ.

22. Въ Успенскомъ соборѣ служилъ митр. Филаретъ, который на молебень выходилъ съ архіеп. Евгеніемъ и викаріемъ Леонидомъ. Знатныхъ особъ было очень мало, простого народа больше. Я хотѣлъ поздравить съ именинами почтенную куму свою Марію Васильевну Бобарыкину, но мнѣ встрѣтившійся А. А. Медынецъ увѣдомилъ меня о ея смерти. Царство ей небесное! А. А. Мартыновъ увезъ меня къ себѣ на дачу въ селцо Спасское на Сѣтуни. Мѣсто прекрасное, живописное, на холмѣ осѣненномъ деревьями. Церковь 5-главая старинная, конца XVII в. Въ ней три престола. На храмовомъ образѣ, писанномъ Симономъ Ушаковымъ, начертано, что онъ писанъ по обѣщанію боярина Артамона Серг. Матвѣева 1675 г. Замѣчателенъ образъ св. Θεодора Стратилата, тезоименитаго царю Θεодору Алексѣевичу, писанный изографомъ Никитою Павловцевымъ. Образъ Св. Артамона не похожъ ли на Артамона Матвѣева? Образъ Св. Андрея Стратилата ангелъ его сына.

Близъ Спасскаго есть Троекурово село съ древнею церковью. Я тамъ у А. А. ночевалъ.

23. Поутру, послѣ блиновъ и кофе, я отправился съ А. А. домой. Съ Поклонной горы смотрѣли на Москву, вспомнивъ, что и Наполеонъ въ 1812 г. отсюда на нее глядѣлъ съ торжествомъ; поглядѣлъ на дерев. домикъ съ 3 окнами въ сторонѣ, гдѣ на военномъ совѣтѣ Кутузовъ рѣшилъ сдать Москву.

24. Въ Успенскомъ соборѣ было молебствіе по случаю рожденія великой княжны Анастасіи *). Это первая послѣ царицы Анастасіи Романовны. Дай Богъ въ своей дочери Великому Князю Михаилу Николаевичу найти утѣшеніе и славу! Въ Чудовомъ м. я отслужилъ молебенъ Свят. Алексію и Николаю; потомъ прошелъ къ княгинѣ Лобановой-Ростовской, но она собиралась ѣхать и звала завтра на именинный обѣдъ. Отъ нея я пробрался къ К. В. Прохорову, котораго не заставъ дома, обѣдалъ у его жены съ бывшимъ цензоромъ С.-Петербургскимъ Николаемъ Васильевичемъ Елагинымъ, который зналъ моего дядю П. П. Кондратьева и причитался ему въ родствѣ, слѣдовательно и мнѣ. Ночью у насъ были воры, которые отперли окошко, въ которое влѣзали, и ворота; но благодареніе Богу, ничего у насъ не украли. Я съ полковникомъ и людьми осматривали домъ, дворъ и садъ, но никого не нашли.

25. У княгини Олимпиады Михайловны Лобановой обѣдалъ съ кн. П. А. Лобановымъ, съ ея сыномъ, дочерью.

26. День тезоименитства матушки моей и двухъ моихъ дочерей Парасковій. По дорогѣ на Лазарево кладбище я зашелъ въ Екатерининскій институтъ навѣстить дочь И. Я. Ковалевскаго, подарилъ ей фруктовъ. На Лазаревомъ кладбищѣ была заупокойная обѣдня, къ коей пріѣхала моя жена съ дочерью, крестницей моей матушки покойной; служилъ обѣдню и на могилѣ панихиду Трифоновскій священникъ. Я зашелъ въ ц. Великомученика Трифона помолиться и посмотреть устройство въ трапезѣ двухъ придѣловъ; оттуда пѣшкомъ на Срѣтенку и къ В. М. Ундольскому, который отправился въ Новгородъ.

27. У меня былъ артистъ, снимающій копіи съ отечественныхъ древностей, г. Красницкій съ предложеніемъ участвовать въ его изданіи. У меня своего дѣла много. Только помоги, Боже! По приглашенію, я

*) Въ это время близилось къ окончанію дѣло о раскрыщеніи помѣщичьихъ крестьянъ. „Ну теперь скоро рѣшится, сказалъ А. С. Хомяковъ: Анастасія Узоръшительница будетъ напоминать“. П. Б.

ѣздилъ обѣдать къ К. В. Прохорову, гдѣ встрѣтилъ и Николая Васильевича Елагина, бывшаго цензоромъ въ С.-Петербургѣ 9 лѣтъ. Онъ написалъ Житіе преосвященнаго Тихона. Хозяину я совѣтовалъ отдать за Елагина дочь свою: была бы пара. Отъ него я прошелъ къ книжницѣ Лобановой, у которой пѣлъ актеръ Лазаревъ; возвратился домой за полночь.

29. Къ попечителю СПБ. университета И. Д. Делянову, который принялъ меня очень ласково, слушалъ и похвалилъ мою статью. Я слушалъ обѣдню въ ц. Владимирской Божіей Матери, зашелъ къ графу Строганову, съ которымъ потолковалъ о разныхъ дѣлахъ, завернулъ къ В. П. Полякову, обѣдалъ у Н. В. Сушкова.

31. Отправился въ село Владыкино на освященіе церкви Рождества Богородицы, сооруженной на мѣстѣ деревянной, купцемъ Гавр. Матв. Толоконниковымъ. Она о 5 главахъ съ колокольной. Освящалъ митрополитъ Филаретъ съ архим. Іоанникіемъ и Евстафіемъ. Стеченіе народа было большое. Въ числѣ почетныхъ посѣтителей былъ оберъ-прокуроръ Св. Синода гр. Толстой. Слѣдуя древнему обычаю, Толочаниновъ предложилъ обильную трапезу присутствовавшимъ, которыхъ была не одна сотня. Около церкви раскинута были палатки и поставлены на открытомъ воздухѣ, гдѣ обѣдало нѣсколько сотъ народа. Духовное празднество. Когда предложена была храмоздателемъ за здравная чаша за Государя Императора и царственный домъ и возглашено протодіакономъ и гѣвчими многолѣтіе, за всѣми столами раздалось громкое протяжное ура. Послѣ того все собраніе привѣтствовало торжественнымъ восклицаніемъ имени Московскаго архипастыря, освятившаго храмъ, и самого храмоздателя. Златоустинскій архимандритъ Евстафій послѣ трапезы предложилъ духовную пищу, раздавъ въ церкви желавшимъ книжки духовнаго содержанія, руководствующія къ вѣрѣ и благочестію. По возвращеніи домой я нашелъ у себя билетъ отъ бывшаго у меня прежняго ученика моего сенатора Якова Аникѣевича Познякова.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ ФЕДОРОВЪ*).

IV. Мыслитель.

3.

Если отъ общаго очерка развитія философіи, почерпнутаго нами изъ произведеній и переписки Николая Федоровича и изъ устныхъ бесѣдъ съ нимъ, мы перейдемъ къ болѣе детальнымъ сужденіямъ его о различныхъ философахъ, то должны будемъ прежде всего отмѣтить, что вниманіе его на нихъ сосредоточивалось весьма неравномѣрно. Скудны замѣтки о древней философіи; удивляетъ почти полное молчаніе о Платонѣ, что, впрочемъ, объясняется отчасти несочувствіемъ крайняго реалиста къ философу, геній котораго, казалось ему, былъ наиболѣе виновенъ въ перенесеніи задачъ мудрости изъ реальнаго міра въ идеальный. Необходимо пояснить, что идеальное, въ обычно придаваемомъ этому слову смыслѣ, какъ образецъ, къ которому надо стремиться, но котораго вполне невозможно достигнуть, претило Николаю Федоровичу. Какъ ни презиралъ онъ матеріализмъ *низшаго разбора* въ его опошленной формѣ, и даже и его (какъ вѣчто хотя и грубое, но все же реальное, способное къ жизни, а слѣдовательно и къ улучшенію) былъ склоненъ предпочесть нарядному, но совершенно оторванному отъ дѣйствительности идеализму, противопоставлявшему міръ обаятельной мечты міру горькой дѣйствительности не для того, чтобы свести небо на землю, и чтобы забывать несовершенство земнаго и скорби бытія въ сладкихъ, но расслабляющихъ наркотическихъ грѣзахъ объ иномъ, совершенномъ, но отвлеченномъ и не переходящемъ въ дѣйствительность мірѣ. Въ концѣ концовъ, говорилъ онъ, саддукеи философіи (матеріалисты) оказываются ближе къ спасенію, чѣмъ фарисеи идеализма.

По той же причинѣ этому человѣку, ведшему жизнь аскета, но не жаловавшему аскетизмъ, было несимпатично аскетически-платонизирующее направленіе тѣхъ христіанскихъ богослововъ, которые настолько рѣзко противопоставляли „иной, лучшій“ міръ земному и столь сильно подчеркивали неисправимую испорченность послѣдняго, что желаніе и обязанность трудиться для спасенія его понижались у нихъ до ничтожнаго минимума.

*) См. выше, стр. 106.

Съ другой стороны вниманіе Н. ѳ-ча усиленно сосредоточивалось на разсмотрѣніи постепеннаго роста свѣтскихъ интересовъ къ земскому въ томъ суетномъ смыслѣ, которому столь противоположны были собственныя убѣжденія строгаго мыслителя. Уразумѣть и объяснить послѣдовательныя степени развитія этого гуманистическаго свѣтскаго воззрѣнія на міръ, на человѣка, на интересы и задачи жизни, зарожденіе секуляризаціи мысли, чувства, нравственности, искусства и всего быта и борьбу ея съ религіознымъ міровоззрѣніемъ представлялось ему особенно важнымъ и въ научномъ отношеніи и въ практическомъ. Вотъ почему примѣнительно ко второму изъ двухъ названныхъ процессовъ, къ религіонизаціи, онъ тщательно изучалъ Августина, съ полнымъ основаніемъ вида въ его „Градъ Божіемъ“ произведеніе, опредѣлившее основное направленіе церковной и государственной жизни Запада. Этотъ величавый характеръ привлекалъ впрочемъ его не со стороны одного своего историческаго вліянія, но и съ психологической; оттого и его „Исповѣди“ онъ приписывалъ такое же міровое значеніе. Сопоставляя ее со столь противоположною „Исповѣдью“ Руссо, онъ говорилъ, что трудно найти два произведенія болѣе этихъ уясняющія пониманіе новой исторіи Запада, такъ какъ „въ нихъ воплотились два перехода: начальный, отъ свѣтскаго (языческаго) къ религіозному у Августина, и конечный, обратный, отъ религіознаго къ свѣтскому у Руссо: сравненіе тѣмъ болѣе легкое, что „если въ Августинѣ святость не уничтожила человѣчности, то и въ Руссо человѣкъ не уничтожилъ божественнаго“. Несмотря однако на явныя противоположности, между прочимъ и въ отношеніи къ „естественнымъ порокамъ“, на которые Руссо смотритъ снисходительно, какъ на несчастія, возбуждая въ ихъ описаніяхъ охоту грѣшить, тогда какъ Августинъ относится къ нимъ съ глубокимъ отвращеніемъ и спасенія отъ нихъ ждетъ исключительно отъ сверхестественной помощи,—не смотря на весь этотъ контрастъ, оба признаютъ природу самоѳ по себѣ безгрѣшною. Допустивши это, Августинъ заслужилъ право и въ нравственномъ отношеніи стать отцомъ Западно-европейскаго міровоззрѣнія; не даромъ же въ „Soliloquia“ онъ высказываетъ и основное начало философіи Запада: „Cogito, или, что еще сильнѣе, fallor ergo sum“, которымъ онъ думаетъ доказать (а на самомъ дѣлѣ только распатываетъ) ученіе о Троицѣ и дѣйствительно доказываетъ, самъ того не ожидая, недостатки своего Града Божія: равнодушіе къ участи града земнаго, равнодушіе къ объединенію, признаніе вѣчности розни, то есть невозможность спасенія въ предѣлахъ земнаго.

Эти недостатки, какъ мы видѣли, новая философія не только не сумѣла устранить, но даже усугубила ихъ. Выяснивши значеніе въ этомъ отношеніи Декарта, „Карла Великаго философіи“, Н. ѳ. показываетъ, какъ оба вытекающія изъ его ученія направленія, монистическое и индивидуалистическое, оказались безсильными выполнить настоящую задачу философіи, возстановить міръ въ мірѣ. Выраженіемъ монизма было „всепоглощающее единство Спinoзы“, а индивидуализма—„монадологическая рознь Лейбница“. Въ первомъ было мѣста самостоятельности личностей, во второмъ, ихъ истинному,

внутреннему объединению. „Amor Dei intellectualis“, любовь къ Богу до забвения самих себя и другъ друга, создала у Еврея Спинозы, въ противовѣсъ средневѣковому католическому Граду Божію, философскій Градъ Божій, но съ Богомъ Иудейскимъ, который есть все и передъ которымъ человекъ—ничто. Съ другой стороны монады Лейбница—это индивидуальные микрокосмы, строго обособленные и самодовлѣющіе „мірки“, объединяемые не общностью потребности другъ въ другъ, а только аналогіей и механическою группировкою. Называя очень характерно монады „зеркалами вселенной“ и показывая этимъ связь ихъ съ міровымъ цѣлымъ не органическая и не активная, а только воспринимательная и созерцательная, то есть пассивная, Лейбницъ продолжаетъ дѣло своего отца Декарта: тотъ сдѣлалъ изъ мышленія доказательство бытія личности, Лейбницъ же возводитъ созерцаніе въ начало космическое, въ основу связи частей, изъ которыхъ слагается міръ. Общеніе монадъ ограничивается взаимосозерцаніемъ, взаимодействія же между ними нѣтъ. И какъ въ системѣ Лейбница душа и тѣло не состоятъ въ органическомъ единствѣ, а уподобляются только „двумъ часамъ прекрасно согласованнымъ другъ съ другомъ въ своихъ механизмахъ“, также точно и міры физическихъ силъ, человѣческихъ душъ и высшихъ духовъ образуютъ какъ бы самостоятельныя царства въ восходящемъ порядкѣ, согласованныя, но не слитыя въ полное единство. Въ предѣлахъ же общезитія земного эта индивидуализація, по мнѣнію Н. Оча, есть уже „рознь, доведенная до забвенія единства“, и она-то полагается въ основу Лейбницева Града, земного, языческаго. Государственный идеалъ Людовика XIV-го современникъ его Лейбницъ переноситъ и въ градъ небесный, видя и въ его Повелителѣ не столько отца сколько мудраго и могущественнаго монарха, правящаго изъ міроваго центра черезъ іерархическую делегацію своей абсолютной власти.

Добавленіемъ этихъ неудачныхъ опытовъ обосновать идеальное общество на философскихъ началахъ является самостоятельная отъ Декарта попытка Бэкона обратить разумъ въ орудіе знанія и техники для доставленія жизненныхъ удобствъ и удовольствій, въ силу чего этотъ мыслитель, возвращенный націей особенно цѣнящею комфортъ, можетъ, пожалуй, болѣе другихъ претендовать на званіе философскаго основателя новаго земнаго, Свѣтскаго Града. Другой Англичанинъ Локкъ постарался доказать, что человекъ, по свойствамъ и размѣрамъ его способностей, и не подобаетъ заноситься слишкомъ высоко въ философскихъ пареніяхъ по поднебесью. Новыми психологическими изслѣдованіями Локкъ еще разъ вернулъ человека къ самому себѣ, да и въ немъ самомъ достовѣрное ограничилъ довольно узкимъ кругомъ несовершенныхъ чувственныхъ воспріятій да небольшими ресурсами рефлексивной способности, непослѣдовательно и некстати добавленной къ его сенсуализму и потому упраздненной наиболѣе послѣдовательными изъ его учениковъ. Локкъ сталъ законодателемъ свѣтскаго просвѣщенія XVIII вѣка, которое устами своего главнокомандующаго Вольтера признало его величайшимъ изъ мудрецовъ именно за то, что отъ неумѣренныхъ мечтаній и величавыхъ проектовъ фи-

лософской фантазіи возвратилъ мысль „къ полезной, трезвой прозѣ будничной дѣйствительности“. Притомъ же Локкъ, помимо своего главнаго труда, и въ особыхъ разсужденіяхъ, какъ разъ въ духѣ поры торжества буржуазіи, „доказывалъ, что человѣкъ прежде всего предназначенъ быть гражданиномъ земнаго обществія, а въ трактатахъ о терпимости и разумности христіанства позаботился сдѣлать и религію безвредною для Земнаго Града, чтобы она не нарушала не только его спокойствія, но даже и его удовольствій“. Онъ создалъ земную или гражданскую, упрощенную и укороченную теологію, на почвѣ которой выросла еще болѣе сжатая и необременительная „разумная религія“ XVIII вѣка, безсодержательное пустословіе вмѣсто богословія, деизмъ.

Минуя промежуточные звенья въ дальнѣйшей исторіи развитія новаго Западно-Европейскаго просвѣщенія, Николай Федоровичъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на „Лютерѣ философіи“, на Кантѣ. Многочисленны статьи о немъ; еще многочисленнѣе небольшія замѣтки, отдѣльныя или разбросанныя въ другихъ трактатахъ. Вліянію Канта на умственное и нравственное развитіе Западной Европы онъ придавалъ такое огромное значеніе, что сомнѣвался „освободится ли даже когда нибудь Западъ отъ ига и гнета Кантовой критики, основанной на суевѣрїи и предрасудкѣ: на суевѣрїи словія, обреченнаго на бездѣйствіе и осужденнаго на одно мышленіе, и на предрасудкѣ обрекающемъ весь родъ человѣческій вѣчному несовершеннolѣтїю (Статья „Иго Канта“). „При троекратномъ въ теченіе вѣка возвращенїи къ Канту, философы не исправили его ошибки, состоящей въ отдѣленїи практическаго разума отъ теоретическаго и въ признанїи такого отдѣленія безусловнымъ. Возвращеніе къ Канту означаетъ возвращеніе къ разъединенїю, къ узкому практицизму отъ мнимой широты теоретическаго знанія“ (Статья „Супраморализмъ или Великій Синтезъ“). Столь прославленный кличъ „Назадъ къ Канту!“ равносильнъ призыву: „Назадъ къ метафизикѣ, къ узаконенїю несовършеннolѣтїя!“ (Статья „Назадъ къ Канту!“): ибо Кантъ былъ только мнимымъ разрушителемъ метафизики, потому что онъ зналъ опытъ только *единичный*, опытъ отдѣльныхъ лицъ, искусственный и разрозненный, а не *единый* всеобщій, всеми производимый, естественный, слѣдную силу природы обращающій въ управляемую разумомъ; проектъ или планъ этого послѣдняго опыта и кроется въ метафизикѣ, которая по этому самому и неразрушима“. (Статья „Каразинъ и Антикантизмъ“).

Временное, условное несовершенство человѣческаго знанія Кантъ призналъ за вѣчное и абсолютное. Вотъ эту-то ошибку и просматриваютъ Паульсенъ и другіе новѣйшіе Нѣмецкіе философы: раздѣляя суевѣрїе Канта, называемое имъ „Критиками“, они не могутъ отнестись къ нему самому критически.... Ученая Германія до сихъ поръ неспособна понять неестественности и безнравственности *двухъ* разумовъ, и именно потому, что ей, ученой Германїи, кажется совершенно естественнымъ существованіе двухъ классовъ людей, ученыхъ и неученыхъ; ей представляется нормальнымъ взглядъ на разумъ, какъ на спеціальность, приуроченную къ особому цеху, а не какъ на всече-

ловѣческое свойство, необходимое всѣмъ и каждому. Съ другой стороны, сунувши, по указанію Канта, предѣлы практическаго разума, ученая Германія не распространяетъ его способностей и обязанностей *на дѣло общее*, на обращеніе слѣпой силы природы въ управляемую разумомъ“. Если, послѣ всего этого, Паульсенъ, защищая метафизику и доказывая, что и самъ Кантъ не былъ ей враждебенъ, надѣется при ея помощи побѣдить грубый реализмъ нашего вѣка и глубокую вѣру въ силу денегъ, то на это ему слѣдуетъ отвѣтить, что современный реализмъ, искусственный, порожденный торгово-фабричною культурою, можетъ быть побѣжденъ отнюдь не разсужденіями, а только естественнымъ реализмомъ, регуляціей природы, регуляціей, которая дастъ каждому подобающую ему работу и убьетъ соблазнъ и власть денегъ, потому что, при обезпеченіи основныхъ жизненныхъ благъ всѣмъ и каждому въ деньгахъ не будетъ нужды: „онѣ будутъ сданы въ музей и составятъ предметъ изученія не политико-экономической науки, а исторической нумизматики“ („Назадъ къ Канту!“).

Власть Канта надъ Западомъ, считающимъ себя такимъ поклонникомъ свободы, тѣмъ изумительнѣе, чѣмъ она деспотичнѣе. „Столь долго ожидаемый христіанствомъ Страшный Судъ наконецъ наступилъ: неумолимый судія явился въ лицѣ Кёнигсбергскаго профессора Канта съ нѣсколькими судьями или лже-судьями ниспаго порядка, въ родѣ Контовъ и Миллей. Европейская и Американская интеллигенція признала судъ правымъ и нелицеприятнымъ, осужденіе справедливымъ и до сихъ поръ не аппеллировала на приговоръ. А между тѣмъ дѣло шло не о бездѣлицѣ! Кантъ осуждалъ всѣхъ и все знаніе на тѣсное тюремное заключеніе, хотя свои сужденія онъ называлъ не осужденіями, а „критиками“. Проще и вѣрнѣе было бы назвать ихъ тюрьмами, подобно тому какъ самъ онъ назвалъ критику религіи религіей въ очень узкихъ предѣлахъ (то-есть въ тюрьмѣ) чистаго предопытнаго разума, но вѣдь и критика самаго чистаго разума была также тюрьмою, Аидомъ, Гадесомъ, потому что въ ней чистый разумъ былъ осужденъ на заключеніе въ вѣчной тьмѣ невѣдѣнія! Въ еще болѣе узкіе предѣлы поставленъ былъ несчастный практическій разумъ: послѣдній „императивно“ требуетъ дѣлать добро, но съ обязательствомъ не уничтожать зла; иными словами: раю воспрещается одолѣвать врата ада; предписывая всякія мелкія дѣлишки, „императивъ“ ничего не говоритъ объ единомъ великомъ, общемъ дѣлѣ, а союзъ для этого великаго дѣла, церковь, допускаетъ единственно въ старо-Римскомъ смыслѣ, въ юридическомъ“ (Статья „Страшный Судъ философіи“).

Недостатки Канта въ значительной степени объясняются культурно-историческими условіями окружавшей его жизни. „Опытъ или исторія, которую пережилъ Кантъ, началась для него на 16-мъ году жизни, въ 1740 г., когда Фридрихъ II вступилъ на престолъ, а съ нимъ выпарилось въ Германіи Французское вліяніе, выразившееся въ умственной жизни побѣдой рационализма надъ піэтизмомъ, а въ политической возвышеніемъ мѣщанства, буржуазіи надъ дворянствомъ и духовенствомъ. Для автора будущей „Всемирно-граждан-

ской Исторіи“ очень большое значеніе имѣлъ 1776 годъ, годъ объявленія независимости первой новой мѣщанской республики, которое казалось 52-лѣтнему Канту событіемъ всемірнымъ, а не западнымъ лишь, космополитическимъ, а не городскимъ, гражданскимъ, сословнымъ („Даты жизнеописанія Канта“). Философія Канта и есть произведеніе именно *всемирно-гражданской* исторіи, то есть жизненнаго опыта людей *чужихъ* другъ другу, связанныхъ не естественными родственными отношеніями, а искусственными, юридическими (Статья „Кантъ и Евангельское Дитя“). „Критика его отразила въ себѣ всѣ предразсудки одного изъ городскихъ сословій, сословія, осужденнаго на мышленіе безъ дѣйствія, неиспытывающаго на себѣ гнета природы, удаляющаго отъ себя все напоминающее о смерти, живущаго гражданскою, а не родовою жизнью. Городская буржуазная критика, съ пренебреженіемъ относящаяся къ неученому, первобытно живущему селу, беретъ природу во всей ея бездушноты и противопоставляетъ ей разумныя существа въ ихъ нравственной чуждости и отдѣльности или розни и враждѣ изъ-за городскихъ мелочей и дрязгъ, восящихъ громкое имя политическихъ и социальныхъ интересовъ. Далѣе, она противопоставляетъ людей природѣ въ ихъ состояніи бездѣятельности или ошибочной дѣятельности, не соединяя ихъ въ знанія и дѣла противъ ига слѣпыхъ силъ, въ чемъ и заключается причина безсилія человѣчества, а именно: *ограниченность въ пространствѣ*, то есть прикрѣпленіе къ землѣ, и *во времени*, то есть смертность. Объ освобожденіи отъ того и другого ограниченія городская гражданская жизнь, какъ и буржуазная философія, даже и не мечтаютъ; а между тѣмъ ограниченіе въ пространствѣ препятствуетъ дѣйствію разумныхъ существъ на всѣ міры вселенной, а ограниченность въ времени, смертность, препятствуетъ одновременному дѣйствію разныхъ поколѣній разумныхъ существъ на эти міры. Кантъ, не вникнувъ въ причины, дѣлающія людей безсильными противъ слѣпой силы, объявляетъ людей безусловно неспособными не только къ управленію міромъ, но даже и къ универсальному знанію, къ воспріятію міра въ его цѣлости, что конечно и невозможно безъ управленія: иначе сказать, Кантъ объявляетъ разумныя существа неспособными стать разумомъ вселенной“.

Вліяніе Канта на Европейскую мысль въ этомъ отношеніи должно признать за существенную помѣху общечеловѣческому дѣлу. Въ вѣкъ столь блестящихъ побѣдъ точнаго знанія „наступленіе совершеннотѣтя, открывающее для человѣческаго рода *въ его совокупности* безграничное поприще для дѣятельности настолько же величавой, насколько и благотворной, встрѣчается интеллигентнымъ классомъ съ тупымъ равнодушіемъ, не вызываетъ ни малѣйшаго подъема въ отживающемъ учено-философскомъ сословіи; гнетъ Кантовой критики тяготѣетъ надъ нимъ. Кантъ представитель дряхлости, лишенной отваги и вѣры въ силу человѣчества. Хотя онъ и восхищается небеснымъ сводомъ въ мірѣ и нравственнымъ долгомъ въ человѣкѣ, онъ закрываетъ доступъ на небо человѣческому роду, а въ мірѣ нравственнаго долга терпитъ пустоту мнимаго содержанія, не видя дѣйствительнаго; онъ истинный врагъ

простора и шири. Ему, философу безнадежности, всюду мерещатся грани и предѣлы, которые онъ и налагаетъ на всѣ области жизни, на мысль и на дѣятельность... Полагая всему предѣлы, Кантъ не подумалъ о томъ, какое зло дѣлаетъ онъ, обрекая человѣчскій родъ на вѣчное несовершенство; отказывая разумному существу въ способности познанія (абсолютнаго) или слишкомъ ограничивая ее, онъ не замѣчаетъ очевидной ненормальности такого положенія: онъ беретъ людей не въ томъ состоянїи, въ какомъ они должны быть и могутъ стать, а въ томъ, въ какомъ они есть, то есть въ самомъ безнравственномъ, въ состоянїи отдѣльности, чуждости, вражды относительно другъ друга и бездѣтельности относительно общаго врага (Статья „Иго Канта“).

Философія Канта есть узаконеніе и освященіе зла разъединенія, въ которомъ лежитъ міръ. Это зло она полагаетъ въ основу своей классификаціи отдѣловъ вѣдѣній. Безусловное отдѣленіе богословія отъ психологіи и космологіи лишаетъ эти послѣднія образа, смысла и цѣли, заключающихся въ богословіи. Отчуждая психологію отъ космологіи, онъ обрекаетъ души на безсиліе, а міръ на бездушіе; міръ осуждается на всегдашнюю слѣпоту и вытекающее изъ нея зло, а душа на пассивное созерцаніе этого зла, слѣпою силою творимаго. По этой причинѣ, конечно, и идеи теоретическаго разума не обращаются въ дѣла разума практическаго. Такимъ образомъ происходитъ распаденіе души на два разума, признанное, одобренное и даже узаконенное Нѣмецкою философїей, а за нею и всею Европейскою. Насильственная дихотомія души, опасность, на которую указывалъ еще другъ Канта, проницательный Гаманнь, стала общепринятымъ сословнымъ предразсудкомъ самаго гордаго класса, высшаго по самомнѣнію, но очень зависимаго отъ другихъ на самомъ дѣлѣ; существованіе въ чловѣкѣ двухъ разумовъ было принято безъ усилій разрѣшить ихъ противорѣчіе (антиномію) болѣе глубокою критикою.

„Въ „Критикѣ чистаго разума“ разумъ остался вѣренъ своему опредѣленію, то есть остался при знанїи безъ дѣла, за что и былъ награжденъ невѣжествомъ; практическій же разумъ оказался невѣренъ своему опредѣленію, за что и былъ награжденъ вѣрою“ (Статья „Твореніе и возсозданіе“); ибо то самое, что было подвергнуто сомнѣнію въ области теоретической, объявлено было догматомъ въ области практической; иначе сказать: то самое, что должно и могло стать предметомъ общаго дѣйствія, было изъ области дѣйствія перенесено въ область вѣры, недоступной для отвлеченнаго разсудочнаго доказательства (Статья „Кантизмъ“). Наконецъ третій разумъ удостоенъ лишь названіемъ *сужденія* („Kritik der Urtheilskraft“), хотя на самомъ дѣлѣ у Канта всѣ три разума занимаютъ *только сужденіями*: первый, сужденіями о мысляхъ, второй, практическій, о дѣлахъ или, вѣрнѣе, о дѣлишкахъ людей, общаго дѣла не знающихъ и потому занятыхъ только дрязгами; третій же разумъ, художественный, сужденіями о подобіяхъ дѣтелямъ этихъ дрязгъ и твореніямъ

силы, лишенной разума, благодаря неразумію и бездѣтельности разумныхъ существъ, много болтающихъ о творествѣ на подобіе Творца, но не дѣляющихъ самихъ себя подобными Ему. „Мы познаемъ только то, что сами же творимъ“, говоритъ Кантъ, который изъ невозможности знанія безъ творенія заключаетъ о невозможности знанія вообще. Но онъ забываетъ при этомъ, что „хотя творить изъ ничего мы и не можемъ, но воссоздавать сотворенное и разрушенное по розни и слѣпотѣ нашей, мы должны: иначе мы не будемъ подобіемъ Творца, и тогда созданное должно разрушиться и погибнуть“.

Но воссоздавать, какъ и познавать, мы можемъ *лишь въ совокупности*, если желаемъ достигнуть полнаго знанія и полной власти надъ природою разрушающею. „*Всѣ* должны быть познающими и *все* должно быть предметомъ знанія, не отдѣляемаго отъ дѣла, ибо безъ второго не можетъ быть и перваго. Совокупность познающихъ разумныхъ существъ, относясь къ цѣльности (совокупности) всего познаваемаго, неразумнаго, приведетъ міръ или природу къ самосознанію и самоуправленію чрезъ разумныя существа, которыя, во всеоружіи знанія и объединенной волевой и нравственной энергіи, получаютъ силу и мощь, предѣловъ коимъ въ настоящее время даже и предугадать невозможно. При такой постановкѣ вопроса о задачахъ мудрости предметомъ перваго разума, *теоретическаго*, была бы уже не мысль о мысли, а мысль о дѣлѣ и о проектѣ всеобщаго дѣла, тогда какъ *практическій* разумъ сталъ бы исполнителемъ его; *третій же* разумъ, какъ твореніе подобій, явился бы *введеніемъ во второй*, создавая образцы („модели“) того, что должно быть воссоздаваемо, причемъ, для того, чтобы не быть сужденіемъ только телеологическимъ (казненнымъ у Канта), онъ не искалъ бы чудесъ цѣлесообразности въ природѣ слѣпой и безвольной, а самъ вносилъ бы въ нее цѣлесообразность“, не въ видѣ желанной мечты умозрѣнія, а въ формахъ осязательной дѣйствительности (Статья „Твореніе и воссозданіе“).

Отсутствіе активнаго начала въ философіи Канта и сообщаетъ ей вѣяніе смерти, вмѣсто теплаго дыханія жизни, и притомъ во всѣхъ ея частяхъ. Не говоримъ уже объ области чистаго разума, осужденнаго на неспособность абсолютнаго познанія (по существу) реальной дѣйствительности. Правда, изъ этой неспособности продолжатели Канта создали предметъ гордости, превративши міръ въ представленіе, а мыслителя въ творца міра и боговъ! Но этотъ идеальнѣйшій міръ отнюдь не могъ вознаградить за утрату міра реального, возмѣщеніемъ котораго онъ не могъ быть по той простой причинѣ, что одинъ не совпадаетъ съ другимъ, какъ это въ наивной формѣ призналъ и самъ Кенигсбергскій мудрецъ, когда чистосердечно замѣтилъ, что „талеръ въ мысли не одна и тоже, что талеръ въ карманѣ“.

Но и область практическаго разума оказалась столь же безсильною вернуть своему содержанію утраченные имъ смыслъ и нравственную цѣнность. Постулаты практическаго разума принимаются и выполняются не въ силу доказаннаго убѣжденія, а на вѣру, по повеленію категорическаго императива.

Философія, пройдя черезъ очистительное горнило критицизма, привела къ кризису раціоналистической нравственности и принуждена была спасти свои идеалы при помощи отвергнутой ею вѣры. Но практической разумъ, требующій признанія за истину свободы воли, безсмертія и бытія Бога, остается мертвою вѣрою, если эта вѣра остается безъ дѣлъ, то есть если ея истина не получить доказательства самимъ дѣломъ. Автономія человѣка не есть ли самая злая насмѣшка надъ существомъ, провозглашающимъ, что онъ самъ себѣ законъ въ мысли и остающимся въ дѣйствительности рабомъ всякаго микроба?.. Автономія, какъ нѣчто мыслимое, мнимое и (самое большее) проективное, не упразднила гетерономію и породила только антиномію, одну изъ тѣхъ, что такъ прославили Канта, но разрѣшить которыя онъ не сумѣлъ („Что такое постулаты практическаго разума?“). Не видя иныхъ путей, кромѣ собственныхъ, къ разрѣшенію затрудненій, онъ и призналъ послѣднія неразрѣшимыми, помирился съ этимъ самъ и пригласилъ къ тому же и другихъ, общая счастье за смиреніе и послушаніе.

Но счастье, которое могъ дать человѣку Кантъ, покупалось очень дорогою цѣною, „Забудь о совершенствѣ, тебѣ недоступномъ (=Богъ есть лишь идея), и тебя не будетъ беспокоить твое несовершенство! Не думай о смерти, и не будешь впадать въ паралогизмъ безсмертія! Занимайся только видимымъ и не помышляй о будущемъ! Конеченъ или вѣченъ міръ, тебѣ никогда не разрѣшить этой загадки!“ Такова религія теоретическаго разума, пассивная, сухая и безжизненная, какъ безводная пустыня. Но и въ область практическаго разума философъ временъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ переноситъ тотъ же принципъ пассивности, мертвящій самостоятельность человѣка и его трудовую способность; и въ области нравственнаго онъ какъ бы заставляетъ Бога говорить: „все для людей, но ничего *черезъ* людей!“ Принципъ бездѣтельности и розни послѣдовательно проведенъ по всѣмъ тремъ критическимъ философіямъ. (Статья „Наслѣдіе Канта“). Образецъ единства и дѣятельной любви, Богъ, есть лишь идеалъ, и царство Божіе также; а если такъ, то и аксіомы Канта, положенныя въ основу его критики, оказываются какъ разъ противоположными просвѣтительной заповѣди Евангелія. „Вотъ онъ: Не дано вамъ, разумнымъ существамъ въ совокупности, никакой власти ни на землѣ, ни на небѣ (хотя и тамъ нѣтъ ничего небснаго, хотя и тамъ царитъ все таже неразумная сила природы); а потому идите и проповѣдуйте всѣмъ народамъ, что только въ розни благо, что только вражда плодотворна! Не было и не будетъ иного объединенія, кромѣ полицейскаго, Римскаго, Византійскаго: ибо иному, нравственному объединенію, Третьему Риму не быть! Открещивайтесь же отъ отечества; забудьте о сыновствѣ и не будьте братьями, или, лучше, называйте небратство братствомъ, сочетайте его съ вѣчнымъ страхомъ за свою свободу, съ вѣчнымъ покушеніемъ на свободу другихъ! Не говорите: „Я въ тебѣ и ты во мнѣ“, а „я въ себѣ и для себя! Я на тебя и ты на меня, и всѣ въ вѣчной розни да пребудемъ“, въ прогрессѣ городской, фабрично-торговой культуры, поглощенной заботою о единственномъ вопросѣ, о богатствѣ и бѣдности (Статья „Аксіомы Канта, какъ основы его Критики“);

вопросъ же коренной о жизни и смерти оставимъ исключительно въ области созерпанія, сдѣлаемъ его предметомъ теоретическаго разума, отданнаго въ монополющую эксплуатацію ученому сословію“ (Статья „Великій Синтезъ“).

Какимъ страннымъ противорѣчіемъ послѣ этихъ итоговъ этики Канта кажутся его надежды на устанавленіе вѣчнаго мира между людьми! Проектъ послѣдняго оказался не тамъ, гдѣ думалъ дать его Кантъ, не въ статьѣ на эту тему, а въ первой „Критикѣ“, гдѣ, можно сказать были бы заложены основы (впрочемъ только отвлеченныя) для вѣчнаго мира, еслибы въ „Критикѣ“ практическаго разума, не было написано контръ-проекта. Но проектъ вѣчнаго мира у Канта основанъ не на возвращаніи жизни всѣмъ жертвамъ вражды и борьбы, а на забвеніи убитыхъ изъ за выгодъ корыстолюбія, причемъ само понятіе борьбы близоруко ограничено лишь войною въ буквальномъ, тѣсномъ смыслѣ слова, тогда какъ такой могучій поводъ къ розни и враждѣ, какъ борьба изъ за экономическихъ благъ, оставленъ совершенно безъ вниманія, и ослѣпленіе Канта въ данномъ случаѣ настолько велико, что въ возрастаніи интереса людей къ производству мануфактурныхъ и иныхъ игрушекъ и къ обмѣну ими онъ надѣется найти со временемъ средство прекратить войны. Въ ожиданіи этого, онъ самъ позаботился о прекращеніи войны въ области философіи. За такой проектъ вѣчнаго мира между учеными черезъ прекращеніе полемики можно считать „Критику чистаго разума“. Доказательствомъ или признаніемъ совершенной невозможности рѣшенія спора между двумя главными направленіями философіи (идеалистическимъ и матеріалистическимъ) Кантъ думалъ положить конецъ спору. Матеріалисты у него оказались *вносящими въ міръ*, а спиритуалисты *выносящими изъ міра* и ставящими внѣ его то, что было лишь въ разумѣ, въ мысли, что было только идеею; такимъ образомъ и матерія и духъ оказались произведеніями разума, міръ же доступный опыту, міръ дѣйствительный оказался лишь рознью, не-миромъ“ (Статья „Кантизмъ“ и письмо къ Н. П. Петерсону отъ 21 Августа 1892 г.).

Такимъ рѣшеніемъ могли довольствоваться однако только ученые мудрецы, предпочитавшіе стройность умозрѣнія тайнѣ трудно объяснимой или совсѣмъ необъяснимой дѣйствительности. Неученыхъ мудреное ея истолкованіе не удовлетворяло; „для неученыхъ очевидно, что не путемъ мышленія, а только путемъ дѣйствія идеальное можетъ превратиться въ дѣйствительное и міръ можетъ стать миромъ. Только превращеніемъ слѣпой силы изъ носящей вражду и смерть въ управляемую разумомъ, въ живоносную, внѣ-мирное (духъ, разумъ, чувство, воля) войдутъ въ міръ, и онъ станетъ миромъ, трансцендентное станетъ имманентнымъ, и матерія, правимая разумомъ, станетъ сознательною, активной силою, уже не производящею смерти“ (тамъ же). Къ этой активной мудрости философія Канта остается совершенно безучастною, а потому и лишенною всякаго вліянія на тѣхъ, для кого вопросъ о жизни и смерти представляется главнымъ, основнымъ. За то „для городской цивилизаціи, торгово-промышленной, замѣнившей его вопросомъ о богатствѣ и бѣдности, философія Канта есть сама истина и при томъ не трагическая, а вполне

утѣшительная. Убѣдившись въ безсиліи своего разума, представитель этой цивилизаціи можетъ со спокойною совѣстью предаться всякаго рода играмъ: гражданскимъ (политическая и сословная борьба), торгово-промышленнымъ (конкуренція, комфортъ, роскошь) и художественнымъ, такъ какъ въ „Критикѣ сужденія“ эстетическое опредѣляется какъ отсутствіе потребностей и какъ состояніе практическаго безразличія, какъ состояніе игры, чистаго „играющаго“ созерцанія.

Но какъ бы ни прославляли критицизмъ Канта, онъ долженъ быть признанъ принадлежностью поры несовершенности челоуѣческаго рода. Философія, порожденная этою порою для оправданія послѣдней, съ нею и минетъ. Мудрость, не мирящаяся съ несовершенствомъ природы, съ торжествомъ зла въ жизни, съ властью неразумной силы надъ разумными существами, обязана отречься отъ философіи, узаконяющей все это подъ неоправданнымъ предлогомъ невозможности измѣнить несовершенное въ лучшее, то-есть существующее въ нравственно должствующее быть. Мы говоримъ „обязана отречься“, потому что основныя утвержденія этой критической философіи были приняты не критически, а догматически, на вѣру въ безсиліе *субъективнаго разума и единичной воли*, тогда какъ еще не было, да и не можетъ быть представлено доказательство такой же беспомощности и немощи *коллективнаго разума и коллективной воли* челоуѣчества. Заключенія, выводимыя Кантомъ изъ опыта, неубѣдительны, ибо всѣ они взяты изъ предѣловъ опыта *единичнаго, разрозненнаго, производившагося кое-когда, кое-къмъ и кое-гдѣ*, тогда какъ *совокупный* опытъ имѣетъ производиться *повсюду, всеми* (для того пригодными) *и постоянно*. Такой всеобщій опытъ превратитъ науку изъ сословнаго ученаго занятія въ настоящее народное дѣло (Статья „Каразинъ и Антикантизмъ“). Вотъ почему именно то, что Кантъ считалъ недоступнымъ знанію, и есть предметъ дѣла, но дѣла, доступнаго для людей *не иначе, какъ въ ихъ совокупности, а не въ розни* (Статья „Наслѣдіе Канта“).

Столь же неосновательны ограниченія силъ челоуѣчества, выводимыя Кантомъ изъ анализа понятій времени и пространства. „Согласно съ Аристотелемъ и вопреки Канту, пространство и время нужно возвысить до категорій разума, категорій знанія и дѣйствія. Дѣлая ихъ категоріями разума, мы и само знаніе превращаемъ изъ отвлеченнаго въ конкретное... Пространство получаетъ свое истинное значеніе, когда физика и химія сливаются съ астрономіей, а не будутъ отвлекаться отъ нея въ особыя науки. Точно также время получаетъ свое истинное значеніе, когда исторія становится совокупностью біографій, возстановляющихъ память о жизни отцовъ и братьевъ нашихъ и потому роднящихся настоящее съ прошлымъ, сообщающихъ бывшему, но забытому реальное бытіе. Выдѣленіе же ученія о пространствѣ и времени въ особую ипсшую науку имѣетъ послѣдствіемъ превращеніе реальныхъ наукъ въ отвлеченныя, въ „логику“: физика становится космологіей, ученіемъ объ устройствѣ міра, вмѣсто того, чтобы быть регуляціей природы; психологія занимается разсужденіями о душѣ, вмѣсто одухотворенія, оживотворенія

существующаго и существовавшаго, а теологія остается идеаломъ безъ дѣйствительности.

Но главнымъ недостаткомъ критицизма должно признать непониманіе имъ того, что извѣстно всѣмъ людямъ, *смертности*. Общее свойство всѣхъ категорій знанія есть смертность, а общее свойство всѣхъ категорій дѣйствія есть безсмертіе. Сообразно съ этимъ и самъ разумъ получаетъ значеніе не субъективное и не объективное, а проективное, въ какомъ и объединяется теоретическій разумъ съ практическимъ. Смертность есть отвлеченное выраженіе, обобщеніе отъ всѣхъ умершихъ, изъ всѣхъ некрологовъ; но тѣмъ не менѣе прилагать къ смертности категорію всеобщности и необходимости было бы нарушеніемъ логики: смертность, какъ выводъ изъ предшествующихъ случаевъ, есть явленіе дѣйствительное, но *только условно дѣйствительное, не необходимое*“ (Статья „О категоріяхъ Канта“). Дѣйствіе, общее свойство всѣхъ категорій коего есть безсмертіе, расширенное до размѣровъ *всеобщаго дѣйствія, всечеловѣческаго и всемірнаго дѣла*, и имѣетъ свою цѣль перевести мысль въ дѣло, оживотворить знаніе, сдѣлавши его проективнымъ, поставивши ему задачу *измѣнить смертное въ бессмертное*, преобразить позоръ и безобразіе тлѣнія въ красоту и славу безсмертія.

Дѣйствительно ли „какое требованіе можетъ быть всеобщимъ и необходимымъ для всѣхъ разумныхъ существъ, то-есть категорическимъ императивомъ? Но такой вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: *быть разумнымъ, то-есть познающимъ*; а отсюда вытекаетъ необходимость всеобщаго обязательнаго образованія, всеобщаго познаванія. Точно также на вопросъ о необходимыхъ и обязательныхъ для всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ, вмѣсто неопредѣленнаго отвѣта Канта: „твой поступокъ долженъ чрезъ посредство твоей воли стать общимъ закономъ природы“, долженъ быть данъ отвѣтъ вполне опредѣленный: *обращеніе слѣпой силы природы въ разумную волю только и можетъ быть всеобщимъ закономъ*, требуемымъ безусловно ото всѣхъ и всюду, или же, еще точнѣе: обращеніе слѣпой, рождающей и умерщвляющей силы въ возсоздающую и оживляющую; а это означало бы, что природа, начавшая въ насъ сознать себя и управлять собою, достигла полнаго самосознанія и самоуправления. Противоположное этому требованію не только безнравственно, но и немыслимо: не можетъ быть предметомъ нашего общаго дѣла обращеніе разумнаго дѣйствія въ неразумное, возсозданія и оживленія въ рожденіе и умираніе. Всеобщее безсмертіе живущихъ и воскрешеніе живыхъ не можетъ быть только средствомъ; оно можетъ быть только конечною, послѣднею цѣлью, исполненіемъ воли Божіей, превращеніемъ неопредѣленнаго метафизическаго совершенства въ дѣйствительное, всеобщее счастье. (Статья „Обращеніе къ интеллигентамъ, невѣрующимъ всѣхъ философій“).

„Предъ силою этого факта, когда онъ свершится и этого проекта, пока фактъ не свершился, смолкаютъ неразрѣшимыя иначе противорѣчія, антиноміи чистаго разума, казавшіяся непреодолимыми со временъ Канта. Первая

антиномія, ставившая вопросъ о томъ, имѣетъ ли міръ предѣлъ въ пространствѣ и конецъ во времени, разрѣшается самимъ дѣломъ трудового безсмертія и воскресенія: существа, превратившія слѣпую рождающую и умерщвляющую силу природы въ разумную, оживотворяющую, не могутъ имѣть конца во времени“ а съ ними за одно и міръ, ихъ трудомъ вырванный изъ подъ власти смерти, находитъ свое спасеніе.

Также точно падаетъ антиномія свободы воли и необходимости. „Доказывать, что человѣкъ, пока онъ подчиненъ слѣпой силѣ природы, закону причинности, не свободенъ совершенно излишне и бесполезно; доказывать же предопытность свободы и признавать, что нѣтъ ея въ опытѣ, въ дѣйствительности, но что она имѣетъ (мысленное) существованіе, что можетъ быть нелѣпѣ этого пустословія?.. Но еслибы мѣсто Кантова ограниченного субъективнаго опыта занялъ всеобщій, коллективный и проективный, успѣхъ послѣдняго, выразившись въ разумномъ управленіи природою, доказалъ бы на дѣлѣ, самимъ фактомъ свободу воли и торжество ея надъ фатальною необходимостью ряда механическихъ причинъ и слѣдствій.

„Чтобы разрѣшить антиномію двухъ разумовъ, нужно поставить всѣмъ людямъ въ обязанность обращеніе мыслимаго въ дѣйствительное, знанія въ дѣло, для того, чтобы мыслимое и по времени и по пространству стало дѣйствительнымъ, стало и съ внутренней и съ внѣшней стороны *нашимъ* дѣломъ, произведѣніемъ *нашей* воли и *нашего* труда“ (Статья „Знанія и дѣла“). „Тогда объединяется теоретическій разумъ съ практическимъ, тогда критика эстетическаго и телеологическаго *сужденія* станетъ *дѣйствіемъ* всѣхъ людей въ осуществленіи общей цѣли: безсмертія и воскресенія“; а религія, изъ чистаго знанія, въ узкія границы котораго поставила ее критика, станетъ дѣломъ воскресенія“ (Тамъ же).

Такая проективная философія преодолеваетъ бездну сомнѣнія и отчаянія, разрезающуюся подъ Кантовою „Критикою чистаго разума“. „Если взять даже самую трудную часть Кантовой философіи, гдѣ, какъ говоритъ Виндельбандъ, критика его обнаруживаетъ всю свою энергію, то есть если взять трансцендентальную діалектику, то все же, снявши съ нея схоластическій нарядъ и маску глубокомыслія, легко дать самые простые отвѣты на воздвигаемая ею будто-бы непреодолимая затрудненія. Трансцендентальная діалектика показываетъ несостоятельность и невозможность трехъ метафизическихъ наукъ: раціональной космологіи, раціональной психологіи и раціональной теологіи. Сколько, повидимому, нужно энергіи для разрушенія всего этого! Но если мы, то есть *всѣ* разумныя существа въ совокупности, *до опыта* (что и означаетъ трансцендентально) или *до общаго дѣла* разумныхъ существъ, то есть *до* обращенія ими слѣпой, умерщвляющей силы въ управляемую разумомъ, чувствомъ и волею въ оживотворяющую, будемъ называть природу или вселенную раціональною, то нелѣпости такого утвержденія и доказывать не понадобится. Равнымъ образомъ не будетъ и раціональной психологіи до тѣхъ поръ, пока

разумныя существа не станутъ познающими (въ полномъ смыслѣ этого слова). Также точно, пока есть сила умерщвляющая паралогично говорить о безсмертіи. И наконецъ, пока мы не приступимъ къ свершенію этого божественнаго дѣла (побѣды надъ смертію), то есть не станемъ орудіями Бога отцовъ, мы не будемъ имѣть и раціональнаго доказательствъ бытія Бога. Это также очевидно, какъ и предъидущее; да и неудивительно: какая вообще возможна метафизика, пока разумъ не станетъ выше физики? (то есть пока процессы силъ, дѣйствующихъ механически и бессознательно не станутъ осмысленными и волевыми). (Статья „Къ вопросу о двухъ разумахъ“).

За трансцендентною аналитикою должна слѣдовать не одна трансцендентная діалектика, какъ отрицаніе и разрушеніе метафизики съ ея умозрѣніями о Богѣ, природѣ и духѣ, а съ безусловною необходимостью должна идти *имманентная синтетика или проектика*, всеобщая и незамѣнимая, которая не должна отдѣлять психологіи отъ теологіи, то есть должна челоуѣка дѣлать орудіемъ Бога, не должна отдѣлять и психологіи отъ космологіи, то есть дѣлать космологію бездушною, а психологію безсильною, тогда какъ при соединеніи психологіи съ теологіей душа или челоуѣкъ не будутъ безбожными, а Богъ не будетъ безчелоуѣчнымъ, какимъ является Греческій Кроносъ и Богъ Спинозы-Субстанція. Имманентная синтетика или проектика и есть практический разумъ неотдѣлимый отъ теоретическаго, составляющій съ нимъ одно во всей полнотѣ разумности, то есть со включеніемъ въ послѣднюю и воли, ибо и воля гдѣ есть разумъ, разумъ, вступившій въ область нравственнаго, въ сферу дѣйствія! Но и трансцендентальная аналитика и трансцендентальная эстетика нуждаются въ имманентной синтетикѣ, то есть въ переходѣ отъ знанія предшествующаго опыту въ опытные или изъ идеи и понятія въ дѣло; нуждаются и въ универсальной проектикѣ, то есть во внесеніи порядка въ міръ явленій, въ жизнь самой дѣйствительности, а не въ міръ однихъ понятій и подобій. Содержаніемъ аналитики является астрономія, въ составъ которой исторія входитъ въ качествѣ такой незначительной величины. Въ имманентной же синтетикѣ исторія, въ лицѣ живущихъ, замѣняетъ представленіе или понятіе проектомъ, внося разумную силу или причину въ волю, правящую живущими. Окончательной же полноты воля достигаетъ въ эстетикѣ, распространяя въ чувственномъ мірѣ регуляцію на всѣ міры пространства черезъ всѣ воскресенныя поколѣнія, возстановляя поглощенное временемъ. Трансцендентальная эстетика имѣетъ цѣлью доказать *идеальность* пространства и времени; но она докажетъ ихъ *реальность*, когда изъ *предопытной* стѣнетъ *послѣопытную*, когда время, составленное изъ ряда поколѣній, станетъ доступно (въ лицѣ ихъ) ощущенію одновременно въ разныхъ мірахъ, то есть, когда *въ пространство* явится *все время наглядно и осязательно*. (Статья „Къ вопросу о двухъ разумахъ и двухъ исторіяхъ“).

Послѣ обстоятельнаго разбора ученія отца критической философіи Николая Федоровичъ счелъ возможнымъ ограничиться болѣе краткимъ обзоромъ продолжателей Канта. Мы видѣли, что онъ правильно оцѣнилъ заслугу Фихте,

то есть рѣшительное признаніе имъ того всеобъемлющаго субъективнаго идеализма, который логически вытекалъ изъ „Критики чистаго разума“, но отъ котораго такъ непослѣдовательно уклонился ея авторъ. Однако въ подробно е обсужденіе философіи Фихте какъ и Шеллинговой, Н. Θ. не входитъ на томъ основаніи, что видитъ въ обоихъ нихъ „несовершенныхъ Гегелей“. Зато въ самомъ Гегелѣ онъ видѣлъ завершеніе, какъ онъ выражался, „праваго теченія критицизма“ въ сторону чистаго разума, также какъ въ Шопенгауэрѣ главнаго представителя втораго направленія кантизма, практическаго, въ сторону воли. Притомъ же Гегель, по признанію Н. Θ-ча былъ тѣмъ мыслителемъ, который наиболѣе на него повліялъ въ молодости: съ большимъ одушевленіемъ рассказывалъ онъ не разъ о томъ, какое „ужасающее“ впечатлѣніе произвело на него тогда чтеніе „Логики“, ужасающее съ одной стороны по рѣшительности и цѣльности мысли и по силѣ изложенія, а съ другой по тому отвращенію, которое внушало ему это ученіе, наиболѣе противоположное его собственному, проникнутое полнымъ непониманіемъ начала родства, отечества и сыновства, составлявшаго святыю святыхъ нашего мыслителя.

„Гегель“, говоритъ онъ, „можно сказать, родился въ мундирѣ; его предки были чиновники въ мундирахъ, чиновники въ рясахъ, чиновники безъ мундира (учителя). Все это отразилось на его философіи, особенно въ бездушнѣйшей „Философіи духа“, болѣе же всего въ ученіи о правѣ; назвать конституціонное государство Богомъ могъ только тотъ, кто былъ чиновникомъ съ утробы матери“ (Статья „Философъ-чиновникъ“).

И однако этотъ „философъ-чиновникъ“ есть „самый искренній, высшій, послѣдній отвлеченный философъ: у него, по выраженію В. Соловьева, „само Сущее старается стать философией, превратиться въ чистое мышленіе“, то-есть Сущее превращается въ Мыслимое, мнимое; вся философія превращается у него въ Логикку, то есть въ *мысль о мысли*. Но за то послѣ него мысль должна уже переходить *отъ дѣла, а мыслители должны замѣняться дѣятелями*. Вотъ почему и самъ Гегель, этотъ „великій въ философіи, то есть въ царствѣ мысли, будетъ мнѣ въ царствіи дѣла, уготовляющаго наступленіе Царствія Божія. Переходъ сущаго въ мыслимое и мнимое означаетъ переходъ въ несущее, тогда какъ въ царствіи уже дѣла несущее, сохранившееся лишь въ воспоминаніи, ставшее лишь мыслимымъ и представляемымъ, должно вновь стать сущимъ, живымъ. Для Гегеля же даже самъ Богъ есть не Создатель, а лишь Мыслитель; Богъ есть лишь философствующій умъ“. (Статья „Гегель и В. Соловьевъ“).

„Гегелизмъ слѣдуетъ назвать не *панлогизмомъ*, а *иллогизмомъ*, ибо „Логика“ Гегеля изображаетъ ходъ неразумной силы, которая ставитъ всегда тезисы, выдающіе себя за безусловныя истины, не будучи ими; всякій же тезисъ порождаетъ противоположеніе, антитезисъ, который, по неразумности, считаетъ своего родителя, мнящаго себя безусловною истиною, за безусловную ложь, а себя самому исключительно приписываетъ истину, въ чемъ и обли-

чается слѣдующимъ за нимъ моментомъ, имъ же порожденнымъ“. Въ этой третьей стадіи развитія сужденія ея воплощеніе, то есть примиряющее заключеніе, или, по образному выраженію Николая Федоровича, „внукъ вступаетъ за дѣда, считая и его (тезисъ) и своего отца (антитезисъ) лишь полулюдою. Такое положеніе было бы логичнѣе предшествующаго, если бы и оно въ свою очередь не вызывало новаго антитезиса“. Такимъ образомъ „Логика“ Гегеля расширяетъ неродственное начало противорѣчія и розни отъ предѣловъ субъективнаго мышленія до безпредѣльности всеобъемлющаго космическаго процесса. (Статья „Панлогизмъ или иллогизмъ“).

Наоборотъ, „истинный Логосъ есть проектъ прекращенія міровой розни и объединенія разумныхъ существъ въ дѣлѣ управленія неразумною силою и воссозданія разрушеннаго ею“, орудіемъ чего и является полное знаніе; знаемъ же мы только то, что можемъ творить, какъ справедливо сказалъ Кантъ, а до него еще Аристотель“. (Тамъ же). „Логика“ Гегеля есть изображеніе метафизическаго рожденія и умиранія, а не воссозданія и оживленія; она узаконяетъ не объединеніе, а распаденіе. Если же *слово*, логосъ, замѣнимъ *дыломъ*, то оно будетъ требованіемъ перехода отъ распаденія къ объединенію для воссозданія и оживленія. Начало „Логики“, первая ея стадія по Гегелю „Бытіе“ превращается тогда въ „Пакибытіе“, созданіе дѣлается концомъ, то есть переживаетъ рожденіе и умираніе, а конецъ „Логики“, третья стадія или ступень, „Понятіе“, превращается въ *проектъ*, становится началомъ. Вторая стадія, средняя ступень, названная „Сущностью“, превращается въ *осуществленіе*, когда, узнавши самую суть бытія, мы переходимъ отъ слѣдствій къ причинамъ, отъ явленій къ силамъ, отъ случайнаго существованія къ необходимому бытію, отъ послѣдующаго къ предыдущему, отъ сыновъ къ отцамъ, причеиъ совокупность послѣдующихъ (сыновъ), какъ существъ сознающихъ, относится къ безсознательной силѣ въ ея цѣломъ, какъ правящая сила для восстановленія предыдущихъ“. („Панлогизмъ и иллогизмъ“).

„Кромѣ этого перемѣненія начала въ конецъ необходимо передъ Логикою поставить мыслящее существо, какъ и передъ дѣломъ дѣятеля, передъ дѣломъ общимъ совокупность всѣхъ, живущихъ на счетъ умершихъ; надо поставить впереди неразумной силы разумнаго существа, сознающія гнетъ этой силы, а въ самомъ послѣднемъ фазисѣ поставить Абсолютный Духъ, который, пройдя якобы нисшія степени, искусство и религію, возвышается до священной пустоты философіи, а въ философіи достигаетъ третьей ступени въ третьей стадіи своего развитія, то есть въ новой философіи тождества субстанціи и субъекта, гдѣ однако это тождество оказывается не дѣйствительнымъ, а только мыслимымъ, мнимымъ предположеніемъ, проектомъ, отъ коего и должно начаться дѣло и не внѣшнее лишь сближеніе, а внутреннее объединеніе разумныхъ существъ“ (Тамъ же).

„Внутреннее сближеніе начинается въ мысли: особъ или индивидъ въ мысли, въ представленіи, имѣетъ вѣчто общее, родовое. Въ этомъ субъектив-

номъ сознаниіи природа изъ своего инобытія или въѣпробыванія возвращается (по Гегелю) въ себя, то есть къ абсолютной идеѣ. Обладающій способностью представленія или мышленія себя какъ родовое существо, есть, по Гегелю, духъ человѣческій. Жизнь этого духа и излагается въ Философіи Духа, которая разсматривается какъ субъективная, какъ объективная и какъ абсолютная. Но если бы философія духа была философіей дѣла, а не мысли, то, вмѣсто феноменологіи духа, изображающей переходъ отъ чувственнаго знанія къ разумному, мы имѣли бы переходъ отъ пассивнаго къ активному. Всѣ физиологическіе процессы, всѣ явленія, составляющія предметъ антропологіи, чрезъ разумное познание, стали бы управляться волею; физиологія стала бы подчинена психологіи. Тогда духъ дѣйствительно возвысился бы надъ своею субъективностью и сталъ бы объективнымъ, то есть правящимъ самимъ объектомъ“ (Тамъ же).

Какъ извѣстно, философія Гегеля оказала значительное вліяніе на развитіе этики и права. Но и въ этой области, по мнѣнію Николая Федоровича, ея вліяніе никакъ нельзя признать благотѣльнымъ. Только при процессѣ совершенно иномъ, чѣмъ указанный Гегелемъ, только при переходѣ отъ непроизвольнаго процесса міроваго развитія къ волевому, активному, управляемому человѣкомъ, право стало бы фактомъ, то-есть сбылось бы должностующее быть. Въ вѣчномъ правѣ собственность была бы тогда дѣйствительнымъ обладаніемъ чрезъ знаніе, обладаніемъ вещью въ себѣ, предполагающимъ глубочайшій союзъ разумныхъ существъ, не нуждающихся во вѣшнемъ договорѣ, который необходимъ для людей чужихъ другъ другу, такъ какъ души ихъ взаимно темны, и лицедрѣніе между ними не означаетъ душедрѣнія. Очевидно, духъ человѣческій еще не освободился отъ власти слѣпой силы природы, если онъ можетъ враждовать или угнетать и требовать себѣ наказанія, которое, какъ и самъ Гегель видитъ, не только ничего не исправляетъ, но въ одному злу прибавляетъ еще другое, увеличивая сумму бѣдствій человѣческаго рода. Такое несовершенство права требуетъ замѣны его чѣмъ-то другимъ, чтѣ Гегель называетъ нравственностью, хотя указываемая имъ нравственность вовсе не заслуживаетъ такого почетнаго названія, ибо она не устраниваетъ зла, учиненнаго при правовыхъ отношеніяхъ. Если Гегель требуетъ реальной правды и добра дѣйствительнаго, то субъектъ тогда только сознаетъ себя „какъ одно съ нравственною субстанціей“, то-есть нравственная субстанція тогда только станетъ живою личностью или единствомъ многихъ и даже всѣхъ личностей, когда *государство* станетъ *отечествомъ*, то-есть исполненіемъ долга къ отцамъ умирающимъ и умершимъ, и только при исполненіи этого долга гражданское общество станетъ *братствомъ сыновъ*, а сѣмьи—союзомъ для общаго дѣла, которое и можетъ быть, конечно, самоцѣлью“.

„Наоборотъ, какъ можетъ быть такою абсолютною, самодовлѣющею цѣлью осуществленіе только свободы каждаго, этого безсодержательнаго Ничто людей, объединенныхъ въ равенствѣ ихъ освобожденія отъ власти существъ

разумныхъ при равенствѣ однако подчиненія всѣхъ ихъ силъ неразумной?... Рабство и господство, безспорно, зло; но и свобода еще не благо; безъ дальнѣйшаго опредѣленія она просто, ничто, состояніе безразличія съ правомъ направляться въ любую сторону, къ истинѣ и къ заблужденію, къ добру и ко злу, къ спасенію и къ гибели. Какой смыслъ можетъ быть и въ исторіи, если она есть прогрессъ лишь въ сознаніи свободы, а не въ объединеніи рода человѣческаго для дѣла общаго спасенія?.. Въ государствѣ, какъ обществѣ юридическомъ и экономическомъ, а не родственномъ, не на взаимномъ знаніи и взаимномъ чувствѣ основанномъ, духъ объективируется какъ дѣйствительность не сыновъ человѣческихъ, а лишь гражданъ, сдерживаемыхъ внѣшнею нуждою и внѣшнею силою, надзоромъ, угрозою или же расчетомъ. Но не въ такой дѣйствительности можетъ найти себѣ удовлетвореніе духъ человѣческій какъ орудіе воли Божіей, всемудрой и всеблагой. Даже идеаль Гегеля и Запада, конституціонное государство, есть взаимное ограниченіе, обструкція, приводящая не къ восполненію другъ друга, не къ полнотѣ силъ, а къ стѣсненію ихъ или даже къ бездѣйствію, либо противодѣйствію. Тогда только, когда государство станетъ внутреннимъ объединеніемъ въ единомъ, для всѣхъ понятномъ, естественномъ, родственномъ, сыновнемъ и братскомъ чувствѣ и долгѣ, тогда лишь станетъ оно во истину подобіемъ Бога, но не безчеловѣчнаго Бога, Субстанции и не безличнаго, бездушнаго Бога, Духа, Гегелевскаго Логоса, Логоса Христіанскаго, Бога Любви, Бога Тріединаго, въ служеніи которому, то-есть въ исполненіи воли котораго и свѣтскія гражданскія отношенія станутъ религіозными“ („Панлогизмъ или пнлогизмъ“).

„Ученикъ Гегеля Маргейнеке назвалъ своего учителя „воплощеннымъ Логосомъ“. Но и самъ гегелизмъ, будучи синтезомъ многихъ тезисовъ и антитезисовъ и признавая себя абсолютною истиною, былъ опровергнутъ, по законамъ его же собственной логики, порожденнымъ имъ матеріалистическимъ антитезисомъ, который однако такъ же не оказался истиною, какъ и гегелизмъ не оказался ложью, и возродился вновь, но уже безъ притязаній на абсолютную истину. Чтобы панлогизмъ дѣйствительно сталъ истиною, чтобы „Все“ управлялось мыслью, разумомъ, нужно всеобщее дѣло. Изреченіе Гегеля, взятое не изъ его „Логики“, а изъ его письма, могло бы спасти „Логикѣ“, превратить ее изъ мысли о мысли въ проектъ дѣла. Истину, выраженную въ письмѣ, онъ постигъ, какъ самъ говоритъ, опытомъ, а не умозрѣніемъ. „Ищите прежде всего пищи и одежды, а Царствіе Небесное приложится вамъ“. Понимая подъ пищу и одеждою отнюдь не богатство и не прихоть, а *только насущное*, мы найдемъ прошеніе о немъ въ молитвѣ о Царствіи Божіемъ рядомъ съ мольбою о томъ, чтобы воля Божія была на землѣ, какъ и на небѣ, то-есть, чтобы, исполняя волю Бога, мы управляли бы землею настолько, чтобы сдѣлать невозможнымъ и мертвящій холодъ, и губительный зной, и потопъ, и безводіе, и голодъ, и болѣзни, словомъ, чтобы уничтожить власть смерти надъ жизнью („Панлогизмъ“).

Послѣдній, третій отдѣлъ третьей части „Логики“, состоящій изъ трехъ

отдѣлений „Жизни, Познания и Абсолютной Идеи“, могъ бы быть проектомъ того, что должно стать изъ того, что есть. Если къ „Жизни“ прибавимъ ея опредѣленіе „смертная“, то предметомъ познания будетъ *вопросъ о жизни и смерти*, а абсолютная идея обращается *во всеобщее дѣло* (побѣды жизни надъ смертью). Первая часть („Логика“) будетъ *дѣйствительною* въ томъ смыслѣ, что она такова, какова есть дѣйствительность, но вмѣстѣ съ тѣмъ *не рациональна* (такъ какъ дѣйствительность не соответствуетъ абсолютнымъ требованіямъ существъ разумныхъ). *Познание* же указываетъ на *способъ перехода* отъ того, что есть, въ то, что должно быть, а *Абсолютная Идея* станетъ *всеобщимъ дѣломъ побѣды надъ природою и надъ смертію*.

Таковъ активный и проективный переворотъ, который былъ возможенъ для Гегелевой „Логики“; но этой возможности авторъ ея не замѣтилъ, да и едва ли желалъ его: какъ истый метафизикъ, онъ дорожилъ чистымъ мышленіемъ больше, чѣмъ судьбою самого бытія; процессъ эволюціи духа въ его безконечныхъ переходахъ занималъ влюбленный въ діалектику умъ Гегеля болѣе, чѣмъ исходъ этого процесса. Вотъ что и сдѣлало его „Логикю“ изображеніемъ отживающей жизни, а не проектомъ будущей. Не даромъ самъ онъ назвалъ ее „*царствомъ тѣней*“, а потому, изображеніемъ Бога, какимъ Онъ есть въ своей вѣчной сущности до созданія природы и *конечнаго духа*. Но мысля такъ, Гегель ограничиваетъ разумныя существа, а слѣпой силѣ даетъ полновластіе, подчиняетъ навсегда первыхъ второй, и разъ такое отношеніе безповоротно установлено, жизнь человѣчества становится дѣйствительно „*царствомъ тѣней*“, полнѣйшимъ выраженіемъ *ада*. „Логика“ Гегеля потому и иллогична, что она есть *движеніе въ неизвѣстное*, безъ всякаго предвѣдѣнія и предположенія, что произойдетъ изъ этого движенія, изъ этой непрестанной смѣны явленій, мимо бѣгущихъ и исчезающихъ, какъ тѣни, причемъ лишь послѣднее явленіе въ каждый данный моментъ принимается за истину всего предыдущаго, которое, при появленіи послѣдующаго, тотчасъ же развѣивается въ своемъ достоинствѣ и низвергается въ адъ, въ „царство тѣней“, не сопровождаемое даже сожалѣніемъ: ибо гибель частнаго явленія, гибель формъ жизни, гибель сущаго есть только дальнѣйшій шагъ въ необозримой феноменологіи духа, въ эволюціи міровой идеи.

Но жизнь не можетъ остановиться только на мысли, только на идеѣ, даже и на абсолютной идеѣ. Жизнь сама по себѣ реальная сущность, благо и цѣль, на условіи однако своего сохраненія и распространенія на всѣхъ. Къ счастью для осуждаемыхъ въ адъ „воплощеннымъ Логосомъ философіи“, Логосъ истинный, Богъ Любви, не предназначаетъ насъ къ гибели; Онъ не создалъ *навсегда* конечными, то есть неизмѣнно ограниченными, умы людей, не навсегда сдѣлалъ ихъ волю немощною, безсильною, не въ вѣчное, нескончаемое рабство отдалъ онъ ихъ слѣпой силѣ природы“. Не сказано ли устами Высшаго Разума: „Богъ смерти *не создалъ*“. „Богъ не хочетъ смерти *ни единому*“? И не пришелъ ли Логосъ „*всѣхъ спасти*“? Не Богъ, Свѣтъ истинный, просвѣщающій *всякаго* человѣка, грядущаго въ міръ, виновникъ слѣпоты и

неразумія; не Логосъ, рещій „познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“, виновникъ заблужденія, невѣдѣнія и рабства. Сами волею и разумомъ надѣленные существа, которымъ спасеніе открыто въ возможности трудового приобритенія на условіи самостоятельности и добровольности, сами они, забывши любовь, вступивши въ борьбу и вражду между собою, ограничили другъ друга, замѣнили свѣтъ тьмою и подпали подъ яго слѣпой силы, тогда какъ оставаясь въ единствѣ или вновь объединившись послѣ долговременнаго раздора, они во всеоружіи знанія, распространеннаго на все и на всѣхъ, могли бы править этою силою, приводя ее къ процессу какъ разъ противоположному тому, который изображалъ Гегель, то есть, не отпуская на волю слѣпую силу природы, какъ онъ это дѣлаетъ въ философіи Природы, и не подчиняя ей разумную силу, а, напротивъ, спасая природу, замѣняя борьбу жизни и смерти вѣчнымъ миромъ безсмертія (Статья „Супраморализмъ и Гегелизмъ“).

Если, какъ думаетъ Гегель, Богъ есть не создатель, а лишь мыслитель, лишь „философствующій умъ“ (по выраженію В. Соловьева), и если самъ Гегель (какъ полагалъ Маргейнеке) есть „воплотившійся Логосъ“: то „должно признать, что Всемирный Духъ, воплотившійся въ Нѣмецкомъ профессорѣ Гегелѣ, достигъ въ немъ высшей формы діалектической отвлеченной пустоты. Съ этого момента роль философіи чистаго мышленія была, въ существенномъ, окончена; философія стала отживающимъ явленіемъ, знаменіемъ конца несовершеннолѣтія человѣческой мысли. Этотъ конечный пунктъ долженъ былъ стать для насъ исходнымъ пунктомъ: между мыслимымъ и сущимъ, какъ и между субъективнымъ и объективнымъ, должно было отнынѣ поставить проективное, и вмѣсто мысли о мысли слѣдовало начаться мысли о дѣлѣ, а затѣмъ и самому дѣлу“ („Статья Гегель и Соловьевъ“).

Но чары метафизики оказались упорны и длительны; донельзя отвлеченная философія Духа вызвала реакцію не въ сторону реальной философіи Дѣла, а въ сторону опять отвлеченной философіи Воли въ лицѣ Шопенгауэра.

„Изъ всѣхъ философовъ“, говоритъ Николай Федоровичъ, „наиболѣе мыслителемъ и наименѣе дѣятелемъ былъ Шопенгауэръ; онъ даже почти что не былъ профессоромъ“; онъ былъ совсѣмъ одинокій ученый, къ тому же долгое время непонятый и неощтенный. Все это объясняетъ намъ его философскій пессимизмъ. „Только такой изолированный отъ жизни ученый могъ равнодушно противопоставлять теоретическое, то есть знаніе безъ соотвѣтствующаго дѣла, трагическому, то есть страданію и смерти (Статья „Іоасафъ Царевичъ и могила Асуфа въ Кашмирѣ“). Только такой себялюбецъ, пессимистъ могъ развивать философію отчаянія среди наслажденій жизни, которымъ самъ онъ вовсе не былъ чуждъ. Сознывая, что міръ полонъ страданій, но равнодушный къ страданіямъ, которыхъ самъ не испытывалъ, онъ предлагалъ человѣчеству исходъ изъ нихъ; но путь, имъ указанный, былъ не христіанскій путь жизни, а буддійскій путь смерти, отказъ отъ личнаго

бытія, сліяніе съ міровымъ цѣлымъ, возвращеніе къ Нирванѣ. На древній какъ міръ вопросъ: „гдѣ выходъ изъ страданій?“ онъ далъ отвѣтъ новый развѣ только по формѣ изложенія, отнюдь не по существу. Когда ко Христу приносили болящихъ, Онъ испѣлялъ ихъ; когда въ домъ Іаира Онъ увидѣлъ отца, рыдавшаго надъ умершею дочерью или неутѣшенныхъ сестеръ и друзей у гробницы Лазаря, Онъ пожалѣлъ скорбѣвшихъ, прослезился Самъ и *воскресилъ* умершихъ, уничтоживши въ самомъ источникѣ причину страданія. Когда мать съ умирающимъ ребенкомъ на рукахъ припала къ ногамъ Будды, моля его о помощи въ страданіи, Будда пожалѣлъ страдавшихъ и обѣщала помощь: онъ коснулся ребенка... и страдалецъ *умеръ*. Въ этихъ двухъ разказахъ вся неизмѣримая противоположность между Христіанствомъ и Буддизмомъ, о сходствѣ которыхъ еще недавно такъ много и такъ серьезно толковали. Къ которому изъ этихъ двухъ типовъ состраданія надлежало присоединиться? Шопенгауэръ слѣдовалъ за Буддою. Онъ былъ буддистъ, задолго до построенія буддійскаго храма въ центрѣ Западнаго просвѣщенія, въ Парижѣ, и до защиты буддійскаго „недѣланія“ и „непротивленія злу“ „великимъ писателемъ земли Русской“. Пассивное отношеніе ко злу и страданію и выправку духа для перенесенія ихъ Шопенгауэръ предпочиталъ реальной борьбѣ съ причиною страданія, съ силою, рождающею страданіе и смерть; оставаясь въ подчиненіи у этой силы въ дѣйствительности, онъ довольствовался воображаемымъ освобожденіемъ отъ ея власти въ мысли. Вполнѣ практической, насущный вопросъ жизни онъ облекъ въ отвлеченную умозрительную форму и чисто по буддійски, видя блаженство въ недѣланіи, обѣщала въ качествѣ высшаго блага только вѣчный покой въ области небытія.

Оставшись метафизикомъ даже въ той сферѣ, которую Кантъ отвелъ практическому разуму, Шопенгауэръ доказалъ, что онъ, какъ мыслитель, законный сынъ общаго отца умозрительныхъ философовъ, сынъ того „Чистаго Разума“, для котораго стройное мышленіе дороже самой жизни. До Шопенгауэра міръ былъ только представленіе; человѣческая же воля, хотя и не нашедшая себѣ оправданія передъ судомъ Чистаго Разума, утверждала еще себя *какъ фактъ* въ области разума пракческаго. Теперь же и она стала *представленіемъ*: въ мірѣ она, правда, дѣйствовала какъ фактъ („воля къ бытію“), но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ фактъ насилія надъ волею человѣческою, превращая для послѣдней міръ въ неволю; такъ, что для воли человѣческой, при пассивномъ преклоненіи передъ силою этого факта, оставался только одинъ исходъ утверждать себя *не въ дѣйствительности* (гдѣ царитъ не человѣческая разумная воля, а слѣпая міровая), а утверждать себя въ области мысли, представленія, игнорируя дѣйствительность или вырываясь изъ ея неволи. Единственный актъ воли сводился такимъ образомъ на *добровольное обезволеніе* посредствомъ отреченія отъ личнаго бытія, какъ идущаго въ разладъ съ бытіемъ міроваго Цѣлага, безразличнаго и безжалостнаго къ судьбѣ Частнаго.

Какъ ни радикальна была поправка, внесенная Шопенгауэромъ въ кри-

тицизмъ, она вполне соотвѣтствовала духу послѣдняго. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ мыслитель, какъ будто вносившій начало Восточной (Буддической) мудрости въ Западную, подвелъ итоги Западной рационалистической философіи, указавъ въ своихъ трехъ главныхъ положеніяхъ, гдѣ именно должно искать истину. Эти три положенія совпали съ источниками, откуда вышла рациональная философія Запада. Истинная сущность міра, какъ и смыслъ жизни, познается человекомъ *внутри, въ самомъ себѣ*. Чтобы погрузиться внутрь себя, нужно отдаленіе, *отчужденіе другъ отъ друга*, а для возвращенія къ самому себѣ нѣтъ ни малѣйшей нужды въ соединеніи съ себѣ подобными. Нужно, слѣдовательно, то самое, что требовалось уже съ давнихъ поръ философскою заповѣдью „познай самого себя“ и ея упрощенною редакціей „знай только себя“, откуда вышла философія Сократа, и другою подобною заповѣдью: „не блуждай внѣ себя, возвратись къ себѣ; во внутреннемъ человѣкѣ, истина“, откуда вышелъ Августинъ, за нимъ вся средневѣковая философія, а затѣмъ и Декартъ со своимъ ученымъ потомствомъ. Изъ положенія, въ которомъ только личному бытію приписывается полная достовѣрность, очень легко могло произойти превращеніе внѣшняго міра въ представленіе (Статья „О Шопенгауэрѣ“). Міръ и сталъ у Шопенгауэра представленіемъ, но не однимъ только представленіемъ, какъ у Фихте и абсолютныхъ идеалистовъ, но будто бы волею, „волею къ бытію“. Мы сейчасъ указали однако, что эта воля сводилась на ту же призрачность представленія, если подъ волею разумѣть волю человеческую. Что касается воли такъ называемой міровой или, выражаясь опредѣлительнѣе, воли природы, то что это за воля, и къ какому бытію она стремится? Эта воля есть та похоть, которую такъ великолѣпно охарактеризовалъ Фейербахъ, сказавъ, что она рождаетъ безъ конца для того, чтобы безъ конца умерщвлять, рождаетъ сыновъ для того, чтобы убивать отцовъ. А бытіе? Это „*быть*“ на мигъ для того, чтобы *не-быть* навѣки, на тысячелѣтія, на необозримую безпредѣльность времени, превращающуюся чрезъ это въ непрерывность умиранія! Это мигъ существованія, необезпеченный отъ страданій даже въ своей мимолетной краткости! Это „*быть*“ столь малое, столь слабое, столь скорбное и безпомощное, что вызываетъ вопросъ: „*быть или не быть*, стѣнитъ ли быть?“ и рѣшаетъ его у Буддиста Шопенгауэра въ пользу небытія!

Но если такъ, то прославленная формула „міръ какъ воля и представленіе“ измѣняется и существенно: „міръ какъ *воля* (къ бытію), въ дѣйствительности есть *неволя*, зависимость отъ смерти, а потому и міръ какъ *представленіе* долженъ стать *проектомъ возвращенія къ бытію*“ (Статья „Безчисленные невольные возвраты Ницше и единый возвратъ“). Оставлять же Шопенгауэрову формулу безъ поправки и признавать ее за истину могутъ только люди, обреченные на бездѣятельность и на уединенную жизнь, осужденные только мыслить въ одиночку, а не дѣйствовать въ совокупности. Они не чувствуютъ ужаса этого положенія, лишаящаго насъ отечества и братства, то есть дѣлающаго тоже, что и смерть. А между тѣмъ уже сверстникъ Шо-

пенгауэра Байронъ изобразилъ весь ужасъ одиночества даже въ Богъ безусловно одинокомъ (*чтѣд никакъ не можетъ относиться къ Богу Христіанскому Трїединому*), говоря, что Онъ творитъ міры за мірами; чтобы наполнить пустоту существованія, но что тѣмъ не менѣе, благодаря одиночеству, то есть отсутствію равныхъ себѣ существъ, уничтоженіе было бы для него высшимъ благомъ. Это значитъ, что для того, кто понялъ ужасъ одиночества, не можетъ быть иного Бога, кромѣ Трїединаго“ („О Шопенгауэръ“), какъ и иной естественной и счастливой жизни, кромѣ жизни неразлучной съ себѣ подобными, съ отцами и братьями, то есть *со всеми для всѣхъ*. Шопенгауэровская міровая воля къ бытію, рождающая послѣдующее на условіи гибели предъидущаго, не можетъ, слѣдовательно, удовлетворять разумныхъ и нравственныхъ существъ, которымъ одинаково неестественно, да и невозможно, жить только для другихъ, забывая о себѣ, и лишь для себя, забывая о другихъ. „Желаніе жизни личной у человѣка, конечно, есть, и оно у него обще съ животнымъ; но специально человѣку или *сыну человѣческому* свойственна еще *жажда возстановленія жизни*, уничтоженной слѣпою волею или силою въ лицѣ отцовъ и братьевъ (тамъ же). Эта потребность находить себѣ многообразное выраженіе и въ скорби объ утратахъ, и въ заботахъ объ умершихъ, и въ поминовеніи ихъ, и въ тѣхъ религіозныхъ, то мистическихъ, то научныхъ, то магическихъ усиліяхъ вырвать у смерти ея жертвы, вернуть ихъ къ жизни, сообщить имъ безсмертіе. Пусть эти способы, мечты и надежды несовершенны; они ступень къ болѣе совершенному и доказательство неуничтожимаго запроса человѣка на безсмертіе. Отвѣтъ на этотъ запросъ и должна дать философія.

Но этого отвѣта тщетно искать въ Шопенгауэровой философіи отчаянія: убѣжденная въ непреодолимомъ перевѣсѣ міровой стихійной воли надъ нравственною человѣческою, она знаетъ для исцѣленія нашихъ скорбей и для отвѣта на наши упованія только прїемъ Будды—смерть, а ужасъ этого сознанія для душъ, еще „не вошедшихъ въ великій покой“, маскируетъ будто бы трагическою красотою гибели жизни. Въ трагическомъ, безспорно, есть своеобразная красота; но пусть Л. Н. Толстой увѣряетъ, что „онъ любитъ курносу“¹⁾; пусть Леопарди находить смерть виѣствъ съ любовью „двумя прекраснѣйшими вещами на землѣ и на небѣ“²⁾; пусть поэтесса пессимизма Каролина Аккерманъ восклицаетъ:

„Ah, quelle immense joie, après tant de souffrances,
Au milieu des décombres, par dessus les charniers,
Pouvoir enfin jeter ce cri de délivrance:
„Plus d'hommes sous le ciel, nous sommes les derniers“!

¹⁾ Въ разговорѣ съ Николаемъ Федоровичемъ, очень любившимъ ссылаться на эти слова.

²⁾ *Leopardi. Amore e Morte.*

Этотъ кличъ, призывающій, по указанію Шопенгауэра, къ міровой катастрофѣ, ко всеобщему самоубійству, остается безуміемъ. Да и не заглушить ему жажды жизни, и, мало того, жажды безсмертія. Не любоваться трагическою гибелью міра мы призваны, а противодѣйствовать ей, спасти міръ отъ гибели, а въ немъ и себя, то-есть живущихъ, но имѣющихъ умереть (*morituri*), и не однихъ себя, но и давшихъ намъ жизнь, жившихъ, умершихъ. „Міръ какъ неволя и какъ проектъ освобожденія отъ неволи отъ подчиненія слѣпой силѣ природы—вотъ активная формула, которую мы должны противопоставить пассивной Шопенгауэровой („міръ какъ воля и представленіе“), ибо для насъ въ міръ еще нѣтъ воли (разумной и нравственной), а для существъ, не обреченныхъ на одно только созерцаніе, для существъ чувствующихъ и способныхъ въ дѣятельности, міръ не представленіе только, но и проектъ освобожденія отъ неволи не одной похоти (отрицаніе похоти только аскетизмъ), но и отъ неволи смерти“ (Статья „Супраморализмъ или Великій Синтезъ“). „Въ этомъ опредѣленіи заключается и міровая воля къ бытію и разумъ, приходящій ей на помощь, который долженъ управлять ею, то есть знаніе (наука) и искусство или дѣло обращенія міра изъ бессознательнаго и безчувственнаго въ сознающій и чувствующій“. Не даромъ сказано: „вся тварь стенаетъ и томится объ искупленіи“; „если міръ, даже какъ похоть, уже достигъ самоопредѣленія, онъ уже не можетъ оставаться только созерцаніемъ безобразія смерти и ужаса разрушенія: онъ долженъ стать проектомъ безсмертія и воскрешенія“ (Статья „Трагическое и Ваххическое у Шопенгауэра и Ницше“).

Да! Такъ должно бы быть... Но отъ дня перваго преступленія и отъ начала вражды между людьми понинѣ міръ не таковъ, какимъ онъ предначаченъ быть, онъ лишь таковъ, каковъ онъ есть, онъ остался при похоти и представленіи; а философія, предъявляющая притязанія на обладаніе высшею мудростью, истощается до послѣднихъ дней все въ новыхъ усиліяхъ оправдать или же лицемѣрно прикрыть наготу этого безобразія.

Послѣднюю рѣшительную попытку въ этомъ направленіи сдѣлалъ *Ницше*, философъ, которому отдано было преимущественно вниманіе Николая ѳедоровича въ послѣдніе годы его жизни. Сосредоточиться на изученіи этого оригинальнаго ума побуждало многое: во 1) его несомнѣнная сила и своеобразность; во 2) его почти безпримѣрная, доходящая до цинизма откровенность и прямота въ высказываніи своихъ убѣжденій и въ проведеніи ихъ до конца во всей ихъ рѣзкости и грубости; въ 3) тотъ успѣхъ, который за послѣднее время на Западѣ и у насъ смѣнилъ первоначальныя неудачи Ницше, и наконецъ, полная противоположность его философіи ученію самого Николая ѳедоровича. Для послѣдняго „Черный Пророкъ“ (какъ онъ называлъ Ницше) былъ положительно неоптѣнимъ съ одной стороны, какъ трагическій финалъ Западной пассивной философіи, а съ другой, какъ полная противоположность активной мудрости, столь дорогой нашему мыслителю. На Ницше Н. ѳ. еще разъ провѣрилъ всѣ свои главныя положенія и часто

съ восторгомъ высказывалъ, что и самъ дивится, до какой степени „Черный Пророкъ“ помогаетъ окончательному выясненію „дѣла“. Неудивительно, что въ рукописяхъ Николая Ѳедоровича мы находимъ множество замѣтокъ и нѣсколько крупныхъ статей о Ницше.

Побѣда Ницше надъ Западно-европейскимъ сознаниемъ есть фактъ всемірно-исторической важности. Въ самомъ дѣлѣ, не диво ли, что вѣкъ, начавшійся прославленіемъ республиканской формулы „Свобода, Равенство, Братство“, вѣкъ торжества демократіи, интересовъ народной массы и рабочаго вопроса, вѣкъ солидарности корпоративной, увлеченія коллективизмомъ и коммунизмомъ, вѣкъ столькихъ призывовъ къ гумманности и къ мирному прогрессу, избралъ себѣ въ дни своего заката любимцемъ мыслителя, который все это отвергалъ и осмѣивалъ какъ заблужденіе и слабость, поклонника силы, совѣтовавшаго не поднимать падающаго немощнаго, а столкнуть его въ пропасть, поклонника „блага войны“, въ которой онъ видѣлъ „источникъ всего великаго въ жизни“, наконецъ, философа, превозносившаго многихъ избранныхъ „сверхчеловѣковъ“ и проникнутаго къ остальной „черезчуръ человѣческой сволочи“ глубочайшимъ презрѣніемъ, выразившемся въ искреннемъ пожеланіи, „чтобы ихъ побрали черти и статистика!“ („О Ницше: статья I). Очевидно, говоритъ Николай Ѳедоровичъ, въ лицѣ Ницше философствующій Западъ отрекся отъ самого себя, но ничѣмъ положительнымъ не замѣнилъ выводовъ предшествующей Нѣмецкой философіи („Супраморализмъ или Великій Синтезъ“).

Особенности Ницше, какъ мыслителя, выясняются въ значительной степени его происхожденіемъ и историческими условіями его творчества. „Совсѣмъ не понимавшій положительной, хорошей стороны Славянства, Ницше причислялъ себя однако къ этой, по его выраженію, „высшей расѣ“, вѣдъ свое происхожденіе отъ Польскаго шляхетскаго рода Nietzsche'ныхъ. Характерно здѣсь то, что зачисляетъ онъ себя какъ разъ въ ту вѣтвь Славянства, которая, отрекшись отъ общеплеменныхъ преданій, измѣнила родному, исказила его и въ своей исторической жизни, стала воплощеніемъ не родового единства, а внутренней розни. И вотъ мы видимъ, что крайній индивидуалистъ Ницше восхищается именно этою чертою Польской расы, гордится правомъ каждаго шляхтича уничтожить своимъ „liberum veto“, то есть своимъ несогласіемъ, согласное рѣшеніе дѣлаго сейма. Этотъ шляхтичъ философъ, болѣе надменный, чѣмъ всѣ ея предшествующіе короли и папы, противопоставляетъ свое „Veto“ всему, что рѣшили они за весь человѣческій родъ. Во многихъ отношеніяхъ за это нельзя не быть благодарнымъ ему: произволъ философіи и ея пренебреженіе къ требованіямъ жизни требовали возмездія, и Ницше, поклонникъ жестокости, проявилъ ее въ полной силѣ относительно философіи; онъ сталъ ея палачемъ“ (Статья „Философъ-шляхтичъ“).

Помимо происхожденія автора, на духъ и складъ его философіи суще-

ственно повліяла пора ея появленія. Начало дѣятельности „Чернаго Пророка“ совпадаетъ съ разгромомъ Франціи Германіей, и хотя самъ онъ и называетъ свои первыя произведенія „несвоевременными“, тѣмъ не менѣе легко усмотрѣть, какъ ярко отразился на нихъ боевой и властолюбивый подъемъ объединенной мечомъ Германіи. „Это она, опьяненная кровью побѣдъ, произвела, въ лицѣ Ницше, маленькую книжку „О происхожденіи трагедіи“, въ которой происхожденіе всего міра выводилось изъ Бакхическаго начала, изъ духа опьяненія. Самъ авторъ, еще проникнутый тогда Буддйско-шопенгауэровскою жалостью, участвовалъ въ войнѣ, правда, только въ качествѣ санитаря, но въ войну онъ уже былъ влюбленъ, онъ уже былъ тѣмъ „читателемъ кулака“, который вложилъ въ уста своему Заратустрѣ столь дерзкій вызовъ гуманитарнымъ мечтаніямъ XIX вѣка: „вы утверждаете, что благая цѣль освящаетъ даже войну; я же говорю, что только благо войны освящаетъ всякую цѣль... Отвергая войну, мы отказываемся отъ великаго въ жизни“. „Война и мужество совершили больше великихъ дѣлъ, чѣмъ любовь къ ближнему“. Цѣлью книжки „О происхожденіи трагедіи“ было не одно объясненіе прошедшаго; главною задачею было провозгласить „новую культуру трагическаго міросозерпанія“ и вызвать ее къ жизни. Это былъ новый „культуркамфъ“, возникавшій одновременно съ политическимъ, Бисмарковскимъ и Фальковскимъ. Это была рѣшительная борьба „высшей культуры“ противъ низшей. Представителями первой были, по мнѣнію Ницше, Шопенгауэръ и Рихардъ Вагнеръ; второй, отживающей—всякое философское „старье“, начная съ Сократа и кончая всевозможными филистерами новаго времени, въ родѣ Д. Штрауса. Ницше перенесъ въ философію идеалы „Железнаго Канцлера“; въ то самое время, какъ Прусскій мечъ овладѣвалъ гегемоніей власти на Западѣ, Ницше призналъ „волю къ власти, Wille zur Macht“ за основное стремленіе не только въ человѣкѣ, но и во вселенной; въ ту самую пору, когда Бисмаркъ въ политикѣ, а Вагнеръ въ искусствѣ провозгласили превосходство Тевтонской расы и возвели Нѣмцевъ въ „культуртрегеровъ“, въ носителей высшей культуры, Ницше выступилъ съ ученіемъ о сверхчеловѣкѣ и его неограниченныхъ правахъ. Не прогрессъ всѣхъ уравнивающихъ въ принятомъ до этихъ поръ либерально-демократическомъ смыслѣ составляетъ конечную цѣль человечества, говоритъ Ницше, а выработка высшихъ экземпляровъ людей, созданіе новаго типа, *сверхчеловѣка*, черезъ небреженіе всѣмъ посредственнымъ и слабымъ (Статья „Ф. Ницше и Вильгельмъ II“ и „Философъ Чернаго Царства“).

Придавъ произволу, какъ привилегіи сверхчеловѣка, безусловное значеніе, пану Ницше легко уже было возводить въ истину все, что ему нравилось, и отвергать то, что ему не по вкусу. Понравилась ему власть, конечно, не надъ слѣпою, смертоносною силою природы, а надъ себѣ подобными, и вотъ онъ возводитъ власть въ основное, въ міровое начало, передѣлывая въ этомъ смыслѣ своего учителя Шопенгауэра. Міровая *воля къ бытію* (Wille zum Sein) отнынѣ превращается въ *волю къ власти* (Wille zur Macht). Про-

повѣднику произвола незачѣмъ было и оправдывать этого начала; на всѣ вопросы о „почему“ ему слѣдовало бы просто отвѣчать „такъ хочу, sic volo, sic jubeo!“ Но шляхтичъ „по рабской своей природѣ“, забывая о своемъ „высокородіи“, о величии сана сверхчеловѣка, снисходитъ до доказательства, опирающагося на еще моднаго въ ту пору Дарвина: „всякое живое существо, растеніе, животное, человѣкъ, стремится увеличить свою силу и получить преобладаніе“ (Статья „Властолюбіе или отцелюбіе“). Степенью силы, преобладанія и власти и опредѣляется совершенство у этого величайшаго изъ насильниковъ. Борьба изъ за власти и составляетъ сущность высшаго „трагическаго міросозерцанія“. Будущій герой сего послѣдняго, сверхчеловѣкъ, есть лишь предтеча ея идеала, Антихриста, изображенію котораго и посвятилъ Черный Пророкъ первую часть своего послѣдняго произведенія „Воля къ власти“ („Ницше и Вильгельмъ II“).

Въ этомъ дикомъ бредѣ властолюбія, окончившимся для самого Ницше безуміемъ, безуміе всего его пессимистическій исходъ. Претензіи на власть, на полноту ея, на единовластіе древни какъ первые опыты человѣческаго общежитія; но даже и величайшій произволъ, искренне или притворно, старался оправдать себя надеждами на установленіе блага, на побѣду его надъ зломъ. Культура же трагическаго міросозерцанія есть завѣдомое приготовленіе къ неизбежно предстоящей космической катастрофѣ, то есть къ кончинѣ міра, отъ которой сверхчеловѣчество отнюдь не спасаетъ даже и своихъ героевъ, не говоря уже о тѣхъ „поддыхъ“, о той „сволочи“, которыхъ ясно-вельможный панъ посылаетъ ко всѣмъ чертямъ, а, за рѣдкостью ихъ въ наше время, въ департаментъ статистики. „Если все человѣчество“, говоритъ онъ, „должно будетъ когда нибудь умереть, (а кто сомнѣвается въ необходимости этой смерти?), то высшая задача его состоитъ въ томъ, чтобы срастись въ одно общее и единое и какъ нѣчто цѣльное идти съ трагическимъ пониманіемъ на встрѣчу предстоящей гибели“ (Статья „Философъ Чернаго Царства“). Конецъ міра соотвѣтствуетъ его началу: если въ основу жизни міра положено опьяненіе (см. „О происхожденіи трагедіи“), то такой міръ будетъ міромъ паденія, а возведеніе жажды власти въ его руководящее начало будетъ вѣрнымъ средствомъ приведенія его къ гибели черезъ умноженіе вражды, розни и насилія, то есть чрезъ невозможность и общаго знанія, и общаго дѣла (Статья „Жизнь какъ опьяненіе или какъ отрезвленіе“).

Чтобы помириться съ мрачнымъ финаломъ міровой трагедіи, Ницше долженъ былъ узаконить его какъ нѣчто абсолютно-неизбѣжное. Онъ это и дѣлаетъ (Статья „Ницше какъ послѣдній философъ“): величайшій произвольникъ въ средѣ человѣческой, онъ превращается въ покорнаго невольника слѣпой міровой силы; не задаваясь вопросомъ: чтò полезнѣе или по крайней мѣрѣ благороднѣе. Amor Fati или Odium Fati? (любовь ли къ року или ненависть къ нему?), властвованіе ли надъ себѣ подобными или же соединеніе со всѣми ими въ общей любви другъ къ другу и въ общей ненависти къ

бездушной силѣ всѣхъ угнетающей и умерщвляющей? („Вопросы изъ отечества Заратустры поклонникамъ Европейскаго Заратустры“), онъ раболопно преклоняется передъ силою рока и Amor Fati возводитъ въ высшую философскую добродѣтель (Статья „Amor Fati или Odium Fati“), а чтобы укрѣпить человѣка, которому нелегко подняться до этой противоестественной любви, философъ раскрываетъ передъ нимъ въ будущемъ перспективу „бесконечныхъ возвратовъ къ бытію“, разумѣется, оканчивающихся въ свою очередь гибелью жизни, новыми смертями. Ту жизнь, которую ты теперь живешь“, вѣщаетъ пророкъ безчисленныхъ смертей, ты будешь жить еще бесконечное число разъ и столько же разъ будешь умирать... И въ каждомъ повтореніи, въ каждомъ кольцѣ жизни человечества всегда приходитъ такой часъ, когда съ особенною силою всплываетъ сначала въ комъ либо одномъ, затѣмъ во многихъ и наконецъ во всѣхъ одна мысль: мысль о вѣчномъ возвращеніи всего на свѣтъ; и для человечества это каждый разъ, часъ полудня“. Свыкнемся же съ этимъ и „будемъ смѣло жить подъ этою постоянною, ужасною угрозою!“ („Жизнь какъ опьяненіе или какъ отрезвленіе“).

Освободившись, или думая, что онъ такимъ образомъ освободился отъ страха смерти въ сферѣ философіи, Ницше старается пересоздать себя въ героя безъ страха и упрека и въ области жизни своимъ ученіемъ о новой нравственности „по ту сторону добра и зла“. Обычную этику онъ объявляетъ предразсудкомъ ученыхъ и толпы и ея оковамъ противопоставляетъ безусловный произволъ ни отъ кого и ни отъ чего независимаго духа, стремящагося жить для власти, не замѣчая однако того, что самъ онъ со своею философіею и моралью стоитъ еще не за предѣлами ученыхъ предразсудковъ и вульгарной похоти, а, напротивъ, валяется въ самомъ омутѣ грубаго и низкаго, не замѣчая его мерзости только вслѣдствіе своего чудовищнаго самообожанія. „Рабской нравственности“ (Sclaven-Moral) онъ надменно противопоставляетъ „Господскую“ (Herren-Moral), даже не замѣчая несостоятельности и другой, даже и не подозревая, что лишь въ отрицаніи обѣихъ ихъ заключается истинная нравственность, братская и сыновья, единственная возможная“ (статья „Amor Fati“), ибо „нравственность не барство и не рабство, а родство“ (Статья съ этимъ заглавіемъ). „Величавое выраженіе „по ту сторону добра и зла“ принято, слѣдовательно, по ошибкѣ авторомъ, который совсѣмъ не знаетъ дороги за предѣлы нынѣшняго жалкаго добра и очень большого зла и который, изгнавъ первое и усиливъ второе, ощутилъ полное удовлетвореніе. Настоящее ваглавіе своего произведенія Ницше помѣстилъ въ концѣ его, назвавши его „Злыми Мыслями“. Дѣйствительно, въ сверхчеловѣкѣ онъ только возстановилъ старый порокъ господства человѣка надъ человѣкомъ, далъ просторъ волѣ, желающей властвовать надъ себѣ подобными, а не надъ тою стихійною силою, зависимость отъ которой каждый чувствуетъ и въ себѣ, и внѣ себя“ (Статья „По ту сторону добра и зла.“).

Овинемъ однимъ взоромъ основныя черты ученія Ницше, и мы убѣ-

димся, что въ нихъ подведены итоги основного стремленія Западной философіи къ абсолютному индивидуализму. Ницше былъ великъ тѣмъ, что онъ сорвалъ съ патентованной ученой мудрости маску ея престижа, имѣлъ храбрость показать во всей ужасающей наготѣ безобразіе ея крайнихъ выводовъ и слѣдствій. Но какимъ бы новаторомъ ни считалъ онъ себя, самъ онъ всетаки не перешагнулъ по ту сторону отвлеченной философіи. Подобно своимъ многотумнымъ предшественникамъ, онъ былъ не живой человѣкъ, а ушедшій въ глубь своей думы ученый съ примѣскою доброй половины художника. Хотя онъ и говоритъ, будто ищетъ не счастья, а дѣла, тѣмъ не менѣе онъ ищетъ только счастья и даже меньшаго, а именно развлеченія, забавы, которыя и находитъ въ зрѣлищахъ, представленіяхъ, играхъ. Съ дѣтства онъ былъ страстнымъ любителемъ музыки, сначала, вагнеріанцемъ, потомъ антивагнеріанцемъ, но всегда эстетомъ, никогда дѣятелемъ, никогда не искалъ и не желалъ дѣятельности. Неудовлетворенный Нѣмецкимъ Байрейтомъ, онъ, въ своемъ больномъ воображеніи, весь міръ обратилъ въ театръ, въ сцену, гдѣ разыгрывается трагедія человѣческаго существованія. безконечныя повторенія („возвраты“) которой и составляютъ содержаніе мірового представленія“ („Супраморализмъ или Великій Синтезъ“). Онъ и въ человѣческой исторіи, также какъ въ космическомъ процессѣ видитъ тоже сценическое дѣйствіе, ту же „игру произвола“, этого великаго міроваго актера, хотя игру эту онъ и не назвалъ „Комедіей всемірной исторіи“, подобно болѣе легкомысленному его соотечественнику I. Шерру, не замѣтившему даже глубокаго трагизма этой комедіи. Ницше, знавшій исторію лишь такою, какою она доселѣ была, а не такою, какою она можетъ и должна стать (то-есть исторію какъ фактъ, а не какъ проектъ), не отрицалъ, что она „жестокая игра“, но иной, по сейчасъ указанной причинѣ, онъ не допускалъ. Онъ не закрывалъ глазъ на окружающее мудреца страданіе, но, считая его за неотъемлемую принадлежность жизни, онъ хотѣлъ уничтожить не страданіе, а состраданіе, забывая, что только при отрицаніи родства состраданіе становится оскорбленіемъ и что нужды въ немъ не будетъ тогда лишь, когда не будетъ самаго страданія (Статья „Нравственность не барство и не рабство“).

Но, какъ мы уже сказали, въ этомъ эстетѣ глубоко засѣлъ и ученый философъ, настоящій Нѣмецкій философъ. Глумясь надъ предрассудками толпы, онъ самъ не смогъ выбраться по ту сторону предрассудковъ школы и суевѣрій философіи. Не понимая и не любя дѣла, онъ весь отдался разсужденію и сталъ наряднымъ, но въ концѣ концовъ надоѣдающимъ празднословомъ. Онъ громитъ недостатки установившихся взглядовъ на вещи, „вульгарную нравственность“ и „фиглярную, балаганную мудрость“; презирая людей, онъ бредитъ о совершенствѣ „оберчеловѣка“; но ни въ его ядовитой полемикѣ, ни въ его удержаніи не знающихъ диэриамбахъ мы не найдемъ ни единого указанія на то, какимъ способомъ, какими мѣропріятіями міръ измѣнится къ лучшему, какъ станетъ онъ разумно управлять собою, для чего необходимо

конечно, и знаніе, и согласіе, и трудъ познающихъ и трудящихся. Ницше остался ученикомъ Шопенгауэра, не сдѣлавшимъ ни шага впередъ къ реальному рѣшенію активныхъ жизненныхъ задачъ философіи; онъ не сумѣлъ даже освободиться отъ мѣа воли, не замѣнилъ ее опредѣленнымъ дѣломъ; на мѣсто Шопенгауэровой похоти къ бытію онъ только подставилъ похоть къ власти; стихійное міровое влеченіе къ насилію, отъ соблазна котораго его учитель призывалъ освободиться хотя бы цѣною отказа отъ личнаго существованія, онъ возвелъ въ главный стимулъ человѣческой жизни („Ницше какъ послѣдній философъ“).

Этотъ завершитель стремленія свѣтской культуры къ праздной забавѣ (въ искусствѣ) и къ праздной мысли (въ философіи) является законченнымъ представителемъ и секулярной нравственности „fin de siècle“. Если сыны вѣка въ своемъ легкомысленномъ увлеченіи только настоящимъ и въ пренебрежительномъ отношеніи къ прошедшему, въ своей погонѣ за наслажденіями жизни при забвеніи долга къ давшимъ имъ жизнь, къ отцамъ своимъ; если, говоритъ Николай ѳедоровичъ, сыны вѣка стали блудными сынами, а философія стала выраженіемъ ихъ блужданія въ сторону отъ родственнаго начала, то „Ницше долженъ быть названъ по преимуществу блуднымъ сыномъ. Онъ вытравилъ изъ своей души все сыновнее. Эта изсохшая смоковница думаетъ однако принести плодъ; но единственный плодъ его омертвѣвшаго ума есть сверхчеловѣкъ, верховный индивидъ, себѣ лишь самому равный, автономный, освобожденный отъ всякихъ стѣсненій нравственности, но и ничего опредѣленнаго, положительнаго въ себѣ не заключающій, кромѣ желанія господствовать“. Здѣсь принципиально уничтожено всякое движеніе къ отечеству и братству, невысказанному безъ отечества, ибо всѣ мы братья только по отцамъ и матерямъ и чужіе, если отчуждаемся отъ родителей (Статья „Блудный сынъ философіи“ и „Властолюбіе или отцелюбіе?“).

Ученіе, составляющее крайнюю противоположность началу родственности, оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и полнымъ противорѣчіемъ Христіанству. „Отецъ не баринъ, сынъ не рабъ, не наемникъ, вотъ та глубочайшая психологическая основа, на которой построено все Евангеліе, то есть то единство сыновъ и отцовъ, котораго выраженіе находится въ Заповѣдяхъ Блаженства“ (Статья „Блудный сынъ философіи“). Наоборотъ, „сверхчеловѣкъ надъ себѣ подобными есть безусловная негѣпость, вошющее противорѣчіе“ („Ницше, какъ послѣдній философъ“). Забывая о своемъ громадномъ сходствѣ со всѣми, сверхчеловѣкъ замѣчаетъ только свое небольшое несходство съ ними и принимаетъ его за великое превосходство“ (Статья „Безсмертіе какъ привилегія сверхчеловѣковъ“). Но уйти отъ связи съ родствомъ или, выражаясь словами ультрапрогрессивнаго Раше, „отъ ига отвратительныхъ предковъ“, невозможно никакому гордецу, никакому ренегату, по той простой причинѣ, что, „прежде нежели къ чему либо *стремиться*, надо *родиться*, а это значитъ *стать сыномъ*: сынъ, не утратившій естественнаго чувства, сынъ-отцелюбецъ неминуемо предшествуетъ властолюбцу; но даже и блудный сынъ, забывшій

отца, не въ состояніи уничтожить факта своего сыновства. Обидно это или не обидно для самого пана-сверхфилософа, онъ можетъ признавать себя сыномъ не Нѣмца и пастора, а Ляха и магната, или, если ему, какъ дарвинисту, болѣе любо, потомкомъ обезьяны (что, съ новой точки зрѣнія, уже совсѣмъ не обидно, а, наоборотъ, чрезвычайно почетно), одно остается вѣрнымъ: онъ Фридрихъ Ницше, все таки сынъ и, въ силу этого, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ родителямъ, Гаетическое или Хаметическое, смотря по вкусу и совѣсти.

Но если живому, реальному человѣку нельзя уйти отъ начала родственности, о немъ можно забыть, можно его игнорировать, а съ нимъ вмѣстѣ и его постулатъ—братство людей. Ученіе о сверхчеловѣкѣ такъ и дѣлаетъ. Я ученый, я философъ, знаю только отвлеченнаго человѣка, восклицаетъ въ душѣ своей Ницше; я гуманистъ, и лучше буду гомункулистомъ, только не сыномъ человѣческимъ! И, поднявъ молотъ, поражаетъ сыновъ и отцовъ, радуясь воображаемому наступленію „Сумерекъ боговъ“ и торжества любви къ року, то есть торжества смерти („Властолюбіе или отцелюбіе“).

Ему, крайнему индивидуалисту, начало родства и сыновства противно, потому что, ставя личность въ связь съ предками и съ прошедшимъ, оно умѣряетъ тотъ необузданный произволъ, въ который такъ влюбленъ сверхчеловѣкъ. Предыдущее (отцы, предки) мѣшаетъ ему исполнить высшую будто-бы заповѣдь жизни: „ты долженъ стать тѣмъ, кто ты есть!“ Но эта будто бы новая заповѣдь сверхчеловѣческой этики не что иное, какъ обновленная ветхая заповѣдь языческой розни. У Ницше она принимаетъ совершенно опредѣленную форму крайняго субъективизма въ словахъ: „каждый самъ долженъ создать свою истину, свою мораль“. А между тѣмъ въ понятіи сына заключается какъ разъ противоположное, а именно: *общая* истина и всѣмъ *общая*, высшая нравственность, объединеніе всѣхъ въ единомъ, общемъ, стеческомъ и сыновнемъ дѣлѣ. Для сыновъ даже смерть не предѣлъ любви и долга къ отцамъ; смерть отцовъ именно и объединяетъ всѣхъ сыновъ въ одной общей любви и въ общемъ долгѣ. Сознаніе сынами невольнаго вытѣсненія отцовъ создаетъ для всѣхъ сыновъ долгъ объединенія противъ вытѣсняющей силы природы, дабы обратить ее въ управляемую разумомъ и любовью. Вотъ это-то объединеніе и можетъ сдѣлать каждаго тѣмъ, что онъ есть, какъ только онъ познаетъ нравственный законъ въ чистой дѣтской природѣ, а не въ нечистой Шопенгауэровской похоти и не въ Ницшеански-Діонисовомъ опьяненіи, будто-бы вызвавшемъ мировую жизнь, въ дѣйствительности же приводящемъ испорченный инстинктъ себялюбія только къ властвованію надъ себѣ подобными при отрицаніи отечества и братства (Статья „Что значитъ „стать тѣмъ, кто ты есть“?“). Сказать, что „жить для другихъ значитъ жить для своего стада“, то есть обозвать братьевъ скотами, могъ только мыслитель, утратившій всякое сыновнее чувство, только тотъ, кому принадлежитъ и другое антихристіанское изреченіе: „Заповѣдь

новую даю вамъ“, говоритъ Заратустра своимъ ученикамъ, „и конечно, вы ждете, что я скажу: „будьте милосерды“, но вы услышите только: „будьте тверды!“, то-есть „не поддерживайте падающаго, не подкрѣпляйте слабого, не помогайте страждущимъ, гибнущимъ, обреченнымъ на гибель!“ Но неравносильно ли это тому, что любовь есть слабость, что состраданіе бессмысленно и обидно? Что, наконецъ, помощниками надо быть не собратьямъ по міровой неволѣ, а общему врагу безчувственной, всѣхъ насъ угнетающей силѣ? („Что значитъ и т. д.“).

Въ Анти-Евангеліи Заратустры есть „Искушеніе состраданіемъ“, рѣдкая по своей лживости картина, происходящая „въ мѣстѣ мрачномъ и безжизненномъ, гдѣ даже змѣи издыхаютъ“, въ Царствѣ Смерти. Вопли страждущихъ здѣсь „высшихъ людей“ вызвали сердобольнаго звѣря Заратустру изъ его берлоги, и вотъ здѣсь-то, вспоминая о Богѣ, для Котораго дороги всѣ безъ исключенія страждущіе, Великій Лжецъ говоритъ, что Богъ погибнулъ бы, если бы Его могущество было ниже Его милосердія. Но когда самъ Заратустра встрѣчаетъ здѣсь, въ юдоли скорбей, чудовище „почти нечеловѣческаго вида“, въ которомъ не узнаетъ самого себя, но которое есть весь родъ человѣческій, онъ, вмѣсто какой-либо попытки помочь ему или облегчить его страданія, только отворачивается отъ него, подъ видомъ уваженія къ страданію, въ полную противоположность Христу, сошедшему сюда для искупленія всего рода человѣческаго, не исключая даже и безсердечныхъ сверхчеловѣковъ, не исключая даже и лжеца, дерзнувшаго обозвать Спасителя всѣхъ „фабрикователемъ идеаловъ на землѣ“ и „спасителемъ однихъ бѣдняковъ“ („Что значитъ стать тѣмъ, кто ты есть?“).

Блудному сыну, устоявшему въ настоящемъ передъ искушеніемъ состраданія, остается побороть еще одно препятствіе для завершения его подвига отреченія отъ долга къ отцамъ и предкамъ. Это уже послѣднее препятствіе лежитъ въ прошломъ, въ исторіи, которая, какъ повѣсть о жизни и смерти отцовъ, напоминаетъ о нихъ и стѣсняетъ беззаботную, вѣрнѣе безшабашную свободу сверхчеловѣка, нарушая его Олимпійскій (вѣрнѣе, скотскій) покой. И вотъ представитель „Веселой Науки“ (заглавіе одного изъ сочиненій Ницше) разражается жестокою обвинительною рѣчью противъ „чрезмѣрности Исторіи“. Чрезмѣрность Исторіи!.. возможна ли большая ложь? Обломки, останки, руины и прахъ, да блѣдныя воспоминанія! Такая прискорбная скудость выдается за чрезмѣрность, за излишество! Откуда такое въ ужасъ приводящее заблужденіе? Откуда это безумное и безсердечное „желаніе забывать“, восхищеніе этою, будто бы благодѣтельной, способностью? Эта надежда на то, что, благодаря воспитанію и усилію надъ собою, „возможно жить почти безъ воспоминаній“?.. Причина—въ забвеніи того, что Настоящее—это все сыны и дочери, а Прошедшее—отцы и матери, а затѣмъ — забвеніе того, что человѣкъ не пассивное существо, а активное, дѣятель, которому несвойственно только любоваться обломками прошлаго, замирающими отголосками его, тѣмъ болѣе, что разрушающеся

и умирающее не чужое ему, а его же родное. Если у сыновъ есть любовь къ отцамъ, развѣ могутъ они ограничиться одними воспоминаніями о нихъ? Да если бы это и было возможно, не превратились ли бы въ такомъ случаѣ воспоминанія въ мучительные упреки совѣсти за то, что сознающіе утраты и скорбящіе о нихъ ничего не дѣлаютъ для возвращенія утраченнаго?

Въ правѣ ли послѣ этого Ницше говорить о чрезмѣрности исторіи? Не уменьшать ея воспоминанія, а умножать и оживотворять ихъ надо, возвращать желаніе не только помнить, но и видѣть, осязать, воскрешать прошлое. „Если бы всѣ поколѣнія, оживши, заняли бы послѣдовательно небесные міры, на которыхъ, въ силу законовъ оптики, еще и сейчасъ прошедшее видимо какъ настоящее, то и тогда бы это была не чрезмѣрность исторіи, а только ея настоящая мѣра.“ (Статья „Ницше и чрезмѣрность исторіи“). Статью „О вредѣ и пользѣ исторіи“ надо, слѣдовательно, назвать жалкимъ пасквилемъ на исторію, а не цѣлебнымъ средствомъ, которое окончившій безуміемъ лѣкарь больного человѣчества предлагаетъ противъ „отравы воспоминаній“, поддерживающей еще кое-какъ столь ненавистную ему связь настоящаго съ прошлымъ („Философъ Чернаго Царства“).

Признавъ всѣ религіозныя и философскія системы прошлаго за заблужденія, Ницше былъ бы близокъ къ истинѣ, если бы въ своемъ сочиненіи „Странникъ и его тѣнь“ (=Бродяга-Непомнящій!) онъ призналъ въ странникѣ самого себя, блуднаго сына, преслѣдующаго свою тѣнь, то-есть познающаго самого себя и знающаго только себя, принимающаго свой призракъ за дѣйствительность, а всѣхъ и все за свои представленія. Онъ былъ бы правъ, если бы, познавъ это заблужденіе, онъ отъ призраковъ обратился бы къ дѣйствительности и къ дѣлу. Тогда увидалъ бы онъ, что задача дѣла состоитъ не въ превознесеніи сверхчеловѣка, а въ спасеніи всѣхъ сыновъ и отцовъ человѣческихъ, такъ какъ во всякой слабости и во всякомъ несовершенствѣ людей, равно какъ и въ каждомъ проступкѣ кого-либо изъ нихъ, виновно все человѣчество.

Вотъ почему высшая нравственность стоитъ внѣ той обычной, „стадной“, условной, искусственной и пристрастной этики, на которую опалается Ницше; но еще дальше она и отъ его собственной, произвольно-аристократической, еще болѣе несправедливой, еще болѣе жестокой. Высшая нравственность требуетъ не прославленія и благоденствія *немногихъ исключительно* сверхчеловѣковъ среди гибели миллионовъ менѣе ихъ сильныхъ или менѣе даровитыхъ братьевъ; она требуетъ *всеобщаго спасенія*. Если же не будетъ достигнуто всеобщее спасеніе, то и наказаніе будетъ *всеобщимъ*, какъ это и видимъ въ той нравственности, по которой одни будутъ наказаны вѣчными муками, а другіе — созерцаніемъ мученій своихъ братьевъ („Ницше какъ послѣдній философъ“). Въ противоположность антихристіанству Ницше и другихъ пессимистовъ, вѣрующихъ въ *безусловную* гибель міра, радующихся ей и приглашающихъ къ ея ускоренію, *активное* Хри-

стіанство ставить кончину міра *не безусловно, а лишь как угрозу* за неисполненіе заповѣди всеобщаго спасенія черезъ всеобщее наученіе. *Заповѣдь Воскресшаго Господа, данная ученикамъ: „пешде, научите вся языцы, крестяще“*..., поставленная на мѣсто *пророчества* проповѣданія Евангелія всему міру, предполагаетъ *условность* пророчества о кончинѣ міра. Не отказывая въ возможности спасенія никому, ни даже приходящему въ единодесятый часть, даруя прощеніе и мытарю, и блудницѣ, и разбойнику, расширяя въ радости воскресенія эту амнистію въ величавомъ „Пасхальномъ Словѣ“ Златоуста до всемірнаго всепрощенія, активное Христіанство ставитъ условіемъ прощенія и спасенія *вѣру въ Бога мира, любви и согласія, въ Бога Отцовъ, не мертвыхъ, а живыхъ, въ Бога-Отца, прощающаго и блудныхъ сыновъ, въ Бога-Сына, благодѣтеля, алчущихъ напитавшаго, болѣзнующихъ исцѣлившаго, мертвыхъ воскрешавшаго; вѣру, наконецъ, въ Духа Святаго, Утѣшителя, Духа истины, жизни подателя*. Вторымъ же условіемъ спасенія ставитъ активное Христіанство *исполненіе воли Божіей*, выраженной, въ качествѣ ничѣмъ незамѣнимаго образца, въ жизни Спасителя, которой ищущіе спасенія и должны подражать, то-есть замѣнить вражду миромъ и любовью, тьму — свѣтомъ всеобщаго знанія, превращающимъ орудія и силы истребленія въ средства спасенія отъ голода, недуговъ и смерти, и въ средства возвращенія жизни въ воскресеніи, согласно обѣщанію Воскресителя: „дѣла, иже Азъ сотворихъ, и вы сотворите, и больше сихъ сотворите!“ (Статья „Ницше, какъ послѣдній философъ“). „Обращеніе слѣпой силы въ управляемую разумомъ и чувствомъ сыновъ человеческихъ или ихъ волею и любовью къ отцамъ, или же осуществленіе братотворенія черезъ усыновленіе и есть исполненіе долга Евхаристіи къ Богу Отцовъ“ (Тамъ же).

Вмѣсто дѣла всеобщаго спасенія Ницше знаетъ только тщеславныя мечты о самовозвышеніи сверхчеловѣка, не замѣчая, что „самъ онъ вовсе не сверхчеловѣкъ, а скорѣе недоросль, который и на все человечество смотритъ какъ на „стадо“, осужденное на вѣчное несовершеннѣе съ вѣчными дидьками въ лицѣ какихъ-то оберлюдей“. Не признавая общаго дѣла, онъ не умѣетъ постигнуть и взаимнаго пониманія между людьми; онъ знаетъ лишь безтолковыхъ учениковъ, да непонятыхъ учителей (Статья „Сверхчеловѣкъ или недоросль?“). Вопросъ о сверхчеловѣкѣ даже въ наивной его формѣ есть вопросъ о счастливыхъ исключеніяхъ, о немногихъ выдающихся, гениальныхъ, взятыхъ притомъ при удачнѣйшемъ стеченіи обстоятельствъ въ самыхъ различныхъ мѣстахъ и въ совершенно различныхъ культурныхъ условіяхъ. Создавать и воспитывать подобныя исключенія изъ среды остающейся неизмѣнною нисшей человеческой породы значитъ производить подборъ въ пользу немногихъ счастливецъ, осуждая все остальное огромное большинство на неизмѣнное убожество, превращая его въ отбросы культуры. При такихъ условіяхъ сверхчеловѣчество не есть ли величайшее надруганіе надъ достоинствомъ человечества? (Статья „Лакейскій аристократизмъ“). Да и вся этика Ницше не есть ли жестокая казнь господствовавшей со временъ Просвѣщенія XVIII вѣка гуманитарной морали, поклонявшейся только человѣчному, и

которую Ницше такъ ядовито осмѣялъ въ одномъ изъ своихъ удачныхъ выраженій: „человѣчно! только человѣчное! слишкомъ ужъ человѣчное“!? („Menschlichkeit, Nur-Menschlichkeit, Allzu-Menschlichkeit!“). (Добавленіе къ статьѣ „Философъ Чернаго Царства“). Притомъ же совершенно непонятнымъ остается, почему ухудшеніе большинства (черезъ непрестанное выдѣленіе изъ него лучшихъ) должно имѣть результатомъ улучшеніе меньшинства? („Лакейскій аристократизмъ“). Если задача сверхчеловѣка состоитъ въ уничтоженіи всего выражающагося и паразитнаго, то, признавъ всю культуру вырожденіемъ, надо признать, что и сверхчеловѣкъ беретъ на себя только отрицательную сторону задачи, а положительной и знать не хочетъ. Правда, эти господа боятся о „божественности самосозданія“, но ни единымъ фактомъ не переходятъ отъ слова къ дѣлу (Добавленіе къ статьѣ „Философъ Чернаго Царства“).

И опять какая противоположность Христіанству! Въдъ „и Христіанство знаетъ сверхчеловѣка, то-есть „новаго, возрожденнаго водою и духомъ человѣка“; но это возрожденіе въ Христіанствѣ открыто и возможно *для всѣхъ* жаждущихъ и алчущихъ правды, и такое возрожденное или освобожденное отъ грѣха (какъ причины смерти) сверхчеловѣчество будетъ не въ мистическомъ, а въ реальномъ („матеріальномъ“) смыслѣ воскресшимъ и бессмертнымъ“ („Ницше какъ послѣдній философъ“). Въ противоположность лакейски-аристократическому ученію Ницше о сверхчеловѣчествѣ, „ученіе о воскресеніи есть *самое демократическое* въ смыслѣ своей универсальности; оно выше всякаго аристократизма, потому что дѣлаетъ *не отдѣльную личность лучшими, а всѣхъ хорошими*“ („Лакейскій аристократизмъ“).

Ученіе Ницше, послѣднее, завершающее слово Западной философіи, очевидно, требуетъ, какъ необходимой реакціи, *активнаго Христіанства*, ведущаго чрезъ всеобщее знаніе и объединеніе ко всеобщему бессмертію и воскресенію, вмѣсто того, чтобы безпрекословно „идти съ трагическимъ пониманіемъ навстрѣчу предстоящей гибели“. Философъ, возвеличившій Ангихриста и назвавшій самого себя Искусителемъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы Апокалипсисъ, то-есть ужасающую вѣсть о гибели міра, сдѣлать обаятельною, обратить ужасное въ величавое и заманчивое (Статья „Христіанство противъ Ницшеанства“). Противоположная же мрачной вѣсти о всеобщей гибели „благая вѣсть“ Спасителя о всеобщемъ спасеніи должна идти въ опроверженіе первой, параллельно всему ученію „Чернаго Пророка“, начиная съ его исходнаго пункта. Если сочиненіе Ницше „О происхожденіи трагедій“ есть объясненіе происхожденія не только искусства вообще, но и міра: то этой книгѣ, гдѣ жизнь изображается результатомъ вакхическаго бреда, должна быть противопоставлена Книга Бытія, называемая многими народами Gen esis, то-есть рожденіемъ и которую можно было бы назвать эстетическимъ тождествомъ происхожденія міра (если эстетика есть наука о творчествѣ); ибо въ Книгѣ Бытія Богъ представленъ художникомъ-творцомъ, зодчимъ мірозданія. Если же живого, личнаго, Трїедиаго Бога превратить въ отвлеченное нача ло, въ неопредѣленное стремленіе и желаніе или (по Шопенгауэру) въ еще худ-

шее, въ похоть, въ нечестивое побужденіе къ бытію, и наконецъ (по Ницше) въ еще болѣе нечестивое „вакхическое начало“, замѣняющее неопредѣленный чувственный импульсъ къ мимолетной жизни жаждою произвола и власти, если допустить такую замѣну: тогда не диво, что на землѣ разыгрывается трагедія вытѣсненія отцовъ сынами и братьевъ братьями, антропофагія и патрофагія (людоѣдство и отцеѣдство), свойственныя не однимъ дикарямъ, но и сверхчеловѣкамъ „конца вѣка“. Правда, ужасъ факта значительно ослабляется, если, сообразно съ современною культурою, реальныхъ отцовъ и сыновъ превратимъ въ неопредѣленныхъ „людей“, и совершенно исчезаетъ, если, по правиламъ идеалистической философіи, мы людей обратимъ въ видѣнія отвлеченнаго мышленія. Но дѣло отъ этого не мѣняется (Статьи „Міровая трагедія“ и „Христіанство какъ Антиницшеанство“).

Христіанство не дѣлаетъ трагическаго исхода міровой драмы неизбежнымъ; казни за грѣхъ розни и за измѣну долгу оно противопоставляетъ *искупленіе*, которое, изъясняемое этико-эстетически, въ противоположность Ницшеанскому вакхическому *отъяненію* чувственнымъ бытіемъ, происходитъ изъ *отрезанія*, изъ возвращенія сердецъ сыновъ отцамъ подъ вліяніемъ не Діонисова хмеля, а вдохновенія Духа Святаго и Сына какъ образа Отца, на мѣсто языческаго „Аполлонова начала“ („Христіанство какъ Антиницшеанство“). Но искупленію, предшествіемъ и непремѣннымъ условіемъ котораго есть покаяніе въ грѣхъ розни, сверхчеловѣчество противопоставляетъ доблесть твердости, не знающей состраданія. „Горе смѣющимся!“ говоритъ Ветхій Заветъ. „Какъ можно смѣяться, когда вокругъ цѣлый міръ рыдаетъ!“ восклицаетъ величайшій художникъ жизнерадостнаго языческаго Возрожденія, Микель-Анджело. Наоборотъ, по Евангелію Заратустры (Ницше) „для мудраго нуженъ божественный смѣхъ“ даже при вступленіи въ больницы, переполненныя страждущими, даже и на поляхъ битвъ, усѣянныхъ умершими. Не тяжелою поступью бредетъ мудрецъ по юдоли плача, „съ веселою пляскою несетъ онъ, подобно вихрю, надъ болотомъ тяжелой тоски“ (Статья „Смѣхъ сверхчеловѣка“).

Чтобы понять возможность отвратительнаго желанія „подняться на крыльяхъ смѣха и пляски“ надъ міровою скорбью, надо проникнуться типичнымъ Ницшеанскимъ убѣжденіемъ, что міръ только представленіе, уже не въ умозрительномъ, метафизическомъ смыслѣ, а въ сценическомъ, въ смыслѣ фатально смѣняющихся проявленій игры рока. Только при такомъ взглядѣ на жизнь какъ на фарсъ („Tirez le rideau, la farce est jouée!“ воскликнулъ будто бы передъ смертью скоморохъ Возрожденія Рабле), можно объяснить и Ницшево ученіе о безконечныхъ возвратахъ; тогда только можно допустить желаніе, „чтобы все повторялось именно въ томъ видѣ, какъ оно было и есть, вѣки вѣчные“, то есть какъ бы дурно оно ни было. Только при убѣжденіи въ вѣчномъ несовершенствѣ, въ нескончаемомъ несовершенствѣ чело-вѣческаго рода его сверхчеловѣческіе дядьки, созерцаая міровую трагедію, въ состояніи кричать „bis!“ и „da capo!“

Ученіе о *вѣчныхъ возвратахъ*, высказанное какъ будто мимоходомъ у Ницше, но, по мнѣнію основательныхъ критиковъ, существенно важное въ его философіи, представляетъ уже, не сознаваемый впрочемъ самимъ авторомъ, переходъ къ ученію о *единомъ возвратѣ* (Статья „Властолюбіе или отцелюбіе?“). Но, въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ его Ницше, это только предположеніе, ничѣмъ не доказуемое (тамъ же); между тѣмъ „безконечный возвратъ жизни, будь онъ доказанъ, превратился бы въ непрерывное существованіе, и тогда шутовская поэма „Такъ говорилъ Заратуштра“ превратилась бы въ величавую Паскальную Пѣснь Воскресенія, а вмѣстѣ и въ проектъ обращенія совокупнымъ трудомъ силы раждающей и умерщвляющей въ возсозидающую и оживляющую“ (Статья „Послѣдній философъ“). Но предположеніе оставлено безъ доказательствъ и сверхъ того теряетъ всякую убѣдительность уже потому, что въ этомъ таинственномъ круговоротѣ міровой жизни все совершается само собою совершенно необъяснимыми способами. Если въ послѣдующихъ возвратахъ сравнительно съ предшествующими и являются на міровую сцену усовершенствованные актеры, „исправленные и улучшенные экземпляры сверхчеловѣковъ“, въ нихъ все же не находится ничего кромѣ безмѣрнаго произвола личности; ихъ творчество, ихъ законодательство, ихъ стремленіе къ истинѣ сводятся на неутомимую жажду господства: не нравственно мотивированная воля, а грубый, безотчетный произволъ ставится на мѣсто эволюціи, „fiunt“ на мѣсто „nascuntur“; но эти „fiunt“, акты воли индивидуальной, единичной, а не коллективной, не всеобщей, какъ и власть, о которой бредятъ эти пигмей-насилъники, выдающіе себя за титановъ-боготорцевъ, не есть самодержавіе, хотя таковое и восхваляетъ Ницше*); это не самодержавіе „стоящаго въ отцовъ мѣсто“ и руководящаго дѣломъ сыновнимъ для всеобщаго спасенія, а произволъ и деспотизмъ блудныхъ сыновъ, забывшихъ своихъ отцовъ, бродягъ непомнящихъ родства, а потому и считающихъ братьевъ за презрѣнное стадо рабовъ (Статья „Невольные возвраты и единый возвратъ“).

„Этому бездоказательному бреду безсильнаго тщеславія Христіанство и согласная съ нимъ *активная мудрость*, философія *дѣла* противопоставляютъ *ученіе о единомъ возвратѣ жизни во всеобщемъ воскресеніи*“ („Властолюбіе или отцелюбіе?“). „На мѣсто неразрѣшимой антиноміи, въ которой вращается пророкъ всеобщей гибели, на мѣсто нескончаемыхъ переходовъ (по выраженію Фуллье) отъ „l'éternel devenir“ къ „l'éternel revenir“, должна стать сыновнею и братскою любовью вдохновленная, всеобщимъ трудомъ заслуженная, единая, непрерывающаяся жизнь вѣчная“ (Статья „Философъ Шляхтичъ“).

Владимиръ Кожевниковъ.

*) „Способность воли всего полнее и изумительнѣе выражена въ томъ огромномъ государствѣ, посредствомъ котораго Европа соприкасается съ Азіей... Мнѣ гораздо болѣе по сердцу, чтобы Россія стала еще грознѣе и чтобы Европа рѣшилась стать такою же грозною, какъ Россія... Однимъ словомъ, я желаю, чтобы во всей Европѣ царило *единодушное, какъ въ Россіи, самодержавіе*“. „Афоризмы“ Ницше, 205, 208.

ПОМОЩЬ РАНЕНЫМЪ ВОИНАМЪ ВЪ XVII ВѢКѢ.

Въ XVI вѣкѣ постоянныхъ войскъ не было, и въ случаѣ войны созывались дѣти боярскіе, которые приводили съ собою вооруженныхъ всадниковъ и доставляли необходимые продовольственные запасы. Полки дѣтей боярскихъ усиливались земскими ополченіями посошныхъ людей, т. е. людей, взятыхъ прямо отъ сохъ. По окончаніи войны солдаты возвращались къ мирной обстановкѣ, занимались сельскимъ хозяйствомъ, торговали за прилавкомъ, но военнаго дѣла не знали. О правильно организованной медицинской помощи раненымъ въ это время не могло быть и рѣчи; раненные были предоставляемы своимъ собственнымъ силамъ или же случайной заботливости ихъ товарищей по ратному дѣлу. Не существовало военно-медицинской организаціи и въ смутный періодъ Русской исторіи. Такъ, послѣ пораженія Лже-Дмитрія въ 1605 году, во время осады города Кромь, въ войскахъ Годунова началась эпидемія дизентеріи. Смертность была очень велика, и войско быстро уменьшилось. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Бориса Годунова, онъ послалъ изъ Москвы нужныя лѣкарства, по совѣту находящихся въ Москвѣ врачей.

Изъ этого видно, что въ то время при войскахъ не было ни врачей, ни полевыхъ аптекъ, и Московскіе врачи были единственными, къ которымъ можно было въ подобномъ случаѣ обратиться за совѣтомъ.

Миновало время «великой разрухи», но испытанія Московскаго царства не кончились; въ Смоленскѣ сидѣли Поляки, Новгородъ находился во власти Шведовъ, далѣе слѣдовали вооруженная борьба съ Турціей изъ за Малороссіи, походъ въ Ливонію, бунтъ Разина, Соловецкое возмущеніе, народный бунтъ въ Москвѣ изъ за соляного налога, мятежъ, вызванный выпускомъ мѣдныхъ денегъ, однимъ словомъ весь семнадцатый вѣкъ прошелъ въ непрерывныхъ войнахъ. Вотъ почему именно въ XVII вѣкѣ окончательно окрѣпло сознаніе необходимости организовать правильную подачу медицинской помощи больнымъ и раненымъ солдатамъ.

Первое упоминаніе о врачахъ въ спискахъ Верховаго Государственнаго Разряда ¹⁾ относится, повидимому, къ 1616 году.

Во вторую четверть XVII в. врачи существовали уже въ очень многихъ полкахъ, особенно иноземныхъ. Въ 1631 г. напр. Русскимъ правительствомъ былъ посланъ въ Германію Генрихъ фонъ-Даль нанять на Русскую службу цѣлый полкъ въ 1600 человекъ. Это порученіе было приведено Далемъ въ исполненіе, и при вновь сформированномъ полку находился лекаръ. Въ походѣ подъ Смоленскомъ въ 1632 г. участвовало уже нѣсколько врачей.

Такимъ образомъ врачи были признаны необходимымъ элементомъ въ составѣ полковъ задолго дотога, какъ старинныя ополченія служилыхъ помѣщиковъ были замѣнены всесословною регулярною арміей Петра I.

Но въ теченіи всей первой половины XVII в. институтъ военныхъ врачей былъ крайне неустойчивъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича врачи приглашались, повидимому, только на время военныхъ дѣйствій. Въ архивныхъ документахъ мы находимъ этому много доказательствъ. Такъ Голландскій врачъ Антонъ Андрыкасъ, пріѣхавшій въ Россію «для дохтурства» добровольцемъ *въ мирное время*, не былъ принятъ на Русскую службу, и въ царскомъ указѣ, данномъ по этому поводу Архангельскому воеводѣ, мы читаемъ: «А будетъ Нѣмчинъ Антонъ учнетъ говорить, чтобъ намъ его пожаловать, въ наше Московское государство велѣти принять въ службу, и ты бы ему сказаалъ, что по милости Божіей мы, великій государь, съ окрестными государствами мирны и ему въ нашемъ въ Московскомъ государствѣ безъ службы быть не для чего, и отпустилъ бы еси того Нѣмчина за рубежь ²⁾».

Отсутствіе военныхъ врачей въ мирное время обрекало «ратныхъ людей на полную беспомощность въ случаѣ появленія въ полкахъ эпидеміи. Въ Бѣлгородскомъ столѣ Московск. Архива Минист. Юст. сохранился важный документъ. Это грамота царя Михаила Ѳеодоровича, данная воеводамъ Ивану Ивановичу Бутурлину и Саввѣ Потаповичу Нарбекову въ отвѣтъ на ихъ донесеніе, что «на Жердѣ въ ратнѣхъ людѣхъ отъ цынги и отъ всякіе тамошніе нужи есть больные, а иные отъ тамошнихъ болѣзней и померли». Въ этой грамотѣ предписано воеводамъ самимъ осматривать больныхъ и тѣхъ «кому отъ болѣзни легости нѣтъ»,

¹⁾ Успенскій. Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ. Харьковъ 1818 г. стр. 539.

²⁾ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Влад. ст. столб. 60. Л. 107—109.

отпускать по домамъ. Но, очевидно, сознавая, что подобный указъ не можетъ быть горячо привѣтствованъ больными, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ добавляетъ: «а ратнымъ бы есте людемъ сего нашего указу не сказывали, держали бы есте сей нашъ указъ у себя тайно» ¹⁾).

Осмотръ старыхъ больныхъ и увѣчныхъ солдатъ при увольнении ихъ со службы поручался воеводамъ, а не врачамъ въ теченіи всей первой половины XVII вѣка.

Вслѣдствіе все тогоже недостатка во врачахъ деньги «на лечбу ранъ» нерѣдко выдавались больнымъ на руки, и затѣмъ предоставлялось имъ искать помощи, гдѣ они сами знаютъ. Приводимъ одинъ изъ найденныхъ нами документовъ, подтверждающихъ сказанное ²⁾).

«Государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи холопъ твой Васыка Толстой челомъ бьетъ. Нынѣшняго, государь, 148 году по твоему государеву цареву.... указу строилъ я холопъ твой на Татарскихъ сакмахъ на Муравскомъ и на Бокачевѣ шляху на рѣкѣ на Ворсклѣ, на Хотмышскомъ городищѣ новой жилой городъ. И какъ государь велѣлъ я холопъ твой твоимъ государевымъ служилымъ людемъ около Хотмышскаго городища лѣсъ сѣчь и розчищать; и о тоѣ, государь, пору Московскихъ стрѣльцовъ да городовыхъ казаковъ и стрѣльцовъ же зашибло деревомъ 14 человекъ, и тѣ, государь, Московскіе стрѣльцы отъ того бою лежатъ гораздо больны и бьютъ челомъ тебѣ государю царю.... о твоёмъ государевѣ жалованьѣ на лечбу ранъ; а безъ твоего-де государева жалованья отъ ранъ вылечиться имъ нечѣмъ, лежатъ больны, помираютъ голодною смертью. Да въ тоже, государь, время какъ лѣсъ Хотмышскаго городища сѣкли и розчищали, Хотмышскаго новоприборнаго стрѣльца Микиту Худокормова деревомъ убило до смерти; и я холопъ твой того стрѣльца Митьку Худокормова на гробъ и на саванъ и на погребенье и на память изъ твоей государевы казны далъ рубль денегъ; а Московскимъ, государь, стрѣльцамъ и городовымъ казакамъ и стрѣльцомъ же твоего государева жалованья 14-ти человекомъ больнымъ на лечбу ранъ я холопъ твой безъ твоего государева указу дать не смѣю; и о томъ мнѣ холопу твоему что ты, государь, укажешь». На оборотѣ: «Государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи. 148 г. Іюля въ 23 день съ сотникомъ съ Васильемъ Хомутовымъ».

¹⁾ Столбецъ 85, л. 802. Указъ „писанъ на Москвѣ лѣта 7146-го Сентября въ 8-й день“. На оборотѣ: „Такова грамота послана съ Черскимъ казакомъ съ Сенькою Червобоевымъ тогожъ числа“.

²⁾ Вѣдгор. столб. Столб. 117, лл. 339—341.

148 г. Юля въ 24 день государь указалъ велѣть имъ дать на лечбу по рублю денегъ, а больнымъ и вино давати и укусъ.

«Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи на Хотмышское городище воеводѣ нашему Василью Ивановичу Толстово. Писалъ еси къ намъ, какъ наши ратные люди около Хотмышскаго городища лѣсъ сѣкли и мѣсто городовое очищали, и въ то время Московскихъ и городовыхъ стрѣльцовъ и казаковъ зашибло деревомъ 14 человекъ, и тѣ стрѣльцы и казаки отъ того лежатъ больные и бьютъ челомъ, чтобъ намъ ихъ жаловати велѣти дати имъ на лечбу; и ты тѣмъ стрѣльцомъ и казакомъ, которые зашибены деревомъ и лежатъ больны, нашего жалованья безъ нашего указау дати не смѣешь, и о томъ бы намъ велѣть указау учинить. И какъ къ тебѣ сея наша грамота придетъ, и ты бъ Московскимъ и городовымъ стрѣльцамъ и казакамъ, которыхъ зашибло деревомъ и лежатъ больны, далъ бы нашего жалованья на лечбу по рублю человеку, да тѣмъ же стрѣльцомъ и казакомъ и инымъ нашимъ ратнымъ людямъ, которые лежатъ больны, давалъ бы еси вино и укусъ по разсмотрѣнью, и ту дачу велѣлъ писать въ расходныя книги, да о томъ о всемъ къ намъ писалъ съ иными нашими дѣлы. Писанъ на Москвѣ лѣта 7148-го Августа въ 7 день».

Въ концѣ XVII в. существовало уже достаточное число лекарей для осмотра больныхъ солдатъ, и деньги выдававшіяся въ это время на руки больнымъ служили, повидному, лишь для улучшенія общаго довольствія больныхъ ¹⁾.

Раненымъ, освобожденнымъ отъ военной службы, лекарства изъ царской аптеки нерѣдко отпускались даромъ. Такъ, на челобитной Ѳеодора Бутурлина, отъ 20 Марта 1664 года, въ которой челобитчикъ пишетъ, что, будучи раненъ въ то время, какъ «былъ бой съ Польскими и Литовскими и Крымскими людьми въ Карачевскомъ уѣздѣ», онъ съ трудомъ добрался до Москвы и теперь лежитъ безпомощный «на смертной постели» и «лечить его некому и нечѣмъ», стоитъ помѣта: «Государь пожаловалъ, велѣлъ лечить изъ аптеки и лекарства давать безъ денегъ» (Моск. Отд. Об. Архива М. И. Двора Ап. Пр. № 88).

Но такъ бывало не всегда. Такъ въ томъ же году подъячаго Ивана Башорова «за ево службы і за раны і за полонное терпенье» было разрѣшено «лечить изъ Аптекарскаго Приказа», но лекарство было велѣно «давать по цѣнѣ ²⁾».

¹⁾ Полн. Собр. Закон. Россійск. Имп. т. II, № 732.

²⁾ Тамъ же № 750.

Во вторую половину XVII вѣка упоминанія о врачахъ, бывшихъ «на государевыхъ службахъ въ разныхъ полкѣхъ» встрѣчаются очень часто. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, заимствованныя нами непосредственно изъ архивныхъ документовъ.

Въ полку у князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго въ Бѣлгородѣ въ 1658 году «для лекарства его государевыхъ ратныхъ людей» находились иноземные врачи Василій Ульеръ и Филиппъ Боржово и лекарскіе ученики Васька Подуруевъ и Ивашка Михайловъ ¹⁾; въ 1660 г. въ тотъ же полкъ былъ командированъ еще лекарь Юрій Ягоновъ ²⁾.

Въ 1662 году у Г. Г. Ромодановскаго находились лекаря Юрій Ягановъ, Ѳедотъ Васильевъ, Андрей Ѳедотовъ и ученикъ Ѳедька Захаровъ, послѣдніе три оставались въ Бѣлгородѣ также и въ слѣдующемъ 1663 году ³⁾; въ 1667 году у Ромодановскаго находились лекари Юрій Ягановъ и Андрей Ѳедотовъ и лекарскій ученикъ Митька Никитинъ ⁴⁾. Въ 1679 году къ Г. Г. Ромодановскому были посланы лекари: «Вольдемаръ Крестьянусъ, Рудольфъ Оттерсонъ, да ученики Кузьма Дмитриевъ, да Мартынка Рухъ» ⁵⁾. Въ 1680 году въ полкъ къ тому же боярину были наряжены лекари иностранцы Юхонъ Эгендорфъ и Осипъ Островскій и ученики Иванъ Остолоповъ и Петрушка Колсъ ⁶⁾. Въ полку Петра Васильевича Шереметева въ Сѣвскѣ въ 1662 г. находились «для лечьбы великаго государя ратныхъ раненыхъ людей»: Иванъ Семеновъ, Иванъ Райовъ, Василій Ульѣ, переведенный отъ Ромодановскаго и остававшійся у Шереметева до 1668 г., когда онъ былъ отозванъ въ Москву, а на его мѣсто былъ посланъ Аванасій Шемюковъ ⁷⁾. Въ архивныхъ документахъ упоминается еще объ ученикѣ Ѳедькѣ Дороѣевѣ, находившемся у П. В. Шереметева въ 1665 году и лекарѣ «Митькѣ Никитинѣ» находившемся у того же боярина въ 1666 году ⁸⁾. Въ 1667 году въ полку П. В. Шереметева мы встрѣчаемъ снова лекарей Ивана Степанова и Василя Ульѣа, и, наконецъ, въ 1679 году нѣсколько иноземныхъ врачей, а именно Савостьяна Резлера, Ягана Фохта и Еремѣя Растера ⁹⁾. Въ полку князя Ивана Андреевича Хованскаго въ Рыльскѣ находились въ 1661 году лекари Иванъ Никитинъ и Иванъ Анто-

¹⁾ Моск. Арх. Мнн. Юст. Бѣлгородскій Столбъ 399, л. 193 и Столбъ 397, л. 83—86.

²⁾ Тамъ же, Столбъ 414, лл. 200—203.

³⁾ М. О. Об. А. М. И. Дв. Аптек. Пр. №№ 29, 54.

⁴⁾ Тамъ же, № 70.

⁵⁾ Тамъ же, Новгород. столбъ, Столбъ 313, лл. 33—38.

⁶⁾ М. А. М. Ю. Москов. столбъ, Столбъ 614, лл. 282—287.

⁷⁾ М. О. Об. Ар. М. И. Дв. Апт. Пр. №№ 53, 118.

⁸⁾ Тамъ же, № 136.

⁹⁾ М. А. М. Ю. Новгородъ ст. Столбъ 313, лл. 60—61.

новъ ¹⁾), въ 1678 лекаръ иноземецъ Яковъ Починскій, да лекарскаго дѣла ученика Иванъ Микитинъ, да Кузьма Дмитріевъ съ лекарствы ²⁾). Въ полку «стольника и полковника Виденихта Андреева, сына Змѣева» въ Смоленскѣ въ 1661 году находились, лекаръ Яковъ Дементьевъ и лекарскій ученикъ Ѳедоръ Захарьевъ ³⁾); въ слѣдующемъ 1662 г. въ этотъ полкъ еще былъ посланъ лекарскій ученикъ Митька Абросимовъ. Въ 1667 г. въ Астрахань къ князю Ивану Семеновичу Прозоровскому были посланы лекаръ Семень Ларионовъ и ученикъ Емелька Климовъ, которымъ было велѣно быть « съ бояриномъ и воеводою въ походѣ на воровскихъ казаковъ » ⁴⁾). Къ околичному и воеводѣ князю Юрію Никитичу Борятинскому въ Бѣлгородѣ въ 1667 г. были посланы «лекаръ Иванъ и ученикъ Ивашка» ⁵⁾), на мѣсто отозванныхъ въ Москву лекаря Якова Дементьева и ученика Давыдки Оксентьева ⁶⁾). Въ полку у князя Юрія Алексѣевича Долгорукова въ 1661 году находились лекари Кирианъ Кутешевъ, Степанъ Алексѣевъ и костоправъ Романъ Максимовъ; въ полку у Петра Михайловича Салтыкова находились въ томъ же полку «для Остроханской службы» Иванъ Евдокимовъ и Юрій Агаповъ, переведенный изъ Бѣлгорода ⁷⁾), а также Кирианъ Кутешевъ и Степанъ Алексѣевъ, переведенные отъ кн. Юрія Долгорукова. Въ полкъ къ воеводѣ князю Борису Александровичу Репнину въ Новгородѣ въ 1662 г. были посланы лекари Аванасій Шешуковъ и Василій Подуровъ, а также Ѳлоръ Дьяклеръ ⁸⁾), находившійся до того 1661 г. въ полку у князя Григорія Семеновича Куракина ⁹⁾).

Такимъ образомъ мы видимъ, что во вторую половину XVII в. нѣсколько лекарей въ полку сдѣлались явленіемъ обычнымъ, при чемъ на военную службу стали назначаться и иноземные врачи и даже по нѣскольку иноземныхъ врачей въ одинъ полкъ ¹⁰⁾).

Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. на мѣста военныхъ дѣйствій командировались уже цѣлыя санитарные отряды, состоявшіе изъ лицъ различныхъ медицинскихъ степеней. Такъ въ 1664 г. въ полкъ воеводы Якова Черкаскаго изъ Аптекарскаго Приказа были команди-

¹⁾ М. О. Об. Ар. М. Ив. Аптек. Пр. № 166.

²⁾ М. А. М. Ю. Новгор. ст. Столбъ 210, лл. 428—429.

³⁾ М. О. Аб. Арх. М. И. Дв. Апт. Пр. Д. № 33. Тамъ же №№ 55 и 166.

⁴⁾ Тамъ же №№ 164, 166, 170.

⁵⁾ Иванъ Грамонъ и Иванъ Ѳедоровъ.

⁶⁾ Тамъ же №№ 163, 173.

⁷⁾ Тамъ же № 166.

⁸⁾ Тамъ же № 52.

⁹⁾ Тамъ же № 166.

¹⁰⁾ Матеріалы по Исторіи Медицины, собран. и издан. Мамоновымъ № 146.

рованы лекари Иванъ Албанусъ, Иванъ Никитинъ, Иванъ Антоновъ, Василій Подураевъ, Степанъ Алексѣевъ, Степанъ Ошуровъ, Иванъ Костылевъ и костоправъ Иванъ Евдокимовъ ¹⁾. Въ 1710 году, когда «въ Кіевѣ учинилось моровое повѣтріе, въ полкъ ближняго стольника и воеводы князя Дмитрія Михайловича Голицына, стоявшій въ то время въ Кіевѣ, «изъ Аптекарскаго Приказа были наряжены дохтуръ Григорій Карбонарій, гезель Спиридонъ Фось, лекаръ иноземець Аврамъ Енсъ, аптекарскаго и лекарскаго дѣла ученики Осипъ Родіоновъ и Тимоѣй Кузьминъ» ²⁾. Врачи командировались даже на окраину Россіи. Такъ въ 1691 году въ Запорожскомъ войскѣ находился иноземный врачъ Иванъ Комнинъ, который лечилъ больныхъ «какъ въ домѣхъ, такъ и въ походѣхъ лѣтнихъ и зимнихъ» ³⁾.

Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича иностранные врачи при пріемѣ на Русскую службу стали даже обязываться клятвою «служити Государю полковую службу, гдѣ великій государь уважетъ». Но сказать съ увѣренностію, что въ это время существовали врачи при всѣхъ полкахъ не позволяютъ ни опубликованные раньше документы, ни документы впервые извлеченные нами изъ архивовъ.

Для слѣдованія за войсками доктору давалось восемь подводъ, лекарю 2—5 подводъ, ученикамъ 1—2 подводы. Весь санитарно-медицинскій обозъ состоялъ изъ 50—70 подводъ.

Въ 1689 г., во время Крымскаго похода, «по наряду изъ Аптекарскаго Приказа въ большомъ полку и въ полкахъ же Новгородскаго и Рязанскаго разрядовъ дано ямскихъ подводъ до Ахтырки и до Сумъ и до Хотмыжска и назадъ до Москвы: дохтуру 8 подводъ, аптекаря 5 подводъ, подъ аптекарскую казну подъ сундукъ, да подъ 5 коробей—12 подводъ, ученику 1 подвода, сторожу 1 подвода, лекарю да ученику 6 подводъ, лекаремъ же 4 человекомъ по 2 подводы, имъ же подъ лекарствамъ по 4 подводы, итого 16 подводъ; лекарю же 4 подводы, лекарю жъ 3 подводы, лекарскаго жъ дѣла ученику 1 подвода, итого 65 подводъ» ⁴⁾.

Врачи должны были находиться около «разряднаго шатра», и всѣ, кому было до нихъ дѣло, били объ нихъ челомъ и имали къ себѣ отъ разряднаго шатра» ⁵⁾.

Не всегда врачи командировались въ полкъ Аптекарскимъ Приказомъ; очень часто они приглашались и увольнялись единолично воево-

¹⁾ М. О. Об. А. М. И. Дв. Апт. Прик. Д. № 24, 69.

²⁾ М. А. М. Ю. Разр. Вяз. № 56, л. 8.

³⁾ Тамъ же Столб. Моск. ст. № 956.

⁴⁾ Тамъ же Моск. ст. Столб. 725, л. 56.

⁵⁾ Тамъ же Моск. ст. Столб. 725, л. 54.

дами, стоявшими во главѣ полковъ ¹⁾). Замѣна однихъ полковыхъ врачей другими происходила, повидимому, очень часто. Полковой врачъ, уволенный отъ службы по минованіи въ немъ надобности или вслѣдствіе какой-либо иной причины, могъ зачислиться въ приказные врачи, для чего ему необходимо было подать челобитную въ Аптекарскій Приказъ съ росписью, кого онъ отъ какихъ болѣзней лечилъ ²⁾). Выполнить послѣднее требованіе было не трудно, такъ какъ при полкахъ существовали особыя «записныя книги», въ которыхъ записывалось все леченіе. Такъ въ одномъ изъ своихъ донесеній въ Москву, Г. Г. Ромодановскій писалъ: «а кому, Государь, сколько лекарства доведется дать и какого чину и кого именемъ стануть твоихъ великого государя ратныхъ людей лечить, и тому государь мы холопи твои велѣли тѣмъ лекаремъ сдѣлать записныя расходныя книги, и въ тѣхъ книгахъ лѣкарствамъ всякую статью велѣли записывать, что кому и въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ дано будетъ порознь, по статьямъ» ³⁾).

Съ врачами посылались обыкновенно въ полкъ большіе запасы лекарствъ. Такъ въ 1678 году въ полкъ къ кн. Ивану Андреевичу Хованскому въ Рыльскъ было послано лекарствъ на 150 рублей ⁴⁾). Въ 1680 году въ тотъ же полкъ было послано лекарствъ на 247 рублей 2 гривны ⁵⁾). Въ 1679 г. въ Сѣвскъ въ полкъ П. В. Щереметева было послано лекарствъ на 200 рублей ⁶⁾). Въ 1679 году въ Рыльскъ въ полкъ Г. Г. Ромодановскаго было послано лекарствъ на 47 рублей 2 гривны ⁷⁾). Въ 1709 году «для леченія новобранныхъ драгунъ» было отпущено на лекарства стольнику Юрію Степановичу Нелединскому - Мелецкому 1000 руб. ⁸⁾). Въ 1710 г. въ Кіевѣ въ полкъ князя Дмитрія Михайловича Голицына было послано лекарствъ на 700 руб. ⁹⁾). Лекарства присылались въ полки «по дохтурской росписи, которая къ болѣзнямъ пригодна и безъ которыхъ дохтуру ѣхать невозможно» ¹⁰⁾).

Михаилъ Лахтинъ.

¹⁾ М. О. Об. Ар. М. И. Дв. Апт. Пр. Д. № 29.

²⁾ Матеріалы №№ 275, 1476 и др.

³⁾ М. А. М. Ю. Новгород. ст. Столб. 313, лл. 60—61.

⁴⁾ Тамъ же Новгород. ст. Столб. 290, лл. 428—428.

⁵⁾ Тамъ же Моск. столб. Столб. 614, лл. 282, 287.

⁶⁾ Тамъ же Новгород. ст. Столб. 313, лл. 60—61.

⁷⁾ Тамъ же, лл. 33—38.

⁸⁾ Тамъ же Разр. вяз. № 52, л. 348.

⁹⁾ Тамъ же Разр. вяз. № 56, д. 8.

¹⁰⁾ Известный Санжецъ въ своей книгѣ о парныхъ баняхъ говоритъ, что когда Петру Великому предлагали завести при полкахъ аптеки, онъ отозвался: „моему народу еще лѣтъ на сто довольно будетъ баня“. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ ВИКТОРА ИВАНОВИЧА БАРЯТИНСКАГО.

Бой „Владимира“ съ „Первазь-Бахри“.

Получивъ въ послѣднихъ числахъ Октября 1853 г. *) извѣщеніе отъ одного изъ нашихъ крейсеровъ, что у западнаго берега Чернаго моря были усмотрѣны военныя суда, Корниловъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о съемкѣ съ якоря и 29 Октября съ разсвѣтомъ вышелъ изъ Севастополя съ эскадрой, состоявшею изъ 120-ти пушечныхъ кораблей: «Великій Князь Константинъ» (на которомъ поднялъ свой флагъ), «Двѣнадцать Апостоловъ», «Три Святителя», «Парижъ», 80-ти пушечныхъ «Святославъ» и «Ростиславъ» и брига «Эней». Я служилъ старшимъ флагъ-офицеромъ при вице-адмиралѣ Корниловѣ.

Мы пошли по направленію къ Варнѣ, гдѣ надѣялись застать Турецкій флотъ на якорѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ, по приказанію адмирала, я сдѣлалъ сигналъ флоту:

«Объявить командамъ, что Государь ожидаетъ усердной службы, а Россія всегдашней славы своего оружія. Съ нами Богъ!»

Были приняты всѣ мѣры для встрѣчи непріятеля подъ парусами, или для атакванія его на якорѣ.

Вѣтеръ, бывшій сначала попутнымъ, мѣнялся потомъ безпрестанно, чѣмъ много замедлялся ходъ нашихъ судовъ, а 31-го вечеромъ задулъ сильный штормъ разведшій огромное волненіе. Трехдечные корабли бросало «какъ тендеры», по выраженію Корнилова въ его донесеніи.

3-го Ноября мы подошли къ Турецкимъ берегамъ, къ мысу Каліакри и къ Варнѣ, гдѣ не увидѣли ни одного военного судна. Тогда Корниловъ пересѣлъ на пароходъ-фрегатъ «Владимиръ» и, 4-го Ноября утромъ, мы пошли на немъ на соединеніе съ эскадрой Нахимова, крейсеровавшаго между мысами Амастро и Керемпе, вдоль Анатолійскаго берега.

«Владимиромъ» командовалъ Григ. Ивановичъ Бутаковъ. При адмиралѣ состояли флагъ-офицерами Ильинскій и я и адъютантъ Желѣзновъ.

Наша эскадра вскорѣ отъ насъ скрылась. Погода была довольно тихая. Вечеромъ мы всѣ сидѣли въ каютѣ-компаніи съ командиромъ

*) Пѣсколько дней послѣ объявленія войны Турціи.

и парходными офицерами. Мы очень весело ужинали, пили Шампанское, призывая при семь встрѣчу съ непріятелемъ. Вознесениѣ всѣхъ насъ былъ Желѣзновъ: онъ жаждалъ сраженія.

Вдругъ, въ концѣ ужина, онъ немного блѣднѣетъ и восклицаетъ: «три свѣчи на столѣ!», тушить одну и говорить: «видно, одному изъ насъ не сдобровать!» Конечно присутствующіе засмѣялись, не обративъ на то вниманія.

На другой день, 5-го Ноября, утромъ рано, увидѣли съ «Владимира» Анатолійскій берегъ и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ дымъ парохода надъ горизонтомъ впереди, а съ лѣвой стороны на большомъ разстояніи верхніе паруса эскадры, которую приняли за эскадру адмирала Нахимова *).

Корниловъ велѣлъ держать на сомнительный пароходъ. Такъ какъ ходъ на «Владимиръ» былъ лучше, то мы замѣтно съ нимъ сблизались. Пароходъ же, не поднимавшій флага, началъ мѣнять курсы, то къ Анатолійскому берегу, то опять въ море; мы удостовѣрились, что это было судно непріятельское: ясно были видны Турецкіе мундиры и фески.

Наконецъ мы уже подошли на пушечный выстрѣлъ къ его траверзу съ правой стороны. Адмиралъ велѣлъ выстрѣлить холостымъ зарядомъ, чтобы заставить его показать свой флагъ. Турокъ все-таки не поднималъ его; тогда мы пустили ядро передъ носомъ парохода. Въ этотъ же моментъ онъ поднялъ на кормовомъ флагштокѣ Турецкій военный флагъ и одновременно далъ залпъ изъ орудій праваго борта. У него кормовыхъ и баковыхъ орудій вращающихся не было, а всего было десять пушекъ.

Ядра перелетали всѣ черезъ «Владимиръ», ни одно не попало. Тутъ, въ первый разъ въ жизни, я былъ подъ сильнымъ огнемъ орудій и слышалъ визгъ и грохотъ ядеръ летавшихъ надъ головою и кругомъ. Мы немедленно отвѣчали, и завязался (около 9¹/₂ час.) жаркій и упорный бой.

Турецкій пароходъ былъ слабѣе «Владимира» не столько числомъ, сколько калибромъ орудій.

Былъ виденъ на верхнемъ мостикѣ все время командиръ, управлявшій движеніями своего судна. Турокъ стрѣлялъ очень быстро и давалъ залпъ за залпомъ. Стрѣльба его дѣлалась болѣе и болѣе мѣткою.

Въ теченіе перваго часа сраженія мы вдругъ увидали, что флагъ его спускается; тогда, думая, что онъ сдается, я прокричалъ ура; всѣ послѣдовали моему примѣру, и было приказано прекратить пальбу. Но

*) Потомъ оказалось, что это была Турецкая эскадра.

мгновенно взвился опять Турецкій флагъ ¹⁾ и опять залпъ. Во избѣжаніе потери въ людяхъ, Корниловъ велѣлъ идти въ кильватеръ ²⁾ неприятеля, такъ что изъ баковыхъ орудій мы могли посылать ему продольные выстрѣлы; но онъ тутъ очень ловко управлялся: каждый разъ какъ онъ видѣлъ, что орудіе у насъ было готово, онъ приводилъ влѣво или вправо и давалъ залпъ; только что наше орудіе стрѣляло, онъ ложился опять на прежній курсъ, который держалъ къ Анатолійскому берегу, надѣясь отъ насъ уйти. Мы причиняли ему большія поврежденія, рангоутъ у него уже былъ весь избитъ, и онъ весьма храбро защищался. Я видѣлъ моментъ, когда Турецкій командиръ, стоявшій на мостикѣ, былъ снесенъ ядромъ съ него и болѣе не показывался.

Наконецъ, желая покончить съ нимъ, мы подошли параллельно къ нему на картечный выстрѣлъ, и открылся съ обѣихъ сторонъ ожесточенный огонь картечью и ядрами. Можно было ясно видѣть, что происходило на палубѣ у Турокъ. Они сдѣлали изъ судовыхъ коекъ въ родѣ бруствера для защиты людей и стрѣляли изъ за нихъ, также изъ ружей. Люди учащенно заряжали и палили; между ними выдавался высокий мужчина въ зеленой чалмѣ, и видно было какъ онъ ихъ поощрялъ и одушевлялъ; это былъ, какъ потомъ узнали, мулла. Разрушеніе на неприятельскомъ пароходѣ было ужасное; видно было, какъ люди падали и какъ сметало нашими снарядами разныя части и принадлежности судна и рангоута ³⁾.

Но неприятельская картечь осыпала и насъ. Адмиралъ стоялъ съ лѣвой стороны съ командиромъ Бутаковымъ на кожухѣ ⁴⁾ и слѣдилъ за движеніемъ неприятеля. На правомъ кожухѣ ⁵⁾ стоялъ Желѣзновъ съ трубою въ рукѣ, я былъ у баковаго бомбоваго орудія, которое, вмѣстѣ съ Владимирскими офицерами, наводилъ на Турецкій пароходъ, какъ вдругъ, оборачиваясь, вижу на правомъ кожухѣ нашего парохода офицера падающаго. Я узналъ Желѣзнова и, предупредивъ стоявшаго тутъ офицера, побѣждалъ изо всѣхъ силъ, чтобы удержать его, опасаясь, что онъ упадетъ въ море съ кожуха. Лечу по палубѣ, и у самага трапа ведущаго на мостикъ, передъ моими ногами, падаетъ матросъ, такъ что я черезъ него перескочилъ и увидѣлъ на его лбу большую красную дыру— картечь повалила его на мѣстѣ. Я забѣжалъ по трапу и успѣлъ схватить лежащаго Желѣзнова правой рукой за ногу, а лѣвой за волосы,

¹⁾ Надо полагать, что ядромъ нашимъ былъ разрѣзанъ флагъ.

²⁾ По Словарю Даля, *кильватеръ*—струя позадь судна при ходѣ его; идти въ кильватеръ другаго судна—идти по слѣду его. П. Б.

³⁾ По Словарю Даля, *рангоутъ*—вооруженіе судна, мачты, стѣнги, реи и пр. П. Б.

⁴⁾ На Владимирѣ на обонжъ кожухахъ были опрокинуты баргазы довольно плоскодонные, такъ что можно было по нимъ ходить.

⁵⁾ По Словарю Даля, *кожухъ*—покрышка, навѣсъ. П. Б.

въ самый моментъ, когда онъ могъ поватиться за бортъ. Никто кромѣ меня до тѣхъ поръ не видѣлъ его, всѣ взоры были устремлены за лѣвую сторону, по направленію къ непріятелю. Опрокинутый барказъ на кожухѣ, выкрашенный бѣлою краскою, былъ весь въ большихъ красныхъ пятнахъ отъ крови. Я крикнулъ матросамъ, стоявшимъ внизу, чтобы мнѣ помогли, и двое живо вскочили. Въ эту минуту адмиралъ Корниловъ, увидѣвъ происшедшее, бросился въ мою сторону и выговорилъ: «Бѣдный, бѣдный Желѣзновъ!» (Онъ его очень любилъ и считалъ его весьма способнымъ и исполнительнымъ офицеромъ). Онъ велѣлъ мнѣ отнести его въ каюту, узнать, что скажетъ докторъ и придти его извѣстить. Два матроса подняли его, одинъ за плеча, другой за ноги и понесли. Желѣзновъ еще дышалъ, и у него были судорги; видна была зіяющая большая рана въ горлѣ; можно было предвидѣть, что надежды оставалось мало. Матросы поторопились и понесли головой впередъ, такъ что пришлось бы нести по крутому трапу головою внизъ; я успѣлъ еще велѣть его поворотить. Отнесли его въ каюту и положили на койку; докторъ пришелъ и, посмотрѣвъ рану, сейчасъ сказалъ: конечно! Желѣзновъ еще метался, но все слабѣе и слабѣе. Я пошелъ наверхъ и доложилъ адмиралу; онъ прослезился. Но пальба продолжалась жестокая и, во избѣжаніе лишней потери въ людяхъ, мы опять пошли въ кильватеръ. Вскорѣ послѣ того у непріятели былъ сильно поврежденъ руль; онъ не могъ болѣе править и спустилъ флагъ.

Бой продолжался болѣе 3-хъ часовъ; надобно отдать справедливость Турку: онъ показалъ большое мужество и стойкость и палъ съ честью. Оба парохода остановились. На «Владимирѣ» спустили катеръ, и посланъ былъ на Турецкій пароходъ лейтенантъ Ильинскій съ нѣсколькими вооруженными матросами, чтобы принять его. Пароходъ былъ совсемъ близко, и мы видѣли, какъ Турки сидѣли преспокойно и курили трубки. Сдача произошла въ нашихъ глазахъ. Ильинскій возвратился съ Турецкими офицерами, муллою, машинистомъ Англичаниномъ, и потомъ послали барказъ и забрали команду. Ильинскій намъ рассказывалъ, въ какомъ ужасномъ видѣ онъ засталъ непріятельскій пароходъ: на палубѣ лежали еще обезображенные трупы, въ каютахъ разрушеніе страшное, вездѣ оторванные члены; переборки каютъ, разбитыя нашими ядрами и бомбами, были обрызганы кровью и мозгами человѣческими. Плѣнный пароходъ поступилъ подъ команду лейтенанта Попандупуло, старшаго на «Владимирѣ» офицера, которому дали изъ команды «Владимира» достаточное число матросовъ. Мы узнали, что взятый пароходъ былъ 10-ти пушечный фрегатъ Первазъ-Бахри, шедшій въ Синопъ. Капитанъ, изъ Черкесовъ, убитъ. Три или четыре офицера были также убиты и значительная часть команды. Раненыхъ было много.

Былъ первый часъ. На «Владимирѣ» поваръ готовилъ, какъ въ обыкновенное время, обѣдъ, который поспѣлъ какъ разъ въ это время и былъ поданъ въ большой каютѣ-компаніи. Адмиралъ пригласилъ всѣхъ Турецкихъ офицеровъ и муллу, и мы сѣли за столъ.

Желѣзновъ лежалъ мертвымъ въ каютѣ рядомъ.

Разговоръ сдѣлался оживленнымъ. Турецкіе офицеры и мулла, почти всѣ окровавленные, держали себя съ большимъ достоинствомъ. Нѣкоторые изъ насъ, знавшіе нѣсколько Турецкихъ словъ и фразъ, старались кое-что отъ нихъ вывѣдать; къ концу обѣда всѣ повеселѣли и даже шутили! Я убѣдился тутъ изъ собственнаго опыта, какъ чувства самыя враждебныя и, даже можно сказать, яростныя могутъ въ военное время, при извѣстныхъ условіяхъ, быть замѣняемы самыя дружественными и даже взаимною симпатіей. Мулла былъ красивый мужчина съ черной бородой и умными глазами.

Приведши въ порядокъ «Владимиръ» и призь*), котораго положеніе было опасно отъ множества пробоинъ, мы взяли «Первазь-Бахри» на буксиръ и пошли на Н., по направленію, гдѣ видна была эскадра, которую мы принимали за Турецкую. На «Владимирѣ» начали перевязывать раны, рѣзать руки и ноги. Мой поваръ Ѳедоръ былъ назначенъ по распісанію быть при раненыхъ. Покойниковъ Турецкихъ побросали за бортъ. Наши же убитые, покрытые Андреевскимъ флагомъ, положены на ютѣ. На «Первазь-Бахри» былъ поднятъ Русскій флагъ, а подъ нимъ Турецкій.

Вскорѣ мы убѣдились, что эскадра, къ которой мы приближались, была эскадра адмирала Новосильскаго. Мы направились прямо къ адмиральскому кораблю «Треть Святителямъ». Въ одно мгновеніе на немъ и на всѣхъ другихъ корабляхъ люди взбѣжали по вантамъ и по реямъ и огласили воздухъ криками ура!

Поговоривъ кратко съ адмираломъ Новосильскимъ о военныхъ дѣлахъ и распоряженіяхъ по флоту, Корниловъ велѣлъ держать на Севастополь, куда мы пришли на слѣдующее утро.

Входя на рейдъ, мы увидали массы народа направлявшагося къ пристани. Со всѣхъ сторонъ слѣшили съ поздравленіями и слышны были на стоявшихъ на якорѣ судахъ и съ берега крики ура!

Турецкій пароходъ, которому, по приказанію Государя, было дано названіе «Корниловъ», нѣсколько дней послѣ привода его въ Южную Бухту, пошелъ мгновенно ко дну отъ множества пробоинъ.

*) Призовыя деньги, за Турецкій пароходъ полученныя, впослѣдствіи были распределены слѣдующимъ образомъ: адмиралъ получилъ 40 тыс. руб., командиръ столько же, ищеры по 3 тысячи, а нижніе чины по 300 руб., въ томъ числѣ и мой поваръ.

СРАЖЕНІЕ ПРИ КУРЮКЪ-ДАРА.

(Изъ воспоминаній Н. П. Поливанова).

Въ концѣ Апрѣля 1854 года я былъ опредѣленъ юнкеромъ въ Эриванскій карабинерный полкъ. Получивъ подорожную и конверты изъ штаба и изъ канцеляріи намѣстника къ командиру войсками на Турецкой границѣ князю В. О. Бебутову, я выѣхалъ изъ Тифлиса въ Александрополь. На станціяхъ встрѣчались мнѣ партіи солдатъ выдворѣвшихъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи съ Турками подъ Башкадыкларомъ 19 Ноября прошлаго 1853 года. Они рассказывали про удалъ нашихъ девяти тысячъ противъ сорокатысячной Турецкой арміи хорошо вооруженной и обученной. Многіе изъ рассказчиковъ были украшены Георгіевскими крестами и сожалѣли, что ихъ выписали «въ чистую».

Въ Александрополь я пошелъ къ командиру. Въ приѣмной было человекъ пять. Дежурный ординарецъ, въ формѣ линейскаго казака съ Георгіевскимъ крестомъ, принялъ отъ меня бумаги и отнесъ въ кабинетъ князя Бебутова. Ординарецъ этотъ былъ Д. И. Романовскій, разжалованный изъ капитановъ генеральнаго штаба*). Въ приѣмную вышелъ князь Василій Осиповичъ Бебутовъ. Обойдя явившихся, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Въ Эриванскій полкъ поступаете? Храбрый полкъ, работа будетъ, надо Георгіевскій крестъ получить, мой любезный». Я съ жадностью смотрѣлъ на князя извѣстнаго своею боевою опытностью, внушавшаго солдатамъ безотчетную увѣренность въ успѣхъ подъ его командой. Князь высокаго роста, худощавъ; большой носъ придавалъ особенность восточному типу его выразительнаго лица.

Эриванскій полкъ еще не приходилъ съ зимовыхъ квартиръ; поэтому я имѣлъ время въ дня три осмотрѣть городъ и окрестности Александрополя. Мое вниманіе привлекали вершина библейскаго Арарата и гора Алагёзъ, у подножія которой нѣкогда процвѣтало Армянское царство.

Въ послѣднихъ числахъ Апрѣля стянулись въ Александрополь съ зимовыхъ квартиръ войска Кавказской гренадерской бригады; въ составѣ ея былъ и Эриванскій полкъ. Полковой командиръ Эдуардъ Антоновичъ Моллеръ опредѣлилъ меня въ 2 батальонъ, въ 4 егерскую роту. Тутъ

*) Впоследствии Д. И. Романовскій командовалъ войсками въ Средней Азіи.

же за обѣдомъ у него я былъ представленъ командиру батальона барону Богдану Мироновичу Врангелю и поручику князю Николаю Ивановичу Святополкъ-Мирскому, которому полковой командиръ поручилъ обучать ружейнымъ приѣмамъ вновь поступившихъ юнкеровъ. Ротный командиръ князь Голицынъ назначилъ меня въ 1-ое отдѣленіе и далъ мнѣ въ дядьки рядового съ Георгіевскимъ крестомъ Ларіона Данилова Озорникова, эфрейтора 1-го отдѣленія роты, уже 17 лѣтъ прослужившаго въ Эриванскомъ полку. Озорниковъ былъ образцовымъ солдатомъ, со сметливостью, находчивостью въ дѣлахъ (къ чему приучали солдатъ горскія экспедиціи), трезвый, любившій свой полкъ и дорожившій его честью, въ сраженіяхъ всегда бывшій душой своихъ товарищей, къ тому же веселый запѣвала. Ему было лѣтъ 40.

Въ числѣ моихъ товарищей юнкеровъ, обучавшихся ружейнымъ приѣмамъ у князя Святополкъ-Мирского, были Ник. Вас. Головинъ, бывший чиновникъ особыхъ порученій при Рязанскомъ губернаторѣ Новосильцевъ, Андрей Шнаубертъ, только что окончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, Францъ Кавецкій, студентъ Нѣжинскаго Лицея, Александръ Мацкевичъ, Петръ Гриневскій (перешелъ изъ Куринскаго полка), Межаковъ, Сливицкій, Ив. Ѳед. Кноррингъ.

Гренадерская бригада расположена была лагеремъhalbwegs отъ крѣпости по обширной долинѣ, которая раскинулась отъ города до р. Арпачая, гдѣ была граница наша съ Азіатской Турціей.

Въ началѣ Мая, послѣ долгаго пути изъ внутреннихъ губерній Россіи, пришли полки 18-й дивизіи, Тульскій, Бѣлевскій, Рязскій и Рязанскій; послѣдніе два полка въ 2-хъ-батальонномъ составѣ, остальные остались въ Грузіи и размѣщены по Лезгинской линіи для огражденія Кахетіи отъ вторженія горцевъ.

Кавказскія войска дружески встрѣтили своихъ земляковъ. Въ Николинъ день, 9 Мая, послѣ молебна и парада, войска пришедшія изъ Россіи пригласили къ себѣ на обѣдъ всѣхъ Георгіевскихъ кавалеровъ Кавказскихъ войскъ. Вдоволь было приготовленно шей и гречневой каши, пироги, баранина и водка, оркестры музыки и хоры пѣсельниковъ. Скоро нашлись земляки не только изъ одного уѣзда, даже изъ тѣхъ же деревень; тутъ пошли разспросы о своихъ, слезы и радость заливались виномъ. Пѣсни деревенскія смѣшивались съ лихими Кавказскими пѣснями, воспѣвающими любимыхъ героевъ: Слѣпцова, Котляревскаго, Ермолова, Врангеля, Бельгарда и другихъ. Затѣмъ въ первое же Воскресенье гренадерская бригада пригласила къ себѣ гостей пришедшихъ изъ родныхъ мѣстъ; пѣсни, музыка, продолжались на обширной равнинѣ до поздняго вечера. Заревая пушка развела друзей. Такъ побратались

Кавказцы съ Россійцами, какъ называли тогда войска приходившія изъ внутреннихъ губерній Россіи.

Проливные дожди зачастили, дня не проходило безъ нихъ. Рѣка Арпачай выступила изъ береговъ. Подъ прикрытіемъ нашего 2 батальона и легкой конной батареи черезъ р. Арпачай былъ наведенъ пловучій мостъ, но отъ продолжительныхъ ливней вода въ рѣкѣ прибыла, и ночью при сильномъ вѣтрѣ мостъ разорвало и унесло; пришлось наводить новый, а пока на паромахъ переправились части войскъ, посылаемыхъ для развѣдокъ. Нерѣдко охотники полковника Лорисъ-Меликова или отряды генерала Баговута возвращались съ трофеями послѣ кавалерійскихъ стычекъ съ Турецкимъ развѣдомъ.

Верстахъ въ 30 отъ Александрополя, по дорогѣ въ Карсъ у с. Хаджи-вали, Турецкая армія была расположена лагеремъ числомъ болѣе 60.000 человекъ подъ ружьемъ и состояла изъ 48 батальоновъ пѣхоты, изъ которыхъ 6 вооруженныхъ Французскими штуцерами, 16 полковъ регулярной кавалеріи, 14 тысячъ иррегулярной, Бедуины, Курды, башибузуки, и 84 орудія полевой артилеріи.

Нашъ Александропольскій отрядъ состоялъ изъ 20 батальоновъ пѣхоты, 26 эскадроновъ драгунъ, 25 сотенъ казаковъ Донскихъ, Линейныхъ, Кавказской милиціи и охотниковъ, всего 18.000 человекъ подъ ружьемъ при 56 орудіяхъ полевой артилеріи. Вооруженіе нашей пѣхоты было старинное, кремневымъ ружьемъ; у меня было кремневое ружье со штемпелемъ 1818 года Ижевского завода, а у моего товарища ружье на четыре года старше моего; одинъ батальонъ стрѣлковый былъ вооруженъ штуцерами съ прицѣломъ на 1200 шаговъ, и въ каждомъ батальонѣ пѣхоты по 16 такихъ же ружей, штуцеровъ у стрѣлковой команды.

29 Мая князь Бебутовъ лично сдѣлалъ развѣдку, при чемъ была аванпостомъ схватка съ Турецкими развѣздами.

Въ началѣ Іюня получены извѣстія о нашихъ побѣдахъ изъ Гурійскаго отряда, подъ Озургетами. За тѣмъ побѣда кн. Андроникова 4 Іюня подъ Челокомъ; вѣсть эта о разбитіи 34000-го Турецкаго корпуса торжественно у насъ отпразднована.

15 Іюня былъ отданъ приказъ по войскамъ Александропольскаго отряда перейти за Арпачай.

Еще солнце не взошло, ударили генераль-маршъ. Вся долина, занятая лагеремъ, пришла въ движеніе. Потянулись вереницы аровъ съ провіантомъ, палатки быстро снялись и грузились на повозки. Вся долина перемѣнила прежній видъ.

Нетерпѣливо войска ожидали выступленія. Долгая стоянка въ лагерѣ почти безъ движенія начинала надоѣдать солдатамъ, а побѣды

на нашихъ флангахъ подзадоривали и нашъ отрядъ перейти къ дѣлу. За эти четыре или пять недѣль, войска пришедшія изъ внутреннихъ губерній Россіи успѣли отдохнуть послѣ долгаго и труднаго пути, исправить обозы и приготовиться къ боевой дѣятельности.

Часовъ въ 7 утра группа верховыхъ спускалась изъ Александрополя въ долину; это былъ князь Бебутовъ съ своей свитой и конвоемъ.

Поздоровавшись съ войсками, князь поздравилъ ихъ съ походомъ. «За вами чередъ! сказалъ князь; да поможетъ вамъ Богъ, храбрые Эриванцы, поддержать вашу славу, которой вы покрылись въ бою подъ Башкадыкларомъ. Вы тѣже, на многихъ изъ васъ я вижу слѣды этого славнаго боя. Въ васъ увѣрены и царь и вся Россія». По всей долинѣ разлилось ура. При звукахъ всѣхъ полковыхъ хоровъ съ распущенными знаменами войска перешли Арпачай, и на обширной равнинѣ отслуженъ былъ молебень. Ночеваль отрядъ у развалинъ Техниса. На слѣдующій день разбили лагерь на берегу Карсчая при с. Кизильчо-чай; здѣсь мы простояли девять дней. Частыя фуражировки не обходились безъ схватокъ съ непріятельскими развѣздами.

24 Іюня мы оставили Кизильчо-чай и двумя колонами двинулись къ с. Курюкъ-дара. У подножья возвышенности Кара-яла обѣ колоны соединились. Едва мы составили ружья, пошелъ проливной дождь, затѣмъ градъ сперва мелкій, потомъ усилился, и крупныя градины дошли до размѣра куриного яйца; разразилась сильная гроза, градъ билъ и людей, и лошадей, которыя срывались съ коновязей, мчались между войскъ, еще не распряженныя, въ нѣкоторыхъ частяхъ артилерія мчалась съ ящиками и передками. Люди не знали какъ укрыться отъ такихъ градинъ, сажались подъ ружья, покрытыя шинелями, валились цѣлые ряды ружей, составленныхъ въ козлы. Минутъ десять продолжался этотъ ужасный градъ.

25 Іюня была сдѣлана развѣдка по направленію къ непріятельскому лагерю, окончившаяся успѣшно: непріятель насъ не тревожилъ. Передъ плоской возвышенностью, гдѣ предназначено было стать всему отряду, разстилалась равнина, налѣво отъ которой поднимался продолговатый хребетъ Кара-ялъ, отдѣлявшій нашу позицію отъ мѣстности, гдѣ въ прошломъ году происходила битва Башкадыкларская. Передъ нами, верстахъ въ 12—15, возвышался хребетъ Хаджи-вали, по скату котораго расположено все войско Турокъ до 60 тысячъ, кромѣ резервовъ. Мѣстность, на которой намъ предстояло принять бой, почти ровная, влѣво отъ насъ была крутая гора Кара-ялъ (это единственный нашъ опорный пунктъ), отъ нея тянется ложбина шириной въ 2 или 3 версты, на всей равнинѣ никакого прикрытія.

Непріятель растянулъ свой лагерь протяженіемъ длиннѣе чѣмъ могли располагать мы, имѣвшіе вчетверо менѣе войска.

Видно было, что передъ лагеремъ непріятельскимъ шли земляныя работы.

Мы стали лагеремъ на Кюрюкдарскомъ полѣ. Съ этой позиціи мы имѣли нѣсколько небольшихъ дѣлъ съ непріятелемъ, который зорко слѣдилъ за каждымъ нашимъ движеніемъ; ни одна фуражировка не обходилась безъ схватокъ нашихъ казаковъ съ башибузуками.

19-го Іюля, масса башибузуковъ подъ предводительствомъ Измагла-паши (родомъ Венгерца) бросилась на нашихъ фуражировъ, бывшихъ подъ прикрытіемъ небольшого числа казаковъ. Немедленно два полка линейскихъ казаковъ Комкова и Скобелева бросились на выручку своихъ, пошли въ пашки; кончилась эта рукопашная тѣмъ, что казаки привели 23 человекъ плѣнныхъ и до 150 лошадей (на многихъ изъ нихъ была богатая сбруя), множество оружія, три значка. Всѣ трофеи казаки сложили у палатокъ своихъ командировъ, которые тутъ же по приговору казаковъ раздѣлили лошадей, сбрую и оружіе нуждающимся казакамъ и остатки распродавали съ торга, а деньги дѣлились казаками. Въ тотъ день, по словамъ казаковъ, они изрубили до 400 человекъ. Еще былъ случай, когда удалось казакамъ взять въ плѣнъ Турецкаго офицера съ планомъ нашей позиціи.

Старанія Турокъ вызвать насъ на бой подъ свой лагерь остались безъ успѣха, намъ же выгоднѣе было вызвать ихъ на бой въ полѣ. Какъ Туркамъ, такъ и намъ атаковать противника въ его лагерьъ было невыгодно, а потому и мы и Турки такъ долго стояли одни противъ другихъ и не вступали въ рѣшительный бой.

Пробили уже вечернюю зарю 23 Іюля, а передъ палатками нашей роты не расходились еще кружки солдатъ. Они разсуждали о чемъ-то съ увлеченіемъ. Я подошелъ и сталъ прислушиваться къ ихъ разговорѣ: оказалось, они провѣдали, что завтра будетъ дѣло, что солдатикъ изъ нашей роты на вѣстяхъ у бригаднаго приходилъ за ужиномъ и сказалъ, что приходилъ къ князю Бебутову лазутчикъ, который сообщилъ, что сегодня въ ночь Турки куда-то выступаютъ, уже часть обоза отправили въ Карсъ, но куда выступаютъ, неизвѣстно, на насъ ли идутъ или хотятъ запереться въ Карсъ. Ну а мы, конечно, не пустимъ ихъ въ Карсъ, надо ихъ разбить въ полѣ, съ увѣренностью говорили солдаты. Изъ офицеровъ еще никто не зналъ о томъ. Но вотъ батальонный командиръ вызванъ къ полковому командиру, слухъ подтвердился.

Полуспящій лагерь вдругъ ожилъ, быстро снялись палатки, тяжело нагруженныя тележки потянулись въ вагенбургъ. За ружьями, составленными въ козла, солдаты расположились группами, въ ожиданіи

движенія; гдѣ сказки рассказываютъ, гдѣ идетъ рассказъ про былые походы, какъ бывало такъ же въ горахъ, вдругъ ночью поднимуть весь отрядъ, или какъ въ прошломъ году пришлось поработать подъ Башкадыклярѣмъ и пр. Тамъ нѣсколько офицеровъ уже совсѣмъ готовы, башлыкъ черезъ плечо, ходятъ помахивая нагайками, рассуждая о дѣлѣ. Большая часть мнѣній клонилась къ тому, что армія Турокъ не уйдетъ къ Карсу, не давъ генеральнаго сраженія. Всѣ эти толки прерваны приказомъ снимать палатки и отправлять тяжести въ вагенбургъ.

Быстро измѣнилась картина; палатки сняты, кучи постилокъ запылали кострами и дивно освѣщали всю движущуюся панораму, группы людей, лошадей, повозки, нѣсколько палатокъ еще неснятыхъ... «Становись къ расчету!» раздался голосъ фельдфебеля. «Разбярать ружья!»

Ночь была тихая, лунная, нѣсколько туманная. Въ полночь выступили наши войска двумя эшелонами съ Курюкь-дарской позиціи, по направленію къ Карской дорогѣ, имѣя въ виду въ случаѣ отступленія Турецкихъ войскъ въ Карсъ, ударить имъ во флангъ, а въ случаѣ наступленія ихъ на насъ, выстроиться противъ нихъ въ боевой порядокъ. Къ тремъ часамъ ночи луна зашла, стало темно, движеніе такой массы войскъ производило какой-то сплошной гулъ, все двигалось молча; изрѣдка слышались въ полголоса отрывочныя команды, все рѣзче и рѣзче обрисовывались на темномъ небѣ профили горъ. Заря стала занимать, ясны стали и горы и долины, въ авангардѣ замѣтили мы быстрое движеніе, сотня казаковъ промчалась передъ нами. Взглянули мы на Кара-ягъ, который былъ уже верстахъ въ четырехъ отъ насъ, по скату его массы войска, а долина отъ Кара-яла до Хаджи-вали, вся покрыта движущимися колоннами. Сомнѣнія не было: непріятель всѣми силами идетъ на насъ и уже занялъ гору Кара-ягъ, которую только что мы оставили.

Наша кавалерія, находившаяся въ арьергардѣ, вызвана впередъ. Колонна пѣхоты отправлена съ приказомъ сбить непріятеля съ Кара-яла. Непріятель сталъ развертываться по вогнутой линіи, а съ Хаджи-вали видны намъ были массы колонъ спускавшихся въ долину. Генераль Баговуть былъ посланъ съ драгунами Нижегородскаго и Тверскаго полковъ удерживать Турокъ противъ нашего лѣваго фланга, пока центръ нашъ не развернется.

Еще солнце не вошло, туманъ стлался по долинамъ, какъ загремѣли Турецкія батареи съ Караяла по надвигавшимся колоннамъ нашей пѣхоты, а вслѣдъ за тѣмъ слышали мы батарейный огонь на лѣвомъ нашемъ флангѣ: это драгуны Баговута пошли въ атаку на Турецкую пѣхоту. Еще мы не окончили нашего построенія въ центрѣ, какъ 40 орудій открыли огонь противъ нашихъ батальоновъ и трехъ батарей центра.

Мы подходили къ крайнѣ лощины въ версту ширины, разставили цѣпь штуцеровъ по краю лощины. Первое ядро, попавшее въ нашъ батальонъ, оторвало ногу поруч. Соколовскому и съ десятокъ солдатъ повалило, потомъ убило капитана Кавтерадзе. Большая часть снарядовъ неприятеля, дѣлая рикошеты, врывались въ рыхлую сырую пашню или перелетала черезъ насъ.

Наши войска были поставлены ген. Бриммеромъ на выгодной позиціи, саженьхъ 400 отъ неприятеля въ ожиданіи начала атаки по всему центру. Штуцера наши не прекращали огня, батальонъ же съ кремневыми ружьями и не открывалъ его. Между тѣмъ уже рѣдвють наши ряды, раненъ бригадный командиръ Кишинскій, перевязавъ рану остается въ бригадѣ; у насъ въ батальонѣ убитъ прапорщикъ Антоновъ, убитъ подпоручикъ Гессе, ординарецъ бригаднаго ком. Кишинскаго, прискакавшій къ батальону съ приказомъ отъ генерала.

Едва было 6 часовъ утра какъ кн. Барятинскій двинулъ нашу бригаду на центръ неприятельскихъ колонъ. Съ распушенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ, съ полковой музыкой ринулись Эриванцы. Оглушительные залпы осыпали насъ съ фронта, а съ праваго фланга громила насъ неприятельская батарея продольными выстрѣлами. Вся сила центра неприятеля и лѣваго фланга, все обратилось на нашу колону. Въ это жуткое положеніе нашего батальона граната ворвалась въ средину батальона и подбросила на нѣсколько сажень нашей знамя; упало оно въ цѣпи застрѣльщикова, гдѣ были я и юнкеръ Суликовъ. Мы подняли разбитое знамя. Суликовъ обтесалъ кинжаломъ древко; всунули мы его въ мое ружье, ремнемъ отъ моей шинели я притянулъ его къ штыку, и подали мы его командиру батальона барону Врангелю. Разодранное знамя съ переломаннымъ древкомъ снова развѣвалось надъ батальономъ, знаменщикъ Абросимовъ былъ раненъ.

Ген. Кишинскій, замѣтивъ, что Турки пытаются обойти нашъ центръ справа, прислалъ сказать барону Врангелю, чтобы онъ выдвинулъ противъ нихъ свой батальонъ. Врангель отдѣлилъ нашъ батальонъ отъ полка и въ полуоборотъ повелъ направо противъ колонны, наступавшей на флангъ нашего центра. Противъ нашего 2 батальона были сомкнутые въ колону четыре батальона. Съ крикомъ ура бросились мы на неприятельскую колону, которая обдавала насъ тучей пуль; мало того, колона раздвинулась и изъ за нея вылетѣла легкая батарея, дала залпъ картечью, на отвѣзахъ, скрылась опять за колоной. Таковой неожиданностью мы были поражены, но разомъ подняли нашъ духъ крики солдатъ «наши драгуны, къ намъ на помощь, не уйдетъ отъ насъ батарея—ура, ура» и снова бросился нашъ батальонъ въ штыки. Но каково было наше разочарованіе, когда скакавшая къ намъ кавалерія открыла по насъ огонь, нагнувъ пики съ

крикомъ алла, алла! готова была броситься на насъ. Наши солдаты настолько освирипѣли, что хотѣли броситься на кавалерію; едва, едва удалось остановить батальонъ. Построили каре, собрались вокругъ своего разбитаго знамени, прекратили стрѣльбу, навѣся штыки стали ждать. «Не стрѣлять, не стрѣлять», безпрестанно кричали офицеры. Кавалерія нагнувъ пики, готова была броситься на насъ, но лошади замялись. «Шли» осиплымъ голосомъ скомандовалъ Врангель, и туча пуль обдала Турецкихъ кавалеристовъ; разомъ груды лошадей и людей рухнули передъ нашимъ батальономъ. Турецкіе уланы, отброшенные нами далеко, стали снова строиться. Между тѣмъ мы не оставляли непріятельской колонны, которая поражала насъ батальоннымъ огнемъ. Перестроился быстро нашъ батальонъ въ колону, Врангель повелъ насъ и не далъ Туркамъ обойти нашъ центръ. Такое трудное положеніе батальона увеличилось непрерывнымъ огнемъ легкой батареи, которая обдавала насъ картечью; но вотъ новая кавалерійская атака насъ ожидала, опять раздалось: «строй каре!» Еще минута, и опять, нагнувъ пики, летѣли на насъ Турецкіе уланы; но мы не допустили ихъ, залпомъ ружейнымъ ихъ раскидали, и третій разъ отдѣльными кучками пытались они налетѣть на батальонъ, но были разсыпаны по полю. Въ тылу нашемъ они выместили свою неудачу на беззащитныхъ раненыхъ нашихъ, лежавшихъ и ползавшихъ по полю. Князь Бебутовъ послалъ на нихъ свой конвой и разогналъ ихъ. Подъ перекрестнымъ огнемъ артилеріи и штуцеровъ нашъ батальонъ былъ въ отчаянномъ положеніи. Мы бросились на колону Турецкихъ стрѣлковъ Арабистанскаго полка съ отчаяннымъ крикомъ ура. Еще не добѣжали мы до колонны, какъ та повернула отъ насъ мы поражали ее батальоннымъ огнемъ. Въ тылу непріятельской колонны мы слышали крики ура и пальбу; впоследствии оказалось, что это наши Эриванцы и гренадеры прорвались и ударили въ тылъ Туркамъ. Но съ Хаджи-вали спускалась свѣжая колона. Утомленіе нашего батальона было такъ велико, что баронъ Врангель остановилъ батальонъ на привалъ; оглянулись мы на оставшихъ товарищей и многихъ не нашли; не нашелъ я и своего пріятеля, Андрея Карловича Шнауберта.

Было жаркое утро, солнце жгло, отъ жары и усталости изнемогали солдаты, и тутъ только въ первый разъ удалось въ продолженіе всего дѣла немного отдохнуть. Тяжело переводя духъ, стояли солдаты, облокотясь на ружья. Здѣсь я только почувствовалъ боль въ ногѣ; незадолго передъ тѣмъ около меня было нѣсколько убитыхъ, и тогда еще я почувствовалъ какъ будто ушибъ ноги; оказалось, вырванъ кусокъ мяса, крови много натекло въ сапогъ, я вынулъ изъ кармана коршій и бинтомъ крѣпко перевязалъ, кость не повреждена.

Эй! Кто хочет водки? Подходи! Раздался голосъ Озорникова. Отошедъ поодаль съ своимъ товарищемъ Исаевымъ, онъ поднялъ манерку жестяную, а Исаевъ изъ сумки досталъ сухарей. Кто-то изъ молодыхъ солдатъ усумнился въ томъ, что и вправду у него водка, «не вода ли у тебя, дяденька, и то тебѣ спасибо». «Экой ты чудакъ, говоритъ Озорниковъ: не хочешь, такъ не подходи». Старики же, зная, что Озорниковъ всегда прибережетъ сухарики и крушку водки подъ черный день, смѣло подошли, одинъ перекрестился, выпилъ, крикнулъ и сухарикомъ закусилъ. «Вотъ, братъ, спасибо, душу отвелъ». — «Ну, ну, нечего тутъ лясы точить, передавай крушку; видишь онъ ужъ надвигается», показавъ головой на Турецкую колонну. Одинъ за другимъ стали подходить, всѣмъ Озорниковъ давалъ по полкрушкѣ, а Исаевъ по сухарю. «Исаевъ, доставай другую, въ двѣ руки скорѣе пойдеть» и принялись въ двѣ руки раздавать. — «Ваше благородіе, говоритъ Озорниковъ, обращаясь къ молодому офицеру, не угодно ли съ нами подкрѣпиться?» Тотъ выпилъ и далъ Озорникову рублевку. Подошелъ и б. Врангель, взялъ крушку, поднялъ «за ваше здоровье, Эриванцы» и далъ Озорникову золотой. Такъ Озорниковъ обдѣлилъ почти весь баталіонъ. Нѣсколько минутъ отдыха и водка Озорникова возвратили бодрый и веселый духъ солдатамъ.

Нашъ баталіонъ построился и готовъ былъ броситься на новый подвигъ. Колонна непріятеля подвигалась, разсыпала стрѣлковъ и начала насъ обстрѣливать.

Въ это время съ лѣваго фланга скачетъ къ намъ Бриммеръ съ небольшой свитой. Еще не доѣхавъ до насъ, онъ громко поздравилъ съ побѣдой. «Родные мои, желѣзные Эриванцы, говоритъ онъ, тридцать лѣтъ я васъ знаю, всегда вы были соколами. Вы много сдѣлали сегодня, надо еще поработать» и указалъ на непріятельскую колону. Съ послѣдними словами Бриммера загремѣло ура! и баталіоны безъ выстрѣла бросились на колону довершать славное дѣло. Почти въ упоръ Эриванцы открыли огонь, Турки стали отступать, мы имъ въ догонку, настигли; нѣсколько секундъ была лишь рукопашная, Турки бѣжали, бросая съ себя всю амуницію. Колону эту принялъ въ штыки князь Барятинскій съ двумя Эриванскими и двумя гренадерскими баталіонами, прорвавъ непріятельскій центръ; тутъ пришлось князю Барятинскому выдержать кавалерійскую атаку. Бой Эриванцевъ-гренадеръ въ центрѣ былъ увѣнчанъ полнымъ успѣхомъ. Въ этомъ бою пало знамя низама.

1-й Эриванскій баталіонъ съ штыками врѣзался въ Дробистанцевъ и прорвался во вторую линію центра. Князь Барятинскій подкрѣпилъ его двумя баталіонами князя Тарханова. Князь Тархановъ, подойдя на 10 шаговъ къ непріятелю, бросился на ура. Рукопашный бой завязался жестокой: князь Тархановъ пашкой изрубилъ знамен-

щика и передалъ знамя унтеръ-офицеру Пвлеву, который изъ-подъ живота лошади князя Тарханова закололъ штыкомъ Турка, прицѣлившагося въ упоръ въ князя Тарханова. Въ этой схваткѣ ранены офицеры Свѣчинъ, Контуровъ, Антоновъ, Штоквичъ, убитъ майоръ кн. Шаликовъ и смертельно раненъ штыкомъ юнкеръ Бѣловъ, первый схватившій знамя низама. Турки дѣлали нѣсколько попытокъ отнять знамя, но безуспѣшно. Третья линія центра непріятеля, послѣ пораженія Арибистанцевъ бывшихъ въ первой линіи, смятая своими же, не могла устоять, бѣжала; пытавшіе удержать ее или были взяты въ плѣнъ, или умирали на штыкахъ.

Лѣвое непріятельское крыло было еще сильно, когда князь Барятинскій, собравъ гренадерскую бригаду, построилъ ихъ въ двѣ линіи и повелъ въ атаку. Турки, увидя у себя въ тылу колону князя Барятинскаго, послѣ нѣсколькихъ залповъ сдались.

Многіе изъ Турокъ съ необычайной энергіей, не смотря на общее отступление, пытались удерживать бѣгущихъ и геройски умирали на Русскихъ штыкахъ.

Одновременно съ отступленіемъ непріятельскаго центра, его правый флангъ былъ уничтоженъ, колоною направленною, какъ мы видѣли еще при началѣ дѣла, на гору Кара-ялъ. Эта колона состояла изъ Кавказскаго стрѣлковаго батальона, драгунскаго его высочества полка, Нижегородскаго полка 6 эскадроновъ, Бѣлевскаго полка 4 батальона и Тульскаго 2 батальона, назначенныхъ прежде въ центръ (вскорѣ посланы также на лѣвый флангъ); кромѣ того 7-я легкая батарея, 3 сотни Донскихъ, 3 сотни линейныхъ казаковъ (полковника Скобелева). Турецкій правый флангъ воспользовался оставленнымъ нами редутомъ на Кара-ялъ, поставили туда 4 орудія, подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ стрѣлковъ, скатъ горы заняли башибузуки. Отъ горы до своего центра непріятель расположилъ въ двѣ линіи дугообразно 10 батальоновъ съ 2-мя батареями, состоявшими изъ 18 орудій; кромѣ того массы башибузуковъ и регулярной кавалеріи огибали гору.

Пѣхота наша подъ прикрытіемъ кавалеріи получила приказаніе штурмовать гору. Но по прибытіи на мѣсто, убѣдясь въ трудности этого предпріятія, цѣлью котораго было очистить гору отъ непріятеля, того же результата было рѣшено достигнуть другимъ способомъ, отгѣснивъ непріятельскія колонны отъ подножья горы и тѣмъ разобщивъ ихъ отъ войскъ находившихся на горѣ; эти послѣднія должны будутъ оставить гору. Генералъ Бѣлявскій расположился, правѣе отъ горы, съ тремя батальонами Бѣлевцовъ и однимъ Тульскимъ, впереди рассыпалъ стрѣлковый батальонъ, 7-ю легкую батарею подъ прикрытіемъ одного Тульскаго и одного Бѣлевскаго батальоновъ выдвинулъ къ оконечности

горы. Это построение сдѣлала колонна подъ сильнымъ огнемъ Турецкихъ батарей. Батарея и Кавказскіе стрѣлки, едва занявъ позицію, открыли огонь. Немедленно генераль Баговуть приказалъ драгунамъ Его Высочества, которыхъ вели графъ Ниродъ и полковникъ Куколевскій, броситься на главную непріятельскую батарею и заставить ее молчать. Подъ картечью 12-ти орудій бросились драгуны на прикрытіе, врубились въ пѣхоту, бросили ее далеко отъ орудій, при орудіяхъ изрубили прислугу; батарея молчитъ, драгуны на орудіяхъ. Въ это время выдѣтаетъ Турецкая кавалерія, ободренная подкрѣпленіемъ, опрокинутые батальоны снова оправились. «Не въ орудіяхъ дѣло, закричалъ полковникъ Куколевскій, вперед!» Бросились драгуны на Турецкую кавалерію и опрокинули ее. Въ это время непріятель успѣлъ спасти 8 орудій, а 4 остались въ рукахъ драгунъ. Главной батареей непріятельскаго праваго фланга не существовало. Въ это время съ горы Кара-яла не умолкали 4 орудія и штуцера. Остальныя силы своего праваго фланга Турки обратили на колону генер. Бѣлявскаго. Кавказскій стрѣлковый батальонъ, построивъ кучки, отражалъ каждую кавалерійскую атаку и поражалъ вмѣстѣ съ тѣмъ непріятельскіе батальоны шедшіе въ атаку на колону Бѣлевскихъ и Тульскихъ батальоновъ. За этими батальонами были Нижегородскіе драгуны. Эти 6 эскадроновъ драгунъ изъ-за флаговъ колоны безъ артилеріи бросились подъ предводительствомъ полковниковъ Тихоцкаго и вн. Дундукова-Корсакова на цѣпь непріятельскихъ штуцеровъ. Турецкіе стрѣлки, поддерживаемые кавалеріей, стояли упорно, огнемъ и штыкомъ отражая геройскіе атаки Нижегородскихъ драгунъ. Завидя этотъ бой, есауль Кульгачевъ съ дивизиономъ № 7 Донской конной батареи, находясь на лѣвой оконечности центра *), бросился на подмогу Нижегородскимъ драгунамъ. Промчавшись мимо ихъ, онъ снялся съ передковъ передъ самой колоной непріятеля и хватилъ картечью въ упоръ подъ градомъ штуцерныхъ пуль. У двухъ орудій лошади были перебиты и почти вся прислуга, два остальныхъ орудія есауль успѣлъ отвести, изъ оставленныхъ же на позиціи три раненыхъ артилериста успѣли дать еще по выстрѣлу и были изрублены на своихъ орудіяхъ, и два орудія эти были уже въ рукахъ Турокъ. Есауль Кульгачевъ отчаянно налетѣлъ съ остальными двумя орудіями безъ прикрытія на Турецкую колону и билъ ее въ упоръ картечью. Наконецъ, Нижегородцы выручили; хотя и половины не осталось изъ нихъ, но батальоны Турецкихъ стрѣлковъ были изрублены и не только воз-

*) № 7-я Донская батарея, съ 2 ротами 4 батальона Эриванскаго полка и однимъ дивизиономъ драгунъ Его Высочества составляли связь центра съ лѣвымъ флангомъ и удерживали напоръ правой оконечности непріятельскаго центра.

вращены два орудія дивизиона есаула Кульгачева, но и четыре Турецкихъ были трофеями блистательныхъ атакъ Нижегородскихъ драгунъ.

Во время этихъ атакъ, колонна генерала Бѣлявскаго должна была обороняться отъ уланъ и впоследствии, когда Кавказскій стрѣлковый батальонъ заставилъ уланъ прекратить атаки и скрыться за гору, генералъ Бѣлявскій повелъ Бѣлевскіе и Тульскіе батальоны на Турецкую колонну, которая послѣ атакъ Нижегородскихъ драгунъ и смѣлаго огня дивизиона батареи есаула Кульгачева, видя еще свѣжую колонну, быстро обратилась въ бѣгство.

Едва войска, находившіяся у подошвы Кара-яла, были отгѣснены отъ горы, и съ Кара-яла Турки стали отступать. Во время атаки Нижегородскихъ драгунъ, уничтожившихъ главную Турецкую батарею, графъ Ниродъ съ драгунами Его Высочества былъ отозванъ съ лѣваго фланга нашего на правый, противъ котораго подоспѣвшіе непріятельскіе резервы, сгустившись, стали обходить насъ справа.

При началѣ дѣла на нашемъ правомъ флангѣ было лишь 6 эскадроновъ драгунъ генерала-фельдмаршала полка, сводная мусульманская бригада, состоявшая изъ 10 сотенъ и 6-я конная Донская батарея.

Когда непріятельскіе резервы стали подходить и все болѣе и болѣе растягивать свой фронтъ влѣво, нашъ правый флангъ долженъ былъ быть усиленъ и, сохраняя связь съ центромъ, растянуться вправо, чтобы не допустить непріятеля обойти насъ и ударить въ тылъ.

Растянуть на такое значительное пространство нашу боевую линію было очень затруднительно; по малочисленности войска, интервалы не могли не быть значительны, почему, какъ мы и видѣли, Турецкая кавалерія имѣла возможность проскочить въ интервалъ между центромъ и правымъ флангомъ и атаковать крайніе батальоны съ тыла. Правый флангъ нашъ былъ усиленъ войсками (кончившими свою работу на лѣвомъ флангѣ), линейнымъ казачьимъ полкомъ Комкова, который и былъ расположенъ правѣе драгунъ Паскевича полка.

Вслѣдъ за полковникомъ Комковымъ прибылъ полковникъ Скобелевъ съ 3-мя сотнями линейныхъ казаковъ и расположился правѣе Комкова. Мусульманская бригада, состоявшая изъ двухъ полковъ полковниковъ Мезенцова и Эдигорова, расположилась еще правѣе линейныхъ казаковъ. Огонь непріятельской артиллеріи постоянно направлялся на правую оконечность нашего фланга, чтобы отгѣснить и обойти ее. Но иррегулярная кавалерія стояла твердо. Когда же цѣлыя массы Турецкой кавалеріи и колонны пѣхоты стали сильно напирать, то шесть ротъ Ряжцевъ были призваны съ перевязочнаго пункта, и генералъ Баговуть съ драгунами Его Высочества и тремя сотнями Донскихъ казаковъ (отбросивъ уже непріятеля отъ Кара-яла) прибылъ на правый

флангъ и принялъ надъ нимъ начальство. Немедленно ракетная команда выдвинута на правую оконечность фланга и начала дѣйствовать противъ уланы и баши-бузуковъ. Это неожиданное и странное оружіе произвело желанный успѣхъ. Кавалерія, стоявшая твердо подъ картечью и пулями, не могла выстоять подъ ракетами. Ракеты разомъ остановили натискъ и произвели безпорядокъ въ колонахъ. Тогда линейные казаки, три сотни Донцовъ, драгуны Его Высочества и мусульманская бригада бросились въ атаку. Башибузуки и уланы не выдержали атаки. Турецкая конная батарея, подоспѣвшая на поддержку кавалеріи, едва снялась съ передковъ, была уже въ рукахъ Донцовъ и Линейцевъ полковника Скобелева, которые, изрубивъ прислугу, овладѣли тремя орудіями этой батареи. Турецкая колона пѣхоты пошла въ штыки на шесть ротъ Ряжскаго полка. Силы были несоразмѣрны, Ряжцевъ подкрѣпили драгуны Его Высочества, и Турецкая пѣхота была опрокинута. Прибывшіе съ лѣваго фланга канонеры драгунскаго Паскевича полка пошли также въ атаку; тогда непріятельскій центръ отступилъ, и правый флангъ его уже былъ отгѣсненъ отъ Кара-яла. Чтобъ нанести послѣдній ударъ, князь Бебутовъ лично повелъ въ атаку на Турецкую колону два батальона Тульскаго полка, батарею полковника Де-Сажы, Донскую батарею и всю кавалерію бывшую подъ рукой, два дивизіона драгунъ Паскевича полка, охотниковъ полковника Лорисъ-Меликова и даже свой собственный конвой. Успѣхъ нашъ на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ не позволилъ непріятелю долго противустоять этой рѣшительной атакѣ, и здѣсь непріятель долженъ былъ отступать. На нѣсколькихъ пунктахъ Турки дѣлали попытки удержать натискъ, но безуспѣшно. Дружный напоръ нашихъ войскъ скоро обратилъ отступление въ рѣшительное бѣгство. Четыре орудія драгуны отбили во время преслѣдованія. Въ ужасѣ бѣжали Турецкія колоны отъ преслѣдованія нашей кавалеріи, которая рубила и топтала бѣгущихъ, бросавшихъ ружья, ранцы, патронташи. Ура, ура! раздавалось по нашимъ войскамъ, и тучи чугуна и свинца посылали мы въ слѣдъ бѣгущаго непріятеля. Далеко преслѣдовать мы не могли. Съ восхода солнца до полудня длился бой безъ отдыха, заряды были на исходѣ, раненые оставались въ полѣ безъ помощи, до трехъ тысячъ выбыло у насъ изъ строя и слишкомъ двѣ тысячи плѣнныхъ было у насъ на рукахъ. Свѣжихъ войскъ, не бывшихъ въ бою, мы не имѣли. Войска остановлены.

Еще гремѣли наши орудія, еще не остыли стволы нашихъ ружей, еще свѣжа была кровь на штыкахъ и пашкахъ, когда любимые Кавказомъ, храбрые полководцы князь Бебутовъ, князь Барятинскій, генералъ Брюммеръ, которыхъ мы видѣли въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ

во время боя, теперь объѣзжали войска и поздравляли съ побѣдой отъ лица Царя, отъ лица всей Россіи.

Видъ поля битвы, оставленнаго непріателемъ, еще такъ недавно покрытаго его стройными колонами, говорилъ о славѣ и мужествѣ Русскихъ войскъ. Все рѣже и рѣже раздавались отдѣльные орудейные выстрѣлы по бѣгущимъ толпамъ; тамъ, сямъ, слышны стоны раненыхъ, ихъ собираютъ, кладутъ въ телѣги, фуры, отвозятъ на перевязочный пунктъ, собираютъ плѣнныхъ, тащатъ подбитыя орудія.

Часамъ къ 5 вечера, всѣ войска наши стянулись на тоже мѣсто, откуда выступили на канунѣ. Разбили лагерь, и въ нѣкоторыхъ частяхъ и половины числа палатокъ, противъ прежняго, было не достаточно, чтобъ помѣстить уцѣлѣвшихъ въ бою героевъ. Но восторгъ побѣдителей выражали ихъ лица. Едва успѣвъ прочистить стволы своихъ ружей и вытереть штыки, не смотря на крайнюю усталость, солдаты съ охотой отправились цѣлыми толпами собирать и отвозить раненыхъ. Еще за нѣсколько часовъ казавшіеся кровожадными, они теперь съ любовью облегчали страданія не только своихъ товарищей, но и Турокъ. Нѣсколько офицеровъ и юнкеровъ, въ томъ числѣ и я, отправились на перевязочный пунктъ. Сцены, которыя мы застали тамъ, были ужаснѣ видѣнныхъ нами въ разгарѣ боя. Тамъ стоны заглушаются, тамъ взоръ долго не останавливается на страданіяхъ, тамъ хладнокровнѣе смотрять на муки, и чувства какъ бы притупляются, — а здѣсь, видя кровавыя сцены, страданія и мучительную смерть, чье сердце не дрогнетъ? Я вспомнилъ тогда слова Наполеона сказанныя послѣ Эйлау: *Ce spectacle est fait pour inspirer l'amour de la paix et l'horreur de la guerre.*

Одна фура за другой привозили десятками раненыхъ, изувѣченныхъ, обезображенныхъ; складывали и опять отправлялись за такими же. Медики не успѣвали дѣлать ампутациі, фельдшера перевязывали тѣхъ только, которые, при значительной ранѣ, подавали надежду къ выздоровленію, корпіи не доставало, солдаты рвали свои рубашки, затыкали раны. Нѣсколько священниковъ подходили отъ одного умирающаго къ другому и приобщали Св. Тайнъ. Многие, не имѣя силы стонать тихо, умирали безъ памяти, другіе же съ полнымъ сознаниемъ, съ твердостью разставались съ жизнію.

Мои товарищи и я нѣсколькимъ сдѣлали перевязки, какъ умѣли; съ нами были корпіи и вода въ манеркахъ. Многихъ мы не нашли, кого искали. Долго я искалъ своего товарища по ротѣ, юнкера Шнауберта, оставшуюся корпію я берегъ для него, наконецъ, по указанію одного изъ раненыхъ солдатъ я нашелъ его. Увидавъ меня, Шнаубертъ привсталъ;

мы обнялись, и первое, что онъ сказалъ, это было поздравленіе съ побѣдой. — А какъ рана твоя? спрашиваю его. — «Ничего, не умру *)! только мерзко, что ходить не могу, кажется кость раздробило; да и писать долго нельзя будетъ, вотъ кисть правой руки раздробило, не могу крови унять, ослабѣлъ очень, просилъ фельдшеровъ сдѣлать перевязку, да все говорятъ, что некогда: офицеровъ много навезли.

Я обмылъ раны его и перевязалъ. Найдя свободную арбу, заплативъ хорошо ее погонщику, мы приобрѣли ее въ полное свое распоряженіе. Положили въ нее Шнауберта нѣсколькихъ солдатъ нашего баталіона и отправили ее въ вагенбургъ, гдѣ были разбиты большія лазаретныя палатки. Мы же конвоировали эту арбу верхами. Въ вагенбургъ между множествомъ раненыхъ еще не перевязанныхъ мы нашли юнкера Бѣлова; онъ весь былъ израненъ, всѣ, кажется, роды оружія на немъ оставили слѣды; Бѣловъ просилъ приобщиться Св. Тайнъ и сообщить о его смерти матери, у которой онъ былъ единственный сынъ. Принявшій въ немъ большое участіе князь Тархановъ сдѣлалъ все по его просьбѣ. Бѣловъ имѣлъ слишкомъ 20 ранъ, одна картечью, двѣ штыкомъ, ружейная одна, а грудь, голова, спина и рука покрыты сабельными ударами. По его нѣсколько несвязнымъ словамъ можно было понять, что онъ былъ раненъ штыками при взятіи знамени Ивлевымъ; вставъ послѣ этихъ ранъ, онъ хотѣлъ присоединиться къ своимъ, но картечь перебила ногу, а пулей на вылетъ онъ раненъ въ грудь. Заскакавшая намъ въ тылъ кавалерія нанесла ему сабельные удары.

Къ концу дня моя рана отъ движенія заставила себя сильно чувствовать: всю ночь я не спалъ, а на другой день половина ноги была опухшею. Я, не медля тутъ, долженъ былъ отправиться въ Александропольскій госпиталь. (Черезъ полторы недѣли я возвратился въ полкъ).

На слѣдующій день множество арбъ, повозокъ изъ Духоборскихъ деревень, фуръ, носилокъ простыхъ и съ балдахинами, наполненные ранеными, потянулись въ Александрополь. Арба не совсѣмъ-то спокойный экипажъ для раненыхъ особенно по кочковатой дорогѣ, которая намъ предстояла; скрипъ ея огромныхъ колесъ страшно надоѣдаетъ при большомъ переѣздѣ. Арба, въ которой помѣстились Шнаубертъ, раненые два солдата нашей же роты, юнкеръ Кноррингъ и я, была запряжена двумя буйволами; хотя ѣхали мы тихо, но каждый толчекъ невольно вызывалъ стоны, особенно страдалъ солдатъ раненый въ бокъ. Во

*) Шнаубертъ ошибся: черезъ три мѣсяца послѣ дѣла его уже не было на свѣтѣ. Ему сдѣлали операцію, вынули штыцерную пулю изъ раздробленной кости, и черезъ два дня послѣ операціи Шнаубертъ умеръ.

время переѣзда мы сдѣлали нѣсколько приваловъ, на которыхъ пили чай и закусывали.

Едва переѣхали мы Арпачай, у карантина насъ встрѣтили цѣлыя толпы жителей Александрополя и сосѣднихъ селеній, съ громкими криками ура! Женщины съ дѣтьми, старики и тѣ пришли встрѣтить тѣхъ, которые своей кровью купили имъ спокойствіе и обезпечили ихъ собственность. Лаваши, чуреки, сыръ бросали они въ фуры, повозки и арбы, наполненные ранеными. Чистосердечная и истинная благодарность, выраженная въ этомъ единодушномъ побужденіи цѣлаго населенія, была истинно пріятна для страдавшихъ. До самыхъ воротъ крѣпости провожала раненыхъ восторженная толпа.

Раненые офицеры были размѣщены въ городѣ, для солдатъ былъ приготовленъ весь госпиталь Александропольской крѣпости ¹⁾. Смерклось, когда весь транспортъ въѣхалъ въ крѣпостные ворота и наполнилъ всю соборную площадь. Едва размѣстились по палатамъ, какъ разносили огромные подносы, установленные стаканами съ чаемъ. Какъ мы послѣ узнали, этому вниманію къ раненымъ мы были обязаны коменданту крѣпости. Многіе жители города приносили цѣлые узлы съ чаемъ и сахаромъ. Н. В. Молдеръ, жена нашего полкового командира, собственно для раненыхъ солдатъ и юнкеровъ Эриванскаго полка принесла большую провизію бѣлаго хлѣба, чаю, сахару и кориіи. На слѣдующій день опять пришелъ транспортъ съ ранеными, потому много привозили раненыхъ Турокъ, и, по неимѣнію мѣста въ госпиталѣ, ихъ помѣстили въ большихъ двойныхъ палаткахъ, подбитыхъ сукномъ, на площади близъ госпитальныхъ строеній. Кромѣ того множество домовъ въ городѣ были заняты ранеными. Князь Барятинскій нѣсколько разъ пріѣзжалъ изъ отряда въ Александрополь, посѣщать раненыхъ не только въ госпиталѣ, но и на квартирахъ, заботился о ихъ нуждахъ, съ участіемъ спрашивалъ о ихъ ранахъ и многимъ раздавалъ денегъ.

На другой же день послѣ побѣды адъютантъ князя Вебутова, майоръ Александровскій былъ отправленъ въ Петербургъ съ донесеніемъ; съ нимъ же посланы знамена, отбитыя у Турокъ 24-го числа ²⁾!

Множество оружія, музыкальныхъ инструментовъ, амуниція были

¹⁾ Меня похѣстали въ ту же палату, гдѣ былъ Шваубертъ, что намъ было удобно. Шваубертъ не горевалъ, но просилъ, чтобъ скорѣ вынули пулю изъ ноги. Рука скоро зажила, но пулю вынули лишь за два дня до его смерти. Шваубертъ мнѣ далъ пулю вынутую изъ ноги и просилъ передать ее матери его, что я и исполнилъ. Похороненъ онъ на „домѣ чести“ близъ Александрополя, на его могилѣ поставленъ памятникъ.

²⁾ 26 знаменъ, штандартовъ и значковъ.

сложены въ Александропольской крѣпости. 15-ть орудій, 16 зарядныхъ ящичковъ и большія партіи плѣнныхъ Турокъ, которыхъ было до 2-хъ тысячъ, отправлены были въ Тифлисъ. По всей дорогѣ изъ Александрополя, жители селеній съ восторгомъ встрѣчали эти трофеи. Слухи о сношеніяхъ главнокомандующаго Анатолійской арміи съ Шамилемъ, котораго онъ ободрялъ идти на Тифлисъ, общая скоро явиться въ Грузію съ огромнымъ корпусомъ, волновали умы жителей.

Смѣлый набѣгъ Шамиля на Циннодалы и окрестности Телава, въ 60 верстахъ отъ Тифлиса, и частые грабежи и пожары, производимые горцами въ Кахетіи, привели въ ужасъ многихъ мирныхъ жителей Тифлиса. Продукты вздорожали, курсъ звонкой монеты возвышался.

Побѣда 24 Іюля оживила всю страну. Благоотворно отозвалась она въ Кахетіи; ея жители свободнѣе вздохнули, горцы прекратили свои набѣги. Восстановились прежнее спокойствіе края и довѣріе къ войску. Восторгъ жителей Тифлиса былъ великъ, когда они увидѣли знамена, орудія непріятелей и толпы плѣнныхъ.

Недѣли черезъ полторы рана моя почти зажила, и я съ первой же оказіей отправился въ отрядъ, который засталъ въ лагерѣ при Ахъ-узюмѣ. Здѣсь каждый вечеръ распѣвались по лагерю двѣ солдатскія пѣсни, сочиненныя гр. Сологубомъ. На эту позицію отрядъ нашъ пришелъ 5 Августа съ Курюкъ-дара; до того времени войска собирали раненыхъ, хоронили убитыхъ на всемъ протяженіи отъ Курюкъ-дара: почти вплоть до Хаджи-вали, непріятель бѣжавшій съ поля сраженія оставилъ на наше попеченіе не только убитыхъ, но и раненыхъ. Послѣ дѣла 24 Іюля, пока наши войска стояли на Курюкъ-дара, въ Хаджи-вали не было Турокъ. 25 Іюля въ бывшемъ Турецкомъ лагерѣ въ Хаджи-вали почевали охотники Лорисъ-Меликова.

Объ Анатолійской арміи были свѣдѣнія отъ лазутчиковъ, что мѣнѣе тридцати тысячъ заперлось въ Карсѣ, остальные разсѣялись небольшими партіями по многимъ даже весьма отдаленнымъ селеніямъ, ихъ пререгулярныя войска всѣ разошлись по своимъ домамъ.

Положеніе Анатолійской арміи, не получавшей въ теченіе болѣе года жалованья, одежды и обуви, значительно ухудшилось послѣ пораженія 24 Іюля. Злоупотребленіе и алчность начальниковъ увеличились. Пища солдатъ была плоха. на провіанта по отчетамъ показывалось одной третью болѣе, чѣмъ въ дѣйствительности было налицо. Во многихъ частяхъ показывалось ложно жалованье розданнымъ. Содержаніе больныхъ въ госпиталяхъ Карса было ужасное, отчего смертность была значительная. Строевыя лошади не получали и половины слѣдуемаго имъ корма. Всѣ эти злоупотребленія и безпорядки обратили вниманіе Англійскаго правительства. Въ Августѣ же полковникъ Ан-

гійской службы Вильямсъ былъ назначенъ комиссаромъ къ Анатолийской арміи. Недружелюбно былъ принятъ Вильямсъ Турецкими властями. Имъ не нравились энергическія его дѣйствія и его безукоризненная справедливость въ преслѣдованіи злоупотребленій. Муширь-Зарифъ-Мустафа-паша былъ смѣненъ. На его мѣсто назначенъ Измаиль-паша, но онъ скоро по настоянію полковника Вильямса тоже былъ смѣненъ. Назначенъ на это мѣсто Исухри-паша, который медлил ѣхать въ Карсъ. Между тѣмъ Зарифъ-Мустафа-паша все оставался въ Карсѣ и не заботился принимать мѣры къ прекращенію злоупотребленій, несмотря на настоянія Англійскаго комиссара, по требованію котораго Зарифъ-Мустафа-паша былъ отданъ подъ судъ. Муширь Исухри-паша такимъ же плохимъ былъ помощникомъ Вильямсу. Муширь дѣлалъ многое противъ распоряженій Вильямса, который, наконецъ, потребовалъ смѣны его, и назначеніе новаго мушира Васифъ-паши немедленно состоялось. Значительно стало улучшаться положеніе Анатолийской арміи съ назначеніемъ муширомъ Васифъ-паши, котораго первымъ дѣйствіемъ было арестовать Исухри-пашу и его начальника штаба; онъ отправилъ ихъ въ Константинополь. Кромѣ затрудненій, которыя встрѣчалъ Вильямсъ со стороны Турецкаго правительства, его отношенія къ Англійскому посланнику въ Константинополь были самыя не дружелюбныя. Многія его представленія о нуждахъ арміи были оставлены безъ отвѣта¹⁾. Вильямсъ неоднократно доносилъ объ этомъ военному министру, лорду Кларендону.

Не смотря на всѣ эти препятствія, трудами генерала Вильямса и его достойныхъ помощниковъ полковника Леки, капитана Томпсона и майора Тизделя, Анатолийская армія была доведена до такого положенія, что чрезъ годъ она была въ состояніи выдержать семимѣсячную упорную блокаду, съ примѣрнымъ мужествомъ переносить труды, лишенія и храбро защищать стѣны Карса²⁾.

При такомъ положеніи непріятельской арміи послѣ пораженія 24 Іюля, въ концѣ 1854 года мы не могли ожидать никакихъ военныхъ дѣйствій. Небольшой наблюдательный отрядъ, высланный изъ Карса въ Хаджи-вали, никакихъ движеній не предпринималъ (исключая нѣсколькихъ разбѣздовъ, которые мы замѣчали съ нашихъ аванпостовъ).

¹⁾ Полковникъ Леки, послѣ взятія Карса, говорилъ мнѣ, съ какою удивительною твердостью переносили Турецкіе солдаты всевозможныя лишенія; безропотно исполняли они свои обязанности служебныя и съ голоду умирали стоя на часахъ. Имѣя эти войска при лучшихъ офицерахъ, говорилъ мнѣ полковникъ Леки, можно бы во многомъ соперничать съ лучшими войсками въ Европѣ.

²⁾ См. Русскій Вѣст. 1861 г. Авг., стр. 393 „Воспоминаніе о Карсѣ“ А. С. Корсакова.

Однако, для охраненія нашихъ предѣловъ, мы не оставляли Турціи Изъ лагеря при Ахъ-узюмѣ 15 Августа нашъ отрядъ перешелъ къ Тихнису, оттуда въ Ахъ-булахъ на Арпачаѣ.

Настали сильные морозы и выпалъ снѣгъ, когда мы перешли въ Караглись, а отъ туда 30 Ноября войска были распущены по зимовымъ квартирамъ, частью въ Александрополѣ и окрестностяхъ его. Эриванскаго полка 1-й и 3-й батальоны были назначены на зимовыя квартиры, въ Сордеръ-абатъ близъ Эривани, а 2-й батальонъ и двѣ роты 4 батальона въ штабъ квартиру полка въ Манглись. Черезъ Духоборье на Топорванъ и Цалку лежитъ путь изъ Александрополя въ Манглись.

Въ духоборскихъ селеніяхъ радушно встрѣтили Эриванцевъ старые знакомые, затопили бани, пироговъ напекли. Передневавъ и отдохнувъ на Топорвани, Эриванцы продолжали свой путь, и съ нетерпѣніемъ дѣлая двойные переходы по снѣжнымъ горамъ, торопились домой. На Цалкѣ еще многія семейства солдатъ 4-го батальона выѣхали встрѣчать своихъ. Когда же спустились къ р. Алгеткѣ, то все населеніе Манглиса встрѣтило вернувшихся съ похода, и радость, и слезы, и распросы, всего тутъ было много. Старые усачи несли на рукахъ дѣтей, а жены несли ранцы и ружья.

Черезъ два дня по прибытіи въ штабъ квартиру 9-го Декабря, на Манглиской площади 2-й батальонъ Эриванскаго карабинерскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, принималъ присягу, держа Георгіевское знамя, геройски заслуженное подъ Башкадыкляромъ. Славу прежнихъ лѣтъ съ достоинствомъ поддержали Эриванцы въ Курюкѣ дарскомъ бою.

Н. Поливановъ.

1855 года. Урочище Манглись.

Пѣсня, сочиненная послѣ Курюкъ-дарскаго сраженія, въ лагерьѣ при Акъ-булахѣ.

Веселитесь, ребята,
 Веселися, командирь!
 Мы разбили супостата,
 Слава намъ на цѣлый мѣръ!
 Князь нашъ, Бебутовъ, любимый,
 Царской милостью почтенъ,
 Корпусъ нашъ неустрашимый
 Командиромъ награжденъ.
 Рады мы всегда стараться,
 Не ударимъ въ грязь лицомъ;
 Если драться, такъ ужъ драться,
 Каждый станетъ молодцомъ.
 Пусть пожалуютъ къ намъ въ гости,
 Валитъ снова саранча.
 Унесутъ ли гости—кости,
 Какъ ударимъ мы съ плеча.
 Нашъ отецъ передъ отрядомъ
 Бережетъ своихъ дѣтей
 И глядитъ орлинымъ взглядомъ,
 Гдѣ бы употчивать гостей?
 Съ былымъ крестникомъ на шею,
 Князь Барятинскій впередъ:
 И солдату веселье,
 Какъ начальникъ самъ ведетъ.
 А ужъ Бримеръ не отстанетъ,
 Бѣлый Крестъ свой обповить,
 Бурей огненною гряветъ,
 Басурмановъ поразитъ.
 Битва съ Туркомъ намъ забава,
 Вспоминѣмъ Курюкъ-дара,
 Князю Бебутову—слава!
 Войску Русскому—ура!

Казацкая пѣсня, пѣтая линейными казаками 14 Августа 1854 года въ Азіатской Турціи, въ лагерьѣ при дер. Аѣзююмъ, въ память сраженія съ Турками 24 Іюля того же года, при селеніи Курюкъ-дара.

Съ Малки, съ Терекъ, съ Кубани,
 Довелось собраться намъ,
 Чтобы дали басурмане
 Честь и мѣсто казакамъ.
 Видно, Турки въ самомъ дѣлѣ
 Заартачились не впрокъ,

Позабыть уже успѣли
 Прежде заданный урокъ.
 Лѣзуть съ грозною замашкой.
 Мы навстрѣчу выйдемъ къ нимъ,
 Да казацкой доброй шашкой
 Въ Туркъ память подновимъ.
 Для начала, ради скуки,
 Мы потышимся слегка;
 Пусть себѣ, баши-бузуки
 Распознаютъ казака!

А когда ряды пизама
 Фронтъ безсчетный развернуть,
 Имъ же больше будетъ срама,
 Какъ отъ нашихъ побѣгутъ.
 Тутъ-то знатная работа,
 Распотышся здѣсь сподна!
 Гдѣ ни взглянь—у насъ ворота,
 А у нихъ валить стѣна!

Ихъ Французы обучали,
 Англичанинъ ихъ кунакъ,
 А доучить ихъ едва ли
 Не линейный нарѣ казакъ!
 Хватимъ дружнымъ ихъ ударомъ,
 На казацкое „ура“,
 Чтобы, вслѣдъ за Кадыкляромъ,
 Помнать имъ Курюкъ-даръ!

Да и намъ-то, на стапницѣ,
 Будетъ что поразсказать,
 На Турецкой какъ границѣ
 Мы умѣли воевать.
 Противъ силы нечестивой
 Какъ насъ велъ лихой Камковъ,
 Какъ нашъ Скобелевъ правдивый
 Службу правилъ казаковъ.

Не жалѣлъ за Русь, за Бога
 Онъ ни жизни, ни труда,
 И, хоть съ нами былъ недолго,
 Будетъ нашимъ навсегда.
 Передъ всѣмъ крещенымъ міромъ
 Пусть же вѣкъ поется намъ:
 „Честь и слава командирамъ,
 „Честь и слава казакамъ!“

Графъ Сологубъ.

ЗАПИСКА О ВДОВѢ КУХМИСТРА ФЕЛЬТЕНА И ЕЯ ПРОШЕНІЕ О ШУМАХЕРѢ *).

Бывшій у вдовы Фельтеновой сынъ умеръ бездѣтенъ въ 1741 году, и оставшаяся послѣ него вдова, дочь совѣтника Василья Неропова, въ 1746 году вышла за Синодскаго оберъ-секретаря Леванидова.

Изъ дочерей оной Фельтеновой бѣольшая, по волѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, выдана въ 1723 году за совѣтника Шумахера, который тогда былъ библиотекаремъ его величества, а меньшая за тогдашняго деньщика при его величествѣ Древника, что нынѣ дѣйствительнымъ камергеромъ.

Государь императоръ Петръ Великій въ 1715 году пожаловалъ мужу ея, оберъ-кюхенмейстеру Фельтену въ Ревельскомъ уѣздѣ мызы Пурць и Пунгернъ, которыми онъ владѣлъ до того времени, какъ по замиреніи съ Шведскою короною сыскались къ нимъ наслѣдники, и тогда вмѣсто оныхъ блаженныя памяти государыни императрица Екатерина Алексѣевна пожаловала ему Фельтену имяннымъ своимъ указомъ Февраля отъ 24 дня 1726 году въ Дерптскомъ уѣздѣ мызу Унипирхъ, которою оставшаяся его вдова, старушка Фельтенова, изъ высочайшей императорской милости и понынѣ владѣетъ. Таковъ въ той мызѣ жилыхъ и пустыхъ восемнадцать; но притомъ она доходами всеми посредственна, потому что ни лѣсовъ, ни сѣнныхъ покосовъ не имѣетъ, да и другими выгодами весьма недостаточна.

Сверхъ того владѣетъ она въ Ингерманландіи въ Копорскомъ уѣздѣ Лапинскою мызою, пожалованною ей и покойному ея мужу по смерти, и хотъ въ той Ингерманландской мызѣ по послѣдней переписи находится 220 душъ пахотныхъ, бобылей и новорожденныхъ, однако она, послѣ отнятія, при послѣднемъ размежеваніи въ Ингерманландіи, наилучшихъ пашень и сѣнныхъ покосовъ, никакихъ денежныхъ доходовъ не приносить, кромѣ однихъ столовыхъ припасовъ.

*) Это Шумахеръ (дѣдъ, если не ошибаемся, прославившагося въ Москвѣ Даниилъ Даниловича), про котораго говорили, что онъ женился на дочери царскаго кухмистра Фельтена и взялъ за нею въ приданое Императорскую Академію Наукъ, гдѣ отъ него терпѣлъ Ломоносовъ, писавшій, что въ дни академическихъ торжествъ отпускаются Шумахеру большія деньги на трактваніе (т. е. угощеніе) знатныхъ особъ, а *трактиръ* у него бываетъ плохой. П. Б.

Совѣтникъ Шумахеръ служитъ въ Россіи съ 1714 году и въ одномъ совѣтничьемъ чинѣ находится близъ двадцати лѣтъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ употребленъ былъ государемъ императоромъ Петромъ Великимъ къ учрежденію государственной библіотеки и кунсть-каморы и къ заведенію Академіи Наукъ, чего-длѣ отъ его величества и посланъ былъ въ разныя Европейскія государства, какъ для учрежденія съ учеными корреспонденціи, такъ и для приглашенія въ Россію ученыхъ людей. Онъ съ начала Академіи по самое сіе время, какъ при президентахъ, такъ и чрезъ многіе годы безъ президентовъ, одинъ правилъ Академію и несъ всю тягость дѣлъ. Какое было всегдашнее его усердіе о распространеніи наукъ, оное доказывлють изданныя въ свѣтъ академическіе труды; а художества при Академіи единственнымъ его стараніемъ приведены до такого совершенства, что не только уже всѣ природными Русскими отправляются, но и другимъ Европейскимъ народамъ, что до искусства надлежитъ, нисколько не уступаютъ, чему между прочимъ свидѣтельствуеть поданный недавно ея императорскому величеству Санктъ-Петербургскій планъ и проспекты, на которой всѣ здѣшніе и иностранные съ удивленіемъ смотрятъ. Онъ и понынѣ, не взирая на свою старость, почти денно и ношно трудится, дабы показать ревность свою и усердіе къ службѣ ея императорскаго величества и къ пользѣ государственной, чему президентъ Академіи, его сіятельство графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій ежедневно опыты видитъ. При всемъ томъ онъ, кромѣ жалованія, никакого собственнаго пропитанія не имѣеть, такъ что ежели бы наконецъ глубокою старостію или болѣзнями приведенъ былъ въ такое состояніе, чтобъ службы своей продолжать не могъ, то бы по столь долговременной вѣрной и ревностной службѣ принужденъ онъ былъ жизнь свою скончать въ крайней нищетѣ, а жену и дѣтей *) оставить въ самомъ бѣдственномъ состояніи.

Старушка Фельтенова, какъ поданною ея императорскому величеству въ 1747 году въ Гостилицахъ челобитною просила, такъ и нынѣ, совершивши вѣкъ свой и почти ежечасно ожидая смертнаго часа, къ успокоенію души своей, единственно о томъ проситъ, дабы ея императорское величество по той особенной высокой милости, въ которой она и дѣти ея всегда содержаны были отъ дражайшихъ ея величества родителей, всемилостивѣйше соизволила совѣтника Шумахера за долговременную его вѣрную службу наградить вышеписанными деревнями, такъ какъ отъ Ея Императорскаго Величества другому ея зятю, камергеру Древнику, при благополучномъ на престолѣ вступленіи пожалованы въ Лифляндіи въ Перновскомъ уѣздѣ знатныя деревни.

*) По преданію, сынъ Шумахера, Давидъ, держалъ въ Астрахани витеку. П. Б.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ ВЪ КІЕВѢ ВЪ 1857 ГОДУ.

(Воспоминаніе студента Университета Святаго Владимира).

Студентъ 5-го курса медицинскаго факультета встрѣтилъ на Печерскѣ, на площади, п-ка Ъ., собака котораго бросилась на студента и залаяла или укусила его; но студентъ ударилъ собаку палкою. Между п-комъ и студентомъ завязалась ссора, перебранка, и г. Ъ. взялъ студента за грудь. Такъ ли это было или иначе, неизвѣстно: свидѣтелей не было. Обиженный студентъ разсказалъ объ этомъ товарищамъ, и такъ какъ тутъ примѣшался вопросъ о національности, то оскорбленіе студента принято было за оскорбленіе, нанесенное націи. Взволновались партіи, образовались кружки, пошли разговоры, споры, совѣщанія, сходки, шумъ необычайный! Снарядили депутаціи къ попечителю, губернатору: просили объ удовлетвореніи обиженнаго.

Къ сожалѣнію, генераль-губернатора князя Васильчикова въ то время не было въ Кіевѣ. Всѣ были увѣрены, что князь Васильчиковъ, этотъ добрый, безхитростный Русскій баринъ, потушилъ бы дѣло въ самомъ началѣ и не далъ бы разыграться страстямъ, которыя привели къ печальнымъ результатамъ.

Не получивъ удовлетворенія, студенты обратились къ самосуду и рѣшили побить г-на Ъ. Такъ какъ г. Ъ. получилъ новое назначеніе и долженъ былъ скоро уѣхать изъ Кіева, то студенты, узнавъ, что г. Ъ. чуть не наканунѣ своего отъѣзда будетъ въ театрѣ, избрали театръ мѣстомъ расправы.

По окончаніи спектакля, при выходѣ г-на Ъ. изъ ложи, студентъ С. въ корридорѣ ударилъ г-на Ъ.; вслѣдъ за этимъ у подѣзда театра стали кричать «извощикъ № 1», что должно было служить сигналомъ для дѣйствія разныхъ группъ, изъ которыхъ одни должны были успокаивать дамъ и усаживать ихъ въ экипажи, другія парализовать дѣйствія полиціи и т. п.

Очевидцы разсказывали, что въ корридорахъ театра и на площади было побоище, въ которомъ участвовали сотни студентовъ.

Начались аресты, многихъ арестовали тутъ же на площади; затѣмъ полиція университетская и городская арестовала многихъ на кварти-

рахъ и отправила въ полицейскіе участки, гауптвахты, въ зданіе минеральныхъ водъ въ царскомъ саду. Арестовано было, говорили, до 300 человекъ

Назначена слѣдственная комиссія съ участіемъ профессоровъ юридическаго факультета Оедотова и Незабитовскаго подъ предсѣдательствомъ присланнаго изъ Петербурга графа Бобринскаго.

Комиссія работала долго, терпѣливо и чрезвычайно мягко. Многихъ студентовъ освободили скоро, другихъ перевели въ крѣпость.

Ни одинъ студентъ не выражалъ неудовольствія на комиссію. Рассказывали, что въ комиссії студенты держали себя весьма сдержанно, относились къ комиссії почтительно, ни одинъ не позволялъ себѣ неумѣстныхъ отвѣтовъ, откровенно каждый рассказывалъ о своей виновности, но не хотѣлъ назвать товарищей; были немногія исключенія, и нѣкоторые скоро за это заплатились.

Крѣпостное начальство относилось къ заключеннымъ очень мягко; товарищамъ разрѣшено было посѣщать арестованныхъ, торговцамъ дозволено было приносить студентамъ съѣстные продукты, пищу въ крѣпости давали хорошую; размѣщены были студенты въ чистыхъ, просторныхъ комнатахъ по 5—6 человекъ; окончившимъ курсъ профессора производили экзамены въ крѣпости.

По окончаніи дѣйствій комиссії ходили слухи, что виновные раздѣлены на нѣсколько категорій и что первыя двѣ категоріи присуждены къ тяжкому наказанію.

Виновные должны были понести кару за свои поступки, а отцы и матери должны были страдать за вину своихъ увлекшихся и наиболѣе увлеченныхъ сыновей. Общество было въ тревогѣ, жалѣло молодыхъ людей. Ожидали конфирмаціи приговора.

Извѣстно было, что Императоръ Александръ II осчастливитъ Кіевъ своимъ посѣщеніемъ, первымъ по вступленіи своемъ на престолъ.

Сколько явилось надеждъ на милосердіе Монарха! Сколько молитвъ возсылалось за него! Городъ усердно приготавлился къ приему Его Величества. День царскаго пріѣзда былъ назначенъ на 3 Октября. Весь городъ, весь Университетъ ожидали за городомъ вѣзда Государя въ Кіевъ по Житомирскому шоссе. Когда на шоссе показался царскій экипажъ, все заволновалось, оживилось. По мѣрѣ приближенія Государя радостные клики многотысячной толпы становились сильнѣе и сильнѣе.

Экипажъ остановился. Государь изволилъ принять рапортъ генералъ-губернатора и прослѣдовать въ городъ. Толпа двинулась за экипажемъ, радостно привѣтствуя обожаемаго гостя.

Вечеромъ городъ былъ роскошно иллюминированъ; Государь изволилъ проѣхать по городу, всюду восторженно привѣтствуемый тысячами

толпами, потомъ проѣхалъ по аллеямъ царскаго сада. Здѣсь экипажъ Государя, окруженный студентами, двигался медленно; студенты, слѣдуя за экипажемъ, держались за него, какъ бы желая удержать его движеніе, чтобы дольше видѣть Государя, становились на ступеньки царской коляски и радостно привѣтствовали Его Величество; Государь милостиво улыбался.

На слѣдующій день Государь пожелалъ посѣтить Университетъ. Надо было видѣть что дѣлалось въ квартирахъ студентовъ въ ожиданіи этого посѣщенія! Дѣло въ томъ, что въ Киевскомъ Университетѣ было очень много студентовъ весьма бѣдныхъ, можетъ быть больше, чѣмъ въ другихъ Университетахъ; многіе студенты не имѣли мундировъ, а видѣть Государя въ Университетѣ пламенно желали всѣ. Тутъ пошли поиски за мундирами, розыскивались старые, уже заброшенные мундиры, розыскивались больные студенты, имѣвшіе мундиры, но неимѣвшіе возможности быть въ Университетѣ. На цѣлую ночь многіе студенты превратились въ портныхъ и пятновыводчиковъ; мундиры пригонялись, почились, пуговицы чистились, старыя петлицы на мундирахъ переворачивались на изнанку и болѣе блестящей стороной водворялись на вычищенные воротники.

Всѣ приготовились. Въ назначенный день и часъ всѣ собрались въ залъ Университета. Съ правой стороны длиннаго актовaго зала стояли профессоръ съ ректоромъ Траутфеттеромъ во главѣ, съ лѣвой длинными рядами стояли студенты.

Настроеніе у всѣхъ было праздничное; мундиры, ночью реставрированные, смѣшались съ новыми и не бросались рѣзко въ глаза. Но непомѣрное усердіе маленькаго начальства, субинспекторовъ, обратило вниманіе на мундиры: стали перемѣщать студентовъ изъ первыхъ рядовъ въ задніе. Студенты спрашивали: «для чего это?»—«Для того, что у васъ старые мундиры», отвѣчало маленькое начальство. «Государь не обратитъ вниманія на наши мундиры; Его Величеству извѣстно, что между нами много бѣдныхъ, а видѣть Государя близко желаютъ одинаково и бѣдные, и богатые». Но маленькое начальство не унималось и передвигало студентовъ, какъ шашки.

За нѣсколько минутъ до пріѣзда Государя пріѣхалъ въ Университетъ профессоръ Х. Я. Гюббенетъ изъ военнаго госпиталя, гдѣ онъ имѣлъ счастье представлять его величеству свою госпитальную клинику. Государь зналъ лично профессора Гюббенета въ Крымскую войну и милостиво къ нему отнесся*).

*) Когда во время войны, по окончаніи каникулъ въ Университетѣ, проф. Гюббенетъ долженъ былъ уѣхать въ Кіевъ читать лекціи, Государь оставлялъ его на мѣстѣ воен-

Х. Я. Гюббенетъ сказалъ намъ: «Государь вашихъ товарищей помиловалъ, сумѣйте же выразить Его Величеству вашу благодарность».

Эта радостная вѣсть оживила всѣхъ. «Государь ѣдетъ», разнеслось по залъ. Все затихло; взоры всѣхъ устремились ко входу въ залъ.

Государь вступилъ въ залъ въ сопровожденіи нашего уважаемаго добраго попечителя Николая Романовича Ребиндера *).

Попечитель представилъ Его Величеству по порядку всѣхъ профессоровъ. Профессору Цыцурину Государь сказалъ, что имѣетъ его въ виду для Варшавской Главной Школы; ассистенту хирургической клиники доктору Курдюмову изволилъ сказать: «Я много о васъ слышалъ отъ Великаго Князя и графа Бобринскаго». Другихъ профессоровъ Государь также осчастливилъ милостивыми словами.

По окончаніи представленія профессоровъ Государь сталъ среди зала и обратился къ студентамъ. Тутъ ряды, построенные субъ-инспекторами, разстроились, мундиры новые и старые перемѣшались, студенты нестройною толпою окружили Государя. Всѣ видѣли близко его доброе лицо, всѣ оживились; не чувство страха и неизвѣстности, а чувство любви и преданности выражалось на лицахъ всѣхъ.

Государь сказалъ: «Господа! Я васъ люблю, какъ дѣтей! Шалость одного всегда прощу; но шалость въ массѣ прощена быть не можетъ. Понимаете?» Мы всѣ поклонились. Потомъ Государь вторично сказалъ: «Понимаете?»—«Понимаемъ, Ваше Императорское Величество!»

За тѣмъ Государь направился къ выходу, чтобы слѣдовать въ клинику. Студенты толпою бросились за Государемъ по парадной лѣстницѣ Университета, кричали: «ура! Да здравствуетъ Императоръ!», по выходѣ изъ главнаго подъѣзда на улицу окружили Государя и, сердечно привѣтствуя, провожали по улицѣ въ клинику, куда Государь прослѣдовалъ пѣшкомъ.

Передъ Университетомъ стояли толпы народа, и ихъ клики сливались съ кликами студентовъ. Въ клиникахъ Государь подходилъ къ больнымъ и участливо ихъ спрашивалъ, а также обращался къ студентамъ-практикантамъ, стоявшимъ при своихъ больныхъ.

По выходѣ изъ клиники Государь отбылъ изъ Университета.

Съ быстротою молніи слова Государя облетѣли весь городъ. Съ увѣренностію можно сказать, что не было дома въ Кіевѣ, въ которомъ не повторялись бы милостивыя слова Государя студентамъ. Былъ общій праздникъ, общая радость! Сколько благословеній, сколько самыхъ иск-

ныхъ дѣйствій, а на докладѣ написалъ: „пробываніе Губбенета въ Севастополѣ всегда было и будетъ полезнымъ“.

*) Характеристику Н. Р. Ребиндера см. въ Дневникѣ Никитенна.

реннихъ, самыхъ лучшихъ пожеланій посылаюсъ Государю, сколько слезъ бѣдныхъ матерей было осушено монаршимъ милосердіемъ!

По городу ходило много разныхъ слуховъ о дѣлѣ студентовъ. Говорили, что, когда Его Величеству поднесли на конфирмацію это дѣло, Государыня Императрица, предувѣдомленная объ этомъ дѣлѣ, изволила выразить свое материнское состраданіе къ участи молодыхъ людей.

Скоро послѣ этого предстоялъ отъѣздъ Государя и Государыни изъ Кіева. На канунъ отъѣзда почтенный нашъ попечитель Николай Романовичъ сообщилъ намъ секретно, что въ 8 часовъ утра Государь оставляетъ Кіевъ и желаетъ выѣхать безъ шумныхъ проводовъ; намъ же попечитель предложилъ къ этому часу быть на Николаевскомъ мосту, чтобы еще выразить Его Величеству преданность и благодарность за милость.

Въ назначенный часъ отъѣзда тысячная толпа студентовъ была на Николаевскомъ мосту. Никого кромѣ главныхъ начальствующихъ лицъ не было. Въ 8 часовъ утра Государь съ Государыней въ городской каретѣ, украшенной коронами, приближались по шоссе къ мосту. Замѣтивъ на мосту большую движущуюся массу, Государь спросилъ: «что это?» Попечитель доложилъ, что благодарные студенты явились пожелать Ихъ Величествамъ счастливаго пути. Очень радъ, сказалъ Государь и приказалъ ѣхать по мосту шагомъ.

Государь и Государыня, окруженные студентами, медленно слѣдовали на протяженіи 375 сажень Николаевского моста. Студенты шли около кареты и держались за окна кареты. Безпрестанно повторявшіеся клики «да здравствуетъ Императрица» вызвали у Государыни улыбку: ее прекрасные глаза свѣтились добротою. При кликахъ «да здравствуетъ Императрица» Государь, обращаясь къ Государынѣ, говорилъ: «все тебѣ!» Проѣхавъ мостъ, карета остановилась. Государь, переходя въ свой дорожный экипажъ, одной ногой остановился на ступенькѣ городской кареты и обратился къ студентамъ со слѣдующими словами: «Господа, я вами очень доволенъ. Скоро еще приѣду въ Кіевъ и съ удовольствіемъ васъ увижу! Прощайте!» Непритворные сердечные клики вырвались изъ груди молодыхъ людей, и сердечныя пожеланія проводили Государя и Государыню изъ Кіева.

Почти полвѣка прошло послѣ этихъ памятныхъ дней, а слова милосерднаго Монарха не заглохли въ сердцахъ свидѣтелей этого дѣла.

А. Г.

Гродно, 1904. Сентябрь.

Для тѣснаго дворскаго круга написана *Léoniada*, забавная шутка, въ которой изображенъ Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Въ этомъ же томѣ собраны и другія сатирическія замѣтки Екатерины.

Почти весь пятый томъ состоитъ изъ тѣхъ сочиненій, которыя были напечатаны еще самою Екатериною. Издатель сплелъ ихъ съ удѣлѣвшими подлинниками, и эти мелочныя сличенія въ большинствѣ случаевъ кажутся намъ излишними: достаточно было бы привести два-три примѣра. Государыня писала слогами почти простонароднымъ или тогдашнимъ разговорнымъ. Мы еще знали старыхъ людей отъ ея времени, какъ напр. графа Рибоьера, княгиню Вяземскую и сестру ея княгиню Четвертинскую. Они говорили по-французски, но когда случалось имъ заговорить по-русски, сыпались ядренныя, простонародныя выраженія. Жаль, что А. Н. Пыпинъ поспешилъ на примѣчанія историческія.

*

Изовъ Иванъ Никитичъ, генераль-отъ-инфантерій, главный попечитель и предсѣдатель попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи. Биографическій очеркъ съ двумя портретами *). Составилъ *Степанъ Потоцкій*. Бендеры. Типографія Е. Натензонъ-Постанъ. 1904. Мал. 8-ка, 122 стр. Цѣна 60 коп.

*) Одинъ изъ нихъ приложенъ къ статьѣ объ Изовѣ въ „Р. Архивъ“ 1900 года (III, 596).

Императоръ Николай Павловичъ, въ Одессѣ за обѣдомъ внезапно спросилъ Изова, кто его отецъ. „Не знаю, ваше величество“, смиренно отвѣчалъ сподвижникъ Суворова, покрытый славою великихъ походовъ. Обыкновенно говорили, что онъ сынъ одного изъ мартинистовъ XVIII вѣка, князя Трубецкаго; но по книжкѣ г-на Потоцкаго онъ былъ только воспитанникомъ Трубецкихъ, а когда онъ поступалъ на службу, Екатерина пожаловала ему 3 т. червонцевъ для обузаведенія (Изовъ родился 23 д. 1768 г.). Это былъ своего рода праведникъ, благодѣтель Повороссійскаго края и Бессарабіи. Въ Болградѣ готовятся ставить ему памятникъ, и уже собрано до 25 т. р. Вышедшая нынѣ о немъ книжка прекрасно составлена. Она дорогѣ намъ и потому, что въ ней собраны свѣдѣнія объ отношеніяхъ Изова къ *Бисю Арабскому*, какъ называли Пушкина или какъ самъ онъ называлъ себя, живучи въ Кишиневѣ.

*

Разказы Вазова. Переводъ и вступительная статья *Андрея Сироткина*. Цѣна 90 коп. СПб. 1904. Мал. 8-ка, 2 нен., III, 213 и 2 нен. стр. Эта прекрасная книжка есть цѣнное приобрѣтеніе и нашей словесности, и нашей историографіи. Вазовъ—Болгарскій поэтъ (А. Н. Сироткинъ называетъ его Болгарскимъ Пушкинымъ) семидесятихъ годовъ XIX столѣтія и тогдашней нашей освободительной войны съ Турками. Въ книгѣ немало чертъ историческихъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1904 года.

(Годъ 42-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1904 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой дѣшитъ рублей; для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ Петербургѣ—Васильевскій Островъ, 10-я линия, кв. 15-я, у М. К. Соколовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ приемъ подлинныхъ документовъ в автобиографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаютъ по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ф. И. Тютчева и князя В. Ф. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890—1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по

7 р.; годы 1898—1903 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перешля адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—90 копѣекъ; иногороднаго на Московскій—40 копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ). Просимъ присылать номеръ перешляемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Вартеневъ.**

„Русскій Архивъ“ будетъ выходить въ 1905-мъ году.

(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1904

11.

Стр.

305. Последніи судьбы Польши. Дневникъ Людовика Цѣшковскаго, съ дополненіями и примѣчаніями Антонія Петрушевскаго. Переводъ съ Польскаго. Сообщилъ А. А. Титовъ.
310. Изъ писемъ Е. Я. Булгакова къ его брату. 1815-й годъ.
371. Воспоминанія о Сперанскомъ. Г. В. Александрова.
378. Сонникъ современной Русской литературы (1855)
382. Дневникъ И. М. Ситникова. 1860 и 1861 годы.
404. Черты древняго Русскаго быта. (Первоначальная транскрипція и редакційный суточный).
420. Памятная записка о Н. К. Шванвичѣ. Г. П. Карновича.
422. Вице-адмиралъ Г. А. Шапа-Христо. Записка г-на Зигури.
426. Къ исторіи нашей торговли съ Китаемъ. 1842. Петра Галлаховскаго.
433. Письма П. В. Нащокина къ А. С. Пушкину.
454. Изъ воспоминаній князя Виктора Ивановича Барятинскаго.
464. Письмо императора Александра Павловича къ И. П. Садыкову.
— Поправка (объ А. С. Хомяковѣ).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1904.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ конторѣ „Русскаго Архива“ въ Москвѣ на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, можно получать, по уменьшенной цѣнѣ, слѣдующія книги этого историческаго изданія.

Книга третья *). Собственноручный служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Елисаветинской Конференціи. Письма Л. М. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санта. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

Книга четвертая. Мнѣнія графа Бестужева о принятіи Англійскихъ Субсидій въ 1747 году. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ. 1757 г. Доклады графа Воронцова 1753 году. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

Книга пятая. Бумага графа А. Р. Воронцова. Автобиографическое показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской (1782—1800). Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

Книга шестая. Бумага гр. М. Л. Воронцова. Доклады коллегіи иностранныхъ дѣлъ (1744). Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ и М. М. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Приложенъ планъ взятія Берлина Русскими войсками.

Книга седьмая. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1746—1755). Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлана 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. М. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутур-

лину (1760—1761). Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV (1758). Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Записки княг. Дашковой на книгу Рюльера. Приложены портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

Книга восьмая. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростовскимъ (1791—1825).

Книга девятая. Письма графа С. Р. Воронцова. Съ гравированными на стали портретомъ.

Книга десятая. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра І. Со снимкомъ.

Книга одиннадцатая. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосельцовымъ въ царствованіе Павла и Александра І. Со снимкомъ.

Книга двѣнадцатая. Письма гр. П. В. Заводовскаго къ братьямъ Воронцовымъ; къ Е. Р. Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову; Д. П. Троицкаго, А. П. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письмо гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ съ руки гр. П. В. Заводовскаго.

Книга тринадцатая. Письма князи А. А. Безбородки (1776—1799).

Книга четырнадцатая. Письма кн. Кочубен (1792—1812), гр. А. П. Маркова (1782—1805), кн. А. И. Вяземскаго (1795—1804), П. А. Левашова (1786—1791), И. П. Стрехова (1785—1801).

Книга пятнадцатая. Письма А. Я. Протопова (1783—1798). Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ (1803—1807). Записка отъ С. Р. Воронцова о влутреннемъ управленіи въ Россіи. Записки о жизни и дѣятельности Пятта младшаго.

*) Первые двѣ книги распроданы.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

1905 года.

(Годъ 43-й со времени основанія).

Вступающему въ сорокъ третій годъ своего (въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ) изданія „Русскому Архиву“ нечего хвалиться „ревностью и постоянствомъ“; онъ можетъ и долженъ выражать лишь радость о томъ, что мысль и дѣло, для которыхъ онъ началъ въ 1863 году (въ то время, когда, вслѣдъ за внутреннимъ обновленіемъ Россіи, стали дѣйствовать враждебныя ей силы на окраинахъ), мысль и дѣло Русскаго самосознанія плодотворно двинулись впередъ и находятъ себѣ выраженіе въ повременныхъ изданіяхъ, рассчитанныхъ на многочисленныхъ читателей, и въ цѣломъ рядѣ превосходныхъ работъ по исторіи Русской государственной жизни и родного, самобытнаго просвѣщенія.

Живо сочувствуя успѣху этихъ твердыхъ шаговъ поступательнаго движенія, „Русскій

Архивъ“ продолжаетъ и нынѣ свой усиленный трудъ, стараясь сохранять вѣрность своему первоначальному направленію, т. е. отыскивая въ рукописяхъ показаній доселѣ не оглашенныхъ, а въ сообщаемыхъ статьяхъ предпочитая по возможности цвѣтистому и хлесткому дѣльное и положительное.

Въ 1905-мъ году „Русскій Архивъ“ по прежнему посвященъ будетъ обнародованію историческихъ достопамятностей родной старины, изученію памятниковъ словесности, и вообще протекшихъ судебъ отечества во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Условія подписки на „Русскій Архивъ“ остаются прежнія: 9 р. за 12 книжекъ съ пересылкою въ Россіи и 12 р. съ пересылкою въ чужіе края.

*Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 до 5 часовъ:
Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175.*

Составитель и издатель «Русскаго Архива» **Петръ Бартоновъ.**

ПОСЛѢДНІЯ СУДЬБЫ ПОЛЬШИ.

Дневникъ Цѣшковскаго.

(1794).

Въ „Русской Старинѣ“ 1895 года напечатаны записки о Варшавскихъ событіяхъ 1794 года башмачника Яна Килинскаго, который былъ однимъ изъ главныхъ руководителей и участниковъ въ Варшавской Сицилійской вечернѣ, залитшей Русскою кровью улицы Польской столпцы. Современникъ Килинскаго и участникъ тогдашней смуты Людовикъ Цѣшковскій также оставилъ дневникъ о Краковскомъ возстаніи 1794 г. Этотъ дневникъ изданъ почтеннымъ отцомъ Антоніемъ Степановичемъ Петрушевичемъ, въ приложеніи къ Сводной Галицко-Русской Лѣтописи, въ Львовѣ, въ 1897 г. съ посвященіемъ „всѣмъ любителямъ исторической истины“.

Дневникъ Цѣшковскаго дополняется его рукописнымъ сочиненіемъ: „Краткія свѣдѣнія о Сарматіи и подробныя о Польшѣ“. Отецъ Петрушевичъ на основаніи этой рукописи составилъ къ Дневнику Цѣшковскаго примѣчанія, дополнивъ ихъ и другими историческими показаніями.

Сочиненіе Л. Цѣшковскаго было посвящено „ясновельможнымъ Эразму и Аннѣ Комаровскимъ. Даръ друга, сочиненъ 19 Марта 1810 г. въ Лучицахъ“. Посвященіе написано Польскими стихами въ память бракосочетанія Комаровскихъ, бывшаго 19 Марта 1793 г., при чемъ сказано, что плодомъ этого брака были дочери Марія и Магдалина и сыновья Игнатій и Адамъ. Стихотвореніе заканчивается словами: „Другъ, празднующій годовщину вашего бракосочетанія, приноситъ въ даръ это маленькое произведеніе на память“. Рукопись Дневника переплетена, при чемъ добавлено пять листовъ съ записями, въ которыхъ шляхтичъ Мартинъ Якубовичъ изложилъ въ стихахъ же, что онъ эту рукопись приказалъ вторично переплести, а переплеть сдѣлалъ, чтобы *прислужиться*. На слѣдующихъ листахъ тотъ же Якубовичъ дѣлаетъ посвященіе „Ясновельможной Францискѣ, урожденной графинѣ Комаровской“, при чемъ упоминаетъ о ея родителяхъ Эразмѣ и Аннѣ; за тѣмъ идетъ и біографія Людовика Цѣшковскаго.

Разныя должности исполнялъ Людовикъ Цѣшковскій въ бывшей Польшѣ. Король далъ ему чинъ бригадира.

Онъ былъ посломъ на сеймъ, наконецъ старостой.
 Для всѣхъ добръ, лишь къ себѣ строгъ.
 Онъ былъ женатъ, было у него два сына,
 Но вслѣдствіе дурныхъ и пагубныхъ наклонностей
 Онъ промоталъ имѣніе, сыновей оставилъ нищими,
 Разорилъ и себя, и другихъ.
 Онъ былъ поэтомъ, порицалъ нравы.
 Всякій, кто зналъ его, соглашался съ нимъ:
 Ибо въ то время не было любви
 Ни къ отчизнѣ, ни къ человѣчеству.
 Но произведенія его совершенно погибли,
 Ихъ не существуетъ въ Польской литературѣ,
 Не по чьей либо винѣ, а изъ предосторожности,
 Или, вѣрнѣе, благодаря безпокойному времени.
 По протекціи отца Комаровскаго онъ сталъ священникомъ,
 Послѣ рукоположенія получилъ приходъ,
 Тотчасъ же сталъ почетнымъ каноникомъ,
 И, говорятъ, былъ хорошимъ духовникомъ.
 Это произведеніе онъ принесъ въ даръ его родителямъ,
 Когда поздравлялъ ихъ съ годовщиной свадьбы,
 Ибо гостилъ онъ у нихъ въ домѣ за спасибо
 И не хотѣлъ проститься безъ благодарности.
 Человѣкъ этотъ представляетъ примѣръ непостоянства судьбы
 И обычныхъ ея превратностей.
 Онъ можетъ служить примѣромъ всѣмъ людямъ,
 Которые слишкомъ поспѣшно хотятъ использовать Божьи дары.
 Я, по его примѣру, изобразилъ чувства,
 Которыя испыталъ въ годовщину бракосочетанія,
 И если вы благосклонно примете ихъ,
 То обнаружите этимъ свое доброе сердце.
 Но увѣ, какъ велика разница,
 Когда родители праздновали годовщину эту, они были вмѣстѣ
 И потому были счастливѣе васъ.

На 4 и 5 листахъ тѣмъ же Якубовичемъ помѣщены стихи „по случаю печальной 28 годовщины“, написанные той же ясновельможной Францискѣ графинѣ Комаровской, и эпилогъ съ разными благопожеланіями.

Графъ Эразмъ Комаровскій былъ генераломъ Польскихъ войскъ и шамбеляномъ Австрійскимъ. Проживалъ онъ въ Лучицахъ Сокольскаго повѣта. Людовикъ Цѣшковскій, какъ видно, жилъ у Комаровскихъ въ Лучицахъ въ 1810 г. и тамъ умеръ, но годъ смерти его неизвѣстенъ. Замѣчательно однако, что о Цѣшковскомъ, какъ о вице-бригадирѣ Польскихъ войскъ, не упоминается ни въ одномъ изъ сочиненій, относящихся до возстанія Костюшки. Послѣ Л. Цѣшковскаго остались въ рукописяхъ еще сочиненія: 1) „Исторіографія или библиографія Польскихъ королей, а также свѣдѣнія о выборахъ ихъ на престолъ“ и 2) „О ростѣ и объ упадкѣ Прусской монархіи“. Въ этихъ сочиненіяхъ (помѣченныхъ „Лучицы 1810“) есть также страницы, которыя дополняютъ собою его „Дневникъ Краковскаго возстанія“.

Приводимъ ихъ здѣсь прежде самаго Дневника. „1 Ноября, пишетъ Цѣшковскій, я постарался взять изъ архива возстанія подлинникъ акта соглашенія Подолянъ, подписанный жителями послѣ взятія въ плѣнъ подъ Маціовичами командующаго. Мнѣ пришлось дать за это одному лицу 80 червонцевъ, но я защитилъ такимъ образомъ Подолянъ отъ преслѣдованія, такъ что послѣ захвата архива Русскими только въ протоколѣ нашли слѣдующую замѣтку: „25-го Мая гражданинъ Людовикъ Цѣшковскій, Подольскій депутатъ, внесъ подлинникъ акта соглашенія Подолянъ за № 1125“, но акта уже не оказалось. Я предотвратилъ бѣду, но самъ подвергся преслѣдованію. Въ данномъ мнѣ, какъ делегату Подольскаго воеводства, предписаніи отъ имени Костюшки, значилось, что, до внесенія акта соглашенія, я долженъ удостовѣриться, на какомъ основаніи составленъ актъ Краковскаго возстанія. Въ особо назначенномъ засѣданіи Костюшко безъ посредниковъ показалъ мнѣ записку Коловрата, письмо изъ Дрездена и пр., о чемъ было мною уже упомянуто: тогда я представилъ актъ соглашенія. Нельзя было сомнѣваться въ готовности Подолянъ принести эту жертву, такъ какъ осѣдлое населеніе Подольскаго воеводства владѣетъ 700.000 избъ; Польскіе же солдаты, обезоруженные Русскими, готовы были вступить на службу по первому призыву“.

„Князь Антонъ Четвертинскій¹⁾ горячо стоялъ за родину на сеймѣ 1773 г. подъ предсѣдательствомъ Понинскаго: онъ не желалъ подписать актъ раздѣла Польши; его знаменитый протестъ былъ внесенъ въ городскія книги Варшавы и напечатанъ въ мѣстныхъ газетахъ. Онъ погибъ бы, ходатайствуя за насилуемыхъ депутатовъ, Рейтана и Корсака, если бы король не спасъ его“.

„Священникъ Гуго Штумбергъ Колонтай еще на сеймѣ восклицалъ съ воодушевленіемъ: я не умру, пока не увижу руки мужика на спинѣ дворянина... Это чуть было ни осуществилось, потому что въ 1797 г. нѣкто Горшковскій, пойманный на границѣ Сѣдлецкаго округа и Варшавы, въ деревнѣ Залѣсѣ, на допросѣ по дѣлу о бунтѣ крестьянъ противъ дворянъ, сознался, что занимался этимъ дѣломъ по приказанію Колонтая; при немъ оказалась большая сумма денегъ, данная ему для того Колонтаемъ. Оттискъ воззваній носилъ подпись: Piasté more (по обычаю Пяста); ибо Пясть, коронованный въ Кругивицѣ, не былъ дворяниномъ и пр. Горшковскій, прозванный Биттерманомъ, былъ присужденъ къ 25 лѣтнему тюремному заключенію. Священника Колонтая привезли изъ Голомунца въ Бринь, гдѣ его заковали въ 25 фунтовыхъ кандалы. Князь Адамъ Чарторыскій склонилъ императора²⁾ походатайствовать за него у царя. Въ 1800 году Колонтай по просьбѣ императора былъ освобожденъ“.

„Колонтай сталъ издавать грозныя и безапелляціонныя приказанія, объявивъ вездѣ воззваніе къ вооруженію, а крестьянамъ волю. Частые сборы денегъ, продуктовъ, холста, сукна, лошадей и пр. начинали становиться тя-

¹⁾ Отецъ Маріи Антоновны Нарышкиной, жившей столь большое значеніе для Поляговъ и Русскихъ. П. Б.

²⁾ Т.-е. Александра Павловича, тогда еще Великаго Князя. П. Б.

гостными; духовенство, до сихъ поръ сочувствовавшее возстанію, возмутилось, когда серебряную утварь изъ церквей стали отправлять на монетный дворъ, а колокола на литейный. Введеніе безъ нужды бумажныхъ денегъ еще усилило недовольство. Брали деньги, отданныя на храненіе частными лицами Варшавскимъ монастырямъ, перетапливали олово изъ церкви женской монашеской „Общины Сакраментокъ“. Особенно возмутилъ общество принудительный указъ завячь сто тысячъ червонцевъ, которыми хотѣли купить помощь Довскихъ казаковъ. Все это предвѣщало о печальномъ исходѣ революціи. Колонтай лишилъ Костюшку той власти, въ которую облекъ его народъ. Дѣятельные же патріоты, отрѣшившись отъ католичества (ибо они не признавали ни Еврейской, ни Турецкой, словомъ, никакой вѣры), бросились, согласно пастырскому разрѣшенію священника Колонтая, на костелы, похищая изъ нихъ серебро, чаши, кубки и переливая ихъ; они брали мощи святыхъ, выламывали ножами ихъ кости изъ серебряныхъ ракъ, разбрасывали ихъ, ругались надо всѣми обрядами св. вѣры и всячески поносили католичество (о чемъ не буду распространяться, дабы не усилить ихъ позора). Даже Комиссія и Магистратъ дрожали передъ Колонтаемъ, который все болѣе походилъ на жестокаго Робеспьера и старался искусственно пріобрѣсти самую сильную власть негодными средствами и самоуправствомъ. Когда чеканили монету для веденія войны съ Россіею изъ похищенной серебряной церковной утвари въ Варшавѣ и Краковѣ, взято между прочимъ большое Распятіе чистаго золота, которое Казимиръ Великій привезъ изъ Львова во время покоренія Червоной Руси“.

„Одинъ печатный листъ моего воззванія къ Подольскимъ помѣщикамъ я сохранилъ. Оно такого содержанія: *Воззваніе къ жителямъ Подоліи*. Граждане! Осчастливленный вашимъ довѣріемъ, я исполнилъ возложенный на меня долгъ... 25 Мая я передалъ ваше желаніе главнокомандующему національныхъ военныхъ силъ... Бумага эта была принята съ чувствомъ благоволенія, которое я пробудилъ, увѣряя въ благородствѣ вашихъ гражданскихъ намѣреній. Отъ васъ зависитъ доказать это на дѣлѣ. Подтвердите, что любовью къ родинѣ можетъ воодушевиться геройство. Отчаяніе да вооружитъ васъ, невинность пусть будетъ вашей защитой. Иду къ вамъ во главѣ войска, предназначеннаго для того, чтобы освободить васъ изъ подъ ига рабства и разбить цѣпи, въ которыя постыдно заковали васъ преданныя орудія Россіи, Тарговичане, подъ видомъ мнимой свободы и измѣннической защиты... Подъ предводительствомъ достойнаго гражданина Зайончка часть войскъ входитъ въ воеводства, изъятыя изъ состава страны постановленіемъ Гродненскаго съѣзда. Близокъ часъ нашего освобожденія; десница Божія очевидно благословляетъ наше оружіе. Присоединимся же къ нашимъ братьямъ и спасителямъ. Ставемъ одной силою, чтобы стать однимъ народомъ. Взявъ оружіе, идемъ скорѣе мстить, идемъ бить враговъ нашего народа; сбросимъ съ себя гнусное имя невольниковъ: тогда мы лучше сумѣемъ оцѣнить дорогую родину и свободу, которой насъ на время лишили; а сердца наши пусть наполнятся однимъ возгласомъ: *Vive libre ou mourir!* Жить свободными или

умереть и почить въ общей съ отчизной могилѣ... Граждане и братья! Беритесь скорѣе за оружіе!.. Дано въ лагерѣ и т. д. Дня 11-го Іюня 1794 г. Печать: свобода, равенство, независимость. Подпись напечатана: Ldk. Czki. Подольскій депутатъ“.

„Князь Понятовскій 25-го Августа, покинувъ свой постъ, безъ донесенія уѣхалъ въ Варшаву, на праздникъ своей фаворитки Людовики. Въ ту же ночь Прусаки безъ сопротивленія заняли Шведскія батареи... Князя на слѣдующій день лишили командованія, которое на три дня было передано Домбровскому. Костюшко самъ командовалъ на другой день, вернулъ батарею, но 3.000 нашихъ погибло. Понятовскій возвращенъ въ свой корпусъ.“

„Австрія, всегда коварно дѣйствовавшая по отношенію къ Польшѣ, передъ Маціовицкой битвой подослала изъ Юзефова орудія и амуницію Ферзену. Костюшко зналъ, что у Русскихъ мало орудій, такъ какъ они подъ Рацлавицами лишились артилеріи. Когда одинъ Полякъ изъ лагеря Русской артилеріи (бѣжавшій съ тѣмъ, чтобы предостеречь Поляковъ) заявилъ Костюшкѣ, что ночью присланъ Ферзену паркъ артилеріи, тотъ не повѣрилъ и велѣлъ арестовать невиннаго Поляка, полагая, что это Московскій шпионъ. Про вспомошествованіе Русскому войску со стороны Австріи орудіями Русскіе историки ничего не говорятъ, напротивъ пишутъ, что Русскіе подъ Маціовицами дѣйствовали убійственно своей артилеріей. На Литвѣ городъ Вильну заняли Русскія войска, гдѣ генералъ Вельгорскій, больной, сдалъ команду генералу Хлевинскому, бѣжавшему изъ Вильны“.

„Когда я въ Радошицахъ заключалъ капитуляцію съ Русскими, то получилъ отставку, которая гласила: Ёма Вавжецкій, главнокомандующій національными вооруженными силами. Снисходя къ законному требованію гражданина Людовика Цѣшковскаго, вице-бригадира національной конницы, который со времени возстанія народа и до разсвѣнія войскъ обнаруживалъ храбрость и способности и до конца, не взирая на столькія бѣдствія, никѣмъ не запятналъ своей чести и храбрости, въ награду за доброе служеніе отчизнѣ дарую ему бригаду во имя свободы, въ чемъ удостоверяю приложеніемъ національной печати и собственноручной подписью. Дано въ Радошицахъ 18 Ноября 1794 г. Подписано: Ёма Вавжецкій. Locus sigilli: Свобода, Единство, Независимость“.

„Полковникъ Боровскій ѣхалъ курьеромъ отъ Суворова къ Ферзену. Подъ Андреевомъ его схватили Польскіе патрули. Пьяные солдаты сочли его по фамиліи Полякомъ и шпиономъ и, не слушая никакихъ объясненій, хотѣли повѣсить въ лѣсу. Случилось такъ, что я подѣхалъ къ нимъ въ это время. Мнѣ съ трудомъ удалось спасти Боровскаго отъ неминуемой смерти. Я повезъ его съ собою въ лагерь, удержалъ экспедицію Костюшки, а Боровскаго на другой день освободилъ подъ росписку. Боровскій стоялъ со своимъ полкомъ подъ Радошицами, когда я прибылъ въ эту деревню. Онъ первый

узналъ меня и затѣмъ неоднократно выражалъ мнѣ свою благодарность, стараясь отплатить за оказанную ему услугу. Онъ провожалъ меня въ Окунево на разстояніи четырехъ миль отъ дома“.

„Когда я прибылъ въ Варшаву за паспортомъ, то Суворовъ вспомнилъ моего отца, который во время Барской конфедераціи былъ Ливскимъ земскимъ маршаломъ и совѣтникомъ генералитета. Онъ спросилъ меня и присутствующихъ, живъ ли мой отецъ и съ нимъ ли онъ познакомился послѣ Барской конфедераціи. Это обстоятельство облегчило мнѣ полученіе паспорта и ускорило мое освобожденіе изъ Варшавы. Но вещи, которыя я, выходя съ Мадалинскимъ, оставилъ въ Варшавѣ, въ домѣ госпожи Ходкевичъ, все пропали. Двое слугъ, оставшихся при лошадяхъ и вещахъ, догадались и сами выгнали впередъ изъ Варшавы, на пути ихъ схватили Русскіе. Потеря непредвидѣнная“.

„День 28 Октября, взятіе Костюшки въ плѣнъ подъ Маціовицами, покрылъ трауромъ народъ и войско, энергія котораго была сопряжена только съ его личностію. День 4-го Ноября, Суворовъ, овладѣвъ Прагой, звѣрски умертвилъ 16 тысячъ ея невинныхъ жителей, опозорилъ славу Русскихъ *). День 15-го Ноября былъ концомъ возстанія и упадкомъ Польскаго народа. Съ прекращеніемъ возстанія Русское военное правленіе сосредоточилось въ Варшавѣ. Почтенные мужи Игнатій Потоцкій, Закшевскій, Килинскій взяты въ плѣнъ. Русскій генералъ Буксгевденъ правилъ снисходительно. 10 Января 1795 г. вывели короля изъ Варшавы. Русскіе поселили его въ Гроднѣ... Вопросъ: Чтѣ дѣлается съ королемъ? Отвѣтъ: Князь Репнинъ самъ доживалъ свои дни въ Гроднѣ, а онъ вѣдъ помогалъ избранію короля на Польскій престолъ. Хотя королю оказывали почести, но онъ не могъ ни посылать, ни получать писемъ безъ разрѣшенія Русскаго генерала, который подъ видомъ оказанія мнимаго почета былъ вѣрнѣе стражникомъ короля, находившагося какъ бы подъ политическимъ арестомъ. 18 Марта 1795 г. Курляндія, видя, что надежда на существованіе Польши, которой она была предана, пала, прислала въ Петербургъ депутатовъ, принешихъ присягу Екатеринѣ. Вопросъ: Какъ долго жилъ король въ Гроднѣ? Отвѣтъ: Нельзя оправдать короля въ томъ, что онъ 25 Іюня 1795 г. подписалъ въ Гроднѣ позорящее Поляковъ отреченіе отъ престола, будучи плѣнникомъ. Чего же худшаго могъ онъ ожидать, если бы воспротивился этому и не подписалъ столь жестокаго отреченія? Въ этомъ случаѣ ничто не можетъ оправдать короля, развѣ только предположеніе, что Россія злоупотребила общественнымъ довѣріемъ и безъ подписи короля обнародовала такое отреченіе, чтѣ вполне возможно у этого вѣроломнаго народа. Отреченіе короля заключалось въ такой формѣ: „Я, Станиславъ Августъ, Божіей и народной волею король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Пруссскій, Мазовецкій, Жмудскій, Полѣвскій, Кіевскій, Смоленскій, Сѣверскій и Черниговскій. Все дни моего правленія, будучи отравляемы горечью, не дали мнѣ ни одной минуты безмятежнаго счастья; явивъ въ од-

*) Л. Цышковскій, кажется, забылъ про Варшавскую ночь, устроенную Поляками въ Варшавѣ Россіянамъ, которые рѣзали въ Прагѣ только истребили за своихъ собратьевъ.

ной семьѣ, вы были чужими для меня; и испыталъ всевозможныя огорченія; проливая даже собственную кровь, я не смогъ подавить вашей злобы. Наконецъ годы убѣдили меня сѣдинами, я подорвалъ свое здоровье, но постоянно возрождавшаяся въ васъ вражда причиняла мнѣ все новыя огорченія...¹⁾ Меня утомило управленіе столь бурной страной и, проносивъ въ теченіе 31 года терновый вѣнецъ, я добровольно снимаю его съ себя; дерзкіе подданные неоднократно порывались сорвать его съ моей головы... Отрекаюсь отъ этого скипетра, бывшаго знаменіемъ лишь слабого значенія власти Польскихъ королей. Одновременно съ этимъ я навсегда отрекаюсь отъ престола, обогрѣннаго моей кровью. Освобождаю насъ отъ присяги, въ отношеніи къ которой вы замятали себя вѣроломствомъ, выродившіеся Поляки. Почувствуйте всю силу этихъ словъ, вполне заслуженныхъ вами; станете рабами подъ чужимъ игомъ... Несогласія, спѣсь, продажность и измѣна: вотъ источники вашего упадка, въ бездну котораго и я увлеченъ. Вы отвергали мои совѣты, и я со своей стороны исключаю васъ изъ моего сердца и моей памяти. Но все же я буду молить Бога, чтобы, карая отцовъ, Онъ сжалился надъ ихъ потомствомъ... Дано въ Гроднѣ 25 Іюня 1795 г. Царствования нашего года XXXI. Подписано: Станиславъ-Августъ. Печать кабинетная“.

*

Все это служить дополненіемъ къ нижеслѣдующему Дневнику Цѣшковскаго, послѣ котораго мы помѣщаемъ и примѣчанія къ нему издателя, т. е. отца Петрушевича (подъ Римскими цифрами). Эти примѣчанія Петрушевичъ закончилъ извиненіемъ, что немного дольше 1794 г. коснулся Польскихъ дѣлъ, хотя его отечество (Галиція) уже не принадлежало къ Польскому королевству. Дальнѣйшія событія касались и новообразованнаго Галицко-Владимирскаго королевства, возникшаго вторично подъ Австрійскимъ владѣніемъ. Съ возстаніемъ Костюшки для Южной Руси оказались вполне вредныя послѣдствія какъ политической Люблинской уни; такъ равно и стоящей съ ней въ тѣсной связи уни церковной, Брестской.

Почтенный читатель (говоритъ о. Антоній Петрушевичъ) вполне убѣдится изъ моихъ сочиненій „Холмская епархія и святители ея“²⁾ и изъ „Свѣдѣній въ дневникѣ священника Порфирія Важинскаго, епископа Холмскаго“ 1780—1805 г.³⁾, вполне убѣдится, что Ѳадей Костюшко былъ не только политической, но вмѣстѣ съ тѣмъ и церковно-обрядовой агитаторъ. Самъ Холмскій епископъ П. Важинскій въ своемъ Дневникѣ писалъ, что 11 Іюля (1791 г.) прибывшій въ Холмъ генералъ Костюшко посѣтилъ во время вечерни соборную церковь (Русскую въ Холмѣ). Для оказанія ему вниманія былъ открытъ образъ Божіей Матери; затѣмъ у меня былъ съ нимъ краткій разговоръ, во время котораго онъ высказалъ *желаніе измѣнить многіе обычи и церковныя*

¹⁾ Известно, что король однажды былъ взятъ въ плѣнъ Пулавскимъ (роднымъ дядею нашего Н. П. Колюбакина). П. В.

²⁾ Львовъ 1867.

³⁾ Археологическое Обзорѣніе Львова, 1882.

обряды уніатовъ, „чтобы установить возможно большую разницу съ не-Уніатами и приблизить ихъ къ Римской вѣрѣ“. Тотъ же епископъ избранъ въ Холмской области начальникомъ возстанія и получилъ, 7 Мая 1794 г., изъ обоза подъ Полянцемъ, собственноручное письмо Костюшки, обращенное къ нему какъ къ предсѣдателю комиссіи по упорядоченію земли Холмской. Въ этомъ посланіи Ѳ. Костюшко между прочимъ писалъ: „Твой кроткій нравъ возбуждаетъ къ тебѣ довѣріе народа; убѣждай его, учи его любить родину, *ненавидѣть тирановъ* и совѣтуй ему, чтобы онъ для собственнаго блага соединился съ Польскимъ оружіемъ и помогалъ освобожденію нашей земли. *Ваша судьба, священнослужители Греческаго обряда, была и есть быть слишкомъ униженными незаконной властью...* Поляки, свободные Поляки *умищаютъ ее* и тѣхъ, которые окажутся усердными къ нимъ (какъ нынѣ въ Галиціи), обезпечатъ выгоднымъ положеніемъ, соотвѣтствующимъ вашему признанію. Я увѣряю васъ въ этомъ отъ имени народа“...

Отвѣчая на это письмо 12 Мая, епископъ П. Важинскій между прочимъ говоритъ: „Твои обѣщанія духовенству нашего обряда, слишкомъ униженному, возбуждѣтъ въ немъ желаніе горячо молить Господа о томъ, чтобы Онъ не переставалъ изливать Свою благодать на тебя, выступившаго съ пѣлюю отстоять независимость свободнаго народа; съ своей стороны буду тоже вѣрно исполнять и къ тебѣ проникнуть уваженіемъ“. Съ разбитіемъ войскъ Ѳ. Костюшки епископъ П. Важинскій бѣжалъ въ Галицію, увозя съ собою свой Дневникъ, а съ полученіемъ амнистіи возвратился въ Холмъ. Ѳ. Костюшко отъ 7 Мая 1794 г., изъ того же обоза подъ Полянцемъ, издалъ свое воззваніе почти такого же содержанія и къ Греческо-восточному Нѣвницкому духовенству, какъ монашескому, такъ и свѣтскому.

Кромѣ епископа П. Важинскаго былъ такимъ же партизаномъ Ѳ. Костюшки Русскій митрополитъ Язонъ Смогоржевскій (Мазуръ), содѣйствіемъ котораго устраивались Польскіе заговоры въ Русскихъ монастыряхъ на Волыни, Подоліи и Украинѣ. Актъ возстанія Костюшки былъ подписанъ въ Каменцѣ-Подольскѣ въ монастырѣ Устава Св. Троицы 2 Октября, въ Овручѣ въ Васильевской архимандріи 18 Октября, въ Мозырѣ 4-го Декабря 1793 года. Такимъ образомъ іерархія Русскаго уніатскаго духовенства была на сторонѣ Ѳ. Костюшки, хотя сельское духовенство и Русскій народъ оставались глухими на всѣ воззванія перваго Польскаго демократа.

Переводъ съ Польскаго сдѣланъ для насъ г-жею Яворской.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій, 1904 Іюня 10.

ДНЕВНИКЪ КРАКОВСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1794 ГОДА.

Въ 1794 г. 22 Января, во время контрактовъ въ Дубнѣ, вслѣдствіе особеннаго вліянія интеллигентныхъ людей, избранныхъ аристократами или скорѣе княгинею Чарторыской, образовался патріотическій клубъ, въ который впрочемъ съ большою осторожностью принимали только тѣхъ, кто добровольно подъ присягой обязывался хранить тайну. Вслѣдъ за тѣмъ увѣдомили насъ, что въ кабинетахъ двухъ союзныхъ дворовъ рѣшенъ окончательный раздѣлъ Польши послѣ смерти Польскаго короля. И потому постановлено, для сохраненія средствъ обороны и остатковъ народной славы въ глазахъ Европы, взяться за оружіе, особенно потому, что Австрія была оскорблена тѣмъ, что дворы Берлинскій и Петербургскій отстраняли ее отъ участія во второмъ раздѣлѣ. Саксонскій дворъ, ради собственныхъ выгодъ, обратился въ Вѣну съ предложеніемъ, что если Поляки возвратятся къ конституціи третьяго Мая, то дочь Саксонскаго курфюрста, объявленная инфантой Польши, будетъ высватана за одного изъ братьевъ императора, и Польскій престолъ перейдетъ въ наслѣдственное владѣніе Австрійскаго дома. Австрія въ началѣ благосклонно отнеслась къ этому. Польскіе патріоты, находившіеся въ Дрезденѣ (1), передали черезъ Пулавы это извѣстіе, которое мы получили въ Дубнѣ и которое тѣмъ сильнѣе укрѣпило насъ въ нашемъ предпріятіи. Долго совѣщались при выборѣ предводителя этой конфедераціи, кого избрать: Малаховскаго, Закржевскаго или Колонтая. Игнатій Потоцкій получилъ самое большое число голосовъ. Предлагали писаря Ржевускаго; но священникъ Богушъ съ обознымъ Витославскимъ предложили, чтобы, согласно Французской системѣ, принятой за образецъ свободы въ Польшѣ, измѣнить названіе *конфедераціи* и *предводителей* (уже непріятные и оскорбительные для народа, обманутаго столько разъ), а назвать этотъ союзъ *инсуррекціей*, лицо же завѣдующее ею должно принять титулъ *начальника* съ девизомъ: *свобода, равенство, независимость*; даровать крестьянамъ въ актѣ возстанія свободу и права, мѣщанъ сблизить съ рыцарскимъ сословіемъ, духовенству обѣщать глубокое уваженіе къ религіи съ увѣреніемъ сохранять значеніе и непо-

колебимость церкви, и такимъ образомъ объединить въ странѣ всѣ сословія общества. Мы приняли присланный намъ изъ Дрездена этотъ проектъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Начальникомъ мы рѣшили не избирать никого изъ вельможъ, но постановили, во имя равенства, избрать дворянина безъ помѣстій и титуловъ, который бы отличался только добродѣтелью и личными качествами. Намъ предложили для того Тадеуша Костюшку, прославившагося въ Америкѣ, давшаго уже доказательства своей храбрости подъ Дубенкою и пріобрѣтшаго любовь и довѣріе солдатъ. Мы единогласно приняли его... Этому и требовали именно Пулавы, которые имѣли виды на Костюшку (II). Инсurreкцію назначили на 3-е Мая, чтобы увѣковѣчить въ странѣ этотъ день великими дѣлами... Въ каждое воеводство назначены агенты инсurreкціи какъ гражданскіе, такъ и военные... Комендантъ Каменца, Орловскій, обязанъ устроить военный клубъ... Наши подписи и описаніе всего дѣла переданы черезъ Пулавы въ Дрезденъ. Костюшко немедленно выѣхалъ изъ Пулавъ, ненадолго останавливался въ Сѣнявѣ и пріѣхалъ въ Львовъ для ознакомленія съ помѣщиками Галиціи. Викентій Гржимала и Франць Стршалковскій были назначены эмиссарами въ Галицію. Михайль Стадницкій въ Пршемыслѣ, Мокрановскій въ Варшавѣ, Скаржевскій съ Кеспицкимъ въ Пруссіи были заняты тѣмъ же (III). Тайну нельзя было долго сохранять. Россія съ помощью многочисленной хорошо оплачиваемой полиціи начала слѣдить. Въ Февралѣ, Ильгестромъ въ Варшавѣ выступилъ въ роли великаго Испанскаго инквизитора. Онъ сообщилъ королю, что надо слѣдить въ странѣ за якобинствомъ. Король, должно быть изъ любви къ отечеству или изъ самолюбія, а можетъ быть опасаясь участи несчастнаго Людовика XVI, старался тоже узнать тайну и по своему обыкновенію долго колебался, но все же, казалось, больше склонялся на нашу сторону, потому что предостерегалъ въ Варшавѣ нѣкоторыхъ патріотовъ. Даже Костюшко получилъ предостереженіе отъ короля немедленно удалиться изъ страны и уѣхать въ Лейпцигъ. Игельстромъ съ гетманомъ Ожаровскимъ и Постояннымъ Совѣтомъ раздѣлил войска, оставшіяся въ Польшѣ, на мелкіе отряды и расквартировывалъ ихъ въ Подольскомъ, Брацлавскомъ, Волинскомъ и Кіевскомъ воеводствахъ. Оставшіеся Польскіе полки были склоняемы на службу въ Россію: Кречетниковъ заплатилъ генералу Любовицкому за подстрекательство (IV), и ему удалось склонить нѣкоторые находившіеся тамъ отряды войскъ; но послѣ, когда они измѣнили, Любовицкій остался не причемъ. Нетерпѣливый Игельстромъ хотѣлъ обезоружить Польское войско. Днемъ раньше бригадиръ Антонъ Мадалинскій (бывшій конфедератъ Барскій), хорошо знавшій наши переговоры, былъ первый увѣдомленъ безъимянной запискою о намѣреніи Игельстрома и выслалъ маіора Гу-

саржевскаго, чтобы предупредить объ этомъ дивизиі Заіончека и Домбровскаго. Посланному это удалось. Войдя въ соглашеніе сначала съ субалтернъ-офицерами, онъ вслѣдъ затѣмъ донесъ комендантамъ и, видя, что одинъ изъ нихъ колеблется, сказалъ: я ручаюсь въ неповиновеніи солдатъ вашимъ приказаніямъ и предупреждаю, что вы подвергнете себя безчестію, а можетъ быть и опасности. Такимъ образомъ, угрозой и совѣтомъ, Гусаржевскій сдѣлалъ то, что три корпуса войскъ рѣшили дѣйствовать за одно. Вскорѣ Мадалинскій первый пренебрегъ приказаніями Постояннаго Совѣта, считая себя неподвластнымъ ему. То же самое сдѣлали и другіе по его примѣру. Игельстромъ не приступалъ тотчасъ къ крутымъ мѣрамъ, но тотчасъ же послалъ гонца въ Петербургъ. Король сообщилъ объ этомъ генералу Мокрановскому, отъ котораго онъ и прежде не скрывалъ своихъ желаній и мнѣній, и что онъ желаетъ того, чтобы народъ въ крайности не предался отчаянію (V). Съ этого времени король выдавалъ тайны Игельстрома Мокрановскому, а тотъ пересылалъ извѣстія Польскимъ патріотамъ въ Дрезденъ (VI).

Получая такія извѣстія, Совѣтъ рѣшилъ ускорить инсurreкцію. Казимиръ Сапѣга посланъ по этому дѣлу въ Вѣну (гдѣ умеръ). Костюшко, увѣдомленный объ этомъ въ Лейпцигѣ, ожидалъ тамъ отвѣта Вѣнскаго кабинета, а получивъ записку Коловрата (VII), немедленно пріѣхалъ изъ Вѣны, въ первыхъ дняхъ Марта, въ Краковъ. Его уже ожидали тамъ патріоты, и войска двигались къ Кракову. 24 Марта 1794 г. состоялся актъ Краковскаго возстанія по заранѣе составленному плану: Тадеушъ Костюшко признанъ высшимъ начальникомъ военной народной силы, актъ подписанъ и утвержденъ подъ присягой, всѣ классы безъ исключенія были допущены къ участию въ защитѣ. Этотъ актъ подписали многіе Краковскіе помѣщики: Морштынъ, Валевскій, Водзицкій, Тадеушъ Чацкій, Велепольскій, Нѣмежиць, Дембинскій, городъ Краковъ, Капитулъ и проч. Заграничныя газеты вскорѣ опубликовали его (VIII).

26-го Августа Игельстромъ, узнавъ объ этомъ въ Варшавѣ, велѣлъ вызвать Костюшку въ судъ. Краевскій, коронный инстигаторъ, человекъ заслуженный и въ лѣтахъ, оставилъ доходное мѣсто инстигатора. Матвѣй Рагускій, гнусное орудіе примаса, принялъ съ радостью мѣсто инстигатора, и за его подписью въ народной газетѣ былъ опубликованъ вызовъ Костюшки въ судъ, какъ бунтовщика. Это вскорѣ стало извѣстно въ странѣ. Хотя Игельстромъ не получилъ изъ Петербурга никакого отвѣта, однако онъ не замедлилъ донести о новомъ происшествіи, но Поляки перехватывали гонцовъ съ обѣихъ сторонъ. Высланные противъ Костюшки Денисовъ и Ферзенъ неожиданно встрѣтились съ нимъ. У Костюшки кромѣ косиньеровъ было 2.500 человекъ,

и онъ выступилъ смѣло противъ 12 тысячъ Русскихъ, побѣдилъ ихъ два раза подъ Полонцомъ и Рацлавичами, отнялъ нѣсколько пушекъ, амунницію и заставилъ ихъ отступить (IX). Разбитые Русскіе избѣгали встрѣчи и по дорогѣ уничтожали и жгли помѣщичьи усадьбы. Съ Дзялынскимъ, высланнымъ по назначенію въ Кіевское воеводство, случилось несчастіе. Письма Костюшки ко мнѣ перехватилъ въ Каменцѣ на почтѣ комендантъ Злотницкій и отослалъ Шереметеву. Я долженъ былъ тотчасъ явиться въ Житомиръ и былъ посланъ въ Несвижъ къ генералъ-губернатору Тутолмину, откуда счастливо возвратившись исполнилъ свою обязанность. Я умалчиваю о подробностяхъ, дабы не искать удовлетворенія пустому тщеславію тамъ, гдѣ дѣло сходится лишь къ исполненію гражданскаго долга для блага родины. Скажу только, что, благодаря содѣйствію сына Тутолмина и зятя его генерала Арсеньева мнѣ удалось оправдаться и вернуться домой, вручивъ губернатору вынужденную расписку въ томъ, что я не поѣду къ возставшимъ, а напротивъ буду передавать правительству всякую переписку и т. п.

Выигранныя сраженія подняли народный духъ, число инсургентовъ возрастало ежедневно. Въ Варшавѣ Игельстромъ пылалъ мстью и вмѣстѣ съ тѣмъ отчаявался, не получая никакого отвѣта изъ Петербурга. Онъ догадался, въ чемъ дѣло и посылалъ своихъ гонцовъ на Блонье черезъ Пруссію, а покамѣстъ имѣлъ отчаянные замыслы относительно Варшавы, чтобы овладѣть арсеналомъ. Король однако передалъ объ этомъ Мокрановскому. Чтобы предупредить Русскихъ, 18-го Апрѣля готовилась въ Варшавѣ знаменитая и памятная въ исторіи народа революція. Король зналъ, что она должна произойти, но не рѣшались сказать ему о назначенномъ днѣ. Игельстромъ догадался и 17-го Апрѣля вытребовалъ изъ лагеря въ Варшаву 5.000 Русскихъ, что и послужило къ быстрому наступленію революціи, потому что тайно находившіеся въ Варшавѣ патріоты руководили ею. Они избрали мѣщанина Килинскаго богатаго, умнаго, сердечнаго человѣка и дѣйствовали подъ его предводительствомъ. Простой народъ наиболѣе довѣрялъ ему. Монахи больше всего помогли къ возбужденію. Это происходило во время говѣнія передъ Пасхой, священники могли подговаривать народъ на исповѣди; пущенъ былъ слухъ для бѣдшаго террора, что Русскіе намѣрены во время заутрени направить пушки на костелы, взять арсеналь, устроить рѣзню и разорить Варшаву. Когда народъ услышалъ объ этомъ отъ духовенства, онъ былъ совершенно увѣренъ въ истинѣ всего, а 5.000 Русскихъ, вступившихъ въ Варшаву 7 Апрѣля, подтвердили своимъ прибытіемъ пущенный слухъ. Такимъ образомъ отчаяніе и страхъ вооружили народъ. Еще до заутрени Великаго Четверга началась въ

стѣнахъ Варшавы ожесточенная борьба и продолжалась два дня. Польскія войска, полкъ Дзялынскаго, Мировскій, артилерія, коронная гвардія, однимъ словомъ всѣ солдаты били Русскихъ; оружіе было роздано народу изъ арсенала. Вся Варшава обратилась въ поле битвы (напоминающая Сицилійскую вечерню или ужасную Вареоломеевскую ночь въ Парижѣ). Русскіе храбро защищались, но пали жертвою справедливой мести; осталось 10 тысячъ раненыхъ, убитыхъ и плѣнныхъ. Наши взяли всѣ орудія и амуницію, но Поляковъ погибло почти столько же. Таковы послѣдствія революціи, гдѣ разные проходимцы, въ минуты смятенія, искали прибыли; происходило частное хищничество и разбой, какъ обыкновенно бываетъ во время народнаго возстанія. Домъ Игельстрома разрушенъ, все разграблено народомъ. Дипломатическія бумаги посольства спасены отъ уничтоженія, они достались намъ въ руки; мы нашли въ нихъ всѣ дѣянія измѣнниковъ отечества и указаніе, кто былъ дѣйствительно виновенъ. Найдены списки Московскихъ пенсіонеровъ и обличены тайные измѣнники отечества. Самъ Игельстромъ избѣжалъ съ помощью Шидловскаго позорной смерти, которая грозила ему въ видѣ мести за дурное обращеніе съ Поляками (XI).

Нельзя умолчать о томъ, что дѣлаетъ честь народу при такомъ всеобщемъ возмущеніи и доказываетъ честность души Поляковъ: въ этотъ день личности короля было оказано должное уваженіе. Когда короля покинула его ближайшая стража, Мировская лейбъ-гвардія, которую храбрый начальникъ маіоръ Стршанковскій вывелъ изъ дворца противъ воли короля на поле брани, король вышелъ во дворъ замка, и, взявъ штандартъ, стоялъ нѣсколько часовъ передъ гауптвахтой, окруженный небольшою стражей, не подумавъ о томъ, что подвергаетъ себя видимой опасности. Генераль Бышевскій выѣхалъ и совѣтовалъ народу успокоиться, но надъ нимъ стали издѣваться и бросились на него. Бышевскій бѣжалъ въ замокъ отъ разъяреннаго народа; его преслѣдовали до самыхъ воротъ, но тамъ при видѣ короля остановились и не смѣли войти во дворецъ. Мокрановскій, тогдашній комендантъ и Закшевскій, который занялъ въ то время мѣсто президента Варшавы, взяли изъ муниципалитета назначенную королю стражу, и замокъ сталъ безопаснымъ убѣжищемъ для женщинъ и заграничныхъ пословъ. Большая часть королевской свиты примкнула тоже къ революціи, которая едва прекратилась только утромъ въ Субботу (XII).

Весь день въ Субботу возили трупы въ Вислу вмѣсто погребенія. Мокрановскій съ помощью Циговскаго возстановилъ полное спокойствіе. Башмачникъ Килинскій исполнялъ роль Римскаго трибуна. Учредили

революціонный судъ, который не могъ сопротивляться требованіямъ разъяренной толпы, возбуждаемой интригами, напештываніями; арестовали самыхъ значительныхъ сторонниковъ Россіи, и народъ требовалъ немедленно декрета, приготовивъ уже заранѣе висѣлицу. Судьи, подъ опасеніемъ собственной жизни, подписали декретъ противъ измѣнниковъ отечества, вслѣдствіе котораго епископы Масальскій и Косаковскій, гетманъ Ожаровскій, каштелянъ Анвицъ были повѣшены передъ костеломъ оо. Бернардиновъ на Краковскомъ предмѣстьи. Рачинскій съ Билинскимъ, предупрежденные вѣрными слугами, избѣжали висѣлицы. Рагозинскій, шпіонъ Игельстрома, подвломъ былъ повѣшенъ; но Матвѣй Рагускій жестоко искупилъ честолюбіе власти на висѣлицѣ за то, что занялъ мѣсто короннаго инстингатора и что за его подписью былъ посланъ вызовъ въ судъ Костюшкѣ (XII).

Подъ предсѣдательствомъ графа Казимира Красинскаго, короннаго обознаго, учрежденъ Высочайшій Совѣтъ. Польскія войска пробирались изъ Червонной Руси разными путями, узнавъ про инсurreкцію, а тѣмъ болѣе про Варшавскую революцію: Пинскую бригаду провелъ поручикъ Колыско; Вышковскій, стоя надъ Днѣстромъ, легко перешагнулъ въ Валахію, и полкъ Карвицкаго стоялъ надъ границей Польши. Но остальные корпуса, не смотря на самое искреннее желаніе, были окружены Русскими и не могли уйти; другихъ тотчасъ обезоружили, однако многіе съ опасностью жизни пробирались къ инсurreкціоннымъ частямъ войскъ; многихъ преслѣдовали. Генералъ Гроховскій довелъ эти части до Костюшки и напалъ подъ Вислой на Московскій аріергардъ, взялъ понтоны и другіе военные снаряды. Сначала Божественная рука благословляла Поляковъ. Бригады, проходившія черезъ Галицію, пользовались благосклонностью помѣщиковъ и снисхожденіемъ правительства; Галичане жертвовали имъ много лошадей, полотна, денегъ и позволяли вербовать людей для пополненія рядовъ.

Революція и инсurreкція 10-го Мая въ Вильнѣ, поднятая полковникомъ Ясинскимъ, стоили менѣе пролитой крови. Тамъ повѣсили гетмана Косаковскаго и Забѣллу. Генералъ Арсеньевъ былъ взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Варшаву. Въ Курляндіи и Жмуди поднялъ инсurreкцію Гедроиць. Весь народъ взбунтовался.

11-го Мая, въ самый полдень, я удачно переправился выше Збржнзя черезъ Збручъ. Въ числѣ 65 человекъ, мы изранили нѣсколько казаковъ; у насъ была убита одна лошадь, но казаки не смѣли гнаться за нами за кордонъ, понимая, что въ лѣсу, изъ котораго мы выѣхали, была засада. Мы бросили тамъ возы, потому что въ нихъ было спрятано ору-

жіе, и люди, ѣдучи нѣсколькими путями, пріѣхали въ назначенный часъ къ этому лѣсочку подъ Жабинцами. Я спокойно шелъ черезъ Галицію, отдыхалъ подъ Львовомъ въ Ярычовѣ, въ домѣ воеводича Годзикаго, который далъ 15 человекъ съ лошадьми и обмундированіемъ. Онъ написалъ письмо Костюшкѣ и послалъ со мной 5.000 р. Въ Красномъ Ставѣ я нашелъ часть Польскаго войска подъ начальствомъ генерала Гауфмана; другой частью командовалъ, въ Пясахъ, генералъ Ведельштедъ изъ Великой Польши (солдатомъ, учившійся на службѣ въ Пруссіи). Я показалъ въ Красноставской комиссіи заявленіе (акцесъ) Подолянъ. Староста Хелмскій, комиссаръ Венглинскій, донесъ на меня въ Россію, за что и былъ лишенъ мѣста.

25-го Мая я остановился въ лагерѣ подъ Крищенцами. Начальникъ, увѣдомленный о моемъ прибытіи, выслалъ мнѣ на встрѣчу маіора Юсифа Цышковскаго съ эскадрономъ полка Каровицкаго въ Іендржовѣ; оттуда меня проводили съ эскортой, какъ делегата Подольскаго воеводства. Я официально передалъ въ руки начальника заявленіе (акцесъ) Подолянъ. Мое прибытіе было объявлено приказомъ по всей арміи для большаго энтузіазма въ войскѣ. Получивъ патентъ на вице-бригадира въ бригадѣ Свободы, имени Костюшки, я отправился въ Варшаву для увѣдомленія Высочайшаго Совѣта о пожертвованіяхъ Подолянъ, которые обязались поставить на свой счетъ 10 тысячъ человекъ, какъ только Польскія войска придутъ въ Подольское воеводство. Совѣтъ велѣлъ публиковать объ этомъ въ газетахъ для возбужденія соревнованія гражданъ; но я не считалъ этого возможнымъ въ виду того, что остальныхъ Подолянъ тотчасъ стануть преслѣдовать Русскіе.

Во время моего пребыванія въ Варшавѣ изъ Дрездена прибылъ Игнатій Потоцкій съ всендзомъ Колонтаемъ. Народъ въ Варшавѣ выпрягъ лошадей изъ кареты и самъ подвезъ ихъ къ квартирѣ. Напрасно народъ оказывалъ Колонтаю такое уваженіе, потому что Колонтай тотчасъ по прибытіи присвоилъ себѣ всю власть въ Совѣтѣ и занялъ тамъ почти мѣсто диктатора. По его почину опять вспыхнула революція; его слуга Конопка былъ предводителемъ. Нѣсколько человекъ погибло безвинно, между ними князь Антонъ Четвертинскій. Колонтай сдѣлалъ этотъ небольшой опытъ въ обширныхъ замыслахъ своей безпокойной головы, которые продолжалъ развивать, чтобы стать другимъ Робеспіеромъ въ Польшѣ. Костюшко по добротѣ своей нестрого наказалъ бунтовщиковъ, а Колонтай помогъ Конопкѣ скрыться.

Съ тѣхъ поръ какъ Колонтай сталъ во главѣ правленія, началось все зло; увлеченіе въ народѣ замерло отъ его злоупотребленій.

7-го Іюня я былъ посланъ съ генераломъ Заіончкомъ и отрядомъ войскъ въ Краснороссію. Я передалъ прежде всего черезъ Либорацкаго печатныя воззванія къ Подольскимъ помѣщикамъ; но 11-го Іюня подъ Дубинкой и Хелмомъ мы были оттѣснены Русскими подъ начальствомъ генерала Дерфельдена и полковника Львова и должны были отступить съ большой потерей людей. Обвиняли въ измѣнѣ Заіончка, но я не утверждаю этого. 13-го Іюня большая битва подъ Щекоцинами, въ которой Денисовъ и Ферзенъ отступили передъ нашими, будучи разбиты. Въ это самое время измѣнникъ король Прусскій (который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ единственнымъ союзникомъ Поляковъ), заключивъ миръ съ Франціей, неожиданно напалъ на утомленныхъ битвою Поляковъ и лишилъ насъ побѣды, одержанной надъ Русскими. Мы лишились въ этотъ день съ прискорбіемъ двухъ достойныхъ генераловъ, Водзицкаго и Гроховскаго, и если бы Костюшко не отличился своимъ мужествомъ, почти все погибло бы подъ Щекоцинами. Все же Поляки счастливо отступили, хотя со значительной потерей, въ окопамъ Варшавы, которые были устроены стараніемъ и усердіемъ генерала Орловскаго, коменданта Варшавы. Остановившись подъ Варшавой, мы забыли обо всемъ, и вслѣдствіе разныхъ каверзъ пропало нѣсколько недѣль, которыя мы провели, оберегая стѣны Варшавы. Костюшко, достойный гражданинъ, храбрый генералъ, но плохой политикъ, имѣя до 32 тысячъ войска, не расквартировалъ его частями въ странѣ и тѣмъ истощилъ окрестность и далъ средство непріятелю наблюдать за нами въ одномъ пунктѣ.

25-го Августа кн. Іосифъ Понятовскій потерялъ батарею, такъ называемую Шведскую, важное для насъ мѣсто подъ Варшавой. На слѣдующій день была жестокая битва. Костюшко самъ командовалъ и отбилъ батарею; въ этотъ день погибло 4.000 Пруссаковъ, 1000 Поляковъ военныхъ, а 2000 вмѣстѣ съ муниципалитетомъ. Пирушка князя Іосифа стоила потери 7.000 человекъ слишкомъ. Однако удалось уговорить Костюшку, который выслалъ часть войска въ Великую Польшу, когда подошли инсурректоры Великой Польши Скаржевскій и Кеншицкій. Посланнымъ туда Мадалинскому и Домбровскому посчастливилось: они заняли Быдгошъ, гдѣ погибъ Прусскій генералъ Секули. Прусскій король потерялъ до 8.000 человекъ въ разныхъ стычкахъ подъ Варшавой, подвергся 27-го Августа нападенію Краковскихъ пикинеровъ и, едва не попавъ къ нимъ въ плѣнъ, покинулъ Варшаву 28-го Августа, когда узналъ, что нѣсколько галеръ съ его амуницией было затоплено и взято. Чтобы погасить революцію внутри страны, онъ неожиданно отступилъ.

15-го Августа Австрійцы заняли Люблинъ, предварительно разставивъ кордонъ на Волыни, на границѣ Россіи. Прусскій король подкупилъ министровъ въ Вѣнѣ обѣщаніемъ допустить къ раздѣлу Польши Австрію, которая изъ-за малой пользы уступила большую, и съ тѣхъ поръ Австрійцы хотя не задѣвали сами, но заняли часть страны, какъ-то Любельское воеводство, Хелмскую землю, Красноставскій уѣздъ, и стали преслѣдовать Поляковъ, а Русскимъ во время Мацеіовицкой битвы дали пушки и амуницію. Съ 1-го Сентября ничего не случилось съ нами. Генераль Сѣраковскій, посланный съ отборными людьми, погубилъ пушки на болотахъ подъ Брестъ-Литовскомъ.

Вслѣдствіе происковъ Колонтая несправедливо поступили съ добродѣтельнымъ Ясинскимъ въ Литвѣ, отнявъ у него безъ вины команду и пославъ на его мѣсто Віелегурскаго, который жилъ безъ дѣла въ Вильнѣ. Литва, оскорбленная за Ясинскаго, охладѣла къ дѣлу. Мокрановскій, храбро командовавшій своею частью подъ Варшавой, былъ взятъ къ большому сожалѣнію подчиненныхъ; его послали въ Литву, гдѣ онъ заболѣлъ и лежалъ въ Бѣлостокѣ. Всѣ такія и тому подобныя ошибки надо приписать злобнымъ намѣреніямъ Колонтая, который намѣревался отстранить самого Костюшку, объявить себя начальникомъ крестьянъ и, возмутьивъ этотъ болѣе многочисленный классъ, погубить дворянъ, собрать чернь и зажечь на нѣсколько лѣтъ пожаръ жесточе ужасовъ Французской революціи, распространивъ его на весь Сѣверъ Европы. Вотъ какіе планы обдумывалъ высокій и ловкій геній Колонтая (XIV).

Когда Костюшко убѣдился въ измѣнѣ Австріи (границы которой онъ берегъ до сихъ поръ) и сдерживалъ желанія Галичанъ, стремившихся къ революціи, я былъ высланъ 15 Октября въ Галицію какъ эmissаръ. Переговоры, лица и работы записаны у меня. Въ Унятинѣ у Лесцинскаго рѣшено было, что 28 Октября Галиція должна была возстать подъ знаменемъ Костюшки (но суждено было иначе). Костюшко, узнавъ о приближавшемся Суворовѣ съ новыми подкрѣпленіями, хотѣлъ предупредить соединеніе его съ Ферзеномъ, который, снявъ осаду Варшавы удалился за Вислу. Онъ выбралъ часть отборныхъ солдатъ въ числѣ 8.000, выступилъ изъ Варшавы, оставивъ въ Совѣтѣ запечатанное письмо, въ которомъ назначалъ послѣ себя начальникомъ Мадалинскаго, въ случаѣ своей смерти (это доказываетъ, что Костюшко взялся за свое предпріятіе въ отчаяніи), составилъ планъ окончательной битвы: побѣдить или со славой погибнуть и умереть, не дожидаясь гибели отечества. Онъ отправилъ Адама Понинскаго подъ Желеховъ съ корпусомъ въ 6.000 человекъ, чтобы прервать сообщенія и помѣшать отступленію

Фераена. Костюшко подъ Мацеіовицами дѣлалъ чудеса храбрости, но умышленно не оставилъ себѣ отступленія. Утративъ въ концѣ большую часть людей, онъ раненый попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ вѣрнымъ ему адъютантомъ Фишеромъ и Юліаномъ Нѣмцевичемъ (XV). День 28 Октября былъ предвѣстіемъ нашего несчастія. Хотя Понинскій хорошо зналъ о взятіи начальника, однако не шелъ на помощь и ждалъ на мѣстѣ, за что былъ арестованъ въ Варшавѣ; но не было уже времени судить его.

Послѣ взятія Костюшки наступила полная неурядица, и войска въ отчаяніи бросали оружіе. Энергія народа была связана съ его лично-стью. Колонтай объявилъ начальникомъ въ Совѣтѣ (вопреки желанію и всеобщимъ надеждамъ, вмѣсто любимаго солдатами и хорошо имъ извѣстнаго Мадалинскаго) гражданскаго человѣка, Томаша Вавжецкаго. Воодушевленіе войска окончательно погибло. Мы отступили подъ Варшаву; достойный комендантъ Варшавы Орловскій поспѣшилъ съ окончаніемъ батарей и фортификацій Праги, которыя требовали по своей обширности много войска для обороны. Генераль Заіончевъ командовалъ въ Прагѣ. Въ день 1-го Ноября Мадалинскій съ Домбровскимъ, получивъ извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Костюшки, поспѣшили въ Варшаву, покинувъ взятый въ Пруссіи Быдогощъ. Въ день 3-го Ноября, мы, штабные офицеры, пріѣхали къ Мадалинскому уговаривать его взять на себя начальство: было рѣшено избрать и объявить его съ помощью войска. Еще Мадалинскій не соглашался на это, какъ въ день 4-го Ноября, еще до восхода солнца, Суворовъ, послѣ непродолжительнаго штурма, овладѣлъ, съ помощью денегъ и оружія, несчастною Прагою. Ясинскій, прославившійся во время Виленскаго возстанія и стоявшій со своимъ корпусомъ у заставы Шмуля, не хотѣлъ сдаться и палъ съ честью на полѣ битвы. Взятіе Праги ознаменовалось убійственной рѣзней. Было убито 17 тысячъ жителей женщинъ и дѣтей, а Прага разорена и сожжена. Нѣкоторые изъ нашихъ погибли, другіе утонули въ Вислѣ, потому что мостъ со стороны Праги былъ сожженъ. Вся Варшава дрожала отъ страха (XVI).

XIII. Въ день 5-го Ноября король послалъ Суворову извѣстіе о желаніи Варшавы сдаться на капитуляцію. Суворовъ не хотѣлъ приступать къ этому, пока ему не выдадутъ заложниками Игнатія Потоцкаго, Колонтая, президента Закржевскаго и полковника Килинскаго. Трое изъ нихъ охотно отдали себя въ жертву и, пренебрегая смертью, съ благородной храбростью поѣхали къ Суворову, который плѣнилъ этихъ заложниковъ и потомъ отправилъ въ Петербургъ. Городъ выкупился 46 тысячами червонцевъ. Самъ же Колонтай, еще раньше 4-го Ноября, бѣжалъ вмѣстѣ со своимъ братомъ изъ Варшавы, взявъ съ собой брилліанты

и серебро, которое было пожертвовано и тѣ, которые онъ похитилъ какъ бывшіе на сохраненіи; кромѣ того у него была значительная сумма въ золотѣ, которое онъ раньше вымѣнялъ за кредитныя бумажки. Но онъ не воспользовался этой покражей; хотя Вышковскій былъ посланъ въ погоню за нимъ и догналъ его въ Гуже, однако они спокойно растались другъ съ другомъ: Колонтай съумѣлъ опутать Вышковскаго. Онъ спѣшилъ добраться до императорскаго кордона, думая тамъ быть въ безопасности; но рука Божественнаго правосудія пала на Колонтая: какъ только онъ вѣхалъ въ Галицію, Австрійское правительство тотчасъ арестовало его, потому будто бы Колонтай принадлежалъ къ Венгерской революціи Мартини (XVII). У него отняли всѣ сокровища и драгоценности, бывшія при немъ (его братъ впрочемъ часть ихъ увезъ). Самъ Колонтай былъ плѣненъ и отправленъ въ Голомунецъ. Въ 1797 г. его привезли въ Брынь (Бернъ) и тамъ обременили 24 фунтовыми кандалами, о чемъ можно прочесть подробнѣе въ историческихъ выпискахъ о жизни короля (XVIII).

Въ день (?) Ноября мы отправились съ Мадалинскимъ и Домбровскимъ къ Конскимъ. Тамъ начальникъ Вавжецкій подвергся нападенію во дворцѣ со стороны корпуса товарищей Мадалинскаго, но спасся, приказавъ разсыпать нѣсколько бочекъ денегъ съ порубленными обрубками. Товарищи занялись собираніемъ разсыпанныхъ денегъ, а Вавжецкій бѣжалъ къ Русскимъ и доѣхалъ подъ Русской охраной въ Радошицы.

Въ день 12-го Ноября мы остановились въ Малогощы, гдѣ изъ поданныхъ рапортовъ числилось въ обозѣ 10 тысячъ людей. Мы хотѣли пройти на проломъ черезъ Пруссію къ Французамъ; намъ помогла въ этомъ Сѣрадская инсurreкція подъ предводительствомъ генерала Скаржевскаго, съ которой мы встрѣтились за Радошицами и нашли ее въ хорошемъ состояніи; но въ обозѣ появился нѣкто Звѣржховскій, Галичанинъ, прибывшій изъ подъ Закрочима, изъ обоза князя Юсіа Понятовскаго, который распустилъ слухъ, что тѣ которые возвратятся въ корпусъ войскъ князя Юсіа Понятовскаго будутъ приняты на отечественную службу; къ тому же прибавилъ ложь, что мы продали Пруссакамъ нашихъ братьевъ и потому стремимся внутрь Пруссіи, чтобы отдать ихъ Пруссакамъ. Распустивъ такую басню, онъ поспѣшно бѣжалъ изъ обоза (потому что былъ бы повѣшенъ), но произвелъ на войско до такой степени сильное впечатлѣніе, что въ одну ночь почти 5000 человекъ покинуло обозъ; нашлись даже такіе, которые осмѣлились упрекать насъ въ измѣнѣ. Поэтому мы должны были перемѣнить наше рѣшеніе.

Я вернулся съ отрядомъ въ Радошицы, гдѣ заключилъ капитуляцію съ Русскими. Я получилъ отставку отъ Вавжецкаго, а своимъ подчиненнымъ далъ ее самъ и взялся отвести 250 человекъ на свой счетъ и попеченіе до Варшавы съ оружіемъ и лошадьми. Я встрѣтился около Радошицъ съ полковникомъ Боровскимъ (косой ¹⁾ гусарскаго полка), который отблагодарилъ меня за оказанное ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ благодѣяніе. Этотъ достойный полковникъ пошелъ вмѣстѣ со мной въ Варшаву и хлопоталъ о фуражѣ для людей и лошадей, принадлежавшихъ къ моей командѣ. Я прибылъ въ Варшаву, взявъ тамъ у Суворова паспортъ, распустилъ людей, изъ которыхъ почти 80 человекъ вернулось со мной вмѣстѣ ко мнѣ домой, не лишившись ни оружія, ни лошадей, чѣмъ я обязанъ полковнику Боровскому.

Вернемся къ Австрійцамъ. Убѣдившись послѣ битвы подъ Маціо-вицами въ измѣнѣ ихъ, маіоръ отъ кавалеріи Цыбульскій и маіоръ Кучинскій отъ ополченія Дрогицкаго напали подъ Юзефовомъ въ 300 человекъ на Австрійскій обозъ безъ всякаго приказанія изъ главной квартиры, въ числѣ 4000, и разсѣяли его; они взяли 70 лошадей и двѣ галеры овса на Вислѣ; нѣсколько десятковъ Австрійцевъ погибло, а 40 человекъ взятыхъ въ плѣнъ отправлено въ Варшаву. Причиною такого поступка Поляковъ съ Австрійцами было безчеловѣчное ихъ обращеніе съ Польскимъ войскомъ на границѣ: его принуждали къ службѣ, держали въ плѣну, отнимали вещи, лошадей и варварски морили голодомъ, били Поляковъ.

Такимъ образомъ всѣ наши войска послѣ взятія въ плѣнъ Костюшки разбрелись въ разныя стороны. Тѣ, которые ѣхали группой въ нѣсколько человекъ, не избѣжали потерь и нападенія казаковъ. Я по глупости своихъ людей потерпѣлъ, но то, что было при мнѣ и что въ Пилицахъ удалось отнять у грабившихъ казаковъ, то я все въ цѣлости привезъ домой. Денегъ кредитными бумажками осталось 10 тысячъ, потому что я выплачивалъ подчиненнымъ серебромъ до послѣдней минуты; у меня есть на то росписки.

Костюшко вмѣстѣ съ прочими Поляками, бывшими въ плѣну, былъ уволенъ императоромъ Павломъ I только послѣ смерти Екатерины ²⁾.

1. Р. Дениско изъ Волыни пробрался въ Валахію и хотѣлъ тамъ поддержать инсurreкцію, ввелъ въ бѣду нѣсколькихъ помѣщиковъ:

¹⁾ Т. е. предводителя косцовъ, такъ называемыхъ косиньяровъ, у которыхъ вмѣсто ружья—веса? П. Б.

²⁾ Объ освобожденіи Ѳ. Костюшки въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1881 г. I, 385.

Стршалковскаго, Рациборовскаго, Тршецецкаго, Березовскаго и другихъ. Самъ же должно быть совершилъ какую-то измѣну, потому что получилъ въ награду отъ Россіи 1000 душъ. Въ Галиціи особенно преслѣдовали Рациборовскаго, а*), велѣлъ повѣсить въ Черніовцахъ маіора двоюроднаго брата княгини генеральши Чарторыской, Agnoscit (?).

Когда въ 1796 г. наступилъ раздѣлъ Польши, Домбровскій, Княжевичъ, Заіончекъ и много достойныхъ офицеровъ съ опасностью жизни пробрались во Францію. Домбровскій составилъ тамъ проэктъ образованія Польскихъ легионовъ изъ Австрійскихъ плѣнныхъ и дезертировъ. Онъ сдѣлалъ воззваніе, будучи надъ Рейномъ; многіе офицеры на счетъ помѣщиковъ пробрались черезъ Дрезденъ въ эти легионы и тамъ служили Французамъ въ надеждѣ на возрожденіе отечества; эти надежды были тщетны послѣ нѣсколькихъ послѣдовавшихъ трактатовъ, но случилось непредвидѣнное обстоятельство: въ 1807 г. возникла Прусская война, послѣ которой было образовано Варшавское княжество.

Въ 1797 г. когда Наполеонъ Бонапарте, въ то время генералъ, былъ подъ Леобеномъ, по почину Берлинскаго двора блеснулъ лучъ надежды. Это сеймъ въ Миланѣ, на который не могъ поѣхать предводитель Малаховскій по старости лѣтъ и послалъ на свое мѣсто Кохановскаго. Устроивали клубы въ разныхъ странахъ, которые вездѣ не удались. Россія преслѣдовала многихъ помѣщиковъ и конфисковала ихъ имѣнія въ Галиціи. Дѣдушицкій, Игнатій Потоцкій, Малаховскій и другіе были арестованы въ Краковѣ. Графъ Лещинскій, преданный Гласкою старостою Хоробровскимъ, бѣжалъ изъ страны. Гласко не выигралъ, хотя ему и подарили Хоробровское староство, онъ навсегда остался въ безславіи.

*) Пропускъ въ рукописи.

Примѣчанія къ Дневнику Цѣшковскаго.

1) Польскіе патриоты, находившіеся въ Дрезденѣ, были: Малаховскій и Казимиръ Сапѣга, маршалы сейма; Игнатій и Станиславъ Потоцкій, священникъ Колонтай, Станиславъ Салтыкъ, священникъ Ксаверій Богушъ, Огинскій, Выбицкій, Дмуховскій и пр. Въ своихъ сочиненіяхъ, относящихся къ дневнику, Цѣшковскій дополняетъ, что состоявшійся въ 1793 году Гродненскій съѣздъ, не достойный имени сейма и составленный изъ Русскихъ выборныхъ, происходилъ въ присутствіи короннаго виночерпія, маршала Билинскаго. На сеймѣ оказалось только три честныхъ посла: Діонисій Жикорскій Скажинскій и Краснодембскій, которые не соглашались на раздѣлъ Польши и не хотѣли подписать конституцію. Однако они были Сиверсомъ арестованы, прочіе подъ угрозами орудій принуждены согласиться письменно на вторичное раздѣленіе Польши 22 Іюля 1793 г. Щенскій Потоцкій со скорбью убѣдился въ обманѣ, покинулъ конфедерацію и поѣхалъ прямо въ Петербургъ, гдѣ ничего не сдѣлавши отъѣхалъ въ Гамбургъ и тамъ проживалъ до своей кончины. Войско обезоружено. Раздѣлъ подписанъ для Россіи и Пруссіи, Австрія же была исключена. Австрія, оскорбленная тѣмъ, что ее исключили изъ второго раздѣла Польши, хотѣла помогать Костюшкѣ въ Краковскомъ возстаніи. Коловратъ писалъ Костюшкѣ передъ началомъ возстанія, что Полякамъ разрѣшенъ переходъ черезъ Галицію. Когда Костюшко 24 Марта 1794 года сталъ во главѣ народа, Австрія въ началѣ благоволила къ нему; а Польскіе патриоты, находившіеся въ Дрезденѣ, съ помощью тамошняго кабинета, интриговали въ Вѣнѣ, говоря, что въ случаѣ полученія конституціи 3 Мая Поляки выберутъ въ мужа инфантъ одного изъ братьевъ императора и его же на Польскій престолъ. Австрія благосклонно отнеслась къ этому проекту и въ началѣ возстанія поддерживала Поляковъ. Записка Коловрата къ Костюшкѣ отъ 25 Января 1794 г. служитъ доказательствомъ этого. Пруссійскій кабинетъ, узнавъ объ этомъ, все измѣнилъ въ продажномъ Вѣнскомъ министерствѣ: было обѣщано допустить Австрію къ третьему раздѣлу Польши. Этотъ уговоръ былъ подписанъ 18 Мая 1794 года. Прусское правительство измѣнически поступило съ Поляками, такъ какъ вмѣсто обѣщанныхъ по трактату субсидій прежде всего потребовало уступки Торна и Данцига; затѣмъ ввело въ Польшу свои войска, якобы опасаясь распространившагося въ Польшѣ якобинства; дѣйствительная же цѣль его заключалась въ томъ, чтобы ускорить раздѣлъ. Въ томъ же 1793 году на Гродненскомъ сеймѣ подъ предѣтельствомъ Билинскаго былъ подписанъ второй раздѣлъ Польши, по которому Пруссійскій король получилъ остальную часть Великой Польши и подви-

нуль границы на разстояніи трехъ миль отъ Варшавы до Блонья по устьѣ рѣки Бзуры, до Вислы подъ Вышгородомъ. Конституція 3 Мая избавила бы отъ пагубной анархіи и выборовъ, утвердила бы престолонаслѣдіе за Саксонской инфантой, мужа которой долженъ былъ избрать народъ. Затѣмъ въ исторіи Соловьева говорится, что 27 Мая король Станиславъ-Августъ имѣлъ любопытный разговоръ съ Игнатіемъ Потоцкимъ, который клялся, что онъ не якобинецъ; „но такъ какъ должно дѣлать стрѣлы изъ всякаго дерева и такъ какъ крестьяне сдѣлали и дѣлаютъ много для революціи, то надобно имъ льстить до известной степени, равно какъ и горожанамъ; а потомъ, мало по малу, надобно обрѣзывать все, что будетъ слишкомъ“. Когда король спросилъ Потоцкаго: Каковы наши отношенія къ Австріи, палатинъ Венгерскій будетъ ли моимъ наслѣдникомъ съ условіемъ принятія конституціи 3 Мая? Потоцкій (отвѣчалъ): „Дѣло объ этомъ только начинается. Если Тугутъ (Австрійскій министръ) утвердитъ свой кредитъ, то наши надежды могутъ усиливаться...“ Главными заправителями дѣла въ Варшавѣ были генераль графъ Даялинскій, купецъ Капостасъ, родомъ Венгерецъ, съ 1780 года переселившійся въ Варшаву, Спись, Павлиновскій, Ельскій и Алое.

II) Княгиня Изабелла Чарторыская, урожденная графиня Флемингъ, особенно желала, чтобы вождемъ былъ Костюшко и, еслибъ возстаніе окончилось благополучно, то герцогиня Вюртембергская, урожденная Чарторыская, была бы выдана за него замужъ, дабы домъ князей Чарторыскихъ пользовался вліяніемъ въ демократическомъ управленіи. Княгиня генеральша, истинная Польшка, всячески помогала возстанію. Въ воспоминаніяхъ Северина Букара есть характеристика Адама Чарторыскаго. Князь Адамъ Чарторыскій, генераль Подольскихъ земель, Люблинскій посоль. Замѣчено было, что на этомъ сеймѣ онъ не особенно горячо стоялъ за родину. Это объясняли тѣмъ, что у него были большія земельныя собственности въ Австрійскихъ и Русскихъ окраинахъ, а также отличія, полученныя имъ отъ иностранныхъ государей. Дѣйствительно, онъ носилъ ордена Русскій, св. Андрея и Австрійскій, Золотого Руна, состоялъ Австрійскимъ генераль-фельдцейхмстеромъ и шефомъ какого-то полка въ Галиціи. Къ этому надо прибавить родственныя связи: герцогъ Людвигъ Вюртембергскій, его зять, былъ роднымъ братомъ супруги Павла, въ то время Русскаго великаго князя, и супруги императора Франца. Въ битвѣ подъ Дубенкою, продолжавшейся нѣсколько часовъ, 18 Юля 1792 г., Костюшко выказалъ свои военные таланты. Ему съ четырьмя-пятью тысячами войска пришлось встрѣтить наступающую Русскую армію. Чтобы сохранить позицію и пощадить свою малочисленную армію, Костюшко счелъ необходимымъ окопаться. Когда Русскія войска начали переходить рѣку Бугъ, Поляки стали стрѣлять изъ всѣхъ батарей. Между тѣмъ наступили сумерки. Генераль Костюшко, видя, что Австрійская граница не является для Русскихъ препятствіемъ и сообразивъ, что они могутъ ночью стянуть сюда значительныя силы и поставить Польскія войска между двухъ огней, велѣлъ отступать, и Поляки двинулись уже довольно позднимъ вечеромъ, чтобы соединиться со своей колонной.

Послѣ присоединенія короля къ Тарговицкой конфедераціи, Костюшко оставилъ службу и сначала жилъ въ Варшавѣ, потомъ поѣхалъ во Львовъ, чтобы удостовѣриться, правда ли, что всѣ говорили и писали въ газетахъ, будто госпожа Косаковская подарила ему имѣніе съ 20.000 флориновъ дохода. Костюшко отказался отъ подарка, хотя былъ бѣденъ. Публика женила его тогда разомъ на пяти женщинахъ, хотя онъ ухаживалъ за одною, вдовою Потоцкаго съ цѣлью жениться, но дѣло не сладилось. Въ Замость Австрійскій офицеръ приказываетъ ему отъ своего правительства оставить Австрійскія владѣнія и даже Польшу. Костюшко отправился въ Липскъ, гдѣ нашелъ Игнатія Потоцкаго, Колонтая, Забѣллу, Вейсенгофа и другихъ эмигрантовъ. Получая извѣстія о событіяхъ 1793 года въ Польшѣ, они придумывали средства, какъ бы помочь бѣдѣ. Эмигранты обращались за помощью къ Австріи и Франціи. Костюшко возвратился снова въ Липскъ, куда явились къ нему посланные отъ Варшавскаго комитета съ просьбою принять начальство надъ войскомъ, котораго болѣе 20.000, такъ какъ рѣшились защищать Варшавскій арсеналъ, который Русскіе хотятъ непременно взять, и надобно бояться, чтобы дѣло уже не началось въ Варшавѣ.

III) Дзялынскій въ Киевской области, Малиновскій въ Волинской; въ Брацлавской староста Михальскій, Викентій Гжимала, Стшалковскій Антоній, Бжезинскій Михаилъ, Стадницкій и др.

IV) Кречетниковъ далъ генералу Любовицкому 20 тысячъ червонцевъ съ тѣмъ, чтобы онъ переманилъ Польское войско на Русскую службу. По смерти Кречетникова его мѣсто занялъ генералъ Долгоруковъ, который, видя бесполезность этой издержки на Польское войско и безуспѣшныя попытки Любовицкаго, заставилъ послѣдняго вернуть полученныя имъ деньги, говоря: Кречетниковъ не написалъ, что подарилъ ихъ тебѣ, а выразился: далъ; слѣдовательно ты долженъ вернуть ихъ. Изъ за этого Любовицкій лишился и барыша, и добраго имени. Баронъ Игельстромъ въ своемъ письмѣ къ князю Репнину изъ Варшавы отъ 3—14 Апрѣля 1794 г. пишетъ: „Я имѣлъ честь донести вашему сіятельству о взбунтовавшейся бригадѣ національной кавалеріи Мадалинскаго... Мадалинскій, переходя черезъ новыя Прусскія границы, совершилъ грабежи и насилія; затѣмъ онъ переправился черезъ рѣку Пилицу и пошелъ въ Сандомирское и Краковское воеводства, откуда, присоединивъ къ себѣ всѣ стоявшія на квартирахъ Польскія войска, направился къ Кракову. Въ это же время, 13—24 Марта, въ Краковѣ появился Польскій генералъ Костюшко, который, принявъ званіе главнокомандующаго національными силами, объявилъ всѣмъ свободу, въ родѣ Французской революціи. Когда городъ принесъ присягу, онъ разослалъ ко всему Польскому народу и войску манифестъ и актъ возстанія, исполненный началъ нынѣшняго вреднаго ученія Французовъ... Мятежнику этому, ослѣпившему народъ и войско столь заманчивыми предложеніями, удалось сразу привлечь на свою сторону нѣсколько тысячъ какъ Польскихъ войскъ, такъ и мелкихъ дворянъ и простолюдиновъ. Постъ этого событія, я собралъ войско, состоящее подъ моимъ начальствомъ, и отправилъ одинъ отрядъ по направленію къ Кракову,

а другой содержу въ Варшавѣ, такъ какъ замѣтилъ, что и въ Варшавѣ таится духъ заговора среди людей разнаго рода и сословія, съ цѣлью воспламенить весь здѣшній край къ мятежу и ввести гибельную Якобинскую систему. Болѣе того, я замѣтилъ даже, что Варшава была предназначена для начатія революціонныхъ дѣйствій, къ которымъ городъ уже готовился... Командированныя мною въ Краковъ войска (подъ начальствомъ генералъ-маіоровъ Денисова и Тормасова) уже трижды сражались съ мятежниками. Двѣ первыя встрѣчи были для насъ удачны; третья же, произошедшая всего въ 5 миляхъ отъ Кракова въ мѣстечкѣ Рацлавичи (самъ Костюшко стоялъ во главѣ собравшагося войска, состоявшаго изъ всякаго сброда, вооруженнаго пиками и топорами и ведомаго на бой подобно пьянымъ) является для насъ въ нѣкоторомъ родѣ памятной неудачей“. Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 5 Апрѣля 1794 года Игельстромъ пишетъ. „Возстало все коронное войско, кромѣ Варшавскаго гарнизона въ 4000 чел.; число возставшихъ равняется 18000. Якобинскія конфедераціи составились въ Краковѣ и въ воеводствахъ Краковскомъ, Сандомирскомъ, Люблинскомъ, Холмскомъ, Волынскомъ и Луцкомъ. Собирается страшная гроза. Пусть только войдетъ армія Салтыкова: она все усмирить. Суворовъ можетъ занять его мѣсто. Ручаюсь, что черезъ два мѣсяца все будетъ подавлено. На Прусаковъ и Австрійцевъ совсѣмъ нельзя полагаться. Прусакъ уже не тѣ, какими были при Фридрихѣ II: теперъ они не смѣютъ никого трогать“.

V) Король говорилъ Мокрановскому приблизительно слѣдующее: „Что бы ни говорили обо мнѣ, я все же не могу не любить нашу общую родину; я горячо желаю и желаю счастья моей странѣ, съ которой тѣсно связана моя судьба. Тебѣ, быть можетъ, извѣстно, кто первый добился кабинетныхъ переговоровъ и кто старался предостеречь благомыслящихъ Поляковъ... Революція необходима“... Мокрановскій не посмѣлъ высказаться столь же откровенно королю, но подтвердилъ этотъ его разговоръ съ нимъ... Екатерина II узнала, что король содѣйствовалъ Варшавской революціи и въ наказаніе за это не дала ему умереть на престолѣ, считая его измѣнникомъ.

VI) Получивъ отъ курфюрста въ Дрезденѣ безопасное убѣжище, патріоты работали энергично. Между тѣмъ Игельстромъ предположилъ, что они скрылись отъ его преслѣдованій и былъ очень радъ ихъ отсутствію.

VII) Въ этой запискѣ Коловратъ увѣрялъ Костюшку въ заступничествѣ Австріи. Они потому были рады начать революціонныя дѣйствія въ Краковѣ, что, въ случаѣ неудачи въ самомъ началѣ, Костюшко и его приверженцы будутъ имѣть возможность сейчасъ же скрыться въ Австрію, гдѣ всѣ могутъ надѣяться на защиту со стороны правительства, и что Калембергъ, вице-губернаторъ Львова, получилъ отъ двора точное предписаніе соблюдать нейтралитетъ, не препятствуя переходу Польскихъ войскъ черезъ Галицію, не отказывая въ выдачѣ паспорта Галиційцамъ, желающимъ принять участіе въ возстаніи, и помогая Полякамъ *reg voça officia*. Такъ было въ началѣ.

Въ хроникѣ рода Дѣдулицкихъ упоминается подробно о соучастіи Валеріана графа Дедулицкаго (рожденнаго въ 1754 г., Польскаго помѣщика въ

Галиціи) въ Польскомъ возстаніи Костюшки. Когда 24 Марта 1794 г. Костюшко поднялъ въ Краковѣ оружіе противъ Москвы, то въ рядахъ его войска находились оба сына Валеріана, которыхъ отецъ отдалъ было въ кадетскій корпусъ въ Варшавѣ, и самъ по мѣрѣ возможности помогалъ этому дѣлу. Іосифъ Джевицкій, Волынской уроженецъ, ставшій впоследствии шефомъ легионовъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, получивъ отъ Костюшки, вмѣстѣ съ чиномъ полковника, порученіе сформировать Волынскую милицію и будучи уже лично знакомъ со многими вліятельными Галичанами, онъ отправился въ Львовъ подъ ихъ покровительство, въ надеждѣ, чтоони облегчатъ возложенную на него задачу подъ Бродами на границѣ Волынской земли и т. д. „Уже тогда Львовское общество имѣло опредѣленный составъ: председателемъ былъ Дѣдулицкій, совѣтниками Держаковскій (Іосифъ), Лещинскій, Валевскій, Венглинскій и Сталковскій; Кригеръ, выборный отъ городовъ, поддерживалъ ихъ сношенія съ Варшавой; сношенія со Стамбуломъ жившій тамъ же генералъ Рышковичъ; съ Франціей и Италіей Веветынскій (псевдонимъ); съ Парижемъ сенаторъ Дгинскій; съ Литвой Прозоръ; съ Венеціей, Коцелль. „Я, говоритъ Дѣдушицкій, былъ принятъ этими лицами; они посоветовали мнѣ не таить данныхъ мнѣ порученій передъ правительствомъ. Меня привели къ генералу Арнонкуру, командовавшему въ Галиціи“. Последній хорошо принялъ его и заявилъ, что правительство не станетъ препятствовать его намѣреніямъ, пока они не нарушаютъ спокойствія въ Галиціи. Онъ сказалъ ему, что сѣдла можно перевезти чрезъ Броды, что косы составляютъ предметъ торговли, что на счетъ оружія не надо хлопотать открыто: можно доставлять его по частямъ, на что мѣстныя власти будутъ смотрѣть сквозь пальцы. Тоже сказалъ ему губернаторъ графъ (Янъ Гайфукъ), присовокупивъ, чтобы онъ забралъ мѣстную молодежь, которая дерется на улицахъ и только усиливаетъ безпокойство“. Въ виду того, что все, повидимому, совершалось подъ верховнымъ руководствомъ Валеріана, слѣдуетъ еще привести строки изъ дальнѣйшаго повѣствованія Джевицкаго: „что онъ отправился въ Броды, куда ему немедленно прислали группу молодыхъ людей, которые тотчасъ же разошлись по странѣ, вербуя добровольцевъ; что были начаты сношенія съ Волынской областью, гдѣ майоръ Блендовскій, коронный стражникъ Чосновскій и другіе собирали людей“ и т. д. Эти люди, число которыхъ достигло нѣсколькихъ сотенъ, скрывались въ Радзивилковскихъ лѣсахъ на Галиційской границѣ. Когда же пришло извѣстіе, что командующій проигралъ битву подъ Щекотиномъ (6 Іюня 1794 г.), а генералъ Заіончекъ 8 Іюня подъ Холмомъ, и Русскіе подъ начальствомъ генерала Салтыкова окружили Радзивилковскіе лѣса: то въ Бродахъ арестовали Джевицкаго, Чосновскаго и Блендовскаго. Туда пріѣхалъ изъ Львова на военный судъ генералъ Шнейдауеръ; потомъ подсудимыхъ перевели въ Львовъ въ военно-гражданскій судъ, но обращались съ ними весьма снисходительно. Сюда изъ Вѣны пришелъ приказъ освободить ихъ съ тѣмъ, чтобы они немедленно выѣхали изъ страны. Джевицкій успѣшилъ увѣдомить обо всемъ командующаго Костюшку въ Варшавѣ; сей послѣдній приказалъ ему снова вернуться въ Львовъ для

организованія въ Галиціи пожертвованій и доставки уже собранныхъ денегъ. Онъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Львовъ подъ видомъ лакея Лещинскаго. Между тѣмъ изъ Варшавы выслали въ разныя стороны лицъ, способныхъ поднять возстаніе. Одинъ отрядъ изъ корпуса генерала Адама Понинскаго поручили Іоахиму Денискъ, бригадиру Волинской бригады. Девичкій послалъ командующему деньги, собранныя въ Львовѣ полковникомъ королевской гвардіи, Сталковскимъ, и затѣмъ самъ поспѣшилъ въ Варшаву. Когда же генералъ Карлъ Сѣраковскій потерпѣлъ пораженіе 16 и 17 Сентября подъ Крупчицами и Брестъ-Литовскомъ и еле-еле поспѣлъ въ Окшу и Желехово на помощь генералу Понинскому, находившемуся подъ Демблиномъ, чтобы сообща помѣшать переправѣ генерала Ферзена черезъ Вислу, когда затѣмъ самъ командующій попалъ въ плѣнъ во время злополучнаго сраженія подъ Мацио-вицами (10-го Октября 1794 г.), Дениско пробился со своимъ отрядомъ черезъ Волинь въ Молдавію, тогда отовсюду раздался отчаянный вопль: „Кто любитъ родину, пусть бѣжитъ въ Волощизну *)!“ единственное убѣжище, куда дѣйствительно устремилась молодежь.

VIII) Въ книгѣ „Жизни Костюшки“ Ѳедора Захлинскаго объ этомъ упоминается такъ. Т. Костюшко пріѣхалъ въ Краковъ въ ночь съ 23 на 24 Марта 1794 г. въ сопровожденіи Евстафія Колонтая, священника Демховскаго и Зайончека... Толпа народа сопровождала вождя, окруженнаго знатнѣйшими лицами, въ ратушу, гдѣ ему тотчасъ же былъ врученъ актъ возстанія, подписанный жителями города Кракова и именующій его „главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами“, съ диктаторской властью. На разсвѣтѣ въ Лоретанской часовнѣ Калудинской церкви священникъ, согласно древнему Польскому обычаю, освящаетъ сабли новаго диктатора и генерала Водичкаго; народъ въ энтузіазмѣ присягаетъ родинѣ передъ знаменемъ Яна III, вынесеннымъ изъ собора. „Дай Богъ побѣдитъ или умереть!“ восклицаетъ Костюшко, поднимая кверху освященный мечъ „Да здравствуетъ нашъ вождь, свобода и Польша“, отвѣчаетъ ему толпа, принося въ жертву родинѣ всевозможныя драгоценности и сотнями записываясь въ ряды добровольцевъ. Александръ Ливовскій читаетъ на рынкѣ актъ народнаго возстанія. Того же дня издалъ Ѳ. Костюшко два воззванія до народа, другое до Польскихъ женщинъ для общаго содѣйствія.

IX) По словамъ автора „Жизни Костюшки“ 12 орудій съ лошадьми и амуницией достались побѣдителямъ. 1500 Русскихъ осталось на полѣ сраженія.

X) Генералъ Арсеньевъ, писалъ Цѣшковскій, былъ зять губернатора Тутолмина, который за нѣсколько недѣль до этого спасъ мнѣ жизнь въ Несвижѣ. Когда я пріѣхалъ и рассказалъ о всемъ главнокомандующему, то Костюшко отправилъ меня къ Арсеньеву, чтобы передать ему за это 200 червонцевъ, которые я и вручилъ изумленному генералу за оказанную мнѣ

*) Т. е. въ Валахію. П. Б.

помощь. Потомъ я много разъ навѣщалъ его въ плѣну и испросилъ разрѣшеніе, чтобы ему было позволено гулять въ саду Красинскихъ.

XI) Продажный Московскій приверженецъ Шидловскій, Мельницкій староста, по словамъ Цѣшковскаго во время суматохи спасъ жизнь Игельstromу. Затѣмъ этотъ измѣнникъ отчизны въ каретѣ привезъ его къ Прусскому кордону въ Блонье, находящееся въ 3-хъ миляхъ отъ Варшавы. Однако это показаніе историкомъ Соловьевымъ опровергается, который пишетъ, что Игельstromъ, отступая изъ Варшавы и подъ выстрѣлами преодолевая множество затрудненій, пробрался съ своимъ отрядомъ за городъ и соединился съ Прусаками на дачѣ княгини Чарторыской въ Повонзкахъ.

XII) Іосифъ Зайончекъ въ своемъ „Памятникѣ“ о причинѣ избіенія Россіянъ ночью въ Варшавѣ пишетъ слѣдующее. Когда они такъ колебались, одинъ Варшавскій мѣщанинъ, по имени Килинскій предостерегъ ихъ, что Русскіе собираются овладѣть арсеналомъ и это они приведутъ въ исполненіе свое намѣреніе въ Великую Субботу; что пушечный выстрѣлъ, возвѣщающій обыкновенно Свѣтлое Воскресеніе, условлено считать знакомъ ко всеобщей атакѣ; что Русскіе, переодѣтые въ Польскіе мундиры, будутъ составлять обычную въ этотъ день почетную стражу въ костелахъ, и что эта мнимая стража запретъ народъ въ костелахъ, гдѣ онъ будетъ слушать богослуженіе, чтобы лишить его возможности защищаться; въ это время будутъ атакованы арсеналъ и Польскія казармы. Наконецъ онъ увѣрялъ, что портной, жившій рядомъ съ нимъ, уже изготовлялъ мундиры, въ которые Русскіе должны переодѣться. Очевидно необходимо было заявить опасность для того, чтобы окончательно склонить умы къ выбору извѣстныхъ средствъ для выполненія своихъ намѣреній. Нѣкоторые артилерійскіе офицеры, принадлежавшіе къ союзу, взяли на себя задачу атаки, чѣмъ совершенно успокоили остальныхъ союзниковъ. Этотъ уважаемый корпусъ былъ самый крѣпкой основою возстанія; онъ сообщилъ остальному войску свое патріотическое воодушевленіе, которое поддерживалъ съ помощью тайной корреспонденціи.

О Іоаннѣ Килинскомъ Соловьевъ въ своей „Исторіи паденія Польши“ пишетъ: „Въ 1780 году пріѣхалъ изъ Познани въ Варшаву башмачникъ Янъ Килинскій. Молодой, ловкій, краснобай Килинскій въ короткое время пріобрѣлъ большую извѣстность у Варшавскихъ дамъ, сдѣлался моднымъ башмачникомъ, купилъ два каменныхъ дома, сталъ членомъ Магистрата. Будучи самымъ виднымъ человѣкомъ въ цехѣ сапожниковъ, многочисленнѣйшимъ изъ Варшавскихъ цеховъ, Килинскій могъ оказать возстанію самую дѣятельную помощь. Ксендзъ Майеръ свелъ его съ офицерами-заговорщиками; но первое свиданіе, первое братское цѣлованіе съ ними дорого стоило Килинскому“. Килинскій былъ скоро призванъ къ Игельstromу по доносу (онъ описалъ въ своихъ „Памяткахъ“ свой разговоръ съ нимъ), но онъ успѣлъ послѣдняго обмануть, и отпущенный на свободу сталъ всѣми силами собирать заговорщиковъ. Днемъ возстанія назначенъ былъ Четвергъ Страстной недѣли 6-го (17) Апрѣля... Килинскій раздавалъ деньги черни, роздалъ 6.000 злотыхъ (показаніе Деболи, неизданныя). Между войскомъ разгласили, что Русскіе въ

эту ночь овладѣютъ арсеналомъ и пороховымъ магазиномъ (Записки короля Станислава Понятовскаго, неизданныя)... Въ 4 часа утра... изъ арсенала даны были сигнальные выстрѣлы. Генераль Циховскій послалъ приказъ полку Дзялинскаго выступать, а самъ изъ окна кричалъ народу: „къ оружію!“... Теперь, какъ пишетъ графъ Іосифъ Красинскій... Подольскій башмачникъ, Янъ Килпнскій... съ Марьянскимъ, мясникомъ, повелъ народъ на безумное дѣло... Захватъ арсенала въ Варшавѣ далъ заговорщикамъ оружіе въ руки. „Игельстромъ церемонился (пишетъ С. Соловьевъ), не хотѣлъ захватывать арсенала и войскъ, зараженныхъ революціоннымъ духомъ, уважая права союзнаго государства; но заговорщики не церемонились, разглашая, что Русскіе намѣрены захватить арсеналъ и въ наступающее Свѣтлое Воскресенье произвести всеобщую рѣзню въ Варшавѣ, въ которой Прусаки примутъ ревностное участіе, что слѣдовательно надобно предупредить враговъ возстаніемъ“.

XIII) Въ Воспоминаніяхъ Я. Дуклана Оходскаго говорится: „Король спокойно пребывалъ во дворцѣ, къ нему ни съ чѣмъ не обращались, и онъ тоже ни во что не вмѣшивался; его отношенія къ командующему и Совѣту были какъ-то неувѣренны, неопредѣленны или, скорѣе, совершенно ихъ не было; однако ко дворцу былъ приставленъ одинъ полкъ съ орудіями для стражи. Король, который прежде присутствовалъ всегда у обѣдни въ одиннадцать часовъ утра, въ своей ложѣ, въ костелѣ св. Іоанна отсутствовалъ. Я ходилъ туда въ Воскресенье съ тѣмъ, чтобы его увидѣть. Его прежняя свита, генералы-адъютанты, священникъ Нарушевичъ, придворный маршалъ Александровичъ, обергофмейстеръ Кенигсфельдъ, камергеры, пажи, всѣ вообще обитатели дворца нигдѣ не бывали и не появлялись въ городѣ. А между тѣмъ придворные не значились въ спискѣ обвиняемыхъ, оттого ли, что они были невинны, или же оттого, что, быть можетъ, отдано было распоряженіе не нарушать спокойствія короля“.

Польскій народъ во время возстанія подъ Варшавой не запятналъ кровью королевскій престолъ, и особа короля была неприкосновенна: муниципалитетъ посылалъ стражу, чтобы воспрепятствовать его выѣзду изъ города въ видахъ его же личной безопасности. Костюшко не нарушилъ почтенія, должнаго королю; ради него онъ уважалъ даже брата короля, примаса: когда были перехвачены письма примаса въ Прусскій лагерь, Костюшко вручилъ оригиналы этихъ писемъ королю. На другой день примасъ скоропостижно скончался и былъ похороненъ частнымъ образомъ. 19-го Іюля, король съ примасомъ съѣхались въ Варшавѣ обѣдать въ домѣ жены воеводы Хильзена. Тутъ былъ и Костюшко, который скромно вручилъ королю письма примаса, говоря: „Разсудите сами это дѣло, ваше величество“. Затѣмъ примасъ отъ страха отравился. На слѣдующій день во время похоронъ свѣтскія лица не смѣли присутствовать; въ костелѣ Св. Креста была отслужена частная панихида, и тотчасъ же по улицамъ Варшавы были разбросаны стихи:

Что за вѣкъ? Что за время?

Никто въ Варшавѣ не оплакиваетъ смерти примаса.

Потомокъ Ягелловъ, родственникъ престолу,

Скопчался измѣнникъ безнаказанно, скоростижно.

Онъ дерзко попираетъ великія права челоуѣка (свободу).

Нищихъ окидывалъ издали высокоумѣреннымъ взглядомъ.

Природа отмстила этому рукоположенному истукану,

Ненавистный... съ радостью ввергнуть въ могилу.

Онъ былъ бременемъ для короля и народа и измѣнникомъ столицы.

Пожалѣемъ лишь о томъ, что сей преступникъ избѣгъ висѣлицы.

Доминикъ Магнушевскій согласно исторіи и достовѣрно передаетъ догадки и подробности о внезапной смерти примаса. Здѣсь надо прибавить, что, по рассказамъ Северина Букара, къ постыдному наказанію былъ назначенъ гр. Мошинскій, скупой, эгоистъ, при этомъ чрезвычайно богатый, не столько земельными собственностями, сколько драгоценностями; ибо говорили, что онъ былъ натуральнымъ сыномъ Августа II Польскаго короля. Я слышалъ, то во время Варшавскаго возстанія въ 1794 г., когда народъ, подстрекаемый демагогами, вѣшалъ нѣкоторыхъ негодяевъ, его уже тащили было къ висѣлицѣ; но Закшевскій, Познанскій посолъ, пользовавшійся большою популярностью (ибо записался въ книгу мѣщанъ и былъ въ то время президентомъ города Варшавы) вымолилъ для него свободу. Объ этихъ ужасныхъ происшествіяхъ говорится въ Воспоминаніяхъ Яна Дуклана Охоцкаго. Тутъ ведутъ государственныхъ преступниковъ, только что извлеченныхъ изъ роскошныхъ покоевъ; тамъ осаждаютъ дворцы и квартиры, чтобы схатить новыя жертвы, все равно, занесены ли ихъ имена въ списокъ осужденныхъ или нѣтъ: они виноваты ужъ потому, что спокойно сидѣли дома. Чернь, большей частью пьяная, повторяетъ возгласы вожаковъ: Да здравствуетъ командующій, Колонтай, Игнатій и Станиславъ Потоцкіе! Проѣзжая по всѣмъ улицамъ, я долженъ былъ повторять изо всѣхъ силъ со своими солдатами крики толпы. Вожакими ея были мѣщанинъ, башмачникъ Килинскій, Бялогловскій, Копостаць, родомъ съ острововъ Архипелага, недавно лишь натурализовавшійся въ Польшѣ, и Еврей Берко, полковникъ Еврейскаго полка... Я ходилъ по улицамъ изъ любопытства; въ большинствѣ домовъ окна были выбиты, стѣны выщерблены и выломаны пушечными ядрами; нѣкоторыя стѣны походили на рябыя лица отъ стрѣльбы картечью. Ужаснѣе всѣхъ пострадалъ Брилевскій дворецъ, смежный съ Саксонскимъ: ни оконъ, ни дверей, никакой мебели, все разбито въ дребезги, уничтожено; осколки дорогихъ фарфоровыхъ вазъ, зеркалъ и мраморныхъ изваяній валялись по паркетамъ. Костелы были открыты днемъ и ночью; толпы народа, особенно женщинъ и дряхлыхъ стариковъ, наполняли храмы, свѣчи горѣли не угасая, литургія и молебны совершались непрерывно. Лавки и магазины заперты, и купцы, съ ружьями черезъ плечо, собирали патрули по улицамъ и шли, куда ихъ высылалъ Муниципалитетъ; въ рядахъ находились даже самыя зажиточныя торговцы: Георгій Давидсонъ, Янъ Клиссенъ, Гангель, Тыкель, Гавстль, Герингъ, Берганъ, Манугевичъ, оба Якубовичи, Яшевичъ, Шперль и другіе, которыхъ и не счесть. На дверяхъ казенныхъ зданій были расклеены списки обвиняемыхъ, приговоренныхъ къ казни; число ихъ постоянно возрастало, пополняясь именами, находимыми

въ различныхъ частяхъ города на протоколахъ, регистрахъ и примѣчаніяхъ. О казни осужденныхъ плѣнниковъ Я. Д. Оходкій пишетъ: Разъяренная толпа, приводя въ исполненіе свои прежнія угрозы, бросилась въ пороховой складъ, гдѣ находилась часть обвиняемыхъ, взломала тюрьму и вывела несчастныхъ. Говорятъ, что нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ дейгаузѣ, иные ввизу, во дворцѣ Рѣчи Посполитой, такъ называемомъ дворцѣ Красинскихъ, иные же во флигеляхъ Саксонскаго дворца и на гауптвахтахъ. Увлекая все новыя жертвы на Краковское предмѣстье, толпа ворвалась въ домъ Фридриха М. великокороннаго секретаря, котораго стащили съ кровати, связали и увлекли вмѣстѣ съ другими. По счастью для него объ этомъ донесли Неборовскому, Гоцинскому старостѣ, бывшему въ то время директоромъ монетнаго двора и пользовавшемуся ради личныхъ заслугъ и благодаря женѣ любовью и довѣріемъ народа. Неборовскій выскочилъ изъ кровати и, полуодѣтый, догналъ толпу; у вожака ея, Конопки, секретаря К., оцъ вырвалъ М., котораго ему удалось привести къ себѣ въ домъ. Такимъ образомъ онъ спасъ М. отъ неминуемой смерти. За это онъ получилъ отъ М. на три года деревню, дававшую около восьми тысячъ дохода. Остальные же несчастные, выведенные изъ дейгауза, въ теченіи часа были казнены. Прибыли командующій и линейныя войска, но уже было поздно. Командующій велѣлъ тотчасъ же переловить зачинщиковъ этого кроваваго бунта; предводитель, Конопка и съ нимъ шестьдесятъ другихъ были пойманы; толпа разсѣялась. Конопку и его товарищей тотчасъ же судили военнымъ судомъ. На углахъ улицъ, гдѣ расклеиваются афиши, нашли угрожавшія королю стихотворенія. Между тѣмъ К. усердно хлопоталъ объ освобожденіи мятежниковъ, но напрасно. На слѣдующій день Конопка былъ изгнанъ изъ города, а его шестнадцать товарищей перевѣшены. Вопреки ожиданіямъ экзекуція прошла спокойно, какъ во время мира и правильнаго теченія законовъ. Дальше Я. Дуклянь Оходкій говоритъ: Мы были бы наканунѣ террора, еслибъ не энергія командующаго, Потоцкихъ, Закшевскаго и другихъ мужей, стоявшихъ тогда во главѣ правленія. Говорили (за правду не ручаюсь, но были такіе слухи), что К. былъ зачинщикомъ бунта. Будучи ярымъ врагомъ примаса, онъ мстилъ за устраненіе его отъ пользованія земельными бенефиціями; кромѣ того у него были какіе-то личные счеты съ М. Тотъ, кто собственными глазами не видѣлъ подобныхъ сценъ, не можетъ даже представить ихъ себѣ. Это ужасающій феноменъ, который можно считать Божьей карой, уничтожающей все, подобно лавѣ вулкана и обладающею лишь истребительной силой; для меня воспоминанія объ этихъ дняхъ еще и теперь ужасны.

Чѣмъ же кончилась революція? Ө. Костюшко, прославившійся военными подвигами въ Америкѣ, обнаружилъ свою храбрость подъ Дубенкой; любимый войскомъ, извѣстный своими добродѣтелями, онъ сталъ во главѣ народа и 24 Марта составилъ актъ Краковскаго возстанія или инсurreкціи. Австрія вначалѣ относилась дружески, но затѣмъ Пруссія интриги преобразили ее. 18-го Апрѣля того же года въ Великій Четвергъ произошла знаменитая Варшавская революція. До 10-ти тысячъ Русскихъ пали жертвой народнаго от-

чаянія и мести: революціонный судъ приговорилъ къ позорной смерти епископа Масальскаго, Косаковскаго, гетмана Ожаровскаго, кастеляна Анвица, инстигатора Рогускаго и др.

10 Мая полковникъ Ясинскій произвелъ въ Вильнѣ возстаніе подобное Краковскому, но съ меньшимъ кровопролитіемъ, нежели въ Варшавѣ. Косаковскій и Забѣлла повѣшены въ Вильнѣ. 30 Мая судъ Главнаго Совѣта выдалъ резолюцію вѣшать портреты Тарговичанъ. Въ 1794 году князь Гедройцъ организовалъ возстаніе Курляндіи по примѣру возстанія Костюшки; но когда послѣднее окончилось неудачей, и Курляндія не могла противустоять Россіи, ей пришлось выслать депутацію Екатеринѣ II и подчиниться Россіи. Митава въ Семигалии—резиденція Курляндскихъ князей. Въ Митавѣ поселился въ 1803 г. Людовикъ, князь Прованскій, Французскій претендентъ подъ именемъ Людовика XVIII, именующійся теперь *Comte de Lille*.

Въ томъ году Еврей Берко Йоселовичъ, воспитанный на дворѣ князя Масальскаго и за границею, собралъ шайку конницы изъ Еврейскихъ охотниковъ, которыхъ вождемъ былъ наименованъ Берко. Шайка Берка была совершенно уничтожена Россіянами при оборонѣ Праги подъ Варшавою. Впослѣдствіи Берко вписался въ Польскій легіонъ въ Италиі и отличался въ 1807 г., какъ шефъ эскадрона пятого полка конныхъ стрѣльцовъ, подъ Гданскомъ, Липбаркомъ, а особенно подъ Фридландомъ, гдѣ получилъ крестъ *Virtuti militari*. Въ 1809 году, возвратившись въ городъ Коцкъ, онъ хотѣлъ его очистить отъ Австрійскихъ гусаровъ, но былъ со своими ратниками убитъ. Берко родился въ Коцкѣ на р. Вепрелѣ, въ Луковскомъ повѣтѣ, на Русскомъ Забужьи, куда въ 1648 году доходили полки Богдана Хмельницкаго и спалили городъ Коцкъ.

Въ 1794 году Прусскій король измѣннически поступилъ относительно возстанія Костюшки, ибо, не объявляя Полякамъ войны, коварно напалъ подъ Щекотиномъ во время битвы съ Русскими и лишилъ Поляковъ побѣды, одержанной надъ Русскими; онъ много причинилъ вреда. Затѣмъ Костюшко отступилъ подъ Варшаву; Фридрихъ Вильгельмъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль самъ руководилъ осадой Варшавы, но ничего не сдѣлалъ. Когда Мадалинскій съ Домбровскимъ пошли въ Пруссію и заняли тамъ Быдгощъ, Прусскій король, узнавъ объ инсurreкціи Великополянь и объ уtratѣ нѣсколькихъ галерей съ амуницией, лишившись болѣе 600 человекъ подъ Варшавой, атакованный въ своей квартирѣ людьми вооруженными косами и чуть было не схваченный ими, позорно бѣжалъ изъ подъ Варшавы. Послѣднимъ оплотомъ Польши оказалась ея столица, Варшава.

О заговорѣ противъ Θ . Костюшки Михаилъ Залѣскій писалъ 5 Января: П. Богатко возвратился изъ Вильны. Онъ привезъ извѣстіе, что священникъ Колонтай и Зайончекъ подозрѣваются въ измѣнѣ и коварствѣ относительно Костюшки и что найдены доказательства заговора этихъ людей противъ самой же революціи, главнымъ образомъ противъ Костюшки.

О битвѣ подъ Маціовицами Нѣмцевичъ говоритъ: Около пяти часовъ по полудни мы увидѣли отрядъ солдатъ, приближавшійся къ главной квар-

тирѣ, которые везли наскоро сдѣланныхъ носилкахъ полумертваго человѣка. Это былъ генераль Костюшко. Кровь, заливавшая его лицо и тѣло, ужасно отгнѣяла блѣдность и синеу его лица. У него была глубокая рана на головѣ отъ удара саблею и три колотыя раны на спинѣ отъ пикъ; онъ еле дышалъ. По словамъ Соловьева, „честь дѣла принадлежитъ генералу-майору Денисову; Ферзенъ явился уже къ концу битвы. Польскіе генералы Каминскій, Сѣрановскій, Княжевичъ, бригадиръ Копецъ, Нѣмцевичъ, были взяты въ плѣнъ. Около пяти часовъ вечера явился въ главную квартиру отрядъ Русскихъ солдатъ, которые несли полумертваго: то былъ Костюшко. Кровь покрывала его тѣло и голову, лицо было блѣдносине“. „Русскіе дѣйствовали убійственно своей артилеріею... Поляковъ было побито на мѣстѣ 5000, большею частью раненыхъ; уронъ Русскихъ, отъ отчаяннаго сопротивленія непріятелей, былъ немалъ“. Павелъ Первый, вступивъ на престолъ послѣ матери, главнокомандующему Костюшкѣ и другимъ Полякамъ даровалъ свободу. Юліанъ Нѣмцевичъ, получивъ свободу, написалъ въ честь Павла хвалебное стихотвореніе (котораго онъ былъ достоинъ). Въ этихъ стихахъ между прочимъ упоминается о Полякахъ, которые въ 1769 г. во время Барской конфедераціи были взяты въ плѣнъ и сосланы въ Сибирь. Оставшіеся въ живыхъ были теперь возвращены.

О кончинѣ Польскаго короля Цѣшковскій писалъ. Въ 1798 г. дня 12 Февраля закончилъ свое печальное существованіе Станиславъ-Августъ. Онъ родился въ 1732 г. 17 Января, въ Волгинѣ. Былъ избранъ на королевскій престолъ въ 1764 г. Прожилъ 66 лѣтъ. Потомства послѣ себя не оставилъ, ибо умеръ холостымъ*). Его линіи, т. е. братьямъ, предоставленъ княжескій титулъ; ихъ осталось всего двое, Іосифъ и Станиславъ, князя Понятовскіе; оба холосты. Онъ погребенъ въ Петербургѣ. Императоръ Павелъ присутствовалъ на похоронахъ Станислава и надѣлъ ему послѣ смерти деревянную корону на голову. Въ Краковѣ, сооружая гробницу Яну III-му, онъ выбралъ мѣсто и для себя, но не занялъ его. Нѣтъ никакого извѣстія о томъ, сдѣланъ ли королю мавзолей. Въ стихотвореніи Цѣшковскаго, написанномъ на смерть короля, сказано: Лучшаго никто не сочинилъ; если кто-нибудь напишетъ другое, лучшее, то тутъ останется мѣсто, чтобы вписать его.

О причинѣ ужасной Пражской рѣзни пишетъ Фридрихъ Антингъ. Мнѣ извѣстно, что въ кровавой банѣ этого ужаснаго бунта нѣкоторыя газеты и иныя изданія сильно обвиняли главнокомандующаго Русскихъ войскъ; но, оставивъ въ сторонѣ то соображеніе, что при осадѣ крѣпости несравненно труднѣе соблюдать человѣколюбіе, хладнокровіе и строгую субординацію, нежели во время битвы въ открытомъ полѣ, надо обратить вниманіе и на то, что въ этой осадѣ присутствовали нѣкоторые баталіоны, сражавшіеся 8 мѣсяцевъ тому назадъ во время Варшавскаго возстанія, гдѣ погибли многіе ихъ товарищи; ихъ озлобленіе достигло крайнихъ предѣловъ, они сообщили его другимъ и пользовались этимъ случаемъ для мщенія. Послѣ взятія Праги

*) Одинъ изъ воспитанниковъ его былъ Дюгамель, Курляндскій губернаторъ въ царствованіе Александра Павловича. П. Б.

дежурный генералъ привелъ депутатовъ капитулирующей Варшавы къ фельд-маршалу графу Суворову, который сидѣлъ передъ своею палаткой и увидя, что они приближаются, шатаясь, вскочилъ съ мѣста, снялъ саблю, отбросилъ ее въ сторону, воскликнувъ по польски—миръ! поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу, повелъ ихъ въ свою палатку и усадилъ рядомъ съ собой на землѣ. Они много плакали. Бесѣда была дружеская; имъ подали по стакану вина съ закуской, и они вскорѣ послѣ этого отправились подъ стражей въ Варшаву, чтобы возвратиться черезъ 24 часа съ рѣшеніемъ Магистрата въ отвѣтъ на данные имъ пункты. Надо знать, что многіе жители Варшавы не принимали никакого участія въ возстаніи, но подъ конецъ имъ все же пришлось уступить натиску войскъ. Такъ напримѣръ старикъ графъ Мошинскій и многіе другіе, не будучи предварительно занесены въ списокъ повстанцевъ, были схвачены, снабжены патронташами и мушкетами и поставлены караульными.

По взятіи Варшавы Суворовымъ король Станиславъ Августъ отправилъ письмо къ Екатеринѣ II: „Участь Польши въ вашихъ рукахъ. Ваше могущество и мудрость рѣшать ее; какова бы ни была судьба, которую вы назначаете мнѣ лично, я не могу забыть своего долга къ моему народу, умоляя за него великодушіе вашего императорскаго величества. Польское войско уничтожено, но народъ существуетъ, и народъ скоро станетъ погибать, если ваши распоряженія и ваше волюкодушіе не поспѣшатъ къ нему на помощь. Война прекратила земледѣльческія работы, скотъ взятъ, крестьяне у которыхъ житницы пусты, избы сожжены, тысячами убѣжали за границу; многіе земледѣльцы сдѣлали тоже по тѣмъ же причинамъ. Польша уже начинаетъ походить на пустыню, голодъ неизбѣженъ на будущій годъ, особенно если другіе сосѣди будутъ продолжать уводить нашихъ жителей, нашъ скотъ и занимать наши земли. Кажется, справедливо поставить границы другимъ, и воспользоваться побѣдою принадлежить той, которой оружіе все себя подчинило“. Екатерина отвѣчала: „Судьба Польши, которой картину вы мнѣ начертали, есть слѣдствіе началъ разрушительныхъ для всякаго порядка и общества, почерпнутыхъ въ примѣрѣ народа, который сдѣлался жертвою всѣхъ возможныхъ крайностей и заблужденій. Не въ моихъ силахъ было предупредить гибельныя послѣдствія и засыпать подъ ногами Польскаго народа бездну выкопанную ею развратителями, и въ которую онъ наконецъ увлеченъ. Всѣ мои заботы въ отношеніи его были заплачены неблагодарностью, ненавистью и вѣроломствомъ. Конечно надобно ждать теперь ужаснѣйшаго изъ бѣдствій, голода, и я дамъ приказанія на этотъ счетъ сколько возможно. Это обстоятельство вмѣстѣ съ извѣстіями объ опасностяхъ, которыми ваше величество подверглись среди разуданнаго народа Варшавскаго, заставляетъ меня желать, чтобъ ваше величество какъ можно скорѣе переѣхали изъ этого виновнаго города въ Гродну. Ваше величество должны знать мой характеръ. Я не могу употребить во зло моихъ успѣховъ, дарованныхъ мнѣ благостію Провидѣнія и правотою моего дѣла. Слѣдовательно вы можете покойно ожидать, что государственные интересы и общій интересъ спокойствія рѣшатъ на счетъ даль-

нѣйшей участи Польши“. Польскій король медлилъ съ своимъ выѣздомъ въ Гродну, оправдываясь своимъ убожествомъ, тѣмъ, что живетъ въ долгъ. Суворовъ увѣрилъ короля, что Репнинъ позаботится о томъ въ Гроднѣ. Баронъ Ашъ, завѣдывавшій дипломатическими дѣлами, увѣрялъ короля, что всѣ оставшіеся послѣ него въ Варшавѣ будутъ обезпечены; король въ разговорѣ съ Ашемъ, упомянувъ о новомъ раздѣленіи Польши, сказалъ, что готовъ въ такомъ случаѣ согласиться лучше отречься отъ престола и провести остатокъ жизни въ Римѣ. Ашъ отвѣчалъ, что король можетъ устроить это дѣло въ Гроднѣ съ княземъ Репнинымъ. 8 Января 1795 г. король простился съ главнокомандующимъ и былъ такъ тронутъ нѣжнымъ прощаньемъ Суворова, что растерялся и не припомнилъ всего, что хотѣлъ ему сказать. Король болѣе уже не возвратился въ Варшаву, и Польша исчезла съ карты Европы.

Іосифъ Игнатій Мартиновичъ, профес. Львовскаго университета, соучастникъ въ Венгерскомъ заговорѣ, былъ казненъ въ Закарпатской странѣ 20 Мая 1795 года.

Извѣстія о похищеніи Колонтаемъ мильоновъ графъ Александръ Липовскій считаетъ вымышленными, но однако прибавляетъ о 2000 червонцахъ, найденныхъ при немъ въ Перемышлѣ, и о драгоценностяхъ, какъ-то: звѣздѣ, пѣпи, алмазныхъ табакеркахъ, отобранныхъ еще въ Оломоуцѣ изъ его шкатулки съ двойнымъ дномъ; онъ допускаетъ, что тогда Колонтай могъ безо всякаго даже слѣда пользоваться общественными сокровищами. Въ условіяхъ, которыя онъ въ самомъ концѣ передалъ выборнымъ членамъ Совѣта, заключались только расходы, относительно же источниковъ дохода онъ упорно молчалъ. Колонтай былъ человекъ, въ душу котораго природа влила сильнѣйшія страсти и который по призванію (не трудно угадать, какія причины склонили его къ такому призванію) воспитывался въ школѣ коварнаго лицемерія, въ школѣ набожности безъ нравственныхъ принциповъ, въ школѣ властвованія надъ людьми изъ за общественныхъ мнѣній, въ школѣ развращенности, пользующейся невѣдѣніемъ и легковѣріемъ человѣческаго рода, словомъ, это былъ священникъ, долго воспитывавшійся въ Римской школѣ. Я не говорю это съ тѣмъ, чтобы озлобить себя противъ него, а съ тѣмъ, чтобы зараженіе отмѣтить причины его дѣйствій. Человекъ съ такимъ характеромъ и воспитаніемъ нашелъ въ неблагоустроенной Польшѣ обширное поле дѣятельности и готовыя орудія для достиженія цѣлей согласныхъ съ его наклонностями. Дѣйствительно, Колонтай, вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Рима, угождая примазу Понятовскому, властвовавшему тогда въ Польшѣ безконтрольно, получилъ сперва значительную долю духовной пищи въ видѣ земель, отнятыхъ у монашескихъ общинъ или, что равносильно, у общества вообще. Тѣмъ же путемъ получилъ онъ послѣ этого назначеніе ректоромъ Краковской Академіи, и это была первая ступень его возвышенія. (Генрихъ Шмидтъ, въ своей апологіи. „Гуго Колонтай и его преслѣдователи“ Львовъ 1873).

ИЗЪ ПИСЕМЪ К. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ ¹⁾.

1815-Й ГОДЪ.

Vienne, le 7 (19) Janvier 1815.

Ce que le p-ce Massalsky vous a dit est de très bonne augure. Dieu donne que vous puissiez bientôt m'annoncer que le procès ait tout-à fait fini et comme nous avons droit de l'espérer.—Je me suis acquitté de votre commisson pour m-r Clair. Il est très sensible à votre souvenir et m'a dit qu'il espérait que le premier courrier de Palermo le mettrait à même de vous annoncer quelque chose d'agréable.—Je vous ai parlé de gravures, je les ai aussi confiées au dernier courrier à l'adresse de m-r Kalinine, qui vous les fera parvenir. Un exemplaire du bivouac de nos cosaques aux Champs-Elisées vous appartient, le reste est pour ma famille. Capodistrias m'a prié de vous recommander une affaire, c'est une bonne action, et certainement vous ne vous y refuserez pas. Vous verrez par la lettre ci-jointe qui lui a été adressée, de quoi il s'agit. Voici encore une lettre qu'un bon père écrit à sa fille et que je vous prie de lui faire parvenir et de demander une réponse que vous m'enverrez. Si outre cela vous pouviez être utile à m-lle Schathes ²⁾, faites le: vous m'obligerez en obligeant Capodistrias. J'ai envoyé à m-me Alexéyeff une superbe collection de semences. Je suis en correspondance réglée avec elle.—Il y avait hier un grand bal chez l'ambassadeur d'Angleterre pour la fête de la reine. Je n'y ai pas été: j'en ai assez de ces fêtes. Michel Woronzoff n'est pas encore arrivé à Varsovie, mais il a déjà quitté Londres. Polética veut à toute force quitter Madrid. Ses affaires exigent son retour en Russie. Nesselrode m'a promis de lui obtenir la permission de retourner.

*

Vienne, 11 (23) Janvier 1815.

Je ne m'étonne pas de ce que Mafaky est un gueux, je ne l'ai jamais supposé autre chose et je l'ai dit dans le temps; mais le bon coeur du vieillard justifie tout le monde, jusqu'à ce qu'il ne puisse

¹⁾ См. выше, стр. 106.

²⁾ Не ручаемся, върно ли прочтено. П. Б.

plus lutter contre l'évidence. J'espère que vous aurez expliqué à Tormassoff ce que c'est que toute cette racaille. Je ne me suis jamais trompé sur Metaxa, je ne voyais pas sans peine cette grande liaison avec mon beau-père; mais je me disais: il lui faut quelqu'un qui soit toujours avec lui pour l'occuper et l'amuser, il est habitué d'avoir une cour et j'étais sûr que les commérages que pouvait faire Metaxa ne porteraient point sur ce qui est essentiel pour moi, sur votre amitié pour Marie. Du reste je l'ai mise sous votre protection et direction, et croyez moi, cette idée fait mon bonheur. Je suis affligé de toutes les tracasseries que vous donnent ces commérages, mais aussi je compte plus que jamais dans votre amitié pour Marie. Les commérages tomberont, et le vieux même verra qu'il n'a pas de meilleur ami que vous. Je suis persuadé qu'il vous aime et qu'un mot de vous suffirait pour éloigner ces tripotiers; mais ils s'en trouveroient d'autres, parcequ'il y a d'autres gueux à Moscou, et ces gens ont tous un caractère inquiet.—Ott a reçu hier la croix de S-t Wladimir de la 3-me classe. Toute la mission a été récompensée: Fromann et Koudriaaffsky ont été avancés et ont eu une augmentation d'appointements, Nicolas a été fait chambellan, Lubomirsky gentilhomme de la chambre, le prêtre a eu 300 r. bonifiés d'augmentation, son petit-fils a été pris au service comme étudiant et placé à la mission, et notre angélique Empereur a outre cela accordé à son beau-fils Fédoroff, qui se trouve à Moscou et que papa protégeait, 3000 r., pour lesquels le général Tormasoff recevra une dépêche de Nesselrode. Votre lettre contient de nouvelles espérances pour la réussite de notre affaire. *Услышалъ тебя Богъ!* Vous ne sauriez croire, mon cher, combien j'ai été touché du passage où vous m'annoncez que vous irez proposer à la cousine de venir se loger dans une des maisons de papa. Vous êtes un ange de bonté; vous faites plus, vous voulez l'aider, et certes ce n'est pas moi qui vous en empêchera. Faut-il un autre testament que ce trait de votre coeur? C'est celui de notre bon père, qui oserait le nier? Dieu donne que l'affaire finisse et que sa mémoire ne soit plus inquiétée.—Hier était la fameuse promenade en traîneaux, vraiment fameuse. Je n'ai de ma vie rien vu de plus magnifique. J'espère que la description paraîtra dans la gazette. Cela en vaut la peine. Cette journée a coûté, à ce qu'on dit, 800 m. florins, et cela ne m'étonne pas. On a été dîner à Schönbrunnen, où il y avait spectacle, et on est revenu aux flambeaux. J'ai été voir ce spectacle avec Schröder dans la cour du château et dans les rues. Nous l'avons vu trois fois.

On m'apporte une lettre de vous, mon bon ami. Je vous quitte pour la lire. Comme mon coeur me bat! Mon pressentiment me trompe-

rait-il? Non, mon cher. C'est donc fini, mon pressentiment ne ma point trompé. De ma vie je n'oublierai cette lettre. Schröder me l'a vu lire il ne concevoit pas ce que j'avais. Je n'ai pas pu retenir mes larmes! Combien elles sont différentes de celles que j'ai versées à P.-Bourg. J'ai remercié le Ciel du fond de mon coeur d'avoir protégé la mémoire de notre père et notre bon droit. Avec quelle joie Schröder et Woronzoff ont lu ce passage de votre lettre, avec quel transport ils m'ont embrassé! Je ne croyais pas que cette nouvelle me saisisait aussi vivement. Je ne puis pas encore rassembler mes idées. Nous avons donc triomphé. La position de la cousine doit être terrible, elle n'y survivra pas. Je lui pardonne tout, si cela peut calmer sa conscience. Je souscris de bon coeur aux offres que vous avez l'intention de lui faire. Elle verra qu'elle était doublement monstre. Que Dieu aye pitié d'elle! Il faut que j'aïlle à l'air. C'est vous, mon bon ami, qui avez avalé le calice jusqu'à la lie, j'étais loin lorsque vous étiez occupé du procès et avaliez tant de coulevres.

*

Le 12 (24) Janvier 1815.

Богъ да наградишь добрыхъ людей, которые насъ не оставили! Je leur voue une reconnaissance éternelle! Ils ont été justes. Vous verrez, mon bon ami, qu'après le payement des dettes il non restera quelque chose; mais si même il ne restait rien, au moins tous ceux qui ont eu de la confiance dans le meilleur des hommes ne souffriront plus, et c'est pour moi le plus grand bien. Спасибо добрый нашей тегушкѣ! Je suis curieux à présent lire la première lettre que vous recevrez d'Alexéyeff. En attendant je n'ai parlé qu'à Schröder et Woronzoff de la tournure qu'a prise notre affaire. Je ne pouvais pas le leur cacher. Ce serait un crime de lèze-amitié.

*

Vienne, le 25 Janvier (7) Fevrier 1815.

Nous avons envoyé ces jours-cy au c-te Rastoptschine la petite croix de Léopold pour son fils. Vous m'avez dit dans le temps que le père le désirait, je suppose donc que cela lui fera plaisir. Henriette n'a point d'enfants. Elle prétend avoir fait des fausses couches: ressource des femmes que l'âge a rendu stériles. La c-sse Bagration mene toujours le même genre de vie miraculeux. Elle voit beaucoup de monde, donne des fêtes. Je ne conçois pas comment elle se tire d'affaires pour ses finances. Elle a adopté une chose qui est terrible pour son monde: il fait chez

elle une chaleur de serre-chaude, et imaginez vous que même en été il y a continuellement du feu dans la cheminée.

*

Vienna, le 30 Janvier (12 Février) 1815.

J'étais sûr que le malheur de Razoumoffsky vous ferait de la peine. Il s'est de nouveau transporté dans la grande maison qu'il n'aime pas. Du reste il est bien; on dirait qu'il ne pense plus à ses pertes.

*

Vienna, le 4 (16) Février 1815.

Lord Castlereagh est parti pour Londres. Wellington le remplace au Congrès. Je vous apporterai une gravure de celui-cy très ressemblante. La bonne vieille p-ce Prozoroffsky était très malade, elle va beaucoup mieux. On était inquiet un moment.

*

Vienna, le 8 (20) Février 1815.

J'ai reçu une lettre fort aimable de m-me Alexéyeff, qui me parle de la tournure heureuse qu'a prise notre affaire, et Tourguénéff me fait dire par son frère que le rapport du Sénat ne sera pas envoyé ici, mais présenté au Conseil, qui décide de ces choses-là en l'absence de l'Empereur.—Nous aurons à présent ici des spectacles de société, avant-hier il y en avait un chez la p-ce Bagration. On a assez bien joué, celui m'a rapellé nos spectacles de Vilna il y a bien longtemps de cela. Demain il y a spectacle à la cour. Petersohn y chante une air Russe, et la p-ce Bagration danse la Russe, il y aura des tableaux et des scènes détachées. J'ai dîné hier chez Nesselrode avec Alexandre Львовичъ, qui est toujours drôle et plaisant; il pleuve des calemboures. Sa femme part ces jours-cy pour Paris. La p-ce Prozoroffsky va de mieux en mieux. Tout le monde s'en réjouit, car tout le monde l'estime et l'aime. Le temps est si beau ici que ce matin tout le monde se promenait en frac. On sent déjà l'air du printemps. Je marche beaucoup, cela me fait le plus grand bien, les glacis sont charmants.

*

Vienna, le 11 (23) Février 1815.

Razoumoffsky n'a perdu ni ses diamants, ni ses bijoux, ce sont des comptes, et malgré cela sa perte est calculée à 100 m. fl., d'après ce que m'a dit Koudriaffsky. Nous avons eu hier un spectacle charmant à la cour. On y a joué des scènes détachées de plusieurs pièces. Peter-

sohn a chanté «Чѣмъ тебя я огорчила», la p-se Bagration a dansé un pas-de-deux Russe avec Palfy tintéré. La fin du spectacle surtout était charmante. On voyait l'Olympe dans le fond, composé de tout ce qu'il y a de joli ici en fait de femmes pendant qu'on exécutait un petit ballet. C'était vraiment de toute beauté.

*

Vienne, le 15 (27) Février 1815.

Je commence ma réponse par une prière, c'est de ne point faire graver mon portrait. Il n'est pas permis à tout le monde de se faire graver, laissons cela aux hommes célèbres et connus ou qui croient l'être. Les premiers ont raison, chacun désire les avoir pour se faire une idée de leur figure, mais moi pourquoi le ferais-je? Pour mes amis? Je n'en ai pas tant que je ne puisse pas donner un portrait à celui d'entre eux à qui cela ferait plaisir. Cela aurait diablement l'air de prétention à passer de quelque manière à la postérité, et vous savez, mon cher, combien j'ai peu d'ambition. Laissons donc cela. Je voulais faire faire une copie par Isabey, mais il n'en avait par le temps; nous en ferons une pour vous, ou si je trouve quelque bon peintre, je me ferai encore une fois peindre pour vous faire plaisir, mais seulement point de gravure, je vous prie.

Les Mémoires que vous avez lus de Bonaparte, ne peuvent pas être de lui. Il s'en occupe, à ce qu'on dit, mais rien n'a encore paru.

*

Vienne, le 25 Février (10 Mars) 1815.

Avant-hier nous avons pris congé de notre Impératrice. On la regrettera beaucoup ici, elle a su gagner tous les coeurs. Ce jour-cy est arrivé Wassiltchikoff, autrement dit le grand; il a vieilli et engraisé, il prétend que j'en ai fait autant. Nous pouvons avoir raison tous les deux.

*

Vienne, le 10 (22) Mars 1814.

Je fais mes dévotions cette semaine. Nous avons des prières deux fois par jour et après tout cela à 5 heures nous dînons chez le p-ce Pierre Wolkonsky où on fait maigre. Ma conscience n'est pas tout-à-fait tranquille sous ce rapport, car ce maigre est délicieux et on y mange du poisson, ce que ma tante ne me pardonnerait pas si facilement. Il serait impossible de faire autrement à Vienne où on n'a pas d'idée de notre maigre. Dieu nous pardonnera cette licence. L'Empereur, les gran-

des-duchesses et une partie de la suite fait leur dévotion, et S. M. ne manque aucune prière.

*

Vienne, le 18 (30) Mars 1815.

Le congrés finira, mais voilà ce diable de Bonaparte, qui reparait sur la scène, qui cherche de nouveau à troubler le repos de tout le monde. Il ne réussira pas, mais en attendant il est plus que probable que cela retardera le retour de chacun dans ses foyers. Je ne puis pas encore vous parler de moi, je ne sais pas ce qui je deviendrai; dans quelques jours je vous parlerai peut-être plus positivement sur cet objet; en attendant laissez à Marie l'espoir de me voir bientôt de retour. Si cela n'arrivait pas aussitôt que je le désire, au moins nous lui aurons épargné quelques jours de plus de chagrin. Vous verrez par les gazettes ce qui c'est passé en France; mais qui aurait cru que ce méchant homme trouverait ses partisans en France, que des maréchaux se rangeraient de son côté, que l'armée lui soit dévouée, et cependant ce n'est que trop vrai. Ils oublient leur bon roi pour servir un brigand; ils préfèrent des troubles, la guerre civile au repos, à la tranquillité. Quelle nation! Le voilà donc à Paris. Moi qui ai vu cette nation, qui a entendu Bonaparte maudi de tout le monde, je n'en reviens pas. Tant pis pour eux, personne ne le plaindra plus, ils accumulent des malheurs sans nombre sur leur pauvre pays.

*

23 Mars (9 April) 1815.

Notre ancien camarade Boutiaguine est arrivé de Paris, où il était resté chargé d'affaires depuis que Pozzo en était parti. Il a vu l'entrée de Napoléon et ce qu'il en dit est tout-à-fait le contraire de ce que nous lisons dans les papiers français. Paris est triste et morne, la police dépense de l'argent pour faire crier Vive l'Empereur, mais on reconnaît même au gosier fatigué des crieurs que ce ne sont que des aboyeurs. Les soldats seuls sont pour lui, mais tout ce qui est négociant, propriétaire, artisans, pense et à la conscription, et à l'abolition du commerce, et aux nouveaux impôts; car pour de l'argent il n'en a pas: le roi en quittant Paris a fait prendre avec lui non seulement les caisses, qui se montent à plus de trois cent millions, mais encore les trésors, bijoux et même la couronne. Bonaparte a envoyé trois régiments pour rattraper tout cela, mais en vain, de manière qu'il est embarrassé de payer sa troupe, et je vous demande si elle ne viendra pas plus exigeante. Avant c'est lui qui faisait le sort de ses officiers, de ses maréchaux, à présent ce sont les maréchaux et l'armée qui l'ont remis sur pied. Il se montre

peu, il passe en revue ses gardes dans la cour des Thuilleries, dont toutes les avenues sont fermées. On dit que cependant plusieurs maréchaux ont suivi le roi, Marmont, Berthier, Macdonald. Les provinces du Midi sont pour le roi, l'esprit y est très bon, de manière que la guerre civile est établie de fait. Voici, mon cher ami, ce que m'a raconté Boutiaguine.

*

Vienne, le 29 Mars (16 April) 1815.

Je vous remercie d'avoir fait parvenir exactement à Dmitrieff la lettre de Sévérine, qui est un charmant garçon. Je suis fâché de le voir à Madrid où il n'a pas un champ aussi vaste pour développer beaucoup de talent qu'il possède. Je m'étais un peu emparé de lui à Londres et ne puis que vous répéter que sous tous les rapports c'est un charmant garçon. J'ai reçu dernièrement une lettre de lui, il demande à corps et à cris de s'en aller: il ne peut pas suffir avec ses appointements, vu la cherté du Madrid. J'ai pour vous quelques brochures, je vous les enverrai avec Kamensky. J'ai vu hier le général Goguélas, qui arrive de Paris et en est parti à quelques jours après l'arrivée de Napoléon. Vous devez le connaître, il était toujours mon voisin chez Mennier anciennement. C'est un homme de sans-froid et pas hâbleur du tout. Il m'a donné quelques détails qui prouvent que les affaires de Rinaldo Rinaldini ne sont pas aussi bien que les gazettes françaises le disent. Tout le monde est mécontent, surtout les négociants et les propriétaires. Tout cela commençait à prospérer, le commerce à fleurir, lorsque ce diable d'homme est venu les rejeter dans les horreurs des partis et de la guerre. Не добровольно ему, et il ne reviendra pas une seconde fois troubler le repos général.

*

Vienne, le 31 Mars (12 April) 1815.

Mes lettres passent par les mains de votre directeur des postes, je ne voudrais pas qu'il sache avant le temps ce qui ne pourrait que l'intéresser trop directement. Depuis quelque temps déjà avant l'apparition de Bonaparte, lorsqu'il s'agissait du départ de l'Empereur et que nous devons rester ici encore quelques jours pour la confection du traité, Nesselrode a parlé de moi à l'Empereur et lui a demandé la place de directeur du postes à Moscou. L'Empereur lui a répondu d'une manière et dans des termes qui me prouvent bien combien il a de bonté pour moi. Il lui a dit que c'est une chose qu'il désirait lui-même beaucoup et il a eu la bonté d'accompagner cette assurance d'expressions bien-

veillantes qui ont fait le plus grand plaisir à Nesselrode. Il a ajouté: Vous sentez bien que je ne puis arranger cela ici, mais à mon retour à St. P.-bourg, car je ne voudrais pas faire un passe-droit trop marquant, ne connaissant pas les individus qui peuvent prétendre à cette place, mais je vous répète et dites le à Bulhakoff; je décire lui donner cette place. Nesselrode lui a demandé la permission de lui rapeller cet objet à St. P.-bourg. Non seulement je vous le permets, répondit notre angélique Souverain, mais je vous l'ordonne tout de suite après notre arrivée. Or, mon bon ami, voilà mes espérances. C'est ne pas une place sur la quelle on puisse avoir des protections, puisqu'elles sont de la classe ordinaire des places, c'est une place de confiance, et l'Empereur désirant que je l'aye, qui me la disputera? Je craignais que l'Empereur n'ait eu quelqu'un à qui il l'avait promis où qu'il n'avait déjà fixé quelqu'un en idée, mais je suis tranquille sous ce rapport: il l'aurait refusée tout de suite. Et si par l'impossible on parvenait à me l'enlever, la promesse de Souverain me donnerait le droit à un équivalent, et de toutes les manières je ne resterais pas sans une bonne place. En attendant nous sommes convenus avec Nesselrode de tenir la chose secrette pour ne pas reveiller l'attention de ceux qui cherchent la place et dont sûrement le nombre n'est pas petit. Aussi, mon cher, je vous demande le plus grand secret là-dessus. Tout était arrangé de cette manière lorsque ce diable de Napoléon a reparu en France. Toutes les déterminations ont du changer. La guerre va recommencer; de tous côtés les troupes marchent. Wellington est déjà parti pour commander la droite, il aura sous ses ordres 120 m. Prussiens et 40 m. Anglais. Pozzo est auprès de lui. Toute le monde se prépare à cette terrible lutte, dans laquelle toutes les choses sont pour nous. On ne sait pas si l'Empereur retournera en Russie pour ce moment. Je n'en vois pas la possibilité, car la plus grande célérité dans les affaires est nécessaire, à fin d'ôter à ce monstre les moyens de rassembler un plus grand nombre de troupes. Les provinces du Midi sont pour le roi, la nation est pour lui, mais elle se laisse dominer par l'armée. En détruisant celle-cy, tout est fini pour le brigand, et vous sentez bien combien la présence de l'Empereur, qui est l'âme de cette nouvelle alliance, est nécessaire. Sans lui nous n'aurions pas été à Paris la première fois, sans lui qui pourrait répondre du succès à présent? Lorsque la France verra 700 m. hommes dans son sein, je ne vous répons pas qu'elle ne se débarasse par elle-même de son tyran; mais il faut agir, et on agit vigouusement. Les hostilités entre les Autrichiens et les Napolitains ont déjà commencé en Italie. Il y a eu déjà une petite affaire où les premiers ont eu tout l'avantage. Un général Filangieri a été ou pris ou tué, 4 pièces de

canons et quelques centaines de prisonniers sont les résultats de ce premier choc. Les Autrichiens se concentrent pour tomber dessus, et Bianchi et Frimond sont des gens déterminés; il faut espérer que bientôt Murat sera puni, comme il le mérite et sans avoir été de grande utilité pour déserteur de l'île d'Elbe.

L'union la plus parfaite existe entre les souverains alliés. Les Espagnols, les Portugais, tout cela marche, et avec les troubles intérieurs de la France Bonaparte n'aura pas beau jeu. Mais aussi quelle nation que ces Français! N'en parlons pas, cela fait honte à l'humanité. Rien n'est sacré pour eux, leurs sermons sont nuls, et Ney a bien prouvé jusqu'à quel point on peut pousser l'infamie: car avant d'aller se ranger du côté de Napoleon, il est venu dire au roi qu'il allait se dévouer pour lui, qu'une seule chose l'inquiétait, c'était de laisser des dettes à sa femme et à ses enfants. Le roi lui donne un million, il se jette à genoux, lui baise les mains, pleure et part de là pour le trahir et pour donner une proclamation, qui le déshonore à jamais. Et c'est un maréchal qui fait cela, un homme à qui le roi donne sa confiance. Cela n'a vraiment pas de nom. Mais la punition du Ciel les atteindra! Voici, mon bon ami, la situation des choses en général. Vous sentez combien cette diabolique histoire m'a mis dans l'embarras. J'étais là sans savoir quel parti prendre. Cette guerre peut finir dans peu de mois, mais aussi elle peut durer un an et plus. Puis-je en conscience ne point faire tout ce qui dépend de moi pour ne point faire la campagne? Je vous avoue, mon bon ami, qu'il me coûte de faire des démarches, mais j'ai une femme et sans cela déjà on blâme mon absence. Voilà donc à quoi je me suis décidé. On va en parler à l'Empereur, lui exposer ma situation, il la connaît du reste, et certes il ne m'accusera pas de manque de zèle à le servir. Mais je puis le faire ailleurs. On le priera de m'accorder à présent la place qu'il a daigné me promettre, les circonstances ayant changé, et si son retour en Russie n'aura pas lieu, si l'Empereur y consent, vous me reverrez bientôt; si non, je ne puis pas insister, car on lui exposera aussi que sans place je ne puis pas retourner en Russie attendre son retour. Si l'Empereur m'accorde cette faveur, mon bonheur sera complet; s'il me refuse pour le moment, je ne murmurerai pas; je me résignerai, si même la guerre devenait longue. Ma situation sera bien pénible, mais ma conscience sera tranquille. Qui pourra m'accuser lorsque je souffre, et que j'aurais fait tout ce qui dépend de moi pour retourner? Je ne puis pas penser à Marie sans que mon coeur ne se serre, mais je ne suis pas maître de mon sort. En attendant que j'aye une réponse, taisez, mon bon ami, tout ce que je vous dis et en géné-

ral gardez cela pour vous et pour notre bonne Natalie. Si le Ciel bénit mes efforts, nous serons tous contents.

*

Le 1 (13) Avril 1815.

Il faut que je vous communique les nouvelles de la journée arrivées par notre courrier venu de Suisse. Le Midi de la France est en pleine insurrection. Il y a en même deux affaires entre les royalistes et les troupes du Corse, à l'avantage des premiers, qui se sont emparé de Valence. Massena, à ce qu'on dit, est arrêté à Marseilles; Toulon n'est pas au pouvoir de Napoléon, et les royalistes marchent sur Lyon. La communication entre cette ville et Paris est compromise au point que les négocians de Paris ne donnent ni n'acceptent des lettres de change sur Lyon. La déclaration des puissances alliés a produit un grand effet à Paris, et on commence y remarquer du mécontentement contre l'auteur de cette nouvelle guerre. Il est embarrassé des nouveaux acolytes dont il a été obligé de s'entourer et qui visent à lui faire la loi. Tout cela est bien naturel: au paravant c'est lui qui avait fait les maréchaux, à present ce sont eux qui l'ont remis sur pied, et ils sont exigeants. Il avait préparé une liste de 24 proscrits: il n'a pas osé la signer, ses alentours s'y sont opposés. Le Moniteur même fait remarquer les troubles du Midi. Malgré qu'on aye cherché à entourer les nouvelles de ces contrées de grandes phrases, la vérité perce. D'autres nouvelles assurent que les Anglais ont envoyé et envoient continuellement des armes et des munitions à la Vandée. Tout ceci donnera du fil à retordre à Napoléon. Dans la ville ont dit qu'il y a eu un grand mouvement à Paris, parce que le Corse a fait loger ses troupes chez les habitans, ce que même nous n'avons pas fait pendant notre séjour dans cette capitale. Le peuple s'est porté vers les Thuilleries pour crier contre cette mesure, et on prétend qu'il a fait tirer des coups de canons contre la foule. Il est positif que deux régimens bivouaquent dans le jardin des Thuilleries et que les avenues sont fermées comme dans une forteresse. Si les Français faisaient eux-mêmes justice de cet homme, s'il n'y avait pas de guerre, ce serait bien bon. En attendant toutes ces nouvelles de la France ne ralentissent pas les dispositions des puissances, et les troupes avancent. Napoléon a envoyé le général Flahaut avec des lettres pour Vienne, mais le roi de Wurtemberg l'a fait rebrousser chemin. On ne veut rien recevoir de ce monstre.—Si c'est Alexandre Benkendorff qui était à Moscou et qui commande à Witebsk, sûrement il veillera sur nos terres, car il est beaucoup de mes amis. Je crois cependant que les circonstances auront changé sa destination. Ce n'est pas un homme qu'en temps de guerre on laissera en repos.

*

Le 2 (17) Avril 1815.

Kozlovsky, qui part pour son poste à Turin, nous a donné un souper d'adieu. Je n'ai pas mangé, car je ne soupe jamais, mais j'ai passé mon soirée agréablement à causer avec Laharpe, qui était mon voisin. Je suis revenu à pied par le rempart, la nuit était magnifique, je n'ai pas voulu me coucher sans vous souhaiter le bonsoir, mon meilleur ami. On dit que Razoumoffsky accompagnera l'Empereur, mais est-ce avec le titre de chancelier, c'est ce que j'ignore. Le fait est qu'il achète des cheveux et prépare ses équipages. Je voudrais bien qu'il devienne chancelier, c'est un brave homme, bien pensant et qui fera du bien. Nous sommes toujours bien avec lui, mais comme il est très occupé, je vais rarement chez lui. Quelques nominations de ministres sont sur le tapis. Il ne faut pas en parler, ils n'ont pas encore paru et les oukazes ne sont pas encore signés. Khitroff sera à Florence, Balk à Lisbonne, Pahlen à Munich, Khanikoff à Hanovre, Maltitz à Carlsruhe. On nommera aussi aux consulats, et j'ai l'espoir de placer le pauvre diable de Julinatze comme consul-général à Livourne à la place de Heydeke, qui sera transféré à Hambourg. Si je pars, Schröder ne veut absolument pas rester, malgré tout ce que je fais pour l'y décider. Il est las de cette vie errante, mais si je reste, il ne veut pas me quitter; sous ce rapport je suis vraiment heureux: mes deux camarades m'aiment beaucoup, et il y a parmi nous un accord qu'on trouve rarement dans une chancellerie. Je ne sais pas, en cas que je parte, qui aura ma place. Schröder est inébranlable; je le gronde, mais il tient bon et n'attend que la décision de mon sort pour faire le sien. Il désirerait être secrétaire à Munich avec Pahlen. C'est une bonne place, tranquille, et c'est à cela qu'il borne son ambition. Je veux prendre Spies à la place de Kamensky; mais j'attends encore ne sachant pas ce que je deviendrai moi-même. Polética a déjà quitté Madrid, mais Dieu sait quelle route il aura pris; n'ayant plus pu traverser la France, il se sera embarqué quelque part. Je voudrais le voir ici et à ma place. Nesselrode fait tout pour m'engager à rester, mais il entre dans ma situation et me servira sûrement avec zèle. Il a toujours la même amitié pour moi. Je vous avoue qu'il me coûtera de me séparer de lui, de mes camarades et de quartier-général où tout le monde me témoigne de l'amitié, mais mon coeur est entraîné vers Moscou, et ce n'est que là que je serai tranquille et heureux. Il est indubitable aussi que j'aurais pu obtenir quelques avantages si je faisais cette campagne, mais l'idée d'être encore séparé de vous et de ma femme pendant Dieu sait combien de temps m'effraye. Je n'ai pas d'ambition, un cordon de plus ou de moins ne me tente pas.

*

Le 3 (15) Avril 1815.

On a envoyé à Kisseleff quelques caricatures de Londres. Je lui ai dit que vous en aviez une collection, mon bon ami, et il me les a donné pour vous les envoyer de sa part. Vous reconnaitrez dans deux de ces gravures Kozloffsky. Dans la longueur c'est la c-sse Lieven qu'on a voulu représenter. Kozloffsky en est tout fier pour son compte, il prétend que c'est une distinction; ce qui est positif que c'est une preuve qu'il a attiré d'attention du public, et qu'à Londres le roi même n'est pas à l'abri de cette espèce de distinction. J'avais déjà vu ces caricatures à Londres, mais il y en avait tant et de si drôles que le choix en devenait difficile et les acheter toutes étant un objet de plus de mille livres st. Kamensky ne part pas encore, il veut emporter la croix de Prusse, et a raison; aussi j'espère qu'il l'aura, car le chancelier de Prusse a promis d'en parler au roi et a dit qu'il ne doutait point du succès. Spies l'aura aussi à cette occasion. Kamensky est tout rayonnant de son bonheur et il me tourmente comme un lavement pour hâter son départ. Alexandre Gourieff, qui doit se trouver maintenant à Moscou, a également reçu la permission de se marier, c'est Kamensky qui en sera le porteur. Vous pouvez vous donner le plaisir de la lui annoncer ainsi que des couches de sa soeur. Point de nouvelles excepté ce que nous savons sur le Midi de la France. Vous verrez dans les gazettes que les Autrichiens ont proclamés la Royaume de Lombardie; ils auraient du le faire depuis longtemps, mais vaut mieux tard que jamais. Cette équipée de Napoléon a produit un effet funeste sur les cours de change d'ici: les ducats étaient déjà à 22 florins, hier ils étaient à 19 $\frac{1}{2}$. Cela varie continuellement, chaque nouvelle hausse et baisse le change, et nulle part l'agiotage n'a été poussé aussi loin qu'ici. Tout augmente de prix à proportion, et nous en ressentons. Je vous assure, je ne sais pas comment me tirer d'affaires. Le frère de Tourguéneff se porte tout-à-fait bien, il n'est pas décidé sur ce qu'il aura à faire. Stein lui offre un emploi pour cette campagne, je crois qu'il finira par l'accepter, c'est ce qu'il pourrait faire de mieux.

*

Le 4 (16) April.

Kamensky n'a pas encore d'aigle et il veut arriver à Moscou comme Jupiter, de manière qu'il ne part pas encore aujourd'hui. C'est Dimanche, j'ai été à la messe et je vais dîner au Prater. Le p-ce Pierre Wolkonsky nous donne un dîner qui certainement sera bon; c'est dommage que le temps ne l'est pas tout-à-fait, cela gêne notre projet de promenade.

*

Le 5 (17) April.

Hier on a eu des nouvelles, mais trop bonnes pour que je croye à toute leur vérité. C'est une lettre de Lyon du 7 April qui dit: l'armée de Midi monte déjà de 120 à 150 m. hommes. Il y a quelques Espagnols, elle marche sur trois colonnes sur Puy, Grenoble et Lyon. L'avant-garde était déjà à Vienne, on se prépare à défendre Lyon, la ville est déclarée en état de siège. Massena a été fusillé le 24 Mars à 4 heures après midi. Les forces de Napoléon dans le Midi se montent à 8000 h. qui marchent également en trois colonnes; on croit que les troupes sorties de Grenoble ne pourront plus y rentrer. Les lettres de Genève disent qu'on attend à chaqu'instant la nouvelle de l'entrée des royalistes à Lyon et Grenoble. Enfin tout cela s'accorde assez bien avec les autres nouvelles. Le Moniteur annonce le départ de cinq régimens pour Lyon, ce qui prouve qu'on n'y est pas tranquille. Enfin l'insurrection du Midi prend un caractère ferme et prononcé. Хорошо, если бы они сами его уюкошили! On ne sait pas encore le jour du départ de l'Empereur, mais il ne peut plus être éloigné. Comme je serais heureux, si je pouvais arranger mon affaire! L'idée d'une campagne me donne la chair de poule, quand je pense aux dépenses à faire et combien cela peut durer.

*

Vienne, le 28 April (10 Mai) 1815.

L'affaire de ma tante est terminée et mieux encore qu'elle n'a pu le désirer. Je vous ai dit que j'ai adressé à ce sujet une lettre à Nesselrode en accompagnant sa supplique. Je l'ai prié de la mettre aux pieds de l'Empereur; outre l'affaire de l'arrenda, j'ai supplié que S. M. lui accorde une somme de 5000 r. pour arranger un peu ses affaires. L'Empereur a tout de suite accordé le premier article; quant au second, il a observé qu'elle n'avait pas de droit positif à une gratification en argent que celui que les autres habitans de Moscou, qui se trouvent dans la même cathégorie, avaient, mais qu'il l'accordait comme une grâce à moi. Enfin tout est arrangé, les ordres sont partis pour le ministre des finances, et j'ai écrit à l'ami Tourguéneff de recevoir l'argent et de vous l'envoyer pour le remettre à ma bonne tante. Comme elle sera heureuse, cette bonne vieille, mais jamais autant que moi d'avoir pu lui être utile. Arrangez vous avec Marie pour lui faire une surprise; personne ne s'y attend aussi bien que votre bon coeur. Après la première joie il faut qu'elle entre en relation avec m-r de Gourieff pour terminer la grande affaire. Elle paraît bien d'en charger on Alexéyeff ou notre bon Tourguéneff. Grâce à Dieu et à notre angélique

Souverain, la voilà tranquille pour le reste de ses jours. Voici une lettre pour elle. Je vois d'ici ses exclamations de joie. Dans l'ordre au ministre des finances il est nommément dit que c'est à moi que l'Empereur accorde les 5000 r., mais S. M. m'a laissé la faculté d'en dépenser en faveur de ma bonne tante. Vous trouverez ci-jointe aussi une lettre pour elle de la part de Nesselrode.

*

Vienne, le 2 (14) Mai 1815.

Comment vous dépeindre ce que j'ai éprouvé en lisant la fin heureuse de notre procès? Je vous assure que c'est un poids, qui est tombé de mon coeur, oppressé depuis tant d'années. C'est de là haut que cela a été arrêté, ce sont les prières du meilleur des pères, qui ont agi. Remercions le Ciel, cher ami, voilà donc toutes nos peines terminées. Nous avons supporté avec fermeté et résignation le moment fatal où nous avons vu le commencement de nos souffrances; hé bien, l'impression de la joie est plus forte. J'ai repris plusieurs fois votre lettre sans pouvoir l'achever. Des larmes de reconnaissance et d'attendrissement m'empêchaient de lire. Nous jouirons donc des bienfaits de notre père, qu'une ingratitude, qu'une méchante a voulu nous enlever. Le Ciel ne permet pas de ces actes: tôt ou tard la perfidie est punie, et la honte, les remords et le mépris public en sout le partage. Dieu le sait, je ne lui conserve pas de haine. Elle m'a procuré la jouissance de devoir en partie à un frère que j'aime ce que mon père m'avait laissé. Oui, mon bon ami, allez chez elle, assurez la de ma part aussi que je lui pardonne, que Dieu aye pitié d'elle.

*

Le 3 (15) Mai.

Je me suis aperçu que l'Empereur désire que je reste. Après cela puis-je demander m'en aller? Ne serait-ce pas de l'ingratitude, après toutes les bontés que notre angélique Souverain m'a témoigné à toutes les occasions et dernièrement encore dans l'affaire de ma tante? Une nouvelle démarche de ma part me ferait du tort, et je l'aurais mérité, car lorsqu'il s'agit de servir, toute autre considération particulière doit céder. Et puis suis-je donc le seul, l'Empereur lui-même ne nous montre-t-il pas l'exemple. Qu'aurais fait mon père dans ce cas, qu'auriez vous fait vous-même? Il faut travailler tant qu'on peut être utile. Dieu nous aidera, et cette guerre, j'espère, ne durera pas; car nos moyens seront immenses, l'union et la persévérance des souverains nous assurent un succès prompt. En Italie tout va à merveille. Murat vient d'être frotté

d'importance, les Autrichiens ont dépassé Rome, peut-être seront-ils bientôt à Naples, et alors finita la musica de ce côté-là.

*

Le 12 (24) Mai.

L'Empereur va partir ces jours-cy. J'expédie ma lettre, car très probablement avant son départ il sera expédié un courrier par P.-bourg. Après cela je crains très fort qu'avant notre arrivée au quartier-général vous n'aurez pas de mes lettres, mais une fois que nous l'aurons rejoint, notre correspondance ira son train comme par le passé. Cette lacune me fait de la peine, mais que faire?

*

Vienne, le 14 (26) Mai 1815.

L'Empereur est parti cette nuit, nous le suivrons dans quelques jours après avoir terminé nos affaires ici et arrangé nos papiers. Je vous ai envoyé par un courrier, parti cette nuit, cinq petites caisses en adressant quelqu'une à Kalinine et d'autres à Tourguéneff. Je vous prie de garder les quatres; la cinquième la plus légère contient un petit jeu en carton pour nos enfants que je recommande à Катя et Косря de déchirer lorsque cela ne les amusera plus.

Razoumoffsky a été fait prince, Stackelberg a eu l'ordre de St. Vladimir de la 1-ere classe, Anstett celui de St. Alexandre; je ne sais pas encore ce qu'a ou aura Nesselrode. Koudriaaffsky a été fait conseiller d'état. Vous demanderez ce que j'ai eu moi. Je n'ai pas mal fait, j'espère, de préférer quelque chose de plus solide. Vous verrez par la copie de l'oukaze ci-jointe que c'est une augmentation d'appointements qui équivaut à une pension: car il y est dit *впередъ до указа* et qu'il faudra second oukaze pour me l'ôter, ce qui, j'espère, n'arrivera j'amais. 1200 r. bonifiés à 50 stievers ne sont pas une plaisanterie, cela fait presque la moitié de ducats et me reste dans les mêmes proportions quand même je serai en Russie. C'est une bien grande grâce de notre angélique Empereur. Tous nos messieurs militaires sont partis ou partent pour Heilbrunn où est notre quartier-général. L'Empereur a fait ici des superbes cadeaux d'usage. Il s'est fait adorer ici comme partout où il a été.

*

Le 22 Mai (3) Juin 1815.

J'ai grande envie d'envoyer par Nédoba deux caisses avec différents effets, dont la liste est consignée ici. S'il peut s'en charger, j'adres-

serai les caisses à Tourguéneff, qui vous les fera parvenir. Je vous autorise à les ouvrir, car il y a des habits de drap que la vermine pourrait manger. Ainsi faites, je vous prie, avoir soins des fracs, je viens seulement de les recevoir de Paris. Ce qui est pour Marie, donnez le lui; parmi les robes il y en a deux de la même espèce avec les noms d'Alexandre et de Frédéric, l'un est pour Natalie, ainsi qu'un paquet de souliers. Les notes, vous les garderez chez vous; ce sont mes airs favoris arrangés pour le chant d'après la manière de Crescentini et Velutti. Dans le rouleau des gravures vous trouverez plusieurs exemplaires de celle d'Empereur d'après Isabey. Vous pouvez en prendre un pour vous. Le petit portrait de Louis XVIII est frappant. Il ressemble beaucoup à Koutouzoff. Les brochures sont pour vous. Le Censeur est un journal très intéressant. Les ducs de Moscovie est un roman pour Marie.—Les affaires de Naples sont bâclées. Les Autrichiens y sont entrés, le roi Joachim a fini à Ischia, la reine est prisonnière et va à Trieste. Vous verrez toute la suite des derniers succès des Autrichiens et de cet événement en général dans l'Observateur que je continue de vous envoyer. Le duc et Raddi sont tous rayonnants et, ma foi, il y a de quoi. Ils vont partir pour Naples où très probablement ils trouveront déjà leur roi. Voilà donc une affaire complètement terminée. Слава Бору!

*

Quartier-général Heidelberg.

Le 2 (14) Juin 1815.

Grâces à Dieu, nous voilà au quartier-général. A peine suis-je arrivé que j'apprends le départ d'un courrier. Je n'ai que le temps de vous dire, mon bien cher ami, que je me porte bien, que je suis bien fatigué et encore pas tout-à-fait établi. Il y a tant de monde ici qu'il est difficile d'avoir un trou pour se nicher, et nous sommes arrivés les derniers. Nous n'avons plus trouvé ni l'Empereur, ni le quartier-général à Heilbrunn; tant mieux: Heidelberg est un endroit délicieux. J'ai trouvé ici Polética, Michaud, Lamsdorf, Zakreffsky (qui a été fait général des jours), Vlodeck, enfin une quantité d'amis et des connaissances qui m'ont reçu à bras ouverts. J'ai encore mille chose à arranger, des chevaux à acheter, et ils sont rares. Schröder est allé aux eaux pour un mois. Woronzoff et Koudriaffsky sont avec nous. Je demeurerai avec Woronzoff.

*

Heidelberg, le 6 (18) Juin 1815.

Мы сидимъ съ Полетикою за однимъ столомъ. Онъ пишетъ къ матери, примусь-ка и я благодарить милого брата за милое его письмо

отъ 10 Мая подъ № 258, которое на сихъ дняхъ до меня дошло и душевно меня обрадовало. Je me convains tous les jours que l'affaire de la terre est une bonne affaire. Son plus grand prix à mes yeux est d'être votre voisinage. Polética, à qui j'en ai parlé, en à la tête tournée. Il désire aussi avoir une possession dans ces endroits-là, mais il ne peut employer que 25 m. roubles. Si vous trouvez une petite terre qui puisse lui convenir et il n'est pas difficile, écrivez moi ou à lui directement, et il vous chargera d'arranger l'affaire en autorisant Livio de payer la somme. Je n'ai pas encore de chevaux, ils sont rares; mais Nesselrode me donne un cheval de selle pour toute la campagne. Cela fait au moins que je n'ai pas besoin de me presser dans l'achat d'un autre, et j'attendrai que les circonstances m'en fassent rencontrer un. Je cherche des chevaux de trait que nous aurons en commun avec Schröder. J'ai donné une бричка à Polética. Cela vous étonne, mais sachez qu'il est auprès du maréchal Barclay pour la partie diplomatique. Son derrière s'en alarme d'avance, car monter à cheval n'est pas son fort, et il n'adore pas les boulets; mais c'est une excellente place, un excellent chef, et je suis sûr qu'ils se conviendront beaucoup. Nous serons souvent ensemble, ce qui me fait un véritable plaisir. J'ai vu ce matin passer la division de cavalerie, commandée par Lambert; il est impossible de voir une plus belle tenue, de plus beaux hommes, de plus beaux chevaux, une plus belle artillerie. J'ai vu beaucoup de troupes dans ma vie, je ne fais que cela depuis plusieurs années; hé bien, j'ai été frappé de la beauté de celles-cy.

*

Heidelberg, le 10 (22) Juin 1815.

Il part un courrier. Le maréchal duc de Wellington et le prince de Blucher ont remporté une victoire brillante et complète sur Bonaparte et son armée et l'ont mise en déroute. Lorsque les courriers sont partis, car il en est arrivé plusieurs, on avait déjà pris *trois cent* pièces de canons, une quantité énorme de bagages, entr'autres tous ceux de Napoléon et des prisonniers sans fin. Ce qui est très joli, c'est que cette glorieuse affaire a eu lieu près d'un village qui s'appelle la *Belle-Alliance*. Je tâcherai de vous envoyer quelques détails plus amples sur cette victoire complète. Certes on ne pouvait ni mieux commencer une campagne, ni l'avancer d'avantage dans une seule affaire. Le prince héréditaire d'Orange a été blessé à l'épaule, le chef de l'état-général de Wellington, le général Sandly, a été tué, ainsi que lord Uxbridg, qui commandait la cavalerie. C'est le frère de Paget, qui se trouve auprès du duc; il a eu deux contusions, mais légères. Après une affaire

comme celle-cy on ne peut pas parler d'autres choses. Les étudiants et les habitans de Heidelberg ont fait toute la nuit un boucan du diable de joie, ils ont traversé toutes les rues avec des flambeaux et criant à tue-tête.

*

Manheim, le 14 (26) Juin 1815.

Hier matin nous avons quitté Heidelberg et nous sommes venus ici à cheval, malgré une pluie assez forte qui a duré toute la journée. Le soir la ville a été illuminée, j'ai été un moment au théâtre, qui est le berceau de tous les théâtres de l'Allemagne; l'orchestre est excellent, les chanteurs passables; on donnait La Vestale. Manheim est une ville charmante. La situation sur le Rhin, le confluent du Neckar avec ce fleuve, le château, le jardin, qui va jusqu'au Rhin, tout cela est délicieux, la ville est d'une régularité et propreté parfaite. Nous sommes logés au château, qui est un de plus grands de l'Europe. Une partie a souffert pendant le bombardement, et encore notre Empereur et celui d'Autriche y sont logés avec leurs suites, et nous avons trois belles chambres avec Wanische, qui est enchanté de son nouveau genre de vie; même la pluie d'hier l'a beaucoup amusé. J'ai déterré une nouvelle gazette, qui s'imprime au quartier-général Autrichien et qui ne sera pas sans intérêt pour vous. Je m'en vais m'abonner et vous l'envoyer aussi régulièrement que possible et puis si j'accroche quelques brochures, vous les aurez. J'espère que je suis un commissionnaire exact? Le général Csaplitz m'a amené trois chevaux Russes excellents, il m'en faut encore un quatrième; alors je serai parfaitement en règle. Je n'achète pas de chevaux de selle, Nesselrode me donne un pour toute la campagne. Un aide-de-camp de roi de Prusse m'a assuré que le nombre de canons pris par Wellington et Blucher montait déjà à 400. On a pris les diamants de Napoléon, après avoir haché la garde d'Elba. Blucher les a envoyés au roi comme un cadeau de la part de l'armée à la princesse Charlotte.

*

Saverne, le 19 Juin (1 Juillet) 1815.

Nous sommes arrivés ici tard, nous partons demain à 4 heures du matin. Je suis fatigué, mais je me suis dit que je vous écrirai et je me tiendrai une parole aussi agréable. Hé bien, mon cher ami, Napoléon a de nouveau abdiqué. Cela prouve combien Well. et Blucher l'ont abjuré; effectivement d'après l'aveu des généraux français mêmes ils sont ce qu'on appelle f... Il y a de grands débats dans les deux chambres,

elles ont déjà envoyé une députation aux souverains alliés pour avoir la paix, enfin ils n'en peuvent plus.

*

Nancy, le 24 Juin (6 Juillet) 1815.

Nous voilà à Nancy depuis hier, vous voyez que nous marchons à pas de géants. La ville est jolie, il y a une place, qui est bien belle. On a arboré ici le pavillon blanc, on voit des cocardes blanches. Les trois souverains ont été hier au spectacle, et vous sentez bien qu'ils ont été reçus avec enthousiasme. Le public a fait jouer l'air d'Henri IV. Demain nous allons weiter.

*

Void, le 25 Juin (7 Juillet) 1815.

Je vous ai écrit hier, mon bien bon ami; mais pendant notre marche ici l'Empereur a reçu la nouvelle que Paris a été pris le 4 de ce mois. C'est Balmain qui nous a apporté cette nouvelle, je n'ai pas voulu laisser partir le courrier sans vous l'annoncer. Blucher s'est diablement battu la veille, et la ville s'est rendue par capitulation.

*

Paris, le 2 (14) Juillet 1815.

Me voilà, ou plutôt nous voilà, à Paris depuis hier. L'Empereur nous a devancé de quelques jours. C'est à présent que je pourrai de nouveau vous envoyer des journaux et des brochures. J'en ai déjà parlé à mon libraire. J'ai trouvé Paris très changé. Il est vrai que jusqu'à présent je n'ai fait que l'entrevoir, ou peut-être est-ce parce que ce n'est pas la première fois que je le vois. Le roi est ici, vous verrez dans les journaux la manière dont il a été reçu, je vous enverrai tout cela par le courrier prochain. Les restes de l'armée française, où se trouve aussi l'illustre Vandamme, est derrière la Loire, conformément à la capitulation conclue entre elle et Blucher. On prétend qu'elle commence aussi à faire quelques pas pour se soumettre au roi. Ici tout est déjà à cocarde blanche, le drapeau blanc a de nouveau remplacé le tricolor, qui avait remplacé le blanc, qui à son tour avait remplacé la statue de Napoléon sur la place Vandamme; j'espère que c'est pour la dernière fois. Vous me demanderez où est Napoléon. A Rochefort, désirant s'embarquer pour l'Amérique, mais bloqué en attendant par les Anglais. Ici on avait dit déjà qu'il avait été pris et même blessé, mais il paraît que non. Cela pourra cependant bien arriver à moins qu'il ne fasse une fougâ comme d'Égypte, mais j'espère que les Anglais

le happeront ou à son passage ou au moment de son débarquement; car on assure qu'ils ont envoyé des escadres pour cet objet. Ses frères aussi n'ont pas pu s'embarquer. On assure que Ney a également pris la route d'une des côtes pour s'embarquer.

Ce sont des on-dits, et je vous les repète comme je les ai entendus. Notre Empereur a été reçu avec des exclamations qui doivent être sincères, si toute fois ils sont capables de ce sentiment. Le fait est que partout où j'ai été on parle de lui avec la plus grande admiration et souvent j'entends dire: si nous en avions un pareil! Ils ne sont pas dégoutés. Voilà en attendant tout ce que je puis vous dire de Paris. Les gazettes vous diront le reste, mais je ne pourrai vous les envoyer que par le courrier prochain. Je ne puis pas m'empêcher cependant de vous rapporter un mot d'un barbier de Gand très drôle. Un homme attaché à Napoléon venait tous les jours se faire raser chez lui et lui payait deux sous chaque fois. Lorsqu'on y a appris la déconfiture de Bonaparte, le barbier dit à son homme: M-r, aujourd'hui il faut que vous me payez quatre sous au lieu de deux. Et pourquoi? Parce que vous avez le visage beaucoup plus long qu'à l'ordinaire. Volkoff ne dira sûrement pas que ce mauvais. J'ai trouvé ici Schröder. Vous jugez bien si j'en ai été enchanté. Il se porte tout-à-fait bien. Je lui a remis le thé, il en est enchanté. Nous demeurons tous à l'Élisée-Bourbon comme l'an passé. J'occupe les chambres d'Anstett qui valent mieux.—A propos, mon excellent ami, puisque nous voilà en possession de notre bien, ma consience me demande une action à la quelle vous ne vous refuserez sûrement pas; c'est de donner la liberté à Klime. Il n'en profitera sûrement pas, mais je le lui dois pour ses services et pour son attachement. Si vous y consentez, comme je n'en doute pas, faites, je vous prie, préparer les pièces nécessaires pour qu'à mon retour nous puissions les lui remettre.

*

Paris, le 10 (22) Juillet 1815.

Je reçois souvent des lettres du vieux c-te Simon de Londres, il a beaucoup de bontés pour moi. Michel, qui est à Meaux et que, j'espère voir ici un de ces jours, m'écrit souvent. Je lui ai en attendant envoyé toutes les brochures, il me les rapportera. Vous savez combien les Français sont bavards et écrivailleurs, aussi ils s'en donnent à présent: tous les jours il y a quelque nouvelle brochure, la plupart est mauvaise, mais pas sans intérêt, car elles sont le tableau du caractère de la nation. Il vient de paraître un livre intitulé: Les amours secrettes de Napoléon. Je ne l'ai pas lu encore, mais je l'ai pour vous. Je remets

la lecture de tout cela à l'époque où je serai tranquillement établi à Moscou. J'ai été voir ces jours-cy les catacombes. C'est cureux, mais selon moi il est affreux d'avoir rassemblé les ossements épars des pauvres êtres qui n'existent plus et de les avoir placés dans ces caveaux avec la plus grande simmetrie, les têtes ensembles, puis les os. On en a orné des chapelles etc. Pourquoi ne pas laisser tranquillement reposer les morts? C'est consolant pour les Parisiens, qui vont les voir avec l'idée et l'espérance que leur tour viendra, car de temps en temps on vide tous les cimetières et on ramasse pêle-mêle les ossements pour les transporter dans les catacombes. Mon genre de vie est très monotone. Je ne m'amuse guère. Je vais quelque fois au théâtre, mais même là l'esprit de parti prive le public de quelques bons acteurs. M-lle Mars par exemple ne joue plus.

*

Paris, le 16 (28) Juillet 1815.

Je vous envoie les gazettes. Vous verrez dans le № 8 de la gazette officielle qu'il a été établie une Commission Administrative. C'est moi qui suis commissaire de la part de la Russie; aussi je suis tous les jours depuis 10 heures du matin jusqu'à une et deux en conférence. J'aime l'occupation, je suis très content de cette nomination.

*

Paris, le 23 Juillet (4 Août) 1815.

J'étais persuadé de la joie que vous éprouveriez en apprenant la nouvelle grâce que notre angélique Empereur m'a accordée. Je conçois que c'était un grand argument pour combattre les plaintes de ma bonne Marie, aussi j'ai vu dans la dernière lettre l'effet qu'il a produit: elle est beaucoup plus raisonnable, elle se calme peu à peu, et la nouvelle de la marche rapide des événements fera le reste. Elle prendra patience à présent, puisqu'elle n'aura plus longtemps à patienter. Oui, mon cher ami, c'est aux prières de ma bonne tante, et principalement aux vôtres que j'attribue un effet qui je n'ai rien pu faire pour mériter à ce degré-là. C'est encore un dette de plus à payer au meilleur de souverains, et sûrement toute ma vie sera employée à justifier et à mériter la continuation de ses bontés. Ceux qui n'ont que l'intérêt en vue et qui peut-être me blamaient de préférer mes devoirs au plaisir d'être un moment avec Marie n'espérant pas d'obtenir un si grand bienfait, ceux-là même ne trouveront rien à dire. Je suis heureux du résultat, mais encore plus de la preuve qu'ils me donnent de la bienveillance du notre Maître. Et qui ne versera pas sa dernière goutte de sang pour lui? Une réflexion que je fais toujours quand il m'arrive quelque

chose d'heureux, c'est: pourquoi papa n'a-t-il pas assez vécu pour prendre part à notre joie! Mais il nous voit de là haut, il se réjouit, et sa bénédiction nous accompagne sans cesse. C'est vous qui le remplacez sur cette terre; aussi la première chose que j'ai dit à mes amis: comme mon bon, mon excellent frère se réjouira! Et ma bonne Natalie, et nos bonnes soeurs combien elles auront pris part à notre joie. Polética sort de chez moi. C'est excellent homme est parfaitement content de sa situation auprès de Barclay. Le maréchal a su l'apprécier, lui accorde sa confiance, et j'espère que ces bonnes dispositions de son chef lui vaudront quelques avantages pour sa carrière. Michel Woronzoff a aussi été ici pour quelques heures; il reviendra passer quelques jours avec nous. Nous avons également parlé de vous. Il vous embrasse. Il se porte à merveille, il est engraisé et toujours gai. Hier soir nous avons été avec Polética et Woronzoff admirer m-lle Mars. Elle est, étonnante et unique dans son genre. Elle est encore belle sur la scène. On l'a accueillie avec des applaudissements à tout rompre; on lui a jetté une couronne, on l'a appelée après la pièce, enfin le public a été dans le plus grand enthousiasme. Elle le mérite; quel talent, quel naturel et quelle finesse dans son jeu! Nous en avons été enchantés. Gagarine n'avait pas mauvais goût. Dites le lui de ma part. Je ne m'amuse guère à Paris. La seule distraction que je me permets ce sont les spectacles. Je vais quelque fois rire des farces de Brunet et surtout de Potier, qui est encore plus drôle; je me promène quelquefois aux boulevards, ce qu'on appelle ici le Petit Coblençe; mais en général je trouve Paris bien changé depuis l'année passée, il y a moins de monde dans les rues et aux promenades. On dirait que les habitans ont honte de se montrer après leur conduite que rien ne pourra justifier. Je sais que le c-te Besborodko est mort; ce malheur affligera le pauvre Labanoff, qui vient d'arriver ici, de quelque dizaines du mille paysans de plus. Il nous a donné un excellent dîner le jour que Michel a été ici. Le frère de Michaud vient d'arriver. Il supporte très bien sa blessure, mais il fait horreur à le voir: il ne lui reste pas même l'épaule, et cependant il est gai et farceur comme il l'était avant. Il nous prouve que deux bras est du luxe, et effectivement c'est étonnant comme il se sert bien du bras gauche. Son frère souffre plus que lui de le voir dans cet état. Il l'aime tendrement. Ce sont des frères à notre manière.

*

Paris, le 28 Juillet (9 Août) 1815.

Je réviens de la revue de nos troupes. On ne peut rien voir de plus beau que la division de grenadiers, les cuirassiers et l'artillerie qui ont traversé aujourd'hui Paris.

*

Paris, le 1 (13) Août. 1815.

Je ne sais, si je vous ai dit que Mouromzoff est venu me voir, il est ici avec Yermoloff, son chef. Микюша Нарышкинъ est aussi venu me voir, il m'a remis une lettre pour Jeannot; vous la trouverez ci-jointe. Michel Woronzoff est tantôt ici, tantôt à Meaux où est son quartier-général. Il m'a demandé une copie du portrait que j'ai fait faire pour Polética et dont je vous apporterai aussi une copie, parce que on le trouve très ressemblant. J'aurai celui de Michel; ceux de Schröder et de Lamsdorff sont déjà faits et frappans. Ma collection sera parfaite, Vous aurez du plaisir à la voir. Waniche se fait peindre à l'huile; il veut que j'aye un grand portrait de lui.

Dernièrement nous avons été avec mes amis à Tivoli, grande fête extraordinaire et qui n'a pas réussi. Le ballon, n'a pas voulu s'élever, et la danseuse qui avait fait une assension sur une corde a fait le contraire: elle en est tombée. Heureusement on a eu le temps de la recevoir dans des draps et par là lui sauver la vie. Elle était grosse par dessus le marché; elle a été quitte pour s'être écorchée la jambe. Polética nous quitte demain. Il restera à Melun avec le maréchal et viendra souvent me voir, ce n'est qu'à dix lieux d'ici. Je suis habitué à être toujours avec lui: c'est un bien excellent garçon. Tout le monde l'aime ici et chez le maréchal.

*

Paris, le 4 (16) Août 1815.

Notre pauvre Jurco Julinatz vient d'être nommé consul-général en Sicile, à la place du défunt Manzo. Vous, qui adorez ce pays là, vous jugerez encore plus de son bonheur, si vous ajoutez qu'il a un bon traitement, un bon argent de voyage, tandis que jusqu'à présent il était dans un grand besoin avec sa femme et son enfant.

Si vous croyez que mes habits, qui sont chez les Varlams, doivent être aérés, je vous prierai de le faire devant vous, car je ne me fie pas trop à l'exactitude de leurs gens. Tout ce que vous trouverez de souliers pour Marie dans les différentes caisses qui vous parviendront, je vous prie de les lui remettre. Je vous ai parlé une fois d'une grande caisse, que j'ai envoyée par roulier de Vienne depuis longtemps. Elle a été adressée à m. de Gourieff pour être remise à Tourguénéff, je n'en ai aucune nouvelle. Ayez la bonté de suivre un peu cette affaire, je ne voudrais pas cependant qu'elle se perde. Elle est partie de Vienne le 17 Février (1 Mars.) Priez Tourguénéff de la retirer et de vous l'envoyer. Dans la maison de Gourieff il y a encore une ancienne caisse

expédiée de Francfort avec les effets de Nesselrode, et que je n'ai jamais pu déterrer. Elle contient de l'eau de Cologne et plusieurs autres effets. Tâchez aussi de la délivrer. Je serai fâché qu'elle se perdît, ce que du reste serait assez difficile: elle est marquée, je crois, avec les lettres C. B. ou K. B.

Melling le peintre, qui a été à Constantinople du temps de papa et dont vous avez quelques vues, m'a apporté des gravures qu'il a fait faire d'après ses dessins, elles sont charmantes; je ne sais seulement pas comment les transporter. Cela forme un grand volume.

*

Paris, le 22 Août (3 Septembre) 1815.

Mettez moi aux pieds de ma bonne soeur pour les charmants sacs à tabac qu'elle m'a envoyés et que j'ai toute la peine possible de défendre contre les attaques de Woronzoff. Ils sont vraiment délicieux, et je ne m'en séparerai pas même pour mes amis. C'est son souvenir surtout qui m'est précieux et qui est bien aimable.

Weliascheff est arrivé un peu trop tard pour faire la guerre, mais comme il n'a jamais vu Paris, il retirera aumoins cet avantage de sa course. Je le connais donc depuis longtemps, c'est un neveu de Schoulépoff et il a été pendant fort longtemps à notre département.

*

Paris, le 1 (13) Septembre 1815.

L'Empereur est revenu ce soir. Il y a eu des grâces le jour de la St. Alexandre. Je ne sais pas encore tout, mais voilà ce qu'on m'a dit: Barclay a été fait prince, Dibitsch a eu les diamants de l'ordre le St. Alexandre, Toll ceux de St. Anne, Michel Woronzoff a été fait aide-de-camp-général, le colonel Harting—général, Martschenko secrétaire d'état, le petit Dournoff aide-de camp de l'Empereur.

*

Paris, le 8 (20) Septembre 1815.

Je pars avec Nesselrode, qui accompagne l'Empereur. Je ne sais pas la tournée que S. M. fera, mais une fois parti d'ici, tout le reste sera un acheminement vers Moscou que je brûle d'atteindre.

J'ai été bien étonné ces jours-ci de rencontrer Sokovnine, Прокофій, dans les corridors de l'Odéon. Je ne savais pas même qu'il avait l'intention de venir à Paris. Il a été chez moi pendant que j'étais à la commission, de manière que je ne l'ai pas vu.

Sabanéyeff a eu un congé d'un an; j'espère qu'il viendra vous voir à Moscou. Къ намъ много собираются на зиму, Шредеръ, Ламздорфъ, Полетика и пр. J'ai lu le billet de Loder; mais vraiment, mon bon ami, je ne sais comment il serait possible de faire à présent ici ce qu'il désire; il n'y a aucun motif à Nesselrode pour en parler; ces choses se font à la demande de ministère principale et comme Loder est connu avec Hardenberg et Humboldt, il ferait bien de leur écrire pour les prier de faire la présentation. Quant à moi, avec le plus grand désir d'obliger Loder, il m'est impossible d'arranger l'affaire. Donnez lui ce conseil, et alors cela pourra aller.

J'espère que Tourguénéff reconnaitra le tort qu'il m'a fait de croire que je ne cherche pas à être utile à ses frères. Je m'en rapporte à eux-mêmes. A propos, ils viennent d'être avancés tous les deux. Ce sont de bien bons garçons. Capodistrias a été fait secrétaire d'état. Zakreffsky a eu l'ordre de S-te Anne en diamants.

*

Paris le Septembre 1815.

Enfin nous quittons ce diable de Paris où je ne me suis pas amusé et qui m'a coûté diablement cher; mais c'est égal, j'en pars, et tout est dit. Il faudra économiser un peu dans la suite pour payer quelques dettes; nous réglerons tout cela. Nous allons donc à Dijon pour la revue autrichienne, l'Empereur s'y rendra de Bruxelles, et de Dijon, je crois, que nous autres nous irons directement à Berlin, pendant que l'Empereur ira voir les grandes-duchesses. De Berlin je ne sais pas encore la route que nous prendrons.

Je voyagerai à la diable. Quant à mes effets, n'ayant pas de voiture à moi ici, la mienne est chez Polética, et Dieu sait s'il sera à Francfort pour notre passage; quant à mon illustre personne, elle sera comme à l'ordinaire avec Nesselrode. J'envoie une partie de mes effets directement à Pétersbourg, l'autre partira avec Koudriaffsky, qui va à Berlin nous attendre, la troisième avec moi. Il faudra du temps avant que je les rassemble. Schröder restera encore quelque temps ici, il viendra ensuite à Pétersbourg. Woronzoff est à la mission d'Anstett, qui est nommé pour Francfort auprès de la Confédération Germanique. Kreidemann est son secrétaire d'ambassade, et Tormasoff, le neveu de votre général, est placé comme канцелярскій служитель. Vous pouvez l'annoncer à votre chef. Il le doit à sa recommandation, car il y a beaucoup d'amateurs. Balmain est nommé commissaire à l'île St. Helène, il en est très content.

Dites à ma cousine que son fils Basile reste avec Michel Woronzoff. Je le lui ai fortement recommandé, ainsi qu'à toutes les personnes dont il dépendra. Il sera bien. Tourguéneff Serge reste aussi auprès de lui avec 1500 rbl. bonifiés d'appointements.

*

Dijon, le 24 Septembre (5 Octobre) 1815.

Nous sommes arrivés hier soir ici. J'ai une attaque d'hémorroïdes qui me fait extrêmement souffrir. Насилу дотащился и теперь сижу; s'est un véritable tourment. Je ne sais pas comment je continuerai ma route surtout du train dont nous allons avec Nesselrode. Enfin il faudra souffrir, que faire! Tout le monde est allé voir les troupes autrichiennes; moi, je ne bouge pas, je profite du temps où nous sommes ici pour chercher du soulagement. Ne représentez pas la chose au tragique à Marie, mais je souffre diablement, malgré que cela ne soit pas dangereux.

*

Berlin, le 10 (22) Octobre 1815.

Je suis parti de Paris pas bien portant; à Dijon je n'étais pas bien, mais arrivé à Nancy j'ai eu un accès de fièvre de cheval. Je n'ai pas cependant voulu m'y arrêter et j'ai continué ma route avec Nesselrode. Cet accès a duré jusqu'à Francfort et en y arrivant je n'en pouvais plus. Nesselrode a fait venir son médecin, qui a exigé absolument que je reste; j'ai du consentir, il m'a donné un vomitif, j'ai rendu beaucoup de bile, et cela m'a sauvé d'une fièvre chaude ou bilieuse. J'ai cependant dû garder le lit et la chambre pendant cinq jours. Me sentant un peu mieux, je me suis remis en route avec Kiséleff, j'ai du coucher une nuit à Leipsig et arrivé ici j'étais si faible que j'ai du de nouveau garder la chambre et me droguer. Grâce à Dieu, cela va mieux. Quelques jours que nous resterons ici me remettront tout-à-fait.

Cette petite maladie, coupée dans son origine, m'a sauvé d'une grande, et ma foi on ne peut pas toujours se bien porter! Il faut de temps en temps payer de ces petits tributs à la nature.

Pendant tout le temps que j'ai été à Francfort je n'ai pas été un moment seul. Le bon Polética y est arrivé le même jour que moi et non seulement ne m'a pas quitté un instant, mais il est resté même quelque jours après le départ du quartier-général du maréchal, et je l'ai ensuite mené quelques postes pour le réjoindre. Outre lui j'ai vu pendant ce temps 35 personnes qui venaient presque tous les jours chez moi, entre autres l'excellent Sabanéyeff, qui a obtenu un congé d'un an et à qui l'Empereur a donné 20 m. roubles.

Le bruit de ma prétention à la place de directeur de poste à Moscou est comme tous les faux bruits. Vous savez, mon cher, ce qui en est. Vous connaissez mes projets bien différents de celui-là. Du reste qu'on en parle, qu'est ce que cela fait? Cela m'a fait rire comme vous. Vous avez cependant bien fait d'avoir dit à Kelembeth que c'était faux. Cela tranquillisera, je crois monsieur Rounitz, a qui sûrement cette nouvelle ne fait pas plaisir.

*

Le 13 (25) Octobre.

L'Empereur est arrivé hier, mon cher ami, et a été reçu avec tout l'enthousiasme qu'il inspire partout où il paraît. J'ai été voir son entrée, mais pas à la cour, parce que je ne puis pas encore risquer une toilette. Il est probable qu'il partira bientôt un courrier, je veux tenir ma lettre prête.

*

Berlin, le 15 (27) Octobre 1815.

J'ai eu des nouvelles de ce pauvre diable de Bogoluboff. Il est dans un état affreux à Madrid; sa jambe va passablement, mais il crache le sang et très probablement il a la phtisie. On vient de lui accorder un semestre de 6 mois pour aller à Pise, mais Dieu sait s'il pourra en profiter. Severine, qui est arrivé de Madrid, me dit qu'il a tout-à-fait perdu la gaité et qu'il a très mauvaise mine. Quant à Tatischeff, il se porte bien à présent, après avoir été à la mort d'une colique du pays, qui est une bien vilaine maladie. Le petit Kondyreff et Fromann ont eu la croix de Léopold, ils en sont bien contents, et je le conçois; car c'est une décoration qui leur donnera de la considération à Vienne et même, je crois, le titre de baron. Voilà Ott de nouveau chargé d'affaires, car Stackelberg a la permission d'aller en Italie où l'empereur d'Autriche passera l'hiver.

Il y a ce soir grand bal à la cour, il y avait aussi grand dîner. J'étais invité, mais je ne m'occupe que de ma santé et j'abandonne les fêtes et les plaisirs. Richter, que j'ai été voir, me charge de vous dire mille choses. Je ne sais pas si vous savez qu'il est attaché à la mission d'ici. Ce pauvre garçon a été en France avec Alopéus, il a fait une chute de cheval et s'est tellement abîmé un pied que depuis trois mois il ne quitte pas la chambre et ne peut marcher qu'avec des béquilles. Ce qu'il y a de mauvais c'est que cela peut durer encore longtemps. Il a beaucoup souffert. Cela ne l'empêche pas de chanter et de jouer au whist. Il vous aime aussi beaucoup. J'ai retrouvé ici Krafft qui était pendant quelque temps à la mission de Vienne, et Königsfeld, un excellent garçon que, je crois, vous ne connaissez pas. Ces messieurs viennent souvent me voir. Berlin est toujours une bien jolie ville, mais elle

paraît bien déserte après Paris. Le théâtre n'est pas grand chose. C'est toujours m-elle Schmalz, jadis à Vienne, qui chante. Je ne l'ai pas encore vue, mais elle doit être vieille; pour ce qui est jolie elle n'a jamais été que laide. Il y a ici un excellent acteur comique qui a remplacé le fameux Iffland, un nommé Devrient, qui est excellent; le ballet est mauvais.

*

Berlin, le 21 Octobre (2 Novembre) 1815.

Murat, qui s'était retiré en Corse, ne s'y plaisait probablement pas. Il ne pouvait pas oublier ses grandeurs passées et voulut faire escapade à la Napoléon. Il ramassa quelquesuns de ses partisans, s'embarqua dans un bateau pêcheur et a débarqué en Calabrie après avoir semé une proclamation arrogante, qui commence par il vostro Ioachimo, où il déclare le roi légitime déchu du trône, enfin tout plein de choses pareilles. Elle n'a produit aucun effet. Lui en attendant arrive à Pizzi, se montre au peuple, disant qu'il était leur roi, mais ces bonnes gens se saisirent de lui et de sa suite et le livrèrent au général Napolitain qui commandait dans les environs. Le voilà donc entre les mains du gouvernement. On nomme une commission militaire pour le juger, le sentence est prononcée, exécutée, et Murat a été fusillé. Voilà comment il a fini sa carrière.

*

Berlin, le 25 Octobre (6 Novembre) 1815.

Je commence aussi à croire que Tourguénéff est un peu fou. Si c'est d'amour, le mal n'est pas grand, et cela passera. Je suis seulement fâché de lui avoir adressé mes effets dans le moment de son délire amoureux. J'espère cependant que tout cela se retrouvera; quelques jours plus tard ne font rien. Ma foi, je ne conçois pas le courage de Шаховской de vouloir faire une critique contre Жуковский, qui est le meilleur de nos poètes, sans en excepter ni Державинъ, ni Ломоносовъ, ni Сумароковъ. C'est un talent dont tout Russe doit être fier.

Avant-hier on a annoncé à la cour le mariage du grand-duc Nicolas avec la princesse Charlotte, fille du roi de Prusse. Elle est bien jolie, cela fera un couple charmant. Les voilà donc promis; je ne sais pas quand se fera la noce, on dit que ce ne sera que dans un an.

On m'assure que l'Empereur part demain. Nesselrode dans ce cas ne partira que deux jours plus tard. Je compte partir le même jour que lui, avec la différence que je suis obligé de coucher toutes les nuits par ordre du médecin. Je remettrai cette lettre à monsieur Марченко avec prière de vous l'expédier avec le premier courrier, qui probable-

ment partira de Varsovie avant mon arrivée. Sans cela vous serez quelque temps sans avoir de mes nouvelles, ce qui pourrait vous inquiéter. Ma santé va bien, mais il me faut encore du ménage, et je suis résolu à suivre les ordres de monsieur Forané, en qui j'ai la plus grande confiance. J'ai eu hier des lettres de Paris, de Schröder et de Woronzoff. Le second est tout-à-fait heureux de se trouver au milieu de tous ses parents, car le père de Michel est aussi à Paris. Je ne sais pas si je vous ai dit que Marie Balmain y est également.

*

Varsovie, le 5 (17) Novembre 1815.

Me voilà à Varsovie, après six jours de voyage ennuyeux et fatigant. Je n'ai couché que deux nuits, sans quoi je serais je crois, encore sur ces mauvais chemins. Du reste ma santé n'a pas exigé que je m'arrêtasse plus souvent, et je me porte assez bien. J'espère que pendant le séjour que nous ferons ici je me rétablirai complètement. Varsovie me rappelle singulièrement notre bon père. J'ai trouvé ici plusieurs personnes qui se rappellent de lui avec plaisir et m'ont comblés d'amitié. J'ai retrouvé aussi beaucoup de nos anciennes connaissances, Pac, Wesselowsky, Korsakowky le grimacier, frère de l'évêque de Vilna etc. etc; mais je n'ai pas vu une femme de Vilna; peut-être aussi ne les ai-je pas reconnues; elles auront un peu changé. J'ai été à un bal que le prince Adam donnait à l'Empereur et qui était très brillant. Comme je ne danse pas, je me suis amusé à causer avec mes anciennes connaissances. Je jouissais vraiment de voir notre bon Empereur que je n'ai pas vu depuis Dijon. Il a eu la bonté de m'apercevoir et s'est approché de moi avec cette mine angélique que lui seul possède. Il est impossible de ne point l'adorer, et je m'estime vraiment heureux de l'avoir suivi pendant quelques années dans des événements si importants et d'avoir été témoin de l'enthousiasme qu'il a inspiré partout où il a été.

*

Pétersbourg, le 6 Décembre 1815.

Enfin mon cher, bon ami, m'y voilà! Je ne suis plus séparé de vous que de deux cent lieux, elles seront bien vite franchis dès que je me trouverai dans ma petite calèche. Je suis ici depuis deux jours. Vous voulez peut-être savoir si c'est pour longtemps. Je ne l'espère ni ne le désire, mais j'ai quelques petites affaires à arranger, et puis je serai l'homme du monde le plus heureux dans les bras d'un frère que j'aime plus que ma vie. Je ne vous parlerai ni de la joie que j'ai éprouvée à embrasser notre bienfaiteur, ni de la tendresse avec laquelle il m'a reçu ainsi que sa femme. Je me réserve de vous en entretenir à mon

arrivée. Tourguéneff a vraiment la tête tournée, mais cela ne l'empêche pas d'être le meilleur enfant du monde. Je suis en possession de mes caisses, je les expédierai moi-même. Je passe ma vie à courir, j'ai été chez les Pouschkine, qui nous aiment vraiment. J'ai retrouvé ici mon ami de l'armée, l'excellent Polética, qui veut absolument venir à Moscou avec moi.

*

9 Декабря 1815.

Я не выхожу почти изъ кареты и право замучился. Только что продеру глаза, какъ уже наплываетъ ко мнѣ куча народу и пріятелей, и старыхъ знакомыхъ, и людей, кои воображаютъ себѣ, что я могу имъ быть полезенъ и кои сильно ошибаются.

J'ai été deux fois chez Кат. Даниловна *) sans la trouver à la maison; en général ce qui me fait enrager, c'est qu'on ne trouve personne et qu'il faut revenir dix fois avant de voir quelqu'un, excepté les bons Alexéyeffs que je vois souvent et toujours avec un nouveau plaisir. J'ai dîné aussi chez Possnikoff, qui nous a donné un très bon dîner; tous les jours j'ai des engagements, demain je dîne chez Polética. Ma plus grande consolation est d'être avec mes amis. Je ne vous ai pas encore envoyé vos papiers de Naples, je les garde chez moi: car il faut que Nesselrode vous obtienne la permission de porter l'ordre de mon patron. Imaginez vous qu'on n'a pas envoyé la décoration, et malheureusement je ne puis pas vous en faire une ici, car le seul chevalier, Alexandre, n'est pas à Pétersbourg: il a été fait maître de police à Zcernigow.

*

Пétersbourg, le 13 Décembre 1815.

Je devais être présenté hier aux Impératrices, mais la présentation n'a pas eu lieu; j'ai cependant eu le bonheur de voir notre angélique Empereur et le matin et le soir au bal où j'ai été engagé, malgré que je n'ai aucun droit à cela, surtout n'ayant pas été présenté à l'Impératrice-mère, qui a donné le bal. Et le matin et le soir l'Empereur m'a remarqué et a daigné me parler. Vraiment, quand il parle, il rend heureux ceux à qui il s'adresse. Le matin il m'a dit: Здравствуй, сопутчикъ; когда приѣхалъ? On ne peut pas ne point l'adorer, et moi j'ai tant de motifs pour cela. Jamais je n'oublierai le temps que j'ai eu le bonheur de me trouver avec lui pendant une si longue et si intéressante époque. Je vous parle de ses bontés, car vous savez les apprécier; tout ce qui m'arrive d'heureux vous fait plaisir, et peut-il exister pour moi quelque chose de

*) Мать А. А. Волкова? П. Б.

plus beau que d'être connu personnellement du meilleur des maîtres, et j'ose écrire que ce n'est pas d'une manière désavantageuse. Je cours toute la journée. Je vois souvent les bons Alexéyeffs, les Pouchkines. Je ne puis pas oublier que papa était leur ami, et vraiment j'y vais comme dans ma propre famille. On me comble d'amitiés. Je n'ai rien à vous dire d'ici. J'ai parlé hier devant le prince Ourousoff au général Balachoff de Volkoff. Il lui porte le plus grand intérêt et veut lui être utile.

J'ai dîné hier chez Longuinoff avec Benkendorf, qui vient d'arriver et qui vous salue.

*

Pétersbourg, le 16 Décembre 1815.

Tourguéneff est dans le chagrin, son mariage ne va pas, il paraît qu'il y a des intrigues, et ce bon garçon en souffre. Il mérite d'être heureux et c'était un excellent moyen *).

*

Le 20 Décembre 1815.

Aujourd'hui est l'entrée de l'ambassadeur de Perse, avec les éléphants et toute la boutique. Demain il fera sa visite à Nesselrode et Jeudi il aura son audience chez l'Empereur. Sa Majesté a ordonné que ce soit moi qui lira la traduction du discours de l'ambassadeur. Vous verrez cela plus en détail dans le cérémonial que je vous envoie ci-joint.

*

Петербургъ, 23 Декабря 1815.

Je serai très embarrassé de vous dire ce qui en est de l'affaire de Tourguéneff, il me semble aussi qu'il y a eu des intrigues et des commérages; quant à lui, il est inconsolable. Je n'ai pas cru un moment qu'il ait été cause de la rupture: il est incapable d'une malhônnetété.

C'est aujourd'hui l'audience de l'ambassadeur de Perse où je joue aussi un rôle. Il faut aller de bonne heure à la cour. L'entrée de l'ambassadeur perse a eu lieu Lundi, comme vous le verrez décrite dans l'imprimé ci-joint. Les éléphants étaient très élégants avec leurs кенъги.

Les Jésuites ont été arrêtés et renvoyés d'ici. C'est vraiment un acte de justice. On ne peut cependant pas pousser la tolérance au point de faire tort à sa propre religion, et ces messieurs-là avaient dirigés tous leurs soins et leurs efforts à faire des prosélytes, à tourner la tête à des enfants et à des femmes. On se félicite de cette nouvelle comme de la prise de Napoléon; cela prouve combien l'opinion publique était contraire aux actions des Jésuites.

*) А. И. Тургеневъ собирался жениться на Екатеринѣ Александровнѣ Саблужковой (вышедшей потомъ за князя Мадатова) и остался холостякомъ. П. Б.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ГРАФѢ СПЕРАНСКОМЪ.

Съ 1826 по Іюль 1835 года служилъ я подъ начальствомъ графа Сперанскаго, на низшей ступени служебной іерархіи, во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, образованной изъ бывшей Коммисіи Составленія Законовъ. Былъ я еще молодъ, и съ того времени запечатлѣлись во мнѣ многія, самыя для меня пріятныя, воспоминанія изъ тогдашней моей службы. Продолжая службу и понинѣ, испытавъ на себѣ, въ сорокалѣтній ея періодъ, многія перемѣны въ ходѣ вещей и въ личной обстановкѣ, могу съ нѣкоторою увѣренностію сказать, что время, проведенное мною подъ начальствомъ графа Сперанскаго, было самое лучшее въ моей жизни и дало направленіе всей моей дѣятельности, хотя и невидной, но настолько не бесполезной, что смѣю по совѣсти сказать: въ общихъ трудахъ

И моего хоть капля меду есть.

Но обращусь прямо къ тому предмету, который возбудилъ во мнѣ желаніе посвятить эти строки памяти знаменитаго и всѣми благомыслящими людьми высоко цѣнимаго человѣка.

Много о жизни служебной и частной дѣятельности графа Сперанскаго было писано, говорено и говорится доселѣ, но не все еще исчерпано.

Баронъ М. А. Корфъ, при изданіи «Жизни графа Сперанскаго», въ предисловіи самъ сознается: «При всей тщательности нашихъ изысканій, мы далеки отъ мысли, чтобы не только біографію Сперанскаго въ томъ объемѣ и знаніи, какъ мы ее понимаемъ, но даже и сводъ матеріаловъ къ ней считать вполне завершенными посредствомъ нашей книги. Сперанскій находился въ соприкосновеніи со столькими людьми, дѣйствовалъ на столькихъ поприщахъ и такъ недавно сошелъ съ общественной сцены, что отыщутся вѣрно еще многіе факты, которыми можно будетъ дополнить собранныя нами свѣдѣнія, исправить наши указанія и пролить на нихъ болѣе свѣта». Это мнѣніе барона Корфа совершенно

справедливо и обязываетъ каждаго имѣвшаго соприкосновеніе со Сперанскимъ дополнить неизбѣжныя въ его книгѣ недомолвки или погрѣшности. Руководствуясь этимъ, и я считаю справедливымъ внести свою лепту въ общую сокровищницу.

Извѣстно, что съ 1826 по Іюль 1835 годъ и позже начальникомъ Второго Отдѣленія государевой канцеляріи былъ статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ М. А. Балугьянскій, главноуправляющимъ же этого отдѣленія Сперанскій (хотя офиціально онъ и не носилъ этого званія); ибо все, что касалось трудовъ и занятій чиновъ Второго Отдѣленія шло чрезъ Сперанскаго, подъ ближайшимъ его надзоромъ и руководствомъ. Весь составъ Отдѣленія собранъ былъ Сперанскимъ изъ людей самыхъ опытныхъ, образованныхъ, профессоровъ бывшаго Царскосельскаго Лицея и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и самыхъ лучшихъ молодыхъ людей, отлично кончившихъ курсъ въ Лицеѣ и университетахъ. Труды по составленію сперва Полнаго Собранія Законовъ, потомъ историческаго свода и наконецъ свода догматическаго, распредѣлялъ самъ Сперанскій. Старшіе чиновники именовались редакторами, а младшіе ихъ помощниками. Всѣ заготовленные ими работы просматривались Сперанскимъ или однимъ, или въ общемъ присутствіи, для чего собирались въ назначенные дни редакторы подъ предсѣдательствомъ Балугьянскаго. Въ общемъ присутствіи разсматривались и обсуждались труды чиновниковъ, и всѣ возникавшіе по этому предмету вопросы разрѣшалъ Сперанскій, съ величайшимъ терпѣніемъ и вниманіемъ выслушивавшій всѣ замѣчанія и представленія подчиненныхъ. Порядокъ и единство цѣли были соблюдаемы въ точности.

Я живо помню Сперанскаго. Не разъ я занимался перепискою бумагъ въ его домовой канцеляріи, бывшей на Невскомъ проспектѣ противъ Гостинаго двора; не разъ имъ былъ призываемъ для объясненій и выслушивалъ его наставленія, что «всѣ мы трудимся для пользы всего государства и что, имѣя это въ виду, трудиться должны съ большою ревностью» и т. п. (И всѣ трудились и день и ночь, почти не зная все праздниковъ).

Какъ сейчасъ передъ собой вижу прямую, не очень высокую, правильную фигуру Сперанскаго, его почти совсѣмъ обнаженную отъ волосъ голову, какой-то вообще задумчивый видъ. Какъ теперь слышу его привѣтливыя слова, всегда кроткія, положительныя, показывавшія невольное вниманіе и уваженіе къ тому, съ кѣмъ онъ говорилъ; обхождение самое деликатное, мягкое, вѣжливое, со всѣми, не исключая переписчиковъ: всегда на вы, никогда на ты. Никогда однакожь не слуша-

лось видѣть его смѣющимся. Казалось, веселость ему не была къ лицу. Изъ трехъ его портретовъ, приложенныхъ къ книгѣ «Жизнь графа Сперанскаго», болѣе сходства съ нимъ имѣеть тотъ, который относится къ 1823 году. Копія съ этого портрета, писанная для меня академикомъ Вегнеромъ, для памяти, и понынѣ находится у меня. Вообще впечатлѣніе, выносимое въ сношеніи съ Сперанскимъ, было какое-то невольное уваженіе, смѣшанное съ удивленіемъ. Для насъ, меньшихъ изъ братій, казалось, что этотъ человѣкъ былъ какой-то необыкновенный. Страха, правда, онъ нисколько не внушалъ, но кротостію, ровностію характера, чрезвычайною отчетливостію и положительностію всѣхъ дѣйствій, вселялъ строгое къ нему уваженіе, переходившее иногда въ безотчетное чувство благоговѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не скажу, чтобъ его личность вообще внушала безотчетную любовь. Безотчетную любовь внушала къ себѣ скорѣе первый изъ сотрудниковъ Сперанскаго, М. А. Балугьянскій, человѣкъ, который былъ олицетворенная добродѣтель. По образованію, уму, необыкновенной любви къ трудолюбію и полезной дѣятельности, онъ внушалъ также къ себѣ уваженіе, но болѣе любви. Къ нему мы служащіе всѣ относились какъ дѣти къ отцу, часто даже и съ тѣмъ, чѣмъ вовсе не слѣдовало бы беспокоить такого почтеннѣйшаго человѣка, и тѣмъ не менѣе были выслушиваемы и извиняемы, какъ дѣти добрымъ отцомъ¹⁾. Къ Сперанскому же относились совсѣмъ иначе, хотя и онъ былъ со всѣми ласковъ и привѣтливъ. Между нимъ и подчиненнымъ становилась всегда какая-то невидимая, но сильно чувствуемая мысль опасенія (не страха однакожъ) утруждать такое лицо. Таково вліяніе человѣка высокаго ума и строгой добродѣтели. Это мои личныя впечатлѣнія, которыя, можетъ быть, и несходны съ впечатлѣніемъ другихъ.

Перечитывая «Жизнь Сперанскаго», изданную барономъ Корфомъ я не могъ не замѣтить въ этой книгѣ одного, по моему мнѣнію, незначительнаго пробѣла.

На 46 стр. и послѣдующихъ т. 1 сказано, что онъ изъ магистровъ С.-Петербургской Александровской Семинаріи, преобразованной вскорѣ въ Духовную Академію, поступилъ на государственную службу въ канцелярію генералъ-прокурора князя Алексѣя Борисовича Куракина (который по восшествіи на престолъ Павла Петровича, въ одинъ

¹⁾ Біографія М. А. Балугьянскаго съ его портретомъ помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 года. II. Б.

²⁾ Отъ современниковъ Сперанскаго мы слышали, какъ неприятно было выраженіе глазъ его, которые неизвѣстно куда смотрѣли. Покойная княжна В. Н. Репнина сравнивала ихъ съ глазами только что убитаго теленка. Таковы были глаза у Наполеона III-го. II. Б.

годъ, изъ незначительной должности достигъ перваго чина, перваго званія и перваго ордена въ Имперіи), съ чиномъ титулярнаго совѣтника и съ жалованьемъ по 750 рублей въ годъ. Далѣе баронъ Корфъ пишетъ: «Едва вѣрится, читая въ формулярѣ Сперанскаго, что 5-го Апрѣля 1797 г. то есть чрезъ три мѣсяца послѣ вступленія въ службу, онъ былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры, чинъ приносившій въ то время потомственное дворянство; 1-го Января 1798 г. въ надворные совѣтники, а 18-го слѣдующаго Сентября, то есть съ небольшимъ чрезъ полтора года отъ начала новаго его поприща, уже и въ коллежскіе совѣтники. Предположивъ даже, что Сперанскій далеко превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей способностями и, занявъ почти тотчасъ по опредѣленіи своемъ на службу немаловажный постъ экспедитора (начальника отдѣленія) генераль-прокурорской канцеляріи, имѣлъ случай отличиться, все же источникъ такихъ безпримѣрныхъ наградъ слѣдуетъ, конечно, искать болѣе въ личномъ расположеніи къ молодому чиновнику нежели въ какихъ нибудь особенныхъ, необычайныхъ заслугахъ, для которыхъ и самое поле его дѣятельности еще было недовольно широко» (стр. 48). Далѣе мы видимъ Сперанскаго, состоявшаго непрерывно при послѣдовательно смѣненныхъ въ царствованіе императора Павла I-го генераль-прокурорахъ, князь Лопухинѣ и Беклешовѣ, и между тѣмъ произведеннаго 8-го Декабря 1799 года въ статскіе совѣтники, награжденнаго орденомъ св. Владимира 3-й степени, съ повышеніемъ въ должности и съ прибавочнымъ жалованьемъ по 2000 рублей въ годъ (окладъ по тогдашнему времени весьма значительный).

Вотъ нѣчто объясняющее это безпримѣрно быстрое возвышеніе.

При составленіи Полнаго Собранія Законовъ требовались изъ Правительствующаго Сената подлинныя высочайшія указы, и подвергались пересмотру и выпискѣ тѣ изъ нихъ, которые по существу своему должны были войти въ Собраніе. Одинъ разъ, когда я и чиновникъ Геннингъ, сидя за этою работой, свѣряли списанные съ указовъ копіи, мимо насъ проходилъ Сперанскій. Передо мной лежала большая, въ сафьянномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ, книга именныхъ высочайшихъ указовъ, за подписью императора Павла Петровича. Указъ, съ которымъ повѣрялась списанная съ него копія, былъ написанъ четкимъ, довольно прямымъ, твердымъ и чистымъ почеркомъ. Сперанскій, обративъ на этотъ указъ вниманіе, остановился подлѣ меня и, обратясь ко всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ чиновникамъ, сказалъ, какъ будто удивленный неожиданностію: «Ахъ, это мой почеркъ; этотъ указъ писанъ мною». Потомъ, посмотрѣвъ съ любопытствомъ указъ, онъ сказалъ слѣдующія, думаю, знаменательныя слова: «Да, это было самое трудное время изъ

исей моей службы, когда я находился въ кабинетъ Его Величества Павла Петровича; извѣстенъ его характеръ, скорый, живой и строгій. Бывало, Государь прїѣдетъ, призоветъ меня и дастъ на словахъ повелѣнія написать къ назначенному часу десять, пятнадцать и даже болѣе разнородныхъ повелѣній и указовъ Сенату. Сочинять и отдавать переписывать эти повелѣнія и указы, рѣшительно было некогда; а потому я ихъ всегда самъ писалъ, прямо набѣло». Потомъ перевернувъ въ книгѣ нѣсколько листовъ и посмотрѣвъ на другіе писанные его же рукой указы, Сперанскій ушелъ отъ насъ въ общее присутствіе для занятій.

Итакъ, во первыхъ, Сперанскій, состоя при генераль-прокурорахъ князѣ Куракинѣ, князѣ Лопухинѣ и Беклешовѣ, бывалъ также и въ кабинетъ Императора Павла Петровича, исполняя личныя его повелѣнія въ качествѣ кабинетнаго секретаря, неся, какъ и самъ онъ выразился, самую трудную для него службу. Слѣдовательно, въ книгѣ «Жизнь графа Сперанскаго (стр. 48) не точно выражено, что объясненія безпримѣрныхъ наградъ слѣдуетъ искать болѣе въ личномъ расположеніи, начальства нежели въ особыхъ, необычайныхъ заслугахъ, для которыхъ и самое поле его дѣятельности было недовольно широко. Оказывается, что это поле было гораздо шире, нежели оно представлено. Во вторыхъ, при извѣстномъ крутомъ характерѣ Императора, скоро и щедро награждавшаго, скоро и строго наказывавшаго, нисколько не удивительно, что и Сперанскій, заслужившій вниманіе Царя своими способностями и точностію въ исполненіи высочайшихъ повелѣній, успѣлъ въ краткій періодъ царствованія этого государя повыситься изъ титулярнаго до статскаго совѣтника, получить важный крестъ и отличное содержаніе. Въ третьихъ, какъ послѣдствіе такой службы Сперанскаго, должно полагать, что и бывший тогда наследникъ престола Александръ Павловичъ, еще до воцаренія своего, уже хорошо узналъ и понялъ Сперанскаго въ кабинетѣ своего родителя, а когда взошелъ на престолъ, то приблизилъ его къ себѣ, какъ челоуѣка близко ему извѣстнаго.

Григорій Александровъ.

Москва, 15 Марта 1865 г.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БУДУЩЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Сонникъ современной Русской литературы, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ и служащій необходимымъ дополненіемъ къ Соннику Мартына Задеки. Изданіе соотое безъ перемѣнъ, какъ и все остальное въ богоспасаемой Россіи. С у з д а л ь. Изъ лубочной типографіи при департаментѣ народнаго помраченія *).

А.

Аксаковъ видѣть во снѣ предвѣщаетъ объявленіе войны, или же, въ квасѣ, смѣшанномъ съ кислую капустою и толокномъ, добродушно и съ умиленіемъ провидѣть великіе политическіе идеалы любезнаго нашего отечества; но вообще сей сонъ означаетъ все честное, благородное и достойное подражанія для всѣхъ Русскихъ писателей, которые больно хромаютъ нравственными качествами.

Арапетова предвѣщаетъ возымѣть поползновеніе къ плотскому грѣху.

Б.

Бенедиктова предвѣщаетъ увидѣть на яву фигуру Индѣйскаго пѣтуха.

Бери Нѣмчина („Брегомъ или Брехомъ“ себя самаго нарицающаго, мня быть ему Словяниномъ) предвѣщаетъ быть себѣ на умѣ.

Боткина (сего глубокаго мыслителя, витію и публициста Хамовниковъ, Козлхи, Сивцева Вражка и Грачовки) предвѣщаетъ: струсить на улицѣ при встрѣчѣ съ жандармскимъ вахмистромъ; или же компиляціи и тайныя похищенія изъ разныхъ темныхъ иностранныхъ изданій, не обинуясь выдать за собственныя произведенія, благодаря малограмотности Россійской публики и вообще сдѣлаться вороною въ павлиньихъ перьяхъ...

Бумарина предвѣщаетъ быть битую.

Г.

Гербеля предвѣщаетъ, что ничего не случится.

Глинку Авдотью предвѣщаетъ: отслуживъ молебенъ съ акаѣистомъ и

*) Изъ одного рукописнаго сборника. Сочинитель (очевидно, Москвитчъ) неизвѣстенъ. Писано полвѣка назадъ, еще до выхода въ свѣтъ „Русской Бесѣды“, (т. е. до Марта 1856). П. Б.

водосвятіемъ, возвести въ апотеозу нѣкую Вавилонскую блудницу въ образъ лицедѣйки, поклоняясь и молитвословя ей, какъ бы нѣкому цѣломудренному божеству.

Глинку Теодора предвѣщаетъ побывать въ звѣриницѣ и смотрѣть тамъ на кривляніе обезьянки ¹⁾).

Греча предвѣщаетъ неожиданно познакомиться съ Дупельтомъ, или же Вавилонскую блудницу выдать за святую Пятницу Праскеву и называть ее „сестрою души своей“.

Григоровича предвѣщаетъ перемутить между собою героевъ и героинь толкачаго рынка и бытъ въ шею выгнаны торговками со Щукина двора за сплетни и клеветы. Писателямъ предвѣщаетъ наклеветать и наслетничать передъ публикою на Русскую жизнь и на Русское простонародье, глядя на него въ лорнетъ купленный въ Пале-Роялѣ ²⁾).

Григорьева Аполонія предвѣщаетъ сдѣлаться пьяной кликушей и въ церкви, во время херувимской пѣсни, выкликать Островскаго.

Грота предвѣщаетъ увидѣться съ Плетневымъ...

Д.

Данилевскаю Григорія предвѣщаетъ слышать пріятныя новости, но увы большею частью несбыточныя.

Дружинина предвѣщаетъ столкнуться въ Средней Мѣщанской съ Мефистофелемъ XIV класса, съ Денди Выборгской стороны, со львомъ Средняго Кружка, съ циникомъ въ палевыхъ перчаткахъ, слышать ихъ громовой юморъ и видѣть ихъ копеечный развратъ. Иногда же предвѣщаетъ угораздиться передѣлать Французскій романъ на Русскіе нравы и вообще сдѣлаться чуждымъ растеніемъ. Дѣвицамъ предвѣщаетъ ѣсть холодную шукку; литераторамъ описывать аристократическій кругъ, куда ихъ не пускають на пушечный выстрѣлъ.

Е.

Елаина цензора предвѣщаетъ для идіота поглупѣть окончательно; человѣку же хоть сколько-нибудь въ здоровомъ умѣ такой сонъ присниться никакъ не можетъ (см. Физиологію Человѣка, будущее сочиненіе Хотинскаго).

К.

Каткова, Леонтьева, Коршей и также *Феоктистова* и всю эту учено-

¹⁾ О. Н. Глинка былъ необыкновенно малаго роста съ подвижнымъ лицомъ. Къ его супругѣ тогда же написаны были стихи:

Радуйся, съдыхъ мудрей ношеніе;
Радуйся, Запада ненавидѣніе;
Радуйся, Гегеля проклинаніе;
Радуйся, Глинка преноловеніе.

Глинка славился супружескимъ единомысліемъ.

²⁾ Мать Григоровича была Француженка.

литературную мелюзгу „Рускаго Вѣстника“ предвѣщаетъ щеголять передъ невѣждами прививнымъ умомъ изъ разныхъ Германскихъ брошюръ и фоліантовъ, не зная Россіи, смотрѣть на нее изъ Геттингенскаго окошка или изъ предмѣстія Св. Антонія, вопить о своей добросовѣстности и о какой-то глубинѣ мыслей съ примѣсью гордаго Байроническаго презрѣнія ко всему, что не подходитъ подъ нашъ узкій взглядъ; глубоко уважать собственное достоинство безъ всякихъ на это данныхъ, писать эстетическія статьи и восхищаться, разбирая напр. какую-нибудь древнюю статую, которую ты никогда не видалъ и которая находится въ 5 т. верстахъ отъ тебя, и все это благодаря томамъ Винкельмана и разнымъ другимъ Германскимъ изданиямъ невѣдомымъ нашей смиренномудрой публикѣ и ребяческой критикѣ; выдавать мысли, сказанныя давно въ Германіи, за свои собственные и въ первый разъ повѣданныя міру (да къ тому же вмѣсто благодарности ругнуть горделиво Нѣмецкихъ историковъ философіи), замѣнить природное отсутствіе таланта и вкуса буквѣдствомъ, педантизмомъ, горевомъ, сухою, заскорузлою ученостію и вычитанными теоріями и взглядами; понимать *абсолютное* значеніе и норму вещей (что легко можно вычитать изъ множества иностранныхъ источниковъ) и не понимать ихъ относительнаго значенія, для чего нужны врожденная самодѣятельность, самобытность мысли и способность соображенія; знать все кромѣ себя и своихъ, уважать все кромѣ своего очага и такимъ образомъ быть мимоидущими призраками и эфемеридами въ отечественномъ дѣлѣ. Но вообще сей сонъ означаетъ: въ простотѣ Аркадской души, желать возрастить пальму на Лапландской почвѣ и подъ полярнымъ небомъ, не соображаясь съ мѣстными условіями, или же создать себѣ кумирчиковъ въ своемъ муравейникѣ, расплодить въ немъ своихъ Добчинскихъ и Бобчинскихъ Русской науки, литературныхъ поддипалъ и ученыхъ блюдолизовъ и съ высоты своего Пигмейскаго величія трубить о какихъ-то своихъ собственныхъ убѣжденіяхъ, но собственно потому только, что они стоятъ на нашей собственной полкѣ; также нерѣдко и довольно искусно составлять компіляціи, глубокомысленно выдавая ихъ за свои оригинальныя произведенія въ видахъ Русскаго невѣжества.

Каменскаго П. П. во снѣ видѣть предвѣщаетъ съумѣть надуть даже самаго мазурника.

Ковалевскаго Егоръ Петровича предвѣщаетъ проигратся въ карты и быть отправлену съ горя въ Черногорію, но безуспѣшно.

Коти Теодора предвѣщаетъ пожелать статьи искренняго своего и не заплатить за нее ближнему своему.

Кукольника предвѣщаетъ изъ романическаго трубадура превратиться въ черзечуръ классическаго чиновника и зачиху.

Краевскаго предвѣщаетъ полученіе денегъ.

Л.

Лопчинова Михайлу предвѣщаетъ непріятно столкнуться съ грязной литературной глей, съ претензіями на лакейское остроуміе и циническій

юморъ, отъ котораго впрочемъ всё невзыскательные цирюльники, сидѣльцы и холопы способны надорвать животы.

М.

Майкова—къ переменѣ погоды.

Мина предвѣщаетъ проглотить аршинъ или оскотиться духомъ и тѣломъ, иногда же быть одержимымъ глистомъ-солитеромъ.

Мейя предвѣщаетъ возымѣть упорное и продолжительное намѣреніе издавать журналъ.

Михайлова Михайла Ларионовича предвѣщаетъ услышать вѣсть о смерти старой, некрасивой тетки, но безъ наслѣдства.

Н.

Некрасова предвѣщаетъ изъ житейской необходимости войти въ связи съ пустымъ и пошлымъ человѣкомъ (въ родѣ Ивана Панаева).

О.

Островскаго предвѣщаетъ съ голосу кликуши вообразить себя Шекспиромъ.

*Олму Н. * * ** предвѣщаетъ Дружинина или Григоровича принять за Маркиза Позу.

Одоевскаго князя Владимира Федоровича. Протодьякону предвѣщаетъ быть отставлену отъ должности, *бѣдняку* же предвѣщаетъ опухнуть съ голоду и отъ избытка усердія метафизической благотворительности и питательныхъ теорій.

П.

Панаева Ивана (обыкновенно Панашкою называемаго) предвѣщаетъ залить новый жилетъ кофеемъ или купить полдюжины Голандскихъ рубашекъ и хвастливо раструбить о томъ по всей Коломенѣ, Козьему Болоту и на Пескахъ, вообще же означаетъ быть въ обществѣ хлыщей, хамовъ, фатовъ и петиметра салона Мины Ивановны, этой Чухонской Аспазіи; иногда предвѣщаетъ увидѣть лакея изъ аристократическаго дома, или читать Русскій фельетонъ и видѣть въ немъ беззубое остроуміе. Большою же частью сей сонъ означаетъ тоже, что видѣть Гербеля.

Погодина предвѣщаетъ выгодно сбыть съ рукъ старую негодную рухлядь или съ барышомъ продать старьевщику старыя голенища и битыя шпоры; но за всѣмъ тѣмъ сей сонъ сдѣлался хорошимъ, особливо въ послѣднее время.

Полойскаго предвѣщаетъ попасть куда-нибудь къ дѣтямъ на елку.

Потьмина предвѣщаетъ прибить Нѣмца.

Писемскаго предвѣщаетъ въ аристократическомъ салонѣ читать свое произведеніе и рыгать тамъ демократической рѣдкою.

Р.

Рамазанова болванщика (болванщикомъ Московскіе Спиртофилы или Рус-

софилы называютъ скульптора, патриотически избѣгая иностранныхъ словъ) предвѣщаетъ спиться съ кругу и въ пьяномъ видѣ бессмысленно орать съ чужого голоса глупо и нагло оскорбительныя рѣчи, иногда же предвѣщаетъ переночевать ночь въ будкѣ, что нерѣдко случается на Руси съ непризнанными геніями и широкими натурами.

Русскій Вѣстникъ или объявленіе объ изданіи его во свѣ читать предвѣщаетъ увидѣть на яву, какъ гора рождаетъ мышь, или какъ лягушки раздвѣваются въ быковъ, иногда же предвѣщаетъ испытать на самомъ дѣлѣ, какъ легко, даже недоразвитымъ людямъ, надуть на первый годъ простосердечную публику фанфаронскими и пустозвонными пуфами.

Станищукую (Авдотью) предвѣщаетъ отца и мать въ грязь втоптать, лишь бы только плохую повѣстухку написать, или же увидѣть, какъ комически Русская холопка корчитъ изъ себя эманципированную Жоржъ-Сандъ.

Соловьева Московскаго профессора и *Макарія* епископа Винницкаго предвѣщаетъ увидеть на яву первую занимающуюся зарю *самобытной Русской науки*.

Сенковскаю и *Устарьевскаю* не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

Соломуба графа предвѣщаетъ взять и не отдать; иногда же предвѣщаетъ съ изумленіемъ увидѣть на мраморномъ пьедесталѣ роскошную Севрскую вазу, наполненную болотной тиною и смраднымъ навозомъ и прикрытую сверху букетами камелій.

Сальясъ графиня предвѣщаетъ выпарапать глаза человѣку принадлежащему къ другому литературному муравейнику или увидѣть на яву мадамъ Rolland (Вшивой Горки); иногда же предвѣщаетъ утомительно читать длинный и довольно неглухой романъ, но съ совершеннымъ отсутствіемъ всякой поэзіи, хоть и съ присутствіемъ утилитарности.

Срезневскаю академика предвѣщаетъ все знать и ничего не знать, прикрыть недостатокъ всякаго содержанія эгидою сухого, черстватаго педантизма, бесплоднаго буквоѣдства, съ примѣсью хитрой злобы, чѣмъ довольно выгодною себя провести и облакомить дряхлый и выжившій изъ ума ареопагъ Русской науки.

Сушкова Николая Васильевича предвѣщаетъ побывать у Ивана Яковлевича.

Сверцова предвѣщаетъ ужъ больше никогда сновъ не видать.

Т.

Тургенева предвѣщаетъ получить способность откопать талантъ тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, хотя бы это было даже въ государственныхъ людяхъ Россіи.

Ф.

Фета предвѣщаетъ ложку меда и бочку дегтя, военнымъ же предвѣщаетъ быть произведену въ эскадронные командиры.

Х.

Хомякова предвѣщаетъ доказать строго-логическимъ путемъ, что люди ходятъ головою, а думаютъ ногами.

Хотинскаго видѣтъ во снѣ—сонъ нецензурный

Ц.

Цензоровъ Русскихъ вообще предвѣщаетъ быть посажену на цѣпь въ домъ сумасшедшихъ.

Ш.

Шевырева предвѣщаетъ попасть въ интригу или пѣтъ Лазаря сильнымъ міра сего.

Шестакови (Московского профессора) предвѣщаетъ въ слѣдующую ночь увидѣтъ во снѣ Василя Кириловича Третьяковского, стоящаго на котурнахъ Софокла и добродушно выдающаго свою Дендамію за Софоклова Царя Эдипа.

Щ.

Щербину предвѣщаетъ быть обойдену чномъ, или вообще всякую неудачу и горе, иногда же быть одержиму желчною лихорадкою, при всеобщемъ благоденствіи и торжествующей правдѣ. Зри въ Русскихъ газетахъ отдѣлъ внутреннихъ извѣстій.

Э.

Эдельсона, сотрудника Москвитянина, предвѣщаетъ пожаръ, или увидѣтъ картину, изображающую Неопалимую Купину.

Ю.

Юдорова Бориса предвѣщаетъ для взрослыхъ доносъ, а для дѣтей наказаніе.

Монтавьяровъ Вшивой Горки (что въ Москвѣ) иначе Монтавьярщиками называемыхъ, во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ: добросовѣстно, искренно и съ убѣжденіемъ показывать въ карманѣ кукишъ (осторожно и благоразумно оглядываясь во всѣ стороны) и усердно колотить языкъ о зубы, также самоотверженно храбриться и витійствовать въ своей комнатѣ и униженно поклѣбнѣть передъ первымъ кварташкой, или изъ отъявленнаго радикала превратиться въ благоразумнаго консерватора при малѣйшемъ благосклонномъ вниманіи и въ видахъ какого-нибудь алтыннаго своекорыстія, что впрочемъ нисколько не противорѣчитъ доблестнымъ Россійскимъ нравамъ и обычаямъ.

Консерваторовъ Дѣвичьяго Поля (что въ Москвѣ) иначе, Спиртофилами или Руссофилами называемыхъ, предвѣщаетъ сладострастно нюхать кожаные тулупы, старые онучи и бочки съ пѣнникомъ, съ цѣлю сознательно вынюхать оттуда эссенцію Русскаго государственнаго и народнаго духа и букетъ древнихъ доблестей, также пнѣическія вдохновенія и громкія убѣжденія съ біеніемъ въ собственную грудь и, рискуя выброситься въ окошко, почерпать изъ штофовъ національнаго нектара, а потомъ мѣнять эти громкія убѣжденія, съ перемѣною каждаго кабака; но за всѣмъ тѣмъ сей сонъ гораздо лучше, умнѣе и полезнѣе, чѣмъ видѣтъ Монтавьяровъ Вшивой Горки.

Большую часть современныхъ литераторовъ вмѣстѣ взятыхъ во снѣ видѣтъ предвѣщаетъ изъ философіи Гегеля прочитатъ главу объ абстрактной пустотѣ.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА *).

1860-й годъ.

(Августъ — Декабрь).

1. Ходилъ къ сенатору Якову Аникѣвичу Позняку, который возвратилъ мнѣ книжку о Русскомъ духовенствѣ отъ М. И. Топильскаго. Я ему говорилъ о своемъ положеніи, просилъ принять во мнѣ участіе и снестись съ М. И. Топильскимъ. По возвращеніи своемъ изъ Пензы, Саратова и Нижняго, онъ обѣщалъ со мною повидаться и потолковать о дѣлѣ моемъ. Въ Успенскомъ соборѣ я засталъ еще обѣдню, которую служилъ митроп. Филаретъ. Крестный ходъ провожалъ в. г. г. Тучковъ. Митроп. Филаретъ, поравнявшись со мною въ крестномъ ходу, обернулся ко мнѣ и благословилъ меня, что замѣтили другіе. Взявъ въ Казенной Палатѣ пенсію, я купилъ икры, рыбы и меду. Поутру я навѣстилъ больного сосѣда своего М. Д. Утенина, у котораго отъ простуды сдѣлался запоръ мочи. Я предлагалъ испытать извѣстное мнѣ лѣкарство: свернуть стержень изъ гусинаго пера, принять его въ ложкѣ деревяннаго масла.

2. Отъ Добронравова я получилъ просфору изъ Троицкой лавры, отъ г. Ундольскаго изъ Новгорода. Обѣдню я слушалъ въ ц. Василя Блаженнаго, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ и гдѣ у меня вынули изъ кармана платокъ и перчатки. Церковный староста И. И. Четвериковъ пригласилъ меня на закуску въ палатку собора, гдѣ собралось духовенство, купечество и полиція. Я прочелъ свою статью объ освященіи храма во Владыкинѣ протопопу Александру Ильичу и Г. М. Толоконникову.

3. У меня былъ іерей И. Н. Аничковъ, который взялъ для просмотра *Avingli Roma susterranea*. Прошелъ посмотрѣть пожарище

*) См. выше, стр. 204.

у Триумфальныхъ воротъ, гдѣ третьяго дня сгорѣло до 15 домовъ по Садовой. Былъ у кн. М. А. Оболенскаго, которому оставилъ для просмотра чертежъ Новинской части. Онъ меня довезъ до моего дома и просидѣлъ у насъ до полуночи.

6. Въ Успенскомъ соборѣ слушалъ обѣдню, которую совершалъ С.-Пб. и Новгор. митроп. Исидоръ. Подозвавъ меня къ престолу, благословилъ меня св. просфорой. Послѣ обѣдни я заходилъ къ нему въ Чудовъ м. Онъ сказалъ, что С.-Пб. митрополія для него есть или благословеніе или наказаніе; впрочемъ это для него послушаніе. Послѣ обѣда митрополитъ захвалъ ко мнѣ въ домъ и, нѣсколько минутъ побесѣдовавъ, распрощался. Я ему напомнилъ, что мнѣ исполнилось полвѣка въ службѣ—юбилей. Когда я сказалъ, что меня беспокоятъ долги, онъ отвѣчалъ: читайте чаще «и остави намъ долги наша». При отъѣздѣ его, у нашихъ воротъ собралось много народа для принятія отъ митрополита благословенія.

9. Я ходилъ къ князю Н. И. Трубецкому, который не обнадежилъ меня исходатайствовать мнѣ пособіе отъ Государя 10 т. р. с. въ заемъ на 10 л., но совѣтовалъ обратиться къ митроп. Филарету. Я зашелъ проститься къ митроп. Исидору въ Чудовъ м. Ему привезла одна барыня старинныхъ образцовъ.

На Никольской попалась мнѣ Е. И. Миллеръ, которая совѣтовала мнѣ проводить митроп. Исидора на желѣзной дорогѣ. У него я встрѣтилъ оберъ-прокурора Св. Синода графа Толстого, который мнѣ сказалъ, что ему всегда и вездѣ пріятно меня встрѣчать. Я, принявъ благословеніе себѣ и семейству своему отъ митрополита, простился съ нимъ дружелюбно. Но вопросъ мой объ открытіи св. мощей свят. Тихона отвѣчалъ, что дѣло еще не созрѣло. Сказалъ о болѣзни митроп. Филарета, у котораго колика въ груди и животѣ.

11. По просьбѣ А. Поляковой, зашелъ къ ней. Она жаловалась на пьянство и буянство мужа, который ночью ее избилъ. Я старался ихъ помирить. Мужъ обѣщался (мнѣ) не пить болѣе. Я уклонился входить въ дѣла между мужемъ и женою.

13. Отслушавъ заутреню въ ц. Св. Троицы на Капелькахъ, прошелъ пѣшкомъ въ с. Владыкино, гдѣ исповѣдывался у священника В. Н. и служилъ молебень Св. Архангеламъ и Свят. Николаю. Оттуда довезъ меня до дома купецъ Брон. Отобѣдавъ и немного подремавъ у дочери, я слушалъ всенощную на Троицкомъ подворьѣ

14. Я отправился пѣшкомъ въ Успенскій соборъ къ вечернѣ и молебну; на дорогѣ встрѣтился съ И. Я. Ковалевскимъ и Сущинскимъ. На молебнѣ въ соборѣ были митроп. Филаретъ, архіеп. Евгений и викарій Леонидъ. Отъ вечерни я прошелъ къ кн. М. А. Оболенскому, съ которымъ совѣтовался на счетъ своего 50-ти-лѣтія службы. Околичности. Отъ него ко всенощной въ Успенскій соборъ. Служилъ викарій. Возвращаясь домой, я на Мясницкой у ц. архид. Евпла встрѣтилъ Государя Императора со свитою. Вся улица была освѣщена.

15. Въ мундирѣ и лентѣ я ѣздилъ въ Успенскій соборъ, гдѣ Императоръ съ Наслѣдникомъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ слушалъ обѣдню, которую служилъ митроп. Филаретъ. Во дворцѣ я представлялся съ прочими Государю и Наслѣднику, былъ у Великаго Князя Михаила Николаевича, который ласково меня принялъ и обнялъ. Я его поздравилъ съ новорожденною дочерью Анастасіей. Онъ меня поздравилъ съ лентою. Я ему сказалъ, что мнѣ минеть въ службѣ 50 лѣтъ. Великій Князь меня привѣтствовалъ, благодарилъ за память.

16. На этотъ день я видѣлъ во снѣ Государя, который у насъ пилъ чай, разливаемый моею женою. Я ему представилъ Анету, какъ покорную дочь, мою утѣшительницу, и отъ сердечнаго умиленія я плакалъ; съ тѣмъ и проснулся.

17. Былъ у митроп. Филарета; объяснивъ свое положеніе, я просилъ его объ исходатайствованіи мнѣ у Г. И. пособія; но онъ отозвался невозможностью своей, совѣтуя уповать на помощь Божію.

18. Слушалъ обѣдню у праздника ц. Св. Флора и Лавра, гдѣ видѣлъ около ограды приведенныхъ лошадей съ вплетенными въ гривы и холки цвѣтами и лентами. Послѣ молебна ихъ кропятъ св. водою.

19. Поутру я ходилъ въ городъ и къ графу Строгонову, который любопытствовалъ объ изданіи Лубочныхъ картинъ, совѣтуя издать ихъ въ натуральную величину. У него я встрѣтился съ Вельтманомъ. Г. Строгонову я сказалъ на его вопросъ, почему не кончилось изданіе: «за недостаткомъ средствъ». Онъ промолчалъ. Изъ Кремля я пробрался въ Донской м., гдѣ служилъ митроп. Филаретъ. Народу было очень много. День прекрасный. Съ графомъ Блудовымъ и Хавскимъ я зашелъ въ келіи высокопреосвященнаго Евгенія на закуску, принялъ благословеніе отъ митрополита, который не остался обѣдать, такъ какъ и Блудовъ. Обѣдали викарій, архимандриты, протопопы, преосв. Александрійскій Никаноръ, Хавскій, Измайловъ и двое Сухотиныхъ. За обѣдней митроп.

Филаретъ и архіеп. Евгений вмѣстѣ пріобщились. Въ 5 часу попол. Государь отправился въ Тулу, а Наслѣдникъ и Великій Князь Михайлъ въ С.-Петербургъ.

23. Я ѣздилъ въ Измайлово на отпѣваніе тѣла добраго пріятеля своего, посаженаго отца моему сыну Михаилу, Александра Ив. Мясоѣдова, генераль-лейтенанта. Заупокойную обѣдню и панихиду служилъ викарій Леонидъ съ архимандр. Павломъ изъ Донскаго м. въ Покровской церкви. Тамъ были нѣсколько генераловъ, знакомые и прежніе подчиненные и сослуживцы покойника. Пѣхота, артиллерія и жандармы сопровождали печальное шествіе до Алексѣевского монастыря, гдѣ и похороненъ покойный. Послѣ духовной церемоніи и залпа изъ ружей и пушекъ предложена была въ кельяхъ игумена заупокойная трапеза. Распоряжался всѣмъ Н. В. Исаковъ, бывшій адъютантъ покойнаго.

25. Окончивъ некрологію А. И. Мясоѣдова, я возилъ ее читать его женѣ и пріятелю покойнаго Петру Алексѣевичу Суходольскому. Они были ею очень довольны.

26. Отслушавъ раннюю обѣдню въ ц. Св. Адріана и Наталіи, я ходилъ къ поздней въ Успенскій соборъ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ. Послѣ я зашелъ поздравить его въ Чудовъ м., гдѣ онъ самъ угощалъ меня кулебякой и чаемъ.

27. Я навѣстилъ больного Ю. Н. Бартенева, которому прочелъ писанную мною некрологію Мясоѣдова. Многія мѣста онъ хвалилъ, оставилъ меня обѣдать. Отъ него я проѣхалъ въ зятниной коляскѣ къ К. С. Мясоѣдовой, у которой встрѣтилъ г-жъ Чертову, Перфильеву и Н. В. Исакова, которому я прочелъ некрологію г. М. Онъ ее взялъ себѣ для напечатанія.

28. Въ Успенскомъ соборѣ служилъ Варшавскій архіеп. Іоанникій, проѣздомъ изъ Саратова.

Сентябрь. 1. Я зашелъ навѣстить игуменью Никитскаго м. Вѣру, но нашелъ ее больною. Взявъ въ Казенной Палатѣ пенсію за мѣсяць и пенсію за крестъ, я встрѣтилъ тамъ сына Андрея; купилъ выносную свѣчу для Подчернскаго м. церкви, заплатилъ нѣкоторые мелкіе долги. По возвращеніи домой я далъ квартальному подписку о невыѣздѣ изъ М. по претензіи Кичѣева; ѣздилъ къ кн. М. А. Оболенскому, но ничего дѣльнаго и полезнаго отъ него не узналъ.

3. У г. Вельтмана обѣдалъ. Жена его показывала свою Русскую азбуку, на которую я дѣлалъ свои замѣчанія. Отъ нихъ я прошелъ къ г. Шлыкову по своему дѣлу. Онъ мнѣ сказалъ о взысканіи съ моей жены.

5. Сдѣлалъ справку о Василии Болящемъ, погреб. у Николая Явленнаго. За мной прислалъ экипажъ г. Кацари звать на именины своей жены. Я у него обѣдалъ. Былъ въ Надворномъ Судѣ у Шлыкова.

6. Прошелъ къ празднику въ Чудовъ м., гдѣ служилъ преосв. Леонидъ. Архимандритъ пригласилъ меня на завтракъ и обѣдъ, за коимъ были Можайскій архимандр. Викторъ и Невоструевъ.

7. Написалъ просительное письмо о сиротахъ Ботвинскаго къ городскому головѣ Ширяеву.

8. Былъ въ Зачатейскомъ м. къ концу обѣдни, которую служилъ соборнѣ архим. Инокентій. По приглашенію игуменѣи Матридіи, у нея завтракалъ и обѣдалъ. Тамъ отдалъ записку о Василии Болящемъ Николоявленскому протопопу Павлу Игнатьевичу Беневоленскому; познакомился со вдовою графиней Кутузовой. Священникъ тамъ показывалъ мнѣ мѣсто дома Свят. Алексія за оградой на Югъ; тамъ найдены каменные пушки и ядра. Мѣсто это принадлежитъ теперь Кульчиной, прежде Соловьевой, № 74. На этотъ день я видѣлъ во снѣ императрицу Елисавету Петровну, которая будто была у насъ въ домѣ и уѣхала въ старинной каретѣ. Я ее провожалъ; грезилось мнѣ много пироговъ. Къ о. Анатолю я послалъ въ пакетъ 8 экз. замѣчаній на статью Яковлева о Троицкой лаврѣ для доставленія о. Авелю.

11. Побывалъ у г. Ундольскаго, у коего занялъ 3 р. Изъ дома я отправился за Москву р. на отпѣваніе почетнаго гражданина Василя Сем. Лепешкина. Служилъ митроп. Филаретъ соборнѣ. Лепехинъ, заболѣвшій на Нижегородской ярмаркѣ, умеръ въ Москвѣ на 39 году жизни, оставивъ послѣ себя имя честнаго гражданина и добраго человѣка. Получивъ послѣ отца значительный капиталъ, онъ удѣлилъ изъ него 700 р. с. своему брату, лишенному отцомъ наслѣдства. Благотворительность была отличительнымъ его свойствомъ: каждый мѣсяцъ онъ раздавалъ 300 чел. пособіе, а каждую Субботу милостыню нищимъ. Покойный, оплакиваемый родными, знакомыми и чужими, благословляемый нищими, погребенъ на Даниловскомъ кладбищѣ, гдѣ отецъ его устроилъ церковь. Стеченіе народа было необыкновенное. Тѣло покойнаго несли на рукахъ, за нимъ многіе шли пѣшкомъ. Съ кладбища меня довезъ до дома архим. Іаковъ. Послѣ стола меня зазвалъ къ себѣ іерей В. П.

Нечаевъ, съ которымъ мы заходили въ ц. Покрова на Голикахъ, иные полагають на *Голякахъ*, помолиться Троиручицъ.

13. Узналъ, что безъ меня и безъ моего спросу Андрей мой уѣхалъ въ С.-Петербургъ.

14. Проѣхалъ въ В. Д. къ В. Н. Драшусову просить о помѣщеніи двухъ дѣтей Бахметова въ Николаевскій Институтъ, но туда помѣщаются только круглыя сироты. Съ нимъ я прочелъ свою статью «Мыши кота погребаютъ».

19. Написалъ въ СПб. письмо къ Н. С. Самойлову на имя Андрея въ отвѣтъ послѣднему на его требованіе 600 р. для отъѣзда за границу лѣчиться. Для меня это невозможно и ему не нужно. Можно лѣчиться и вылѣчиться въ Россіи.

20. Я зашелъ въ домъ къ сосѣду Мих. Дмитріевичу Утенину и поклонился его праху; потомъ отправился на освященіе митроп. Филаретомъ церкви Успенія Богородицы на Успенскомъ Вражкѣ. Въ приходѣ этой церкви я родился и крещенъ. Послѣ освященія я зашелъ въ домъ къ старостѣ и храмоздателю Живаго Сергѣю, куда пріѣхалъ и митрополитъ съ протопресвитерами Успенскимъ и Архангельскимъ, но обѣдать не остался.

Я заходилъ къ Ламакину, который обѣщалъ пожертвовать на Подчернскую церковь и прислать завтра. Зашелъ къ обѣднѣ въ Рождественскій м., гдѣ попалась мнѣ бывшая моя ученица монахиня. У Медынцева я позавтракалъ съ г.г. Дюбюкомъ и Безекирскимъ. Отъ него я зашелъ къ Знаменскому архим. Евстафію, по пути домой я встрѣтилъ на Срѣтенкѣ ѣдущихъ въ коляскѣ жену и дочь свою. Отъ г. Соцѣлкина получилъ пригласительный билетъ на освященіе въ Геосиманскомъ скиту храма во имя св. Филарета Милостиваго и предложеніе ѣхать туда вмѣстѣ съ нимъ. Спасибо.

24. По приглашенію завтракалъ у А. А. Медынцева съ его братьями Василюемъ и Павломъ, съ механикомъ город. Дрожжинымъ и И. П. Саизиковымъ, у котораго я занялъ 25 р. с. Вечеру дождь и грязь. Дома отъ А. А. шумъ и брань.

26. Прошелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ было молебствіе о рожденіи Великаго Князя Павла Александровича. Служилъ викарій за отсутствіемъ митрополита на освященіи церкви въ Геосиманскомъ скиту. Я осматривалъ на Синодальномъ дворѣ мѣсто, гдѣ найдены подъ землею три хранины.

28. Ходилъ въ ц. Спаса на Пескахъ вынуть просфору за здравіе жены, которой минуло въ этотъ день 50 лѣтъ. Я заходилъ къ В. Н. Жаркову; обозрѣвалъ огромный храмъ Спаса, гдѣ нашелъ много несообразностей.

29. Я ходилъ къ Анетѣ; ее съ мужемъ и княгиню Олимпиаду Мих. Лобанову провожалъ въ Романовскія палаты, гдѣ имъ показывалъ достопримѣчательности. Оттуда я прошелъ къ В. Н. Драшусову поздравить его съ полученіемъ ордена Св. Станислава 1 ст., по его приглашенію у него обѣдалъ съ его матерью и братомъ, слышалъ отъ него о внезапной смерти И. В. Капниста. Слышалъ о смерти сенатора Ст. Дм. Нечаева и о пропажѣ въ Губернскомъ Правленіи 40 т. у казначея.

30. Въ Успенскомъ соборѣ служилъ Кіевскій митрополитъ Арсеній проѣздомъ въ Кіевъ. Ко мнѣ заѣхалъ Даниловскій архим. Іаковъ, который взялъ у меня почитать первую проповѣдь Филарета, въ мірѣ Василія Дроздова, и записку о Даниловскомъ м. въ 1812 г.

Октябрь. 1. Я ходилъ къ П. А. Іовскому, котораго нашелъ въ ц. Тихвинской Богородицы, гдѣ отпѣвали жену К. Д. Кацари. Съ плачущимъ мужемъ я провожалъ покойницу въ Новоспасскій м., гдѣ ее похоронили. Тамъ былъ заупокойный обѣдъ.

5. По просьбѣ Ирины Матвѣевны Поляковой я зашелъ къ ней. Она жаловалась на мужа; мнѣ не слѣдъ быть посредникомъ и судьей, старался только ее утѣшить и успокоить.

6. Жена моя отправилась въ СПб. по желѣзной дорогѣ къ сыну Андрею. Съ нею поѣхала Ирина.

7. Ходилъ къ П. И. Иванову, который рассказывалъ мнѣ разные анекдоты: 1) Екатерина II въ путешествіи своемъ по Россіи остановилась въ одномъ селеніи для перемѣны лошадей. Крестьяне окружили ея карету; одинъ изъ нихъ манилъ ея кучера Трунова къ себѣ на яичницу. Императрица, замѣтивъ это, подозвала къ себѣ крестьянина, спросила его, зачѣмъ онъ зоветъ кучера ея. Когда узнала отъ него, что онъ хочетъ потчевать, сказала ему, что она благодаритъ его за усердіе къ нему, которое принимаетъ за любовь къ себѣ и съ этимъ словомъ подаетъ ему два полуимперіала. «За что же это, матушка?» спросилъ крестьянинъ. «За твою любовь», отвѣчала Императрица. «Да матушка, у тебя не станетъ казны, чтобы заплатить за нашу любовь къ тебѣ». 2) Наполеонъ I въ 1812 г. предъ вступленіемъ своимъ въ Москву спросилъ у Балашова, много ли въ ней церквей? Б. отвѣчалъ ему,

что много. На это Наполеонъ сказалъ: «у васъ много церквей, да мало вѣры». «Если жребій войны», возразилъ на это Б., «допустить васъ вступить въ Москву, вы найдете въ ней болѣе вѣры, чѣмъ въ Испаніи». Наполеонъ нахмурился и отвернулся. 3) Балашовъ узналъ о тайной перепискѣ Коленкура съ Наполеономъ черезъ брандмейстера, который пролѣзъ въ кабинетъ Коленкура черезъ печную трубу. 4) Отчего родители болѣе любятъ дѣтей своихъ, а дѣти менѣе? Отъ того, сказалъ одинъ мужикъ, что у дѣтей течетъ въ жилахъ родительская кровь.

9. Ходилъ въ крестный ходъ вокругъ Кремля по случаю изгнанія враговъ въ 1812 г. Митроп. Филаретъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ съ епископомъ Симферопольскимъ Алексіемъ Ржаницынымъ, бывшимъ въ Тулѣ, гдѣ онъ оставилъ по себѣ недобрую славу. Въ крестномъ шествіи слѣдовалъ митрополитъ съ викаріемъ Леонидомъ. Дождь шелъ. Оттуда я къ П. А. Медынцеву, у котораго засталъ обѣдъ. Послѣ обѣда я завернулъ къ Василию Петровичу Нечаеву, къ которому явился и П. А. Медынецъ съ женою. Меня за закуской поздравляли съ полуст. юбилеемъ моей службы.

12. Я прошелъ къ А. А. Берингу, который разсказалъ мнѣ исторію своего паденія, полагая причиною тому Закревскаго, Ковалевскаго и Воробьева.

14. Завернулъ въ дорожную комиссію къ архитектору Василю Фед. Небольсину, у котораго требовалъ 1 кн. Русской Старины съ моими замѣчаніями. Это мой капиталъ.

15. Время сырое, мелкій дождикъ. Я съ г. Ундольскимъ ходилъ и ѣздилъ въ Даниловъ м., гдѣ было погребеніе Алексѣя Степ. Хомякова. Тамъ собрались многіе литераторы. Обѣдню и панихиду служилъ архимандритъ Іаковъ. Съ У. я ходилъ въ холодную ц. приложиться къ св. мощамъ благ. князя Данила и къ образу св. Кассіана, празднуемаго въ нынѣшнемъ году. На ракъ вел. кн. Данила въ клеймѣ зубъ великаго князя Александра Невскаго. Я обѣдалъ за упокойной трапезой, за коей были И. Д. Бѣляевъ, Кирьяковъ, П. И. Бартенева. Я замѣтилъ у Гиларова-Платонова дикіе недобрые глаза, кои предвѣщаютъ ему худое; въ лицѣ его выражается что-то отвратительное. Возвратилась изъ СПб. жена съ сыномъ.

16. На освященіи церкви Св. Николая на Трехъ горахъ. Священнодѣйствовалъ митроп. Филаретъ. Два престола въ трапезѣ устроены гг. Прохоровыми великолѣпно. По приглашенію, я обѣдалъ у старосты И. Я. Прохорова.

19. Отдана мною статья о *Московскихъ перекресткахъ* редактору *Московскихъ Вѣдомостей*. Я ее перечиталъ съ Драчевскимъ священникомъ; обѣдалъ у Н. В. Сушкова, который выздоравливаетъ отъ случившейся съ нимъ холеры. Отъ него я зашелъ къ митроп. Филарету, просилъ о дозволеніи одному художнику снять съ него портретъ, но онъ не согласился.

21. Получилъ афишу о кончинѣ вчера въ 8½ час. пополудни императрицы Александры Феодоровны.

22. Обѣдалъ на именинахъ у жены Елис. Яковл. Медынцевой. Оттуда меня завезъ къ себѣ А. А. Медынецъ и далъ мнѣ пальто, за которое «послѣ сдѣлаемъ, сторгуемъ».

27. Я зашелъ къ г. Подьялюшникову, который мнѣ показывалъ собраніе тѣльныхъ крестовъ, различныхъ по фигурѣ и содержанію. Я прошелъ къ В. И. Селиванову, у котораго обѣдалъ со всею Уголовною Палатой, съ губернскимъ прокуроромъ Ровинскимъ, съ купцами Котовымъ Фед. Ник. и Сопѣлкинымъ. Отъ перваго я получилъ для Подчернской ц. 5 р. с. Ввечеру былъ у Андрея пьяный сынъ актера Ленскаго.

28. Узналъ о прїѣздѣ въ Москву сына своего Михаила съ женою.

29. Съ Андреемъ я ѣздилъ къ часовщ. Дм. Ив. Толстому, у котораго взялъ для него золотые часы за 75 р. с., къ портному Григорьеву за шубой, наконецъ, къ дочери, у которой обѣдалъ съ сыновьями Мишей и Андреемъ.

30. Въ Преображенскомъ, на маломъ освященіи главной церкви, прекрасно возобновленной Котовымъ и старостою съ прихожанами, и кіота, устроеннаго на образъ Преображенія Московскими гражданами. Всѣ орнаменты его по рисунку г. Быковскаго литые изъ мѣди г. Медынцевымъ. Образъ, устроенный офицерами гвардіи Преображенскаго полка, искусно написанный и богато украшенный; ему вполне соответствуетъ великолѣпный кіотъ. Сочувствіе Москвичей гвардейцамъ. Единственный памятникъ въ Москвѣ. До обѣдни, совершенной протопресвитеромъ Д. П. Н. соборнѣ, было освященіе; послѣ обѣдни молебень, за коимъ возглашено многолѣтіе Государю и всему царствующему дому и вѣчная память Петру I, основателю гвардіи, многолѣтіе христоклюбивому воинству, усердствовавшимъ въ украшеніи храма и устроителямъ кіота. Храмъ полонъ былъ народа; толпы, не вмѣстившіяся въ немъ, окружали его. Достопамятное это духовное торжество напомнило событія. Попечительный ктиторъ угостилъ роскошнымъ обѣдомъ прихожанъ и гостей. За чашею заздравною повторено единодушное желаніе много-

лѣтія и благоденствія Царю и пр. На дорогѣ попались мнѣ гг. Аверкіевъ и Сухотинъ, которые подвезли меня. Аверкіевъ сѣлъ на козлы, чтобы мнѣ уступить мѣсто. Оттуда довезъ меня Всѣхсвятскій протопопъ.

31. Я ходилъ къ В. Ѳ. Небольсину, у котораго получилъ за потерянную имъ мою кн. Русской Старины съ поправками и замѣчаниями.

Ноябрь. 1. Были у меня губернской прокуроръ Ровинскій и профессоръ скул. Рамазановъ, съ архитекторомъ Каминскимъ.

2. Поутру меня беспокоили просьбами о деньгахъ. Я кончилъ статью *о Лобномъ мѣстѣ* въ Москвѣ, навѣстилъ больного Ундольскаго.

6. Прошелъ къ П. И. Иванову, отъ него въ Чудовъ м., потомъ къ протодьякону Александру Антонову за справками о порядкѣ крестнаго хода.

7. Зашелъ къ Николаю Александровичу Рамазанову, у котораго встрѣтился съ г. Ѳедоровымъ профессоромъ, отсюда проѣхалъ на заупокойный обѣдъ къ г. Кацари.

8. Къ имениннику кн. М. А. Оболенскому, у котораго встрѣтилъ давно невиданнаго мною Н. Г. Головина; обѣдалъ съ графомъ Марковымъ, въ которомъ замѣтны нечестіе и кощунство. Жаль, что даже онъ и не скрываетъ этого. Искалъ А. А. Аверкіева, но такъ и не нашелъ. Домой пѣшкомъ въ холодъ и вѣтеръ. А. возвратился домой въ нетрезвомъ видѣ съ поваромъ Онисимомъ, вѣрно изъ трактира. Онъ не стыдится и не совѣстится меня, обманываетъ мать, которая на меня же сердится и бранится. Не знаю, чтò Богъ со мною и съ нимъ сдѣлаетъ? А мнѣ тяжело и грустно. Тщетно жду исполненія обѣщанія Божія: «Просите и дастся вамъ».

10. Слушалъ позднюю обѣдню въ Златоустинскомъ м., гдѣ получилъ св. просфору отъ митроп. Филарета; былъ у Гр. Черткова по надобности въ деньгахъ, но онъ отозвался неимѣніемъ. Побылъ въ часовнѣ у Спасскихъ воротъ, гдѣ прочелъ сказаніе о надворотной иконѣ Спаса.

13. Въ Златоустинскомъ м. служилъ митроп. Филаретъ, съ которымъ я зашелъ на завтракъ къ архим. Евстафію; у него обѣдалъ съ архим. Иннокентіемъ. Отъ него я завернулъ къ Мишѣ, потомъ домой, гдѣ поправилъ переводъ А. Петрову; къ Н. Я. Богословскому, у котораго встрѣтилъ покупщика, Обтушки г. Попова. Меня огорчило извѣстіе о продажѣ Андреемъ деревъ изъ лѣсу. Это меня очень огорчило.

15. Вечеромъ я пошелъ пѣшкомъ къ Н. В. Сушкову, праздновавшему день своего рожденія. У него я встрѣтился съ С. П. Шиповымъ, В. П. Горчаковымъ, Свербеевымъ, познакомился съ директоромъ Межевого корпуса и пр. Послѣ ужина меня довезъ до дому Н. Ф. Павловъ.

17. Весь день дома, занимался своими дѣлами, написалъ отвѣтное письмо сыну Государева духовника Николаю Васильевичу Бажанову и благодарственное Орловскому губернатору Валеріану Ивановичу Сафоновичу. Ввечеру я было легъ спать, но пріѣхалъ кн. М. А. Оболенскій и посидѣлъ у насъ; чуть было не поперхнулся вареньемъ.

19. Морозъ. Я всталъ въ соборныя заутрени; съ дочерью ѣздить покупать себѣ шубу. Она ее купила за 95 р. у Куна.

26. Я ѣздить къ Степану Васильевичу Перфильеву просить объ опредѣленіи моего сына Андрея въ жандармы; но онъ сказалъ, что теперь мѣста нѣтъ и не иначе можно опредѣлиться, какъ черезъ три года. Андрей Михаилъ съезъ въ городскую больницу.

27. Я всталъ до заутренъ и занимался, также и вчера, составленіемъ статьи о *Московскихъ крестныхъ ходахъ*. Зашелъ къ Н. П. Розанову, возвратилъ ему его тетрадь выписокъ о крестныхъ ходахъ и получилъ отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія; потомъ ѣздить на праздникъ въ Знаменскій м., гдѣ служилъ митроп. Филаретъ. Архимандр. Игнатій пригласилъ меня къ себѣ. Митроп. Филаретъ посадилъ меня подлѣ себя. Разговоръ велъ онъ сперва объ иконѣ Знаменія, потомъ о Ростовѣ и о заброшенной кельѣ Св. Димитрія. Я напомнилъ объ участи Ростовскихъ архіереевъ Досіея и Арсенія. Онъ осуждалъ ревность послѣдняго въ защитѣ правъ собственности духовенства, вотчинъ монастырскихъ. «Если Евангеліе учить», сказалъ онъ; «отдать послѣднюю рубашку, почему же монахамъ не отдать Государю вотчинъ?» Осуждалъ притязанія папы на свѣтскую власть. Послѣ завтрака онъ уѣхалъ. Архимандр. меня упросилъ обѣдать у него. Обѣдали архимандр. Иннокентій и Савва, Кирьяковъ. Оттуда я прошелъ къ А. А. Медынцеву, у котораго засталъ завтракъ и Петербургскаго гостя П. В. Шереметева, котораго я просилъ сообщить свѣдѣнія о П. А. Демидовѣ Мартынову. Обѣщаль богатый обѣдъ для гостя.

29. Ходилъ къ г. Ундольскому. Взявъ у него инструкцію Платонову благочиннымъ, я занесъ ее въ консисторію къ Н. П. Розанову.

Декабрь. 1. Я всталъ до заутренъ, занимался обработкою статей своихъ о крестныхъ ходахъ въ Москвѣ и о Лобномъ мѣстѣ. Поутру я

ходилъ поздравить митроп. Филарета съ его тезоименитствомъ; захватилъ его ѣдущаго въ Чудовъ м. на панихиду по императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ по случаю прѣзда Великой Княгини Ольги Николаевны съ мужемъ, принялъ его благословеніе. Видѣлся съ П. Н. Замятинымъ, который мнѣ отдалъ поднятую имъ св. просфору. Онъ просилъ меня собрать голоса для выбора его въ главные смотрители Шереметевской больницы. Меня встрѣтилъ доброжелательнымъ привѣтствіемъ какой-то юродивый на подворьѣ.

2. У церкви Трехъ Святителей у Красныхъ воротъ и на Кулишкахъ умерли священники. Въ народѣ есть замѣчаніе, что попы всегда по трое умираютъ.

4. Помолясь Всемилостивому Спасу на Остоженкѣ, я проѣхалъ на именины жены В. П. Нечаева, у котораго засталъ обѣдъ. У него обѣдали тестъ его, ученый священникъ изъ Александровскаго Института, зять Ѳ. А. Голубинскаго. Послѣ обѣда пришелъ П. А. Медынцева. А. А. Мартынову и ему прочелъ начало біографіи Арсенія Мацѣевича.

5. Отъ Анеты послѣ завтрака на ея лошадахъ ѣздилъ къ Андрею въ городскую больницу, которому далъ 1 р. 40 к. и два бѣлыхъ хлѣба; былъ у О. Ковалевскаго, заѣхалъ къ преосвященному Евгенію въ Донской м., побесѣдовалъ съ нимъ съ часъ о разныхъ предметахъ. Онъ сказывалъ о бывшемъ на дняхъ большомъ сѣверномъ сіяніи, которое почли за пожаръ въ Кремлѣ. Я ему сказалъ, что, если не перемянутся обстоятельства мои, то ѣду въ деревню. На это онъ отвѣчалъ: «Безъ васъ мнѣ и Москва немила».

6. Въ Оберточномъ Листкѣ № 46, на стр. 3, во 2 колоннѣ я прочелъ, что политическая экономія есть «Евангеліе жизни».

7. Въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера написали мнѣ просьбу къ исправляющему должность оберъ-полиціймейстера о выдачѣ свидѣтельства сыну моему для поступленія въ службу.

9. Занимался окончаніемъ статьи о теперешнемъ состояніи Романовскихъ палатъ, которую читалъ кн. М. А. Оболенскому и отъ него получилъ дополнителныя свѣдѣнія. Кн. Оболенскій довезъ меня до Романовскихъ палатъ, гдѣ я съ гофъ-фуріеромъ осматривалъ достопамятности часа три и повѣрялъ свое описаніе на мѣстѣ. Чувствуя себя нездоровымъ, я прошелъ къ сыну Михаилу, у котораго хотѣла провести день своего ангела мать его. Тамъ я нашелъ жену, дочь, невѣстку, Н. И. Крылова, Н. Я. Богословскаго, Матильду. Къ прискорбію моему, сынъ мой пилъ много и наговорилъ мнѣ грубостей, коихъ простить

нельзя. Я молчалъ. Неловко связаться отцу съ сыномъ, больному съ пьянымъ, при постороннихъ. Я ушелъ отъ обѣда домой. Вотъ благодарность отъ дѣтей за мои объ нихъ попеченія и пожертвованія. Тяжелое для меня искушеніе! Доколѣ, Господи?

10. У І. М. Бодянскаго нашелъ профессора Харьковскаго Университета Петра Алекс. Лавровскаго, путешествовавшаго къ Славянамъ для изученія Славянскихъ нарѣчій. Мы поговорили о разныхъ предметахъ, между прочимъ о характерѣ Русскихъ купцовъ и крестьянъ.

11. Анета прислала возъ осиновыхъ дровъ. Вчера на Сухаревой башнѣ было первое засѣданіе суда для разбора споровъ между хозяинами и работниками подъ предсѣдательствомъ кн. Крапоткина. Первое дѣло было Мартынова, убійцы поэта Лермонтова, съ подрядчикомъ.

12. Я прошелъ въ Университетскую типографію и къ кичливому Коршу, который потому не хотѣлъ напечатать мою статью о Лобномъ мѣстѣ, что она неразборчиво написана. Это предлогъ.

14. На дорогѣ попался мнѣ П. Н. Замятинъ, ищущій мѣста главнаго смотрителя въ Шереметевской больницѣ. Душевно желаю ему этого и кой-кому говорилъ объ этомъ. За обѣдомъ у И. И. Давыдова былъ П. В. Хавскій, который сказалъ, что старается о помѣщеніи моей старухи въ богадѣльню.

15. Меня винить виноватые сами во всемъ. Дай, Господи, терпѣніе! Доколѣ? Юлія прислала за моею женой карету съ извѣстіемъ, что Миша не ночевалъ дома и она сомнѣвается и беспокоится. Жена туда поѣхала и тамъ ночевала, и меня это растревожило. Я написалъ статью о Толмачахъ и предисловіе къ Московскимъ урочищамъ.

16. Ѣздилъ къ кн. Д. Н. Урусову, который, принявъ меня очень ласково, сказалъ, что мое посѣщеніе для него «Свѣтлое Воскресеніе». Я нашелъ у него много образовъ въ образной и въ комнатахъ много архіерейскихъ портретовъ. У него былъ живописецъ Шпревичъ. Я просилъ у него въ заемъ 200 р. с. Обѣщалъ.

18. Я проѣхалъ къ В. П. Нечаеву, которому прочелъ, по его просьбѣ, статью свою о крестныхъ ходахъ въ Москвѣ. Онъ ее обѣщалъ напечатать въ Душеполезномъ Чтеніи, а для меня 200 экз. особо. За листъ платять по 15 р. с.

21. Въ Успенскомъ соборѣ служилъ викарій Леонидъ. Тамъ слышалъ, что у Вознесенія у Серпуховскихъ воротъ отпѣвали семь чело-

вѣкъ фабричныхъ, сгорѣвшихъ въ пожарѣ тамъ на фабрикѣ, а 14 чело-
вѣкъ обожжены. К. В. Прохоровъ сказывалъ, что одинъ фабричный
принесъ на фабрику вымѣненную имъ икону, неискусно написанную.
Товарищи его смѣялись надъ нею. За кощунство наказаніе.

22. Поутру прїѣзжалъ сынъ мой Михаилъ проститься предъ про-
щасеніемъ, коего онъ лишалъ себя шесть лѣтъ. Я ѣздилъ во Владыкино
исповѣдываться у о. Василія, служилъ напутственный себѣ молебенъ
св. Архангеламъ Михаилу и Гавріилу, просилъ о. Василія помолиться
объ Андрѣ. Съѣхала бывшая наша брѣвостная, нами отпущенная, На-
талія съ мужемъ унтеръ-офицеромъ.

Я ходилъ поздравить митроп. Филарета съ днемъ рожденія; у него
засталъ гг. Рюмина и Соловьева; потомъ одинъ со мною разговаривалъ
о гомеопатіи, производящей дивныя излѣченія. Я сказалъ ему о своемъ
намѣреніи ѣхать въ деревню и объ опредѣленіи сына Андрея въ полкъ.
Онъ спросилъ: «почему же не въ Москвѣ?» Я объяснилъ ему свои при-
чины. На это онъ отвѣчалъ: «Соблазны вездѣ. Впрочемъ Богъ благо-
словить».

29. Въ Главномъ Московскомъ Архивѣ М. И. Д. я разсмотрѣлъ
съ кн. М. А. Оболенскимъ дѣло о Ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи
Мацѣевичѣ и сдѣлалъ изъ нихъ выписку.

1861-й годъ.

Январь. 1. Въ Успенскомъ соборѣ было посвященіе въ епископы
Курскіе Сергія Лапидевского *), ректора М. Д. А. Тамъ я встрѣтился съ
княземъ Сергіемъ Ник. Урусовымъ; поздравилъ съ новымъ годомъ преос-
вященнаго Евгенія и митрополита Филарета въ Чудовѣ м.; зашелъ было
поздравить А. А. Медынцева, но не засталъ его. При мнѣ были у меня
А. П. Извольскій, К. Д. Кацари, Д. Морозовъ и пр. Безъ меня были
многіе сами и присылали карточки: военный и гражданскій губерна-
торы, Тучковъ, Корниловъ и братъ его Ѡ. П.

3. Съ А. А. Мартыновымъ въ Новоспасскій м., слушали объѣдно. Я
сотворилъ молитву надъ могилами бабушки, двухъ тетокъ, дяди, кума
и друга Я. Е. Арсеньева и моихъ благопріятелей П. П. Бекетова, А. З.
Дурасова, А. П. Святославскаго и К. Тромонина. Мы не застали архи-
мандрита и слѣдовательно не видали портрета принцессы Таракановой.
По дорогѣ я заѣхалъ къ Извольскимъ, у которыхъ позавтракавъ, отпра-

*) Впоследствии Московскаго митрополита. П. Б.

вился къ А. Д. Шлыкову, предсѣдателю Надворнаго Суда, который мнѣ объявилъ, что дѣло мое съ султаномъ рѣшено въ мою пользу и заемное его письмо признано ничтожнымъ. Я слышалъ о бѣдственной участи, постигшей на желѣзной дорогѣ Гвоздева, покровителя раскольниковъ и ревнителя эмансипаціи. Въ новый годъ явился къ военному генералъ-губернатору Тучкову какой-то Борисовскій и громко сказалъ, что знаетъ о заговорѣ противъ Императора. Поутру у меня былъ ищущій себя мѣста Макс. Осип. Поляковъ.

4. Заутра услыши гласъ мой, Царю мой и Боже мой! Я написалъ письма къ Смоленскому губернатору Ахвердову и къ А. А. Мартынову; ѣздилъ къ І. М. Бодянскому, который обѣщалъ мнѣ особо напечатать 300 экз. моей статьи о *Лобномъ мѣстѣ* въ Москвѣ; отъ него въ Толмачи къ В. П. Нечаеву отдать ему дополненіе къ Крестнымъ ходамъ. Его засталъ я за обѣдомъ; онъ спѣшилъ къ митроп. Филарету по дѣлу и меня довелъ до Никитскаго м. Я зашелъ къ С. Н. Орлову, просилъ его о распространеніи моей книжки о Лобномъ мѣстѣ, когда она напечатается. Изъ Курьера я узналъ, что И. Ѳ. Гучковъ сгорѣлъ; въ пожарѣ погибла дочь его двухъ лѣтъ, нянька, старуха и двое солдатъ задавлены потодкомъ обрушившимся. Это случилось 30 Декабря 1860 г. Жаль его.

10. Ночлегъ во дворахъ, гдѣ застали испорченную свадьбу, на которую вышло 8 в. вина.

11. Пріѣхалъ поутру въ Тулу, гдѣ остановился у Н. И. Ждановскаго, обѣдалъ у него; послѣ обѣда съ княг. А. Н. Долгоруковой я ѣздилъ къ иреосвященному Никандру, котораго нашелъ словоохотливымъ и веселонравнымъ. Онъ принялъ насъ очень ласково и просилъ меня быть съ нимъ знакомымъ.

14. Обѣдалъ у Опенкина, который сказывалъ мнѣ о поступкахъ моего Андрея, взявшаго у него 876 р. с. подъ отцовскій хлѣбъ безъ довѣренности моей; винить моего старосту, и онъ неправъ: нельзя совершить контрактъ безъ законной довѣренности. Всѣхъ денегъ А. собралъ съ имѣнія, по словамъ Опенкина, 2000 р. с., т. е. 7000 р. асс., продавалъ хлѣбъ копами съ поля, лѣсъ и пр.; были пиры и пьянства, пляски и драки. Жившая у А. Полька посылала къ матери своей по 100 р. с. Попъ съ дьякономъ, осыпанные мукою, безобразно плясали.

Дорога скверная, вся въ ухабахъ, безпрестанно останавливались. то кибитка перевертывалась, то гнилая сбруя рвалась. Перезябли и наскучили, ѣхали 9 часовъ и въ полночь насилу пріѣхали въ Подчерное.

15. Отдохнувъ, я смотрѣлъ молотьбу, навѣстилъ больную Катерину и далъ ей лѣкарства. Послѣ обѣда баня.

19. Я смотрѣлъ молотьбу. Куп. сыну Алексѣю Ал. Домогацкому я продалъ 25 четвертей гречи по 450 к. с за четверть.

22. Окончилъ свою статью о Спасскихъ воротахъ и при письмѣ послалъ по почтѣ ее въ Москву къ В. П. Нечаеву. Поутру рано въ Воскресенье, я ѣздилъ къ заутренѣ и къ обѣднѣ въ ц. Св. Іоанна Богослова, навѣстилъ больную Катерину. Приходилъ ко мнѣ крестьянинъ Ѡ. Н. Глинки Митрофанъ Алексѣевъ на счетъ найма луга.

23. Я дочиталъ дѣло о судьбѣ Таракановой въ 39 № Сѣверной Пчелы, но не удовлетворился догадками Мельникова, который мою статью приписываетъ издателю Мартынову.

25. Праздникъ Утоленія печали Божіей Метери. У меня служила молебень съ водосвятиемъ Божіей Метери, св. Іоанну Богослову и свят. Николаю. Окропили св. водою покой. Вечеромъ былъ цѣлов. Петръ Ивановъ, который поговорилъ со мною о поступкахъ Андрея въ деревнѣ, Орлѣ и Мценскѣ.

26. До обѣда и послѣ я ходилъ на ригу смотрѣть молотьбу и вывѣтриваніе овса и ржи. Изъ 20 копенъ овса вышло 18 четвертей и 1 мѣра. Цѣловальникъ П. И. прислалъ мнѣ яблокъ, капусты и солонины.

27. Я проснулся въ 4 часа и началъ готовить ст. о *Никольскихъ воротахъ*. Изъ Мценска вечеромъ привезли письмо отъ дочери моей и покупки: сахаръ, чай, 1 п. круп. муки я пр. на 5 р.

31. Съ И. С. Драчевымъ и Иваномъ я отправился въ Орелъ, куда пріѣхали въ полдень и остановились на Ильинкѣ на постояломъ дворѣ. Я ѣздилъ къ губернатору Валеріану Иван. Сафоновичу, который принялъ меня ласково, какъ прежняго товарища и оставилъ обѣдать у себя; вспоминалъ моего батюшку Михаила Матвѣевича. Жена вторая очень образованная и любезная дама, ревнительница просвѣщенія женскаго пола. У губернатора свадьба затѣвается: отлаетъ послѣднюю четвертую дочь свою замужъ. Я ему рассказалъ о поступкѣ игрока шулера съ моимъ сыномъ на счетъ продажи деревъ. Онъ нашелъ этотъ поступокъ незаконнымъ, примолвилъ, что «Нилусъ находится подъ надзоромъ полиціи, а если что будетъ нужно, то отнесите ко мнѣ». Отъ губернатора я прошелъ къ архіерею Поликарпу Радкевичу. Я нашелъ его старцемъ постнымъ, благочестивымъ и смиреннымъ, опытнымъ въ

вѣрѣ. У него я встрѣтилъ перешедшую изъ лютеранства монахиню Клеопатру фонъ-Роде, которой онъ помогаетъ, потому что ея родные за переѣмну религіи ее бросили безъ помощи. Преосвященный говорилъ, что ненадобно ослабѣвать въ молитвѣ и если не исполняется прошеніе наше о чемъ-либо, то усиливать молитву. Просите и дастся вамъ. Я просилъ его помолиться обо мнѣ и объ устройствѣ дѣлъ моихъ. Обѣщаль Меня велѣлъ онъ отвезти на мою квартиру. У преосвященнаго мнѣ не понравился любимый имъ и всѣмъ распоряжающійся іеромонахъ Ксепофонтъ.

Февраль. 1. Я ѣздилъ къ ранней обѣднѣ въ Рождественскій дѣвичій м. Священникъ служилъ обѣдню очень спѣшно, пѣли нескладно. По моей просьбѣ, пѣли молебень чудотворной иконѣ Балакинской Божіей Матери, коей списокъ и престолъ находятся въ Москвѣ, на Арбатѣ въ приходѣ у моей дочери. Церковь довольно обширная, въ коей есть старинныя иконы, и между прочимъ 4 свят. Николая. По приглашенію, я зашелъ пить чай къ монахинѣ Клеопатрѣ, которая старается привыкнуть къ монашеской жизни и къ посту. Игуменья у нихъ необразованная, но старожилка въ монастырѣ, Мелитина, поднесла мнѣ просфору. У Клеопатры воспитывается дѣвица Гриневичева, а послушница Агрипина.

2. Орель живетъ Москвою: всѣ почти товары изъ нея. Въ купцахъ мало добросовѣтности, дороговизна. Въ городѣ 7 аптекъ и 30 лѣкарей и докторовъ. Трактировъ больше, чѣмъ церквей. Хлѣбъ дешевле, чѣмъ въ Мценскѣ.

3. День тезоименитства дочери моей Анны. Да благословить ее Господь Вогъ долгоденствіемъ и благоденствіемъ за почтеніе къ своимъ родителямъ и да утѣшитъ ее дѣтьми! Объ этомъ молю и прошу Бога. Крестьяне приходили поздравлять меня съ именинницей. Я ихъ потчевалъ виномъ. Паки: спаси и помилуй мя грѣшнаго, милостивый Господи; сохрани жену и дѣтей и внучатъ моихъ отъ всякаго зла!

11. Я всталъ въ 4 часа, ходилъ по двору. Холодно и вѣтрено на дворѣ. Я грѣлся на печкѣ, деревенскомъ пріютѣ въ морозы. Я купилъ у сапожника Павла холстъ за 2 р. 20 к. и заказалъ ему сапоги и калоши. Послѣ обѣда былъ въ банѣ, гдѣ хорошо вымылся и выпарился. Приготовлено 20 возовъ овса 60 четв. Мнѣ что-то сдается, что въ Спб., должно быть, что-нибудь недоброе. Спаси, Боже, голову! Много видно затѣй подѣ влияніемъ масоновъ и Англичанъ съ Напол. и Поляками.

12. Попадья зазвала меня къ крестницѣ Софіи. Я зашелъ минутъ на пять. Дома послѣ обѣда я лежалъ на печкѣ. Мнѣ рассказывали объ

опахиваньи въ случаѣ скотскаго падежа и прибауткахъ, сопровождающихъ оное.

13. Была баба Марья, которая описала мнѣ опахиванье и приводила разныя прибаутки, какими сопровождается этотъ обрядъ, совершаемый ночью, въ случаѣ скотскаго падежа. Вечеромъ посидѣлъ и пилъ у меня чай приходскій священникъ.

19. Къ обѣднѣ я ѣздилъ въ свой приходъ, гдѣ за царскимъ молебномъ вмѣсто Александра Николаевича возгласили Николая Александровича.

22. Я сталъ переписывать для Общ. Ис. и Др. статью свою о *Зѣринцахъ Московскихъ*. Приходилъ дьяконъ приходскій совѣтоваться со мною касательно одной свадьбы. Я не спалъ всю ночь огорченный извѣстіемъ, что Андрей распродаетъ изъ моей библіотеки духовныя книги; написалъ телеграмму къ женѣ, письма къ священнику Толмачевскому Нечаеву и къ дочери.

25. Вселенская Субота. Съ коливомъ и блинами я ѣздилъ въ приходскую церковь къ заутренѣ и обѣднѣ поминать своихъ родителей, родныхъ и друзей. Пріѣзжалъ ко мнѣ И. С. Драчевъ съ предложеніемъ отъ исправника просить Опекунскій Совѣтъ о дозволеніи рубить лѣсъ.

26. Я ѣздилъ къ обѣднѣ въ Бортнево. Тамъ я познакомился съ сосѣдкой Марьею Лук. Матвѣевой. Служеніе благоговѣйное и благолѣпное. Священникъ зазвалъ меня къ себѣ на чай, коимъ потчевала пападя.

28 Пріѣзжалъ становой Викторъ Алексѣевичъ съ объявленіемъ отъ дворянской опеки объ описи моего имѣнія тогда, когда я внесъ деньги въ Сохранную Казну и получилъ квитанцію. Я далъ отзывъ. Наказали за воровство Козьму съ матерью. Становой ѣлъ у меня блины и пилъ кофе. Я ему подарилъ 3 р. с. По дорогѣ, на моей землѣ, съ вѣдома станового, начали рубить лишнія деревья въ дрова.

Мартъ. 1. Помолился при началѣ новаго года, прося благословенія Божія на дѣла свои. Вѣрую видѣти благая Господня на земли живыхъ. Я занимался своими дѣлами, дѣлалъ примѣчанія и поправки къ своимъ сочиненіямъ.

3. За болью въ горлѣ я не выходилъ изъ своей избы. Къ обѣду приходили двѣ бабы Прасковья и Наталья и пѣли пѣсни. Я докончилъ статью объ *опахиваньи*.

5. Я отправился въ Орелъ на своей лошади съ Иваномъ и Осипомъ. На перепутьѣ заѣхалъ я къ сосѣду своему Петру Павловичу

Матвѣеву, бывшему у меня студентомъ въ Московскомъ университетѣ. Онъ принялъ меня радушно.

6. Въ Гражданской Палатѣ совершалъ довѣренность на имя жены для переадреса своего дома, стояла мнѣ 230 к. с. Ефимоны я слушалъ въ крестовой церкви у архіерея, который самъ читалъ канонъ: потомъ зашелъ къ нему принять благословеніе, которое онъ далъ мнѣ и моему семейству, Андрею на службу. Отъ архіерея я завернулъ къ губернатору, который сказывалъ, что прислано постановление о свободѣ крестьянъ и что ожидаетъ г.-а. Толя съ манифестомъ, совѣтовалъ не обращать особеннаго вниманія на слова крестьянъ, не давать значенія, самому объявить манифестъ, который привезетъ становой.

7. Слѣдуя совѣту губернатора, отправился въ 1 часу пополудни въ свое сельцо и пріѣхалъ въ 4-мъ часу.

8. Середа 1 недѣли поста великаго. Я продолжалъ чтеніе Bernhardt Grundriss zur Encyclopädie der Philologie. Далъ возъ соломы Власу Косорукому. Вечеромъ былъ въ банѣ; угарно было.

9. День имения моего впука и крестника Александра Бородина. Я послалъ въ приходскую церковь 14 свѣчъ для паникадила. Во свѣ я видѣлъ торжество коронаціи и обѣденный столъ, за коимъ сидѣла Императрица; увидѣвъ меня, стоящаго въ концѣ стола, она сказала вслухъ: quelle triste personne! Отъ огромнаго пирога, тамъ лежащаго, я отломилъ себѣ кусокъ.

10. Я читалъ превосходную Седмичу преосвященнаго Иннокентія и Библ. для Чтенія. Я читалъ канонъ покаянный и молитвы на сонъ грядущій для людей моихъ Пвана и Осипа, готовившихся къ причащенію.

11. Я, приготовивъ колыво изъ вареной пшеницы съ медомъ и ягодами, въ память св. мученика Федора Тирова, послалъ въ приходскую церковь Въ этотъ день умеръ императоръ Павелъ I. Въ этотъ день (Суббота 1-й недѣли) объявленъ въ церкви манифестъ о свободѣ крестьянъ, и молебствовали.

12. Сборное Воскресенье. Дорога испортилась, нельзя ни пройти, ни проѣхать въ церковь. Вечеромъ пріѣзжалъ ко мнѣ священникъ приходскій съ манифестомъ о крестьянахъ. Но я не взялъ его, сказавъ, что мнѣ прежде слѣдовало бы его сообщить.

13. Читалъ Библ. Д. Чт. о Прейсшъ-Эйлаускомъ сраженіи 1807 г.

гдѣ пало нашихъ до 37 т. ч. и сражались болѣе холоднымъ оружіемъ на штыкахъ.

16. Съ Осипомъ я ходилъ въ садъ пугать грачей, своими гнѣздами портящихъ деревья; убили двухъ изъ ружья. Послѣ обѣда я перемѣривалъ овесъ въ амбарѣ, намѣрялъ 50 четв., потомъ мылся и парился въ банѣ своей.

17. Я послалъ Ивана отслужить панихиду по дядѣ моему Алексѣю Петровичу Кондратьеву, который нынѣ праздновалъ свои именины. Царство ему небесное! На этотъ же день были именинниками преосвященный Августинъ и архимандритъ Аполлосъ. Я ихъ вспомнилъ на молитвѣ своей, такъ равно и Мединцева.

26. Послѣ обѣда приходилъ сотскій съ указомъ о крестьянахъ. Пропали двѣ индѣйки.

27. Индѣекъ нашли на скотномъ дворѣ; кто-то подкинулъ. У Балзака я прочиталъ: «Отечество погибнетъ, когда дѣти не станутъ уважать своихъ родителей».

28. Двѣ старухи приходили ко мнѣ доносить другъ на друга и мастерски бранились. Становой Викторъ Алексѣевичъ Бобровъ привезъ мнѣ два экземпляра Положенія о крестьянахъ, одинъ для меня, другой для крестьянъ моихъ. Послѣ обѣда я ходилъ скапывать гнѣзда грачей, былъ въ скотной избѣ и на ворку.

31. Приходили Глинскіе крестьяне нанимать 9 десятинъ земли подъ овесъ, давали по 550 к. за десятину; былъ Петръ Иван., но я отдалъ за 575 к. с. дес., потомъ по 6 р., по 625 к.

Апрѣль. 2. Съ десятскимъ я послалъ въ Мценскъ свѣдѣніе о числѣ крестьянъ (5), дворовыхъ (4) и дворовъ (12) въ сельцѣ моемъ Подчерномъ, Рождествено тожъ, а сторостѣ своему отдалъ постановленіе о крестьянахъ.

3. Я ходилъ навѣстить больного ребенка Тимошку и послалъ лѣкарства къ церковному караульщику, отставному солдату.

5. Во снѣ мнѣ привидѣлось, будто я наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья въ Троицкой Лаврѣ съ женою и ожидалъ наступленія свѣтлой заутрени. Вся лавра была освѣщена, потомъ заблаговѣстили въ колоколь. Я пошелъ съ женою въ церковь, которая обширностью и устройствомъ походила на Московскій Успенскій соборъ и полна была наро-

домъ, но для меня было тамъ мѣсто просторное. Служилъ архимандритъ Антоній соборнѣ, и всѣ въ бѣлыхъ серебряныхъ ризахъ. Церковь великолѣпно освѣщалась. Я сказалъ: «какъ она полна народомъ». Но всѣ стояли тихо и благоговѣйно. Мнѣ вздумалось до окончанія службы приложиться къ св. мощамъ преп. Сергія, и я пошелъ. Мнѣ сказали, что его мощи поставлены въ особомъ мѣстѣ по причинѣ передѣлокъ, а можно приложиться къ частицѣ его мощей, и дѣйствительно мнѣ показали какой-то ларчикъ съ отверстиемъ, къ коему я приложился. Потомъ, попросивъ какого-то послушника, я пошелъ съ нимъ по крутой лѣстницѣ въ то мѣсто, гдѣ стояли св. мощи пр. Сергія. Тамъ, подъ сводомъ, опершимся на треснувшій столпъ, я нашелъ родъ сундука, гдѣ хранилась святыня. Я открывалъ нѣсколько крышекъ, наконецъ дошелъ до самыхъ мощей, кои имѣли подобіе свят. Митрофана, были въ черной одеждѣ, ноги открыты, въ рукахъ пр. держалъ деревянный крестъ, лицо его было полуоткрыто. Я припалъ къ нему съ жаркою молитвой, спрашивалъ кой о чемъ. Онъ мнѣ глухо отвѣчалъ, между прочимъ сказалъ утвердительно о военной службѣ Андрея, потомъ сказалъ глухо: «молчать» и благословилъ меня крестомъ, который я поцѣловалъ. Оттуда по лѣстницѣ я опять вошелъ въ церковь, думая, зачѣмъ я не спросилъ преподобнаго о долгахъ.

9. Вчера у десятскаго Лаврентія нашли въ черной рубахѣ завернутый узелокъ съ костями человѣческими. Это какое-нибудь колдовство или ворожба. Послѣ обѣда посидѣлъ у меня и пилъ чай приходскій священникъ о. Аѳанасій, рассказывалъ мнѣ разные случаи въ своей жизни, между тѣмъ и о порчахъ.

12. Велѣлъ Ерохину отнести на погостъ найденныя у Лаврентія въ язбѣ мертвыя кости въ узелкѣ, и съ благословенія священника зарыли ихъ на погостѣ. Къ священнику призвалъ Оому, который сказывалъ, что покойникъ Петръ Ерохинъ его ночью душилъ и мялъ, но онъ этого не подтвердилъ клятвою.

20. Богъ сподобилъ меня послѣ заутрени въ своей церкви исповѣдываться и за обѣдней причаститься. Рано поутру до восхода солнечнаго я всталъ и ходилъ на колодець мыться водою по старому обычаю.

21. Я занимался сличеніемъ каноновъ и молитвъ съ Греческимъ подлинникомъ. Ходилъ осматривать лѣсъ, гдѣ засталъ воровку. Я ѣздилъ въ церковь къ часамъ и вечернѣ, за коими выносили плащаницу. Служба началась въ 11-мъ часу, кончилась въ исходѣ 3-го.

22. По совѣту моему, священникъ за заутрени трижды обносилъ плащаницу вокругъ церкви; предъ Евангеліемъ внесли плащаницу въ

алтарь, предъ окончаніемъ обѣдни раздавали народу благословенный хлѣбъ. Плащаницу и я носилъ къ царскимъ дверямъ. Послѣ бани я перешелъ въ господскіе покои, куда жена Петра Ивановича прислала куличъ. У образовъ я затеплил лампы. Петръ Ивановичъ переѣхалъ ко мнѣ въ контору.

23. Свѣтлое Воскресенье и день моего рожденія. Съ Иваномъ и Осипомъ я поѣхалъ къ утренѣ въ приходскую церковь, гдѣ засталъ еще чтеніе Дѣяній Апостольскихъ. Служба совершалась по моему указанію согласно съ уставомъ: выходили въ сѣверныя двери и обошли церковь три раза. Я сопровождалъ ходъ со свѣчкою, которая не загла. Слушалъ обѣдню. Послѣ обѣдни христосовался съ священникомъ и другими, видѣлъ, какъ на могилкахъ родительскихъ крестьяне разгавливаются пасхою, т. е. куличемъ, яйцами, творогомъ и свѣжиной, т. е. свиной. Трогательный обычай. На своемъ новосельѣ и я одинокій разговѣлся. Пили со мной кофе Петръ Ивановичъ съ женою. По моему приглашенію, священникъ приходилъ со крестомъ и служилъ молебенъ Пресвятой Богородицѣ, Іоанну Богослову, свят. Николаю и великомуч. Георгію. Я угостилъ его съ причетниками закуской. Обѣдалъ въ первый разъ въ этотъ св. праздникъ одинъ.

24. Я ѣздилъ къ заутренѣ и обѣднѣ, смотрѣлъ ходъ съ образами для молебствія; его провожали бабы и дѣвки, которыя пѣли «Христосъ воскресъ» заунывнымъ голосомъ. Принесли ихъ ко мнѣ на дворъ, служили молебенъ съ акаѳистомъ и безъ акаѳиста у П. И., у моего старости, носили образа на скирдникъ и на ригу, потомъ посреди двора, пропѣвъ канонъ Пасхи, кидали со стола, на коемъ лежали крестъ и Евангеліе, скатерть на кровлю избы, чтобы хлѣбъ и ленъ родились высокіе. Попъ съ дьякономъ бранились. Я имъ сказалъ: «Вамъ надобно или по христіански помириться, или разойтись». Я ходилъ по деревнѣ своей посмотрѣть, какъ молебствуютъ и обѣдаютъ крестьяне. Ко мнѣ зашла попадьа съ дьячихой и понамарихой. Я ихъ угостилъ водкой и виномъ съ закуской.

25. Я было поѣхалъ къ обѣднѣ, но меня воротили, сказавъ, что не будетъ службы, потому что мыши съѣли просфоры, на коихъ надобно служить.

28. Переправилъ и перечиталъ свои статьи: 1) Свѣтлое Воскресенье въ Мценскомъ округѣ и 2) Опахиванье. Для одной написалъ письмо къ В. П. Нечаеву, къ другой письмо къ г. Бѣляеву.

ДРЕВНІЙ РУССКІЙ БЫТЬ.

Церковная трапеза и народный судъ.

Русская историческая библиотекa издаваемая Археографическою комиссіей. Томъ XII. СІПБ. 1890. Акты Холмогорской и Устюжской епархій (1500—1699 г.).

Каждая приходская церковь въ старину имѣла трапезу. Изъ такъ называемыхъ «порядныхъ» о постройкахъ церквей видно, что трапеза въ храмѣ занимала большую часть помѣщенія, что и теперь можно видѣть въ сохранившихся древнихъ церквахъ Сѣвера. Такое преимущество трапезы предъ церковію говоритъ объ особенностяхъ ея назначенія.

Какъ показываетъ самое названіе, трапеза была мѣстомъ «пировъ» или «сыпныхъ молитвъ» *). Но эти пиры были въ храмовые только дни; трапеза имѣла другое, болѣе важное назначеніе: здѣсь собирался «народъ» или «міръ» на «совѣтъ». Есть основаніе утверждать, что на этихъ совѣтахъ велись сужденія и о дѣлахъ нецерковныхъ, волостныхъ, мѣсто коимъ въ волостной избѣ. Даже можно думать, что тамъ, гдѣ не было особаго зданія для волостной избы, всѣ волостныя дѣла рѣшались въ трапезѣ, какъ и «коробья» волостной денежной и письменной казны хранилась иногда въ церкви. Но несомнѣнно то, что предсѣданіе въ трапезѣ принадлежало церковному старостѣ. Впрочемъ, не излишне сказать здѣсь, на основаніи напечатанныхъ и приготовленныхъ къ печати бумагъ, отдѣльно и подробнѣе: 1) о личномъ составѣ трапезнаго или приходскаго совѣта, 2) о нѣкоторыхъ его дѣйствіяхъ и постановленіяхъ и 3) о трапезныхъ явкахъ или челобитныхъ церковному старостѣ или соборянамъ.

1. Въ трапезу приходской церкви на совѣтъ могли приходить всѣ прихожане; необходимыми же лицами совѣта были: староста церковный, добрые люди и церковный дьячекъ. По крайней мѣрѣ изъ сотни имѣющихся трапезныхъ явокъ, всѣ, за исключеніемъ пяти, поданы были церковному старостѣ и добрымъ людямъ, поименно въ явкѣ перечислен-

*) Т. е. молитвенныхъ собравій, участники которыхъ доставляли въ церковь хлѣбъ въ зернѣ: каждый *сыпалъ* его по усердію или возможности въ общее мѣсто для продажи въ пользу церкви? П. Б.

нымъ, а подписаны дьячкомъ. Явокъ, поданныхъ попу, добрымъ людямъ и прихожанамъ имѣется не болѣе трехъ; въ этихъ явкахъ о церковномъ старостѣ не упоминается или потому, что должность церковнаго старосты, по выбору прихожанъ, несъ тогда попу, что было обычно въ старину (VI, VII, IX акты), или потому, что во время подачи явки не было церковнаго старосты въ трапезѣ; есть явка, поданная одному изъ добрыхъ людей, въ которой ни попу, ни церковный староста не упоминаются. Совѣты главнымъ образомъ собирались по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ послѣ обѣдни; иные къ богослуженію не приходили, а являлись только на совѣтъ, что священниками иногда (въ концѣ XVII в.) и выставлялось въ доказательство принадлежности таковыхъ къ расколу. И въ будніе дни трапеза была открыта для всѣхъ являющихся на погостъ: она отапливалась.

II. Съ полною подробностію почти невозможно, по имѣющимся даннымъ, очертить кругъ дѣятельности приходскихъ совѣтовъ; но въ общихъ чертахъ опредѣлить предметы этой дѣятельности можно. Кромѣ выслушиванія въ трапезѣ явочныхъ челобитень, выборовъ церковнаго старосты, попа и причетниковъ, въ трапезѣ совѣтъ занимался и важнѣйшими текущими дѣлами церковнаго хозяйства, не смотря на существованіе старосты (иногда двухъ), для непосредственнаго веденія расходовъ по церкви, собиранія доходовъ съ земли и т. п. «А что купить (читаемъ въ одномъ выборѣ церковнаго старосты) или продать, или половниковъ рядить, то все съ мірскаго совѣта» (CLXIXII. 1686 г.). Въ трапезѣ, очевидно, происходила и сдача должности старостою вновь избранному, при выполнении имъ обряда, о которомъ говорятъ слѣдующія слова «излюба»¹⁾ въ церковные старосты: «а какъ ему старостѣ годъ отойдетъ и ему старостѣ во всемъ своемъ старощенѣ, въ приходѣ и въ отходѣ, въ церковной казнѣ въ міръ отчетъ дать въ правду, по брестному пѣлованію. . . А какъ съ рукъ отдастъ старостѣ (вновь избранному), и ему старостѣ отчетная взять на своей правдѣ передъ Спасовымъ образомъ». Въ другомъ «излюбѣ» читаемъ о томъ же: «И во всемъ приходѣ и расходѣ въ міру отчетъ дать, а въ хитростномъ дѣлѣ сказать передъ образомъ Божиимъ правда» (CLXIX). Въ трапезѣ рѣшались дѣла и писались по нимъ «приговоры», подобные слѣдующему.

«Се азъ Аеонасьевскаго приходу и Ѳедоровскаго приходу староста церковной Михаилъ Васильевъ сынъ Суворовъ, а Аеонасьевскаго же и Ѳедоровскаго приходу крестьяне²⁾: Иванъ Сидоровъ сынъ (всего

¹⁾ Забытое нынѣ слово. Излюбъ—выборъ. П. Б.

²⁾ Слово *крестьянинъ* и до сихъ поръ въ нашемъ простонародѣ равняется слову *христианинъ*. П. Б.

20 пмень) да и всѣ крестьяня Аѳонасьевскаго и Ѳеодоровскаго приходу приговорили есмя на Некрасѣ Григорьевѣ сынѣ Кувакинѣ, да на Панкрашиѣ Никитинѣ сынѣ Пономаревѣ, по судному списку, что искалъ въ прошломъ въ 126 году передъ земскими судьями передъ Мартыномъ Худяковымъ съ товарищи, по челобитной, церковныхъ денегъ Естибянко Семеновъ сынъ Ботлина на томъ Некрасѣ да на отцѣ его, Панкрашкинѣ, на Никитѣ на пономарѣ осмнадцать рублевъ съ полтиною, и мы крестьяня, на нихъ приговорили по тому судному списку взяти четыре рубли окромѣ убытковъ, а въ достальныхъ деньгахъ простили, Аѳонасію Александрійскому да Ѳеодору Стратилату отдали судити. Приговоръ писалъ Костя Ворошиловъ».

Было бы ошибкою считать послѣднее выраженіе приговора за простую фразу, равнозначущую по содержанію современнымъ: Богъ простить, т.-е., я прощаю, или иди себѣ съ Богомъ, т.-е., уходи ты отъ меня и т. п. Стѣдить привести на память тѣ извѣстныя мѣста изустныхъ памятей въ Юрид. Актахъ, гдѣ въ числѣ послуховъ (т. е. свидѣтелей) наряду напр. съ Шумиломъ или другимъ дѣйствительно сидѣвшимъ у одра умирающаго послухомъ, поставленъ и св. Спасъ, или св. Никола, или св. Михаилъ. Эти слова приговора необходимо поставить въ связь съ представленіемъ нашихъ православныхъ предковъ о «церквахъ Божіихъ», какъ о «небѣ земномъ» (Ист. Библ., т. VI, 485) и вообще съ понятіемъ о церкви, воплощенномъ въ строѣ жизни древнерусскаго православлаго человѣка, каковое понятіе не во всемъ сходно съ современнымъ, получаемымъ нами въ школѣ и не вездѣ встрѣчаемымъ въ жизни. По этому древнему представленію храмы св. Аѳанасія Александрійскаго и св. Ѳеодора Стратилата, стоявшіе на погостѣ, были домами Божіими, въ которыхъ эти небожители имѣли невидимое, благодатное и, можно сказать, личное присутствіе; казна этихъ церквей принадлежала этимъ небеснымъ домохозяевамъ, а «приходящій» къ этимъ церквамъ «народъ», который всегда мыслился Восточнымъ православіемъ какъ «тѣло церкви» невидимой, былъ только ихъ старостою или приказчикомъ, берегшимъ и употреблявшимъ по назначенію церковную казну. Когда эта казна потерпѣла, приказчикъ этотъ, т.-е. приходскій народъ, искалъ у обыкновенныхъ судей и получалъ ихъ приговоръ о взысканіи съ нанесшихъ убытки казнѣ святыхъ Аѳанасія и Ѳеодора, но, по неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, призналъ, что взыскать съ виновныхъ можетъ только 4 р. съ убытками отъ волокиты по иску, а остальные 14 р. съ полтиною отдалъ на судъ небесныхъ домохозяевъ приходскаго храма, каковой судъ, по понятіямъ того времени, былъ страшнѣе и сильнѣе суда земскихъ судеекъ и даже царскаго.

Послѣ такого приговора прихожанъ дому св. Аѳанасія Александрійскаго и Феодора Стратилата слѣдовало бы произвести мѣстному епископу, какъ охранителю по законамъ церкви и главному распорядителю церковнаго имущества «судъ святыхъ» и взысканіе по суду. Но во 1-хъ, епископы Русскіе въ то время (начало XVII в.) не такъ стояли въ строѣ Русской жизни, чтобы выполнять эту свою обязанность, а во 2-хъ, они въ данномъ случаѣ и въ пространственномъ отношеніи были такъ удалены (Ростовъ) отъ мѣста, гдѣ состоялся вышеприведенный приговоръ (Устюжскій уѣздъ), что волокита по иску въ 14 р. не окупилась бы; ближайшихъ же органовъ для защиты цѣлости церковно-приходскаго имущества наши епископы того времени не имѣли, ограничиваясь церковною данью, которая собиралась съ «тяглыхъ» поповъ по ихъ доходу, а не съ церковныхъ доходовъ, какъ теперь. Къ концу XVII вѣка, когда въ Устюгѣ открыта была епархія и епископъ приблизился къ церковно-приходской казнѣ, прихожане безъ сопротивленія подчинили свою церковную казну его вѣдѣнію, а своихъ церковныхъ старостъ «счелу» на его дворѣ. Борьбу съ епископами въ это время подняли не церковно-приходскіе, а ружные или церковные старосты, какъ въ Устюгѣ, такъ и въ Псковѣ; напечатанные акты выясняютъ и различіе между тѣми и другими церковными старостами и причину борьбы послѣднихъ (ружныхъ) съ епископами. Изъ этихъ же актовъ видно, что государственная власть XVII вѣка стояла за самостоятельность прихода въ церковно-хозяйственномъ отношеніи (СС).

III. Мы имѣемъ въ виду до 500 явокъ изъ двухъ церквей: Устюжскаго Успенскаго собора и св. Николая Тарляжскаго. Соборы, какъ безприходныя церкви, обыкновенно устроились безъ трапезы, а потому въ Устюгѣ возлѣ собора поставлена была церковь свв. Козьмы и Даміана съ трапезою, болѣе обширною, чѣмъ сама церковь (СХХІХ 1680 г.) можетъ быть, вмѣсто прежде существовавшей, но обвѣтшавшей. Здѣсь и получались явки въ соборъ на имя протопопа съ братіею, потомъ на имя Ростовскаго митрополита, но съ просьбою протопопу принять въ соборъ и подписать, наконецъ съ конца царствованія Михаила Федоровича на царское имя, но съ тою же просьбою. Такая же постепенность въ перемѣнѣ заглавнаго титула видна и въ явкахъ въ трапезѣ св. Николая Тарляжскаго, которая имѣла прихожанъ.

Нѣтъ въ виду явки раньше 1587 года. Думаемъ, болѣе раннихъ, а особенно явокъ XV вѣка, и не отыщется много, такъ какъ, по указанію многихъ актовъ, извѣстныя челобитья давались *словесно* (вѣщали въ трапезѣ) даже въ то время, когда матеріалъ для письма (тряпичная бумага

сдѣлался сравнительно дешевле. Письменное явочное челобитье присылалось въ трапезу тогда, когда извѣщавшій самъ не являлся туда, какъ видно а) изъ содержанія нѣкоторыхъ явокъ (лежу при концѣ живота) и изъ надписей на нѣкоторыхъ изъ нихъ, что онѣ поданы самими челобитчиками, а на нѣкоторыхъ ихъ людьми или другими сторонними лицами. Думаемъ, что въ болѣе глубокой древности, чѣмъ XVI и XVII вѣка, были только словесныя заявленія въ трапезѣ о происшествіяхъ, случившихся въ приходѣ или тѣми самыми лицами, кого касались эти происшествія, или сосѣдями, вѣдавшими о случившемся. Трапеза, думаемъ, было вѣче въ самомъ маломъ его видѣ, т.-е. собраніе народа жившаго на территоріи прихода: въ этомъ собраніи каждый вѣщаль (одинъ корень и для *извѣстнаго* челобитья и для самого слова *вѣче*) о всемъ томъ, что признавалъ нужнымъ, чтобы оно было народу вѣдомо.

Есть явки, время полученія коихъ въ трапезѣ не отмѣчено. Большая же часть явокъ имѣетъ короткую помѣту: явка дана такого-то года, мѣсяца и числа въ соборѣ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ есть помѣта: «подписалъ своею рукою протопопъ N». Содержаніе послѣднихъ явокъ большею частію касается лицъ важныхъ. Черезъ Устюгъ въ XVII вѣкѣ пролегала большая дорога изъ Москвы въ Сибирь и Архангельскъ. Гости, бояре, воеводы, таможенные головы, то сами, то ихъ люди съ казной или съ царской, или съ патриаршей, при проѣздѣ изъ Сибири и изъ Архангельска, постоянно останавливались въ Устюгѣ. О порухахъ этой казны, объ обломавшихся подъ казною саняхъ, колесахъ, оглобляхъ и о послѣдствіяхъ такихъ поломокъ, о неисправности ямскихъ ѣздоковъ, о столкновеніяхъ проѣзжавшихъ съ судьбами, сотскими и т. п., давались явки въ соборѣ. Неправильные выборы въ посадскую службу или въ Сибирскіе города на службу, притѣсненія таможенныхъ и кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ, приказныхъ и т. п. всегда были «вѣдомы» протопопу съ братією. Подобныя явки подписывалъ протопопъ своею рукою. Въ соборѣ подавали свои явки посадскіе и волостные люди, церковные старосты, прихожане, попы, ямщики, вотчинники, полдвники, игумены, монахи, вообще весь народъ со всего Устюжскаго уѣзда. При пересмотрѣ этихъ явокъ невольно является мысль, что соборяне должны были каждый день сидѣть въ трапезѣ и не могли не знать не только всего того что дѣлается въ Устюгѣ и въ уѣздѣ, но многого и изъ того, что дѣлается по всему Сибирскому и Архангельскому трактамъ и даже на Москвѣ. И теперь прочитавшій эти явки многое узнаетъ, но теперь осталось ихъ немного: отъ года осталось по 3 по 4 явки, за одинъ только годъ сохранилось болѣе 40, а за нѣкоторые годы и ни одной явки не сохранилось.

Явки Никольской Тарняжской церкви относятся къ происшествіямъ, бывшимъ съ приходскими людьми и съ людьми окрестныхъ волостей, составлявшихъ въ смутное время округъ «Тарняжской осады», въ какое время этотъ приходъ и его церковь именуются «святымъ Николою Тарняжскаго городка», хотя его прихожане попрежнему назывались волостными людьми. И на этихъ явкахъ помѣты въ сущности тѣже, что и на соборныхъ: N года, N мѣсяца, N числа явка дана въ трапезѣ св. Николы Тарняжскія осады (или въ народѣ) церковному старостѣ Добрынѣ Никитину (или другому) и всѣмъ крестьяномъ (иногда: «въ народѣ чтена, а подписалъ церковный дьячекъ NN»).

Что касается цѣли явокъ, то она, по указанію ихъ самихъ, двоякая: подававшіе явочное челобитье въ трапезу или просили «на время поблюсти оное, или только извѣщали міръ, чтобъ народу «нужа ихъ была вѣдома», чтобъ написанное въ явкѣ было старостѣ, добрымъ людямъ и всѣмъ крестьянамъ «явно и вѣдомо». Перваго рода явки, очевидно, имѣли такое же значеніе, какъ и явки воеводѣ въ сѣвѣжской избѣ, земскому старостѣ въ земской избѣ, владычному десятильнику на его дворѣ и т. п. По такимъ явкамъ власть могла начать дѣлопроизводство, какъ это видно, напр., изъ дѣла Десятильничья двора по одной монастырской явкѣ. Есть основаніе думать, что воеводѣ, десятильнику и вообще мѣстной власти не очень довѣряли: есть явка игумена воеводѣ съ подписью и печатью воеводы и съ помѣтою, что она въ сѣвѣжской избѣ явлена и, по такомъ оформленіи, игуменомъ же и взята обратно на храненіе въ монастырь. Не такого свойства явки въ трапезѣ, въ которыхъ извѣщалось только о «нужѣ»: по нимъ въ приходѣ не было дѣлопроизводства; онѣ только хранились въ церкви (и крѣпко хранились) въ церковной коробѣ, вмѣстѣ съ церковными деньгами, кабалами и т. п. Есть одна явка, которая подана была въ трапезѣ св. Николы Тарняжскаго въ то время (нужно полагать), когда здѣсь не было ни церковнаго старосты, ни попа, ни дьячка, а сидѣли только добрые люди; принявшій явку хранилъ ее до своей смерти (8 лѣтъ), послѣ чего она поступила въ церковную казну, какъ видно изъ надписи на ней.

Какой *смыслъ* въ такихъ явкахъ, которыя не вели ни къ какому дѣлопроизводству, а особенно въ такихъ, которыя вносились въ трапезу только для того, чтобъ міру вѣдома была «нужа» какого нибудь бобыля или бездомнаго половника, притомъ отъ такой мелочной, по нашимъ понятіямъ, причины, какъ напр., похвальба (о чемъ явокъ наибольше) или пораненіе то лошенка, то свиньи, то овцы собаками

сосѣда и т. п.?. Акты не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ; они только заставляютъ насъ признать, что эти мелочи молодчихъ людей, съ точки зрѣнія добрыхъ людей, сидѣвшихъ въ трапезѣ, стоили вниманія «народа» и что это вниманіе добрыхъ людей было для молодчихъ на столько дорого, что они изъ послѣдняго, какъ говорится, трагически на явку (нужно, вѣдь, было заплатить и тому кто напишетъ явку, и тому кто ее подпишетъ, т. е. церковному дьячку или протопопу). Полагаемъ, что въ актахъ и нельзя найти объясненія тому, чтò можетъ быть понято только изъ *природы* человѣка.

Всегда отличительнымъ признакомъ человѣка считаемъ былъ разумъ; всегда человѣкъ опредѣляемъ былъ какъ животное *словесное*, а натуралисты прибавляютъ еще, что человѣкъ есть животное *общественное*, т. е. не такое, напр., какъ семейство львовъ, орловъ, волковъ и т. п., а такое, которое одарено инстинктомъ общественности, подобнымъ тому, какимъ Богъ одарилъ, напр., семейство пчелъ, муравьевъ и т. п. Народъ поэтому долженъ быть приравненъ не къ стаѣ волковъ или другихъ хищныхъ животныхъ, а къ улью, напр., пчелъ, но съ существеннымъ отличіемъ отъ пчелинаго улья въ томъ, что особи составляющія это (человѣческое) семейство одарены словомъ (λόγος) или разумомъ, дающимъ этой особи, по выраженію Сократа, способность «къ ученію», или къ личному усовершенствованію, а народу культурное развитіе. Признавъ это, должно признать, что какъ у особи слово и разумъ, такъ у народа гласность и общественное мнѣніе, въ томъ или другомъ видѣ, составляютъ необходимую принадлежность его историческаго развитія, а свободу слова считать за признакъ гражданской свободы народа. Эти общія мысли не подлежатъ спору, подобно многимъ другимъ общимъ мыслямъ. Споръ возникаетъ, когда изъ области теоріи переходятъ къ практикѣ и начинаютъ разрѣшать вопросы о границахъ свободы слова, о той формѣ, въ какой полезна гласность и въ какой вредна, о тѣхъ условіяхъ, при существованіи которыхъ слово, этотъ величайшій даръ Божій, является зломъ: иная свобода, по поговоркѣ, хуже неволи, и злоупотребленіе гласностію, какъ говоритъ опытъ, ведетъ народъ иногда скорѣе къ большому рабству, чѣмъ проигранныя сраженія. А потому не только ученые, но народы и правительства пытались и пытаются разрѣшить вопросъ о границахъ и формѣ свободы слова такъ, чтобы эта свобода была силою не разрушающею, а только создающею, чтобы «гласъ народа» былъ на самомъ дѣлѣ «гласомъ Божиимъ», а не гласомъ горланей и насильниковъ, ябедниковъ и заговорщиковъ.

Если не ошибаемся, явки, о конхъ у насъ рѣчь, и могутъ служить выраженіемъ попытки народнаго разума нашихъ предковъ сдѣлать гласъ

народа гласомъ Божиимъ, или же по крайней мѣрѣ дать исходъ для прирожденнаго человѣку стремленія дѣлиться своимъ горемъ, какъ и радостію, не только съ своей семьей и племенемъ, но и съ сосѣдями, со всѣмъ міромъ. «На міру и смерть красна», говоритъ пословица. Развивая мысль этой пословицы дальше, должно сказать, что и несчастье и всякая болѣзнь сердца на міру облегчается, а равно и затруднительность обстоятельствъ, безпомощность и опасность легче устраняются при участіи міра. Дикость нравовъ, грабежи, разбои, самоуправство насильниковъ, бывшихъ нерѣдко даже во главѣ тогдашняго самоуправления, кривда на судѣ воеводъ и земскихъ судеекъ дѣлали жизнь не только смирныхъ и бѣдныхъ, но и сильныхъ духомъ и богатыхъ людей тяжелою и опасною. Кому же жаловаться на нихъ, какъ не Богу и добрымъ людямъ, хотя бы и безъ надежды получить немедленное удовлетвореніе прирожденному чувству правды? Только съ XVIII вѣка начали говорить: «до Бога высоко, до царя далеко»; въ XVII же вѣкѣ, а тѣмъ болѣе въ XVI-мъ, еще было и до царя близко, и до Бога не высоко.

Выше мы старались выяснитъ, что по живости непосредственной вѣры нашихъ предковъ въ благодать, присущую церкви, храмъ былъ домомъ Божиимъ почти въ буквальномъ смыслѣ, земнымъ небомъ. Сюда, къ Богу, cadaго скорбящаго и озлобленнаго, чѣмъ бы ни была вызвана эта нужда сердца, такъ сказать, тянуло и заставляло «повѣдать церкви», т. е., Богу, добрымъ людямъ и всему міру свою скорбь, дѣйствительно ли и законно испытываемую, или только воображаемую (что трудно теперь провѣрить). Иногда и сама власть, терпя насиліе отъ грубой силы, прибѣгаетъ какъ къ послѣднему средству, являя о насиліи надъ нею народу, въ трапезѣ: это особенно нужно сказать о концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, когда «безнарядье», по слову одной явки того времени, господствовало на Руси.

Вотъ нѣсколько выписокъ изъ «извѣстныхъ челобитенъ», внесенныхъ въ трапезу св. Николы Тарнижскаго въ концѣ XVI и въ первую половину XVII вѣка.

1. «Дѣялось, господа, нынѣшняго 102 году послѣ Покрова святыхъ Богородицы на третьей недѣлѣ во Вторникъ. Ходило, господа, скотишко мое коровы и быки на лугу подъ горою, и какъ, господа, будетъ у Незговора подъ поварнею, на усть рѣчки Ярославки, а у того, господа, у Незговора вино курятъ въ поварнѣ, и тотъ, господа, Незговоръ увидѣлъ скотъ мой, и съ людьми своими три коровы убилъ да два быка, одинъ быкъ осми лѣтъ, а другой шти лѣтъ; а иной, господа, скотъ обезвѣчилъ, не вѣдаю, господа, будетъ живъ, невѣдаю—мертвъ и доста (льная), господа, скотишка. Сынишко мое шелъ съ лугу во дворъ, заставалъ, а

мнѣ сказаалъ про тотъ скоть, что Незговоръ прибилъ до смерти. И язъ, господа, шелъ смотреть битово скота. И тотъ, господа, Незговоръ и меня хотѣлъ убить. И язъ, господа, одва живъ ушелъ, а не смѣлъ, господа, съ соцкимъ ходить и людей звать на осмотръ, что, господа, онъ человекъ сильной. И тому, господа, животу моему перечень въ челобитной будетъ. А и преже сего, господа, по волостямъ добрымъ людямъ явки даваны на того Незговора въ его воровствѣ... да и нынѣча, господа, не даетъ ни выходу ни выѣзду ни мнѣ, ни сынишку моему Савкѣ, а хвалится, господа, убивствомъ... И вамъ бы, господа, было явно и вѣдомо наша нужда». Подпись на оборотѣ: «Дана явка старостѣ церковному Тарнажскіе осады Максиму Гаврилову сыну Булычеву, Октября въ 30 день».

2. Бьетъ челомъ и являетъ Никольской попъ Борисъ Ѳоминъ церковному старостѣ Максиму Гаврилову, да Гаврилу Иванову Вахневу (еще 4 имени) и всѣмъ людямъ добрымъ Шевденицкія волости и Устюжскія на Ивана на Злобина въ таковѣ дѣлѣ. Дѣялось нынѣшняго 100 девятого послѣ Семенова дни Лѣтопроводца въ другую Суботу послѣ обѣда; ѣздилъ еси къ Ивану къ Юрьеву по хлѣбъ, и лѣзалъ еси къ нему въ избу; ажно у него въ избѣ пиво пьютъ Злоба Дмитріевъ съ дѣтьми, а и иные люди добрые пьютъ. И язъ у Ивана въ избѣ посѣдѣлъ, пива испилъ, да пошелъ къ себѣ изъ избы. И какъ буду на дворѣ, и выскочилъ Иванъ Злобинъ изъ избы да меня и ухватилъ за горло да и удавилъ, а въ тѣ поры съ меня снялъ съ головы шапку грабежемъ (дальше перечисляются и другія пограбленныя вещи съ обозначеніемъ цѣны). И вамъ бы, господамъ моимъ, церковному старостѣ и всѣмъ людямъ добрымъ было явно и вѣдомо про мою нужу. Такова моя явка».

3. Бьетъ челомъ и являетъ Сенька Васильевъ сынъ Погоняевъ церковному старостѣ Никольскому... да и всѣмъ людямъ Никольскому *приходу* на прошлаго года соцкого на Поленика Иванова сына Вахнева (7 именъ) и на *всѣхъ* крестьянъ Шевденицкіе волости и Устюжскіе въ томъ дѣлѣ. Дѣялось, господине, въ прошломъ 108 году послѣ Покрова св. Богородицы и съ Четверга на Пятницу у ночи: сожгли, господине, у меня не вѣдаю хто два сгорода сѣна сто копенъ на верхней наволокъ, и я, господине, билъ челомъ тому соцкому Поленику и тѣмъ крестьяномъ кабы онѣ сыскали, и *явку сыскную* имъ подалъ, и тотъ соцкой и крестьяне мнѣ не сыскали про то сѣно, хто у меня сожегъ. Да сего, господине, года сто перваго, Сентября, послѣ Воздвиженьева дни недѣлю спустя, со Овторника на Среду, въ ночи, сожгли, господине, у меня 50 копенъ сѣна, три сгорода, да стожекъ подъ дворомъ въ лугу; не вѣдаю хто. И язъ, господине, билъ челомъ на иавѣтъ сусѣдямъ ближнимъ и

тѣмъ же крестьяномъ Шевденицкіе и Устюжскіе волости, и они, господине, на извѣтъ не пошли: безъ соцаго-де мы не идемъ. А соцаго, господине, не выбираютъ и по сю пору. А язъ, господине, въ томъ ихъ неуправствѣ, что они не сыскиваютъ, въ конецъ загибъ... А убыткамъ моимъ, господине, будетъ сметка, писано въ челобитной. Вамъ бы, господине, церковному старостѣ и городчикамъ и всѣмъ людямъ добрымъ Тарняжскіе осады, было явно и вѣдомо». На оборотѣ «Дана явка старостѣ церковному Максиму Гаврилову Булычеву Октября въ 10 день».

4. Лѣта 7113. Генваря въ 1 день. Бьетъ челомъ и являетъ Гаврило Захарьевъ сынъ Сверчковъ священнику Никольскому Тарняжскаго городка Ивану Юрьеву сыну да старостѣ церковному Максиму Гаврилову да Шевденицкіе волости крестьянамъ: Семену Семенову сыну Погоняеву да Пилату Мальцеву и всѣмъ крестьянамъ на прошлого на выборново судью на Василя на Яковлева сына съ товарищи. Искаль и передъ ними въ прошломъ въ 112 году въ великое межговѣино по челобитной и по мірскому сыску на ворѣ и на татѣ на Ѳедкѣ Щербаковѣ. И тѣ выборные судьи и по ся поры тово нашево судново списка не вершатъ, а меня тотъ судья Василей срочилъ къ Москвѣ передъ Государя Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всея Руси передъ ёво Государевыхъ дяковъ и на меня, взялъ запись что мнѣ стати на Москвѣ, какъ съ Государевымъ оброкомъ къ Москвѣ придуть Важскіе и Кокшинскіе земскіе ходаки, и за суднымъ спискомъ передъ Государемъ такнуть. И я, Гаврилко, къ Москвѣ по судному списку такнуть послалъ брата своево... И тотъ выборной судья Василей судново списка къ Москвѣ не понесъ и не послалъ ево ни съ кѣмъ и тово вора Ѳедку къ Москвѣ не срочилъ, а ему вору Ѳедкѣ наровить и емлетъ у него съ купы: тотъ воръ Ѳедка съ тѣмъ судьею съ Васильемъ животомъ моимъ здѣляетца, а надо мною хотятъ непоставку и просрочку чинити, а тѣмъ дѣло мое хотятъ замяти... И нынѣ братъ мой Ѳедоръ для того живетъ на Москвѣ, а ждетъ тово судьи съ спискомъ къ Москвѣ. А перечень убыткамъ нашимъ будетъ въ челобитной. Вамъ бы, господа, люди добрые, явка наша была извѣстна и велите явку нашу подписать». Подпись на оборотѣ: «явка дана Генваря въ 3 день».

5. Бьетъ челомъ убогая вдовица Огаѣица Ѳомина дочь, родомъ Мезенка, старостѣ церковному... и всѣмъ крестьянамъ на Бутору на Ермолина сына въ таковъ дѣлѣ. Дѣялось, господа наши, нынѣшняго 113 году о Михайловѣ дни. Призывалъ тотъ меня Бутора ко отцу своему въ деревню шерсти прясти, сукна дѣлати. И язъ у того Бутора пожила для дѣла черныхъ трудовъ 10 недѣль: шерсть пряла и всякое дѣло изное дѣлала. А сулилъ мнѣ на труды на мою силу наемъ. И тотъ мнѣ Бутора наиму мнѣ на силу не далъ ничево, да захотѣлъ со

мною жити сильно. И язъ изъ того насильства его отошла прочь жити въ Тарнажской городъ. И тотъ Бутора за мною пригонился въ городъ, да меня Агаѣицу ограбилъ на Сырной недѣлѣ во Вторникъ, а грабилъ меня въ городѣ въ поповѣ дворѣ Шебенсково, а снялъ съ меня сукманъ бѣлой, съ ворота крестъ сорвалъ серебрянъ, да 4 гривны денегъ, да взялъ зеркало... Да меня, господа, тотъ Бутора билъ и увѣчилъ, не вѣдаю прошто. И вамъ бы, господа, про Буторино насильство и про мою нужду было явно».

6. «Дѣялось, господа, нынѣшняго 114 году послѣ Велика Дни Христова на пятой недѣлѣ въ Пятницу поутру. Пошелъ есми, господа зъ деньгами за волокъ на Устюгу лошадей да коровъ про себя купить, да съ собою было взялъ кабалу въ полупятъ рубль... И какъ есми, господа, пошелъ за волокъ на Устюгу, и взялъ было есми съ собою дѣтишекъ своихъ Ортюгу да Ѳедотка, да Якуньку, да Нестерка, да наемного своего человекъ, Пяткой зовуть. А хотѣлъ есми своей деревни Мелентіевской запашъ роцу сѣтчи... запашъ дѣда своего Ѳомы Иванова. И какъ будетъ у тоѣ своей пашни у роци, у новинного пару, п указалъ есми, господа, дѣтишкамъ своимъ кое мѣсто сѣтчи, а самъ есми язъ, Незговорко, хочю отъ нихъ пойти къ Устюгѣ на волокъ; ажъ въ тѣ поры на ту нашу замлю насильствомъ пришли тотъ Борисъ Тимоѣевъ, да сынъ его Иванъ, да родные его братья Семой да Пятой. И туто меня, Незговорка, тотъ Борисъ обухомъ лобъ прошибъ, и язъ съ его удара палъ на землю безъ памяти; и билъ меня лежачего по хребту и по ногамъ. А Пятой, да Семой, да сынъ Борисовъ Иванъ почали дѣтишекъ моихъ обухами и ослопы бити по хребту и по ногамъ. И бивъ насъ да замертво и пометали... А противитца, господа, отъ нихъ не смѣлъ: боялся Бога да Государя; да и силы моей противъ ихъ, сильныхъ людей, нѣтъ что есми, господа, самъ старъ, а дѣтишка мои лѣтами малы. И нынѣ, господа, мы отъ нихъ и отъ великаго ихъ насильства, отъ битья и отъ грабежу въ конецъ погибли. И язъ, Незговорко, съ ихъ великихъ побоевъ нынѣ невѣдомо, буду ли живъ, не вѣдомо не буду. А сынишко мое Ѳедотко лежитъ въ концѣ живота съ ихъ же побоевъ, и языкъ у него въ головѣ нынѣ неворотитца, а иные мои дѣтишка волочатца, а изувѣчены жъ... И вамъ бы, господамъ моимъ, Тарнажскаго городка церковному старостѣ и сотцкому и всѣмъ крестьяномъ Шевденицкіе волости и Устюжскіе было вѣдомо про нашу пужу».

7. Изъ явки церковному старостѣ, добрымъ людямъ и всѣмъ крестьяномъ Гаврила Вахюева и Сергѣя Брагина: «Дѣялось, господа, нынѣшняго 116 году послѣ Покрова Пречистые Богородицы въ третьей

день. Того, господа, Злобы, да Меншипка, да Семенка, прешедъ къ намъ, въ нашу паству, собаки, да задавили у насъ нашихъ 7 овецъ; да тѣжъ Злобинны собаки нынѣча, канунъ Петрова и Павлова дни, задавили у насъ 2 овцы; да того же 116 года послѣ Петрова и Павла святыхъ апостолъ на третей день, въ Субботу, Юля во 2 день, на нашемъ на Вахневскомъ водопоѣ у рѣки у Кокшенги и подъ нашею поварнею тѣжъ Злобины собаки задавили у насъ нашихъ же 5 овецъ; да въ прошломъ, господа, 115 году о Покровѣ дни задавили у меня у Сергѣйка тѣже Злобины собаки 2 овцы да барана. А иные, господа, наши овцы отъ тѣхъ собакъ сполуда безвѣстно разбѣгались, и по сю пору не можемъ сыскати. И мы, господа, тому Злобѣ да Семенкѣ да Меншику про ихъ собакъ имъ извѣщали, что у насъ овцы придавили и што бы тѣ свои собаки покрѣпили, а насъ бы онѣ не травили... А перечень убыткамъ въ челобитѣхъ будетъ. И вамъ бы, господамъ нашимъ, про нашу великую нужу было явно и вѣдомо. Господа наши, примите явку и велите подписать наше челобитье, а мы вамъ много челомъ бьемъ». Подпись на оборотѣ: «Дана явка старостѣ Максиму въ Тарвяжскомъ городкѣ, въ трапезѣ, во всемъ народѣ. Юля въ 10 день».

8. Бьетъ челомъ и являетъ Гостько Дружининъ сынъ Вахневъ старостѣ церковному... добрымъ людямъ... и всѣмъ крестьяномъ... Въ нынѣшномъ, господа, во 132 году послѣ Успеньева дни на другой недѣли, во Вторникъ, поволокся, господа, язъ, Гостько, за поле, по своей тропѣ на путикъ силья смотреть. И какъ буду у рѣчки у Яровки... и тутъ меня, Гостька, нашли на тропѣ на моей тѣ братья Филипъ да Поздѣй и почали меня, Гостька, бить и грабить (перечисленіе грабежу на рубль 7 алтынъ). Да онѣ же, господа, отняли у меня, у Гостька, четыре тетерева глухихъ да десять реберъ. И бивъ меня и ограбя, за-мертво на лѣсу покинули, а мнѣ господа, Гостьку, тотъ Филипъ да Поздѣй угрожали бьючи: только-де ты пойдешь на насъ являти въ міръ, явки давать, и мы-де тебя дождемъ на тропѣ, на лѣсу, да и до смерти уьемъ. А меня, господа, Гостька съ угодыя съ моего съ тропы съ путичныя сбиваютъ и не велятъ мнѣ, Гостьку, по своему угодыю ходити и угодыя угодовать»...

9. Бьетъ челомъ и являетъ выборный судейка Ромашевского стану Юрье Силинъ соцкому Шведеницкому Прокопью Борисову да церковному старостѣ Иванову Максимову... и всѣмъ крестьяномъ. Въ нынѣшномъ, господа, въ 135 году Ноября въ 8 день приходилъ язъ выборной судейка къ тому Измайлу Иванову по государеву указу и по наказу воеводы Бориса Ивановича Полтева... И припедъ язъ, судейка, у Измаила спрашалъ: велишь ли ты, Измайло, по государеву указу и по

наказу воеводы Полтева да подьячево Савина, по купчей и по подпистой челобитной съ Гаврилкомъ съ Павловымъ дворовую землю дѣлити. И Измайло сказалъ такъ: покажи-де ты мнѣ государева указу и подписные челобитные. И на захребеткѣ ¹⁾ подписано, по государеву указу, что велѣно та дворовая земля роздѣлити. И досмотря, господа, подписные челобитные мнѣ назадъ и отдалъ. И послѣ того, господа, учалъ прошать купчіе. И Гаврило Павловъ подалъ мнѣ, судейкѣ, купчую. И язъ, судейка, хотѣлъ ту купчую дать дьячку досмотрить. И тотъ Измаилко у меня, у судейки, ту купчую изъ рукъ выхватилъ, а меня, судейку, учалъ бранить и безчестить, да и бумажницу у меня съ бедра сорвалъ съ наказными паметьми и поручными записи, которые со мною были, а меня, господа, судейку, билъ и безчестилъ, да изъ двора меня збилъ, а купчіе, господа, мнѣ и по сю пору не отдалъ. И вамъ бы, господа соцкой и люди добрые, явно было и вѣдомо; господа, послушайте, а язъ вамъ много челомъ бью». Назади подпись: «135 г. Дана явка въ Тарнажскомъ городкѣ въ народѣ старостѣ церковному Ивану Максиму. Подписалъ Якимко Ивановъ»

10. Царю... бьетъ челомъ и являетъ сирота твой государевъ... Тренка Григорьевъ сынъ, портное швечишко... на Василия Четвертого сына Мальцова въ таковѣ дѣлѣ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 136 году на Страшной недѣлѣ, въ Великой Четвергѣ звалъ меня, Тренку, тотъ Василей къ себѣ шить, и я Тренка у нево Василья шилъ два зипуна бѣлыхъ съ пугвицами, пуговицы нашивалъ опойчатые ременные. И въ Великую Субботу зипуны ему дошилъ и почалъ у него отъ того шитья могорца ²⁾ просить. И тотъ Василей меня, Тренку, почалъ бранить всякою неподобною бранью и угрожать всякими недобрыми дѣлы и похвалятися: только-де ты на меня объ томъ могорцѣ почнеши бити челомъ Государю и въ мірѣ являть на меня, что я тебѣ могорца не далъ, и язъ-де тобѣ и руки и ноги переломаю... Государь, царь и в. к. Михайло Ѳедоровичъ, вели, Государь, явку мою принять старостѣ церковному Тарнаскаго городка Добрынѣ Никитину и подписать и на время поблости». На оборотѣ подпись. «133 года Мая въ 9 день. Дана явка въ Тарнаскомъ городкѣ въ народѣ старостѣ Добрынѣ Никитину».

11. «Въ нынѣшнемъ въ 137 году, канунъ-кануна Преображеньева дни, въ вечеру, ѣхалъ язъ, Артюга, съ пашни изъ подволочка къ себѣ домой. И какъ буду на улицѣ противъ поповы избы, и тутъ меня, Артюгу, постигли Борисъ Козминъ зъ дѣтьми своими, да меня почали бити

¹⁾ На оборотѣ листа. П. Б.

²⁾ Могорычъ—плата. П. Б.

и грабить... И бивъ меня и ограбя замертво покинули, а братишекъ моихъ Гурку да Трошка дождались того же вечера на нашемъ водопоѣ у поварни, да тутъ ихъ тотъ Борисъ, съ дѣтьми своими, Гурку да Трошка почали бить и грабить и топоромъ сѣчи и бить обухами. А грабежемъ тотъ Борисъ зъ дѣтьми своими взялъ живота ¹⁾ моего и Гуркина: сняли съ меня зипунъ (былъ новый овчарной), да сорвали зъ бедра хамьянъ ²⁾, а въ хамьянѣ денегъ было 15 алтынъ, да рукавицы дубленые новые, да топоръ, да котель мѣдный кашеварной» и т. п. «И впредъ на насъ похваляются: и только-де вы почнете бити челомъ Государю на насъ или въ мѣрѣ явки давать, и мы-де васъ изъ деревни безденежно выживемъ. И на пашни намъ ѣздить пахать не дають, на дорогахъ и на пашняхъ насъ стерегутъ и хвалятца насъ убить до смерти, видя насъ людишекъ смиренныхъ и безотвѣтныхъ».

12. Изъ явки Заметни Погоняева на Максима Шемякина съ сыномъ въ таковѣ дѣлѣ. «Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 140 году, ходять, Государь, тотъ Максимка съ сыномъ да Левъ воровски по моей путичной тропѣ и угодьѣ, Государь, мое путяты, татемъ воровски пустошатъ и птицы тетереви и ряби и зайцы вынимають и слопцы и силе сѣкутъ и на меня, Заметню, и на сынишка моего на Тренку похваляются всякими недобрыми дѣлы боемъ и грабежемъ на путичномъ тропу насъ изжидати и насъ побивать и стрѣлять... Вели, Государь, извѣстную явку принять старостѣ церковнѣ Добрынѣ Никитину и подписать»...

*

Представленные для образца явки даютъ основаніе думать, что въ старину откуда бы ни пришло горе къ Русскому человѣку, онъ шель съ нимъ къ своей приходской церкви, и здѣсь, въ трапезѣ, т.-е., въ западной части храма, говорилъ о немъ съ народомъ, а не могъ придти, присылалъ явочное челобитье міру съ подробнымъ изложеніемъ своей нужи. Міръ выслушивалъ, и ни одного случая не знаемъ, чтобы предпринималъ что-нибудь, т.-е., повидимому дѣлалъ всѣ эти явки, все это нытье среди народа, безрезультатнымъ. Среди Устюжскихъ актовъ найденъ столбецъ, изъ котораго видно, что нѣкто Подошевниковъ подавалъ въ 1620 г. протопопу съ братією явку о томъ, что нѣкто Босой похвалялся его убить, т.-с., такую явку, вакихъ (по содержанію) наибольше; Подошевниковъ въ слѣдующемъ году подъ Вологдой найденъ былъ мертвымъ, и его родные братья въ 1632 году заявили, что его убилъ Босой.

¹⁾ Т. е. имущества, того, что имѣется на прожитокъ. П. Б.

²⁾ Этого слова нѣтъ у Даля; оно, конечно, значить широкій поясъ, чересь. П. Б.

По этому случаю требована была явка изъ Устюжскаго собора къ Москвѣ; изъ надписи съѣзжей Устюжской избы на «памяти», которою выражено было это требованіе, видно, что явка отдана въ эту избу для сыску и такимъ образомъ прибережена, согласно обычной формулѣ явогъ второй половины XVII вѣка, для «дѣла» приказнаго, юридическаго. Но это единственный извѣстный случай. Какъ же смотрѣть на сотни и тысячи другихъ явогъ, о которыхъ даже никто и не просилъ чтобъ поберегли ихъ для «дѣла», а если и берегли, по просьбѣ, для дѣла, то не отослали къ «дѣлу», такъ какъ, очевидно, не требовались. Думаемъ, что онѣ, какъ и словесныя явки, имѣли свою силу не въ области юридической, а въ области нравственной. Что онѣ были силою, дѣйствовавшею на тѣхъ, кого касались, это видно уже изъ представленныхъ выше образцовъ: за обнаруженіе среди народа безчестнаго поступка обидчикъ грозитъ обидимому переломать руки и ноги, или «дождаться на тропѣ, на лѣсу, да и до смерти убить». О такихъ угрозахъ за явки въ мірѣ говорятъ и другія извѣстныя челобитья позднѣйшаго времени. Кромѣ того есть какъ въ Тарнажскихъ, такъ и въ соборныхъ Устюжскихъ явки встрѣчныя: половникъ, напр., являетъ о неправдахъ землевладѣльца; а тотъ, какъ бы въ отвѣтъ на эту явку, чрезъ нѣсколько дней являетъ на половника объ обстоятельствахъ, касающихся того же случая; домохозяйка являетъ на свою жилицу, а жилица на хозяйку встрѣчно и т. п. Каждый, очевидно, хочеть обвѣлить себя передъ міромъ, мнѣніе коего уважаетъ; тотъ же кто потерялъ уваженіе къ народному мнѣнію, боялся его.

Такъ, если не ошибаемся, нужно понимать нравственное значеніе трапезныхъ явогъ и вліаніе ихъ на жизнь народа данной мѣстности, обнимаемой приходомъ или волостью, во многихъ случаяхъ имѣвшей однѣ границы съ приходомъ.

Нужно при этомъ вспомнить, что предки наши имѣли въ обычаѣ мириться не только предъ судомъ и во время суда, но даже послѣ суда, «сыскавъ въ сердцѣ своемъ правду», какъ говорится въ большей части судныхъ дѣлъ, дошедшихъ до насъ (или имѣющихся въ нашемъ распоряженіи). Сыскивать не «на судѣ», а «въ сердцѣ правду» и помогала трапеза, иначе общественное мнѣніе прихода, имѣвшее своимъ органомъ приходскіе совѣты. Сошедшіеся въ трапезѣ, слушая заявленія пострадавшихъ, не постановляли никакихъ рѣшеній, но устанавливали мнѣніе на фактъ явки, зная, какъ являвшаго, такъ и того кого касалась явка, а равно и всѣ элементы самого факта, какъ они слагаются не въ этомъ, а въ другихъ подобныхъ фактахъ (теоретическое знаніе факта, по «бывшимъ примѣрамъ», какъ теперь выражаются

дѣловые люди). Такое мнѣніе трапезнаго совѣта или прихода и было тѣмъ голосомъ народа, о которомъ говорили, что онъ голосъ Божій. Рѣдкій ученый слѣдователь и рѣдкій ученый судья нынѣшняго времени можетъ установить сужденіе о проступкѣ и преступленіи съ такимъ соотвѣтствіемъ дѣйствительности (факту), съ какимъ оно устанавливалось въ старину въ трапезѣ. Правда, люди трапезнаго совѣта не смогли бы, можетъ быть, съ такою отчетливостію формулировать составъ преступления противъ личности и противъ имущества, какъ изучавшіе Юстиниановъ или Наполеоновъ или другой какой-нибудь кодексъ; но эти люди и не мыслили себя юристами: ихъ судъ происходилъ на другомъ основаніи и не требовалъ ни приговоровъ на бумагѣ, ни приставовъ и другихъ исполнителей ихъ сужденія; они только велѣли или принять явку и беречь, или еще и подписать ее. Но въ виду ихъ сужденія, виновный находилъ себя въ положеніи обвиненнаго и потому искалъ мира съ обиженнымъ, чтобы удовлетворить возмущенной общественной совѣсти. Слѣдовъ подобнаго воздѣйствія церковной общины на своихъ членовъ въ нынѣшномъ православномъ приходѣ теперь уже не найти; ихъ можно находить (если искать безъ предубѣжденія) только въ тѣхъ Русскихъ религіозныхъ общинахъ, которыя называются раскольническими. Извѣстно, что раскольникъ на раскольника, хотя бы другого толка, никогда не приноситъ жалобъ обыкновенному судѣ; раскольника въ нашемъ судѣ можно встрѣтить по иску на православнаго или иновѣрца, или по иску одного изъ послѣднихъ на раскольника. Такъ какъ разрѣшенія претензій другъ на друга они не ищутъ предъ царскимъ судомъ, то намъ, со стороны, и кажется, что между ними царствуетъ справедливость, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ столкновеній интересовъ личныхъ и имущественныхъ и у раскольниковъ столько же, сколько и у православныхъ; но у нихъ всѣ эти столкновенія улаживаются при воздѣйствіи религіозной общины на враждующихъ. Такъ по большей части происходило и въ православномъ Русскомъ приходѣ, пока были у нихъ трапезы, прихожане сходились въ нихъ на совѣтъ, существовалъ обычай явокъ и т. под.

И. 3.

ПАМЯТНАЯ ЗАМѢТКА О ЛЮБИМЦѢ ПЕТРА ТРЕТЬЯГО Н. К. ШВАНВИЧѢ ¹⁾.

Кронштадтъ. На Толбухиной косѣ
Марта дня 1792 году.

Наслышавшись отъ моего отца, оставляю себѣ и дѣтямъ въ памятникѣ.

Отецъ мой былъ крестникъ блаженной памяти Государыни Елисаветы Петровны. Служилъ при ней въ лейбъ-компанскомъ корпусѣ.

Блаженной же и вѣчно достойной памяти Государь Императоръ Петръ Ѳеодоровичъ Третій, узнавъ, что бывший при немъ генералъ-маіоръ Карновичъ родной зять Шванвичу ²⁾, моему отцу, котораго онъ взялъ изъ кавалерійскихъ поручиковъ въ Голштинскій полкъ ротмистромъ и пожаловалъ на мундиръ изъ своихъ рукъ сто имперіаловъ.

Когда же Государь Карновичу пожаловалъ тысячу душъ, тогда и отцу моему изволилъ пожаловать 300 душъ. Но за симъ вскорѣ постигла внезапная кончина Государя!... Отецъ мой тогда же недоброхотствующими ему захваченъ по какому-то ихъ подозрѣнію и былъ отвезенъ, за карауломъ со обнаженными палашами, въ Шлюсенбургскую крѣпость, въ которой настрожайше содержался болѣе полугода.

По возвращеніи его, просилъ только о утвержденіи жалованныхъ ему блаженной памяти Государемъ деревень, но никто докладывать не хотѣлъ или, можетъ быть, кого и опасались, то и отважился подавать

¹⁾ Въ Родословной книгѣ князя Лобанова вмѣсто Шванвичъ-Шванаевичъ П. Б.

²⁾ Степанъ Есимовичъ Карновичъ былъ женатъ на Еленѣ Константиновнѣ Шванвичъ († 1759 г.). Родная сестра ея была за Ладыженскимъ и имѣла дочь, вышедшую замужъ за Опочинина; это родная прабабка Дарьи Константиновны Опочининой, графини Богарне, супруга его императорскаго высочества герцога Евгения Максимиліановича Лейхтенбергскаго.

два письма Государынѣ. Конфирмація же вскорѣ вышла: принять въ службу тѣмъ же чиномъ и опредѣлить въ дальніе полки. А какъ мой отецъ тогда о службѣ и не мыслилъ, то пришелъ къ одному великому вельможѣ и говорить ему: Я просилъ Государыню не о принятіи меня на службу, а о пожалованныхъ мнѣ блаженной памяти Государемъ деревняхъ, коими бы я съ моимъ семействомъ по вѣкъ нашъ остались довольными. Примолвилъ и сіе: «Я не знаю, кто и за что мнѣ въ томъ злодѣйствуетъ». Вельможа, съ грознымъ видомъ, однакоже отступая назадъ, сказалъ: «Нынче у насъ не Государь, а Государыня, а ты и то доволенъ ея милостью!» Отецъ мой отвѣчалъ: «Я просилъ не о милости, но о правосудіи ея». Потомъ вельможа скрылся, а черезъ два часа отца моего заключили въ Петропавловскую крѣпость, изъ коей, черезъ три недѣли, отправили за карауломъ уже въ полкъ, квартирующій въ Оренбургѣ. Въ 1766 году просился онъ отъ службы и отставленъ майоромъ. По прошествіи же многихъ лѣтъ, какъ уже былъ обремененъ глубокою старостью и немощью, когда и тѣ вельможи не существовали вельможами, данъ ему насущный хлѣбъ: опредѣлили его въ Кронштадтскій пограничный баталіонъ командиромъ, который тогда расположенъ былъ по Толбухиной косѣ, гдѣ по семнадцатилѣтнемъ его служеніи и жизнь кончилъ, а меня Богъ привелъ страдавшему старцу послѣдній сыновній долгъ отдать преданіемъ его землѣ.

Николай Шванвичъ.

Далѣе находится слѣдующая приписка тою же рукою:

Сей памятникъ ¹⁾ только подлинно имѣлъ для себя и для дѣтей; а по случаю Александра Львовича ²⁾, который лжбопытствовалъ узнать отъ П....., знаетъ ли меня лично Государь? ³⁾, тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ, а фамилія по Орл. ⁴⁾ очень памятна. Александръ Львовичъ сказалъ: «Ну, довольно и того». То я, по его ко мнѣ расположенію, и хочу прочесть ему мой памятникъ, а онъ, можетъ быть, прочтетъ и Государю. Ничего не потеряю, а найти могу.

(Сообщено Г. П. Карновичемъ).

¹⁾ Т. е. вышечпечатную памятную записку. П. Б.

²⁾ Нарышкина, который былъ тогда „въ случаѣ“, т. е. въ милости, у императора Павла Петровича. П. Б.

³⁾ Т. е. Императоръ Павелъ. П. Б.

⁴⁾ Орловыхъ. П. Б.

ВИЦЕ-АДМИРАЛЬ Г. А. ПАПА-ХРИСТО.

Дѣдъ мой Д. Е. Зигури ¹⁾ приходился племянникомъ Григорію Аргировичу Папа-Христо и во время извѣстной аваріи корабля «Императрица Марія» у Турецкихъ береговъ находился на этомъ кораблѣ морскимъ юнкеромъ.

Въ эту же кампанію братъ его лейтенантъ А. Е. Зигури за вырѣзку Турецкихъ судовъ подъ Варной получилъ Георгіевскій крестъ. Съ корабля «Императоръ Францъ» были посланы два катера. Однимъ командовалъ капитанъ 2-го ранга Потемкинъ, другимъ Зигури. Въ этомъ дѣлѣ Зигури былъ раненъ въ пятку, что заставило его всю жизнь носить бархатный сапогъ, а товарищи и сослуживцы прозвали его Ахиллесомъ. Д. Е. рано вышелъ въ отставку по причинѣ прямого и неуживчиваго нрава.

Этотъ мой дѣдъ рассказывалъ въ подробностяхъ о томъ, что происходило на «Маріи» въ достопамятный штормъ на Черномъ морѣ въ началѣ Октября 1828 года; но окружавшіе его не интересовались разсказомъ настолько, чтобы его записать, и до пишущаго эти строки дошли только кое-какіе отголоски объ историческомъ событіи и о командирѣ корабля «Императрица Марія».

Въ тотъ же день, какъ Императоръ Николай Павловичъ прибылъ изъ подъ Варны ²⁾, корабль снялся съ якоря и, поставя паруса, пошелъ на фордевиндъ къ Одессѣ. Но не прошло и двухъ сутокъ, какъ вѣтеръ перемѣнился и сталъ дуть съ такою силою, что вскорѣ превратился въ сильнѣйшій штормъ. Волны свободно гуляли по палубѣ, и нужно было крѣпко держаться изъ боязни быть смытымъ водою. Волны съ ужасной

¹⁾ † 7 Декабря 1877 г. въ чинѣ генералъ-маіора.

²⁾ Въ это время войска наши осаждали Варну, которая позднѣе взята была графомъ М. С. Воронцовымъ. П. Б.

силою били судно, но крѣпкій корпусъ корабля не поддавался разбушевавшейся стихіи. Все, что могъ сдѣлать расходившійся Борей, это перервать 2—3 паруса и попортить такелажъ.

Штормъ начался ночью при сильномъ туманѣ. Последнее обстоятельство дѣлало положеніе находившихся на суднѣ еще непригляднѣе и лишало возможности смотрѣть на компасъ.

Изъ всѣхъ лицъ, находившихся на кораблѣ, включая свиту Государя и команду, полнѣйшее присутствіе духа сохранили только двое: Императоръ Николай Павловичъ и командиръ капитанъ перваго ранга, Папа-Христо. Штормовало страшно. Многіе приготовились къ смерти, и казалось, что только чудо можетъ спасти судно отъ неминуемой гибели.

Григорій Аргировичъ, не торопясь, спокойно, отдавалъ приказанія офицерамъ и матросамъ, помнившимъ о своемъ долгѣ и о присутствіи на кораблѣ Государя; но, видя полнѣйшую невозможность правильнаго, систематическаго управленія «Маріей», онъ положилъ судно въ дрейфъ.

Долго носился корабль по произволу бури.

И въ это-то время, удрученный кромѣ того мыслию, что жизнь Государя подвергается опасности, Папа-Христо долженъ былъ выслушивать бессмысленные совѣты лицъ государевой свиты, людей по большей частью ничего не смыслившихъ въ морскомъ дѣлѣ. Изъ лицъ знавшихъ морскую службу и дѣло, находился тутъ Римскій-Корсаковъ, состоявшій также при Государѣ. Корсаковъ порывался даже измѣнить приказанія командира и такъ надоѣлъ Григорію Аргировичу, что тотъ вынужденъ былъ въ рѣшительныхъ выраженіяхъ попросить его не вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Увѣренный въ себя, Папа-Христо напомнилъ Государю, что на кораблѣ, ввѣренномъ ему Его Величествомъ, онъ одинъ начальникъ и глава. «Ваше Величество!» сказалъ Папа-Христо, когда Императоръ вышелъ на палубу и что-то приказалъ, здѣсь хозяиномъ Папа-Христо; даже Ваше Величество не можете мѣшаться въ его распоряженія». Твоя правда, сказалъ Николай Павловичъ: дѣлай свое дѣло; Богъ не безъ милости, будемъ надѣяться на Него.

Послѣ этого никто уже не трогалъ стараго морского волка.

Между тѣмъ буря и не думала утихать, и новое открытіе, сдѣланное командиромъ, было хуже всего предыдущаго: онъ ясно понялъ, что корабль несетъ къ Турецкому берегу. Папа-Христо сейчасъ же сооб-

щилъ объ этомъ Николаю Павловичу¹⁾. Судно съ каждымъ часомъ приближалось и приближалось къ неприятелю. «Императрицу Марію» наконецъ замѣтило какое-то Турецкое военное судно и выпустило въ корабль нѣсколько ядеръ. Однимъ изъ нихъ расщепало на «Марію» мачту. Дѣдъ мой, тогда 15 лѣтній мальчикъ, ужасно испугался, когда на его глазахъ сломало мачту. Положеніе было критическое, но благодаря умѣнію Папо-Христо не удалось Туркамъ захватить въ плѣнъ Русскаго Императора. Вскорѣ вѣтеръ сталъ стихать. Поврежденія, какія можно было исправить, исправили, поставили уцѣлѣвшіе паруса, и 8 Октября ночью, послѣ нѣсколькихъ дней скитанія, «Императрица Марія» достигла цѣли своего плаванія²⁾.

На томъ мѣстѣ Одесской пристани въ практической гавани, гдѣ Императоръ послѣ тяжелыхъ испытаній ступилъ на родную землю, прибитая доска съ соответствующей надписью³⁾.

Всѣ служившіе на «Императрицѣ Марію» въ достопамятный штормъ не были забыты Государемъ. Но я не знаю, что именно получилъ Папа-Христо. Если принять во вниманіе, что въ адмиральскихъ чинахъ прежде сидѣли очень долго, можно почти съ увѣренностью сказать, что Г. А. былъ произведенъ въ контръ-адмирала. Племянника его, а моего дѣда, спросили, чего онъ желаетъ: быть ли произведеннымъ въ мичманы, или имѣть Георгіевскій крестъ. Онъ предпочелъ первое. Однако чина ему не дали на томъ основаніи, что для офицерскаго мундира онъ еще молодъ. Не дали и креста, а вмѣсто него Зигури получилъ медаль на Георгіевской лентѣ въ память войны. Въ офицеры же дѣдъ мой былъ произведенъ черезъ годъ по экзамену, прослушавъ курсъ гардемаринской роты въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Такую неудачу онъ всегда приписывалъ Римскому-Корсакову и своему родству съ Папа-Христо.

Папа-Христо имѣлъ представительную наружность и типичное лицо. Человѣку, первый разъ его видѣвшему, онъ казался суровымъ, но на самомъ дѣлѣ былъ доброй души и неподкупной честности. Будучи вѣрнымъ слугою Россіи, онъ въ тоже время любилъ и своихъ единоплеменниковъ, Грековъ. Постояннымъ его собесѣдникомъ былъ высокій, сухо-

¹⁾ Дакруа говоритъ, будто послѣ этого извѣстія Государь высказался, что Петръ Великій не отдался бы живымъ. Это очень похоже на рыцаря-императора.

²⁾ Въ замкѣ Фалгъ, подѣ Ревелемъ, находится большая картина съ изображеніемъ корабля «Императрица Марія». П. Б.

³⁾ Позднѣе тутъ, на самомъ взморьѣ, построенъ храмъ во имя Николая Чудотворца. П. Б.

щавый Грекъ въ фескѣ и фустанеллѣ, по фамилію Полихронари. Съ нимъ онъ говоритъ на родномъ языкѣ.

Послѣдніе годы жизни Папа-Христо жилъ въ Петербургѣ, въ Конногвардейскомъ переулкѣ. Въ его квартирѣ былъ балконъ съ цвѣтными стеклами, существующій и понынѣ. Папа-Христо имѣлъ твердые установившіеся взгляды на вещи. Онъ прекратилъ всякое сношеніе съ братомъ, принявшимъ въ Константинополѣ Исламъ и женившимся на Еврейкѣ. Этотъ братъ его сдѣлался потомъ богачемъ и фамилію Папа-Христо перемѣнилъ на «Тузь-Бирь».

Умеръ Папа-Христо въ глубокой старости, отъ апоплексическаго удара, если не ошибаюсь, въ концѣ сороковыхъ годовъ. Смерть постигла его на обѣдѣ во дворцѣ. Когда упавшаго старика поднимали съ пола, изъ кармана мундира выпало нѣсколько конфетъ. Государь былъ очень огорченъ этимъ печальнымъ происшествіемъ.

«Нѣтъ ли у него внуковъ?» спросилъ Императоръ, замѣтивъ разбросанные конфеты.

Государю сказали, что у адмирала нѣтъ и не было дѣтей, а есть дѣти у его падчерицы (онъ былъ женатъ на вдовѣ). Похоронили его на Смоленскомъ кладбищѣ. Государь почтилъ своимъ присутствіемъ похороны стараго моряка.

Черезъ нѣсколько лѣтъ дѣдъ мой разыскивалъ его могилу и не могъ найти. Кладбищенскіе сторожа также не могли указать. Могила Григорія Аргировича Папа-Христо затеряна. Нѣтъ на ней

.... ни камня, ни креста,
Ни огороднаго шеста.

Кронштадтъ, 29 Августа 1893 года.

КЪ ИСТОРИИ НАШЕЙ ТОРГОВЛИ СЪ КИТАЕМЪ

1842.

Эта записка сообщена въ „Русскій Архивъ“ княземъ П. А. Вяземскимъ, некогда служившимъ въ Министерствѣ Финансовъ; при ней находится письмо П. Галаховскаго отъ 29 Ноября 1842 года на имя князя Вяземскаго, по вызову котораго записка составлена.

Записка, въ какихъ мѣстахъ Китая находятся порты*) Емое или Ся-мынь, Фучауфу (Фу-джеу-фу), Нинпо (Нинъ-бо) и Чингай (Джень-хай), которыя, по трактату, заключенному между Китаемъ и Англiей, будутъ открыты для Британской торговли, и въ какой мѣрѣ торговля Англичанъ въ тѣхъ портахъ можетъ имѣть влiяніе на Кяхтинскій торгъ, относительно привоза къ намъ чаевъ и сбыта въ Китай нашихъ мануфактурныхъ товаровъ.

Показанные порты Англичанами избраны по берегамъ Восточнаго океана, первые два: Емое и Фу-джеу-фу губерніи *Фу-дзянь* (по европейски Фокіень) сосѣдствующей съ губерніею Кантонскою; а вторые два, Нинъ-бо и Джень-хай, губерніи *Дже-дзянь*, смежной съ Фу-дзянь. Такимъ образомъ сряду пять пунктовъ, включая тутъ же и Кантонъ, на пространствѣ между 23° и 30° сѣверной ширины, поступаютъ въ распоряженіе Британской торговли; а островъ Гонгъ-Конгъ (Сянь-дзянь) ближе отстоящій отъ Кантона, нежели Макао, дѣлается собственностію Англiи на вѣчныя времена.

Теперь Англичане, имѣя въ своихъ рукахъ Емое и Фу-джеу-фу, будутъ имѣть всю возможность непосредственно получать чай байховые обыкновенные и цвѣточные, не обращаясь уже для сего къ Кантону, гдѣ особая компанія завѣдываетъ Европейскою торговлею; потому что эти порты той губерніи, которые снабжаютъ ими всю Европу, Америку и Россію, и тѣмъ самымъ достигнуть непосредственно сбывать свои мануфактурные и другіе товары; а водворивши свою факторію въ Фу-

*) Въ скобкахъ названія настоящія Китайскія, которыя и будутъ упоминаться въ запискѣ, какъ названія употребляемыя самими Китайцами и которыя, въ случаѣ надобности, можно отыскать на картѣ.

джеу-фу, они будутъ имѣть все средство усилить сбытъ ихъ; потому что этотъ портъ при губернскомъ многолюдномъ, богатомъ, торговомъ городѣ, а также и Емое производитъ обширную торговлю и отправляетъ тысячи джонокъ къ острову Формозу, къ Филиппинскимъ и Лигійскимъ островамъ. Не меньше даютъ средствъ къ распространенію по Китаю ихъ фабричныхъ и мануфактурныхъ издѣлій и прочіе порты, избранныя ими; потому что Нинъ-бо считается однимъ изъ величайшихъ рынковъ Китая, производящимъ, кромѣ береговаго торга, самую обширную внутреннюю торговлю, и при томъ имѣеть обширныя торговыя дѣла съ Кореею, Японіею, Манильею и со многими островами Индійскаго архипелага, а Джень-хай, стоящій при устьѣ рѣки Да-хэ, ведущей къ Нинъ-бо, и будучи укрѣпленнымъ портомъ, можетъ служить имъ опорнымъ пунктомъ для торговли, точно какъ Гонгъ-Конъ въ Кантонскихъ водахъ, и надежнѣйшимъ складочнымъ мѣстомъ не только по торгу съ Нинъ-бо, но и по всѣмъ смежнымъ къ нему мѣстамъ и губерніямъ, отличающимся плодородіемъ земли, всегда роскошною и цвѣтущею природою и богатствомъ всякаго рода, и по своему изобилію считающимся житницею Сѣвернаго Китая, особенно Пекина, и снабжательницею лучшихъ шелковыхъ матерій и другихъ вещей изящной отдѣлки; откуда получается зеленый чай, самый лучшій шелкъ, краски и тушь, и гдѣ искусство въ рѣзбѣ изъ дерева, камней и слоновой кости достигло до высшаго совершенства, чѣмъ и шелковымъ тканьемъ и живостію и прочностію ихъ красокъ особенно славятся Ханъ-джеу, Суджеу и Янь-джеу.

А такъ какъ Англичане открыли себѣ путь по рѣкѣ Янь-дзы-дзянь или просто Дзянь, которую въ Европѣ переименовали въ Янгтсекіанъ *): то нѣтъ сомнѣнія, что они, воспользуясь ея судоходствомъ, не оставятъ проникнуть во внутрень Китай. Эта рѣка, по ея неисчислимой пользѣ, какую она доставляетъ своимъ судоходствомъ, называется первою рѣкою Китая. Она вытекаетъ съ Запада изъ губерніи Сы-чуанъ, и сдѣлавшись судоходною отъ главнаго города той губерніи Чень-ду-фу и присоединя къ себѣ судоходную рѣку Дзи-ша-дзянь, соединившуюся съ рѣкою, вытекающею изъ Тибета, протекаетъ губерніи: Ху-бэй, Дзянь-су и Ань-хой на тысячеверстныхъ разстояніа, и въ теченіи своемъ, принявъ двѣ судоходныя рѣки съ Сѣвера и двѣ съ Юга, вливается въ Восточный океанъ подъ 33° сѣверной широты. Открывъ путь по сей

*) Именно на этой рѣкѣ губернской городъ Нанкинъ или Нанъ-джинъ (Дзянь-нинъ-фу) губерніи Дзянь-су, при которомъ Англичане заключили торговый трактатъ съ Китайцами.

рѣкѣ и рѣкамъ, впадающимъ въ нее съ Сѣвера и Юга, имъ остается только усугубить свою мануфактурную и фабричную промышленность, примѣняясь къ требованію и вкусу Китайцевъ, чтобы завладѣть рынками и на Сѣверѣ и Югѣ и въ самой срединѣ Китая. А ихъ консулы при портахъ и посоль въ Пекинѣ, конечно, ничего не опустятъ, чтобы все предпринимаемое обращалось къ успѣху и выгодамъ Британіи.

Если изъ всего представленнаго выводы сдѣланы не безъ основанія, то также не безъ основанія можно замѣтить, что едва ли наши мануфактурные товары выдержать такое сильное соперничество. Англичане, лично дѣйствующіе въ самомъ Китаѣ, и видя на мѣстѣ, что особенно и предпочтительно требуется и соотвѣтственно тому заготовляя товары, всегда будутъ находить возможность къ сбыту ихъ; и притомъ распространяясь по Китаю и лично ознакомясь со всѣми произведеніями и продуктами его, они будутъ имѣть возможность къ открытію и обогащенію себя новыми вывозными статьями торговли, которыя, приобрѣтая плодами своей фабрикаціи и мануфактурности, тѣмъ болѣе распространеніе ихъ промышленности сдѣлается несомнѣннымъ. А мы производимъ торговлю на границѣ, чрезъ прѣзжающихъ къ намъ Китайцевъ, которые, увидя мануфактурные товары привезенные, такъ сказать на домъ къ нимъ, вѣрно не пожелаютъ подвергаться тѣмъ затрудненіямъ, какія они встрѣчаютъ при перевозкѣ отъ насъ тяжестей чрезъ Гобійскую степь, тѣмъ болѣе, если эти товары будутъ въ той же добротѣ, а цѣною еще дешевле, по доставкѣ ихъ водянымъ путемъ и по уменьшенію цѣны въ ихъ производствѣ, посредствомъ усовершенствованнаго механизма. Тогда на нашей сторонѣ могутъ остаться только тѣ товары, на производство которыхъ Англичане лишены возможности, и которые доставляютъ намъ звѣроловство и скотоводство, и именно: бѣлка, лисица, песцовый родъ, соболи, горностай, выхоль, котики морскіе, мерлушка, кошка, лапы, лисья, песцовая и соболя и другія меньшей значительности статьи пушнаго товара, а также кабарожья струя. Что жъ касается до бобровъ и выдръ, то хотя и они имѣютъ ихъ изъ Америки, и притомъ лучшей доброты, но при всемъ томъ они не помѣха нашимъ, по количеству неудовлетворяющему требованія. Изъ фабричныхъ же и заводскихъ могутъ остаться: сафьянъ, козлы, юфть, чешуйка, тикъ и нѣкоторыя другія вещи домашняго издѣлія. Сукна же наши, вельвереть, камлотъ, ситцы, полуситцы и все то, что такъ навечно и успѣшно фабрикуется Англичанами изъ шерсти и хлопчатой бумаги, какъ статьи состязательныя съ нами, по причинамъ, предъ симъ объясненнымъ, не выдержать соперничества ихъ. Слѣдственно и

нѣтъ надежды, чтобы они могли держаться въ нашей торговлѣ. А это самое и можетъ повести къ уменьшенію привоза къ намъ чаевъ.

Но этимъ еще не можетъ кончиться наше опасеніе. Главное дѣло въ томъ, что такъ какъ Англичане водворяются своими факторіями въ порты той губерніи, откуда получаютъ байховые обыкновенные и цвѣточные чаи для Кяхтинскаго торга, то чтобъ таковое приближеніе ихъ не обратило по времени всю чаевую торговлю въ ихъ руки. Къ сему опасенію ведетъ во-первыхъ то, что эти чаи доставляются на нашу границу, разстояніемъ около четырехъ тысячъ верстъ нашей мѣры, пролагая себѣ путь сначала ношатами на коромыслахъ или на одноколесной тележкѣ, потомъ водою и наконецъ сухимъ путемъ; причемъ при слѣдованіи водою нѣсколько разъ дѣлается перекладка ихъ съ однихъ судовъ на другія, что подробно объяснено въ особой запискѣ; во-вторыхъ, кромѣ взиманія съ нихъ пошлины въ одномъ мѣстѣ, производится еще платежъ на канцелярскіе расходы въ четырехъ мѣстахъ ихъ путешествія; въ третьихъ, нерѣдко случается разбитіе судовъ съ чаями; то чтобы Китайцы, имѣя, такъ сказать, подлѣ бока покупателей, которымъ передача чаевъ почти ничего не будетъ стоить, въ сравненіи доставленія къ намъ, и притомъ нѣтъ ни малѣйшаго для нихъ опасенія на потерю; то чтобы они не предпочли торговлю ихъ нашей. Сдѣланный вызовъ о семъ едва ли покупатели отвергнутъ. Скорѣе можно опасаться, чтобы они сами не навели къ тому Китайцевъ.

То и другое имѣя въ виду, нельзя не озаботиться о мѣрахъ, которыя бы могли отвратить эти опасенія. Въ этомъ случаѣ предстоитъ нѣсколько вопросовъ къ разсмотрѣнію. Если справедливо, что Англичане далеки отъ того, чтобы имъ однимъ пользоваться торговлею съ Китаемъ, и потому прибрѣтенные ими порты отыскиваютъ для всѣхъ, кто желаетъ принять участіе въ этой торговлѣ; если это справедливо: то такое ихъ желаніе само собою открываетъ намъ поводъ къ объясненію нашихъ торговыхъ дѣлъ близъ тѣхъ пунктовъ, которые они заняли, и можетъ послужить основаніемъ къ сношеніямъ съ Англинскимъ правительствомъ. Пользуясь симъ, въ охраненіе сего главнѣйшаго источника нашей торговли, весьма къ стати будетъ поставить на видъ, что вмѣсто участія въ портахъ мы желаемъ только того, чтобы этотъ источникъ не былъ отведенъ отъ насъ и остался во всегдашней неприкосновенности со стороны ихъ и тѣхъ, кто будетъ участвовать торговлею въ этихъ портахъ; и въ случаѣ вызова Китайцевъ, чтобы обратить этотъ источникъ къ нимъ или къ другимъ, имѣющимъ участвовать съ ними въ торговлѣ, употреблено бы было со стороны ихъ все внушеніе, что они согласятся на это никакъ не могутъ, по ихъ

дружественнымъ отношеніямъ съ нами. Также нельзя оставить безъ объясненія и тѣхъ мѣстъ Сѣвернаго Китая, на рынкахъ коихъ съ давнѣйшихъ временъ водворены произведенія нашихъ мануфактуръ и разной промышленности. И такъ какъ для Англичанъ и для прочихъ, имѣющихъ участвовать съ нами въ торговомъ дѣлѣ, вся остальная часть Китая, и по населенію, и по богатству гораздо болѣе превышающая занимаемая мѣста нашею торговлею, съ избыткомъ можетъ удовлетворить ихъ требованія; то, если поставить сіе на видъ, и ихъ вызовъ на раздѣленіе съ ними выгодъ отъ торговыхъ дѣлъ съ Китаемъ, можетъ быть, не остановить ли ихъ это и не ограничить ли ихъ тѣмъ, въ чемъ состоитъ наше домогательство.

И хотя по дружественнымъ отношеніямъ нашего правительства съ Англическимъ, кажется, нельзя вовсе терять въ томъ надежды, но для надежнѣйшаго удовлетворенія въ отношеніи доставленія къ намъ чаевъ по прежнему, и чтобы Китайцы не имѣли побужденія къ передачѣ ихъ Англичанамъ, весьма не излишно будетъ испросить у Китайскаго правительства: *первое*, чтобы оно обложило чай, слѣдующіе къ Англичанамъ, такою пошлиною, которая равнялась бы расходомъ доставленія къ намъ чаевъ *), и *второе*, въ отвращеніе потери чаевъ во время слѣдованія ихъ моремъ, чтобы оно, вмѣсто сего пути, позволило навсегда проходить этимъ чаемъ по Царскому каналу, называемому по Китайски Юй-хе, чѣмъ Китайцы въ послѣдніе три года пользовались, когда берега Восточнаго моря обложены были блокадою отъ Англичанъ. Собственно по этому позволенію, Китайцы имѣли всю возможность къ доставкѣ къ намъ въ послѣднее время чаевъ въ такомъ значительномъ количествѣ противъ прежняго; а иначе, они не въ состояніи были бы доставить ихъ столько, если бы, встрѣтивъ закрытіе хода по морю, обратились по пути внутреннихъ губерній, столько представляющему затрудненій. О семъ подробно объяснено было въ особой запискѣ.

Теперь вопросъ, есть ли надежда на успѣхъ нашего домогательства, чтобы Китайское правительство склонилось къ этимъ мѣрамъ? Можно навѣрное положить, что оно въ нынѣшнемъ его положеніи, столько угнѣтенномъ и ослабленномъ въ понятіи о своемъ могуществѣ, радо будетъ случаю, чтобы чѣмъ нибудь угодить могущественному сосѣду, не оружіемъ снискавшему торговлю, а взаимнымъ соглашеніемъ

*) Доставка чая съ мѣста отправленія до Кяхты разстояніемъ около 4/т. верстъ стоить на наши деньги серебромъ 9 р. 50 к. съ ящика, въ четырехъ мѣстахъ на содержаніе присутственныхъ мѣстъ и за ярлыкъ въ Пекинѣ берется 1 р. 76 к., въ одномъ мѣстѣ пошлины 2 руб., а всего 13 руб. 26 коп. серебромъ.

и продолжающему оную дружественно болѣе столѣтія и во всѣхъ отношеніяхъ всегда сохраняющему миръ и согласіе. Нельзя сомнѣваться, чтобы оно не оцѣнило сего, сравнивъ теперь отношенія Англичанъ съ нашими, и не уважило сдѣланныя съ нашей стороны предложенія; только надобно умѣть избрать, чрезъ кого и какъ дѣйствовать. А для наложенія пошлины въ той мѣрѣ, какъ предъ симъ сказано, можетъ служить ему благовиднымъ предлогомъ требованіе вознагражденій, столько милліоновъ составляющихъ. Въ случаѣ же неуспѣшности въ томъ, по крайней мѣрѣ исходатайствовать, чтобы, кромѣ позволенія безпрепятственнаго прохода чаевъ по каналу, предъ симъ упомянутому, сняло съ нихъ весь сборъ по пути и даровало бы все возможное облегченіе во время слѣдованія ихъ къ намъ, предварительно давши объ этомъ знать всѣмъ купцамъ, производящимъ съ нами торговлю.

Озабочиваясь о сохраненіи цѣлости и неприкосновенности нашей торговли съ Китайцами, нельзя не озаботиться и не пожалѣть и о нихъ, этихъ мирныхъ нашихъ сосѣдяхъ, никогда не нарушавшихъ нашего покоя и не требующихъ сотенъ милліоновъ рублей для устроенія крѣпостей на границѣ и содержанія многочисленнаго на ней войска, какъ западные наши сосѣди; и хотя наша граница съ ними и простирается слишкомъ на 3 т. верстъ, но едвали можно сосчитать двѣ-три тысячи стражей на ней, и то самую большею частію иррегулярныхъ, не требующихъ на содержаніе, можетъ быть, и сотни тысячъ рублей. Сообразивъ все сіе и то, какая предпочтительность оказывается намъ противъ другихъ державъ, допущеніемъ въ ихъ столицу нашей миссіи съ готовымъ для нея помѣщеніемъ и каждомѣсячною выдачею серебра и пшена Сорочинскаго для ея содержанія и даже отпускомъ серебра для ея экипировки, чрезъ каждые три года; сообразивъ сіе и то, какое обогащеніе они доставляютъ намъ торговлею съ нами, не считывая насъ курсами и не требуя отъ насъ золота и серебра, а произведеній ведущихъ насъ къ дѣятельности и труду и такихъ статей, которыя безъ ихъ торговли не имѣли бы цѣнности по малому употребленію ихъ внутри съ равненіемъ количества произведеній, или вовсе по неупотребленію и по нетребованію ихъ за границу къ прочимъ нашимъ сосѣдямъ. Исчисливъ все сіе и видя въ этомъ сосѣдствѣ постоянный источникъ нашего обогащенія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличивающагося, нельзя остаться равнодушнымъ къ тому, что его встрѣтило и какая участь можетъ ожидать его въ будущемъ. Въмѣсто введенія цивилизаціи, ожидаемой отъ сего вторженія*), скорѣе можно ожидать, судя по духу и

*) Введеніе цивилизаціи частнымъ образомъ въ этотъ народъ невозможно. Къ этому можетъ привести ихъ правительство; оно только въ состояніи оцивилизировать его, какъ у насъ сдѣлалъ то Петръ Великій, и то исподоволь, постепенно.

характеру нашихъ сосѣдей, укоренившихся тысячелѣтїями въ своихъ обычаяхъ, раздѣленїя государства на партїи, которыя, произведя внутреннїя смуты, могутъ потрясти всю внутреннюю его организацію и открыть тайну управленїя такимъ многочисленнымъ народомъ, далеко превышающимъ числомъ всю Европу взятую вмѣстѣ. Слѣдствїя отъ сего будутъ неисчислимы, которыя вполнѣдствїи легко могутъ отразиться и на насъ, какъ сопредѣльныхъ съ ними.

Въ этомъ случаѣ развѣ политическія средства могутъ быть дѣйствительны, и чтобъ усилить ихъ, понадобится вызваться о рѣшенїи вопроса о границѣ по Амуру, по сіе время считающемуся неоконченною статьею. Въ назначенїи границы по сей знаменитой рѣкѣ и въ допущенїи свободнаго судоходства по ней, открывающей путь въ Охотское и другїя моря и также къ Китайскимъ берегамъ Восточнаго океана, судя по настоящему, такъ сказать, убитому положенїю Китайскаго правительства, нельзя ожидать прежняго упорства; тѣмъ болѣе, если, при трактованїи о семъ, поставивъ ему на видъ нашу дружбу, болѣе столѣтїя продолжающуюся, увѣрить его, что это послужитъ къ охраненїю береговъ Китая отъ дальнѣйшаго на нихъ распространенїя неприязненностей. Исчислять же всю пользу, какую можетъ прїобрѣсть отъ сего наше отечество, было бы излишно.

Петръ Галлаховскій.

ПИСЬМА П. В. НАЩОКИНА КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Въ нашихъ словесныхъ и бытовыхъ преданіяхъ за вторую четверть XIX вѣка имя Нащокина связано съ именемъ Пушкина. Нащокинъ былъ однимъ изъ немногихъ искреннихъ друзей Пушкина, который къ нему могъ относить стихи свои:

Кто клеветы про насъ не светъ,
Кто насъ заботливо лелеть,
Кому порокъ нашъ не бѣда,
Кто не измѣнитъ никогда.

Человѣкъ ума необыкновеннаго и душевной доброты несказанной, Нащокинъ оставилъ по себѣ такую память, что вдова его могла пользоваться ею въ теченіи слишкомъ полувѣка. Онъ—родной внукъ боевого генерала Апнинскаго и Елисаветинскаго царствованій, оставившаго извѣстныхъ Записки (напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1883), и сынъ того, тоже военнаго, человѣка, который получилъ печальную извѣстность, нанеся оскорбленіе дѣйствіемъ великому Суворову въ отвѣтъ на его чудачливыя приставанія. Павелъ Воиновичъ Нащокинъ рано лишился отца; мать его, Клеопатра Петровна, урожд. Нелидова, умерла въ 1828 году, оставивъ ему богатое наслѣдство. Знакомство его съ Пушкинымъ началось еще въ Царскомъ Селѣ, гдѣ Нащокинъ воспитывался въ Лицейскомъ Пансіонѣ вмѣстѣ съ братомъ Пушкина; подружился же они въ Москвѣ, по возвращеніи Пушкина изъ ссылки. Жизнь Нащокина состояла изъ переходовъ отъ „разливаннаго моря“ (съ постройкою кукольнаго домика въ нѣсколько тысячъ рублей) къ полной скудости, доходившей до того, что приходилось топить печи мебелью краснаго дерева. Онъ прожилъ нѣсколько большихъ наслѣдствъ. Пишущій эти строки довольно близко зналъ Нащокина въ послѣдніе три года его жизни, бывая у него въ бѣдной его обстановкѣ (у Неопалимой Купины) и потомъ въ богатомъ домѣ на Плющихѣ, гдѣ проходили крестины послѣдняго сына его, крестнымъ отцомъ котораго былъ попечитель учебнаго округа позванъ Назимовъ. Вскорѣ за тѣмъ, 6 Ноября 1854 г., Павелъ Воиновичъ скончался, колѣнопреклоненный, на молитвѣ, 54 лѣтъ отъ роду. Онъ похороненъ на Даниловскомъ кладбищѣ за Даниловымъ монастыремъ. Письма его къ Пушкину наглядно изображаютъ Нащокина и въ тоже время служатъ къ біографіи самого Пушкина. Выдержки изъ нихъ были напечатаны нами при письмахъ къ нему Пушкина въ первой книгѣ сборника „Дѣвятнадцатый Вѣкъ“ (1872). Здѣсь письма Нащокина помѣщаются всѣ. П. Б.

1.

9 Июня 1831 ').

Виновать, что не писалъ. Всякой день вставая, въ продолженіе всего дня, все думалъ какъ бы написать, насилу собрался. Это письмо тоже доставить тебѣ хлопотъ; оно тоже за страховое. Посылаю тебѣ контрактъ, который я заключилъ съ подрядчикомъ объ отправкѣ твоего обоза, и счетъ деньгамъ, полученнымъ мною отъ Вяземскаго. Обозъ, я думаю, къ тебѣ пришелъ. Будутъ просить прибавки, не давай. Александру Григорьеву далъ я за мѣсяць впередъ, т. е. 50 рублей. Просилъ онъ у меня за три, но я не могъ дать столько. Съ обозомъ твоимъ хлопотъ немало было, но не для чего описывать: интереснаго мало, а какъ водится, были проводы и тому подобныя вещи. О нѣкоторыхъ я по власти мнѣ данной простилъ и общался молчать, но для всякой предосторожности совѣтую повѣрять изрѣдка счеты. Нынѣшняго твоего дворецкаго довѣренность. Я жду, но не думаю, чтобы она была нужна такъ скоро; ибо Рахмановъ хотя и предлагалъ мнѣ хорошую сумму за мою претензію, но съ условіемъ, съ такимъ условіемъ, что ты вѣрно бы не догадался. Жаль, что тебѣ нельзя подумать, что тутъ же я долженъ рѣшить задачу, въ чемъ условіе;—въ томъ, чтобы я себя застраховалъ, въ случаѣ смерти довольно; кажется, объяснить нечего. Почему не себя точно? Вѣрно, это тоже изъ тѣхъ штукъ, которыя ни съ кѣмъ, кромѣ со мною не случались; кажется, что я первый въ Россіи, который на волосокъ былъ отъ страхованія. Какъ жаль, что я тебѣ пишу: наговорилъ бы я тебѣ много забавнаго. Между прочимъ былъ пріѣзжій изъ провинціи, который сказывалъ, что твои стихи не въ модѣ, а читаютъ новаго поэта, и кого бы ты думалъ? Опять задача! Его зовутъ Евгеній Онѣгинъ. Хорошо? Анекдотовъ, разныхъ приключеніевъ въ Москвѣ, въ клубѣ, очень много; но предоставляю тебѣ узнавать черезъ другихъ.

Какъ хочешь, а тебѣ расскажу про Поливанова изъ Питера ²⁾. Остановился у меня на сутки только, но что за сутки! Влюбленъ ужъ очень, сердитъ, упрямъ, не слушаетъ, что ему говорятъ, совсѣмъ рехнулся, калпризенъ, что ты Ол. Ан! ³⁾. Кстати она тебѣ кланяется. Дмитрій Николаевичъ ⁴⁾ былъ у меня за часъ передъ отъѣздомъ въ Заводы ⁵⁾,

¹⁾ Писано вскорѣ по переводѣ новобрачныхъ Пушкина и его супруги изъ Москвы въ Петербургъ и оттуда въ Царское Село.

²⁾ Александръ Юрьевичъ Поливановъ искалъ руки Екатерины Николаевны Гончаровой, старшей свояченицы Пушкина, въ 1837 году вышедшей за мужъ за барона Гекерена-Дантеса.

³⁾ Ольга Андреевна Цыганка, жившая у Нашокина.

⁴⁾ Гончаровъ, старшій шурина Пушкина.

⁵⁾ Полотняные Заводы, имѣніе дѣдушки Аеавасія Николаевича Гончарова.

а потому говорить могли очень мало. Изъ малаго замѣтить, что онъ не расположенъ хорошо къ А. Ю. О Семенѣ Ивановичѣ очень хорошаго мнѣнія, слѣдственно я и ожидалъ, что Поливанову будетъ сначала не очень хорошо. Такъ и случилось: по приѣздѣ къ себѣ въ деревню рѣшился онъ ѣхать къ дѣдушкѣ, былъ и никого не видалъ, кого нужно; такъ и воротился. Дѣдушка ему сказалъ, что онъ самъ у себя уже шестой день никого не видитъ, что Наталья Ивановна неадорова и не выходитъ и дочери тоже. Дм. Ник. онъ очень недоволенъ, и такимъ образомъ онъ теперь у себя въ деревнѣ не въ красивомъ положеніи. Вотъ мое донесеніе.

О себѣ скажу, что очень, очень тяжело, и только, увидимся когда нибудь, все узнаешь, и я думаю, что скоро; ибо получать деньги скоро надо будетъ, и тогда, какъ ты общалъ, долженъ самъ пріѣхать. День твоего приѣзда вѣрно я буду и веселъ и здоровъ. Мое почтеніе Натальѣ Николаевнѣ. Очень много говорятъ о вашихъ прогулкахъ по Лѣтнему саду. Я самъ заочно утѣшаюсь и живо представляю себѣ васъ гуляющихъ, и нечего сказать: очень, очень хорошо. Но вамъ скучно. Въ Царскомъ Селѣ будетъ весело скоро. Прошу всенижайше Наталью Николаевну и тогда для меня оставить уголокъ въ своей памяти. А что же портретъ? Портретъ непременно! Сдѣлай милость, напомни Натальѣ Николаевнѣ, что она мнѣ общалась тебѣ объ ономъ напоминать почаще.

Прощай, другъ. Будь счастливъ и здоровъ. Много бы еще кое-что надо написать, но вдругъ не упомянь. И вы же меня развлекаете: я точно съ тобой въ кабинетѣ, стою и молчу и жду, самъ не знаю чего. Ты перебираешь листы, Наталья Николаевна сидитъ за канвой. Вотъ, братецъ, не портретъ, а картина; найди-ка мнѣ такого мастера, чтобы онъ такъ нарисовалъ живо, какъ мнѣ теперь представляется. Прощай еще разъ. Ты не можешь вообразить, какъ много я вамъ преданъ. Я самъ, покуда вы были, не воображалъ. Безъ тебя, братъ, ты не можешь вообразить, я все молчу, а иногда и отмалчиваюсь и скоро разучусь говорить, а выучусь писать. Дай Богъ, я бы очень этого желалъ. Письмо начать мнѣ было очень трудно, теперь не могу перестать. Однако пора, прощай въ самомъ дѣлѣ. П. Нащокинъ.

Помнишь ли, я тебѣ пророчилъ про Сергѣя Бар.? Чтò каково, начинаеть сбываться? Вѣдь не усидѣлъ въ деревнѣ.

2.

20 Іюня 1831 г.

Получилъ я отъ тебя, удивительный Александръ Сергѣевичъ, и довѣренность и деньги. Первая будетъ лежать у меня до времени, тысячу

же отдамъ Горчакову. Объ вашихъ болѣе не знаю какъ то, что я писалъ, а о Полпвановѣ ни слуху, ни духу. Думаю, что лѣзнитья перестану, какъ скоро чаще отъ тебя буду получать письма. Три или четыре дня я не отвѣчалъ, потому что былъ немного боленъ. Теперь, слава Богу, у меня все тихо и здорово. Объ игрѣ мнѣ не говори, у меня еще ея и въ головѣ нѣтъ. Съ Рахмановымъ я писалъ почему разошлось. О. А. тебѣ кланяется и любить тебя; у нея наоборотъ: *Les absents ont toujours raison*. Живу я въ чаду, а не весело. Ты живешь какъ въ деревнѣ, говоришь ты, а я какъ въ городской кузницѣ. Не для хвастовства скажу тебѣ, любезный другъ, что не съ кѣмъ мнѣ здѣсь серьезно говорить, надо или буфонить или лукавить, и то и другое мнѣ очень надоѣло: видѣть самому не для чего, тѣмъ болѣе, что и то и другое всегда для меня было или казалось ломовой работой. О Дибичѣ я не горюю, какъ вообще о всѣхъ мертвецахъ. Москва также, кажется, его не жалѣетъ. Замѣчено мною, что Москва любитъ болтать обо всемъ, собственно чтобы убить только время, вѣтрена до совершенства, ни въ чемъ участія никакого не можетъ имѣть, и равнодушіе удивительное ко всему, ничто ее за сердце не трогаетъ; я полагаю, что она изъ ума выжила, стара стала, глупа стала. Поляковъ я всегда не жаловалъ, и для меня радость будетъ, когда ихъ не будетъ ни одного Полячка въ Польшѣ, да и только. Оставшихся въ высылку въ степи. Польша отъ сего пуста не будетъ: фабриканты Русскіе ее займутъ. И право, мнѣ кажется, что не мудрено ее обрусить. Вяземскаго никакъ не могу застать дома: съ утра все на выставкѣ; на будущей почтѣ отпишу къ тебѣ, какъ онъ расположится съ своей тысячью. Холера много потеряла во мнѣннй публики; не то, что прежде: мало кто ея боится. Про себя скажу, что покуда здѣсь Федоръ Даниловичъ я на счетъ ея совершенно безопасенъ. Человѣкъ, который посланъ былъ при началѣ ея, когда еще никто не зналъ, что за холера, въ Русскихъ губерніяхъ лечилъ холерныхъ и мертвыхъ не видалъ, тогда какъ въ Москвѣ не знали, какъ приняться и чѣмъ лечить. Кстати, братъ, онъ меня просилъ, чтобы я къ тебѣ отписалъ, не можешь ли ты узнать въ канцеляріи у Закревскаго или у него самого, не будетъ ли ему какое награжденіе за двѣ экспедиціи какъ за Турецкую и Симбирскую; всѣ уже получили, онъ одинъ бѣдный ничего, тогда какъ онъ съ большимъ успѣхомъ и чуму Турецкую и холеру кочующую истреблялъ лихо, аттестованъ отлично, былъ представленъ нѣсколько разъ. Узнай, сдѣлай одолженіе, отказали ли ему или еще онъ можетъ надѣяться что-нибудь получить. Посылаю тебѣ письмо изъ твоей деревни, которое я виноватъ ненарочно распечаталъ. Натальѣ Николаевнѣ мое нижайшее почтеніе. Не нахожу словъ выразить мою благодарность за поклоны и за всѣ ласки ваши, а все-таки не могу не напомнить—портретъ, портретъ,

хорошій портретъ! Я его, право, заслуживаю, и я требую мнѣ должное; а если милость будетъ ваша доказать мнѣ на дѣлѣ ваше общее ко мнѣ дружеское расположеніе, въ такомъ случаѣ пусть Нат. Ник. дозволить себя въ твоемъ портретѣ представить себя хоть въ зеркалѣ, или въ перспективѣ. Я, можетъ, никогда не увижу васъ на яву: мнѣ быть въ Петербургѣ невозможно. Прощай, любезный другъ. Пиши ко мнѣ письма, а для потомства трагедію и хоть одинъ романъ. Прощай, будь здоровъ и счастливъ. П. Нащокинъ.

Въ болѣзнь мою я во снѣ довольно громко разговаривалъ съ тобою, о чемъ-то горячился, увѣрялъ по обыкновенію. Андрей Петровичъ свидѣтельствуешь тебѣ почтеніе; онъ почти столько же тебя знаетъ и любитъ, какъ и я, что доказываетъ, что онъ не дуракъ: тебя знать не бездѣлица. Романъ твой такъ хорошъ, что способу нѣтъ, переправленъ, обдуманъ, чудо. Если бы кто могъ тебѣ его тамъ разыграть, я бы прислать. Еще, братъ, совсѣмъ позабылъ: О. А. напомнила, что ты обѣщала прислать фуляровъ. Какъ я охотно къ тебѣ пишу, ты себѣ не можешь представить. Прощай, мой славный Пушкинъ. Что твой братъ, пишетъ ли къ тебѣ? Я его право люблю. Напиши ему отъ меня поклонъ, сдѣлай одолженіе.

3.

Любезный Александръ Сергѣевичъ! Давно я къ тебѣ не писалъ, все было некогда, и теперь пишу подъ гитару и подъ разные анекдоты. Я на счетъ твой совершенно покоенъ, зная расположеніе Царскаго Села: холеры тамъ быть не можетъ. Живи и здравствуй съ Натальей Николаевной, которой я свидѣтельствую свое почтеніе. Я увѣренъ, что ты, не смотря на всѣ ужасные перевороты, которые тебя окружаютъ, еще никогда не былъ такъ счастливъ и покоенъ, какъ теперь, а для меня это не ничего. Безъ всякой сантиментальности скажу тебѣ, что мысль о твоемъ положеніи мнѣ много доставляетъ удовольствія. О себѣ говорить нечего. Лечусь и точно такой, какъ можно безъ тебя мнѣ быть; коли не развлеченъ какими непріятными дѣлами, тогда очень скучно. Читаю теперь I-й томъ Карамзина, гулять не хожу, сижу дома, гости тѣже, и я къ нимъ привыкъ, какъ мельникъ къ шуму колесъ своей мельницы. Новостей много слышу, пересказать ни одну не могу. Одна новость для тебя: Юсуповъ умеръ *). Не знаю почему, а мнѣ было его жаль; вреда, кажется, онъ никому не дѣлалъ, ибо никто не жаловался,

*) Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ скончался въ Москвѣ отъ холеры 15 Іюля 1831 г., въ день написанія этого письма.

а про добро не знаю; умеръ же умно и равнодушно. Какъ мнѣ рассказывали, ему предложили передъ смертью за часъ исполнить христіанскій долгъ. На это онъ спросилъ: развѣ пора? и послалъ за священникомъ. Наканунѣ былъ въ клубѣ. Кстати, Александръ Сергѣевичъ, такъ какъ нынѣ смѣрть поступаетъ и рѣшаетъ жизнь человѣческую уже не гражданскимъ порядкомъ, а военнымъ судомъ, т.-е. скоро и просто, въ такомъ случаѣ, буде она до меня доберется, то прошу покорно по всѣмъ векселямъ моимъ взыскать деньги; капиталъ храни, гдѣ хочешь, а проценты половину на воспитаніе сына ¹⁾, если не умретъ (ибо твоей крестницы уже нѣтъ) а другую на содержаніе матери. Я еще не думаю, а все-таки лучше сказать прежде, и это только въ такомъ случаѣ, когда я самъ не успѣю распорядиться, обременять же тебя я не хочу никакой обязанностью; но, зная твое доброе сердце, ты бы самъ ихъ не оставилъ.

Не думай, чтобы я былъ въ мерлихлюндіи, совсѣмъ нѣтъ: я очень покоенъ...

Съ Догановскимъ ²⁾ говорить еще рано, и прошу тебя оставить это дѣло на мое попеченіе и самому не беспокоиться, а вѣрно я лучше его сдѣлаю, чѣмъ бы я для себя дѣлалъ; надо говорить, когда деньги въ рукахъ, а теперь только можетъ быть пустой разговоръ, ни къ чему не служащій.

Всѣ тебѣ кланяются, кого только вижу. Пробѣжалъ я гдѣ-то разговоръ о Борисѣ Годуновѣ учителя съ помѣщикомъ, очень хорошо; а кто написалъ, никакъ сего не воображаетъ, что лучше и похожѣе описать разговоромъ сужденія нашихъ безмозглыхъ грамотѣевъ-семинаристовъ никакъ нельзя: это совершенный слѣпокъ съ природы. Думая написать на тебя злую критику, написалъ отрывокъ достойный помѣстить въ романъ; прочти, сдѣлай одолженіе; ты по разговору узнаешь говорящихъ, и еслибъ осталось мѣсто, я бы рассказалъ ростъ ихъ, въ чемъ одѣты; словомъ сказать, прекрасно, Вальтеръ-Скотъ совершенный.

Прощай, Александръ Сергѣевичъ; пиши, братъ, почаще. Когда мнѣ писать къ тебѣ весело, то можешь вообразить, что получать гораздо веселѣе. Наталья Николаевна не знаю что желать: все имѣетъ въ себѣ и въ мужѣ. Себѣ желать только могу, чтобы васъ когда-нибудь да увидѣть. Прощай, добрый для меня Пушкинъ, не забывай меня. Никогда не найдешь безкорыстнѣе и болѣе преданнаго тебѣ друга какъ П. Нащокина.

15-го Іюля 1831 г.

¹⁾ Павла Павловича, отъ Цыганки Ольги Андреевны; онъ пережилъ отца.

²⁾ Известнымъ въ то время карточнымъ игрокомъ. Нащокинъ пишетъ его имя: *Тогаповскій*.

4.

Ну, Александръ Сергѣевичъ, измучился я на твой счетъ; не писалъ и къ тебѣ такъ долго, боясь удостовѣриться о смерти твоей. Вотъ что двѣ недѣли говорили въ Москвѣ, что ты умеръ, жена осталась беременна и т. д.; но я не вслушивался въ подробности, не хотѣлось мнѣ услышать что-нибудь правдоподобнаго, однимъ словомъ, я очень беспокоился; но ты живъ, узналъ я отъ клубнаго повара, къ которому писалъ твой, что все благополучно, а потому рѣшаюсь писать. Но и теперь прошу отвѣтить мнѣ какъ можно скорѣе; напредки ты можешь поручать Василью извѣщать меня еженедѣльно о твоёмъ здоровьѣ. Посылаю тебѣ Горчаковскій вексель. Съ Жемчужниковымъ дѣло идетъ довольно туго, ибо они не вуждаются деньгами; я просилъ уступки собственно для себя, нисколько тебя не компрометируя, вотъ какимъ образомъ: Александръ Сергѣевичъ, буде узнаеть, что я вхожу въ переговоры насательно его векселей, въ такомъ случаѣ онъ очень на меня разсердится, и потому прошу ихъ покорно не предполагать, чтобы онъ тутъ въ чемъ участвовалъ. Но дѣло въ томъ, что я, будучи тебѣ долженъ, обязанъ выплатить имъ по нашему между собою условію; но такъ какъ и изъ полученныхъ мною денегъ (которыя я еще не получилъ, буде тебѣ извѣстно), уплатя имъ всѣ 20.000, останусь безъ гроша; ибо я только что и получу, слѣдственно я прошу у нихъ уступки собственно для себя. Теперь же скажу тебѣ, что если они не согласятся, въ такомъ случаѣ я съ ними кончу; ибо Рахмановъ, до полученія моихъ денегъ, дастъ мнѣ сколько нужно денегъ на сдѣлку, и потому прошу тебя какъ можно положиться на меня и нисколько не беспокоиться. Я сдѣлалъ разныя обѣщанія въ надеждѣ о несправедливости слуховъ такихъ гнусныхъ для меня; отвѣчай мнѣ скорѣе для исполненія оныхъ обѣщаній, состоявъ кому десять рублей, кому пять, и разные дворскіе подарки.

Почтеніе мое Натальѣ Николаевнѣ; какъ человекъ мнительный и нѣсколько съ воображеніемъ, я предполагаю, что работа, предназначенная по милостивому вниманію Натальи Николаевны мнѣ, dokonчена и перешла въ руки ближайшія. Чтобы не сдѣлать ошибки, напишу Русскими буквами Французскую пословицу: лезъ абсанъ онъ тужуръ торъ. Не такъ ли? Ибо я давно жду посылокъ отъ тебя. Кромѣ чужихъ денегъ ничего не получалъ. Правда ли, что дворъ будетъ въ Москву; будешь ли ты и когда и скоро ли? На будущее лѣто предлагаю вамъ мою деревеньку на житье, которая отстоитъ въ 160 верстахъ отъ Москвы; я въ ней жить не могу, а могъ бы пріѣзжать дия на три. Прощай, Александръ Сергѣевичъ; будь живъ, и здоровъ, и веселъ, пиши ко мнѣ будущую почту, а покуда прощай: пустяковъ писать не хочется. П. Нащокинъ.

1831 года 2-го Сентября.

5.

Любезный Александръ Сергѣевичъ!

Объ тебѣ столько толкуютъ, что всего не перескажешь, а такъ какъ ты человѣкъ съ необыкновеннымъ умозрѣніемъ, въ такомъ случаѣ ты самъ угадаешь, въ чемъ толкъ. Что же касается до Догановскаго, толку никакого не добился; какъ я уже тебѣ писалъ, что денегъ я не получилъ, а давалъ мнѣ Рахмановъ и теперь даетъ; но господа компанейщики не хотѣли и денегъ, лишь бы только взять вексель съ Рахманова, чего я ему не предлагалъ, ибо зналъ, что онъ на сіе не согласится; меня же они совершенно обидѣли тѣмъ, что не хотѣли довѣрить мнѣ пяти тысячъ рублей. Теперь, любезный другъ, скажу тебѣ, что я въ страшномъ сокрушеніи, что не могъ съ этими минотаврами кончить и потому предлагаю тебѣ либо дождаться моихъ денегъ, которыя всѣ сполна пришло для удовлетворенія сихъ и проч.; а не то, эти же 15 т. могу взявши тебѣ прислать. Догановскій съ Жемчужниковымъ ѣдутъ къ вамъ; ты тамъ съ ними и кончишь, додавъ своихъ 5 т. Кстати, если можешь, сколько ты жалованья получаешь? Это меня собственно интересуеетъ.

Чедаевъ всякій день въ клубъ, всякій разъ обѣдаетъ, въ обхожденіи и въ платьѣ перемѣнилъ фасонъ, и ты его не узнаешь. Я опять угадалъ, что все странное въ немъ было не что иное, какъ фантазія, а не случайность и не плодъ опытнаго равнодушія ко всему. Еще съ позволенія вашего скажу (ибо ты не любишь, чтобы я объ немъ говорилъ), рука на сердцѣ, говорю правду, что онъ еще блуждаетъ, что еще онъ не нашелъ собственной своей точки. Я съ нимъ объ многомъ говорилъ, основательности въ идеяхъ нѣтъ, себѣ часто противорѣчитъ. Еще что я замѣтилъ, и это мнѣ пріятно: человѣкъ весьма добрый, способенъ къ дружбѣ, привязчивъ, честолюбивъ болѣе чѣмъ я, себя совсѣмъ не знаетъ и часто себя будетъ наружно измѣнять, что ничего не доказываетъ. Тебя очень любить, но менѣе, чѣмъ я.

О ломбардѣ не безпокойся. Я все забывалъ спросить у Дм. Вас. ¹⁾); заглажу тѣмъ, что попрошу его, чтобы онъ моими деньгами заплатилъ, а тамъ сочтемся. Завтра будетъ продолженіе, а теперь пріѣхали гости, очень имъ радъ. Натальѣ Николаевнѣ мое всеижайшее почтеніе. Поваръ солгалъ, что его хотѣли въ солдаты; это есть или была отговорка, чтобы прилично отойти отъ тебя. Узналъ я сіе отъ Власа ²⁾). Прощай. Въ великихъ занятіяхъ не забывай меня. П. Нащокинъ.

¹⁾ Дмитрій Васильевичъ Короткій, служившій въ такъ называвшемся ломбардѣ, т. е. въ Ссудной Казнѣ Опекунскаго Совѣта Воспитательнаго дома.

²⁾ Извѣстный въ Москвѣ поваръ, бывший крѣпостной человѣкъ В. А. Пушкина (тогда уже покойника), который звалъ его по-французски Блезъ.

2-я часть Странника ¹⁾ удивительно хороша. Высокое воображеніе, поэтъ а ла Байронъ, а не Записки молодого офицера. Есть и пустяки. Печатается.

Портретъ!

30 Сентября 1831 года.

6.

Здорово ли доѣхалъ, и все ли безъ тебя дома было благополучно? Удостоила ли меня Наталья Николаевна какимъ нибудь *дуракомъ* за обновку новѣйшаго покроя и лучшій подарокъ на праздникъ, который могъ я ей доставить—удовольствіемъ встрѣтить тебя послѣ перваго разставанія? Прошу поздравить отъ меня Наталью Николаевну и пожелать ей отъ меня встрѣтить такъ же пріятно новыи годъ, какъ и тебя. (На старыи не сердиться, съ новымъ помириться). Въ самомъ дѣлѣ, увѣдомь меня, что твое отсутствіе ни малѣйшаго вреда вамъ не сдѣлало, и ножкой топать отъ нетерпѣнія Наталья Николаевна перестала ли, не смотря, что это должно быть очень къ лицу.

Посылаю тебѣ твоего предка съ чернильницами (которыя открываются) и открываютъ, что онъ былъ за челоуѣкъ (*à double vue*). Еще корзинка позолоченная съ фальшивыми камнями. Рѣшаюсь послать, потому что она уже получила цѣну настоящей золотой съ дорогими камнями послѣ бала князя Сергѣя Голицына, гдѣ она удостоена была имѣть мѣсто въ уборной комнатѣ, приготовленной для Императрицы. Въмѣсто сихъ посылокъ задержалъ я деньги тебѣ, присланныя изъ твоей деревни; не послалъ же тебѣ ихъ по почтѣ не такъ по ихъ тяжести (бедна серебра, но денегъ немного, менѣе тысячи), какъ потому, что ты мнѣ говорилъ внести за тебя въ Опекунскій Совѣтъ проценты, почему и разсудилъ ихъ оставить, вмѣсто того, чтобы даромъ платить вѣсовыя деньги. Сколько именно ихъ было, увидишь изъ письма твоего управляющаго. Впрочемъ ты можешь распорядиться какъ хочешь: деньги готовы, и я жду твоего приказанія. Твои дѣла Рахмановъ кончилъ, векселя получены; о брилліантахъ справлялся, срокъ еще не выходилъ, все въ порядкѣ.

Пріѣздъ Анд. Хр. отъ брата ²⁾ меня болѣе огорчилъ, чѣмъ утѣшилъ, я такъ былъ растроганъ разговоромъ о несчастномъ положеніи брата, что забылъ о собственномъ своемъ дѣлѣ. Вообрази его засаленнаго, въ

¹⁾ Романъ А. Ф. Вельмана.

²⁾ Старшій братъ Нащокина Василій Воиновичъ (род. 1796), женатый на Аннѣ Николаевнѣ Павовой, бездѣтный.

табакъ, съ впалыми щеками, съ синимъ лицомъ въ прыщахъ, съ ужаснѣйшей бородой, въ ежеминутномъ раздраженіи, трясеніи въ рукахъ, всѣхъ и всего боится, окруженъ дьяконами, дьячками, кабачными, отставными оберъ-офицерами; еще какой-то обрюзглый Демидовскій студентъ съ нимъ пьетъ и еще имѣетъ на него большое вліяніе. Ко всему этому засадили его жить въ запачканную горенку въ Костромѣ, какимъ-то образомъ увѣрили его, что ему надо служить, опредѣлили его въ удѣльную контору, посадили за него, вѣроятно, какогонибудь по женѣ родственника, который обокралъ и былъ таковъ, а брата моего теперь считаютъ и судятъ и потому живетъ въ городѣ, а жена въ деревнѣ и утѣшается свободою — ходитъ гулять съ камердиперомъ бывшимъ князя Грузинскаго: *щепель*, въ куртку, въ плисовыхъ шароварахъ, весь въ бронзовыхъ цѣпяхъ и говоритъ басомъ. Дома же она прядетъ вмѣстѣ съ дѣвками, подъ пѣсню посидѣлкидѣвки и т. д.; вечеромъ ѣздитъ по деревнямъ собирать съ крестьянъ пряжу и проч. самъ-другъ съ кучеромъ Киріаномъ: молодой парень, грубіанъ, вершковъ 10. Вся дворня ахаеетъ, говоритъ мнѣ Павелъ камердиперъ: Петрушка все еще ничего, а отъ Киріана житя нѣтъ никому. Вотъ главные лица, владѣльцы той усадьбы, откуда мой отецъ такъ чванно выѣзжалъ, гдѣ онъ и похороненъ. Если тамъ, гдѣ онъ теперь, душа также чувствуетъ и понимаетъ, какъ и здѣсь. Такъ вотъ *идь*, наказаніе за суетность.

Я занесся, любезный Александръ Сергѣевичъ; признаюсь тебѣ, братъ мнѣ до слезъ жалокъ, пособить ему нечѣмъ. Андрей Христофоровичъ былъ у него, видѣлъ его. Я этого не желаю, заочно содрогаюсь: у человѣка 80 т. чистаго доходу; не завидую, а жалѣю.

Поговоримъ теперь о человѣкѣ, у котораго чистаго долгу, съ казеннымъ, почти столько же, а доходу почти ничего. Богдановъ все пилить. Вееръ *) пугаетъ, Рахмановъ сулитъ и проч. и проч. и проч., а и хорошъ въ свою очередь! Думаемъ мы съ Андреемъ Христофоровичемъ. перекрестясь, начинать кое-какъ наше заведеніе. Дѣло вотъ въ чемъ: буде тебѣ легко достать денегъ, какъ ты сказывалъ; въ такомъ случаѣ достань и дай ихъ Андрею Христофоровичу, который закупить что слѣдуетъ для нашего начала: буде же не такъ легко, какъ мы думаемъ, въ такомъ случаѣ моя нижайшая просьба себя нисколько не тревожить. Много еще кой что есть писать; но мѣста только осталось на одно только то, чтобы ты не забылъ *портретъ*. П. Нащокинъ.

*) Московскій ростовщикъ у Никитскихъ воротъ. Пушкинъ заложилъ ему брилліанты, которыя не виѣлъ возможности выкупить.

7.

Ахъ, любезный Александръ Сергѣевичъ, ты не можешь вообразить мое мученіе, и нѣтъ отъ него спасенія. Я наконецъ долженъ сознаться, что оно во мнѣ. Нѣтъ ничего на свѣтѣ безпокойнѣй моей души. Я страдаю не отъ того, что денегъ нѣтъ, не отъ того, что боленъ, не отъ того, что скучно, даже не отъ того, что грустно; повѣришь ли, что мнѣ ни грустить, ни скучать, ни хворать никогда времени не было. Все мнѣ некогда, и ничего не дѣлаю видимаго; но сколько попустому работаю, не скажу умственно (ибо все безъ цѣли и безъ пользы), по головою, ибо отъ думанья она у меня ей-ей трещить. Сердце мое преглупое; и не думаю, чтобы у кого глупѣе оно могло быть; душа, чтò тутъ толковать? Ей-ей мочи нѣтъ, и не знаю, чтò дѣлать. Съ ума я никакъ не сойду, я это навѣрно знаю, а чтò будетъ, ей-ей не предвижу. Помнишь ли ты въ Русалкѣ, или гдѣ, танцовальщиковъ по неволѣ; я точно въ такомъ положеніи. Хочу отдохнуть, не могу, все у меня кипить. Плишетъ; мнительность, ревность, досада, шалость, нерѣшительность, и тутъ же упрямство. Про любовь я не говорю, ибо это все любовь. Духъ замираетъ, голова горитъ, рассказывать я не въ состояніи ни коротко, ни подробно, въ волненіи жестокомъ пишу не останавливаясь, что-то меня такъ въ шею и толкаетъ; тороплюсь, не зная куда и зачѣмъ; вездѣ, гдѣ ни бываю, вездѣ сердце сильно бьется, говорю не глупо, но никогда то, чтò хочу сказать. Дома трубка за трубкой, чай за чаемъ; отвѣчаетъ за меня языкъ, а не я; въ головѣ же моей, кромѣ безпрестанныхъ сценъ драматическихъ со всѣми лицами, ревнивыя сцены владычествуютъ ужасно, отвратительныя, подлыя, лукавыя и хитрыя до невозможности, т. е. до чего, какъ въ картахъ говорится, не *ставится*, и вмѣстѣ упрямство быть такъ, да и только, однимъ словомъ; вотъ что я заключилъ и какъ я представляю себя, это все мое *сердце*, мое предоброе, прямиое и препламенное, умъ мой пренедовѣрчивый и преотчетливый и замѣчательный. Воображеніе мое или душа моя возмущается какимъ-то подлымъ и тоже лукавымъ чортомъ. Чортъ возьми, силъ нѣтъ не писать чего нибудь, а писать такъ мудрено, что способу никакъ нѣтъ. Вертитъ меня точно на колесѣ.

Прости, ради Бога, что пишу вздоръ; право не чувствую, чтò пишу. Управитель твой пріѣхалъ, бумагу выправилъ, а денегъ опять не дадутъ; ибо я тебѣ и писалъ и сказывалъ сколько разъ, что надо по пятидесяти на душу, а у него опять только на 3, было прежде на 2. Ему надо ѣхать домой, а мнѣ перестать писать. Прощай на будущей почтѣ. Можетъ быть письмо будетъ плохо слогомъ повѣствовательнымъ.

Теперь и нужно бы было и удивительныя вещи можно бы рассказать, но не могу. Кровь слишкомъ волнуется. Прости, не сердись на письмо. Я такъ его писалъ, какъ воду холодную пить. Мнѣ нужно быть на сторожѣ, ибо играть въ карты я удерживаюсь; а не то бы я вотъ какъ бы согнулъ карту, семерку трефъ на три: т. е. на чисто пригребъ бы все золото, примазалъ бисъ, да еще примазалъ и выигралъ, но и проигралъ бы, а ужъ бы карту смялъ бы въ кулакѣ хорошенько, да и бросилъ. Прощай еще разъ, утѣшитель мой, радость моя. Я радъ, что я могу писать всякую глупость, и мнѣ право дѣла нѣтъ чтѣ. Кланяйся всѣмъ. Пиши какъ можешь ко мнѣ, а я не знаю чтѣ мнѣ желать, чтобы ты пріѣхалъ или нѣтъ. Вѣрь: пріѣзжай, я буду очень радъ. Первое письмо я давно написалъ. Твой Н.

8.

Въ концѣ 1832 г.

Любезный Александръ Сергѣевичъ! Наконецъ получилъ твое свидѣтельство, которое тебѣ и отсылаю, ибо оно никуда не годится: нѣтъ по пяти десятинъ на душу, ты самъ увидишь изъ онаго, а потому добавочныхъ не даютъ; къ сему еще разногласіе съ прежнимъ свидѣтельствомъ: тамъ 545 десятинъ, а здѣсь болѣе. Далѣе говорить нечего, ибо я сейчасъ ѣду въ деревню самъ хлопотать объ томъ же. Здоровъ ли ты и почему ты мнѣ ничего не пишешь? Для добавочныхъ тебѣ остается два средства: либо выпросить у отца, чтобы онъ далъ до тысячи десятинъ или свидѣтельство, вмѣсто чѣмъ на двѣсти душъ, на сто десять душъ, на которое число только земли у тебя и достаточно. Больше мнѣ времени нѣтъ тебѣ писать. Кланяйся нижайше Натальи Николаевнѣ и только. Еще просить позволенія одинъ артистъ, именно г. Варламовъ увѣдомить тебя, что онъ въ концертъ своемъ хочетъ сыграть сцену изъ Бориса Годунова, на что просить твое соизволеніе. П. Нащокинъ.

Федоръ Данилычъ, присылай денегъ, коли можешь *).

9.

10 Января 1833.

Любезный другъ Александръ Сергѣевичъ, давно я тебѣ не писалъ, былъ по обыкновенному все въ хлопотахъ. Да скажи ради Бога чтѣ твой управляющій или бурмистръ, чортъ его знаетъ, не присылаетъ мнѣ

*) Ф. Д. Шнейдеръ, докторъ и дѣловой человѣкъ, владѣлецъ большого дома на Зубовскомъ бульварѣ (въ 1868 году онъ еще лечилъ князя В. Ф. Одоевскаго); въ 1833-мъ г. онъ вѣроятно уѣзжалъ въ Петербургъ. Съ нимъ Нащокинъ держалъ какую-то фабрику въ Тюфелевой рощѣ, близъ Симонова монастыря. См. о немъ выше, въ Воспоминаніяхъ А. П. Кетова.

бумагъ. Изъ твоего письма видно, что ты полагаешь, что я ихъ давно получилъ и по онимъ уже и деньги, но ни того, ни другого; а безъ бумагъ, не смотря, что я имѣю довѣренность, ничего сдѣлать нельзя. Не пишеть ли онъ тебѣ что нибудь? Увѣдомь, сдѣлай милость. Я хотя и очень плохъ *финансами*, но къ этому я привыкъ. Фед. Дан. дѣло другое, онъ все платитъ на твой счетъ проценты по 25 рублей въ мѣсяцъ. Правда ли, что ты *академикъ*? я очень радъ. *Прочимъ* это не любо, но Богъ съ ними. Натальѣ Николаевнѣ мое почтеніе и съ барышней. Полевой на тебя крѣпко грозитъ, убью, говоритъ онъ; покуда кайся! Чтѣ съ Левушкой, умеръ или пропалъ? Объ немъ въ газетахъ есть, но никто не понимаетъ. Меморія не начиналъ, некогда. Друзей у тебя въ Москвѣ нѣтъ, ибо любятъ тебя бранить, кромѣ меня, разумѣется. Чтѣ твой романъ Петръ I-й и т. д.? Будетъ ли что нынѣшній годъ новаго? () портретъ я уже говорить не буду. Окуловъ *) каммеръ-геръ и очень радъ. У Горчакова мать умерла. Вельтманъ кланяется и пишеть романъ (*Кашей*) и еще не читалъ. Пріѣхалъ сюда Уханъ, который написалъ тьма тьму щую стиховъ, бываетъ у меня, пишеть мнѣ оперу, но я расканиваюсь, что заставилъ, ломается и по сту разъ читаетъ свои стихи; хороши, гладки, есть и картины, но все подражаніе всѣхъ, кто только извѣстенъ, твои, Вяз., Барат. и Вельтмана, всего понемногу. Своего еще ничего нѣтъ. Самъ онъ похожъ походкой и фигурой на твоего брата, но лживъ, хвастливъ и болтливъ. Объ себѣ (впрочемъ о всемъ другомъ) болѣе молчишь, у всѣхъ совѣта требуетъ и всѣхъ надуваетъ; правда, молодъ и очень молодъ, но и впередъ надежды нѣтъ. Фамилія его Бахтуринъ. Мнѣ не только что скучно, но даже несносно. Народу у меня очень много собирается, со всякимъ надо заниматься, а для чего, такъ *Богу угодно*. Ни читать, ни писать время нѣтъ; только и разговоры *здравствуйте, подай трубку, чаю. Прощайте* очень рѣдко, ибо у меня опять вочуютъ, а поутру не простясь уходятъ. Вотъ каково на этомъ свѣтѣ; на томъ хуже быть не можетъ. Прощай, воскресеніе нравственнаго бытія моего; авось опять пріѣдешь въ Москву и отогрѣешь, а покуда я костенѣю отъ стужи и скуки. Пиши иногда. П. Нащокинъ.

10.

Лишь только ты уѣхалъ, я пошелъ вверхъ, сѣлъ возлѣ дивана, гдѣ лежала Ольга Андреевна и сидѣлъ молча, слушая ея стенанья, бредъ приуровненный, проклятія, ругательства и т. п. вещи. Наконецъ утѣшились оба, она немного смокла, я не заговорилъ. Выбившись изъ

*) Матвѣй Алексѣевичъ, женатый на сестрѣ Нащокина, Настасьѣ Воиновнѣ.

силъ, я пошелъ спать; но не тутъ то было: вопли, стенанья подняли меня съ постели. Надѣвъ сапоги, халатъ, пошелъ и сѣлъ на то же мѣсто, продолжая молчать и промолчалъ около двухъ часовъ. Наконецъ естественность превозмогла искусство: захотѣли кушать, покушали и легли спать въ 9 часовъ. Спали смирно. Въ раннюю обѣдню разбудилъ меня колокольный звонъ, велѣлъ подать трубку, поставить самоваръ; лежа выпилъ стаканъ чаю, но по второму стакану Ольга Андр. встала, перешла на диванъ и прямо безъ всякаго предисловія началось то же, только фортиссимо. Я опять надѣлъ халатъ и сѣлъ, самоваръ еще кипитъ, день чуть брежитъ, а О. А. кричитъ по страдальчески: Охъ, батюшки, охъ, Боже мой, охъ-охъ-охъ... и что мнѣ дѣлать, и что я—ой, ай, ой—съ ума сойду, куда дѣваться! Постепенно прибавлялся смыслъ къ несвязнымъ словамъ, образовались упреки съ эпиграммами, наконецъ опять ругательства, проклятія и стращанія. Кончилось табакомъ. Я спросилъ пуншу и тутъ же придвинулъ столъ, къ тебѣ пишу, все тихо. Но вопросъ: пишу ли я къ В. А. *), я сказалъ нѣтъ и что пишу къ тебѣ съ твоего отъѣзда; я болѣе сего слова не сказалъ. Она, кажется, уснула; я однакожь боюсь окончить письмо, что тѣмъ ея не разбудить. Что будетъ далѣе, я не знаю, но вотъ тебѣ одно слово только про себя—грому бояться можно или позволительно, ибо онъ бывалъ смертеленъ, но кажется на сценѣ его нечего бояться; я все равно его боюсь, гдѣ бы онъ ни былъ и потому (дай Богъ не сглазить) я не понимаю, какъ меня ударомъ не пришибетъ. Въ пять лѣтъ можно узнать, что говорить нельзя и что надо молчать, но каково и молчать, и что будетъ—ей, ей, не знаю, а сойти внизъ мнѣ нельзя. Съ Гагаринымъ при ней говорить, хотя по-французски, я не долженъ, принимать никого не могу, боясь и драмы, и даже трагедіи при свидѣтеляхъ; неужели я не шевелюсь изъ слабости?.. Нѣтъ слабости и какая слабость, что за пустяки; но вотъ отъ чего, что я никакъ не теряю голову и всѣ неистовства предвижу, въ какомъ бы я положеніи ни былъ. Вотъ почему кажусь я слабъ, дѣлать нечего до времени, какъ сидѣть и не шевелиться. Кошмаръ, въявь и не во снѣ: кричать хочу, голосу нѣтъ, т. е. денегъ, ни рукой, ни ногой, ни головой шевельнуть нельзя, и все давить, давить и не задавить. Когда нибудь конецъ будетъ. Прощай. П. Нащокинъ.

11.

Выѣхалъ я изъ Москвы въ Тюфели съ тѣмъ, чтобы не возвращаться; не знаю куда и далеко ли заѣду. Олинъка не знаетъ, что я ее оставляю,

*) Върѣ Александровнѣ Нарской (дочери Петра Александровича Нащокина), на которой вскорѣ потомъ женился Павелъ Волновичъ Нащокинъ.

и воображеніе мое на счетъ ея въ грустномъ положеніи. Возокъ ужъ заложенный, и ѣду я въ одну подмосковную, гдѣ думаю жениться, на комъ, тебѣ извѣстно; но не знаю еще какъ удастся, ибо покуда кромѣ будущей и ея матери никто не знаетъ о моемъ рѣшительномъ намѣреніи, а кто не догадывался*) . . . и всѣ отговаривали на разныя манеры, но мнѣ кажется, коли что я захочу, того Богъ хочетъ, и потому, не смотря ни на что, что будетъ, то будетъ: хуже не будетъ. Къ усугубленію моей чувствительности скажу тебѣ, что Олинька послѣднее время была чрезвычайно мила и добра и нѣжна до привлекательности, и въ полночь была. Каково будетъ! Писать ко мнѣ ты можешь на имя Андрея Христофоровича Кренцера *машиниста* въ Тюфеляхъ, который между прочимъ просить, чтобы ты позволилъ бы ему въ случаѣ нужды адресоваться. Онъ уже будетъ знать о моемъ пребываніи. Еще прошу тебѣ позаботиться объ деньгахъ, ибо мнѣ никогда онѣ такъ не нужны какъ теперь и буде ты можешь ихъ прислать, пришли ихъ на имя А. Х. К., долженъ же ты мнѣ опять 4 т. Постарайся прислать всѣ и поскорѣе. Послѣ денежнаго разговора ничего больше не нахожу тебѣ сказать, что будь здоровъ и не забывай à la lettre истинно преданнаго тебѣ друга П. Нащокина.

12.

24-го Марта 1834 г.

Пишу тебѣ только для того, чтобы тебѣ напомнить обо мнѣ. Я здоровъ и счастливъ и все еще въ Тулѣ. Сейчас сажусь кровь пускать. Моціону не дѣлаю, сильныхъ ощущеній нѣтъ, и потому кровь привалила до того, что я голову нагнуть не могу. Прощай, драгоценный Пушкинъ. Ради Бога присылай денегъ и отдай Вяземскому. Общес наше почтеніе съ женою Натальѣ Николаевнѣ. П. Нащокинъ.

Ради Бога, займи, да пришли: у меня всего 5 рублей. Смерть хочется писать, но силъ никакихъ нѣтъ; такъ голова и горить.

13.

Любезный Александръ Сергѣевичъ! Теперь я въ Москвѣ, жена моя родила мнѣ дочь Катерину. Къ тебѣ я писалъ, но все не впасть: нигдѣ мои письма не могли тебя застать. Пришли, сдѣлай милость, остальные всѣ двѣ тысячи, а въ процентахъ мы при свиданіи сочтемся. Я пробуду здѣсь до Марта мѣсяца. Слава Богу, здоровъ, но все не такъ, какъ въ деревнѣ. Помни, другъ мой, обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, который тебя любилъ и все любитъ какъ никто изъ твоихъ

*) Одно слово разобрать не можемъ.

пріятелей. Пиши ко мнѣ въ Москву, на Знаменку, противъ бывшаго Апраксина дому, въ домъ г. Дорошевича. Еще прошу тебя, не розни деньги, а коли можешь пришли всѣ и поскорѣе. Весь твой П. Нацокинъ.

Ты мнѣ большое благодѣяніе можешь сдѣлать. Оно состоитъ вотъ въ чемъ: попроси Наталью Николаевну изъ данныхъ тобою денегъ купить женѣ моей для выѣзду шляпку и модной матеріи на платья четыре—всего рублей на 400. Говорить, есть какая-то матерія называемая *satain-laine*. Нельзя ли къ празднику прислать?

14.

Любезный и почтенный другъ Александръ Сергѣевичъ! Нѣтъ отъ тебя ни денегъ, ни письма, не знаю, что подумать, и то и другое для меня необходимо; деньги, чтобы успокоить желудокъ, письмо—чтобы успокоить совѣсть. Мнѣ совѣстно, что я ихъ у тебя прошу такъ настоятельно и думаю, что ты на меня за то въ неудовольствіи; но ей ей, съ тѣхъ поръ какъ я къ тебѣ писалъ, у меня денегъ уже не было, и теперь нѣтъ и другихъ не будетъ до Января мѣсяца. Миѣ совѣстно передъ тобою, мнѣ совѣстно передъ Тулою и совѣстно передъ собою; описывая нужду, которую я терплю, мнѣ оскорбительно, я никакъ не могу; довольно, если я скажу, что еще день безъ денегъ здѣсь, т. е. въ Тулѣ, я вообразить не могу, и этотъ день будетъ, и никакъ его не избѣжишь. Если ты еще не выслалъ денегъ, скажи, ради Бога, былъ ли у тебя Тульскій купецъ, что ты ему сказалъ, далъ ли ты ему денегъ или не забылъ ли ты мой адресъ: въ домъ купца Кондрашева, на Сѣнной площади, въ Тулѣ. Ради Бога отпиши и не сердись. Прости великодушно, что о деньгахъ только и пишу, болѣе ни о чемъ не могу. Отпиши хоть строчку. Прощай, боюсь надоѣсть, а то я въ духъ написать 10 страницъ и 1000 разъ упомянуть объ деньгахъ. О деньги, деньги! П. Нацокинъ.

3-го Мая 1834 г.

Тулъ. На Сѣнной площади, въ д. купца Кондрашова.

15.

Позабылъ тебя съ новымъ годомъ поздравить. Наталью Николаевну поздравь отъ меня и пожелай ей всего, любезный другъ Александръ Сергѣевичъ. Отпиши мнѣ хоть строчку, живъ ли ты и каковы твои дѣлишки. Мои и такъ и сякъ; теперь очень плохи, а можетъ быть и поправятся. Посылаю тебѣ повѣсти Мухина отъ самого автора. Я ихъ читалъ, онѣ мнѣ очень нравятся, въ нихъ много чувства, а автора въ нихъ совсѣмъ нѣтъ. Сдѣлай милость, къ собственнымъ ихъ достоин-

ствамъ прибавь словечко. Ему нужно, онъ человѣкъ небогатый, семейный, ему нужны деньги; а повѣсти, право, очень хороши. Еще попрошу у тебя для Щепкина; онъ человѣкъ хороший и съ семействомъ, и тоже человѣкъ небогатый, и нужны деньги. Въ Февраль мѣсяцъ у него бенефисъ, и Гоголь ему обѣщаль пьесу; но Гоголя нѣтъ и, можетъ статься, что и пьесы не будетъ. ему же нуженъ сборъ и потому нужна такого рода пьеса, которая бы привлекла публику. Таковую точно и нашли, это Дворянскіе Выборы. соч. Квитки. Комедія сія была пропущена цензурой, но 3-е отдѣленіе Императорской канцеляріи убѣдительноше просила контору Императорскаго театра не представлять ея до будущаго разрѣшенія; но формальнаго запрещенія не играть ее еще не было. И такъ нельзя ли попросить разрѣшенія хотя на одинъ бенефисъ М. С. Щепкина? Бude это будетъ возможно, въ такомъ случаѣ на посланномъ экземпляръ пускай напишуть, что сыграть можно. Копію же и экземпляръ шлю тебѣ посылкою, во всякомъ случаѣ, немедля возврати ко мнѣ. Прощай, до свиданья. Я къ тебѣ писалъ съ П. А. Нащокинымъ; не знаю, получилъ ли ты мое письмо или нѣтъ. Ждалъ я тебя въ Москву, по твоему обѣщанію; не знаю, почему ты не пріѣхалъ. У насъ много новостей и очень любопытныхъ; между прочимъ скажу тебѣ, что Н. Ф. Павловъ женится на m-elle Янишь, извѣстной какъ авторъ, а болѣе переводами твоихъ сочиненій. Жена моя проситъ поклониться Натальѣ Николаевнѣ. Я тоже низко кланяюсь. Пишу тебѣ съ Окуловымъ, ему можешь поручить отвѣтъ. Весь твой П. Нащокинъ.

16.

Любезный другъ Александръ Сергѣевичъ. Крайне мнѣ грустно будетъ, если я узнаю, что ты на меня сердисься. Нельзя и не сердиться на того, кто денегъ проситъ, особенно на четырехъ круглыхъ страницахъ; но дѣлать нечего, я еще и теперь къ тебѣ прибѣгаю съ тою же просьбою. Ты человѣкъ разсѣянный, а я человѣкъ отдаленный, и потому я и напоминаю, что только и нужно. Письмо же это посылаю не по почтѣ, а по оказіи съ Тульскимъ купцомъ, которому ты можешь, если еще не послалъ ко мнѣ денегъ, ему поручить мнѣ оныя доставить всю сумму или остальную; ибо не надѣюсь, чтобы ты всѣ вдругъ деньги ко мнѣ прислалъ. Въ твоемъ добромъ намѣреніи я не сомнѣваюсь, но на возможность падаетъ все мое сомнѣніе и то, что со мною такого благополучія никогда не случалось: обыкновенно или мнѣ совсѣмъ не платятъ, или раздробляютъ платежъ на шесть лѣтъ. Такова моя судьба. Заимовалъ же я по сту рублей, и то съ натяжкой, ибо первый вопросительный отвѣтъ на мое требованіе бывалъ: на что тебѣ?

Возьми четыре золотыхъ! Желалъ бы, чтобъ моя надежда совершилась, а я надѣюсь, что все перемѣнится; ибо я, какъ мнѣ кажется, наперекоръ судьбы, женился, и все пойдетъ ей теперь наперекоръ, а мнѣ къ удовольствію. Вяземскому, ради Бога, отдай 500, а остальные 3000 въ Тулу по возможности. Можешь еще достать столько же или хотя 2000, въ такомъ случаѣ ты одолжи меня на годъ, и можешь быть увѣренъ, что онѣ тебѣ приберегутся лучше. Слѣдственно ты не скупись, а дай мнѣ ихъ, коли будутъ; послѣ слобится; впрочемъ, сказать не бѣда, а тамъ какъ тебѣ угодно. Жена моя и я тебѣ низко кланяемся и просимъ тебя покорно засвидѣтельствовать отъ насъ Нат. Николаевнѣ нижайшее почтеніе. Я, слава Богу, здоровъ; погода здѣсь у насъ славная и грязь ужасная. Жена моя брюхата, безъ причуды, только не любитъ табаку; знать, будетъ старовѣрь. Я желаю дочь: она будетъ сестрою Павлу Павловичу; сынъ же, того и гляди, вмѣсто брата, сдѣлается ему бариномъ, чего я не хочу. Чтò мнѣ пріятно, что жена моя въ большой дружбѣ съ моимъ сыномъ. Прощай, любезный другъ, кланяйся всѣмъ, кто только вспомнить. Я всѣмъ доволенъ, кромѣ финансовъ. Отвѣчай мнѣ хоть словомъ, если не дѣломъ. Писалъ ли ты Кренцеру, что дѣлаетъ Есауловъ? Я объ нихъ крѣпко думаю. Поцѣлуй Соболевскаго и Греча, если они хорошо себя ведутъ. Будь здоровъ. Они люди добрые, но больно молоды. П. Нащобинъ.

На оборотъ листка рукою Пушкина:

Настючка травная,
 Настючка тройная,
 Изъ зелья составная,
 Удивительная!
 Въ присядку при народѣ
 Трикнулъ бы въ хороводѣ
 Подъ: збранной Воеводе
 Побѣдительная..

21-го Генваря 1835.

17.

Увѣдомляю тебя, Александръ Сергѣевичъ, что денегъ я 20 числа сего мѣсяца не получилъ и деньги тобою назначенныя мнѣ въ уплату получить не могу, какъ я предполагаю по моимъ замѣчаніямъ. Былъ у меня Завальевскій, и я былъ у него; онъ мнѣ и говорилъ, что ждетъ Соболевскаго; я же сказалъ, что жду его тоже и вмѣстѣ съ нимъ жду и денегъ, на что Завальевскій мнѣ объяснилъ все дѣло, что деньги отъ Полевого поручено ему получить, а онъ обязанъ внести въ Опекунскій Совѣтъ, чтò онъ и сдѣлаетъ; а что опъ мнѣ бы далъ денегъ, но у него нѣтъ, и что онъ и Соболевскому вынужденъ былъ отказать. Изъ сего ты самъ заключишь и разсудишь, какъ знаешь. Я теперь болѣе не объ

чемъ писать не могу. Наше почтеніе съ женою Натальѣ Николаевнѣ, а ты будь здоровъ и весель. Весь твой П. Нащокинъ.

18.

Любезный другъ Александръ Сергѣевичъ, долго я къ тебѣ не писалъ, давно и отъ тебя ничего не получалъ, впрочемъ мнѣ бы хотѣлось тебя видѣть и поговорить съ тобою, чѣмъ переписываться. Авось удастся мнѣ весною къ тебѣ побывать. Я уже и былъ наготовѣ ѣхать прошедшимъ первымъ путемъ, но Брянчанинову вздумалось взять съ меня расписку о невыѣздѣ изъ городу; послѣ этого не только ѣхать, но и говорить нечего. Теперь пишу тебѣ вслѣдствіе обѣда, который былъ у Окулова, въ честь знаменитаго Брюлова. Онъ отправляется въ Петербургъ по имянному повелѣнію. Уже давно, т.-е. такъ давно, что даже не помню, не встрѣчалъ я такого ловкаго, образованнаго и умнаго чело-вѣка; о талантѣ говорить мнѣ тоже нечего: извѣстенъ онъ всему міру и Риму. Тебя, т.-е. твое твореніе, онъ понимаетъ и удивляется равнодушію Русскихъ относительно къ тебѣ. Очень желаетъ съ тобою познакомиться и просилъ у меня къ тебѣ рекомендательнаго письма. Каково тебѣ покажется? Знать его хорошо у насъ приняли, что онъ боится къ тебѣ быть, не упредивъ тебя. Извинить его можно, онъ замѣтилъ вообще здѣсь большое чиновочитаніе, самъ же онъ чину мелкаго, даже не коллежскій ассессоръ. Что онъ гений, намъ это нипочемъ, въ Москвѣ геній не диковинка; не знаю, какъ у васъ. Ихъ у насъ столько, сколько въ Питерѣ, весною, разносчиковъ съ Мессинскими апельсинами. Пріѣхалъ онъ въ Москву за два или за три часа до начала спектакля; кресель онъ не досталъ, пошелъ въ стулья, гдѣ встрѣтилъ своего стараго товарища, узналъ его скоро по Калмыцкому его лицу. Это былъ Каракалпаковъ, смотритель лампъ и тому подобное Московскаго театра. Калмыкъ же, не имѣя съ своей стороны такого сильнаго аванжа, не узналъ до тѣхъ поръ, пока Брюловъ не назвалъ. Каракалпаковъ: Радъ, очень радъ, какъ самъ артистъ, что можетъ объявить своему начальнику, артисту и литератору-автору. (Всѣ служащіе при здѣшнемъ театрѣ, въ какихъ бы должностяхъ ни были, имѣютъ званія артистовъ). Бѣжитъ и докладываетъ Загоскину, что Брюловъ здѣсь и сидитъ въ стульяхъ. При семъ извѣстіи еще директоръ не опомнился, какъ всѣ окружающіе его, въ томъ числѣ и мой Окуловъ (артистъ тоже, другъ и наперстникъ Загоскина) пожелали видѣть Брюлова, и это слава Богу. Положили позвать Брюлова за кулисы. Каракалпаковъ привелъ его, и вотъ какъ его представляетъ Загоскину: Ну, братъ, что за картина, ужъ подлинно картина, какія краски, что за лица! Все это проговорено было съ приличными жестами, отъ которыхъ, я думаю, и теперь еще у Брюлова

плечи болятъ. Потормошивъ его порядкомъ, посадили въ ложу, продержали весь спектакль, и тѣмъ день кончился. Каракалпаковъ, какъ первая ступенька, на которую вступилъ Брюловъ въ собраніе Московскихъ артистовъ и литераторовъ, имѣлъ первенство: угощали его въ Расписномъ трактирѣ. На третій день обѣдалъ онъ у Тропинина. Вотъ онъ и у Окулова. Я не былъ приглашенъ, а былъ. Приглашены же были Загоскинъ, Верстовскій, генер. Жеребцовъ и др., не заслуживающіе большого вниманія. Во время обѣда не давали ему говорить. Пошли хвастать. Хозяинъ и его гости закидали его новѣйшими фразами, какъ то, что всѣ Музы сестры, что живописецъ пойметъ поэта и пр. Когда усталъ играть въ карты, я подсѣлъ къ Брюлову и слушалъ его о Италіи, которую онъ боготворить; дошла рѣчь о его занятіяхъ и о тебѣ. Послѣ обѣдалъ онъ у М. Ѳ. Орлова, гдѣ былъ весь «Московскій Наблюдатель». Теперь, говорятъ, артисты хотятъ дать ему обѣдъ по подпискѣ; хочется и мнѣ въ число артистовъ попасть; думаю, что буду не такъ какъ артистъ, но какъ шуринъ артиста, все равно лишь бы быть. Человѣкъ весьма привлекательный и если ты его увидишь и поговоришь съ нимъ, я увѣренъ, что мое желаніе побывать еще разъ съ нимъ тебѣ будетъ вполне понятно. Статья о Брюловѣ къ концу, и вотъ заключеніе. Прошу тебя покорно, такъ какъ ты очень разсѣянъ, не забыть спросить его адресъ у того, кто принесетъ тебѣ мое письмо; ибо оно очень длинно, и я бы не хотѣлъ, чтобы ты его читалъ при немъ. Это неловко, если онъ самъ паче чаянія привезетъ его. Потомъ, кому Римъ удивлялся, кого въ Миланѣ и въ Неаполѣ съ триумфомъ народъ на рукахъ носилъ, кому Европа рукоплескала, того прошу принять съ моимъ рекомендательнымъ письмомъ благосклонно. Весь твой П. Нацокинъ.

Если увидишь Соболевскаго, скажи ему, что ругательныя его письма очень милы. Скажи ему, что я былъ въ такихъ обстоятельствахъ, что если бы у меня и были деньги, то я бы, можетъ быть, ему ихъ и отдалъ, но у меня ихъ не было, и теперь такіе слухи носятъ здѣсь по Москвѣ, что уфъ какъ не хороши! Еще скажи ему, что я былъ боленъ горячкою. Дѣла его дѣлать съ купчихой я не могъ, ибо у меня дѣла были у самого неприятныя, что деньги же его я отдалъ на дняхъ Алек. Ник. Самсонову *), который у меня былъ самъ и видѣлъ лично, что у меня были другія хлопоты, и, наконецъ, скажи ему, что, не смотря на то, что онъ меня костилъ отъ чистаго сераца, но что я неблагодарнымъ быть не умѣю и что я во всей силѣ чувствую его одолженіе. Хотя это ему покажется неудовлетворительнымъ, какъ коммерческому человѣку, но

*) Отцу С. А. Соболевскаго.

авось когда-нибудь сдѣлается банкротъ: тогда мы ему на дѣлѣ постараемся доказать нашу не коммерческую, а человѣческую благодарность

19.

(1836 г.)

Любезный другъ Александръ Сергѣевичъ! Много бы было объ чемъ писать, да некогда. Что ты не аккуратенъ, это дѣло извѣстное. Не смотря, что извѣстное, надо тебѣ это сказать и, коли можно, и помочь. Бѣлинскій получалъ отъ Надеждина, чей журналъ уже запрещенъ, 3 т. Наблюдатель предлагалъ ему 5. Гречъ тоже его звалъ. Теперь, коли хочешь, онъ къ твоимъ услугамъ. Я его не видалъ, но его друзья, и въ томъ числѣ и Щепкинъ, говорятъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если придется ему на тебя работать. Ты мнѣ отпиши, и я его къ тебѣ пришлю. Современникъ твой очень хорошъ для меня, но не всѣмъ нравится. Предлагаю тебѣ помѣщать кое-что по художественной части, т. е. говорить о Брюловѣ, что онъ дѣлаетъ. Такъ у васъ художникамъ работы очень много, для иногородныхъ и Московскимъ жителямъ это будетъ любопытно. Еще скажу тебѣ, любезный другъ, что напрасно ты не надписывалъ къ кому на Современникъ для раздачи. Кажется, ты ко мнѣ посылалъ, ибо я такъ полагаю, ты на этотъ счетъ мнѣ не писалъ. Я раздавалъ, какъ умѣлъ, припоминая, тѣхъ, которымъ ты раздавалъ 1-й нумеръ, исключая Ив. Ив. Дмитріеву, которому безъ надписи не смѣлъ послать, и потому у него двухъ послѣднихъ №№ нѣтъ. Ты, вѣроятно, слава Богу здоровъ, жена и дѣти тоже. Братъ же твой, т. е. по женѣ, Сергѣй, женится на баронессѣ Шенкъ*); былъ сейчасъ у меня и объявилъ мнѣ. Звалъ меня къ себѣ. Завтра увижу я новую бель-сѣру. Натальѣ Николаевнѣ и тебѣ отпишу, какъ я ее нашла. Покуда скажу тебѣ, что, по словамъ Сергѣя Николаевича, у нея приданого не было и не будетъ. Теща твоя извѣщена имъ же, но отвѣту еще не имѣется. Женится онъ въ Тулѣ. Мои же дѣла идутъ шершаво, т. е. нынче-завтра плетусь по маленьку. Жена моя опять брюхата. Сердилась на тебя немного, что ты ей не высылаешь никакой моды, теперь перестала и забыла, а потому ничего не присылай: у тебя денегъ нѣтъ, а будутъ, такъ сочтемся; комиссіи же тебѣ давать нельзя. Со старымъ счетомъ ты мнѣ долженъ 3000. Прощай. Пріѣзжай ко мнѣ въ Москву и прошу слова свои взять назадъ не останавливаясь у меня: иначе ты потеряешь единственнаго преданнаго тебѣ человѣка. Прощай. Будь здоровъ и счастливъ. Жена моя и я свидѣтельствуемъ наше почтеніе Натальѣ Николаевнѣ. Весь твой П. Нащокинъ. Не можешь ли увѣдомить, гдѣ Гоголь. Куда ему писать? Меня просили узнать.

*) Это была первая супруга С. Н. Гончарова, младшаго изъ трехъ шурьевъ Пушкина, мать Сергѣя Сергѣевича, нынѣ члена Государственнаго Совѣта.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ ВИКТОРА ИВАНОВИЧА БАРЯТИНСКАГО

Послѣ Синопскаго боя *).

Корниловъ (при которомъ я состоялъ флагъ-офицеромъ) возвращаясь на пароходъ «Одесса» на Синопскій рейдъ съ погони за Турецкими паровымъ фрегатомъ «Тайфъ», повѣхалъ около времени захода солнца, на корабль «Императрица Марія». Нахимовъ встрѣтилъ его у трапа, и оба адмирала бросились въ объятія другъ друга. Корниловъ поздравилъ Нахимова и команду съ славною побѣдою. Поздравленіе было встрѣчено восторженными криками «ура». Павелъ Степановичъ повелъ Корнилова по палубѣ корабля и показывалъ ему поврежденія, коихъ было очень много. Офицеры и матросы были дѣятельно заняты исправленіемъ поврежденій въ рангоутѣ, снастяхъ, и задѣлываніемъ многочисленныхъ пробоинъ. Адмиралы пошли въ адмиральскую каюту. Я ихъ сопровождалъ. Подали чай, и я присутствовалъ при ихъ бесѣдѣ, которая продолжалась довольно долго, и меня, конечно, живо интересовала.

Вскорѣ наступили сумерки. Адмиралы вышли на кормовой балконъ, чтобы посмотреть на величественную картину, которую представлялъ въ этотъ моментъ Синопскій рейдъ. Турецкіе фрегаты горѣли, то одинъ то другой взлетая на воздухъ; ядра съ горящихъ непріятельскихъ судовъ отъ накаленія еще заряженныхъ орудій летали по рейду. Все море и наши корабли были освѣщены пылающими судами; изъ огня на берегу выдѣлялись мечети съ куполами и минаретами. Небо было занесено тучами, и на нихъ снизу отражался огонь, опустошавшій городъ и суда. Далѣе, по направленію къ открытому морю, тучи были мрачныя, и на нихъ какъ на черномъ фонѣ тысячи бѣлыхъ голубей, выгнанныхъ пожаромъ изъ города и летавшихъ по всѣмъ направленіямъ. Вдругъ адмиралъ Нахимовъ обращается ко мнѣ и говоритъ: «Князь, нарисуйте-съ эту картину». На мой отвѣтъ, что рисовать я не умѣю и что врядъ-ли кто въ состояніи изобразить подобную сцену, адмиралъ началъ настаивать, велѣлъ принести бумаги, карандашъ и посадилъ меня рисовать. Нечего дѣлать: начальникъ приказываетъ, нужно подчиниться. Свѣтъ отъ пожара былъ такъ ярокъ, что мнѣ не нужно было ни фонаря, ни свѣчи.

*) Было напечатано въ газетѣ „Крымскій Вѣстникъ“ № 227 отъ 3 Декабря 1888 г.

Я нарисовалъ карандашемъ эскизъ рейда, обозначая наши корабли и положеніе, ими занимаемое, съ надписями: 100 пушечный или 84-хъ пушечный, фрегатъ и т. д., потомъ суда Турецкіе, городъ съ мечетями, обозначая, какъ и въ какихъ мѣстахъ освѣщено море, небо и т. д.

Адмиралъ казался нѣсколько разочарованнымъ при видѣ моего произведенія; тѣмъ не менѣе рисунокъ этотъ потомъ пригодился мнѣ.

Оставивъ «Императрицу Марію», я съ адмираломъ Корниловымъ вернулся на пароходъ «Одесса», куда вскорѣ былъ привезенъ начальникъ Турецкой эскадры Османъ-паша, тяжело раненый и удрученный горемъ потеряннаго сраженія.

Во время пребыванія на кораблѣ «Императрица Марія», я посѣтилъ раненыхъ на кубрикѣ, въ числѣ коихъ находился бывший у меня на яхтѣ штурманскій офицеръ Плонскій. Ему оторвало ядромъ правую ногу выше колѣна; вскорѣ послѣ ампутаціи, онъ лежалъ блѣдный и почти истекшій кровью на койкѣ и, узнавъ меня, просилъ позаботиться, въ случаѣ смерти, объ участи престарѣлой его матери, при чемъ, шутя, упомянулъ, что, передъ выходомъ въ море, онъ заказалъ себѣ двѣ пары новыхъ сапогъ, дорого ему стоившія, и тутъ-же вспомнилъ, что у его товарища, штурманскаго-же офицера, оторвало лѣвую ногу, вслѣдствіе чего онъ разсудилъ, что сапоги съ правой ноги могутъ тому пригодиться, а лѣвые онъ оставилъ себѣ, и такимъ образомъ вернуть часть своихъ денегъ.

Когда флотъ вернулся въ Севастополь, главнокомандующій князь Меншиковъ послалъ за мною, чтобы сказать, что онъ отправляетъ къ князю Воронцову въ Тифлисъ курьера съ извѣстіемъ о побѣдѣ въ Синопѣ и спрашивалъ меня, не желаю-ли я взять на себя это порученіе, которое дастъ мнѣ случай повидаться съ моимъ братомъ, исправлявшимъ въ то время должность начальника главнаго штаба Кавказской арміи.

Я съ удовольствіемъ принялъ это порученіе, и поскакалъ въ тотъ-же день на перекладныхъ. Путь мой лежалъ на Симферополь, Феодосію, Керчь, Тамань, Ставрополь и т. д. Въ Феодосіи, куда я пріѣхалъ вечеромъ, я велѣлъ, пока впрягали другихъ лошадей, везти себя прямо къ И. К. Айвазовскому, у котораго я засталъ большое общество и гдѣ были всѣ сильно заинтересованы только что случившимся важнымъ событіемъ, тѣмъ болѣе, что въ открытомъ и неукрѣпленномъ съ моря городѣ, жители находились постоянно въ болѣе или менѣе тревожномъ состояніи.

Айвазовскаго особенно занималъ разговоръ о сраженіи съ точки зрѣнія художника. Мои впечатлѣнія были еще совершенно свѣжи. Съ помощью моего эскиза, я старался описать ему, какъ можно точнѣе, все мною видѣнное, а онъ особенно старался разузнать подробности

относительно колорита и освѣщенія тучъ, моря, кораблей и пр. Я передалъ все, что могъ, и изъ этого вышли двѣ прекрасныя картины, служащія украшеніемъ одной изъ залъ Зимняго дворца: одна картина изображаетъ битву днемъ, а другая видъ рейда вечеромъ.

И такъ Павелъ Степановичъ былъ правъ, приказавъ мнѣ рисовать эскизъ мойпринесъ свою пользу.

Не доѣзжая Ставрополя и слѣдуя по почтовой дорогѣ въ степи, я вижу мчащуюся на встрѣчу ко мнѣ тройку, а на офицерѣ, сидящемъ на телѣгѣ, флотскую фуражку. Подѣхавъ ближе, узнаю служившаго при князѣ Воронцовѣ по морской части, капитанъ-лейтенанта Савинича. Я его остановилъ и спросилъ куда ѣдетъ; онъ закричалъ: «отъ его свѣтлости къ его свѣтлости съ извѣстіемъ о славной побѣдѣ въ Малой Азіи при Башкадыклярѣ», на что я ему закричалъ: «А я ѣду отъ его свѣтлости къ его свѣтлости съ извѣстіемъ о славномъ морскомъ сраженіи въ Синопѣ, гдѣ мы истребили всю Турецкую эскадру». Тогда мы оба прокричали: «ура!», и рассказавъ кратко другъ другу, что каждый изъ насъ зналъ и видѣлъ, разѣхались въ противоположныя стороны.

Штормъ во время осады Севастополя.

Ноября 4-го числа 1854 года, около 12-ти час. дня, я переѣхалъ на шлюпкѣ съ Южной стороны Севастополя, гдѣ были мои занятія по службѣ, на Сѣверную, къ знакомымъ офицерамъ, состоявшимъ въ свитѣ князя Меншикова. Моя яхта стояла на якорѣ на рейдѣ, на ней было всего 3 или 4 человекъ матросовъ, и я помѣстилъ на ней недавно пріѣхавшихъ и не нашедшихъ еще квартиры флигель-адъютанта князя Паскевича и гусарскаго маіора князя Урусова. Заѣхавъ на яхту, я, какъ-бы предчувствуя что-то недоброе (хотя погода въ то время не грозила ничѣмъ особеннымъ), приказалъ бросить второй якорь и вытравить канату по 80-ти сажень.

Я пробылъ на Сѣверной сторонѣ нѣсколько часовъ и вечеромъ, послѣ захода солнца, направился къ пристани, около которой стояло нѣсколько военныхъ пароходовъ, между прочимъ «Эльборусъ» подъ командою знакомаго мнѣ капитана-лейтенанта Асланбекова. Я попросилъ его дать мнѣ шлюпку, чтобы переправиться на Южную сторону.

Въ это время уже дулъ свѣжій вѣтеръ, и такъ какъ люди его въ этотъ день были утомлены отъ работъ, онъ меня попросилъ, если можно, остаться переночевать у него на пароходѣ, и обѣщался дать мнѣ шлюпку на слѣдующее утро. Я долженъ былъ согласиться. Асланбековъ велѣлъ мнѣ приготовить постель на рундукѣ въ своей кормовой каютѣ, и я просидѣлъ съ нимъ вечеръ; во время ужина вѣтеръ все свѣжѣлъ, и я легъ спать уже довольно поздно. Командиръ оставался

наверху. Посреди каюты топилась желѣзная печь, труба которой выходила въ люкъ на палубу.

Проспавъ всю ночь крѣпкимъ сномъ, я услыхалъ утромъ рано страшный ревъ вѣтра, который около 8-ми час. дулъ уже настоящимъ ураганомъ. Слышны были командныя слова командира и офицеровъ, бѣготня на палубѣ. Вдругъ, сильный толчокъ; книги и вещи, стоявшія на полкѣ надъ рундукомъ, повалились на меня; вслѣдъ затѣмъ другой толчокъ, но гораздо сильнѣе перваго. Меня мгновенно сбросило съ постели на средину каюты, какъ разъ на пылающую печку; я машинально схватился правою рукою за трубу и сейчасъ же почувствовалъ, что у меня слѣзла съ руки вся кожа.

Тутъ я понялъ, что пароходъ подрейфовало съ якорей, что онъ ударяется о скалы и можетъ разбиться; волненіе развело большое. Я одѣлся какъ можно поспѣшнѣе и вышелъ на палубу. Мы были подъ самыми скалами; волны поднимали пароходъ, который, ударяясь о скалы, снова опускался и былъ стремительно опять бросаема въверхъ.

Рейдъ представлялъ картину ужасную. Все небо заволокло мрачными, быстро мчавшимися тучами, огромныя волны съ пѣнящимися верхушками неслись по направленію отъ S. W. во всю длину Севастопольской бухты. Нѣсколько судовъ, стоявшихъ на якорѣ и, между прочими, нѣсколько линейныхъ кораблей, дрейфовало. Мимо насъ уже проносились обломки съ судовъ, разбитыхъ бурей въ морѣ, большею частью купеческихъ, служившихъ непріятельскимъ флоту и арміи; видны были раздутые трупы быковъ, лошадей, и даже нѣсколько людей утопленниковъ проплыло мимо насъ.

Между тѣмъ на «Эльборусѣ» разводили уже давно пары и надѣялись успѣть отойти отъ берега.

Будучи на «Эльборусѣ» гостемъ и не имѣя никакихъ обязанностей, мнѣ пришла мысль попробовать выскочить на скалы и, такъ какъ домъ, гдѣ жили мои знакомые, былъ очень близко, я думалъ туда попасть.

Я началъ прицѣпляться, ставъ на бортъ и держась за снасти.

Раза два-три, пользуясь поднятіемъ парохода, я готовъ былъ броситься, но вдругъ весь пароходъ сталъ быстро опускаться; скала, о которую разбивались волны, представляла поверхность наклонную, совсѣмъ скользкую, и была опасность попасть между пароходомъ и камнями и быть раздавленнымъ. Наконецъ, когда пароходъ былъ снова брошенъ къ верху, я уловилъ самый благоприятный моментъ и выскочилъ прямо на скалу; но тутъ надо было торопиться, не дожидаясь слѣдующаго вала. Я поползъ на четверенькахъ по скалѣ и живо очутился на вершинѣ, успѣвъ уйти отъ волны, катившейся за мною; одни только всплески настигли меня. Спла вѣтра была такъ велика, что трудно было

держаться на ногахъ. Я кое-какъ дотащился до домика, гдѣ былъ штабъ князя Меншикова и, отворивши дверь, вошелъ прямо въ комнату, гдѣ знакомые мои сидѣли, прислушиваясь къ ужасному шуму урагана, отъ котораго весь домикъ дрожалъ. Они, конечно очень удивились моему появленію въ подобную минуту. Я тутъ-же почувствовалъ сильную боль отъ сдернутой съ руки моей кожи, боль, о которой, въ только что пройденныя мною тревожныя минуты, я и не думалъ.

Я былъ вынужденъ остаться цѣлый день на Сѣверной сторонѣ и только на слѣдующее утро поѣхалъ на Южную сторону. Первое лицо, встрѣтившееся мнѣ на Графской пристани, былъ адмиралъ Нахимовъ, прохаживавшійся, какъ въ обыкновенное мирное время, съ трубою въ рукахъ. Онъ подозвалъ меня и сказалъ: «Я любовался, какъ яхта ваша отставалась на якорѣ, между тѣмъ какъ такъ много военныхъ судовъ, пароходовъ, и даже нѣсколько кораблей, подрейфовало». Онъ одобрилъ мои распоряженія, что было мнѣ весьма пріятно.

Я узналъ потомъ отъ князя Паскевича и князя Урсова о ихъ впечатлѣніяхъ во время шторма. Они говорили, что, сидя въ большой каютѣ, они увидѣли вдругъ надъ собою въ люкѣ бушпритъ парохода, наваливаемаго на яхту (это былъ «Громоносецъ»). Они были въ большой опасности, пароходъ легко могъ потопить яхту; но къ счастью, они распутались, и пароходъ отошелъ. Оба князя дали себѣ обѣтъ, что больше не будутъ жить ни на яхтѣ, ни на пароходѣ, а преспокойно на сушѣ.

Этотъ штормъ, 5-го Ноября, былъ самый жестокій изъ всѣхъ случившихся во время осады Севастополя и причинилъ много бѣды союзнымъ войскамъ и флоту. Французскій линейный корабль «Hercule IV», былъ выброшенъ на берегъ у Евпаторіи, экипажъ же былъ спасенъ. У входа въ Балаклавскую бухту, стоялъ только-что прибывшій изъ Англійской арміи. Не успѣвъ войти въ узкую Балаклавскую бухту, онъ отставался въ открытомъ морѣ, былъ выброшенъ на скалы и погибъ, какъ я слышалъ, со всею командою и грузомъ. Несмѣтное множество судовъ купеческихъ погибло въ этотъ день въ открытомъ морѣ и у береговъ, и весь берегъ отъ Севастополя до Евпаторіи былъ усыянъ выброшенными обломками и трупами. Нашимъ казакамъ досталась выгодная и легкая добыча, и они долго еще продавали лошадей, скотъ и разный товаръ, бочки съ ромомъ, провизію, предназначавшіяся для Англо-Французскихъ войскъ. Въ непріятельскихъ лагеряхъ палатки были снесены вѣтромъ. Союзныя войска понесли большіе матеріальные убытки; но главное, это былъ поводъ имъ опасаться возможности продолжать осаду, такъ какъ они не владѣли довольно просторною и безопасною гаванью. До этой

бури много военныхъ судовъ стояло на якорѣ въ открытыхъ мѣстахъ, какъ въ Качѣ и Евпаторіи; но вскорѣ послѣ нея всѣ военныя суда непріятельскія втянулись, Французы въ Камышевую, а Англичане въ Балаклавскую бухты. Надобно признать, что союзники показали большую рѣшимость, такъ какъ ихъ положеніе было далеко не безопасно. Не бывъ въ состояніи обложить Севастополь съ Сѣверной стороны, они дали намъ этимъ возможность оставаться въ сообщеніи съ внутренними губерніями Россіи, и подкрѣпленія могли постоянно подходить къ намъ. Весь исходъ войны зависѣлъ отъ того, которая изъ воюющихъ сторонъ успѣетъ ихъ доставлять болѣе и скорѣе.

*

Одна изъ замѣчательныхъ личностей, съ которыми я познакомился во время осады Севастополя, былъ князь Урусовъ, служавшій въ гусарскомъ фельдмаршала графа Радецкого полку, тотъ самый, который жилъ на моей яхтѣ на Севастопольскомъ рейдѣ и подвергался вмѣстѣ съ княземъ Паскевичемъ большой опасности во время урагана 5 Ноября 1854 г. ¹⁾

Онъ пріѣхалъ въ Севастополь послѣ перваго бомбардированія и вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія, съ намѣреніемъ участвовать въ защитѣ съ гарнизономъ, находящимся въ городѣ. Онъ былъ прикомандированъ, сколько помню, къ Камчатскому пѣхотному полку, понесшему страшныя потери въ Инкерманскомъ сраженіи, и поступилъ прямо на 4-й бастионъ, состоявшій подъ командой адмирала Новосильскаго.

Этотъ бастионъ, какъ всѣмъ извѣстно, въ первые мѣсяцы осады служилъ главною цѣлью атаки союзниковъ, считавшихъ его ключемъ Севастополя. Можно было безпрестанно ожидать его штурма, и бастионъ подвергался неумолкаемому убійственному огню. Того и искалъ Урусовъ.

Онъ былъ въ чинѣ маіора, и ему дали батальонъ, чтѣ было легко, такъ какъ въ Инкерманскомъ сраженіи были убиты или выбиты изъ строя, кажется, всѣ батальонные командиры полка.

Сколько я могъ судить по наружности, Урусову тогда было 26 или 27 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ очень высокаго роста, стройный, съ красивыми чертами лица, съ выраженіемъ большаго добродушія, даже кротости и невозмутимости. Въ свободное отъ службы время онъ навѣщаль своихъ знакомыхъ и часто приходилъ ко мнѣ. Я занималъ въ то время съ товарищами по службѣ Петромъ Алексѣевичемъ Шестаковымъ Львовымъ (племянникомъ адмирала Лазарева ²⁾), Лихачевымъ и барономъ Крюднеромъ домъ контръ адмирала Истомина, рядомъ съ домомъ Нахимова, при которомъ я состоялъ послѣ смерти адмирала Корнилова.

¹⁾ См. о немъ „Русскій Архивъ“ 1903, III, 480.

²⁾ Они оба были убиты при атакѣ Французами Селенгинскаго редута.

Урусовъ ходилъ постоянно въ первое время въ гусарской формѣ, синей съ золотымъ шитьемъ, и представлялъ собою весьма видную мишень для непріятельскихъ стрѣлковъ. Побывъ около мѣсяца на 4-мъ бастионѣ, онъ находилъ эту службу слишкомъ монотонною: ни одного штурма со стороны союзниковъ, ни одной большой вылазки съ нашей, частыя тревоги безъ важныхъ результатовъ! Роль, которую игралъ гарнизонъ бастиона, была только оборонительная. «Хоть бы я былъ разъ раненъ», говаривалъ онъ, а то большую часть дня и ночи проводимъ въ блиндажахъ, въ длинные вечера скука смертельная, не знаю что дѣлать. Я бы попросилъ васъ дать мнѣ прочесть какія нибудь книги».

— Какія хотите? Историческія или романы?—«О нѣтъ! дайте мнѣ сочиненія по высшей математикѣ, напримѣръ, если можете достать, книгу о теоріи вѣроятностей.» Я очень удивился, но обѣщаль поискать; дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней успѣлъ я добыть желаемую книгу у одного флотскаго офицера.

Въ слѣдующее свое посѣщеніе онъ пришелъ съ лицомъ сіяющимъ отъ удовольствія. «Что такое?» спрашиваю я. Онъ показываетъ дыру въ шинели, которую растегиваетъ, потомъ открываетъ свою грудь, и я вижу на ней царапину. «Это первая моя рана! Я очень счастливъ и могу все-таки продолжать службу. А что же обѣщанная вами книга? Достали ли ее?» Я взялъ ее со стола и подаль ему. Онъ былъ въ восторгѣ. «Это именно что я хотѣлъ, теперь вечера покажутся мнѣ сносно», взялъ ее подъ мышки и ушелъ на бастионъ. Черезъ нѣсколько дней зашелъ онъ опять ко мнѣ съ выраженіемъ самымъ довольнымъ и сказалъ: «Какъ я вамъ благодаренъ за эту книгу! Я провелъ прелестнѣйшія ночи въ ея чтеніи; такого наслажденія я давно не испыталъ. Это лучше всякаго романа, всякой другой книги.»

У него былъ замѣчательный голосъ баритонъ; онъ игралъ на фортепіано и особенно хорошо на віолончелѣ, которую онъ возилъ съ собою и оставилъ потомъ на моей квартирѣ. У меня составились хоры, между прочими бывалъ Грейгъ*), у котораго былъ тоже хорошій голосъ, и еще другіе, и мы пѣли хоры изъ Гугенотовъ, Пророка, Нормы и пр.

Урусовъ былъ извѣстнымъ игрокомъ въ шахматы, однимъ изъ первыхъ въ Россіи и игралъ по перепискѣ со знаменитыми Лондонскими, Парижскими и Нью-іоркскими игроками. Онъ взялся играть разомъ три партіи съ тѣмъ, чтобы не смотрѣть на шахматныя доски, и предлагалъ сдѣлать это у меня. Я сталъ освѣдомляться объ игрокахъ въ кругу знакомыхъ офицеровъ и отыскалъ трехъ человекъ, согласившихся сразиться съ Урусовымъ.

*) Будущій министръ финансовъ.

Быль назначенъ вечеръ. Я пригласилъ знакомыхъ съ Южной и Сѣверной сторонъ, чтобы присутствовать при состязаніи и между прочими плѣннаго Французскаго полковника m-r Pierre, командира батальона зуавовъ, взятаго въ плѣнъ при отбитой атакѣ Франгузовъ на одинъ изъ нашихъ редутовъ. Онъ самъ былъ хорошимъ игрокомъ. Поставили три стола, за которыми усѣлись три противника. Урусова, а противъ нихъ къ каждому столу по одному лицу; ихъ обязанностью было исполнять указанія Урусова, которому они громко должны были передавать каждое движеніе противниковъ. Я былъ въ числѣ лицъ, замѣнявшихъ его у одного изъ столовъ. Онъ самъ сѣлъ у другого конца комнаты, спиною къ шахматнымъ столамъ. Игра началась въ 7-мъ часу вечера. Каждый столъ имѣлъ свой номеръ. Урусовъ началъ съ перваго. Онъ говорилъ громко, напр. «у стола № I: четвертая пѣшка съ лѣвой стороны два шага впередъ», тогда ему передавали, какой шагъ сдѣлалъ противникъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ переходилъ къ № II и когда ему сообщали о ходѣ противника, то онъ переходилъ къ столу № III и потомъ возвращался опять къ № I, и такъ далѣе.

Всѣ слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за игрою; была мертвая тишина, слышны были только голоса тѣхъ которые объявляли о ходахъ той или другой стороны. Надобно замѣтить, что во все это время присутствовавшіе подвергались довольно большой опасности, потому что конгревовы ракеты, пускаемыя съ Англійскихъ батарей на Ингерманскихъ высотахъ, направлялись каждый вечеръ на пунктъ, гдѣ мы находились и на близъ лежащую мѣстность, и безпрестанно мы слышали кругомъ въ самомъ близкомъ разстояніи взрывы этихъ снарядовъ. Попади одна ракета въ крышу, она пробила бы ее и могла бы пронизать оба этажа дома, а взрывомъ разрушить совершенно жилия комнаты. Не смотря на сильныя сотрясенія, съ трескомъ и шумомъ, отъ этихъ ракетъ, Урусовъ продолжалъ невозмутимо свою тройную игру, похлебывая при семъ по глотку изъ стакана чая. Вдругъ, по истеченіи 2-хъ или 3-хъ часовъ отъ начала партіи, онъ говоритъ мнѣ: «подвиньте Коня на такую-то клѣтку». Я ему отвѣчаю: этого сдѣлать нельзя, потому что тутъ стоитъ Королева. «Не можетъ быть», возражаетъ онъ. Игра остановилась. Я призываю присутствующихъ и назначенныхъ нами самими судей; всѣ подтверждаютъ мои слова. Тогда Урусовъ началъ вспоминать каждый шагъ свой и противника у этого стола за 20 ходовъ назадъ, изъ чего заключилъ, что Королевы на сказанной клѣткѣ быть не можетъ. Вышло, что это я ошибся. Надобно было исправить происшедшую ошибку, что онъ сдѣлалъ скоро и легко. Состязаніе кончилось далеко за полночь. Урусовъ выигралъ двѣ партіи, одинъ изъ его противниковъ одну.

Я не могу не вспомнить здѣсь объ одномъ фактѣ особенно характеризующемъ тотъ родъ жизни, которую вели тогда въ Севастополѣ, гдѣ безпрестанно выбывали изъ рядовъ знакомые, всѣхъ оружіемъ военные, и гдѣ вѣсть объ убитыхъ, какъ вещь самая обыкновенная, никого не удивляла и не поражала. Когда былъ убитъ на Малаховомъ курганѣ храбрый его защитникъ Владимиръ Ивановичъ Пестоминъ, тѣло его принесли въ занимаемый мною его домъ. Мы одѣли его въ полную адмиральскую форму съ шитымъ воротникомъ, съ Георгіемъ 3-й степени на шеѣ, и положили его на столъ посреди комнаты. Такъ какъ голова была оторвана ядромъ, то надъ воротникомъ была пустота; собранные кѣмъ-то остатки черепа и мозга были завернуты въ носовой платокъ и положены около мѣста головы. Отпѣваніе происходило сейчасъ же, и мы его понесли на гору, на то мѣсто, гдѣ были уже похоронены адмиралы Лазаревъ и Корниловъ и гдѣ предполагалось строить новый храмъ. Въ тотъ же самый вечеръ ко мнѣ пришли разные знакомые, между прочими Урусовъ и Грейгъ и пѣли хоры и играли на фортепіано и віолончель.

Весною потери на бастионахъ дѣлались болѣе и болѣе значительными, и такъ какъ было запрещено хоронить на Южной сторонѣ, то покойниковъ приносили на Графскую пристань, откуда на гребныхъ судахъ, для того предназначенныхъ, возили ихъ хоронить на Сѣверную сторону. По пути отъ бастионовъ къ пристани были устроены, въ известномъ разстояніи одна отъ другой, станціи, на которыхъ укладывали убитыхъ офицеровъ ¹⁾. Моя квартира была выбрана начальствомъ какъ одинъ изъ этихъ пунктовъ; каждый день приносили ко мнѣ покойниковъ. Ближе къ бастионамъ стояла постоянно военная музыка, она раза два или три въ день приводилась въ движеніе и забирала по пути на всѣхъ станціяхъ убитыхъ офицеровъ и сопровождала ихъ подъ звуки погребальнаго марша до Графской пристани ²⁾, такъ что по нѣскольку

¹⁾ Нижнихъ чиновъ убитыхъ было такъ много, что ихъ возили гуртомъ и хоронили также на Сѣверной сторонѣ.

²⁾ Кромѣ тѣхъ убитыхъ, въ концѣ дня, съ перевязочныхъ пунктовъ приносили къ той же пристани въ мѣшкахъ отнятые ампутаціей члены руки, ноги, и также перевозили на Сѣверную сторону на шлюпкахъ, имѣвшихъ это назначеніе. Однимъ изъ главныхъ перевязочныхъ пунктовъ служилъ офицерскій клубъ; день и ночь въ залахъ и особенно въ большой бильярдной можно было видѣть медиковъ безъ скрутокъ, съ засученными рукавами и въ бѣлыхъ окровавленныхъ сартукахъ, рѣзущихъ руки и ноги. Въ большой танцевальной залѣ, гдѣ я часто участвовалъ въ прежнія времена въ веселыхъ и оживленныхъ вечерахъ, стояло множество кроватей съ ранеными, за которыми усердно ухаживали сестры Крестовоздвиженской общины и нѣкоторые изъ Севастопольскихъ дамъ. Изъ послѣднихъ особенно отличалась жена лейтенанта Мусина-Пушкина (служившаго у меня на бригѣ „Эней“ старшимъ офицеромъ). Она принялась одною изъ первыхъ, въ самомъ началѣ осады, когда не было еще Крестовоздвиженской общины, ухаживать за ранеными. Она ходила каждый день на бастионъ № 4, гдѣ служилъ ей мужъ, сопровож-

разъ въ день приносили тѣла на мою квартиру и выносили ихъ изъ нея; остальное время мнѣ слышны были постоянно день и ночь монотонное чтеніе Псалтыря и пѣніе дьячка въ бывшей нашей столовой, которую мы должны были обратить въ усыпальный покой.

Жизнь на бастионѣ все-таки не удовлетворяла Урусова; она казалась ему слишкомъ однообразною, не смотря на частыя, но не очень значительныя съ нашей стороны вылазки, на страшный огонь направленный на наши укрѣпленія, надъ которыми весь вечеръ и всю ночь летяющія и разрывающіяся на воздухѣ бомбы представляли видъ чудовищнаго фейерверка. Онъ вздумалъ просить начальство о назначеніи его въ траншей-маіору. Эта должность, самая опасная изъ всѣхъ во время осады крѣпостей, состоитъ въ завѣдываніи тѣми частями войскъ, которыя впереди линіи укрѣпленій, т. е. на пространствахъ между бастионами и непріятельскими батареями, тамъ гдѣ находится самые передовые ложементы, въ которыхъ сидятъ стрѣлки; особенно опасенъ моментъ смѣны солдатъ.

Урусовъ говорилъ, что по правиламъ статута военного ордена св. Георгія, траншей-маіоръ, прослужившій безсмѣнно одинъ мѣсяцъ на этомъ посту, получаетъ обязательно Георгіевскій крестъ. Начальство приняло его просьбу, и онъ поступилъ траншей-маіоромъ на тотъ же бастионъ № 4-й, гдѣ всѣ предшествовавшіе ему въ этой должности офицеры были убиваемы одни за другими. Онъ остался 28 дней цѣль и невредимъ и требовалъ Георгіевскій крестъ; ему отказали, не помню по какой причинѣ; онъ былъ очень обиженъ, но продолжалъ еще цѣлый мѣсяцъ эту службу и все-таки Георгія не получилъ.

Впослѣдствіи, признавая его необыкновенную храбрость и военныя достоинства, его назначили командиромъ Полтавскаго пѣхотнаго полка. Съ этимъ-то полкомъ онъ стоялъ на бастионѣ № 2-й и блистательно отбилъ штурмъ Французовъ въ Іюнь 1855 г. Тогда только онъ получилъ Георгіевскій крестъ.

Съ тѣхъ поръ, т. е. со времени осады Севастополя, я съ нимъ не встрѣчался, но слышалъ, что онъ живъ и находится въ Москвѣ, гдѣ продолжаетъ быть однимъ изъ лучшихъ шахматистовъ.

(Писано въ 1888 году).

даемая матросомъ-въстовымъ. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ при ней. Я ее упрекала въ томъ, что она подвергалась такой опасности; она отвѣчала: „Повѣрьте, князь, что я не знаю, что такое чувство страха, никогда его не испытывала“. Въ другой разъ, во время близости ея мужа, котораго перенесли въ городъ на квартиру, и ихъ посѣтилъ, и въ тотъ же день упавшую бомбу разорвало въ сосѣдней комнатѣ: она осталась на квартирѣ и ничего не боялась.

**Письмо императора Александра Павловича
къ графу Н. И. Салтыкову.**

Графъ Николай Ивановичъ!

По извѣстности, что въ канцеляріяхъ и департаментахъ министерскихъ находятся излишніе чиновники, и многіе для одной только лишней службѣ числятся при канцеляріяхъ на своемъ содержаніи, я считаю, что они лучшую принесутъ пользу государству, опредѣлясь въ армию по указу, данному мною сего числа Правительствующему Сенату, коимъ отвергается тутъ всякому гражданскому чиновнику отличиться на полѣ брани. Вслѣдствіе сего поручаю вамъ изъяснить волю мою министрамъ, дабы они сократили число людей въ канцеляріяхъ и мѣстахъ имъ подчиненныхъ до возможности, чтобы самое только нужное количество чиновниковъ оставлено было, а прочіихъ всѣхъ или уволили отъ службы, или согласили на опредѣленіе въ полки.

Ограничивъ симъ образомъ количество чиновъ необходимое для отправленія дѣлъ, я не позволяю уже опредѣлять другихъ на мѣста тѣхъ, кои отставлены будутъ или поступятъ на военную службу, ибо въ нынѣшнее время молодые люди наиболѣе нужны для арміи. И по сему же самому уваженію желаю, чтобы отнынѣ сверхъ штата и лишніехъ не было чиновниковъ въ канцеляріяхъ и департаментахъ министерскихъ.

Пребываю вамъ всегда благосклонный. Александръ.

Г. Вильно. 18 Декабря 1812 года *).

П О П Р А В К А

Въ 8-й тетради „Русскаго Архива“ нынѣшняго года (стр. 597), напечатано: „Хомяковъ не могъ хорошо вести свое сельское хозяйство, которое досталось его дѣтямъ обремененное долгами“. Конечно самый вопросъ о плохомъ или хорошемъ хозяйничаніи Хомякова, въ виду его значенія въ высшей области, очень неваженъ; тѣмъ не менѣе за чѣмъ же допускать появленіе въ печати увѣренія, которое совершенно неточно? Надо конечно удивляться, что отецъ мой находилъ время для занятій хозяйствомъ очень обширнымъ; однако онъ его находилъ, что доказывается тѣмъ, что онъ уплатилъ всѣ частныя и почти всѣ банковыя долги, заключенные его матерью для выкупа имѣній ея мужа, а моего дѣда, пріобрѣлъ въ послѣдніе годы жизни нѣсколько тысячъ десятинъ въ Донковскомъ (Рязанской губ.) уѣздѣ, построилъ въ немъ сахарный заводъ и умирая оставилъ наслѣдникамъ имѣніе *безъ всякихъ частныхъ долговъ* и съ ничтожнымъ, сравнительно, долгомъ Опекунскому Совѣту, сдѣланнымъ не имъ, а по причинамъ отъ него не зависившимъ.

Дмитрій Хомяковъ.

О П Е Ч А Т К И.

Стр. 88 вм. Косповскій надо *Колмовскій*. Стр. 382 вм. Avingli надо *Aringhi*.

*) Извѣстно, что Н. И. Салтыкову (повдѣе князю), вѣогда воспитателю Александра Павловича, предоставлено было все управленіе внутренними дѣлами на время отъезда Государя въ чужіе края. Заимствуемъ это письмо изъ 8-й части Щукинскаго Сборника бумагъ Отечественной войны. П. Б.

Книга шестнадцатая. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу (1759—1789), къ П. В. Завадовскому, гр. А. А. Безбородку. Переписка съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею 1788—9), письма къ гр. Остерману, М. К. Махарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

Книга семнадцатая. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну (1798—1830).

Книга восемнадцатая. Письма кн. В. П. Кочубей къ гр. С. Р. Воронцову (1791—1805). Д. П. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ (1794—1804). Н. Н. Новосильцова (1801—1805).

Книга девятнадцатая. Переписка гр. С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ (1796—1805) и С. К. Грейгомъ. (1786—1826).

Книга двадцатая. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову (1786—1816), В. С. Тамары (1775—1803), А. Я. Итальяскаго (1787—1806), барона Грима (1793—1804), В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова (180—20). Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

Книга двадцать первая. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіи Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра Ш-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянскои къ гр. С. Р. Воронцову (1783—7).

Книга двадцать вторая. Переписка гр. С. Р. и Л. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи (1796—1816).

Книга двадцать третья. Письма Н. М. Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову (1803—1823).

Книга двадцать четвертая. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестока. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма къ гр. А. Р. Воронцову, И. И. Голякова, А. В. Храповицкаго къ гр. С. Р. Воронцову, гр. П. А. Зубова, П. И. Измайлова, А. В. Гудовича (объ отношеніяхъ къ Павлу Петровичу). Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

Книга двадцать пятая. Основательно изслѣдованныя и взысканныя причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова. О царствованіи Іоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. *Etat de la famille du duc de Brunswick. (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estocq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ (1754—1755). Relation de la révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записки о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Записка о Малороссіи. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой.*

Книга двадцать шестая. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышева Екатеринѣ Второй объ открытіи Московскои губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Арнсельда.

Цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающіе не менѣе 10 книгъ пользуются уступкою 10⁰/₀.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

Н А

РУССКІЙ АРХИВЪ

1904 года.

(Годъ 42-й).

Годовая цена „Русскому Архиву“ въ 1904 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой девять рублей; для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ Петербургѣ—Васильевскій Островъ, 10-я линія, кв. 15-я, у М. К. Соколовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ приемъ подлинныхъ документовъ и автобиографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владельцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаютъ по слѣдующимъ ценамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ф. И. Тютчева и князя В. Ф. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890—1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по

7 р.; годы 1898—1903 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перевѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный в заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—30 копѣекъ; иногороднаго на Московскій—40 копѣекъ (по унквалъ, котормъ аймажотъ Почтамтомъ). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ Петръ Вартенеръ.

Открыта подписка на „Русскій Архивъ„ въ 1905 году.

(Годъ сорокъ третій).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1904

12.

Стр.

465. Очерки моей жизни. Воспоминанія Григорія Николаевича Александрова.
564. Святая могила. Біографическія замѣтки о С. В. Колычевѣ, А. А. Голомбѣвскаго.
580. Письма Сперанскаго къ П. С. Руничу и къ Пензенской помещицѣ.
585. Положеніе православныхъ церквей въ конституціонныхъ государствахъ. И. Е. Троицкаго.
589. Путешествіе въ луну. Повѣсть Аввы Петровны Зонтага.
600. Ода памяти Петра Третьяго. Анны Алексѣевны Турчаниновой.
602. Письмо Натальи Николаевны Пушкиной къ П. В. Нащокину.
603. Изъ воспоминаній князя Виктора Ивановича Барятинскаго. Братья Б. Ихъ отецъ и няня.
606. Наявнупъ послѣдней нашей войны съ Турціей и въ теченіи оной. Три письма.
609. Вознагражденіе врачамъ въ Московской Россіи. М. Ю. Лактина.
615. Къ исторіи нашихъ первоначальныхъ сношеній съ Японцами.
621. Письмо О. М. Сомова къ В. Г. Теплякову.
622. Изъ дневника преосвященнаго Порфирія Успенскаго.
623. А. М. Тургеневъ (Изъ одного дневника).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1904.

Щукинскій сборникъ. Выпускъ третій. Москва. 1904, большая 4-ка, VII, 487 и 3 неч. стр.

Это новый даръ, приносимый достопочтеннымъ Петромъ Ивановичемъ Щукинымъ изученію родной старины и любознательности исторической. Въ III-мъ выпускѣ Сборника напечатаны разнообразныя бумаги, обнимающія собою время съ 1529 года до царствования Александра Николаевича; тутъ кабалныя и жалованныя грамоты, и челобитныя, и письма Екатерины II-й, и обширныя автобіографическія записки генерала Мосолова, и переписка братьевъ Мухановыхъ, гдѣ является извѣстная „беззаконная комета въ кругу расчисленномъ свѣтилъ“. При такой пестротѣ содержанія конечно нуженъ азбучный указатель хоть бы только личныхъ именъ, и мы надѣемся, что найдутся любители, которые возмутъ на себя трудъ заняться такимъ указателемъ ко всемъ изданіямъ П. П. Щукина, въ родѣ прекраснаго указателя къ 29 томамъ Исторіи Россіи С. М. Соловьева, составленнаго младшимъ его сыномъ. Тогда самому владѣльцу легче будетъ опознаваться въ громадномъ запасѣ бытовыхъ, историческихъ и литературныхъ показаній, собранныхъ его просвѣщенною неутомимостью.

*

Очеркъ исторіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. 1802 -- 1902. С.-Петербургъ. 1902, большая 8-ка, 4 неч., 206 и 33 стр.

Графъ Александръ Николаевичъ Ламсдорфъ почтилъ „Русскій Архивъ“ доставленіемъ этой великолѣпно изданной книги, со множествомъ портретовъ и видовъ въ среднѣхъ страницъ и на отдѣльныхъ листахъ. Книга из-

готовлена къ столѣтію учрежденія; но въ ней изложена и допетровская его исторія и притомъ такъ обстоятельно, какъ не доводилось намъ прежде читать (это трудъ С. А. Бѣлокурова); однако не обращено вниманія на то, что старинныя наши дѣятели этого вѣдомства превосходили Петровскихъ толковостью, простотою и прекраснымъ изложеніемъ. Сравните напр. наши статейные списки съ перепискою князя В. П. Куракина. Судороги, искажавшія прекрасное лицо Петра Великаго, отражались какъ въ его почеркѣ, такъ и во введеніи внутреннихъ дѣлъ бывшаго Посольскаго Приказа. Только при Елизаветѣ и Екатеринѣ языкъ этого вѣдомства пріобрѣтаетъ сравнительное достоинство и ясность. Въ старину сношеніями съ чужими краями завѣдывали „совѣтники“ и „большіе люди, которые у великаго князя въ избѣ живутъ“ (т. е. бывають, а не то, какъ въ исторіи С. М. Соловьева въ одномъ мѣстѣ сказано, будто это значить, что проживають въ помѣщеніи великаго князя; и теперь простолюдины говорятъ: нынѣ хлѣбъ дорого живетъ). Въ числѣ Петровскихъ посланцевъ въ Вѣну поминается Василій Ивановичъ Еверлаковъ. Это родной дѣдъ славныхъ графовъ Никиты и Петра Ивановичей Паниныхъ, женатый на одной изъ сестеръ князя А. Д. Меншикова.

Портреты и рисунки, кои въ снабжена эта книга, придають ей значеніе лицевой исторіи со временъ допетровскихъ и до нашего времени, а лицо бываетъ часто зеркаломъ души. Тутъ обширное поле для догадокъ о соответствіи между дѣятельностью и родовымъ происхожденіемъ человѣка. Нѣкоторые портреты довелось намъ

ОЧЕРКИ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Переступивъ за 74 года жизни и 53 года службы тремъ царямъ и отечеству, не безъ боязни приступаю къ составленію очерковъ сихъ. Ноюсь во 1-хъ, быть пристрастнымъ къ самому себѣ по общей слабости всѣхъ смертныхъ видѣть въ себѣ болѣе достоинствъ, нежели въ другихъ; во 2-хъ, потому что автобіографіи могутъ быть интересны только лицъ, высокостоящихъ въ средѣ общественной дѣятельности; мнѣ же судьба опредѣлила пройти нелегкій путь почти во всѣхъ слояхъ общества, но не ставила меня на высокую степень извѣстности. Имя мое не красуется въ придворномъ адресъ-календарѣ, опредѣляющемъ достоинства помѣщенныхъ въ немъ лицъ; нѣтъ его и въ печатномъ спискѣ тѣхъ особъ, о прїѣздѣ или выѣздѣ которыхъ объявляютъ дневные бюллетени. Итакъ среда, въ которой я вращался и вращаюсь уже почти полвѣка, не блестяща; слѣдовательно и интереса большого для читателя обѣщать не смѣю. Но по пословицѣ *«чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ»* (дѣлиться), думаю, что пережитое и здѣсь чистосердечно рассказанное займетъ читателя. Можетъ быть, иные эпизоды изъ моей нехитрой жизни послужатъ къ развлеченію скуки тому, кто съ ней къ несчастію знакомъ, или наведетъ на серьезныя размышленія, кто ихъ любитъ, или же послужитъ цѣлебнымъ бальзамомъ отъ бессонницы.

I.

Первобытное состояніе. Дѣтство. Первая впечатлѣнія жизни. Оспа. Комета. 1812 годъ. Нашествіе Французовъ и укрывательство отъ нихъ. Мародѣры. Возстаніе жителей противъ Французовъ.

Кто были мои предки, доказывать не берусь. По собраннымъ въ 1847 году даннымъ я могъ убѣдиться только въ томъ, что они принадлежали къ низшему сословію и ни въ одну изъ 6-ти дворянскихъ книгъ не попали. Родился я въ 1806 году, въ бѣдномъ уѣздномъ городѣ Смоленской губерніи, Ельнѣ. Отца своего, умершаго до 1812 года, вовсе не помню. Первое, что изъ семейной жизни запомнилъ: это мать моя Матрена Онисимовна (дай ей Богъ царство небесное!), я и братъ мой грудной младенецъ: вся наша семья. Жили мы въ своемъ домѣ. При домѣ былъ незатѣйливый садъ, въ которомъ было много фруктовъ, кои я раздавалъ съ удовольствіемъ подобнымъ мнѣ дѣтямъ, приходившимъ къ

частоколу нашего сада. Въ саду ходила наша лошадь. Я къ ней однажды подошелъ и схватилъ ее сзади за хвостъ (доказательство, что я еще былъ очень малъ и глупъ), а она ударила меня заднею ногою въ голову и разбила черепъ головы. Меня внесли въ шалашъ. Далѣе что было не помню. Слѣды пораненой головы до сихъ поръ у меня имѣются. Послѣ такой страшной раны судьба опредѣлила мнѣ еще долго жить. Въ этомъ я усматриваю благій Промыслъ Небеснаго Творца, а не случайность.

Первое что послѣ ушиба головы сильно отпечатлѣлось въ моей памяти, это была у меня сильная натуральная оспа, которая, при заботливости и уходѣ за мной доброй моей матери, не оставила однакожъ на мнѣ замѣтныхъ слѣдовъ. Оспопрививаніе, введенное въ Россію императрицею Екатериною II-ю, показавшею надъ собою примѣръ привитія оспы, еще очень мало было распространено въ народѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Натуральная оспа жертвы свои тогда свободно увѣчила и часто низводила въ могилу. Второе, это явившаяся предъ нашествіемъ Французовъ большая комета. При появленіи ея вечеромъ на горизонтѣ, толпы жителей выходили на дворы и улицы смотрѣть свѣтлую звѣзду съ хвостомъ. Всѣ утверждали, что это не къ добру, а къ большой войнѣ, и что метла помететъ Русскую землю и много народа погибнетъ. Это было въ г. Дорогобужѣ, въ 86 в. отъ Смоленска и въ 10 верстахъ отъ Ельни. *«Гласъ народа гласъ Божій»*, говоритъ Русская пословица. Такъ оно въ 1812 году и случилось. Говорили и наговорили войну, войну страшную, народную, нашествіе на Россію *Французовъ и съ ними дванадцать языковъ*. Впрочемъ простой народъ по національностямъ не различалъ непріятелей: онъ всѣхъ враговъ называлъ Французами, а предводителя ихъ Наполеона Бонапарта Антихристомъ.

Вичъ Европы, выродившійся изъ Французской революціи, Наполеонъ I-й, съ огромною арміею, 12 Іюня 1812 года, перешелъ Нѣманъ между Ковною и Гродною и вступилъ въ предѣлы Россійской Имперіи. Поляки, обольщенные непобѣдимымъ дотолѣ полководцемъ, сочувствовали Французамъ и даже выставили противъ насъ особый корпусъ подъ командою князя Іосифа Понятовскаго. Русскіе, сперва пораженные ужасомъ и уныніемъ, потомъ одушевленные императоромъ Александромъ Благословеннымъ, поклялись мстить врагу, дерзнувшему войти въ предѣлы нашего отечества. Дружно всѣ сословія слились въ одну великую семью: жизнь, кровь, имущество, по гласу царя, все приносилось въ жертву. И старый, и малый, и даже женщины поднялись на страшнаго врага. Возникла та народная война, которая, какъ извѣстно, заставила враговъ устлать своими костями поля Россіи. Изъ внутреннихъ провинцій Смоленская губернія и особенно Смоленскъ приняли на себя первые удары Наполеоновой арміи. Послѣ сраженія подъ симъ городомъ Напо-

леонъ, утромъ, 6 Августа, въѣхалъ въ него, когда городъ былъ въ развалинахъ и во многихъ мѣстахъ еще пылалъ. Смольяне не встрѣтили его, какъ въ Польшѣ и другихъ городахъ западной Европы, съ покорностію и раболѣпнымъ униженіемъ. Въ Смоленскѣ Русью пахло. Смоленскъ можно считать границею, переступивъ которую Наполеонъ могъ видѣть, что побѣды его въ Россіи не такъ легки будутъ, какъ бывали въ западной Европѣ. Тамъ націи были разъединены и въ политическихъ интригахъ гибли одна за другою; здѣсь все Русское сплотилось въ одно цѣлое, грудью отстояло свою независимость и сверхъ того помогло всей Европѣ освободиться отъ тяжкихъ оковъ ненасытнаго завоевателя.

Въ описываемое мною время, когда послѣ погрома Смоленскаго, наши арміи стали отступать къ г. Дорогобужу, куда за ними погнался Наполеонъ, жители Дорогобужа, вѣроятно, также какъ и жители Смоленска и Москвы, медлили оставлять свои очаги и только тогда вдругъ поднялись на утѣкъ, когда зарево пылавшихъ окрестныхъ сель и деревень багровымъ цвѣтомъ покрыло весь горизонтъ. Это была страшная ночь. Мать моя, со мной и груднымъ братишкою моимъ Тимофеемъ, уложила въ повозку, запряженную въ одну лошадь, все чтò успѣла захватить изъ своего имущества. Другіе жители Дорогобужа подобнымъ образомъ весьма торопливо снарядились въ путь къ г. Вязьмѣ. Вязьму мы нашли уже почти совсѣмъ пустою, но еще цѣлою, не выжженою. Изъ Вязьмы мы цѣлымъ обозомъ, преимущественно женщинъ и дѣтей, укрылись въ какомъ-то лѣсу. Но здѣсь недолго были. Напали мародеры и ограбили всѣхъ, забравъ и лошадь нашу съ повозкою. Мы далѣе укрылись въ глубокомъ оврагѣ, покрытомъ кустарникомъ. Но насъ и тамъ нашли, по лаю бывшихъ съ нами собакъ и плачу дѣтей. Тутъ уже все обобрали, чтò было у насъ. Укрывавшіеся всѣ разбрелись, кто куда задумалъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что шайки мародеровъ нахлынули къ намъ изъ сосѣдней Польши. *Они-то больше, гдѣ не было войскъ, и грабили.* Русскіе, разный сбродъ, отребье гражданскаго общества, тоже не отставали въ грабежѣ отъ мародеровъ-Поляковъ. Жертвами же грабителей были по большей части беззащитные жители. Князь Кутузовъ-Смоленскій, уже по оставленіи Москвы, въ донесеніяхъ своихъ императору Александру Павловичу, особенно жаловался на мародеровъ, слѣдовавшихъ шайками за арміями и грабившихъ немилосердно бѣдныхъ и остававшихся беззащитными жителей.

Мать моя съ нами двоими, какъ помню очень хорошо, въ знойный день брела по дорогѣ въ тяжкой и безнадежной скорби. Помощи и защиты, казалось, ожидать было не откуда. Я плакалъ, потому что идти болѣе не могъ: ноги опухли и болѣли. Братишка у груди беспокоилъ нануренную и отчаянную мать. Она двухъ дѣтей нести не могла, да я

уже былъ по 7-му году; ей меня невозможно было и поднимать. Но видно, Промыслъ Божій внялъ слезамъ нашимъ. Догналъ насъ на дорогѣ казакъ и, видя насъ троицъ въ такомъ жалкомъ положеніи, далъ матери одну очень смирную и, вѣрно, плохую лошадь изъ тѣхъ, которыхъ онъ велъ. На этой лошади, впрочемъ безъ упряжи, мы добрались до деревни или села Воробьева и тамъ укрывались, пока Французовъ не выгнали изъ Россіи или, говоря незабвенными словами Александра Благословеннаго, «пока ни единого врага не осталось» въ нашемъ отечествѣ. Лошадь, которую далъ казакъ, кормить мы не могли (не до нея было); мы отдали ее хозяину дома, гдѣ на время пріютились.

Изъ тогдашней жизни сохранились въ памяти моей нѣкоторые случаи. *Первое*, я носилъ лапти. Они меня интересовали какъ вещь, мало мнѣ знакомая. Но это было въ первый и послѣдній разъ во всю мою жизнь. Носила ли лапти моя мать, не помню. *Второе*. Жители селенія, гдѣ мы укрывались, народъ былъ смысленый и смѣлый: постоянно сторожили непріятеля и особенно мародѣровъ. Видно, селеніе было недалеко отъ театра войны. Въ случаѣ появленія враговъ въ большемъ числѣ, всѣ укрывались въ лѣсъ и въ поля, при маломъ же числѣ непріятелей смѣло на нихъ нападали съ косами, топорами и дреколіемъ, а послѣ и съ ружьями, отбитыми у враговъ. И подобныя сраженія, въ коихъ принимали участіе и женщины, происходили нерѣдко. За это къ счастью, селеніе не подверглось мщенію Французовъ. *Третье*. Однажды Французъ забрелъ въ ту избу, гдѣ я днемъ спалъ (вѣрно, послѣ дѣтской бѣготни или ночнаго укрывательства) и сталъ, махая на меня саблею, что-то бормотать не по-русски. Въ избѣ были только женщины. Мать моя за меня страшно перепугалась и знаками просила его не убивать меня. Слезы матери и вмѣстѣ краткія слова его, обращенныя къ ней: «млеко, яйко», дали дѣлу иной оборотъ. Хозяйка, женщина здоровая, смѣлая, не разъ бывшая въ стычкахъ съ разными бродягами, смекнула и, открывъ половицу въ подъязбицу, указала Французу, что тамъ и молоко и яйца. Французъ (вѣрно, былъ голодный) вдругъ бросился въ подъязбицу. Хозяйка, въ тоже время схвативъ толкачъ или пестъ, чѣмъ толкутъ въ ступѣ сѣмена, ударила его сильно по головѣ. Онъ упалъ, и она его въ подъязбицѣ убила до смерти. Мужики, похваливъ бабу за смѣлость, ночью сволокли трупъ убитаго въ поле за згороду и тамъ зарыли. Трофеями побѣды остались сабля и тонкаго сѣраго сукна плащъ убитаго. *Четвертое*. «*Рябиновая ночь*, съ страшною теменью, съ почти непрерывными молніею и сильнымъ громомъ и дождемъ. Въ Смоленской губерніи вѣрятъ, что такія ночи бываютъ, когда рябина созрѣваетъ, и даже въ той мѣстности есть поговорка, когда кто провелъ ночь въ осо-

бенномъ страхѣ и испугѣ: *«ну ужъ ночька была, туце рябиновой»*. Въ другіхъ губерніяхъ подобной поговорки я не слышалъ.

Смоленскъ и тѣ мѣстности Смоленской губерніи въ отечественную войну, по которымъ сперва Французы шли съ торжествомъ побѣдителей, а потомъ бѣжали преслѣдуемые по пятамъ штыками, казачьими пиками, нагайками и кровавымъ стягомъ мужичковъ, пострадали болѣе, нежели другія мѣстности Россіи, кромѣ Москвы. Но Москву жгли сами Русскіе. Въ Смоленскѣ сжегъ непріятель около 2000 зданій. Осталось во всемъ городѣ не болѣе 350 домовъ и другихъ зданій. Общую потерю жителей считали до 7 мил. рублей ¹⁾. Это на одинъ только городъ; а сколько понесла потерь вся губернія, не исчислено. Со времени нашествія Французовъ экономическое положеніе губерніи упало до того, что и нынѣ она причисляется къ числу бѣднѣйшихъ.

II.

Возвращеніе во свояси.—Вязьма.—Ельня.—Дорогобужъ.—Начало моего ученія грамотѣ.— Опять мы на родинѣ.—Смерть матери.—Военносибирское отдѣленіе.—Добрый человекъ.

По изгнаніи Французовъ мы втроемъ прибыли въ Вязьму. Была уже зимняя, холодная, пора ²⁾. Городъ почти весь выгорѣлъ; оставалось лишь нѣсколько домовъ, занятыхъ больными и ранеными войнами. Намъ не было пріюта нигдѣ, кромѣ небольшой бани, бывшей до войны въ городѣ, а послѣ оной стоявшей одиноко, какъ будто въ полѣ. Тутъ моя мать съ нами поселилась на время. Но вскорѣ отъ горя и неудобствъ она и братишка мой заболѣли. Послѣдній умеръ. Я его очень любилъ и до сихъ поръ еще его жалѣю. Мать долго томилась въ горячешномъ бреду, поддерживая жизнь только тѣмъ, что я доставалъ въ госпиталѣ у раненыхъ солдатъ ¹⁾. Наконецъ она поправилась. Изъ Вяземскихъ впечатлѣній сохранилось въ моей памяти особенно то, что по прибытіи въ Вязьму я видѣлъ множество человѣческихъ труповъ. Ихъ сваливали на сани какъ дрова и, отвозя въ большія ямы, зарывали тамъ на вѣчный покой. Собаки, одичавшія безъ хозяевъ, терзали трупы мертвыхъ и были даже весьма опасны для живыхъ прохожихъ. Я даже самъ чуть-чуть не сдѣлался ихъ жертвою. Отбилъ меня отъ нихъ какой-то добрый человекъ. Съ тѣхъ поръ я боюсь собакъ и никогда ихъ у себя не держалъ. По случаю такой опасности отъ собакъ, ихъ въ городѣ стрѣляли. Это же повторялось послѣ Французовъ и въ другихъ городахъ. Кто и какъ хоронилъ умершаго моего брата, не помню.

¹⁾ Исторія г. Смоленска П. Никитина, гл. V.

²⁾ 1812 годъ памятенъ, между прочимъ, обильнымъ урожаемъ хлѣба, травъ и плодовъ и сильными морозами.

Когда же мать поправилась, мы прибыли въ г. Ельню, остававшуюся въ сторонѣ отъ Французовъ и пострадавшую только отъ движенія чрезъ нее большого числа войскъ. Въ этомъ 'бѣдномъ городишкѣ было также много больныхъ и раненыхъ солдатъ. Здѣсь мы нашли для себя временный пріютъ, много одичалыхъ собакъ, которыхъ въ городѣ стрѣляли, и большія ямы съ почернѣвшими покойниками, еще не зарытыми. Ужасъ отъ сихъ покойниковъ обуялъ меня невыразимо. Въ Вязьмѣ были мертвые Французы и, вѣроятно, съ ними и Русскіе замерзшіе; въ Ельнѣ же трупы, распухшіе, почернѣвшіе, издававшіе ужасно непріятный запахъ, хоть ихъ было и гораздо меньше, чѣмъ въ Вязьмѣ. Вскорѣ однакожъ покойники были зарыты. Въ Ельнѣ мы недолго жили и отправились въ Дорогобужъ. Было лѣто. Убитые и умершіе, свои и чужіе, тамъ были похоронены. Городъ меньше Вязьмы пострадалъ, какъ мнѣ помнится. Пустыри были, но только мѣстами. Здѣсь послѣдствіемъ минувшей войны были частые пожары отъ злоумышленниковъ съ цѣлю грабежа. Мы жили на почтовомъ дворѣ и, какъ другіе, ложась спать, все имущество въ узлахъ клали подъ головы, чтобы, въ случаѣ пожара, хоть что нибудь спасти. Начальство приняло наконецъ должныя мѣры: мошенники и поджигатели пойманы, и пожары прекратились. Во всякомъ благоустроенномъ обществѣ, лишь только правительство ослабнетъ, подонки общества всплываютъ наверхъ и начинаютъ разгуливать ко вреду и несчастью ближнихъ. Кто какъ ни выставляй патріотизмъ, но и Москва въ 1812 году горѣла немало отъ своихъ же злоумышленниковъ.

Въ Дорогобужѣ началось мое ученье грамотѣ у какого-то священника очень строгаго. Отъ него меня отдали къ дьячку, который былъ добръе.

Программа ученія была очень не сложна. Азбука, печатанная церковными буквами, кирилица, Часословъ и Псалтирь, цифры церковныя, которыя затвердивъ помню еще до сихъ поръ, и письмо. Когда я научился нѣсколько читать и писать, мать водила меня по канцеляріямъ, желая меня при своей жизни пристроить къ мѣсту. Но какъ я былъ еще малъ и плохо писалъ, то меня нигдѣ на службу не приняли. Въ то время канцелярскіе служители пополнялись дѣтми подъячихъ и семинаристами; а канцелярія военнаго вѣдомства воспитанниками военно-сиротскихъ отдѣленій и тоже семинаристами, за излишествомъ въ духовномъ вѣдомствѣ поступавшими въ военную службу. Въ ихъ-то рукахъ и головахъ творилась канцелярская формалистика. Знать по своимъ привилегіямъ стояла высоко и отъ черной канцелярской работы убѣгала. Въ наше время мы видимъ въ канцелярскихъ должностяхъ и дворлянъ и по образованію людей вполне достойныхъ; въ описываемое

же мною время канцелярскіе служители, чиновные и нечиновные, составляли особую касту, правда, дѣловую, но бывшую у всѣхъ въ пренебреженіи и носившую названіе: *«красивное сѣмя»*. И такъ, благодаря Промыслу Божію, я не попалъ туда.

Между тѣмъ, бѣдная моя мать, потерявъ все въ 1812 году, заболѣла чахоткою и переѣхала со мной на жительство опять въ Ельню, Тутъ она вновь отдавала меня учиться грамотѣ къ дьячку же и вмѣстѣ хлопотала объ опредѣленіи меня куда нибудь на службу. Но не успѣвъ въ послѣднемъ и мало радуясь въ первомъ, наконецъ въ Декабрѣ 1816 г. умерла, оставивъ меня одного и безъ ничего для жизни. Подобныхъ сиротъ, послѣ нашествія Французовъ, въ Смоленской губерніи было очень много изъ всѣхъ сословій. Благодаря попечительному о такихъ сиротахъ правительству, ими переполнено было Смоленское военно-сиротское отдѣленіе, самое большое по числу воспитанниковъ въ Россіи. Туда, къ счастью моему, и меня отвезли послѣ похоронъ достойной моей матери, достойной я сказалъ, потому что она, бывъ строга съ разсудкомъ, всегда учила меня тому, чтò было честно и полезно для меня и чтò вообще выражало доброту души и благородство. Отъ нея, въ краткую для меня ея жизнь, я получилъ хорошія сѣмена, коими существую до сихъ поръ. Была ли она сама грамотна, не знаю. Памяти отъ нея у меня никакой не осталось. Между чужими она умерла сорока лѣтъ, чужіе люди хоронили ее. Миръ праху ея, царство ей небесное!.. Спасибо добрымъ людямъ: они держутъ землю на добрыхъ началахъ, ими красна наша здѣшняя жизнь.

Въ Смоленское военно-сиротское отдѣленіе зачисленъ я по 12 году отъ рожденія, въ Январѣ 1817 года. Туда я былъ отправленъ безъ всякой помощи, кромѣ того, чтò мнѣ далъ одинъ добрый гражданинъ, около 5 рубл. асс. Имя этого добраго и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка сохранится въ памяти моей навсегда. Звали его Парѣенъ Ѳедоровичъ Ярцевъ, купецъ 1-й, кажется, гильдіи. Онъ въ Ельнѣ былъ, по богатству и по личнымъ достоинствамъ, первымъ гражданиномъ. Въ дни праздниковъ, особенно дванадесятыхъ, бѣдняки города заходили къ нему, онъ всѣхъ ихъ одѣлялъ кускомъ пирога и по 5 коп. деньгами. По незначительности города бѣдные всѣ были у него на виду; посторонніе, неблагонамѣренныя люди въ немъ укрываться не могли. Я съ матерью часто гостилъ у Парфена Ѳедоровича по нѣскольку дней, и мнѣ тогда была лафа: сладостей въ лавкѣ было довольно, и мнѣ пользоваться ими не воспрещали. Имъ на рынкѣ, противъ его дома, построена часовня въ пользу церкви. Въ частной жизни онъ былъ самый трезвый и честный; бѣдныхъ вообще не забывалъ и городскихъ и деревенскихъ. Имѣя всѣ достоинства нравственныя, онъ, къ его несчастію, имѣлъ боль-

шой физической недостаткомъ: косолапость ногъ. У него пятки ногъ выходили въ стороны, а пальцы обращались одни противъ другихъ между ногъ. При ходьбѣ онъ ступалъ одною ногою черезъ другую. При этомъ недостатокъ онъ влюбился въ молоденькую и хорошенькую купеческую дочь, помню, Анну Ивановну. Послѣ большихъ хлопотъ и нежеланія ея выйти за него, онъ на ней наконецъ женился. Сперва они жили хорошо и вполне согласно, любя, повидимому, другъ друга. Она забеременѣла и, къ несчастью, родила сына, съ такими же точно ногами, какія были у отца. Отецъ конечно наслѣднику былъ радъ; мать же, всплеснувъ руками, предалась горю и отчаянію, что такія же отъ нихъ будутъ и всѣ дѣти. Дитя, для котораго была взята хорошая кормилица, чтобъ мать менѣе его видала и менѣе сокрушалась объ его уродствѣ, жило недолго. Мать была рада смерти сына. Отецъ напротивъ очень горевалъ. Началась между супругами разладица. Жена стала пить и мотать. Въ отсутствіе мужа, она брала его лошадей, коляску, брала деньги, товары и отправлялась на родину въ г. Мещовскъ; тамъ кутила пока было на что и возвращалась домой въ безобразномъ видѣ. Изъ самой милой особы обратилась она въ совершенно потерянную женщину. Мнѣ мальчишкѣ жаль было на нее смотрѣть, особенно когда она меня просила достать ей водки и нюхательнаго табаку, тютюна самаго простого. Въ домѣ, кромѣ нея, никто водки не пилъ и табаку не нюхалъ. Такъ самое милое и, по наружности, прекрасное существо можетъ глубоко нравственно упасть отъ недостатка твердыхъ началъ религіи и нравственности. Между тѣмъ эта несчастная женщина одарена была отъ природы залогами полного счастья, такъ какъ она, при всей ея слабости, была добра. Природа злодѣевъ и развратныхъ не производитъ; отъ случайнаго рожденія, воспитанія и среды, въ коей человекъ отъ колыбели до мужества своего готовить нравственные запасы для жизни, является онъ въ обществѣ или добрымъ или злымъ, полезнымъ или вреднымъ. Какимъ образомъ эта Анна Ивановна, уже будучи въ возрастѣ и матерью, сдѣлалась такою нравственно-безобразною? Гдѣ корень ея несчастья? Думаю, кромѣ недостатка религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій, могли быть причины психическія, сокрытыя отъ постороннихъ. Но какъ бы то ни было, эта семейная драма кончилась тѣмъ, что мужъ разорился и изъ купцовъ почетныхъ попалъ сначала въ мѣщане, потомъ, по смерти жены, постригся въ монахи и, будучи тамъ казначеемъ, писалъ мнѣ письмо съ присылкою двухъ образцовъ въ благословеніе и на послѣдокъ успокоился *«идѣже нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни въздыханіе»*.

III.

Военно-сиротскія отдѣленія. Воспитаніе въ нихъ дѣтей. Мое ученіе. Министерская школа. Солдатскія дѣти. Дворяне. Программа ученія. Мое опредѣленіе на службу. Смоленскъ.

О военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ времени Александра Благословеннаго пишутъ и говорятъ ужасы; но я, пробывъ въ Смоленскомъ отдѣленіи шесть лѣтъ, могу завѣрить, что страшенъ чортъ, но не такъ, какъ его малюютъ. Помѣщеніе сначала было скверное. Тѣсныя Казанскія ветхія, деревянныя казармы съ нарами по всѣмъ стѣнамъ. Спали и сидѣли на нихъ дѣти по возрастамъ и классамъ всѣ подъ рядъ и тѣсно другъ къ другу. Отъ этого были скверный воздухъ, нечистота, болѣзни, особенно чесотка и цинга. Пища порядочная. Строгости особенной и истязаній не было, кромѣ розогъ, стульевъ съ цѣпями, которыя за побѣги и другіе болѣе важные поступки надѣвались на шею и замыкались на замокъ, и колодокъ. Розги чаще были въ употребленіи, стулья и колодки рѣже. Вскорѣ смотрителемъ отдѣленія сдѣланъ былъ подполковникъ Карповъ. При немъ, сколько помню, порядокъ измѣнился къ лучшему. Изъ Казанской казармы перемѣстили за городъ до 500 человѣкъ, преимущественно сиротъ, въ Свирскія казармы. Болѣе 1000 человѣкъ, не-сиротъ, училось въ домѣ на Блоньѣ, въ центрѣ города, а жило съ родными и знакомыми на вольныхъ квартирахъ. Тутъ были болѣе или менѣе дѣти со средствами; въ казармѣ—голыдыба. На квартирахъ дѣти имѣли свою пищу, получая провіантъ. Въ казармахъ казенную одежду всѣ имѣли форменную: на головѣ трехугольный острый или перегнутой колпакъ, лѣтомъ—куртку, а зимой полушубокъ, на ногахъ полусапожки съ переди съ языками и разрѣзами. На шитые бѣлья, смазку сапогъ, иголки, нитки и проч. отпускались аммуничныя деньги по 3 р. (нынѣ 75 к.) въ годъ на человѣка. Это казна отпускала всѣмъ равно и дворянамъ, и простымъ дѣтямъ.

Въ Свирскихъ казармахъ, каменныхъ, нетѣсныхъ, устроены были кровати, окрашенныя зеленою краскою, табуреты для каждаго ученика, между двухъ кроватей по столу съ ящиками, тюфяки соломенные, подушки перяныя, одѣяла съ пододѣвьяльниками. Простыни, полотенца всегда чистыя. Пища довольно порядочная для прихотливаго. Каморы для спанья, столовая и классы все особенно. Противъ Казанскихъ казармъ вышло гораздо лучше и цѣлесообразнѣе. Матушка же Россія въ тѣ времена казною была не богата: войны съ Французами, Турками и Шведами опорожнили государственное казначейство. Слѣдовательно, по средствамъ, для безпріютныхъ сиротъ и солдатскихъ дѣтей устроено было помѣщеніе недурно.

Такимъ образомъ я попалъ въ общество товарищей мнѣ совершенно незнакомыхъ. Въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, бывало, новичка сперва съ ногъ до головы осматриваютъ, соображая, каковъ-то онъ; потомъ задержатъ и потузятъ, чтобъ узнать и силу и характеръ и чтобъ, если удастся, настроить его на свой ладъ. Со мной обошлись хорошо. Только, какъ новичка, хотѣли понадуать. Съ этою цѣлію посадили меня играть въ карты, такъ какъ замѣтили, что у меня были небольшія деньги. До этого случая я и понятіи не имѣлъ о картежной игрѣ на деньги; но тѣмъ не менѣе мнѣ доказали, что эта игра и пріятна и выгодна. Къ счастью моему старшій учитель, проходя по камерамъ, замѣтилъ насъ играющихъ въ карты и обратился прежде всѣхъ ко мнѣ съ строгимъ замѣчаніемъ, зачѣмъ я позволилъ себѣ играть въ карты и гдѣ взялъ деньги. Потомъ онъ распекъ плутона, увлекшихъ меня въ игру. Изъ розыска оказалось, что у нихъ денегъ вовсе не было, и они голько хотѣли пожитья моими. Карты и деньги мой учитель отобралъ; первыя уничтожилъ, а послѣднія выдавалъ мнѣ по мѣрѣ надобности. За этотъ проступокъ, какъ мнѣ помнится, никто не пострадалъ. Испугъ мой по этому случаю и отвращеніе отъ картежной игры остались во мнѣ на всю жизнь. Между моими товарищами были дѣти почти всѣхъ сословій: дворяне, оберъ-офицерскіе и разночинцы, но болѣе солдатскіе. И всѣ свезены и сведены сюда поневолѣ, а не по собственному хотѣнію. Возраста дѣти были различнаго, развитія плохого и почти безъ всякаго понятія о самыхъ необходимыхъ вещахъ. До 18-ти лѣтняго возраста, а иногда и болѣе, воспитанники находились въ отдѣленіи, а потомъ отправлялись изъ онаго на службу съ тѣми знаніями, кто какія успѣлъ пріобрѣсти: дворяне—въ дворянскій полкъ, а прочіе въ полки, команды и разныя вѣдомства, смотря по способности каждаго.

Выше я оставилъ пробѣлъ на счетъ системы тогдашняго, т. е. 1817—1822 годовъ, образованія дѣтей въ Смоленскомъ баталіонѣ и военно-сиротскомъ отдѣленіи, впоследствии военныхъ кантонистовъ. Этотъ періодъ я потому избралъ, что самъ пробылъ показанные года въ отдѣленіи и чѣмъ тамъ запасся въ научномъ отношеніи, съ тѣмъ и отправленъ былъ на царскую службу. Я поступилъ въ отдѣленіе, умѣя читать Псалтирь и писать порядочно по линейкамъ. Въ отдѣленіи программа ученія была слишкомъ сокращена. Всѣхъ равно учили читать, какъ я и дома учился; начиная съ азбуки-кириллицы, переходили на Часословъ и оканчивали Псалтирю. На чистописаніе и Ариметику обращалось особенное вниманіе, такъ какъ изъ воспитанниковъ отдѣленій комплектовались въ полкахъ должности фельдфебелей, вахмистровъ, каптенармусовъ, капраловъ, унтеръ-офицеровъ, фельдшеровъ, писарей и т. п. Это фундаментъ, на коемъ удерживается строй солдатъ, а душа

воинской службы—дисциплина. Фельдфебель въ ротѣ, вахмистръ въ эскадронѣ, капралъ въ своемъ капральствѣ, а вообще говоря, унтеръ-офицеръ, ближайшій начальникъ солдата, въ особенности же во время расквартированія войскъ на зимнее время по деревнямъ, когда офицеры находятся далеко отъ солдатъ. Поэтому, я думаю, на сіи только два предмета преимущественно и обращалось вниманіе при образованіи кантонистовъ. Въ послѣдній годъ моего ученія въ отдѣленіи введенъ былъ краткій Катихизисъ и нѣкоторая часть Воинскаго Устава, весьма ничтожная. Такимъ образомъ кто изъ учениковъ хорошо читалъ, писалъ и Ариметику зналъ, да кое-что изъ Катихизиса и Устава, тотъ и считался хорошимъ будущимъ слугою царя, съ тѣмъ и на службу поступалъ.

Въ началѣ 20-хъ годовъ въ Смоленскомъ отдѣленіи преподавались тѣже предметы, еще и по особой *Ланкастерской методѣ*, о которой Н. И. Гречъ говоритъ въ своихъ Запискахъ. Специально оцѣнивать эту методу я не берусь. Но бывъ очевидцемъ этой методы, называвшейся у насъ болѣе *методомъ взаимнаго обученія*, смѣю выразить свое мнѣніе, основываясь на очевидныхъ фактахъ, что эта метода чрезвычайно облегчала ученіе грамотѣ, особенно чтенію и чистописанію. Для ученія по ней въ Свирскихъ казармахъ образованъ былъ особый классъ, въ который были набраны ученики, вновь поступившіе въ сиротское отдѣленіе, вовсе безграмотные и немалыхъ возрастовъ. Ихъ обучали грамотѣ по новой гражданской азбукѣ, изъ коей были исключены ненужныя буквы: зѣло, отъ, пси, пси. Произношеніе буквъ введено также новое. Наприм: вмѣсто *азъ, буки, веди, глаголь, добро* и т. д. стали говорить коротко и сообразно съ свойствомъ нашего языка: *а, бе, ве, ге, де* и т. д. Это ученикамъ болѣе нравилось нежели прежняя метода зазубриванія алфавита. Послѣ тверженія буквъ, стоя въ полукругѣ по 12 человекъ, одинъ выговаривалъ буквы, крупно напечатанныя на табличкѣ, висѣвшей въ срединѣ полукруга на стѣнѣ, а другіе за нимъ слѣдили; затѣмъ ученики садились за столы и тѣже буквы писали на пескѣ заостренными палочками. Такимъ способомъ ученіе почти взрослыхъ мальчиковъ *скоро* подвигалось впередъ. Отъ буквъ переходили къ складамъ, отъ складовъ къ цѣлымъ словамъ и наконецъ къ фразамъ. Когда ученики по песку могли твердо писать фразы и цифры до извѣстныхъ придѣловъ, ихъ сажали за обыкновенные столы и заставляли уже писать на бумагѣ черяилами и перомъ. Черезъ полтора, а много два года мальчики въ грамотности вообще догоняли, а иные даже перегоняли тѣхъ, которые по четыре года и даже по пяти лѣтъ учились по прежней методѣ. Если не ошибаюсь, кажется, со времени появленія у насъ Ланкастерской методы, вошли въ общее употребленіе азбуки

гражданской печати, съ исключеніемъ изъ алфавита ненужныхъ буквъ и съ выговоромъ буквъ по легчайшему способу. Къ сожалѣнію Ланкастерскія школы вскорѣ были вездѣ закрыты, потому что члены тайныхъ обществъ посредствомъ таблицъ, вывѣшиваемыхъ въ классахъ для чтенія и чистописанія съ нихъ, преимущественно *скоротисью*, стали распространять идеи, противныя существовавшему порядку вещей *). Прошу при семъ замѣтить, что я описалъ здѣсь только то, чему самъ былъ ближайшимъ очевидцемъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе два года бытности моей въ Свирскихъ казармахъ, я, въ качествѣ учительскаго помощника, завѣдывалъ вторымъ классомъ (ихъ было тамъ 4) и за отсутствіемъ учителя, женатаго и жившаго на квартирѣ, все почти управление классомъ, въ коемъ было до 90 человекъ, лежало на мнѣ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ военно-сиротскихъ отдѣленіяхъ, относительно программы ученія и вообще учебныхъ и административныхъ порядковъ, были свои особенности, смотря по тому, куда дѣти приготавливались; наприм. для службы въ артиллерійскомъ, инженерномъ и другихъ вѣдомствахъ. Съ 1823 года когда военно-сиротскія отдѣленія были переименованы въ баталіоны, полубаталіоны и роты военныхъ кантонистовъ, характеръ ихъ существованія еще болѣе измѣнился. Но описаніе онаго въ предѣлы сихъ очерковъ не входитъ.

Находился я въ Смоленскомъ отдѣленіи съ 17 Января 1817 по Май 1823 года, числясь по спискамъ изъ солдатскихъ дѣтей. Во все это время никто меня въ немъ не навѣстилъ. Ни чьей ни родственной, ни знакомой мнѣ ласки и привѣта, я не видалъ, въ праздники ни къ кому не ходилъ и знакомыхъ въ Смоленскѣ не имѣлъ. Въ свободное отъ ученія время меня не стѣсняли. Поля, лѣса, рѣка Днѣпръ, вообще природа съ ея красотою лѣтомъ меня манили, я наслаждался ими. Зимой, послѣ классовъ, катанье, снѣжки и другія зимнія забавы.

Въ 1823 году, умѣя хорошо читать церковныя книги, зная Арифметику до правила товарищества влючительно и писать довольно хорошо, молитвы всевозможныя и Катихизисъ краткій, я отправленъ былъ, въ числѣ лучшихъ 46 чел. непривилегированнаго сословія въ С.-Петербургъ, въ 1-й учебный карабинерный полкъ, безъ гроша денегъ, никѣмъ не напутствуемый и не провожаемый. Дворяне же, изъ коихъ иные едва порядочно умѣли писать, всѣ были отправлены въ С.-Петербургъ же, въ Дворянскій полкъ, откуда они чрезъ годъ или два выпускались въ армію офицерами. Выходило такъ, что мои ученики или другихъ классовъ мальчики-дворяне, выпущенные съ плохими знаніями, когда мы

*) Смотри въ „Русскомъ Архивѣ“ (1868—1871) любопытныя Записки Н. П. Греча, въ коихъ говорится о Ланкастерскихъ школахъ, у насъ введенныхъ и потомъ закрытыхъ.

въ столицѣ не успѣли еще осмотрѣться, были уже офицерами. Такіе прежде были порядки на основаніи существовавшихъ законовъ. Слава Богу, они свой вѣкъ почти отжили.

Прежде разставанья въ сихъ Запискахъ съ Смоленскомъ навсегда, я считаю нужнымъ упомянуть, что послѣ разоренія, въ 1812 году, Французами, Смоленскъ съ 1816 по 1823 годъ почти ничѣмъ не поправился относительно наружнаго вида. Внутри города стояли многія каменные зданія въ развалинахъ. На окраинахъ города также оставались дома погорѣлые и разоренные. Пустыри, и внутри стѣнъ, окружавшихъ Смоленскъ, и за стѣной вездѣ, оставались незастроенными. Въ стѣнахъ Свирской церкви и другихъ, внутри города, видны были пушечныя ядра. Они, кажется, сохранились до сихъ поръ, свидѣтельствуя о бывшемъ погромѣ. Около стѣнъ Годуновскихъ, за городомъ и на поляхъ со стороны Королевской крѣпости, откуда наступалъ Наполеонъ 1-й, оставались пепелища, гдѣ жгли тысячами трупы убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и стужи, бѣжавшихъ враговъ Россіи. Въ ихъ пепелищѣхъ и на поляхъ, между стѣнъ Смоленскихъ и батарей Наполеона 1-го, съ коихъ онъ самъ направлялъ орудія на городъ, школьники находили множество вещей, принадлежащихъ къ вооруженію и одеждѣ непріятелей, и даже золотыя монеты. Въ сторонѣ, недалеко отъ Французскихъ батарей и Красненской дороги, помню хорошо, былъ большой оврагъ, дно котораго наполнено было костями человѣческими, въ страшномъ количествѣ. Тамъ же множество находилось полусгнившей аммуниціи солдатской: кивера, сумки, портупей и проч. Это, видно, былъ заглазныи уголокъ, куда бросались трупы людей, гдѣ они, можетъ быть, гнили не зарытые въ землю, или только слегка ею прикрытые. Дожди и весеннія воды обнажили ихъ кости. Картина ужасная, тѣмъ болѣе, что смѣльчаки, посѣщавшіе сей оврагъ, нерѣдко заражались болѣзнями. Построенная, при Борясѣ Годуновѣ вокругъ Смоленска каменная стѣна съ башнями, проломанная ядрами Французовъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, осталась неисправленною и впослѣдствіи почти вся разобрана. Осталось только нѣсколько башенъ и часть стѣны, гдѣ уничтоженіе ея оказалось не совсемъ удобнымъ. Впослѣдствіи, при помощи правительства, городъ обновился и теперь онъ приведенъ въ красивый видъ. Теперь Смоленскъ въ общественной жизни не отстаетъ отъ другихъ губернскихъ городовъ. Смоленско-Брестская желѣзная дорога придаетъ Смоленску немаловажное значеніе въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ.

IV.

Дѣйствительная служба. 1-й ученый карабинерный полкъ. Денщикъ Борода. Аудиторіатскій Департаментъ Военнаго Министерства. Мое содержаніе. Занятія въ немъ. Генераль Тучковъ. Декабристы. Исаіевская площадь. Генераль-аудиторъ Миловановъ.

Выше уже сказано, что я, въ 1823 г., въ числѣ 46 человекъ, былъ зачисленъ на службу въ учебный карабинерный полкъ, рядовымъ. Тутъ насъ всѣхъ разсорттировали. Рослыхъ, здоровыхъ обратили во фронтъ, слабыхъ и малыхъ ростомъ, въ нестроевую роту; первые для приготовленія въ унтеръ-офицеры, въ армію; послѣдніе въ писаря и другія нестроевыя должности, въ числѣ ихъ и я находился. До Января 1825 года я вытеръ лямку въ нестроевой ротѣ, въ послѣднее время писаремъ. Нужды и особой тяжести службы я не испыталъ. Взысканію, при всей тогдашней строгости, я подвергся одинъ только разъ: стоялъ нѣсколько часовъ на часахъ у воротъ за то, что не по уставу отдалъ честь баталіонному командиру. Въ ротѣ къ образованію моему прибавилось только то, что меня научили Грамматикѣ, которую я прошелъ до синтаксиса. Я упомянулъ, что особой тяжести службы въ полку я не испыталъ. Теперь мнѣ ясно почему. Шефомъ полка былъ генераль-адъютантъ Бистромъ, а адъютантомъ его князь Оболенскій, Декабристъ, имѣвшій хорошія отношенія къ нашимъ ротнымъ офицерамъ, учившимъ насъ въ классахъ. Отношенія сихъ офицеровъ къ намъ солдатикамъ, ученикамъ ихъ, были кроткія и благоразумныя. Но въ ротахъ и баталіонахъ, гдѣ кантонисты приготовлялись къ фронтовой службѣ, строгость была необычайная. Побой, розги, палки, шомпола и тесаки были въ большомъ ходу и считались необходимостью. Теперь, (въ 1878 г.) мнѣ, какъ очевидцу, не вѣрится, какъ могли молодые солдаты переносить подобныя жестокія наказанія ¹⁾. Приведу одинъ примѣръ, оставившій во мнѣ навсегда тяжелыя впечатлѣнія. Въ учебномъ саперномъ баталіонѣ, подвѣдомственномъ генераль-инспектору инженеровъ, состоялъ отличный фронтовикъ, рядовой, ждавшій съ нетерпѣніемъ галуновъ на воротникъ. Вдругъ ротный офицеръ выбралъ его, какъ мальчика стройнаго, красиваго и расторопнаго, себя въ деньщики ²⁾ Съ этимъ назначеніемъ у молодого солдата исчезали надежды на унтеръ-офицерское званіе и на всѣ лучшіе виды по службѣ. Онъ въ отчаяніи просилъ, умолялъ освободить его отъ назначенія въ деньщики. Но офи-

¹⁾ Въ учебныя войска кантонисты поступали на службу съ 18 лѣтняго возраста, не совсемъ сложившіеся.

²⁾ Въ учебный саперный баталіонъ, изъ всѣхъ кантонистовъ, прибывавшихъ въ Петербургъ, выбирались люди видные и въ грамотности болѣе подготовленные.

церь настаивалъ на своемъ, приводя аргументы, что солдатъ долженъ служить вездѣ, куда бы его начальство ни назначило. Не смотря на это, солдатикъ рѣшительно отказался служить деньщикомъ. Пошло дѣло объ ослушаніи по начальству. Главный инженерный начальникъ опредѣлилъ. ослушника предъ баталіономъ, для примѣра, подвергнуть строжайшему наказанію розгами, пока не престанетъ упорствовать и не согласится служить деньщикомъ. Мальчика долго сѣкли розгами и, давая отдыхи, вымогали у него согласія; но онъ перенесъ страшную пытку и все-таки настоялъ на своемъ: не пошелъ въ деньщики. Послѣдствія сего были такія, что солдатика, изувѣченнаго, отправили сперва въ госпиталь на излеченіе, а потомъ куда-то сослали и что вслѣдствіе такой непріятной и тяжелой для начальства исторіи, послѣдовало высочайшее повелѣніе: впредъ нижнихъ чиновъ изъ солдатскихъ дѣтей въ деньщики не назначать. Недавно былъ примѣръ, что матросъ не хотѣлъ брить бороды своей. Его судили и сослали, но потомъ разрѣшили всѣмъ солдатамъ въ арміи носить бороды. Такимъ образомъ въ царствованіе императоровъ Александра I, Благословеннаго, солдатикъ, пожертвовавъ собою, освободилъ товарищей отъ насильственнаго назначенія въ деньщики; а при Александрѣ II, Освободителѣ, борода возвратила свои права, за которыя боролась почти два вѣка.

30 Января (день моего ангела) 1825 г., въ числѣ 10-ти человѣкъ, я представлялся къ генералу Бистрому на смотръ, съ почеркомъ письма и съ аттестаціею о хорошемъ поведеніи. Всѣ мы, на основаніи положенія 1817 года, выбраны были и предназначались въ Аудиторіатскій Департаментъ для приуготовленія въ аудиторскіе писаря и потомъ въ аудиторы. Генералъ насъ осмотрѣлъ, похвалилъ и послѣ краткаго наставленія, чтобъ служили и вели себя хорошо, приказалъ отправить насъ въ Департаментъ, куда мы и поступили того же числа на службу. Такимъ образомъ, съ самымъ плохимъ запасомъ знаній для службы и вообще для жизни, поступилъ я въ настоящую службу на 20-мъ году отъ роду. Но на хорошей почвѣ, при благопріятныхъ условіяхъ климата, и плохія сѣмена даютъ иногда хорошій плодъ. Надо при этомъ замѣтить, что до вступленія въ Аудиторіатъ на службу, я не читалъ ни одной книги гражданской печати. По этому можно судить о скудости моего образованія и что мнѣ предстояло впереди, чтобы выдти въ жизни на лучшую дорогу, честную и благородную. Природа надѣлила меня незавидными способностями, при слабомъ температурѣ. Поэтому мнѣ еще труднѣе было пробивать себѣ тропу; но дивная Твоя, Господи, въ немощахъ совершается!.. Ты, Всеблагій Боже, былъ мнѣ единъ покровитель и защитникъ! Надо знать, что въ Аудиторіатскомъ Департаментѣ была заведена небольшая бібліотека юридическихъ книгъ и для образца

разныхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ процессовъ. Съ ними я долженъ былъ познакомиться и познакомиться серьезно. Кромѣ того, и это для меня было важнѣе, аудиторскіе писаря, уже готовившіеся къ выпуску въ аудиторы, и чиновники, брали по подпискѣ, изъ библіотеки Плавильщикова, лучшей тогда въ Петербургѣ, разные журналы и книги для чтенія. Ими пользовался и я. Вотъ тутъ-то мнѣ открылся вдругъ горизонтъ свѣта къ развитію. Послѣ Псалтыря и Часослова, языкъ литературы того, какъ извѣстно, цвѣтущаго времени, особенно для поэзіи, меня сильно поразило своею легкостію и ясностію. Я предался чтенію и выпискѣ нравившихся мнѣ стиховъ и прозы. Покупать книгъ было не на что, получая жалованья 75 к. въ треть отъ полка и, кажется, по 25 коп. въ мѣсяцъ на баню и проч. Съ такими средствами, днемъ я занимался перепискою по службѣ бумагъ, вечеромъ и ночью, особенно лѣтомъ, когда въ Петербургѣ вечернюю зорю смѣняетъ утренняя, чтеніемъ попадавшихъ мнѣ книгъ. Чтеніе составляло любимѣйшее мое занятіе. Сперва читалъ я все безъ разбору, что попадало и печатное, и письменное, не бывшее въ печати, но въ рукописяхъ ходившее по рукамъ. То было время, когда въ рукописяхъ ходило по рукамъ много сочиненій. Цензура была придирчива, а любознательность въ публикѣ сильна; запрещенный же плодъ кажется всегда слаще незапрещеннаго. Но потомъ я сталъ различать полезное и выбирать книги болѣе нужныя для развитія познаній, примѣнимыхъ на практикѣ жизни. Такъ, когда попала мнѣ книга Дѣтская Энциклопедія на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, съ рисунками и другими приложениями, я понялъ дѣленіе отраслей наукъ и какія наиболѣе нужны мнѣ для службы и жизни. Военное законодательство изучалось мной на практикѣ, съ примѣненіемъ фактовъ по буквѣ закона. Книги о религіи Христіанской, особенно Священная и Церковная Исторія, меня особенно занимали; за тѣмъ Плутархъ и Всеобщая Исторія Кайданова, бывшая тогда единственною и служившая руководствомъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ. Введеніе къ этой послѣдней дало мнѣ нѣкоторое понятіе о различныхъ родахъ правленія въ государствахъ. Вообще эта исторія ознакомила меня съ жизнію народовъ стараго и новаго свѣта. Географія меня не менѣе занимала. Я понялъ, что земля, на которой обитаемъ, не есть плоское пространство материка, края коего сходятся съ небомъ; но что она кругла въ видѣ шара и, находясь въ солнечной системѣ, въ безпредѣльномъ воздушномъ пространствѣ, имѣетъ свое годовое и суточное теченіе. Луна, какъ спутница земли, также имѣетъ свое теченіе; по огромности тѣла не въ силахъ человѣческихъ снять ее съ неба и катать, какъ бабы въ деревняхъ говорятъ, по току. Наростъ коры невѣжественныхъ понятій сталъ съ меня понемногу спадать. Читалъ я Держа-

вина, Карамзина Дмитріева, Жуковскаго, Озерова, А. Пушкина и всѣхъ нашихъ писателей и поѣтовъ, пріобрѣтшихъ въ двадцатыхъ годахъ извѣстность въ нашей литературѣ. Я сталъ изучать особенно грамматику, правила стихотворства и реторику и твердить на память стихи и прозу, и что изъ нихъ по языку, легкости и ясности мысли нравилось мнѣ болѣе. Началъ я втихомолку пробовать писать письма и на разныя темы статьи. Долго мнѣ не давалась грамота, тѣмъ болѣе, что и времени на то мнѣ мало оставляла служба. Что было мной написано, то потомъ все сожигалось скрытно отъ людей. Любимымъ же моимъ чтеніемъ наконецъ остались на всегда политическая исторія, законовѣдѣніе и естественныя науки. Романы, повѣсти, стихи я разлюбилъ, развѣ уже особенно хорошіе, преимущественно же историческіе и патріотическіе.

Возня моя съ книгами однакоже вскорѣ почти совсѣмъ прекратилась: нужно было и день и ночь заниматься важными дѣлами по службѣ, конечно, въ качествѣ переписчика. Первое, меня употребили по судному или слѣдственному дѣлу (хорошо теперь не припомню, такъ какъ это было въ 1825 г.) о генераль-маіорѣ Тучковѣ. Фамилія эта у насъ довольно извѣстна по заслугамъ отечеству. Три брата генераловъ Тучковыхъ обезсмертили себя въ отечественную войну съ Французами. Біографіи ихъ помѣщены въ Портретной Галлерей генераловъ 1812 г., составленной Михайловскимъ-Данилевскимъ. О четвертомъ братѣ исторія наша молчитъ. Но впоследствии о немъ мной собраны нѣкоторыя свѣдѣнія и напечатаны, въ 1874 году, въ «Русскомъ Архивѣ».

Второе дѣло, по которому я занимался, тоже въ качествѣ писца, было въ свое время весьма важное и секретное. Это дѣло о Декабристахъ Пестелѣ, Муравьевѣ-Апостолѣ и другихъ лицахъ, служившихъ въ бывшей 2-й арміи, подъ начальствомъ главнокомандующаго князя Витгенштейна. Кромѣ политической стороны, занятія мои по этому дѣлу памятны мнѣ по той канцелярской процедурѣ, какая была употреблена начальствомъ Аудиторіатскаго Департамента. Въ тайнство этого весьма секретнаго дѣла были посвящены только необходимыя при томъ лица: генераль-аудиторъ 3-го класса Миловановъ и два члена присутствія; начальникъ 3-го отдѣленія Разовъ, столоначальникъ Зеленскій и два писца: Мякишевъ и я. Занятія дѣломъ о Декабристахъ производились только по ночамъ, въ особыхъ комнатахъ, кругомъ на ночь запиравшихся, такъ что никто не могъ къ намъ проникнуть и узнать, что мы дѣлаемъ. Днемъ мы были свободны отъ всѣхъ служебныхъ занятій, считаясь какъ бы въ отпуску. Я занимался въ числѣ избранныхъ четверыхъ, подъ строжайшимъ запретомъ говорить кому бы то ни было о нашихъ занятіяхъ; на уста мои была наложена, такъ сказать, печать крѣпкаго

молчанія. Между тѣмъ при ночныхъ нашихъ занятіяхъ мнѣ приходилось дѣлать выписки изъ подлинныхъ документовъ, находившихся въ дѣлѣ. Такимъ образомъ я могъ читать всѣ проекты конституцій, составленные Пестелемъ, на основаніи коихъ Декабристы предполагали переустроить все правленіе нашего отечества, замѣнивъ монархическое правленіе республиканскимъ, по примѣру Соединенныхъ Штатовъ Америки. Между другими въ республиканскомъ духѣ написанными документами, особенно важнымъ и вмѣстѣ слишкомъ смѣлымъ и дерзкимъ я считаю Катихизисъ, составленный на основаніи Библии, 1-й книги Царствъ, главы VIII и читанный полковымъ священникомъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, предъ фронтомъ того баталіона, который Муравьевъ-Апостоль взбунтовалъ противъ правительства. Но нижніе чины этого баталіона, будучи вовсе чуждыми тѣхъ тенденцій, которыя предъ ними развивали о преимуществахъ республиканскаго правленія предъ монархическимъ, показали тупымъ молчаніемъ совершенное нерасположеніе къ незнакомымъ имъ идеямъ; но они же не показали, по долгу вѣрноподданнической присяги, сопротивленія и явнаго неодобренія того, что имъ читалъ подкупленный полковой священникъ. За это они и понесли законное наказаніе. Если мнѣ позволено *свое сужденіе имѣть*, то и откровенно скажу, что какъ въ 1826 году, когда мнѣ исполнилось только 20 лѣтъ, такъ и нынѣ при 73 лѣтней старости, я остаюсь при томъ убѣжденіи, что вообще дѣло Декабристовъ, хотя нынѣ многіе и стараются представить его въ радужномъ свѣтѣ, было дѣло безумное. не обѣщавшее Россіи ничего хорошаго. При федеративномъ правленіи и при нашей безалаберщинѣ общественнаго управленія, междоусобія и раздоры не возвеличили бы, но навѣрное погубили бы Россію. И если Декабристы, косвеннымъ путемъ, внесли въ нашу народную жизнь элементы полезнаго, то это только тѣмъ, что, послѣ ихъ передраги, съ воцареніемъ императора Николая Павловича, карательныя наказанія по суднымъ и слѣдственнымъ дѣламъ значительно были смягчены: съ 12 тысячъ шпицрутеновъ оныя упали не свыше 3 т., за самыя тяжкія преступленія. По гражданскому вѣдомству тоже послѣдовали большія смягченія въ наказаніяхъ. И вообще въ строѣ государственнаго управленія и въ административныхъ дѣлахъ явилось болѣе порядка, болѣе обдуманности. Аракчеевскіе жесткіе приемы въ дѣлахъ правленія сдѣлались болѣе ненужными и нетерпимыми

Я припоминаю и день 14-го Декабря 1825 года, въ который Декабристы явно обнаружили свои дѣйствія противъ существовавшаго государственнаго строя и императора Николая Павловича. Еще наканунѣ и даже ранѣе въ обществѣ ходили какія-то смутныя идеи, непонятныя для простаго народа; но тѣмъ не менѣе въ самой тишинѣ и въ шопотѣ,

какъ предъ бурей, чувствовалось на то, что ожидается что-то недоброе. Это недоброе, вдругъ, 14 числа, обнаружилось сперва въ разныхъ концахъ Петербурга, а потомъ на Сенатской и Исакиевской площадяхъ. Тутъ народъ столпился, кто по долгу, кто по призыву, нѣкоторые отъ праздности и злонамѣрленно. Замѣчательно, что чернь, не понимая вовсе, въ чемъ состоитъ суть дѣла, шумѣла и даже отчасти своимъ дѣйствіемъ показывала себя на сторонѣ недовольныхъ. Такъ я самъ видѣлъ, что иные, забравшись на заборы около строившагося Исакиевского собора, бросали въ кавалерію, прибывшую для усмиренія бунтовщиковъ, полѣнья и камнями. Были ли это заранѣе подготовленные крикуны и буяны, рѣшить не берусь. Большинство же народа сбѣжалось со всѣхъ концовъ Петербурга изъ любопытства и чтобы поглазѣть и узнать, что дѣлается. Въ числѣ послѣднихъ находился и я, не вдаваясь, къ счастью, далеко на площадь. На другой день, 15 Декабря, рано утромъ, я тоже полюбопытствовалъ увидѣть, что осталось послѣ бунта на площадяхъ. Утро было довольно морозное и ясное, какъ бы предвѣщавшее хорошее и благополучное царствованіе молодого Императора. Войска грѣлись около горѣвшихъ костровъ, ружья стояли въ козлахъ; народа вовсе не было, кромѣ проходившихъ по своимъ дѣламъ. На стѣнахъ зданій Сената и Синода слѣды картечей. Вездѣ тихо и покойно. Подробности происшествія 14 Декабря 1825 года описаны замѣчательно вѣрно и хорошо въ „Русскомъ Архивѣ“, въ 3-й кн. 1877 года, стр. 258, въ статьѣ г. Демениова, и въ 1-й кн. 1878 г., стр. 339, въ Запискахъ принца Евгенія Виртембергскаго.

Но, коснувшись важнаго историческаго факта, я слишкомъ отдалился отъ прямого, нехитраго разсказа моей исторіи. Прошу добраго читателя меня извинить. По окончаніи дѣлъ о Декабристахъ, въ 1826 г. я не получилъ никакого награжденія. Да объ немъ, кажется, и говорить офиціально было нельзя уже потому, что такая мелкая сошка, какъ я, не могла показаться на сценѣ дѣйствовавшихъ по дѣлу лицъ. Но нравственно я выигралъ много во мнѣніи своего начальства.

Когда, по волѣ Государя Императора Николая Павловича, изъ Комисіи законовъ образовывалось II-е отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и въ оную назначались, по ходатайству графа Сперанскаго, избранныя лица, болѣе или менѣе извѣстныя по способностямъ и образованію, а на мѣсто гражданскихъ писцовъ бывшихъ въ Комисіи, со всѣхъ департаментовъ военнаго вѣдомства назначались писаря, лучшіе по поведенію и по почерку руки, тогда и я былъ назначенъ въ ту канцелярію изъ Аудиторіатскаго Департамента Военнаго Министерства. При семъ назначеніи, бывший тогда генералъ-аудиторомъ 3-го класса Миловановъ, вышедшій изъ духовнаго званія и

секретарей бывшей Военной Коллегии, въ которой и службу началъ съ нижняго званія, старикъ въ 90 лѣтъ, высокій, худоцавый, сгорбленный годами жизни, строгій, но умѣренно, и по службѣ точный, призвалъ меня въ залу общаго присутствія департамента (что со мной случилось въ 1-й разъ въ жизни, и мнѣ казалось, что я вошелъ какъ будто въ какое-то святилище храма), похваливъ меня за хорошее поведеніе, сказалъ тихо и кротно: я назначилъ тебя къ великому человѣку, статсъ-секретарю Михаилу Михайловичу Сперанскому, человѣку очень умному, въ Государеву канцелярію. Смотри, веди себя хорошо, честно и служи усердно; ты будешь окруженъ умными людьми, будешь заниматься дѣломъ полезнымъ государству. За хорошую службу вѣрно будешь хорошо и награждаемъ. Ну, Богъ съ тобой; помни мои слова... Такъ я разстался съ этимъ добрымъ начальникомъ и болѣе его, кажется, не видалъ. Вообще могу сказать, что, въ описываемое мною время, служба въ Аудиторіатскомъ Департаментѣ была основана на началахъ благонамѣренныхъ. О неправосудіи, взяточничествѣ, излишней строгости я ничего не зналъ. Писаря, готовившіеся въ аудиторы, пользовались въ извѣстной степени льготою и свободою болѣе, нежели въ другихъ департаментахъ: чрезъ 7—8 лѣтъ хорошіе производились въ аудиторы и далѣе шли открытою дорогою въ привилегированномъ сословіи. Но вообще въ описываемое время наказанія по военнымъ законамъ были для солдатъ чрезвычайно строгія. Наказанія сіи стали смягчаться во время царствованія императора Николая Павловича.

V.

II-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. Служба въ оной. Статсъ-секретаря М. М. Сперанскій и М. А. Балугьянскій. Чиновники и писаря. Мои занятія. Дубликаты. Архивы. Секретарь Яновскій. Митрополитъ Филаретъ.

Приступаю къ важнѣйшему періоду моей жизни. Это служба въ Государевой канцеляріи подъ начальствомъ незабвенныхъ графа М. М. Сперанскаго и статсъ-секретаря, добрѣйшаго Михаила Андревича Балугьянскаго. Дѣйствительно случайное рожденіе ставитъ насъ въ зависимое положеніе относительно религіи, а воспитаніе и обстановка наша усвояютъ намъ понятія вообще и направленіе нашей жизни. Рѣдко случаются люди, съ высокимъ умомъ и твердою волею, при коихъ они, отрѣпшась какъ бы отъ всего ихъ окружающаго, отъ условій своего рожденія, пробиваютъ себѣ свою дорогу жизни и усваиваютъ независимыя понятія, которыя удерживаютъ ихъ на избранной стезѣ; въ большинствѣ же, люди идутъ слѣпо туда, куда ихъ судьба толкаетъ. Такъ и я, вызванный судьбою на новый мнѣ путь, сначала не совсѣмъ по-

нималъ, что на немъ надо дѣлать, кромѣ механической переписки бумагъ, переписки чрезвычайно большой и убійственной (многіе изъ товарищей отъ нея зачахли и пошли въ могилу). Отъ такой, однакожь, службы нельзя было отказываться и по военно-крѣпостному праву, обязывавшему меня служить 25 лѣтъ: терминъ солдатскій.

Сперанскій, при составленіи штата II-го Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, включилъ въ оный между прочимъ писарей военнаго вѣдомства, обязанныхъ общимъ срокомъ службы. Была ли это цѣль удержать ихъ долѣе на службѣ, или это произошло случайно, точно не знаю. Но вѣрно то, что Сперанскій въ дѣлахъ былъ великій человѣкъ, и ошибку трудно допустить. Для пользы отечества 16 писарей ничего не значили; онъ же и по прежнимъ своимъ правиламъ, когда при императорѣ Александрѣ составлялъ законы, былъ противъ простаго повышенія чиновъ и ввелъ, въ 1809 году, университетскіе экзамены для всѣхъ повышенныхъ въ чинъ коллежскаго асессора, дававшего тогда право на потомственное дворянство. Ему, кажется, нужна была рабочая сила, и онъ, при всемъ отличномъ составѣ канцеляріи, ввелъ ее въ штатъ съ правомъ выслуги писарями 20-ти лѣтъ до чина 14 класса. Крайне не любо это было для насъ, писарей. Но волею судебъ, не смотря на это, я зачисленъ былъ въ Государевой канцеляріи прямо писаремъ 1-го класса. О дальнемъ срокѣ службы, не смотря на толки товарищей, я мало и думалъ, предоставляя все будущему.

Въ личный составъ II-го отдѣленія Государевой канцеляріи, по избранію Сперанскаго, вошли лица, *во-первыхъ*, изъ бывшихъ профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній: Куницинъ, Плисовъ, Клоковъ, Арсеневъ*) и другіе, коихъ фамилій теперь не припомню и, *во-вторыхъ*, изъ получившихъ энциклопедическое образованіе въ Царскосельскомъ Лицеѣ: баронъ (впослѣдствіи графъ) Корфъ, Замятинъ, Иличевскій, Цеймернъ, Капгеръ, Яковлевъ, Келлеръ, князь Эрстовъ и др. Изъ сихъ чиновниковъ, старшіе были назначены редакторами разныхъ отдѣловъ нашего законодательства, а младшіе помощниками ихъ. Кромѣ того въ канцелярію вошли правитель оной Теубель, казначей Кругъ, библиотекаръ и архиваріусъ Геннингъ, экзекуторъ Сомовъ и еще нѣсколько чиновниковъ изъ писцовъ бывшей Комиссіи Законовъ. Всѣ сіи чины подчинялись начальнику II-го отдѣленія Государевой канцеляріи, статсъ-секретарю Балугьянскому, бывшему предъ тѣмъ въ числѣ наставниковъ

*) К. И. Арсеневъ впослѣдствіи былъ назначенъ въ число преподавателей въ Императорскому Престолу и въ окончательной редакціи Свода Гражданскихъ Законовъ не участвовалъ.

великаго князя Николая Павловича. Онъ, какъ извѣстный по обширной учености, честности, неутомимому трудолюбію и особенно по добротѣ сердца, пользовался большимъ довѣріемъ сего Государя. Онъ изъ Венгерцевъ, нечисто говорилъ по-русски, съ особымъ акцентомъ. Сперанскій былъ главноуправляющимъ канцеляріи и полнымъ руководителемъ работъ по составленію Полнаго Собранія Законовъ, историческаго Свода и Свода Гражданскихъ Законовъ. Служа подъ его начальствомъ около десяти лѣтъ, не скажу, однакожь, чтобы онъ былъ боецъ за правду и положилъ жизнь свою *за други своя*. При высококомъ умѣ, онъ слишкомъ хорошо зналъ сферу его окружавшую и людей, чтобы, идучи впередъ, не сбиться съ пути, ведшемъ его къ цѣли. Но при всемъ томъ мнѣ придется еще къ нему обратиться съ живѣйшею признательностію.

Попавъ въ кругъ образованныхъ и благородныхъ людей, я вдругъ почувствовалъ себя какъ бы въ атмосферѣ наполненной свѣжимъ, легкимъ и теплымъ воздухомъ. Въ особенности же мнѣ нравилось кроткое и благородное отношеніе ко мнѣ всѣхъ чиновниковъ, отъ старшихъ до младшихъ. Это меня поощряло и заставляло относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ съ бѣльшимъ вниманіемъ. Писака я былъ посредственный, но усердіемъ своимъ никогда не отставалъ отъ такъ называемыхъ борзописцевъ. Случилось однажды, что, при оглавленіи указовъ, пассивъ, активъ, дебетъ, минимумъ и проч. и составленіи имъ хронологическаго указателя или описи, я, замѣтивъ не совсѣмъ правильное и легкое изложеніе, осмѣлился оглавленіе измѣнить, написавъ его короче и яснѣе. Этотъ ничтожный случай обратилъ на меня вниманіе чиновника, повѣрявшаго мою работу. Онъ не только не выбранилъ, но напротивъ похвалилъ меня и одобрилъ мои передѣлки. Эта первая услышанная мной похвала за мою пустую редакцію послужила мнѣ большимъ поощреніемъ.

При собраніи указовъ и постановленій, вошедшихъ въ Полное Собраніе Законовъ, я съ чиновникомъ Майеромъ или Мейеромъ, былъ командированъ въ архивъ бывшаго Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства для составленія описи такимъ постановленіямъ и списыванія съ нихъ точныхъ копій. Работа шла живо, какъ и требовалось начальствомъ. Отъ нея не освобождали и праздники. Успѣху же ея помогъ и случай. Въ приказахъ и постановленіяхъ военнаго вѣдомства много было дубликатовъ, оставшихся за разсылкою ихъ по войскамъ. Служившія въ архивѣ вліятельныя лица мнѣ шепнули по секрету, что такіе дубликаты, вмѣсто списыванія съ нихъ копій, могутъ быть, въ одномъ экземплярѣ каждый, переданы мнѣ не иначе, какъ за деньги по условной цѣнѣ съ cadaго документа. Я объяснилъ о семъ въ Государевой канцеляріи чиновнику. Для выигранія времени, которымъ

особенно дорожилъ Сперанскій, было разрѣшено выдавать мнѣ деньги на этотъ предметъ. Такимъ образомъ много приобрѣлъ я нужныхъ постановлений и тѣмъ сократилъ работу. Начальникомъ архива Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства былъ чиновникъ 5-го класса Деларю, который о моей сдѣлкѣ относительно дубликатовъ ничего не вѣдалъ ¹⁾. За тѣмъ занятія мои перешли въ архивъ Святѣйшаго Синода, бывшаго тогда на Васильевскомъ островѣ, въ зданіи 12-ти Коллегій, гдѣ нынѣ помѣщается С.-Петербургскій Университетъ. Тутъ работа по выпискѣ постановлений была уже возложена на меня, безъ чиновника, и въ помощь мнѣ данъ писарь *Кадаевъ* ²⁾. Съ нимъ я занимался въ самомъ архивѣ Синода и въ домѣ статскаго секретаря *Яновскаго*, который тогда составлялъ сводъ постановлений по духовной части. 1-я часть этого свода имъ уже была отпечатана. Изъ собранныхъ имъ разнородныхъ указовъ мы отбирали и выписывали тѣ, которые подлежали въ Полное Собраніе Законовъ, кромѣ *секретныхъ*, которыхъ Яновскій не позволялъ списывать, на основаніи распоряженій о томъ Синода. Я доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія начальства Государевой канцеляріи, и оно осталось имъ за это недовольнымъ, тѣмъ болѣе, что 1-я часть свода, составленнаго Яновскимъ и уже отпечатанная и приготовленная къ выпуску, была въ печати воспрещена. Яновскій, въ этомъ случаѣ, сильно ропталъ противъ бывшаго тогда членомъ Святѣйшаго Синода, Московскаго митрополита Филарета; Филаретъ на вышедшій томъ свода Яновскаго написалъ свои замѣчанія. Яновскій позволилъ себѣ противъ нихъ написать возраженія. Этого было довольно для воспрещенія свода Яновскаго. Черезъ это Яновскій, кромѣ потери времени и трудовъ, понесъ большіе убытки, въ чемъ и винилъ митрополита.

VI.

Занятія въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Права писарей. Взглядъ М. М. Сперанскаго на повышение ихъ. Мои заботы по приготовленію въ аудиторы. Женитьба мок. Консисторіи. Оберъ-священникъ Баженовъ.

Изъ Сената, подъ росписку статсъ-секретаря Батракскаго, на бланкахъ мнѣ выдаваемыхъ я получалъ и передавалъ обратно всѣ под-

¹⁾ Подобная же сдѣлка и приобретение дубликатовъ, особенно же плановъ губерній и рисунковъ (для снятія съ коихъ копій чрезъ специалистовъ требовалось много времени) мною была учинена съ чинами Сенатскаго архива, гдѣ я также занимался, при чемъ имѣлось въ виду, во избѣжаніе бесполезной формалистики, выиграть только время для дальнейшихъ занятій.

²⁾ Онъ въ Государеву канцелярію поступилъ изъ Медицинскаго Д-та В. М., въ который, по случаю слабости зрѣнія, въ тридцатыхъ годахъ, возвратился и дослужился тамъ до чина статскаго совѣтника, имѣлъ на шеѣ орденъ Владимира 3-й степени, бывъ постоянно способнымъ и полезнымъ на службѣ чиновникомъ. Въ помѣщательствѣ ума лишилъ себя жизни.

линные высочайшіе указы и доклады, императорами утвержденные. Изъ нихъ въ II-мъ отдѣленіи Государевой канцеляріи списывались тѣ постановленія, кои вошли въ Полное Собраніе Законовъ. Для собранія такихъ же постановленій я занимался въ канцеляріяхъ Государственного Совѣта, Комитета Министровъ и въ архивахъ Военнаго Совѣта, Министерствъ Морскаго и Внутреннихъ дѣлъ.

Занятія мои во всѣхъ сихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ остались для меня безслѣдно. Во мнѣ родилась смѣлая мысль, вырваться изъ военнаго крѣпостнаго званія и пробить себѣ дорогу на иномъ поприщѣ, гдѣ могъ бы я дѣйствовать болѣе самостоятельно головою, нежели корпѣть въ качествѣ только писца. Но чтобы достигнуть цѣли, надо знать, какія сильныя къ тому представлялись препятствія. М. М. Сперанскій, собравъ насъ съ высочайшаго соизволенія, изъ всѣхъ департаментовъ Военнаго Министерства, закрѣпостилъ насъ на 20 лѣтъ выслуги до перваго класнаго, вожделѣннаго для насъ, чина 14-го класна. Одушевляемые общественною пользою и поощряемые ежегодно высочайшими наградами, писцы работали очень много, не зная ни праздниковъ, ни отдыха, часто по нѣскольку ночей*). Многіе изъ старшихъ, однакожъ, относились къ дѣлу не безъ ропота. Въ другихъ вѣдомствахъ, напримѣръ въ I-мъ отдѣленіи Государевой канцеляріи, въ канцеляріяхъ Великихъ Князей, Цесаревича Константина Павловича и Михаила Павловича по провіантскому вѣдомству, производились писаря въ 14 и 13 классы по выслугѣ 7—12 лѣтъ и даже ранѣе, смотря по способностямъ и приносимой ими пользѣ для службы.

Товарищи наши отъ непомерныхъ трудовъ стали чахнуть и умирать отъ чахотки. Ропотъ достигъ до слуха добрѣйшаго М. А. Балугьянскаго. Онъ пробовалъ представлять лучшихъ изъ писарей въ чиновники 14-го класса, съ оставленіемъ въ отдѣленіи на службѣ писцами. Въ числѣ ихъ и я три раза былъ удостоиваемъ къ этому вожделѣнному чину; но всякій разъ М. М. Сперанскій, призывая къ себѣ, кротко и весьма ласково, благодарилъ насъ за усердную службу, давалъ такого рода наставленія, что «мы-де обязаны съ честью служить для государственной пользы и имѣть это въ виду, какъ вѣрноподданные Государя». Затѣмъ онъ объявлялъ, что Государь не соизволилъ на производство насъ въ чиновники, рекомендуя при томъ впредь служить такъ же хорошо, какъ и служили: служба-де наша не останется безъ поощренія и награды. Мы хорошо знали, что счастье наше зависѣло въ

*) Я помню хорошо случай, что, при представленіи Государю срочныхъ работъ, мы, лучшіе переписчики, почти вовсе не спали трое сутокъ, переписывая каждый въ сутки отъ 30 до 40 листовъ чистаго письма.

настоящемъ случаѣ не лично отъ Государя Императора, а отъ воли Сперанскаго. Знали также, что онъ съ давняго времени держался своихъ принциповъ, именно, что всѣ чиновники должны проходить чрезъ высшія и среднія учебныя заведенія. Между тѣмъ примѣры производства въ первый чинъ, въ другихъ вѣдомствахъ, по недостатку полезныхъ чиновниковъ, дѣлались безъ особаго затрудненія, хотя лица и не имѣли ученыхъ аттестатовъ: то было время, когда разными путями отыскивали людей способныхъ и полезныхъ, не смотря на происхожденіе, ни на ученость.

Между тѣмъ время шло. Мы въ тихомолку роптали, но служили вѣрно и честно. Надо при этомъ замѣтить, что чиновники отдѣленія, будучи набраны съ высшимъ образованіемъ (кромѣ поступившихъ изъ писцовъ бывшей Комиссіи Законовъ), всѣ къ намъ писарямъ относились весьма доброжелательно, при всякихъ случаяхъ охотно исполняли наши неважныя просьбы и оказывали свое покровительство, когда оно было кому полезно.

При такой обстановкѣ, весьма благодѣтельно на меня вліявшей, я сталъ серьезно изучать законы уголовныя и гражданскіе, составляя для себя записки изъ редакцій чиновниковъ, уже одобренныхъ М. М. Сперанскимъ. Хотя это, при большихъ служебныхъ занятіяхъ, составляло для меня немаловажный трудъ, но я упорно продолжалъ его, посвящая на это всѣ свободные часы дня и ночи. Мысль моя была обратиться въ Аудиторіатскій Д-тъ, изъ котораго поступилъ въ Государеву канцелярію, и на основаніи положенія 1817 года держать испытаніе на званіе аудитора, такъ какъ это была моя прямая дорога, до перевода въ канцелярію, подъ начальство М. М. Сперанскаго. По моему соображенію, представленному на видъ начальству, я не долженъ былъ терять своихъ преимуществъ только потому, что заслужилъ хорошую рекомендацію и назначеніе меня во II-е отдѣленіе Государевой канцеляріи, тѣмъ болѣе, что, рекомендуя себя и въ оной постоянно съ хорошей стороны, троекратно былъ уже удостоиваемъ статсъ-секретаремъ Балугьянскимъ къ производству въ 14 классъ, съ оставленіемъ на службѣ въ канцеляріи.

При изученіи законодательства мнѣ особенно много приходилось трудиться втихомолку по уголовнымъ законамъ, вошедшимъ въ XV-й томъ Свода гражданскихъ законовъ. Редакціею ихъ занимались чиновники Капгеръ и Цеймернъ. Въ особенности первый изъ нихъ, по трудности извлеченія въ одной краткой статьѣ изъ 20-ти и болѣе прежнихъ указовъ настоящаго смысла ихъ, очень часто перемѣнялъ редакцію не только статей, но цѣлыхъ главъ и другихъ подраздѣленій. Такимъ образомъ мнѣ случалось часто переписать для себя собственно цѣлыя главы

и раздѣлы; и вдругъ ихъ уничтожить, потому что г. Капгеръ все вновь передѣлывалъ. Если не ошибаюсь, изъ Гражданскаго Свода Законовъ ни одна часть не подвергалась такой частой перемѣнѣ редакціи, какъ томъ XV, особенно 1-я его часть о преступленіяхъ и наказаніяхъ. Г. Капгера можно назвать мученикомъ себя и вмѣстѣ моимъ; въ чемъ, однакъ, этого достойнѣйшаго труженика, нынѣ уже покойнаго, нельзя винить. Самое дѣло по существу было очень трудное. Изъ 20-ти и даже болѣе разбросанныхъ въ постановленія (начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича) правилъ, нужно было, такъ сказать, выжимать эссенцію и передавать ее въ нѣсколькихъ строкахъ со всею ясностію, безъ тѣхъ противорѣчій, которыми были обильны прежніе указы и постановленія. Въ собраніи гражданскихъ законовъ я вовсе не встрѣчалъ такихъ затрудненій, какія видѣлъ по уголовнымъ.

Между тѣмъ и долженъ сказать и о томъ важномъ событіи, которму рѣшилась судьба моя въ семейномъ отношеніи. Желая сохранить всю чистоту частной своей жизни, я вздумалъ судьбу свою сочетать съ другою особою, которая бы дѣлила со мной радости и горе. Просто, я задумалъ жениться. Въ той средѣ, въ которой я находился, затѣя моя была не легкая. Но, помолясь Богу, я отъ избранной дѣвицы, бѣднѣйшей сироты, ничего не требовалъ кромѣ чести и любви ея. Родомъ она изъ Финляндіи, города Выборга, сирота, вѣры была Лютеранской, звалась Марія Іоновна Антонепъ. Ей было отъ роду 19, а мнѣ 24 года. По наружности она была непослѣднею красавицею, а по трудолюбію и скромности ея пользовалась общимъ уваженіемъ. Я желалъ жить честнымъ христіаниномъ. Для меня, казалось, большихъ качествъ отъ жены не требовалось. Отъ жалованья, наградъ и трудовъ мной было скоплено 360 руб. асс. У невѣсты ничего не было: трудовыя ея деньги, серебро и цѣнныя вещи, какія ей достались отъ родителей, отбирали, приходи къ ней, два брата ея, жившіе въ Петербургѣ въ ученьи. Вмѣсто пособія бѣдной сестрѣ они отбирали послѣднее, что она имѣла.

За разрѣшеніемъ на женитьбу мою я обязанъ былъ обратиться къ своему начальству. Изъ начальства особенно добрѣйшія М. А. Балугьянскій, призвавъ меня въ свой кабинетъ, высказалъ мнѣ, какъ родной отецъ, всѣ невыгоды семейнаго человѣка, находящагося въ бѣдномъ положеніи, убѣждая меня отказаться отъ женитьбы. Но я былъ влюбленъ въ мою невѣсту и имѣлъ вѣру, что Богъ, зная чистыя мои намѣренія не оставитъ меня безъ небеснаго покровительства: такъ были сильны во мнѣ религіозныя чувства. Разрѣшенія, однакъ, не давали и, какъ теперь вижу, очень основательно: по званію старшаго писца я получалъ жалованья 120 руб. асс. въ годъ и столько же почти ежегодно наградныхъ. При всѣхъ трудахъ по службѣ и при изученіи законода-

тельства, я столько же приобрѣталъ отъ вольной работы. Вотъ и всѣ, имѣвшіяся въ виду, довольно невѣрныя къ жизни средства. Справедливо почтеннѣйшій старикъ Балугьянскій по пальцамъ мнѣ рассчитывалъ невозможность бѣдному человѣку заводить семействомъ: пойдутъ дѣти, а съ ними явятся болѣзни и физическія и нравственныя и особенныя требованія средствъ для жизни. Я съ ума сходилъ отъ неразрѣшенія мнѣ жениться. Между тѣмъ мы съ невѣстой порѣшили достигнуть нашей цѣли. Средствомъ къ тому избрали идти обоимъ лично къ достойнѣшему нашему начальнику и лично просить, умолять его. Утромъ часовъ въ 10-ть явились къ нему въ кабинетъ: онъ по добротѣ доступенъ былъ для всѣхъ подчиненныхъ. На ту пору у него, по дѣламъ службы, былъ баронъ (впослѣдствіи графъ) М. А. Корфъ. При немъ сталъ я вновь просить Михаила Андреевича о разрѣшеніи нашего брака. Оба они съ умиленіемъ посмотрѣли на насъ и что-то поговорили между собой по французски. Послѣ этого добрый старикъ далъ разрѣшеніе. Но этимъ препятствія къ женитьбѣ не кончились. Какъ невѣста была Лютеранскаго исповѣданія, а я православнаго, то необходимо было разрѣшеніе Петербургскаго митрополита на повѣнчаніе насъ по обряду православной церкви. Явился я для этого въ Петербургскую Духовную Консисторію. Тамъ мнѣ столько наговорили разныхъ требованій на гербовую бумагу, переписку просьбы и копій съ документовъ, все наличными деньгами, что я, при моихъ средствахъ, просто испугался и не зналъ что дѣлать. Тутъ случай свелъ меня съ художникомъ Императорской Академіи Художествъ. Онъ тоже имѣлъ дѣло въ консисторіи только не по женитьбѣ, а по разводу съ женою его. По его словамъ жена его, молодая, красивая особа, послѣ обвѣнчанія ихъ, изъ за брачнаго стола изволила выдти въ другую комнату, а оттуда въ коридоръ квартиры. На дворѣ стояла лихая тройка. Подскочили молодцы, подхватили молодую въ экипажъ, и слѣдъ простылъ. Мужъ-художникъ остался съ гостями пораженный симъ необычнымъ ударомъ. Тяжкое безчестье, говоръ, насмѣшки, напрасная трата денегъ, для совершенно бѣдной, бѣжавшей отъ него молодой жены, такъ что онъ не успѣлъ даже вкусить первой сладости брачнаго ложа, по словамъ его, до того поразили его, что онъ чуть не сошелъ съ ума, хотѣлъ топиться, рѣзаться и т. п. Товарищи-художники его уговорили обратиться къ властямъ за правосудіемъ, но всѣ розыски объ открытіи виновныхъ не привели ни къ чему. Это было въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ воинъ съ Наполеономъ I. Лѣтъ 15-ть спустя, вдругъ жена его, съ пятью дѣтьми, къ нему явилась и потребовала съ нимъ супружескаго сожителства!... Мужъ, Нѣмецъ, разумѣется, такую жену съ ея чадами отвергнулъ и подалъ просьбу о разводѣ. Вслѣдствіе этой-то просьбы пришлось ему, какъ и мнѣ, озна-

комиться съ Консистеріею. Пока я съ нимъ шелъ изъ Консистеріи по Невскому проспекту, Нѣмецъ передалъ мнѣ такую исторію его женитьбы. Въ заключеніе онъ удивилъ меня тѣмъ, что въ Консистеріи требовали отъ него подписки въ выслушаніи имъ указа о томъ, чтобы, не расторгая брака, онъ взялъ жену съ дѣтьми къ себѣ и жилъ съ нею въ супружескомъ согласіи!... Отъ такого рѣшенія бѣдный мужъ изъ себя выходилъ, проклиная всѣ наши прежніе суды и консистеріи. Жаль было мнѣ Нѣмца-художника, который, разставшись со мною, побрелъ на Васильевскій островъ, въ Академію просить защиты своего начальства. Чѣмъ потомъ его дѣло кончилось, не знаю.

А мое дѣло о бракѣ пошло иначе. Я рѣшился дѣйствовать чрезъ оберъ-священника арміи и флота, достойнаго пастыря Бажанова *). Опъ выслушавъ мою словесную просьбу, и изъ особаго уваженія къ М. М. Сперанскому и М. А. Балугьянскому, тотчасъ же приказалъ секретарю написать отъ лица моего просьбу на простой бумагѣ и пока я ее переписывалъ и подписывалъ, заготовить предписаніе священнику церкви Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества о повѣнчаніи насъ. Такъ въ 1½ часа дѣло было рѣшено и ничего мнѣ не стоило. Секретарь, видно было, не посмѣлъ и заикнуться о полученіи съ меня за трудъ его. Безъ всякихъ затѣйливыхъ свадебныхъ обрядовъ, сговора, дѣвишника, обрученія и т. п., мы были обвѣнчаны въ церкви Главнаго Штаба 11-го Мая 1830 года и живемъ съ женой вотъ уже 48 слишкомъ лѣтъ (писано въ Августѣ 1878 года), и если Богъ продлитъ нашу жизнь, въ 1880 году справимъ со старухою золотую свадьбу.

VII.

Семейная жизнь. Дѣти. Труды. Болѣзнь. Докладъ о допущеніи къ испытанію на званіе аудитора. Утвержденіе доклада. Я опять въ Аудиторіатскомъ Департаментѣ. Производство въ аудиторы.

Между тѣмъ частная моя жизнь и служба шли своимъ чередомъ. Въ частной жизни мы съ женой дѣйствительно, какъ предсказывалъ Михаилъ Андреевичъ, довольно потерпѣли лишеній. Пошли дѣти. Средства наши были ограничены. Дѣти, сыновья и дочери, умирали, не доживая и до 3-хъ лѣтняго возраста, и умирали, какъ думаемъ, собственно отъ недостатковъ нашихъ средствъ. На кладбищѣ Большой Охты схоронили друхъ сыновей Алексѣя и Петра и трехъ дочерей Катерину, Марію и Елену. Мы, при всякой потерѣ дѣтей, скорбѣли и горько плакали, жалѣя ихъ. Но выбраться изъ тягостнаго положенія не оставалось никакихъ средствъ, какъ выдти изъ Государевой канцеляріи на

*) Говорять, что супруга Бажанова была Француженка. П. Б.

иное поприще службы. Къ этому были и уважительныя причины. У меня открылась такая же болѣзнь, какъ у умершихъ отъ чахотки товарищей, именно сильное кровохарканіе. Доктора совѣтывали мнѣ перемѣну климата, сельскій воздухъ и отдыхъ отъ занятій. Но при правѣ, обязывавшемъ 20-ти лѣтнимъ терминомъ службы, нельзя было и думать о томъ, что совѣтывали доктора. Я горячѣй схватился за свою мысль: учиться, учиться и держать экзаменъ на званіе аудитора. Это былъ единственный исходъ изъ моего невыгоднаго положенія, невыгоднаго собственно отъ семейнаго положенія. Но семейнаго положенія я искалъ ради того только, чтобы избѣжать непорядочнаго, порочнаго положенія жизни, отъ котораго многіе, на глазахъ моихъ, гибли физически и нравственно. Это мнѣ казалось мерзостью.

Въ 1833 году я въ послѣдній, третій разъ, былъ удостоиваемъ производства въ класный чинъ. Тогда къ тому представлялся самый лучший случай. Съ окончаніемъ Полнаго Собранія Законовъ, историческаго изъ него свода и свода законовъ гражданскаго и другихъ важныхъ законодательныхъ трудовъ, всѣ чины канцеляріи получили отъ Государя Императора самыя щедрыя награды. Сперанскій удостоился, въ присутствіи всѣхъ членовъ Государственнаго Совѣта, возложенія на него лично его величествомъ снятой съ себя звѣзды Андрея Первозваннаго. Что получилъ Балугьянскій, не помню. Всѣ чиновники-редакторы и ихъ помощники по чину, ордену и денежной наградѣ, а нѣкоторые сверхъ того придворныя званія. Изъ насъ писцовъ старшіе получили въ награду по 600 рубл. и сверхъ того я и два товарища были представлены въ класнымъ чинамъ. Но Михаилъ Михайловичъ, поблагодаривъ насъ за службу, какъ выше сказано, съ своимъ кроткимъ и умнымъ наставленіемъ, въ чинахъ намъ отказалъ.

Послѣ этого я уже напрягъ всѣ свои слабыя силы, стараясь врываться въ аудиторы. Въ слѣдующемъ 1834 году, я подалъ о семъ докладную записку, прося о допущеніи на испытаніе на званіе аудитора. Балугьянскій о семъ представилъ Сперанскому докладъ, въ которомъ выражено: что, во все время бытности моей при II-мъ отдѣленіи, я занимался не только перепискою бумагъ, но по порученію чиновниковъ, составлялъ для работъ ихъ выписки изъ законовъ, и все сіе производилъ съ усердіемъ и прилежаніемъ, къ совершенному удовольствію начальства, будучи при томъ отличнаго поведенія, и что посредствомъ сихъ занятій я умножилъ свои свѣдѣнія, пріобрѣтенныя мной въ Аудиторіатѣ, свѣдѣнія необходимыя для званія аудитора, къ которому я имѣю большую склонность. При семъ было приведено, что я три раза былъ удостоиваемъ производства въ 14-й классъ, съ оставленіемъ на службѣ въ канцеляріи. На докладъ сей послѣдовало 17 Мая высочайшее соиз-

воленіе. Такимъ образомъ я опять поступилъ въ Аудиторіатскій Д-тъ В. М., числясь впрочемъ въ Государевой канцеляріи и оставаясь на данной мнѣ небольшой, но особой квартирѣ въ такъ называемомъ бывшемъ Іезуитскомъ домѣ, что у Казанскаго моста ¹⁾). При этомъ я долженъ не забывать милостиваго ко мнѣ расположенія чиновниковъ, содѣйствовавшихъ моему успѣху. Кромѣ добрѣйшаго Михаила Андреевича и правителя канцеляріи, тоже добраго человѣка, Теубеля, особенно за меня ходатайствовали Платонъ Демьяновичъ Илличевскій и Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ. Изъ нихъ только послѣдній нынѣ здравствуетъ; Илличевскій, впослѣдствіи, занимая видную должность товарища министра юстиціи (при графѣ Панинѣ) умеръ. Ко всѣмъ этимъ лицамъ, и особенно къ Дмитрію Николаевичу, оказывавшему и потомъ многія мнѣ милости, я сохраняю и навсегда сохраняю добрую память и глубочайшую благодарность. Въ Аудиторіатскомъ Департаментѣ я пробылъ на испытаніи, по положенію, годъ и подъ ближайшимъ начальствомъ того самаго начальника отдѣленія, при которомъ, въ 1826 году, по почамъ, занимался дѣломъ Декабристовъ.

28 Іюня 1836 года послѣдовало высочайшее соизволеніе на производство меня въ аудиторы въ 13-й округъ пѣхотныхъ солдатъ, расположенный въ Старорусскомъ удѣлѣ. Итакъ, съ Божіею помощію и помощію добрыхъ людей, я достигъ вождѣленной цѣли, вырвался изъ крѣпостного состоянія и переселился на сельскій воздухъ, благотвительно на здорвье мое повліявшій. Теперь мнѣ пришлось дѣйствовать самостоятельно и притомъ болѣе головой. Шагъ важный.

VIII.

Призательныя воспоминанія. Курьезъ. М. М. Сперанскій. М. А. Балугьянскій. Баронъ М. А. Корень. Императоръ Николай Павловичъ. Смотритель дома. Анекдоты.

Но прежде, нежели придется мнѣ разстаться съ Петербургскою трудовою жизнью, съ горячею признательностію вспоминаю и понынѣ о службѣ моей въ Государевой канцеляріи, при благородной и гуманной обстановкѣ, благотвительно на меня повліявшей относительно моего развитія ²⁾) Прежде всего я долженъ упомянуть о великомъ человѣкѣ

¹⁾ Этотъ домъ, занятый придворными чинами и чинами типографіи II отдѣленія его величества канцеляріи, сохранялъ названіе *Іезуитскаго*, потому что онъ до изгнанія, въ 1821 году, изъ Россіи Іезуитовъ, принадлежалъ этому ордену и потомъ поступилъ въ казну и наконецъ въ придворное вѣдомство.

²⁾ Для характеристики вѣка, рѣшаюсь привести здѣсь одинъ со мной курьезный случай. Однажды я, занимаясь въ канцеляріи работою по составленію алавертнаго указа зятеля къ своду гражданскихъ законовъ, за прекращеніемъ оной, сталъ читать газету

графъ Сперанскомъ, къ памяти котораго я относился и отношусь по нынѣ съ искреннѣйшею признательностію. Вліяніе его благородное, тихое и свободное для всѣхъ подчиненныхъ его, особенно для меня было благодѣтельно. И хотя выше я говорилъ о задержаніи имъ производства моего въ класный чинъ, но за сіе я не виню его: онъ былъ человѣкъ своихъ убѣжденій, которыхъ не хотѣлъ измѣнять и которыя относились къ высшимъ государственнымъ цѣлямъ. Изъ исторіи его жизни, написанной графомъ Корфомъ, это каждый образованный человѣкъ можетъ видѣть. По поводу этой исторіи и я внесъ свою лепту въ статью ¹⁾).

Баронъ М. А. Корфъ редактировалъ сводъ основныхъ законовъ и государственныхъ учреждений, составившихъ первый томъ Свода Гражданскихъ Законовъ. Имѣя хорошій, четкій, почеркъ руки, онъ составлялъ и отдѣлывалъ части своихъ работъ скоро и хорошо. Переписка оныхъ набѣло нисколько не была затруднительна. По окончаніи, подъ руководствомъ Сперанскаго, особыхъ отдѣловъ работъ, послѣднимъ представлялись оныя въ тетрадяхъ Государю Императору Николаю Павловичу, который, просматривая ихъ, изволилъ дѣлать на поляхъ свои замѣчанія. Изъ оконченныхъ Корфомъ работъ и я дѣлалъ, собственно для своихъ цѣлей, выписки, приготовляясь къ званію аудитора. Вообще говоря, годы моей службы, проведенные въ Государевой канцеляріи, остались самыми лучшими во всей моей 55-ти лѣтней службѣ. При хорошемъ начальствѣ, вполне гуманномъ, и молодыхъ моихъ лѣтахъ, кои по самой природѣ все окрашивали въ розовый цвѣтъ, дышалось, жилось и работалось до поту лица какъ-то охотно и весело. Цѣлыя ночи, проведенныя за работою и въ сильной заботѣ какъ бы не опоздать и какъ бы дѣло окончить къ сроку, свѣрить и пр., тотчасъ забывались, когда начальство потомъ оставалось довольнымъ ²⁾). Доволь-

Съверная Пчела, издаваемую Гречемъ и Булгарянимъ. Вдругъ вижу поднялась тревога. Взять ко мнѣ экакурторъ, беретъ скоро отъ меня газету и ворчатъ: зачѣмъ вы читаете газеты? Оказалось потомъ, что кто-то изъ чиновниковъ, увидя въ рукахъ моихъ газету, произвелъ тревогу по канцеляріи за употребленіе нижними чинами запрещеннаго для нихъ вѣда. Это показываетъ, что при общей по службѣ гуманности были лица и стараго покроя, думавшія, что чтеніе газетъ есть привилегія только высшаго сословія. А между тѣмъ почти постоянно мы прежде чиновниковъ читали газеты, такъ какъ гораздо ранѣ ихъ приходили въ должность.

¹⁾ „Мои воспоминанія о графѣ Сперанскомъ“, напечатанныя въ № 13-мъ Современной Лѣтописи, при Московскихъ Вѣдомостяхъ 1865 года. Это былъ первый случай, когда имя мое и фамилія явились въ печати.

²⁾ Съ окончаніемъ Полнаго Собранія Законовъ и Свода Гражданскихъ Законовъ, въ отчетѣ, Государю представленномъ, было показано, что, кромѣ другихъ работъ, на каждого писца круглымъ счетомъ приходилось переписанныхъ въ день (не исключая и праздниковъ) по 17-ти листовъ.

но сказать, что во все время служенія моего подъ начальствомъ графа Сперанскаго, я не слыхалъ даже малѣйшаго замѣчанія за какую либо ошибку или неисправность по службѣ. Иное дѣло со мной и со всѣми товарищами писцами было по отношенію нашему къ смотрителю зданія, гусарскому корнету М—му, состоявшему вмѣстѣ съ домомъ канцеляріи въ вѣдѣніи инженернаго вѣдомства. Онъ имѣлъ виѣшній надзоръ за нижними чинами и относился къ своей обязанности какъ каптенармусъ, стараясь изъ всего извлекать свои выгоды, какъ-то отъ обмундированія, провіантскаго довольствія и ремонта зданія. Съ нимъ были нерѣдко столкновенія; но начальство канцеляріи, особенно добрѣйшій старикъ Михаилъ Андреевичъ, лучше цѣнившій людей, не позволялъ никого обижать.

Что этотъ смотритель дома былъ чистый профанъ, грубый невѣжа, надъ которымъ постоянно чиновники смѣялись, доказываетъ слѣдующій случай. У М. А. Балугьянскаго, изъ кабинета его, гдѣ постоянно находился сторожъ, пропали золотые часы, большой цѣны. Разумѣется, розысканіе вора и самыхъ часовъ пало на обязанности смотрителя М—го. Тотъ, долго не думая, бросился прежде всего на Пески, къ какой-то извѣстной ворожеѣ. Та, какъ водится, сперва подробно разспросила чудака обо всей обстановкѣ, при коей случилась пропжа; потомъ наговорила ему наружныя примѣты вора, какіе у него волосы, ростъ и т. п. такъ, что примѣты эти приходились ко многимъ лицамъ и даже чиновникамъ канцеляріи. Въ заключеніе успокоила тѣмъ, что воръ, раскаявшись въ своемъ дурномъ поступкѣ, часы возвратитъ такъ, что другіе того не замѣтятъ, словомъ, подкинетъ часы. Съ полнѣйшею вѣрою въ предсказаніе гадальщицы, смотритель явился къ нашему добрѣйшему и образованнѣйшему начальнику и съ радостнымъ лицомъ сталъ объяснять, по словамъ ворожей, всѣ почерпнутыя имъ у нея свѣдѣнія. Какъ ни добръ былъ Михаилъ Андреевичъ, но, не давъ даже окончить всѣхъ вздорныхъ объясненій смотрителя, сказалъ ему, что всѣ розыски его очень глупы. Кончилось тѣмъ, что часы пропали и воръ не былъ открытъ. Вся такая процедура сдѣлалась извѣстною образованнымъ чиновникамъ канцеляріи, которые много смѣялись надъ профаномъ-смотрителемъ, называя его потомъ сорокою, такъ какъ онъ носилъ при треугольной шляпѣ изъ бѣлыхъ и черныхъ перьевъ султанъ и много болталъ вздору.

Въ канцеляріи служилъ нѣкоторое время чиновникъ Строевъ, молодой, небольшого роста, весьма живой и вертлявый. По способностямъ и образованію, въ качествѣ помощника редактора, онъ служилъ съ успѣхомъ. Между другими работами, прошедшими чрезъ руки и голову Сперанскаго, находился оконченный историческій сводъ законовъ, въ коемъ,

периодически, спеціально были изложены кратко всѣ наши законы, начиная съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича. Въ этомъ Сводѣ, законченномъ еще до поступленія на службу въ канцелярію г. Строева, находился особый раздѣлъ объ Уложеніи, гдѣ описаны исторически всѣ объ немъ свѣдѣнія. Г. Строевъ, выписавъ этотъ отдѣлъ, прибавилъ къ нему отъ себя введеніе или предисловіе, отпечаталъ отъ своего имени особую книгу подъ заглавіемъ: „*Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія царя Алексѣя Михайловича*“, и пустилъ ее въ продажу. Въ фельетонѣ Съверной Пчелы появился весьма хорошій отзывъ объ авторѣ и достоинствѣ этой книги. Такъ какъ такое явленіе въ нашей литературѣ по спеціальности II-го отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи считалось немаловажнымъ, то тотчасъ же книга была куплена и рассмотрѣна. Обнаружилось похищеніе, недозволенное ни закономъ, ни приличіемъ. Этотъ казусъ, думали, поведетъ къ крупному объясненію начальства. Вышло противное. Призвали виновнаго. Онъ сперва явился къ М. А. Балугьянскому. Этотъ старикъ, принявъ въ своемъ кабинетѣ Строева, прошелъ съ нимъ по канцеляріи подъ ручку, какъ съ хорошимъ знакомымъ; а по прїѣздѣ Сперанскаго, въ общемъ присутствіи, произошло рѣшительное объясненіе, но такъ, что никто не слышалъ онаго. Г. Строевъ вышелъ изъ присутствія примѣтно покраснѣвши и болѣе въ канцеляріи не служилъ; книга же, имъ изданная, на квартирѣ его и въ книжныхъ магазинахъ, до единаго экземпляра была отобрана, и такимъ образомъ вся была изъята изъ продажи. Отобранные экземпляры сложены на чердакѣ. Одинъ изъ нихъ долго хранился и у меня, но впоследствии утратился.

Другой эпизодъ не менѣе жалокъ. Нѣкто Кутузовъ, служа въ гвардіи, кажется въ Измайловскомъ полку офицеромъ, наслышавшись отъ Декабристовъ и другихъ лицъ разныхъ либеральныхъ идей, записывалъ ихъ въ особую книжку и, собравъ такимъ образомъ разныхъ мыслей довольно порядочное число, особенно же относительно необходимости разныхъ улучшеній въ нашемъ государственномъ строѣ, далъ переплести книженку свою въ сафьянъ и золотой обрѣзъ и осмѣлился поднести ее Государю Императору Николаю Павловичу, вскорѣ по восшествіи его на Всероссійскій престолъ. Это совпадало какъ разъ съ происшествіемъ Декабристовъ и слѣдствіемъ надъ ними. Автора этой книжки привлекли къ дѣлу государственныхъ преступниковъ. Онъ высидѣлъ въ крѣпости почти полгода, пока не разъяснилось, что онъ къ дѣлу Декабристовъ совершенно былъ непричастенъ. Государь Императоръ, въ милостивомъ возрѣннн къ понесеннымъ г. Кутузовымъ страданіямъ, всемилостивѣйше соизволилъ этого страдальца опредѣлить во II-е отдѣленіе своей канцеляріи, а книжку съ его тенденціозными раз-

сужденіями передать Сперанскому. Но Кутузовъ, не будучи вовсе подготовленъ къ юридическимъ занятіямъ, былъ только терпимъ въ канцеляріи, и по способностямъ своимъ не принесъ пользы, которой ожидалъ отъ него Государь. Я помню, что онъ собиралъ свѣдѣнія и составлялъ изъ нихъ записки *о дворянскихъ нуждахъ*. Сіи работы только напрасно обременяли писцовъ перепискою. Однажды г. Капгеръ, составлявшій сводъ уголовныхъ законовъ, въ горячности за напрасное занятіе писарей, лично Кутузову сказалъ: *Всѣ ваши дворянскія нужды бросить стоитъ только въ печь*. При всемъ томъ бѣдный Кутузовъ дослужился въ канцеляріи до чина д. с. с. и потомъ перешелъ, кажется, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Это былъ авторъ съ воли, попавшій въ автора поневолѣ. Книжка Кутузова нѣсколько лѣтъ валялась въ шкафѣ канцеляріи и осталась безъ всякаго примѣненія къ дѣлу. Была она и у меня нѣсколько разъ въ рукахъ.

Въ 30-хъ годахъ въ нашей литературѣ появились впервые въ печати *Житія святыхъ*, взятая изъ Чети-Миней, передѣланныя на Русскій языкъ. Эти житія потомъ вошли въ полный мѣсяцесловъ. Но кто написалъ ихъ, кажется, неизвѣстно въ печати. Составленіемъ житій занимались служившіе во II-мъ отдѣленіи чиновники *Яковлевъ* и *князь Эрнстовъ*, оба лицеисты, и первый изъ нихъ по курсу, кажется, былъ товарищемъ поэта А. Пушкина. При составленіи семъ меня особенно тогда удивляло то, что оба они отнюдь не отличались благочестивою жизнію, и трудъ ихъ, казалось, былъ вызванъ не чувствами и понятіями о чистотѣ и святости нашей религіи, но чисто спекулятивными расчетами. Оба они давно уже умерли, Яковлевъ, состоя на службѣ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, а князь Эрнстовъ генераль-аудиторомъ Морского Министерства.

IX.

Аудиторская служба. 13-й округъ пѣхотныхъ солдатъ. Новое начальство. Добрый совѣтъ. Переводъ на службу въ Старую Русу. Генераль фонъ-Фриккенъ и сослуживцы мои.

Аудиторомъ въ чинѣ 13-го класса, разставаясь не безъ скорби съ Петербургомъ, въ Августѣ 1835 года, я съ женой отправился на новую службу, въ г. Старую Русу. Тамъ, по обязанности, явился сперва къ удѣльному начальнику генераль-маіору Макарову и къ начальнику всѣхъ округовъ пѣхотныхъ солдатъ генералу *фонъ Фриккену*, командовавшему когда-то Аракчеевскимъ полкомъ и бывшему любимцемъ графа Аракчеева, такъ что послѣ ссылки сына его, флигель-адютанта Шумскаго, Аракчеевъ хотѣлъ усыновить его, Фрикена, съ предоставленіемъ всѣхъ правъ наслѣдства, и это, по рассказамъ близкихъ къ Фрикену, не со-

стоялось потому только, что Клейнмихель, впоследствии графъ, тоже бывший приближеннымъ и любимцемъ временщика, тому воспрепятствовалъ... Оба эти любимца Аракчеева въ приемахъ службы многое унаследовали отъ временщика, особенно Клейнмихель. Въ штабѣ фонъ-Фрикена, старшій адъютантъ майоръ Хотинскій, прежде сослуживецъ его по Аракчеевскому полку въ должности аудитора, не преминулъ, въ видѣ предостереженія, дать мнѣ практическія наставленія, по смыслу которыхъ хорошо, кто изучилъ отечественное законодательство, но еще важнѣе, въ маленькомъ чинѣ, *умѣть принаравливаться* къ обстоятельствамъ дѣла, къ мѣстамъ и особенно лицамъ, выше насъ стоящимъ въ служебной іерархіи и что строгихъ исполнителей законовъ никто не любитъ. Впоследствии мнѣ пришлось испытать на дѣлѣ всю правоту его словъ.

Явился я наконецъ въ 13-й округъ пѣхотныхъ солдатъ, къ ближайшему своему начальнику, командиру округа, подполковнику Свержевскому, Поляку, настоящему лезуиту. Онъ и жена его, Русская барыня, помѣщица Гдовская, приняли меня и жену мою ласково и забрали насъ подъ свое покровительство.

Округи пѣхотныхъ солдатъ образовались, какъ извѣстно, въ 1832 году изъ неудавшагося на практикѣ Аракчеевскаго военного поселенія въ Новгородской губерніи, послѣ страшнаго бунта 1831 года. Когда я прибылъ въ 13-й округъ, событія бунта были еще въ свѣжей памяти и передавались мнѣ въ живыхъ картинахъ, произведшихъ на меня и жену мою самыя непріятныя впечатлѣнія. Но тѣмъ не менѣе нужно было продолжать службу, гдѣ Богъ привелъ. Въ Петербургѣ я заручился, запасшись только что вышедшимъ сводомъ гражданскихъ законовъ, разными уставами и постановленіями, необходимыми мнѣ къ руководству. Но на практикѣ оказалось, что они мало примѣнялись къ дѣлу, а болѣе служили руководствомъ Аракчеевскіе проекты и уставы, не вошедшіе въ Полное Собраніе Законовъ, потому что они утверждались только Аракчеевымъ, не имѣя характера законовъ, утвержденныхъ высочайшею властію. Мнѣ, по приказанію окружнаго командира, дали для ознакомленія кучу Аракчеевскихъ постановленій, имѣвшихъ, относительно округовъ пѣхотныхъ солдатъ, главное примѣненіе по хозяйственной части. Изучать эти постановленія не было возможности, потому что мнѣ пришлось по прибытіи тотчасъ же вступить въ свою должность и вести дѣлопроизводство болѣе по бывшимъ образцамъ. Аудиторъ въ округѣ былъ дѣлопроизводителемъ окружнаго комитета, гдѣ предсѣдалъ командиръ округа, а членами были его помощникъ, окружный адъютантъ и старшій священникъ. Всѣ почти дѣла рѣшались присутствіемъ комитета. По происшествіямъ въ округѣ производились предвари-

тельные разслѣдованія, а въ болѣе важныхъ случаяхъ слѣдственные дѣла помощникомъ и адъютантомъ. Оконченныя слѣдственные дѣла разсматривались аудиторомъ и съ краткою изъ нихъ выпискою и мнѣніемъ окружного командира представлялись на разрѣшеніе высшаго начальства. Въ случаяхъ преданія виновныхъ военному суду, дѣла о происшествіяхъ и виновные отсылались въ комиссію военного суда, учрежденную при Новгородскомъ ордонансгаузѣ. По окончаніи въ военномъ судѣ дѣлъ, оныя вновь поступали въ округъ на заключеніе и съ запискою, и мнѣнія переходили опять по инстанціямъ въ Старую Русу, а въ важнѣйшихъ случаяхъ въ Петербургъ, въ Генераль-Аудиториатъ. Дѣла рѣшались окончательно, смотря по роду преступленій и по предоставленной начальству власти. Такимъ образомъ аудиторъ въ округѣ игралъ немаловажную роль: безъ его совѣта или мнѣнія не проходило ни одно дѣло; и если притомъ онъ былъ опытный, трезвый, старательный и честный человѣкъ, то сильно вліялъ на весь ходъ управленія округомъ и пользовался за то уваженіемъ, какъ и всякій полезный на своемъ мѣстѣ человѣкъ. Въ округѣ назначались изъ войскъ фронтовые, чаще семейные офицеры, плохіе администраторы и плохіе служаки, а вдобавокъ не всегда честные люди. Отъ этого происходило много зла, взяточничество, поборы, пристрастіе въ дѣлахъ и даже самыя безсовѣстныя вымогательства. И все это, въ мое время, въ случаѣ открытія и доведенія до свѣдѣнія начальника округовъ, по наружности хотя и преслѣдовалось, но въ сущности зло тушилось только такъ, чтобъ не могло доходить до высшаго въ Петербургѣ начальства. Въ большинствѣ случаевъ казусы, выведившіе наружу злоупотребленія мелкихъ и крупныхъ чиновъ, рѣшались по слѣдственнымъ дѣламъ и по однимъ донесеніямъ, не заводя безъ крайности переписки, не доводя виновныхъ до формальнаго суда. Виновные, подвергаясь келейному выговору, болѣе или менѣе строгому замѣчанію или такъ называемой гонкѣ начальника, оставались на своихъ мѣстахъ и послѣ продолжали свои подвиги только съ большею осторожностію. Но были конечно и честные чиновники, кои служили въ округахъ. Къ счастью человѣчества, добрые и честные люди были и будутъ всегда. Дѣйствуя чрезъ нихъ, Промыслъ Божій охраняетъ порядокъ въ обществахъ. Добрыми, честными и благородными людьми держится весь общественный строй цѣлыхъ государствъ. Иначе злодѣи истребили бы весь родъ человѣческій и сами бы погибли.

X.

Военныя поселенія и округа пахатныхъ солдатъ. Мое новое начальство, Старая Руса. Бунтъ въ ней и въ округахъ поселеній. Генераль фонъ Фрикенъ. Заготовка провіанта и оуража. Приключенія мои въ Старой Русѣ.

Округи пахатныхъ солдатъ существовали во внутреннемъ управленіи на основаніяхъ Арагчеевскихъ. А какое имѣли значеніе вообще военныя поселенія относительно государственной и общественной пользы, мной выражено въ *Замѣткахъ моихъ о бывшихъ военныхъ поселеніяхъ*, помѣщенныхъ въ „*Русскомъ Архивѣ 1873 года*“. При тѣхъ убѣжденіяхъ я остаюсь и по нынѣ *).

Въ 13-мъ округѣ я зарекомендовалъ себя хорошо. Служба моя текла правильно. Я въ ней, а начальство и сослуживцы ко мнѣ по привыкли, такъ что я могъ считать свою судьбу благосклонною. Но къ сожалѣнію, въ 1837 году, генераль фонъ Фрикенъ, по хорошимъ вообще обо мнѣ отзывамъ, перевелъ меня въ свой штабъ, находившійся въ Старой Русѣ, помощникомъ оберъ-аудитора. Въ округѣ я не пробылъ и двухъ полныхъ годовъ. На новомъ мѣстѣ жизнь моя довольно измѣнилась къ худшему. Въ округѣ я былъ самостоятельный дѣятель и такъ себя поставилъ, что почти управлялъ имъ; въ штабѣ же генерала фонъ-Фрикена я игралъ зависимую отъ оберъ-аудитора Степанова роль. А онъ человекъ былъ со слабостями, пивалъ и взятокъ былъ нечуждъ, часто манкировалъ дѣломъ. Штабные чиновники въ глаза ему смѣялись и говорили дерзости, но онъ переносилъ все съ удивительнымъ равнодушіемъ. Поведеніе его и на мнѣ стало непріятно отражаться. Онъ любилъ музыку и управлялъ хоромъ казенныхъ пѣвчихъ, занимаясь не столько благолѣпіемъ церковнаго пѣнія, сколько хоровою музыкою. Приглашая полковую музыку, онъ часто пѣвчихъ съ музыкою упражнялъ въ свѣтскомъ пѣніи, наиболѣе въ ученыхъ и веселыхъ пѣсняхъ. Въ церкви хоръ его пѣвчихъ оралъ безъ милосердія и часто смѣшилъ молящихся. Это безобразіе дошло до свѣдѣнія графа Клейнмихеля, и онъ счелъ лучшимъ уничтожить самый хоръ, на который напрасно тратилась казна. Въмѣсто прямыхъ занятій по службѣ въ штабѣ, я, по приказанію Степанова, долженъ былъ присутствовать на его хоровахъ спѣвкахъ, заявлять свои одобренія его музыкѣ и вкусу. А между тѣмъ генераль, пріѣхавъ въ штабъ, часто не находилъ насъ при должности и выражалъ свое неудовольствіе, которое меня тяготило, такъ какъ я не привыкъ манкировать своею службою и любилъ относиться къ ней болѣе серьезно. При этомъ, будучи связанъ 10-тилѣтнимъ срокомъ службы

*) Писано въ 1878 году.

въ аудиторскомъ званіи, я не могъ произвольно мѣнять своего мѣста служенія. Поэтому, скрѣпя сердце, приходилось мнѣ терпѣть до благопріятнаго случая. Въ другихъ отношеніяхъ генераль и товарищи были мной довольны, и служба текла своимъ чередомъ, такъ что я удостоился получить въ награду годовой окладъ жалованья.

Во время службы моей въ штабѣ генерала фонъ Фрикена, къ округамъ пахатныхъ солдатъ, подъ его начальство, были присоединены два округа военныхъ поселеній Витебской и Могилевской губерній; первый былъ образованъ изъ Іезуитскихъ имѣній, поступившихъ въ казенное управленіе, и туземныхъ крестьянъ; а послѣдній, въ Климовичскомъ уѣздѣ, былъ первымъ въ Россіи Аракчеевскимъ округомъ, основаннымъ еще до 1812 года и послужившимъ образцомъ всѣхъ военныхъ поселеній, стоившихъ правительству огромныхъ суммъ, непроизводительно затраченныхъ *). Непопулярность всѣхъ округовъ, большіе на нихъ расходы и наконецъ злоупотребленія, особенно по заготовкѣ фонъ Фрикеномъ на коммерческомъ правѣ, для всей гвардіи, провіанта и фуража, послужили къ тому, что въ 1857 году окончательно всѣ округа уничтожены, и туземные жители оныхъ обращены въ крестьянъ удѣльнаго и казеннаго вѣдомствъ. Здѣсь говорится только о военныхъ поселеніяхъ, обращенныхъ въ округа пахатныхъ солдатъ Новгородской, Витебской и Могилевской губерній; военныя же поселенія, учрежденныя на Югѣ, въ Новороссійскомъ краѣ, имѣли свою, не менѣе печальную и дорогую для казны исторію, которая также послужила къ окончательному ихъ упраздненію. Но въ этой исторіи личность графа Аракчеева не играла важной роли; она возникла и кончилась на иныхъ началахъ, и въ ней дѣйствующимъ главнымъ лицомъ былъ генераль графъ Никитинъ.

Но прежде нежели придется мнѣ разстаться со службою и жизнію въ Старой Русѣ, необходимо вкратцѣ очертить нѣкоторые существовавшіе тамъ порядки. Городъ Старая Руса, со всѣмъ уѣздомъ, на основаніи учрежденія военныхъ поселеній, былъ изъятъ изъ гражданскаго вѣдомства, кромѣ гражданскихъ дѣлъ, для коихъ существовалъ магистратъ. Онъ состоялъ въ военномъ вѣдомствѣ, относительно устройства и вообще административныхъ порядковъ, сперва подъ главнымъ управленіемъ графа Аракчеева, а потомъ бывшаго Департамента Военныхъ Поселеній и генерала фонъ Фрикена. Высшимъ устройствомъ своимъ и заведеніями тамошнихъ минеральныхъ водъ онъ обязанъ казеннымъ субсидіямъ. Для гражданъ строились даже дома рабочими сол-

*) Я помню изъ отчетовъ, что одинъ Могилевскій округъ, только по устройству его, стоилъ казнѣ болѣе 13 милліоновъ рублей ассигнаціями.

датами, на счетъ сихъ субсидій, съ возвратомъ казнѣ въ продолжительные сроки употребленныхъ на постройку денегъ. Отъ этого Старая Руса, по внѣшнему виду, въ числѣ уѣздныхъ городовъ по справедливости считается изъ самыхъ лучшихъ. Улицы вымощены камнемъ, а главные шоссерованы. По берегу рѣки Полѣсти устроенъ бульваръ, обсаженный тѣнистыми деревьями. Городъ содержался чисто. Одинъ въ городѣ недостатокъ: нѣтъ чистой, прѣсной воды. Онъ весь построенъ на солончакахъ. Поэтому прѣсная вода для житочныхъ горожанъ привозилась изъ загородныхъ мѣстъ за нѣсколько верстъ, а бѣдные пользовались изъ рѣкъ водою смѣшанною съ соленою водою, отъ солончаковъ. Чтобы снабдить жителей города хорошею водою, пробовали, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, устроить Артезіанскіе колодцы, но вездѣ оказывалось преобладаніе солонгорькой воды. Старорусскія минеральныя воды, по свойству своему схожія съ морскими, очень полезны въ золотушныхъ, ревматическихъ и другихъ болѣзняхъ.

Не знаю какъ теперь, но въ концѣ тридцатыхъ годовъ самые коренные жители Старой Русы не отличались сердечной добротой, особенно мѣщане. Въ характерѣ ихъ оставались слѣды древнихъ Новгородскихъ долбѣжниковъ. Для примѣра приведу дѣйствительные факты: судилище, устроенное, въ 1831 году, на площади Старой Русы для народнаго сужденія всѣхъ господъ, попадавшихъ въ руки бунтовщиковъ, мѣщанъ, солдатъ 10-го военно-рабочаго баталіона и военныхъ поселянъ, при чемъ во время допросовъ объ отравѣ въ колодцахъ и рѣкахъ воды ядомъ, многихъ несчастныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ, страшнымъ образомъ истязали, нанося жестокіе удары чѣмъ ни попало, волочили страдальцевъ по городу, привязанныхъ къ конскимъ хвостамъ. Въ этой кровавой исторіи жертвами были три генерала Мевестъ, Леонтьевъ и Эмме и многіе офицеры и чиновники. Били и грабили всѣхъ принадлежавшихъ къ сословію дворянъ и чиновныхъ лицъ. Здѣсь и въ округахъ поселянъ, въ теченіе двухъ недѣль безначалія, выразилась вполнѣ ненависть къ Аракчеевскимъ учрежденіямъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ, послѣ побоевъ и страшныхъ истязаній, погибло болѣе 120 жертвъ ненависти. Уже послѣ бунта, во времена строгаго начальника фонъ-Фрикена, жена главнаго доктора, статскаго совѣтника К—го, зимой, ѣхала въ городъ въ саняхъ, съ запятками назади. Въ то время шли два брата-мѣщанина. Одинъ изъ нихъ, бывший немного подъ хмѣлькомъ, изъ одной удали, вскочилъ на запятки саней докторши и нанесъ ей, ни въ чемъ неповинной, нѣсколько сильныхъ ударовъ по головѣ. Его потомъ взяли подъ арестъ и судили военнымъ судомъ, по которому онъ понесъ шпицрутенное наказаніе. Виновный и братъ его родной отрицали факта, объясняя оный тѣмъ, что, увидя ѣхавшую барыню,

одинъ вызвался падавать ей тумаковъ; другой хотя его и удерживалъ отъ такой дерзости, но тотъ поставилъ на своемъ. Вообще Старая Руса богата исторіями буйнаго характера.

Къ этому несчастному времени относится эпизодъ и прискорбный и смѣшной. Когда между военными поселянами распространялся бунтъ, многія семейства офицеровъ и чиновниковъ, бывшихъ въ походѣ и въ лагеряхъ, оставались между бунтовщиками совершенно беззащитными и подвергались отъ нихъ побоямъ, поруганію и грабежу. Въ 14-мъ артиллерійскомъ округѣ нашелся однакожь сострадательный поселянинъ, зажиточный и имѣвшій удобныя для настоящаго случая скрытыя мѣста. Онъ, при видимой опасности, бралъ подъ свое покровительство женъ и дочерей офицеровъ и чиновниковъ, укрывалъ ихъ у себя въ подъязбицѣ и другихъ мѣстахъ, сокрытыхъ отъ постороннихъ глазъ, продовольствовалъ и вполнѣ заботился о несчастныхъ, ежеминутно боявшихся попасть въ руки злодѣевъ-бунтовщиковъ. Бунтъ продолжался до трехъ недѣль. Въ это время укрыватель хорошо ознакомился со всеми прибѣгшими къ нему подъ защиту дамами и сталъ выказывать требованія удовольствію животной страсти. Въ какой степени онъ достигалъ этой подлой цѣли, осталось сокрытымъ; но когда бунтъ былъ прекращенъ и семейства укрывавшіяся освободились и избавились отъ всякой опасности, между дамами возникло недоразумѣніе. Однѣ хотѣли подвергнуть поселянина, спасшаго ихъ жизнь и имущество, строгой ответственности за принужденіе ихъ къ нарушенію чести; а другія, болѣе радуясь своему спасенію, предавали прочее забвенію, просили и взыскательныхъ дамъ сохранить все въ секретѣ и о поступкѣ поселянина-ловеласа довести до свѣдѣнія начальства и просить не о наказаніи, а о наградѣ его. Такъ наконецъ всѣ и согласились. Поселянинъ потомъ, за спасеніе, получилъ медаль на шею. Передаю это со словъ одной почтенной дамы, бывшей въ числѣ другихъ спасенныхъ поселяниномъ.

«Каковъ попъ, таковъ и приходъ», говоритъ Русская пословица; по здѣсь приходится выразить ее такъ: *«Каковъ приходъ, таковъ данъ ему и попъ»*. Послѣ страшнаго бунта поселянинъ Новгородской губерніи, по преобразованіи ихъ, въ 1832 году, въ округа пахатныхъ солдатъ, назначенъ въ оныя начальникомъ генералъ фонъ Фригенъ. Этотъ попъ умѣлъ справляться съ своими буйными прихожапами. Мнѣ въ штабѣ приходилось видѣть сцены, которыя, спустя 30 лѣтъ, на меня наводятъ ужасъ. Въ расправахъ своихъ нашъ попъ не былъ разборчивъ съ простыми прихожанами, которыхъ онъ называлъ *«стрыми министрами»*, по формѣ поселянской верхней одежды, состоявшей изъ сѣраго кафтана съ такимъ же кушакомъ. Кулачная расправа производилась нерѣдко и производилась такъ, что ни прежде, ни послѣ того, Богъ миловалъ меня видѣть

подобное. Удары кулакомъ съ такою твердостью и обиліемъ наносились симъ попомъ, что я не понимаю, какъ можетъ человѣкъ, вынесши такіе побои по лицу и по головѣ, оставаться потомъ живымъ. Но не удивляйся, добрый читатель: то былъ вѣкъ кулачнаго права, вѣкъ крѣпостничества, вѣкъ Аракчеевскихъ порядковъ.

Выше я упомянулъ, что генералъ фонъ Фрикенъ имѣлъ порученіе, на коммерческомъ правѣ, поставлять въ Петербургъ провіантъ и для гвардейскаго корпуса. Эта комиссія, при всей энергіи, при всемъ усердномъ стараніи и несомнѣнныхъ его административныхъ способностяхъ, кончилась для него весьма печально, уронила его во мнѣніи высшаго начальства и наконецъ низвела его въ могилу.

„Бѣда воль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги точатъ пирожникъ“.

Фрикенъ на себѣ оправдалъ справедливость сихъ словъ. Подрядъ имъ былъ взятъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Вся его обстановка говорила въ его пользу. Запасные магазины пахатныхъ солдатъ были наполнены продуктами. Подрядчики, изъ пахатныхъ солдатъ, опытные, постоянно занимавшіеся поставкою продуктовъ въ С. Петербургъ на своихъ баркахъ и судахъ, были къ его услугамъ. Офицеры и чиновники, испытанные въ расторопности и знаніи дѣла, служившіе въ управленіяхъ округовъ, казались, обѣщали полный успѣхъ комиссіи и гарантировали ее словомъ и дѣломъ. Но вышло, что вся операція кончилась полнымъ фіаско.

Не знаю, много ли, мало ли, или совсѣмъ ничего не бралъ онъ на свою совѣсть по операціи провіанта и фуража; но вѣрно то, что онъ былъ не изъ числа дюжинныхъ генераловъ и, какъ начальникъ всѣхъ округовъ пахатныхъ солдатъ, былъ на своемъ мѣстѣ. Всѣ округа при немъ относительно устройства ихъ и благосостоянія поселянъ доведены были до совершенства. Земледѣліе, скотоводство, дороги, села и деревни поставлены были въ крестьянскомъ быту въ лучшее состояніе. Запасные магазины до операціи были засыпаны хлѣбомъ и служили важнымъ пособіемъ въ случаяхъ наурожаевъ хлѣба, градобитія, пожаровъ и другихъ несчастій. Для торговыхъ оборотовъ поселянъ, за ничтожные проценты, въ каждомъ округѣ служилъ *заемный капиталъ*, а для бѣдныхъ, нуждавшихся по разнымъ несчастнымъ случаямъ, *вспомогательный капиталъ*. Для пользованія отъ болѣзней въ каждомъ округѣ состояли лекаря и фельдшера. Оспопрививаніе для всѣхъ дѣтей было обязательно и строго выполнялось. Нищенства вовсе не было, и оно не допускалось. Бѣдные прирѣввались въ семействахъ, и на нихъ, по положенію, отпускался хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ. Кабакъ во всемъ 13-мъ округѣ былъ только одинъ, въ селѣ Лаховицахъ, гдѣ находился

и окружный комитетъ; въ виду начальства, поселяне не смѣли предаваться пьянству. Постройки поселянъ, мосты, перевозы и въ предохраненіе отъ пожаровъ въ избахъ печи и трубы содержались въ исправности; пожарные инструменты, багры, ведра, топоры, лѣстницы, бочки съ водою и лошади были росписаны по домамъ. Такъ какъ дворы у поселянъ покрывались соломой *подъ гребенку*, на дворахъ для скота постилалась солома, а для корма давалось сѣно, то строго воспрещалось изъ избы на дворъ ходить съ зазженою лучиною. Для этого каждый хозяинъ обязывался имѣть фонарь со свѣчею. Въ лѣтнюю же пору принимались особенныя мѣры противъ огня: дозволялось только въ крайнихъ случаяхъ топить печи. Сѣно и соломѣ близко къ жилымъ строеніямъ строго воспрещалось складывать, дабы въ случаѣ пожара менѣе отъ огня было опасности и т. п. Мѣры фонъ Фрикена, унаслѣдованныя имъ отъ учрежденій Аракчеева, имъ разумно развиты и приспособлены были къ быту крестьянскому. Поэтому округа вполне щеголяли своимъ хозяйствомъ. Стоило только проѣхать по деревнямъ и полямъ крестьянъ сосѣднихъ помѣщиковъ, чтобъ убѣдиться въ превосходствѣ сельскаго хозяйства у поселянъ. Это вполне было извѣстно и въ высшихъ сферахъ правительства. Одно только не въ пользу округовъ говорило: это дорого стоившее казнѣ военное управленіе, оставленное послѣ бунта поселянъ, *временно*, дабы ослабленіемъ порядка не дать имъ повода къ новымъ возмущеніямъ. Съ того времени, о которомъ я пишу, прошло уже 30-ть лѣтъ. Всѣ прежніе порядки измѣнились, съ цѣлію достигнуть лучшаго положенія крестьянъ, бывшихъ поселянами. Но достигнута ль нынѣ эта цѣль? Нимало. Теперь, по отзывамъ близкихъ свидѣтелей, бывшіе поселяне, лишась строгой надъ собой опеки, вспоминаютъ о временахъ прежнихъ, Фрикенскихъ, и жалѣютъ о нихъ. Тогда хлѣбъ, деньги, лѣсъ и совѣтъ все служило къ ихъ пользѣ; теперь каждый заботится самъ о себѣ. Въ поляхъ и селеніяхъ нѣтъ прежняго порядка. Если самъ хозяинъ о себѣ не позаботится или отъ несчастій обнищаетъ, никто его не пробудитъ къ своевременнымъ заботамъ и не поможетъ такъ скоро, какъ прежде водилось. А кабаки, кабаки расплодился и пользуются покровительствомъ. Самосудъ и расправа своя также не упрочились, какъ должно и какъ ожидалось...

Расскажу здѣсь фактъ изъ жизни фонъ Фрикена, мной лично отъ него слышанный. Извѣстна исторія Семеновскаго полка съ командиромъ онаго полковникомъ Шварцемъ. Она особенно хорошо описана полковникомъ Кропотовымъ, въ его добросовѣстной книгѣ «Жизнь графа Муравьева» *). Тамъ выведено, что вся несчастная исторія того полка была

*) Въ этой же книгѣ хорошо объяснено и значеніе бывшихъ округовъ пахатныхъ солдатъ Новгородской губерніи.

только слѣдствіемъ дурного отношенія офицеровъ къ своему полковому командиру, назначенному не изъ богатыхъ магнатовъ, а изъ *арміи*, почему имъ и неохотно было ему подчиняться и выполнять вводимые имъ въ полку новые порядки службы. Подобное было и въ Аракчеевскомъ полку, когда имъ командовалъ фонъ Фрикенъ въ чинѣ полковника, но только кончилось все съ менѣе дурными послѣдствіями для полка, чрезъ распорядительность графа Аракчеева. Офицеры полка, также какъ и въ Семеновскомъ полку, не возлюбили той строгости и точности службы, какихъ Аракчеевъ требовалъ чрезъ точного исполнителя его приказовъ фонъ Фрикена и стали собираться въ кружки, толкуя при нижнихъ чинахъ, что службы переносить нельзя. Сговорясь между собою, нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ рѣшились объяснить съ графомъ. Явились къ нему. На вопросъ: что вамъ надо? объяснили ему свою и всего полка претензію на строгость службы. Хорошо, сказалъ Аракчеевъ, погодите здѣсь немножко, и оставилъ ихъ въ пріемной. Чрезъ нѣкоторое время къ подъѣзду квартиры подкатило нѣсколько троекъ съ кибитками и съ провожатыми. Графъ вышелъ, вручилъ каждому провожатому по конверту, а офицерамъ указалъ каждому по кибиткѣ. Провожатые пригласили офицеровъ сѣсть въ экипажъ и съ ними умчались. Куда, никто не зналъ. Извѣстно, что Аракчеевъ имѣлъ бланки за подписью Государя Императора Александра Павловича и ими въ подобныхъ случаяхъ пользовался. Въ полку вскорѣ сдѣлалась извѣстною эта непріятная исторія, и всякой ропотъ на тяжесть службы замеръ. Полкъ выведенъ былъ на ученье и исполнялъ все эволюціи отлично и покойно. Читатель скажетъ: слишкомъ строго поступлено съ бѣдными ротными командирами, воплиъ по аракчеевски. Согласенъ и я такъ думать. Но, по словамъ фонъ Фрикена, этою мѣрою была спасена честь цѣлаго полка, и никто изъ онаго болѣе не пострадалъ. Впослѣдствіи, вѣроятно, увезенные такъ внезапно въ кибиткахъ офицеры получили свободу, съ назначеніемъ на службу въ другія войска.

Но я далеко увлекся за предѣлы моихъ автобіографическихъ записокъ. Выше, кажется, я остановился на службѣ своей въ штабѣ фонъ Фрикена и на разладѣ съ ближайшимъ моимъ начальникомъ оберъ-аудиторомъ Степановымъ, большимъ любителемъ музыки (онъ порядочно игралъ на скрипкѣ) и особенно пѣнія. Когда я всмотрѣлся ближе во все личности, составлявшія нашъ штабъ, мнѣ сдѣлалось тяжело и грустно послѣ той обстановки, которою былъ я окруженъ во II-мъ отдѣленіи Государевой канцеляріи и даже въ Аудиторіатскомъ Департаментѣ. Перемѣнить къ лучшему свое положеніе не представлялось возможности: я обязанъ былъ выслужить въ аудиторскомъ званіи 10-ти лѣтъ. Но судьба опредѣлила недолго мнѣ томиться въ Старой Русѣ. А не залюбилъ ея

по двумъ случаямъ. Впервыхъ, при переѣздѣ изъ округа, я нанялъ у купчихи В—ной квартиру, которая окончательно еще не была отдѣлана: окна, двери и полы не были выкрашены масляною краскою, стѣны не были оклеены бумагою и окрашены; въ саду была баня, но безъ печки, оконъ и дверей. Все это я сдѣлалъ на свой счетъ, квартиру привелъ въ самый лучший порядокъ и баню въ должный видъ. При заключеніи условія, посредникомъ между мной и хозяйкою былъ самый недобросовѣстный человѣкъ, квартальный надзиратель Старорусской полиціи С—въ, рекомендовавшій мнѣ квартиру и самую владѣлицу дома*). По отдѣлкѣ квартиры, я съ семействомъ въ ней только что успѣлъ расположиться, любуюсь устройствомъ и удобствами, какъ вдругъ этотъ же С—въ объявилъ мнѣ отъ имени хозяйки; чтобъ я очистилъ квартиру. При моемъ бѣдномъ состояніи, это меня ужасно удивило и огорчило. Къ несчастію, письменнаго условія съ хозяйкою мной сдѣлано не было. Однакожъ я надѣялся, что, по освидѣтельствованіи всѣхъ моихъ въ квартирѣ и банѣ исправленій и по оцѣнкѣ ихъ, меня вознаграждать за мои издержки; надѣялся еще и потому, что я служилъ въ штабѣ фонъ Фрикена, которому городъ съ военною полиціею былъ подчиненъ. На дѣлѣ вышло, что этотъ генераль первый по этому дѣлу меня поразилъ. Придя въ штабъ, онъ потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ: «Г. Александровъ, на васъ жалуются. Вы у купчихи В—ной заняли квартиру. Вамъ хозяйка отказываетъ въ ней, а вы не думаете очистить квартиру. Этакъ нельзя». Я объяснилъ въ чемъ дѣло и просилъ, ради справедливости, меня поддержать и получилъ въ отвѣтъ: «Нельзя-съ насильно жить въ чужомъ домѣ. Нужно, чтобъ жалобъ на васъ не было». Это проклятое *не было*, меня ужасно поразило. У кого жъ больше оставалось искать правосудія? Я былъ новичекъ, опытомъ не обоженный, и въ этомъ вся моя бѣда. Впослѣдствіи оказалось, что хозяйка кусокъ хорошей шелковой матеріи снесла въ подарокъ такой дамѣ, которая имѣла вліяніе на генерала. Я же не могъ прибѣгать къ такимъ средствамъ снисканія покровительства, и все что я сдѣлалъ для купчихи В—ной пропало для меня ни за грошъ.

Во-вторыхъ, я пользовался между аудиторамъ нѣкоторымъ авторитетомъ. Вѣроятно поэтому ко мнѣ въ квартиру являлась жена генераль-маіора Г., который тогда командовалъ бригадою въ войскахъ гренадерскаго корпуса, расположенныхъ въ кругахъ Старорусскаго удѣла. Она, объяснивъ въ подробностяхъ безвыходное свое положеніе

*) Этотъ мошенникъ впослѣдствіи обобралъ купчиху В—ну и отставнаго офицера К—на, купилъ въ Русѣ каменный домъ и нажилъ, всѣми неправдами, большое состояніе.

относительно супружеской своей жизни и въ особенности жалуясь на грубое и дерзкое съ ней обращеніе ея мужа, нарушеніе съ его стороны супружеской вѣрности, нарушеніе предъ всѣми вовсе не скрываемое, просила меня написать отъ имени ея Императору Николаю Павловичу просительное письмо. Главное, при своей просьбѣ она приводила свидѣтельства множества особъ, высокопоставленныхъ при императорскомъ дворѣ и вообще въ службѣ. Грустно было слушать повѣсть тягостной жизни лѣтъ за 20-ть слишкомъ; но и помочь въ тяжеломъ горѣ несчастной женщинѣ не было возможности. Мужа просительницы мы служащіе, по слухамъ и дѣламъ, хорошо знали. Темпераметра былъ онъ горячаго до того, что, незадолго предъ описываемымъ происшествіемъ, онъ сорвалъ съ проходившаго мимо его провіантскаго комиссіонера съ головы фуражку и отколотилъ ею чиновника по лицу, а фуражку потомъ бросилъ въ грязь за то, что тотъ не снялъ ея для отданія генералу чести*). Итакъ, мнѣ приходилось имѣть дѣло съ г. Г., крайне для меня не только непріятное, но и опасное: мужъ могъ и меня тяжело обидѣть, и я, при тогдашнихъ порядкахъ, не могъ бы найти никакой защиты. Потому я отказался генеральшѣ писать какія бы то ни было бумаги. Она просила генерала фонъ Фрикена, чтобы приказалъ мнѣ исполнить ея просьбу; но я и ему вѣжливо объяснилъ все неудобство для меня этого опаснаго дѣла. Впослѣдствіи бракъ Г. былъ расторгнутъ. Мужъ женился на молоденькой 17-ти лѣтней барышнѣ... Бывшая у меня не разъ прежняя жена Г. дошла до того, что, по бѣдности, попала на излѣченіе въ Маріинскую больницу въ Петербургъ. Тамъ се, въ числѣ простолюдиновъ, видѣлъ Императоръ Николай Павловичъ и былъ удивленъ, что генеральша туда попала. Такъ иногда невыгодно мѣняется жизнь челоуѣка. А по словамъ генеральши, она и мужъ ея, когда вступили въ законный бракъ, страстно любили другъ друга. Но съ лѣтами и потерю красоты, она стала ясно видѣть въ мужѣ своемъ перемѣну, послужившую къ ея несчастью.

ХІ.

Перемѣна моего мѣста служенія. Шкельтгоофъ. Ужвалда. Витебскій округъ. Его поселеніе изъ поезуитскихъ имѣній. Начальство, сослуживцы. Соперничество.

Между тѣмъ въ штабъ округовъ пахатныхъ солдатъ Витебской и Могилевской губерній открылась вакансія аудитора. И такъ какъ тамъ былъ исправляющимъ должность начальника удѣла подполковникъ Свержевскій, бывший мой начальникъ, когда я служилъ въ 13-мъ округѣ,

*) Дѣло это, заставивъ чиновничій людъ много о немъ говорить, было потушено и осталось безъ послѣдствій, потому что не нашло праведнаго судьи.

хорошо меня понимавшій и сохранявшій ко мнѣ расположеніе: то, не долго думая, и объяснился откровенно съ оберъ-аудиторомъ и, заручась его согласіемъ, просилъ о переводѣ меня въ штабъ къ Свержевскому. Начальство разрѣшило. Я съ семьей переселился, въ Мартѣ 1840 года, въ фольварокъ Шкельтгофъ—расположеніе удѣльнаго штаба. Тутъ мы были встрѣчены и приняты съ полнымъ радушіемъ.

Округъ военныхъ поселеній Витебской губерніи, штабъ коего находился въ 8-ми верстахъ отъ фольварка Шкельтгофа, въ сел. Ужвалдѣ, былъ образованъ въ концѣ 20-хъ годовъ изъ тѣхъ имѣній, которыя въ Динабургскомъ уѣздѣ принадлежали Іезуитамъ и въ началѣ 20-хъ же годовъ были отъ нихъ отобраны въ казенные вѣдомство. Какъ было укоренились въ Россіи Іезуиты, видно изъ того, что въ сел. Ужвалдѣ находился ихъ главный коллегіумъ или высшее училище, для котораго былъ воздвигнутъ огромный каменный флигель въ два этажа. Къ срединѣ этого флигеля предполагалось братьями ордена воздвигнуть огромный костелъ, для котораго былъ уже положенъ и фундаментъ. Но постройка этого храма не состоялась, по случаю отобранія имѣнія въ казну.

Крестьяне бывшихъ Іезуитскихъ имѣній, по причисленіи ихъ къ вѣдомству казенныхъ крестьянъ, отданы были въ аренду помѣщику графу Плятеру (кажется, владѣльцу мѣстечка Креславки). Такимъ образомъ бѣдные крестьяне, освободясь отъ Іезуитовъ, попали въ руки ихъ учениковъ, Поляковъ недобрыхъ. По инвентарю крестьяне, пѣшіе или конные, обязаны были отбывать арендатору опредѣленное число рабочихъ дней и вѣдять указанное въ инвентарѣ число верстъ. За большіе же по требованію его рабочіе дни и развѣзды обуславливалась особая денежная плата. Но въ теченіе аренды крестьяне такъ были обременяемы лишними работами, что предъявили на него претензію, доходившую наконецъ, по ихъ инвентарному расчету, свыше 10 мил. злотыхъ, которыхъ они и требовали съ Плятера. А графъ Плятеръ насчитывалъ на крестьянахъ невыполненныхъ работъ болѣе нежели на 300 т. злотыхъ, которыхъ и требовалъ съ крестьянъ. Взаимные споры, претензіи и жалобы въ разныхъ обидахъ и притѣсненіяхъ крестьянъ доходили многократно до высшаго правительства. Но крестьянъ считали «бунтовщиками», высылали для усмиренія и приведенія ихъ къ повинновенію воинскія команды, чинившія судъ и расправу по прежнимъ строгимъ законамъ. Послѣ многихъ мѣръ строгости, наконецъ и само правительство убѣдилось въ ненормальности дѣла. Имѣнія отъ Плятеровъ отобрали и, съ присоединеніемъ къ нимъ казенныхъ крестьянъ Динабургскаго староства, обратили ихъ въ 1828 году въ округъ военныхъ поселеній саперной бригады. Это военное поселеніе, принявъ

въ основу порядки Аракчеева, устроилось, не бывъ нисколько подъ его вліяніемъ или начальствомъ ¹⁾. Въ 1837 году, этотъ округъ и также и округъ Могилевской губерніи были переобразованы тоже въ округи пахатныхъ солдатъ тѣхъ губерній и подчинены генералу фонъ Фрикену ²⁾. По случаю сихъ-то переворотовъ и я съ семействомъ попалъ въ фольварокъ Шкельтгофъ.

Это фольварокъ или мыза, на горѣ, совершенно открытой мѣстности, съ огромнымъ фруктовымъ садомъ, разведеннымъ при Іезуитахъ, съ рощею назади сада и небольшимъ прудомъ. Между садомъ и рощею былъ, для чиновъ штаба, огородъ. Этотъ садъ, окруженный деревянною оградою, примыкалъ одною стороною къ большому, съ чистотою водою, озеру, въ которомъ водилась и рыба. На горѣ противъ сада, отдѣлявшася площадью, служившею прежде для ученья солдатъ, а въ 1840 году поросшею совершенно хорошею травою, были выстроенны отдѣльные флигеля: для штаба, начальника удѣла, старшаго адъютанта-аудитора и бухгалтера. У каждаго домика были палисадники съ деревьями и клумбами цвѣтовъ, которые поддерживалъ и разводилъ каждый по своему. На другой горюшкѣ, позади штабныхъ зданій, разбросаны были безъ всякаго плана деревянные домики для писарей и солдатъ. Тамъ же была и мастерская, гдѣ солдаты военно-рабочей роты, собранной при округѣ для казенныхъ построекъ, занимались преимущественно дѣланіемъ для начальника удѣла мебели и разныхъ вещей, какъ бы собственные его люди. Недалеко отъ штаба была маленькая, но хорошо сдѣланная, православная церковь.

Вотъ вся селитьба, гдѣ мнѣ съ семействомъ пришлось обитать въ теченіи шести лѣтъ. Ближе 8-ми верстъ окружнаго штаба, Ужвалды, никакихъ господскихъ жилищъ не было. Шкельтгофъ—настоящее уединенное жилище!.. Когда жильцы его между собой ладили и жили въ согласіи, тогда жизнь могла казаться сносною и подчасъ даже пріятною, особенно лѣтомъ въ саду. Но при несогласіи—это было ссылочное мѣсто.

Жизнь моя съ семействомъ въ Шкельтгофѣ дѣлится на двѣ половины: первая при Свержевскомъ была не только сносною, но даже и пріятною; вторая, при смѣнившемъ его начальникѣ удѣла полковникѣ Д. Х. Кенѣ, обратилась для всѣхъ штабныхъ чиновъ въ ссылочную Сибирь. Какъ многое зависитъ, въ глуши, и отъ небольшого, но суроваго и недобросовѣстнаго начальника!..

Всмотрѣвшись достаточно въ бытъ поселянъ Витебской губерніи, получившихъ лучшее устройство во время управленія начальствомъ

¹⁾ Приказъ графа Дибича 15 Марта 1828 г. № 48.

²⁾ Приказъ 9 Апрѣля 1837 г. № 4.

военныхъ поселеній, я замѣтилъ, что они дѣлились на двѣ расы: Латышей-католиковъ и Русскихъ, преимущественно раскольниковъ, удалившихся въ этотъ край во время Польскаго въ немъ владычества. Быть Латышей представлялъ, сравнительно съ поселянами Новгородской губерніи, рѣзкую разницу. Латыши въ большинствѣ народъ мелкій, невидный, загнанный, такъ что изъ него Поляки выработали *быдло*. Лѣнь, апатичность къ своему быту, пьянство, нечистоплотность, неряшество и тупое равнодушіе къ нравственности, особенно въ женскомъ полѣ, общая черта всѣхъ ихъ. Вообще хозяйственныя постройки крайне бѣдны и неудобны для жилья. Избы тѣсны, большею частію безъ половъ, безъ лавокъ и безъ постелей. Зимой въ избѣ помѣщается и мелкій домашній скотъ. Грязь, нечистота поразительныя. На очагѣ у печи виситъ котель, въ которомъ на все семейство и на нѣсколько дней варится обычная пища, болтушка или пудра, состоящая изъ ржаной муки, куска свиного сала и въ рѣдкихъ случаяхъ немного мяса или молока. Этотъ котель наполняетъ пустые желудки бѣдной семьи Латыша. Къ счастью, въ странѣ распространень посѣвъ картофеля на поляхъ. Этотъ продуктъ служитъ существеннымъ пособіемъ бѣднымъ людямъ въ ихъ продовольствіи. Нѣтъ, какъ у Русскаго мужичка Великороссійскихъ губерній, передняго въ избѣ кута или угла съ образами, покрытаго бѣлымъ полотенцемъ и чистаго стола, накрытаго также скатертью. Полѣкъ для спанья хозяина и хозяйки замѣняютъ деревянные козлы съ наложенными на нихъ жердочками и хворостомъ, закрытыми грубою дерюгою. Перины роскошной, подушекъ, полога, простынь и другихъ потребностей спальныхъ у Латышей намъ не случалось видѣть. Дворовъ, крытыхъ, съ теплыми хлѣвами для мелкаго скота, клѣтей и амбаровъ для имущества и продуктовъ, въ рѣдкихъ только случаяхъ приходилось видѣть. Домашній скотъ, лошади и коровы, зимой, въ сильные морозы, не имѣя теплыхъ и крытыхъ пріютовъ и хорошаго корма и ухода за ними, необыкновенно мелкой и безсильной породы.

Я съ семействомъ, въ Мартѣ 1840 года, ѣхалъ отъ Старой Русы до Витебскаго округа въ Казанскомъ возкѣ на тройкѣ ямскихъ лошадей и ѣхалъ совершенно свободно, безъ остановокъ. Въ первой волости округа, вмѣсто 3-хъ, въ особое уюжденіе, запрягли 5 лошадей съ фореяторомъ. Волостной голова, желая прислужиться, самъ хлопоталъ объ удобномъ насъ отправленіи до удѣльнаго штаба или фольварка Шкельтгофа. Мы вышли, чтобъ отправиться съ Богомъ въ путь; но каково же было наше удивленіе, когда увидѣли запряженныхъ въ возокъ пять лошадей!... Сія лошади походила болѣе на жеребятъ, на которыхъ въ Россіи еще не начинаютъ ѣздить. Я сильно усумнился въ успѣхѣ нашей поѣздки; но волостной голова завѣрилъ, что это выѣзженныя и

лучшія у нихъ лошади. Съ большимъ сомнѣніемъ мы усѣлись въ возокъ. Кучеръ и форейторъ тоже помѣстились какъ слѣдовало. Голова, сотскій и нѣсколько поселянъ, вѣроятно въ предвѣдніи, тутъ же стояли, чтобъ насъ напутствовать. «Ну, орлы, вскрикнулъ кучеръ, и форейторъ ударилъ кнутъями по лошадямъ. Но лошади ни съ мѣста!.. Пошли нуканья и безъ счету удары по лошадямъ, и только съ помощью бывшихъ тутъ людей мы едва сдвинулись съ мѣста. Ъхали мы, съ непрестанными остановками, до штаба 20 верстъ, съ утра до часу ночи... Вотъ «орлы». Въ Старорусскомъ удѣлѣ этому никто бы неповѣрилъ, хоть и тамъ порода крестьянскихъ лошадей не очень крупна.

Латышъ не имѣетъ у своей избы ни садика, ни огорода для овощей, и если гдѣ огородики встрѣчались, то съ грядами едва замѣтными. У Русскихъ мужичковъ огородъ большое подспорье въ хозяйствѣ: своя капуста, морковь, рѣпа, рѣдка, брюква, огурцы, сахарный горохъ, бобы и пр. заготавливаются въ прокъ на всю зиму и весну. И хозяйки Русскія свои готовятъ огороды съ высокими, тщательно удобренными, грядами; одна передъ другою стараются, чтобъ въ огородахъ все въ время было посажено и посеяно и чтобъ уродилось все хорошо и въ изобиліи. Латышки лѣнливыя, апатичныя мало и думаютъ о своихъ огородахъ и не разводятъ ихъ какъ должно. Русскій любитъ, чтобъ въ селеніи и даже въ огородѣ или саду у каждаго былъ колодець съ хорошею водою. Потому у нихъ колодцы бываютъ глубокіе, съ срубамы, бадьями и т. п. Русскій любитъ и баню недалеко отъ своего жилья. У Латышей колодцами служатъ выкопанныя гдѣ нибудь на проточномъ мѣстѣ ямы, едва позволяющія зачерпнуть изъ нихъ воду, постоянно нечистую, почти негодную къ употребленію въ питье. За то у нихъ нечистота на тѣлѣ, часто видишь колтуны на головѣ и язвы на рукахъ и ногахъ. Нигдѣ ни прежде, ни послѣ мнѣ не приходилось видѣть столько больныхъ колтуномъ, какъ въ Витебскомъ округѣ, у бѣдныхъ Латышей. Такъ какъ нѣтъ правила безъ изыятія, то мнѣ случалось, какъ исключеніе, видѣть изъ Латышей хорошихъ и зажиточныхъ хозяевъ. Особенно одинъ изъ нихъ, какъ бы выродокъ въ своей семьѣ, славился своимъ примѣрнымъ трудолюбіемъ по земледѣлію и успѣшнымъ хозяйствомъ. При проѣздѣ мимо сего хозяина, указывали на его хорошій дворъ и обыкновенно говорили: «Вотъ и Латышъ, а живетъ хорошо, какъ баринъ».

О Русскихъ поселянахъ Витебскаго округа не буду распространяться. Они въ большинствѣ раскольники и въ образѣ своей жизни схожи съ поселянами Новгородской губерніи. Войдя въ чистую и свѣтлую, просторную избу, тотчасъ же видишь по обстановкѣ, что это Русскій мужичекъ. Сердце радуется. Изъ Великоросса Поляки не успѣли

сдѣлать свое *быдло*. На Латышахъ это позорное для человѣчества названіе, думаю, живетъ и понынѣ.

Какъ округъ по официальнымъ свѣдѣніямъ дѣлился на поселянъ католиковъ и православныхъ, то въ немъ были костелы и православныя церкви. Въ комитетъ по дѣламъ округа засѣдали, въ качествѣ членовъ, старшій священникъ и старшій ксендзъ. Наши священники и ксендзы въ обществѣ держали себя различно. Ксендзы, по воспитанію будучи къ жизни лучше подготовлены, умѣли держать себя такъ, что они предъ нашими духовными отцами пользовались бѣльшимъ вѣсомъ и уваженіемъ. Мы, Русскіе и православные, видя своихъ священниковъ какъ-то приниженными и теряющимися въ обществѣ католиковъ, невольно огорчались и досадовали на то; но пособить ничѣмъ было нельзя. Является въ обществѣ дамъ и чиновниковъ ксендзъ, онъ немедленно входитъ со всѣми въ свѣтскія радушныя сношенія и часто овладѣваетъ общественнымъ расположеніемъ, какъ будто дома и между своими. Онъ поддержитъ разговоръ, о чемъ его ни начни. Являясь въ общество, священникъ, послѣ обычныхъ поклоновъ и привѣтствій, не посмѣетъ, какъ ксендзъ, подойти къ обществу, особенно къ дамамъ и дѣвицамъ и начать разговоръ. Нѣтъ. Онъ сперва усядется гдѣ нибудь въ уголокъ или на краю зала и будетъ только всматриваться и вслушиваться въ разговоръ другихъ. Приглашаютъ къ закускѣ. Онъ идетъ боязненно, какъ бы сознавая, что онъ не на своемъ мѣстѣ. Но закусивъ молча, какъ его натура требовала, онъ дѣлается и развязнѣе и храбрѣе. Тутъ онъ готовъ со всѣми разглагольствовать, но выходитъ часто что-то угловатое и рѣзкое *). На подобныхъ случаяхъ Поляки основываютъ свои положенія о превосходствѣ ихъ образованія передъ Русскимъ.

Къ сожалѣнію, въ округѣ вообще было такъ мало православныхъ, что въ нѣкоторыхъ церквахъ, по совершенной скудости доходовъ, для совершенія богослуженія постоянно отпускались суммы на просфоры, красное вино, ладанъ, свѣчи и проч.: иначе службу нельзя было совершать. А двѣ церкви, за время военныхъ поселеній, были построены новыя въ видахъ умноженія православныхъ отъ обращенія въ православіе раскольниковъ и католиковъ. Между тѣмъ въ этотъ бѣдный край и въ бѣднѣйшіе приходы епархіальнымъ начальствомъ назначались священники, которые были неспособны къ распространенію православія и чтобы благотѣльно вліять на окружающую ихъ среду иновѣрцевъ и раскольниковъ, выдержавшихъ напоръ католицизма. Изъ хорошихъ нашихъ священниковъ въ епархіи, имѣвшихъ лучшіе приходы, само-собой, никто не хотѣлъ брать на себя крестъ апостольства, чтобъ идти по долгу

*) Таково-ли было наше духовенство въ XVII вѣкѣ?

на состязательства о вѣрѣ Поляковъ, раскольниковъ и Евреевъ. Вотъ и пихали кого-нибудь на священническія мѣста въ округъ. Въ неуспѣхѣ православія, выходитъ, было виновато само же наше духовенство, не сумѣвшее, къ сожалѣнію, до сихъ поръ ослабить развитіе раскола. Ксендзы надъ своими прихожанами имѣли большое вліяніе и даже, нерѣдко, въ ссорахъ прихожанъ были мировыми судьями, прибѣгая иногда и къ тѣлеснымъ наказаніямъ. И все это было шито-крыто отъ военнаго начальства. Священники православные, напротивъ, не пользовались у своихъ духовныхъ дѣтей изъ поселянъ должнымъ почетомъ. Прихожане, обращенные въ православіе изъ раскольниковъ, по принужденію, при брачныхъ союзахъ избѣгали нашихъ церквей, а во время говѣнья, тотчасъ послѣ принятія св. причастія, отворотясь въ сторону, выплевывали его. Такіе случаи были нерѣдки и вынуждали имѣть особыхъ соглядатаевъ для предупрежденія подобнаго.

Въ такой-то обстановкѣ я очутился въ 1840 году, въ новой должности аудитора удѣльнаго штаба. Дѣлъ по моей части было очень мало и болѣею частию неважныхъ: о кражахъ, пожарахъ, скоропостижно умершихъ, бѣжавшихъ и т. п. Но мнѣ приходилось нерѣдко работать за своихъ товарищей, старшаго адъютанта и бухгалтера. Первый былъ Русскій, женатый на Полькѣ. Второй—истый Полякъ, женатый тоже на Полькѣ. Фамиліи ихъ умалчиваю. Оба они были чрезмѣрно ревнивы и щекотливы насчетъ своей чести. Не смотря, однакожь, на это, по порученію начальника нерѣдко мнѣ приходилось выправлять ихъ бумаги или вновь писать другія вмѣсто ими составленныхъ, несогласныхъ съ дѣлами или неясно выражавшихъ сущность дѣла. Въ такихъ случаяхъ доходило обыкновенно до объясненій со мной и съ начальникомъ, которыя оканчивались впрочемъ пустяками.

За мое усердіе и честность я съ женою и дѣтьми, получая жалованья сперва 450, а потомъ 560 руб. ассигнаціями въ годъ, пользовался постоянно столомъ у подполковника Свержевскаго, жившаго въ штабѣ съ женою и маленькою ихъ дочерью. Онъ и они—двѣ личности, совершенно съ противоположными характерами. Онъ, Полякъ, хотя получилъ только домашнее воспитаніе, но въ Іезуитскомъ духѣ, по наружности чрезвычайно въ обхожденіи мягокъ, вѣжливъ, деликатенъ. Роста средняго, блондинъ, съ рыжими усами, нѣсколько весновать, лѣтъ 55-ти. Всегда чисто выбритъ, причесанъ, приглаженъ, къ одеждѣ особенно аккуратенъ и чистоплотенъ. Все на немъ отлично пригнано и сидѣло, портной же Петръ былъ крѣпостной человекъ жены, обшивалъ съ ногъ до головы барина, барыню и барышню, ибо былъ обученъ мужскому и женскому портняжеству. Жена его, Анна Ивановна, лѣтъ

за 35-ть, высокая, сухая, сутулова-тая. съ грубыми чертами лица, стѣрѣчью прямою, жесткою, часто неразборчивою въ выраженіяхъ, такъ какъ какъ она тоже дома только училась грамотѣ и не далеко въ ней ушла. Къ нарядамъ имѣла страсть, костюмы, издѣлія Петра, шила и мѣняла часто; но ей и самые наряды мало придавали красоты; поэтому, что новаго ей шили, то чрезъ недолгое время сама распарывала и куски распоротыхъ нарядовъ складывала бережно въ сундуки. Она была скупа и не любила, чтобъ другія дамы имѣли такіе же наряды, какіе она носила. Ревнива была какъ Турокъ. Ея куринаго стада пѣтухъ вздумалъ зайти въ гости къ курамъ адъютанта и тамъ любезничать; за этотъ пѣтушиный грѣхъ собрали всѣхъ людей, чтобъ грѣховодника отъ своихъ женъ бѣгающаго за другими, примѣрно наказать. И это не выдумка... Для расправы съ людьми и животными у нея постоянно служили три плети: одна для большой лягавой собаки и лошадей, другая для прислуги и третья для невинной, лѣтъ четырехъ, дочери!.. Къ удивленію нашему, она со мной и моимъ семействомъ всегда была хороша и вѣжлива. Но мужъ, дочь, племянница мужа, дѣвица лѣтъ 18-ти, люди, всѣ въ семействѣ страшно боялись барыни.

Однакожь, обѣды ихъ, на которые мы постоянно были приглашаемы, были скромны, но безукоризненны. Поваръ отлично готовилъ кушанья: блюдъ немного, но все со вкусомъ. Лѣтомъ прогулки въ поле, въ лѣсъ, мы всѣ вмѣстѣ и даже повѣдки верстъ за 20-ть въ коляскѣ и со всѣми удобствами. Садъ въ штабѣ служилъ лѣтомъ для всѣхъ ближайшимъ удовольствіемъ, особенно въ жаркое время. Тысячи деревьевъ съ яблоками, грушами, бѣлыми и черными сливами, черешнями, вишнями, ягодами всѣхъ сортовъ и орѣхами—къ услугамъ штабныхъ чиновниковъ...

Тутъ я отдохнулъ и поправилъ свое здоровье.

Я выставилъ лицевую сторону жизни. Но была у насъ и обратная, грязная сторона, заставлявшая Свержевскаго держать себя замкнуто. Насъ служащихъ въ Шкельтгофъ и въ округъ въ Ужвалдѣ было немало чиновниковъ, и всѣ по своимъ эгоистическимъ цѣлямъ дѣлились на партіи и часто ссорились. Ссоры стояли наконецъ инымъ, какъ увидимъ далѣе, самой жизни. Во-первыхъ, у насъ въ штабѣ не было ладу. Старшій адъютантъ Б., самый безтолковый и безпокойный человекъ; но жена, хитрая и умная Полька, умѣла поддерживать и удерживать его во всѣхъ случаяхъ, грозившихъ ссорами и вздорами. При этомъ у него было четверо малолѣтнихъ дѣтей и въ Петербургѣ родная сестра за герольдмейстеромъ Сената. Поэтому и генераль фонъ Фрикенъ ему покровительствовалъ, впоследствии перевелъ его даже къ себѣ въ штабъ, въ г. Старую Русу и, наконецъ, назначилъ его тамъ

жомандиромъ 9-го округа, гдѣ г. Б. и кончилъ свою жизнь, оставивъ послѣ себя жену, дѣтей и единственную память о томъ, что особенно любилъ свиней разныхъ породъ. Замѣнилъ его въ штабѣ, по моему указанію, благороднѣйшій и честнѣйшій человѣкъ С. Г. Рудневъ.

Другая, въ шкурѣ хамелеона и съ лисьимъ хвостомъ, личность штаба, бухгалтеръ С., истый Полякъ. По интригамъ своимъ онъ отпра-вился отъ насъ въ Петербургъ искать приключеній. Его перевели на службу въ бывший Департаментъ Военныхъ Поселеній, гдѣ онъ служилъ, не выдаваясь изъ ряда обыкновенныхъ чиновниковъ. Но потомъ, послѣ графа Клейнмихеля, къ его счастію, жена директора, истая Полька, взяла его подъ свое покровительство. Теперь онъ тайный совѣтникъ и въ звѣздахъ... Поляки, особенно Польки, умѣютъ выручить и поддержи-вать своихъ, во славу и соизданіе ихъ *оичизны*... За бухгалтера С. я 9-ть мѣсяцевъ исправлялъ, сверхъ своей, его должность. За это я полу-чилъ годовой аудиторскій окладъ въ награду; но жалованья изъ оклада 1200 рублей, какъ слѣдовало бы по закону, графъ Клейнмихель мнѣ не далъ собственно по самоуправству. Бухгалтера С. замѣнилъ другой чиновникъ.

У себя мы устроились и успокоились; но въ Ужвалдѣ чиновники противъ насъ составляли открытую оппозицію.

До Свержевскаго былъ начальникомъ удѣла полковникъ *Тризна*, человѣкъ по своимъ способностямъ и слабостямъ замѣчательный. Онъ, въ 1831 году, во время бунта поселянъ Новгородской губерніи, коман-дуя 5-мъ округомъ, спасалъ этотъ округъ отъ мятежа. Видя, что въ его округѣ поселяне начинали уже волноваться и многіе изъ нихъ даже ему и другимъ офицерамъ, при встрѣчахъ, шапокъ не сымали и должной чести не отдавали, Тризна упросилъ недалеко отъ округа квартировав-шаго эскадроннаго командира (не знаю какого гусарскаго полка) дать ему въ распоряженіе расторопнаго вахмистра или унтеръ-офицера со взводомъ гусаръ. Съ этими гусарами онъ по своему округу объѣздилъ, расписавъ квартиры цѣлому гусарскому полку, будто бы имѣющему вступить въ округъ для квартированія и для удержанія въ ономъ по-рядка. Поселяне, повѣря сему, вдругъ присмирѣли. И хотя мнимые квар-тирьеры уѣхали на свои квартиры, но поселяне не посмѣли выйти изъ должнаго повиновенія. Поэтому изъ 14-ти округовъ только поселяне 5-го округа не участвовали въ бунтѣ. За это Тризна получилъ должную награду, а поселяне округа, когда послѣ бунта всѣ Новгородскія посе-ленія были обращены въ округа пахатныхъ солдатъ, освобождены отъ оброка, съ предоставленіемъ нѣкоторыхъ льготныхъ правъ по от-

быванію рекрутской повинности*). Тризна сдѣлался лично извѣстнымъ Государю Императору и высшему начальству. Его произвели въ полковники и назначили начальникомъ удѣла Витебской и Могилевской губерніи. Но тутъ-то онъ оборвался и упалъ навсегда. Еще въ командованіе 5-мъ округомъ онъ растратилъ казенныхъ денегъ болѣе 5 т. р. и много забралъ денегъ у своихъ подчиненныхъ и у пахатныхъ солдатъ, подъ видомъ займа. Говорили, что всѣ его долги превышали 30 т. рубл. При сдачѣ же округа онъ на пакетахъ, съ старыми газетами, подписалъ извѣстныя суммы и, запечатавъ, сдалъ ихъ какъ бы наличныя деньги. Когда это воровство открылось, сперва старались, въ уваженіе заслугъ Тризны, уладить дѣло, не доводя его до свѣдѣнія высшаго начальства; но потомъ, при значительности всѣхъ его долговъ и неимѣніи у него никакого состоянія, нашли невозможнымъ скрыть растрату суммъ; фонъ Фрикенъ донесъ о семъ графу Клейнмихелю. Тризну отъ должности отрѣшили и уволили въ отставку, назначивъ однакожъ за службу его пенсію, съ обращеніемъ половины оной на пополненіе суммъ 5-го округа. И когда все это раскрылось, такую онъ успѣлъ между бывшими его подчиненными и Жидами пріобрѣсти популярность, что всѣ его жалѣли и долго молчали, что онъ и въ Шкельтгофѣ, командуя округами, успѣлъ многимъ задолжать, увѣривъ всѣхъ, что, происходя отъ важной Малороссійской фамиліи, въ Полтавской и другихъ губерніяхъ имѣеть хутора и доходныя имѣнія. Щедръ былъ необыкновенно, въ особенности въ пользу нижнихъ чиновъ; для чиновниковъ же квартира его была постоянно открыта. Карты, обѣды, закуски и другіе кутежи были у него постоянно. Какъ было не хвалить такого добраго начальника! Ни прежде, ни послѣ его такого не бывало. При томъ же онъ, какъ чортъ, былъ уменъ: съ утра до вечера могъ, не умолкая, острить, рассказывать всевозможныя анекдоты, были и небывлицы, смотря по обществу, но непременно съ сальною приправою. Съ пріѣзда моего въ Шкельтгофъ мнѣ объ немъ столько хорошаго наговорили, что я понять не могъ, какъ, служа у Фрикена въ штабѣ, я ничего о немъ не слышалъ, кромѣ исторіи о бунтѣ, о долгахъ, мотовствѣ и отставкѣ его за то.

Вотъ этотъ-то бѣсъ, потерявъ всѣ надежды на поправку своей карьеры, держался въ Ужвалдѣ, преимущественно въ квартирѣ командира округа подполковника Королькова, имѣвшаго сильную претензію, послѣ смѣны Тризны, занять мѣсто удѣльнаго начальника. Претензію

*) Впослѣдствіи фактъ удержанія поселянъ отъ бунта разъяснился, и потому, когда округъ поступилъ въ удѣльное вѣдомство, поселянъ обложили оброкомъ наравнѣ съ другими крестьянами онаго.

свою Корольковъ, главное, основывалъ на родствѣ съ извѣстнѣйшими генералами Иваномъ и Николаемъ Сухозанетами, такъ какъ онъ былъ женатъ на родной ихъ сестрѣ Катеринѣ Онуфріевнѣ, имѣвшей отъ братьевъ сихъ въ своемъ владѣніи небольшое, но хорошо устроенное имѣніе въ Динабургскомъ, кажется, уѣздѣ *).

Отъ сего брака у Корольковыхъ дѣтей не было. Жена Королькова, по братьямъ своимъ, держала себя съ достоинствомъ и съ госпожею Свержевскою не хотѣла имѣть близкаго знакомства. А та также, сознавая свое достоинство по мужу, какъ начальнику Королькова, не хотѣла себя ронять. Итакъ обѣ, не ссорясь, во взаимныхъ сношеніяхъ держали себя прилично. По наружнымъ и внутреннимъ достоинствамъ Катерина Онуфріевна всѣми была болѣе уважаема, и совершенно справедливо. Въ дѣла мужа по службѣ она не вмѣшивалась.

Въ домашнемъ быту Корольковъ, будучи занятъ собою, болѣе сибаритствовалъ нежели служилъ. Въ праздники, въ дни именинъ его и жены и по другимъ случаямъ, ради даже пріятнаго препровожденія времени, закуски, обѣды и пикники дѣлались на славу и со вкусомъ. Последнее качество, т. е. чтобъ было все со вкусомъ и хорошо, относилось къ умѣнью хозяйки. Такихъ пировъ и веселья въ глуши провинціи рѣдко приходится и видѣть. Сервировка стола, кушанья, вина и т. п. все одно съ другимъ гармонировало. При томъ же у Королькова былъ сформированъ изъ писарей и солдатъ свой хоръ музыкантовъ настолько хорошій, что выполнялъ всѣ танцы и пьесы, торжеству приличные. Такими средствами Корольковъ поддерживалъ въ пользу свою симпатіи подчиненныхъ. Итакъ два лагеря, въ Шкельтгофѣ и Ужвалдѣ, жили и время проводили различно; у насъ шло все тихо, скромно, осторожно, какъ будто каждый нашъ шагъ слѣдили и записывали въ книгу живота; въ Ужвалдѣ жили весело, на распашку, знать насъ не хотѣли и, какъ говорится, *и въ усъ не дули*.

Между сихъ двухъ противныхъ лагерей сторожилъ зорко демонъ нашъ Тризна. Онъ оборвался до того, что нуждался въ насущныхъ потребностяхъ жизни. Съ законною женою онъ давно разошелся. Та жила, бросивъ мужа, въ Россіи и съ нимъ не имѣла даже никакихъ сношеній. Онъ изъ 5 округа привезъ съ собою бывшую тамъ несчастную женщину, акушерку, съ которою жилъ, имѣя отъ нея 5 или 6-ть

*) Отецъ Сухозанетовъ, котораго я засталъ въ 1840 году въ живыхъ, былъ титулярный совѣтникъ и служилъ при извѣстномъ проповѣдникѣ архіепископѣ Бѣлорусскомъ Георгіи Конисскомъ (род. 1717, ум. 1795 г.). Онъ-то оставилъ своимъ сыновьямъ то имѣніе, которымъ владѣла сестра ихъ, съ согласія братьевъ. Братья навѣщали сестру свою Катерину въ Ужвалдѣ, въ монастырѣ, построенномъ Іезуитами.

человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей. Для такой семьи онъ нанималъ въ хуторѣ какаго-то Польскаго помѣщика квартиру, а самъ болѣе проживалъ у Королькова, пользуясь хорошимъ столомъ и кое-какими пособиями. Все, что отъ насъ шло къ Королькову по службѣ, Тризна сильно критиковалъ и настроилъ сибарита до того, что тотъ только и бредилъ какъ бы, спихнувъ Свержевскаго, занять его мѣсто. Для порядка службы это было крайне вредно; но устранить или вразумить Королькова не было возможности, по его сильной протекціи и потому, что онъ находился подъ вліяніемъ Тризны. Мы терпѣли въ ожиданіи лучшаго *).

XII.

Измѣна дружбы. Домашнія дразги. Болѣзнь и смерть Свержевскаго. Ненависть жены. Встрѣча новаго начальника. Какъ люди измѣняются. Новые порядки. Соперничества.

Пинетипскія штуки. Безпорядки по службѣ. Неправдою нажитое прахомъ уходить.

А всего лучшаго несчастный Свержевскій ожидалъ изъ Старой Русы отъ генерала фонъ Фрикена и отъ искреннѣйшаго друга своего, личнаго адъютанта этого начальника, гвардіи капитана Д. Х. Кена. О дружба, какъ ты часто бываешь измѣнчива! Баснописецъ нашъ И. А. Крыловъ совершенно вѣрно тебя изобразилъ въ прекрасной баснѣ своей: *Полканъ и Барбосъ*. Друзья обнимались, цѣловались и влялись въ вѣчной дружбѣ; но вдругъ, на бѣду, поваръ бросилъ кости!.. И дружба и клятвы пошли къ чорту. Такъ другъ душевный Свержевскаго капитанъ Кенъ поступилъ съ нимъ не лучше собакъ, грызшихся изъ-за кости... Свержевскій съ полною довѣренностію писалъ Кену о своихъ непріятностяхъ съ Корольковымъ, увѣренный, что другъ поддержитъ его въ глазахъ начальства. Все, казалось, шло хорошо. Но однажды мы пришли къ обѣду. Свержевскій, видимъ, сильно мраченъ и молчитъ. Что съ вами, Антонъ Станиславичъ? Вы, видно, нездоровы? Молчаніе. Послѣ уже обѣда онъ показалъ мнѣ письмо друга своего Кена. Читаю: «Милостивый государь Антонъ Станиславичъ! Что вы тамъ все хлопочете съ Корольковымъ: подумайте, стоитъ ли? Вы, служа болѣе 35-ти лѣтъ, были въ походахъ и сраженіяхъ и уже давно приобрѣли право на полную пенсію. Подавайте лучше въ отставку. Вы тѣмъ мнѣ очистите вакансію. Я на очереди къ производству въ полковники, и генераль только ждетъ, чтобъ меня назначить на ваше мѣсто, такъ какъ другого мѣста для меня теперь нѣтъ въ виду. Итакъ съ Богомъ, проситесь

*) Генераль фонъ Фрикенъ, узнавъ объ интригахъ Тризны, формально ему предписалъ, по сдачѣ округовъ, выѣхать изъ оныхъ немедленно (Дѣло шт. пах. солд. Вят. и Мор. губ., 1-го стола 1839 г. № 47).

въ отставку; у вашей же супруги есть имѣніе въ Гдовскомъ уѣздѣ. Вы обезпечены. Въ ожиданіи благопріятныхъ вашихъ дѣйствій, имѣю честь быть и проч.

Когда я, возвративъ письмо, отъ удивленія не зналъ что сказать. бѣдный Свержевскій самъ закончилъ разговоръ: Вотъ каковы нынѣ друзья! Я ожидалъ производства, по занимаемому мною мѣсту, въ полковники съ утвержденіемъ въ должности; вмѣсто того другъ мой надѣваетъ на меня колпакъ и говоритъ: убирайся и предоставь лучше мнѣ мѣсто!.. Ахъ друзья, друзья!..

Я назвалъ Свержевскаго несчастнымъ не по одному сейчасъ описанному мной случаю. Нѣтъ! У него злоба дня, къ усугубленію его горькой судьбы, случилась въ семействѣ. Жена его Анна Ивановна, какъ я сказалъ выше, была очень ревнива и недобра. На бѣду она изъ деревни вызвала въ Шкельтгофъ свою молодую дѣвку, обученную въ Петербургѣ какому-то мастерству. Дѣвка мужу приглянулась, и онъ вздумалъ съ ней покуртизанить или пошутить.

Пришли мы, по обычаю, къ обѣду. Хозяйка, замѣчаемъ, не въ духѣ. Губы у нея посинѣли, ноздри сильно раздуваются отъ напряженнаго дыханія. Вся она какъ будто въ лихорадкѣ. Для насъ это былъ первый случай такого раздраженія, прежде отъ насъ все замаскировалось. Мы видѣли болѣе лицевую сторону домашней жизни; оборотная скрывалась, и даже слуги такъ были наметаны, что не измѣняли своимъ господамъ. Что теперь случилось, не знаемъ. Сама, однакожъ, хозяйка себя измѣнила, не выдержала... наливъ тарелку супу и подавая ее мужу, вдругъ разразилась: «На Полякъ, подлецъ, мерзавецъ».

Видя ихъ всегда деликатное обхожденіе съ нами и между собою, я и жена моя не вѣрили своимъ глазамъ и ушамъ. Послѣ уже намъ объяснилась вышеописанная причина.

Отъ такихъ переполоховъ мой начальникъ, скрытный, мягкій и деликатный, по крайней мѣрѣ по наружности, вдругъ сталъ жаловаться на сильную боль въ груди. Два окружные доктора нашли, что у него сильный аневризмъ. Видя его постоянно щеголемъ и, по наружности, здоровымъ, я не вѣрилъ докторамъ.

Между тѣмъ событія пошли быстро. Жена точно произвели въ полковники и назначили на мѣсто Свержевскаго, а этого несчастнаго уволили въ отставку. Свержевскіе, по случаю сильно разившейся его болѣзни, переѣхали на жительство въ Креславку. Тамъ онъ вскорѣ умеръ отъ аневризма. Рассказывали очевидцы, что онъ, мучась передъ смертію, страшно кричалъ; кричалъ такъ, что чрезъ нѣсколько домовъ было слышно. Между тѣмъ жена, видя его страданія, ругала его въ глаза: мерзавецъ, Полякъ и умереть-то не хочешь покойно! Потомъ, забравъ

шкатулку и цѣнныя вещи, ушла съ дочерью въ другую квартиру. Несчастный испустилъ духъ, будучи оставленъ всѣми. Ни супружеская, ни дружеская, ни дѣтская любовь не закрыли бѣдному глазъ.

Мѣстечко Креславка въ 20-ти верстахъ отъ Шкельтгофа. Миѣ дали знать о смерти. Я поспѣшилъ туда. Оставшаяся съ дочерью жена поручила миѣ сдѣлать всѣ распоряженія о преданіи землѣ тѣла покойнаго. Похоронили его на кладбищѣ въ Креславкѣ. По угламъ могилы я посадилъ четыре дерева, которыя приросли, ибо дѣло было весной, въ исходѣ Марта. Жена и дочь не видали ни похоронъ, ни могилы усопшаго. На похороны были собраны волостные головы, сотскіе, и собрались всѣ мы, бывшіе подчиненные изъ Шкельтгофа и Ужвалды, отдали послѣдній долгъ покойному. Жены никто не видалъ. Никому ни закуски, ни стола сдѣлано не было. Пріѣхавши кто за 20 и болѣе верстъ, всѣ проголодались. Сжалившись надъ нами, купецъ Фирсовъ накормилъ насъ обѣдомъ. Жена же едва дала миѣ денегъ на то, чтобъ со всѣми, какъ должно, расплатиться.

Но за то, можно сказать, хоть и за глаза, всѣ ей бока промыли и осудили жестокость ея сердца, не смягчившагося даже смертію мужа, и скупость непростительную при похоронахъ, какъ послѣднемъ долгъ. Между тѣмъ миѣ и всѣмъ было извѣстно, что послѣ покойнаго остались хорошія средства, позволявшія безобидно для себя сдѣлать все прилично. Признаюсь и мы, послѣ ихъ хлѣба и соли, разлюбили нашу куму (такъ какъ она крестила у насъ одну дочь). Чтобъ закончить съ этой Русской барыней, надо сказать, что она немедленно уѣхала въ свое имѣніе; но и тамъ такъ жестоко поступала съ крестьянами, что имѣніе ея было взято въ опеку, и она совершенно была устранена отъ управленія онымъ.

Ни одинъ въ моей жизни случай не пораилъ меня такъ своею печальностью, какъ исторія страданій и смерти Свержевскаго. Я долго потомъ не могъ вѣрить, чтобъ все это такъ быстро, такъ скверно и такъ воочію совершилось. Страданія и смерть его наконецъ помирили его со всѣми Ужвалдскими врагами.

Другой случай также сильно пораилъ меня въ лицѣ новаго моего начальника полковника Кена. Съ нимъ я былъ знакомъ еще во время служенія моего въ штабъ фонъ Фрикена, у котораго Кенъ былъ личнымъ адъютантомъ. По заведенному въ Старой Русѣ порядку иногда у генерала фонъ Фрикена были вечера, на которые приглашались всѣ штабные чиновники. На нихъ запросто проводилось время довольно пріятно. У адъютантовъ же старшихъ и личныхъ генеральскихъ, въ назначенные дни недѣли, собирались кружки изъ своихъ служащихъ, въ числѣ коихъ бывалъ изрѣдка и самъ начальникъ. Время проходило боль-

шею частію за карточною игрою въ вистъ, въ которой впрочемъ генералъ не принималъ участія; онъ, богатый необыкновенною памятью, занималъ всѣхъ своими разказами, всегда очень интересными изъ его частной жизни. Во время такихъ вечеровъ, въ осеннее и зимнее время, часто приходилось мнѣ бывать и у Кена. Я видѣлъ въ немъ самаго аккуратнаго и любезнаго хозяина, хотя онъ былъ еще неженатъ, и вмѣстѣ игрока въ карты. За картами онъ совершенно предавался игрѣ, не смотря на все его окружающее. У него послѣ игры всегда бывали хорошія закуски, свои отличныя наливки и ягодныя шипучія воды. Итакъ на дому и въ штабѣ я съ Кеномъ былъ, казалось, въ хорошихъ отношеніяхъ.

Когда онъ пріѣхалъ на мѣсто Свержевскаго въ штабъ Витебской и Могилевской губерній, въ Шкельгофъ, мнѣ случайно пришлось одному его встрѣтить, какъ новаго начальника, и поздравить его съ новымъ назначеніемъ и съ пріѣздомъ. Я по долгу службы встрѣтилъ его какъ должно, въ парадной формѣ, ожидая съ его стороны пріятной встрѣчи. Увы! я увидѣлъ предъ собою строгаго, угрюмаго и гордаго начальника, такъ что я себя не вѣрилъ, того ли я вижу милаго Кена, котораго частенько видѣлъ въ Старой Русѣ въ домашней жизни и въ служебныхъ отношеніяхъ. Такъ, съ повышеніемъ и съ пріобрѣтеніемъ богатства, иногда измѣняется человѣкъ. Чаще такую рѣзкую перемену въ людяхъ можно встрѣчать въ провинціи. Правду говорятъ, что золото познается чрезъ оселокъ, а человѣкъ чрезъ знатность и богатство. На другой день пріѣзда Кена къ нему являлись всѣ чины его и Ужвалдскаго штабовъ, и всѣ замѣтили, что онъ долженъ быть очень строгъ и непривѣтливъ. Такъ и было. Но назначеніе Кена удѣльнымъ начальникомъ никого такъ не разочаровало, какъ подполковника Королькова, командира Витебскаго округа, вышедшаго изъ саперъ, считавшаго себя и болѣе практичнымъ и болѣе достойнымъ нежели Кенъ. Въ такомъ убѣжденіи сильно завѣряли Королькова праздношатавшійся полковникъ Тризна, тершійся около Корольковыхъ, и подчиненные Королькова. Отсюда вскорѣ возникли разныя препирательства и неудовольствія, вредившія службѣ. Кенъ, однакожь, твердою ногою сталъ на своемъ постѣ, опираясь на покровительство фонъ Фрикена, и шелъ на проломъ. Чѣмъ борьба ихъ кончилась, я объясню далѣе, а теперь скажу о своей участи.

Я жилъ съ женою и 4-мя малолѣтними дочерьми, изъ коихъ старшей было около 7-ми лѣтъ. Жалованье получалъ я менѣе 200 рублей въ годъ, при казенной квартирѣ и деньщикѣ. Въ этомъ состояли всѣ мои съ семействомъ средства содержанія. Въ глуши другихъ средствъ къ обезпеченной жизни никакихъ, кромѣ огородовъ, бывшихъ въ саду и

около квартиры. Отъ огородовъ имѣлись свои овощи и особенно въ хозяйствѣ большое подспорье, картофель. Итакъ этими скудными средствами мнѣ съ семействомъ приходилось довольствоваться; а къ воспитанію дѣтей не было никакихъ способовъ, тогда какъ это меня съ женою болѣе всего озабочивало. За недостаткомъ учителей и училищъ я старшую дочь Александру, а послѣ и другихъ дочерей, научилъ по-русски читать, писать, Закону Божию по Катихизису Филарета, частію Арифметикѣ, Исторіи священной и политической, Географіи и проч. По должности дѣлъ было очень мало, поэтому свободное время я посвящалъ занятію съ дѣтьми. Впослѣдствіи всѣ четыре дочери получили хорошее образованіе въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, какъ будетъ объяснено ниже.

Къ числу чиновъ нашего штаба принадлежали старшій адъютантъ Ерманингельдъ Григорьевичъ Рудневъ (родной братъ того вице-адмирала, который нынѣ, въ 1878 году, служить въ Черноморскомъ флотѣ). Я отмѣчаю этого человѣка съ особеннымъ удовольствіемъ. Это идеаль чести, благородства и безкорыстія, чуждый всякихъ интригъ. На немъ только останавливаются мои тогдашнія лучшія воспоминанія. Онъ и еще бухгалтеръ, безобразный по образу жизни, вотъ всѣ чиновники штаба. Затѣмъ писаря и сторожа. Содержаніе адъютанта и бухгалтера было весьма достаточное. Оба холостые.

Въ этой средѣ Кенъ распорядился какъ Турецкій паша. Въ Шкельтгофѣ, расположенномъ на открытой со всѣхъ сторонъ горѣ, лѣтомъ для насъ было единственное убѣжище—садъ, съ фруктовыми деревьями, кустами и рощицею. Кенъ забралъ этотъ садъ себѣ, оградивъ его такъ, что никто въ него изъ постороннихъ и нашихъ штабныхъ ходить не могъ. Ягоды и фрукты лѣтомъ отдавалъ въ аренду изъ частныхъ своихъ выгодъ. Огороды адъютанта, бухгалтера, мои и писарей забралъ всѣ себѣ. Кромѣ того огороды около штаба наши и служителей также отнялъ. вмѣсто овощей, на отобранныхъ огородахъ Кенъ посѣялъ разные хлѣба въ свою же пользу. вмѣсто отобранныхъ, черноземныхъ, удобренныхъ огородовъ, онъ отвелъ писарямъ и сторожамъ торфяное, поросшее кустарникомъ болото, а мнѣ далъ поляну, которую послѣ моей разработки и годового урожая картофеля тоже отобралъ и посѣялъ для себя овесъ. Рудневъ и я особенно страдали за писарей и сторожей, кои при скудномъ казенномъ содержаніи отъ огородовъ только и получали подспорье въ своемъ продовольствіи. До чего жадность и корысть у Кена доходили, можно судить еще и потому, что онъ отобралъ у писарей конскій навозъ, который въ сараѣ накоплялся въ теченіе года отъ дежурныхъ подводъ, наряжавшихся для возки почтъ и чиновъ по службѣ и которымъ писаря и сторожа постоянно пользовались для удобренія своихъ огородовъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что штабъ нашъ нахо-

дился въ глуши, въ 40 верстахъ отъ Динабурга, и что бѣдные писаря и сторожа другихъ источниковъ къ улучшенію своего содержанія не имѣли. Честный Рудневъ и я хоть и хлопотали за своихъ подчиненныхъ, но наши голоса остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Такъ Кенъ поворотилъ и повелъ свои дѣла во всемъ управленіи.

По Русской пословицѣ: *«Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь»* я долженъ не скрывать того, что еще прежде отобранія нашихъ огородовъ, и особенно послѣ того, по особому благоволенію ко мнѣ и къ адъютанту Рудневу, мы у Кена постоянно имѣли обѣдъ, всегда отлично приготовленный поваромъ, перешедшимъ къ нему отъ Свержевскаго (Бухгалтеръ, по безобразной жизни, эту милостію не пользовался). Кромѣ того я съ Рудневымъ могли изъ запасовъ Кена, чрезъ его прислугу, требовать себѣ капусту, картофель и другіе овощи для кухни. Но намъ не приходилось этимъ пользоваться, потому что скоро всѣ разѣхались въ разныя стороны, какъ читатель увидитъ ниже. Положеніе наше, т.-е. подчиненныхъ Кена, указывало ясно, что добра отъ него нельзя ожидать. Итакъ мы, вооружась терпѣніемъ и правотою нашей службы, ожидали лучшихъ дней только внѣ Шкельтгофа. Между тѣмъ своекорыстныя страсти кипѣли и вредили пользѣ службы. Изъ многихъ приведу примѣры произвола и вредныхъ дѣйствій со стороны Кена и подполковника Королькова.

Разъ, Кенъ поѣхалъ со мной въ Ужвалду къ Королькову, по дѣламъ службы. При входѣ въ кабинетъ Королькова, послѣдній насъ встрѣтилъ холодно. Мы усѣлись. Кенъ тотчасъ увидѣлъ, что у Королькова подъ столомъ валяются его предписанія окружному комитету и лично Королькову данныя, иныя и съ надписью: *«весьма нужное»*. Евстафій Михайловичъ! Чтò это значить? Вѣдь это предписанія и такія-то (говорить содержаніе) весьма нужныя, по коимъ необходимы скорыя донесенія генералу Фрикену!.. Корольковъ, ворочая ногою подъ столомъ бумаги и конверты, гугнявымъ, спокойнымъ тономъ отвѣчалъ: Все это дрянъ, не стоитъ и смотрѣть!...

Я вскипѣлъ отъ досады, что съ такимъ явнымъ ослушаніемъ подчиненное лицо относится къ своему начальнику и такъ дерзко показываетъ ему свое пренебреженіе. Но Кенъ, напротивъ, выслушавъ такой грубый и дерзкій отвѣтъ своего подчиненнаго, отправился со мной въ окружный комитетъ и тамъ на производителя дѣлъ, аудиторъ, выместилъ свою досаду, угрожая ему всѣми карами закона за ослушаніе, неисполненіе предписаній начальства, лѣность и нерадѣніе къ службѣ. Это по пословицѣ: *«Кошку бьютъ, а невѣсткѣ замѣтки даютъ»*. Аудиторъ же былъ женатъ на родной сестрѣ Королькова и въ дѣлахъ округа имѣлъ большое вліяніе. Итакъ, нагоняя аудитору былъ сдѣланъ не напрасно.

Независимо, однакожь, отъ сего Кенъ о такомъ поступкѣ Королькова только частнымъ письмомъ донёсъ Фрикену. Но въ виду покровительства гг. Сухозанетовъ особенно Ивана Онуфріевича, бывшаго на высотѣ своего величія, поступокъ Королькова остался безъ должнаго взысканія, къ соблазну подчиненныхъ Королькова.

Если память мнѣ не измѣнила, кажется, къ тому же времени возникло и дѣло, содѣйствовавшее къ болѣе снисходительнымъ отношеніямъ враждующихъ сторонъ. Это дѣло, какъ пальма мира, хоть и наружнаго, вотъ въ чемъ состояло.

Поляки-помѣщики, Яновскій и Бутвиловскій, по подряду взяли на себя постройку какого-то шоссе. Они обратились къ окружному командиру Королькову о наймѣ 3000 пахатныхъ солдатъ каменщиковъ и землекоповъ. Плата симъ рабочимъ предлагалась: каменщикамъ, смотря по сооруженіямъ, а землекопамъ съ кубика земли. Кромѣ того было сдѣлано съ подрядчиками *весьма секретное условіе*: въ награду за хлопоты, уплатить начальству за каждого поставленнаго работника по 5 рублей, что за всѣхъ составляло 15000 руб. вознагражденія, или взятку. А какъ окружный командиръ Корольковъ такого интереснаго дѣла самъ разрѣшить не могъ, то онъ съ помощникомъ своимъ, капитаномъ Григорьевымъ (тоже изъ саперовъ), тонкимъ и весьма ловкимъ и оборотливымъ специалистомъ по строительной части, обратился къ своему начальнику Кену. Въ тему переговоровъ входила законная сторона. На округѣ считались большая недоимка оброка, для взысканія которой представляется случай выгоднаго для поселянъ заработка. По предварительному расчету каждый поселянинъ, въ лѣто, могъ заработать столько, что за уплатою недоимки, еще семейству его могли остаться значительныя заработныя деньги. Кенъ, имѣвшій несомнѣнныя административныя способности, обратилъ все свое вниманіе на такой выгодный для округа подрядъ. Начались частыя разъѣзды и весьма секретныя переговоры обѣихъ сторонъ о наймѣ 3000 рабочихъ. Но какъ и Кенъ не посмѣлъ взять на себя рѣшеніе этого дѣла, то оно было представлено фонъ Фрикену на утверженіе съ представленіемъ условій, заключенныхъ съ Бутвиловскимъ и Яновскимъ съ одной стороны и окружнымъ комитетомъ съ другой. По выгоды представленныхъ условій договора (кромѣ, разумѣется, секретной статьи, не вошедшей въ формальный договоръ) разрѣшеніе не замедлило послѣдовать. Поэтому тотчасъ послѣдовалъ и нарядъ на работу пахатныхъ солдатъ, преимущественно такихъ, на коихъ числилась недоимка оброка и охотно пожелавшихъ идти на работу, каменщиковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ. А какъ между 3000 рабочихъ, въ дорогъ и на мѣстѣ работъ, могли быть разныя безпорядки: то въ предупрежденіе таковыхъ нарядовъ былъ для при-

смотра инвалидный офицеръ; для спеціального же премогра и учета рабочихъ былъ командированъ капитанъ Григорьевъ, который разыгралъ свою роль лучше другихъ съ нимъ хитрившихъ господъ. Въ теченіе лѣта онъ велъ расчеты (недоступные для поселянъ) о вынутыхъ и перевезенныхъ ими кубикахъ, о насыпяхъ земляныхъ и т. п. Съ окончаніемъ осенью работъ онъ же дѣлалъ расчеты за все лѣто, о выработанныхъ каждымъ поселяниномъ деньгахъ. Какъ эти расчеты на мѣстѣ производились, мнѣ неизвѣстно; да едва ли кто и изъ начальства имѣлъ объ нихъ вѣрныя свѣдѣнія. Вѣрно, впоследствии, по дѣлу сему оказалось, что каменщики, кузнецы и другіе мастеровые выработали въ лѣто и принесли домой по 80—100 рублей, а землекопы болшею частію явились домой съ пустыми заработками. Въ общемъ однакоже округъ значительную часть уплатилъ казенныхъ недоимокъ изъ заработковъ поселянъ.

Но выигралъ болѣе всѣхъ Григорьевъ. Онъ возвратился съ работъ съ шикомъ: въ новой хорошей коляскѣ и на тройкѣ отличныхъ лошадей, приобретенныхъ изъ заработковъ бѣдныхъ поселянъ, и сверхъ того съ хорошимъ кушемъ денегъ, полученныхъ имъ въ силу условій *секретной статьи*. А сумма сихъ денегъ, какъ утверждали, полученныхъ имъ, составляла 15000 руб. Кушъ хорошій, и Григорьевъ, захвативъ всю эту сумму, не подумалъ дѣлиться ею ни съ Корольковымъ, ни съ Кеномъ, оставивъ смѣло и нагло ихъ обоихъ въ дуракахъ. Вскорѣ, по возвращеніи своемъ, герой нашъ, по натурѣ вовсе не романической, сдѣлалъ вечеръ для сослуживцевъ и знакомыхъ и за картами проигралъ 3000 р., по получаемому имъ содержанію превышавшіе трехгодовой окладъ онаго. Всѣ громко объ этомъ говорили, но Григорьевъ и въ усъ себѣ не дуть.

Не знаю навѣрное, насколько Кенъ зналъ о секретной статьѣ договора; но только всѣ ясно увидѣли, что онъ, по возвращеніи Григорьева съ работъ, перемѣнилъ свои къ послѣднему отношенія изъ мягкихъ въ открытыя и строгія начальничьи заявленія. Но Григорьевъ только смѣялся, говоря: «Нашли во мнѣ дурака? Я ихъ скорѣ одурачилъ!» Подъ словомъ ихъ онъ разумѣлъ Кена и Королькова, который по дѣламъ своимъ, какъ ниже увидимъ, не смѣлъ или не хотѣлъ, до времени, поднимать войну. Время однакоже скорѣ помогло и Кену, и Королькову. Новая исторія съ Григорьевымъ замѣчательна по смѣлости и низости со стороны его поступковъ.

Въ окружномъ комитетѣ Витебскаго округа всѣ казенныя суммы денегъ, оброчныя, до отправленія ихъ въ штабъ фонъ Фрикена, заемнаго и вспомогательнаго капиталовъ, церковныя, образныя и другихъ источниковъ, хранились въ канцеляріи въ общемъ сундукѣ за общими

печатями командира округа и членовъ комитета. Деньги вкладывались въ сундукъ и вынимались изъ онаго только въ дни засѣданій всѣхъ членовъ комитета. Мѣсячная повѣрка всѣхъ капиталовъ производилась также въ ихъ присутствіи. Вотъ при этой-то повѣркѣ являлись, къ удивленію всѣхъ членовъ, Пинетинскія штуки. Всякій разъ при послѣдующей повѣркѣ оказывался въ деньгахъ недостатокъ въ круглыхъ суммахъ, напримѣръ 50, 100, 150 рублей. Безкорыстный и честнѣйшій человекъ, Рудневъ (до перевода его, по моей рекомендаціи, въ удѣльный штабъ-адъютантомъ), служа въ Ужвалдѣ, въ качествѣ окружнаго адъютанта и казначея, много разъ приплачивался за такія пропажи денегъ. Уже при Кенѣ разъ не явилось въ сундукѣ казенныхъ денегъ 300 рублей, если не болѣе (цифры точной не припомню, хотя переписка о сей пропажѣ шла черезъ мои руки). Всѣ члены комитета были поражены такою кражею, но никого въ ней не заподозрѣли и денегъ неоказавшихся на лицо вносить изъ своего содержанія не хотѣли, считая каждый себя неповиннымъ въ похищеніи ихъ. Дѣло о семъ доходило до генерала Фрикена и, по рѣшенію его, деньги предписано взыскать со всѣхъ членовъ комитета, по мѣрѣ получаемаго каждымъ жалованья. Я и предписаніе о семъ писалъ, на основаніи составленнаго мной мнѣнія, утвержденнаго Фрикеномъ. Это сильно огорчило всѣхъ членовъ, потому что они считали себя правыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставило ихъ построже наблюдать за своими товарищами, хоть и всѣ считали себя равно благородными и честнѣйшими людьми. *«Вей, говорятъ, не дубьемъ, а рублемъ: дѣло скорый поправится»*. Такъ вскорѣ и случилось.

Черезъ нѣкоторое время, когда, по возвращеніи уже съ работъ, Григорьевъ захватилъ въ свои руки всю жирную взятку за поставку рабочихъ и былъ на невыгодномъ счету у Кена и Королькова, производилась въ окружномъ комитетѣ мѣсячная повѣрка денныхъ суммъ, онъ, Григорьевъ сдѣлалъ Пинетинскую штуку, но такъ неудачно, что члены замѣтили, какъ онъ, считая кредитные билеты, одинъ изъ нихъ, пятидесятирублевый, проворно пихнулъ себѣ въ рукавъ. Вора схватили и тутъ же вынули у него изъ рукава похищенный билетъ!... Говорили, при началѣ тревоги, что онъ такъ ловко успѣлъ спрятать билетъ въ глубь рукава, что съ трудомъ его отыскивали. И такія штуки дѣлалъ помощникъ окружнаго командира, капитанъ, воспитывавшійся въ Инженерномъ училищѣ, изъ коего былъ выпущенъ офицеромъ въ саперы, женатый человекъ, хоть и бездѣтный, но приобрѣтавшій отъ работъ большія средства къ жизни (ибо кромѣ исторіи о захватѣ имъ 15000 рублей, онъ вообще въ округѣ составлялъ всѣ смѣты и производилъ постройки)! Но жадность, какъ видно, увлекла человека до послѣдней степени низости!.. Послѣ неудачной кражи 50 рублей, ему объявлено наединѣ, чтобъ убирался въ

отставку или уходилъ изъ округа, куда знаетъ; поступокъ же его не былъ формально оглашенъ изъ уваженія къ благородному его положенію и, главное, даже секретно не былъ оный доведенъ до свѣдѣній генерала Фрикена, хотя ясно было, что и прежняя пропаша изъ казеннаго сундука денегъ имъ однимъ производилась. Эта ошибка, т. е. оставленіе въ безгласности поступка Григорьева, стеченіемъ обстоятельствъ, къ удивленію всѣхъ, уллучила только его карьеру.... Право, покачавъ головою, съ прискорбіемъ скажешь: чего въ мірѣ не бываетъ?... Но чтобъ покончить съ симъ героемъ, скажу вкратцѣ о его успѣхахъ и паденіи. Вслѣдствіе предложенія, чтобъ убирался изъ округа, онъ взявъ кратковременный отпускъ для пріисканія себѣ мѣста, отправился въ Старую Русу, гдѣ жилъ его тестъ и явился, по долгу службы, къ генералу фонъ Фрикену. У Фрикена въ штабѣ открылась вакансія старшаго адъютанта 1-го строеваго стола, и онъ пригласилъ на эту вакансію Григорьева. По пословицѣ *нашъ Филатъ тому и радъ*, Григорьевъ этимъ дѣломъ въ штабѣ поторопилъ такъ удачно, что мы и не знали, какъ его утвердили приказомъ старшимъ адъютантомъ. Кажется, еще и срокъ его отпуска не минулъ, какъ онъ явился въ Ужвалду въ эксельбантахъ, въ формѣ адъютанта, чтобы взять свою жену и багажъ и ѣхать въ Старую Русу на жительство!... Въ Русѣ, при Фрикенѣ и потомъ при генералѣ Пилларъ-фонъ-Пильхау, заступившемъ мѣсто Фрикена, Григорьевъ дослужился до чина подполковника и, помнится, имѣлъ какой-то на шеѣ орденъ. Когда же генералъ Пильхау сдѣланъ былъ директоромъ Департамента военныхъ поселеній, онъ перешелъ съ нимъ на службу чиновникомъ особыхъ порученій. Пилларъ ему довѣрялъ, считая его дѣльнымъ человекомъ. Когда, въ 1853 году, возникъ вопросъ объ упраздненіи дорого стоимившихъ по содержанію казнь Ильменской флотиліи и заводовъ, лѣсопильныхъ и мукомольныхъ, кирпичныхъ, кафельныхъ и известковыхъ (учрежденныхъ за время военныхъ поселеній при графѣ Аракчеевѣ), Григорьевъ былъ посланъ для приведенія въ положительную извѣстность: въ какомъ состояніи находятся флотилія и всѣ заводы, во что обходится казнь содержаніе сихъ заведеній и какую они приносятъ выгоду казнь? По изслѣдованію Григорьева оказалось, что всѣ эти заведенія приносили мало пользы, но дорого стоило казнь ихъ содержаніе. Поэтому, согласно съ проектомъ Григорьева, какъ онъ передавалъ мнѣ лично, флотилія вовсе упразднена, а заводы рѣшено отдать въ аренду въ частныя руки, по контрактамъ. Григорьевъ при этомъ ясно рассчиталъ, какія огромныя выгоды могутъ дать заводы при хорошемъ управленіи и даже мнѣ лично объяснялъ ихъ. Въ этомъ вниманіи онъ рѣшился, чрезъ двухъ подставныхъ компаніоновъ, взять заводы въ свою аренду съ тѣмъ, чтобъ начальство его не знало о такой продѣлкѣ. По

такому плану онъ успѣлъ въ Департаментѣ обработать дѣльцо такъ, что заводы перешли къ нему въ арендное содержаніе. Онъ сталъ уже отправлять въ Петербургъ водою, доски, кирпичъ, известъ, и дѣла пошли хорошо. Вдругъ Пилларъ узнаётъ, какъ Григорьевъ его обошелъ и подъ его начальствомъ, какъ ближайшій и довѣренный чиновникъ, вошелъ, чрезъ подставныхъ лицъ, въ недозволенные подряды и торги, съ нарушеніемъ порядка службы, и по сему немедленно даетъ Григорьеву предписаніе, чтобъ подалъ въ отставку. Григорьевъ такъ и сдѣлалъ, надѣясь и въ отставкѣ жить недурно; но на дѣлѣ вышло не то. Одинъ изъ компаніоновъ надулъ его такъ, что онъ понесъ тысячъ на шестнадцать убытку. По необходимости онъ отказался отъ нѣкоторыхъ заводовъ, оставшись арендаторомъ только главнаго Старорусскаго лѣсопильнаго и мукомольнаго завода, который, съ переименованіемъ пахатныхъ солдатъ въ удѣльные крестьяне, также поступилъ въ вѣдомство удѣльной конторы. Не знаю навѣрное, отъ чего именно, отъ поджога или случайно, заводъ сгорѣлъ. Удѣльное начальство взысканіе за сгорѣвшій заводъ обратило на Григорьева, а сей послѣдній, не имѣя средствъ на уплату большой суммы за сгорѣвшій заводъ и при томъ считая для себя необязательнымъ платить убытки, отъ случайнаго пожара происшедшіе, уклонялся отъ вознагражденія удѣльнаго вѣдомства. Дѣло доходило до Сената и рѣшено, слышалъ я, не въ пользу Григорьева, котораго обвинили будто бы въ умышенномъ поджогѣ завода. Поэтому онъ, живя въ послѣднее время въ Старой Русѣ въ крайней бѣдности, куда-то наконецъ совсѣмъ скрылся или гдѣ погибъ. Онъ, надо прибавить, не былъ христіаниномъ, хотъ и принадлежалъ къ православному исповѣданію, религіи вовсе не уважалъ и жилъ, держась лезуитскихъ правилъ: *«цѣль оправдываетъ всѣ средства»*. Но я держался и держусь понынѣ того мнѣнія, что православная религія есть краеугольный камень нашего общественнаго и частнаго положенія жизни, и что неправдою нажитое, рано или поздно, почти всегда кончается скверно. Вѣрю во истинну, что есть Богъ милосердый и правосудный, Который, награждая за добрыя дѣла, вмѣстѣ неизбѣжно наказуетъ злыхъ и безчестныхъ людей.

Случилось, что изъ Динабургской крѣпости бѣжало въ разъ, шесть кажется, важныхъ арестантовъ. Одинъ изъ нихъ былъ пойманъ на гумнѣ пахатнаго солдата Витебской губерніи, жившаго въ небольшой деревнѣ, состоявшей изъ 36 душъ. Арестантъ на допросѣ показалъ, что укрылся и ночевалъ на гумнѣ поселанина, не найдя для того другого пріюта. Некоторые изъ жителей деревни объясняли, что видѣли какого-то человѣка на гумнѣ и, заподозривъ его, дали знать сотскому, по распоряженію котораго арестантъ и пойманъ. При арестантѣ найденъ былъ только хлѣбъ и еще что-то для ѣды. Вотъ всѣ данныя, по которымъ хозяинъ гумна

попалъ подѣ слѣдствіе. Дѣло поступило на конфирмацію къ полковнику Кену. Онъ положилъ: всѣхъ жителей деревни, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, числомъ 36 человекъ, сослать въ Сибирь за пристанодержательство. Я объявилъ, что такого приговора, какъ явно несправедливаго и жестокаго, пустить въ ходъ нельзя; нельзя еще и потому, что когда по приговору болѣе шести человекъ осуждаются къ тяжкому наказанію, тогда, по существовавшему закону, дѣло должно было идти, чрезъ Генераль-Аудиторіатъ, на высочайшую конфирмацію; слѣдовательно къ дѣлу нужно отнестись съ разсудкомъ и со всею осмотрительностію, держась строго на законной почвѣ. Не смотря на сія и подобныя законныя мои объясненія, Кенъ приказалъ мнѣ заготовить мнѣніе, согласно съ его личнымъ желаніемъ, о ссылкѣ въ Сибирь жителей всей деревни. Такое, весьма курьезное его мнѣніе, однакожь безъ моей скрѣпы, сѣздало вмѣстѣ съ дѣломъ къ генералу фонъ Фрикену и возвратилось къ намъ въ штабъ безъ тѣхъ безумныхъ послѣдствій, которыхъ Кенъ желалъ. Всѣ жители деревни безъ вреда остались на своихъ жилищахъ. Имъ только строго было подтверждено, чтобъ впредъ не допускали у себя укрывательства бѣглыхъ и бродягъ.

Другое столкновеніе у меня съ Кеномъ было гораздо серьезнѣе и послѣдствія важнѣе. Въ 1844 году, въ Витебскомъ округѣ все лѣто и осень шли дожди. Хлѣбъ погнилъ, сѣно, гдѣ было накошено, тоже погнило, а чтѣ было съ трудомъ собрано, то половину гнилое и смѣшанное съ иломъ. Трава, оставшаяся нескошенною, оказалась покрытою пескомъ и иломъ. Слѣдствіемъ того были недостатокъ въ хлѣбѣ и сѣнѣ, голодъ и падежъ скота. Голодъ особенно усилился къ веснѣ 1845 года. Падежъ домашняго скота начался къ зимѣ и усилился въ зиму. По вскрытіи труповъ животныхъ оказалось, что отъ гнилого, покрытаго пескомъ и иломъ корма, въ желудкахъ ихъ образовались кучи навозныхъ червей, протачивавшихъ кишки и внутренности. Къ веснѣ и весной бѣдствія голода между поселянами и крестьянами обнаружались въ ужасающей степени. У меня, чтѣ прежде расходовалось въ два мѣсяца того весной не хватало и на одинъ: такъ много приходилось раздавать голодавшимъ хлѣба, въ видѣ милостыни. Нельзя было отказывать бѣднымъ просившимъ куска, видя ихъ почти умирающихъ, съ мутными глазами, блѣдными и опухшими лицами, едва стоявшими на ногахъ; тутъ еще говорили, что на дорогахъ находили много умершихъ отъ голода людей. У меня у самого оказался наконецъ совершенный недостатокъ въ хлѣбѣ. Пришлось покупать ржаную муку въ м. Креславлѣ. По случаю этой покупки меня поразили два явленія, свидѣтельствовавшія о страшномъ голодѣ. *Первое*, при проѣздѣ чрезъ имѣніе зажиточнаго помѣщика графа Казимира Плятера, я встрѣтилъ много его крестьянъ, Латышей,

сѣзжавшихъ со двора этого помѣщика съ возами, на коихъ везли какое-то пережженое вонючее вещество. Крестьяне были страшно изнуренными. Я спросилъ: что вы везете?—Барду, пане, отвѣчали.—На что она вамъ?—Да ѣсть, пане. Хлѣба у насъ нема. Баринъ, вмѣсто хлѣба, даетъ намъ на кормъ барду. — Да развѣ можно ее употреблять вмѣсто хлѣба?—А чтожъ, пане, намъ дѣлать, коли нечего ѣсть? Ясно, что магнатъ, богатый помѣщикъ, имѣвшій винокуренный заводъ, безчеловѣчно относился къ своимъ бѣднымъ крестьянамъ, кормившимъ его до ожирѣнія.

Второе, въ м. Креславлѣ я обратился въ лавку Жиды, продававшего муку. Лавка окружена была толпой народа, прибывшаго также, какъ и я, для покупки ржаной муки, страшно вздорожавшей. Купивъ муки, я возвратился домой. И чтожъ оказалось? Эта мука была сфабрикована изъ разныхъ отрубей, мелко перемолотыхъ въ смѣси еще съ чѣмъ-то. Хлѣбное тѣсто изъ этой муки не имѣло связи и съ лопаты, пока хлѣбы густо замѣшанные сажали въ печь, ползло внизъ. Наконецъ, печенный хлѣбъ не имѣлъ ни вкуса, ни питательности. Такъ проклятыя Жиды мастера фабриковать разные суррогаты для своей жадной корысти. Последняя восточная война еще болѣе показала на дѣлѣ, какъ Жиды снабжали дурными продуктами нашихъ храбрыхъ солдатъ и тѣмъ ихъ морили.

Извѣстно, что въ эту тяжкую годовщину правительство распорядилось сплавить водой въ м. Креславль нѣсколько барокъ съ хлѣбомъ, съ тѣмъ, чтобы продавался онъ жителямъ неурожайныхъ мѣстъ по той самой цѣнѣ, по какой обошелся казнѣ. Эту благую мѣру недобросовѣстные и корыстолюбивые люди, богатые, успѣли такъ эксплуатировать, что бѣднымъ голодающимъ людямъ не пришлось купить хлѣба по дешевой казенной цѣнѣ. Жиды съ Поляками такъ сошлись въ этомъ дѣлѣ, что хлѣбъ на рынкахъ вдругъ упалъ въ цѣнѣ. Покупщиковъ казеннаго съ барокъ хлѣба будтобы вовсе не находилось. Донесли по начальству, что хлѣбъ съ казенныхъ барокъ не идетъ въ продажу потому дескать, что на рынкахъ хлѣбъ дешевле. По этому просили разрѣшенія изъ Петербурга на продажу всего хлѣба, на баркахъ привезеннаго, въ руки нѣсколькихъ лицъ, составившихъ компанію и согласившихся купить весь хлѣбъ по казенной цѣнѣ: иначе-де онъ отсырѣетъ и попортится, и казна отъ того понесетъ большіе убытки. Начальство, по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, продажу хлѣба на этихъ условіяхъ разрѣшило. Компанія мошенниковъ забрала хлѣбъ съ барокъ въ свои руки, и вдругъ на рынкахъ хлѣбъ въ цѣнѣ поднялся чрезмѣрно. И тутъ-то компаніоны пустили въ продажу купленный ими съ барокъ хлѣбъ. Такимъ обманомъ мошенники нажили большіе барыши на счетъ бѣднѣйшаго и

голодающаго люда. По этому дѣлу было нѣсколько слѣдственныхъ комиссій, къ ясному и основательному результату однакожь не приведшихъ.

Но что между тѣмъ дѣлалось въ голодающемъ Витебскомъ округѣ? Такіе же, какъ выше описано, безпорядки, если еще не хуже. Ихъ мы и хотимъ описать. Въ экономическомъ отношеніи въ округѣ долженъ былъ существовать хорошій порядокъ. Въ немъ имѣли еще обязательную силу Арагчеевскія правила, на основаніи коихъ въ каждомъ округѣ находились денежные заемный и вспомогательный капиталы и запасные магазины, въ которые съ поселянъ обязательно собирался хлѣбъ, на случай неурожаевъ. По отчетамъ въ такихъ магазинахъ считалось на лицо болѣе 17 т. четвертей ржи, овса, ячменя и частію гороха. Но въ описываемую пору голода оказалось въ натурѣ всего хлѣба только около 2000 четвертей. Остальной хлѣбъ, такъ сказать, улетучился изъ магазиновъ!... Съ осени окружнымъ командиромъ это скрывалось отъ Кена; но весной, когда голодные поселяне потребовали много хлѣба для прокормленія себя и для обрѣженія полей и когда голоса страдальцевъ во всѣхъ концахъ округа стали со слезами раздаваться, подполковникъ Корольковъ открылъ Кену всю суть дѣла, крайне обрѣмъ сторонамъ непріятнаго. Кенъ секретно снесся о семъ съ генераломъ Фрикеномъ; а тотъ приказалъ, не предавая дѣло большой гласности, стараться его поправить, сколько можно, домашнимъ порядкомъ. Поэтому формальнаго донесенія о такомъ чрезвычайномъ происшествіи никому не дѣлалось. А слѣдовало бы о растратѣ 15 т. четвертей хлѣба довести: Государю Императору, директору бывшаго департамента военныхъ поселеній и Фрикену.

Какой же въ данномъ случаѣ явнаго злоупотребленія могъ быть принять домашній порядокъ? Кенъ его избобрѣлъ безъ затрудненій, и вотъ какой. Давъ мнѣ формальное предписаніе о производствѣ мной законнаго слѣдствія и не допуская меня къ тому, самъ, своею только особою, въ пустой половинѣ штаба, началъ производить дѣло. Какъ оно шло, ни я, номинально только назначенный слѣдователь, ни всѣ штабные чины не видали и ничего о ходѣ дѣла не знали. Но это знаніе случайно до насъ, штабныхъ, дошло. Разъ, въ положенное время, мы, штабные чины, выходили изъ должности; а Кенъ, сидя въ другой половинѣ штаба, допрашивалъ или правильнѣе перебиралъ пахатныхъ солдатъ первой волости. Лишь мы вышли на крыльцо, всѣ бывшіе у штаба поселяне, до нѣсколькихъ сотъ, обступили насъ и стали жаловаться, что полковн. Кенъ неправильно на ихъ биркахъ нарѣзываетъ знаки креста и другіе, въ удостовѣреніе того, что будто бы они забрали изъ магазиновъ хлѣбъ. Тутъ они стали объяснять, что на того записано долгу 30, на другого 25, на третьяго 40 четвертей, итакъ далѣе, тогда какъ они этакаго количества хлѣба

никогда не брали и что такой насильственный на нихъ налогъ ихъ разорить въ конецъ, тѣмъ болѣе, что и безъ того они находятся въ нуждѣ отъ прошлогоднаго неурожая. Мы такую, въ существѣ, законною жалобой были поражены и не знали чтò отвѣчать; но адъютантъ Рудневъ, къ которому болѣе поселяне обращались, указалъ поселянамъ прямо на меня, говоря: «вотъ кому, говорите; у него ваше дѣло». А я могъ и сказать имъ только, что «дѣла ихъ еще не видалъ; а когда возьму его въ свои руки, тогда ничего обиднаго никому изъ нихъ не сдѣлаю». Сказавъ это, мы скорѣе ушли, чтобъ не сочли насъ подстрекателями. А это могло быть, потому что Рудневъ и я строго себя держали на законной почвѣ.

Предъ обѣдомъ, сойдясь въ квартирѣ Руднева (честнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка), мы совѣщались о томъ, чтò намъ дѣлать? Жалобу свою поселяне намъ заявили, могли ее довести до Петербурга и даже до высочайшаго свѣдѣнія. Чтò тогда можетъ быть, если вдругъ изъ Питера нагрянетъ комиссія или высшее лицо для раскрытія истины? Задаваясь такими и другими вопросами, мы обсудили дѣло вдвоемъ и рѣшили такъ. До Руднева дѣло о хлѣбѣ вовсе не касается. У него на рукахъ численность людей и личный составъ чиновъ; запасными же магазинами и капиталами вѣдаетъ бухгалтеръ. Слѣдовательно Рудневу нечего бояться. Я къ дѣлу былъ поставленъ ближе. Мое положеніе, въ качествѣ производителя дѣла, серьезнѣе. Поэтому о себѣ приходилось хлопотать не на шутку. Я предварительно рѣшился съ Кеномъ съ очей на очи объясниться для того, чтобъ онъ далъ мнѣ свободу дѣло производить по закону, а въ случаѣ нежеланія его, устранилъ бы меня отъ производства онаго. Номинально же занимать роль производителя дѣла я считаю за личную для себя обиду, тѣмъ болѣе, что это противозаконно.

При личномъ съ Кеномъ объясненіи, *во-первыхъ*, я заявилъ жалобу поселяны цѣлой волости, жалобу по существу законную и вмѣстѣ серьезную, по которой я лишень средствъ сдѣлать что либо къ удовлетворенію. *Во-вторыхъ*, въ случаѣ доведенія жалобъ поселяны до Государя или до высшей власти вслѣдствіе того особаго, уже не нашего слѣдствія, вы, Дмитрій Христофоровичъ, Корольковъ, Григорьевъ и другіе господа, по крайней мѣрѣ, знаете за что придется отвѣчать? Вы всѣ жили и живете безъ всякихъ нуждъ и въ полномъ удовольствіи. Я, напротивъ, какъ вы видѣли и какъ всѣ знаютъ, съ семействомъ ничѣмъ, кромѣ закономъ мнѣ опредѣленнаго скуднаго содержанія, не пользовался. Даже огороды вы у меня отобрали подъ посѣвы вашего хлѣба. Скажите послѣ этого: за что мнѣ отвѣчать по дѣлу? Итакъ, если вы назначили меня производить дѣло, позвольте мнѣ это и исполнять на законномъ основаніи. Если же этого вамъ не угодно, извольте поручить

дѣла другому чиновнику, напримѣръ бухгалтеру, такъ какъ о всѣхъ запасахъ и капиталахъ переписка производится по его столу. Кенъ словами моими былъ видимо пораженъ. Но какъ я спокойно и твердо выразилъ мою просьбу, то онъ велѣлъ данное мнѣ предписаніе уничтожить и тѣмъ же числомъ и за тѣмъ же нумеромъ дать другое бухгалтеру.

Такъ меня Господь избавилъ отъ такого сквернаго дѣла. За него впрочемъ нисколько не пострадалъ и бухгалтеръ. Кенъ, какъ читатель увидитъ далѣе, все обработалъ на свой ладъ. Черезъ часъ я и Рудневъ позваны были имъ къ обѣду, которымъ мы постоянно пользовались. За обѣдомъ ни слова о дѣлѣ, какъ будто о немъ и рѣчей предъ тѣмъ не было!... Вообще эти обѣды отличались только хорошими кушаньями, но не оживлялись никакими разговорами; поэтому они были скучны. По своему скрытному и тяжелому характеру, Кенъ не любилъ разговоровъ и если кто изъ насъ заводилъ какую-либо бесѣду, онъ всегда заглашалъ ее грубо и рѣзко. Мы сходились къ обѣду, пили, ѣли, выкуривали по трубкѣ табаку, все молча и, поблагодаривъ хозяина, расходились во свояси.

Между тѣмъ дѣла производились тѣмъ же порядкомъ, не смотря на ропотъ и жалобы хозяевъ. На бирки, замѣнявшія письменныя книжки, хлѣбъ нарѣзывался знаками какъ забратый въ долгъ и тутъ же Кеномъ отмѣчался въ именномъ спискѣ противъ каждаго хозяина. Такимъ образомъ, что по биркамъ, то и по спискамъ значилось.

Письменныхъ допросовъ дѣлаемо не было, и показанія хозяевъ не собирались. Вопросы: когда и кѣмъ хлѣбъ изъ магазиновъ расхищенъ, кто болѣе или менѣе въ томъ виновенъ и т. п. не были поднимаемы. По аналогіи Кена, хлѣбъ, собранный въ запасные магазины, есть собственность пахатныхъ солдатъ. Храненіе его въ цѣлости лежало на ихъ же обязанности; для этого изъ среды ихъ избирались благонадежные хозяева, кои подъ именемъ цѣловальниковъ хранили у себя ключи отъ магазиновъ. Безъ нихъ, по положенію, никто не могъ входить въ магазинъ для приѣма и отпуска хлѣба. По ихъ отчетамъ волостной писарь въ каждой волости велъ шнуровыя книги о запасахъ хлѣба. Караулъ у магазиновъ содержался по очереди отъ пахатныхъ солдатъ. Следовательно, если сами поселяне не сберегли своего хлѣба и въ немъ оказался недостатокъ: то сами они за то и отвѣчать должны; на окружномъ же командирѣ и членахъ комитета лежали только контроль по магазинамъ, повѣрка запасовъ и письменная отчетность. Итакъ вина пала на поселянъ и ихъ за то призвали къ отвѣтственности. Въ этомъ смыслѣ хозяевамъ и было объявлено рѣшеніе на ихъ жалобы. Но это не могло успокоить бѣдныхъ хозяевъ, изъ коихъ многіе отъ наложенныхъ на нихъ большихъ долговъ приходили въ отчаяніе. По

словамъ ихъ имъ и въ десятки лѣтъ невозможно было внести въ магазины того, что на нихъ неправильно наложено. Кенъ, какъ ни старался, не могъ однакожь всего взвалить на поселянъ. Призванъ былъ къ отвѣту и командиръ округа подполковникъ Корольковъ. На имѣніе его, незадолго предъ тѣмъ имъ купленное, наложили секвестръ, и дѣло пошло въ колею формальной канцелярской процедуры, о ходѣ которой не стоитъ и говорить. Между тѣмъ голодавшіе поселяне кое-какъ были удовлетворяемы въ ихъ крайнихъ нуждахъ изъ капиталовъ заемнаго и особо ассигнованнаго по случаю неурожая; а потому они менѣе отъ голода пострадали, нежели помѣщичьи крестьяне.

Вражда и страсти въ тоже время не дремали. Корольковъ службою почти не занимался; за него работалъ окружный аудиторъ Нестеръ Александровъ, женатый на родной сестрѣ Королькова, человекъ довольно исправный по службѣ, трезвый, знавшій округъ, какъ свои пять пальцевъ и, главное, преданный Королькову. У нихъ все было шито-крыто. Однакожь беспорядки по магазинамъ не могли ихъ обоихъ радовать. Корольковъ, разжирѣвшій баринъ, сильно хандрилъ, жаловался на судьбу, на начальство и т. п. Въ такомъ настроеніи его духа, окружный докторъ совѣтовалъ ему моціонъ, развлеченіе и для того взять *годовой* отпускъ, съѣздить къ родственникамъ его Сухозанетамъ въ Варшаву, гдѣ одинъ Онуфріевичъ командовалъ артиллеріею дѣйствующей арміи, и въ Петербургъ, гдѣ Иванъ Онуфріевичъ состоялъ генералъ-адъютантомъ. Тамъ есть чѣмъ развлечься: театры, разные увеселенія, красавицы-Варшавянки и Петербургскія дамы, не уступающія въ прелестяхъ Польшкамъ. Кто не бывалъ въ Варшавѣ и Петербургѣ, тому эти столицы покажутся раемъ. Это Королькову, не выдавшему ни одной изъ столицъ, вскружило голову. Онъ спросилъ доктора: да какъ же это сдѣлать?—Подать сейчасъ просьбу, отвѣчалъ докторъ, и только. Увидите свѣтъ, людей, развлечетесь, отдохнете и чрезъ годъ и даже ранѣе возвратитесь опять сюда, въ округъ. Не разсудивъ въ чемъ дѣло, Корольковъ приказалъ написать въ смыслѣ докторскаго совѣта просьбу и тутъ же подписалъ ее, поручивъ доктору отвезти ее Кену. Кенъ, получивъ просьбу, ту жъ минуту отправилъ ее при рапортѣ своемъ къ генералу фонъ Фрикену по эстафетѣ. Въ рапортѣ Кенъ просилъ вмѣсто Королькова командиромъ округа назначить другого офицера.

Надо знать, что подача Корольковымъ просьбы была сдѣлана въ отсутствіе его аргуса Нестера (какъ мы всѣ звали его аудитора), уѣхавшаго тогда въ Динабургъ. На другой день Нестеръ, возвратясь изъ Динабурга и узнавъ, какъ попалъ въ ловушку Корольковъ, разъяснилъ послѣднему, что съ увольненіемъ въ годовой отпускъ онъ лишается командованія округомъ и казеннаго содержанія. Чтобъ поправить

дѣло, Корольковъ прїѣхалъ къ Кену просить прїостановить его просьбу о годовомъ отпускѣ, такъ какъ онъ раздумалъ ѣхать въ отпускъ. Кенъ отвѣчалъ, что просьба отправлена уже въ Старую Русу.—Да какъ же вы могли это сдѣлать, когда почта сегодня не отходитъ?*)— По эстафетѣ, еще вчера, отправили вашу просьбу, отвѣчалъ Кенъ.

Корольковъ понялъ наконецъ, что его одурачили, упалъ духомъ и не нашелся на что рѣшиться. Мѣсто его вскорѣ занялъ другой штабъ-офицеръ, болѣе достойный командовать округомъ. По душѣ Корольковъ не былъ жестокимъ. Онъ, отъ хорошей обстановки, облѣнился и службою почти не занимался, враждуя съ своими ближайшими начальниками. По сдачѣ имъ округа и по истеченіи годового отпуска, онъ получилъ въ Польшѣ мѣсто этапнаго начальника и тамъ, кажется, умеръ. Имѣніе его пошло на пополненіе павшаго на него взысканія. Нестеръ, его зять, вскорѣ вышелъ въ отставку и чѣмъ кончилъ свою карьеру, не знаю.

До какой степени Корольковъ былъ несвѣдущъ въ обыкновенныхъ вещахъ, приведу слѣдующій фактъ. Во время своего невольнаго отпуска онъ побывалъ и въ Петербургѣ, и что же, по его словамъ, особенно его тамъ поразило? Безнравственность столицы, въ которой онъ видѣлъ совершенно нагихъ, открыто для публики поставленныхъ людей!... Какіе жъ это люди, спроситъ читатель.—Эстетическія произведенія знаменитыхъ художниковъ, поставленные въ Лѣтнемъ саду: богини Венера, Діана, Минерва, Апполонъ, Геркулесъ и пр. Это, по мнѣнію его, ни на что ужъ не похоже! Соблазнъ явный!.. А между тѣмъ онъ съ удовольствіемъ слушалъ сальные рассказы Тризны и не чуждъ былъ клубнички изъ чужого сада.

Я тоже, наконецъ, не вида ни отрады, ни утѣшенія во всемъ меня окружавшемъ, кромѣ дружбы Руднева, пользовавшагося общимъ уваженіемъ, подалъ въ отставку, какъ только кончился 10-лѣтній обязательный срокъ моей службы. Кромѣ сказаннаго, къ такому шагу меня побуждала, главное, нужда дать дѣтямъ своимъ, уже подроствавшимъ, приличное воспитаніе.

Отношенія мои къ Кену были замѣнутыя, сдержанныя. Исполняя въ точности и аккуратно обязанности свои по службѣ, я не мѣшался въ чужія интриги, велъ себя честно и трезво въ полномъ смыслѣ и тѣмъ заставилъ не отказывать мнѣ въ должномъ уваженіи. Развлеченія себѣ находилъ я въ занятіяхъ съ дѣтьми, обучая ихъ Русской грамотѣ и чтенію книгъ, журналовъ и газетъ, дѣлая изъ нихъ большія выписки съ научною цѣлію. До какой степени озабочивало меня положеніе семейства, особенно дочерей, приведу экспромтомъ написанныя мною

*) Изъ м. Креславля почта отходила только два дня въ недѣлю.

вирши. Это было въ грустную минуту 25 Марта, кажется, 1844 года, въ день великаго праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

М О Я М О Л И Т В А.

Благій Боже, Вседержитель,
 Мой защитникъ, покровитель,
 Внемли молеблю съ высоты.
 Мой покровъ-спасенье—Ты!
 Подкрѣпи мои Ты силы,
 Въ пути трудномъ до могилы.
 Восполни сердце теплотою
 Для добродѣтели святой.
 Любить ближнихъ научи,
 Творить добро имъ-пріучи,
 Да славить возмогу всечасно,
 Съ Твоимъ величіемъ согласно,
 Теби Творца вселенной всей,
 И въ юдоли плачевной сей
 Не сокрушуся отъ напасти,
 Вражды и всякой гнусной страсти.
 Ограда отъ нихъ Всесильный
 И, пріявъ мой плачь умильный,
 Ты защити насъ до конца:
 Малютюкъ, мать, меня-отца.

Такъ выразились мои тогдашнія чувства и помышленія. Въ другіе, менѣе мрачные дни, дѣлилъ я время съ адъютантомъ Рудневымъ. Съ нимъ ходили мы на охоту полевать за зайцами и дичью: ѣздили кое-къ кому, гдѣ не встрѣчали вражды, ссоръ и попойекъ. Словомъ, съ этимъ честнымъ человѣкомъ я много и пріятно проводилъ времени, хотя во мнѣніяхъ нашихъ мы часто расходились. Онъ держалъ себя, по привычкѣ, баринномъ незлобивымъ, дѣлившимъ съ радостію свои хлѣбъ-соль и не любившимъ возраженій и споровъ. Чтобъ охарактеризовать его правильнѣе, можно близко къ истинѣ сказать, что изъ него потомъ, вслѣдствіе разочарованій въ жизни, вышелъ второй экземпляръ Обломова, съ тою разницею, что Рудневъ остался навсегда холостякомъ.

Приниженность бѣдностью, въ сношеніяхъ съ Рудневымъ, часто отзывалась горечью. Пользуясь выгодною своего положенія, онъ думалъ, что я не долженъ и сужденія своего имѣть: старый барскій взглядъ доводившій насъ до размолвокъ, скоро впрочемъ забываемыхъ. Вслѣдствіи, долго спустя, когда я на дѣлѣ доказалъ свою безкорыстную къ нему дружбу, онъ лучше оцѣнилъ меня. Объ этомъ рѣчь будетъ послѣ.

Съ Кеномъ мнѣ пришлось разстаться прилично и тихо, но безъ всякаго сожалѣнія. Это человѣкъ былъ съ тактомъ и съ большимъ умѣньемъ нажить копѣйку. Но главный его недостатокъ: страшная жестокость при наказаніи нижнихъ чиновъ. За обыкновенную провинность солдата, онъ назначалъ по 1000 ударовъ, въ пересыпку, палокъ и розогъ, при каковыхъ истязаніяхъ самъ присутствовалъ, приказывая отсчитывать по 200 палокъ, потомъ по 200 розогъ, пока не выйдетъ тысяча. Волосы у меня дыбомъ становились, сердце обливалось кровію, когда имъ производились тяжкія наказанія.

У него былъ собственный человѣкъ, лакей всегда призывавшій насъ къ обычному обѣду, молодыхъ лѣтъ, красивый, расторопный, ловкій и ласковый. За какую-то пустую провинность Кенъ его наказалъ розгами и палками, въ пересыпку 600 ударами... Несчастный не перенесъ такого наказанія: заболѣлъ скоротечною чахоткою и вскорѣ умеръ, въ Ужвалдѣ, въ окружномъ лазаретѣ... Всѣ его жалѣли. У Кена была трость можжевелевая, суковатая и толстая. Этою палкою онъ за лѣность билъ поселянъ, отсчитывая по 50 и 60 ударовъ. Многіе потомъ отъ такихъ неумѣренныхъ побоевъ страдали до конца ихъ жизни.

Говорятъ, кто любитъ цвѣты, у того должно быть мягкое и доброе сердце. Рѣдко можно встрѣтить такого любителя цвѣтовъ, какимъ былъ Кенъ. Онъ самъ съ большимъ искусствомъ ихъ разводилъ отъ отростковъ, сѣялъ, садилъ, ухаживалъ за ними, лелѣялъ ихъ. Еще странность. Фрикенъ повадливъ былъ на мордобитіе; Кенъ, напротивъ, руками никого не билъ. Тотъ въ наказаніяхъ на тѣлѣ былъ умѣреннѣе и разсудительнѣе, этотъ въ нихъ мѣры не зналъ. Наконецъ, тотъ, если дрался, то дрался при сильномъ раздраженіи и отъ горячности въ характерѣ; этотъ всегда сохранялъ хладнокровіе и никогда не выходилъ изъ себя, не горячился. Но, да проститъ имъ Господь ихъ грѣхи и неправды! Оба вышли изъ школы Аракчеевской. Не украшая ни на одну іоту, пишу все съ натуры. Теперь, въ благополучное царствованіе Александра Николаевича, и мнѣ кажется снова страшнымъ все, что видѣлось воочію: такъ все измѣнилось къ лучшему.

24 Декабря 1845 г. я окончательно получилъ отставку, по болѣзни, съ пенсіею двухъ третей жалованья, по 114 руб. 30 коп. сер. въ годъ и того же числа, съ женою и четырьмя малолѣтними дѣтьми, уѣхалъ изъ Шкельгофа, на родину, въ г. Ельню, Смоленской губерніи. Грустно, тяжело мнѣ было на такой праздникъ пускаться въ путь; но и оставаться мнѣ долѣе у Кена, ни при чемъ, было еще грустнѣе и тяжелѣе. Съ Кеномъ, однакоже, я разстался хорошо, и онъ снабдилъ меня самымъ лучшимъ аттестатомъ о моемъ поведеніи и о моей службѣ. Съ Рудне-

вымъ и со всѣми лицами я расстался дружески, не оставивъ послѣ себя дурной памяти.

Распродавъ, предъ отъѣздомъ, кое-какія вещи, имѣлъ я у себя на дорогу и на все будущее житье съ семействомъ едва-едва около 100 рублей серебромъ. Поѣздкою на родину я былъ увлеченъ, во-первыхъ, чувствомъ любви къ ней, упустивъ изъ виду, что въ 30 лѣтъ на родинѣ и въ самыхъ понятіяхъ моихъ весьма многое измѣнилось; и во-вторыхъ, письмами двоюроднаго брата Г., тамъ родившагося и служившаго безвыѣздно секретаремъ Ельнинскаго уѣзднаго суда. По его увѣреніямъ, въ этой глухой странѣ, мнѣ съ семьей можно было лучше устроиться и жить, какъ говорится, припѣваючи. Но на дѣлѣ я вполне во всемъ разочаровался. Когда меня хорошо обнюхали и узнали о моей бѣдности, то рѣчи пошли другія, не въ мою пользу. Главное меня разочаровало то, что въ городишкѣ не было никакого училища, ни пансіона для образованія дѣтей, ни даже аптеки въ случаѣ болѣзни: за лѣкарствами въ аптеку нужно было ѣздить въ городъ Дорогобужъ, за 40 верстъ. Лекаръ на весь уѣздъ одинъ. Между тѣмъ кабаковъ много. Среда чиновниковъ, въ которую я попалъ чрезъ брата, была такая, что мнѣ совѣстно было слушать рассказы ихъ о самыхъ безсовѣстныхъ и безчестныхъ продѣлкахъ, ради ихъ существованія. Казенное содержаніе чиновниковъ тогда было самое скудное, а они почти всѣ завелись семействами. Нужда ихъ умудряла на всѣ подлости, чтобъ добыть или хлѣбъ или деньги!... Братъ мой, дослужившійся въ городѣ до чина титулярнаго совѣтника и на опытѣ приобрѣвшій большое знаніе въ дѣлахъ всего уѣзда, слылъ за весьма дѣловаго человѣка. Жилъ съ большею семьей, небѣдно и имѣлъ свой деревянный домишко *). Чтобы представить всѣхъ дѣйствовавшихъ въ городѣ лицъ, напимѣръ, городничаго, уѣзднаго казначея, стряпчаго, виннаго и солянаго приставовъ, секретарей и т. п., нужны Гоголевскія способности и перо. Не будучи одаренъ такими способностями, я не рѣшаюсь описывать всѣхъ, поистинѣ, своеобразныхъ личностей и ихъ грязныхъ дѣлъ. Обратимся лучше къ сторонѣ болѣе свѣтлой жизни грязнаго городишка.

Благодареніе Всевышнему Творцу, міръ, по пословицѣ, не безъ добрыхъ людей. Въ Ельнѣ, въ 1846 году, былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Д. Стунѣевъ, а уѣзднымъ судьбою, по выбору, помѣщикъ В. А. Муромцевъ. Послѣдній и жилъ въ домѣ моего брата.

Въ это время въ г. Ельнѣ и его уѣздѣ, по случаю несостоятельности откущика питейной продажи, откупъ перешелъ въ казенное управленіе, и управляющимъ откупомъ назначенъ былъ чиновникъ осо-

*) Во всемъ городѣ изъ каменныхъ зданій были: одна церковь и два дома, одинъ для присутственныхъ мѣстъ, а другой принадлежавшій частному лицу.

быхъ порученій Смоленской казенной палаты помѣщикъ И. Я. П. Онъ, по рекомендаціи брата, пригласилъ меня, по вольному найму, занять при немъ мѣсто помощника управляющаго откупомъ, съ жалованьемъ по 41 рублей въ мѣсяць. Я согласился на это, такъ какъ не имѣлъ въ отставкѣ никакихъ другихъ занятій. Итакъ, я на службѣ, хоть и частной.

Мошенническія дѣла прежнихъ откуповъ уже описаны многими. Откупа точно служили для прикрытаго законностью грабежа, производившагося богатою интеллигенціею. Вотъ что я своими глазами видѣлъ и на дѣлѣ узналъ.

Изъ 41 рубл., мнѣ по временному штату назначенныхъ, я въ натурѣ получалъ только 16 р. въ мѣсяць. Въ уѣздѣ и городѣ, помнится, считалось 35 кабаковъ. Каждому кабацнику полагалось жалованья по 10 руб. въ мѣсяць. Въ натурѣ они сего жалованья не получали, а только въ полученіи онаго росписывались. Все оставалось въ пользу управляющаго откупомъ. Въ городѣ и на уѣздѣ полагалось нѣсколько повѣренныхъ, которые полное жалованье получали не всѣ. Итакъ, управляющій откупомъ, кромѣ опредѣленнаго ему жалованья отъ служащихъ, удерживалъ въ свою пользу болѣе 300 руб.

Водка изъ запасовъ отпускалась и учитывалась по 3 руб. ведро; а въ продажѣ, по передѣлкѣ въ настойки, наливки и т. п. вгонялось въ продажѣ ведро отъ 7 до 10 руб. и болѣе. Если откупъ продавалъ въ мѣсяць тысячу ведеръ, по меньшей цѣнѣ кругло въ 7 руб., то выходитъ, что управляющій получалъ выгоды 4000 руб., а съ жалованьемъ по 4300 руб. въ мѣсяць!...

Изъ нихъ шло въ дѣлежъ, между совѣтниками, секретарями и чиновниками, на каждое лицо отъ 10 до 250 руб. въ мѣсяць. За всѣмъ тѣмъ управляющему откупомъ оставался хорошій кушъ, именно не менѣе 2300 р. въ мѣсяць. А какъ откупъ въ казенномъ управленіи находился 9-ть мѣсяцевъ, то управляющій онымъ за это время, нажилъ всѣми неправдами по меньшей мѣрѣ 20.000 руб. и, какъ я потомъ узналъ, купилъ на нихъ имѣніе въ 240 душъ крестьянъ, съ хорошею усадьбою, и сверхъ того еще при мнѣ накупилъ много столоваго серебра, мѣховыя шубы себѣ и женѣ, тройку сѣрыхъ въ яблокахъ коней, коровъ, подтѣлковъ и рабочихъ лошадей въ два имѣнія, свое и женино, бывшія у нихъ, кажется, родовыя, очень небольшія и небогатыя.

При этомъ справедливость требуетъ сказать, что въ послѣдніе 3 или 4 мѣсяца я получалъ полное жалованье по 41 р. въ мѣсяць и сверхъ того, за сдачу кушцу Кокореву откупа, П. далъ мнѣ въ награду 100 руб. и подарилъ лошадь о 3-хъ ногахъ, за которую я получилъ 5-ть рублей.

Служа съ И. Я. П., я пользовался полнымъ его и добрѣйшей супруги его расположеніемъ. По совѣсти говоря, и занятія мои по откупу не стоили большей награды. Все время, въ бытность въ конторѣ, приходилось болѣе бражничать, нежели заниматься дѣломъ, исключая послѣднихъ мѣсяцевъ, когда вся отчетность, сдача дѣлъ, суммъ и откупа Кокореву, лежали на мнѣ. Сдача откупа со всѣмъ имуществомъ особенную имѣли важность и исполнены мной во всей исправности. Между тѣмъ я хлопоталъ и о мѣстѣ коронной службы, такъ какъ мое здоровье довольно уже поправилось. Съ этою цѣлію г.г. Стунѣевъ и Муромцевъ просили за меня бывшаго Бѣлорусскаго генераль-губернатора князя Голицына. Тотъ изъявилъ свое согласіе и велѣлъ мнѣ въ Сентябрѣ 1846 года быть у него въ Смоленскѣ, выразивъ, что къ приѣзду моему будетъ мнѣ готово и мѣсто. Дѣйствительно князь сдержалъ слово по княжески.

Въ роковой день, 8 Сентября, явился я въ Смоленскъ къ князю Голицыну. Онъ принялъ меня благосклонно и тотъ же часъ приказалъ написать предписаніе Смоленскому гражданскому губернатору д. с. с. Шляревичу объ опредѣленіи меня смотрителемъ тамошняго тюремнаго замка и о немедленномъ допущеніи къ исправленію этой должности. Въ добавокъ князь приказалъ полицмейстеру полковнику Глинкѣ отвезти меня къ г. Шляревичу и сдать вмѣстѣ съ предписаніемъ. Не знаю достоверно, такое распоряженіе генераль-губернатора было сдѣлано съ предварительнаго согласія гражданского губернатора или нѣтъ, но только Шляревичъ, прочитавъ предписаніе, спросилъ, хорошо ли я знаю, въ чемъ состоитъ обязанность смотрителя тюремнаго замка? Я отвѣчалъ, что правила о семъ изложены въ XIV-мъ томѣ Свода Гражданскихъ Законовъ, въ уставѣ о содержащихся подъ стражею и ссыльныхъ, и сверхъ того должны быть преподаны смотрителю въ особой инструкціи мѣстнаго начальства. Между тѣмъ сердце во мнѣ страшно билось отъ того, что должность смотрителя тюрьмы мнѣ казалась вовсе неподходящею ни къ моему характеру, ни къ моимъ правиламъ. Шляревичъ приказалъ было своему письмоводителю написать предписаніе смотрителю замка объ увольненіи его отъ должности смотрителя и о сдачѣ оной мнѣ съ имуществомъ замка и арестантами.

Это приказаніе окончательно испугало меня такъ, что я испросилъ позволенія сперва осмотрѣть въ натурѣ замокъ и арестантовъ и узнать, въ чемъ вся суть дѣла состоитъ. Губернаторъ позволилъ, а письмоводитель его, грубо со мной обошедшійся, даже обрадовался, видя мои колебанія. Я ему взятки не давалъ и даже не общалъ ея; а мѣсто смотрителя замка общало ему взятку въ 250—500 руб. Ему, ясно было, хотѣлось съ меня сорвать порядочный кушъ, да только это не сбылось.

И только попросилъ его подождать предписаніемъ, тагъ какъ со мной не было моего семейства; а безъ него прямо принять должность смотрителя и засѣсть въ Смоленскѣ не хотѣлось. На экипажъ добраго человѣка Глинки я съ И. Я. П. отправился въ замокъ. Здѣсь, что шагъ, то болѣе и болѣе я разочаровывался! У воротъ замка часовой не пропустилъ меня въ оный. Пошли доклады караульнымъ унтеръ-офицеру и офицеру и смотрителю. Наконецъ меня пропустили чрезъ ворота. Идя къ смотрителю, въ коридоръ, стучусь въ первую дверь. Отворилась. И вдругъ въ меня вцѣпился какой-то сѣдой, гладко остриженный, высокій мущина, обнимаетъ, цѣлуетъ и со слезами на глазахъ, благодарить, что не забылъ и пришелъ навѣстить его... Что за чудеса, кто такой, не понимаю! А несчастный арестантъ продолжаетъ: «Боже мой. Я съ тоски умираю! Только вотъ это, указывая на какую-то птичку въ клеткѣ надъ окномъ у него висѣвшую, только это невинное существо раздѣляетъ мое горе и развлекаетъ меня. Никто меня несчастнаго не навѣщаетъ. Всѣ забыли наши пиры и веселыя бесѣды, когда я обѣднѣлъ и попалъ сюда. Ну, скажите, что дѣлается въ Ельнѣ, какъ поживаетъ вашъ братъ, что мои крестники?» и проч.

О Боже! Тутъ только я, всмотрясь въ лице, узналъ, что это помѣщикъ, отставной морякъ, Василій (если не ошибаюсь) Григорьевичъ Энгельгардтъ, человѣкъ очень неглупый, владѣвшій хорошо разными языками. Я съ нимъ видѣлся только нѣсколько разъ и въ памяти своей потерялъ его изъ виду. Послѣ настоящаго случая въ тюрьмѣ я узналъ, что онъ имѣлъ какія-то судебныя дѣла съ своею женою и помѣщикомъ Пасееномъ и чрезъ нихъ попалъ въ тюрьму. Потомъ, если не ошибаюсь, этотъ Энгельгардтъ, въ чинѣ лейтенанта, въ Крымскую войну служилъ въ Севастополѣ рядовымъ и получилъ солдатскій знакъ военнаго ордена. Жену его, лихую наѣздницу, ѣхавши одинъ разъ съ И. Я. П., я видѣлъ верхомъ на лихомъ конѣ мчавшуюся, какъ вихрь, по полямъ. Мнѣ она показалась съ распущенными волосами и вуалю въ родѣ какого-то привидѣнія.

Сказавъ, что мнѣ, по порученію двухъ губернаторовъ, крайне необходимо видѣть смотрителя замка, я едва отдѣлался отъ бѣднаго Энгельгардта. При входѣ къ смотрителю меня поразило то, что окна его квартиры обращены на дворъ, гдѣ кромѣ караульныхъ солдатъ и арестантовъ въ цѣпяхъ и безъ цѣпей ничего не было видно. Слѣдовательно мои жена и дѣти (послѣднія еще юныя), ничего не могли видѣть хорошаго и назидательнаго для жизни. Первые и важнѣйшія на всю жизнь впечатлѣнія дѣти должны были почерпать отъ арестантовъ, солдатъ, цѣпей, проклятій и отъ другихъ разныхъ грубыхъ словъ и дѣлъ. Это скверно, подумалъ я. Себя запереть въ тюрьму я могу, но запереть

жену и юныхъ дѣтей я не въ правѣ. Къ тому смотритель отставной штабсъ-капитанъ, съ орденомъ въ петлицѣ, мнѣ объяснилъ: содержанія получалъ 180 руб., а двумъ наемнымъ писцамъ платилъ 300 руб. Изъ чего же, я спросилъ, вы прибавляли плату писцамъ? — Изъ доходовъ. — Изъ какихъ? я опять спросилъ. — Да разныхъ. А какихъ именно, не объяснилъ.

Между тѣмъ онъ зналъ о смѣнѣ его за упускъ арестанта, который, поддѣлавъ фальшивыя предписанія отъ коменданта и печать на конвертѣ, ушелъ изъ тюрьмы. Смотритель говорилъ, что онъ радъ своей смѣнѣ и выражался, что лучше будетъ впредь просить милостыню, протягивая руку, нежели брать на себя обязанность смотрителя тюрьмы, тѣмъ паче, что кромѣ себя нужно еще прикармливать, изъ доходовъ, многихъ голодныхъ собакъ, разумѣя подъ послѣднимъ словомъ чиновниковъ, имѣвшихъ на него вліяніе.

Я вышелъ изъ замка безъ всякой отрады. Помѣщикъ И. Я. П. на дрожкахъ ждалъ меня. Ну что? спросить онъ.—Все скверно, отвѣчалъ я. — Именно?—Именно завтра я отправлюсь къ князю Голицыну, откажусь отъ данной мнѣ должности и попрошу, не дастъ ли другого мѣста, сообразнаго съ моимъ характеромъ и съ моими правилами.

— Чтò вы, чтò вы, съума сошли! Вѣдь за ваше мѣсто смотрителя замка другіе дадутъ 500 руб. и болѣе. Передъ этимъ смотрителемъ, чтò теперь, былъ смотрителемъ Орловъ. Онъ-съ, видѣте ли, служба долго, купилъ въ Смоленскѣ каменный домъ и деревню, съ 40 душами крестьянъ. Смотрите, говорить, указывая на огородъ, въ смежности съ острогомъ бывший, гдѣ арестанты убирали овощи, все это будутъ ваши крестьяне, которые будутъ васъ съ семьєю кормить, не стоя вамъ ни гроша. Вы знаете, что я своимъ крестьянамъ покупалъ и раздавалъ скотъ, а въ случаѣ нужды даю имъ и хлѣбъ и даже деньги. Вамъ портные, сапожники, столяры, кузнецы и проч. все даромъ будутъ дѣлать. А подаванія арестантамъ, а одежда ихъ!.. Обсудите это хорошенько и поймите, да поймите!..

Такъ онъ урезонивалъ меня, видимо, отъ чистаго сердца и желанія мнѣ добра. Но у меня сердце сильно билось, голова кружилась, душа страдала. Нѣтъ, Иванъ Яковлевичъ, пользоваться крохами, грошами и услугами этихъ несчастныхъ людей не въ моемъ характерѣ. Не могу и не могу.

Такъ разговаривая, пріѣхали мы къ непремѣнному члену Смоленскаго приказа общественнаго призрѣнія А. Г. тоже П., двоюродному брату Ивана Яковлевича, обѣдать, такъ какъ у него была и наша остановка. Тутъ уже была со мной чистая пытка. А. Г. П., холостой, жилъ вмѣстѣ съ своими чегырьмя сестрами-дѣвками. Были,

кромѣ насъ съ И. Я. П., и другіе гости. За столомъ сидѣло насъ много. Темою разговора служилъ мой отказъ вступить въ должность весьма доходную. Всѣ, какъ будто сговорясь, на меня напали, осуждая сильно меня за то, что я отказываюсь отъ такого мѣста. Тутъ ставили въ примѣръ какого-то Орлова и другихъ, хорошо обезпечившихъ себя на всю жизнь. Кромѣ того полиціймейстеръ полковникъ Глинба и комендантъ генераль-маіоръ Лепарскій, у коихъ я былъ, сильно настаивали на томъ, чтобы я принялъ предлагаемую мнѣ должность смотрителя, обѣщая свое постоянное покровительство.

Смоленскъ въ то время служилъ пересыльнымъ пунктомъ. Арестантовъ въ замкѣ иногда бывало до 1000 и болѣе человекъ. Все содержаніе и услуги ихъ, у хорошаго, смѣтливаго и исправнаго смотрителя, могли приносить ему доходъ. Это вѣроятно. Но я, вѣря этому, не могъ преодолѣть внутренняго, душевнаго моего состоянія и особенно обидѣлся тѣмъ, что дѣвицы молодыя, сестры хозяина, какъ сороки трещали, все обвиняя меня въ излишней разборчивости. Уже когда вышли изъ-за стола и отправились въ другія комнаты курить, подошелъ ко мнѣ какой-то почтенный помѣщикъ, взялъ меня за руку и сказалъ: «Я вполне раздѣляю ваши мысли и чувства. Не всякій человекъ способенъ возиться съ арестантами и наживаться отъ нихъ».

На другой день явись къ князю Голицыну, я сказалъ ему, что, по характеру и по правиламъ своимъ, не смѣю принять должность смотрителя замка и что не изволить ли его сіятельство назначить меня въ другую какую-либо должность? Князь сказалъ: Вы разборчивы, другой для васъ должности у меня нѣтъ. Я, поблагодаривъ его за то, что онъ для меня сдѣлалъ, отправился во-свояси. Потомъ я много разъ обсуждалъ свой поступокъ и въ 30 слишкомъ лѣтъ, послѣ того прожитыхъ, не могъ понять, откуда у меня явилась сила воли, заставившая меня отказаться отъ своихъ выгодъ. Нынѣ я самъ дивлюсь своей отвагѣ, тѣмъ болѣе, что вѣрныхъ средствъ къ жизни и особенно къ воспитанію своихъ дѣтей въ виду я не имѣлъ и надежды, кромѣ милосердія Божія, ни на кого не питалъ.

Не судьбы ли Всевышняго Промысла управляли мной?

Я возвратился въ г. Ельню, къ своему семейству, ни съ чѣмъ. Другой надежды на полученіе въ Смоленской губерніи мѣста служенія не было: всѣ отвернулись отъ меня за то, что я не принялъ выгодной должности.

Между тѣмъ умерла у меня маленькая дочь Вѣра, а мать была беременною на второй уже половинѣ. Я въ жизнь мою не испытывалъ такой тяжелой тоски, какъ въ то казавшееся безотраднымъ время. Ельня не представляла никакихъ средствъ къ жизни и особенно къ воспитанію

дѣтей. Пенсія моя составляла только 114 руб.; сбережено нами на черный день съ наградными менѣе 200 рублей. Квартира, отопленіе, освѣщеніе и продовольствіе покрывались пенсіею; за тѣмъ на всѣ остальные наши потребности источниковъ въ виду не было никакихъ. Чиновничество въ городѣ за нѣсколькими исключеніями до такой степени было грубо, невѣжественно и недобросовѣстно, что отказываюсь описывать факты продѣлокъ ихъ, касавшихся чести и имущества другихъ и о которыхъ продѣлкахъ сами виноватые рассказывали съ полною радостію, не скрывая дурныхъ своихъ дѣлъ.

На волю Божию мы рѣшились ѣхать въ Петербургъ. Я надѣялся, что тамъ, въ 11-ть лѣтъ, проведенныхъ мною въ провинціи, репутація моя еще не совсѣмъ заглохла. Но главное при этомъ, меня озабочивалъ зимній возокъ, въ которомъ бы я съ беременной женой и тремя маленькими дочерьми, со всемъ багажемъ, могъ бы, на тройкѣ почтовыхъ, доехать до Петербурга. Бывшій у меня Казанскій возокъ, крытый въ видѣ кареты, очень удобный для такой ѣзды, выпросилъ у меня судья В. А. Муромцевъ за 6-ть рублей, когда возокъ стоилъ не менѣе 25 руб. Когда же я, въ моей крайней нуждѣ, обратился къ г. Муромцеву съ просьбою уступить мнѣ обратно возокъ, я получилъ рѣшительный отказъ. Къ счастію я вскорѣ узналъ, что, верстахъ въ трехъ отъ Ельни, помѣщикъ дѣлаетъ для себя крытый возокъ. Я къ нему съ покорнѣйшею просьбою уступить тотъ. Помѣщикъ, фамиліи коего не помню, оказался весьма добрый человѣкъ. Угостивъ меня отлично, онъ выпросилъ за возокъ, который дѣлался его крестьянами въ кузницѣ, 12 рублей. Этотъ возокъ гораздо менѣе Казанскаго другого; но лучшаго въ Ельнѣ нельзя было достать. Возокъ послѣлъ къ началу Декабря 1846 года. Продавъ все, чего нельзя было помѣстить въ возкѣ, за бездѣнокъ, 3 числа мы пустились въ дорогу, разсчитывая 4 числа, въ день именинъ Варвары Евгениевны, жены И. Я. П., попасть къ нимъ на именины; но дорогою насъ застала страшная вьюга, занесшая снѣгомъ буквально всѣ дороги. Замѣчательно, во время нашей ѣзды была сильная гроза, съ молніею и громомъ. Лошади между тѣмъ въ сугробахъ выбились изъ силъ, и намъ приходилось въ полѣ ночевать. Къ счастію недалеко въ сторонѣ было помѣстье барона Черкасова. Мы туда и свернули на авось. Уже ночью едва едва мы добрались до усадьбы Черкасова. Спасибо, управляющій оказался весьма добрымъ человѣкомъ, да и г. Черкасовъ слылъ за добраго, гостепріимнаго человѣка. Насъ управляющій принялъ, отвелъ намъ теплую комнату, подали самоваръ и закуску. Мы съ ранняго утра отправились изъ Ельни и до глубокой ночи блуждали по сугробамъ, всѣ мы сильно проголодались и особенно мучились отъ жажды. Но тутъ, спасибо добрымъ людямъ, въ полѣ не замерзли и утолили жажду и голодъ. 5 числа мы

добрались до имѣнія жены П. Тутъ мы еще болѣе обогрѣлись и оправились. Еще замѣчательный фактъ: у жены моей, при отправленіи въ дорогу сильно болѣли глаза, но дорогою, не смотря на вьюгу, болѣзнь эта сама собой прошла.

6-го Декабря, поблагодаривъ хозяевъ, мы, на тройкѣ лошадей добрѣйшей хозяйки, доѣхали до Смоленска. Хозяинъ тройки, когда рѣчь зашла о дачѣ намъ лошадей, на отрѣзъ отказался дать подъ нашъ возокъ своихъ, купленныхъ при мнѣ въ Ельнѣ, сѣрыхъ въ яблокахъ коней. Спасибо Варварѣ Евгеніевнѣ: она насъ въ этомъ случаѣ выручила. Отъ Смоленска до Петербурга мы доѣхали на почтовыхъ благополучно.

Съ самага пріѣзда въ Петербургъ я сдѣлалъ визиты лицамъ, бывшимъ моими начальниками и товарищами. Вездѣ я встрѣчалъ радушный пріемъ. На сердцѣ у меня становилось легче. Былъ у П. Д. Иличевского, занимавшаго должность товарища министра юстиціи, и у Д. Н. Замятина, бывшаго въ Сенатѣ герольдмейстеромъ. Оба они, по благородству души и доброму сердцу, принимали во мнѣ живѣйшее участіе, когда я хлопоталъ о допущеніи меня къ испытанію на званіе аудитора. Первый на счетъ желанія моего служить въ Петербургѣ не сказалъ мнѣ ни приказа, ни отказа, хотя и принялъ меня весьма радушно. Второй, т.-е. Дмитрій Николаевичъ, принявъ меня просто, распросилъ только объ аудиторской службѣ и, услышавъ желаніе мое поступить на службу, предложилъ мнѣ мѣсто столоначальника въ Герольдіи Правительствующаго Сената съ тѣмъ, чтобы я на другой день (это было предъ самыми праздниками Рождества Христова) явился къ нему въ Герольдію. Такъ я и сдѣлалъ. Дмитрій Николаевичъ ввелъ меня въ общее присутствіе Герольдіи, отрекомендовалъ всѣмъ членамъ и, назначивъ меня въ дворянскую экспедицію, передалъ управляющему ею, А. Г. Евреинову, достойнѣйшему и благороднѣйшему человѣку. Съ того дня началась моя служба въ Герольдіи въ видѣ, впрочемъ, испытанія; поэтому просьбы объ опредѣленіи я не подавалъ, дабы не лишиться своей пенсіи. Вскорѣ въ этомъ высшемъ учрежденіи я познакомился съ дѣлопроизводствомъ настолько, что составлялъ доклады по дѣламъ дворянскимъ и родословныя изъ оныхъ, которыя вмѣстѣ съ докладами, по отпечатаніи, докладывались въ присутствіи Герольдіи. Особенно я много трудился съ корректурою этихъ документовъ; держалъ корректуру всегда у себя на квартирѣ по вечерамъ и ночью со старшею своею дочерью Александрою, 8-ми съ небольшимъ лѣтъ, хорошо читавшею. Корректуру всегда срочною я себя и особенно дочь сильно изнурялъ. Ночью оба, полусонные, усталые донельзя, должны были къ утру кончать дѣло, дабы свѣренные и выправленные листы могли быть переданы въ сенатскую типографію, гдѣ меня по исправности уже всѣ знали.

Товарищъ герольдмейстера добрѣйшій А. Г. Евреиновъ, обративъ на меня особенное вниманіе, сталъ оказывать мнѣ искреннее благорасположеніе отъ того особенно, что по порученнымъ ему важнымъ секретнымъ дѣламъ, не касавшимся дѣлъ Герольдіи, мнѣ удалось оказать ему услугу, въ сущности неважную, но его, по экстренности дѣлъ, весьма интересовавшую ¹⁾. По Герольдіи также были дѣла, кои мною производились и по коимъ начальство оставалось довольнымъ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Д. Н. Замятинъ представилъ министру юстиціи, графу Панину, докладную записку объ опредѣленіи меня въ Герольдію столоначальникомъ, а какъ утвержденіе министромъ записки почему-то замедлилось, то я обратился къ знавшему меня хорошо товарищу министра П. Д. Илличевскому; но онъ, сказавъ нѣсколько словъ о новыхъ порядкахъ, принятыхъ графомъ Панинымъ, съ пріятною улыбкою отвѣчалъ, что утвержденіе меня въ должности отъ него не зависитъ и въ пользу мою ничего сдѣлать не можетъ. Это меня огорчило тѣмъ болѣе, что онъ принималъ во мнѣ живѣйшее участіе при представленіи меня къ испытанію и производству въ аудиторы. (Благосклонность его ко мнѣ до того простиралась, что онъ самъ выправилъ мою записку, заготовленную мной къ подачѣ статсъ-секретарю М. А. Балугьянскому, прибавивъ въ ней важный фактъ, именно: *что я, по порученію чиновниковъ, составлялъ для нихъ записки изъ законовъ, о чемъ онъ и другіе чиновники въ Государевой канцеляріи хорошо знали, но чего я самъ не посмѣлъ включить въ свою записку*). Я подумалъ тогда, что въ 11-ть лѣтъ могли и теплыя сердца охладѣть къ добру ²⁾. Вскорѣ получена и записка объ отказѣ мнѣ въ опредѣленіи въ Герольдію на томъ основаніи, что я не имѣлъ аттестата одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній. На то мѣсто, которое мнѣ предназначалось, быть опредѣленъ министромъ юстиціи молодой человекъ, только что выпущенный изъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія.

Итакъ я опять очутился почти въ безотрадномъ положеніи. Но Дмитрій Николаевичъ, по добротѣ своей, успокоилъ меня тѣмъ, что, по утвержденіи предположенія о преобразованіи Герольдіи въ департаментъ Герольдіи Правительствующаго Сената, могутъ открыться такія

¹⁾ Дѣла эти производились въ высочайше учрежденныхъ изъ лицъ разныхъ министерствъ комиссіяхъ: 1-ое о председателѣ 1-го департамента С-Петербургской Управы Благочиніи д. с. с. Клевенскомъ, который разстрѣлялъ 600,000 казенныхъ денегъ; и 2-е о подложныхъ документахъ, въ залогъ представленныхъ по откупамъ явнымъ богатѣйшимъ откупщикомъ Грекомъ, съ товарищами его.

²⁾ Я долженъ признаться въ этомъ случаѣ, что благородство и доброта Илличевскаго, какъ ниже разъяснится, отъ времени нисколько не измѣнились. Къ сожалѣнію, этотъ полезный для отечества человекъ вскорѣ умеръ. Дай Боже ему царствіе небесное!

мѣста, на одно изъ коихъ и я могу быть помѣщенъ, напримѣръ на должность экзекутора и т. п. Между тѣмъ, пока новый штатъ утвердится, онъ совѣтовалъ мнѣ съѣздить, въ качествѣ писца, съ камергеромъ В. А. Казадаевымъ въ г. Казань, куда послѣдній назначался для обревизованія всѣхъ учрежденій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Плата за мои труды мнѣ назначалась по 50 руб. въ мѣсяць, на всемъ готовомъ. Поѣздка эта рассчитывалась не болѣе, какъ на три мѣсяца, въ теченіе коихъ и означенный штатъ, можетъ быть, утвердится. Состоя въ Герольдіи, я получалъ только 20 руб. въ мѣсяць (изъ канцелярскихъ суммъ по 10 и отъ секретаря Масалина по 10 руб., за корректуру, доклады и другія мои труды). Сверхъ того, такъ какъ въ Герольдіи тогда накопилось много дѣлъ, въ особенности о Польской шляхтѣ, обязанной доказать свои дворянскія права (иначе они приписывались въ городскія податныя сословія), о баронскомъ достоинствѣ Остзейскихъ дворянъ и княжескомъ достоинствѣ Кавказскихъ горцевъ, а составъ Герольдіи былъ слишкомъ недостаточенъ, и проектировался новый штатъ: то залежавшіяся дѣла, особенно по несоблюденію разныхъ формальностей подлежащія отказу въ утвержденіи, передавались мнѣ съ тѣмъ, чтобы я объяснялъ просителямъ, за чѣмъ дѣла ихъ подлежатъ отказу и что въ дополненіе ихъ должно сдѣлать, чтобы дѣла скорѣе могли рѣшиться въ пользу просителей. Это отступленіе отъ формалистики допускалось изъ уваженія къ высшимъ лицамъ. По такимъ дѣламъ я, по объясненію съ просителями, получалъ деньги на гербовую бумагу, для просьбъ, для списанія копій съ документовъ и на переписку. Случалось, деньги у меня оставались и достаточно награждали за сіи частыя, но всегда экстренныя работы. Но съ другой стороны, довольствуясь словесно благодарностію, приходилось трудиться почти даромъ, когда просители давали денегъ, по ихъ дѣламъ, почти въ обрѣзъ. Съ такими доходами, при усиленныхъ моихъ трудахъ, мой мѣсячный бюджетъ не составлялъ постоянно и 50 р.

За тѣмъ предлагаемая мнѣ поѣздка въ г. Казань казалась выгодною и лестною потому, что она открывала мнѣ шире горизонтъ знакомства съ мѣстностями, людьми и дѣлами, которыхъ до того я не зналъ.

Въ началѣ Мая 1847 я явился къ г. Казадаеву и стоворился съ нимъ объ условіяхъ и времени нашей поѣздки. Но тутъ послѣдовала для насъ небольшая остановка. Для жены моей съ четырьмя малолѣтними дѣтьми нужна была покойная и безопасная квартира, такъ какъ незадолго предъ тѣмъ у меня родился сынъ Василій, котораго мать сама кормила грудью. Кстати г. Казадаевъ поручилъ мнѣ: при наймѣ для моего семейства удобной квартиры, выгодать отдѣльную комнату для его мебели и женщины, его прислуги. Сундукъ же съ его драгоценностями и капиталами, для храненія, я отвезъ и лично сдалъ извѣстному богачу, золо-

топромышленнику Яковлеву, жившему на Михайловской площади въ собственномъ домѣ. Къ счастью я скоро пріискалъ помѣщеніе и для себя и для вещей съ бабою г. Казадаева, на Вознесенскомъ проспектѣ въ домѣ вдовы сенатора Н. С. Берниковой, добрейшей старушки, которую я просилъ лично, чтобы оказала свое покровительство моей семьѣ. Она съ охотою это обѣщала. Тутъ и Невидимый Божій промыслъ мнѣ помогъ. Тогда мнѣ только страннымъ показалось, что сенаторша не взяла моего, посланнаго чрезъ дворника, указа объ отставкѣ, когда я совсѣмъ перетацился въ домъ ея, на квартиру, равно и денегъ впередъ за мѣсяцъ, и просила, чтобы я лично передалъ ей то и другое. Чтò за прихоть? подумалъ я. Не все ли ей равно отъ меня или чрезъ дворника получить мой видъ и деньги? Нечего было дѣлать: пришлось исполнить желаніе предоброй, правда, барыни. Когда я вручалъ ей видъ на жительство моей семьи и деньги, хозяйка Надежда Сергѣевна не обратила на нихъ почти никакого вниманія, а стала въ подробностяхъ отъ меня узнавать: какъ я жилъ въ Шкельтгофъ, кто и каковъ былъ мой начальникъ, хорошо ли тамъ жить, какова природа, люди? и т. п. Думая скорѣй отъ нея отдѣлаться, я однако съ подобающею вѣжливостію удовлетворилъ хозяйку и простился съ нею, спѣша къ г. Казадаеву, торопившемуся своимъ отъѣздомъ; мнѣ же для себя и по порученію его нужно было сдѣлать кое-какія покупки на такую дальнюю дорогу. Между тѣмъ, какъ послѣ разъяснилось, по возвращеніи нашемъ уже изъ Казани, любопытство генеральши клонилось къ развязкѣ того узла, который, завязавшись нѣсколько лѣтъ тому назадъ, долженъ былъ, къ общему удовольствію, развязаться чрезъ меня...

Наконецъ, уладивъ всѣ дѣла, я съ г. Казадаевымъ отправился, 6-го Мая въ г. Казань чрезъ Москву и Нижній Новгородъ. Въ Москвѣ мы пробыли только нѣсколько дней. Между визитами г. Казадаевъ сдѣлалъ таковой и извѣстному генералу А. П. Ермолову, бывшему въ опалѣ. Ермоловъ пріѣзжалъ въ гостиницу къ г. Казадаеву; но какъ сего послѣдняго не было на лицо, то мнѣ пришлось Ермолову давать о томъ отзывъ. Наружность сего героя тогда уже украшалась серебристою сѣдиною. На взглядъ онъ казался атлетистымъ, сильнымъ, здоровымъ и способнымъ командовать полками и для службы отечеству. Вся его наружность внушала невольное къ нему уваженіе. Читая его подлинныя записки, полныя въ рукописи, невольно жалѣешь, что этотъ даровитый военный человекъ вдавался въ рѣзкости и безъ милосердія громилъ Нѣмцевъ и всѣхъ лицъ, кого хотѣлъ выставить съ невыгодной стороны. Перо его не писало, а рѣзало правду-матку, не смотря на лица и обстоятельства, въ коихъ они находились.

Изъ Москвы до Нижняго мы доѣхали въ коляскѣ, которую пришлось тутъ оставить для починки. Отъ Нижняго до Казани ѣхали водою на пароходѣ. Въ Казани я засѣлъ въ нанятой г. Казадаевымъ приличной квартирѣ, близко къ присутственнымъ мѣстамъ, у самаго публичнаго сада, съ окнами и балкономъ въ садъ. За квартиру, столъ и экипажъ г. Казадаевъ платилъ, кажется, 100 руб. въ мѣсяцъ. Но вина, чай, кофе, фрукты и пр. были, сверхъ того, на счетъ Казадаева, и это все покупалось или мной или людьми Казадаева, коихъ онъ взялъ съ собою. старика и мальчика, бывшихъ дурно одѣтыми и неряшливыми. Такова была наша обстановка.

По условіямъ уговора, во время ревизіи дѣлъ, на мнѣ лежала обязанность самой строгой тайны всего того, что касалось ревизіи учреждений и дѣлъ оныхъ. Сношеній съ служащими въ нихъ лицами я не долженъ былъ имѣть ни подъ какимъ видомъ. Все это я строго соблюдалъ и ни съ кѣмъ въ Казани не знакомился, почти нигдѣ не былъ и города почти не видалъ, кромѣ церкви въ Кремлѣ и монаховъ посаженныхъ дѣтей, Прокофьевыхъ, не далеко отъ нашей квартиры жившихъ въ собственномъ домикѣ, о которыхъ мѣсяцъ спустя узналъ я случайно отъ почтальона, приносившаго намъ письма *).

При этомъ необходимо имѣть въ виду, что въ г. Казани, въ 1847 году, былъ военнымъ губернаторомъ Баратынскій, всѣми любимый и уважаемый человекъ, вице-губернаторомъ состоялъ статскій совѣтникъ Завилейскій, управлявшій всею губерніею, а полиціймейстеромъ г. Казани полковникъ Крюдинеръ. Четвертое дѣйствовавшее въ губерніи лицо былъ совѣтникъ Губернскаго Правленія. Съ нимъ-то наиболѣе г. Казадаеву приходилось имѣть дѣло, а я сихъ лицъ и въ глаза не видалъ, кромѣ Крюдинера, часто являвшагося по дѣламъ къ г. Казадаеву, но со мной не входившаго въ разговоры. Описаніе всѣхъ дѣйствій ревизіи не входитъ въ планъ моихъ записокъ. Я, поэтому, ограничусь только нѣсколькими эпизодами оной, сохранившимися чрезъ 30 слишкомъ лѣтъ въ моей памяти.

Городничій стараго покроя въ какомъ-то городѣ прогнѣвался за что-то на жившаго въ ономъ чиновника, кажется, коллежскаго секретаря и молодого человекъ, потребовалъ его къ себѣ въ городническое

*) Въ 1836 году, когда я служилъ въ 13-мъ округѣ, мнѣ, какъ благонадежному чиновнику, поручили подъ надзоръ дѣвицу Нямку лѣтъ 18-ти, Аяну, только прибывшую въ округъ акушеркою, взявъ институту, прехорошенькую собою. Случайно былъ у меня аудиторъ 13 округа Прокофьевъ и, увидѣвъ ее, влюбился по уши. По просьбѣ его, эта молоденькая акушерка, согласилась выдти за него замужъ, свадьба состоялась; я на оной былъ и сватомъ, и посаженнымъ отцемъ. Прокофьевъ скоро вышелъ въ отставку и поселился на роднѣй своей въ Казани.

правление, тамъ, чрезъ полицейскихъ служителей, наказалъ его розгами 300 ударами и продержалъ его трое сутокъ *въ нарѣ*, а потомъ уже бѣднаго чиновника выпустилъ на бѣлый свѣтъ. Тотъ же городничій, приказавъ схватить мѣщанина, тоже по какому-то личному неудовольствию и приведя къ колодезю, велѣлъ вылить ему на голову 20 бадей холодной воды. Несчастная жертва сумасброднаго городничаго чрезъ нѣсколько дней отправилась на тотъ свѣтъ искать правосудія на своего убійцу. Оба дѣла объ истязаніяхъ чиновника и смерти мѣщанина, какъ ни хлопотали первый самъ за себя, а за послѣдняго родственники, было закрыто Завилейскимъ, пока г. Казадаевъ не выкопалъ дѣлъ изъ-подъ спуда. Просьбы доходили до Сената и министра и въ концѣ концовъ попадали въ Губернское Правленіе, гдѣ клялись подъ сукно.

Одинъ купецъ 1-й гильдіи, если память мнѣ не измѣнила, долженъ былъ, по дѣламъ своимъ, изъ уѣднаго города, гдѣ жилъ, проѣзжать чрезъ г. Казань и тамъ остановиться въ извѣстномъ мѣстѣ. Чиновникъ того же города, откуда предстояла поѣздка купцу, предварительно оной, пишетъ записку квартальному надзирателю Казани, такого приблизительно содержанія: «Любезный другъ NN., на дняхъ будетъ проѣзжать чрезъ вашъ городъ нашъ купецъ (такой-то); сдѣлай одолженіе, удержи его въ Казани на нѣсколько дней. Исполненіемъ сей просьбы ты сдѣлаешь мнѣ большое одолженіе» и проч. Такъ и было исполнено Казанскимъ квартальнымъ, который купца, имѣвшаго важныя торговыя дѣла и которому время было весьма дорого, съ недѣлю или около того продержалъ напрасно въ полиціи. По этому дѣлу купецъ тоже не нашелъ никакого правосудія. У Завилейскаго оно также лежало, до ревизіи нашей, подъ спудомъ.

Въ г. Казани, какъ извѣстно, большую часть жителей составляютъ Татары, торговаго, фабричнаго, ремесленнаго и мѣщанскаго сословія. Этотъ остатокъ Золотой Орды не совсѣмъ сочувственно относится къ Русскому элементу. Поэтому въ Казани часто бывали большіе пожары, въ произведеніи которыхъ наиболѣе обвинялись Татары. За нѣсколько лѣтъ предъ ревизіею г. Казадаева, во время большого пожара, были обнаружены грабежи, при коихъ у несчастныхъ погорѣльцевъ, ночью насильно отнималось то, что ими съ большими усиліями было спасено отъ огня. Казанская полиція явилась однакожь защитницею ограбленныхъ жителей. У грабителей много было розыскано награбленнаго на пожарѣ имущества, поступившаго, до разясненія и розысканія законныхъ владѣльцевъ, подъ надзоръ полиціи. Но въ полиціи серебряныя и другія цѣнныя вещи улетучились. По этому запутанному дѣлу обиженные пожаромъ и грабежемъ не находили правосудія.

Въ г. Казани или въ окрестности оной есть мѣстность, называемая Швейцаріею. Тамъ богатые жители имѣли на лѣто свои дачи; въ числѣ ихъ и Завилейскій. Сей послѣдній къ своей дачѣ прихватилъ часть земли, принадлежавшей женскому монастырю. До ревизіи никакія хлопоты о возвратѣ монастырю земли не имѣли никакого успѣха.

Всѣ означенныя дѣла, вырванныя изъ множества подобныхъ, г. Казадаевымъ были представлены министру внутреннихъ дѣлъ, на усмотрѣніе и рѣшеніе. Ему-же представлены пространныя записки и обо всѣхъ обозрѣнныхъ ревизоромъ учрежденіяхъ и дѣлахъ. Въ запискахъ сихъ, нами обоими составленныхъ, г. Казадаевъ держался принциповъ благородныхъ и разумныхъ. Такимъ образомъ продолжалась ревизія дѣлъ, смѣю завѣрить, честно и добросовѣстно, какъ вдругъ, въ самые лѣтніе жары, въ Казани появилась сильнѣйшая холера. Работы наши приостановились, именно остались необревизированными учрежденія въ уѣздныхъ городахъ Казанской губерніи.

Холера, бичъ рода человѣческаго, изъ Азіи къ намъ занесенная, тогда еще медициною малоразгаданная, въ 1847 году, въ Казани дѣйствовала страшнымъ образомъ. Въ началѣ появленія холеры, г. Казадаевъ, какъ лицо въ городѣ видное, хотѣлъ показать и смѣлость и гуманность относительно заболѣвавшихъ холерою и оказанія имъ пособія. Онъ осмотрѣлъ градскія больницы, но въ нихъ не нашелъ не только докторовъ, но даже очень мало и фельдшеровъ. Все въ страхѣ разбѣжалось. О лучшемъ положеніи холерныхъ онъ, однакоже, не отказывался хлопотать, но едва-ли былъ отъ того какой толкъ.

Казадаевымъ, на всякій случай, былъ приглашенъ докторъ профессоръ Казанскаго Университета А. А. Киттеръ. Онъ насъ навѣщалъ по два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Подъ вліяніемъ и по совѣтамъ его шла наша жизнь относительно пищи, питья и вообще содержанія себя. Такъ онъ воспретилъ намъ занятія дѣлами ревизіи, совѣтуя, вмѣсто того, легкое и пріятное развлеченіе книгами, картами хоть въ дурачки, и вообще совершенно покойное препровожденіе времени. Такъ мы провели довольно времени въ совершенной праздности. Г. Казадаеву всякій выходъ изъ комнатъ былъ воспрещенъ, и онъ сидѣлъ все дома; но я вездѣ ходилъ, пилъ и ѣлъ по обыкновенію, такъ какъ на мнѣ лежали невинныя по хозяйству закупки, перемѣна въ библіотекѣ книгъ легкаго чтенія и т. п. и Богъ меня миловалъ. Къ большому нашему страху, намъ подбрасывали анонимныя письма, коими насъ предупреждали, что, *подъ формою холеры, насъ хотятъ выпроводить изъ Казани...* Мы смѣялись, но замѣтно было, что письма эти непріятно вліяли на г. Казадаева. Вдругъ въ немъ сдѣлалась какая-то перемѣна. Онъ хандрилъ, капризничалъ, казался безъ видной причины раздражительнымъ

и чаще наединѣ съ докторомъ о чемъ-то совѣтовался. Что за чертовщина, думаю: напугали анонимныя письма? Но дѣло скоро объяснилось. Профессоръ г. Киттеръ однажды мнѣ внушительно объяснилъ, что во время эпидеміи тѣло свое должно держать сколь возможно въ нормальномъ состояніи, не изнурая себя ни голодомъ, ни холодомъ, ни излишними занятіями дѣлами и т. п. Это я уже знаю. Но что, думаю, дальше? А дальше г. Киттеръ объяснилъ, что по опасному положенію В. А. ему непремѣнно нужна барышня, молодая и приличная, которая могла бы развлекать и успокаивать больного, и чтобы я поэтому озаботился скорѣйшимъ пріисканіемъ такой барышни. Это заявленіе поразило, огорчило и крайне меня удивило... Я, сконфузясь, наотрѣзъ Киттеру объявилъ, что подобныхъ порученій я на себя никогда не бралъ и брать не намѣренъ... По случаю моего отказа порученіе было возложено на хозяйскаго кучера. Нимфы стали часто являться и мѣняться, смотря по вкусу больного субъекта. Этотъ способъ леченія дѣйствительно имѣлъ успокоительныя послѣдствія, и для многихъ, особенно богатыхъ, пресыщенныхъ особъ, онъ считается однимъ изъ радикальныхъ средствъ.

Отказъ мой пріискать барышню имѣлъ однако неотрадныя для меня послѣдствія. Г. Казадаевъ сдѣлался ко мнѣ менѣе прежняго благосклоннымъ; но я выдержалъ и при его рѣзкихъ выходкахъ не позволилъ себѣ нарушить спокойнаго, по наружности, положенія, имѣя постоянно въ виду оправдать рекомендацію добрѣйшаго Дмитрія Николаевича. Между тѣмъ читатель можетъ судить о положеніи моемъ по тяжелому характеру г. Казадаева. Этотъ господинъ держалъ себя вполне какъ Русскій баринъ старыхъ временъ, съ своею хорошею и худою стороною; происходя отъ богатыхъ родителей¹⁾, съ дѣтства не привыкъ стѣсняться и выросъ на своей волѣ, связанный только внѣшними приличіями знатнаго барства. Хорошая салонная выправка, языки Французскій и Нѣмецкій открывали дорогу въ большой свѣтъ. Онъ, помню, гордился родствомъ съ бывшими шефомъ жандармовъ графомъ Орловымъ²⁾ и предсѣдателемъ Комиссіи Прошеній княземъ Голицынымъ. Не

¹⁾ Отецъ его, въ отставкѣ тайный совѣтникъ, по словамъ В. А. когда-то управлялъ Министерствомъ Финансовъ, былъ богатый, добродушный человекъ, имѣлъ въ Петербургѣ на Шпалерной улицѣ большой каменный домъ. (Онъ и Павловскій временщикъ графъ Кутайсовъ женаты были на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ купца Балкашина, которому императрица Елисавета дала имя Рязваго и дворянское достоинство за то, что онъ отлично плясалъ трепака. Слышано отъ самаго В. А. Казадаева). П. Б.

²⁾ Графъ А. Ф. Орловъ—сынъ купеческой дочери Гусятниковой (жены придворнаго служителя Попова); а князь А. Ф. Голицынъ женатъ былъ на графинѣ Н. И. Кутайсовой, двоюродной сестрѣ Владимира Александровича Казадаева. П. Б.

менѣе того ссылался часто на покровительство графа В. Ө. Адлерберга 1-го, бывшаго тогда не помню въ какой должности. При такихъ условіяхъ, въ добрый часъ вполне былъ добрый баринъ; въ дурной часъ никто на глаза не показывайся, при чемъ, къ чести его, никогда не дрался, но бранился непрестанно, худо ли хорошо ли люди дѣлали. Отъ этого послѣдніе до того сдѣлались привычными къ барскимъ ворчанью и брани, что часто упустили исполнять его приказанія. Въ большой пожаръ, лѣтомъ 1847 года, бывший въ Казани (при чемъ болѣе 200 домовъ сгорѣло до тла) г. Казадаевъ, какъ я самъ видѣлъ на другой день пожара, вынувъ изъ шкатулки большую пачку кредитныхъ билетовъ, роздалъ ихъ лично пострадавшимъ отъ огня. Кромѣ того, помогалъ бѣднымъ и изъ благороднаго званія, приходившимъ къ нему съ просьбами о пособіи. Рядомъ съ такою похвальною чертою онъ крайне подозрителенъ и къ людямъ вообще недоувѣрчивъ. Я думаю, служба его предъ тѣмъ въ Восточной Сибири почтдиректоромъ, гдѣ онъ по должности многое изъ сокровеннаго могъ узнать и насмотрѣться на тамошніе порядки, сдѣлала его сильно подозрительнымъ. Словомъ сказать, изъ него вышелъ оригиналъ, добрый когда къ тому выпадетъ минута, но болѣе дома у себя претяжелый человѣкъ. Между чужими, особенно въ гостяхъ, свѣтскій, образованный и любезный баринъ; съ близкими дома, хоть бѣги отъ него: непрерывная воркотня и брань. Я говорю все сіе, судя по тому, что видѣлъ и испыталъ лично 30-ть лѣтъ тому назадъ. Время, опытъ, могли и смягчить нравъ и умудрить человѣка. Относительно расчетовъ со мной онъ поступалъ постоянно честно и добросовѣстно.

Вмѣсто 3-хъ, мы прожили въ Казани болѣе 8-ми мѣсяцевъ, и зачѣмъ, во время холеры, тамъ напрасно сидѣли, я не могу объяснить. Кажется, напрасно. По счету Казадаева житье наше тамъ ему стоило 22 т. руб., изъ коихъ болѣе всего вышло *на его оздоровленіе*, какъ сказано выше. Въ Январѣ 1848 года мы рѣшили вернуться въ С.-Петербургъ, не опредѣливъ, по какой дорогѣ. По дорогѣ на Нижній уже свирѣпствовала холера. Частный случай на этомъ пути пугалъ г. Казадаева. Не задолго до нашего отъѣзда, проѣздомъ изъ Сибири въ Петербургъ, обѣдалъ съ нами и пилъ чай нѣкто Пятницкій, бывший въ Сибири губернаторомъ и тамъ познакомившійся съ г. Казадаевымъ. Этотъ мущина былъ лѣтъ 40, полный, здоровый. За столомъ онъ много говорилъ о холерѣ; изъ словъ его можно было заключать, что онъ этой страшной гостии нисколько не боялся и шутилъ на ея счетъ. Между тѣмъ пилъ и ѣлъ, съ аппетитомъ, отлично. Когда подавали чай, ему особенно приготавливали самый крѣпкій. Простились съ нимъ, пожелавъ ему хорошаго пути. Отправился онъ по дорогѣ, на Нижній. Недалеко отъѣхавъ отъ Казани, на станціи заболѣлъ холерою и какъ тамъ это было

первый холерный случай, то всё со станціи разбѣжались, и г. Пятницкій чрезъ нѣсколько часовъ умеръ, не получивъ ни отъ кого ни малѣйшей помощи. Этотъ несчастный случай заставилъ насъ избрать другой путь, гдѣ холеры еще не было.

Предъ отгѣздомъ въ Петербургъ, Казадаевъ пригласилъ съ собою ѣхать профессора Киттера, обѣщая сему послѣднему профессорское мѣсто въ Медико-Хирургической Академіи. Итакъ, заручившись на всю дорогу отличнымъ докторомъ, мы выѣхали изъ Казани въ половинѣ Января 1848 года, такъ называемою низовою дорогою, гдѣ холеры еще не было. Изъ этой поѣздки можно отмѣтить два эпизода, меня поразившіе. Когда мы пріѣхали въ село Лысково, на берегу рѣки Волги расположенное и принадлежавшее богатому помѣщику князю Грузинскому, г. Киттеръ отправился къ владѣльцу села просить гостепріимства. Между тѣмъ, оставаясь на дворѣ при 20° морозѣ, мы досадовали, что пріѣхали не впопадъ: ибо у князя всё окна были очень свѣтлы отъ внутренняго освѣщенія и въ залахъ гремѣла бальная музыка, изъ чего и заключили, что у него гости и балъ. Но когда Киттеръ вернулся отъ князя, онъ пригласилъ насъ войти въ назначенныя для насъ комнаты, и мы втроемъ размѣстились въ теплой и свѣтлой большой гостиной, каждый по особой стѣнѣ и на особыхъ мягкихъ диванахъ. Мы только успѣли обогрѣться и переодѣться, какъ насъ позвали къ ужину, ибо время было около полуночи. Самъ хозяинъ князь Грузинскій принялъ всѣхъ насъ привѣтливо и весьма радушно. Съ Киттеромъ онъ давно былъ знакомъ, съ Казадаевымъ только познакомился, ко мнѣ отнесся съ благоволительнымъ вниманіемъ. Князь былъ высокаго роста, согбенный уже старостью и украшенный сѣдинами, лѣтъ болѣе 80-ти, но твердый на ногахъ и въ разговорѣ. Онъ тогда въ Лысковѣ доживалъ свой вѣкъ, со всею многочисленною своею дворнею и съ хоромъ наемной музыки, которою услаждалась наиболѣе праздная дворня; а ея, говорили, было свыше 300 человекъ, только для услугъ одного барина!...

Столъ для насъ былъ приготовленъ роскошный, бутылокъ съ винами и блюдъ съ кушаньемъ было много. Но меня особенно удивило то, что за каждымъ лицомъ, сидѣвшимъ за столомъ (а сидѣло всѣхъ пятеро: князь, насъ трое и становой приставъ) было по пяти гайдуковъ - лакеевъ. И они ловко исполняли свое дѣло: только руки отъ тарелки примешь, тарелка исчезала. Нѣкоторыхъ кушаньевъ я почти не ѣлъ. Вина столоваго я выпилъ рюмкѣ двѣ. Въ виду холеры, которая въ Лысковѣ еще не появлялась, мы всѣ были за столомъ осторожны. Случай съ Пятницкимъ всѣхъ напугалъ. На другой день мы отобѣдали и, простившись съ гостепріимнымъ княземъ, отправились далѣе въ путь.

Дорогою намъ пришлось остановиться, для чаю и закуски, въ какомъ-то городкѣ Костромской губерніи, въ единственномъ имѣвшемся тамъ трактирѣ, на городской площади. Мы, перезябшіе, вошли въ комнаты, гдѣ было довольно простого народа, заняли особую комнату, изъ которой передъ окнами виденъ былъ эшафотъ, а внутри вся разнородная публика. Пока подавали самоваръ, и я развязывалъ свои закуски, взятыя на дорогу изъ Казани, г. Казадаевъ замѣтилъ, что въ углу, за особымъ столомъ, сидѣли военный офицеръ съ форменною на головѣ фуражкой и съ нимъ здоровый, ражій мужикъ и оба хорошо угощались водкой и закуской. На вопросъ его, кто этотъ офицеръ, половой отвѣчалъ, что смотритель тюрьмы, а мужикъ—палачъ, за нѣсколько предъ нами часовъ отшлепавшій кнутомъ преступника, смертоубійцу. Оба они дѣлали спрыски. Чтò значить спрыски? спросили мы. «Да это, видѣте ль, когда преступника ведутъ къ наказанію, преступникъ даетъ палачу на водку, чтобъ легче билъ его кнутомъ. Ну вотъ съ этого палачъ и дѣлаетъ теперь съ смотрителемъ тюрьмы спрыски».

Это удивило г. Казадаева и, признаюсь, меня. Я въ душѣ тогда поблагодарилъ Бога, что Онъ мнѣ внушилъ отказаться отъ должности смотрителя Смоленскаго тюремнаго замка. Всѣ слабости и пороки имѣютъ свои постепенности. Чтò мудренаго, въ теченіе времени, дойти и честному человѣку до такого нравственнаго униженія, съ которымъ видѣли мы офицера... Нужда человѣка гнетъ, грязная среда на него вліяетъ, и онъ незамѣтно падаетъ. Казадаевъ дважды приказывалъ половому позвать къ нему офицера; но офицеръ, видно, былъ ужъ порядочно выпивши, не пошелъ къ Казадаеву и отозвался рѣзко, что онъ не того вѣдомства.

Проѣздомъ чрезъ Кострому, гдѣ послѣ пожаровъ, истребившихъ этотъ городъ, былъ для возстановленія порядка военнымъ губернаторомъ князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, г. Казадаевъ передалъ князю объ офицерѣ, пировавшемъ въ трактирѣ съ палачемъ, и князь сказалъ, что отрѣшить офицера отъ должности смотрителя тюрьмы. Послѣ сего безъ приключеній мы прибыли въ Петербургъ.

Возвратясь въ Петербургъ, я остался не при чемъ. Штатъ департамента Герольдіи Правительствующаго Сената оставался еще въ проектѣ. Ждать опять поѣздки, для окончанія ревизіи уѣздныхъ учреждений Казанской губерніи, мнѣ не было расчету; да и г. Казадаевъ, въ виду холеры, не могъ опредѣлить времени такой поѣздки и мнѣ о томъ ничего не говорилъ. Во всякомъ случаѣ окончаніе ревизіи по уѣздамъ могло быть не ранѣе лѣта, и могли обойтись безъ меня; ибо главное по ревизіи сдѣлано все въ г. Казани. Между тѣмъ, изъ насущнаго хлѣба для семейства, я потерялъ болѣе двухъ лѣтъ на частной службѣ, въ г.

Ельнѣ, въ Герольдіи и въ бытность при ревизорѣ въ г. Казани. Поэтому я рѣшился лучше вновь поступить на коронную службу, думая, что при стараніи, со временемъ, мало-по-малу, а чего нибудь добьюсь!...

По совѣту и рекомендаціи добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ Д. Н. Замятина и А. Г. Евреинова, 28 Марта 1848 года я поступилъ на службу въ бывшій Инспекторскій Департаментъ Военнаго Министерства сперва чиновникомъ на усиленіе, съ жалованьемъ около 40 рублей въ мѣсяць. Сначала я очень боялся военныхъ порядковъ, въ этомъ учрежденіи существовавшихъ, съ коими я познакомился еще служа во II-мъ отдѣленіи Государевой канцеляріи, подъ начальствомъ Сперанскаго, когда я занимался собраніемъ постановленій, вошедшихъ въ Полное Собраніе Законовъ. Но лица, съ которыми я былъ знакомъ по служенію въ Старорусскомъ удѣлѣ пахатныхъ солдатъ, перешедшія также на службу въ Петербургъ и занимавшія видныя мѣста, меня успокоивали и сильно поддерживали своею рекомендаціею передъ новымъ моимъ начальствомъ. Я былъ сильно предубѣжденъ противъ всякихъ кривыхъ и безчестныхъ дѣлъ по службѣ; но къ счастью моему, дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ, вполне христіанинъ, генераль-адъютантъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, нынѣ (въ 1878 году) графъ и занимаетъ высшія мѣста у государственнаго кормила. Правда, по службѣ онъ былъ строгъ до мелочности, но вмѣстѣ добръ и разсудителенъ. Замѣчанія его всегда были кроткія и отеческія. Я его душой и сердцемъ полюбилъ и уважалъ искренно какъ родного отца. Другая личность, постоянно меня поддерживавшая, это былъ правитель канцеляріи Инспекторскаго Департамента, тогда полковникъ, а нынѣ генераль-лейтенантъ Петръ Львовичъ Соболевскій, занимающій немаловажный постъ въ военной службѣ, тоже добрый, честный и благородный человекъ. Въ его рукахъ сосредоточивались дѣла по личному составу чиновъ всего департамента и военной типографіи и о всѣхъ политическихъ преступникахъ, Декабристахъ и другихъ. Я многимъ ему обязанъ признательностію, но благодарность моя еще живѣе мною оцѣнивалась бы, если бъ шутки его, хоть и отъ доброты сердца происходившія, не причиняли мнѣ часто глубокихъ огорченій. Напрасно иные баричи думаютъ, что приниженный бѣдностію человекъ долженъ терпѣть и за шутки не огорчаться. У каждаго честнаго и съ душою человека есть свое, родовое я, которое не должно быть поругано или унижено.

Далѣе моя служба видна изъ формулярнаго моего списка, и право оцѣнивать ее принадлежитъ начальству. Обращусь теперь къ старымъ знакомымъ и вкратцѣ скажу кое-что изъ прошлаго, все еще бросавшаго свои отбѣнки на мою частную жизнь въ Петербургѣ.

И въ Декабрѣ 1845 года оставилъ въ Шкельтгофѣ полковника Кена маленькимъ царькомъ. Ему не доставало только царицы. Но я тутъ явился случайно на помощь. Когда я возвратился изъ Казани къ своей семьѣ, тогда узналъ, что хозяйка сенаторша Берникова, ея двѣ дочери дѣвицы и два сына, служившіе въ гвардіи, оказывали моею женѣ и дѣтямъ всевозможное расположеніе: брали старшихъ дѣтей къ себѣ, забавляли и кормили ихъ лакомствами, коихъ дѣти мои въ провинціи даже не видали. Старшая дочь генеральши добрѣйшая Елисавета Александровна стала учить мою старшую дочь Александру музыкѣ на фортепиано и Французскому языку. Дѣти часто лакомства приносили и домой, для матери и меньшихъ дѣтей. Словомъ, мое семейство такъ берегли, что я кромѣ глубочайшей благодарности ничего не могъ сказать. И о такомъ-то случаѣ встрѣченной моимъ семействомъ доброты я писалъ подробно Кену, помня его хлѣбъ-соль, а главное чтобъ показать, что я съ семействомъ не погибъ и съ Божіею помощію еще существую. Черезъ нѣкоторое время Кенъ явился у гг. Верниковыхъ и видѣлся со мною. Оказалось, что онъ, еще при жизни сенатора Берникова, будучи при генералѣ Фрикенѣ личнымъ адъютантомъ, искалъ руки старшей дочери Елисаветы; отецъ, гордый своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, и слышать не хотѣлъ, чтобъ дочь вышла замужъ за какого-то бѣднаго адъютанта!.. Но время всемогуще. Отецъ померъ, оставивъ послѣ себя только домъ, довольно большой на Вознесенскомъ проспектѣ и много долговъ. Домъ безъ поддержки приходилъ въ расстройство. Дѣти между тѣмъ росли, и старшей дочери было уже лѣтъ около 30-ти. Пора давно идти бы ей замужъ. А тутъ, по письму моему, явился и женихъ, когда его не ожидали.. Случай сей, для меня вовсе непредвидѣнный, повелъ къ тому, что Кенъ женился на Елисаветѣ Александровнѣ. Я былъ и на свадьбѣ ихъ. Итакъ, Кенъ обрѣлъ себѣ царицу и увезъ ее въ свою резиденцію въ Шкельтгофъ, гдѣ они, какъ слышно, жили весьма согласно и счастливо, но только недолго. Вслѣдствіе переобразованій мѣсто Кена было упразднено. Его перевели на службу въ Старорусскіе округа, гдѣ онъ умеръ отъ холеры, оставивъ женѣ все нажитое правдою и неправдою. Потомъ, когда сенаторша Берникова со вдовою-дочерью поселилась опять въ Петербургѣ, я и семейство мое постоянно пользовались добрымъ расположеніемъ всей этой доброй семьи, за что сохраняю до сихъ поръ живѣйшую мою благодарность. Много пріятныхъ дней и вечеровъ мы проводили у нихъ. Для полноты нахожу нужнымъ сказать, что вдова Елисавета Александровна потомъ вышла замужъ за вдовца, горнаго генералъ-лейтенанта Бутенева, управлявшаго въ Петрозаводскѣ литейнымъ заводомъ, образованнаго и весьма достойнаго человѣка (и этого мужа пережила). Онъ также, какъ и Кенъ, искалъ ея руки при

жизни ея отца, и ему также отецъ отказалъ наотрѣзъ. Бутеневъ, послѣ неудачнаго сватовства, успѣлъ дослужиться до чиновъ, женился, овдовѣлъ, оставилъ послѣ себя сына и двухъ дочерей, коихъ я видѣлъ при его жизни. Это благороднѣйшей души былъ человекъ и для отечества весьма полезный. За его службу вдовѣ и дочери назначены были хорошія пенсіи изъ Государственнаго Казначейства. Старушка Берникова давно умерла. Домъ еще при жизни ея былъ проданъ, и за уплатою долговъ на ея долю и на каждаго сына и на дочь досталось съ чѣмъ-то по 10 т. руб.

Читатель, я думаю, захочетъ узнать: какой результатъ вышелъ изъ ревизіи г. Казадаева? Отвѣчу. Самый странный и для насъ неожиданный. Ревизіею въ высшихъ сферахъ, по словамъ г. Казадаева, остались очень довольны, но вотъ что удивило и особенно поразило его.

Казанскій полиціймейстеръ полковникъ Кридинеръ и вице-губернаторъ статскій совѣтникъ Завилейскій вслѣдствіе ревизіи были отрѣшены отъ своихъ должностей, и это сдѣлано было правильно. Но оба они вскорѣ явились въ Петербургъ. Черезъ разныя махинаціи, Кридинеръ прикомандированъ былъ къ образцовому пѣхотному полку, для узнанія порядка службы, и черезъ полгода получилъ въ команду полкъ, потомъ былъ бригаднымъ генераломъ и т. д., значить: попалъ въ свою колею, съ коею до ревизіи нашей было сбился. Завилейскій получилъ мѣсто исправляющаго должность директора Департамента Внѣшней Торговли, мѣсто весьма приличное и особѣ въ чинѣ 3-го класса.

Сіи два случая страшно огорчили г. Казадаева, особенно послѣдній, тогда какъ дѣлами ревизіи положительно, какъ онъ думалъ, доказано, что Завилейскій всю Казанскую губернію обратилъ чуть не въ свою вотчину. Вся губернія наполнена была его агентами, черезъ которыхъ онъ распорядился какъ въ своемъ владѣніи. И что жъ? За это его такъ щедро наградили! Впрочемъ Завилейскій недолго продержался на такомъ высокомъ посту. Его скоро смѣнили съ этой должности.

Самъ г. Казадаевъ поприще службы своей кончилъ тоже неудачно. Мѣсто губернатора онъ получилъ въ Курскѣ, лучшей изъ внутреннихъ губерній. Но тамъ, при его гордомъ, брюзгливомъ и подозрительномъ характерѣ, столкнулся съ предводителемъ дворянства, Нелидовымъ, сестра коего, какъ говорили, была любимою при дворѣ фрейлиною. Поссорясь сильно въ Курскѣ, оба явились въ Петербургъ, гдѣ сойдясь въ Дворянскомъ Собраніи, еще больше козла задрали, вызывая другъ друга на дуэль. Вышелъ въ собраніи некрасивый скандалъ. Дошло, разумѣется, до Государя Императора Николая Павловича, сильно не любившаго подобныхъ дразгъ. Въ концѣ концовъ г. Казадаевъ лишился мѣста губернатора и камергерскаго ключа и уѣхалъ съ досады во Францію, гдѣ жилъ до Крымской войны. Въ Крымскую войну онъ жилъ въ Москвѣ, по окончаніи войны опять уѣхалъ за границу и тамъ долго проживалъ.

Теперь онъ, кажется, вновь въ Москвѣ обрѣтается. По газетамъ видно, что онъ, отъ скуки, за границую, перевелъ въ стихахъ ¹⁾ съ Французскаго на Русскій языкъ Тысячу и Одну Ночь или Арабскія сказки, которыя, по отпечатаніи, въ 4-хъ томахъ, пустилъ въ продажу весьма дорогою цѣною, по 2 рубля каждый томъ.

Изъ жизни собственно своей скажу, наконецъ, что, святымъ Промысломъ Божиимъ, молитва моя, написанная въ 1844 году, не осталась простымъ звукомъ скорбящаго отца ²⁾. Въ теченіе службы въ бывшемъ Инспекторскомъ Департаментѣ и въ Главномъ Штабѣ, я всѣмъ четверемъ дочерямъ ³⁾ успѣлъ дать приличное, по моему общественному положенію, образованіе. Одна воспитывалась въ частномъ хорошемъ пансіонѣ и усвоила языки, кромѣ Русскаго, Французскій Нѣмецкій и Польскій. Остальныя три кончили курсы: Софья въ Павловскомъ Институтѣ, Надежда въ Смольномъ на Александровской половинѣ и Евгенія въ въ Москвѣ, въ Екатерининскомъ Институтѣ. Сія послѣдняя, изъ 40 слишкомъ ученицъ, вышла второю ученицею, съ наградою золотымъ шифромъ и съ помѣщеніемъ ея имени на мраморной доскѣ ⁴⁾. Всѣ онѣ замужемъ и имѣютъ своихъ дѣтей, а нашихъ внуковъ и внучекъ. Судьба всѣмъ выпала различная.

Не имѣя иныхъ средствъ, кромѣ получаемого мной на службѣ содержанія, я всѣмъ жертвовалъ, чтобъ только дать дѣтямъ приличное образованіе, которое, вмѣсто приданого, могло бы имъ въ жизни служить поддержкою. И, кажется, я въ этомъ успѣлъ. Но успѣхомъ образованія своихъ дѣтей, при моемъ къ тому упорномъ стремленіи, я наиболѣе обязанъ наиглубочайшею благодарностію добрѣйшимъ и благороднѣйшимъ моимъ начальникамъ: сначала—графу Павлу Николаевичу *Игнатьеву* и генераламъ *И. И. Соболевскому* и благороднѣйшему *Герстенцвейгу*, бывшему дежурнымъ генераломъ главнаго штаба его величества и потомъ погибшему въ Варшавѣ; и настоящимъ моимъ начальникамъ: военному министру, добрѣйшему и благороднѣйшему графу Дмитрію Алексѣевичу *Милотину*, также достойнѣйшему по душѣ и сердцу начальнику Главнаго Штаба графу Ѳедору Логиновичу Гейдену, и начальнику общаго Архива главнаго штаба д. с. с. Льву Григорьевичу

¹⁾ Весьма неудачныхъ. Казадаевъ издалъ также свой переводъ Мольерова „Тартюфа“. П. Б.

²⁾ См. выше, стр. 538. П. Б.

³⁾ Я выше упоминалъ о своемъ сынѣ Васильѣ, родившимся въ 1847 году; онъ умеръ въ 1848 году, имѣя отъ роду 1½ года.

⁴⁾ Евгенія Григорьевна, въ память дружеской связи ея родителя съ пишущимъ эти строки, пожелала, чтобы по ея кончинѣ „Очерки жизни“ были переданы въ „Русскій Архивъ“, что исполнено ея супругомъ А. В. Якубенко.

Иванову. Оба послѣдніе, оцѣнивая мои посильные труды по службѣ, постоянно, около 20-ти лѣтъ, взыскивали меня своими милостями, выше моихъ заслугъ... Да наградить Отецъ Небесный всѣхъ сущихъ и бывшихъ моихъ благодѣтелей и въ потомствѣ ихъ, въ мѣрѣ ихъ добрыхъ дѣлъ, сторицею!....

За время служенія въ бывшемъ Инспекторскомъ Департаментѣ, отмѣчу для памяти два факта, сдѣлавшіеся мнѣ извѣстными.

1-е) Кромѣ III-го Отдѣленія собственной его и. в. канцеляріи по секретной части, во второмъ столѣ канцеляріи Департамента велись самыя вѣрные и полные списки всѣмъ Декабристамъ и всѣмъ политическимъ преступникамъ, съ отмѣтками гдѣ находились и всѣхъ бывшихъ съ ними перемѣнъ. Случилось, что бывший военнымъ министромъ князь Чернышевъ и добрый П. Н. Игнатьевъ, въ секретной (въ домѣ Главнаго Штаба) лично допрашивали привозимыхъ преступниковъ. Одинъ изъ сихъ несчастныхъ, послѣ ихъ допросовъ, ухитрился удавиться, и затѣмъ ночью тѣло его было секретно свезено и гдѣ-то просто зарыто. Кто онъ былъ, неизвѣстно, кромѣ того, что онъ былъ хромой.

2-е) Разъ, 2-го Февраля, въ день праздника фельдъегерскаго корпуса, мнѣ случилось быть на обѣдѣ. Сидѣлъ я за столомъ рядомъ съ старымъ фельдъегеремъ, помнится, капитаномъ. Онъ рассказывалъ о трудной своей поѣздкѣ изъ Лондона съ огромнѣйшею суммою денегъ, именно 350 милліоновъ рублей, болѣе въ золотой монетѣ. Это былъ капиталъ императора Николая Павловича, вытребованный имъ изъ банка предъ начатіемъ войны съ коалиціею Европейскихъ державъ, 1853—1856 годовъ, извѣстной у насъ болѣе подъ названіемъ Турецкой или Севастопольской. Этотъ фактъ меня порадовалъ. Послѣ заговора Декабристовъ, Царю, думаю, благая мысль пришла приберечь капиталы своей фамиліи на черный день или на всякій тяжелый случай: жизнь царей и рабовъ въ ружь Божіей!

Оставляя за тѣмъ официальную сторону моей службы, позволяю себѣ кое-что сказать изъ частной моей жизни. Не скрывая происхожденія своего изъ бѣднѣйшаго класса (пролетаріевъ, или, какъ говорятъ, для униженія человѣка, изъ Бурбоновъ), безъ гордости и униженія себя, я, какъ только помню, велъ постоянно жизнь ровную, не суясь рѣзко впередъ и не отставая отъ добрыхъ и образованныхъ людей, сколько силы и способности позволяли. Я думаю, вся тайна успѣховъ моей жизни заключается въ Промыслѣ Божіемъ, въ наставленіяхъ бѣдной моей матери—идти по честному пути жизни и, главное, въ примѣрахъ хорошихъ, встрѣчавшихся мнѣ, людей. По внутреннему душев-

ному расположенію, я постоянно старался усвоить хорошую, а не дурную сторону жизни. Хорошіе примѣры во мнѣ возбуждали желаніе также сдѣлаться хорошимъ. Кромѣ страха взысканія человѣческаго за проступки и грѣхи свои, постоянно я боялся кары небесной. При строгомъ наблюденіи за собой, я на опытѣ убѣдился, что всякое дурное дѣло тяжело отзывалось на душѣ моей. Послѣ искренней молитвы, Богу приносимой, и послѣ всякаго добраго дѣла, на сердцѣ и душѣ ложился какой-то отпечатокъ тихаго, внутренняго спокойствія. Безъ фатализма вѣрую, что Богъ существуетъ, вѣрую въ будущую жизнь, вѣрую, что добрыя дѣла награждаются, а дурныя наказуются, вѣрую наконецъ, что православная христіанская религія, при чистотѣ ея ученія, ведетъ каждого истинно вѣрующаго къ лучшей на землѣ жизни и къ спасенію души въ будущей. Къ сожалѣнію у насъ православныхъ христіанъ, какъ у Католиковъ, Лютеранъ, равно у нашихъ раскольниковъ, не духъ религіи производитъ рознь и несогласіе, но виѣшняя обрядовая сторона и своекорыстныя страсти духовныхъ лицъ. Таковы, по крайней мѣрѣ, мои убѣжденія.

При такихъ убѣжденіяхъ долгая моя жизнь текла, поучая меня на каждомъ шагѣ. Всю жизнь я учился и теперь учиться не перестаю, хоть одною ногою готовлюсь ступить въ могилу. Такое-то непрерывное ученіе повело меня и къ тому, чтобъ попробовать силы свои и на литературномъ поприщѣ.

*

Воспоминанія эти писаны Григоріемъ Николаевичемъ Александровымъ въ послѣдніе годы его жизни. Онъ скончался лѣтомъ 1881 года, состоя прекраснымъ и бодрымъ старцемъ на службѣ въ Москвѣ, въ Лефортовскомъ дворцѣ, начальникомъ хранящаго тамъ военнаго архива. «Русскій Архивъ» обязанъ ему за многія его сообщенія, а издателю онаго служилъ онъ достоподрожательнымъ примѣромъ высокой нравственности и неутомимаго труда. П. Б.

„СВЯТАЯ МОГИЛА“.

Биографическія замѣтки о С. В. Колычевѣ *).

Въ Августовской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1901 годъ помещенъ рассказъ теперь уже покойнаго писателя Ильи Александровича Салова—„Святая могила“. Извѣстно, чтоэтотъ талантливый писатель, Саратовецъ, прожившій весь вѣкъ въ своемъ имѣніи Балашовскаго уѣзда, Саратовской губерніи, нерѣдко бралъ темы для своихъ повѣстей и выводилъ въ нихъ дѣйствующихъ лицъ и типы, взятые изъ окружающей дѣйствительно жизни. Быть можетъ, однако, не всѣ догадаются, что и въ указанной повѣсти подъ именемъ *Рахманова*, покоящагося въ „Святой могилѣ“ (покинутой и забытой) изображено лицо не вымышленное, а когда-то дѣйствительно жившее и заслуживающее не забвенія, а того, чтобы память о немъ сохранялась навсегда въ исторіи Русскаго просвѣщенія.

Лихой кавалеристъ, герой Отечественной войны, очень богатый человекъ, Рахмановъ, благодаря случайному сѣвплению неожиданныхъ и трагически сложившихся для него обстоятельствъ, былъ глубоко несчастливъ въ своей личной жизни. Онъ прожилъ вторую половину жизни „чудакомъ“ въ деревенской глуши и, умирая одинокимъ, завѣщалъ значительную часть своего состоянія на воспитаніе дѣтей мѣстныхъ дворянъ.

Кого займутъ настоящія строки, тотъ, вѣроятно, самъ прочтетъ талантливый рассказъ И. А. Салова; намъ же показалось нелишнимъ раскрыть, по возможности, кто такой былъ этотъ Рахмановъ, сообщить о немъ краткія биографическія свѣдѣнія и указать, гдѣ та „Святая могила“, которую не слѣдуетъ забывать.

*) Матеріалами служили: рукописи и переписка изъ родового архива Колычевыхъ въ селѣ Лукинѣ, Звенигор. у. Москов. губ. (папки №№ 66 и 122), за разрѣшеніе воспользоваться которыми приношу мою искреннюю благодарность глубокоуважаемой графинѣ Натальѣ Михайловнѣ Солмогубъ; весьма рѣдная книга „Боярскій родъ Колычевыхъ“, составленная барономъ М. Л. Боден-Колычевымъ; Письма Затворника Георгія (2 изд. 1844 г.) ч. II; формулярный списокъ о службѣ С. В. Колычева изъ Лефортовскаго архива и пр.

Сергій Васильевичъ Колычевъ (1791—1836).

Мать Магдалина, въ міру Марья Петровна
Колычева († 1857).

Дарья Алексѣвна Колычева, урожденная
Тихменева († 1817).

I.

Рахмановъ—это Саратовскій помѣщикъ *Сергій Васильевичъ Колычевъ*, одинъ изъ послѣднихъ представителей теперь уже угасшаго стариннаго Русскаго дворянскаго рода, ведущаго свое начало отъ одного корня съ Романовыми, Шереметевыми и другими древними и знатными фамиліями. Хотя Колычевы и не стояли въ рядахъ первостепенной боярской знати, и среди нихъ было немного бояръ; но они были близки ко двору великихъ князей Московскихъ въ первой половинѣ XVI вѣка и дали изъ своей среды такого крупнаго историческаго челоука, какимъ былъ св. митрополитъ Московскій Филиппъ, безстрашный обличитель беззаконій Грознаго, и родъ Колычевыхъ не безъ основанія всегда славился своимъ святымъ предкомъ.

Сынъ Василя Петровича Колычева (1736 † 1794 г.) и Дарьи Алексѣевны, рожденной Тихменевой, Сергій Васильевичъ Колычевъ родился 14 Юля 1791 г. въ Москвѣ, въ домѣ матери своей, на Покровкѣ, въ приходѣ церкви Воскресенія въ Барашахъ, гдѣ и былъ крещенъ. Дядя Михаилъ Петровичъ Колычевъ и тетка Наталья Яковлевна Шереметева были его воспріемниками.

Отецъ Сергія Васильевича заслуживаетъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ, какъ о челоука вѣсьма незаурядномъ. Впрочемъ, по службѣ В. П. Колычевъ ушелъ недалеко: служилъ въ Выборгскомъ пѣхотномъ полку и вышелъ въ отставку поручикомъ. Онъ имѣлъ порядочныя средства, а женитьба сдѣлала его совсѣмъ богатымъ челоукомъ, владѣльцемъ болѣе 2000 душъ въ Московской, Тульской, Костромской и Саратовской губерніяхъ. Зимой онъ жилъ въ Москвѣ, а лѣто до поздней осени неизмѣнно проводилъ въ селѣ Чоглоковѣ, Одоевского уѣзда, Тульской губерніи. Челоука точный и аккуратный, онъ внимательно слѣдилъ за своими доходами и, повидимому, любилъ сельское хозяйство съ его прозою, хотя въ душѣ былъ поэтомъ и въ деревенской тиши посвящалъ свои досуги „Трудамъ уединенія“, какъ онъ собственноручно озаглавилъ сохранившуюся тетрадь своихъ стиховъ. Здѣсь, на ряду съ одами въ духѣ того времени, каковы напримѣръ: „Надпись къ гробницѣ князя Долгорукаго-Крымскаго, предводителя прехрабрыхъ Росскихъ войскъ“, „Къ жителямъ Москвы о смерти графа З. Г. Чернышева“ или „Надпись къ грудному изображенію изъ мрамора графа Б. П. Шереметева, находятся такія произведенія, какъ басня „Судья и челобитчикъ“, въ которой обличаются взяточничество и продажность судей, или стихи „Сновидѣніе“, въ духѣ Анакреона, гдѣ откровенно изображается соблазнительное явленіе автору нѣкоей „Климены“.

Но литературная извѣстность Колычева въ XVIII вѣкѣ основывалась на его трудахъ, какъ переводчива трагедій и комедій съ Французскаго. Въ 1781 г. были напечатаны первымъ изданіемъ его переводы и передѣлки, какъ-то: „Сильвій и Адельсонъ или Бѣдство, произведенное страстями“, три-

гедія въ 5-ти дѣйствіяхъ; „Развратность исправленная благомысліемъ“, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ; „Деревенскій колдунъ“, интермедія г. Руссо, вольный переводъ въ стихахъ; „Два Сильфа“, комедія въ одномъ дѣйствіи, и другія. Вольная же передѣлка Мольера, комедіи въ 3-хъ дѣйствіяхъ „Дворянующейся купецъ“, съ замѣной Французскихъ дѣйствующихъ лицъ Русскими Пересмѣшниковыми, Размотаевыми, Лукерьями и Сидорами, была представлена 25 Февраля 1780 года на Императорскомъ придворномъ театрѣ въ Петербургѣ и имѣла похвалу вѣчныя памяти покойныя Императрицы Екатерины II и иныхъ знающихъ особъ“ *).

Литературные труды, однако, какъ сказано, не мѣшали хозяйственнымъ занятіямъ Колычева. Не ограничиваясь своимъ личнымъ хозяйствомъ, какъ заботливый помѣщикъ, входилъ онъ во все подробности быта своихъ крестьянъ, при чемъ обращалъ большое вниманіе на исполненіе ими христіанскихъ обязанностей и на нравственность. Онъ собственноручно писалъ для всехъ своихъ имѣній обширныя инструкціи и наставленія своимъ управителямъ, приказчикамъ и мірскимъ выборнымъ, гдѣ во всехъ подробностяхъ опредѣлялись ихъ права, обязанности и отношенія къ крестьянамъ. Наблюдая за добромъ владѣльца, эти должностныя лица обязаны были столько же заботиться о благосостояніи крестьянъ, при чемъ сельскому міру предоставлялись широкія полномочія во внутренней жизни, но за то на него возлагались обязанности призрѣнія старыхъ, больныхъ, сиротъ и искорененія нищихъ. Наказанія не отличались суровостью и ограничивались, большею частью, мелкими штрафами; судъ и расправу чинили мірскіе выборные, въ присутствіи стороннихъ людей, приглашенныхъ самими тяжущимися, и только въ случаѣ недовольства судомъ допускалась аппеляція къ помѣщику. Приказывая управляющимъ и бурмистрамъ устраивать во всехъ селеніяхъ запасныя магазины, Колычевъ въ исключительныхъ случаяхъ выказывалъ особую заботливость о своихъ крестьянахъ. Въ 1788 году, когда въ Тульской губерніи былъ голодъ, Колычевъ писалъ своему управителю Ильѣ Невѣжину: „Въ семь году имѣтъ попеченіе о крестьянахъ неизбежно нужно, но притомъ должно быть осторожнымъ, дабы помощь чинимая во зло не употреблялась; ибо изъ опытовъ извѣстно, что крестьяне иногда требуютъ для того, что имъ даютъ, и не хотятъ трудомъ помогать себѣ; но какъ бы то ни было, до крайности крестьянъ не допускать и объ убыткѣ не думать. Ежели усмотришь, что возка лѣсу для крестьянъ изнурительна, то можешь отставить оную, ибо лѣсъ можно будетъ перевезти въ впрѣдбудущую зиму“. Особенно внимательно онъ наблюдалъ за отдачею рекрутъ, зная, что тутъ много совершается всякихъ злоупотребленій. „По принятому мной правилу“, писалъ онъ одному родственнику, „считаю должнымъ падить семейныхъ, ибо они полезны вотчинѣ и помѣщику; но сей пощадою не должны только поль-

*) Вторымъ изданіемъ труды В. П. Колычева были напечатаны его сыномъ С. В. Колычевымъ въ 1809 году.

зваться обличенные въ важныхъ преступленіяхъ, лишь бы не оставили кучи малолѣтнихъ дѣтей“. При этомъ Колычевъ вспоминалъ, какъ одинъ изъ бурмистровъ безвинно оклеветалъ отданнаго въ рекруты челоуѣка, и онъ уже поздно узналъ „мерзкую причину, понудившую его къ сей гнусной поступкѣ“.

Колычевъ почти пятидесяти лѣтъ женился на молодой и очень богатой невѣстѣ. 12 Іюня 1783 года онъ писалъ своему двоюродному брату Степану Алексѣевичу Колычеву: „Я увѣренъ, что примете участіе въ перемѣнѣ, послѣдовавшей въ моемъ состояніи; я женюсь на Дарьѣ Алексѣевнѣ Тихменевой и доволенъ жребіемъ, опредѣленнымъ мнѣ судьбою. Прошу покорно любить ее и быть увѣрену, что она будетъ тшиться пріобрѣтать дружбу вашу. Вы знаете мое состояніе безвыгодное со стороны имущества, то безъ сумнѣнія пожелаете знать, какія выгоды приноситъ мнѣ женитьба. Касательно особы, скажу вамъ, что она совершаетъ всѣ мои желанія, но со стороны богатства приноситъ она столько, сколько нужно не для пышной, а для порядочной жизни, основанной на умѣренности“.

Восемь лѣтъ у нихъ не было дѣтей; наконецъ, 14 Іюля 1791 года родился единственный ихъ сынъ Сергѣй.

Живя въ селѣ Чоглоковѣ, Колычевъ отличался большимъ гостепріимствомъ и былъ радушнымъ хозяиномъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ его современникъ, извѣстный Болотовъ. По зимнему пути изъ Москвы ежегодно отправлялись въ деревню цѣлые воза разныхъ запасовъ: бочки со всякими напитками, бѣлымъ и краснымъ виномъ, Англинскимъ пивомъ, бочки съ масломъ Прованскимъ и лампаднымъ, мыло, Англинскія сальныя свѣчи, сахаръ въ головахъ и кофе, Сорочинское пшено и крахмалъ, разная посуда... Все это, по самымъ подробнымъ указаніямъ барина, размѣщалось въ подвалахъ, въ погребѣ на льду, въ житницахъ и даже на столахъ въ кабинетѣ, при чемъ строго внушалось за всѣмъ слѣдить и все беречь. Посылая осетровъ и бѣлугъ, хозяинъ приказывалъ „всю оную рыбу солить, но осетрину съ бѣлужиной не въ одной кадкѣ, какъ то сдѣлано прошедшаго году, а посолить въ разныхъ кадкахъ и зарубить въ ледъ; приказать солить повару Фролу Филиппову, но въ предосторожность упоминаю, что Фролъ Филиппевичъ на руку нечистъ и рыба у него летаетъ; посмотри за нимъ и, сколько какихъ звеньевъ посолено будетъ, то записать“.

Болотовъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ о В. П. Колычевѣ слѣдующее. „В. П. Колычевъ челоуѣкъ умный, любопытный, ученый, ласковый, богатый, имѣющій прекрасный характеръ, давно добивался меня видѣть и, со мной давно знакомъ бывъ по моимъ сочиненіямъ, лично познакомиться. Будучи не въ состояніи за кашлемъ самъ пріѣхать къ намъ въ Боландино, присылалъ онъ къ намъ жену свою звать насъ къ себѣ обѣдать. И такъ мы къ нему ѣздили и провели у него весь почти день, будучи крайне довольны его ласковымъ угощеніемъ. Онъ жилъ верстъ 8 отъ города Жданова и имѣлъ

прекрасное село (Чоглоково), сидящее на берегу рѣки Упы въ романическомъ положеніи. Я нашелъ у него все со вкусомъ устроенное и расположенное, не могъ довольно съ нимъ обо всемъ наговориться и расстался съ нимъ, сдѣлавшись хорошимъ пріятелемъ. Но, увы, знакомство сіе, которому я былъ очень радъ, продолжалось недолго: смертельная болѣзнь вскорѣ послѣ того похитила его изъ среды живыхъ, въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ жизни, и мнѣ не удалось его болѣе уже видѣть“. Колычевъ скончался въ самомъ концѣ 1794 года и погребенъ въ Москвѣ въ Новоспасскомъ монастырѣ; сыну его въ то время не было еще и четырехъ лѣтъ, такъ что воспитаніемъ своимъ онъ всецѣло обязанъ былъ своей матери.

II.

Дарья Алексѣевна Колычева, овдовѣвшая въ сравнительно-молодыхъ годахъ, женщина энергичная, нрава крутого и деспотичнаго, хлопотливая и хозяйственная, вела въ большомъ порядкѣ свои дѣла и не только не разстроила состоянія своего послѣ мужа, но умножила его покупками домовъ и имѣній. Внѣшность Дарьи Алексѣевны явно отражала на себѣ ея душевныя свойства.

Въ родовомъ Колычевскомъ архивѣ, въ селѣ Лукинѣ, въ 17 верстахъ отъ Москвы, находится ея прекрасный портретъ, писанный не задолго до ея смерти извѣстнымъ Карломъ Рейхелемъ (въ 1817 г.). Лицо ея на портретѣ еще сохраняетъ слѣды прежней красоты, но напрасно искать отгѣнковъ мягкости или благодушія въ выраженіи лица этой старухи въ большомъ бѣломъ чепцѣ: ея большіе черные глаза, молодые и красивые, смотрятъ жестко и холодно и какъ бы пронизываютъ насквозь. Ея единственный сынъ, котораго она, по свидѣтельству барона М. Л. Боде, очень любила, страшно ея боялся и никогда не выходилъ изъ ея власти, даже тогда, когда давно уже былъ на службѣ.

„Для введенія въ свое время съ большею выгодною въ службу сына“, Дарья Алексѣевна, чрезъ вліятельныхъ родственниковъ своего мужа, Степана Алексѣевича и Степана Степановича Колычевыхъ, княгиню Е. А. Волконскую и др., успѣла записать Сергѣя Васильевича въ дѣтствѣ вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ (откуда онъ былъ выключенъ, вмѣстѣ съ другими, общимъ указомъ Павла I „за неявку по малолѣтству къ полку“); а въ 1802 году ей удалось провести его въ число „юстицкихъ кавалеровъ державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго“, послѣ того какъ родственники и мѣстные дворяне удостовѣрили, что „недоросль“ Колычевъ дѣйствительно принадлежитъ къ этому древнему роду, „сложеніемъ тѣль крѣпокъ и замѣчаются въ немъ хорошіе нравы, да и къ продолженію службы способенъ“. По тѣмъ же конечно побужденіямъ, 13 лѣтъ (31 Іюля 1804 г.) Колычевъ былъ опредѣленъ въ Архивъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, который въ то время въ Москвѣ считался не столько служебнымъ, сколько воспитательнымъ для „архивныхъ юношей“ учрежденіемъ; 31 Декабря 1807 года Колычевъ былъ уже переводчи-

комъ съ чиномъ коллежскаго ассессора. Въ то же время мать заботилась дать ему хорошее и широкое образованіе: Сергій Васильевичъ на всю жизнь сохранилъ интересъ и любовь къ наукѣ; по формулярному его списку значится, что онъ „по-россійски, по-французски, по-нѣмецки, по-англійски, математику, тактику, фортификацію и артиллерію знаетъ“. Последнія науки онъ, конечно, изучилъ въ знаменитой школѣ колонновожатыхъ, устроенной Н. Н. Муравьевымъ въ селѣ Остаховѣ, этой тогдашней академіи генеральнаго штаба. Всѣ молодые люди, обучавшіеся тамъ, были наперечеть, и пребываніе въ школѣ Муравьева обезпечивало Колычеву блестящую карьеру; но Колычевъ не умѣлъ пользоваться выгодами своего положенія и даже покровительствомъ расположеннаго къ нему князя Петра Михайловича Волконскаго, да и характеръ его не имѣлъ свойствъ необходимыхъ для службы въ Главномъ Штабѣ. Н. Н. Муравьевъ-Карскій въ Запискахъ говоритъ: „Колычевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ называютъ отчаянными головами, имѣлъ свѣдѣнія и былъ вѣрный товарищъ; онъ сначала имѣлъ неудовольствіе по службѣ, потому что поссорился съ начальникомъ“. 13 Апрѣля 1811 года С. В. Колычевъ поступилъ на службу прапорщикомъ, а годъ спустя 22 Апрѣля 1812 года князь П. М. Волконскій писалъ ему: „Получа донесеніе отъ фл.-ад. квартирмейстерской части подполковника Вольцогена о желаемомъ вами переводѣ въ Сумскій гусарскій полкъ по незнанію вашему снимать планы, дѣлать обзорѣнія мѣстоположенія и по отвращенію вашему отъ письменныхъ дѣлъ, и принужденнымъ нахожусь подтвердить вамъ въ послѣдній разъ, чтобы вы отнюдь не уклонялись отъ службы; ибо по учиненному экзамену вы оказались во всѣхъ частяхъ совершенно знающимъ относительно къ должности офицера Генеральнаго Штаба, и потому не въ очередь были произведены въ офицеры. Если жъ послѣ сего предписанія вы не оправдаете прежняго моего объ васъ мнѣнія, то я долженъ буду взять неприятыя для васъ мѣры, которыя могутъ послужить вамъ къ исправленію“. Повидимому, исправленія не послѣдовало, и въ Маѣ того же года Колычевъ былъ переведенъ подпоручикомъ въ 49-й егерскій полкъ.

Съ началомъ Отечественннй войны Колычевъ, числясь въ томъ же полку, былъ прикомандированъ „для употребленія по квартирмейстерской части“ къ отряду генерала Иловайскаго, а послѣ соединенія его съ корпусомъ Платова состоялъ при послѣднемъ. Участвуя въ дѣломъ рядъ дѣлъ и стычекъ, Колычевъ получилъ орденъ св. Анны 4 степени, а послѣ Бородина, съ открытіемъ лихихъ дѣйствій партизанскихъ отрядовъ, онъ ушелъ въ партизаны сначала въ отрядъ Сеславина, а затѣмъ Фигнера. Фигнеръ вскорѣ вполне оцѣнилъ молодого храбраго офицера и не разставался съ нимъ до конца, давалъ ему часто важныя и рискованныя порученія, которыя, по свидѣтельству Фигнера, онъ исполнялъ вполне успѣшно, такъ что за сраженіе при Вязьмѣ получилъ орденъ св. Владимира 4 ст. съ бантомъ. По представленію Фигнера, однажды, во время кампаніи 1813 года, Колычевымъ былъ отбитъ цѣлый Французскій транспортъ изъ 80 повозокъ съ овсомъ и другими припасами; въ

другой разъ ему поручено было Фигнеромъ узнать направленіе главныхъ Французскихъ силъ, и онъ удачно прошелъ между нѣсколькими Французскими корпусами. Въ этомъ году онъ былъ произведенъ въ поручики и штабсъ-капитаны. 14 Января 1814 года Колычевъ былъ переведенъ штабсъ-ротмистромъ въ Александрійскій гусарскій полкъ; вмѣстѣ съ полкомъ и съ отдѣльнымъ партизанскимъ отрядомъ онъ участвовалъ въ цѣломъ рядѣ сраженій: при Бриеннѣ-ле-Шато, при Ларотьерѣ, Лафертѣ, Монъ-Миралѣ, Мо, Краонѣ, Ланонѣ и во многихъ другихъ, наконецъ въ сраженіи при Фершампенуазѣ, причемъ за Ларотьеръ онъ былъ пожалованъ въ ротмистры. Черезъ годъ Колычевъ былъ переведенъ (13 Января 1815 г.) въ Иркутскій гусарскій полкъ.

Настало мирное время, и служба стала тяготить Колычева. Онъ проводилъ большую часть времени въ отпускахъ, но рѣдко бывалъ въ Москвѣ, тяготясь близостью къ матери, и большею частью жилъ въ Саратовскихъ ея имѣніяхъ. 18 Января 1817 года Колычевъ окончательно вышелъ въ отставку „за болѣзнь“ съ чиномъ майора, хотя пользовался всеобщимъ расположеніемъ товарищей, любившихъ своего „милаго гусара-сибарита“, и подчиненныхъ, любившихъ своего добраго, хотя и горячаго, „отца-командира“. Конечно и С. В. Колычеву не легко было разстаться съ полковой жизнью...

III.

Въ жизни Колычева за годъ передъ отставкою произошло обстоятельство, благодаря которому онъ не смѣлъ теперь показаться на глаза своей матери. По словамъ барона М. Л. Боде, „Дарья Алексѣевна была особенно имъ недовольна за свадьбу его съ Марьей Петровной, которая была *крѣпостная* ея дѣвушка и находилась при ней въ услуженіи и на которой Сергѣй Васильевичъ женился безъ благословенія матери своей, и даже роднымъ о томъ не говорилъ, а впослѣдствіи, когда его матери уже не было въ живыхъ, объявилъ о бракѣ своемъ, говоря, что женился на бѣдной дворянкѣ“. Это не совсѣмъ точно: въ полку несомнѣнно знали о женитьбѣ Колычева, такъ какъ въ формулярномъ его спискѣ за 1817 годъ онъ показанъ „женатымъ на дочери капитанъ-лейтенанта Лочзея (или Лочеса), дѣвицѣ Марьи Петровой“; полковые товарищи тоже знали Марію Петровну и позднѣе въ письмахъ своихъ къ Сергѣю Васильевичу поручали ему „поцѣловать у нея ручку“.

Кто была такая и какого происхожденія Марья Петровна, въ точности намъ неизвѣстно. Семейныя преданія также ничего не сохранили, кромѣ того только, что Марья Петровна пользовалась всеобщимъ уваженіемъ среди родственниковъ. Конечно, имѣетъ большое значеніе свидѣтельство барона Боде, съ матерью котораго, Натальей Ѳеодоровной, рожденной Колычевой (своей двоюродной сестрой) и ея мужемъ барономъ Львомъ Карловичемъ Боде, былъ очень друженъ Сергѣй Васильевичъ. Имѣя подъ руками всѣ бумаги и официальныя свѣдѣнія, баронъ Боде, въ своей книгѣ о Колычевыхъ, не обращая вниманія на официальные данныя формулярнаго списка, опредѣленно говоритъ о Марьѣ

Петровъ, что она была крѣпостная Д. А. Колычевой и къ ея имени не придаетъ никакой дѣвичьей фамиліи. Онъ даже и не останавливается совѣтъ на вопросѣ о томъ что это за капитанъ-лейтенантъ Лочзей (или Лочесъ), о которомъ говорится въ формулярѣ.

Между тѣмъ въ архивѣ села Лукина имѣется слѣдующее письмо изъ города Спасска Тамбовской губерніи, гдѣ (съ 1817 г.) стоялъ Иркутскій полкъ, отъ 15 Февраля 1818 года, которое можетъ своимъ содержаніемъ вызвать значительное недоумѣніе. „Почтенный мой сынъ Василій Сергѣевичъ (sic). Изъ письма брата моего узналъ я, что вы въ престольномъ градѣ витеаете и удивился, какими судьбами изъ Харькова васъ Богъ занесъ туда; то-то не зарекайтесь любить матушку-Москву! Она мать, ея молитвы и клятвы управляютъ судьбами каждаго Москаля. Но какъ бы то ни было, я радъ, что вы здоровы, а дни своей жизни проводите благополучно. Буди на васъ, съ дочкою любезною Марьей Петровной, благословеніе Божіе и мое отнынѣ навсегда, и да продлится ваша жизнь съ платежомъ природы въ утѣшеніе, въ честь и въ распространеніе герба вашей фамиліи. Я, слава Богу, съ женою моею здоровъ, равно и Миша и новая дочь Евгенія, благодаря Бога, здоровы. Живу хорошохонько. Волка ноги, а меня моя должность кормить и лучше далеко 16-го года; протестовавшіе меня отъ полка удаляются. Ходъ дѣла вы можете узнать отъ полковыхъ, въ Москвѣ ихъ много. Да я навѣрно думаю, что васъ не интересуеъ полкъ. Въ немъ превратно дѣла идутъ, какъ и прежде, согласья нѣтъ. Прошу васъ полюбить моего брата Владимира Александровича г. Болховитинова, я его не видалъ лѣтъ 14“... Подписи подъ этимъ письмомъ: „Почитающій васъ Очкинъ“ и „Катерина Очкина“. Кто были эти супруги Очкины и какое имѣли отношеніе къ М. П. Колычевой, намъ неизвѣстно.

Имѣлъ ли какія-нибудь опредѣленныя свѣдѣнія о происхожденіи Маріи Петровны И. А. Саловъ, на основаніи которыхъ онъ дѣлаеъ болѣе чѣмъ ясныя намеки объ этомъ, или это только „вольность“ автора повѣсти—намъ также ничего неизвѣстно.

Вскорѣ послѣ выхода Сергѣя Васильевича въ отставку, 3 Ноября 1817 года, скончалась въ Москвѣ его мать и похоронена въ Новоспасскомъ монастырѣ, рядомъ съ мужемъ, близъ входа въ соборъ, подъ однимъ огромнымъ необтесаннымъ чернымъ камнемъ. „Въ тяжелой предсмертной болѣзни Дарья Алексѣевна писала сыну, что желаетъ его видѣть и ждала его съ нетерпѣніемъ. Сергѣй Васильевичъ пріѣхалъ въ Москву, но не могъ преодолѣть страха своего: мать умирала, а сынъ ея ходилъ около дома и не рѣшался войти; такъ и скончалась Дарья Алексѣевна, не простившись съ своимъ сыномъ“, рассказываетъ баронъ Боде-Колычевъ *).

*) Въ повѣсти Садова Рахминовъ видѣлся передъ смертью съ матерью, и она ему сообщила тайну происхожденія его жены. Это скрытіе заставило Рахминовыхъ разойтись навсегда. Саловъ намекаеъ, что Валерія Рахманова была прежде ближе старухе-матери, чѣмъ простая „воспитанница“.

По смерти матери, какъ единственный наслѣдникъ, С. В. Колычевъ вступилъ во владѣніе всеѣмъ ея большимъ состояніемъ. Первые годы Колычевъ жилъ то въ Москвѣ, то въ деревнѣ, ѣздилъ по Россіи; повидимому ему не разъ приходило на мысль опять поступить на службу, его тяготило отсутствіе опредѣленнаго дѣла, тянуло въ войска на Кавказъ, гдѣ служили нѣкоторые его товарищи по полку.

Живя въ Москвѣ у Каменнаго моста, въ домѣ Оппель, Колычевъ весело проводилъ время среди своихъ друзей Вердеревскаго, Бервика, Бартенева, Боде и другихъ. Ежегодно на тысячи рублей выписывалось Шампанскаго и всякихъ другихъ винъ, пива и Англійскаго портера пѣлыми боченками, изъ Петербурга отъ Жутселена (напримѣръ въ 1822 году на 6384 р. 30 к. асс.). Устраивались тонкіе гастрономическіе обѣды въ ресторанахъ, при чемъ Сергѣй Васильевичъ любилъ самъ составлять меню. Эта гастрономическая склонность сохранилась у Сергѣя Васильевича и позднѣе, когда онъ окончательно поселился въ деревнѣ: въ его бумагахъ сохранилось немало собственноручныхъ записокъ съ рецептами, какъ варить медъ, какъ дѣлать воду изъ черной смородины, варить различные супы, и все это наряду съ средствами предохраненія себя отъ холеры и съ лѣчебными свойствами разныхъ ягодъ и травъ.

Вскорѣ, однако, Колычевъ, не смотря на протесты друзей, почти прекратилъ пріѣзды въ Москву, уединившись въ своемъ селѣ Колѣнѣ, Балашевскаго уѣзда. По словамъ барона Боде, съ этого времени, „съ женой своей Маріей Петровной вмѣстѣ онъ не жилъ, хотя и не былъ въ ссорѣ и женился на ней по любви, а жили они другъ отъ друга изъ нѣсколькихъ верстахъ и рѣдко видались“. Отъ этого времени сохранились письма Вердеревскаго къ Колычеву, изъ которыхъ мы считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторыя выдержки.

„Любезный другъ Сергѣй Васильевичъ“, писалъ Вердеревскій уѣхавшему въ Екатериноградъ Колычеву. „Черезъ г. Верзилина Марья Петровна получила отъ тебя письмо, неизвѣстно, однакожъ, откуда, и по требованію твоему у сего поручила мнѣ отправить 50 р. асс. Скажу тебѣ: не только она соскучилась, да и я крайне соскучилъ, особенно видѣвъ ее, въ какомъ она положеніи. Какъ ты уѣхалъ, она всѣ ночи не спитъ; примѣтно, что грусть угнетаетъ, хотя она и старается скрыть это; я бы совѣтовалъ тебѣ быть съ ней откровеннѣе, если уже ты за непремѣнное положили исполнить свое намѣреніе. Кто ближе можетъ быть къ тебѣ, какъ не она: если бы вы другъ другу сообщили свои чувства и составили бы одно, это облегчило бы и ее и тебя также. Я люблю тебя какъ родного, и признаться, прискорбно стало видѣть васъ обоихъ въ такомъ положеніи: ты ищешь мнимаго спокойствія и невозможнаго здоровья, а съ тѣмъ вмѣстѣ губишь единственнаго твоего друга; потеря ея для тебя будетъ невозвратима, останется на совѣсти твоей, и доброе твое сердце точно будетъ растерзано, а она долго такимъ образомъ не просуществоуетъ“.

Поправившись послѣ горячки, Вердеревскій писалъ: „Здравствуй, мой любезный друже! Я полагаю васъ давно въ Москвѣ еще по хорошему пути, если ты ѣхалъ исправно, не дурилъ... Васъ, матушка Марья Петровна, поздравляю съ прїѣздомъ въ Москву; позвольте мнѣ именовать васъ всегда моей благодѣтельницей и никакъ не можете отъ этого отрекаться, а не то я всѣхъ честныхъ людей сдѣлаю судьями, и они, вѣрно, утвердятъ и меня оправдаютъ: во-первыхъ, вы первая настояли напутствовать меня по долгу нашему, съ чѣмъ бы я могъ явиться предъ Всевышнимъ; потомъ всякій разъ приходили въ критическомъ моемъ положеніи, когда я почти боролся со смертью, давать мнѣ лѣкарства и въ какой болѣзни! въ горячкѣ опасной; вы забывали сами себя и давали лѣкарства, могли бы сами пострадать, но человѣколюбіе ваше спасло васъ отъ бѣды; я самъ чуть помню, какъ вы прихаживали, и я васъ всегда узнавалъ, но все то мнѣ уже послѣ рассказали, какъ вы озабочивались. Итакъ, сударыня, я правъ“... Съ этого времени Вердеревскій нерѣдко называлъ Марью Петровну, кромѣ благодѣтельницы, бабушкой.

Въ Январѣ 1825 года Вердеревскій писалъ Колычеву: „Почтенный Саратовецъ, экономъ, Сергѣй Васильевичъ! Когда ваше великоутробіе покажете намъ грѣшнымъ праведный вапъ ликъ? Неужели Колѣно навсегда тебя у насъ похитило? Я истинно радъ, что ты принялся за настоящее дѣло, желалъ бы взглянуть на твои занятія. Я, вопреки всѣхъ, имѣю на тебя во всемъ надежду и надѣюсь, что не ошибусь въ мнѣніи: изъ тебя выйдетъ славный хозяинъ, только чтобъ ты самъ захотѣлъ имъ быть, тебя станетъ на все; надобно только, чтобъ ты окружилъ себя добрыми людьми, которые тебя бы не обокрали. Марья Петровна живетъ и скучаетъ“. Въ Іюнѣ 1826 года онъ писалъ въ Кирсановъ: „Берутъ здѣсь обязательныя подписки ото всѣхъ въ показаніе самой истины о разныхъ тайныхъ сословіяхъ; тѣмъ, кто были, записаться не нужно тогда, когда списки объ нихъ есть налицо, а утайка чего либо послужитъ къ худу, и потому хорошо сдѣлаютъ все тѣ, кои напишутъ прямую истину. Посылаю, братецъ, тебѣ за Парижъ медаль; возложи на себя, яко побѣдитель. У насъ о коронаціи ничего не слышно. Я люблю тебя и желалъ бы все знать о тебѣ. Бабушкѣ скажи мое почтеніе. Если бы ты имѣлъ маленькаго Колычева, то я сдѣлался бы сватомъ, отдалъ бы за него свою дочь, заранѣе питался бы воображеніемъ, какъ бы мы съ тобой, сидя межъ ими, рассказывали-бъ про старую войну; нутко, тряхани, братъ, сдѣлай сонъ мой правильнымъ“.

Что было причиной разлада въ семейной жизни Колычева, намъ положительно неизвѣстно. Преданіе говоритъ, что образованный и ученый, философъ и „Вольтерьянецъ“ Сергѣй Васильевичъ скоро разочаровался въ своей доброй и любящей, но слишкомъ простой для него супругѣ, при томъ отличавшейся крайней набожностью и всегда склонной къ монашеской жизни. Не смотря на то, что Марія Петровна имѣла живой характеръ, не прочь была поговорить, даже съиграть въ вистъ, семейная и мірская жизнь, какъ нѣчто грѣховное, рано стала тяготить ее, и она охотно отдавалась дѣламъ благотвори-

рения, молилась, ѣздила по монастырямъ. Можетъ быть, въ жизни ея и произошло что нибудь намъ неизвѣстное.

Посѣтивъ въ началѣ 20-хъ годовъ въ Воронежскомъ Задонскомъ монастырѣ извѣстнаго тогда святостью жизни затворника Георгія (современника преподобнаго Серафима), Марія Петровна прониклась къ нему глубокимъ уваженіемъ и въ свою очередь заслужила расположеніе затворника. Болѣе 10 лѣтъ, до самой смерти Георгія († 24 Мая 1835 г.), продолжалась между ними переписка, и 266 писемъ затворника къ маріи Петровнѣ напечатаны. Къ сожалѣнію письма самой Маріи Петровны не сохранились, а они имѣли бы большее біографическое значеніе, какого не имѣютъ письма Георгія, содержаніе которыхъ по преимуществу назидательное. По всѣмъ вопросамъ ежедневной жизни, со всѣми сомнѣніями и колебаніями души, со своими тѣлесными недугами и скорбями обращалась М. П. Колычева къ затворнику; онъ, давая ей совѣты, утѣшалъ ее, наставлялъ въ заботахъ о спасеніи души и въ дѣлѣ благотворенія и любви къ ближнему, которая есть „совершенство добродѣтелей“. Георгій одобряетъ ея состраданіе „до слезъ“ къ Грекамъ, но говоритъ, что и во всякое время „есть случаи благотворить. Не достойно ли сожалѣнія видѣть мучимыхъ до пролитія крови людей? Спросимъ ихъ, за что ихъ мучать? За бѣдность: не имѣемъ чѣмъ заплатить подушныхъ; изъ такого состоянія выкупать страждущихъ—дѣло важнѣйшее“. Поддерживая горячо ея мысль объ учрежденіи богадѣльни для женщинъ-дворянокъ, онъ при этомъ говоритъ: „ежели десятичное число ограничимъ именемъ особеннаго сословія, то это будетъ препятствіемъ ко вступленію самобѣднѣйшимъ, которыя могутъ найтись изъ другого званія“. Принимая отъ Колычевой деньги для раздачи бѣднымъ, затворникъ внушалъ ей, что можно помогать бѣднымъ вездѣ. „Нѣтъ ли у васъ, въ Москвѣ, страждущихъ за долги въ темницѣ? Нѣтъ ли нищихъ? Нѣтъ ли зѣльно больныхъ и находящихся по богадѣльнямъ, алчущихъ и жаждущихъ утѣшенія отъ руки, подать могущей съ вѣрою, ради имени Христова, ради заповѣдей Господнихъ? Посѣтите ихъ смиренно и снисходительно. Милостію вашею усиленно можете пріобрѣсти себѣ неизреченную милость Божію, вами благовременно просимую. Любовь совершаетъ вся: Богъ есть любовь“. Когда М. П. Колычева начала строить церковь, Георгій поддерживалъ ее энергію и потомъ писалъ: „Въ селѣ вашемъ попросите священника, чтобъ онъ, когда собираются въ церковь крестьяне, говорилъ къ нимъ всякій разъ простое назидательное слово, и увѣщевалъ бы за лживыя слова, и ворожбу, а вражду истреблялъ бы въ нихъ кроткимъ словомъ“...

Нельзя не остановиться въ письмахъ Георгія на цѣломъ рядѣ намековъ на какое-то очень близкое лицо къ Маріи Петровнѣ, вольнодумство и невѣріе котораго глубоко ее волновало, оскорбляло и беспокоило; ея завѣтной мечтою было спасти душу этого дорогаго ей человѣка, о которомъ она постоянно говоритъ, думаетъ и скорбитъ душой. „О премѣненіи сердца вашего N. N.“, пишетъ Георгій, „нужно умолять Господа всѣмъ сердцемъ“...

„Но чѣмъ ближе вы сердцемъ къ Богу, тѣмъ ближе N. N. къ обращенію, гдѣ бы онъ ни былъ и въ какомъ разстояніи отъ васъ ни находился“... „Мнѣ жаль васъ, что вы нездоровы и оскорбляетесь отъ словъ N. N., касающихся васъ самихъ... Простите меня; вы ищите пріобрѣсть душу N. N. во спасеніе, такъ прошу васъ, спасайтесь же и сами отъ парительныхъ порывовъ и сопротивнаго спасенію самолюбія“. „Не ищите себѣ уваженія отъ N. N., но всѣми средствами оказывайте благодѣянія душѣ его“... „Посмотрите на N. N.: когда оставитъ онъ вольнодумство, тогда пространство будетъ его сердце на прохожденіе тѣснаго и прискорбнаго пути ко Христу. Вольнодумецъ-философъ, только не христіанинъ: ему невмѣстимы понятія небесныхъ философовъ, вѣрою просвѣщенныхъ христіанъ“. „Если вы видите, что очень много оскорбляетъ N. N. ваша со мною переписка, умолкнемъ: да спасется душа его отъ духа ненависти“.. Но переписка не прекратилась. Можно думать, что подъ N. N. разумѣлся самъ С. В. Колычевъ.

Затворникъ хорошо зналъ свою пылкую и увлекающуюся ученицу и не разъ обличалъ ея „парительные порывы“. „Пылкость, скорость, жаркій на минуту гнѣвъ, продолжающійся только до здраваго разсужденія: вотъ вашъ характеръ“, писалъ онъ; „будьте долготерпѣливы и не мнительны въ отношеніи себя“. И, читая эти строки, намъ живо представляется въ Лукинскомъ архивѣ портретъ пожилой монахини со строгими, довольно правильными чертами, смуглаго худощаваго лица; только большіе черные, широко открытые глаза блестятъ и изъ подъ монашескаго клобука выдають пылкую натуру, которая не легко мирилась съ требованіями монашескаго смиренія. Это монахиня Магдалина, бывшая М. П. Колычева, скончавшаяся въ 1857 году, въ Тихвинскомъ женскомъ монастырѣ, въ г. Кирсановѣ, Тамбовской губерніи. Сначала Марія Петровна, не разъ проѣзжавшая черезъ Кирсановъ въ имѣніе мужа село Красное Колѣно, лежащее почти на границѣ съ Тамбовской губерніей, построила себѣ домикъ въ тамошней женской обители, а затѣмъ, послѣ смерти С. В. Колычева, постриглась. Община въ 1849 году была обращена въ общежительный монастырь *).

„Когда только что начала устраниваться въ Кирсановѣ община“, говоритъ баронъ М. Л. Боде, „Саровскій пустыни старецъ Серафимъ предсказалъ одной изъ монахинь, что скоро у нихъ устроенъ будетъ храмъ проѣзжею госпожею. М. П. Колычева вскорѣ проѣзжала чрезъ городъ Кирсановъ и остановилась въ общинѣ, которая ей такъ понравилась, что она тутъ же рѣшилась въ ней построить церковь, что и было исполнено. Храмъ выстроенъ въ честь Тихвинской Божіей Матери, и многія изъ родовыхъ иконъ Колычевыхъ поступили въ эту церковь“.

IV.

Поселившись въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, С. В. Колычевъ сначала изрѣдка посѣщалъ Москву, а потомъ совсѣмъ засѣлъ въ

*) Кирсановская Тихвинская община основана Марей Апаринной въ 1783 году.

деревнѣ и сталъ жить совершеннымъ отшельникомъ. Даже плохое состояніе здоровья, на которое онъ постоянно жаловался, не могло побудить его оставить деревню, несмотря на всѣ убѣжденія Вердеревскаго, который писалъ: „Желалъ бы знать цѣль твоей настоящей жизни, на какой предметъ закабалить себя въ Саратовскую деревню, хлопчешь отъ изнуренія или напряженія силъ, теряешь здоровье и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ и помощь получить не отъ кого, и на послѣдокъ сдѣлаться самоубійцей отъ собственныхъ своихъ заблужденій. Послушайся и, если силы твои позволяютъ тебѣ еще пріѣхать въ Москву, то рѣшись ѣхать; здѣсь получишь облегченіе какъ морально, такъ и физически; состояніе твое тебя не стѣснитъ въ жизни: если ты и все имѣніе проживешь, то никто не въ правѣ тебя упрекать“. Но Сергій Васильевичъ не послѣдовалъ этому совѣту, равно какъ совѣту пріятеля поступить на службу. „Спѣшу тебѣ сообщить новость“, писалъ Вердеревскій, „я поступаю въ корпусъ жандармовъ; сей корпусъ состоятъ будетъ въ цѣломъ государствѣ подъ команду Бенкендорфа и самого Императора, всѣ лучшіе офицеры идутъ и ищутъ поступить въ сіе общество, обязанность ихъ наблюдать за безпорядками во всѣхъ частяхъ. Я спѣшу предложить тебѣ, зная тебя какъ по чувствамъ, такъ и по сердцу, и, если твое доброе усердіе къ общей пользѣ не остыло, то совѣтую тебѣ согласиться; а какъ вступишь, надобно, чтобы ты былъ здѣсь въ Москвѣ налицо, пока еще Государь здѣсь; если же промедлишь, то много желающихъ: легко можно и пропустить. Я объявилъ желаніе служить въ Москвѣ и на сихъ дняхъ буду принять; какъ бы пріятно мнѣ было быть съ тобой вмѣстѣ и товарищемъ въ дѣлахъ добрыхъ и полезныхъ! Сей случай воздастъ награду всѣмъ добрымъ и усерднымъ сынамъ отечества, ибо Государь близко увидитъ каждого. Ожидаю твоего согласія“.

Но С. В. Колычевъ остался хозяйничать въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ. Состояніе его было весьма значительное. Онъ владѣлъ 2276 душами въ губерніяхъ Саратовской, Рязанской, Орловской и Тульской, при чемъ больше половины душъ приходилось на одну Саратовскую губернію, гдѣ ему принадлежали села Покровское-Колычево и Красное Колѣно, деревни Хмѣлинка, Александровка, Таволжанка и другія. Самъ владѣлецъ жилъ въ сельцѣ Хмѣлинкѣ, въ господскомъ каменномъ домѣ.

Благодаря подробной описи имущества послѣ смерти Колычева, можно живо себѣ представить ту обстановку, въ которой онъ жилъ. Комнатъ въ домѣ было немного, и обстановка ихъ болѣе чѣмъ скромная. Въ спальнѣ, въ три окна, съ напковыми занавѣсками, стояли два дубовыхъ дивана съ напковыми тюфяками, набитыми перьями и одно большое кресло съ такой же подушкой; шкафъ со Сводомъ Законовъ и иностранными книгами и дубовое бюро съ серебряными умывальными принадлежностями и бритвами да столъ:— вотъ и вся обстановка. На столѣ лежали карты, ящики для сигаръ, бумажныя табакерки, табакъ, часы и печати, ящикъ съ математическими инструментами, гигрометръ, зажигательное стекло и увеличительное зеркало. Тутъ же лежало болѣе 20-ти фарфоровыхъ и деревянныхъ трубокъ и стояло столько же

чубуковъ чернаго дерева и простыхъ, на стѣнахъ висѣли 2 портрета и 11 гравированныхъ картинокъ, около 10 ружей и пистолетовъ, книжалы, охотничьи ножи, сабли, пороховницы и пр. Слѣдующая комната была кабинетъ; тутъ стояло нѣсколько столовъ, большихъ, дубоваго и ильмоваго дерева подъ лакомъ, со многими ящиками, 2 стола краснаго дерева съ аспидными досками, 2 кресла съ высокими спинками и 2 дивана съ холстинными тюфяками. На столахъ лежали карты Русскія и заграничныя, лампы, подзорная труба, разные физическіе и математическіе инструменты, микроскопъ и астролябія, пантографъ и секстантъ, стальные перья, перочинные ножи и разные слесарные инструменты, ящикъ съ медикаментами и шкатулка съ гомеопатическими лѣкарствами. Въ ящикахъ столовъ хранились бумаги, платиновая проволока, физическіе инструменты, краски и рисунки, гальванопластическія дощечки, мѣдныя типографскія литеры, разные дѣловыя и хозяйственныя бумаги и даже фрукты.. По стѣнамъ висѣло семь фамильныхъ старыхъ портретовъ и около 20 гравированныхъ картинъ; здѣсь же хранилась шкатулка со всѣмъ столовымъ серебромъ Колычева и помѣщалась въ шкафъ и на полкахъ большая его бібліотека, состоявшая изъ Русскихъ и иностранныхъ книгъ „въ весьма многомъ количествѣ“. На одномъ изъ оконъ были пристроены телескопъ, двое солнечныхъ часовъ, мѣдный компасъ, увеличительное зеркало, 15 термометровъ, 1 дифференціальный термометръ. Эта комната, очевидно, была мѣстомъ, гдѣ С. В. Колычевъ занимался своими физическими и математическими опытами, которымъ, живя въ деревнѣ, онъ уредался съ особеннымъ увлеченіемъ. Въ подвалѣ хранились фаянсовая посуда и хрустальная, реторты для химическихъ опытовъ; въ кладовой вмѣстѣ съ хомутами и сѣдлами хранились разные съѣстные припасы, варенье, чай, табакъ, сукно и пр. Были еще въ домѣ гардеробная комната, буфетъ и „комната для цвѣтовъ“; впрочемъ, цвѣтовъ въ ней не было, а стояла кровать краснаго дерева съ перинами и подушками, два дивана и двѣ дюжины креселъ и стульевъ.

При домѣ была оранжерея, въ которой было много цвѣтовъ въ горшкахъ и до полусотни деревьевъ абрикосовыхъ, персиковыхъ, вишневыхъ, лимонныхъ, померанцевыхъ, грушевыхъ и сливовыхъ, магнолій и пр. Недалеко отъ усадьбы была мельница о трехъ поставахъ на рѣкѣ Караѣ и пчельникъ въ 240 ульевъ. Въ хозяйствѣ было до сотни лошадей, столько же рогатаго скота и свиней и до 1500 головъ овецъ простыхъ и шпанскихъ. Посѣвы дѣлались въ большомъ размѣрѣ.

Живя въ деревнѣ, Колычевъ постоянно пополнялъ свою бібліотеку выпискою новыхъ книгъ и, кромѣ газетъ (Московскія и С.-Петербургскія Вѣдомости и Инвалидъ), интересовался такими журналами, какъ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ, Горный Журналъ, Лѣсной Журналъ. Въ тоже время онъ выписывалъ много иностранныхъ періодическихъ изданій на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкѣ самаго разнообразнаго содержания (Annalen der Physik, Flora, Botanische Zeitung, Magazin der Neuesten Erfindungen, Annales des Sciences Naturelles, Journal des Savants, Magazin

Pittoresque, Mosaïque, и пр.). Занятія естественными науками доставили Колычеву званіе почетнаго члена Императорскаго Московскаго Общества любителей естествознанія; но любовь къ физическимъ и математическимъ занятіямъ не исключала въ немъ интереса и къ другимъ наукамъ. Онъ интересовался путешествіями, географіей и Русскою исторіей, которую еще въ дѣтствѣ излагалъ на Французскомъ языкѣ. Въ его бумагахъ сохранились его труды по генеалогіи: родословіе Рюрика, полная родословная Колычевыхъ; здѣсь же уцѣлѣли его грамматическій разборъ псалма „Блаженъ мужъ“ и переводъ Слова о Полку Игоревѣ по первому его изданію.

Какъ человекъ, Колычевъ отличался добротой, охотно помогая обращавшимся къ нему за помощью и, самъ не будучи религіозенъ, строилъ въ своихъ имѣніяхъ церкви и заботился о благосостояніи духовенства; въ то же время онъ заботился о грамотности и устроилъ въ Красномъ Колѣнѣ школу для мальчиковъ.

И вкусы Колычева, и образъ жизни его не были таковы, какъ у большинства мѣстныхъ помѣщиковъ того времени и „въ околоткѣ“, говоритъ баронъ Боде, „онъ слылъ за чудака, часто ѣздилъ въ экипажѣ, имѣя самимъ устроенномъ и запряженномъ двумя верблюдами, носилъ усы и бороду, что въ то время (1830—1836 г.) почиталось за большую оригинальность, также ходилъ въ красной рубашкѣ, а фракъ и сюртукъ надѣвалъ только въ особенныхъ торжественныхъ случаяхъ, или когда ѣздилъ въ Москву, и тогда уже сбрасывалъ себѣ бороду. Фракъ же у него былъ одинъ съ 1812 г., а второй былъ сдѣланъ въ годъ или года за два до его смерти. Кухня была въ такомъ разстояніи отъ его дома, что онъ приказывалъ иногда привозить супъ на тройкѣ и въ телѣжѣ или въ саняхъ; привозившій супъ долженъ былъ стоять крѣпко, дабы не пролить супа. Домъ, въ которомъ онъ жилъ, состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, но весь наполненъ книгами; постель его была составлена также изъ in folio, а входъ къ нему въ комнату безъ доклада былъ загражденъ широкимъ порогомъ въ дверяхъ, который опускался и заставлялъ падать входящаго. Сергій Васильевичъ былъ очень добръ, помогая бѣднымъ и былъ всѣми очень любимъ; разъ былъ позванъ крестить въ бѣдномъ семействѣ, куда на крестины прислалъ сказать, что быть самъ не можетъ, а на крестинный обѣдъ присылаетъ пирогъ; пирогъ разрѣзали, а пирогъ большой и весь цѣлковыми полонъ и прочей серебряной монетою“.

Сергій Васильевичъ Колычевъ скончался въ 11 часовъ вечера 24 Января 1836 года, на 45 году отъ рожденія. Онъ умеръ одинъ въ своемъ имѣніи, и смерть его была неожиданная. Какой-то „покорнѣйшій рабъ“ Федоръ Локтевъ, извѣщая о кончинѣ его „братца“ Петра Николаевича Колычева, бывшаго въ то время Балашовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, сообщаетъ нѣкоторыя подробности о его смерти. Сергій Васильевичъ, уже больной, 16 числа вернулся изъ Кирсанова, проболѣлъ пять дней и впалъ въ безпамятство; конечно, мѣръ никакихъ не было принято, а когда было при-

везено лѣкарство, онъ былъ уже „безъ отверзанія языка“. С. В. Колычевъ погребенъ около церкви въ селѣ Красномъ Колѣнѣ.

V.

С. В. Колычевъ оставилъ духовное завѣщаніе, написанное имъ еще въ 1832 году, по которому благопріобрѣтенную часть своего имѣнія въ 2476 десятинъ земли, въ Балашовскомъ уѣздѣ, онъ завѣщалъ малолѣтней Балашовской лѣщаниѣ Устиныѣ Сергѣевой, „по окончаніи же потомства Сергѣевой земля предоставляется вѣчно въ распоряженіе Дворянской Опекѣ съ правомъ получать доходы, на кои воспитывать бѣдныхъ малолѣтнихъ дворянъ“. Хотя ко времени смерти Колычева Сергѣевой уже не было въ живыхъ, но онъ не измѣнилъ своего завѣщанія. Духовная была утверждена, и въ томъ же 1836 году завѣщанная земля поступила въ распоряженіе Саратовскаго дворянства.

Прошелъ 31 годъ со времени смерти Колычева, и Саратовское дворянство въ Декабрѣ 1867 года на губернскомъ собраніи постановило: „Въ память и признательность майору С. В. Колычеву за то великое и доброе дѣло, которое онъ оказалъ для бѣдныхъ дворянъ Саратовской губерніи, завѣщавъ на воспитаніе дѣтей ихъ 2476 десятинъ земли, отыскать гдѣ либо портретъ Колычева и поставить оный на вѣчныя времена въ залъ дворянства, съ тѣмъ, чтобы въ день смерти его, 24 Января, ежегодно совершать по немъ заупокойную панихиду, къ слушанію которой приглашать воспитанниковъ, воспользовавшихся его пожертвованіемъ“. По просьбѣ Саратовскаго губернскаго предводителя дворянства, барономъ М. Л. Боденко-Колычевымъ была доставленъ въ коши портретъ Сергѣя Васильевича, находящійся въ селѣ Лукинѣ.

Въ настоящее время пожертвованіе Колычева, при вздорожаніи цѣнъ на землю, достигаетъ стоимости въ 500.000 рублей, изъ доходовъ имѣнія образовался 100000-ный капиталъ, и на „Колычевскія стипендіи“ воспитывается до 50-ти дѣтей дворянъ.

Село Красное Колѣно находится въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, до него добраться нелегко, и на могилѣ С. В. Колычева удалось побывать, вѣроятно, только весьма немногимъ изъ его стипендіатовъ. По словамъ Салова, „Святая могила“ забыта, и только сельскій причтъ творить надъ ней обычное скромное помяновеніе. „Помнятъ ли его тѣ сотни молодыхъ людей, которые, благодаря ему, получили образованіе и которыхъ онъ сдѣлалъ людьми? Помнятъ ли они, по крайней мѣрѣ, эту „святую могилу“? Такъ заканчиваетъ свою повѣсть И. А. Саловъ.

А. Голомбѣвскій.

ПИСЬМА СПЕРАНСКАГО.

А. Къ П. С. Руничу *).

1.

Милостивый государь, Павелъ Степановичъ.

Опыты благосклонности, кои угодно вашему превосходительству мнѣ явить, осмѣливають меня просить милостиваго и справедливаго вниманія вашего къ дѣламъ Андрея Андреича Баташева. Давнее его со мною знакомство и дружба даютъ ему полное право на мое участіе, и потому всякую къ нему благосклонность вашу долженъ я признать истиннымъ себѣ одолженіемъ. Съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепочиннѣйшій слуга Михаилъ Сперанскій.

Февраля 11-го дня 1801.

2.

Милостивый государь, Павелъ Степановичъ.

Опытами снисходительнаго вашего ко мнѣ расположенія приучили вы меня, милостивый государь, съ надеждою быть вамъ докучливымъ, употреблять, можетъ быть, во зло терпѣніе ваше.

Съ господиномъ вице-губернаторомъ Владимирскимъ приѣхалъ сюда одинъ губернскаго регистраторъ Казенной Палаты Дмитріевскій. По братѣ его онъ мнѣ родственникъ. Мнѣ желательно, чтобы онъ пробылъ здѣсь еще нѣсколько времени, а между тѣмъ срокъ отпуска его кончается. Я осмѣливаюсь покорнѣйше ваше превосходительство просить продолжить ему оный еще на одинъ мѣсяць. Таковую къ нему милость приму съ совершеннымъ себѣ одолженіемъ и, съ благодарностью моею соединяя совершенное почитаніе, навсегда честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга Михаилъ Сперанскій.

3-го Мая 1801. Въ С.-Петербургѣ.

*) Съ подлинниковъ. П. С. Руничъ былъ тогда Владимирскимъ губернаторомъ. П. Б.

3.

Милостивый государь, Павелъ Степановичъ.

Ваше превосходительство благосклоннымъ къ просьбамъ моимъ вниманіемъ приучили меня столь часто ими обременять великодушіе и терпѣніе ваше. Г-нъ Баташевъ еще разъ просилъ меня поручить его въ милостивое ваше покровительство. Оживленъ будучи въ тяжбѣ своей послѣднимъ рѣшеніемъ, онъ ожидаетъ только исполненія онаго на мѣстѣ, чтобы наслаждаться справедливостью наконецъ ему отданною. Правильность его надеждъ, потерпѣнныя имъ искушенія и извѣстное простое и непритворное добродушіе убѣдили меня симъ исполнить его желаніе. Вините, милостивый государь, себя сами и вашу ко мнѣ благосклонность, ежели сею просьбою моею злоупотребляю я терпѣніе ваше. Съ совершеннымъ почитаніемъ честь имѣю быть вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга Михаилъ Сперанскій.

1 Юля 1801. Въ С.-Петербургѣ.

В. Къ Пензенской помѣщицѣ¹⁾.

1.

Пенза, 29 Октября 1818.

Письмо ваше, любезнѣйшая Вѣра Яковлевна, весьма много меня успокоило. Я никакъ себѣ не представлялъ, чтобъ вы могли такъ скоро совершить ваше путешествіе. Господь да утѣшитъ васъ среди семейства вашего всѣми Своими утѣшеніями!

Въ прекрасномъ письмѣ вашемъ есть однакоже недостатокъ. Вы говорите о милостяхъ; вы знаете, какъ искренно все наше семейство къ вамъ привязано, а въ привязанности дружеской и истинной нѣтъ одолженій и еще менѣе *милостей*. Видите, что я не отвыкъ отъ страсти моей къ правоученію.

Съ прошедшею почтою я получилъ письмо отъ Елисаветы²⁾. Она прибыла благополучно; съ будущею ожидаю подробностей. Между тѣмъ доселѣ я не могъ еще спуститься внизъ и посѣтить комнаты, гдѣ они жили. Слабость, глупость; но что же дѣлать! Мнѣ кажется, съ лѣтами слабѣютъ и крѣпость, и терпѣніе.

¹⁾ Съ подлинниковъ. Имя помѣщицы намъ неизвѣстно. П. Б.

²⁾ Дочь Сперанскаго. П. Б.

Отсолихъ ¹⁾ со слезами проповѣдуетъ ваши къ нему милости. Сытъ-его студентъ собирается восхвалять васъ *по своему*: то-есть стихами. Вы дѣйствительно успокоили старость его отца; безъ васъ домъ его былъ бы проданъ, и съ большимъ семействомъ, зимою, онъ былъ бы почти безъ пріюта. Въ прочемъ до срока или къ сроку, но денегъ не высылайте къ нему: первое, для того, чтобъ не ввести его во искушеніе; а второе потому, что вексель вашъ, по настоянію Петерсоновыхъ, перенялъ отъ него Очкинъ, который уже за него съ ними и разчелся. Слѣдовательно Очкинъ, а не Отсолихъ теперь вашъ заимодавецъ.

Прощайте, любезнѣйшая Вѣра Яковлевна; отъ всего сердца лобызая любезныхъ дѣтей вашихъ. Говорите имъ иногда обо мнѣ и вѣрьте всегда искренней моей дружбѣ и преданности. М. Сперанскій.

P. S. Если я получу отъ васъ еще одно письмо, которое будетъ начинаться *Милостивымъ Государемъ*, то не прогнѣвайтесь, и я буду васъ величать *Милостивою Государыней*, ибо долгъ платежемъ красенъ. На первой же разъ вамъ спускается въ надеждѣ исправленія.

2.

‡ Пенза, 10-го Декабря 1818.

Письмо, а въ слѣдъ за тѣмъ чрезъ двѣ почты и книгу, я получилъ; предваряю васъ, любезнѣйшая Вѣра Яковлевна, что вы разоритесь, если такіе дѣлать будете подарки; по крайней мѣрѣ дѣлайте ихъ только мнѣ, а болѣе никому. Видите, что совѣты мои начинаютъ быть не совсѣмъ безкорыстны. Изданіе прекрасное и почти великолѣпное. Хотя книгу я знаю почти наизусть, но теперь буду ее читать съ новымъ удовольствіемъ и по добротѣ ея, и по воспоминанію.

Поздравлять-ли мнѣ васъ съ Англичанкой? Какъ часто этотъ родъ людей перемѣняется! Дай Богъ, чтобъ ваша была неизмѣнною. Въ прочемъ я никакъ не могу согласиться, чтобъ съ вашими дѣтьми надобно было очень много имѣть терпѣнія. Это вопіющая несправедливость. Ихъ надобно только любить; а это совсѣмъ не трудно. Вы улыбнетесь: *mais j'ai maqué ma vocation* ²⁾: мнѣ бы надобно было быть нянею, а совсѣмъ не губернаторомъ.

Какъ Елисавета счастлива! Вообразите, что здѣсь ни одного еще не было балу. Да и давать некому: городъ пустъ. Виноватъ: былъ балъ, но по счастью я былъ не здоровъ и потому единственно не угорѣлъ,

¹⁾ Вѣроятно это отецъ извѣстнаго потомъ въ Петербургѣ врача Отсолиха. П. Б.

²⁾ Т. е.: я не послѣдовалъ моему призванію. Какъ ошибался Сперанскій въ самомъ себѣ! П. Б.

какъ всѣ прочіе. Собраніе наше еще не открылось. Не находите ли вы страннымъ, что я пишу къ вамъ о Пензенскихъ новостяхъ? Но чтò дѣлать: мѣсто всегда болѣе или менѣе опредѣляетъ наши понятія.

Прощайте, любезнѣйшая Вѣра Яковлевна, благодарите за воспоминанія почтеннѣйшаго вашего батюшку и поцѣлуйте за меня вашу Машиньку и Надиньку. Говорите имъ иногда обо мнѣ, чтобъ они меня не забыли. Примите свидѣтельство моего искреннаго, дружескаго почитанія и преданности. М. Сперанскій.

3.

Пенза, 15-го Апрѣля 1819.

Вмѣсто свиданія съ вами, любезнѣйшая Вѣра Яковлевна, въ Москвѣ, вмѣсто дружескаго утѣшенія, коего столь долго ожидалъ, я долженъ симъ письмомъ проститься съ вами, разлучаясь на долгое, неопредѣленное время. Если бъ я имѣлъ и самое упрямое сердце: то обстоятельства смягчили бы его и приучили покоряться Провидѣнію. Не буду вамъ описывать, какъ горестны мнѣ были первыя впечатлѣнія. Теперь мрачныя мои мысли мало-по-малу проясняются. По счастью, Елисавета приняла сію вѣсть не съ самой мрачной стороны; а вы знаете: я все чтò чувствую въ ней, все отношу къ ней и къ малому числу друзей моихъ.

Прощайте, любезная Вѣра Яковлевна, вспоминайте иногда обо мнѣ; твердите любезнымъ дѣтямъ вашимъ, что тамъ, за Уральскими горами, они имѣютъ и всегда будутъ имѣть во мнѣ друга искренно ихъ любящаго. Съ какимъ удовольствіемъ обойму я ихъ, когда велитъ мнѣ Богъ съ того свѣта возвратиться! Надежда во всѣхъ превратностяхъ моей бурной жизни никогда меня не оставляла; надѣюсь, что и нынѣ не оставитъ. Прощайте, желаю вамъ всѣхъ небесныхъ утѣшеній. Желалъ бы радостей, но онѣ здѣсь почти невозможны. Прощайте, цѣлую ваши руки. Вамъ душевно преданный Сперанскій.

Бездѣлки вашей для меня важной еще не получилъ. Это будетъ весьма пріятное мнѣ воспоминаніе въ Сибири.

4.

С.-Петербургъ, 22 Сентября 1822.

Сколько происшествій и горестныхъ, и радостныхъ съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ я бесѣдовалъ съ вами, любезная Вѣра Яковлевна! Къ числу горестныхъ я отношу и то облачко, которое навалилось на вашу ко мнѣ дружбу и довѣріе. По счастью оно скоро разсѣялось; обстоятельства сами меня предъ вами оправдали, и все прояснилось по прежнему. Мнѣ остается только благодарить Господа. Елисавета моя счастлива, и я могу сказать съ признательностью: нынѣ отпуцаеши владыко, раба твоего по глаголу твоему съ миромъ.

Они *) отправляются отсюда въ будущій Вторникъ, 26-го сего мѣсяца. Черезъ семь дней, то есть около 3-го Октября, вѣроятно будутъ въ Москвѣ. Въ Елисаветѣ увидите вы мою живую грамоту; вѣрьте всему, что она вамъ скажетъ о искренней къ вамъ дружбѣ. Она желала у васъ остановиться; но положеніе мое съ Григор. Дан. Сталыпинымъ и разныя соображенія будущаго убѣдили меня не только присовѣтовать, но и приказать ей у него остановиться. Вы легко сіе поймете и меня предъ собою оправдаете. Примите увѣреніе въ искренней моей привязанности и почитаніи. Господь да будетъ съ вами!

5.

С.-Петербургъ, 14-го Ноября 1822.

Давно надлежало мнѣ писать къ вамъ, любезная Вѣра Яковлевна, благодарить васъ и за письмо, и за Елисавету. Вы дали ей понятіе, представили въ лицахъ, какъ вести жизнь христіанскую въ семействѣ, соединять духовное съ житейскомъ, быть благочестивою безъ угрюмости и молиться безъ странностей. Господь благословилъ ваши желанія и мои надежды; все мнѣ предвѣщаетъ въ ней добрую мать семейства и душу преданную Господу. Она прошла въ короткое время много испытаній и получила въ нихъ вѣрныя залого милостей Господнихъ.

Гдѣ вы будете нынѣшнею зимою? Не собираетесь ли куда весною? Мнѣ нужно ваше будущее, чтобъ исчислить всѣ вѣроятности свиданія, или по крайней мѣрѣ знать, куда къ вамъ писать. Пишите иногда ко мнѣ, то-есть тогда, какъ придетъ вамъ желаніе кануть каплю утѣшенія и доброй бесѣды на душу суетами и заботами обложенную, но всегда искренно вамъ преданную. Господь да будетъ съ вами!

*

Сперанскій говорилъ про императора Александра Павловича, что онъ „сущій прельститель“. Тоже могли говорить и про Сперанскаго его знакомые и лица, находившіяся съ нимъ въ сношеніяхъ, какъ, между прочимъ, свидѣлствуютъ выше и достопочтенный Г. Н. Александровъ. У мягко стелищихъ жестко спать. Это испытала и единственная дочь Сперанскаго, насильно выданная имъ за богача, родственника Кочубеевъ. Когда написана будетъ безпристрастная біографія Сперанскаго, обнаружится, вѣроятно, что былъ онъ „сущій себялюбецъ“, а государственное значеніе его во многомъ было зловредно. П. Б.

*) Т. е. молодые Багреевы, дочь и зять Сперанскаго. П. Б.

ПОЛОЖЕНІЕ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКВЕЙ ВЪ КОНСТИТУЦИОННЫХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ *).

Не будучи юристомъ, я не знакомъ ни съ исторіей, ни съ принципами новѣйшихъ Европейскихъ конституцій, послужившихъ образцомъ для конституцій, дѣйствующихъ въ Греціи, Румыніи, Сербіи и Болгаріи. Въ качествѣ церковнаго историка я могу говорить лишь о томъ, какъ отражаются эти конституціи на церкви и на церковной жизни.

Во всѣхъ православныхъ государствахъ, обзаведшихся конституціями, проглядываетъ въ разныхъ степеняхъ и съ разными оттѣнками склонность къ превращенію мѣстной церкви въ чисто-національное учрежденіе не въ томъ только смыслѣ, что кругъ ея дѣятельности ограничивается предѣлами государства (съ запрещеніемъ всякихъ сношеній съ другими православными церквами, безъ разрѣшенія правительства), но и въ томъ, что она въ своемъ устройствѣ, управленіи и всей своей дѣятельности въ качествѣ спеціального учрежденія, призваннаго служить удовлетворенію религіозныхъ потребностей народа, должна находиться въ полной зависимости отъ народной воли и подъ постояннымъ и неослабнымъ контролемъ народнаго представительства, подобно другимъ народнымъ учрежденіямъ, вѣдающимъ другія потребности народа, напр. его финансы, средства государственной обороны и пр. Особенности ея, опредѣляемыя ея происхожденіемъ, ея назначеніемъ въ мірѣ, ея исторіей, и рѣзко выдѣляющія ее изъ ряда обыкновенныхъ чисто-національныхъ учреждений, хотя въ конституціонныхъ хартіяхъ и отмѣчаются, но на дѣлѣ или совершенно забываются, или принимаются въ соображеніе только въ области *догматовъ*, т. е. такой, которая не имѣетъ непосредственнаго жизненнаго примѣненія и значенія и слѣдовательно нисколько не стѣсняетъ хозяйничанья народнаго представительства въ практической церковной сферѣ.

*) Записка эта писана въ 1884 году извѣстнымъ (нынѣ уже скончавшимся) профессоромъ Петербургской Духовной Академіи П. Е. Троицкимъ, глубокимъ знатокомъ церковныхъ дѣлъ Православнаго Востока.

Благодаря этому, старинное, установившееся въ православномъ мірѣ воззрѣніе на церковь, какъ на союзницу государства въ сферѣ нравственныхъ интересовъ общества, мало-по-малу замѣняется западнымъ воззрѣніемъ на нее, какъ на опасную соперницу государства, которую въ интересъ послѣдняго не только не слѣдуетъ поддерживать и укрѣплять, а напротивъ нужно всячески и на всѣхъ пунктахъ ослаблять, чтобы сдѣлать ее безвредною для себя.

Въ силу этого воззрѣнія, конституціонными правительствами примѣняются къ православнымъ церквамъ тѣ же приемы, какія примѣняются на Западѣ къ католической церкви правительствами, ведущими съ нею такъ называемую культурную борьбу, именно они стараются довести до минимума ея дѣятельность и вліяніе въ семьѣ, школахъ и общественной жизни (изъ государственной сферы ея вліяніе давно уже вытѣснено) и замѣнить дѣятельностью и вліяніемъ правительства. А такъ какъ во главѣ правительства нерѣдко оказываются лица, зараженные западнымъ невѣріемъ, смотрящія на вѣру, какъ на суевѣріе, задерживающее успѣхи прогресса, а на церковь, какъ на главный оплотъ этого суевѣрія и слѣдовательно какъ на главную препону для прогресса: то постепенное вытѣсненіе дѣятельности и вліянія церкви изъ указанныхъ сферъ для правителей этой категоріи служить подготовительною ступенью къ совершенному вытѣсненію церкви и представляемыхъ ею религіозныхъ интересовъ изъ народной жизни. Съ этою цѣлію въ нѣкоторыхъ государствахъ (напр. въ Греціи) вакантныя мѣста въ высшей церковной іерархіи не замѣщаются по нѣскольку лѣтъ; въ другихъ (напр. Румыніи) они систематически замѣщаются или совершенно необразованными людьми, невѣжественными монахами разныхъ монастырей, или лицами съ запятанной репутаціей, чтобы уронить въ глазахъ народа ихъ санъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло, которому они служатъ, или намѣренно поощряется въ нѣкоторыхъ представителяхъ церкви облеченныхъ даже епископскимъ саномъ религіозное вольномысліе во вкусъ Ренана и Штрауса, и виновные берутся подъ защиту отъ каноническаго взысканія со стороны церковныхъ властей (въ той же Румыніи); въ другихъ (въ Греціи и Сербіи) до послѣдней степени связывается свобода дѣйствій епархіальныхъ архіереевъ въ выборѣ кандидатовъ на разныя церковныя должности и наблюденія за ними; во всѣхъ государствахъ намѣренно ничего не дѣлается для улучшенія матеріальнаго положенія духовенства изъ опасенія усилить его нравственное вліяніе, и отказываютъ въ кредитѣ на учрежденіе школъ и возвышеніе уровня образованія духовнаго юношества по той же причинѣ.

Слѣдствіемъ такой политики является матеріальное и нравственное приниженіе и безсиліе православныхъ церквей во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, религіозный индифферентизмъ въ образованныхъ классахъ общества, охлажденіе религіознаго чувства и упадокъ нравственности въ народѣ. И ни въ чемъ принципиальное разногласіе между представителями церкви и правительства не сказывается такъ рельефно, какъ во взглядахъ на эти явленія въ народной жизни. Въ то время какъ представители церкви со скорбію указываютъ на эти явленія правительству, какъ на опасныя не только для церкви, но и для государства, и аргументируютъ къ необходимости поднятія значенія и вліянія церкви для успѣшной борьбы съ ними: невѣрующіе члены правительства подсмѣиваются надъ этой аргументаціей, радуясь въ душѣ этимъ явленіямъ, какъ счастливому результату своихъ антирелигіозныхъ и антицерковныхъ усилій и симптому близкаго и окончательнаго торжества надъ суевѣріемъ и его защитницею, церковью. И если этотъ процессъ обезвѣренія и деморализаціи народа пойдетъ дальше, то церкви окажутся ненужными, такъ какъ въ народѣ не окажется потребностей, для удовлетворенія которыхъ онѣ существуютъ, и ихъ будутъ закрывать по опредѣленію народныхъ собраній, какъ это было напр. во Франціи въ 1793 году. А это и составляетъ конечную цѣль желаній и стремленій новѣйшихъ цивилизаторовъ какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ.

Мы Русскіе заинтересованы въ предотвращеніи такой печальной случайности не по церковнымъ только, но и по политическимъ причинамъ, не потому только, что, благодаря вышеизложенной политикѣ конституціонныхъ правительствъ IX-й членъ Символа Вѣры для цѣлой группы православныхъ церквей можетъ сдѣлаться историческимъ преданіемъ, но и потому, что наше церковное единство съ этими церквами, а чрезъ нихъ и съ народами, служить въ настоящее время единственною оставшеюся у насъ историческою связью съ ними. Конституціи, связавшія эти государства съ Западной Европой, создали Китайскую стѣну между ними и нами. Никакія самообольщенія на этотъ счетъ невозможны. Если бы мы и хотѣли оставаться при старыхъ иллюзіяхъ, то эти иллюзіи безопадно и на каждомъ шагу разбиваются о явленія дѣйствительной жизни. вмѣстѣ съ конституціями наши едиповѣрцы мало-по-малу усвоятъ себѣ и пренебрежительный взглядъ Запада на насъ, какъ народъ отсталый въ культурномъ отношеніи. Для восточныхъ публицистовъ это такая же безпорная аксіома, какъ и для западныхъ, и они при всякомъ удобномъ случаѣ повторяютъ ее, кичась предъ нами своимъ культурнымъ превосходствомъ.

Единство церковныхъ учрежденийъ составляетъ узелъ, связывающій православные народы съ нами, какъ единство политическихъ учрежденийъ связываетъ ихъ съ Западомъ. Западные цивилизаторы и ихъ восточные послѣдователи въ составѣ конституціонныхъ правительствъ очень хорошо это понимаютъ и въ силу этого, направляя свои удары противъ своихъ церквей, направляютъ ихъ въ тоже время и противъ Россіи, посредствомъ ослабленія своихъ церквей имѣютъ также въ виду ослабить церковныя узы, связывающія ихъ страны съ Россіей и служащія проводникомъ ея вліянія на нихъ. Съ этою же цѣлію въ нѣкоторыхъ государствахъ (напр. въ Румыніи) косвенно поощряется пропаганда католичества и протестантства. Расчетъ прямой и вѣрный: чѣмъ больше будетъ пунктовъ и особенно въ религиозной сферѣ, связывающихъ православные народы и государства съ Западомъ, тѣмъ меньше останется такихъ, которые связываютъ ихъ съ Россіей, и слѣдовательно въ такой же мѣрѣ окрѣпнетъ связь съ первымъ, въ какой ослабѣетъ связь съ послѣднею. И если имъ удастся разрушить наше церковное единство съ этими народами, то Востокъ также герметически будетъ закрытъ для нашего вліянія, какъ и Западъ.

Такимъ образомъ нашъ интересъ требуетъ не допустить ослабленія нашихъ церковныхъ узъ съ Востокомъ и слѣдовательно требуетъ не только поддержанія, но и укрѣпленія мѣстныхъ православныхъ церквей относительно враждебныхъ имъ и намъ правительствъ, и для огражденія ихъ отъ насилія.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЛУНУ.

(Истинное происшествіе).

Повѣсть Анны Петровны Зонтагъ.

Послѣ двадцатилѣтняго отсутствія случилось мнѣ проѣзжать близъ села Мишенскаго ¹⁾, гдѣ въ молодости провелъ я столько веселыхъ дней. Я велѣлъ экипажу моему ѣхать въ городъ, отстоящій только въ трехъ верстахъ; тамъ располагалъ я пробить нѣсколько времени по дѣламъ моимъ, а самъ, свернувъ съ большой дороги, пошелъ по знакомой мнѣ тропинкѣ къ селенію. Все перемѣнилось, я ничего не узналъ, кромѣ церкви. Храмъ Божій, окруженный высокими березами, сіялъ прежнимъ своимъ величіемъ; но серсиновая ²⁾ дорога, насаженная отъ церкви къ барскому дому, не веда ни къ чему: старый домъ, гдѣ мы такъ весело жилали въ молодости, завалился; его разобрали и, поодаль, построили нѣсколько комнатъ для прикащика. На мѣстѣ стараго дома не замѣтно даже и слѣдовъ прежней жизни, а новый домикъ заглушенъ разросшимися огромными кустами серсина и Сибирской акаціи, которые заслонили совершенно видъ на городъ и на обширный лугъ. Старый лѣсъ вырубленъ, и на мѣстѣ его выросъ уже молодой; липовыя дороги въ саду, такъ чопорно подстриженныя, разрослись густымъ лѣсомъ; на широкомъ барскомъ дворѣ не видно было никого, кромѣ двухъ-трехъ старухъ, слѣдвшихъ, за прялками, у дверей избъ своихъ, стараго конюшаго, грѣвшагося на солнцѣ и безъ дѣла доживающаго вѣкъ свой, да нѣсколькихъ собакъ, охраняющихъ этихъ престарѣлыхъ жителей унылаго, опустѣвшаго уголка, нрежде столь шумнаго, столь веселаго. На мѣстѣ, гдѣ былъ прудъ, посѣяны огурцы, рассажена капуста, и ручеекъ, сорвавшій плотину, тихо, спокойно прокрадывается между грядъ; деревня переселена совсѣмъ на другую сторону, такъ что съ прежней

¹⁾ Слово *Мишенскаго* въ рукописи было зачеркнуто и потомъ снова написано рукою Жуковскаго, сверхъ строки. П. Б.

²⁾ Такъ въ рукописи. П. Б.

усадыбы ея и не видно. Я сошелъ подъ гору; снизу смотрѣлъ на Мишенское *) и не узналъ его; одна только церковь напоминала мнѣ старину. Я не встрѣчалъ ни одного знакомаго лица, на томъ мѣстѣ, гдѣ все было мнѣ столь знакомо! Всѣ прежніе друзья и товарищи исчезли, не оставя здѣсь и слѣдовъ своего пребыванія. Я посмотрѣлъ на опустѣвшее мѣсто прежняго дома, потомъ на церковь и подумалъ: «человѣкъ яко трава, дни его, яко цвѣтъ сельный; тако оцвѣтеть: яко духъ пройдетъ въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего! Милость же Господня отъ вѣка и до вѣка на боящихся Его».

Мнѣ хотѣлось видѣть кого-нибудь, чтобы разспросить о теперешнихъ владѣльцахъ села Мишенскаго. Я взошелъ опять на гору и пошелъ къ околицѣ, куда тянулись тяжелые возы со вновь убраннымъ сѣномъ. Я пошелъ за ними вслѣдъ и увидѣлъ за околицею барское гумно, вновь выстроенное. Возлѣ этого новаго гумна находилась развалившася кирпичная рига, стоявшая прямо противъ кладбища, отъ котораго была отдѣлена глубокимъ оврагомъ, поросшимъ кустарникомъ. Почти на этомъ мѣстѣ встрѣтилъ я маленькаго, сѣдого старика, съ огромнымъ пузомъ, густыми бровями нависшими на маленькіе сѣрые глаза, съ расплющеннымъ носомъ и краснымъ лицомъ. По его походкѣ видно было, что онъ можетъ еще ходить бодро, не спотыкаясь, если не проглотить лишней чарки водки. Посмотрѣвъ пристальнѣе на пѣшехода, я узналъ въ немъ стариннаго нашего пріятеля, портного Максима Григорьева, служившаго камердинеромъ у бывшаго соученика моего В. А. Онъ постарѣлъ, но мало перемѣнился. Волосы его посѣдѣли, брюхо пораздулось, самъ онъ потолстѣлъ, нѣсколько посморщился, но все таже шутовская харя, все тотъ же безпокойный, торопливый взглядъ, все тотъ же багровый румянецъ. Есть люди закаленные противу лѣтъ, къ которымъ время едва касается въ быстромъ своемъ полетѣ; оно не шадитъ красоты, но гораздо милостивѣе къ безобразію. Оно почти не измѣняетъ его.

Я обрадовался Максиму Григорьеву и бросился къ нему навстрѣчу, восклицая: «Ты ли это, дружище Максимъ Григорьевичъ! Здорово ли поживаешь?»— «Слава Богу, сударь, вашими святыми молитвами. Покорно благодарю за привѣтъ и любовь. Все ли вы въ добромъ здоровьѣ?» отвѣчалъ мнѣ Максимъ Григорьевъ съ величайшею холодностію. Онъ проговорилъ эти слова какъ вытверженный наизусть урокъ, слегка приподнявъ картузь. Не дожидаясь моего отвѣта, онъ хотѣлъ удалиться, но я заслонилъ ему дорогу.— «Ты не узнаешь меня, пріятель?» спросилъ я. «Постой немного, поговоримъ о старинѣ.»

*) Было написано на М**, рукою Жуковскаго замѣнено словомъ *Мишенское*. П. Б.

Максимъ Григорьевъ остановился, осматривалъ меня со всѣхъ сторонъ, но никакъ не могъ узнать. Наконецъ, я принужденъ былъ сказать ему свое имя. Тутъ онъ изъявилъ мнѣ радость свою громкимъ смѣхомъ, восклицаніями, поклонами и нѣжными объятіями.

Послѣ первыхъ восторговъ и привѣтствій Максимъ Григорьевъ спросилъ: «Да какъ вы, батюшка сюда заѣхали?»—«Видишь ли, Григорьевичъ, я вышелъ въ отставку и ѣду въ деревню, которая отсюда верстахъ въ тридцати. Проезжая близко отсюда, мнѣ захотѣлось узнать о прежнихъ друзьяхъ молодости; вотъ я и забрелъ сюда!»—«Да о комъ узнать!» воскликнулъ Максимъ Григорьевъ; «здѣсь никого не осталось.»—«Гдѣ баринъ твой?»—«Онъ живетъ въ Петербургѣ, а меня отпустилъ на волю, со всѣмъ семействомъ, и мы всѣ живемъ въ городѣ. У меня пять человѣкъ дѣтей. Старикъ отецъ мой, о прошлой масленицѣ было три года, какъ скончался, царство ему небесное! а матушка еще здравствуетъ; дай ей Господи здоровья!»—«А кому досталось Мишенское?»—«Старшей барышнѣ; она вышла замужъ, почти всѣхъ дворовыхъ отпустила на волю, живетъ гдѣ-то на краю свѣта и уже лѣтъ пятнадцать какъ сюда не заглядывала.»—«Расскажи-ка мнѣ обо всѣхъ нихъ что знаешь, Максимъ Григорьевичъ. Вотъ, сядемъ здѣсь, подлѣ стѣны этой старой, развалившейся риги.»—«Что вы это, баринъ? Въ умѣ ли вы?» воскликнулъ Максимъ Григорьевъ. «Развѣ не видите, что уже день вечерѣетъ? Ну можно ли оставаться возлѣ развалинъ и противъ кладбища! Сохрани Господи, если насъ здѣсь застигнетъ ночь! Лучше пойдемте въ городъ; мы еще успѣемъ туда засвѣтло; а я дорогою расскажу вамъ, какія бѣды случились со мною отъ того, что я послѣ солнечнаго захода случился возлѣ этой самой развалившейся риги, вотъ на этомъ мѣстѣ, насупротивъ кладбища».

Я послушался Максима Григорьева. Мы пошли въ городъ, и вотъ что онъ рассказывалъ мнѣ дорогою о достопамятныхъ своихъ приключеніяхъ.

Вотъ изволишь видѣть, батюшка, баринъ мой уѣхалъ въ Петербургъ, а я остался круглымъ сиротою, съ женою и дѣтьми, съ стариками отцомъ и матерью, и переселился жить въ городъ. Но все таки сердце тянетъ на родину. Какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотреть. Я часто хожу въ Мишенское: здѣсь все мнѣ знакомо. Праздникъ ли, крестины ль, свадьба, или похороны, всякой зоветъ меня! А я не спѣсивъ: не хочу отказомъ огорчать добрыхъ людей; иду и къ послѣднему изъ мужиковъ, если позоветъ меня. Вотъ, однажды на праздникъ вешняго Николая, былъ я у старосты Ивана Ильина. Случись тутъ

также и кума его, которая, узнавъ, что я портной, просила меня придти къ ней въ сосѣднее село Собакино *), сшить кафтанчикъ сыну. Пошелъ я къ ней, оставя жену и старшую дочь у старосты Ивана Ильина. Въдѣ ты, баринъ знаешь, отъ Мишенскаго до Собакина версты съ полторы. Пошелъ-то я не совсѣмъ трезвый, однако сшилъ кафтанчикъ порядочно. Хозяйка за трудъ поднесла мнѣ добрую чарку водки; правда, еще прежде я выпилъ стакана съ два браги; кажется, не было отъ чего опьянѣть! День былъ Суботній. Вотъ, услышалъ я, что въ Мишенскомъ благовѣстятъ ко всеобщей; мѣшкать было нечего, я простился съ хозяевами и спѣшилъ возвратиться въ Мишенское къ женѣ и дочери. Хозяйка, на прощанье, принудила меня выпить еще стаканчикъ водки; хозяинъ заставилъ выпить другой за его здоровье, и я убѣждалъ, чтобы не принудили выпить и третьяго. Надобно было идти мимо барскаго гумна и этой самой развалившейся риги; кирпичи валялись по дорогѣ; я споткнулся на одинъ изъ нихъ, и бутылку прямо въ воду, хотя тутъ никогда ни бывало ни рѣки, ни озера, ни пруда, ниже лужицы. «Вотъ тебѣ на!» подумалъ я; «видно пришлось утонуть!» Однако, я старался плыть сколько силъ моихъ было; плыть, плыть, и кое-какъ доплылъ до берега; но какъ вы думаете, куда я вышелъ? На пустой, необитаемый островъ!

Пустился я ходить по острову; шелъ куда глаза глядятъ, но все было дико и пусто. Наконецъ, пришелъ къ необозримому болоту. Мѣсяцъ свѣтилъ ясно, ночь была свѣтла какъ день; я глядѣлъ направо, налево; передъ собою, за собою... нигдѣ не видно было ничего кромѣ непроходимаго болота.—«Ну пришлось мнѣ здѣсь околѣть какъ собаку!» подумалъ я. Присѣлъ на камень, который, на счастье мое, валялся среди болота, почесывалъ голову и думалъ думушку. Глядь я на мѣсяцъ... показалось мнѣ на немъ какое-то черное пятно. Я сталъ присматриваться... вижу пятно движется, спускается ниже, ниже—вдругъ, брякъ передо мною на землю, и смотритъ мнѣ прямо въ глаза. Чтожъ бы вы думали это было?... Превеличайшій орелъ! Никогда я такого и во снѣ не видывалъ. Посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ: «Здорово, Максимъ Григорьевичъ! Какъ ты, братецъ поживаешь?»—«Все слава Богу, батюшка, вашими святыми молитвами! Покорно васъ благодарю за привѣтъ и любовь, отвѣчалъ я, удивляясь, что орелъ говоритъ человѣческимъ голосомъ. «Все ли вы въ добромъ здоровьи, сударь?»—«Какъ зашелъ ты сюда, Максимушка?» спросилъ орелъ.—«И самъ не вѣдаю, батюшка!» отвѣчалъ я, «знаю только, что мнѣ очень бы хотѣлось поско-

*) Эти четыре слова написаны надъ строкою В. А. Жуковскимъ, равно и ниже названіи селъ, сначала зачеркнутыи, восстановлены имъ же. П. Б.

рѣе отсюда убраться!»—Тутъ разсказалъ я ему, какъ праздновалъ въ Мишенскомъ у старосты Ивана Ильина, какъ ходилъ въ село Собакино кроить мальчигу кафтанчикъ, какъ выпилъ тамъ лишнюю чарку водки, какъ, споткнувшись на кирпичъ, упалъ на сухомъ мѣстѣ въ воду, поплылъ и очутился на необитаемомъ островѣ и, наконецъ, какъ зашелъ въ болото, изъ котораго не могу выбраться.—«Максимъ Григорьевъ», сказалъ орелъ, подумавъ немного; «ты человѣкъ умный и трезвый; знаешь, что нехорошо напиваться до пьяна! Зачѣмъ же было ходить въ Собакино за лишнею чаркою? Развѣ тебя мало потчевалъ староста?.. Не хорошо, братецъ! Однако, за то, что ты человѣкъ добрый; за то, что ни ты, ни дѣти никогда не швыряли камушками ни въ меня и ни въ кого изъ моихъ, я помогу твоему горю. Садись ко мнѣ на спину и держись крѣпче за мою шею; я вынесу тебя изъ болота.»—«Ваше благородіе изволите шутить надо мною», сказалъ я; «слыханное ли это дѣло: ѣздить верхомъ на орлѣ!»—«Увѣрю тебя моею честью», отвѣчалъ онъ, положи правую лапу на грудь свою, «что я нисколько не шучу. Если ты не послушаешь меня, то придется тебѣ утонуть въ грязи. Развѣ ты не замѣчаешь, что камень, на которомъ сидишь, отъ тяжести твоего тѣла, часть отъ часу болѣе вязнетъ?»

И въ самомъ дѣлѣ, бывшій подо мною камень опускался все ниже и ниже! Я послушался орла. «Покорнѣйше благодарю ваше высокоблагородіе за ласку. Съ благодарностію принимаю ваше милостивое предложеніе», сказалъ я, вспрыгнувъ къ нему на спину и обѣими руками уцѣпился за его шею. Орелъ взвился подъ облака съ неизмовѣрною быстротою. Не зналъ я что онъ затѣвалъ, окаанный, надъ бѣдной моей головушкою. Мы все поднимались выше и выше. Думая, что орелъ не знаетъ дороги до моего дома, я сказалъ ему со всею возможною учтивостію (вѣдь мнѣ надобно же было противу него быть учтивымъ: я былъ совершенно въ его власти!); и такъ я сказалъ ему: «Хотя ваше высокородіе лучше меня изволите знать, что надлежитъ дѣлать, однако осмѣлюсь замѣтить, что если бы вашему превосходительству угодно было летѣть пониже, то мы спустились бы въ городъ Бѣлевъ, за Выркою, въ приходъ Петра и Павла, близехонько отъ моего домишка; тогда, сошедъ съ превосходительной спины вашей, я могъ бы принести вамъ всеніяжайшую мою благодарность».

«Нѣтъ, Максимушка!» отвѣчалъ орелъ; «я не такъ глупъ какъ ты думаешь. Развѣ не видишь ты, тамъ въ низу, двухъ человѣкъ съ ружьями? Неужели ты воображаешь, что я соглашусь быть подстрѣленнымъ въ угодность такого безмозглаго пьяницы каковъ ты?»—«Кѣдомъ бы тебѣ въ землю!» подумалъ я, но не сказалъ ни слова. Онъ все продол-

жалъ летѣть выше и выше, а я поминутно спрашивалъ: скоро ль мы опустимся? Но орелъ молчалъ. «Ваше высокопревосходительство, милостивый государь!» сказалъ я напоследокъ; «да куда же вы летите?»— «Молчи!» закричалъ орелъ, «это не твое дѣло!»—«Помилуйте, ваше высокопревосходительство! Какъ не мое дѣло? Да кто же сидитъ на спинѣ вашей? Какъ же мнѣ не спрашивать?» сказалъ я.—«Сиди смиренно и ни пикни!» крикнулъ орелъ.

«И куда бы вы думали мы залетѣли? Прямо на луну! Отсюда этого нельзя было видѣть; но, въ то время, въ нее воткнуть былъ серпъ, вотъ такимъ образомъ», говорилъ Максимъ Григорьевъ, рисуя своею палкою на пыли, покрывавшей дорогу, фигуру луны съ серпомъ.

«Я далеко залетѣлъ и очень усталъ!» сказалъ орелъ. «А кто васъ просилъ летѣть такъ далеко; ужъ, конечно, не я», сказалъ я; «развѣ я не умолялъ васъ, съ полчаса тому назадъ, чтобы вы спустились на землю?»—«Полно тебѣ врать!» сказалъ орелъ. «Слѣзай ка лучше со спины моей; я очень усталъ! Слышишь ли, Максимъ? Я тебѣ говорю: слѣзай проворнѣй! Посиди здѣсь, пока я отдохну!»—«Что ты это, отецъ мой, помилуй! Сѣсть на этотъ кругленькой шарикъ! Да я съ него скачусь и разобьюсь вдребезги!»—«А развѣ ты не можешь держаться за серпъ?» сказалъ орелъ.—«Не хочу я сидѣть на лунѣ, не хочу держаться за серпъ!» закричалъ я, осердившись. «Ахъ ты негодный обманщикъ! Не ты ли обѣщалъ спасти меня и отнести меня на спинѣ своей?»— «Нѣтъ, Максимъ!» отвѣчалъ орелъ съ величайшимъ хладнокровіемъ; «я только обѣщалъ вынести тебя изъ болота и сдержалъ слово. Если ты добровольно не сойдешь со спины моей, то мнѣ стоитъ только тряхнуть крыломъ, и ты полетишь книзу; но прежде нежели долетишь до земли, рассыплешься весь въ прахъ». Боясь, чтобы онъ на дѣлѣ не исполнилъ угрозъ своихъ, я сошелъ со спины орлиной и, кое-какъ, утѣвдился на лунѣ, придерживаясь за серпъ. Сидѣть на ней было холодно, какъ на льдинѣ.

«Теперь ты въ безопасности!» сказалъ орелъ, облетѣвъ вокругъ меня. «Прощай, Максимушка, другъ мой сердечный! Я оплатилъ тебѣ за проказы. Помнишь ли, прошлаго года, ты разорилъ гнѣздо мое на Васьковой горѣ!» (это была сущая правда); за то я посадилъ тебя на луну. Не разорй орлиныхъ гнѣздъ и не ходи кроить кафтанчиковъ дѣтямъ съ тѣмъ, чтобы пьянствовать».

«Итакъ, ты побиваешь меня здѣсь, мошенникъ!» вскричалъ я. Ахъ ты негодная скотина! Безжалостный злодѣй! Чтобы тебѣ провалиться

сквозь землю! Отсохни твой крючковатый носъ! Разорви тебя на маковья зерна! Раздуй тебя горой!» Я бранилъ, проклиналъ его, все напрасно. Онъ расширилъ огромныя свои крылья и, съ громкимъ смѣхомъ, полетѣлъ отъ меня прочь. Я кричалъ ему вслѣдъ; то ругалъ его, то умолялъ возвратиться; но онъ летѣлъ прочь, не слушая ни ругательствъ, ни просьбъ моихъ. Съ тѣхъ поръ я уже нигдѣ не встрѣчалъ его.

Вы можете себѣ представить жалкое мое положеніе, пока я сидѣлъ на лунѣ. Съ горя, принялся я голосить: «Родимый мой батюшка, родимая моя матушка, не видать вамъ больше вашего дѣтища!», говорилъ я, обливаясь слезами. «Другъ мой сердечной, жена моя возлюбленная, Аксинья Козминишна, оставаться тебѣ горькою вдовушкой! Дѣтушки мои милыя, осиротѣли вы бѣдныя! Головушка моя горькая, погибать тебѣ въ одиночествѣ! Кто накормить, кто напоить тебя? Кто приласкаетъ, кто пожурить тебя? Кто утѣшитъ живого, кто помянетъ мертвого? Кто закроетъ мои глазюшки, кто схоронитъ мои косточки?»... Вдругъ, на самой срединѣ луны отворилась дверь, съ такимъ ужаснымъ скрипомъ, какъ будто вѣкъ свой не была подмазана; и кто же вышелъ изъ этой двери? Тотъ самый человѣкъ, который живетъ пустыннокомъ на лунѣ и содержитъ въ ней свѣтъ. Я тотчасъ узналъ его по фонарю.

«Здравствуй Максимъ Григорьевичъ!» сказалъ онъ: «Какъ ты, братецъ, поживаешь?»—«Все слава Богу, отецъ мой, вашими святыми молитвами», отвѣчалъ я. «Покорно васъ благодарю за привѣтъ и любовь. Все ли вы въ добромъ здоровьѣ?»—«Какъ зашелъ ты сюда, Максимъ Григорьевъ?» спросилъ у меня лунный житель, который былъ тутъ одинъ-одинехонекъ, какъ пустынный, и потому я счелъ приличнымъ титуловать его какъ монаха. Я рассказалъ ему, какъ праздновалъ въ Мишенскомъ у старосты Ивана Ильина, какъ ходилъ въ Собакино кроить кафтанчикъ, какъ выпилъ тамъ лишнюю чарку водки; какъ, споткнувшись на кирпичъ, упалъ на сухомъ мѣстѣ въ воду, поплылъ и очутился на необитаемомъ острову; какъ забрелъ въ болото и какъ мошенникъ-орелъ, обѣщая спасти меня, посадилъ на луну.

«Максимъ!» сказалъ лунный житель. «Тебѣ здѣсь не мѣсто. Ступай, братъ, домой!»—«Я очень бы этого желалъ, ваше преподобіе, отвѣчалъ я, «да не знаю какъ отсюда выдраться!»—«До этого мнѣ нѣтъ нужды!» сказалъ онъ; «ступай какъ знаешь! Мое дѣло объявить тебѣ, что пьяницъ здѣсь не держутъ; изволь же скорѣе убираться!»—«Но, ваше высокопреподобіе», отвѣчалъ, я «вѣдь я вамъ не мѣшаю. Сижу себѣ смиренхонько и держусь за серпъ, чтобы не упасть.»—«Не трогай мое-

го серпа!» закричалъ лунный житель.—«Ваше преосвященство!» не во гнѣвъ милости вашей», сказала я; «не угодно ли вамъ будетъ впустить бѣднаго странника въ вашу келью, только переночевать? Я чаю васъ, здѣсь, не часто навѣщаютъ гости?»—«Мнѣ гости не нужны!» отвѣчалъ онъ; «не тронь моего серпа, Максимъ!»—«Говори себѣ что хочешь, а я серпа не выпущу изъ рукъ», сказала я съ досадою.—«Говорю тебѣ, не тронь моего серпа!» вскричалъ сердито лунный житель. «Таки вотъ, не слушаю тебя!» отвѣчалъ я, посмотрѣвъ на него съ презрѣніемъ; «ты хоть тресни съ досады, а я серпа не выпущу изъ рукъ.»—«Добро, увидимъ!» сказала лунный житель, повернулся ко мнѣ спиною и, ушедъ въ свою келью, такъ сильно захлопнулъ за собою дверь, что вся луна задрожала и чуть не свалилась вмѣстѣ со мною на землю.

Я готовился подраться съ луннымъ жителемъ, когда увидѣлъ, что онъ идетъ ко мнѣ съ топоромъ въ рукахъ, и, не сказавъ двухъ словъ, стукъ по сердцу топоромъ; ручка отскочила, и я полетѣвъ внизъ. «Прощай, Максимъ Григорьевичъ!» закричалъ онъ мнѣ въ слѣдъ. «Добрый путь, благодарю за посѣщеніе.» Я не имѣлъ времени отвѣчать ему; съ неописанною быстротою катился я по воздуху. «Господи, помоги мнѣ!» подумалъ я; «пропалъ я теперь!» Едва успѣлъ я это помыслить, какъ что-то подлетѣло ко мнѣ; глядь я... вижу стая дикихъ гусей; поднялись, видно, съ Вырки или Оки; иначе какъ бы имъ узнать меня. Старый гусакъ, летѣвшій впереди, вскричалъ: «Ты ли это, Максимъ Григорьевичъ?»—«Я, сударь, къ услугамъ вашимъ», отвѣчалъ я. «Здорово, братецъ! Какъ поживаешь?» сказалъ гусакъ. «Все слава Богу, сударь, вашими святыми молитвами», отвѣчалъ я; «покорно васъ благодарю за привѣтъ и любовь! Все ли вы въ добромъ здоровьѣ?»—«Ужъ не упалъ ли ты, Максимушка?» спросилъ гусакъ. «Да, сударь, какъ видите», отвѣчалъ я; «свалился прямо съ луны». Тутъ рассказалъ я ему, какъ праздновалъ въ Мишенскомъ у старосты Ивана Ильина, какъ ходилъ въ Собакино кроить кафтанчикъ; какъ выпилъ тамъ лишнюю чарку водки; какъ, споткнувшись на кирпичъ, упалъ на сухомъ мѣстѣ въ воду, поплылъ и очутился на необитаемомъ острову; какъ забрелъ въ болото, какъ мошенникъ-орелъ, обѣщавши спасти меня, посадилъ на луну, и какъ оттуда столкнулъ меня лунный житель. «Максимушка», сказалъ гусь, «я спасу тебя. Протяни руку и постарайся поймать меня за лапу, я принесу тебя на землю.» Охъ, ты ненаглядное мое сокровище! Отецъ ты мой родной! Кормилецъ мой! воскликнулъ я; хотя и думалъ, что на стараго гусака не должно полагаться, но не было другого средства къ спасенію. Я протянулъ руку, поймалъ гусака за лапу и полетѣлъ вмѣстѣ со стаею гусей, чинно и плавно.

Мы летѣли, летѣли, летѣли и прилетѣли къ пространному морю-океану. «Ваше сіятельство, милостивый государь!» сказалъ я гусаку (вѣдь я знаю, что порода гусиная свѣсива, и что съ ними должно обходиться со всею возможною учтивостію, когда не хочешь раздражить ихъ). «Ваше сіятельство! Прошу васъ сдѣлать милость отнести меня на землю.» — «Теперь это невозможно, любезный другъ,» отвѣчалъ гусакъ, держа меня крѣпко въ лапахъ своихъ. «Но ты увидишь землю какъ скоро мы перелетимъ черезъ море. Мы опустимся въ Аравію.» — «Въ Аравіи!» воскликнулъ я. «О, сіятельнѣйшій гусь: Да что жь я буду тамъ дѣлать? Вѣдь я тамъ пропаду!» — «Пустое!» отвѣчалъ гусь: «Аравія земля прекрасная, не хуже Тульской губерніи; только тамъ немножко по-теплѣе, да песку побольше, чѣмъ въ Козельской засѣвкѣ».

Во время нашего разговора, увидѣлъ я корабль, плывшій на всѣхъ парусахъ прямо подъ нами. «Ахъ, сіятельнѣйшій гусь!» вскричалъ я; «спустите меня на этотъ корабль. Сдѣлайте такую милость!» — «Мы летимъ еще не прямо надъ нимъ», отвѣчалъ гусакъ; «если я выпущу тебя изъ лапъ, то ты попадешь не на корабль, а въ море, и утонешь!» — «Нѣтъ, ваша свѣтлость, право не утону!» отвѣчалъ я. «Но въ этомъ дѣлѣ я опытнѣе тебя; смотри, берегись!» сказалъ гусакъ. — «Мы только попробуемъ!» возразилъ я; «вотъ, посмотрите. Корабль прямехонько подъ нами!»

«Ступай же куда хочешь, упрямая голова!» сказалъ гусакъ, разжалъ свои лапы и выпустилъ меня. Онъ былъ совершенно правъ: я попалъ не на корабль, а прямо на дно морское. «Теперь-то ужъ смерть моя неминуемая!» подумалъ я; не видѣть ужъ мнѣ свѣта бѣлаго!» какъ вдругъ преужасное чудовище, китъ-рыба подплыла ко мнѣ, остановилась противъ меня и смотритъ мнѣ прямо въ лицо страшными своими глазами, потомъ, не сказавъ ни одного слова, хлопъ огромнымъ своимъ хвостомъ по волнамъ, да такъ и залила меня водою съ ногъ до головы. такъ что не осталось на мнѣ ни одной сухой ниточки. Въ это самое время слышался мнѣ знакомый, ласковый голосочекъ, который говорилъ мнѣ: «Ну же вставай, негодный пьяница! Иди домой!» Я очнулся и увидѣлъ надъ головою свѣтлое небо со всеми яркими звѣздочками и знакомою мнѣ луною; возлѣ меня развалившуюся ригу, по правую сторону березовую рощу, по лѣвую оврагъ, а за нимъ кладбище; передо мною была околица, а надо мною стояла любезная супруга моя, Акси-нья Козминишна съ большимъ кувшиномъ воды, изъ котораго поливала меня съ ногъ до головы, какъ прекрасную розу».

«Ну же, вставай скорѣе!» говорила она; «нора намъ домой! Выбралъ мѣстечко гдѣ проспать хмѣль свой! Возлѣ господской развалив-

шейся риги и противъ самаго кладбища! Есть ли бы караульщикъ съ барскаго гумна не пришелъ сказать старостѣ, что мы здѣсь пьяный валяешься, я и не знала бы гдѣ искать тебя. Ну слыханное ли дѣло? Ночной порою, возлѣ развалинъ и противъ кладбища! И въ самомъ дѣлѣ, я упалъ въ воду, зашелъ на необитаемъ островъ, увязъ было въ болотѣ, попалъ къ орлу на спину, сѣлъ верхомъ на луну, очутился въ гусиныхъ лапахъ, леталъ по воздуху, попалъ на дно морское и былъ облитъ водою страшнымъ китомъ, отъ того только, что споткнулся возлѣ развалившейся риги, противъ кладбища. Съ тѣхъ поръ, сколько разъ ни случилось мнѣ быть пьяну, всегда старался я идти подальше отъ стараго, развалившагося строенія и отъ кладбища, а особливо отъ этой риги».

Такъ говорилъ Максимъ Григорьевичъ. Во время его разказа мы пришли въ городъ. У моста ожидалъ мѣня мой человѣкъ, чтобы указать квартиру, которую для меня завяли. Я пригласилъ къ себѣ Максима Григорьева и старался развѣдать отъ него что нибудь о прежнихъ друзьяхъ моихъ, жителяхъ села Мишенскаго; но все что онъ могъ сказать мнѣ, состояло только въ томъ, что многіе изъ нихъ померли, другіе разсѣяны по всѣмъ сторонамъ свѣта. Что бы ни дѣлалъ, что бы ни говорилъ Максимъ Григорьевъ, но рѣчь его невольно склонялась къ орлу и лунѣ, къ гусямъ и киту. Сказка его была хорошо вытвержена и совершенно наполняла всю его голову. Боясь подвергнуть его новымъ опасностямъ, я не поднесъ старому пріятелю моему ни вина, ни водки, но, давъ ему цѣлковый, велѣлъ проводить домой. Ночь была темна: онъ могъ бы сбиться съ дороги и вмѣсто своего дома попасть въ кабакъ, откуда, на полученный отъ меня цѣлковый, легко залетѣлъ бы опять не только на луну, но на Юпитеръ, Сатурнъ и даже Галееву Комету.

Принужденъ будучи, по дѣламъ моимъ, прожить нѣсколько дней въ Бѣлевѣ, я разобралъ мои бумаги и книги взятыя на дорогу. Между этими послѣдними мнѣ попалась одна Англійская, подъ заглавіемъ: *Fairy Legends and Traditions of the South of Ireland*, гдѣ нашелъ я повѣсть *Daniel O'Rourke*. Пробѣжавъ ее, я увидѣлъ въ ней всѣ похождения Максима Григорьева съ нѣкоторымъ, только, мѣстными перемѣнами. Откуда Ирландская сказка могла зайти въ голову Русскаго портного пьяницы? Вотъ чему я не могъ надивиться. Но когда умные люди идутъ по слѣдамъ умныхъ, то почему пьянымъ не идти въ слѣдъ за пьяницами? Путешественники всѣхъ націй, по сушѣ и морю, давно, одинъ за другимъ, пробѣгаютъ по земному шару во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ; описанія ихъ всѣ, болѣе или менѣе, сходны одно съ дру-

лимъ: тѣже земли, тѣже острова, тѣже горы, рѣки и проч... Если вслѣдъ за Англійскими мореходцами, оплывали вокругъ свѣта Русскіе мореплаватели; то почему вслѣдъ за Ирландскимъ пьяницею не полетитъ на луну Русскій пьяница, и почему не встрѣтитъ ему того же орла, тѣхъ же гусей и того же вѣта? Но если все это выдуманно Максимомъ Григорьевымъ, то и тогда дивиться нечему: великіе умы часто встрѣчаются. Сверхъ того Максимъ Григорьевъ провелъ счастливые годы жизни своей въ служеніи извѣстнаго писателя, къ которому часто собирались его пріатели, въ этихъ литературныхъ обществахъ читали и говорили о всякой всячинѣ. Можетъ статься, Максимъ Григорьевъ подслушалъ сказку о Данилѣ О'Руркѣ, присвоилъ себѣ его приключенія и рассказываетъ о нихъ встрѣшному и поперешнему. Его слушаютъ охотно, и всякой платитъ ему по возможности: иной деньгами, другой рюмкою водки; и то, и другое равно пріятно Максиму Григорьеву, ибо и то и другое доставляетъ ему возможность быть пьяну.

И сообщаю здѣсь это занимательное повѣствованіе въ той надеждѣ, что оно попадетъ на глаза котораго нибудь изъ Мишенскихъ друзей моихъ, которые всѣ помнятъ Максима Григорьева и, конечно, порадуются вмѣстѣ со мною тому, что онъ живъ еще и безвредно совершилъ столь далекое и любопытное путешествіе.

Одесса. I. 7. *).

*

Извѣстная дѣтская писательница Анна Петровна Зонтагъ (ур. Юшкова), на книгахъ которой воспитались цѣлыя поколѣнія Русскихъ людей, достойна обстоятельной біографіи. Любопытныя для того черты находятся въ „Уткинскомъ Сборникѣ“, въ ея письмахъ къ В. А. Жуковскому, недавно напечатанныхъ К. И. Гротомъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ (номера 96—133) и въ книгѣ ея внука Николая Гутманстала: *Das Leben Georg von Sonntags* (Laibach. 1903). Въ 1900 году въ Грацѣ дочь ея, Марья Егоровна Гутмансталь читала намъ по незаданной доселѣ рукописи большой рассказъ Анны Петровны о жизни и приключеніяхъ ея супруга. „Путешествіе въ Луну“ нашлось въ бумагахъ В. А. Жуковскаго и любезно передано въ „Русскій Архивъ“ его сыномъ. П. Б.

*) Т. е. А. З. (Анна Зонтагъ) по церковнымъ буквамъ-цифрамъ. П. Б.

ПРИНОШЕНІЕ ПРАХУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ПЕТРА ТРЕТЬЯГО.

Пою хвалы Петру, мнѣ истинной внушенны.
Но мнѣ ль великій столь описывать предметъ?
Дѣла божественны, хвалы его безсмертны!
И слава—памяти его вѣнецъ даетъ.

Подобно Ангелу, онъ сердцемъ, непричастнымъ
Злу, первый счастье далъ Россамъ ощутить;
Воспелъ лишь на престолахъ, далъ нову жизнь несчастнымъ:
Велѣньемъ узы ихъ печальны сокрушить.

Разрушилъ Тайную, оковы клеветаній,
Невинность жертвой злыхъ нерѣдко гдѣ была,
Обитель ужасовъ и мѣсто истязаній:
Безвременная смерть которыхъ стерегла!

Дворяне въ прахъ, въ тѣмѣ неволи пресмыкались
Съ временъ Россійскія державы бытія,
Воздвигнуты Петромъ! Свободой увѣнчались.
О сколь обильная излилась благъ струя!

Примѣромъ всѣмъ царямъ его изображаетъ
Достойный другъ его Великій Фредерикъ *)
О царь мой! Днесъ твой прахъ та сердцемъ лобызаетъ,
Которой благо все есть даръ щедротъ твоихъ!

Котора въ пеленахъ еще бывъ, навывкала
Отраду ощущать при имени твоемъ.
Обязанность къ тебѣ я съ жизнью пріяла,
И кончится она съ моимъ лишь бытіемъ!

Съ тобой родитель мой душею погребенный,
 Счастливый правотой и въ горестной судьбѣ;
 Хотя лѣтами онъ болѣзнью угнетенный,
 Не страшень гробъ ему—онъ вѣренъ былъ тебѣ!

Мнѣ мнится нѣкій гласъ.... Мнѣ слыше такъ вѣщаетъ:
 „Почіеть въ прахѣ Петрѣ, а въ Павлѣ днесъ живетъ!
 Въ его добротахъ онъ себя изображаетъ“.
 О Павелъ, нѣжности, любви его предметъ!

Когда родительскій сліяненъ прахъ съ слезами
 Въ достойно мѣсто былъ тобою принесенъ,
 Толико славными, примѣрными дѣлами,
 Не токмо смертные, Самъ Богъ былъ восхищенъ!

О ты, что въ вѣчности блаженной обитаешь,
 Тамъ, гдѣ Великій Петрѣ, преславный предокъ твой!
 Тамъ за дѣла свои награду получаешь!
 Оттоль прими ты гласъ сей слабый мой!

Анна Турчанинова.

*

Какое отношеніе имѣлъ къ Петру Третьему родитель повтессы, графъ Эльяптъ, мы не знаемъ. Не была ли она супругою секретаря Екатерины Великой, ген.-маіора Петра Ивановича Турчанинова? Въ Словарѣ Русскихъ писательницъ, составленномъ княземъ Н. Н. Голицынымъ (Молва 1857, стр. 394) перечислены стихотворенія Анны Алексѣевны Турчаниновой и сказано, что въ Брюсселѣ въ 1816 году напечатаны ея Записки: книжка, намъ неизвѣстная. П. Б.

Письмо Натальи Николаевны Пушкиной къ П. В. Нащокину.

(1841 или 1842).

Вчера читала я письмо ваше къ князю Вяземскому. Давно уже собиралась писать къ вамъ, чтобы долгое мое отсутствіе не совсѣмъ изгладило меня изъ памяти вашей. Тѣ строки, которыя касаются до меня, прочла я съ благодарностью и, одолевая лѣньность и другія тому подобныя препятствія, рѣшилась взяться за перо. Князь Вяземскій усердно принялся за ваше дѣло. Общая ваша дружба къ Пушкину, не говоря уже о собственныхъ вашихъ достоинствахъ, побуждаетъ его употребить всѣ старанія къ успѣшному исполненію вашего желанія. Съ моей стороны я отъ души готова служить вамъ и если мои слабыя старанія въ чемъ нибудь могутъ быть полезны, то прошу располагать мною, какъ искренне преданною вамъ. Мое пребываніе въ Михайловскомъ, которое вамъ уже извѣстно, доставило мнѣ утѣшеніе исполнить сердечный обѣтъ давно мною предпринятый. Могила мужа моего находится на тихомъ, уединенномъ мѣстѣ; мѣстоположеніе однакожъ не такъ величаво какъ рисовалось въ моемъ воображеніи; сюда прилагаю рисунокъ, подаренный мнѣ въ тѣхъ краяхъ. Вамъ однимъ рѣшаюсь симъ жертвовать. Я намѣрена возвратиться туда въ Маѣ мѣсяцѣ; если вамъ и всему семейству вашему способно перемѣщаться, то приѣзжайте навѣстить насъ. Прощайте, Павелъ Воиновичъ; напомните о мнѣ Вѣрѣ Александровнѣ, которую нѣжно цѣлую и вмѣстѣ всѣхъ дѣтей вашихъ. Желаю вамъ всѣмъ, съ новымъ годомъ, всякаго благополучія и провести праздникъ весело, забывъ всѣ горести и заботы. Сестра вамъ кланяется и изъясляетъ вамъ искреннюю свою преданность. Дѣти васъ также не забыли; всѣ они, слава Богу, здоровы и на мои глаза прекрасны. Старшіе берутъ нѣсколько уроковъ, говорятъ хорошо по-нѣмецки, порядочно по-французски и пишутъ и читаютъ на обоихъ сихъ языкахъ. Со временемъ они къ вамъ будутъ писать. Преданная вамъ отъ всего сердца

Наталья Пушкина.

Князь Вяземскій сейчасъ заходилъ ко мнѣ и велѣлъ вамъ объявить, что черезъ два или три дня будетъ вамъ отвѣчать на счетъ вашего дѣла.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ ВИКТОРА ИВАНОВИЧА БАРЯТИНСКАГО.

Братья Б.—Ихъ отецъ и няня.

Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ при канцеляріи главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ состоялъ чиновникъ по дипломатической части. Во время Крымской кампаніи эту должность исправлялъ нѣкто г-нъ Б., изъ Молдо-Валаховъ родомъ. Я его зналъ еще за нѣсколько лѣтъ до войны. Онъ жилъ въ Николаевѣ, былъ женатъ на уроженкѣ Придунайскихъ княжествъ, удивлявшей насъ, жителей провинціального города, своими причудливыми нарядами и изящными манерами. У нихъ были дѣти, два мальчика. Г-нъ Б. былъ небольшого роста, весьма скромный, тихаго нрава и въ Николаевскомъ обществѣ, преимущественно флотскіе офицеры, нерѣдко надъ нимъ подшучивали, и такъ какъ онъ былъ очень боязливъ, то изощрялись на разныя выдумки, чтобы его пугать и тревожить и безъ того слабые его нервы. Я помню, какъ, при возвращеніи его домой съ какого нибудь вечера, проведеннаго въ гостяхъ, дѣлали на него на улицѣ нападенія, даже у него на квартирѣ. Онъ все это выносилъ съ большимъ смирениемъ. Исполнялъ онъ безупречно свои служебныя обязанности, и у него красовалась на шеѣ Анна 2-й степени, которую онъ, кажется, рѣдко снималъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до осады Севастополя прибыли подростки уже его два сына, только что произведенные въ мичмана. Одному было на видъ не болѣе 18 лѣтъ, а другому около 17. Они были смуглы какъ ихъ родители и большая часть ихъ единоплеменниковъ; у нихъ были большіе темные глаза и черные какъ смоль волосы, и, какъ бываетъ часто съ жителями южныхъ странъ, въ молодыя лѣта, до извѣстнаго возраста, они были необыкновенно красивы.

Съ самаго поступленія на службу они попали въ составъ офицеровъ, гдѣ существовалъ прекрасный духъ военный и преданности своему долгу и отечеству. Это было для нихъ большимъ счастьемъ, и они вскорѣ сдѣлались исполнительными и лихими офицерами. Изъ этого видно, какъ важно для молодого человѣка, начинающаго службу, попасть

въ хорошую среду и какое вліяніе это имѣетъ на всю жизнь. Военная служба и особенно, могу сказать, служба во флотъ способствуетъ къ развитію чувства ответственности и къ выработкѣ характера.

Съ самаго начала осады они были назначены старшій на бастіонъ № 4-й, а младшій на Малаховъ курганъ къ адмиралу Истомину.

Ихъ отецъ, извѣстный до тѣхъ поръ своею боязливостью, хотя не было ему надобности по дѣламъ службы жить въ Севастополѣ, переехалъ туда, чтобы не разлучаться съ сыновьями. Онъ преодолѣлъ свою врожденную склонность къ страху и, можно сказать, преобразился. Это чудо совершила горячая его любовь къ дѣтямъ. Въ самыя тяжелыя времена осады онъ неотлучно жилъ въ Севастополѣ и старался встрѣчаться какъ можно чаще со своими сыновьями. Они оба отличались неустрашимостью и беззаветною отвагою. Старшій участвовалъ въ вылазкахъ, производимыхъ часто изъ 4-го бастіона на Французовъ. Въ одной изъ нихъ, кажется въ Ноябрь или Декабрь, подъ начальствомъ казацкаго полковника Головинскаго, охотники изъ пластуновъ и матросовъ напали ночью на Французскія траншеи. Схватка была самая кровопролитная. Наши взяли съ боя у непріятеля нѣсколько фальконетовъ, которые притащили въ бастіонъ. Въ этомъ дѣлѣ былъ взятъ въ плѣнъ Французскій офицеръ m-г Martin*), сильно и опасно раненый штыкомъ. Онъ мнѣ рассказывалъ потомъ, какъ, защищая до послѣдней крайности ввѣренныя ему орудія, онъ былъ схваченъ однимъ казакомъ, съ которымъ произошла у него самая отчаянная борьба. Ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ выпустить противника изъ рукъ. Сильно обхвативши другъ друга, они покатались въ совершенной темнотѣ на дно траншеи, гдѣ лежали тѣсно обнявшись и грызли другъ другу лицо. У Француза на лицѣ были слѣды (зубовъ казака, но и Martin при этомъ говорилъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ: *je crois avoir enlevé à ce diable de co-saque avec mes dents une bonne partie de son nez!*

Въ этой-то вылазкѣ находился также старшій изъ братьевъ В. и былъ тяжело раненъ. Его принесли въ городъ на перевязочный пунктъ, въ залу клуба, и я ходилъ его навѣщать. Онъ лежалъ на кровати; съ одной стороны сидѣлъ его отецъ, а съ другой стороны Русская няня, рѣшившаяся вмѣстѣ съ отцомъ оставаться при своихъ молодыхъ господодахъ, не такъ давно еще бывшихъ на ея попеченіи.

Рана была смертельная, пуля засѣла въ спинномъ хребтѣ. На второй день жаръ и бредъ были сильные, отецъ и няня не отходили день

*) Этотъ офицеръ былъ нѣсколько времени въ безнадежномъ состояніи, однакоже поправился и былъ отправленъ въ Одессу, гдѣ обиталъ на плѣннаго Русскаго офицера.

и ночь. Молодой В. въ ужасныхъ страданіяхъ метался, глядя на нихъ съ расширенными зрачками, съ трудомъ выговаривая невнятные слова; вскорѣ пришла агонія, и онъ скончался. Никогда не забуду этой картины, отца и няни съ любовью на него смотрѣвшихъ и съ неимоверною грустью слѣдившихъ за его уходящею жизнью.

Но оставался другой сынъ, который казался совершеннымъ ребенкомъ. Онъ ознаменовалъ себя вскорѣ необычайнымъ подвигомъ на Малаховомъ курганѣ. Упавшая внутрь бастиона бомба катилась прямо къ отверстію одного изъ пороховыхъ погребовъ, и каждую секунду можно было ожидать страшнаго взрыва. Нисколько не колеблясь, онъ схватилъ ведро съ водою, побѣжалъ за бомбой и залилъ горящій ея фитиль. Онъ тутъ же получилъ Георгіевскій крестъ.

Въ другой разъ былъ съ нимъ странный случай. Онъ ѣхалъ верхомъ съ порученіемъ отъ адмирала Истомина, съ Малахова кургана въ городъ: ему приходилось переѣзжать черезъ мостъ, устроенный поперекъ южной бухты и состоявшій изъ досокъ положенныхъ на палубы мелкихъ судовъ флота, бриговъ, шкунъ и пр. Ѣхалъ онъ въ темную ночь и въ страшную бурю. Вдругъ, доска ли опрокинулась, или лошадь отъ сильнаго вѣтра потеряла равновѣсіе, но онъ упалъ съ самаго верха мостковъ въ море. Я не помню, осталась ли лошадь на верху, или упала съ нимъ. Очнувшись въ водѣ, онъ поплылъ на видѣнный имъ огонь; оказалось, что огонь былъ на Павловской батарее, огромномъ трехэтажномъ зданіи, стоявшемъ на углу южной и корабельной бухтъ. Когда онъ былъ уже близко отъ берега и начиналъ терять силы, онъ услышалъ голосъ его спрашивающій. Это былъ часовой на берегу, который, слыша въ темнотѣ челоуѣка прямо плывущаго къ батарее, недоумѣвалъ, что такое могло быть, и окликалъ его согласно полученнымъ имъ инструкціямъ. Онъ уже готовился стрѣлять, когда услышалъ слово «свой». Побѣжали люди и вытащили В. на берегъ. Извѣщенный о томъ командиръ батареи, Павелъ Петровичъ Сницынъ, узналъ молодого В., принялъ его у себя, напоилъ чаемъ и горячими напитками и велѣлъ растирать его спиртомъ, чтобы согрѣть ооченѣвшіе его члены.

Мичманъ В. остался цѣлъ и невредимъ до конца осады.

Впослѣдствіи онъ покинулъ морскую службу и перешелъ на Кавказъ въ пѣхоту. Сдѣлавъ блестящую карьеру въ сухопутныхъ войскахъ, онъ командовалъ дивизіей въ томъ же Севастополѣ, гдѣ такъ славно началъ свою службу. (Писано въ 1888 году).

НАКАНУНЪ ПОСЛѢДНЕЙ НАШЕЙ ВОЙНЫ СЪ ТУРЦІЕЙ И ВЪ ТЕЧЕНІИ ОНОЙ.

Три письма одного изъ государственныхъ дѣателей
къ своему сослуживцу.

I.

4 Сентября 1876.

Чтобы дать отвѣтъ на ваше письмо и объяснить все то, что, кажется, ускользаетъ отъ вашего вниманія, мнѣ нужно было бы исписать нѣсколько листовъ, и тогда, быть можетъ, вы поняли бы, что въ моемъ образѣ дѣйствій въ отношеніи печати, нѣтъ ни той «мелкой войны», ни той «канцелярской точки зрѣнія», о которыхъ вы говорите, а есть твердое намѣреніе не дозволить вашимъ protegés безпрестанными порицаніями начальствующихъ лицъ распалять еще болѣе общее неудовольствіе въ Россіи и растлѣвать армію, возстановляя солдата противъ его начальника, не исключая и лицъ, руководящихъ войною. Какъ бы ни былъ великъ ропотъ той легкомысленной среды, которая жаждетъ такихъ статей, какія ей въ угоду подносятъ газеты: все-таки вредъ отъ этого ропота будетъ для правительства ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ, который подобными статьями нараждается, такъ какъ именно имъ слѣдуетъ приписать распространившійся уже слухъ о томъ, что Москва готовить адресъ, въ которомъ она требуетъ смѣны главнокомандующихъ.

Вамъ противъ сего лишь приходится ратовать, а не забавляться *мелочной травлею*, основанной на узкомъ канцелярскомъ взглядѣ, какой она вамъ представляется.

Преданный вамъ (N.N.).

2.

9 Декабря 1876.

Вполнѣ понимаю, что безобразіе, происшедшее 6-го числа у Казанскаго собора, васъ взволновало, такъ какъ одни лишь слѣпые или

умышленно зажмуриваюшіе глаза не видятъ значенія подобныхъ выходовъ, въ которыхъ дерзость соперничаетъ съ глупостью. Я вполне согласенъ съ вами, что подобныя дѣла должны быть немедленно разслѣдованы, и карательныя административныя мѣры приняты безотлагательно. Въ этомъ смыслѣ и рѣшено поступить въ настоящемъ случаѣ, не прибѣгая однакоже къ педагогическимъ средствамъ.

Какъ ни прискорбна выходка 6-го Декабря, она, смѣю думать, принесетъ свою долю пользы тѣмъ, что отрезвить всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ, что можно безнаказанно волновать народныя страсти, хотя бы и съ патріотическою цѣлью, что могутъ пройти безслѣдно гулянья цѣлыми толпами по Москвѣ, манифестаціи у Иверскихъ воротъ, шумные проводы добровольцевъ на желѣзныхъ дорогахъ и т. п. Близорукіе или увлеченные Славянскими симпатіями радовались пробужденію народнаго чувства, не понимая важности его послѣдствій. Дай Богъ, чтобы пошлая демонстрація 6-го Декабря открыла кому слѣдуетъ глаза и заставила бы понять, что съ нашимъ образомъ правленія и низкимъ уровнемъ развитія общества правительство, и лишь одно правительство, должно стоять во главѣ всякаго движенія, а не становиться въ хвостъ его. Прошу извиненія за этотъ поздній отвѣтъ; но вчера кромѣ страшнаго накопленія дѣлъ были и домашнія заботы по случаю болѣзни старшаго сына.

Искренно васъ уважающій (N.N.).

29 Іюля 1877.

Письмо ваше отъ 27 Іюля написано подъ впечатлѣніемъ такого душевнаго волненія, которое я не вполне себѣ объясняю. До чего мы дошли! восклицаете вы. Признаюсь, я не вижу, чтобы тѣ неудачи, которыя мы потерпѣли уже, ставили насъ въ отчаянное положеніе. Все это поправимо. Ни одна война еще не обходилась безъ частныхъ неудачъ, и я даже надѣюсь, что эти уроки послужатъ намъ въ пользу тѣмъ, что менѣе будемъ развѣшивать уши, слушая пустыя бредни нашихъ безсмысленныхъ шовинистовъ и съ меньшимъ пренебреженіемъ будемъ относиться къ противнику. Выходки шальной храбрости Барановыхъ и К^о всѣмъ вскружили голову. Пора отрезвиться и понять, что подобными фиглярствами великія дѣла не совершаются. Вамъ извѣстно, что я ни одной минуты не увлекался легкомысленнымъ сочувствіемъ къ настоящей войнѣ и теперь всечасно скорблю о проливаемой Русской крови за достойныхъ презрѣнныя Болгарь, предательски дѣйствующихъ по отношенію къ намъ и отъ которыхъ спасба мы никогда не услышимъ. Я не переставалъ говорить, гдѣ могъ, о трудно-

стяхъ, съ которыми намъ предстоитъ бороться, предпринимая эту безцѣльную войну, объ опасности для Россіи въ подобномъ донкишотизмѣ. А между тѣмъ тѣхъ изъ насъ, которые судили здраво и трезво, сознавая всю важность для Россіи послѣдствій войны, обзывали въ извѣстной средѣ бездушными, не-Русскими, антипатріотами и не доросшими до великихъ Славянофильскихъ воззрѣній, тогда какъ они были трезвѣе и дальновиднѣе, ставя интересы Россіи выше интересовъ ничтожныхъ Болгаръ и тому подобной швали.

Положеніе наше въ настоящую минуту, какъ внутри Россіи, такъ и за границею, неоспоримо дурно; но отчаеваться, слава Богу, еще нѣтъ основанія. Что же касается возвращенія Государя и Великихъ Князей въ настоящую минуту, то оно, по моему мнѣнію, немислимо и произвело бы какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ самое ужасное впечатлѣніе.

Искренно вамъ преданный (N.N.).

*

Къ несчастію Россіи, справедливость этихъ опасеній подтвердилась оконченною Берлинскимъ конгрессомъ тогдашнею войною нашей. Она ослабила и разорила насъ, что и было цѣлю Англій. Втянуть Россію въ эту войну помогали тайно и два соседнія съ нами государства. Покойный канцлеръ князь Горчаковъ, прочитавъ ту часть Исторіи Россіи С. М. Соловьева, гдѣ изложена дипломатическая игра передъ первою Екатерининскою войною съ Турками, сказалъ автору, что если бы онъ прочелъ эту книгу раньше, то повелъ бы дѣла иначе: Фридрихъ Второй и Кауницъ повторились для насъ въ XIX столѣтіи. (Слышано отъ С. М. Соловьева). Подобныя вышеприведеннымъ предостерегательныя письма князя П. А. Вяземскаго будутъ конечно со временемъ напечатаны. П. Б.

ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ ВРАЧАМЪ ВЪ МОСКОВСКОЙ РУСИ.

Вся медицинская часть въ Россіи въ XVII столѣтіи была объединена дѣятельностью Аптекарскаго Приказа. Въ вѣдѣніи этого учрежденія находились всѣ лица врачебнаго вѣдомства, начиная съ иноземныхъ докторовъ и кончая истопниками и сторожами. Только полковые врачи не всегда были подчинены Аптекарскому Приказу. По крайней мѣрѣ въ военное время воеводы по своему усмотрѣнію могли приглашать и увольнять лицъ медицинскаго званія.

Первое мѣсто въ Русской медицинѣ занимали иноземные врачи. Они получали очень большое жалованье и щедрые подарки. Русскіе врачи, изучавшіе медицину за границей, во всемъ приравнивались къ иноземнымъ врачамъ.

Иностраннымъ врачамъ и Русскимъ выученикамъ въ иностранныхъ университетахъ противопоставлялись лица, усвоившія основы врачебнаго искусства въ Россіи. Не смотря на то, что трудъ Русскихъ лекарей очень часто былъ не менѣе производительнъ, чѣмъ трудъ ихъ болѣе счастливыхъ иноземныхъ товарищей по дѣлу, они занимали только низшія медицинскія степени. Не легко мирились Русскіе врачи съ своимъ приниженымъ положеніемъ. Въ своихъ челобитныхъ они постоянно жалуются на то, что „оскорблены они передъ своею братією иноземными врачами“.

Русскіе врачеватели представляли собою чрезвычайно пеструю картину. Кромѣ лекарей, именуемыхъ въ иностранныхъ переводахъ хирургами, къ нимъ принадлежали цирюльники, костоправы, рудометы, гортанные мастера, окулисты, алхимики, „лекарскаго и аптекарскаго дѣла ученики“, „диптиляторы или водочные перепущики“, огородники, сторожа, истопники, „толмачи“ и, наконецъ, мастера часовыхъ дѣлъ.

Переводчики были необходимы Аптекарскому Приказу въ виду того, что иноземные врачи вслѣдствіе незнанія Русскаго языка вынуждены были „свои дѣла совершать черезъ толмачей“. Нерѣдко „толмачи“ посылались изъ Аптекарскаго Приказа въ другіе приказы, въ особенности въ Посольскій при пріемъ пріѣзжавшихъ въ Москву иностранцевъ *).

*) Матер. по Исторіи Медицины въ Россіи. Спб. 1882. № ч. 1414.

Зачѣмъ нужны были Аптекарскому Приказу часовыхъ дѣлъ мастера. остается невыясненнымъ.

Между различными категоріями медицинскаго персонала не всегда проводилась рѣзкая граница. Такъ, иноземные аптекаря часто приравнивались къ докторамъ. Въ одномъ царскомъ указѣ 1680 года повелѣвается послать въ полкъ къ князю Григорію Григорьевичу Рамодановскому „дохтура или аптекаря и лекарей“ ¹⁾. Это смѣшеніе аптекарей съ докторами могло обусловливаться тѣмъ, что занятія доктора и аптекаря очень часто совмѣщались въ одномъ лицѣ. По крайней мѣрѣ иноземные доктора нерѣдко изготовляли сами назначаемыя ими лекарства. Въ 1669 году окулистъ-иноземецъ Иванъ Молгарнъ подалъ челобитную, въ которой между прочимъ писалъ: „лечилъ твоихъ государевыхъ всякихъ чиновъ людей, которые многія лѣта слѣпы были и кривы и отъ всякихъ немощей... и за ту мою службишку что лечилъ твоихъ государевыхъ ратныхъ людей *своимъ лекарствомъ*, ничѣмъ не пожалованъ“ ²⁾.

Не дѣлалось также строгаго различія между Русскими лекарями и цирюльниками и костоправами. Такъ напр. Богданъ Неклюдовъ писалъ въ 1666 году въ Москву, что въ Борисо-Глѣбовѣ многіе ратные люди, получившіе въ бояхъ раны, „отъ тѣхъ ранъ померли безъ лекарствъ, потому что въ Борисо-Глѣбовѣ *цирюльника нѣтъ, и лечитъ ихъ некому*“.

Матеріальное положеніе Русскихъ лекарей не было одинаково; при существовавшемъ въ то время строѣ жизни оно обуславливалось не столько знаніями и заслугами врача, сколько благоволеніемъ къ нему людей вліятельныхъ и сильныхъ. Мы приведемъ нѣсколько выписокъ изъ книгъ Аптекарскаго Приказа, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Оружейной Палаты. Онѣ даютъ ясное представленіе о томъ, какъ вознаграждался трудъ различныхъ представителей медицины во вторую половину XVII вѣка.

Въ Аптекарскомъ Приказѣ въ росходной книгѣ нынѣшняго 170 году записано ³⁾.

Дохтуры по 250 рублевъ:

Андрей Энгельгартъ, Самойло Коллинсъ.

130 рублевъ: Левле Чиоинусъ.

По 60 рублевъ аптекари:

Крестьянусъ Аллеръ, Ондрей Игезениусъ. Алхимисты 60 рублевъ: Фрянецъ Саторъ.

На нынѣшней на 170 годъ 50 рублевъ Марко Юрьевъ.

Лекари 60 рублевъ Симонъ Зомеръ.

55 рублевъ Иванъ Албанусъ.

50 рублевъ Иванъ Островскій.

По 40 рублевъ Василей Ульфъ, Данило Фунгадиновъ, Артемей Назарьевъ.

30 рублевъ Юря Ягановъ.

По 20 рублевъ Елоръ Дяклеръ, Кирявъ Кутешель.

25 рублевъ толмачъ Иванъ Пшу, Цылюрникъ рубль Якушко Рамановъ, лекарскаго и костоправнаго дѣла ученики Федотко Васильевъ съ товарищи 19 человекъ. Государева

¹⁾ Моск. Арх. Оруж. Пал. Ап. Пр. № ч. 74.

²⁾ Москов. Арх. Мин. Юстиціи. Моск. ст. Столбъ 614 л. 282.

³⁾ Арх. Оруж. Пал. Опт. Пр. Д. № 34 (Мартъ, 1662 года).

имъ жалованья, денежные оклады по 5 рублей челоѣку на годъ, итого 95 рублей. Лекарского жъ дѣла ученики Оска Ермолинъ, Еиселко Климовъ, денежные имъ оклады по 2 рубля челоѣку на годъ. И всего дохтурамъ и аптекаремъ и алхимистомъ и лекаремъ и толмачу и цыдюрнику и лекарского и костоправного дѣла ученикомъ на нынѣшней на 170-й годъ Государева годового денежнаго жалованья по окладомъ ихъ дати 1349 рублей. А въ прошлыхъ годѣхъ Аптекарскаго Приказу дохтуромъ и аптекаремъ и алхимистомъ и лекаремъ Государево годовое денежное жаловане давано въ Мартъ мѣсяцъ, а деньги на жаловане въ Аптекарской Приказъ иманы изъ Приказу Большого Дворца, а во 168-мъ и во 169-мъ году на годовое жаловане Аптекарскаго Приказу дохтуромъ и аптекаремъ и алхимистомъ и лекаремъ деньги иманы изъ Приказу Большой Казны.

Есть нѣкоторыя указанія и на общую сумму денегъ, расходуемыхъ на жалованье лицамъ медицинскаго званія.

„Лѣта 172 г. Февраля въ 11 день царь Алексѣй Михайловичъ указалъ изъ приказу денежнаго сбора взять въ Аптекарской Приказъ денегъ 1286 рублей, 13 алтынъ, 4 деньги на кормъ дохтуру и аптекарямъ и алхимистомъ и часовому мастеру и лекаремъ и ученикомъ на Декабрь, на Генварь, на Февраль, на Мартъ мѣсяцы“.

Въ 1666 году было велѣно взять изъ Приказу Большой Казны въ Аптекарскій Приказъ денегъ 6811 рублей, 5 алтынъ, 2 деньги, а изъ Аптекарскаго Прика „задать тѣ деньги государево годовое жалованье и мѣсячный кормъ докторамъ и аптекарямъ и алхимистамъ и акулисту и часовому мастеру и лекарямъ и огороднику и Русскимъ лекаремъ и ученикомъ“ ¹⁾.

Если врачъ назначался въ походъ, то нерѣдко только часть денегъ выдавалась ему на руки, а другая часть выплачивалась его семьѣ. Такъ въ 1664 г. половина жалованья полковаго лекаря Василя Улѣа, а именно 2 руб., 1 алтынъ, 4 деньги, выдавались ежемѣсячно „на Москвѣ женѣ ево“ ²⁾. Тоже самое извѣстно намъ относительно лекаря Дмитрія Никитина, командированнаго въ 1666 году въ Кіевъ въ полкъ П. В. Шереметева ³⁾. Бывало и такъ, что часть денегъ выдавалась на руки лекарю, а другая тому лицу, которое онъ указывалъ; такъ въ 1667 г. лекарь Иванъ Грамонъ, находившійся на службѣ въ Бѣлгородѣ, просилъ выдавать часть своего жалованья лекарю Ягану Албанусу въ Москвѣ ⁴⁾.

Кромѣ жалованья многимъ врачамъ выдавались еще деньги „на дворовое строенье“ и отводилось „подъ дворъ мѣсто“ ⁵⁾.

Полковые лекари сверхъ жалованья получали еще „на подъемъ и на лошади“ отъ четырехъ до двадцати рублей каждый. Такъ въ 1664 г. по четыре рубля на подъемъ было выдано иноземнымъ лекарямъ Ивану Альбанусу и Василю Улѣу и лекарскому ученику Митькѣ Никитину, а въ 1666 г. по

¹⁾ Арх. Оруж. Пал. Опт. Пр. Д. № 100.

²⁾ Тамъ же № 118.

³⁾ Тамъ же № 136, см. тамъ же № 169.

⁴⁾ Тамъ же № 153.

⁵⁾ Тамъ же № 97.

стольку же было дано лекарямъ Федоту Васильеву и Дмитрію Никитину и ученику Давыдкѣ Оксентьеву „для Кіевской и Бѣлгородской службы“ ¹⁾.

Иногда врачамъ перепали также случайные доходы. Къ большимъ праздникамъ напр. и въ случаѣ удачнаго леченія они награждались подарками. Такъ по случаю рожденія у Алексѣя Михайловича сына Семена (1666 г.) рудомету Мартыну Михайлову, истопникамъ Аптекарскаго Приказа Петру Савинову и Дмитрію Иванову и шести сторожамъ было пожаловано „по сукну доброму человѣку“ ²⁾. Въ томъ же году было просто напросто велѣно „по-кормить и напоить довольно“ всѣхъ лицъ Аптекарскаго Приказа, „для того что они на праздникъ на Свѣтлое Воскресеніе видѣли его Государскія очи“ ³⁾.

Въ своихъ челобитныхъ они постоянно жалуются на то, что „оскудѣли они, одолжали великими долгами“, „платишкомъ ободрались“, „дровишекъ не на что кушитъ“ и т. д. ⁴⁾.

Лекарскій ученикъ Емелько Климовъ пишетъ въ своей челобитной (въ 1667 г.): „твоего государева жалованья мнѣ холопу твоему два рубля, да по-деннаго корму по полтора рубля на мѣсяцъ, а тѣмъ твоего великаго государя жалованьемъ мнѣ холопу твоему съ женишкою и съ дѣтишками прокормиться нечѣмъ. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, помилуй меня холопа своего для своей великаго государя службы, вели, государь, мнѣ своего государева годового жалованья и поденнаго корму прибавить, какъ тебѣ великому государю Богъ извѣститъ, что мнѣ холопу твоему будучи на твоей государевой службѣ, а женишкѣ моей и дѣтишкамъ въ домишкѣ, голодною смертью не помереть“ ⁵⁾.

Въ томъ же году лекаръ Сенька Ларионовъ, который, служа въ теченіи семи лѣтъ въ Бѣлгородѣ „всякую нужду и бѣдность терпѣлъ“, писалъ въ своей челобитной: „твоего, государь, денежнаго годового жалованья идетъ мнѣ холопу твоему только на годъ по пятнадцати рублей, да мѣсячнаго корму только на мѣсяцъ по два рубля, и тѣмъ твоимъ государевымъ жалованьемъ годовымъ и мѣсячнымъ кормомъ прокормица нечѣмъ пожалуй меня холопа твоего для своего царскаго многолѣтнаго здоровья, для всемірныхъ радости рожденія государя нашего благороднаго царевича и великаго князя Царя Алексѣевича, вели, государь, мнѣ своего государева денежнаго годового жалованья и мѣсячнаго корму прибавить...“ ⁶⁾.

¹⁾ Ар. Ор. Пал. Апт. Пр. Д. №№ 163, 166.

²⁾ Тамъ же № 98. См. такъ же Матеріалы для Исторіи Медицины въ Россіи. С.-пб. 1833. №№ 116, 120 и др.

³⁾ М. А. О. П. А. П. №№ 134, 132, 106, 107.

⁴⁾ Тамъ же №№ 33, 118, 123, 135, 136, 140, 166, 167, 168. См. тамъ же М. А. М. Ю. Бѣлгород. ст. Столбъ 397.

⁵⁾ Тамъ же № 167.

⁶⁾ Тамъ же № 168.

Костоправъ Ивашка Максимовъ, командированный въ Смоленскъ за лекарствами, молить въ своей челобитной: „вели, государь, мнѣ, холопу своему дать на дорогу на кормъ, чтобъ мнѣ холопу твоему голодной смертью на дорогѣ не умереть; а нынѣ, государь, хлѣбъ дорогъ“ ¹⁾).

„Помираю голодною смертью, милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ“, пишетъ лекарскій ученикъ Ѳедька Дорофѣевъ, находившійся въ Севекѣ въ полку боярина П. В. Шереметева ²⁾).

Что такія жалобы не составляли исключеніе, видно изъ того, что иногда онѣ подавались совмѣстно. Такъ въ 1661 году лекарскаго и костоправнаго дѣла ученики Ѳедотка Васильевъ, Андрюшка Ѳедотовъ, Ѳедотка Яковлевъ, Степка Алексѣевъ, Митрошка Петровъ, Исачка Павловъ, Ивашка Евдокимовъ, Митька Абросимовъ подали челобитную, въ которой слезно жалуются..... „людяшки мы, холопи твои, бѣдные и свудные, есть и пить нечево, помираемъ голодною смертью“ ³⁾. Въ 1667 году подобная же челобитная была подана 28-го лекарями и лекарскими учениками ⁴⁾. Двадцать лѣтъ раньше, въ 1644 году такого же рода жалобу заявили „Аптекарскаго Приказа докторы, аптекарн, лекарн, окулисты, часоваго дѣла мастеръ и переводчики“ ⁵⁾.

Надо замѣтить также, что съ 1656 года по 1663 г. жалованье выплачивалось мѣдными деньгами. Мѣдные деньги были выпущены вслѣдствіе недостатка мѣновыхъ средствъ въ 1656 г., но наравнѣ съ серебряными деньгами онѣ ходили только два года. Уже въ 1658 г. мѣдный рубль цѣнился въ 10—12 разъ дешевле серебрянаго. Въ шестидесятыхъ годахъ, вслѣдствіе пэмны Выговскаго, отказа принимать мѣдныя деньги въ Малороссіи и, наконецъ, появленія такъ называемыхъ „воровскихъ денегъ“, цѣна мѣдныхъ денегъ стала быстро падать и въ 1663 году дошла до того, что за одинъ серебряный рубль стали давать 20 мѣдныхъ, а иностранные торговцы совсѣмъ отказывались отпускать товаръ на мѣдныя деньги, и дороговизна наступила страшная ⁶⁾.

Задолженность Русскихъ лекарей была такъ велика, что они сплошь и рядомъ подвергались правезу. Правезъ примѣнялся обыкновенно къ неплатящимъ должникамъ и состоялъ въ томъ, что виновнаго ежедневно выставляли на опредѣленное мѣсто и цѣлыми часами били батогами по ногамъ.

Правительство желало придти на помощь врачамъ; но милости свои оно изливало все на тѣхъ же излюбленныхъ представителей Русской медицины, иноземныхъ докторовъ. Такъ въ 1668 году, чтобы дать возможность доктору Андрею Энгельгарду расплатиться съ иноземными торговцами, было велѣно

¹⁾ М. А. О. П. А. П. № 43.

²⁾ Тамъ же № 135.

³⁾ Тамъ же № 34.

⁴⁾ Тамъ же № 126, см. также № 37.

⁵⁾ Тамъ же № 1.

⁶⁾ Тамъ же № 44.

обмѣнить ему въ Приказѣ Большой Казны 600 руб. мѣдныхъ денегъ на серебряныя ¹⁾; въ томъ же году было выдано 100 рублей серебромъ Семеону Зомеру, „чтобъ ему отъ должниковъ на правехъ засѣчену бѣ не быть“ ²⁾.

Иногда деньги, посланныя изъ Приказу Большой Казны, задерживались гдѣ-то на пути и не доходили до своего назначенія. Такъ въ 1692 году „дохтуръ Греченинъ Ивашка Комнинъ“, находившійся въ Запорожскомъ войскѣ при гетманѣ Иванѣ Степановичѣ Мазепѣ, „для совершеннаго при помощи Божіей въ припадающихъ скорбяхъ его облегченія и для генеральной старшины и полковниковъ“ „пребывалъ въ скорби и смущеніи того ради, что жалованья за службу его изъ казны ему не доходить“ ³⁾.

Задерживалось не только жалованье, но и подарки. Лекаръ Зоммеръ пишетъ въ 1662 году въ своей челобитной. „Ты, государь, велѣлъ мнѣ дать на платьѣ сукно, а мнѣ холопу твоему сукно на платьѣ не дано“ ⁴⁾.

Еще тяжелѣе становилось положеніе врачей во время болѣзней, такъ какъ въ это время они совсѣмъ лишались жалованья. Исключеніе дѣлалось только для лицъ, за которыми числились особенно большія заслуги и то въ совершенно своеобразной формѣ. Полковаго лекаря Федота Яковлева, когда онъ послѣ 35-лѣтней службы „устарѣлъ и заскорбѣлъ“ и „служить ему стало не въ мочь“, было велѣно „за его службишку и для его старости“ постричь въ иноки Данцловскаго монастыря „безвкладно“, и государева денежнаго жалованья указано было давать ему на годъ по пяти рублевъ, да мѣсячнова корму по два рубля на мѣсяць“ ⁵⁾. Въ этомъ „безвкладномъ“ постриженіи отставнаго полковаго врача надо видѣть первый намекъ на пенсію.

Кромѣ врачей, занимавшихъ то или другое официальное положеніе, вторую половину XVII в. существовало еще много вольнопрактикующихъ врачей, которые жили въ Москвѣ и другихъ городахъ, на своихъ „проторяхъ“ и кормились собою, „своимъ промысломъ“. Сюда принадлежали лица, уволенные по какой либо причинѣ Аптекарскимъ Приказомъ, плѣнные врачи и, наконецъ, иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію спеціально для свободной практики. Получали они за свой трудъ обыкновенно натурою: „хто самъ чѣмъ почититъ“. Только при серьезныхъ операціяхъ обѣ стороны договаривались, причемъ врачъ, въ случаѣ не уплаты ему гонорара, могъ искать свои права судомъ ⁶⁾. Какъ жили врачи, занимавшіеся одною только вольною практикою, свѣдѣній не сохранилось.

М. Лахтинъ.

¹⁾ М. А. О. П. А. П. № 45, см. также № 46.

²⁾ Тамъ же № 44.

³⁾ М. А. М. Ю. Столбецъ Москов. стола № 956.

⁴⁾ Арх. Ор. Пал. Аптек. Пр. № 14.

⁵⁾ Тамъ же №№ 137, 140.

⁶⁾ Матеріалы № 527.

КЪ ИСТОРИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ СНОШЕНІЙ НАШИХЪ СЪ ЯПОНЦАМИ.

(Сибирскія дѣла въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, V, 33-й).

Въ Иркутскую провинціальную канцелярію изъ Большерѣцкой канцеляріи Якутскаго полку отъ капитана и Камчадалскихъ остроговъ командира Максима Лебедева репортъ.

Прошлого 1743 году Марта дня въ данной изъ Иркутской провинціальной канцеляріи инструкціи между прочимъ въ 9-мъ пунктѣ написано: ежели на Камчаткѣ явятся Японцы впредь занесенные отъ морскихъ погодъ, то ихъ содержать какъ пристойно на казенномъ корму и писать о томъ въ Иркутскую провинціальную канцелярію со всякимъ обстоятельствомъ немедленно.

А прошлого 1744-го году Ноября 29 дня въ присланномъ въ Большерѣцкую канцелярію Курильскихъ острововъ отъ ясацнаго сборщика Матвѣя Новограбленого вѣдѣніи написано: того-де 744-го году Октября 29-го дня на первомъ Сумачѣ-островѣ толмачъ, который былъ съ нимъ Новограбленнымъ на пятомъ и на четвертомъ островахъ, новокрещеной Николай Сторожевъ, для провѣдыванія острововъ и собранія ясаку съ сошлыхъ Курильскихъ острововъ мужиковъ, и вышепомянутый-де Сторожевъ объявилъ словесно. Слышалъ-де на четвертомъ на Макантурасѣ-островѣ отъ Курильскихъ тамошнихъ мужиковъ въ разговорахъ, а именно: сказывалъ-де Курилецъ Нишпаруть, который жилъ на 15-мъ на Симусырѣ - островѣ, и означенной-де Нишпаруть говорилъ: имѣется островъ, называемый Канасырѣ, а на означенномъ островѣ Канасырѣ живутъ Курильцы, и отъ начальника ихъ присланъ знатной Японецъ, а живетъ-де на Насырѣ на островѣ край Лопатки, который край лежитъ къ Матаваю, называемое мѣсто Июштанъ, и велѣно-де ему Японцу, смотря, караулить Россійское морское судно для торгу и покупки товаровъ. А которые-де острова лежатъ въ близости, и на тѣхъ островахъ живутъ Курильцы, и до оныхъ-де Курильцовъ Русскихъ товаровъ покупать допускать ему не велѣно, и Русской товаръ отъ себя не отпустить. А Японцы-де Русскаго товару желаютъ покупать.

И того жъ Ноября 29-го дня по опредѣленію Большерѣцкой канцеляріи, къ посылающемуся въ Курильскіе острова ясашиному сборщику служилому Ѳедору Слободчикову и вышепомянутому Новограбленому съ товарищи посланъ былъ указъ, и велѣно вышеписанного Курильца Нишпарута допросить, подлинно ль онъ то сказывалъ и самъ ли присланнаго Японца видѣлъ, что онъ живетъ для торгу, и будетъ самъ, то оной Японецъ съ какими имянно товарами и на сколькихъ судахъ и колкое число съ нимъ людей имѣется, или онъ одинъ, и не имѣется ль у нихъ военныхъ снарядовъ и ружья. И будетъ имѣется, то колкое жъ число и какіе порознь имянно, и тотъ Японецъ нынѣ тутъ ли обрѣтается, или отбылъ куды и давно ль, и чтò въ допросѣ скажетъ, то тотъ допросъ велѣно прислать въ Большерѣцкую канцелярію съ нарочнымъ немедленно.

А сего 1745-го году въ присланныхъ въ Большерѣцкую канцелярію отъ вышеписанныхъ сборщиковъ Слободчикова съ товарищи репортахъ написано.

Въ первомъ Мая 15-го дня сего 1745-го года: Апрѣля-де 27 дни перваго острова Сумача опредѣленной тоенъ-Кучьнижной, по крещенію Николай Сторожевъ, къ преждепосланному вѣдѣнію въ доказательство изъяснилъ: въ прошломъ-де 744-го году; въ Іюль мѣсяцѣ, въ бытность сборщика Матвѣя Новограбленого на четвертомъ Манантурасъ-островѣ: въ тарабарѣ съ Курильцами сидѣли, и въ разговорахъ сказывалъ староплатежный ясачной островной Курильской мужикъ Каму-отъ-Рюпи, слышалъ-де онъ Каму-отъ-Рюпи отъ дальнихъ неясашныхъ островныхъ Курильскихъ мужиковъ, которые приходятъ по вся годы байдарами на пятнадцатой на Симусыръ-островъ для торгу, а товары и бобры они покупаютъ и орловые хвосты и на дальніе острова увозятъ, и о томъ-де въ преждепосланномъ вѣдѣніи по сказкѣ Курильскихъ ясачныхъ мужиковъ Аннуша да Нишпарута о томъ прописано въ вѣдѣніи. И при вышепомянутомъ-де собраніи сидѣли, и въ разговорахъ помянутый Каму-отъ-Рюпи сказывалъ. Онъ изъ Матовою-де Японскаго города отъ начальника ихъ присланъ на Канасыръ островъ знатной Японецъ и живетъ-де на Канасырѣ островѣ край Лопатки, который-де край лежитъ къ Матаваю къ Японскому городу называемое мѣсто Пюштанъ; и велѣно-де означенному Японцу караулить Россійскія морскія суда для торгу и покупки Россійскихъ товаровъ, и хотятъ-де они Японцы съ Россійскими людьми торговаться; а на сколькихъ-де онъ Японецъ судахъ пришелъ и какой у нихъ товаръ имѣется, и сколько при ономъ Японцѣ людей имѣется, и есть ли при ономъ пушки и ружье или не имѣется ружья, про то онъ тоенъ Николай Сторожевъ подлинно сказать не знаетъ и отъ означеннаго Каму-Рюпи и Нишпарута въ разговорахъ, что судовъ и пушки и ружье есть ли при Японцѣ или нѣтъ, того онъ Сторожевъ не слышалъ

же, и означенные Каму-Рюпи и Нишпаруть на Канасырь-островѣ не бывали и помянутого Японца и товаровъ не видѣли, но токмо слухъ произошелъ объ ономъ Спмусыра съ пятнадцатаго острова; а что-де по указу Ея Императорскаго Величества изъ Большерѣцкой канцеляріи велено Курильца Нишпарута съ обстоятельствомъ допросить, и оно-де Нишпарута на первомъ острову не имѣется, а нынѣ-де онъ Нишпаруть живетъ на четвертомъ Макантурасѣ-островѣ, а показанной Каму-Рюпи въ прошломъ 1744-мъ году съ четвертаго острова приходилъ и зимовалъ на первомъ островѣ Сумачѣ, и въ нынѣшнемъ-де 745-мъ году въ Мартѣ мѣсяцѣ до прибытія сборщиковъ съ домомъ своимъ байдарою ушелъ на промыселъ на второй островъ, а при отъѣздѣ своемъ тоену Купеню словесно сказалъ, ежели Богъ дастъ тихое погодье, хотѣлъ уйти до четвертаго острова; а по сыску на второмъ островѣ Порумосѣ оно-де Каму-Рюпи не нашли, и на первомъ острову оныхъ не имѣется, а гдѣ-де оныхъ получать, со обстоятельствомъ спрашивать будуть.

Во 2 Июля 19 дня нынѣшняго 1745 году по указу Ея Императорскаго Величества изъ Большерѣцкой канцеляріи и по данной имъ инструкціи ходили они на Курильскіе дальніе острова для сбора ясашнаго и для призыву подъ высокосамодержавнѣйшую Ея Императорскаго Величества руку вновь къ платежу ясашному и для сыску сошлыхъ ясашныхъ островныхъ Курильскихъ мужиковъ и провѣдыванія острововъ, ихъ земель и обхожденія ихъ нравовъ и для присмотру угодныхъ мѣсть и гаваней судовыхъ, и какіе у нихъ имѣются звѣри. И по тому-де указу были они до девятаго острова, называемаго Чирі-Мокатана въ дву байдарахъ съ тоеномъ Николаемъ Сторожевымъ и сродниками его съ Купеней и Пиканкуромъ съ товарищи, и по возвратѣ пришли они на пятой на Оннокотай-островъ Іюня 25 дня 745 году и нашли въ губѣ Укауморѣ иностранныхъ людей Матамай города всего десять человекъ Ясанчей съ товарищи, которыхъ выкинуло съ моря въ маломъ карбасѣ, и оной карбасѣ разбило у земли, и получа ихъ означенныхъ Матамайцовъ принявъ ихъ съ честью и накормя, стали языку ихъ спрашивать, на Курильской, Канасырской Мохнатыхъ Курилъ языкъ, и на оной-де Канасырской языкъ выпскался изъ оныхъ Японцовъ Матамайскихъ одинъ человекъ, а имянно Ясанчій, и сталъ разговоръ имѣть съ нуждею, чрезъ десятое слово сходилось, и сказалъ, что-де шли они въ Самуръ торговать на большомъ суднѣ съ товарамъ 17 человекъ и идучи моремъ большой погодой сломило машту и отнесло въ море, а носило-де на морѣ два года и земли они не видали нигдѣ, а провіантомъ-де и кормовымъ припасомъ было у нихъ на суднѣ не скудно, только водой была скудость великая, что едва спаслись не померли, а питались-де

дождевой водой, а зимнимъ временемъ снѣгъ на судно падалъ, и отъ неимѣнія воды семь человекъ своею смертію умерли на землѣ, а съ оными Матамайцами они едва отводились и живыхъ застали, а пныхъ подъ руки водили и поили масломъ коровьимъ и жиромъ и кормили мясомъ звѣревымъ и птичьимъ и провіантомъ своимъ, и нынѣ ихъ кормятъ и покупаютъ на первомъ острову провіантъ у Василья Томпна.

И вышепомянутой-де Ясанчей показалъ съ компаса своей земли, на которой румпъ Сади къ нимъ судами, въ ландкартѣ, сочиненной за подписью его руки, а именно, первая Матаманъ земля, вторая Самуръ земля, третья земля Карабъ-Туникуръ, четвертая земля Накасаки, и значить на ландкартѣ plainly подписано, гдѣ что сочиняется. Дѣлаютъ парчи, камки, фанзы, бархаты, а на Самурѣ обрѣтается владѣлецъ, называется Хамуитоно - Тончюнчинъ, а палата-де у него вся мѣдная вызолочена. А у подлыхъ людей въ Самурѣ обрѣтаются избы каменные и деревянные, кровли у пныхъ мѣдью крыты; а сочиняютъ-де въ Самурѣ, дѣлаютъ камки, бархаты, голи, фанзы, пестреди шелковыя, гранитурь, камлоты и бумажныя пестреди, и дабы, и камки съ золотомъ и серебромъ, а золота и серебра-де въ Самурѣ довольно число имѣется. Да имѣется-де въ Самурѣ островъ, называемый Чинкосанъ, стоитъ въ морѣ, а кругъ того моря земля обошла, а на томъ островѣ имѣется городъ, живетъ владѣлецъ, называется Хомутоно-Шира; а на томъ-де острову берутъ золото въ песку подлѣ моря кругъ острова, собирая ходить по песку, что и къ ногамъ на подошвы золото налипаетъ, а ходу мѣрой идти кругомъ острова Нинчю Нанабанъ 20 дней, а вокругъ того моря ѣздить коньми земли той Штацъ-Набанъ. А во означенномъ-де городѣ имѣется огненное ружье, пушки и ппцали; а золото запрещено брать подлымъ людямъ, но токмо-де берутъ на Самурского владѣльца и караулъ великой; на означенномъ-де острову имѣется сопка, а на оной сопкѣ земля красна, и оную-де землю берутъ и на огнѣ жгутъ, золото выходитъ, а въ Патомаѣ-де городъ имѣется владѣлецъ, называется Хамутоно-Пуние, палата у него каменная, крыта мѣдью, а камокъ и фанзъ шелковыхъ не дѣлаютъ изъ Самура покупаютъ; а у подлыхъ людей избы деревянные и каменные. Да подъ полдень подошла земля, называется Тарабъ-Тункуръ - Шцпти, казаки именуется, а платье они носятъ исподнее долѣе, а головы брѣютъ, оставляютъ на головѣ волосовъ хохлы или косы, а ходятъ по вся годы на большихъ судахъ въ Самурѣ торговать, а изъ оныхъ пные въ Самурѣ и зимуютъ, а товаръ провозятъ всякую мягкую рухлядь, морскіе бобры, соболи, лиспцъ съ товарищи, а у Самурцевъ купятъ вышеобъявленные парчи, и камки, и золото, и серебро. Да на Восточной сторонѣ подошла земля, называ-

емая Накасаки, а тоё землю Самурцы извѣдали, унесло судно Самурцовъ и выкинуло на Насакинскую землю; и какъ людей увидѣли Насакинцы, къ себѣ взяли, а языку между собою говорить другъ друга не знали, и жили-де Самурскіе люди у Насакинцовъ; и означенные-де Насакинцы возвратно отвезли въ Самуръ на большомъ суднѣ, и съ того числа спознали землю и стали они быть межъ собою въ дружбѣ и торговаться. А во означенномъ-де Накасакѣ имѣется владѣлецъ, живутъ своими городами 10 человекъ, каменное жилье и деревянное, и огненной снарядъ имѣется и барабаны и трубы и сиповщики и музыки, и парчи, всякія камки, фанзы и сукна дѣлаютъ и золота и серебра довольное число, какъ въ Самурѣ, такъ и въ Накасакѣ... А имена Японцовъ, Юсанчій, Иски, Чоски, Сануски, Иднечюскій, Чюдоръ, Спчиморъ, Симчюска, Изень; а товаровъ у оныхъ по осмотру ничего не явилось, понеже-де показалъ Ясанчій, что они сбросали съ судна товары, и золото, и серебро, и камки, и бархатъ, и парчи съ золотомъ, и фанзы, и платье въ море, отдавали Богу своему жертву, чтобъ живымъ выйти на землю; но токмо-де у нихъ имѣются азама, которые сами носятъ, ветхое, а большое судно покинули въ морѣ и земли не видѣли, а сошли на малой карбасъ и землю искали два дни и другъ друга мало помнили, и выкинуло ихъ на пятой Онокотанъ-островъ. И при томъ репортъ прислана ланкарта за подписаніемъ Матамайца Ясончія.

И противъ оного репорту Юля 19 дня сегожъ 745-го году, по опредѣленію Большерѣцкой канцеляріи, къ вышеписаннымъ сборщикомъ Слободчикову и Новограбленному съ товарищи посланъ Ея Императорскаго Величества указъ и велѣно, взявъ имъ съ собою всѣхъ Матамайцовъ и что при нихъ есть, также и толмача, слѣдовать водою или сухимъ путемъ, какъ способнѣе, въ Большерѣцкѣ въ самой скорости не мѣшкая нигдѣ ни часу, и будучи въ пути, вышепоказанныхъ Матамайцовъ имѣть имъ во всякомъ охраненіи и чести и чинить имъ всякое приласканіе, дабы никакого имъ озлобленія чинено не было, для чего къ нимъ изъ Большерѣцка посланы были Якутского полку солдатъ и служилыхъ 6 человекъ, а на пропитаніе вышепоказаннымъ Матамайцамъ послано фляга масла коровья, вѣсомъ 2 пуда 3 фунта, да сума яшной крупы, вѣсомъ кромѣ сумы 2 пуда съ половиною, да 10 фунтовъ Китайского шару, которыхъ Матамайцовъ велѣно кормомъ и табакомъ довольствовать съ удовольствіемъ. Итого жъ Юля 29 дня репортомъ въ Большерѣцкую канцелярію объявленные сборщики Слободчиковъ съ товарищи объявили, что означенныхъ найденныхъ Матамайцовъ 10 человекъ съ собою въ Большерѣцкѣ привезли и объявили при томъ репортъ Матамайскія 2 сабли, да псымы на ихъ языкѣ.

И противъ оного репорту сего къ 745 года Августа 3 дня по силѣ вышеписанной инструкціи изъ Иркутской провинціальной канцеляріи въ Большерѣцкой канцеляріи опредѣлено: означенныхъ Матамайцовъ въ Большерѣцку содержать на казенномъ корму (которые и содержатся), и о томъ писать въ Иркутскую провинціальную канцелярію. А что какого корму и на ихъ потребу употреблено будетъ Китайскаго шару, о томъ Иркутской провинціальной канцеляріи репортовано будетъ впредь; о объявленная при репортахъ сочиненная карта за подпискою Матаманцовъ посылается въ Иркутскую провинціальную канцелярію при семъ репортѣ на разсмотрѣніе Якутскаго полку съ солдатомъ Ефремомъ Поповымъ и дана ему Попову изъ Большерѣцкой канцеляріи отъ Охотска до Иркутска на одну подводу подорожная, и выдано изъ казны Ея Императорскаго Величества поверстныхъ денегъ 31 рубль 72 копейки, а отъ Большерѣцка до Охотска на дачу за поверстныя деньги и ясашнымъ иноземцамъ Китайскаго шару 5 фунтовъ съ роспискою, и о вышеписанномъ Иркутская провинціальная канцелярія указомъ Ея Императорскаго Величества что соблаговолить.

На подлинномъ пишутъ тако: Капитанъ Максимъ Лебедевъ. Канцеляристъ Григорій Поповъ.

*

Изъ другихъ дѣлъ Сибирскаго Приказа видно, что этихъ Японцевъ повезли въ Петербургъ и въ дорогѣ заботливо за ними ухаживали. Не изъ нихъ ли былъ тотъ Богдановъ, который въ 1759 году напечаталъ Описаніе Петербурга; въ предисловіи къ этой до сей цѣнной книгѣ сказано о Японскомъ происхожденіи сочинителя. П. В.

ПИСЬМО О. М. СОМОВА КЪ В. Г. ТЕПЛЯКОВУ.

С.-Петербургъ, 27 Октября 1830.

Вотъ вамъ, милостивый государь Викторъ Григорьевичъ, взаимнѣ пріятнаго и обязательнаго вашего обѣщанія, сильное исполненіе. Спѣшу послать вамъ эту бездѣлку, лентъ мой Одесскимъ Музамъ, чтобъ вы не сказали или не подумали, что я хочу отдѣлаться посулами. Знаю, какъ теперь время дорого для издателей альманаховъ. Цѣлой повѣсти послать не могу, ибо она одна наполнила бы собою огромный альманахъ, хоть будь онъ ростомъ съ Нѣмецкій *Opheum* или Англійскій *Keersake*; другого же ничего у меня готоваго нѣтъ: А. Газета обобрала меня, а для Сѣверныхъ Цвѣтовъ еще повѣсть моя донинѣ не дописана. В. Дельвингъ вамъ кланяется и изъявляетъ готовность доставить также кое-что свое въ Одесскій Альманахъ; а Пушкинъ и Вяземскій оба теперь въ *захолеренной* Москвѣ, гдѣ первый изъ нихъ женится въ наступающемъ мѣсяцѣ. Баратынскій тамъ же, и сношенія наши съ ними идутъ туго на проколотыхъ листкахъ; мы доселѣ ни отъ одного изъ нихъ не получили ни строчки для альманаха и газеты. Языковъ Богъ вѣсть гдѣ; въ Москвѣ ли, въ Симбирской ли своей вотчинѣ, не знаю, какъ въ воду канулъ; а Подолинскій съ самаго лѣта въ Кіевѣ, и мои связи съ нимъ крайне ослабли по *газетнымъ причинамъ*: онъ сердится на насъ за отзывъ о его Нищемъ. Баронъ Розенъ вѣрно не откажетъ мнѣ въ посылкѣ вамъ чего либо изъ своихъ произведеній; я попрошу еще Вердеревского, Деларю е *tutti quanti*. Жду отъ васъ обѣщаннаго: 3-го письм. изъ Варны, 1-й Фракійской эллегіи и еще нѣсколько стиховъ. Съ любопытствомъ и нетерпѣливостью жду также Новороссійскаго Альманаха и напередъ увѣренъ найти въ немъ много занимательнаго, истинно хорошаго: Туманскій меня разлакомилъ, рассказавъ о нѣкоторыхъ изъ предполагаемыхъ участниковъ.

Дивлюсь, что два письма мои къ вамъ не дошли: въ Августѣ и Сентябрѣ писалъ я къ вамъ въ Одессу, адресовавъ какъ и нынѣ. Свои подарки потрудитесь надписать на мое имя *въ д. Паульсона, у Крутиго рынка*; и примите новыя увѣренія въ моемъ почтеніи, преданности и готовности къ услугамъ, съ коими имѣю честь быть вашъ, милостиваго государя, токорнѣйшій слуга.

О. Сомовъ.

(Изъ X части Сборника старинныхъ бумагъ Ш. И. Шукіна).

ВЫПИСКА ИЗЪ ДНЕВНИКА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО.

1841 г. 16 Мая.

. . . Не люблю я Евреевъ или, точнѣе сказать, всякій разъ, какъ увижу ихъ, чувствую въ себѣ столкновение противоположныхъ помысловъ и ощущеній: то презираю этихъ всесвѣтныхъ торгашей за ихъ корысть, обману, нахальство, вѣроломство, то смотрю на нихъ окомъ Филона, какъ на народъ, посредствомъ котораго въ человѣческомъ родѣ распространилось познаніе единого, истиннаго Бога. Ихъ изумительное терпѣніе, примѣрное единодушіе, упорное вѣрованіе въ величественный призракъ, неослабная привязанность къ отеческимъ преданіямъ, вѣковая, почти одинаковая численность, неизмѣнившееся племенное обличіе, наконецъ, таинственная судьба, которой развязка послѣдуетъ предъ концомъ міра, невольно внушаютъ благоговѣйное вниманіе къ этимъ живымъ развалинамъ, кои берегутся Провидѣніемъ для dokonчанія величественнаго зданія Церкви Вселенской. А неопрятность, трусость, низость, металлическій умъ, продажная услужливость, грязное сердце Евреевъ поселяютъ не столько отвращеніе, сколько сожалѣніе къ нимъ. Они, какъ непріятныя кометы, блуждаютъ по всей землѣ; но придетъ время, когда переиспытанныя страданія и несбывшіяся надежды обратятъ и привлекутъ ихъ къ Истинѣ.

19 Мая 1841 г.

Господи, избави насъ отъ словесе мятежна и отъ скудоумія устроителейъ торговыхъ дѣлъ и вразуми ихъ вычислять: сколько нужно на рѣкахъ и въ городахъ паровыхъ машинъ, дабы не уменьшились лѣса и не вздорожали дрова, и дабы бѣдные не зябли въ утлыхъ избахъ своихъ, и сколько требуется хлѣбопекарей, портныхъ, сапожниковъ, часовщиковъ, столяровъ и проч.. дабы излишекъ ихъ, при обманчивой свободѣ торговли, не послужилъ въ тягость имъ самимъ и во зло государству.

31 Января 1843.

Разсказывали мнѣ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Перовскій, желая испытать и узнать добросовѣстность и внимательность г.г. аптекарей С.-Петербургскихъ, приказалъ своему домашнему лѣкарю написать семь рецептовъ одного содержанія и разослать ихъ въ разныя аптеки для полученія лѣкарства. Изъ всѣхъ семи аптекъ прислали семь лѣкарствъ разнаго цвѣта, разной величины и разной дѣлительной силы. Одинъ только небогатый аптекарь въ улицѣ Ямской составилъ лѣкарство надлежащимъ образомъ по рецепту. Такое злоупотребленіе взбѣсило министра, и онъ принялъ строжайшія мѣры къ прекращенію его.

Этотъ же министръ, переодѣтый, купилъ въ мясной лавкѣ нѣсколько фунтовъ говядины. Его обвѣсили. Онъ пришелъ жаловаться въ полицію; но квартальный надзиратель чуть было не прибилъ его. Министръ, во избѣжаніе побоевъ, раскрылъ верхній кафтанъ, и несчастный надзиратель, увидѣвъ

ордена, чуть-чуть самъ не обратился въ кусокъ бездушной говядины. Бѣдный надзиратель! Онъ лишился мѣста, жалованья и чести.

18 Мая 1843.

Замѣчательно, что духовное посольство изъ Америки отправлено было въ Константинополь въ тоже время, въ которое изъ Лондона пріѣхалъ въ Петербургъ дьяконъ Вильгельмъ Пальмеръ съ намѣреніемъ присоединиться къ вашей Церкви (1842—1843 г.).

25 Сентября 1843.

. . . Наступилъ темный вечеръ. Послѣ чаю отецъ Григорій началъ рассказывать, какъ покупаютъ здѣсь епархіи, какъ епископы собираютъ деньги съ паствы, и какъ случилось, что Константинопольскій патріаршій престолъ началъ быть покупаемъ. (Въ началѣ Турки производили жалованье патріархамъ. Они начали уменьшать свое жалованье и кончили тѣмъ, что по несчастному соперничеству сами стали платить за патріаршую шапку).

Затѣйливый рассказъ отца Григорія прерванъ былъ приходомъ консула Базили.

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Изъ одного дневника.

Январь 1846 года.

20. Воскресенье. Во 2-мъ часу пошли мы къ А. М. Тургеневу. Бѣдный старикъ былъ боленъ и сидѣлъ въ креслахъ передъ столомъ. Онъ заговорилъ о своей жизни столько богатой воспоминаніями. Это все Бородинское ядро, сказалъ онъ, показывая на бокъ, отзывается во мнѣ. Я 8 разъ во время сраженія проѣхалъ Бородинское поле; 3-хъ лошадей убили подо мною, наконецъ и меня самого свалило. Три дня лежалъ я между мертвыми и 10 дней былъ безъ памяти; самъ удивляюсь, какимъ чудомъ остался живъ и этимъ конечно обязанъ своему бывшему начальнику, графу Павлу Александровичу Строгонову. Онъ не велѣлъ везти меня въ Москву: тамъ, говорилъ, сожгутъ его, а велѣлъ меня отправить въ Ярославль. Тамъ очнулся я. Ядро такъ меня оконтузило, что я не могъ поворотить ни одного члена. Кровь текла изо рта, изъ носу, изъ ушей. У меня былъ денщикъ, Чухонецъ, глупая голова. Вотъ я очнулся и не могъ дать себѣ отчета, какимъ образомъ съ поля сраженія попалъ въ какую-го бричку. Кой чортъ, сказалъ я, гдѣ я? Кажется, вчера было сраженіе. Ваша на Ярославль, отвѣчалъ мой Чухонецъ. Какъ такъ? Ваша раненъ. Я посмотрѣлъ вокругъ себя. Вокругъ была такая сумятица: множество повозокъ, всѣ какъ на бивакахъ; кто умывается, кто вставалъ,

кто пилъ чай. Раздумывали мы съ денщикомъ что намъ дѣлать, какъ вдругъ подошелъ къ намъ какой-то человекъ и спросилъ: кого везуть? Капитанъ Тургеневъ. Этотъ человекъ былъ медикъ Екатерины Павловны *), котораго я зналъ еще студентомъ въ Лейпцигѣ и зналъ очень хорошо, даже дружески. Онъ бросился ко мнѣ и отъ меня во дворецъ къ Екатеринѣ Павловнѣ, чтобы дать мнѣ скорѣе помощь. Гляжу, прискакалъ ко мнѣ полицмейстеръ, комендантъ прискакалъ, всѣ распрашиваютъ; заварилась каша. Вотъ прислали мнѣ изъ дворца обѣдъ, до котораго я конечно и не дотрогивался, какъ сами разумѣете. На другой день адъютантъ мнѣ привезъ отъ Екатерины Павловны 1200 р. Великая княгиня, говоритъ, извиняется, что не можетъ сама быть у насъ: у нихъ готовы лошади, и всякую минуту ждутъ сигнала отправляться или въ Петербургъ или въ Нижній Новгородъ, а вамъ присылаетъ 1200 р., потому что вѣрно намъ теперь деньги нужны. Вамъ должно ѣхать теперь въ Петербургъ. Вотъ, братецъ, повезли меня въ Петербургъ; цѣлый мѣсяцъ я ѣхалъ туда... Боже мой! Что только я не вытерпѣлъ! Бывало, ѣдутъ по деревянной мостовой. Ради Бога стойте, дайте отдохнуть! И во все это время не ѣлъ ничего; только денщикъ поилъ меня чаемъ; да и то, можете разумѣть, какъ трудно было сдѣлать, потому что я не двигался ни однимъ членомъ... Ну, привезли въ Петербургъ. Тутъ дуракъ-комендантъ Башуцкій (не знаю, гдѣ теперь онъ) вздумалъ требовать, чтобы я къ нему явился, освидѣтельствовать меня... А куда тутъ явиться, когда я какъ чурбанъ! Просилъ, нельзя ли хоть прислать когонибудь, никакъ нельзя. Нечего дѣлать. Напялили на меня какой-то старый мундиръ и повезли. Такой дуракъ! Тутъ, братецъ мой, стали меня лѣзать; ну, понемногу оправился, только все года три не владѣлъ рукою... И вотъ теперь еще отзывается проклятое ядро...

Потомъ началъ онъ рассказывать, какъ онъ поступилъ въ адъютанты къ гр. Строгонову, о томъ, какъ являлся къ ***... При мнѣ сдѣлалъ онъ престранную выходку... А тутъ стояла дама-полковница, вдова съ двумя дѣтьми, пришла просить, чтобъ ихъ приняли въ кадетскій корпусъ... заливалась слезами бѣдная, а онъ въ эдакомъ-то видѣ, мальчишекъ ея прогонялъ себѣ между ногъ... ну! кадетъ, кадетъ... надѣтъ... Зашелъ разговоръ о ***. Это былъ человекъ! сказалъ Александръ Михайловичъ. Да вотъ здѣсь въ манежѣ бывало его забаво: наловить мышей, крысъ, зарядить ими пушку, да и стрѣляетъ—всѣ стѣны обрызганы были кровью... Онъ жилъ въ мраморномъ дворцѣ.

*) Т. е. герцогини Ольденбургской. П. Б.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ ВЪ „РУССКОМЪ АРХИВЪ“

1904 года *).

- Ааронъ архимандритъ I, 234.
Аббасъ шахъ Персидскій I, 232.
Абердинъ лордъ II, 303, 305.
Абрамовъ III, 48.
Абриносовъ I, 449.
Абросимовъ Митька лѣк. уч. III, 613.
Абхазовъ кн. И. Н. I, 119, 120, 121, 124, 126.
Аваловъ, З. I, 174.
Августинъ рект. VI, 42.
Августинъ преосв. I, 103, V, 50, 465, 566.
Августъ II, III, 334.
Августъ Христіанъ I, 369.
Авель о. I, 100, 292, 457, 458; II, 224; III, 72, 386.
Аверніевъ II, 446; III, 291, 3.
Агаларъ-бенъ полков., I, 170.
Агаѳоподъ, монахъ I, 65.
Агапитъ арх., I, 114, 236, 229; II, 566.
Агаѳонъ Лаврентьевичъ надв. сов. III, 183,
Агѣевъ, П. Я. I, 286.
Адернасъ II, 466.
Адлербергъ гр. В. Ѳ. I, 118, 269.
Адлербергъ гр. Н. В. II, 50, 52.
Адольфъ д'Антенскій принцъ, I, 376.
Адріанъ патріархъ I, 109, II, 47.
Адріановскій прот. I, 106.
Азанчевскій I, 112; II, 584.
Айвазовскій И. К. III, 455.
Акинфіевы I, 305.
Аксаковъ Иванъ Серг. I, 110, 190, 302; II, 444, 446.
Аксаковъ Константинъ Серг. I, 445, 518; II, 166, 450—452, 594—597.
Аксаковъ Сергій Тимоѳеевичъ I, 190, 513, 517; II, 566.
Аксаковы III, 376.
Аксютка I, 240.
Альбанусъ Ив. лѣкарь III, 610, 611.
Александра Николаевна в. кн. I, 246, 408.
Александра Ѳеодор. имп. III, 390.
Александръ I Павловичъ, импер. I, 110, 113, 220, 224, 229, 277, 502, 503, 622, 685; II, 57, 528; III, 16, 54, 375, 464, 584.
Александръ II-й импер. II, 592, 42, 51, 65, 82; III, 298—302.
Александръ III импер. II, 82, 83.

*) 12 выпусковъ „Русскаго Архива“ составляютъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Въ этомъ Указателѣ ко всему годовому изданію Римскою цѣрою означена книга, Арабскою страница оной.

- Александровъ Г. Н.** III, 465—563 (очерки его жизни); 584.
Александровъ I, 274; III, 375.
Александрова М. А. III, 465.
Александровичъ марш. III, 333.
Александръ Виртембергскій гр. I, 271.
Александръ Николаевичъ вел. кн. I, 103, 160, 172, 250, 274, 415, 428, 434.
Александръ архим. I, 462.
Александръ Евламп., прот. I, 452.
Александръ протопопъ I, 110, 287.
Алексинскій свящ. III, 74.
Алексій епископъ I, 458, 460.
Алексій митроп. I, 293, 299; II, 454.
Алексій ректоръ I, 286.
Алексѣва I, 251; III, 343.
Алексѣвъ А. А. II, 428.
Алексѣвъ А. П. I, 463.
Алексѣвъ Д. П. I, 298, 588; II, 37, 38, 433, 439, 584; III, 70, 369.
Алексѣвъ Степка лекар. учен. III, 613.
Алексѣвы I, 589; II, 211, 561; III, 25.
Алексѣвы дѣвицы II, 422.
Алексѣй Александровичъ, вел. кн. II, 54.
Алексѣй викарій I, 455, 597, 600; II, 42.
Алексѣй Михайловичъ п. I, 112, 113, 521; II, 607; III, 611—613.
Алексѣй преосв. I, 299; II, 38.
Алексѣй протопопъ II, 42.
Алессіо II, 225.
Аллеръ Крестьянусъ лекаръ III, 610.
Алмазовъ генер. III, 220.
Алое III, 327.
Альбедиль I, 622, 624.
Альбедиль Петръ I, 404.
Альбертини I. 106.
Альбрандъ Л. Л. I, 132, 137, 138.
Альфонскій А. А. рект. I, 98, 461; II, 46, 559, 566.
Амбургеръ Фридрихъ II, 538.
Амвросій архіеп. I, 113; II, 403.
Амвросій еписк. Крутицкій и Можайскій II, 424.
Амвросій митроп. II, 599, 600.
Амвросій Подобѣдовъ митр. I, 193—231.
Амфилохій схм. I, 68.
Анастасій о. I, 110, 597, 598, 601; II, 54.
Анастасій Братановскій, еписк. II, 598—602.
Анатолій дьяконъ III, 76.
Андреевская I, 451.
Андріановскій арх. I, 20.
Андреоси посолъ Франц. II, 592.
Андріевскій Э. С. I, 157, 167.
Андріевичъ В. К. III, 158.
Андрониковъ И. М. кн. I, 144, 174.
Андрониковъ П. И. II, 240, 254.
Андросовъ И. П. I, 567.
Андрушкевичъ II, 448.
Андынасъ III, 263.
Аникесаъ II, 538.
Аничковъ И. Н. свящ. I, 459; II, 50, 436, 572; III, 206, 218, 382.
Аничковъ цензоръ II, 42.
Анквицъ каштелянъ III, 318, 336.
Анне проф. II, 46.
Анна-Елисавета кн. Ангальтъ-Сербская II, 457—491
Анна Иоанновна, вел. кн. I, 297; II, 462.
Анна Иоанновна герц. Курляндская I, 5, 17, 18, 19.
Анна Иоанновна импер. I, 232, 523; II, 477.
Анна Павловна в. кн. I, 222.
Анненковъ Пав. Вас. I, 73, 240.
Анрепъ-Эльмптъ гр. I, 143.
Анстеть II, 223, 247, 357, 361; III, 21, 354, 364.
Анстеть г-жа II, 222.
Антингъ Фридрихъ III, 337.
Антипинъ переводч. III, 164.

Антонетъ Марія Ив. III, 490.
 Антоній архим. III, 214.
 Антоній еписк. I, 205.
 Антоній о. I, 110.
 Антоній Москвинъ игум. II, 604.
 Антоновъ А-ндръ протод. III, 391.
 Антоновъ прапорщ. III, 281.
 Антонъ д-ръ I, 444.
 Антонскій А. А. I, 99; II, 309.
 Антонскій Д. М. II, 51.
 Анеимъ митроп. Греческой II, 424.
 Апарина Марѳа III, 575.
 Апелъротъ Герм. Яков. II, 440.
 Аппельгрейнъ И. Ан. сек.-маіоръ III, 161, 162.
 Апраксина графиня Еват. Влад. I, 453.
 Апраксинъ Петръ гр. М. I, 109.
 Апраксинъ гр. Ѳ. М. I, 381.
 Апраксинъ гр. I, 248, 253, 261, 262.
 Апухтина Нат. Дмит. I, 238.
 Аракчеевъ гр. Алексѣй Андр. I, 417, 421; III, 498, 499, 502, 507.
 Арапетовъ III, 376.
 Арбузовъ I, 600.
 Аргутинскій кн. III, 126.
 Аргутинскій-Долгоруковъ, М. З. князь I, 128, 161, 166.
 Арендъ I, 251, 256.
 Арзамасовъ инспект. I, 238.
 Аркановъ III, 170.
 Армфельдъ I, 289.
 Арнонкуръ генер. III, 330.
 Аронскій I, 121.
 Арсеній архіеп. Варшавскій II, 51, 52, 54.
 Арсеній архіеп. Ростовскій II, 51.
 Арсеній митр. Кіевскій III, 338.
 Арсеній Могилянскій митроп. III, 76.
 Арсеній о. III, 209.
 Арсеній Верещагинъ преосв. I, 207, 211.
 Арсеній Святогорскій архим. I, 450.
 Арсеньевъ Вас. Дм. I, 539.

Арсеньевъ генер. III, 316, 318, 331.
 Арсеньевъ губерн. III, 182.
 Арсеньевъ К. И. II, 335, 437; III, 485.
 Арсеньевъ Я. Е. I, 103, 104, 292, 595; II, 44, 50, 229; III, 61, 73, 395.
 Артемовъ III, 43.
 Архангельскій II, 94.
 Архарова М. И. I, 281.
 Архаровъ Н. П. II, 323; III, 40.
 Арфъ адмир. II, 508.
 Аршеневскій I. В. бригад. III, 170.
 Асланбковъ III, 456.
 Ассбургъ I, 388.
 Афендульевъ II, 355.
 Ахвердовъ губерн., III, 396.
 Ахлестышевъ Д. Д. генер. II, 438, 570, 571; III, 220.
 Ахматовъ А-й Пгр. II, 445.
 Ашъ баронъ III, 339.
 Аванасій архим. I, 67.

*

Бабининъ III, 204.
 Баговуть генер. III, 280, 285.
 Багратіонъ к-ня III, 342.
 Батратіонъ кн. Ал. II, 369.
 Багратіонъ кн. Ром. II, 356.
 Багратіонъ-Мухранскій кн. И. К. I, 145, 173; III, 135.
 Багратіоны кн. I, 258, 415, 424; III, 187.
 Багратіонша I, 267.
 Багреевы III, 584.
 Багреевъ I, 438; II, 218.
 Бажановъ В. Б. I, 102; II, 54, 442; III, 492.
 Баженовъ В. И. I, 287.
 Баженовъ Н. В. III, 392.
 Базаровъ свящ. Висбад. II, 234.
 Базиль I, 249.
 Баіовъ III, 172, 173.
 Бакулинъ III, 181,
 Бакунина фрейл. I, 418.

- Бакунинъ Н. М. II, 568.
 Бакѣвъ М. I. 9.
 Балабинъ Петръ Ив. II, 224.
 Баландинъ А. Н. I, 242.
 Балашевъ А-ндръ Дм II, 354, 359;
 III, 35, 46, 55, 388, 389.
 Бальмень II, 214; III, 358, 364, 367.
 Балнъ Матрена Павловна II, 459.
 Балкъ III, 350.
 Балменши I, 86.
 Баловъ А. II, 36.
 Балугьянскій М. А. ст.-секр. III, 372,
 484, 485, 488, 489, 490, 493, 496, 497.
 Балуевъ III, 178.
 Бальшъ III, 414.
 Баннеръ И. И. III, 159.
 Бантышевъ I, 256.
 Бантышъ-Наменскій Дм. Ник. I, 249,
 413; II, 77; III, 36.
 Бантышъ-Наменскій П. Н. II, 601.
 Барановъ гр. III, 64.
 Баранова I, 147.
 Барашевскій протоіер. III, 222.
 Барботъ-де-Марни III, 106.
 Барклай-де-Толли I, 110, 306; II,
 357, 363; III, 17, 361, 363.
 Барсовъ А. А. I, 299.
 Барсуновъ А-ндръ Пл. I, 521; II, 415.
 Бартенева III, 527.
 Бартенева И. А. I, 461.
 Бартенева П. И. II, 232, 233, 234,
 431, 432; III, 389.
 Бартенева Ю. Н. II, 232, 437, 556;
 III, 72, 205, 207, 209, 215, 220, 385.
 Бартоломей Фрейл. I, 253.
 Баршевъ проф. II, 237, 436.
 Барыковъ И. И. II, 57.
 Барышниковъ II, 538.
 Барятинская Фрейл. I, 430.
 Барятинскій А. И. кн. I, 153.
 Барятинскій В. И. кн. II, 310, 311;
 III, 87--105 (его записки), 270--274;
 281, 287, 290, 454--463, 603.
- Барятинскій Феоdorf II, 378, 502.
 Бассевичъ графъ I, 378, 387.
 Баскаковъ II, 401.
 Басмановъ П. I, 294.
 Баталина Ф. Я. I, 102.
 Баталинъ М. А. I, 110, 592.
 Баташевъ Анд. Анд. III, 580, 581.
 Баташевъ заводч. II, 313,
 Батрацкій ст. секр. III, 487.
 Батюшковъ И. II, 386.
 Бауманъ I, 117.
 Баумейстеръ I, 195.
 Бахметева М. С. II, 500, 523.
 Бахметева Т. И. II, 588, 589, 592,
 593.
 Бахметевъ А-ый Ник. I, 520; II, 54,
 555; III, 62.
 Бахтуринъ III, 445.
 Башиловъ I, 71.
 Башкевичъ II, 40, 45; III, 208.
 Башмаковъ II, 439, 607.
 Башоровъ И. подъячій III, 265.
 Бебутовъ В. О. кн. I, 127, 152, 153;
 III, 275, 278, 279, 282, 287, 290.
 Бебутовъ Д. О. кн. I, 126, 147; III,
 125, 137.
 Бегаимъ Мартинъ путешест. III, 78.
 Безбородно I, 218; II, 538; III, 14.
 Безекирскій III, 387.
 Безобразовъ ген.-лейт. II, 437.
 Безобразовъ инспект. I, 409.
 Безобразовъ С. Д. I, 143.
 Безсомыкинъ цензоръ II, 443.
 Безсоновъ П. А. II, 232, 433.
 Бекетова Пр. И. III, 31.
 Бекетовъ И. А. III, 30, 55.
 Бекетовъ П. А. III, 30, 37.
 Бекетовъ П. П. III, 27, 46.
 Беклешовъ II, 54; III, 374, 375, 395.
 Бельгардъ ген.-м. К. К. I, 145, 150,
 152, 153, 158, 159, 160, 163.
 Бельгардъ К. А. I, 168, 169.
 Бельзиль I, 252.
 Бельярди II, 184.

- Беневоленскій П. Игн. III, 386.
 Бенедиктовъ III, 376.
 Бенеславскій III, 71.
 Бенкендорфъ гр. А-ндръ Христ. I, 77, 78, 86, 88, 92, 94, 223, 245, 249, 260, 263, 265, 279, 434, 437 513, 555; II, 140; III, 22, 82, 349, 576.
 Беннигсенъ II, 362, 363.
 Беранже II, 379.
 Берблевъ I, 100.
 Бервикъ III, 572.
 Бергъ III, 376.
 Бердъ I, 409.
 Берингъ III, 389.
 Берійская герцог. II, 257.
 Беркгеймъ I, 439.
 Берковичъ д-ръ I, 500.
 Берко Йоселовичъ (Еврей) полковн. III, 334.
 Берманъ I, 98.
 Берникова сенаторша III, 559.
 Берсъ I, 565.
 Берте А. А. I, 462.
 Бертолотти, купецъ II, 313.
 Бертъе II, 589; III, 346.
 Берхгольцъ II, 446.
 Бестужевъ М. Я. I, 9.
 Бестужевъ графъ А. П. I, 482, 528; II, 389; III, 11.
 Бестужевъ-Рюминъ гр. П. М. I, 5, 18, 19, 462.
 Бестужевъ-Марлинскій I, 115.
 Бестужевы (родословная) I, 6, 7, 8, 9, 11.
 Бестъ Гаврила I, 5, 13, 14.
 Бестъ Габрилусъ I, 10.
 Бетманъ (Банкиръ) II, 585.
 Бехтѣевъ I, 429, 435.
 Бецій Ив. Ив. II, 319, 322.
 Бжезинскій Мих. III, 328.
 Бибиновъ Дм. Гавр. I, 72, 110, 463.
 Бибиновъ III, 195.
 Бибиновъ Петръ I, 414.
 Биготтини III, 194, 195.
 Билинскій III, 318, 326.
 Биллеръ I, 414.
 Бильбасовъ В. А. I, 458; II, 375, 386.
 Бианки III, 348.
 Биронъ I, 5, 463, 464, 468, 469, 477.
 Бистромъ ген.-ад. III, 478 479.
 Благовѣщенскій I, 194.
 Благовъ II, 43, 48.
 Благонравовъ свящ. III, 207.
 Благонравовъ Ѳ. В. I, 598.
 Блазиусъ проф. I, 684.
 Бланкъ I, 113.
 Блендовскій майоръ III, 330.
 Бломъ графъ 264, 274, 430.
 Блозе I, 250.
 Блудова графиня Антонина Дм. I, 457, 597, 598; II, 415, 520.
 Блудовъ графъ Дм. Ник. I, 74, 77, 86, 249, 261, 275, 407, 441, 456, 457, 458, 463; II, 51, 569, 571, 597; III, 15, 63, 219, 384.
 Блюхеръ II, 357, 362, 363, 581, 585, 588; III, 357, 358.
 Бобарыкина М. В. II, 224, 433, 434; III, 72.
 Бобарыкинъ Н. В. II, 598.
 Бобобъдовы III, 40.
 Богатко III, 336.
 Бобринская гр. С. А. I, 267.
 Бобринскій гр. А-й Вас. I, 603.
 Бобринскій гр. III, 299.
 Бобринскій гр. Алекс. Григор. II, 377, 422.
 Бобрищевъ-Пушкинъ Пав. Сер. I, 237, 239, 242.
 Бобровъ В. А. станов. III, 401.
 Богдановъ II Е. II, 434.
 Богдановъ I, 100, III, 48, 442.
 Богдановъ М. магистръ I, 101.
 Богдановъ Я. III, 151.
 Богдановъ I, 108.
 Боголюбовъ III, 26, 366.
 Боголюбовъ Варв. I, 118.

Богословскій Н. Я. I, 98, 598; II, 433, 435; III, 265, 393.

Богословскій П. И. II, 253.

Богословскій-Платоновъ К. магистръ I, 66, 451, 456; II, 433.

Богуславскій Н. Я. I, 286, 288, 293, 591; II, 45; III, 63, 64, 71, 74, 221, 391.

Богушъ Ксав. свящ. III, 313, 326.

Боде бар. Л. К. III, 570.

Боде-Колычовъ бар. М. Л. III, 568, 569, 571, 572, 579, 585.

Бодянский I. М. (письма) I, 107 442; II, 40, 51, 233, 438, 439, 572; III, 71, 206, 217, 391, 393, 396.

Боеръ де II, 386.

Болдыревъ, А. В. проф. I, 47.

Болотинъ В. В. II, 67.

Болотовъ II, 374; III, 567.

Болховитиновъ I, 225.

Болховитиновъ В. А. III, 571.

Большаковъ I, 458, 459; II, 43.

Борегаръ бароня II, 388.

Боржово Ф. врачъ III, 266.

Борисовскій III, 396.

Боровскій полков. III, 309, 324.

Бородинъ Ил. Вас. I, 592, 593, 600.

Борисовъ В. В. II, 242.

Борисъ Годуновъ цар. III, 262.

Бороздинъ I, 290, 292, 591; II, 49, 565, 567; III, 75.

Бороздинъ ген.-пор. II, 313.

Бороздинъ майоръ II, 313.

Бороздины I, 247.

Бортнянскій I, 240.

Борятинскій Ю. П. кн. III, 267.

Бостанжогло I, 287.

Боткинъ III, 376.

Ботвиньевъ Д. А. II, 567.

Боттъ II, 467, 478.

Бочкинъ III, 165.

Бочновъ Ар. Шк. куп. III, 67.

Брамбеусъ бар. II, 77.

Браницкій гр. II, 351, 554.

Браницкій гр. I, 77, 420; III, 192.

Бревернъ II, 478; III, 204.

Бревернъ ген. I, 452.

Бревернъ Е. И. III, 14.

Брешъ II, 40.

Бриль И. Ад. губерн. III, 162, 182.

Бриммеръ генер. III, 281, 287.

Бриммеръ Е. В. III, 125.

Бритовъ Ив. Ив. III, 148.

Бриоски I, 77, 78, 412, 419.

Брокеръ I, 73, 438; III, 195.

Брокъ полков. II, 483.

Броневскій С. Б. I, 95, 97.

Броннинова Над. III, 220.

Бронниковъ В. I, 288.

Бронниковъ П. А. I, 99, 100, 104, 105.

Бронниковы I, 100, 462.

Бруновъ I, 265, 275.

Бруннеръ III, 127.

Брюловъ I, 276, 418, 426; III, 451, 452.

Брюль III, 12.

Бруншвейгскій принцъ II, 467.

Брыкинъ II, 557, 561.

Брюсъ денщикъ Петра Великаго II, 241.

Брюсъ гр. I, 538.

Брянцевъ А. М. проф. фил. I, 44.

Брянчаниновъ III, 451.

Буале I, 325.

Бубнова III, 209.

Бубна II, 585.

Бубновъ Ксен. V, 56.

Будбергъ бар. А. И., I, 147, 152; III, 15.

Буксгевденъ II, 422; III, 13, 310.

Букстафъ, проф. I, 57.

Букингэмъ гр. VII, 389, 389, 405.

Булгакова Марья Конст. I, 438.

Булгаковъ А-пдръ Як. I, 244, 407, 441, 555; II, 581—593.

Булгановъ Конст. Як. (его письма) I, 70—94, 244, 249, 276, 407, 555—585; II, 200—223, 342—370, 581—593; III, 17—26, 184—203, 340—370.
Булыгинъ А. I, 427.
Булгаринъ о. Наваанаялъ I, 448.
Булгаринъ I, 450, 456, 457, 463, 602; III, 376.
Булычевъ I, 313.
Булыгинъ А. Н. домаш. архивъ. I, 536, 537.
Бурачковъ I, 571.
Буркинъ А. П. I, 290, 588.
Буркинъ В. П. I, 452.
Бурцевъ Е. Е. вице-губ. III, 183.
Бутаковъ Гр. И. III, 270, 272.
Бутеневъ ген.-лейт. III, 559,
Бутеневъ А. П. I, 250, 409.
Бутурлинъ И. И. III, 263, 265.
Бутягинъ I, 427; II, 350; III, 193, 345, 346.
Бухвостовъ I, 50.
Бухгольцъ вице-губ. III, 183.
Бушуевъ Ив. канцеляристъ I, 14.
Бушъ II, 225.
Быковский архит. III, 212, 390.
Бьелке г-жа II, 414.
Бышевский генер. III, 317.
Бѣлевцовъ Палл. I, 62.
Бѣлинскій III, 453.
Бѣловъ юнкеръ III, 289.
Бѣлосельская кн. I, 256.
Бѣлосельская кн. I, 92, 247.
Бѣльскій кн. И. Д. II, 603.
Бѣляевъ И. В. II, 232, 262, 268.
Бѣляевъ И. Д. II, 226, 229, 232, 428; III, 61, 72, 205, 207, 210, 214, 219, 389, 403.
Бѣляевъ I, 109, 296; II, 56, 58, 569.
Бѣлявскій К. Я. I, 143, 144.
Бѣлявскій ген. III, 284, 285.
Бѣлинъ капит. II, 435.
Бѣловъ худож. II, 42.

Бѣгичевъ Дм. Шик. I, 304.
Бѣгичева А. I, 305.
Бюлеръ II, 453.
Бюргеръ Лордъ I, 501.
Бялогловскій III, 334.

*

Вабдольскіе князья I, 336; II, 236.
Вавжецкій Ф. III, 309, 322, 323, 324.
Вавильевъ II, 54.
Важинскій Порфирій, еписк. Холмскій III, 311, 312.
Вакуловскій, П. И. I, 146.
Валицкій II, 432.
Валуева Ек. Петр. II, 624.
Валуевъ П. А. I, 365.
Ванишъ I, 419, 426; III, 357, 362.
Вандамъ II, 357, 585, 587; III, 358.
Варвинскій I, 105.
Ванюшна И. В. (незак. сынъ кн. Хов).
Ванька-Кайнъ I, 130.
Варлаамъ Тобольск. преосв. I, 209.
Варламъ I, 246, 410; II, 202, 207, 213—15, 342, 343, 344, 353; III, 22, 25.
Варнекъ II, 275.
Варсанофій I, 293.
Варсанофія игум. I, 293.
Варшавскій кн. I, 253; III, 130.
Василій свящ. I, 292, 299.
Василій Дмитріевичъ вел. кн. I, 5.
Василій III Ивановичъ I, 9; V, 73; II, 492.
Василій Бор. духовникъ II, 42.
Василій Фёдоровичъ II, 459.
Васильевъ I, 100.
Васильевъ А. И. министръ III, 181.
Васильевъ Фёдоровъ лек. ученикъ III, 610, 613.
Васильевъ Фёдоръ лѣкарь III, 612.
Василій I, 293, 597; II, 41.
Василій архіеп. II, 51—53.

- Василій** преосв. I, 460.
Вас. Ив. протопресв. II, 38.
Васильчиковъ генер. I, 101.
Васильчиковъ А. С. II, 404.
Васильчиковъ кн. Иларіонъ Вас. I, 253, 275; III, 24, 344.
Васильчиковъ Дм. Вас. 408, 431, 442.
Васильчиковъ III, 298.
Васильчиковъ кн. С. И. I, 159.
Васивъ-паша III, 292.
Васютинъ I, 589.
Вевернъ II, 447, 448, 449.
Введенскій А. И. протоп. I, 295, 602.
Везель II, 475.
Вахнинъ Ив. I, 62, 69.
Вачнадзе I, 163.
Ведельштедъ генер. III, 319.
Вейдемейеръ III, 193.
Вашановъ II, 319.
Зееръ ростовц. III, 442.
Вейде маіорша III, 15.
Вейсенгофъ III, 328.
Вейстремъ купецъ, II, 187.
Велюрсскій I, 93, 249, 253, 262, 264, 266, 267, 271, 276, 277, 282, 411, 419, 420.
Великопольская С. М. II, 450—452.
Великопольскій И. Е. II, 450—452.
Вельтманъ А-идр. Оом. I, 101, 107, 108, 109, 295, 300; II, 37, 45, 227, 232, 438, 439, 556, 570; III, 204, 208, 217, 219, 384, 386, 441.
Вельяшевъ III, 363.
Веллингтонъ III, 343, 347, 356, 357.
Вельяминовъ И. И. I, 589; II, 427, 449; III, 204.
Вельяминовъ И. П. протоіер. II, 38.
Венглинскій комисаръ III, 319.
Веніаминовъ проф. III, 61.
Венедиктъ архим. II, 564.
Веніамикъ архим. III, 212.
Веніаминъ (Багринскій) еписк. III, 179.
Веніаминъ архим. III, 208.
Вердеревскій III, 572, 573, 576.
Веригинъ кан. III, 88.
Вердые Алтонъ II, 388.
Веревкинъ I, 273.
Верещагинъ Л. Н. I, 286; III, 217.
Верзилинъ III, 572.
Верстовскій III, 452.
Веселовскій II, 174, 189; III, 368.
Веселовскій Г. М. III, 143.
Вивіенъ архим. II, 232.
Вивіенъ медикъ I, 289; II, 232.
Вигель Фил. Фил. I, 203, 288, 295, 296.
Виденинъ Андреевъ III, 267.
Викторъ архим. Лужецкій III, 218.
Викторъ архим. Можайскій III, 386.
Викторовъ А. Гр. III, 218.
Викторія кор. Англ. III, 219.
Виламовъ гр. I, 92, II, 624.
Вильбоа генер. II, 376.
Вильде маіорша III, 14.
Вильямсъ полков. III, 292.
Вильтонъ II, 528.
Виминъ-Альбертъ II, 174.
Винкивистъ Елисавета-Шарл. II, 422.
Виноградовъ проф. II, 683.
Винценгероде II, 363.
Виртембергскій принц. I, 260, II, 442.
Висноватый А. В. I, 110.
Витгенштейнъ кн. Петръ Христ. I, 430, 436.
Витгенштейнъ I, 416, 435; II, 355, 585; III, 481.
Витовтовъ II, 61.
Витославскій III, 313.
Вишняковъ іерей I, 599, 610.
Віелегурскій III, 321.
Владимировъ профес. II, 167.
Владимиръ Александровичъ всл. кн. I, 112; II, 54.
Владимиръ епископъ (его путевыя замѣтки) I, 664—682.
Владимиръ архим. I, 52.
Владимирскій С. С. II, 106.

- Власъ** поваръ III, 440.
Влезовъ Ѳ. М. III, 178.
Влодекъ II, 215, 223, 347, 357, 364, 369; III, 20, 355.
Водзицкій ген. III, 320, 331.
Воиновъ Л. I, 16, 273, 308.
Воиновъ П. П. II, 119.
Воейковъ В. Л. капит. III, 175, 178, 183.
Войцеховичъ А. И. I, 457, 459, 462, 463, 588.
Волкова Анна Ѳедор. I, 523.
Волкова Софья Александровна, ур. Римская-Корсакова I, 260.
Волковъ А. А. I, 90, 260, 271, 276; II, 201, 203; III, 20, 359.
Волковъ II, 203.
Волковъ Г. I, 595.
Волковъ дьякъ I, 15.
Волковъ М. II, 354.
Волконская кн. Ал - ра Ник. I, 241, 271, 624.
Волконская княж. Варв. Мих. I, 624.
Волконская кн. Екатер. Алексеевна III, 568.
Волконская кн. Зин. А-ровна I, 543; III, 192.
Волконская кн. Софья Григ. I, 92, 419, 624; III, 192.
Волконскій кн. Ал. Петр. I, 624.
Волконскій кн. Григ. Сем. I, 246, 258, 267, 275, 276.
Волконскій кн. I, 267, 418, 419, 435.
Волконскій кн. I, 439.
Волконскій кн. Д. П. I, 90, 247.
Волконскій кн. М. Н. II, 403, 489.
Волконскій кн. Никит. Григ. I, 253; II, 363.
Волконскій кн. М. С. I, 543.
Волконскій кн. Н. Г. I, 78, 246, 250, 265.
Волконскій кн. Петръ Мих. I, 109, 623, 624; II, 359, 363; III, 344, 351, 569.
Волконскіе I, 415,
Волуевъ I, 443.
Володимировъ куп. II, 313.
Володимировъ ротмистръ II, 538, 550.
Волоховъ III, 150.
Волловичъ графъ II, 448.
Вольцогенъ подп. III, 569.
Вольфъ Н. И. I, 150.
Вонлярлярскій I, 102.
Воробьевъ Алек. Ив. I, 293, 298; II, 434, 436, 566,
Воронцова гр. Ев. I, 81.
Воронцова гр. Елис. Ром. II, 502.
Воронцова кн. Елис. К. I, 144.
Воронцовъ-Дашновъ гр. И. Л. I, 70, 282; II, 355; III, 187.
Воронцовъ гр. А. Р. I, 218, 253, 254, 263, 266, 274, 275.
Воронцовъ гр. М. Л. II, 384.
Воронцовъ князь Мих. Сем. I, 115, 118, 127, 140, 151, 152, 153, 154—164, 168, 422, 429, 431, 434; II, 203, 265; III, 17, 22, 130, 188, 195, 198, 203, 340, 342, 355, 361, 362, 363, 368, 422.
Воронцовъ графъ Сем. Ром. I, 229, 250, 281; II, 420, 503, 526, 576.
Воронцовы I, 77, 78, 81, 84, 86, 414, 417, 419, 435.
Воскресенскій И. А. д-ръ III, 35.
Воскобойкиновъ III, 174, 175.
Врангель I, 131, 134, 145; III, 276, 281, 282.
Вревскій бар. И. А. I, 149.
Вреде II, 362.
Всеволожскій I, 253.
Вумчъ полков. III, 88.
Вульфъ вице-губернаторъ III, 183.
Вульфъ предс. Каз. Пал. III, 209, 211.
Вурмъ Готфридъ I, 372, 374.
Выговскіе братья I, 521.
Вѣра игум. Никит. м. III, 385.

Вѣра Яковлевна (помѣщица) III, 581—584.

Вѣтроцынская акт. III, 55.

Выбицкій III, 326.

Высоцкій докт. I, 598.

Вышковскій III, 318, 323.

Вяземская кн. I, 90, 261.

Вяземскій кн. ген. прок. II, 314, 383.

Вяземскій Нав. Петр. кн. II, 453.

Вяземскій Петръ Нав. кн. II, 456.

Вяземскій кн. Петръ Андр. I, 91, 93, 94, 249, 254, 259, 261, 264, 267, 271, 275, 276, 282, 283, 409, 410, 414, 427, 446, 586; II, 51, 54, 155, 235, 564; III, 426, 602.

Вязьмитиновъ Серг. Кузм. I, 540.

*

Габерлей Христ. лѣкарь I, 500.

Гавріиль Бодони митр. I, 222, 227.

Гавріиль свящ. II, 316.

Гавріиль еписк. Твер. II, 394.

Гавріиль архіеп. II, 49.

Гавріиль митр. С.-Петербургскій I, 206, 210, 211, 212, 214, 218, 219, 222, 223.

Гавриловъ Дм. II, 563.

Гавриловъ М. Г. проф. I, 43, 44, 45.

Гавриловъ М. III, 412.

Гавриловъ Никифоръ у Сн. I, 262.

Гагарина кн. Н. Д. ур. кн. Орбеліа-ни I, 144, 169.

Гагаринъ кн. Г. И. III, 25.

Гагаринъ кн. Ник. С. II, 273.

Гагаринъ кн. С. III, 198, 203.

Гагаринъ I, 253.

Гагаринъ Ѳ. I, 78.

Гагарины I, 153; III, 200.

Гагенаръ Генр. III, 80.

Гаджи-ага I, 162.

Гаевскій Нав. Ин. I, 462.

Гайнфатеръ I, 414, 415, 416, 417, 418.

Гайфукъ Янъ гр. III, 330.

Галаховъ кап. II, 413.

Галактіоновъ С. II, 313, 396.

Галлаховскій II. III, 426, 432.

Гаманнъ банкиръ III, 201.

Гаизень Ан. П. I, 144.

Ганка В. В. III, 443.

Гантимуровы кн. III, 155, 159.

Ганбури-Вильямсъ I, 458.

Ганъ бар. I, 135.

Гартингъ ген. III, 363.

Гаррисъ II, 313, 416, 417.

Гауфманъ генер. III, 319.

Гарданъ ген. I, 501.

Гасанъ-бей II, 509.

Гвоздевъ III, 396.

Гдовская III, 499.

Гевенгюллеръ гр. II, 472.

Гезень III, 208.

Гедеоновъ Ал-андръ Мих. I, 258.

Гедеонъ арх. I, 216, 217.

Гедроиць III, 318, 336.

Гейденъ гр. II, 437; III, 207.

Гейденъ гр. II, 440, 445, 562.

Гейзень II, 181, 182, 183, 187; III, 204.

Гейдекенъ I, 409.

Геймъ И. А. рект. I, 43.

Гейманъ проф. II, 46.

Гейсмаръ I, 262.

Гейтсбюри I, 83.

Гекернъ I, 411.

Гельбигъ II, 396, 415.

Геннингъ архивар. III, 485.

Генріета Нассауская прин. III, 7.

Генрихъ Прусскій II, 400.

Георгъ Казн-бекъ I, 121.

Георгъ I-й II, 473.

Георгъ IV-й III, 6, 193.

Георгій О. II, 39.

Георгій затворникъ III, 574, 575

Георгіевскій В. Т. III, 76.

Герасимъ О. I, 463.

Гербель II. III, 376.

- Герболинскій свящ. I, 54, 69.
 Герардъ г-жа I, 617.
 Гердъ графъ I, 475.
 Герингъ пасторъ II, 332.
 Герингъ II, 559.
 Германъ архіеп. I, 295.
 Гернгутеры II, 350.
 Гёрцъ гр. III, 8.
 Герстенцвейгъ генер. III, 561.
 Гессе К. Ф. ген.-л. I, 130.
 Гессе подпор. III, 281.
 Гессельгреены II, 417.
 Геслингъ Н. Н. I, 124.
 Гессенъ-Дармштадскій герц. I, 459.
 Гжимала Викентій III, 328.
 Гиляровъ С. П. II, 84, 254, 445.
 188, 326, 465—496, 604—608 608—
 612—621; II, 60—134, 238—299.
 Гиляровъ Ф. А. (воспом.) I, 175—
 Гиляровъ Платоновъ Н. П. I, 184,
 604; II, 82, 83, 90, 254, 268, 279;
 III, 389.
 Гильдебрантъ И. Ф. I, 500, II, 454,
 Гипіусъ III, 206.
 Гиршъ Я., Еврей II, 336.
 Гиршъ (квистеръ) III, 16.
 Глазуновъ Н. Дм. майоръ III, 166,
 170.
 Гласка III, 325.
 Глинка А. П. I, 288; III, 376.
 Глинка полков. III, 542, 543, 545.
 Глинка С. Н. I, 499; III, 46.
 Глинка Фед. Ник. II, 289, 291; II,
 587, 588; III, 397.
 Глѣбовъ Ф. П. I, 302, 305, 460,
 602; II, 46; III, 377.
 Глѣбова Стрѣшнева - Шаховская кн.
 Е. Ф. I, 602.
 Глѣбова-Стрѣшнева Н. П. I, 65.
 Глѣбовъ-Стрѣшневъ П. Ф. II, 446.
 Глѣбовскій ст. сов. II, 313.
 Гобиусъ II, 418.
 Гогель ген.-м. И. И. I, 145, 148,
 149, 167, 440.
 Гоголь Ник. Вас. I, 101, 107, 448;
 II, 153—163; III, 449.
 Глюкъ I, 371, 374.
 Годзскій воеводичъ III, 319.
 Голембовскій А. А. II, 349, 365, 582,
 583; III, 22.
 Голенищевъ-Кутузовъ I, 314.
 Голиковъ II, 314.
 Головина В. П. I, 462.
 Головинъ Г. П. I, 160.
 Голицына кн. Е. В. урожденная
 Приклонская I, 249.
 Голицына-Прозоровская кн. М. А. I, 5;
 II, 459.
 Голицынъ кн. Федоръ I, 413.
 Голицынъ кн. Александръ Мих. I,
 413. II, 507.
 Голицынъ кн. Ал-ѣй Бор. I, 297,
 599, II, 39, 57.
 Голицынъ кн. А. Н. I, 78, 80, 224,
 226, 227, 229, 251; II, 233.
 Голицынъ кн. Вас. Серг. I, 71, 234.
 Голицынъ кн. Дм. Вл. I, 444.
 Голицынъ кн. Дм. Мих. I, 381; III,
 268, 269.
 Голицынъ кн. Леонидъ II, 429.
 Голицынъ кн. Н. Н. I, 106, 109,
 458, 597.
 Голицынъ кн. С. Д. I, 23, 86.
 Голицынъ кн. Серг. Ф. I, 499.
 Голицынъ Серг. Мих. I, 99, 286,
 453, II, 39, 559.
 Голицынъ кн. Авг. Петр. I, 457.
 Голицынъ кн. Н. С. I, 596.
 Голицыны кн. I, 90, 246, 267, 269.
 Головина В. П. I, 595.
 Головина Юанна монах. II, 40.
 Головина Бар. игум. I, 600.
 Головинскій полковн. III, 604.
 Головинъ П. В. III, 276.
 Головинъ генераль I, 407, 409.
 Головинъ Г. П. II, 48, 58, 226, 307,
 569.

- Головинъ Н. Г. I, 100, 103, 288, 455, 601; III, 391.
 Головинъ гр. Н. Ф. I, 23.
 Головинъ Ф. А. I, 10, 15.
 Головинъ капитанъ, II, 580.
 Головины II, 446, 559.
 Головинъ гр. I, 70, 421; II, 463; III, 181.
 Головинъ гр. Г. И. II, 188, 233, 381; II, 480.
 Головновъ маіоръ I, 165.
 Головинъ А. В. II, 50.
 Голомбѣвскій А. А. II, 423, 532; III, 579.
 Голохвастовъ I, 447.
 Голощановъ С. К. вице-губ. III, 183.
 Голубинскій Фед. Ал-др. I, 454, 459; II, 393.
 Голубцовъ Ф. А. III, 181.
 Голштинскій герц. I, 375, 376, 377, 378, 387, 388; II, 464, 472.
 Гончарова А. Н. I, 441.
 Гончаровъ Дм. Н. III, 434.
 Гончаровъ С. Н. III, 453.
 Горбачевскій I, 242.
 Горбуновъ I, 589.
 Горголій I, 251.
 Горихвостовъ Г. И. II, 233.
 Горихвостовъ Дм. Пет. II, 441.
 Горлицынъ Асафъ Ивановичъ II, 350.
 Городищева Н. И. I, 449, 453; II, 433.
 Городищевъ II, 572.
 Городова Акул. Фед. II, 436.
 Горновскій I. А. II, 554.
 Горская Аполлин. III, 205.
 Горская Ап. Ап. I, 592, 593; III, 62, 70.
 Горскій А. III, 212.
 Горстникъ И. Н. I, III.
 Горлицынъ Ив. III, 80.
 Горчаковъ III, 217.
 Горчаковъ кн. А. И. I, 590.
 Горчаковъ кн. Вл. Петр. I, 293; III, 392.
 Горчаковъ I, 249, 278; II, 211; III, 208.
 Горяиновъ II, 46, 50, 51, 227.
 Готлибъ I, 451.
 Горшковскій III, 307.
 Грамонъ Ив. лек. III, 611.
 Грановскій Т. Н. I, 99.
 Граматинъ II, 77.
 Грачевскій I, 103.
 Грейгъ ротмист. III, 88.
 Грейгъ Ал-ѣй Сам. II, 508; III, 460.
 Грегоржевскій I, 299.
 Гречь Ник. Ив. I, 93, 106, 418, 463; II, 602; III, 377, 450, 453, 475.
 Гржимайла Викентій III, 314.
 Грибоѣдова П. А. I, 131, 138, 174.
 Грибоѣдовъ Александръ Серг. I, 115, 116, 117, 527, 528, 529, 530, 531, 532—535 (его показаніа).
 Григорій архіеп. II, 51.
 Григорій митроп. Спб. III, 218, 219.
 Григоровичъ III, 377.
 Григорьевъ Архимъ, III, 66.
 Григорьевъ капит. III, 527, 528, 529, 530.
 Григорьевъ Максимъ портной III, 590, 591—599.
 Григорьевъ Мпна I, 232, 233.
 Григоровичъ-Барскій В. путеш. I, 63.
 Григорьевъ св. I, 203.
 Григорьевъ Ап. III, 377.
 Гриневскій П. III, 276.
 Гриммъ бар. II, 414, 416, 417, 419.
 Гритти I, 419, 435.
 Громовъ I, 104.
 Гротъ Як. Карл. I, 285, 420; III, 88, 377.
 Гротъ К. Я. I, 285; III, 599.
 Гроховскій генер. III, 318, 320.
 Грубе лейбъ-окулиствъ I, 423.
 Грудевъ Ген. Вл. II, 229.
 Грузиновъ III, 204, 213.
 Грузинскій кн. III, 556.

Груздевъ А. И. II, 74.
 Губановы I, 106.
 Губастовъ Ф. II, 188, 191, 195.
 Губановъ В. Н. I. 298, 299.
 Губановъ В. А. I, 452.
 Губанова I, 449.
 Губнинъ II, 566, 567.
 Гудимъ-Левковичъ В. А. I, 99, 294.
 Гудендорфъ К. I, 291.
 Гудовичъ гр. Андр. Ив. I, 412, 462;
 II, 216; III, 70.
 Гульковский I, 297, 592; II, 431, 432;
 III, 207.
 Гуннингъ II, 396, 404, 414.
 Гурко ген. II, 61.
 Гурьева III, 200.
 Гурьевъ подполков. II, 171, 201.
 Гурьевъ А. III, 351.
 Гурьевы III, 25.
 Гусаржевскій III, 315.
 Гусевъ С. III, 151.
 Гусевъ В. М. I. 298.
 Густавъ III II, 419.
 Гучкова М. П. II, 429.
 Гучковъ Е. Ф. I, 105; II, 441; III,
 69, 73.
 Гучковъ И. Ф. I, 106; II, 232, 233,
 234, 429, 434; III, 205, 210, 211, 396.
 Гучковы I, 105, 453, 458, 461, 589,
 598, 599, 601, 602; II, 231, 431.
 Гюббенетъ Х. Я. проф. III, 300, 301.

*

Давидсонъ, Георг. III, 334.
 Давыдова Юлія I, 305.
 Давыдовъ Ив. Ив. I, 47, 98, 102,
 108, 109, 294, 459, 461, 462; II, 40,
 565, 572; III, 65, 74, 204, 206, 219,
 222, 394.
 Давыдовъ дьякъ II, 175.
 Дадіанъ кн. I, 130, 134.
 Дальбергъ лейбъ-мед. II, 419.
 Даль настоярь III, 263.

Даль В. И. III, 15, 16, 206, 210,
 221.
 Данба-дугаръ-Иринцевъ III, 159,
 175, 177.
 Даниловъ II, 560.
 Даниель бекъ I, 118, 156, 164, 166,
 174.
 Данииль свящ. II, 596.
 Данилевскій гр. III, 377.
 Данииль Алек. I, 114.
 Датскій король I, 376, 377, 378.
 Даунъ II, 472 475.
 Даценко I, 435.
 Дашкова кн. II, 376, 378, 383, 528.
 Дашновъ Дм. Вас. I, 74, 86, 501.
 Двигубскій Ив. А-ѣв. III, 43.
 Дгинскій сенат. III, 330.
 Де-бошь II, 78.
 Дебу ген.-м. А. О. I, 152, 155.
 Дегильонъ герц. II, 483.
 Дейчъ II, 224.
 Дельменгорскій I, 377.
 Деларю III, 487.
 Деляновъ И. Д. III, 224.
 Деменковъ III, 483.
 Демидова Екат. Алекс. II, 516.
 Демидовъ Анат. Инк. I, 429, 436.
 Демидовъ Ал. надв. сов., II, 313.
 Демидовъ А. Г. II, 314.
 Демидовъ П. Г. II, 538, 554.
 Демидовъ Пав. Инк. II, 274.
 Демидовъ Пр. II, 320.
 Демидовъ I, 78; II, 538.
 Демидовы I, 79.
 Демховскій III, 331.
 Дениско I. Р. III, 324, 333.
 Денисовъ III, 315, 320, 337.
 Денисовъ-Орловъ гр. I, 99.
 Депрерадовичъ I, 92.
 Деревнинъ Гавр. дьякъ I, 11, 13, 15.
 Державинъ Гавріиль Романовичъ II,
 334, 383, III, 72.
 Держановскій III, 330.
 Дерфельденъ генер. III, 320.

- Джевицкий III, 331.
 Джолхатъ I, 125.
 Джаншиевъ Г. А. I, 323.
 Дзялынскій III, 316, 317, 327, 328, 333.
 Дибичъ графъ Ив. Ив.
 Дибичъ генер. II, 137; III, 363, 436,
 Дикгофы II, 602.
 Димитрій іером. III, 218.
 Димитрій III, 262.
 Димитрій Константиновъ вел. кн. III, 219.
 Димитрій Херсонскій преосв. II, 570.
 Димитрій Владимировичъ в. к. I, 420, 422; 430.
 Димитрій Ростовскій, I, 109.
 Димитрій протоіер. I, 109.
 Діевъ М. Я. II, 226.
 Дяклеръ лѣварь III, 610.
 Дмитріевскій регистр. III, 580.
 Дитерихсъ I, 307.
 Дмитріевъ Ив. Ив. III, 29, 30, 32, 35, 55, 453.
 Дмитріевъ Никол. Гр. I, 405.
 Дмитріевъ II, 232.
 Дмитріевъ Мпх. Ал. II, 440; III, 29—32.
 Дмитріевы III, 46.
 Дмитріевъ-Мамоновъ А. И. I, 237, 239.
 Дмитрій Владимировичъ, в. кн., I, 72.
 Дмуховскій III, 326.
 Добровольскій I, 424.
 Добронравовъ III, 382.
 Догановскій III, 348, 440.
 Докучаевъ Мих. Макс. III, 165, 166, 171.
 Докторовъ II, 215.
 Долговъ Ив., купецъ II, 313.
 Долгополовъ купецъ II, 412.
 Долгорукая кн. А. Н. III, 326.
 Долгорукая кн. П. Б. III, 76.
 Долгоруки I, 281, 410.
 Долгорукий кн. А-ѣй Ал-ѣев. II, 39.
 Долгорукий кн. Алексѣй Григ., I, 382, 383.
 Долгорукий кн. Вас. Андр. I, 382, 412.
 Долгорукий кн. Вл. Вл. II, 196, 198.
 Долгорукий кн. Вл. Серг. II, 462.
 Долгорукий кн. В. Л. I, 23, 86; II, 189.
 Долгорукий кн. Д. В. I, 271.
 Долгорукий кн. И. А. I, 379.
 Долгорукий кн. Н. В. I, 440; III, 188, 203.
 Долгорукий вв. Д. И. III, 76.
 Долгорукий кн. П. В. I, 287, 511.
 Долгорукий кн. С. Н. II, 46.
 Долгорукий кн. С. А. II, 599.
 Долгорукий кн. С. Г. I, 389.
 Долгорукий кн. Ю. А. I, 521, II, 40, 557; III, 73, 205.
 Долгорукий Ю. А. кп. III, 267.
 Долгорукий кн. Ю. В. II, 505, 555.
 Долгорукий кн. Я. Ѳ. II, 40.
 Долгоруковъ генер. III, 528.
 Домбровскій III, 309, 315, 320, 322, 323, 325, 336.
 Домникія игум. I, 296.
 Домогацкій А. А. III, 397.
 Дондуковъ - Корсаковъ кн. А. М. I, 153.
 Донъ-Карлосъ I, 274.
 Дорошевичъ III, 448.
 Дорофѣевъ Ѳедька лек. учен. III, 613.
 Дрожжинъ мехап. III, 387.
 Драчевъ И. С. III, 397, 399.
 Дорофеевы купцы II, 623.
 Достоевскій Ѳ. М. его письма I, 402, 403; II, 300, 301.
 Доронины III, 148.
 Дроздова Ольга Мих. I, 604.
 Друкортова Пр. Н. II, 452.
 Драчевскій I, 98, 458.
 Драшусовъ II, 232; III, 62, 220, 337, 388.

Дребушъ II, 304.
 Дрегеръ I, 101.
 Дружининъ III, 378.
 Дроздовъ Филаретъ I, 225, 598.
 Друцкій кн. В. I, 102, 105, 106, 559, 565.
 Друцкій-Соколинскій кн. I, 191.
 Дубенская I, 247, 430, 435.
 Дукланъ - Охоцкій Я. III, 333, 334, 335.
 Дудоровскій Ст. Θ. III, 179.
 Дударовъ I, 125.
 Дударъ I, 125.
 Дурнова I, 442.
 Дундуновъ-Норсановъ кн. III, 285.
 Дурновъ I, 271, 407; III, 363.
 Дурасовъ III, 41, 42, 395.
 Дюбюкъ III, 387.
 Дюваль ювелиръ II, 538.
 Дьяконовъ II, 555; III, 207.
 Дюбуа I, 127.
 Дюгамель I, 258; III, 337.
 Дѣдулиціе III, 329, 330.
 Дѣдулицій III, 325.

*

Евгеній архіеп. Ярославскій I, 102.
 Евгений архіеп. I, 451, 455, 458, 460, 463; 589, 599, 595, 601, 602; II, 42, 43, 44, 46, 224, 444, 559, 566; III 204, 209, 222, 384, 385, 395.
 Евгений викарій II, 427, 440, 444.
 Евгений митроп. Кіевскій I, 289, 340.
 Евгений преосв. I, 603, II, 37, 39, 41, 43, 44, 47, 49, 51, 56, 58, 225, 428, 431, 435, 440, 445, 569, 571, 572; III, 62, 63, 75.
 Евгений митроп. I, 101, 203, 212, 222, 227; II, 42, 432.
 Евгений Ярославскій преосв. I, 460, 458.
 Евдокія Никит. I, 290.
 Евгений принцъ II, 473.

Евдокимовъ Ивашка III, 613 (лек. учен.).

Евлампій I, 293.
 Евреиновъ А. М. I, 304, 451.
 Евреиновъ А. Г. III, 547, 548.
 Евстафій II, 445, 558; III, 221, 224, 387, 391.
 Евлашевскій I, 628.
 Евреиновъ М. М. II, 570.
 Евсѣевъ I, 95.
 Егоровъ II, 432.
 Ейхгорны бр. I, 439.
 Екатерина I-я имп. I, 18, 19, 22, 369, 375, 376.
 Екатерина II Великая I, 113, 200, 210, 225, 227, 502, 538, 539, 540; II, 313—42, 499, 503, 511; III, 8, 9, 10, 11—16, 37, 40, 144, 338.
 Екатерина Иоанновна I, 22; II, 171.
 Екатерина Павловна. III, 8.
 Елагина Авд. Петр. ур. Юшкова I, 190.
 Елагинъ И. В. бригадиръ II, 424.
 Елагинъ пензоръ III, 379.
 Елагинъ Н. А. I, 517, 518.
 Елагинъ Н. В. III, 223.
 Елена инокиня Дѣвочкина I, 295.
 Елена Павловна I, 212, 404.
 Елена игум. I, 296.
 Елисавета Алексѣевна, императрица I, 226, 497, 622; II, 375, 477.
 Елисавета цесаревна I, 380, 384.
 Елисавета игуменья I, 450.
 Елисавета принц. I, 375; II, 464.
 Елисавета Петровна импер. II, 58, 77, 384, 457, 458, 480; III, 147.
 Елисавета Ступина II, 60.
 Елисавета Павл. гр. I, 278.
 Ельскій III, 327.
 Енгель I, 77.
 Енгельгардъ I, 411.
 Енохинъ I, 591.
 Епифанцевъ III, 149.

- Ермолаевъ кам. юнк. I, 73.
 Ермолинъ Оска III, 611 (лек. учен.).
 Ермоловъ Ал-й Петр. I, 101, 114, 286, 527, 591; III, 362, 550.
 Еропкинь М. И. стольникъ I, 15.
 Ерославскій Вас. I, 231.
 Есауловъ III, 459.
 Ессенъ г. губ. I. 92.
 Ефимычъ трапезникъ II, 78, 79.
 Ефремовъ Ф. III, 209.
 *
 Жарковъ В. Н. III, 388.
 Ждановская Агр. Ник. II, 39.
 Ждановская А. С. I, 688; II, 40, 235; III, 208.
 Ждановскіе II, 443; III, 68.
 Ждановскій И. И. I, 106, 588.
 Ждановскій Н. П. III, 396.
 Ждановъ I, 16.
 Жедринскій М. П. I, 137.
 Желтухинъ II, 260, 279.
 Желтуховъ куп. II, 316.
 Желѣзновъ олагъ-офиц. III, 270, 271, 272, 273.
 Желябужновъ М. комиссаръ I, 16.
 Желабовъ офицеръ III, 88.
 Жемчужниковъ III, 439, 440.
 Жераръ I, 268.
 Жеребцовъ генер. III, 452.
 Жеребцовъ I. 588.
 Жилинъ Н. Ев. III, 168.
 Жижина А. III, 173.
 Жикорскій III, 326.
 Жихаревы I, 253.
 Жирардотъ К. К. ротный команд. I, 367.
 Жолобовъ вице-губ. III, 183.
 Жоніо м-ше II, 439.
 Жоффренъ г-жа II, 392, 488.
 Жомини фрел. I, 253.
 Жуковскій В. А. I, 103; II, 148, 155.
 Жуковскій Пав. Вас. I, 249, 261, 276, 278, 281, 283, 284, 285, 544, 433, 586 (его письмо къ издателю).
 Жуновъ Яв. Кар. II, 68.
 Журавлева II, 355.
 Журавлевъ I, 254, 262, 269, 271; II, 589.
 Жюлинацъ III, 362.
 *
 Забѣлинъ И. Е. II, 41, 173, 337.
 Забалканскій II, 280.
 Заболоцнй-Платоновъ В. И. прот. II, 43.
 Забѣлла III, 318, 328, 336.
 Завадовская графини Елпе. Павл. I, 247.
 Завадовскій гр. Яв. Вас. II, 252.
 Завадовскій I, 251, 252, 282.
 Завальевскій III, 450.
 Завилейскій III, 551, 552, 560.
 Загоскинъ I, 107, 430; III, 451, 452.
 Загряжская Нат. Кир. I, 79, 245, 422.
 Зайончекъ III, 308, 315, 320, 322, 325, 332, 336.
 Зайцевъ иконоп. I, 104.
 Занревская Аграфена Федоровна I, 457, 458, 590; II, 47.
 Закревскій графъ Арс. Андр. I, 81, 85, 98, 99, 101, 103, 107, 109, 110, 111, 113, 244, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 409, 423, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 458, 460, 461, 462, 464, 588, 589, 590, 591, 596, 597, 600; II, 37, 49, 205, 224, 230, 233, 347, 363, 439, 440, 561, 565, 582, 588; III, 20, 192, 210, 211, 355, 364.
 Закржевскій III, 313, 322.
 Закшевскій III, 310, 317, 334, 335.
 Залѣссскій I, 269.
 Залѣссскій М. III, 336.
 Замятинъ П. Н. II, 431.
 Замятинъ полиц. II, 435.
 Замятинъ П. Н. III, 393, 394.
 Замятинъ Д. П. III, 485, 494, 547, 548.

Зандеръ фрейл. III, 14.
 Заридзевъ уряд. I, 167.
 Зарянка Серг. Алекс. II, 559.
 Заринъ кап. III, 97.
 Затрапезный Ив. II, 316.
 Захаровъ М. П. I, 286, 292, 298,
 450, 456, 599; II, 37, 46, 224, 233;
 III, 73.
 Захаровъ Савелій II, 401.
 Званцовъ I, 279.
 Захлинскій О. III, 331.
 Звѣржховскій III, 323.
 Зеленнова А. М. III, 178.
 Зеленскій III, 481.
 Зельмира принцесса III, 5—16.
 Зеебахъ гр. III, 96.
 Зелло Георгъ I, 369.
 Зерновъ Инк. Еф. I, 107, 450, 460;
 II, 42, 46.
 Зигури Д. Е. III, 422.
 Зиминъ II, 313.
 Зиминъ Ив. Вас. I, 331.
 Зертисъ-Каменскій Амвр. архіеп. I,
 199.
 Зиновьева Л. II, 371, 374.
 Зиновьева Е. Н. фрейл. II, 405, 406,
 415.
 Зиновьевъ дпрект. I, 104.
 Зиновьевъ П. В. I, 299.
 Зиссерманъ А. Л. I, 154.
 Злотницкій коменд. III, 316.
 Золотаревъ I, 162.
 Золотовъ II, 44.
 Зомеръ Симонъ лѣкаръ III, 610, 614
 Зміевъ I, 329.
 Знаменскій проф. I, 194, 212, 223.
 Зонтагъ Анна Петр., ур. Юшкова
 III, 589.
 Зоричъ I, 539; II, 416.
 Зубинскій камерд. I, 72.
 Зубковъ Вас. Пет. I, 301, 302, 303,
 304, 305.
 Зубковъ Ковет. I, 415.
 Зубовъ К. А. III, 69.

III, 41

Зубовъ гр. II, 580.
 Зубовъ вн. П. А. II, 520.
 Зыбинскія III, 67.
 *
 Ибрагимъ-ага I, 147, 254.
 Иваненко II, 201.
 Ивановъ Автомоль II, 171, 172.
 Ивановъ Л. Гр. III, 562.
 Ивановъ Ник. Ковет. I, 595, 597.
 Ивановъ I. 275.
 Ивановъ М. I, 286.
 Ивановъ В. I, 51.
 Ивановъ П. II. II, 427, 432, 433,
 434, 562; III 205, 388, 391.
 Иванъ Васильев. Грозный II, 73
 442, 603.
 Иванъ Васильев. вел. кн. I, 5, 8, 13.
 Иванъ Аванас. II, 78.
 Иванъ Христофоров. дьякогъ II, 78.
 Иванъ Оедоров. В-нъ II, 94, 96.
 Ивашевъ П. С. III, 154.
 Иванчинъ-Писаревъ П. Д. II, 451.
 Ивинскій А. Д. I, 289; II, 236.
 Игельстромъ III, 314—316, 317—
 318, 328, 329, 332, 333.
 Игнатій архим. II, 45, III, 74, 392.
 Игнатъевъ П. II. ген.-адъют. III, 558,
 561, 562.
 Игнатъевъ А. Д. I, 98, 453.
 Изабе III, 197.
 Игезеніусъ Андр. Д-ръ III, 610.
 Извольская О. П. I, 593; II, 436.
 Извольскіе I, 100; III, 395.
 Извольскій А. II. II, 483, 550.
 Извольскій А. II. II, 224, 433; III,
 74, 395.
 Извольскій П. М. I, 291.
 Извъковъ I, 276.
 Измайловъ ген. II, 378.
 Измайловъ прокуроръ II, 410.
 Измаилъ Прот. I, 286.
 Иксуль баронесса. I, 72.

Русскій Архивъ 1904.

Искуль баронъ I, 90, 278.
 Иларіонъ архіпм. I, 234.
 Илличевскій III, 481, 494, 547, 548.
 Ильинскій флагъ-офц. III, 270, 273.
 Ильинскій кап. III, 93.
 Иловайскій генер. III, 569.
 Ильинъ ген. III, 74.
 Иноземцевъ Ѳ. И. I, 289, 300, 451;
 II, 45, 555; III, 220.
 Инзовъ Ив. Ник. II, 135.
 Иннокентій архіеп. II, 54.
 Иннокентій Веніаміновъ архіеп. I,
 230, 462; II, 234.
 Иннокентій архим. III, 221, 386, 391,
 392.
 Иннокентій пр. II, 49, 51, 53, 54, 432.
 Иннокентій еп. Одесскій II, 50, 230.
 Иракліонова Н. П. I, 286, 588; II 49.
 Иракліоновъ Н. М. I, 98, 455, 588,
 590, 595.
 Исаевъ III, 283.
 Исай Семеновичъ III, 28.
 Ириной о. II, 45.
 Ириной преосв. I, 210, 230.
 Иродіонъ I, 65, II, 443, 444.
 Исаксовъ Ник. Вас. I, 560; III, 73,
 74, 385.
 Исидоръ митроп. III, 69, 70, 215,
 219, 383.
 Исленьевъ А. А. II, 424.
 Истоминонъ В. И. III, 105, 459, 462.
 604, 605.
 Исухри-паша III, 292.
 Италинскій Андр. Як. II, 202, 215.
 *
 Іаковъ арх. II, 52; III, 386, 388, 389.
 Іоаникій архим. I, 287, 292.
 Іоаникій еписк. Саратов. II, 46.
 Іоаникій архіеп. Варшав. III, 385.
 Іонинъ А. свящ. I, 236.
 Іоаннъ Васильевичъ царь I, 461.
 Іоаннъ прот. I, 234; II, 313.
 Іоаннъ архим. I, 211.

Іоаннъ Антонов. пміер. II, 379.
 Іоаннъ Алекс. Орловъ-Чесм. I, 521.
 Іовскій П. А. III, 209, 388.
 Іовъ Милскій II, 599, 600.
 Іоркъ генер. II, 588.

*

Кавелинъ флиг.-адъют. I, 283, 440.
 Каверинъ сенат. II, 346.
 Кавось I, 424.
 Кавылинъ Ілья Алекс. I, 461.
 Кавецкій Фр. III, 276.
 Кадаевъ III, 487.
 Казадаевъ В. А. II, 278; III, 549,
 550, 551, 552, 553, 554—557, 560.
 Казаковъ генер. II, 433, 453.
 Казаковъ Ал. Бор. III, 73.
 Казанскій П. И. свящ. II, 97, 109.
 Казанцевъ Е. I, 60.
 Казарскій I, 259.
 Казначеевъ А. Г. I, 461; III, 204.
 Кайсаровъ II, 211.
 Калачевъ П. В. I, 102.
 Калашниковъ Сем. II, 313.
 Калашниковъ И. Т. III, 146.
 Калашниковъ Т. П. III, 145—182.
 (вспоминація).
 Калашниковъ Д. П. II, 56.
 Калашниковы III, 146, 148.
 Калембергъ III, 329.
 Калининъ почтдир. I, 108, 528; III,
 197, 340, 354.
 Каллашъ Вл. Вл. I, 368.
 Калайдовичъ И. Ѳ. I, 292.
 Каменецкій Т. А. I, 43, 45, 47, 50.
 Каменская гр. II, 624.
 Каменскій I, 140.
 Каменскій М. Ѳ. ген.-губ. II, 334.
 Каменскій графъ Ник. Мих. I, 244,
 254, 266; II, 520.
 Каменскіе II, 352; III, 187, 193.
 Каменскій П. П. III, 378.
 Каменскій I, 198; II, 210; III, 20,
 346, 351.

- Наменскій архит. I, 109, 110; III, 391.
 Наминскій генер. III, 337.
 Нандиба I, 308.
 Нанкринъ гр. I, 70; III, 188, 196, 199.
 Нанингъ III, 23.
 Напгеръ ген.-м. А. X. I, 171; III, 485, 489, 490, 498.
 Наподистрiя гр. Нв. Ант. I, 71, 256; II, 135; III, 198, 340, 364,
 Напнисть И. В. губерн. I, 455, II, 443; III, 388.
 Напостась купецъ III, 327.
 Напустинъ Платонъ iерей III, 207.
 Нарабановъ I, 109; II, 403.
 Нарадори I, 93, 244, 250, 252.
 Наракалпановъ III, 451.
 Нарамзинъ I, 261.
 Нарамышевъ А. М. III, 170.
 Нарасевскій А. И. I, 107.
 Нарась г-жа II, 434, 435.
 Каратыгинъ актеръ I, 256.
 Карницкiй III, 318.
 Кардиналовскiй II, 448.
 Карачинскiй II, 447.
 Карбоньеръ I, 431.
 Карибоглу III, 200.
 Карель докт. I, 591.
 Карль герц. III, 5.
 Карль m-lle I, 414.
 Карль I-й III, 5.
 Карль XII I, 585; II, 196, 473.
 Карль Леопольдъ герц. Мекленбург. II, 465.
 Карлони архитек. I, 598.
 Карновичъ ген.-м. III, 420.
 Карновичъ Г. П. III, 421.
 Карнеевъ А. М. III, 156.
 Карнеевъ I, 249, 269, 275.
 Карповъ поди. III, 473.
 Карповъ маiоръ III, 164.
 Карсаковъ А. Л. III, 182.
 Карсаковъ А. М. III, 182.
 Карсаковъ Л. М. III, 182.
 Карстенсъ I, 369.
 Картвелинъ П. М. губ. III, 183.
 Карцовы I, 414.
 Каталани I, 416.
 Каталзинъ III, 154.
 Катковъ М. П. I, 101, 103, 105, 107, 108, 114, 286, 294, 560, 562; III, 277.
 Каткартъ II, 396.
 Каулинъ П. П. II, 428.
 Кауницъ кн. III, 186.
 Кацауровъ П. В. I, 598.
 Кацари II, 435, 436, 568; III, 204, 216, 386, 391, 395.
 Качъ I, 249.
 Кашеваровъ I, 436.
 Кашинцовъ I, 564, 567, 569; III, 62, 70, 75, 204, 212, 215.
 Кашеваровъ П. И. III, 66, 68.
 Кашеланеевъ I, 103.
 Квазимодо III, 71.
 Квятковскiй А. полк. I, 159, 163, 164.
 Кедровъ Серг. II, 199.
 Кедрскiй Алекс. Вас. II, 97, 99, 121, 122, 123, 134, 238, 267, 270, 271.
 Кейзерлингъ графъ III, 12.
 Кекъ Вал. Тим. III, 219.
 Кемпiйскiй Оома I, 242.
 Кене I, 295, 598, II, 41, 49, 50, 55, 57, 442; III, 62.
 Кень Д. X. полк. III, 511, 520, 521, 522—528, 531, 533, 534, 537, 539.
 Келембетъ III, 366.
 Келлеръ III, 485.
 Кесшицкiй III, 314, 320.
 Кенигсфельдъ оберъ-гофм. III, 333, 336.
 Кейтъ II, 488.
 Кесслеры I, 166; II, 51.
 Кетовъ А. П. (воспоминанiя) III, 27—59.
 Кетхудовъ I, 144.
 Кикинъ А. П. I, 100, 307.
 Килинскiй Янъ, башмачникъ III, 305, 310, 317, 322, 332, 333, 334.
 Кильдишевскiй I, 269.

- Кинель художн. III, 29.
 Кипіани д. ст. сов. Д. II, I, 144, 151.
 Киреевскіе бр. Ив. и П. Вас. II, 683.
 Киреевскій Ив. Вас. I, 495—498.
 Киреевскій Серг. Ив. I, 495.
 Кирико II, 348, 363, 369; III, 200.
 Киріанъ кучеръ III, 442.
 Кирьяковъ Алекс. Федор. II, 97, 262, 263; III, 389, 392.
 Киселевъ I, 72, 422, 427, 430, 441; III, 351, 365.
 Кисловскій Ал. Ефр. I, 589, II, 52.
 Киттеръ А. А. III, 553, 554, 556.
 Кичеевъ П. Гр. II, 437, 555; III, 385.
 Кишинскій ком. III, 281, 316.
 Кларендонъ лордъ III, 292.
 Классень I, 464.
 Клеветскій Мар. Як. III, 165.
 Клейнмихель гр. Петръ Андр. I, 77, 268; III, 499, 517.
 Клембкенъ И. И. III, 168.
 Клендо I, 426, 428.
 Климиъ I, 276, 278; II, 212.
 Климовъ Емелько, лекар. учен. III, 611, 612.
 Клингеръ Ф. И. II, 422.
 Клиссень III, 334.
 Кличка Фр. П. ген.-м. III, 178, 182.
 Клоначевъ О. А. II, 511.
 Клоковъ III, 485.
 Клугень I, 131.
 Клюки ф. - Клюгснау г. л. Ф. К. I, 141, 142, 145.
 Клюки ф. Клюгенау Ан. Еф. I, 142.
 Ключаревъ В. В. III, 498.
 Ключниковъ I, 590.
 Кноррингъ И. О. III, 276, 289.
 Кнорингъ ген. I, 253.
 Княжевичъ III, 325, 337.
 Князевъ Н. П. III, 213.
 Кобать И. И. I, 104.
 Кобяковъ И. дьякъ I, 9.
 Ковалевскій П. III, 378.
 Ковалевскіе I, 451, 454, 463; II, 595.
 Ковалевскій I, 588, 589, 592, 599; II, 45, 47, 48, 57, 225, 227, 235, 236, 431, 433; III, 63, 74, 209, 218, 220, 384, 393.
 Ковачевичъ Стефанъ архпм. I, 445.
 Ковалинскій Ил. Мих. I, 560, 562, 570.
 Кожевниковъ Вл. I, 325, 401, 554; II, 26; III, 261.
 Кожевниковъ А. Я. докт. II, 248, 251, 252.
 Кожуховъ II, 217, 343; II, 497.
 Кожуховъ Н. С. I, 80.
 Кожина М. О. II, 67.
 Кожинъ П. Н. I, 501; II, 560, 562.
 Козловскій I, 273, 413, 440; II, 38, 355; III, 189, 199, 350, 351.
 Козлова Алек. Иван. I, 284.
 Козловъ Ив. Ив. I, 283, 285; II, 47, 211.
 Козловы I, 283.
 Козляниновъ Г. О. ген.-м. I, 130.
 Козаковъ II, 444; III, 60.
 Козьминъ М. I, 24.
 Козьминъ ст.-секр. II, 402, 405.
 Козенсъ I, 408.
 Козерѣдскій II, 448.
 Козицкая I, 256.
 Козубскій Е. И. III, 125.
 Кокоревъ В. А. II, 64, 74; III, 541, 542.
 Кокоревъ И. Т. I, 295.
 Козловскій кн. III, 138.
 Кокошкинъ Фед. Фед. I, 249.
 Коленкуръ III, 389.
 Коллинсъ С. III, 610.
 Колонтай Гуго свящ. III, 307, 308, 313, 319, 321, 322, 323, 326, 328, 331, 334, 336, 339.
 Колосовъ И. М. II, 229.
 Колоредо II, 595.
 Колтовская Алек. Петр. II, 591.
 Колтовская Н. А. I, 407; II, 211.
 Колчинъ А. Ег. I, 463.

- Колычевъ Н. В. I, 502.
 Колычевъ С. В. III, 564—579.
 Колычевъ III, 565, 567, 568, 569, 572, 573.
 Коловратъ III, 307, 315, 326, 328.
 Колюбакина А. А. I, 140, 142, 145, 154.
 Колюбакинъ М. II. I, 141, 142.
 Колюбакинъ Н. II. I, 140, 142, 143, 144, 145—153 (письма) 169.
 Комаровскіе III, 305, 306.
 Комнинъ Ив. врачъ III, 268, 614.
 Комовскій III, 88.
 Кондыревъ III, 368.
 Коншинъ I, 308.
 Конде принцесса I, 488.
 Кони Фед. Алекс. II, 54; III, 388.
 Кондратьева Анна Фед., ур. Бизляева I, 293; III, 216.
 Кондратьевъ А. II. III, 401.
 Кондратьевъ Генн. (пѣвецъ) III, 215.
 Кондратьевъ Н. В. I, 100.
 Кондратьевъ П. II. I, 107, 292, 293, 294, 298, 462; III, 223.
 Контскій I, 454.
 Кондратевы II, 78.
 Колыско поруч. III, 318.
 Комковъ полк. III, 286.
 Коневъ I, 286.
 Коновницынъ I, 308, 334.
 Конопка генер. II, 219.
 Конопка III, 319, 335.
 Констадъ I, 469, 486.
 Константиновъ I, 124.
 Константинъ Пнголасвичъ вел. кн. I, 117, 248, 590; II, 51.
 Константинъ Павловичъ вел. кн. I, 274, 304; II, 447, 569.
 Конецъ бригад. III, 337.
 Копостасъ III, 334.
 Коробьинъ I, 302.
 Коргановъ I. II. I, 155.
 Кортавинъ Н. Ил. свящ. III, 216.
 Коризна I, 260.
 Коркуновъ М. А. I, 463.
 Корнеръ кардин. II, 193.
 Корниловъ А. М. III, 183.
 Корниловъ Влад. Алекс. III, 88, 94, 95, 97, 105, 270, 271, 272, 273, 454.
 Корниловъ П. II. I, 98, 99, 293, 298, 588, 589; II, 41, 53, 229, 230, 237, 555, 566, 570; III, 74, 207.
 Корниловъ Ф. II. I, 109.
 Корниловъ Ф. II. I, 101, 110, 111, 286, 289, 298, 452, 456, 591, 600; II, 229, 440, 441, 446, 561, 571; III, 62, 75, 215.
 Корниловъ I, 98, 100, 109, 293, 296; II, 555.
 Корнильевъ адм. II, 310.
 Коробова мѣщ. III, 218.
 Корнильевы I, 286.
 Корольковъ III, 518—519, 523, 525, 526, 536, 537.
 Корнь I, 417, 418.
 Корсакова I, 550; III, 22.
 Корсакова С. А. II, 203.
 Корсаковъ (Рямскій) А. М. III, 21.
 Корсаковъ А. II. II, 397.
 Корсаковы II, 203.
 Корсаковскій III, 368.
 Коровинъ Степ. III, 80.
 Короткій Д. В. III, 440.
 Корсакъ (депутатъ) III, 307.
 Корфъ бар. I, 441; II, 51, 235; III, 73, 371, 374, 485, 491, 495.
 Корфъ Н. А. бар. II, 374, 400; III, 214.
 Коршъ I, 290; II, 61, 62; III, 372.
 Косаковская III, 328.
 Косаковскій гетм. III, 318, 336.
 Косаковскій еписк. III, 318, 336.
 Костюшко III, 306, 307, 309, 312, 314, 315, 316, 318—322, 326, 327—332, 325—27, 29, 31—33, 335, 336, 337.
 Катани II, 344.
 Котельниковъ П. Е. III, 33, 34.

- Котошихинъ II, 195, 336.
 Котляревскій П. С. генер. I, 136.
 Котовъ II, 50; III, 390.
 Коцебу гр. П. Е. I, 151, 153, 159, 165, 167.
 Коцелль III, 330.
 Кохановскій III, 325.
 Кочетова II, 624.
 Кочубей Василій I, 413.
 Кочубей графъ Викт. Павл. II, 576.
 Кочубей вл. I, 245, 248, 250, 260, 274, 407, 410, 417, 421, 422; II, 576.
 Кочубей Д. В. I, 251.
 Кошелевъ II, 430, 433.
 Кошелевъ А-ндръ Ив. II, 279, 495, 559.
 Крамаренковъ В. И. вице-губ. III, 183.
 Краббе-фонъ К. К. I, 127.
 Краевскій III, 378.
 Краевскій Богдаль II, 539.
 Краковскій I, 132, 134.
 Красильникова М. I, 76.
 Красильниковъ ст. сов. II, 313.
 Крамеры I, 440.
 Крапоткинъ кн. II, 61 427, 440, 443, 555; III, 56, 62, 205, 395.
 Красинскій Иос. III, 333.
 Красинскій Каз. графъ III, 318.
 Красноглазовъ III, 207.
 Краснодембскій III, 326.
 Красницкій артистъ III, 223.
 Крафтъ III, 366.
 Крашениникова Гл. М. I, 298; II, 439, 441, 555, 556, 558; III, 62, 72, 75, 205, 207, 214, 222.
 Крашениниковы III, 70.
 Крюковъ I, 114.
 Криницкій Пав. II, 565.
 Крейдеманъ III, 364.
 Кренцеръ А. Х. III, 447, 450.
 Крейцъ I, 253; III, 56.
 Кречетниковъ III, 314, 328.
 Кривошапкинъ I, 424.
 Кригеръ III, 330.
 Крицнеръ полк. III, 560.
 Кроткій А. С. II, 228.
 Крикуновъ Ф. К. III, 104.
 Кроминъ III, 21, 22.
 Кротковъ М. И. діак. I, 600; II, 424.
 Кругликовъ А. Венед. II, 213, 214.
 Кругликовъ I, 276.
 Кругъ III, 485.
 Крузе лейбъ-мед. II, 406.
 Крутицкій Леонидъ I, 233.
 Крыжановскій II, 558, 559, 569, 570.
 Крылова Е. Л. III, 13.
 Крыловъ Пв. Андр. II, 46.
 Крыловъ Никита Ив. I, 104, 105, 109, 300, 456; II, 49, 59; 226, 229, 430, 433, 555; III, 393.
 Крыловъ С. С. II, 555.
 Крюдинеръ III, 551.
 Крюднеръ III, 459.
 Крюковъ II, 436.
 Кублицкій II, 437.
 Кугушевъ кн. II, 41.
 Кудрявскій III, 194, 196, 340, 343 354, 355, 364.
 Кудрявцевъ III, 198.
 Кукольникъ III, 378.
 Кульгачевъ эсаулъ III, 285, 286.
 Кульчина III, 386.
 Кукинъ городск. голова I, 449.
 Кулибинъ II, 382, 394.
 Кумани адмиралъ I, 255.
 Куманинъ К. А. I, 106, 451.
 Кунинъ А. А. II, 421.
 Кунъ III, 392.
 Куницынъ III, 485.
 Куракина кн. Е. Ст. II, 375.
 Куракина кн. М. Ф. III, 197.
 Куракинъ кн. А-въ Бор. III, 373, 375.
 Куранинъ кн. Бор. Пв. II, 174—199.
 Куракинъ кн. Бор. Ал. II, 375.
 Курляндскій герцогъ I, 376; 468.
 Куроѣдова П. В. I, 100.

Куроѣдовъ В. Н. I, 100, II, 555,
III, 70, 204.
Курмышскій Пв. Афан. II, 175.
Курута гр. I, 252, 253, 304.
Кусовъ II, 446.
Кусновскій I, 288.
Кутайсовъ гр. I, 431, II, 532.
Кутешень дѣкаръ III, 610.
Кутузовъ кн. Мих. Иллар. I, 511;
III, 497, 498.
Кутузовъ А. комисаръ I, 16.
Кутузовъ Т. комисаръ I, 16.
Кутузовъ Р. Н. I, 69.
Кутузовъ Л. И. I, 70.
Кутузовъ П. В. гр. I, 92.
Кутневичъ Вас. свящ. II, 51.
Кухаренно ген. III, 48.
Кучинскій маіоръ III, 324.
Кучумовъ И. II, 316.
Кучумина II, 78.
Кушелевъ гр. Григорій (его днев-
никъ) II, 573—580.
Кушелевъ-Безбородно гр. I, 438.
Кушниковъ С. С. III, 25, 55.
Кюльдишевскій Пав. Инк. II, 441.
Кюхельбегеръ II, 137.

*

Лабановъ III, 361.
Лабзинъ I, 115.
Лабзинъ, А. Е. III, 168.
Лавоссъ III, 197.
Лавинскій I, 262.
Лаваль ген. I, 253.
Лаврентій архим. I, 196.
Лаваль графиня I, 256, 283, 285.
Лавровъ Н. Д. I, 51.
Лавровскій П. А. II, 119; III, 344.
Лагарпъ I, 273; II, 685, 687; III,
10, 187.
Лагренё I, 430, 433, 434, 435.
Лагуновъ С. III, 154.
Ладыгинъ Н. Д. I, 323.
Ладюрнеръ I, 268.

Лазарева I, 269.
Лазаревскій I, 410.
Лазаревъ Христофоръ I, 258.
Лазаревъ адм. III, 105.
Лазаревъ армянинъ II, 411.
Лазаревъ актеръ III, 224.
Лазаревы I, 410, 420.
Лазаревичъ надзиратель II, 37.
Ламахинъ III, 387.
Ламбертъ гр. I, 275.
Ламбъ И. В. губерн. III, 182.
Ламсдорфъ I, 264, 269, 556, II,
363; III, 355, 362.
Лангъ вице-губ. III, 183.
Ланская I, 86.
Ланской И. В. III, 156, 162, 171,
183.
Ланской ген.-м. II, 314.
Ланской Дмит. Серг. I, 276.
Лапидевскій С. (ректоръ) III, 395.
Лапшиковы III, 152, 154.
Ларіоновъ Ае., депутатъ II, 326.
Ласунскій II, 385.
Ларіоновъ Сенька лекаръ III, 612.
Ласси I, 465.
Лахтинъ М. III, 269.
Лачиновъ I, 278.
Лебедева III, 208.
Лебедева г-жа I, 286; II, 47.
Лебедевъ III, 181,
Лебедевъ Д. П. I, 397, 449.
Лебедевъ М. капит. III, 615, 620.
Лебедевъ Н. Д. II, 57.
Лебедевъ Вас. Макс. II, 117, 118.
Лебедевъ П. В. II, 257.
Лебедевы I, 450.
Леберхтъ медальеръ I, 212.
Леванидовъ оберъ-секр. III, 296.
Левашова Е. В. I, 79.
Левашовъ I, 72, 274, 527.
Левашовъ В. В. I, 79.
Левенвольдъ гр. I, 383, 384.
Левенгеймъ I, док. 249.
Левенгауптъ II, 463, 466, 479, 480.

- Леверкъ I, 369.
 Левшинъ II, 203, 204.
 Левшинъ прот. I, 232, 234.
 Леки полк. III, 292.
 Лексъ I, 269; 434.
 Леманъ I, 269.
 Ленць К. II. губери. III, 182.
 Леонидъ архим. (Краснопольвовъ) II, 45, 559, 564, 569, 570, 572.
 Леонидъ архіеп. Крутицкій I, 234; III, 61.
 Леонидъ рект. II, 38, 560.
 Леонидъ викарій III, 207, 209, 214, 218, 220, 221, 222, 384, 385, 394.
 Леоновъ ген. С. А. I, 135.
 Леонтій О. старецъ, I, 67.
 Леонтьевъ Пиметь II, 119.
 Леонтьевъ III, 377.
 Ленскій (актеръ) III, 390.
 Леопольдъ (Кобургскій), Бельгійскій III, 185, 186.
 Лепарскій III, 545.
 Лепешкинъ С. Д. I, 113.
 Лепешкинъ В. С. III, 386.
 Лермонтовъ Мих. Юр. I, 190; III, 394.
 Лернеръ Н. О. I, 117.
 Леруа II, 386.
 Лесли А. Д. гр. кап. III, 105.
 Леслевскій I, 298.
 Лестокъ I, 464, 465.
 Лефорть кул. I, 104.
 Леццано Б. Б. в.-губ. III, 183.
 Лешковъ Н. В. I, 98.
 Лешковъ проф. В. II, 432.
 Лощинскій графъ III, 325.
 Ливевъ I, 262, 441; II, 302—307.
 Ливень князь Карль Анд. I, 253, 438.
 Ливанскій О. Льв I, 241.
 Либерихъ I, 415.
 Либорацкій III, 320.
 Ливерій іеромон. I, 54.
 Лизандеръ II, 224, III, 71.
 Линарь I, 466, 477.
 Линчъ I, 476.
 Линовскій А. III, 339.
 Липгардъ I, 248.
 Липовскій А. III, 339.
 Липранди Пав. Петр. II, 444, 445.
 Лисицкій Петръ I, 236.
 Литта графиня Екат. Вас. Скаврон-скал I, 268.
 Литта гр. I, 431, 432.
 Лихачевъ кап. III, 103, 459.
 Лихонинъ I, 291, 296.
 Лобанова О. М. княг. III, 222, 388.
 Лобанова кн. О. II, III, 71.
 Лобанова-Ростовская княг. О. Г. II, 224, 431, 433, 436; III, 204.
 Лобанова-Ростовская кн. I, 592, 595.
 Лобановъ-Ростовскій кн. А. Б. I, 457.
 Лобановъ-Ростовскій А. II, II, 555, III, 70.
 Лобановъ-Ростовскій князь М. Б. II, 436.
 Лобановъ-Ростовскій князь Дм. Ив. I, 442; III, 220.
 Лобановъ И. А. кн. III, 220.
 Лобановъ кн. Д. II, I, 271.
 Лобановъ Ростовскій А. Б. кн. III, 156.
 Лобкова А. II, II, 435.
 Лобковъ А. II, I, 102, 104, 105, 106, 107, 109, 286, 289, 290, 292, 293, 297, 298, 449, 452, 458, 461, 588, 589, 591, 592, 593, 596, 598, 601, 602; II, 39, 40, 49, 50, 52, 53, 59, 224, 225, 237, 427, 429, 431, 432, 446, 555, 558, 559, 567, 569, 570; III, 61, 62, 65, 69, 70, 73, 74, 75, 205, 210, 211, 214, 215, 217, 221.
 Лобковъ А, дьякъ I, 15.
 Ловень генер. III, 13.
 Логиновъ П. М. II, 49.
 Логиновъ Ив. II, 320.
 Ловецкій III, 43.
 Лодыженская I, 100.
 Лонтевъ I, 257.

- Ложкина III, 70.
 Ломоносовъ Мих. Вас. II, 382, 451.
 Лонгиновъ III, 198.
 Лонгиновъ Н. М. I, 229, 417, 624.
 Лонгиновъ М. Н. II, 445, 557, 562,
 564; III, 378.
 Лопиталь маркизъ II, 457.
 Лопухина Ан. Петр. II, 575.
 Лопухина Н. вн. I, 624; II, 520.
 Лопухинъ А. О. II, 185, 188, 191,
 195.
 Лопухинъ прокур. II, 428.
 Лопухинъ князь III, 374, 375.
 Лопухинъ П. А. бояр. I, 15.
 Лопухины I, 304.
 Лорисъ-Меликовъ Мих. Тар. II, 82.
 Лорисъ-Меликовъ полк. III, 277, 287.
 Лорнь I, 501.
 Лористовъ II, 362.
 Лочесъ (Лочзей) капит.-лейт. III, 570.
 Лосевъ художн. III, 61.
 Лубкинъ II, 564; III, 205, 206.
 Лужина I, 305.
 Лужинъ И. Д. генер. I, 101, 106,
 III, 56.
 Лука епископъ II, 217, 218.
 Лукези Палли Гект. гр. I, 257.
 Лукинъ III, 176.
 Лунинъ I, 255, 408.
 Лукичевъ купецъ II, 66.
 Лукьяновъ И. М. 595; III, 73.
 Львовъ академ. I, 108, 114, 288.
 Львовъ полк. III, 320.
 Львовъ вн. I, 98, 302; II, 42.
 Львовъ I, 107, 108, 240, 281, 282;
 III, 459.
 Львовская I, 281.
 Любецкий II, 59.
 Любенскій епископъ I, 376, 378.
 Любимовъ С. И. II, 58; III, 74.
 Любомирскій князь III, 341.
 Любовицкій генер. III, 314, 528.
 Людвигъ герц. Вюртембергскій III,
 327.
 Людовикъ принцъ I, 479.
 Людовика (фаворитка Понятовскаго)
 III, 309.
 Людовикъ XV-й I, 457.
 Люцероде I, 271.
 Ляховъ I, 131, 135.
 Лянвиль (Негръ) II, 174.
 *
 Магдональдъ III, 346.
 Магаловъ капит. I, 166.
 Магнушевскій Домин. III, 334.
 Мадалинскій Ант. III, 314, 315, 320,
 321, 322, 323, 328, 336.
 Мазарень герцогиня I, 469.
 Мазаровичъ III, 25.
 Мазепа II, 197; III, 614.
 Мазуринъ II, 69.
 Майеръ ксендзъ III, 332.
 Майновъ Аполлонъ I, 413; II, 37,
 224, 430; III, 205, 206, 215, 379.
 Майновъ В. К. II, 403.
 Майнова М. М. III, 61.
 Макарий архим. I, 235, 236, 241,
 243.
 Макарий еписк. Винницкій III, 380.
 Макарий арх. Глухаревъ I, 51, 235,
 238.
 Макарий о. I, 52, 235, 238.
 Макаровъ ген.-м. III, 498.
 Макаровъ Н. Я. II, 573.
 Макаровъ I, 233.
 Макаровъ М. Н. I, 501, 624.
 Макеровскій Сергѣй I, 415.
 Макеровскій Дмитр. Фавст. I, 275, 424.
 Макеровскій Фастъ Петр. II, 368.
 Македонецъ Евген. I, 226.
 Максимовичъ Мих. А.-лдр. II, 235,
 430, 431, 433.
 Максимилианъ Лейхтенбергскій I, 114.
 Максимовъ Ивашка III, 613.
 Максимовъ С. В. III, 158, 160.
 Максимовъ I, 83, 233, 257, 258, 439,
 440; III, 43.

Максютинъ Петръ Серг. I, 99, 100, 105, 106, 108, 109, 114, 293, 297, 459, 599; II, 59.

Макшеевъ Мих. комисарь I, 16.

Маковъ К. С. I, 98; II, 440.

Малаховскій Ш, 313, 335, 336.

Малова М. М. II, 434.

Малибранъ I. 253.

Малининъ свящ. Вас. Троф. I. 596.

Малиновскій А. Θ. I, 248, 421.

Малиновскій Ант. Ив. II, 168.

Малиновскій П. Θ. I, 87, 88.

Малиновскій Н. Г. II, 294, 298, 299; III, 205.

Малиновскій III, 328.

Малиновскій III, 193.

Мальтиць III, 350.

Мальцовъ I, 92, 102, 293, 294; II, 41.

Мальцовъ П. И. III, 151.

Мальцовъ И. С. II, 615.

Мальцовъ Никиф. III, 151.

Мальцовъ Ш. 156.

Мальцовъ И. Я. I, 108.

Мальцовъ С. И. II, 568; III, 9.

Мальцовы Ш, 151.

Мальковскій Алекс. Львов. полк. I, 291.

Малышевская I, 623.

Мамоновъ Ш, 15.

Мамонтовъ И. Θ. I, 453.

Мансуровъ I, 262, 265.

Мандтъ II, 591.

Манукбей III, 200.

Мантейфель II, 408.

Манычаръ I, 78, 260, 271, 275, 277, 410, 416, 423, 427, 556.

Манцо Ш, 203, 262.

Мардефельдъ ген. I, 466.

Марія Александровна в. княжна I, 455.

Марія Николаевна вел. кн. I, 455.

Марія Павловна вел. кн. I, 222, II, 53.

Марія Θεод. в. кн. I, 205, 206; III, 9.

Марія Θεод. имп. I, 220, 221, 404; II, 503.

Марковъ В. Ш, 157.

Марковъ гр. III, 391.

Марковъ А. II, 396.

Марковы III, 149.

Марковскій Ст. Сем. III, 180.

Марко II, 593.

Марсъ m-lle III, 360, 361.

Мартынова III, 188.

Мартини III, 323.

Мартиновичъ I. И. проф. III, 339.

Мармонтъ III, 346.

Мартыновъ А-й А-ядр. I, 100, 106, 108, 110, 293, 298, 449, 450, 451, 459, 460, 588, 590, 591, 595, 598, 600, 602; II, 40, 45, 47, 50, 53, 54, 57, 226, 227, 237, 430, 431, 432, 436, 437, 446, 565; III, 62, 66, 67, 69, 71, 205, 209, 211, 212, 215, 218, 221, 222, 393, 395, 396, 599.

Мартыновъ сен. I, 107.

Мартыновъ I, 105; III, 394.

Мартыновъ П. П. II, 444.

Мартыновы I, 109, II, 42.

Марченко I, 441; III, 363, 367.

Марьянскій мясникъ III, 333.

Марѳа царица I, 109.

Марѳа инокиня II, 389, III, 64.

Масалинъ III, 549.

Масальскій еписк. III, 318, 336.

Масальскій III, 340.

Маслениковъ П. А. I, 107.

Масловъ Стефанъ II, 566.

Масловъ I, 297.

Мастридія игум. II, 229, 230, 233; III, 386.

Матвѣева М. Л. III, 397.

Матвѣевъ А. А. I, 288; II, 183, 189.

Матвѣевъ П. А. II, 596.

Матвѣевъ П. П. III, 397.

Матвѣевскій прот. I, 57.

Матвѣй Адриановскій діаковъ II, 40.

- Матушевичъ гр. Ад. Оад. I, 77, 262.
 Матаки III, 340.
 Матильда III, 393.
 Мауреръ I, 78.
 Махновскій Калининъ I, 55.
 Маховъ Венед. Мат. II, 494.
 Мацевичъ Арсеній III, 393, 396.
 Мачабеловъ I, 160, 161.
 Медынцова Ел. Як. III, 390.
 Медынцевъ А-й Сел. II, 458, III, 47, 56.
 Медынцевъ А. А. II, 44, 50, 427, 434, 567; III, 69, 70, 72, 75, 205, 212, 287, 289, 392.
 Медынцевъ П. А. III, 216, 222, 387, 389, 393.
 Медынцевы II, 230.
 Медвѣдевъ П. В. II, 242.
 Медвѣдевъ куп. II, 48.
 Медовщикова У. А. II, 427.
 Медовщикова II, 45.
 Медовщикова Пет. Куз. II, 42.
 Мезенцевъ серж. III, 154.
 Мейеръ III, 486.
 Мей III, 379.
 Мекленбургская герцогиня I, 465.
 Мекленбургскій герцогъ I, 388.
 Меликовъ И. I, 163.
 Меликовъ кн. Л. И. I, 147, 164, 249.
 Меликовъ Алекс. I, 414.
 Меллингъ III, 363.
 Мельгуновъ I, 109, 445.
 Мельгуновъ Степ. I, 414.
 Мельгуновъ И. И. прокур. III, 156.
 Мельгуновъ сенат. II, 401.
 Мельгуновъ А. П. II, 417.
 Мельниковъ I, 256, 258, 415; III, 397.
 Мельниковъ Печерскій П. И. II, 106.
 Мельхиседекъ архим. I, 287; II, 42; III, 43.
 Мендъ II, 37.
 Менгденъ I, 50; II, 478.
 Менгденовы братья I, 302.
 Меншикова кн. I, 92.
 Меншиковъ кн. А. А. II, 172.
 Меншиковъ кн. I, 110, 269; III, 455.
 Меншиковъ кн. Ал-дръ Дан. II, 172 187, 189; III, 36.
 Меншиковъ проф. I, 297; II, 119; 229.
 Менчиць Платонъ I, 280.
 Мерзляковъ А-ндръ Оед. III, 43.
 Мерзляковъ проф. I, 501.
 Меркуль I, 326.
 Мерси гр. II, 389.
 Метакса Ег. Пав. II, 587; III, 22, 185, 192, 341.
 Меттернихъ князь III, 190, 194.
 Мещерская кн. Соф. Сер. II, 617.
 Мещерскій князь Пл. Вас. I, 208, 253.
 Мизко А. О. I, 69.
 Мизко Г. Т. I, 53.
 Микулинъ I, 224, 428, 429.
 Миловановъ генер. III, 481, 483.
 Милорадовичъ II, 363.
 Миллеръ Е. И. III, 383.
 Миллеръ портной III, 206.
 Миллеръ д-ръ Ш. 208.
 Миллеръ I, 149; III, 217.
 Миллотъ А. историкъ II, 87, 88.
 Милославскій Ив. Мих. II, 56.
 Милютинъ гр. Д. А. III, 561.
 Милюковъ Симеонъ II, 605.
 Минихъ гр. II, 313, 463, 477.
 Минъ III, 379.
 Монсъ камерг. II, 241.
 Мирзоевъ М. I, 98.
 Мировичъ II, 391.
 Мирсановы III, 152, 154.
 Митрофановъ приставъ III, 27.
 Михаилъ (Миткевичъ) преосв. III, 179.
 Михаилъ Николаевичъ вел. кн. I, 111, 114, 596; II, 50, 51, 439, 565; III, 62, 63, 384.
 Михаилъ Павловичъ в. кн. I, 73; II, 255, 405, 406, 588; III, 447—449.
 Михаилъ Оедоровичъ царь I, 232;

- II, 56, 57, 442, 492—494, 565, 568;
III, 63, 64.
- Михайловъ фельдъегерь I, 409.
- Михайловъ Ив. II, 432.
- Михайловъ А. С. вице-губ. III, 183.
- Михайловъ Ивашко III, 266.
- Михайловъ Март. рудометь III, 612.
- Михайловъ М. Л. III, 379.
- Михайловы братья I, 233.
- Михайловскій-Данилевскій II, 78; III, 481.
- Михельсонъ II, 440.
- Мицкевичъ (Валленродъ) I, 274.
- Мишель II, 419.
- Мишо II, 223, 347, 348, 350, 351, 363, 369, 593; III, 355, 361.
- Мнишекъ Марина III, 219.
- Модень гр. I, 257.
- Модень графиня I, 416, 555.
- Модзалевскій Б. II, 450, III, 146.
- Можжаконъ Н. С. I, 98, 99, 104, 105, 296, 450, 452, 459, 588, 599.
- Моисей иеромон. II, 426.
- Мокрановскій III, 314, 315, 316, 317, 321, 328.
- Мокрицынъ акад. II, 64.
- Моллеръ Н. В. III, 290.
- Меллеръ Э. А. полков. III, 275.
- Молчановъ И. А. I, 498.
- Молво I, 442.
- Молгарнъ Ив. окулисть III, 610.
- Монтенристо I, 288.
- Моро архит. III, 190.
- Мордвиновъ адмир. I, 5 417.
- Морець Н. И. I, 172.
- Мориць I, 55, 483.
- Морозова Мар. Фед. II, 64, 74.
- Морозовъ Юсаф. Алек. II, 224, 431.
- Морозовъ Тим. Сав. II, 74.
- Морозовъ О. Н. II, 88.
- Морозовъ Д. III, 395.
- Морновъ гр. I, 502.
- Моторный Макс. прот. I, 81.
- Моргенштернъ II, 662; III, 74.
- Моренгеймъ I, 81.
- Морошкинъ свниц. I, 194, 221.
- Морошкинъ проф. II, 38, 236.
- Мосоловъ II, 57.
- Мосоловъ поруч. II, 550.
- Москвитянинъ I, 460.
- Москвинъ Гаврила II, 538.
- Мощинскій гр. III, 334, 338.
- Мудровъ Матв. Як. II, 450—452.
- Муравьевъ Андрей Ник. I, 105, 598; II, 47, 226, 232, 433, 444, 567.
- Муравьевъ В. Н. I, 98.
- Муравьевъ Мих. Ник. I, 457.
- Муравьевъ Ник. Наз. III, 67, 569.
- Муравьевъ сенат. 405.
- Муравьевъ-Карскій Ник. Ник. III, 569.
- Муширь-Зарифъ-Мустафа паша III, 292.
- Муравьевъ-Апостоль III, 481.
- Мурашевъ Е. В. II, 226.
- Муриновъ И. Ф. III, 169.
- Муромовы III, 148, 150, 180, 182.
- Муромцевъ Алексѣй I, 414; III, 362.
- Муромцевъ В. А. III, 541, 542, 546.
- Мусина Пушкина III, 462—463.
- Мусинъ-Пушинъ гр. I, 117.
- Мустафа-ханъ I, 131.
- Мухановъ П. А. I, 109, 416; III, 55.
- Мухинъ III, 448.
- Мухинъ Н. И. купецъ II, 436.
- Мухранскій I, 150, 152, 163.
- Мюрать III, 367.
- Мясникова И. И. III, 30, 41.
- Мясоѣдова К. С. II, 227, 561; III, 71, 207, 385.
- Мясоѣдовъ ген.-лейт. I, 455, 456, 591, 593; II, 44, 45, 57, 433, 434, 435, 444, 445, 559, 560, 563, 564; III, 60, 65, 73, 74, 204, 205, 210, 385.
- Мякишевъ писецъ III, 481.
- Мягковъ I, 113; II, 201.
- Мясниковъ Илья III, 178, 179.

*

- Нагой А. П. I, 9.
 Набоковъ I, 302.
 Надеждинъ III, 453.
 Нагель Л. Т. губерн. III, 180, 183.
 Назаретскій учит. II, 332.
 Назарьевъ Артемей лекарь III, 610.
 Назимовъ В. И. I, 98, 99, 101, 102, 111, 288, 259, 449, 461, 462; II, 42, 47, 227, 432; III, 433.
 Назимовъ В. Ю. I, 98. †
 Назимовъ М. У. I, 101.
 Назоровъ И. И. I, 138, 141.
 Назорова I, 151.
 Наполеонъ I, 503; II, 535; III, 466.
 Нарбековъ С. П. III, 263.
 Нарсная В. А. III, 446.
 Нарушевичъ свящ. III, 333.
 Нарышкина Мар. Ант. III, 307.
 Нарышкинъ А-ндръ II, 173; III, 186.
 Нарышкинъ Дм. III, 21, 362.
 Нарышкинъ В. В. III, 154, 156, 157, 158, 160, 161, 165, 166, 168.
 Нарышкинъ А-дръ Льв. III, 421.
 Нарышкинъ Кир. А-ндр. I, 77, 78, 275, 417, 435, 441.
 Нарышкинъ Левъ А-нд. I, 415; II, 173.
 Нарышкинъ С. В. III, 158.
 Нарышкинъ С. К. II, 383.
 Нарышкинъ II, 225, 389, 537; III, 200.
 Нарышкины I, 278.
 Наталья Алексѣевна принц. Дарм-штадтская II, 410.
 Наталья Алексѣевна в. кн. I, 200, 383, 385.
 Наталья принцес. I, 376.
 Нахимовъ III, 270.
 Нахимовъ Н. С. II, 311.
 Нахимовъ адм. III, 37, 105, 454.
 Наумова I, 183, 184, 262.
 Наумова Мар. Серг. II, 87.
 Наумовъ С. М. I, 69.
 Наумовъ ген. ком. II, 325.
 Нащокина Н. В. III, 445.
 Нащокина Кл. Н. ур. Нелидова II, 433.
 Нащокинъ В. В. III, 441.
 Нащокинъ Иванушка I, 541.
 Нащокинъ П. А. III, 449.
 Нащокинъ П. В. (письма) III, 433 - 453, 602.
 Неборовскій III, 335.
 Невѣжинъ Илья III, 566.
 Незговоръ III, 411, 412
 Небольсинъ III, 389, 391.
 Невзоровъ II, 232.
 Невѣржунъ Д. I, 24.
 Невѣровъ Ян. Мих. I, 456.
 Невидимовъ (Плотицынъ) III, 162.
 Недыхляева II, 555.
 Незабитовскій проф. III, 299.
 Нейдгардтъ генер. I, 89, 253.
 Нейдгардтъ Анна Бор. II, 93, 252.
 Нейманъ Богд. Ив. I, 425, 461.
 Некрасовъ Вас. протоп. II, 39.
 Некрасовъ Я. А. II, 237, 431; III, 49.
 Некрасовъ III, 379.
 Неклюдовъ Богд. III, 610.
 Нектарія С. III, 77.
 Нелединскій-Мелецкій Юр. Ал. III, 264.
 Нелидова Фрейл. I, 253; II, 503, 580.
 Неофитъ митр. Иліопольскій I, 290, 291, 299.
 Непряхина Е. Θ. I, 238, 241.
 Нероновъ Вас. совѣтн. III, 296.
 Нееловъ Θ. И. III, 154, 155, 156, 183.
 Нессельроде графиня Лид. Арс. I, 291, 412, 419, 589, 590; II, 559.
 Нессельроде графъ Карлъ Вас. I, 82, 86, 245, 261, 265, 274, 420, 427, 431; II, 349, 351, 352, 353, 367, 582; III, 22, 23, 25, 185, 187, 188, 189, 191, 203, 340, 343, 347, 354, 356, 357, 363, 364, 365, 367.

- Нестеровъ** ген.-м. П. П. I, 147, 148, 149, 156.
Нестеръ III, 536.
Неустроевъ А. Н. III, 163.
Нечаевъ В. П. свящ. III, 219.
Нечаевъ С. Д. I, 111; II, 615; III, 388.
Нечаевъ С. Д. I, 236, 253, 304.
Нечаевъ костоправъ II, 435.
Нечаевъ Вас. Петр. I, 460; III, 71, 207, 222, 387, 389, 393, 396, 397, 403.
Нечай I, 433, 437.
Неимоновъ Козьма I, 176, 187.
Никандръ архіеписк. III, 396.
Никаноръ епис. III, 209, 210.
Никаноръ епис. Александрійскій II, 290, 258, 566; III, 75.
Никаноръ епис. Ойваидскій II, 38, 440.
Никаноръ митр. I, 463; II, 39, 50, 51; III, 566.
Никита Ѳеодоровичъ протоіерей
Никитинъ III, 463.
Никитинъ Дм. лѣкарь III, 611, 612
Никифорова Н. И. I, 296, 451; III, 74.
Никифоровъ П. П. I, 98, 100, 455, 590; II, 41, 46, 439, 440, 444, 567, 570; III, 73, 205, 207, 209, 215, 216, 217.
Никифоровъ П. Н. I, 253.
Никифоръ архим. рект. I, 69.
Николаева танцовщ. II, 283.
Николаевъ Леонидъ III, 218.
Николай странникъ II, 58.
Николай свящ. I, 101.
Николай Александр. вел. кн. II, 54.
Николай митр. Грузинскій II, 423.
Николай Николаевичъ Старшій I, 295, 460, 603; II, 50, 51.
Николай Мих. кн. I, 502, 588.
Николай Ѳеодоров, Ѳеодоровъ I, 390.
Николай I Павловичъ I, 103, 110, 236, 243, 288, 294, 591; II, 52, 72, 87, 137, 140, 447—449, 570; III, 138, 422, 423, 424, 425, 495, 497, 562.
Никонова М. И. II, 54.
Никонъ патріархъ I, 292, 460, 592.
Нифантовичъ поруч. III, 159.
Новикова урожд. Долгорука. В. И. III, 77.
Новиковъ I, 200, 461; II, 58.
Новиковъ (масонъ) III, 34.
Новиковъ М. О. III, 72.
Новограбленный Матв. сборщикъ III, 616, 619.
Новоселовъ И. Л. III, 159, 160, 177.
Новосельскій адм. III, 101, 274, 459.
Новосильцова Е. В. III, 32.
Новосильцовъ Н. П. ст. секр. I, 74, 81.
Новосильцовъ I, 72, 93, 224, 419.
Новосильцовъ Петръ Петр.
Нострадамусъ III, 50.
Новоструевъ II, 559.
Новскій Дм. Петр. I, 105, II, 236, 445, 555, 558, 564; III, 220.
Ногтевъ А. В. I, 9.
Ножъ г-нъ II, 490.
Норманъ II. 362; III, 27.
Норовъ Абр. Серг. I. 103, 114; III, 450, 462.
Норовъ I, 40, 249, 254, 259, 276, 427; II, 53, 431.
Нѣмцевичъ Юліанъ III, 322, 336, 337.
Нѣмцовъ Ѳ. Г. бригад. III, 157, 158, 163, 171, 182.
*
Оаксъ III, 415.
Оболенскіе князья I, 302.
Оболенскій князь Андр. Петр. I, 304.
Оболенскій кн. Е. П. III, 527.
Оболенскій кн. А. А. III, 75.
Оболенскій князь III, 478.
Оболенскій кн. Д. Д. I. 537.
Оболенскій князь Мих. Андр. I, 98,

110, 111, 114, 288, 289, 451, 455, 457, 460, 595; II, 37, 38, 56, 57, 227, 229, 232, 235, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 435, 437, 438, 440, 442, 560, 567, 570, 571; III, 61, 62, 63, 69, 71, 74, 206, 214, 218, 220, 221, 383, 384, 385, 391, 392, 393, 395.

Оболяниновъ П. X. III, 144.

Обрѣзковъ I, 70, 77; III, 203.

Обрѣзковы I, 280.

Обтушинскій III, 68.

Образцовъ Н. С. II, 435.

Овандеръ II, 45.

Овсянниковъ М. Кор. III, 152, 153, 154, 183.

Оверъ А. И. I, 297; III, 220.

Огарновъ Ѳ. II, 174.

Огинскій III, 326.

Одоевскій князь Вл. Ѳеод. I, 189, 282, 304; III, 379.

Ожаровскій III, 314, 318, 336.

Озерецковскій А. А. I, 104, 105, 112, 594, 600; II, 49; III, 62, 65, 70.

Озеровъ К. С. II, 257—268, 270, 271.

Озеровъ Н. И. III, 168.

Озеровъ II, 557.

Оксентьевъ Давыдка лекаръ III, 612.

Озорниковъ Лар. ефрейторъ III, 276, 282.

Окуловъ М. А. I, 295; III, 445, 449, 451, 452.

Оленины I, 407.

Олсуфьевъ Адамъ Вас. II, 381, 393, 564.

Олсуфьевъ Вас. Дм. II, 53, 55, 56.

Ольга Андреевна (Цыганка) III, 434, 445, 446, 450.

Ольга Николаевна в. к. III, 393.

Ольденбургскій принцъ II, 442.

Ольденбургскій графъ I, 377.

Ольшевскій I, 162.

Омачнинъ Діонисій II, 603—614.

Оппель Е. X. монах. I, 613.

Опочининъ I, 431; II, 386.

Опочинина Фрейл. I, 70, 252.

Опенкинъ II, 205.

Оппелева I, 100.

Орбеліани княжна М. I, 165.

Орбеліани кн. Г. Д. I, 158, 160, 161, 162, 169, 170, 171; III, 126.

Орбеліанова Майко I, 131.

Орбеліановъ кн. Д. Ѳ. I, 152, 153.

Орбеліанъ Илья кн. III, 132.

Опенкинъ I, 295, 297; II, 443; III, 67, 396.

Ордынскій III, 206.

Оренбургскіе архіерей I, 638—663.

Орлеанская герц. I, 488.

Орлова-Денисова гр. Нат. Алекс. I, 451.

Орлова-Чесменская гр. Ан. Алексѣев. I, 520, 549.

Орловъ-Чесменскій гр. I, 501; II, 406, 422.

Орловъ - Чесменскій графъ Алексѣй Григорьевичъ I, 499—532, 550.

Орловъ гр. Алексѣй I, 251, 274, 540.

Орловъ кн. Гр. Гр. II, 380—426.

Орловъ гр. В. Г. II, 394.

Орловъ М. Ѳ. III, 452.

Орловскій коменд. III, 314, 322.

Орловъ I, 77, 109, 286.

Орловъ А. Ѳ. гр. III, 554.

Орловъ факторъ II, 39, 41.

Орловъ С. Н. I, 47, 51; II, 557; III, 71, 205, 396.

Орловъ II, 137. .

Орловъ гр. Гр. Гр. I, 199, 200, 246, 251, 262, 265; III, 11.

Орловскій С. Я. I, 298.

Орловы II, 371, 372—426, 508, 515; III, 11, 12, 13.

Осиповъ П. II, 557.

Осиповъ П. I, 100.

Осиповъ А. А.

Остафьевъ Вл. II, 316.

Остафьевъ Н. II, 259.

Остерманъ И. А. II, 313.
Остерманъ графъ I, 499.
Остерманъ тайный совѣтникъ I, 373, 463, 481.
Остерманъ бар. I, 379, 380, 381, 384.
Остенъ-Сакенъ гр. II, 537.
Остервальдовъ I, 241.
Островскій А. Н. III, 379.
Островскій Ив. лѣкаръ III, 610.
Островскій Ген. Ѳед. I, 104.
Островскій П. Ѳ. II, 240.
Островская Т. Ѳ. I, 604.
Остенъ II, 375.
Острожскій князь Константинъ-Василій I, 625—634.
Отсолихъ III, 582.
Оттъ III, 366.
Оттъ m-me III, 201.
Охерналь И. Б. д-ръ III, 28, 29, 34.
Очкинь III, 582.

*

Павель Императоръ I, 541; III, 42.
Павель архиманд. III, 385.
Павель архіеп. I, 570.
Павель митрон. I, 222.
Павель Петр. свщц. I, 108.
Павель I Петровичъ I, 200, 202, 205, 206, 209, 210, 212, 213; II, 410, 461, 503, 573; III, 180, 337, 374, 375.
Павлиновскій III, 327.
Павлова К. К. II, 308.
Павловъ Исачка лек. учен. III, 613.
Павловъ И. Ф. III, 206.
Павловъ Николай Фил. I, 104, 287; II, 57; III, 60, 61, 62, 69, 205, 392, 449.
Павловъ Н. Ф. I, 300, 305.
Павловскій Г. П. I, 242, II, 96.
Павловъ III, 217.
Павловъ Ив. 235.
Павловцевъ Никит. (изогр.) III, 222.
Павличенскій I, 286, II, 588.

Павскій протоіерей Герас. I, 463.
Паисій архим. 234, 443, 559, 564, 570, 572; III, 69.
Палатинъ III, 192.
Пако г-нъ II, 45, 47.
Палашенно Дав. Ник. I, 564, 567.
Палень гр. I, 220, 221; III, 350.
Палень гр. Петръ I, 408.
Палень графы I, 408, 415.
Панаевъ Ив. III, 379.
Панинь А. Н. гр. Ю, 597.
Пальмштернъ I, 89.
Палли I, 268.
Пальи III, 187.
Панкратьевъ I, 90.
Панина А. В. фрейл. II, 405.
Панинь гр. Вият. Никит. II, 54.
Панинь графъ Никита Ив. I, 462.
Панинь графъ Петръ Ив. I, 248, 301, 303, 427.
Панинь гр. I, 441.
Панаевъ В. И. II, 37, 50, 51, 52, 54, 55, 227, 444, 567.
Панаевъ В. П. II, 428, 430.
Панкратьевъ I, 255; II, 200.
Панкратій свщц. I, 456.
Пановскій I, 290.
Панфиловъ III, 101.
Панченко I, 162.
Панченко И. В. II, 432.
Панчулидзевъ I, 535; 41.
Папа-Христо Г. А. виц.-адм. III, 422—425.
Парацельзь III, 50.
Паришь I, 266.
Пареній преосв. II, 429, 430.
Пареній монахъ I, 102; II, 37, 561.
Пасковъ Иванъ II, 538.
Пасенковъ Констант. I, 449.
Пасевьевъ Андр. Гамр. II, 492.
Пасевьевъ Р. В. II, 494.
Пассенъ капитанъ II, 377.
Паскевичъ I, 116, 123, 280.
Пастъ I, 253.

- Паулюччи кард. I, 409.
 Пацовскій I, 134.
 Пашкевичъ III, 456, 458, 459.
 Пашковъ П. Ег. I, 169.
 Пашковы I, 169—173.
 Пащенко I. 600; III, 70.
 Пейссаръ m-me I, 417, 436.
 Пененъ М. X. д-ръ I, 500.
 Пеллегрини III, 185, 186.
 Переверзевъ генер. II, 440.
 Перенусихина М. Сав. I, 539.
 Пересвѣтовъ II, 61.
 Перловъ II, 443.
 Перовскій Вас. Ал-ѣвичъ I, 118, 255, 256.
 Перовскій Левъ I, 278.
 Персіаниновъ П. Ѳ. II, 236, 237, 428, 440, 441.
 Перфильева III, 385.
 Перфильевъ атам. II, 412.
 Перфильевъ генер. I, 101; II, 59, 313, 377.
 Перфильевъ Ст. Вас. II, 53, 557, 560, 566; III, 392.
 Пестель Ив. Бор. III, 181.
 Пестель III, 481.
 Петерсонъ Альфр. I, 286, 458.
 Петерсонъ Н. П. I, 402; II, 301.
 Петерсонъ III, 343.
 Петерсоны III, 582.
 Петрова М. А. III, 74.
 Петрова М. В. I, 592, 593.
 Петрова М. Л. I, 299; II, 560.
 Петровъ А. II, 230; III, 391.
 Петровъ А. А. II, 438.
 Петровъ Леонтій иконопис. I, 598; II, 228, 232, 436, 438, 572.
 Петровъ М. А. I, 104.
 Петровъ Митрошка лекар. учен. III, 613.
 Петрушевичъ А. С. III, 305, 311.
 Петръ Алексѣевичъ II, 62, 63.
 Петръ Евдокимовичъ протопопъ, I, 460; III, 64.
 III, 42
 Петръ Ермилычъ, старообр. попъ, II, 242, 243.
 Петръ митропол. Москов. I, 234.
 Петръ Ольденб., припцъ, I, 301.
 Петръ Θεодоровичъ, князь, II, 375.
 Петръ I Великій I, 18, 107, 109, 280, 290; II, 77, 172, 174, 196, 198, 199, 463, 468, 471, 475, 511, 564, 580; III, 296.
 Петръ II-й I, 19, 382, 383; II, 433, 471.
 Петръ III-й II, 377, 386, 502; III, 147, 420, 421, 600.
 Пикарь Петръ I, 170.
 Пилларъ II, 202.
 Пиллеръ-фонъ-Пильхау II, 529, 530.
 Пиль ген.-губ. III, 180, 183.
 Пименъ игум. II, 441.
 Пини А. А. I, 261.
 Писарева А. М. I, 286; III, 207, 209.
 Писаревъ А. А. I, 296, 460; III, 43.
 Писаревъ иконникъ I, 104.
 Писаревъ Ил. Вл. I, 500.
 Писаревъ С. Д. II, 97, 262.
 Писемскій III, 379.
 Писнаревъ I, 292.
 Питиримъ архіеп. Нижегород. I, 232.
 Платовъ II, 581, 585, 590.
 Платоновъ Вас. Ив. I, 294.
 Платонъ архим. I, 198, 297; II, 52, 445.
 Платонъ митрон. Московскій I, 206, 207, 208, 210—215, 222, 223, 292, 595, 603; II, 39, 41, 46—48, 50, 57—59, 234, 382, 421, 423, 426, 538, 569; III, 73.
 Платонъ протоіерей I, 462.
 Племянникова Ек. Гр. II, 173.
 Племянниковъ П. Г. II, 172.
 Плетневъ П. А. I, 284, 285; II, 154, 155.
 Плещеевъ Ив. герольдм. I, 14.
 Плигина III, 65.
 Плигинъ И. П. II, 225.
 Плигинъ II, 431.
 Русскій Архивъ 1904.

- Плисовъ Ш, 485.
 Плонскій офицеръ Ш, 456.
 Плятеръ графъ Ш, 510.
 Побѣдоносцевъ К. П. I, 189, 302.
 Погодинъ Д. М. I, 286.
 Погодинъ М. П. I, 105, 109—111, 293, 296, 337, 449, 456, 460, 463; II, 42, 59, 92, 241, 432, 495; Ш, 43, 207, 379.
 Погорьльскій П. Ник. I, 100.
 Подклюшниковъ Н. И. I, 107, 108, 290, 291, 589, 590, 592; II, 47, 232, 237, 430, 432, 563, 564; III, 72, 205, 217, 390.
 Подобѣдовъ А. митр I, 193 (его биографія).
 Подобѣдовы I, 195.
 Подурцевъ В. Ш, 266.
 Пожарскій I, 113.
 Позернь г-жа I, 284.
 Позняковъ Я. А. I, 463; Ш, 224, 382.
 Полевая III, 217.
 Полевой Н. А. I, 115.
 Полетина П. И. I, 74; 254, 273, 275, 282, 417, 436, 438; II, 369; III, 22, 23, 24, 136, 201, 350, 355, 356, 361, 362, 364, 365, 369.
 Поливановъ А. Ю. III, 434.
 Поливановъ Н. II. (вспоминанія) 275—293.
 Поливановы I, 305.
 Политновскій т. сов. I, 288, 501; Ш, 205.
 Полонскій III, 379.
 Полоцкій II, 601.
 Полтевъ попъ I, 330.
 Полтининъ генер. II, 427.
 Полторацкій капитанъ III, 418.
 Полторацкій С. Д. II, 40, 230, 428
 Полуденскій П. С. I, 99, 107, 304.
 Полуденскій С. П. I, 456.
 Полуектовъ I, 253.
 Полунинъ профессоръ I, 99; Ш, 74, 207, 210, 219.
 Пелье графъ I, 258.
 Польшманъ Вил. Ром. II, 381, 461.
 Польшманъ Леопольдина III, 5.
 Польшманъ Рейнгольдъ III, 11—16.
 Полякова А. III, 383, 388.
 Поляковъ В. А. III, 205.
 Поляковъ М. О. III, 396.
 Поляковъ II, 445, 555.
 Полѣновъ В. А. III, 221, 224.
 Полѣновъ II, 211.
 Понизовскій М. А. учит. I, 55.
 Понинскій Адамъ III, 321, 322, 331.
 Пономаревъ I, 442.
 Понсетъ М. И. I, 86.
 Понсетъ I, 164.
 Поньрико генер. I, 100, 286, 290, 298, 458; II, 555, 568; III, 75, 204, 210.
 Понятовскій А. С. учит. I, 55.
 Понятовскій Иосифъ графъ II, 361, 375; III, 320, 323.
 Понятовскій примасъ, Ш, 333, 334, 339.
 Понятовскій Стан. II, 457, 462; III, 309, 333.
 Поповъ А. Н. I, 442.
 Поповъ Г. С. I, 590.
 Поповъ Кир. II, 313.
 Поповъ К. Л. III, 105.
 Поповъ М. П. II, 433.
 Поповъ Н. Г. II, 44.
 Поповъ П. М. I, 100; II, 443.
 Поповъ Я. С. (полковн.) II, 427.
 Поповъ (канцеляр.) III, 620.
 Поннъ И. II, 191.
 Поннъ М. II, 191, 192, 196.
 Порошинъ II, 383, 388, 392.
 Порфирій архим. II, 555.
 Порфирій еписк. II, 564, 566.
 Посникова Ан. Ник. III, 69.
 Посниковъ Алексѣй дьякъ, II, 175.
 Посниковъ З. Н. I, 281, 282.
 Посниковъ I, 99, 450; Ш, 369.
 Потаповъ I, 77.
 Потемнинъ графъ II, 200.

- Потемкинъ капитанъ III, 422.
 Потемкинъ князь I, 77, 203, 255.
 299; II, 202, 382, 383, 411; III, 9.
 Потоцкій Игн. III, 310, 313, 319,
 325—328, 334, 335.
 Потоцкій Стан. III, 199, 203, 326,
 334, 335.
 Потѣхинъ I, 98, 99, 100, 101, 104;
 III, 379.
 Потѣшный I, 114.
 Похвисневъ М. И. I, 293.
 Похвисневъ М. Н. I, 286, 460.
 Похвисневъ Ф. И. III, 180, 183.
 Походящій III, 34.
 Поццо-де-Загорскій графъ I, 107.
 Поццо I, 80, 355, 358, 359, 584,
 585, 587, 593; III, 189, 203, 345, 347.
 Почекунинъ И. И. III, 151.
 Починскій Я. III, 267.
 Правдинъ Нв. Вас. д-ръ II, 435.
 Пражевскій Пнк. I, 413.
 Прасковья Ив. царевна II, 171.
 Прасковья Федор. царица I, 16.
 Прейсъ медикъ II, 285.
 Преображенскій П. А., священ. II,
 257, 269, 271.
 Прибиль д-ръ И. А. I, 134.
 Пригородскій Андрей, префектъ II,
 601.
 Прижимовъ III, 162, 165, 168.
 Прозоровская кн. III, 192, 343.
 Прозоровскій А. А., князь I, 498;
 II, 185, 549.
 Прозоровскій И. С., князь, III, 267.
 Прозоръ III, 330.
 Прокоповичъ А. С., протоіерей, I, 60.
 Протасова III, 192.
 Протасовъ А. П. I, 304.
 Протасовъ Н. Анд., графъ I, 290.
 Протасовъ графъ I, 441.
 Протопоповъ Аф. I, 237.
 Протопоповъ Н. Г. III, 72.
 Прохоровъ И. Я. III, 389.
 Прохоровъ К. В. I, 292, 450, 460,
 595; II, 44, 228, 439, 553; III, 69,
 72, 206, 210, 219, 223, 224, 395.
 Прохоровъ Я. В. II, 429, 432.
 Прохоровы II, 234, 571.
 Прянишниковъ Ф. И. I, 450.
 Прянишниковъ I, 259.
 Птоховъ П. В. I, 243.
 Пугачевъ Ем. I, 217; II, 385, 410,
 412; III, 31.
 Пуйли II, 457—462.
 Путинцевъ III, 150.
 Путята Вас. I, 414, 427, 436.
 Путята Ив. Як. III, 541—544.
 Путятинъ I, 258.
 Пушкина Е. Як., урожд. гр. Брюсъ
 III, 192.
 Пушкина Нат. Пнк., урожд. Гонча-
 рова III, 435, 436, 439, 602 (письмо).
 Пушкинъ А. С. I, 238, 304; II,
 135 — 163; III, 23, 25, 433 — 453
 (письма къ нему).
 Пушкинъ I, 77, 78, 104, 115, 116,
 117.
 Пушкинъ (Мусьянъ) гр. П. А. II,
 355.
 Пушкинъ (Дьячекъ) М. П. I, 329.
 Пушкинъ III, 369.
 Пушкинковъ А. III, 182.
 Пушниковъ П. Т. III, 170.
 Пуцинъ II, 137, 138.
 Пшу Ив., толмачъ III, 610.
 Пыряловъ домовл. II, 66, 72.
 Пятовъ М. комиссаръ I, 16.
 *
 Равинскій А. I, 413.
 Рагозинскій III, 318.
 Рагускій Матв. III, 315, 318.
 Радди III, 185, 192, 203.
 Радецкій II, 588.
 Радзивиловъ I, 258.
 Радзивиль князь I, 77.
 Радкевичъ Полик., архіер. III, 397.
 Раевъ академикъ I, 105, 588, 598.

- Раевскій II, 138, 215.
 Размахнинъ Н. III, 152, 171.
 Размахнинъ Я. Н. III, 174, 177, 175.
 Разовъ III, 481.
 Разумовскіе II, 389.
 Разумовскій Андр., графъ II, 368, 384.
 Разумовскій К. Г., графъ II, 379, 390, 415, 501.
 Разумовскій I, 428; II, 585, 587; III, 190, 194, 196, 198, 202, 343, 350, 354.
 Ракоци II, 188, 196.
 Рамазановъ III, 379, 391.
 Рамазанъ К. I, 147; II, 232.
 Рамановъ Якушко, цырульникъ III, 610.
 Рамзай II, 440, 445, 562; III, 72.
 Рамодановскій Гр. Гр., князь III, 610.
 Растопчина граф. I, 101, 102; II, 443.
 Растопчинъ А. Ѳ., графъ I, 94.
 Растопчинъ графъ II, 75; III, 184, 185, 342, 440.
 Расторгуевъ I, 458; II, 66.
 Ратгемъ В. Ѳ. I, 103.
 Ратьновъ III, 70, 215.
 Раутъ I, 449.
 Рахмановъ III, 434, 439, 442.
 Рахмановъ (Колычевъ) III, 562, 563.
 Рахмановъ Ѳ. А. II, 583.
 Рациборовскій III, 325.
 Раулеръ III, 16.
 Рачинскій графъ (капитанъ) III, 105.
 Рачинскій III, 318.
 Рашель I, 467.
 Ребиндеръ Н. Р. III, 301, 302.
 Резановъ Гр. Я., вице-губ., III, 183.
 Резановъ И. Г., об.-прок. II, 313.
 Резановъ С. Ѳ. III, 148.
 Резановъ подираворщ. III, 165.
 Резлеръ С., врачъ III, 266.
 Рейнгольдъ д-ръ I, 622.
 Рейтанъ депутатъ, III, 307.
 Рейхель баронъ II, 430, 431.
 Рейхель генер. II, 433, 558.
 Рейхель Юг. Готл., проф. I, 199, 593; II, 432.
 Рейхель Карлъ III, 568.
 Рейхенбахъ III, 195.
 Рена I, 17.
 Ренанъ Э. I, 403.
 Рененкамфъ I, 124.
 Реневичъ I, 416.
 Репнина кн. III, 192,
 Репнинская (монахиня) I, 615; II, 62.
 Репнинъ Б. А., кн. III, 267.
 Репнинъ Н. В., кн. II, 329, 353.
 Репнинъ Н. Гр., кн. III, 197.
 Репнинъ кн. I, 441, 442; III, 328.
 Репьева двор. III, 30.
 Репьевъ губерн., И. Н. III, 183.
 Реутовскій II, 65.
 Реуттъ генер.-а., I. А. I, 151.
 Ржаницынъ А., епископъ, III, 389.
 Ржевскій Д. С. I, 101, 105, 112, 460.
 Ржевускій писарь, III, 313.
 Рибопьеръ I, 92; III, 9.
 Ризо I, 89.
 Римскій-Корсаковъ III, 423.
 Римскій-Корсаковъ А. М. генер. II, 601.
 Ринальди архит. III, 11.
 Риндеръ II, 400.
 Рихтеръ II, 55, 227, 237, 432, 439, 442, 446, III, 62, 70.
 Рихтеръ Кат. Алекс. III, 74.
 Рихтеръ III, 366.
 Ровандъ банкиръ, I, 501.
 Ровинскій I, 298, 302; II, 53, 59, 432; III, 390, 391.
 Роговиновъ II, 313.
 Рогожинъ I, 601.
 Рогускій III, 336.
 Родзянко II, 135, 136, 433.
 Роде, фонтъ, Клеопатра, III, 397.

Родиславскій І. 298.
 Родіоновъ ІІ, 432.
 Родофиникинъ К. К. І, 93.
 Розановъ І, 112.
 Розановъ Н. Н. ІІІ, 207.
 Розановъ Н. П. ІІ, 230, 571; ІІІ, 70, 392.
 Розениллеръ І, 238.
 Розенкамфъ бар. ІІІ, 73.
 Розень бар. Р. Ф. І, 126.
 Розень бар. Г. В. І, 129, 131, 165.
 Розень Соф. П. б-сса, І, 136.
 Розень подполковникъ І, 369.
 Розмахнины ІІІ, 155.
 Романовскій К. М. І, 595, 599; ІІ, 46; ІІІ, 60, 61.
 Романовскій Д. И. ІІІ, 275.
 Романовскій К. І, 595; ІІ, 49, 439; ІІІ, 209.
 Романовы І, 55, 440, 442, ІІІ, 62.
 Романовъ-Юрьевъ Никита ІІ, 57; ІІІ, 144.
 Роменъ ІІІ, 14.
 Ромодановскій В. И. І, 50.
 Ромодановскій Гр. Гр. ІІІ, 266, 269.
 Рославлевъ ІІ, 385.
 Россеть ІІ, 155.
 Ростовскій протопопъ І, 20.
 Ростовцевъ Я. И. ІІ, 597.
 Ростовскій Іоакимъ, архіеп. 1, 233.
 Ростопчина гр. І, 110, 112, 293, 449, 453; ІІ, 51, 446.
 Ростопчинъ І, 268; ІІІ, 26.
 Ротъ ген.-м. Ф. Ф. І, 144.
 Рошфоръ ІІІ, 358.
 Рубенау врачъ ІІІ, 14.
 Рубини І, 249, 250, 409.
 Рудневъ Е. Г. ІІІ, 524, 525, 534, 535, 538.
 Рудневъ С. Г. ІІІ, 517.
 Румянцовъ графъ Николай Петр. ІІ, 169; ІІІ, 187.
 Румянцевъ гр. П. А. ІІ, 511.

Рулье проф. І, 108, 599; ІІ, 46, 59, 432.
 Руничъ П. С. губерн. ІІІ, 580, 581.
 Руничъ І, 412; ІІІ, 366.
 Русановъ Теоф. І, 226, 227.
 Руссо ІІ, 382, 394.
 Рушковскій Ив. А.-ндропичъ І, 71, 79, 81, 83, 84, 85, 88, 91.
 Рылеевъ А. М. І, 288.
 Рылеевъ Н. И. І, 538.
 Рыжницкскій І, 280.
 Рынкѣвичъ ІІ, 448.
 Рышкевинъ генер. ІІІ, 330.
 Рышковъ ІІ, 443.
 Рѣшетниковъ П. І, 105.
 Рюма-Бестужевъ Я. Г. І. 5. 11. 13.
 Рюминъ М. А. І, 98.
 Рюминъ камерг. ІІІ, 204, 394.
 Рюминъ Н. Г. ІІ, 45.
 Рюминъ О. Г. ІІ, 566.
 Рюриковичи князья ІІ, 377.
 Рюль докт. І, 624.
 Рябининъ І, 458.

*

Сабанѣвъ Ив. Вас. ІІ, 202, 203, 208, 209, 210, 212, 214, 349, 365, 582; ІІІ, 22, 364, 365.
 Сабанѣвъ В. П. І, 597.
 Саблуковъ А. А. І, 407.
 Сабуровъ д. т. с. ІІІ, 64.
 Саварсемидзе ген.-м. Л. Я. І, 143, 151.
 Савва архим. І, 597, 600; ІІІ, 392.
 Савва іеромонахъ ІІІ, 76.
 Саввантовъ П. И. ІІ, 454.
 Савельевъ Ив. І, 236.
 Савенно І, 423.
 Савиничъ капит. ІІІ, 456.
 Савиновъ П. источникъ ІІІ, 612.
 Савицкій В. Я. ІІ, 599.
 Саводникъ В. ІІ, 163.
 Садовскій І, 580.
 Сазинковъ І, 105, 113, 297.

- Сазиковъ Игн. Пав. III, 207, 387.
 Сазиковъ С. П. I, 113.
 Саитовъ В. И. III, 158.
 Сакенъ гр. I, 92.
 Сакенъ I, 265; II, 222.
 Саксъ III, 69, 74.
 Салаевъ III, 47.
 Салиасъ графиня I, 100, 296; 295, 296; II, 443; III, 211, 380.
 Саловъ И. А. III, 562, 571.
 Салтыкова Дарья II, 55.
 Салтыкова кн. А. Н. I, 270.
 Салтыковъ кн. Д. Н.
 Салтыковъ Н. И. гр. III, 464.
 Салтыковъ П. М. III, 267.
 Салтыковъ кн. С.
 Салтыковъ кн. Ив. Дм. I, 278.
 Салтыковъ Ив. Петр. I, 498.
 Салтыковъ Серг. Вас. II, 457, 459 461, 481; III, 11.
 Салтыковы I, 476 (въ письмахъ матери Екатерины).
 Салтычиха III, 213.
 Салтыкъ Станцл. III, 326.
 Самарина С. Ю. II, 528.
 Самарины I, 304.
 Самборскій прот. I, 87.
 Самойловъ графъ II, 383.
 Самойловъ II, 244.
 Самойловъ д. ст. сов. II, 316.
 Самойловъ Н. С. I, 592, 602; II, 51, 52; II^ч, 216, 387.
 Сангленъ Я. И. I, 99, 105, 108, 110, 449, 456; II, 432.
 Сандли генер. III, 356.
 Санти графъ I, 14.
 Сапожниковъ А. А. I, 452.
 Сапѣга Казим. III, 315, 326.
 Сарациновичъ Евгр. Григ. I, 249.
 Сафоновичъ В. И. III, 392, 397.
 Сафоновъ подп. П. В. I, 162.
 Сахаровъ Ив. Петр. I, 460; III, 43.
 Свербеевъ Д. Н. II, 51; III, 392.
 Свержевская А. И. III, 515, 516.
 Свержевскій полковн. II, 499, 515, 520—523.
 Сверчкова гр. I, 412.
 Свинынь II. П. I, 416; II, 422.
 Свинынь издатель I, 65; II, 77, 582, 584, 591.
 Свистуновъ П. Н. I, 240, 242.
 Святогоръ Е. В. III, 204, 206.
 Святополкъ-Мирскій Н. И. III, 276.
 Свѣтовидовъ А. Е. II, 94, 264.
 Свѣтовидовъ Е. Н. II, 270.
 Святославскій А-дръ Петр. I, 108, 298, 455, 598, 605; II, 37; III, 395.
 Себастіанъ II, 589.
 Севенаръ I, 107.
 Севастьяновъ Петръ Ив. II, 557.
 Северинъ Букаръ III, 327, 334.
 Северинъ I, 273.
 Северины III, 366.
 Севрины II, 538.
 Сегюръ графъ II, 376; III, 10.
 Секули ген. III, 320.
 Селивановская К. Ѳ. III, 206.
 Селивановскій С. А. III, 27.
 Селивановъ В. И. III, 390.
 Селивановъ И. В. I, 284.
 Селиверстовъ III, 164.
 Селифонтовъ ген. пор. И. О. III 181, 183.
 Семенова I, 78.
 Семень Климычъ I, 359.
 Сенковскій О. И. I, 104; II, 77; III, 380.
 Сенявинъ II, 583.
 Сенклеръ II, 463.
 Сень Евремонъ II, 469.
 Серафимъ викар. Кіев. III, 207.
 Серафимъ Саровскій III, 575.
 Сербиновичъ К. С. I, 450.
 Сергіевскій Ирод. Степ. I, 604.
 Сергіевскій Н. А. II, 109, 257.
 Сергіевскій II, 558.
 Сергѣева Уст. III, 579.
 Сергѣевъ Ант. свщ. II, 612,

- Сергѣевъ И. С. III, 157.
 Сергѣй Михайловичъ в. кн. I. 77, 260.
 Серебrenниковъ III, 167.
 Серебряковъ II, 495.
 Серебряковъ адм. III, 139.
 Серебряниковъ Ѳедоръ И. II, 581.
 Серезневскій И. И. II, 438, 439.
 Сеславинъ III, 569.
 Сестрженцевичъ I, 214.
 Сибилевъ И. бригад. II, 313.
 Сибирияновъ заводчикъ III, 158.
 Сибуръ г-нъ I, 685.
 Сиверсъ графъ Ян. Ефим. I, 538; III, 326.
 Сидораціи А. Г. хирургъ I, 50.
 Сидоровъ А. печатникъ II, 230.
 Сидоровъ Тим. Афин. II, 67, 242, 298.
 Сизовъ Ст. Дм. III, 180, 182.
 Сизыхъ Д. Анф. III, 181.
 Синарь m-me I, 436.
 Сильвестръ игум. I, 601.
 Симеонъ архим. I, 101.
 Симеонъ свящ. I, 459.
 Симборскій А. М. бар. I, 130.
 Симоничъ I, 131.
 Симоновъ кап. III, 144.
 Симонъ Елис. Иван. I, 338.
 Синьковскій Вар. I, 195.
 Сиріанинъ Сп. Аб. II, 571.
 Сичинскій II, 431.
 Скажинскій III, 326.
 Снаржевскій III, 314, 320, 323.
 Скворцовъ I, 121, 124; II, 119.
 Скарятинъ I, 261.
 Скарятинъ В. Я. II, 596.
 Скарятинъ Н. Я. II, 597.
 Снобелевъ полк. III, 284.
 Сковорода Г. С. I, 60.
 Скопинъ П. М. III, 209.
 Скопинъ-Шуйскій кн. II, 41.
 Снолковъ III, 88, 91, 92.
 Снебновъ д рь II, 569.
 Славинъ II, 228, 433.
 Слободчиковъ Ѳед. сборщикъ III, 616, 619.
 Слѣпцовъ Н. П. I, 149, 153.
 Слядьевъ капралъ II, 385.
 Смирнова I, 194, 196, 197, 206.
 Смирновъ И. еписк. I, 68; II, 54.
 Смирновъ Н. М. I, 590.
 Смирновы II, 84.
 Смогоржевскій Явонъ (Мазуръ), митроп. III, 312.
 Смоленскій А. П. II, 274.
 Снѣгиревъ Ив. Мих. (его дневн.) I, 98—114, 286; 337, 449, 457, 588—603; II, 37—59, 224—237, 555—572; III, 43, 60—75, 203—224, 382—403.
 Снѣгиревъ М. И. I, 595.
 Снѣгиревъ М. М. III, 397.
 Снѣгиревъ Пав. Сем. III, 72.
 Соболевскій С. А. I, 450; II, 308, 431, 615; III, 144, 217, 450, 452.
 Соболевскій П. Л. ген.-л. III, 558, 561.
 Соватюгины купцы II, 66, 67, 72, 73.
 Совестръ I, 248, 261, 431, 436.
 Соймоновъ А. Н. III, 452.
 Соймоновъ Н. А. (изъ записной книжки) I, 538—542.
 Соковнина II, 214.
 Соковнинъ III, 363.
 Соколовскій (поруч.) III, 281.
 Соколовскій М. I, 314, 637; II, 341; III, 86.
 Соколовъ А. М., свящ. II, 92.
 Соколовъ И. С. II, 555.
 Соколовъ И. С. II, 245, 246, 275.
 Соколовъ прапорщ. III, 182.
 Сокологорскій I, 109, 613; III, 201.
 Сокольская М. III, 217.
 Сокольскій Г. И. II, 443, 447.
 Сокольскій д-ръ III, 208.
 Солданъ III, 192.
 Солдатенковъ К. Т. I, 598; II, 41.
 Солдатовы III, 149.

- Солнцевъ** Фед. Гр. I, 100, 102.
Соловой I, 420.
Соловьевъ III, 380.
Соловьевъ Вл. Сер. I, 402, 403.
Соловьевъ Серг. Мих. I, 684; III, 332, 333, 337, 395.
Сологубъ гр. III, 291, 295, 380.
Сольмсъ гр. II, 383, 397, 408, 409.
Сомовъ III, 485.
Сопелкинъ Вл. Анд. I, 289, 457, 458, 459, 589 593, 597; II, 42, 45, 48, 50, 54, 444, 561; III, 63, 64, 65, 72, 73, 215, 387, 390.
Сорокинъ А. II, 233, 427, 429, 432, 438.
Сорокинъ Ив. Як. I, 452.
Сорокинъ Н. Я. I, 290, 291, 296.
Сосновскій П. Г. кан. I, 104.
Софроній I, 67.
Софья Алексѣевна II, 172.
Спафарій Н. переводчикъ I, 9.
Спасскій М. Ф. проф. I, 108; II, 46, 433, 558.
Сперанская Елис. III, 581, 582, 583, 584.
Сперанскій гр. III, 371—375, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 491, 493, 580—584 (его письма).
Сперанскій I, 227.
Спиридоновъ адм. II, 507, 508.
Спиридоновъ Христоф. Дмитр. I, 593, 595; II, 225, 567, 572; III, 70, 75, 215.
Спицынъ А. П. III, 103.
Спицынъ П. П. III, 605.
Срезневскій акад. III, 380.
Стадницінъ М. III, 414.
Станкельбергъ гр-ня III, 13.
Сталковскій полков. III, 331.
Сталь I, 289, 501.
Станиславъ-Августъ III, 310, 311, 327, 337, 338.
Станицкая Евд. III, 380.
Станкевичъ А. И. I, 389.
Станлей пресвит. Оксфор. II, 234.
Старицкій I, 302, 305.
Старовъ I, 164.
Старчевскій III, 380.
Старцовъ Ф. П. III, 181.
Стасовъ В. П. III, 216.
Staël m-me II, 592.
Степановъ аудиторъ III, 501, 507.
Степановъ депутатъ II, 396.
Стерлетовъ Грекъ III, 175.
Стратишировичъ I, 446.
СТИШИНСКІЙ С. Г. I, 129.
Столыпина I, 419.
Сторожевъ Ник. тоень III, 616, 617.
Стратиневичъ I, 427.
Страховъ Н. В. свящ. II, 435.
Страховъ П. И. проф. I, 46, 103, 501, 590; II, 37, 46.
Стреналовъ II, 444.
Строганова А. П. I, 71, 278.
Строганова гр. С. В. I, 278.
Строганова гр. Н. В. урожд. княж. Кочубей I, 422.
Строгановъ гр. А-андръ Григ. I, 407.
Строгановъ гр. С. Г. I, 113, 293, 419, 441, 451, 452; II, 225, 236, 430, 565; III, 384.
Строгановъ гр. П. А. I, 503.
Строгановъ графъ Григ. Ал-андр. II, 431.
Строгановъ гр. I, 289, 297, 300; II, 567, 569.
Строгановъ Гр. Вал. гр. I, 262, 275.
Строгановы II, 333.
Строевъ П. II, 557.
Строевъ С. М. III, 496, 497.
Стромиловъ III, 73.
Струговщиковъ II, 313.
Струкова А. А. III, 13.
Струковъ П. А. III, 73.
Струковъ Ф. свящ. III, 148.
Стршалковскій Фр. III, 314.
Стршанснговскій майоръ III, 317.
Стрѣлкова М. И. III, 39.

- Стрѣшневъ Т. Н., бояринъ I, 9, 15.
 Стрѣшневъ Ѡ. П. I, 299, 449, 599.
 Стуковъ В. свящ. III, 153.
 Стунѣвъ Д. III, 540, 542.
 Стурдза А. II, 351.
 Стюартъ II, 463.
 Суворова кн. (ур. Нарышкина) III, 192.
 Суворовъ гр. А. В. III, 338, 557.
 Суворовъ кн. III, 310, 321.
 Сукинъ комед. I, 92.
 Суликовъ юнкеръ III, 281.
 Сулоцій протоіер. А. И. I, 237, 238.
 Сумароновъ А. П. II, 393.
 Супоневъ I, 419.
 Суриновъ П. III, 151, 155.
 Суриновъ С. III, 152.
 Суровцовъ М. III, 173.
 Суровцовы III, 148, 174.
 Суровциновъ II, 538.
 Сусловъ II, 564; III, 205, 206.
 Суходольскій П. А. III, 385.
 Сухозанетъ I, 273.
 Сухомлиновъ М. И. I, 214.
 Сухотинъ С. М. I, 240.
 Сухотины III, 384, 391.
 Сухтеленъ графъ I, 255, 256.
 Сушнинъ I, 106.
 Сушнова Д. Ив. I, 592, 596; II, 437; III, 217.
 Сушнова Е. П. I, 94.
 Сушковъ генер. I, 449.
 Сушковъ Н. В. I, 100, 101, 102, 104, 106, 107, 112, 114, 227, 286, 293, 295—299, 450, 455, 458, 461, 589, 593, 595, 597, 599, 600; II, 37, 39, 40, 42, 43, 44, 46, 51, 54, 56, 224, 225, 229, 233, 234, 236, 430, 434, 437, 438—440, 445, 559, 560, 562, 566, 569, 572; III, 60, 64, 69, 70—74, 206, 217, 219, 220, 221, 224, 380, 389, 392.
 Сущинскій д-ръ III, 216, 384.
 Счастливы II, 78.
 Сырохновъ (протоіерей) II, 598—602 (его письма).
 Сытинъ вице-губ. III, 183.
 Сычинскій И. И. II, 562, 563; III, 208.
 Сѣверцовъ III, 380.
 Сѣнатрусовъ Ив. III, 148.
 Сѣрановскій генер. III, 321, 331, 337.
 *
 Талейранъ I, 502.
 Таневичъ Фил. свящ. II, 431.
 Тараканова II, 52; III, 396, 397.
 Тарасій попъ I, 291.
 Тарасовъ С. А. I, 106, 286, 290, 458, 597; III, 156.
 Тарусинъ II, 62.
 Тархановъ кн. III, 283, 284, 289.
 Татариновъ полков. I, 292.
 Татищева Агр. Ѡед. II, 173.
 Татищевъ Дм. Павл. I, 428.
 Татищевъ В. Н. II, 173.
 Татищевъ I, 84, 422; II, 369, 549; III, 22, 23, 186, 201, 203, 366.
 Татьяна Феодоровна, старица I, 101, 295.
 Таубертъ ст. сов. II, 392.
 Тахъ принцъ II, 185.
 Тевяшевъ И. В. III, 145, 146—178, 183.
 Тезенфицъ I, 369.
 Телпневъ Ѡ. П. I, 458.
 Теневъ М. I, 197.
 Теофрастъ III, 50.
 Тепловъ II, 382, 386.
 Терновская I, 108, 455, 592, 600; II, 40.
 Терновскій А. Г. I, 98, 100, 101.
 Терновскій П. М. протоіерей I, 99, 101; III, 214.
 Терновскій С. прот. I, 103; II, 44, 46, 440.
 Терновскій Фил. Ал. II, 97, 103.
 Терпигоревъ П. Ѡ. II, 295, 296, 297.

- Теубель III, 485.
 Тимашевъ II, 140.
 Тиммъ В. Ѳ. II, 229.
 Тимченко Гр. Пав. д-ръ I, 500.
 Тиссо камерг. I, 622.
 Тизенгаузенъ гр. I, 441.
 Титовъ А. А. I, 234, 663; II, 568, 614; III, 312.
 Титовъ А. М. II, 436.
 Титовъ Н. П. I, 293.
 Титовъ П. И. I, 106.
 Титовъ П. Н. I, 100, 102, 104—106, 112, 114, 297, 298, 455, 458, 596; II, 49, 54, 229, 431, 559; III, 207, 217.
 Тихменевъ Вас. Евг. II, 56.
 Тихменевъ III, 48.
 Тихонравовъ II, 565; III, 217.
 Тихоцій полков. III, 285.
 Този чревовѣщ. I, 71.
 Толмачевъ генер. II, 45, 433, 444; III, 63, 65, 220.
 Толмачевъ сенат. III, 207.
 Толоконниковъ Гавр. Матв. II, 559; III, 224, 382.
 Толочаниновъ III, 224.
 Толстая К. П. II, 570.
 Толстой гр. А. I, 269, 510; II, 103; III, 183.
 Толстой гр. Дм. Андр. II, 335.
 Толстой Дм. Ив. часовщикъ III, 390.
 Толстой гр. Л. Н. II, 96, 301, 445.
 Толстой гр. М. В. I, 287, 596; II, 59, 432.
 Толстой гр. оберъ-прок. III, 224, 383.
 Толстой гр. П. А. I, 269.
 Толстой гр. Я. Н. I, 81.
 Тольчева III, 40.
 Толь баронъ III, 5, 9, 12, 15.
 Толь гр. К. Ѳ. I, 271, 274, 279; III, 363.
 Томпсонъ I, 538; III, 292.
 Тончи III, 22.
 Топильскій М. I, 102; II, 52—54; III, 216, 382.
 Тормасовъ А. П. I, 103.
 Тормасовъ гр. II, 565.
 Тормасовъ М. III, 184, 186, 191, 193, 193, 341, 364.
 Тотлебенъ гр. III, 90, 95.
 Трегубовъ Я. Ѳ. I, 114, 287; II, 58.
 Трейденъ II, 468; III, 183.
 Трескинъ I, 84, 91.
 Трескинъ Н. И. III, 183.
 Трессо II, 418.
 Третьяковъ А. И. III, 68.
 Третьяковъ С. II, 44, 56.
 Третьяковы II, 56.
 Трефоновъ Ост. II, 412, 413.
 Тризна полковн. III, 517—519.
 Троицкій И. Е., профес. III, 585.
 Тромонинъ III, 43, 395.
 Трощинскій I, 224.
 Трубоцная кн. Е. П. I, 51, 247, 269.
 Трубецкой кн. I, 85, 88, 274; III, 62, 64, 70, 71.
 Трубецкой кн. Н. Ю. I, 113; III, 383.
 Трубецкой кн. П. И. II, 439.
 Трубецкой кн. С. П. I, 527.
 Труновъ (куч. Екатерины II) III, 388.
 Тугуть баронъ III, 327.
 Тулиновъ III, 71.
 Тулотовъ I, 125.
 Тульскій свящ. III, 74.
 Туманскій II, 136.
 Тургеневъ А-ндръ Ив. I, 273, 413, 443, 444, 536; II, 206, 592, 370.
 Тургеневъ А. М. III, 623.
 Тургеневъ Андр. III, 197.
 Тургеневъ I, 74, 76, 270, 421, 433; II, 58; III, 25, 26, 188, 193, 196, 200, 351, 352, 354, 362, 368.
 Тургеневъ Ив. Серг. III, 380.
 Тургеневъ Ник. II, 367.
 Тургеневъ Серг. Ив. III, 197, 364.
 Турнейсенъ I, 258.

Турчанинова Анна III, 601.
 Турчанинова Ан. Ан. III, 181.
 Турчаниновъ II, 57.
 Турчаниновъ Ил. В. III, 179, 182.
 Турчаниновъ М. В. III, 179.
 Тутолминъ Ив. Вас. I, 541; II, 549.
 Тутолминъ Т. И. I, 499.
 Тутолминъ ген. III, 316.
 Тучковъ I, 307, 308; III, 73, 207, 211, 212, 382.
 Тучковъ ген.-м. III, 481.
 Тюминъ иконоп. I, 104, 595—597; II, 53.
 Тюри I, 416.
 Тютчева Екат. Фед. II, 44; III, 72.
 Тютчевъ Н. И. II, 40, 233; III, 206.
 Тютчевъ Фед. Ив. II, 233, 236; III, 217.
 Тютюновъ академикъ II, 436.
 Тюфякинъ Ив. Петр. I, 273.

*

Убри I, 441, 503; II, 623.
 Убриль I, 431.
 Уваровъ гр. А. С. I, 104, 109, 596.
 Уваровъ графъ Серг. Сем. I, 436; II, 363.
 Уваровъ I, 278; III, 25.
 Угриновъ И. Л. III, 164, 165.
 Удачинъ Г. Н. III, 156, 161, 170, 174.
 Украинцевъ II, 196.
 Улановъ I, 107.
 Ульфъ В. врачъ, III, 266, 610, 611.
 Ульяна I, 329.
 Уманецъ Ф. М. I, 634.
 Унгернъ-Стернбергъ, баронъ, III, 14.
 Ундольскій В. М. I, 446, 557, 560, 563, 565, 567, 568, 569; III, 60, 62, 64, 73, 204, 206, 207, 208, 209, 210, 212, 216—218, 220, 221, 386, 389, 391, 392.
 Ураловъ пономаръ, II, 78, 79.
 Урбихъ бар. II, 181—184, 188—191.

Урусова княжна, I, 84.
 Урусова книг. Ир. Никит. I, 485.
 Урусовъ кн. Д. Н. III, 394.
 Урусовъ кн. С. Н. I, 302, 303; III, 395.
 Урусовъ кн. С. С. III, 456, 458—463.
 Урусовъ кн. I, 419; II, 349.
 Усовъ С. А. I, 106.
 Успенскій Мих. И. III, 81, 143.
 Устинова Марѳа Андр. II, 297.
 Устиновъ I, 93.
 Утенинъ М. Д. III, 221, 382, 387.
 Утенинъ Мих. митр. II, 565.
 Уткинъ I, 269.
 Утовляевъ П. III, 174.
 Ухтомскій Э. кн. III, 88, 90.
 Ушаковъ А. И. I, 523.
 Ушаковъ Р. А. III, 67.
 Ушаковъ Ст. сенат. II, 313.
 Ушаковъ генер. I, 253, 288.

*

Фаворскій И. П. I, 287.
 Фавстъ I, 80, 275, 279, 438; II, 348; III, 22, 25, 26, 189.
 Феллеръ I, 249, 431.
 Фельнерзамъ, оберкомиссаръ, I, 16.
 Фельтенъ вдова, III, 296.
 Фердинандъ кн. Флоренскій II, 175.
 Фердинандъ принцъ I, 469, 475, 476, 491.
 Ферзенъ бар. I, 302.
 Ферзенъ I, 476; III, 309, 315, 320, 321, 331, 337.
 Ферморъ генер. I, 491.
 Фетъ III, 380.
 Фигнеръ III, 569.
 Фигнеръ (ночл. домъ) II, 66, 78.
 Фикельмонъ гр. I, 265, 269, 435.
 Филангиери генер. III, 347.
 Филаретъ митр. Московскій I, 52, 102, 103, 105, 108, 224, 227, 235, 271, 287, 291, 299, 365, 452, 458, 460, 463, 589, 591, 595, 598, 600—

604; II, 37, 38, 40, 41, 45, 48, 53, 55, 58, 59, 224, 428, 429—435, 437—446, 558—560, 564, 566, 571, 572; III, 60—64, 66, 69, 70, 73, 74, 204, 208, 209, 212, 221, 224, 382, 384, 385, 386, 389, 390—392, 395, 487.

Филаретъ Никитичъ, патріархъ, I, 107, 288, 492.

Филимоновъ А. И. I, 98, 100.

Филимоновъ М. И. I, 106, 293.

Филимоновъ III, 217.

Филиппеусъ подполк. II, 230.

Филиппи гр. I, 268.

Филипповъ Н. Евд. I, 295.

Филипповъ Т. И. I, 286; II, 566.

Философовъ А. И. I, 102, 111, 292, 295, 450, 460, 588, 596, 603; II, 49, 50, 51, 53, 427, 439; III, 204.

Философовъ I, 419.

Филовей арх. I, 99, 110, 290, 291.

Филовей еписк. II, 49, 51.

Фирковичъ Гавр. Алекс. раввинъ III, 214.

Фирсовъ купецъ III, 522.

Фитингофъ III, 168.

Фишеръ III, 322.

Фишеръ Г. И. проф. I, 297.

Фіалковскій I, 83, 259.

Флеровъ В. П. I, 98, 107, 298, 450, 451, 452; 600; II, 38, 224, 230, 433, 443; III, 66, 206, 209.

Флоринскій Кир, I, 201.

Флягинъ таяц. I, 183.

Фонвизинъ Н. Д. I, 238.

Фонвизинъ С. П. I, 287.

Фонвизинъ П. А. I, 292.

Фонъ-Визинъ М. А. I, 237, 287.

Фонъ-Визинъ II, 381; III, 47.

Фонъ-Рецъ камеръ-сов. I, 386.

Фонтонъ Юс. I, 75, 262, 278; II, 363.

Францева Марія I, 237, 238, 239, 240.

Фрауендорфъ К. Л. губерн. III, 182.

Фрезъ докторъ I, 500.

Фридебургъ Гр. Карл. II, 597.

Фридерикъ М. О. III, 6.

Фридрихъ I, 92, 247.

Фридрихъ Великій III, 5, 7, 10.

Фридрихъ I, 457.

Фридрихъ Вильгельмъ I, 463; III, 336.

Фридрихъ II, 376, 397; III, 6.

Фридрихъ Вильгельмъ-Карлъ III, 7.

Фридрихша I, 247.

Фрикенъ фонъ, генер. III, 498, 501, 502, 504, 505, 506, 507, 516, 520, 522, 531, 539.

Фримонъ III, 348.

Фроловичъ художн. III, 212.

Фроманъ III, 340, 366.

Фурманъ I, 450.

*

Хавскій П. В. I, 107, 450; II, 42, 56, 226, 234, 429; III, 61, 72, 208, 219, 222, 384, 394.

Хаджи-Мурадъ I, 173.

Халецкій ген. III, 92.

Ханыковъ III, 350.

Харламповичъ К. I, 53, 243.

Хвостовъ сенат. I, 86.

Хвостовъ графъ Д. И. I, 194, 216, 218, 222, 223; II, 500.

Хилкова I, 247.

Хильзенъ воевода III, 333.

Хитрова А. Н. I, 541.

Хитровъ I, 78; II, 439, 558; III, 350.

Хитровъ О. II, 384, 385.

Хлеванскій III, 309.

Хиѣльницкій Богданъ III, 336.

Хованскій В. А. кн. II, 201; III, 220.

Хованскій П. А. кн. III, 266, 268, 269.

Хованскій об.прок. I, 215.

Хованскій кн. Н. Н. I, 70.

Ховень II, 444; III, 215.

Ховень фонъ-деръ, бар. Хр. Хр. I, 130.

Ховрины I, 305.
 Ходневичъ г-жа III, 310.
 Ходяевъ II, 393.
 Холинскій маіоръ III, 499.
 Холмскіе I, 304.
 Холщевниковъ Н. О. III, 163.
 Хомутова А. Г. II, 528.
 Хомутовъ III, 139.
 Хомяковъ А.-ѣй Степ. I, 453, 459, 519, 683—684; II, 164—167, 564, 566, 594—97; III, 10, 207, 380, 389.
 Хомяковъ Дм. Алексѣев. III, 464.
 Хотинскій III, 381.
 Хотневичъ I, 113.
 Хотынцовъ сенат. III, 219.
 Храповицкій I, 105; III, 211.
 Храповицкій Г. А. I, 243 416.
 Храповицкій III, 14.
 Храповицкій А. В. II, 335, 382, 499.
 Хребтовичъ гр. I, 70.
 Хребтовичъ I, 265.
 Хрещатицкій П. С. I, 452.
 Христофоръ викарій II, 56.
 Хрулевъ генер. III, 212.
 Хрущовъ II, 379, 386; III, 219.

*

Царскій А. И. I, 591.
 Цвѣтаевъ Л. А., проф. I, 45, 46, 501.
 Цейдлеръ И. Богд., губерн. III, 183.
 Цеймернъ III, 489.
 Цеймернъ сенаторъ I, 109, 288; II, 234.
 Цеймернъ Л. С. II, 312.
 Циковскій III, 317, 333.
 Циммерманъ философъ II, 418.
 Циціанова кн. III, 215.
 Цурикова А. С. I, 599; II, 56.
 Цуриковъ П. Н. III, 67.
 Цыбульскій маіоръ III, 324.
 Цыбульскій серж. III, 173.
 Цынскій ген.-маіоръ III, 55.
 Цынковъ подканцеляристъ III, 171.

Цыцкинъ I, 433.
 Цѣшковскій Л. III. 305—339 (дневникъ).

Цѣшковскій Іос., маіоръ III, 319.

*

Чаадаевъ М. И. I, 453, 595.

Чаадаевъ П. Я. I, 98, 293, 452; II, 43.

Чавчавадзе кн. С. I, 172.

Чавчавадзе кн. Я. И. I, 145, 161, 163, 164, 170.

Чавель Іос. I, 122.

Чаплина П. И. II, 450.

Чариковъ II, 453.

Чарторижскіе III, 327, 332.

Чарторижскій кн. Адамъ I, 570; III, 307, 315, 327.

Часовниковъ И. Д. II, 74.

Чевкинъ полк. I, 93.

Челноковъ купецъ II, 66.

Челокаевъ князь I, 154, 174.

Чемодановъ Н. И. II, 175.

Чеодаевъ М. И. I, 114, 286, 588, 600; II, 41, 567, 570; III, 72.

Чеодаевъ М. С. I, 287, 288, 449; II, 57.

Черемушкинъ купецъ III, 208.

Черепановъ Н. Е. проф. I, 43 45.

Черепановъ прокур. I, 240.

Черепакхинъ II, 435.

Чернасовъ А. II, 386.

Чернассіе I, 525; II, 533.

Чернассій кн. А. А. I, 111.

Чернассій канцеляр. I, 463, 485, 533.

Чернассій кн. Б. А. II, 250, 252, 253.

Чернассій кн. В. А. III, 144.

Чернассій Я., воевода III, 267.

Чернассій Ник. I, 638 (Оренбург. архіерей).

Черновъ В. компрессаръ I, 16.

Черныхъ И. А. III, 180.

- Чернышова, ур. Ржевская I, 524.
 Чернышовъ кн., воен. мин. III, 562.
 Чернышовъ II, 590.
 Чернышовъ гр. I, 70, 77, 434.
 Чернышовъ ген.-ад. II, 223.
 Чернышовъ гр. Зах. Гр. II, 425.
 Чернышовъ гр. Ив. Гр. II, 396.
 Чертковъ Ал.-андръ Дм. I, 99, 111, 287, 289, 588; II, 445; III, 391.
 Чертковъ I, 80, 81, 85.
 Чертковъ И., кап. I, 14.
 Чертова В. Е. I, 450, 451, 455; II, 41, 226, 430; III, 385.
 Чертовъ П. А. I, 304, 453, 455, 595; II, 231, 570; III, 65, 72, 204, 205, 206.
 Черторижскій Ад., кн. I, 72.
 Четвериковъ И. И. III, 382.
 Четвертинскій кн. Ант. III, 307, 319.
 Чивелевъ А. И. III, 462.
 Чигиринскій еп. I, 237, 238.
 Чижова III, 65.
 Чижовъ Ф. В. III, 206.
 Чижъ С. И. II, 203.
 Чикунъ III, 27.
 Чилаева Н. Е. I, 167.
 Чилаевъ Б. Г. I, 115, 117—121.
 Чилаевъ М. Е. I, 151, 169, 170.
 Чилаевъ С. Г. I, 149, 174.
 Чиркинъ купецъ II, 314.
 Чириковъ Л. С. ген.-майоръ I, 16.
 Чистовичъ И. проф. I, 193, 194, 200, 203, 212.
 Чифунусъ Левле, д-ръ III, 610.
 Чичаговъ адм. II, 210, 218.
 Чичаговъ архит. I, 596, 599; II, 430.
 Чичеринъ ген.-ад. I, 246, 438.
 Чужановскій М. ротмистръ III, 211.
 Чулковъ В. В. вице-губ. III, 183.
 Чулковъ И. В. III, 219.
 Чухновъ Андрей I, 405.
 Шавровъ Е. П. II, 94, 97, 110, 114, 269, 270, 272.
 Шаликовъ I, 161, 163, 165, 251, 252.
 Шаликовъ кн. 284.
 Шамборанъ гр.-ня I, 100, 286.
 Шамборанъ графъ I, 98, 100, 600; II, 40.
 Шамиль I, 154, 155, 164, 166, 172; III, 126, 291.
 Шампд Маркъ II, 457, 458—462, 472.
 Шангинъ поруч. III, 154.
 Шаноевъ I, 125.
 Шапошниковъ Ф. А. II, 54.
 Шаргородская Е. И. II, 501.
 Шарлота пр.-са III, 367.
 Шафаринъ I, 443.
 Шафировъ II, 190, 196.
 Шафонскій I, 415; II, 400.
 Шафукъ I, 125.
 Шахназаровъ I, 126.
 Шаховская княгиня В. А. II, 539.
 Шаховской князь А.-андръ А.-андр. I, 513, 515, (его письмо).
 Шаховской кн. I, 302, 308.
 Шванвичъ Н. К. III, 420, 421.
 Шварценбергъ II, 362, 585, 588.
 Шварцъ полк. Ф. Е. III, 506.
 Шварцъ ген. Г. Е. I, 117, 139, 142, 143.
 Шведовъ Ст. Ал. II, 242, 243, 244.
 Шверинъ гр. II, 374, 375.
 Шибашевъ II, 555.
 Шверъ II, 475.
 Шевыревъ Степ. Петр. I, 102, 104, 105, 109, 290, 293, 297, 298, 299, 300, 445, 449, 456, 459, 461, 543; II, 42, 225, 226, 227, 232, 428, 432, 433, 434, 557, 571; III, 73, 74, 205, 208, 381.
 Шелковниковъ М. III, 150 (Курочкинъ).
 Шеллеръ д-ръ III, 179.
 Шенкъ бар. III, 453.

*

Шенье Андре II, 140.
 Шерь Дм. Алекс. II, 38.
 Шепингъ бар. I, 103, 114.
 Шервашидзе кн. М. Г. I, 132, 144.
 Шереметева Н. Я. III, 565.
 Шереметева гр. Анна Серг., ур.
 Шереметева I, 297.
 Шереметева В. С. I, 297.
 Шереметевскій П. В. II, 40, 44; III, 204, 205, 209, 613.
 Шереметевскій П. В. III, 75.
 Шереметевъ гр. Вас. Алекс. II, 456.
 Шереметевъ Серг. Алекс. II, 456.
 Шереметевъ гр. Бор. Петр. II, 182.
 Шереметевъ П. В. III, 392.
 Шереметевъ Вас. Серг. I, 404, 405.
 Шереметевъ Н. П. II, 533.
 Шереметевъ В. Б. бояринъ I, 521, 522.
 Шереметевъ Г. П. III, 76.
 Шереметевъ гр. Д. Н. II, 573.
 Шереметевъ гр. П. Б. III, 76.
 Шереметевъ П. В. III, 266, 269, 611.
 Шереметевъ С. В. I, 442.
 Шереметевъ гр. С. Д. I, 406, 452; II, 453.
 Шереметевъ фельдмарш. I, 371, 372, 373; II, 176; III, 76.
 Шестаковъ III, 381, 459.
 Шетарди маркизъ II, 464, 465, 467, 472, 473.
 Шешковскій Ст. II, 313.
 Шигинъ Н. священ. III, 182.
 Шигоринъ И. П. III, 154, 183.
 Шидловскій III, 317, 332.
 Шилинцовъ I, 315.
 Шиллингъ И. Кр. III, 164, 169, 170.
 Шиллингъ I, 268, 421.
 Шильдеръ II, 137, 138.
 Шиповъ С. П. III, 393.
 Ширъ-Али-бенъ I, 163.
 Ширяевъ город. гол. III, 386.

Ширяевъ II, 59, 568.
 Шихматовъ кн. I, 99.
 Шихматовъ-Ширинскій кн. П. А. I, 293.
 Шишкинъ Ю., комиссаръ, I, 16.
 Шишновъ II, 367, 584, 589.
 Шишновъ Арс. Андр. вице губ. III, 183.
 Шишновъ презид. Акад. I, 92.
 Шю-двола-Швили I, 125.
 Шляревичъ III, 542.
 Шкурина фрейл. I, 253.
 Шкуринъ т.-сов. II, 314.
 Шкуринъ камерд. Екат. II, 375.
 Шлиппенбахъ генер. I, 75, 441.
 Шлыковъ А. Д. III, 396.
 Шлыковъ В. Д. II, 571; III, 217, 386.
 Шлыковъ подпор. I, 138; II, 430, 431.
 Шмальць m-elle III, 367.
 Шмидтъ Генр. III, 339.
 Шмурло I, 194, 209, 210.
 Шнаубертъ Андр. III, 276, 282, 288, 289.
 Шнаубертъ II, 66, 75, 85, 86, 91, 92.
 Шнейдауеръ ген. III, 330.
 Шнейдеръ ст. сов. I, 415.
 Шнейдеръ Ф. Д. III, 444, 445.
 Шнейдеръ д-ръ III, 34.
 Шоберлехнеръ г-жа I, 257.
 Шоберлехнеръ I, 257.
 Шоль I, 414.
 Шольцъ II, 45, 53.
 Шоръ г-жа II, 67.
 Шпаковскій т. сов. II, 313.
 Шпейеръ II, 228.
 Шпигоцкій А. Г. I, 274.
 Шпилевскій II, 232; III, 73.
 Шпись II, 201.
 Шпревичъ II, 39; III, 394.
 Шпренгпортень III, 10.
 Шредеръ I, 282; II, 350; III, 18, 21, 187, 188, 193, 195, 198, 200, 203, 342, 350, 355, 356, 359, 362, 364, 368.

Штакельбергъ I, 273; III, 191, 200, 201, 203, 354, 356.

Штегельманъ II, 416.

Штейнгель II, 570.

Штейнъ II, 587, 592; III, 351.

Штеричъ I, 252.

Штиглиць I, 259, 263, 266, 442.

Штофрегенъ I, 624.

Штрандианъ генер. I, 252.

Штрикъ I, 106.

Штричь Альберто II, 438.

Шуазель I, 490.

Шубинъ I, 300.

Шувалова гр. I, 92.

Шуваловъ И. И. I, 299; II, 415, 460, 505.

Шуваловъ гр. П. И. II, 375, 376.

Шуваловы I, 410.

Шулеповъ II, 348; III, 363.

Шульцова I, 249.

Шумахеръ II, 565; III, 296, 297.

Шумскій III, 498.

Шуровскій проф. II, 46.

Шушанинъ III, 148.

Шугиряковъ иконоп. I, 104.

Щепкинъ М. С. II, 51; III, 449, 453.

Щепотьевъ А. В. I, 298, 456.

Щелочинъ II, 539.

Щербатова книг. Агр. Алекс. I, 523.

Щербатова княжна Е. П. II, 420.

Щербатовъ князь А. Г. II, 585, 588; III, 17.

Щербатовы I, 274.

Щербинъ I, 81; III, 381.

Щербининъ Сем. I, 413.

Щербининъ М. П. I, I, 115, 259.

Щербинины I, 115.

Щербовъ III, 159.

Щукинъ П. И. I, 513, 526, II, 449, 520; III, 27.

Щуровскій III, 209.

Щуровскій профессоръ II, 49.

*

Эбергардъ Павелъ, пасторъ III, 13, 16.

Эдельсонъ III, 381.

Эльфинстонъ II, 508.

Эммануель Е. А. I, 125.

Энгельгардъ Андр. д-ръ III, 610.

Энгельгардъ Б. Г. III, 543.

Энгельгарды I, 540.

Эристова книг. Ел. I, 144, 152.

Эристовъ кн. I, 145, 152, 156, 158, 162, 167, 169; III, 485, 498.

Эспéхо Е. М. I, 132, 133.

Эстергази гр. Австрiйск. посоль III, 189.

*

Юдинъ М., дьякъ I, 15, 24.

Юкавскiй I, 455.

Юмсыренъ III, 175.

Юни В. А. II, 40.

Юрьевъ Марко д-ръ III, 610.

Юрьевъ О. Л. I, 135.

Юсупова кн. I, 247.

Юсуповъ кн. Н. Б. I, 565; III, 437.

Юшкова А. П. I, 523.

Юшновъ П. П. I, 413.

*

Яворская III, 312.

Ягановъ Ю. III, 266, 610.

Ягужинскiй гр. П. Пв. I, 23.

Языковъ П. М. I, 443.

Языковъ шт.-кан. I, 433.

Якоби И. В. генер. поруч. III, 178, 183.

Яковенко II, 201.

Яковлевъ I, 194, 223, 224; III, 386, 485, 493.

Яковлевъ Савва II, 313, 314.

Яковлевъ Серг. II, 538; III, 217, 221.

Яковлевъ Федотка, лѣкар. учен. III, 613, 614.

Яковлевъ подполк. II, 580.

Якубовичи III, 334.

- Якубовичъ М. III, 305, 306.
 Янишъ Г. Г. д-ръ I, 500.
 Янишъ m-lle III, 449.
 Янковскій I, 163.
 Яновскіе II, 201.
 Яновскій III, 487.
 Янсонъ г-жа II, 600.
 Янчунъ II, 169.
 Янь I, 238.
 Яринской В. III, 152.
 Ярмутъ I, 503.
 Ярцева А. И. III, 471, 472.
 Ярцевъ П. О. III, 471.
 Ясинскій полковн. III, 318, 322, 336.
 Яхонтовъ А. А. III, 217, 220.
 Яшвилъ кн. I, 100, 299.
- *
- Ведоровъ А. А. II, 244.
 Ведоровъ Бор. III, 381.
 Ведоровъ Іоаннъ, протоіерей III,
 213.
 Ведоровъ П. О. I, 191, 192, 315,
- 316—18, 402, 445 — 554; II, 5—26,
 301; III, 106—124, 225,—261, 391.
 Ведотовъ Андришка, лекарск. учен.
 III, 613.
 Ведотовъ проф. III, 299.
 Ведотьева II, 224.
 Ведяшovy дворяне III, 27.
 Феодоръ Алексѣевичъ царь I, 109;
 III, 268.
 Федоръ архим. I, 560.
 Феодоръ Борисовичъ, царевичъ II,
 57.
 Феодоръ Іоанновичъ, священ. II, 224.
 Феодосій юродивый I, 333.
 Феодотій архіеи. Симб. II, 49, 51.
 Феоктистовъ Е. М. II, 309; III, 377.
 Феофанъ архіеи. Новгород. I, 234.
 Феофанъ архим. Каляз. I, 102.
 Феофанъ (Прокоповичъ) II, 383.
 Феофилъ преосвящ. I, 287.
 Фокина В. М. III, 69 72.
 Фокинъ Бор., свещен. III, 412.
 Фунгадиновъ Данило, лѣкарь III, 610.

СО Д Е Р Ж А Н І Е

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1904 года.

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

404. Черты древняго Русскаго быта (Церковная градеза и народный судъ).

262. Помощь раненымъ воинамъ въ XVII вѣкѣ. Статья М. Ю. Лахтина.

609. Вознагражденіе врачамъ въ Допетровской Россіи. Его же.

615. Къ исторіи нашихъ первоначальныхъ сношеній съ Японцами.

78. Японія и Корея по Русскимъ книгамъ XVIII столѣтія. Замятца М. И. Успенскаго.

76. Письма княгини Н. В. Долгоруковой и графа П. В. Шереметева къ Кіевскому митрополиту Арсенію Могилянскому.

289. Записка о вдовѣ Фельтена съ ея прошеніемъ о зятя ея Шумахерѣ.

600. Ода памяти Петра Третьяго. Анны Алексѣевны Турчанниной.

420. Памятная замятка о Н. К. Шванвичѣ. Г. П. Карповича.

144. Грамота императрицы Екатерины Второй каптану Симонову (Сообщено Н. Д. Романовымъ).

145. Къ исторіи восточной Сибири въ концѣ XVIII-го вѣка. Воспоминаніи Т. П. Калашникова съ предисловіемъ и примѣчаніями В. Л. Иодвалевскаго.

5. Принцесса Виртембергская Зельмира (съ портретомъ).

305. Последнія судьбы Польши. Дневникъ Людовика Цѣшковскаго съ дополненіями и примѣчаніями Антонія Петрушевича. Переводъ съ Польскаго. Сообщилъ А. А. Титовъ.

371. Воспоминанія о Сперанскомъ. Г. Н. Александрова.

580. Письма Сперанскаго къ П. С. Руничу и къ Пензенской помѣщицѣ.

464. Письмо императора Александра Павловича къ князю Н. П. Салтыкову о переводѣ чиновниковъ на военную службу. 1812 г.

17, 184 и 340. Изъ писемъ Е. Я. Вулгакова къ его брату. 1814—1815 годы.

82. Записка графа А. Х. Вейкендорфа о состояніи Русскаго войска въ 1825 году.

422. Вице-адмиралъ Г. А. Папа-Христо. Замятка г-на Зигури.

426. Къ исторіи нашей торговли съ Китаемъ. 1842. Петра Галлаховскаго.

465. Очерки моей жизни. Воспоминанія Григорія Николаевича Александрова.

27. Изъ воспоминаній Александра Платоновича Котова.

564. Святая могила. Биографическія замятки о С. В. Колычевѣ. А. А. Голомбѣевскаго, съ тремя портретами.

138. Инструкція императора Николая Павловича князю Козловскому объ охранѣ Кавказа. 22 Февраля 1854.

125. Побѣда при Башкадыклярѣ (1853). Частное письмо Э. В. Вриммера (Сообщено В. Н. Максимовичемъ).

276. Воспоминанія Н. П. Поливанова о Курюндарскомъ сраженіи. 1854.

87, 270, 454 и 603. Изъ воспоминаній князя В. И. Варятинскаго.

290. Императоръ Александръ Второй въ Кіевѣ (1857), изъ воспоминаній студента А. Р. 60, 204 и 382. Дневникъ И. М. Снѣгирева. 1859—1861 годъ.

606. Наканунѣ послѣдней нашей войны съ Турціей и въ теченіи оной. Три письма.

585. Положеніе православныхъ церквей въ конституціонныхъ государствѣхъ. И. Е. Троицкаго.

433. Письма П. В. Нащокина къ А. С. Пушкину.

602. Письмо Натальи Николаевны Пушкиной къ П. В. Нащокину.

589. Путешествіе въ лулу. Повѣсть Анны Петровны Зонтагъ.

621. Письмо О. М. Сонова къ В. Г. Теплякову. 1830.

376. Сонникъ современной Русской литературы (1855).

615. Шуточное посланіе С. Д. Нечаева И. С. Мальцову и С. А. Соболевскому.

144. Стихотворная шутка С. А. Соболевскаго князю В. А. Черкасскому.

140. Бури въ Европейской Россіи. Историческая справка М. И. Успенскаго.

464. Поправка (объ имущественныхъ дѣлахъ А. С. Хомякова). Д. А. Хомякова.

106 и 225. Николай Федоровичъ Федоровъ. Мыслитель. Статьи В. А. Божовича.

622. Выписки изъ дневника преосвященнаго Парфонія Успенскаго.

623. Изъ одного дневника 1846 (объ А. М. Тургеневѣ).

увидѣть тутъ впервые, какъ напр. А. И. Италинскаго (Запорожца пропехожденіемъ) или графовъ Г. О. и Э. Г. Стакельберговъ, графа П. П. Медема, Н. Д. Киселева. Лично прочли мы съ особымъ любопытствомъ свѣдѣнія о домѣ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, у Троицы на Хохловкѣ въ Калпашиномъ переулкѣ, въ вѣковѣчномъ зданіи съ обширнымъ дворомъ, которое въ царствованіе Александра II-го за безцѣнокъ досталось Юргенсону. По указанію С. М. Соговьева, тогдашній начальникъ архива князь М. А. Оболенскій пригласилъ насъ туда на службу, которая продолжалась 4 года (1854—1858) въ товариществѣ съ А. Н. Аванасьевымъ, А. Е. Викторовымъ, П. О. Аммономъ, братьями Наумовыми и др. П. Б.

*

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителѣй Русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III-го. Книга восьмая. Москва. 1904. 8-ка, 408 и 8 нен. стр. съ азбучнымъ указателемъ.

Почти всю эту книгу занимаютъ лекціи О. И. Буслаева, читанныя имъ въ 1859—1860 годахъ покойному Цесаревичу Николаю Александровичу. Тутъ 31 лекція, а всѣхъ было прочитано 93. Напечатанныя теперь лекціи еще не соотвѣтствуютъ предмету, который приглашенъ былъ излагать царственному юношѣ (свѣтлой надеждѣ Россіи) Московскій профессоръ, т. е. исторіи Русской литературы: это скорѣе сравнительная мнѳологія. Въ Зимнемъ дворѣ Настѣднику Рус-

скаго Престола (вѣроятно въ присутствіи его Матери) предметъ излагался О. И. Буслаевымъ съ постояннымъ предпочтеніемъ Германскаго племени Славянскому. Собственное изложеніе преподавателя вяло, неопредѣлительно и ушлычиво; но приводимыя примѣры древнихъ сказаній такъ свѣжи въ первобытной непосредственности и такъ прекрасны, что царственный ученикъ конечно любилъ ихъ слушать, и въ этомъ подборѣ заслуга профессора, равно какъ въ примѣненіи способа обработки Нѣмецкихъ ученыхъ къ Славянскимъ и Русскимъ доисторическимъ сказаніямъ. Надѣмся прочитатъ остальные двѣ трети этихъ лекцій, доведенныхъ, какъ сказано въ предисловіи, до нашихъ дней.

Въ этой же книгѣ очень любопытны показанія іеромонаха Алексѣя о Китаѣ, гдѣ онъ пробылъ 14 лѣтъ въ царствованіе Екатерины: богдыханъ и его правительство изображены съ привлекательныхъ сторонъ.

Украшеніемъ книги служатъ письма князя Вяземскаго къ сестрамъ Тютчевымъ.

На стр. 48-й замѣчена нами недомолвка: княжна Елисавета Борисовна Четвертинская была за мужемъ за барономъ Розеномъ.

Въ отмѣткахъ князя Вяземскаго на заграничное изданіе стихотвореній Пушкина оставаллвають вниманіе слѣдующія строки: „Хотя Пушкинъ и не принадлежалъ къ заговору (14 Декабря), который пріятели таили отъ него, но онъ жилъ и раскалялся въ этой жгучей и вулканической атмосферѣ. Всѣ мы болѣе или менѣе дышали и волновались этимъ воздухомъ“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

Н А

РУССКІЙ АРХИВЪ

1904 года.

(Годъ 42-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1904 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой девять рублей; для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-нѣ; въ Петербургѣ—Васильевскій Островъ, 10-я линія, кв. 15-я, у М. К. Соколовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которые подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ приемъ подлинныхъ документовъ и автобиографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаютъ по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ф. И. Тютчева и князя В. Ф. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890—1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по

7 р.; годы 1898—1903 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный в заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—90 копѣекъ; иногороднаго на Московскій—40 копѣекъ (по утѣлѣ, которымъ влѣмаютъ Почтамтомъ). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ Петръ Вартенеръ.